

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

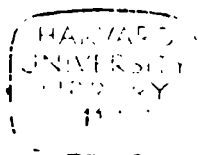
Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.

1902.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 4 октября 1901 года.

Серійъ, Епископъ Либургскій, ректоръ Академіи.

3707/245

Reprinted by
ЛУН

Типографія А. П. Лопухина. Тельжная ул. д. № 5.

на зрѣлищѣ съ такимъ вниманіемъ, то сколько усердія и вниманія по справедливости должны вы оказывать, когда не пѣвецъ какой-нибудь и не софистъ выходитъ на подвигъ, но когда вѣщаетъ мужъ съ небесъ, и издаетъ гласъ сильнѣе грома? Своимъ гласомъ Онъ объялъ и наполнилъ всю вселенную, не потому, чтобы вопіялъ слишкомъ громко, по потому, что двигалъ языкъ силою божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голосъ нисколько не грубъ или непріятенъ, но пріятнѣе и вождельнѣе всякаго музыкальнаго созвучія, способенъ даже увлекать, и, сверхъ всего этого, онъ совершенно святъ, достоинъ трепетнаго благоговѣнія, преисполненъ столь великими тайнами и доставляетъ столько благъ, что принимающіе и сохраняющіе ихъ со тщаніемъ и равностію уже какъ бы перестаютъ быть людьми и не остаются на землѣ, но, становясь выше всего житейскаго и присоединяясь къ лику ангельскому, живутъ на землѣ, какъ бы на небѣ. Сынъ грома, возлюбленный (ученикъ) Христовъ, столпъ церквей, сущихъ по вселенной, тотъ, кто имѣетъ ключи неба, кто испилъ чашу Христову и крещеніемъ Его крестился, кто съ дерзновеніемъ возлегъ на перси Господни,—вотъ онъ нынѣ приходитъ къ намъ не съ тѣмъ, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрѣлище или прикрывать себя личиною (не въ такомъ родѣ онъ и говорить будетъ); не восходитъ онъ на возвышенное мѣсто, не ударяетъ ногою подъ музыку, не украшается позлащенной одеждою. Онъ входитъ въ одеждѣ, имѣющей красоту безъискусственную; онъ является намъ облеченный во Христа, обувъ красныя ноги свои въ уготованіе благовѣствованія мира; поясъ—не на персяхъ, но на чреслахъ, не изъ кожи пурпурнаго цвѣта, не золотомъ покрытый сверху, но сотканный и составленный изъ самой истины. Таковъ онъ нынѣ является намъ, безъ всякаго лицепріятія; нѣтъ у него ни притворства, ни вымысловъ, ни басней, но съ открытою главою онъ возвѣщаетъ открытую истину. Будучи самъ по себѣ такимъ, онъ не иное внушаетъ и слушателямъ своимъ видомъ, взорами, голосомъ. Онъ не имѣетъ нужды въ какихъ-нибудь орудіяхъ для вѣщанія, какъ напр. въ цитрѣ, или лирѣ, или въ чемъ-нибудь подобномъ; но все совершаетъ своимъ языкомъ, издавая голосъ пріятнѣе и гораздо полезнѣе всякой игры на цитрѣ и (всякой) музыки. Мѣстомъ дѣйствія служить для него все небо; зрѣлищемъ—вселенная; зрителями и слушателями—всѣ ангелы и изъ людей тѣ, которые подобны ангеламъ, или желаютъ такими сдѣлаться. Только такіе могутъ отчетливо постигать это благозвучіе, обнаруживать его и въ дѣлахъ (своихъ) и быть такими слушателями, какимъ надобно

быть. Всѣ другіе, какъ малыя дѣти, хотя и слушаютъ, но не разумѣютъ того, что слушаютъ, а увлекаются только удовольствіями и дѣтскими играми. Такъ всѣ люди веселые, роскошные, живущіе для богатства, для почести и чрева, хотя и слушаютъ иногда, что (имъ) говорятъ, но на дѣлѣ не показываютъ ничего великаго и возвышеннаго, потому что однажды навсегда прильпились къ брѣнію и праху. Апостола этого окружають горнія силы, дивясь благообразію души его, разуму и красотѣ его добродѣтели, которою онъ привлекъ (къ себѣ) и самого Христа и получилъ благодать духовную. Настроивъ свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоценными камнями и имѣющей золотыя струны лиръ, онъ достигъ того, что чрезъ нее Духомъ возгласилъ нѣчто великое и возвышенное.

2. Итакъ, будемъ внимать не рыбарю, не сыну Зеведеову, но тому, кто вѣдаетъ глубины Божія, то есть, Духу, движущему эту лиру. Онъ ничего человѣческаго не будетъ говорить намъ, но все, что ни скажетъ, будетъ изъ глубины Духа, изъ тѣхъ тайнъ, которыхъ даже и ангелы не знали прежде, нежели онъ совершился. И ангелы вмѣстѣ съ нами чрезъ гласъ Іоанна и чрезъ насъ научились тому, что мы познали. Это открылъ другой апостолъ, когда сказалъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ церковію многоразличная премудрость Божія* (Еф. III, 10). Итакъ, если и начала, и власти, и херувимы, и серафимы познали это чрезъ Церковь, то очевидно, что и они съ великимъ тщаніемъ занимались этимъ поученіемъ. Такимъ образомъ мы и тѣмъ уже не мало почтены, что ангелы вмѣстѣ съ нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и чрезъ насъ, объ этомъ пока не буду говорить. Итакъ, окажемъ и мы съ своей стороны безмолвное благоговѣніе, не нынѣ только и не на тотъ только день, когда слушаемъ, но въ продолженіе всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если намъ желательно знать, что дѣлается въ чертогахъ царскихъ, какъ напр., что дѣлается или предпринимаетъ царь касательно своихъ подданныхъ, хотя часто это нисколько не относится къ намъ, то не гораздо ли болѣе возжелѣнно слышать, что изрекъ Богъ, и особенно, когда все это насъ касается? А все это апостолъ (Іоаннъ) съ точностію скажетъ намъ, какъ другъ самого (небеснаго) Царя, или, лучше, какъ такой мужъ, который имѣетъ въ себѣ Его самого говорящаго, и отъ Него слышалъ все, что Онъ—отъ Своего Отца. *Васъ рекохъ друзи*, говорилъ Онъ, *яко вся, яже слышите отъ Отца моего, скажию вамъ* (Іоан. XV, 15). Итакъ, подобно тому, какъ если бы мы вдругъ увидѣли кого-нибудь сходящаго свыше, съ высоты неба, и обещающаго сказать намъ въ точности,

что тамъ (происходитъ), и конечно всё стеклись бы къ нему, подобно тому поступимъ и нынѣ. Именно съ неба собесѣдуетъ съ нами этотъ мужъ. Онъ не отъ міра, какъ говоритъ и самъ Христосъ: *вы есте отъ міра сего* (Іоан. хv, 19). Въ немъ вѣщаетъ Утѣшитель вездѣсущій и съ такою же точностію вѣдущій *Божіа*, съ какою душа человѣческая знаетъ въ себѣ *свое*,—Духъ святости, Духъ правый, владычественный, руководящій на небеса, дающій другія очи, способныя видѣть будущее, какъ настоящее, и сподобляющій насъ еще во плоти созерцать то, что есть на небесахъ. Итакъ, будемъ оказывать ему безмолвное вниманіе въ продолженіе всей нашей жизни. Никто пусть не остается здѣсь лѣнливимъ, сонливымъ, нечистымъ. Переселимся къ небесамъ, потому что онъ вѣщаетъ только тамъ, и только тѣмъ, которые тамъ обитаютъ. А если будемъ оставаться на землѣ, то не получимъ отсюда никакой важной пользы. Слова Іоанна не относятся къ тѣмъ, которые не хотятъ отстать отъ жизни скотской, точно такъ же, какъ и его не касаются здѣшнія дѣла. Громъ поражаетъ наши души, имѣя и незначительный звукъ, а его голосъ не устрашаетъ никого изъ вѣрныхъ; напротивъ, еще освобождаетъ отъ страха и смущенія душевнаго, и поражаетъ только демоновъ и тѣхъ, которые имъ работаютъ. Итакъ, чтобы намъ видѣть, какъ онъ ихъ поражаетъ, сохранимъ безмолвіе, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, особенное внутреннее. Какая въ самомъ дѣлѣ польза, когда уста безмолвствуютъ, а душа возмущается и имѣетъ въ себѣ сильную бурю? Я ищу безмолвія въ душѣ, въ помыслахъ, такъ какъ и внимательнаго требую слуха. Да не увлекаетъ же насъ страсть къ богатству, ни любовь къ славѣ, ни сила гнѣва, ни волненіе другихъ страстей. Невозможно слуху неочищенному уразумѣть какъ должно высоту изреченныхъ глаголовъ, уразумѣть, или познать, какъ слѣдуетъ, силу этихъ страшныхъ и неизреченныхъ тайнъ и всякое добро, заключающееся въ этихъ божественныхъ изреченіяхъ. Если нельзя хорошо изучить игры на свирѣли и цитрѣ, не устремивъ къ тому всего ума, то какъ возможно выразумѣть таинственный гласъ слушателю, сидящему съ безпечною душею?

8. Такъ и Христосъ научаетъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ предъ свиніями* (Матѣ. vii, 6). Бисеромъ онъ называлъ эти самыя реченія ¹⁾, хотя они гораздо драгоцѣннѣе бисера, и называлъ только потому, что у насъ нѣтъ ничего цѣннѣе этой вещи. Потому и сладость слова Писаніе часто имѣетъ обычай сравнивать съ медомъ, не потому, чтобы такова только

¹⁾ Т. е. Евангеліе.

была ея мѣра, но потому, что у насъ нѣтъ ничего другого слаще меда. А что оно несравненно превосходитъ и драгоценность камней и сладость всякаго меда, послушай, какъ пророкъ говорить о немъ, показывая его превосходство. *Вождельмина, говоритъ онъ, паче злата и камени честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. хviii, 11). Но это только для здоровыхъ,—почему и присовокупилъ пророкъ: *ибо рабъ твой хранитъ я* (ст. 12). И опять въ другомъ мѣстѣ, назвавъ ихъ сладкими, присовокупилъ: *юртани моему. Колъ сладка, говоритъ онъ, юртани моему словеса твоя* (Пс. xciv, 118). И еще, выражая ихъ превосходство, говоритъ: *паче меда и сота устомъ моимъ*,—потому что онъ имѣлъ крѣпкое здравіе душевное. Такъ и мы не будемъ приступать къ нимъ въ болѣзни, но, уврачевавъ сперва душу, примемъ эту пищу. Для того я такъ много и говорю предварительно, еще не касаясь самыхъ изреченій Евангелія, чтобы каждый освободился отъ всякаго вида болѣзни, и такимъ образомъ какъ бы взошелъ на самое небо, взошелъ чистымъ, отложивъ гнѣвъ, заботы, житейскія тревоги и всѣ иныя страсти. Не очистивъ такимъ образомъ предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мнѣ, что мало времени до будущаго собранія. Не только въ пять дней, но въ одну минуту можно перемѣнить всю свою жизнь. Скажи мнѣ, есть ли что хуже разбойника и челоуѣкоубійцы? Не крайняя ли это степень зла? И однакожъ разбойникъ вдругъ взошелъ на высоту добродѣтели и перешелъ въ самый рай, не имѣя для этого нужды ни во многихъ дняхъ, ни даже въ половинѣ одного дня; довольно было для этого одной минуты. Слѣдовательно можно вдругъ перемѣниться и сдѣлаться златымъ, вмѣсто брѣнаго. Такъ какъ добродѣтель и порокъ происходятъ не отъ природы, то и перемѣна легка и не подвержена никакому насилію. *Аще хотите и послушаете Мене, говоритъ Богъ, блазая земли станете* (Ис. i, 19). Видишь ли, что нужно одно только хотѣніе? Но хотѣніе—не обыкновенное, общее многимъ, а тщательное. Я знаю, что нынѣ всѣ желаютъ воспарить на небо; но надобно доказать это желаніе въ самыхъ дѣлахъ. И купецъ, желая обогатиться, не останавливаетъ своего желанія только на одной мысли, но снаряжаетъ корабль, собираетъ корабельщиковъ, приглашаетъ кормчаго, снабжаетъ судно всѣмъ, что нужно, беретъ въ заемъ золото, переплываетъ море, отправляется въ чужую землю, претерпѣваетъ множество опасностей и все прочее дѣлаетъ, что извѣстно мореплавателямъ. Такъ и мы должны доказывать свое желаніе. И мы вѣдь совершаемъ плаваніе, не изъ (одной) земли въ (другую) землю, но отъ земли къ небу. Содѣ-

лаемъ же умъ нашъ способнымъ къ управленію, такъ, чтобы онъ возносилъ насъ горѣ, а корабельщиковъ сдѣлаемъ послушными ему; снарядимъ крѣпкій корабль, котораго не могли бы потопить злоключенія и скорби житіейскія, который не воздымался бы духомъ надменія, но былъ легокъ и скоръ въ плаваніи. Если мы устроимъ такимъ образомъ корабль, кормчаго и корабельщиковъ, то будемъ плавать благополучно, и преклонимъ къ себѣ истиннаго кормчаго—Сына Божія, Который не допуститъ наше судно погрузиться (въ бездну), но, хотя бы дули тысячи вѣтровъ, Онъ и вѣтрамъ запретитъ и морю, и вмѣсто бури сотворитъ великую тишину.

4. Приготовивъ себя такимъ образомъ, приходите въ слѣдующее собраніе, если только вамъ желательно услышать что-нибудь полезное и сохранить слово въ душѣ своей. Никто да не будетъ подобенъ проходной стезѣ (Лук. viii, 5, 12), никто да не будетъ камнемъ, никто—полнымъ терній. Сдѣлаемъ себя какъ бы повоздѣ-ланными нивами. Тогда и мы, если увидимъ въ васъ землю чистую, будемъ съ ревностію бросать сѣмена; если же—грубую и каменистую, то простите намъ, если не захотимъ напрасно трудиться. А если, оставивъ сѣяніе, начнемъ исторгать тернія, то опять будетъ неблагоразумно бросать сѣмена въ невоздѣланную землю. Наслаждающемуся такимъ слушаніемъ не должно приобщаться трапезы бѣсовской: *кое общеніе правды къ беззаконію?* Ты стоялъ здѣсь, слушая Іоанна и чрезъ него внимая ученію Духа, и послѣ этого идешь слушать блудныхъ женщинъ, произносящихъ рѣчи постыдныя, а еще постыднѣйшія дѣла представляющихъ на зрѣлищѣ, также изнѣженныхъ юношей, которые взаимно другъ друга бьютъ и бьются. Какъ же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такою грязью? Но для чего изображать по частямъ весь срамъ, какой тамъ бываетъ. Все тамъ—смѣхъ, 29 все—стыдъ; тамъ—ругательство, насмѣшки, выходки; все—развратъ, все пагуба. Вотъ я напередъ объ этомъ говорю и объявляю всѣмъ вамъ. Никто изъ наслаждавшихся здѣшней трапезою да не растлѣваетъ души своей тѣми пагубными зрѣлищами. Все, что тамъ ни говорится и ни дѣлается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившіеся таинства (крещенія), какіе между нами положены обѣты, или лучше сказать, въ какой завѣтъ вы вступили со Христомъ, когда Онъ сподоблялъ васъ Своихъ таинствъ? Что вы предъ Нимъ говорили? Что вы сказали ему о гордынѣ сатанинской? Какъ вы, съ отреченіемъ отъ сатаны и ангеловъ его, отреклись и отъ всей гордыни его, и общали болѣе уже не уклоняться къ ней? Итакъ, не мало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великихъ обѣтовъ,

и не дѣлать себя недостойнымъ такихъ таинствъ. Не видишь ли, какъ при царскомъ дворѣ призываются къ участию въ совѣтѣ царскомъ и включаются въ число друзей царевыхъ только люди, ни въ чемъ не преткнувшіеся и достоуважаемые? Къ намъ пришелъ посланникъ съ неба, посланный отъ самого Бога для того, чтобы сказать намъ о нѣкоторыхъ необходимыхъ предметахъ. А вы, оставивъ слушать то, что онъ хочетъ намъ передать и для чего уполномоченъ къ намъ, сидите, слушая лицедѣевъ. Какихъ достойно это молній, какихъ громовъ! Но какъ не должно пріобщаться трапезѣ бѣсовской, такъ не должно принимать участія и въ слушаніи бѣсовскомъ, въ нечистой одеждѣ приходитъ къ свѣтлой трапезѣ, обильной столъ многими благами,—трапезѣ, которую уготовалъ самъ Богъ. Такова ея сила, что она вдругъ можетъ вознести на самое небо, если только мы будемъ внимать съ чистымъ сердцемъ. Итакъ, неприлично тому, кто часто оглашается божественными словами, оставаться въ настоящемъ низкомъ состояніи, но необходимо тотчасъ воспарить, возлетѣть въ самую горнюю страну, и насладиться сокровищами безчисленныхъ благъ, которыя да сподобимся получить всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцемъ и со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Въ началѣ бѣ Слово (I, 1).

Если бы Іоаннъ хотѣлъ самъ съ нами бесѣдовать, или гово- 29
рить намъ что-либо свое, отъ себя, то нужно было бы сказать о родѣ его, объ отечествѣ, о воспитаніи. Но такъ какъ не онъ, а самъ Богъ чрезъ него вѣщаетъ роду человеческому, то изслѣдовать это представляется мнѣ излишнимъ и неумѣстнымъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и излишнее и даже весьма нужно. Когда узнаешь, кто онъ былъ, откуда и отъ кого происходилъ, и каковъ былъ самъ по себѣ, потомъ услышишь его гласъ и все его любуудріе,—тогда ясно увидишь и то, что Евангеліе было не собственнымъ его произведеніемъ, но дѣломъ божественной силы, которая дѣйствовала въ душѣ его. Итакъ—какое же было его отечество? Отечества у него не было почти никакого; онъ происходилъ изъ бѣднаго селенія, изъ страны самой въ то время презрѣнной, которая не имѣла въ себѣ ничего хо-

рошаго. Книжники въ униженіе Галилеи говорили: *испытай и виждь, яко отъ Галилеи пророкъ не приходитъ* (Іоан. вѣп, 52). Унижаетъ ее и истинный израильтянинъ, говоря: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. 1, 46)? Будучи изъ такой страны, Іоаннъ не происходилъ и изъ какого-нибудь замѣчательнаго въ ней мѣста, и не былъ тамъ извѣстенъ по своему имени. Отецъ его былъ бѣдный рыбарь, до того бѣдный, что и дѣтей своихъ приготавливалъ къ тому же ремеслу. А вы знаете, что ни одинъ ремесленникъ не захочетъ добровольно сдѣлать своего сына наслѣдникомъ собственнаго ремесла, если только не будетъ принужденъ къ тому крайнею бѣдностію, особенно, если ремесло его низко. Но нѣтъ бѣднѣе, нѣтъ презрѣннѣе, невѣжественнѣе рыбарей; впрочемъ и между ними одни выше, а другіе ниже. Апостоль и въ этомъ отношеніи занималъ самую послѣднюю степень. Онъ и не въ морѣ ловилъ рыбу, а трудился въ одномъ небольшомъ озерѣ. И вотъ, когда онъ тамъ находился вмѣстѣ съ отцемъ и Іаковомъ братомъ своимъ, и чинилъ съ ними прованнныя сѣти, что также показывало крайнюю бѣдность, — призвалъ его Христосъ. А что касается до вѣшняго образованія, то и отсюда уже можно заключать, что онъ былъ вовсе необразованъ. Притомъ свидѣлствуетъ (объ этомъ) и Лука, когда пишетъ, что онъ былъ человѣкъ не только простой, но и безграмотный. И это должно быть такъ; кто былъ такъ бѣденъ, не являлся среди народа, никогда не обращался съ значительными людьми, по былъ занятъ только рыболовствомъ, а если иногда и встрѣчался съ кѣмъ-нибудь, то бесѣдовалъ развѣ съ покупателями рыбы и поварами, тотъ могъ ли сдѣлаться чѣмъ-нибудь лучше перазумныхъ животныхъ? Какъ было ему не подражать безгласію самихъ рыбъ? И вотъ этотъ-то рыбарь, вращавшійся около озеръ, сѣтей и рыбъ, родомъ изъ Внесаиды галилейской, сынъ бѣднаго рыбака, и бѣднаго до крайняго убожества, человѣкъ простой и притомъ на послѣдней степені простоты, не изучавшій наукъ ни прежде, ни послѣ соединенія со Христомъ, — вѣщаетъ къ намъ. Узнаемъ же, о чемъ онъ съ нами бесѣдуетъ. Не о томъ ли, что на поляхъ? Или — что въ рѣкахъ? Не о торговлѣ ли рыбою? Иной, можетъ быть, и ожидалъ бы услышать это отъ рыбака. Но не бойтесь; ничего подобнаго мы не услышимъ. А услышимъ о томъ, что на небесахъ и чего прежде его еще никто не зналъ. Онъ приносить къ намъ столь возвышенныя догматы, столь превосходныя правила жизни и такую мудрость, какія возможны только для вѣщающаго изъ самыхъ глубинъ Духа, и вѣщаетъ такъ, какъ только-что пришедшій съ самыхъ небесъ. Еще болѣе, и изъ живущихъ на небѣ, какъ я

и прежде говорилъ, не всѣ могли бы это знать. Скажи же мнѣ, свойственно ли это рыбарю? Или хотя бы ритору, или софисту, или философу, или вообще всякому, изучившему внѣшнюю мудрость? Нѣтъ; обыкновенному человѣческому духу не возможно любу мудрствовать такъ о вышнемъ безсмертномъ и блаженномъ Существовѣ, о ближайшихъ къ нему силахъ, о безсмертіи и безконечной жизни, о естествѣ тѣлъ смертныхъ, но въ послѣдствіи имѣющихъ содѣлаться безсмертными, о будущемъ судѣ и наказаніи, о предстоящихъ отчетахъ въ словахъ и дѣлахъ, въ мысляхъ и чувствахъ, также — знать, что такое человѣкъ, и что — міръ, что такое человѣкъ по существу, и что такое — кажу́щийся человѣкомъ, но не таковой на самомъ дѣлѣ, что такое поро́къ, и что — добродѣтель.

2. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ были изслѣдуемы учениками Платона и Пиеагора; а о прочихъ философахъ не стоитъ даже и упоминать намъ, — до такой степени всѣ они стали смѣшны. Именно они болѣе другихъ пользовались у эллиновъ уваженіемъ и считались главами этой науки. Они же, между прочимъ, написали нѣчто и относительно жизни гражданской и законовъ. Однакожъ и они къ стыду своему оказались во всемъ смѣшнѣе дѣтей.³¹ Они вводили общихъ для всѣхъ женъ; извращали самую жизнь; повреждали честность брака; узаконяли и многое другое, столько же достойное смѣха, и такимъ образомъ провели всю свою жизнь. Что же касается до души, то они оставили ученіе о ней самое постыдное; говорили, что души человѣческія дѣлаются мухами, комарами, деревьями; утверждали, что самъ Богъ есть душа, и вымышляли многія другія нелѣпости. И не это одно достойно порицанія, а также обширное у нихъ море умозаключеній. Какъ бы въ морѣ носимые туда и сюда, они никогда не останавливались на одномъ предметѣ, потому что обо всемъ говорили на основаніи невѣрныхъ и нетвердыхъ умствованій. Но не таковъ этотъ рыбарь; онъ все изрекаетъ съ точностію, и, какъ бы стоя на камнѣ, никуда не совращается. Онъ удостоился проникнуть самыя недоступныя тайны и, имѣя въ себѣ глаголющаго самого Господа, не подвергся никакимъ человѣческимъ слабостямъ. А тѣ философы, какъ люди, которые даже во снѣ не удостоились войти въ царскіе чертоги, но внѣ ихъ на площади оставались въ толпѣ народа, и только по собственнымъ соображеніямъ гадали о невидимыхъ предметахъ, — тѣ впадали въ великія заблужденія, когда хотѣли разсуждать о неизреченныхъ предметахъ, и, какъ слѣпые и пьяные, даже въ самыхъ заблужденіяхъ препирались другъ съ другомъ, и не только противорѣчили другъ другу, но нерѣдко

и сами себѣ, непрестанно перемѣняя свои мнѣнія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. А этотъ неученый, простой житель Виссаиды, сынъ Зеведея (хотя бы тысячу разъ эллипы насмѣхались надъ грубостію этихъ названій, я тѣмъ не менѣе и даже тѣмъ съ большею смѣлостію буду произносить ихъ, такъ какъ чѣмъ болѣе этотъ народъ представляется имъ грубымъ и чуждымъ эллинскаго образованія, тѣмъ болѣе славнымъ является наше ученіе. Когда человѣкъ необразованный и некнижный возвращаетъ то, чего никогда и никто изъ людей на землѣ не зналъ, и не только возвращаетъ, но и убѣждаетъ, тогда, если бы только и вѣщалъ онъ, то и это уже было бы великимъ чудомъ; а если пылѣ, сверхъ того, представляется еще другое, важнѣйшее доказательство богодухновенности его глаголовъ, — именно, что онъ всѣхъ своихъ слушателей во всякое время убѣждаетъ, — то кто не подивится обитающей въ немъ силѣ? И это, какъ я уже сказалъ, служить величайшимъ свидѣтельствомъ того, что онъ не самъ отъ себя учитъ), — итакъ этотъ-то необразованный человѣкъ написаннымъ отъ него Евангеліемъ объялъ всю вселенную, а тѣломъ пребывалъ въ Азій, гдѣ въ древности любу мудрствовали всѣ, принадлежавшіе къ эллинскимъ школамъ. Тамъ онъ былъ страшенъ для демоновъ, сіяя среди враговъ, уничтожая ихъ мракъ и разрушая твердыни демонскія. Душею же своею онъ переселился въ иную страну, достойную совершившаго такіа дѣла. Произведенія эллиновъ всѣ истребились и исчезли; а его дѣянія съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе славными. Съ того времени, какъ явился онъ и съ нимъ прочіе рыбаки, съ того времени ученіе Платона и Пинеагора, которое прежде почиталось господствующимъ, умолкло, такъ что (нынѣ) многіе даже и по имени ихъ не знаютъ, хотя Платонъ, какъ говорятъ, и съ царями бесѣдовалъ, по ихъ приглашенію, имѣлъ много 82 единомышленниковъ, и плавалъ въ Сицилію. А Пинеагоръ, по прибытіи въ великую Элладу, показалъ здѣсь много разныхъ родовъ чародѣйства. Вѣдь разговаривать съ волами (говорятъ, что онъ и это дѣлалъ) было не иное что, какъ дѣло волшебства. И это въ особенности очевидно изъ того, что, бесѣдуя такимъ образомъ съ неразумными, онъ не только не приносилъ никакой пользы человѣчеству, но еще весьма много вредилъ ему. Природа человѣческая конечно способна къ изученію философіи; но онъ, какъ говорятъ, при помощи волхвованія бесѣдовалъ съ орлами и волами. Онъ не дѣлалъ природы неразумной разумною (это и невозможно для человѣка), а волхвованіемъ только обманывалъ неразумныхъ. Оставивъ учить людей чему-нибудь полезному, онъ внушалъ имъ, что все равно — ѣсть бобы или

головы своихъ родителей, а своихъ послѣдователей увѣрялъ, что душа учителя ихъ иногда бывала деревомъ, иногда — дѣвицею, иногда — рыбою. Итакъ, не по справедливости ли все это уничтожено и исчезло совершенно? По справедливости, — вполне основательно. Но не таково ученіе этого простого и некипжаго человѣка. Напротивъ и сиріане, и египтяне, и индійцы, и персы, и эіюпы, и множество другихъ народовъ, будучи людьми невѣжественными, научились любомудрствовать, когда переложили на свой собственный языкъ преподаваемое имъ ученіе.

3. Итакъ, не напрасно я сказалъ, что для него вся вселенная была мѣстомъ зрѣлища. Онъ не оставлялъ подобныхъ себѣ по естеству, и не трудился напрасно надъ природою безсловесныхъ, что было дѣломъ излишняго честолюбія и крайняго безумія. Онъ, будучи чистымъ и отъ этой страсти, какъ и отъ другихъ, только о томъ одномъ старался, чтобы вся вселенная научилась чему-нибудь полезному, могущему возвести ее отъ земли на небо. Поэтому онъ и не прикрывалъ своего ученія, какимъ нибудь мракомъ и тьмою, какъ тѣ философы дѣлали, закрывая неясностію ученія, какъ бы нѣкоторою завѣсою, зло, заключавшееся въ сущности его. Его догматы ясныѣ солнечныхъ лучей, и потому доступны для всѣхъ людей по вселенной. Приходившимъ къ нему онъ не повелѣвалъ, подобно тому (Шнеагору), молчать въ продолженіе пяти лѣтъ; не такъ училъ, какъ бы сидѣли предъ нимъ безчувственные камни, не баснословилъ, все опредѣляя числами. Но, отвергнувъ всю эту сатанинскую мерзость и гибель, сообщилъ такую удобопонятность своимъ словамъ, что все, сказанное имъ, ясно не только для мужей и людей разумныхъ, но и для женщинъ и юношей. Онъ былъ увѣренъ, что ученіе его истинно и полезно для всѣхъ, кто будетъ слушать, — и это свидѣлствуютъ всѣ послѣдующія времена. Онъ привлекъ къ себѣ всю вселенную, освободилъ жизнь нашу отъ всякаго чуждаго вымысла, послѣ того, какъ мы услышали его проповѣдь. Поэтому-то мы, слушающіе его, пожелали бы лучше лишиться жизни, нежели догматовъ, которые онъ преподавалъ намъ. А отсюда, какъ и отовсюду, очевидно, что въ ученіи его нѣтъ ничего человѣческаго, но что наставленія; дошедшія до насъ чрезъ эту божественную душу, божественны и небесны. Мы не найдемъ у него ни шума словъ, ни напыщенности въ рѣчи, ни излишняго и бесполезнаго украшенія и сочетанія именъ и словъ (да это чуждо и всякаго любомудрія); но увидимъ непреоборимую, божественную силу, правыхъ догматовъ непобѣдимую крѣпость, сочетаніе безчисленныхъ благъ. Искусственность была бы излишня въ

проповіді Евангелія; она свойственна софістамъ, лучше же сказать—и не софістамъ, а неразумнымъ дѣтямъ, такъ что и самъ ихъ философъ (Платонъ) представляетъ своего учителя 33 весьма стыдящимся этого искусства, и говорящимъ своимъ судьямъ, что они услышатъ отъ него рѣчи, произносимыя просто и какъ случится, не изукрашенныя словами и не испещренныя именами и выраженіями,—потому что, говорилъ онъ, неприлично мнѣ было бы, достопочтенныя мужи, въ такомъ возрастѣ составлять дѣтскія рѣчи, и съ ними приходитъ къ вамъ. Но посмотри, какой смѣхъ! Чего, по описанію этого философа, учитель его избѣгалъ, какъ дѣла дѣтскаго, того самъ онъ болѣе всего домогался. Такъ-то во всѣхъ случаяхъ водились они однимъ честолюбіемъ! А въ Платонѣ ничего нѣтъ удивительнаго, кромѣ этого одного. Подобно тому, какъ, открывъ гробы, отъ нихъ повалѣнные, ты увидишь, что они наполнены тлѣніемъ и зловоніемъ и сгнившими костями, подобно этому и въ мнѣніяхъ этого философа, если обнажишь ихъ отъ прикрасъ въ выраженіи, увидишь много мерзости, особенно когда онъ философствуетъ о душѣ, безъ мѣры и превознося ее и унижая. Діавольская эта хитрость—ни въ чемъ не соблюдать умѣренности, но, увлекая въ противоположныя крайности, вводитъ въ заблужденіе. Иногда онъ говоритъ, что душа причастна божескому существу; а иногда, возвысивъ ее такъ неумѣренно и такъ нечестиво, оскорбляетъ ее другою крайностію, вводя ее въ свиней и ословъ, и въ другія животныя, еще хуже. Но объ этомъ довольно, или лучше сказать—и то уже чрезъ мѣру. Если бы можно было научиться отъ нихъ чему-нибудь полезному, то слѣдовало бы и болѣе ими заняться. А такъ какъ нужно было только обнаружить ихъ постыдныя и смѣшныя стороны, то и это сказано нами болѣе надлежащаго. Итакъ, оставивъ ихъ басни, приступимъ къ нашимъ догматамъ, свѣше принесеннымъ къ намъ въ устахъ этого рыбака, и ничего человеческого не имѣющимъ. Станемъ же разсматривать его изреченія, и, къ чему призывали мы васъ вначалѣ, то есть, чтобы вы тщательно внимали словамъ нашимъ, тоже самое напоминаемъ вамъ и теперь. Итакъ, чѣмъ же начинается евангелистъ свое сказаніе? *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу.* Видишь ли ты въ этомъ изреченіи все его дерзновеніе и силу? Какъ онъ вѣщаетъ, нисколько не колеблясь, не ограничиваясь догадками, но все говоря положительно? Свойство учителя—не колебаться въ томъ, что самъ онъ говоритъ. А если бы кто, желая наставлять другихъ, нуждался въ чловѣкѣ, который бы могъ поддерживать его самого, то по справедливости ему слѣдовало бы занимать мѣсто не учителя, а учениковъ.

Если же скажетъ кто-нибудь: почему евангелистъ, оставивъ первую Причину, тотчасъ началъ бесѣдовать съ нами о второй? то говорить о *первомъ* и *второмъ* мы отказываемся. Божество выше числа и послѣдовательности временъ: поэтому и отрекаемся говорить такъ, но исповѣдуемъ Отца самосущаго, и Сына отъ Отца рожденнаго.

4. Такъ, скажешь ты; но почему же (евангелистъ), оставивъ Отца, говорить о Сынѣ? Потому, что Отецъ былъ всѣми признаваемъ, хотя и не какъ Отецъ, а какъ Богъ; но Единороднаго не знали. Поэтому-то и справедливо евангелистъ поспѣшилъ тотчасъ, въ самомъ началѣ, предложить познаніе о Немъ для тѣхъ, которые не вѣдали Его. Впрочемъ и объ Отцѣ онъ не умолчалъ въ этихъ же словахъ. Обрати вниманіе на духовный смыслъ ихъ. Зналъ онъ, что люди *искоуми* и прежде всего признавали и чтили Бога. Поэтому сперва и говорить (о бытіи Сына): *отъ началъ*, а потомъ далѣе называетъ Его и Богомъ, но не такъ, какъ Платонъ, который одного называлъ умомъ, а другого душою. Это чуждо божественнаго и безсмертнаго естества. Оно не имѣетъ ничего общаго съ нами, но весьма далеко отъ общенія съ тварію,—разумѣю по существу, а не по дѣйствіямъ. Поэтому-то евангелистъ и называлъ Его Словомъ. Имѣя памѣреніе вразумить (людей), что это Слово есть Единородный Сынъ Божій, евангелистъ, чтобы кто-нибудь не предположилъ здѣсь страстнаго рожденія, предварительно наименованіемъ Сына Словомъ уничтожаетъ всякое злое подозрѣніе, показывая и то, что Онъ есть отъ Отца Сынъ, и то, что Онъ (рожденъ) безстрастно. Видишь ли, какъ я сказалъ, что въ словахъ о Сынѣ онъ не умолчалъ и объ Отцѣ? Если же этихъ объясненій недостаточно для совершеннаго уразумѣнія этого предмета, не удивляйся: у насъ теперь рѣчь о Богѣ, о Которомъ невозможно достойнымъ образомъ ни говорить, ни мыслить. Поэтому и евангелистъ нигдѣ не употребляетъ выраженія: существо,—такъ какъ и невозможно сказать, что есть Богъ по Своему существу,—но вездѣ показываетъ намъ Его только изъ Его дѣйствій. Такъ видимъ, что это Слово немного послѣ называется у него свѣтомъ, и опять свѣтъ этотъ именуется жизнью. Впрочемъ, не по этой одной причинѣ онъ такъ называлъ Его; но, во-первыхъ, по этой причинѣ, а во-вторыхъ, потому, что Слово имѣло возвѣстити намъ объ Отцѣ. *Вся, елика слышахъ отъ Отца*, сказано, *возвѣстихъ вамъ* (Іоан. xv, 15). Называетъ же Его вмѣстѣ и свѣтомъ и жизнью потому, что Онъ даровалъ намъ свѣтъ вѣдѣнія, а отсюда—жизнь. Вообще же нѣтъ ни одного такого имени, нѣтъ такихъ ни двухъ, ни трехъ и болѣе именъ, которыя были бы

достаточны для выраженія того, что касается Божества. По крайней мѣрѣ желательно, чтобы хотя многими (именами), хотя и не вполне ясно, можно было изобразить Его свойства. Не просто же евангелистъ назвалъ Его Словомъ, а съ прибавленіемъ члена (ѳ), отличая Его и этимъ отъ всѣхъ другихъ (существъ). Видишь ли, какъ не напрасно я сказалъ, что этотъ евангелистъ вѣщаетъ намъ съ небесъ? Смотри, куда онъ тотчасъ, въ самомъ началѣ, воспаривъ, возвелъ душу и умъ своихъ слушателей. Поставивъ ее выше всего чувственного, выше земли, выше моря, выше неба, онъ возводитъ ее превъше самихъ ангеловъ, горнихъ херувимовъ и серафимовъ, выше престоловъ, началъ, властей и вообще убѣждаетъ ее вознестись выше всего сотвореннаго. Что же? Ужели, возведши на такую высоту, онъ могъ остановить насъ здѣсь? Никакъ. Но подобно тому, какъ если бы человѣкъ, стоящаго на берегу моря, и обозрѣвающаго города, берега и пристани, привелъ кто-нибудь на самую середину моря и тѣмъ конечно удалилъ бы его отъ прежнихъ предметовъ, однакожъ ни на чемъ не могъ бы остановить взора его, а только ввелъ бы его въ неизмѣримое пространство зрѣнія, такъ и евангелистъ, возведши насъ выше всякой твари, устремивъ насъ къ вѣчности, ей предшествовавшей, оставляетъ взоръ нашъ носиться, не давая ему достигнуть въ высотѣ какого-либо конца,—такъ какъ тамъ и нѣтъ конца. Разумъ, восходя къ началу, испытываетъ, какое это начало. Потомъ, встрѣчая: *бы*, всегда предваряющее его мысль, не находитъ, гдѣ бы ему остановить свой помыслъ, но, напрягая взоръ и не имѣя возможности ничѣмъ его ограничить, утруждается и опять возвращается долу. Выраженіе: *въ началѣ бы* означаетъ не что иное, какъ бытіе присносущное и безпредѣльное. Видишь ли истинное любомудріе и догматы божественные,—не такіе, какъ у эллиновъ, предполагающихъ времена и признающихъ однихъ боговъ старшими, другихъ 35 младшими? Ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Если Богъ *есть*, какъ и дѣйствительно *есть*, то ничего нѣтъ прежде Его. Если Онъ—Творецъ всего, то Онъ—первѣе всего. Если онъ—Владыка и Господь всего, то все—послѣ Него, и твари и вѣки. Хотѣлъ я дойти и до другихъ разсужденій, но, можетъ быть, утомилась (ваша) мысль. Поэтому, предложивъ еще нѣкоторые наставленія, которыя могутъ быть полезны вамъ для разумнѣнія какъ уже предложенныхъ бесѣдъ, такъ и будущихъ впослѣдствіи, я замолкну. Какія же это наставленія? Знаю, что многіе утомляются отъ продолжительности бесѣдъ. Но это бываетъ тогда, когда душа обременена многими житейскими попеченіями. Какъ зрѣніе, когда оно чисто и ясно, бываетъ остро и не утомляется, легко

разсматривая мельчайшіе предметы, но какъ скоро какая-нибудь дурная влага стекаетъ съ головы (на лицо), или снизу поднимается дымъ или паръ, то предъ зрачкомъ образуется какъ будто густое облако, которое не позволяетъ ясно видѣть и самыхъ большихъ предметовъ, такъ обыкновенно бываетъ и въ душѣ. Когда она очищена и не имѣетъ въ себѣ никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видитъ то, на что ей вѣрять должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубить свою доблесть, тогда неспособна дѣлается ни къ чему высокому, скоро утомляется и падаетъ, склоняется ко сну и лѣнности, опускаетъ изъ виду то, что могло бы способствовать ей къ добродѣтели и жизни добродѣтельной, и не обращается къ ней съ ревностью.

5. Итакъ, чтобы и съ вами этого не случилось (я же не перестану внушать вамъ это), укрѣпите духъ вашъ, чтобы не слышать вамъ тѣхъ же словъ, какія сказаны были Павломъ вѣрующимъ евреямъ. И для нихъ, говорилъ онъ, *многое было слово и неудобъ сказанное малолетямъ* (Евр. v, 11),—не потому, чтобы таково оно было по существу своему, но *потому*, говоритъ онъ, *они немощны бисте слухи*. Больной и немощной обыкновенно утруждается такъ же краткимъ, какъ и продолжительнымъ словомъ, и предметы ясные и удобопонятные считаетъ трудно постигаемыми. Но здѣсь да не будетъ ничего такого; но пусть каждый внимаетъ ученію, отложивъ всякое житейское попеченіе. Когда слушателемъ овладѣваетъ пристрастіе къ богатству, то невозможно, чтобы его занимало подобнымъ образомъ и желаніе слушать поученія, потому что душа, сама въ себѣ единая, не можетъ вмѣщать въ себѣ многихъ желаній, но одно желаніе подавляется другимъ, и душа, такимъ образомъ, какъ бы разрываема, дѣлается еще слабѣе. Между тѣмъ, если какое-либо желаніе преобладаетъ, то уже все обращаетъ въ свою пользу. Такъ обыкновенно случается и съ дѣтьми. Когда кто имѣетъ у себя только одно дитя, то крайне любить этого одного; когда же сдѣлается отцомъ многихъ дѣтей, то и расположенность его къ нимъ, раздѣлившись, становится слабѣе. Если же такъ бываетъ тамъ, гдѣ господствуетъ естественное влеченіе и сила, и гдѣ любимые предметы сродны между собою, то что сказать о произвольномъ расположеніи и увлеченіи, и особенно, когда виды любви прямо противоположны одинъ другому? А любовь къ богатству противна любви къ поученіямъ. Входя сюда, мы входимъ на небо, не по мѣсту, разумъ, но (по душевному) расположенію. Вѣдь можно и находясь на землѣ стоять на небѣ, созерцать тамошніе предметы и слушать исходящіе оттуда глаголы. Итакъ,

никто не приноси на небо ничего земного. Никто, стоя здѣсь, не озабочивайся дѣлами домашними. Отсюда бы надлежало переносить въ домъ и на торжище пользу, здѣсь пріобрѣтенную, 36 и сохранять ее тамъ, а не это мѣсто наполнять попеченіями, свойственными дому и торжищу. Для того-то мы и приступаемъ къ учительской кафедрѣ, чтобы здѣсь очищать скверны, отвѣтъ къ намъ привходящія. Если же и среди этого малаго поученія мы хотимъ растлѣваться посторонними рѣчами или дѣлами, то лучше бы и не начинать. Пусть же никто въ церкви не печется о дѣлахъ домашнихъ; напротивъ, пусть и въ домѣ размышляетъ о предметахъ церковнаго ученія. Пусть они будутъ для насъ предпочтительнѣе всего, такъ какъ они относятся къ душѣ, а тѣ (домашнія дѣла) къ тѣлу; лучше же сказать—и душѣ и тѣлу полезны здѣшнія поученія. Поэтому пусть будутъ они дѣломъ главнымъ, а все прочее дѣломъ мимоходнымъ. Они принадлежатъ и настоящей жизни и будущей, а дѣла внѣшнія—ни той, ни другой, если не располагаются по правиламъ, основаннымъ на первыхъ. Здѣсь единственно можно научиться не только тому, чѣмъ будемъ мы послѣ этой жизни и какъ тогда будемъ жить, но и тому, какъ управить жизнь настоящую. Этотъ домъ есть духовная лѣчебница, устроенная для того, чтобы въ ней врачевали мы тѣ раны, которыя получаемъ отвѣтъ (въ мірѣ), а не для того, чтобы выходить отсюда съ новыми рапами. Если же мы не станемъ внимать тому, что глаголетъ намъ Духъ Святой, то не только не очистимъ прежнихъ ранъ, но еще и другія получимъ. Будемъ же со всѣмъ тщаніемъ внимать этой книгѣ. теперь предъ нами раскрываемой. Впослѣдствіи не много потребно будетъ труда (для ея изученія), если тщательно мы узнаемъ ея начальныя и основныя изреченія, но, потрудившись немного вначалѣ, будемъ потомъ въ состояніи, по слову Павла, и *имѣти научити*. Апостолъ Іоаннъ весьма возвышенъ, обилень многими догматами. и о нихъ бесѣдуетъ болѣе, нежели о чемъ-нибудь другомъ. Будемъ при томъ слушать не мимоходомъ. Для того-то мы и изъясняемъ (евангеліе) по немногу, чтобы для васъ все было удобопонятно, и чтобы ничто не выходило изъ памяти. Убоимся же сдѣлаться виновными предъ тѣмъ голосомъ, который сказалъ: *еще не было пришесть и малою имѣти, ирѣка не быти имѣти* (Іоан. хv, 22). Какое мы будемъ имѣть преимущество предъ тѣми, которые вовсе не слышали (евангелія), если и послѣ слушанія уйдемъ домой, ничего не имѣя, а только удивляясь произнесеннымъ словамъ? Дайте намъ сѣять на добрую землю; дайте для того, чтобы еще болѣе побудить васъ (къ сѣянію). Если кто имѣетъ въ себѣ терніе, пусть воспламенитъ огонь Духа; кто

имѣть сердце грубое и упорное, пусть сдѣлаетъ его мягкимъ и удобопреклоннымъ, пользуясь тѣмъ же огнемъ. Если кто, находясь при пути, попирается всякими помыслами, пусть входитъ во внутреннѣйшія чувства и не сообщается съ тѣми, которые хотятъ войти туда на расхищеніе, и тогда мы увидимъ пивы ваши тучными. Если такимъ образомъ мы будемъ о себѣ заботиться, и съ трудолюбіемъ прилежать къ этому духовному собесѣдованію, то хотя и не вдругъ, по крайней мѣрѣ мало-по-малу, отрѣшимся отъ всего житейскаго. Будемъ внимательны, чтобы не было и о насъ сказано: *яко аспида глуха уши ихъ* (Іс. LVI, 5). Скажи мнѣ, чѣмъ различается отъ звѣря такой слушатель? Напротивъ, не безсловеснѣ ли всякаго бессловеснаго тотъ, кто остается невнимательнымъ, когда говоритъ Богъ? Если бытъ человѣкомъ—въ томъ состоитъ, чтобы благоугождать Богу, то не хотящій даже слышать о томъ, какъ это исполнить, что есть иное, какъ не звѣрь? Подумай же, какъ велико это зло, если тогда, какъ Христосъ желаетъ сдѣлать насъ изъ людей равно-ангельными, мы сами себя превращаемъ изъ людей въ звѣрей! Быть рабомъ чрева, быть одержиму страстію къ богатству, гнѣваться, терзать, попирать ногами другихъ,—свойственно не людямъ, а звѣрямъ. Впрочемъ, каждый звѣрь имѣетъ, такъ сказать, свою особенную страсть, и притомъ по природѣ, а человѣкъ, свергшій съ себя власть разума, отторгшійся отъ жизни по Богѣ, предаетъ себя всѣмъ страстямъ, и дѣлается уже не звѣремъ только, но какимъ-то чудовищемъ разнообразнымъ и разнохарактернымъ, и въ самой природѣ своей уже не находитъ для себя извиненія. Всякое зло происходитъ отъ произволенія и свободныхъ намѣреній. Но да не будетъ, чтобы когда либо помыслить это о церкви Христовой! О васъ мы думаемъ лучше, и имѣемъ надежду спасенія. Но чѣмъ болѣе мы увѣрены въ этомъ, тѣмъ болѣе не оставимъ предохранительныхъ внушеній, чтобы, взошедши на самый верхъ добродѣтелей, достигнуть намъ съ вами обѣтованныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и чело- 38
вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу и Св. Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ІІІ.

Въ началѣ бѣ Слово (Іоан. I, 1).

1. Излишне было бы теперь убѣждать васъ къ внимательному 37
слушанію. Вы уже поспѣшили показать это на самомъ дѣлѣ. Это стеченіе, это стояніе съ напряженнымъ вниманіемъ, эта по-

спѣшность—оттѣсняя другъ друга, занять ближайшее мѣсто, откуда внятнѣе для васъ былъ бы слышенъ нашъ голосъ, нежеланіе выйти отсюда, не смотря на тѣсноту, пока не окончится это духовное зрѣлище. рукоплесканія и возгласы одобренія, все свидѣтельствуешь о вашей душевной теплотѣ и усердіи къ слушанію. Потому-то и излишне увѣщевать васъ къ слушанію, а нужно только внушить вамъ, чтобы вы и всегда сохраняли въ себѣ такое усердіе, и не только бы здѣсь его показывали, но чтобы, и дома находясь, мужъ съ женою, отецъ съ дѣтьми бесѣдовали объ этомъ; пусть одни передаютъ другимъ и спрашиваютъ другъ друга, и пусть всѣ оказываютъ взаимно такую добрую помощь. Никто не говори мнѣ, что вамъ не нужно заниматься этимъ съ дѣтьми. Не только этимъ должно заниматься, но объ этомъ только одномъ и надобно бы вамъ заботиться. Однакожъ, ради немощи вашей, я уже не говорю этого; я и не отвожу дѣтей отъ постороннихъ занятій, такъ же какъ и васъ не отвлекаю отъ общественныхъ дѣлъ. Я считаю только справедливымъ, чтобы изъ семи дней одинъ посвященъ былъ общему нашему Господу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это несообразно—рабамъ своимъ приказывать, чтобы они все время служили намъ, а намъ самимъ не удѣлить и малѣйшаго времени для Господа, и притомъ тогда, какъ наше служеніе не приноситъ Ему ничего (потому что Богъ ни въ чемъ не нуждается) и только намъ же самимъ обращается въ пользу! Когда вы водите дѣтей на зрѣлища, то не находите препятствія къ этому ни въ наукахъ, ни въ другомъ чемъ-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дѣло называете бездѣльемъ. Какъ же вы не прогнѣваете Бога, когда во всемъ другомъ упражняете своихъ дѣтей и на то находите время, а занимать ихъ дѣломъ Божиимъ считаете тягостнымъ и неблагоприятнымъ для дѣтей?

Нѣтъ, не такъ, братіе! Этотъ-то возрастъ преимущественно и нуждается въ такихъ урокахъ. Возрастъ нѣжный,—онъ скоро усвоитъ себѣ то, что ему говорить, и какъ печать на воскѣ, въ душѣ дѣтей отпечатлѣвается то, что они слышатъ. А между тѣмъ и жизнь ихъ тогда уже начинаетъ склоняться или къ пороку или къ добродѣтели. Потому, если въ самомъ началѣ, и, такъ сказать, въ преддверіи отклонить ихъ отъ порока, и направить ихъ на лучший путь, то на будущее время это уже
 88. обратится имъ въ навѣкъ и какъ бы въ природу, и они уже не такъ удобно по своей волѣ будутъ уклоняться къ худшему, потому что навѣкъ будетъ привлекать ихъ къ дѣламъ добрымъ. Тогда и для насъ они будутъ достопочтеннѣе самихъ стари-

ковъ, и для гражданскихъ дѣлъ они будутъ полезнѣе, обнаруживая въ юности свойства старцевъ. Невозможно, какъ я и прежде говорилъ, чтобы наслаждающіеся такимъ слушаніемъ (евангелія) и внимающіе такому апостолу отходили отсюда, не получивъ какого-либо истиннаго, великаго блага, будетъ ли участникомъ въ этой трапезѣ мужъ, или жена, или юноша. Если мы, приучая звѣрей къ нашимъ словамъ, такимъ образомъ укрощаемъ ихъ, то не гораздо ли болѣе чрезъ это духовное ученіе мы можемъ исправлять людей, когда тамъ и здѣсь есть великое различіе и между врачествами и между врачаемыми? Вѣдь и грубость въ насъ не такова, какъ въ звѣряхъ: у нихъ она зависитъ отъ природы, а у насъ отъ воли; да и сила словъ не одинакова: тамъ она происходитъ отъ человѣческой мысли, а здѣсь—отъ силы и благодати Духа. Итакъ, кто отчаивается въ себѣ самомъ, тотъ пусть помыслить объ укрощенныхъ звѣряхъ—и онъ никогда не впадетъ въ отчаяніе. Пусть всегда приходитъ онъ въ эту лѣчебницу; пусть постоянно слушаетъ законы Духа и, возвращаясь домой, слышанное записываетъ въ своемъ умѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ въ доброй надеждѣ и въ безопасности, на самомъ дѣлѣ чувствуя успѣхъ. И діаволъ, какъ скоро увидитъ, что въ душѣ написанъ законъ Божій, а сердце сдѣлалось скрижалями этого закона, уже не будетъ болѣе приступать. Гдѣ будутъ царскія письма, не на столѣ мѣдномъ начертанныя, но въ боголюбивомъ сердцѣ Духомъ Святымъ напечатлѣнныя, и благодатію блистающія,—туда онъ не сможетъ даже и заглянуть, а далеко отбѣжитъ. Для него и для помысловъ, отъ него влагаемыхъ, ничто такъ не страшно, какъ мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая къ этому источнику. Таковую-то не можетъ ни опечалить что-либо въ настоящемъ, хотя бы то было и неприятное, ни надмать что-либо благопріятное; но, среди бурь и волненій, она будетъ наслаждаться тишиною.

2. Да и не отъ природы вещей происходитъ наше смущеніе, а отъ немощи нашего духа. Если бы мы подвергались этому страданію вслѣдствіе обстоятельствъ, то всѣ люди должны были бы испытывать его, потому что всѣ мы плывемъ по одному и тому же морю, на которомъ невозможно миновать волнъ и бурь. Если же есть люди, которые остаются внѣ бури и волненій моря, то очевидно, что бурю производятъ не обстоятельства, но состояніе нашего духа. Слѣдовательно, если мы настроимъ душу такъ, чтобы она все легко переносила, то не будетъ для насъ ни бури, ни потопленія, а будетъ всегда благопріятная тишина. Но я не знаю, какъ, предположивъ себѣ ни- 30

чего такого не говорить, я такъ увлекся этимъ поученіемъ. Простите мнѣ это многословіе. Я боюсь, и очень боюсь, чтобы не ослабѣло въ васъ теперешнее усердіе. Если бы я увѣренъ былъ въ этомъ, то не сталъ бы теперь говорить вамъ ничего такого. Усердіе можетъ облегчить для васъ всякое дѣло. Время однакоже заняться предстоящимъ сегодня, чтобы вы не утомленные выступили на поприще. Предстоятъ же намъ подвиги противъ враговъ истины, противъ такихъ, которые все придумываютъ къ тому, чтобы уничтожить славу Сына Божія, лучше же сказать—свою собственную. Слава Сына Божія всегда пребываетъ такою, какова она есть, нисколько не уменьшаясь отъ злохульнаго языка; но тѣ, которые стараются уничтожить Того, кому, по словамъ ихъ, они поклоняются ¹⁾, покрываютъ лица свои безчестіемъ, а душу подвергаютъ казни. Итакъ, что же они говорятъ, когда мы такъ разсуждаемъ? Говорятъ, что изреченіе—*отъ началъ бѣ Слово* еще не доказываетъ прямо вѣчности (Сына), потому что тоже сказано и о небѣ и о землѣ (Быт. 1, 1). О, безстыдство и нечестіе! Я бесѣдую съ тобою о Богѣ, а ты мнѣ указываешь на землю и людей, происшедшихъ отъ земли. Такимъ образомъ, если Христосъ называется Сыномъ Божиимъ и Богомъ, также и человѣкъ называется Сыномъ Божиимъ и Богомъ (какъ напримѣръ: *азъ рече: бози есте и сынове Вышнню вси*—Пс. lxxxi, 5), ужели поэтому ты будешь состязаться съ Единороднымъ о сыновствѣ, и скажешь, что въ этомъ отношеніи Онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ тобою? Никакъ, говоришь ты. Однакожъ ты это дѣлаешь, хотя и не выражаешь на словахъ. Какимъ образомъ? Ты утверждаешь, что и ты участвуешь въ усыновленіи по благодати, и Онъ—тоже. Если ты говоришь, что Онъ есть Сынъ не по естеству, то этимъ выражаешь не иное, а именно то, что Онъ—Сынъ по благодати. Впрочемъ разсмотримъ и свидѣтельства, какія приводятъ намъ. Сказано: *отъ началъ сотвори Богъ небо и землю: земля же бѣ невидима и неустроена* (Быт. 1, 1). Также: *бѣ человекъ отъ Армавель Сифы* (1 Цар. 1, 1). Вотъ свидѣтельства, которыя они считаютъ сильными! И дѣйствительно это сильно, но—для доказательства утверждаемой нами правоты догматовъ; а для поддержанія хулы (еретиковъ) ничего не можетъ быть слабѣе этихъ доказательствъ. Скажи, что общаго имѣютъ слова—*сотвори* и *бѣ*? Или что общаго у Бога съ человѣкомъ? Для чего ты смѣшиваешь

¹⁾ Св. Златоустъ разумѣетъ аріанъ, которые признавали Сына Божія существомъ достоинствомъ, только не совѣчнымъ и не единосущнымъ Отцу.

то, что не терпитъ смѣшенія, сливаешь раздѣльное, и горнее дѣлаешь дольнѣмъ? Здѣсь слово: *бы* не одно, само по себѣ, означаетъ вѣчность, а въ соединеніи съ другими выраженіями: *въ началѣ бы* и: *Слово бы*. Подобно тому, какъ выраженіе: *сей*, когда говорится о человѣкѣ, показываетъ только настоящее время, а когда о Богѣ, то означаетъ вѣчность, такъ и выраженіе: *бы*, когда говорится о нашемъ естествѣ, означаетъ прошедшее для насъ время, и именно извѣстный предѣлъ времени, а когда—о Богѣ, то выражаетъ вѣчность. Итакъ, слыша о *землѣ* и *человѣкѣ*, не слѣдуетъ предполагать о нихъ ничего болѣе того, что свойственно природѣ сотворенной. Все сотворенное, что бы то ни было, произошло во времени, или въ извѣстномъ предѣлѣ его. А Сынъ Божій выше не только всякаго времени, но и всѣхъ вѣковъ. Онъ есть Творецъ ихъ и Создатель. *Имѣ же*, сказано, *и епки сотвори* (Евр. 1, 2). Творецъ же, конечно, существуетъ прежде своихъ твореній. Но такъ какъ нѣкоторые до такой степени безчувственны, что и послѣ этого думаютъ нѣчто высокое о своемъ достоинствѣ, то слово Божіе выраженіями: *сотвори* и *человѣкъ бы* предваряетъ такую мысль слушателей и уничтожаетъ всякое безстыдство. Все сотворенное, какъ земля, такъ и небо, сотворено во времени, имѣетъ временное начало и безначальнаго въ нихъ нѣтъ ничего, потому что все (въ извѣстное время) получило бытіе. Итакъ, когда ты услышишь выраженія — *сотвори землю и человѣка бы*, то излишне будешь суесловить, сплетая только бесполезную болтовню. Но я скажу еще нѣчто большее. Что же это? То, что если бы и о землѣ сказано было—*въ началѣ бы земля*, и о человѣкѣ—*въ началѣ бы человѣкъ*, то и въ такомъ случаѣ мы не должны были бы предполагать о нихъ ничего болѣе того, что намъ извѣстно о нихъ нынѣ. Уже одно напередъ стоящее имя *земли* и *человѣка*, что бы потомъ объ нихъ ни говорилось, не позволяетъ уму воображать о нихъ что-нибудь больше того, что нынѣ мы знаемъ; такъ же какъ и наоборотъ выраженіе: *Слово*, хотя бы что-нибудь маловажное сказано было о Немъ, само по себѣ не позволяетъ думать при этомъ ничего никакого и ничтожнаго. А о землѣ далѣе говорится: *земля же бы невидима и неустроена*. Такимъ образомъ, сказавъ, что Богъ сотворилъ землю и положилъ ей свойственный предѣлъ, бытописатель безопасно уже повѣствуетъ о ней дальнѣйшее, зная, что никто не будетъ столько бессмысленъ, чтобы почитать землю безначальною и несотворенною. Имя *земли* и выраженіе—*сотвори* достаточны для того, чтобы убѣдить самаго несмысленнаго человѣка, что земля не вѣчна и не безначальна, но принадлежитъ къ числу вещей, происшедшихъ во времени.

3. Кромѣ того, выраженіе: *бѣ*, когда употребляется о землѣ и человѣкѣ, означаетъ не просто бытіе, но въ отношеніи къ человѣку—происхожденіе его изъ извѣстной страны, а въ отношеніи къ землѣ — качество ея бытія. Такъ Моисей не сказалъ просто: *земли же бѣ*, и потомъ умолкъ, но показалъ, въ какомъ состояніи она была и послѣ своего происхожденія, т. е., она была *невидима и неустроена*, еще покрыта водами и смѣшана съ ними. И объ Елканѣ не сказано только, что былъ человѣкъ, но въ поясненіе присовокуплено, откуда онъ былъ: *отъ Армавель Сифы*. Но о Словѣ (говорится) не такъ. Стыжусь я и сличать между собою такіе предметы! Если мы запрещаемъ дѣлать сравненіе между людьми, какъ скоро сравнимые весьма различными между собою по достоинствамъ, хотя существо ихъ одно, то тамъ, гдѣ столь безпредѣльное разстояніе и по существу, и по всему прочему, не крайнее ли безуміе -- дѣлать такія сличенія? Но да будетъ милостивъ къ намъ Тотъ, Кто хулится ими! Не мы открыли надобность въ такихъ разсужденіяхъ, но намъ подають къ нимъ поводъ тѣ, которые вооружаются противъ собственнаго спасенія.

Итакъ, что же я говорю? То, что выраженіе: *бѣ*, въ отношеніи къ Слову, означаетъ, во-первыхъ, вѣчность Его бытія: *въ началѣ*, сказано, *бѣ Слово*. А во-вторыхъ, то же *бѣ* показываетъ, что Слово было у кого-либо. Такъ какъ Богу по преимуществу свойственно бытіе вѣчное и безначальное, то прежде всего это и выражено. Потомъ, чтобы кто-нибудь, слыша — *въ началѣ бѣ Слово*, не призналъ Его и нерожденнымъ, такая мысль предупреждается тѣмъ, что прежде замѣчанія, что было Слово, сказано, что оно *бѣ къ Богу*. А чтобы кто-либо не почелъ Его словомъ только произносимымъ или только мысленнымъ, для этого прибавленіемъ члена (б), какъ я уже прежде сказалъ, и другимъ выраженіемъ (*къ Богу*) устранена и такая мысль. Не сказано: *бѣ въ Боѣ*, но: *бѣ къ Богу*, чѣмъ означаетъ вѣчность Его по вѣности. Далѣе, еще яснѣе открывается это въ присовокупленіи, что *Богъ бѣ Слово*. Но это Слово сотворенное, скажетъ кто-либо? Если такъ, то что же препятствовало сказать, что въ началѣ сотворилъ Богъ Слово? Такъ Моисей, повѣствуя о землѣ, не сказалъ: *въ началѣ бѣ земля*, по 41 сказалъ, что (Богъ) сотворилъ ее, и тогда уже она *бѣ*. Что же, говорю, препятствовало и Іоанну подобнымъ образомъ сказать, что въ началѣ *сотвори Богъ Слово*? Вѣдь если въ разсужденіи земли Моисей опасался, какъ бы не назвалъ ее кто-нибудь не-сотворенною, то гораздо болѣе Іоанну слѣдовало бы страшиться этого относительно Сына (Божія), если бы Онъ былъ сотворенъ. Міръ, будучи видимъ, самъ по себѣ проповѣдуетъ Творца: *небеса*,

сказано, *похваляютъ славу Божию* (Ис. хviii, 1). Но Сынъ невидимъ и притомъ несравненно и безпредѣльно выше твари. Итакъ, если здѣсь, гдѣ не нужно было для насъ ни слова, ни ученія, чтобы признать міръ сотвореннымъ, пророкъ однакожь ясно и прежде всего даетъ намъ это видѣть,—то гораздо болѣе Іоанну нужно было бы сказать это о Сынѣ, если бы Онъ былъ сотворенъ. Такъ, скажутъ; однакожь Петръ высказалъ это ясно и опредѣленно? Гдѣ же и когда? Тогда, когда, бесѣдуя съ іудеями, говорилъ: *яко Господа Ею и Христа Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. ii, 36). А почему же ты не присовокупляешь и дальнѣйшихъ словъ, именно: *сею Иисуса, ея же вы распяте*? Или не знаешь, что одни изреченія относятся къ нетлѣнному естеству, а другія къ воплощенію? Иначе, если все вообще будешь разумѣть о Божествѣ, то придешь къ заключенію, что Божество и страданіямъ подвержено. Если же оно не причастно страданіямъ, то и не сотворено. Если бы кровь истекла изъ самаго божескаго и непорочнаго естества, и оно, вмѣсто плоти, было пронзено и разсѣчено гвоздями на крестѣ, то хитрословіе твое въ этомъ случаѣ имѣло бы основаніе. Но какъ и самъ діаволъ не сталъ бы такимъ образомъ богохульствовать, то для чего же ты притворно принимаешь на себя такое непростительное невѣдѣніе, которымъ и демоны не прикрывали себя? Притомъ же слова: *Господь и Христосъ* относятся не къ существу, но къ достоинству. Первое означаетъ власть, а второе — помазаніе. Итакъ, что же ты скажешь о Сынѣ Божіемъ? Если бы Онъ и былъ сотворенъ, по вашему мудрованію,—эти изреченія не имѣли бы мѣста. Нельзя представить себѣ, что Онъ сперва былъ сотворенъ, а потомъ Богъ поставилъ Его (Господомъ и Христомъ). Онъ неотъемлемое имѣетъ начальство, и имѣетъ его по самому естеству и существу Своему. Будучи спрошенъ, Царь ли Онъ есть, отвѣчалъ: *азъ на сіе родихся* (Іоан. хviii, 57). А Петръ говоритъ здѣсь о Немъ, какъ о поставленномъ (въ Господа и Христа), и—это относится у него только къ воплощенію.

4. Что удивляешься, если Петръ говоритъ это? И Павелъ, бесѣдуя съ аѳинянами, называетъ Его только мужемъ, говоря такъ: *о мужъ, ея же представи, тру подаю вспмъ, воскресилъ ея отъ мертвыхъ* (Дѣян. хvii, 31). Ничего не говоритъ онъ здѣсь ни объ образѣ Божіемъ, ни о равенствѣ Его (со Отцемъ), ни о томъ, что Онъ есть *сіяніе славы Ею*. Такъ и слѣдовало. Тогда еще не время было для такого ученія, а желательно было, чтобы они прежде приняли, что Онъ — человѣкъ и что воскресъ. Такъ дѣлалъ и самъ Христосъ; а отъ Него и Павелъ научившись, такимъ же образомъ устроялъ дѣла своей проповѣди. Не вдругъ Хри-

стось открылъ намъ Свое божество, но сперва былъ почитаемъ только за пророка и Христа, — какъ бы простого человѣка; уже въ послѣдствіи изъ дѣлъ и словъ Своихъ явился тѣмъ, чѣмъ былъ. Потому-то и Петръ вначалѣ употребляетъ такой же образъ рѣчи. Это была первая всенародная проповѣдь его къ іудеямъ. И такъ 42 какъ они еще не въ состояніи были ясно познать божество Его, то апостолъ обращаетъ къ нимъ слово о воплощеніи, чтобы слухъ ихъ, пріобученный этимъ словомъ, предрасположенъ былъ и къ прочему ученію. Если захочетъ кто прочесть всю проповѣдь апостола отъ начала, для того весьма ясно будетъ то, что я говорю. Апостолъ Петръ также и мужемъ называетъ Его, и пространно разсуждаетъ о Его страданіи, воскресеніи и рожденіи по плоти. И Павелъ, когда говоритъ: *бышемъ отъ стѣмне Давидова по плоти* (Рим. 1, 3), не иное что внушаетъ намъ, а именно то, что слово: *сотвори* употреблено въ отношеніи къ воплощенію, какъ и мы исповѣдуемъ. Напротивъ, сынъ громовъ говоритъ намъ нынѣ о бытіи неизреченномъ и предвѣчномъ; потому, оставивъ слово — *сотвори*, Онъ поставилъ: *бы*; тогда какъ, если бы Сынъ Божій былъ созданъ, это-то особенно и нужно было бы съ точностію показать. Если Павелъ опасался, какъ бы кто-нибудь изъ неразумныхъ не предположилъ, что Сынъ больше Отца, и что Родившій нѣкогда покорится Ему, почему и говорилъ въ посланіи къ коринѣянамъ: *всегда же рещи, яко вся покорена суть ему, яко, яко развѣ покоршаго Ему вся* (1 Кор. хv, 27), — хотя кто могъ бы подумать, что Отецъ когда-нибудь подчинится Сыну, наравнѣ со всѣми тварями?—если Павелъ опасался такихъ безразсудныхъ мнѣній, и потому сказалъ: *развѣ покоршаго Ему вся*, то гораздо болѣе надлежало Іоанну, если бы Сынъ Божій былъ сотворенъ, опасаться, чтобы кто-нибудь не призналъ Его несотвореннымъ, и это-то прежде всего надлежало ему изъяснить. Но теперь, такъ какъ Сынъ рожденъ, то и справедливо ни Іоаннъ, ни другой какой-либо апостолъ, или пророкъ, не сказали, что Онъ сотворенъ. Да и самъ Единородный не преминулъ бы сказать объ этомъ, если бы это было такъ. Тотъ, кто по снисхожденію такъ смиренно говорилъ о Себѣ, тѣмъ болѣе не умолчалъ бы объ этомъ. Я считаю не невѣроятнымъ, что Онъ скорѣе умолчалъ бы о Своемъ величіи, которое имѣлъ, нежели, не имѣя его, оставилъ бы безъ замѣчанія, что Онъ не имѣетъ этого величія. То было благовидное побужденіе къ умолчанію — желаніе научить людей смиренномудрію, и поэтому Онъ умалчивалъ о томъ, что великаго принадлежитъ Ему. А здѣсь ты не можешь указать никакого справедливаго предлога къ умолчанію. Если бы Онъ былъ созданъ, для чего было бы Ему умалчивать

о Своемъ происхожденіи, когда Онъ не упоминалъ о многомъ такомъ, что дѣйствительно принадлежало Ему? Тотъ, кто для наученія смиренномудрію часто говорилъ о Себѣ уничиженно, и приписывалъ Себѣ то, что на самомъ дѣлѣ не свойственно Ему, Тотъ, говорю, если бы былъ созданъ, гораздо болѣе не преминулъ бы сказать объ этомъ. Или ты не видишь, какъ Онъ самъ все съ тою цѣлю, чтобы никто не признавалъ Его *нерожденнымъ*, и говорить и дѣлаетъ, даже говорить о Себѣ повидимому несообразно съ Своимъ достоинствомъ и существомъ, и нисходитъ до смиренія пророка? Изреченіе: *яко же слышу, сужду*, также: *Она ми рече, что реку, и что возлагало* (Іоан. v, 80; хп, 49) и тому подобныя свойственны только пророкамъ. Итакъ, если, желая отстранить такое предположеніе, Онъ не обинуясь говорилъ о Себѣ столь смиренныя слова, то тѣмъ болѣе Онъ говорилъ бы подобнымъ образомъ, если бы былъ созданъ, чтобы кто-нибудь не призналъ Его несозданнымъ,—напр.: „не думайте, что Я рожденъ отъ Отца; Я сотворенъ, а не рожденъ, и—не одного съ Нимъ существа“. Но Онъ дѣлаетъ все напротивъ. Онъ употребляетъ такія выраженія, которыя невольно, даже не желающихъ того, заставляютъ принять противное мнѣніе. Такъ, Онъ говоритъ: *яко азъ въ Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. xiv, 10); также: *только время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе; видѣный Мене видѣ Отца* (ст. 9); или: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* 48 (Іоан. v, 23); *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, ижеже захочетъ, живитъ* (ст. 21); *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (ст. 17); *якоже знаетъ Мѣ Отецъ, и Азъ знаю Отца*; *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. x, 15, 30). Вездѣ употребляя выраженіе: *якоже и: тако*, показываетъ, что Онъ *едино* съ Отцемъ и что имѣетъ нераздѣльное съ Нимъ существо. А силу власти Своей Онъ обнаруживаетъ какъ въ этихъ же изреченіяхъ, такъ и во многихъ другихъ,—такъ, напр., когда говоритъ: *молчи, престани; хочу, очистися; тебѣ глаголю, бѣсе злодій и нѣмъ, изыди изъ нею; также: слышите, яко речено бысть древнимъ: не убиеши; Азъ же глаголю вамъ: яко иже возлюбилъ на брата своего есуге, повиненъ естъ* (Мар. iv, 39; Матѣ. viii, 8; Мар. ix, 55). И все другое подобное, что Онъ законополагаетъ и чудотворить, достаточно доказываетъ власть Его; а лучше сказать, и самая малѣйшая часть того можетъ вразумить и убѣдить людей, не совсѣмъ безчувственныхъ.

5. Но таковъ духъ тщеславія, что оно ослѣпляетъ разумъ увлекаемыхъ имъ людей, даже въ отношеніи къ самымъ очевиднымъ предметамъ, побуждаетъ противорѣчить даже признаннымъ истинамъ; а другихъ, и очень хорошо разумѣющихъ истину и увѣренныхъ въ ней, заставляетъ лицомъѣрно противостоять ей.

Такъ было и съ іудеями. Не по невѣдѣнію отвергали они Сына Божія, а для того, чтобы получить честь отъ народа. *Въровиши, сказано, въ Него, но болясу, да не изъ сомнѣнъ изнани будутъ* (Іоан. хп, 42), и изъ угожденія другимъ жертвовали собственнымъ спасеніемъ. Да и невозможно, невозможно тому, кто такъ раболѣпствуетъ временной славѣ, получить славу отъ Бога. Поэтому-то Христосъ и укорялъ іудеевъ, говоря: *како можете въровати, славу отъ челоуѣкъ приѣмлюще, и аже отъ Бога, не ищуще* (Іоан. v, 44)? Это какое-то сильное упоеніе; объятый этою страстію, челоуѣкъ дѣлается неисправимъ. Она, отторгая отъ небесъ душу своихъ плѣнниковъ, пригвождаетъ ее къ землѣ, не позволяетъ ей воззрѣть къ свѣту истинному, побуждаетъ постоянно вращаться въ тѣнѣ, приставляя къ нимъ владыкъ, столь сильныхъ, что они владѣютъ ими, даже ничего не приказывая. Тотъ, кто болѣетъ этою болѣзнію, хотя бы никто не приказывалъ ему, добровольно дѣлаетъ все, чѣмъ только думаетъ угодить своимъ владыкамъ. Для нихъ онъ одѣвается и въ одежды нарядныя, и украшаетъ лице, заботясь въ этомъ случаѣ не о себѣ, но объ угожденіи другимъ, и выводитъ съ собой на площадь провожатыхъ, чтобы заслужить отъ другихъ удивленіе, и все, что ни дѣлаетъ, предпринимаетъ единственно для угожденія другимъ. Итакъ, есть ли болѣзнь душевная тягостнѣе этой? Челоуѣкъ нерѣдко бросается въ бездну, чтобы только другіе удивлялись ему. Приведенныя слова Христовы достаточно показываютъ всю мучительную силу этой страсти; но можно еще познать ее и изъ слѣдующаго.

- 44 Если ты захочешь спросить кого-нибудь изъ гражданъ, дѣлающихъ большія издержки, для чего они тратятъ столько золота, и что значатъ такіе расходы, то ни о чемъ другомъ отъ нихъ не услышишь, такъ только объ угожденіи толпѣ. Если же ты опять спросишь ихъ: что же такое толпа?—они отвѣтятъ: это есть нѣчто шумное, многоятежное, большею частію глупое, безъ цѣли носящееся туда и сюда, подобно волнамъ моря, составленное часто изъ разнообразныхъ и противоположныхъ мнѣній. Кто имѣетъ у себя такого владыку, не будетъ ли тотъ жалокъ болѣе всякаго другого? Впрочемъ, когда мірскіе люди прилѣпляются къ нему, это еще не такъ опасно, хотя дѣйствительно опасно. Но когда тѣ, которые говорятъ, что отреклись отъ міра, страдаютъ тою же или еще тягчайшею болѣзнію, то это крайне опасно. У мірскихъ только трата денегъ, а здѣсь опасность касается души. Когда правую вѣру мнѣняютъ на славу и, чтобы прославиться самимъ, уничижаютъ Бога, — скажи мнѣ, не составляетъ ли это высшей степени безсмыслія и безумія?

Другія страсти, хотя заключаютъ въ себѣ большой вредъ,

но по крайней мѣрѣ приносятъ и нѣкоторое удовольствіе, хотя и временное и короткое. Такъ корыстолюбецъ, винолюбецъ, женолюбецъ, имѣютъ нѣкоторое удовольствіе, хотя и непродолжительное; но обладаемые страстію тщеславія всегда живутъ жизнию горькою, лишенною всякаго удовольствія. Они не достигаютъ того, что такъ любятъ, разумѣю—славы народной; а хотя повидимому и пользуются ею, на самомъ же дѣлѣ не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Потому и самая страсть эта называется не славю, а тщеславіемъ. И справедливо всѣ древніе называли это тщеславіемъ. Она тщетна и не имѣетъ въ себѣ ничего блистательнаго и славнаго. Какъ личины кажутся (снаружи) свѣтлыми и пріятными, а внутри пусты, поѣтому, хотя и представляются благообразнѣе тѣлесныхъ (естественныхъ) лицъ, однакъ же никогда еще и ни въ комъ ни возбуждали любви къ себѣ, точно такъ, или еще болѣе, слава у толпы прикрываетъ собою эту неудобоналѣчимую и мучительную страсть. Она имѣетъ только снаружи видъ свѣтлый, а внутри не только пуста, но и полна безчестія и жестокаго мученія. Откуда же, скажешь, рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствія страсть? Ни откуда болѣе, какъ только отъ души низкой и ничтожной. Человѣкъ, увлекаемый славю, неспособенъ мыслить что-либо великое и благородное; онъ необходимо становится постыднымъ, низкимъ, безчестнымъ, ничтожнымъ. Кто ничего не дѣлаетъ для добродѣтели, а только одно имѣетъ въ виду—чтобы понравиться людямъ, не стоящимъ никакого вниманія, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ погрѣшительному, блуждающему ихъ мнѣнію, тотъ можетъ ли стоять чего-нибудь? Замѣть же: если бы кто спросилъ его: какъ ты самъ думаешь о толпѣ?—безъ сомнѣнія, онъ сказалъ бы, что считаетъ толпу невѣжественною и бездѣльною. Что же? Захотѣлъ ли бы ты сдѣлаться подобнымъ этой толпѣ? Если бы и объ этомъ опять кто-нибудь спросилъ его, то я не думаю, чтобы онъ пожелалъ сдѣлаться такимъ же. Итакъ не крайне ли смѣшно искать славы у тѣхъ, кому самъ 45 никогда не захотѣлъ бы сдѣлаться подобнымъ?

6. Если же ты скажешь, что въ толпѣ много людей, и что они составляютъ одно, то поѣтому-то особенно и надобно ее презирать. Если каждый изъ толпы самъ по себѣ достоинъ презрѣнія, то, когда такихъ много, они заслуживаютъ еще большаго презрѣнія. Глупость каждаго изъ нихъ, когда они собраны вмѣстѣ, становится еще большею, увеличиваясь отъ многочисленности. Поѣтому каждаго изъ нихъ порознь конечно можно бы исправить, если бы кто взялъ на себя это дѣло, но не легко было бы исправить всѣхъ ихъ вмѣстѣ,—оттого, что безуміе ихъ

въ такомъ случаѣ увеличивается; они водятся обычаями животныхъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуя одинъ за другимъ во мнѣніяхъ. Итакъ, скажите мнѣ: въ такой ли толпѣ будете вы искать славы? Нѣтъ, прошу и молю. Эта страсть все извратила; она породила любостяжаніе, зависть, клеветы, навіѣты. Она вооружаетъ и ожесточаетъ людей, не потерпѣвшихъ никакой обиды, противъ тѣхъ, которые никакой обиды не сдѣлали. Подверженный этой болѣзни не знаетъ дружбы, не помнитъ пріязни, нисколько не хочетъ никого уважить; напротивъ, все доброе извергнувъ изъ души, непостоянный, неспособный къ любви, противъ всѣхъ вооружается. Сила гнѣва, хотя и она мучительна и несносна, не постоянно однакожъ возмущаетъ духъ, а только въ то время, когда его раздражаютъ другіе. Напротивъ, страсть тщеславія—всегда, и нѣтъ, такъ сказать, времени, въ которое она могла бы оставить, потому что разумъ не препятствуетъ ей и не укрощаетъ ея; она всегда остается, и не только побуждаетъ ко грѣхамъ, но, если бы мы успѣли сдѣлать что-нибудь и доброе, она похищаетъ добро изъ рукъ. А бываетъ такъ, что она не допускаетъ и начать добраго дѣла. И если Павелъ лихоиманіе называетъ *идолослуженіемъ* (Еф. v, 5), то какъ, по справедливости, назвать мать его (лихоиманія), корень и источникъ, то есть тщеславіе? Нельзя найти и названія, достойнаго этого зла!

Итакъ, воспрянемъ, возлюбленные, отложимъ эту порочную одежду, разорвемъ, разсѣчемъ ее, сдѣлаемся когда-нибудь свободны истинною свободою, и усвоимъ себѣ чувства достоинства, даннаго намъ отъ Бога. Пренебрежемъ славой у толпы. Нѣтъ ничего столь смѣшного и унижительнаго, какъ эта страсть; ничто столько не преисполнено стыда и безславія. Всякій можетъ видѣть, что желаніе славы во многихъ отношеніяхъ есть безславіе, и что истинная слава состоитъ въ томъ, чтобы презирать славу, считать ее за ничто, а все дѣлать и говорить только въ угожденіе Богу. Такимъ образомъ сможемъ мы и награду получить отъ Того, Кто видитъ всѣ наши дѣла въ точности, если только будемъ довольствоваться этимъ однимъ зрителемъ ихъ. Да и какая нужда намъ въ другихъ глазахъ, когда видитъ наши дѣла именно Тотъ, Кто будетъ и судить ихъ? Какъ это несообразно: рабъ, что ни дѣлаетъ, все дѣлаетъ въ угожденіе господину, не ищетъ ничего болѣе, какъ только его вниманія, не хочетъ привлекать на свои дѣла чужихъ взоровъ, хотя бы зрителями тутъ были и важные люди, но только то одно имѣетъ въ виду, чтобы видѣлъ его господинъ; а мы, имѣя столь великаго надъ собою Господа, ищемъ другихъ зрителей, которые не могутъ принести намъ никакой пользы, а могутъ только,

своими взглядами, повредить намъ и сдѣлать всякій трудъ нашъ напраснымъ. Да не будетъ этого, умоляю васъ! Но отъ кого мы имѣемъ получить награды, Того будемъ признавать и зрителемъ и прославителемъ нашихъ дѣлъ. Не будемъ ни въ чемъ полагаться на глаза человѣческіе. А если бы мы захотѣли достигнуть славы и между людьми, то получимъ ее тогда, когда будемъ искать единой славы отъ Бога. Сказано: *прославляющихъ Меня прославлю* (1 Цар. II, 30). И какъ богатствомъ мы тогда особенно обилуемъ, когда презираемъ его и ищемъ богатства только отъ Бога (потому что сказано: *ищите прежде царствія Божія и сія вся приложатся вамъ*,—Мате. VI, 33), такъ—и въ отношеніи къ славѣ. Когда уже безопасны будутъ для насъ и богатство и слава, тогда Богъ и подастъ намъ ихъ въ изобиліи. Но этотъ даръ бываетъ безопасенъ тогда, когда не овладѣваетъ нами, не покоряетъ насъ себѣ, не обладаетъ нами, какъ рабами, но остается въ нашей власти, какъ у господъ и свободныхъ. Для того-то Богъ и не позволяетъ намъ любить богатство и славу, чтобы они не овладѣвали нами. А когда мы достигнемъ такого совершенства, то Онъ и подастъ намъ ихъ съ великою щедростію. Кто, скажи мнѣ, славнѣе Павла, который говоритъ: *не ищемъ отъ чловѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ иныхъ* (1 Сол. II, 6)? Кто счастливѣе ничего не имѣющаго и всѣмъ владѣющаго? Когда мы, какъ я выше сказалъ, не будемъ покоряться владычеству ихъ (богатства и славы), тогда и будемъ ими обладать, тогда ихъ и получимъ. Итакъ, если мы желаемъ получить славу, будемъ бѣгать славы. Такимъ образомъ, исполнивъ законы Божіи, сможемъ мы получить и здѣшнія и обѣтованныя блага, благодатію Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу (Іоан. I, 1).

1. Дѣтей, только еще начинающихъ учиться, учителя не под- 45
вергаютъ сряду многимъ трудамъ, да и въ одинъ разъ немного занимаютъ ихъ науками, а понемногу, и притомъ одно и то же часто повторяютъ имъ, чтобы удобнѣе вложить свои уроки въ ихъ умъ, и чтобы дѣти, наскучивъ въ самомъ началѣ множественномъ (уроковъ) и трудностію ихъ для своей памяти, не сдѣлались оттого неспособнѣе къ усвоенію преподаваемаго, потому что отъ трудности можетъ произойти въ нихъ и нѣкоторое раз-

слабленіе. Такимъ же образомъ желая устроить и свои поученія и облегчить трудъ для васъ, я попомню беру съ этой божественной трапезы и передаю душамъ вашимъ. Поэтому я снова коснусь тѣхъ же словъ Евангелія, не такъ, чтобы опять говорить одно и то же, а чтобы только присовокупить къ сказанному остальное. Итакъ, возведемъ же слово къ началу. *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу.* Когда всѣ прочіе евангелисты начинали съ воплощенія (Маттеей говоритъ: *книга родства Іисуса Христа сына Давидова*; Лука вначалѣ повѣствуетъ намъ о Маріи; и Маркъ подобнымъ же образомъ излагаетъ сначала повѣствованіе о Крестителѣ), для чего Іоаннъ только вкратцѣ коснулся этого предмета, притомъ уже послѣ тѣхъ первыхъ словъ, сказавъ: *и Слово плоть бѣсть* (ст. 14), а все прочее,—Его зачатіе, рожденіе, воспитаніе, возрастаніе мнуща, вдругъ возвѣщаетъ намъ о Его вѣчномъ рожденіи? Какая тому причина, я и скажу вамъ теперь. Такъ какъ прочіе евангелисты большею частью повѣствовали о человѣческомъ естествѣ Сына Божія, то должно было опасаться, чтобы поэтому самому кто-нибудь изъ людей, пресмыкающихся по землѣ, не остановился только на этихъ однихъ догматахъ, что и случилось съ Павломъ Самосатскимъ ¹⁾. Итакъ, возводя склонныхъ къ паденію людей отъ такого пресмыканія по землѣ и привлекая къ небу, Іоаннъ справедливо начинаетъ свое повѣствованіе свыше, отъ бытія предвѣчнаго. Тогда какъ Маттеей приступилъ къ повѣствованію, начавъ отъ Ирода царя, Лука—отъ Тиверія Кесаря, Маркъ—отъ крещенія Іоаннова, — евангелистъ Іоаннъ, оставивъ все это, восходитъ выше всякаго времени и вѣка, и тамъ устремляетъ умъ своихъ слушателей къ одному: *въ началѣ бѣ*, и не позволяя уму нигдѣ остановиться, не полагаетъ ему предѣла, какъ тѣ (евангелисты)—Ирода, Тиверія и Іоанна. Но вмѣстѣ съ этимъ достойно удивленія и то, что какъ Іоаннъ, устремившись къ возвышеннѣйшему слову, не оставилъ однакожъ безъ вниманія и воплощенія, такъ и они съ особеннымъ тщаніемъ повѣствуя о воплощеніи, не умолчали также и о предвѣчномъ бытіи. И этому такъ быть должно, потому что одинъ Духъ двигалъ души всѣхъ ихъ; а потому они и показали совершенное единомысліе въ своемъ повѣствованіи. Ты же, возлюбленный, когда слышишь о *Словѣ*, никогда не терпи тѣхъ, которые называютъ Его твореніемъ, равно какъ и тѣхъ, которые почитаютъ Его простымъ словомъ. Много есть словъ божественныхъ, которыми дѣйствуютъ и ангелы, но ни одно изъ этихъ словъ не есть само Божество, а все это только пророчество и

¹⁾ Павелъ Самосатскій, епископъ антиохійскій, еретикъ III-го вѣка.

Божіе повелѣніе. Такъ обыкновенно называетъ Писаніе законы Божіи, повелѣнія и пророчества. Поэтому, и говоря объ ангелахъ, оно присовокупляетъ: *сильные крылатію, творящій слово Его* (Ис. сп, 21). Напротивъ это Слово (о которомъ говоритъ евангелистъ Іоаннъ) есть вѣстасное Существо, безстрастно происшедшее отъ самого Отца. Это именно, какъ я и прежде сказалъ, (евангелистъ) изобразилъ самымъ наименованіемъ *Слова*. Потому какъ изреченіе: *въ началѣ бы Слово* означаетъ вѣчность, такъ и выраженіе: *сей бы исполни къ Богу* показываетъ Его свѣчность (съ Отцемъ). А чтобы ты, услышавъ: *въ началѣ бы Слово*, и признавъ его вѣчнымъ, не подумалъ однакожъ, что жизнь Отца на нѣкоторое разстояніе, то есть на большое число вѣковъ, предшествуетъ (жизни Сына), и такимъ образомъ чтобы ты не положилъ начала Единородному, (евангелистъ) присовокупляетъ: *исполни бы къ Богу*, т. е. Онъ также вѣченъ, какъ самъ Отецъ. Отецъ никогда не былъ безъ Слова; но всегда былъ *Богъ* (Слово) *у Бога* (Отца), въ собственнѣйшей однакожъ вѣстаси. Но какъ же, скажешь ты, евангелистъ говоритъ, что Слово *въ міръ бы*, если Оно было дѣйствительно у Бога? Подлинно, оно и у Бога было, и въ міръ было: никакимъ мѣстомъ не ограничивается какъ Отецъ, такъ и Сынъ. Если *величію Его нѣтъ конца, и разуму Его нѣтъ числа* (Ис. схvii, 5), то ясно, что существо Его не имѣетъ никакого временнаго начала. Ты слышалъ, что *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*? Что ты думаешь объ этомъ началѣ? Безъ сомнѣнія то, что небо и земля произошли прежде всѣхъ видимыхъ твореній. Такъ когда слышишь о Единородномъ, что Онъ *въ началѣ бы*, разумѣй бытіе Его прежде всего мыслимаго и прежде вѣковъ. Если же кто скажетъ: какъ возможно Сыну не быть по времени послѣ Отца? происшедшій отъ кого-либо необходимо долженъ быть послѣ того, отъ кого произошелъ,—отвѣчаемъ, что таковы только человѣческія разсужденія, и тотъ, кто предлагаетъ такой вопросъ, будетъ пожалуй давать еще болѣе нелѣпые вопросы. Но этого не должно 48 бы допускать даже до слуха. У насъ былъ слово о Богѣ, а не о естествѣ человѣческомъ, подчиненномъ порядку и необходимости подобныхъ умствованій. Впрочемъ, для совершеннаго удовлетворенія людей болѣе слабыхъ, будемъ и на это отвѣчать.

2. Скажи мнѣ: сіяніе солнца изъ самаго ли естества солнечнаго истекаетъ, или изъ чего иного? Всякій, имѣющій неповрежденныя чувства, необходимо признаетъ, что сіяніе происходитъ отъ самаго естества солнца. Но, хотя сіяніе исходитъ отъ самаго солнца, однакожъ мы никогда не можемъ сказать, что оно существуетъ послѣ солнечнаго естества, потому что и солнце никогда не является безъ сіянія. Итакъ, если и въ видимыхъ и

чувствєнныхъ тѣлахъ то, что происходитъ отъ чего-нибудь другого, не всегда послѣ того существуетъ, отъ чего происходитъ, то почему ты не вѣришь этому въ разсужденіи невидимаго и неизреченнаго естества? И здѣсь тоже самое, только такъ, какъ сообразно это вѣчному существу. Поэтому и Павелъ назвалъ Сына сіяніемъ славы Отчей (Евр. 1, 8), изображая этимъ и то, что Онъ рождается отъ Отца, и то, что Сыпъ совѣченъ Отцу. Скажи же мнѣ: всѣ вѣка и всякое пространство времени не чрезъ Сына ли произошли? И это необходимо долженъ признать всякій, кто не потерялъ еще ума. Итакъ, нѣтъ никакого разстоянія (времени) между Отцемъ и Сыномъ; а если нѣтъ, то Сыпъ не послѣ Отца существуетъ, но совѣченъ Ему. Выраженія: *прежде* и: *послѣ* обозначаютъ понятія времени. Безъ вѣка или времени никто не могъ бы и представить себѣ такихъ понятій. А Богъ выше временъ и вѣковъ. Если же, не смотря на то, ты будешь утверждать, что Сыпъ получилъ начало, то смотри, какъ бы чрезъ такіа умозаключенія не дошелъ ты до необходимости и самого Отца подвести подъ какое-либо начало, подъ начало хотя первѣйшее, но все же—начало. Скажи мнѣ: приписывая Сыну какой бы то ни было предѣлъ или начало, и отъ этого начала восходя еще выше, не гороришь ли ты, что Отецъ существуетъ прежде Сына? Очевидно такъ. Скажи же далѣе: насколько прежде Отецъ существуетъ? Малое или великое разстояніе здѣсь ты укажешь, во всякомъ случаѣ ты подведешь Отца подъ начало. Очевидно, что, назвавъ это разстояніе великимъ или малымъ, ты будешь такимъ образомъ измѣрять его, но измѣрять нельзя, если съ той и другой стороны нѣтъ начала. Итакъ, для этого, сколько отъ тебя зависить, ты даешь начало и Отцу; и слѣдовательно, по вашему разсужденію, не будетъ уже безначальнымъ и Отецъ. Видишь ли, какъ истинно сказанное Спасителемъ, и какъ слово Его вездѣ являетъ свою силу? Какое это слово? *Иже не чтитъ Сына, не чтитъ и Отца* (Іоан. v, 28). Знаю, что для многихъ сказанное непонятно; потому мы во многихъ случаяхъ и остерегаемся вдаваться въ подобныя умозаключенія, такъ какъ простой народъ не можетъ слѣдить за ними, а если бы и сталъ слѣдить,—не удерживаетъ изъ нихъ ничего съ твердостію и точностію. *Помышленія бо смертныхъ боязлива и погрѣшительна умышленія ихъ* (Прем. ix, 14). Между тѣмъ я охотно спросилъ бы противниковъ нашихъ и о томъ, что значить сказанное у пророка: *прежде Мене не бысть иже Богъ, и по Мнѣ не будетъ* (Ис. xlii, 10). Если Сыпъ послѣ Отца существуетъ, то какъ же сказано: *и по мнѣ не будетъ*? Или уже вы будете отвергать и самое существо Единороднаго? А необходимо или наконецъ на это дерзнуть,

или допустить единое Божество въ собственной ипостаси Отца и Сына. Также, какимъ образомъ истинно то, что *вся тѣмъ быша*? Если былъ вѣкъ прежде Его, то какимъ образомъ существовавшее прежде Него могло бы произойти чрезъ Него? Видите ли, до какой дерзости доводить ихъ умствование, послѣ того, какъ однажды поколебали они истину? Почему же не сказали евангелисты, что Сынъ произошелъ *изъ не сущаго* ¹⁾, какъ изъясняетъ это Павелъ о всѣхъ тваряхъ, говоря: *ническая не сущая, яко сущая* (Рим. iv, 17), а говорить: *въ началѣ бы*? Послѣднее же 49 выраженіе противоположно первому. Но оно весьма справедливо: Богъ не происходитъ ни отъ чего и не имѣетъ ничего первѣе Себя. Скажи же мнѣ еще: не признаешь ли ты, что Творецъ несравненно превосходитъ своихъ тварей? Но, если бы Онъ былъ подобенъ имъ — тѣмъ, что происходилъ бы изъ несущаго, то гдѣ же было бы Его несравненное превосходство? А что значить изреченіе: *Азъ первый, и Азъ по силѣ, и прежде Мене не бысть инъ Богъ* (Исх. xli, 4)? Если Сынъ не одного и того же существа съ Отцемъ, то Онъ есть иной Богъ; если Онъ не совѣченъ (Отцу), то послѣ Него; и если произошелъ не изъ существа Его, то очевидно—сотворенъ. Если же возразить, что это сказано для отличія (Бога) отъ идоловъ, то не должны ли согласиться, что здѣсь для отличія отъ идоловъ говорится о единомъ истинномъ Богѣ? А если это въ самомъ дѣлѣ сказано для отличія отъ идоловъ, то какъ же ты изъяснишь все это изреченіе: *по Мнѣ не будетъ инъ Богъ*? Не Сына отвергая, говорить такъ слово Божіе, а выражая только то, что кромѣ Бога (истиннаго) нѣтъ бога—идольскаго; но не то, что нѣтъ Сына. Хорошо, скажетъ кто-либо, но не должно ли поэтому и слова: *прежде Мене не бысть инъ Богъ* понимать такъ, что не было бога идольскаго, что слѣдовательно Сынъ былъ прежде Отца? Но какой демонъ могъ бы сказать это? Я думаю, что и самъ диаволъ не скажетъ этого. Съ другой стороны, если Сынъ не совѣченъ Отцу, то почему ты называешь бытіе Его безпредѣльнымъ? Если Онъ имѣетъ начало исперва, то хотя бы Онъ былъ безсмертенъ, Онъ не можетъ еще быть безпредѣльнымъ. Безпредѣльное должно быть безъ предѣловъ съ той и другой стороны. Изъясняя это, и Павелъ говорить: *ни начала днѣмъ, ни животу конца имѣя* (Евр. vii, 3), и такимъ образомъ выражаетъ и безначальность и безконечность, т. е., какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи Онъ не имѣетъ предѣла; какъ нѣтъ конца, такъ нѣтъ и начала.

8. Далѣе: какимъ образомъ, если Сынъ есть *животъ*, могло

¹⁾ Такъ говорили аріане о Сынѣ Божіемъ.

быть когда-нибудь время, въ которое Онъ не былъ ¹⁾? Если Онъ есть *жизнь*, какъ Онъ и дѣйствительно есть, то всѣ согласятся, что жизнь должна существовать всегда, быть безначальною и безконечною. Если же было время, когда Его не было, то какимъ бы образомъ Онъ былъ жизнью другихъ существъ, не будучи пѣкогда самъ жизнью? Но какъ же, скажетъ кто-либо, евангелистъ Іоаннъ самъ полагаетъ Ему начало, когда говоритъ: *въ началѣ бы*. А для чего, я скажу, ты обратилъ вниманіе на выраженія: *въ началѣ*, и: *бы*, а не помыслишь объ изреченіи—*Слово бы*? Что же? Когда пророкъ говоритъ объ Отцѣ: *отъ вѣка и до вѣка ты еси* (Ис. lxxxix, 3), то ужели Онъ такимъ выраженіемъ полагаетъ Ему предѣлы? Никакъ: онъ выражаетъ вѣчность. Такъ разсуждай и здѣсь. Евангелистъ, говоря такъ о Сынѣ, не полагаетъ Ему предѣла. Онъ и не сказалъ о Сынѣ: имѣлъ начало, по—*въ началѣ бы*, чрезъ это *бы* внушая мысль о безначальномъ бытіи Сына. Но вотъ, скажетъ еще кто-либо, объ Отцѣ сказано съ приложеніемъ члена (ὁ), а о Сынѣ—безъ члена ²⁾. Что же? Когда апостоль говоритъ: *великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*, и также: *сый нѣдѣ восьми Богъ*, то вотъ здѣсь онъ упоминаетъ о Сынѣ безъ члена. Но онъ дѣлаетъ это и въ отношеніи къ Отцу. Въ посланіи къ Филиппійцамъ онъ такъ говоритъ: *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ нещерева быти равенъ Богу* 3) (п, 6). Также въ посланіи къ Римлянамъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (Римл. i, 7). А съ другой стороны и излишне было прибавлять здѣсь членъ, потому что выше онъ былъ часто прилагаемъ къ слову: *Богъ*. Какъ объ

60 Отцѣ говоря, евангелистъ выражаетъ: *Духъ есть Богъ* (Іоан. iv, 24), и мы не отвергаемъ безтѣлесности въ Богѣ потому, что къ слову *Духъ* не приложено члена, такъ и здѣсь, хотя при выраженіи о Сынѣ не употреблено члена, однакожъ Сынъ поѣтому не есть Богъ меньшій. Почему такъ? Потому что, повторяя слова: *Богъ* и: *Богъ*, евангелистъ не показываетъ намъ никакого раздѣленія въ Божествѣ; а даже напротивъ, сказавъ прежде—*Богъ бы Слово*, онъ, чтобы кто-нибудь не почелъ божество Сына меньшимъ, тотчасъ присовокупляетъ и доказательство истиннаго Его божества, приписываетъ Ему вѣчность: *сей бы*, говоритъ, *исходи изъ Богу*,

¹⁾ Здѣсь св. Златоустъ имѣетъ въ виду выраженіе аріанъ о Сынѣ Божіемъ: *ἦν ὅτε οὐκ ἦν*—было, когда Его не было.

²⁾ Въ подлинномъ текстѣ Евангелія: *καὶ ὁ Λόγος*: *ἦν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος*. Первое: *πρὸς τὸν Θεὸν* относится къ Отцу; а послѣднее: *Θεὸς*—къ Сыну. Аріане и апомен отсюда дѣлали возраженіе, что Сынъ не имѣетъ единого божескаго естества съ Отцемъ.

³⁾ Здѣсь имя Бога двукратно повторяется безъ члена.

и—творческую силу: *вся тьма быша и безъ кто ничтоже бысть, еже бысть*. Это самое и Отецъ вездѣ чрезъ пророковъ поставляетъ преимущественнымъ доказательствомъ своего (божескаго) существа. И пророки часто употребляютъ этотъ видъ доказательства, и не просто только, но и вооружаясь противъ чествованія идоловъ. *Бози, сказано, изже небо и землю не сотвориша, да погибнуть* (Іер. х, 11). И въ другомъ мѣстѣ: *Азъ рукою моею прострохъ небо* (Ис. xlv, 12); и во всякомъ случаѣ Онъ представляетъ это, какъ признакъ божественности. Но евангелистъ не довольствуется и этими изреченіями, а называетъ еще Его *животомъ и сѣтвомъ*. Итакъ, если Онъ всегда былъ съ Отцемъ, если самъ все произвелъ, устроилъ и содержитъ (это выражается словомъ—*животъ*), если Онъ все просвѣщаетъ, то кто столько безуменъ, что скажетъ, будто евангелистъ хотѣлъ въ этихъ изреченіяхъ показать меньшую степень божества Его, тогда какъ ими-то особенно и можно доказать равенство и нераздѣльность Его (съ Отцемъ)? Не будемъ же смѣшивать твари съ Творцемъ, чтобы и намъ не услышать словъ: *почтоша и послужниша твари, паче Творца* (Рим. i, 25). Хотя и говорятъ нѣкоторые, что это сказано о небесахъ, но, говоря о нихъ, слово Божіе совершенно запрещаетъ служеніе всякой вообще твари, какъ дѣло языческое.

4. Да не подвергнемъ же себя этой клятвѣ! Для того и пришелъ (на землю) Сынъ Божій, чтобы освободить насъ отъ этого служенія. Для того Онъ принялъ зракъ раба, чтобы избавить насъ отъ этого рабства. Для того и подвергъ Себя оплеванію, заушенію, для того претерпѣлъ поносную смерть. Не сдѣлаемъ же всего этого безплоднымъ (для насъ), не будемъ возвращаться на прежнее, лучше же сказать—еще гораздо тягчайшее нечестіе. Не все равно—твари служить, и самого Творца низводить до ничтожества твари, сколько по крайней мѣрѣ это зависить отъ насъ, такъ какъ самъ Онъ пребываетъ всегда такимъ, каковъ есть, по сказанному: *ты же тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣютъ* (Пс. ci, 28). Будемъ же прославлять Его, по преданію Отцевъ; будемъ прославлять Его и вѣрою и дѣлами. Нѣтъ никакой пользы для нашего спасенія отъ правыхъ догматовъ, когда наша жизнь развращена. Потому направимъ ее къ благоугожденію Богу, удаляя себя отъ всякой нечистоты, несправедливости, любостыжанія, какъ страппики и пришельцы, и чуждые (всему) здѣшнему. А если кто имѣетъ много денегъ и стяжанія, пусть пользуется ими, какъ странникъ, который спустя немного времени волею или неволею долженъ оставить ихъ. Если кто терпитъ обиду отъ кого-нибудь, пусть не вѣчно гнѣвается, а лучше пусть не гнѣвается и временно. Апостоль не

позволяетъ намъ продолжать гнѣва болѣе одного дня. *Солнце*, говоритъ онъ, *да не зайдетъ во инѣе ваше* (Еф. iv, 26). И справедливо: надобно желать, чтобы и въ такое короткое время не случилось ничего неприятнаго. А если еще и ночь застигнетъ насъ (во гнѣвѣ), то дѣло будетъ для насъ еще хуже, потому что отъ одного воспоминанія о немъ возродится въ насъ безмѣрный огонь, и мы на свободѣ съ большимъ огорченіемъ для себя будемъ размышлять о немъ. Поэтому-то прежде, нежели къ гибели нашей наступетъ покой ночи и мы возжемъ къ себѣ сильнѣйшій огонь, апостолъ и повелѣваетъ предупреждать и отвращать опасность. Страсть гнѣва сильна, сильнѣе всякаго пламени; потому и нужно съ большою поспѣшностію предупреждать силу огня и не допускать его до воспламененія. А болѣзнь эта бываетъ причиною многихъ золь. Она ниспровергаетъ цѣлые дома, разрываетъ давнее содружество, въ короткое и скорое время производитъ самые неутѣшительные случаи. *Устремленіе во ярости ея*, сказано, *паденіе ему* (Сир. i, 22). Итакъ не оставимъ этого звѣря безъ обузданія, но набросимъ на него со всѣхъ сторонъ крѣпкую узду—страхъ будущаго суда. Если тебя оскорбитъ другъ, или огорчитъ кто-нибудь изъ ближнихъ—помысли тогда о согрѣшеніяхъ своихъ противъ Бога и о томъ, что своею кротостію въ отношеніи къ нимъ ты умилиствовалъ для себя болѣе и тотъ (будущій) судъ,—сказано: *оставите, и останется вамъ* (Лук. vi, 37),—и гнѣвъ тотчасъ отбѣжитъ (отъ тебя). При этомъ обратн вниманіе также и на то, когда ты, будучи приведенъ въ ярость, удерживалъ себя, и когда былъ увлеченъ страстію; сравни то и другое время,—получишь и отсюда значительное исправленіе. Скажи мнѣ: когда ты хвалишь себя, тогда ли, когда былъ побѣжденъ (гнѣвомъ), или тогда, когда побѣдилъ? Не тогда ли именно (когда увлекаемся гнѣвомъ) мы наиболѣе обвиняемъ себя и стыдимся, хотя бы и никто насъ не обличалъ, и приходимъ къ раскаянію въ своихъ словахъ и дѣлахъ? А когда преодолеваемъ гнѣвъ, не торжествуемъ ли тогда и не хвалимся ли, какъ побѣдители? Побѣда надъ гнѣвомъ состоитъ не въ томъ, чтобы воздавать за обиду тѣмъ же (это не побѣда, а совершенное пораженіе), но—въ томъ, чтобы съ кротостію переносить оскорбленія и поношенія. Не дѣлать, а терпѣть зло,—вотъ истинное преимущество. Поэтому не говори во гнѣвѣ: „вотъ и я возстану, вотъ и я нападу на него“. Не сопротивляйся и тѣмъ, которые убѣждаютъ тебя укротить гнѣвъ, не говори: „не потерплю, чтобы такой-то насмѣялся надо мной“. Да онъ никогда и не насмѣется надъ тобой, развѣ—когда ты самъ на него вооружишься. А если онъ и тогда посмѣется надъ тобой, то развѣ только въ безуміи

сдѣлаеь это. Ты же, побѣждая, не ищи славы у безумныхъ, по признаваѣ достаточнымъ для себя имѣть славу у людей разумныхъ. Но для чего я вывожу тебя на малое и ничтожное зрѣлище, составленное изъ людей? Воззри тотчасъ къ Богу, и Онъ тебя восхвалить. А тому, кто отъ Него прославляется, не должно искать чести отъ людей. Честь людская нерѣдко находится въ зависимости и отъ пріязни людей, и отъ вражды, и во всякомъ случаѣ не приноситъ никакой пользы. Напротивъ, судъ Божій чуждъ такого нестроенія и приноситъ прославляемому отъ Бога великую пользу. Итакъ къ этой-то славі и будемъ стремиться.

5. Хочешъ ли узнать, какое великое зло—гнѣвъ? Стань на площади, когда тамъ ссорятся другіе. Въ себѣ самомъ тебѣ нельзя такъ видѣть это безобразіе, потому что разумъ во гнѣвѣ помрачается и сознание теряется, какъ у пьяныхъ. Но когда ты очистишься отъ этой страсти, тогда наблюдай въ другихъ себя самого, такъ какъ въ это время у тебя рассудокъ не поврежденъ. Итакъ, смотри вотъ на окружающую толпу, а среди ея на безчинствующихъ въ раздраженіи людей, подобно бѣснующимся. Когда ярость, возгорѣвшись въ груди, встанетъ и ожесточится, тогда ба огнемъ дышать уста, огонь выпускаютъ глаза, все лицо вадувается, руки безпорядочно протягиваются, смѣшно прыгаютъ ноги и наскакиваютъ на удерживающихъ. Ничѣмъ не отличаются раздраженные отъ сумасшедшихъ, все дѣлая безъ сознанія, и даже не отличаются отъ дикихъ ословъ, когда тѣ бьютъ и кусаютъ другъ друга. Поистинѣ, безобразенъ человекъ раздраженный. Потомъ, когда послѣ этого столь смѣшного зрѣлища, они возвратятся домой и придутъ въ себя самихъ, то возымѣютъ еще большую скорбь и страхъ, представляя себѣ, кто присутствовалъ при ихъ ссорѣ. Какъ безумные, прежде не видя присутствующихъ, потомъ, когда приходятъ въ сознаніе, рассуждаютъ, друзья ли были зрителями ихъ, или враги и непріатели. Равно боятся они тѣхъ и другихъ: первыхъ—потому, что они будутъ укорять ихъ и увеличатъ стыдъ; а вторыхъ—потому, что они будутъ радоваться о ихъ посрамленіи. А если имъ случилось еще нанести другъ другу раны, тогда тягчайшій бываетъ страхъ, чтобы не случилось чего-нибудь еще хуже съ раненымъ, чтобы напримѣръ болѣзнь отъ ранъ не принесла ему смерти, или чтобы поднявшаяся неслѣлимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. „И что мнѣ была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пронадай они совѣмъ“. И вотъ они проклинаютъ всѣ тѣ случайныя обстоятельства, которыя послужили поводомъ къ ссорѣ. А глупѣйшіе изъ нихъ обвиняютъ въ происшествіи и лукавыхъ демоновъ и злой часъ.

Но не отъ злого часа это происходитъ, потому что и не бываетъ никогда злого часа, и не отъ злого демона это происходитъ, а отъ злобы увлеченныхъ гнѣвомъ. Опи-то сами и демоновъ привлекаютъ и всякое зло на себя наводятъ. Но сердце, скажетъ кто-нибудь, отъ оскорбленій возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то и превозношу тѣхъ, которые укрощаютъ этого ужаснаго звѣря. Если желаемъ, то можемъ отразить отъ себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряютъ насъ начальствующие? Не потому ли, что въ насъ (при этомъ случаѣ) возникаетъ страхъ, равносильный этой страсти, который поражаетъ насъ и не допускаетъ даже зародиться въ насъ гнѣву? Почему и рабы, получая отъ насъ тысячи укоризнъ, все это переносятъ въ молчаніи? Но потому ли, что и на нихъ наложены тѣ же узъ? Такъ и ты помысли о страхѣ Божиѣмъ, о томъ, что самъ Богъ тогда уничижаетъ тебя, повелѣвая тебѣ молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебѣ сдѣлать? Нѣкто иной удерживаетъ мою руку и языкъ мой. И эта мысль побудитъ и тебя и его къ благоразумію. Иногда изъ-за людей мы терпимъ даже несносныя обиды, и говоримъ оскорбителямъ нашимъ: не ты, а такой-то оскорбилъ меня. Къ Богу ли не будемъ имѣть даже и такого благоговѣнія? Какое же будетъ для насъ оправданіе? Итакъ, скажемъ нашей душѣ: Богъ насъ уничижаетъ нынѣ,—Богъ, удерживающій наши руки; не будемъ же храбриться, и да не будетъ для насъ Богъ менѣе людей досточтимъ. Вы ужасаетесь этихъ словъ? Но я желаю, чтобы вы страшились не словъ только, но и дѣлъ. Богъ повелѣлъ намъ не только терпѣть, когда насъ заушають, но и быть готовыми переносить что-нибудь и хуже того. А мы напротивъ съ такимъ усиліемъ сопротивляемся, что не только не бываемъ готовы на злостраданія, но и стараемся мстить за себя, а часто даже первыѣ поднимаемъ неправедныя руки; считаемъ себя униженными, если не воздадимъ тѣмъ же.

53 Странно, что мы считаемъ себя побѣдителями, тогда какъ терпимъ крайнее пораженіе и бываемъ повержены долу; получая безчисленные удары отъ діавола, думаемъ, что мы его преодолеваемъ. Итакъ познаемъ, прошу васъ, этотъ родъ побѣды, и будемъ побѣждать такимъ образомъ. Злострадать значитъ быть увѣчаннымъ. Если мы хотимъ быть проеявленны отъ Бога, будемъ соблюдать не обычаи мірскихъ подвиговъ, а законъ, данный отъ Бога для подвиговъ духовныхъ; будемъ все переносить съ долготерпѣніемъ. Такимъ образомъ мы побѣдимъ и препирающихъ съ нами, и все, что есть въ мірѣ этомъ, и обѣтованныя блага получимъ, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего

Исуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть (Іоан. 1, 3).

1. Моисей, въ началѣ бытописанія ветхаго завіта, повѣствуетъ 53
памѣ о предметахъ чувственныхъ и подробно исчисляеть ихъ. Сказавъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, онъ потомъ присовокупляетъ, что произошло съвѣтъ, твердь ¹⁾, естество звѣздъ, всякаго рода животныя и все прочее; не будемъ останавливаться на каждомъ твореніи, чтобы не медлить. А евангелистъ Іоаннъ, все заключивъ въ одномъ изреченіи, обнимаетъ имъ и все видимое, и то, что выше видимаго. Оставляя то, что извѣстно его слушателямъ, а возводя мысль къ предметамъ болѣе возвышеннымъ и обвиняя все творчество — вообще, онъ говоритъ не о твореніяхъ, но о Создателѣ, Который и произвелъ все изъ небытія въ бытіе. Такимъ образомъ Моисей касается только меньшей части созданія (такъ какъ ничего не сказалъ намъ о силахъ невидимыхъ), и тѣмъ ограничился. А евангелистъ, поспѣшая взойти къ самому Творцу, справедливо все прочее минуеть, и сказанное, равно и умолчанное Моисеемъ заключаетъ въ одно краткое изреченіе: *вся тѣмъ быша*. Но чтобы ты не подумалъ, что онъ говоритъ только о томъ, что сказано и Моисеемъ, присовокупляетъ: *и безъ него ничтоже бысть, еже бысть*, т. е. ничто сотворенное, видимое или умомъ созерцаемое, не получило бытія иначе, какъ силою Сына. Послѣ слова: *ничтоже* мы не будемъ ставить точки, какъ дѣлають еретики. Они, желая доказать, что Духъ Св. есть тварь, читають такъ: *еже бысть, въ томъ животъ бѣ* (ст. 4). Но въ такомъ чтеніи нѣтъ смысла. И во-первыхъ, здѣсь не кстати было упоминать о Духѣ; а если евангелистъ и хотѣлъ упомянуть, то для чего употребилъ такое пелсное выраженіе о Немъ? Да и откуда видно, что это сказано о Духѣ? А иначе мы, на основаніи такого изложенія словъ, можемъ заключить, что не Духъ, а Сынъ произошелъ чрезъ себя самого. Но остановитесь на этомъ изреченіи, чтобы оно не миновало васъ. Станемъ читать такъ, какъ они; такимъ образомъ нелѣпость для насъ будетъ еще очевиднѣе: *еже бысть, въ томъ животъ бѣ*. Они говорятъ, что здѣсь *животомъ* названъ Духъ. Но, какъ видно, этотъ самый *животъ* есть *вмѣстѣ* и *свѣтъ*, потому что евангелистъ при-

¹⁾ Въ подлинномъ у св. Златоуста: *δευτερος οὐρανός*—второе небо.

совокупляетъ: *и животъ бѣ свѣтъ челоукомъ* (ст. 4). Итакъ, по ихъ мнѣнію, и *свѣтъ челоукомъ* у евангелиста означаетъ Духа. Что же? Когда евангелистъ продолжаетъ: *бысть челоукъ посланъ отъ Бога, да свидѣтельствуеть о свѣтѣ* (ст. 6, 7), — опи уже необходимо должны допустить, что и здѣсь говорится о Духѣ. Кто выше названъ Словомъ, тотъ послѣ именуется и Богомъ, животомъ и свѣтомъ. Животъ, говоритъ евангелистъ, было Слово и этотъ же самый животъ былъ свѣтомъ. Итакъ, если Слово было *животъ* и Слово же *плоть бысть*, то и животъ *плоть бысть*, — и мы видѣли славу его, славу, какъ едиnorodнаго отъ Отца. Слѣдовательно, какъ скоро они говорятъ, что здѣсь *животомъ* названъ Духъ, смотри, какія выходятъ отсюда нелѣпости: выходить, что не Сынъ воплотился, а Духъ, и что Духъ есть едиnorodный Сынъ. А если не такъ, то, избѣгая этой нелѣпости, они при своемъ чтеніи могутъ впасть въ нелѣпость еще большую. Если они согласятся, что здѣсь сказано о Сынѣ, между тѣмъ не поставятъ нашихъ знаковъ препинанія и не станутъ читать такъ, какъ мы, то должны будутъ говорить, что Сынъ произошелъ самъ отъ себя, — потому что если Слово есть *животъ*, а *еже бысть, въ томъ животъ бѣ*, то, вслѣдствіе ихъ чтенія, Слово произошло отъ себя и чрезъ себя. Далѣе евангелистъ между прочимъ прибавляетъ: *и видѣхомъ славу Его, славу яко едиnorodнаго отъ Отца*. Вотъ, по ихъ чтенію, и Духъ Святой становится едиnorodнымъ Сыномъ, потому что все это повѣствованіе относится къ одному и тому же лицу. Видите ли, какъ извращается мысль, когда уклоняется отъ истины, и сколько происходитъ отсюда нелѣпостей? Итакъ, что же? Развѣ Духъ не есть свѣтъ, скажешь ты? Конечно — свѣтъ; по здѣсь сказано не о Немъ. Такъ Богъ называется духомъ, т. е. безтѣлеснымъ; по вѣдь не вездѣ же, гдѣ говорится о духѣ, разумѣется Богъ. И что удивляешься, если мы это говоримъ объ Отцѣ? Мы и объ Утѣшителѣ не станемъ утверждать, что, гдѣ только говорится о духѣ, тамъ непременно разумѣется Утѣшитель. Хотя это и есть наиболѣе отличительное Его имя, но не вездѣ, гдѣ встрѣчается слово: *духъ*, подобно разумѣть Утѣшителя. Также и Христосъ называется *Божіа сила и Божіа премудрость*; по не вездѣ, гдѣ говорится о силѣ и премудрости Божіей, разумѣется Христосъ. Такъ и здѣсь: хотя и Духъ просвѣщаетъ, но теперь евангелистъ говоритъ не о Духѣ. Впрочемъ, когда мы и доводимъ ихъ до такихъ нелѣпостей, они, спова усиливаясь противостоятъ истинѣ и все еще держась своего чтенія: *еже бысть, въ томъ животъ бѣ*, объясняютъ это такъ, что все сотворенное было — жизнь. Что же? И казнь содомлянъ, и потопъ, и геенна, и тому подобное все это — жизнь? Но мы, говорятъ они, разумѣмъ

созданіе. Но и то, что нами теперь указано, конечно отпосится къ созданію. Однакожъ, чтобы въполнѣ изобличить ихъ, спросимъ ихъ: скажи мнѣ, дерево—жизнь? Камень—жизнь? Эти бездушные бъ и неподвижные предметы — жизнь? Да и человѣкъ — жизнь совершенная? Кто это скажетъ? Человѣкъ — не самобытная жизнь, а только существо, причастное жизни.

2. Но посмотри и здѣсь, какія опять нелѣпости. Станемъ выводить заключенія тѣмъ же порядкомъ, чтобы дозвать все безсмысліе. Такимъ образомъ они приписываютъ Духу то, что никогда нисколько Ему не приличествуетъ. А начавъ съ этого, они уже людямъ приписываютъ то, что по ихъ мнѣнію дѣйствительно сказано о Духѣ. Разсмотримъ еще это чтеніе. Тварь тутъ называется жизнію; слѣдовательно она есть и свѣтъ, и о ней-то свидѣтельствовать приходилъ Іоаннъ. Отчего же и самъ онъ — не свѣтъ? Сказано: *не бѣ той сѣтъ*. Но вѣдь онъ принадлежалъ къ числу тварей? Почему же онъ — не свѣтъ? Какимъ образомъ *ѣ міръ бѣ и міръ тѣмъ бытъ*? Тварь ли была въ твари и тварь произошла чрезъ тварь? Какъ же *міръ еіо не позна*? Тварь не познала твари? *Елицы же пріяша еіо, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (ст. 12). Но довольно уже смѣха; я предоставляю вамъ самимъ прослѣдовать всѣ эти чудовищныя мысли, чтобы не подумали, будто я говорилъ это просто для забавы, и чтобы не тратить попустому времени. Если тѣ слова сказаны не о Духѣ (какъ и дѣйствительно не сказаны и какъ я уже показалъ), не сказаны и о твари, а несмотря на то, опи все еще держатся своего чтенія, то наконецъ отсюда должно выйти еще нелѣпѣйшее слѣдствіе, — что, какъ мы уже прежде сказали, Сынъ произошелъ самъ чрезъ Себя. Если *сѣтъ истинный* есть Сынъ, а свѣтъ этотъ есть и *животъ*, и животъ былъ въ Немъ самомъ, то по ихъ чтенію такое заключеніе необходимо. Итакъ, оставимъ его и обратимся къ надлежащему чтенію и изъясненію. Какое же правильное чтеніе? Словами: *еже бытъ* надобно закончить предъидущую мысль, а затѣмъ начать слѣдующія слова: *ѣ томъ животъ бѣ*. Слова эти значать тоже, что и предъидущія: *безъ неіо ничтоже бытъ*, *еже бытъ*. Изъ всего, говорить, что только существуетъ, ничто не произошло безъ Него. Видишь ли, какъ этимъ краткимъ прибавленіемъ евангелистъ устраняетъ всѣ могущія представиться несообразности? Сказавъ: *безъ неіо ничтоже бытъ* и присовокупивъ: *еже бытъ*, онъ такимъ образомъ обнялъ всѣ твари, даже и умопостигаемыя, и исключилъ изъ нихъ Св. Духа. Такое прибавленіе и нужно было, чтобы на его слова: *ѣ тѣмъ быти, и безъ Него ничтоже бытъ* кто-либо не сказалъ: „если все произошло чрезъ Него, то чрезъ Него же произошелъ и

Духъ". Я, говоритъ онъ, сказать, что все, что ни сотворено, чрезъ Него произошло, невидимое ли то, или безтѣлесное, или небесное. Поэтому-то не просто я сказалъ: *все*, а—*оце*, *еже бысть*, то есть все сотворенное. Но Духъ не сотворенъ. Видишь ли, какъ точно ученіе? Евангелистъ только упомянулъ о сотвореніи видимыхъ тварей, такъ какъ объ этомъ уже прежде училъ Монсей; евангелистъ уже наставленныхъ въ этомъ предметъ людей возводитъ къ высшимъ созданіямъ, т. е. безтѣлеснымъ и невидимымъ, и вовсе исключаетъ изъ числа ихъ Святаго Духа. Подобнымъ образомъ говорилъ и Павелъ, вдохновенный благодатию: *яко тмъ создана быша всяческая* (Колос. 1, 16). Вотъ и здѣсь опять такая же точность, потому что тотъ же Духъ управляетъ и душею Павла. И вотъ, чтобы кто не исключилъ чего-либо сотвореннаго изъ созданія Божія,—такъ какъ есть твари невидимыя,—а съ другой стороны, чтобы не включилъ кто въ ихъ число Утѣшителя, Павелъ, мня твари чувственныя и всѣмъ извѣстныя, исчисляетъ созданія небесныя и говоритъ: *аще престолы, аще господствія, аще начала, аще власти* (Колос. 1, 16). Частица: *аще*, поставленная предъ каждымъ словомъ, выражаетъ не другое что, какъ и тѣ слова: *вся тмъ быша и безъ него ничтоже бысть, еже бысть*. А если тебѣ кажется, что выраженіе: *тмъ* ¹⁾ какъ бы уменьшаетъ Его достоинство, то послушай, что говоритъ Павелъ: *въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку твою суть небеса* (Евр. 1, 10). Такимъ образомъ что сказано у пророка (Псал. 104, 26) объ Отцѣ, какъ Создателѣ, то Павелъ говоритъ о Сынѣ, изображая Его не иначе, какъ Творца, а не такъ, какъ бы Онъ имѣлъ значеніе существа только служебнаго. А если здѣсь сказано: *тмъ* (чрезъ Него), то это такъ выражено для того только, чтобы кто-нибудь не сталъ почитать Сына нерожденнымъ. Но что въ отношеніи къ созданію Ему принадлежить достоинство, несколько не меньшее Отца, объ этомъ послушай Его самого: *яко же Отецъ*, говоритъ Онъ, *воскрешаетъ мртвыхъ и живитъ, такожде и Сынъ иже хочетъ жити* (Іоан. 5, 21). Итакъ, если и въ ветхомъ завѣтѣ сказано о Сынѣ: *въ началѣ ты, Господи, землю основалъ еси*, то Его достоинство, какъ Создателя, очевидно. Если же ты скажешь, что пророкъ говорилъ эти слова собственно объ Отцѣ, а Павелъ только приписалъ Сыну сказанное объ Отцѣ, то и такимъ образомъ выходитъ тоже самое. Да Павелъ и не рѣшился бы приписать этого Сыну, если бы не былъ совершенно увѣренъ въ равночестности (Отца и Сына). Было бы крайне дерзновенно принадлежащее естеству, ни съ

¹⁾ Въ греч. текстѣ Евангелія сказано: δι' αὐτοῦ, чрезъ Него.

чѣмъ несравнимому, относитъ къ естеству меньшему и подчиненному.

3. Но Сыпъ не меньше и не ниже Отца по существу. Поэтому Павелъ дерзнулъ сказать о Немъ не только вышеуказанныя слова, но еще и нѣчто другое. Выраженіе: *изъ него*, которое ты признаешь исключительно достойнымъ одного Отца, Павелъ употребляетъ и о Сынѣ, говоря такъ: *изъ него же все тѣло состави и соузы подаемо и снемлемо, растити возращеніе Божіе* (Колос. II, 19). Но не довольствуется онъ и этимъ; а и съ другой стороны заключаютъ вамъ уста, прилагая выраженіе: *имже* ¹⁾ къ Отцу,—выраженіе, которое по твоимъ словамъ озапачаетъ меньшее достоинство: *отрѣкъ Богъ*, говоритъ онъ, *имже званіи быте во общеніе Сына Ею* (1 Кор. I, 9). Также: *волею ею*. И еще: *яко изъ того, и тѣмъ, и въ немъ всяческая* (Рим. XI, 36). Но не только о Сыпъ говорится: *изъ того*, но и о Духѣ. Такъ ангелъ сказалъ Іосифу: *не бойся пріяти Маріамъ жены твоея: рождишеся бо въ ней отъ Духа есть свята*. Равнымъ образомъ и выраженіе: *о немъ*, относящееся къ Духу, пророкъ не отказывается приложить и къ Богу (Отцу), говоря такъ: *о Богъ сотеоримъ силу* (Пс. LIX, 14). И Павелъ говорилъ: *моляся, аще убо когда постышишъ буду волею Божією пріинти къ вамъ* (Рим. I, 10); и ко Христу относитъ тоже выраженіе: *о Христѣ Іисусѣ*. Такихъ выраженій, безразлично употребляемыхъ, мы можемъ много и часто находить въ Писаніи, чего не могло бы быть, если бы повсюду не предполагалось одно и тоже существо. Не думай также, что въ словахъ: *вся тѣмъ быша* говорится здѣсь о чудесахъ: о нихъ повѣствовали прочіе евангелисты. А Іоаннъ послѣ этихъ словъ присовокупляетъ: *въ міръ бѣ и 51 міръ тѣмъ бысть* (ст. 10),—міръ, а не Духъ, потому что Онъ не есть твореніе, а выше всякой твари. Но послѣшнимъ далѣе. Сказавъ о созданіи: *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть*, Іоаннъ прилагаетъ къ тому и ученіе о промыслѣ въ слѣдующихъ словахъ: *въ томъ животъ бѣ*. А присовокупилъ эти слова: *въ томъ животъ бѣ*—для того, чтобы никто не сомнѣвался, какимъ образомъ все чрезъ Него произошло. Какъ въ бездонномъ источникѣ сколько ни черпай воды, не уменьшишь источника, такъ и творческая сила Единороднаго, сколько бы ни было создано или произведено ею, нисколько отъ того не уменьшается. Или лучше я употреблю болѣе свойственное этой силѣ сравненіе, именпо назову ее свѣтомъ, какъ и самъ евангелистъ говорить далѣе: *и животъ бѣ сотѣнъ человекомъ*. Какъ свѣтъ, хотя бы освѣщалъ неисчислимое множество предметовъ, нисколько от-

¹⁾ Греч. *ἐκ* *αὐτοῦ*.

того не уменьшается въ своей свѣтлости, такъ въ Богѣ, и прежде и послѣ сотворенія: сила нисколько не оскудѣваетъ, ни мало не умаляется и не ослабѣваетъ отъ многочисленности творенія; но, хотя бы надлежало произойти еще тысячѣ такпхъ міровъ, хотя бы и безконечному множеству ихъ, Его сила довѣдетъ на всѣхъ, чтобы не только произвести ихъ, но и сохранивъ послѣ созданія. Наименованіе *жизни*, употребленное здѣсь, относится не только къ созданію, но и къ промышленію о сохраненіи созданнаго. Кромѣ того, говоря о жизни, евангелистъ полагаетъ основаніе ученію о воскресеніи и предназначиваетъ то дивное благовѣстіе, что, съ пришествіемъ къ намъ жизни, разрушена держава смерти, что по озареніи насъ свѣтомъ, ужъ нѣтъ тьмы, а всегда пребываетъ въ насъ жизнь, и смерть уже не можетъ преодолѣвать ее. Итакъ вполне можно сказать и о Сынѣ то, что сказано объ Отцѣ: *о немъ живемъ и движемся и есмь* (Дѣян. xvii, 25). Это и Павелъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *яко тѣмъ создана быша вселенская, и вселенская въ немъ состоятся* (Колос. i, 16, 17). Поэтому Сынъ называется и корнемъ и основаніемъ.

Но, когда слышишь, что *въ томъ животъ бѣ*, не представляй Его себѣ сложнымъ, потому что впослѣдствіи Онъ говоритъ и объ Отцѣ: *якоже Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти* (Іоан. v, 26). Ты не скажешь по этому поводу объ Отцѣ, что Онъ сложенъ; не говори же и о Сынѣ. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что *Богъ есть свѣтъ* (1 Іоан. i, 5), также — *что онъ живетъ во свѣтѣ непреступнымъ* (1 Тим. vi, 12). Но все это говорится не для того, чтобы дать намъ понятіе о сложности, а чтобы мало-по-малу возвести насъ на высоту догматовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ для народа не легко было понять, какимъ образомъ Онъ имѣетъ жизнь самъ въ Себѣ, то онъ и говорилъ сначала о томъ, что не такъ высоко, а потомъ, научивъ ихъ, уже возводитъ къ болѣе возвышеннымъ истинамъ. Тотъ, кто сказалъ, что Ему (Отецъ) *даде животъ имѣти*, самъ потомъ говоритъ: *Азъ есмь жизнь*, и еще: *Азъ есмь свѣтъ*. А какой это свѣтъ? Свѣтъ не чувственный, а духовный, просвѣщающій душу. Такъ какъ Христосъ говорилъ: *никтоже можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ ео* (Іоан. vi, 44), то евангелистъ, предваряя эти слова, и сказалъ, что Онъ есть тотъ, который просвѣщаетъ, чтобы ты, услыша что-либо подобное объ Отцѣ, не приписалъ того только одному Отцу, но и Сыну, — *ибо вся*, говоритъ 58 Онъ, *елика имать Отецъ мой, моя суть* (Іоан. xvi, 15). Итакъ, евангелистъ сперва поучаетъ насъ о созданіи, потомъ говоритъ и о духовныхъ благахъ, дарованныхъ намъ съ пришествіемъ Спасителя, и означаетъ ихъ однимъ словомъ: *животъ бѣ свѣтъ чело-вѣкомъ*. Не сказалъ: *бѣ свѣтъ* іудеямъ, но—всѣмъ людямъ, потому

что не іудеи только, а и язычники получили познаніе о Немъ. и свѣтъ этотъ прилагается въ общеніе всѣмъ. Но почему евангелистъ не присоединилъ сюда и ангеловъ, а сказалъ только о людяхъ? Потому, что у евангелиста теперь слово о родѣ человѣческомъ, и потому, что Спаситель къ нему пришелъ благовѣствовать благая. *И свѣтъ во тмѣ свѣтитися* (ст. 5). Тьмою здѣсь называется и смерть и заблужденіе. Свѣтъ чувственный сіяетъ не во тмѣ, а когда нѣтъ тмы; но проповѣдь евангельская свѣтила среди мрака заблужденія, все облегавшаго, и разсѣвала его. Свѣтъ этотъ проникъ и въ самую смерть и побѣдилъ ее, такъ что уже одержимыхъ смертію избавилъ отъ нея. Итакъ, поелику ни смерть, ни заблужденіе не преодолѣли этого свѣта, но онъ всюду блистаетъ и свѣтитъ собственною силою, то евангелистъ и говоритъ: *и тма ео не обьятъ*. Да онъ и неодолимъ и не любить обитать въ душахъ, не желающихъ просвѣщенія.

4. Но, если онъ не всѣхъ объемлетъ, ты не долженъ этимъ смущаться. Богъ приближается къ намъ не съ принужденіемъ, не противъ нашей воли, но по нашему желанію и благорасположенію. Не закрывай дверей для этого свѣта — и получишь много наслажденія. А приходитъ къ намъ этотъ свѣтъ посредствомъ вѣры и, пришедши, въ обилии просвѣщаетъ того, кто пріемлетъ его. И если ты представишь ему чистую жизнь, онъ постоянно будетъ обитать въ тебѣ. *Любляй Мя, заповѣди моя соблюдетъ*, говоритъ Спаситель, *и приидежъ къ нему* (И и Отецъ мой) *и обитель у него сотворимъ* (Іоан. xiv, 24). Какъ никто не можетъ пользоваться свѣтомъ солнечнымъ, не открывая глазъ, такъ никто не можетъ участвовать въ этомъ просвѣщеніи, не отверзая вполне очей души и не изощривъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. А какъ это можно сдѣлать? Очищая душу отъ всякой страсти. Грѣхъ есть тьма и тьма глубокая; и это видно изъ того, что онъ совершается безразсудно и тайно. *Всякъ бо, отъявъ злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту* (Іоан. iii, 20). *А бываемая отай срамно есть и злоумати* (Еф. v, 12). Какъ во тмѣ мы не распознаемъ ни друга, ни врага и вовсе не узнаемъ свойства вещей, такъ — и въ грѣхѣ. Человѣкъ любостыжательный не отличаетъ друга отъ врага; завистникъ и на человѣка самаго благорасположеннаго къ нему смотритъ, какъ на врага; навѣтникъ одинаково вооруженъ противъ всѣхъ, — словомъ: всякъ, дѣлающій грѣхъ, ничѣмъ не отличается отъ людей, упивающихся и ѣбснующихся, въ томъ отношеніи, что не распознаетъ свойства предметовъ. И какъ ночью на наши глаза — все равно: дерево ли, или свищъ, желѣзо, серебро, или золото, или драгоценный камень, потому что для различенія этихъ предметовъ недостаетъ свѣта, такъ чело-

вѣкъ, ведущій нечистую жизнь, не постигаетъ ни доблести цѣломудрія, ни красоты любомудрія. Вѣдь во тьмѣ, какъ я сказалъ, и драгоценные камни не обнаруживаютъ своей красоты, не сами по себѣ, но по незнанію тѣхъ, кто смотритъ. Но не эта одна бѣда постигаетъ насъ, когда мы живемъ во грѣхахъ; мы живемъ тогда еще и въ постоянномъ страхѣ. Какъ находящіеся въ пути въ бездушную почъ чувствуютъ страхъ, хотя бы и ничего страшнаго не было, такъ и грѣшники не могутъ имѣть дерзновенія, хотя бы и никто не обличалъ ихъ; но, чувствуя угрызения совѣсти, они всего боятся, все подозрѣваютъ, все на нихъ наводятъ страхъ и ужасъ, на все озираются съ боязнію, всего трепещутъ. Будемъ же убѣгать такой мучительной жизни. А за такую муку еще послѣдуетъ смерть, смерть безсмертная; тогда не будетъ и конца наказанію. Здѣсь же ничѣмъ не отличаются отъ умопомѣшанныхъ тѣ, которые, какъ бы во снѣ, представляютъ себѣ вещи небывалыя. Такъ воображаютъ себя богатыми, не будучи богатыми; думаютъ раскошествовать, не имѣя никакого удовольствія; и не прежде они узнаютъ, какъ должно, такое заблужденіе, пока не освободятся отъ умопомѣшательства, или пока не отрясуть съ себя сна. Поэтому-то Павелъ заповѣдуетъ всѣмъ трезвиться и бодрствовать; тоже повелѣваетъ и Христосъ. Кто трезвится и бодрствуетъ, тотъ, хотя бы увлекся грѣхомъ, немедленно отражаетъ его; а кто спитъ или безумствуетъ, тотъ и не чувствуетъ, какую власть имѣетъ надъ нимъ грѣхъ. Не будемъ же спать. Теперь не ночь, а день; потому *якоже во дни, благообразно да ходимъ* (Рим. хш, 13). Ничего нѣтъ постыднѣе грѣха. Въ этомъ отношеніи не такъ худо въ наготѣ ходить, какъ во грѣхахъ и преступленіяхъ. Нагота еще не такое преступленіе, — нерѣдко она происходитъ и отъ нищеты; но ничего нѣтъ постыднѣе и презрѣннѣе грѣха. Представимъ себѣ тѣхъ, которыхъ ведутъ въ судилище за кражу и подлогъ: какой срамъ и смѣхъ покрываетъ ихъ, какъ людей безстыдныхъ, лживыхъ и наглыхъ! Намъ непріятно и тяжело терпѣть, чтобы верхняя одежда была надѣта на насъ небрежно или навыворотъ; даже когда и на другихъ увидимъ это, то исправляемъ; а когда всѣ мы и ближніе наши ходимъ на головахъ, то не замѣчаемъ этого. Скажи мнѣ, что можетъ быть постыднѣе, какъ мужчинѣ входить къ распутной женщинѣ? Кто заслуживаетъ болѣе осмѣянія, чѣмъ чловѣкъ сварливый, склонный къ злословію и завистливый? Отчего же все это кажется не такъ стыдно, какъ ходить въ наготѣ? Только отъ привычки. Этого никто никогда не позволялъ себѣ по доброй волѣ; а на грѣхи осмѣливаются всегда всѣ, безъ всякаго страха. Конечно, если бы кто вошелъ въ сонмъ ангеловъ, въ которомъ

никогда ничего такого не бывало, то увидѣлъ бы, какъ это достойно посмѣянія. Но что я говорю о сонмѣ ангеловъ? Если бы кто въ царскихъ чертогахъ, введши блудницу, воспользовался ею, или упился виномъ, или дозволилъ себѣ другой какой-либо безчестный поступокъ, такой подвергся бы самому строгому наказанію. Если же въ царскихъ чертогахъ не терпимы подобныя дерзости, тѣмъ болѣе мы должны подвергнуться крайнему наказанію, если осмѣливаемся на такія дѣла въ присутствіи Царя вездѣсущаго и всевидящаго. Поэтому, умоляю, покажемъ въ образѣ жизни нашей скромность и чистоту. Мы имѣемъ Царя, Который непрестанно зрѣтъ всѣ дѣла наши. А чтобы насъ озярялъ всегда въ обилии высшій свѣтъ, будемъ привлекать къ себѣ его лучъ. Тогда мы будемъ наслаждаться и настоящими и будущими благами, по благодати и человеколюбію Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Бысть человекъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоанпъ
(Іоан. 1, 6).

Евангелистъ, вначалѣ сказавъ намъ о Богѣ Словѣ то, что 59 было особенно нужно, далѣе послѣдовательно и по порядку переходитъ къ сомненному съ нимъ проповѣднику Слова, Іоанну. А ты, слыша, что онъ посланъ былъ отъ Бога, не принимай его словъ за человѣческія. Все онъ вѣщалъ не отъ себя, но отъ Пославшаго его. Поэтому называется онъ и ангеломъ (вѣстникомъ), такъ какъ дѣло вѣстника—ничего не говорить отъ себя. Слово: *бысть* означаетъ здѣсь не происхожденіе его, а именно его посланіе. *Бысть посланъ отъ Бога*, то есть, его Богъ послать. Какъ же говорятъ, что слова: *во образѣ Божіи смѣ* (Фил. 2, 6) не выражаютъ равенства Сына со Отцемъ, потому что (къ слову: *Богъ*) не приложенъ членъ (о)? Вотъ и здѣсь ¹⁾ совсѣмъ нѣтъ члена. Между тѣмъ, развѣ здѣсь рѣчь не объ Отцѣ? А что сказать о словахъ пророка: *се азъ пошлю ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой* (Малах. 3, 1)? Слова: *мой и твой* указываютъ на два лица. *Сей придетъ во свидѣтельство, да свидѣтельствуешь о свѣтѣ* (Іоан. 1, 7). Что же, скажетъ кто-нибудь, рабъ свидѣтельствуешь о Господѣ? Но не будешь ли ты еще болѣе

¹⁾ Въ словахъ: *бысть человекъ посланъ отъ Бога*

изумляться и недоумѣвать, когда увидишь, что Господь не только получаетъ свидѣтельство отъ раба, но и приходитъ къ нему и вмѣстѣ съ іудеями принимаетъ крещеніе отъ него? Однакожь не смущаться и колебаться мыслию, а изумляться должно Его неизглаголанной благодати. Если же кто остается въ недоумѣніи и смущеніи, то Господь и ему скажетъ тоже, что сказалъ Іоанну: *остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѣ. ш, 15). А кто и послѣ этого сталъ бы смущаться, тому Онъ скажетъ тоже, что сказалъ іудеямъ: *не отъ человека свидѣтельство приѣмлю* (Іоан. v, 34). Но если Онъ не имѣетъ нужды въ такомъ свидѣтельствѣ, для чего же посланъ былъ отъ Бога Іоаннъ? Не для того, что онъ имѣлъ нужду въ его свидѣтельствѣ (говорить это было бы крайнимъ богохульствомъ). А для чего? Это изъясняетъ намъ евангелистъ, когда говоритъ: *да вси стѣру и мутѣ ему*¹⁾ (тамъ же, i, 7). А если самъ Христосъ говоритъ: *не отъ человека свидѣтельство приѣмлю*, то да не подумаютъ несмысленные, что Онъ самъ Себѣ противорѣчитъ, говоря здѣсь такъ, а въ другомъ мѣстѣ — такъ: *иже есть свидѣтельствующій о Мнѣ и ѡтѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство ея* (Іоан. v, 30). Въ послѣднемъ случаѣ онъ разумѣлъ Іоанна, а сказавъ: *не отъ человека свидѣтельство приѣмлю*, онъ тотчасъ присовокупляетъ и объясненіе своимъ словамъ, именно: *сія глаголю, да вы спасени будете* (v, 34). Какъ бы такъ онъ говорилъ: „Я Богъ и истинный Сынъ Божій, единого (со Отцемъ) безсмертнаго и блаженнаго существа, и потому не имѣю нужды ни въ какомъ свидѣтелѣ. Хотя бы и никто не хотѣлъ свидѣтельствовать о Мнѣ, Я оттого въ своемъ естествѣ нисколько не унижаюсь. А такъ какъ спасеніе людей есть предметъ Моего попеченія, то Я снизошелъ до такого самоуничиженія, что и человѣку предоставляю свидѣтельствовать о Мнѣ“ А отъ этого, по немощи іудеевъ, тѣмъ легче и доступнѣе для нихъ могла быть вѣра въ Него. Потому Онъ какъ облекся плотію, чтобы, явившись людямъ въ Своемъ божествѣ безъ покрова, не погубить всѣхъ ихъ, такъ и проповѣдникомъ о Себѣ послалъ человѣка, чтобы слушатели того времени, слыша сродный себѣ голосъ, тѣмъ легче послѣдовали Ему. А что Сынъ Божій не имѣлъ никакой нужды въ свидѣтельствѣ Іоанна, для доказательства довольно было бы Ему только явить Себя такимъ, каковъ Онъ есть по Своему существу, и поразить всѣхъ ужасомъ. Но Онъ этого не сдѣлалъ, потому что, какъ я уже сказалъ, Онъ всѣхъ такимъ образомъ уничтожилъ бы, такъ какъ никто не былъ бы въ со-

¹⁾ Въ греч. у св. Златоуста: *ina πάντες πιστεύωσι δι' αὐτοῦ*, т. е. да все уверуютъ чрезъ него (Іоанна).

стояніи вынести прираженія этого непреступнаго свѣта. Поэтому-то, говорю, Онъ и плотію облекается и свидѣтельство о Себѣ поручаетъ одному изъ сорабовѣ нашихъ, все устроая ко спасенію людей и имѣя въ виду не Свое только достоинство, но и благопріемлемость и пользу Своихъ слушателей. Это Онъ выразилъ и самъ, когда сказалъ: *сія глаголю, да вы спасени будете*. И евангелистъ, повторяя изреченіе Господа, послѣ словъ: *да свидѣтельствуеши о сѣтѣ*, присовокупляетъ: *да вси вѣру имутъ ему*. Какъ бы такъ онъ говорилъ: не думай, что Іоаннъ Креститель пришелъ свидѣтельствовать для того, чтобы придать достовѣрность ученію Господа; нѣтъ; а для того, чтобы единоплеменники его увѣровали чрезъ него. Что евангелистъ именно спѣшилъ предотвратить такую мысль, это видно изъ послѣдующихъ словъ, которые онъ присовокупляетъ: *не бы той сѣти* (ст. 8). А если бы онъ прибавилъ это не для устраненія такой мысли, тогда это было бы только излишнимъ распространеніемъ словъ и скорѣе было бы тождесловіе, чѣмъ изъясненіе ученія. Въ самомъ дѣлѣ, сказавъ, что Іоаннъ посланъ былъ, *да свидѣтельствуеши о сѣтѣ*, для чего еще онъ говорить: *не бы той сѣти*? Не безъ цѣли и не напрасно. У насъ обыкновенно свидѣтельствующій бываетъ больше того, о комъ свидѣтельствуешь, и нерѣдко признается болѣе достойнымъ довѣрія. Поэтому-то, чтобы кто не подумалъ того же и объ Іоаннѣ, евангелистъ тотчасъ, съ самаго же начала, уничтожаетъ эту мысль и, исторгая ее съ корнемъ, показываетъ, кто этотъ свидѣтельствующій, и кто Тотъ, о Комъ онъ свидѣтельствуешь, и какое различіе находится между тѣмъ и другимъ. Сдѣлавъ это и показавъ несравнимое превосходство послѣдняго предъ первымъ, евангелистъ уже безъ опасенія переходитъ къ послѣдующему сказанію; и если что нелѣпаго было въ мысляхъ людей неразумныхъ все то тщательно устранивъ, онъ уже безъ всякаго затрудненія и безпрепятственно приступаетъ къ продолженію слова. Итакъ. будемъ молиться, чтобы, при отеропеніи такихъ высокихъ истинъ, при ученіи правомъ, и жизнь наша была чиста и поведеніе безукоризненно, такъ какъ не приписать намъ пользы ученіе, когда у насъ нѣтъ добрыхъ дѣлъ. Если бы мы имѣли и всецѣлую вѣру и разумніе Писаній, но если мы не будемъ имѣть добраго направленія въ жизни, то ничто не спасетъ насъ отъ геенскаго огня и пламени неугасимаго въ вѣчности. Какъ люди, дѣлающіе добрыя дѣла, воскреснутъ въ жизнь вѣчную, такъ люди, держащіе на дѣла злыя, воскреснутъ для наказанія вѣчнаго и безконечнаго. Поэтому все попеченіе приложимъ къ тому, чтобы въ худыхъ дѣлахъ не погубить плодовъ правой вѣры, но по доброй жизни съ дерзновеніемъ созерцать

Христа,-- а выше этого блаженства ничего не может быть,-- чѣго и да сможемъ достигнуть, дѣлая все во славу Бога, Которому слава, съ Единороднымъ Сыномъ и Св. Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

БѢ СВѢТЪ ИСТИННЫЙ, иже просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 9).

- 61 1. Мы питаемъ васъ, чада возлюбленныя, ученіемъ Писаніи только по частямъ, и не все вдругъ излагаемъ, для того, чтобы вы легче могли сохранить предлагаемое вамъ. Кто, при построении дома, прежде, чѣмъ скрѣплены первые камни, кладетъ на нихъ другіе, тотъ возводитъ стѣну некрѣпкую и удоборазрушимую. А кто выжидаетъ, пока одни камни скрѣплятся известью, и потомъ уже мало-по-малу прибавляетъ къ нимъ другіе, тотъ строитъ зданіе прочное, немаловременное, неразрушимое, крѣпкое. Такимъ строителямъ будемъ подражать и мы и подобнымъ образомъ станемъ созидать ваши души. Я опасаюсь, чтобы, пока первыя основанія еще не утверждены, приложеніе дальнѣйшаго ученія не повредило и начаткамъ, такъ какъ разумъ еще не довольно силенъ, чтобы удержать все. Что же сегодня прочитано намъ?
- 62 *Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ.* Евангелистъ, говоря выше объ Іоаннѣ, замѣтилъ, что онъ пришелъ, *да свидѣтельствуеть о светѣ*, и что именно въ то время онъ для этого былъ посланъ. А чтобы, слыша это, кто-нибудь, по поводу недавняго явленія свидѣтеля, не возымѣлъ подобнаго подозрѣнія и касательно самаго свидѣтельствуемаго лица, евангелистъ возводитъ мысль выше и устремляетъ ее къ бытію безначальному, никогда нескончаемому и непреставшему. Но какъ можетъ, скажешь ты, имѣть такое бытіе Тотъ, Кто есть Сынъ? Мы говоримъ о Богѣ, а ты спрашиваешь, какъ это возможно? И ты не страшишься и не ужасаешься? Если бы кто спросилъ тебя, какимъ образомъ наши души, а потомъ и тѣла будутъ жить вѣчно, ты, конечно, посмѣялся бы надъ такимъ вопросомъ, потому что не уму человѣческому извѣдывать такіе предметы, а его долгъ только вѣрить, да и не испытывать того, что сказано, такъ какъ достаточнымъ доказательствомъ сказаннаго служить для него могущество Того, Кто изрекъ это. И ты спрашиваешь у насъ, какъ это возможно, когда мы говоримъ, что безначаленъ Тотъ, Кто создалъ души и тѣла, и безконечно
- 63 превосходитъ всякое созданіе? Кто въ полиомъ разсудкѣ и въ

здравомъ умѣ станеть говорить это? Ты слышалъ, что *бѣ стѣтъ истинный*. Зачѣмъ же понапрасну усиливаешься обнять своимъ умомъ эту жизнь безконечную? Это невозможно. Для чего изслѣдываешь неизслѣдимое? Для чего испытуешь непостижимое? Для чего извѣдываешь недовѣдомое? Разсмотри самыя источники солнечныхъ лучей. Ты не можешь этого сдѣлать, одпакожь ты въ этомъ случаѣ не досадуешь и не скорбишь о своемъ безсиліи. Отчего же ты такъ смѣлъ и опрометчивъ въ предметахъ гораздо важнѣйшихъ? Сынъ громовъ, Іоантъ, возглашающій чрезъ духовную трубу, услышавъ отъ Духа, что *бѣ стѣтъ*, ничего больше и не испытывалъ. А ты, не имѣя его благодати, разсуждая только по своимъ слабымъ умозаключеніямъ,—ты усиливаешься переступить даже за черту его вѣдѣнія? За это ты не сможешь достигнуть и мѣры его вѣдѣнія. Таково-то коварство діавола: довѣрившихся ему онъ выводитъ за предѣлы, положенные для насъ Богомъ, какъ будто бы мы могли имѣть гораздо болѣе (знанія). А обольстивъ насъ такими надеждами и лишивъ благодати Божіей, онъ не только ничего болѣе не сообщаетъ намъ (да и какъ опъ, діаволь, можетъ это?), но и не допускаетъ возвратиться въ прежніе предѣлы, въ которыхъ мы были безопасны, а всюду заставляетъ насъ блуждать и нигдѣ не даетъ остановиться. Такимъ образомъ онъ и первозданнаго человѣка довелъ до изгнанія изъ рая. Надѣливъ его надеждою большаго вѣдѣнія и почести, діаволь лишилъ его и того, чѣмъ онъ прежде спокойно пользовался. Человѣкъ не только не содѣлался равнымъ Богу, какъ обѣщаль ему діаволь, но и подпалъ подъ иго смерти; не только чрезъ вкушеніе отъ древа не получилъ ничего болѣе, но въ надеждѣ большаго вѣдѣнія утратилъ не мало и прежняго знанія. Онъ сталъ стыдиться своей наготы и скрывать ее, тогда какъ до обольщенія онъ былъ выше подобнаго стыда. Даже то, что онъ сталъ видѣть свою наготу и почувствовалъ нужду въ прикрытіи себя одеждою,—эти и другія еще большія скорби были слѣдствіями обольщенія. Чтобы не потерпѣть и намъ того же, будемъ повиноваться Богу и пребывать въ Его заповѣдяхъ, ничего болѣе не испытую; иначе мы лишимся уже и дарованныхъ намъ благъ, какъ наказаны и эти (еретики). Они, какъ скоро стали изыскивать начало жизни безначальной, лишились и того, что могли имѣть. Не нашли они и того, чего искали; да это и невозможно. А между тѣмъ отъ правой вѣры въ Единороднаго они отпали. Но мы не будемъ преступать предѣловъ вѣчныхъ, которые положили отцы наши, а во всемъ будемъ слѣдовать законамъ Духа и, слыша, что *бѣ стѣтъ истинный*, ничего больше не будемъ изслѣдовать; да и не-

возможно никому простираться далѣе этого изреченія. Если бы Богъ рождалъ подобно челоуѣку, то необходимо было бы какое-либо раздѣленіе между рождающимъ и рождаемымъ. Но какъ это рожденіе неизреченное и только Богу свойственное, то оставь обыкновенныя понятія: *прежде* и *послѣ*. Это—выраженіе времени, а Сынъ есть творецъ и всѣхъ вѣковъ.

2. Слѣдовательно, говорятъ иные, Богъ не отецъ (Сыну), а братъ. Но, скажи мнѣ, какая нужда (въ подобномъ заключеніи)? Если бы мы говорили, что Отецъ и Сынъ имѣютъ бытіе раздѣленное въ своемъ началѣ, то можетъ быть ты имѣлъ бы право 61 говорить такъ. Но мы избѣгаемъ такого нечестія и говоримъ, что Отецъ и безначаленъ, и нерожденъ, а Сынъ безначаленъ, но рожденъ отъ Отца. Какая же надобность изъ такого ученія выводить такое нечестивое заключеніе? Никакой нѣтъ надобности. Сынъ есть отблескъ ¹⁾. А отблескъ представляется нераздѣльно съ тѣмъ естествомъ, котораго есть отблескъ. Поэтому-то и Павелъ такъ называлъ (Сына) (Евр. 1, 8), чтобы мы не предполагали никакого раздѣленія между Отцемъ и Сыномъ. Вотъ что выражается этимъ наименованіемъ. Такимъ подобіемъ апостолъ исправляетъ нелѣпныя мысли, приходящія въ голову людямъ безсмысленнымъ. Слыша объ отблескѣ, говоритъ апостолъ, не думай, что Сынъ не имѣетъ собственной ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумію савелліанъ и маркелліанъ. Мы учимъ не такъ; а говоримъ, что Онъ имѣетъ Свою собственную ипостась. Поэтому, назвавъ Его отблескомъ, апостолъ присовокупляетъ, что Онъ есть и *образъ ипостаси Ею* (Отца) (Евр. 1, 3), чтобы тѣмъ выразить и собственную Его ипостась и единосущіе съ Тѣмъ, Котораго есть образъ. Нѣтъ, какъ я уже говорилъ, одного какого-либо достаточнаго выраженія, чтобы передать людямъ все это ученіе о Богѣ. Желательно, по крайней мѣрѣ, совокупивъ нѣсколько выраженій, изъ cadaго извлечь то, что приличествуетъ. Такимъ образомъ мы можемъ воздать достойное славословіе Богу,—достойное говорю то-есть, по нашимъ силамъ. А если бы кто думалъ, что можетъ говорить достойно о самомъ существѣ божескомъ, и усиливался доказать, что знаетъ Бога, какъ Богъ знаетъ самого себя, тотъ-то именпо и не имѣлъ бы никакого познанія о Богѣ. Зная это, будемъ твердо держаться того, что предали намъ *уже испереч самовидцы и слуги бытииіи Словесе*, и больше ничего не будемъ испытывать. Двѣ опасности угрожаютъ страждущимъ этою болѣзнію: одна та, что они напрасно трудятся, отыскивая то, чего нельзя найти; другая—что прогнѣвляють Бога, усили-

¹⁾ ἀπαύλασμα.

ваясь преступити предѣлы, Имъ положенные. А какой это возбуждаетъ гнѣвъ въ Богѣ, нѣтъ нужды говорить вамъ, потому что вамъ всѣмъ это извѣстно. Итакъ, удаляясь отъ сумасбродства еретиковъ, будемъ съ трепетомъ внимать Его словамъ, чтобы Онъ всегда охранялъ насъ. *На кого воззрю, говоритъ Онъ, только на кроткаго и смиреннаго, молчаливаго, и трепещущаго словеса моихъ* (Ис. lxvi, 2)? Итакъ, оставивъ это гибельное любопытство, станемъ лучше сокрушаться сердцемъ, будемъ оплакивать грѣхи свои, какъ заповѣдалъ намъ Христосъ. Станемъ скорбѣть о своихъ преступленіяхъ, возобновимъ тщательно въ памяти все, на что мы отваживались въ прошедшее время, и все то стараемся совершенно загладить. Къ этому Богъ открылъ намъ много путей. *Глазю ты, говоритъ Онъ, беззаконія твои прежде, да оправдишися* (Ис. хлш, 26). И въ другомъ мѣстѣ: *рече: испомы на мя беззаконіе мое, и Ты оставиши еси нечестіе сердца моего* (Пс. xxxi, 5). Такъ, частое воспоминаіе грѣховъ и обвиненіе себя въ нихъ не мало способствуетъ къ уменьшенію великости ихъ. Есть и другой путь, еще болѣе вѣрный, когда мы не помнимъ зла ни на комъ, кто согрѣшилъ противъ насъ, когда прощаемъ всякому сдѣланные противъ насъ проступки. Хочешь ли знать еще третій путь? Послушай, что говоритъ Даніиль: *сею ради грѣхи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убоиши* (Дан. iv, 24). Есть и еще, кромѣ этого, путь—частое упражненіе въ молитвахъ, постоянное прилежаніе въ моленіяхъ къ Богу. Приносить намъ не мало утѣшенія и оставленія грѣховъ также и постъ, когда соединяется съ любовію къ ближнимъ; онъ угашаетъ и силу гнѣва Божія. *Огонь горящій угаситъ вода и милостынями очищаются грѣхи* (Сир. ш, 30). Итакъ, будемъ ходить по всѣмъ этимъ путямъ. Если будемъ всегда держаться ихъ и на нихъ обращать свое вниманіе, то не только очистимъ прошедшія преступленія, но и на будущее время весьма много приобрѣтемъ для себя пользы,—не дадимъ діаволу возможности напа- 66
дать на насъ, да и сами не впадемъ въ безпечность житейскую, въ это гибельное любопытство. Діаволь между прочимъ и до этого доводитъ, и потомъ до этихъ безразсудныхъ изысканій и вредныхъ словопреній, какъ скоро замѣчаетъ, что люди предаются праздности и недѣятельности, вовсе не заботясь о добродѣтельной жизни. Но мы заградимъ ему этотъ проходъ, будемъ бодрствовать, трезвиться, чтобы, послѣ краткаго времени небольшихъ трудовъ, достигнуть въ безконечные вѣки безсмертныхъ благъ, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

БѢ СВѢТЪ ИСТИННЫЙ, ИЖЕ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСЯКАГО ЧЕЛОВѢКА, ГРЯДУЩАГО ВЪ МІРЪ (Іоан. 1, 9).

65 Ничто не препятствуетъ намъ и сегодня снова коснуться этихъ словъ, потому что въ прошедшій разъ изложеніе догматовъ не дозволило намъ прослѣдить вполне все прочитанное. Гдѣ же тѣ, которые говорятъ, что Сынъ не есть истинный Богъ? Здѣсь Онъ называется *истиннымъ свѣтомъ*, а въ другомъ мѣстѣ самую *истину* и самую *жизнь*. Впрочемъ эти послѣднія слова мы яснѣе изслѣдуемъ, когда дойдемъ до нихъ; а теперь надобно вашей любви сказать о свѣтѣ. Если онъ *просвѣщаетъ всякаго человека, грядущаго въ міръ*, то отчего столько людей остаются не просвѣщенными? Оттого конечно, что не всѣ познали вѣру Христову. Какъ же онъ *просвѣщаетъ всякаго человека*? Смотря по приемлемости каждаго. Если нѣкоторые, по своей волѣ смеживъ очи ума, не хотятъ принять лучей этого свѣта, то омраченіе ихъ происходитъ не отъ естества самаго свѣта, а отъ злобы этихъ людей, добровольно лишаящихъ себя дара. Благодать изливается на всѣхъ; она не чужда ни іудея, ни эллина, ни варвара, ни скиеа, ни свободнаго, ни раба, ни мужа, ни жены, ни старца, ни юноши; ко всѣмъ одинаково близка и всѣхъ равночестно призываетъ. Но тѣ, которые не хотятъ воспользоваться этимъ даромъ, тѣ по справедливости самимъ себѣ должны приписывать такое ослѣпленіе. Если тогда, какъ входъ открытъ для всѣхъ и никто не преграждаетъ его, нѣкоторые по произвольному ожесточенію остаются внѣ, то они гибнутъ не отъ чего-либо другого, а отъ собственной порочности. *Въ міръ бы* (ст. 10),—но не какъ современный міру; нѣтъ. Поэтому (евангелистъ) и присовокупляетъ: *и міръ темъ бысть* (ст. 10). Черезъ это онъ опять возводитъ тебя къ предвѣчному бытію Единороднаго. Кто слышитъ, что все есть созданіе Его, тотъ хотя бы былъ вовсе безчувственъ, хотя бы быть врагъ и противникъ славы Божіей, во всякомъ случаѣ волею или неволею принужденъ будетъ признать, что творецъ существуетъ прежде твореній. Потому-то я всегда и дивлюсь безумію Павла Самосатскаго,—какъ онъ дерзалъ противорѣчить столь очевидной истинѣ и самъ себя добровольно низринуть въ бездну. Онъ заблуждался не по невѣдѣнію, а очень хорошо понимая дѣло,

66 подвергся одной участи съ іудеями. Какъ іудеи, имѣя въ виду судъ людей, оставили здравую вѣру и, хотя знали, что Іисусъ есть Единородный Сынъ Божій, но, ради своихъ начальниковъ, не исповѣдывали, чтобы не быть изгнанными изъ синагоги, такъ

и Павелъ Самосатскій, какъ говорятъ, изъ угожденія какой-то женщиной, отрекся отъ своего спасенія. Подлинно, страшно, страшно преобладаніе тщеславія; оно можетъ ослѣпить очи и мудрыхъ людей, если они не станутъ бодрствовать. Если это можетъ сдѣлать мадонимство, тѣмъ больше страсть тщеславія, гораздо сильнѣйшая. Поэтому-то и говорилъ Христосъ іудеямъ: *како вы можете отровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищите* (Іоан. v, 44)? *И міръ Ею не позна.* Евангелистъ называетъ здѣсь міромъ множество людей растлѣнныхъ, преданныхъ земнымъ дѣламъ, толпу, мятежный и безсмысленный народъ. Но други Божіи и всѣ дивные мужи познавали Христа еще прежде Его явленія во плоти. Именно о праотцѣ самъ Христосъ сказалъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ сына мой; и видѣ и возрадовася* (Іоан. viii, 56). И о Давидѣ въ обличеніе іудеевъ Онъ говорилъ: *како убо Давидъ дуhomъ Господа Ею нарицаетъ, глаголя: рече Господь Господени моему: сяди одесную Мене* (Матѣ. xxi, 43, 44). Много разъ, препираясь съ ними, Онъ упоминаетъ и о Моисеѣ (Матѣ. v, 46); а о прочихъ пророкахъ—апостолъ. А что всѣ пророки, начиная отъ Самуила, познавали Христа и задолго предвозвѣщали пришествіе Его, объ этомъ говоритъ апостолъ Петръ: *и вси пророцы отъ Самуила и иже по сѣмъ, слышавъ глаголаша, такожде предвозвѣстиша дни сія* (Дѣян. ii, 24). Іакову и отцу его, какъ и дѣду его, являлся самъ Богъ, бесѣдовалъ съ ними, обѣщая даровать имъ многія и великія блага, что и исполнилъ на самомъ дѣлѣ. Какъ же, скажешь ты, Онъ самъ говорилъ: *мнози пророцы восхотѣша видѣти, яже вы видите, и не видѣша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Лук. i, 24)? Какъ же они знали Его? Конечно знали; и я попытаюсь доказать это изъ тѣхъ же самыхъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторые заключаютъ, будто бы пророки не имѣли познанія объ Іисусѣ Христѣ. Онъ говоритъ: *мнози восхотѣша видѣти, яже вы видите; значить, они знали, что Онъ придетъ къ людямъ и совершитъ дѣла, которыя и дѣйствительно совершилъ. А если бы не знали* 67 *этого, то и не восхотѣли бы видѣть, потому что никто не можетъ желать того, чего совсѣмъ не знаетъ. Слѣдовательно они знали Сына Божія, знали и то, что Онъ придетъ къ людямъ. Но чтожь это такое, чего они не видѣли и не слышали? То, что нынѣ вы видите и слышите. Пророки, хотя слышали гласъ Его и самого Его видѣли, однакожь—не во плоти, не въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ обращался съ людьми и открыто бесѣдовалъ съ ними. На это и самъ Онъ ясно указываетъ,—говоритъ не просто: они желали Меня видѣть, а какъ? Желали видѣть, что вы видите; не сказалъ также: желали Меня слышати, но: что вы слышите.*

Такимъ образомъ, хотя они и не видѣли Его явленія во плоти, однакожь знали, что оно будетъ, и его желали. Они вѣровали во Христа, хотя и не видѣли Его во плоти. Если же язычники, думая укорить насъ, спросятъ: что же дѣлалъ Христосъ прежде, когда еще не промышлялъ о родѣ человѣческомъ? почему Онъ, оставивъ насъ на столь долгое время безъ попеченія, уже въ послѣднее время пришелъ устроить наше спасеніе?—мы скажемъ, что Онъ еще и прежде того времени былъ въ мірѣ, предустраивая дѣла и вѣдомъ былъ всѣмъ достойнымъ. А если вы скажете, что Онъ былъ невѣдомъ, потому что не всѣ тогда знали Его, а только люди избранные и добродѣтельные, то на такомъ основаніи вы пожалуй допустите, что Онъ и въ настоящее время не имѣетъ поклоненія отъ людей, потому что и нынѣ еще не всѣ знаютъ Его. Но какъ въ настоящее время никто не можетъ отрицать, что есть люди знающіе Его,—потому только, что есть люди не знающіе Его,—такъ нельзя сомнѣваться въ томъ и по отношенію къ прежнимъ временамъ, потому что многіе, или лучше сказать, всѣ избранные и дивные мужи знали Его.

2. Но если бы кто спросилъ: почему тогда не всѣ вѣровали въ Него и не всѣ почитали Его, а только одни праведные?—то спрошу и я: отчего и въ настоящее время не всѣ знаютъ Его? Да что говорить о Христѣ? Отчего какъ прежде, такъ и нынѣ не всѣ знаютъ и Отца Его? Нѣкоторые говорятъ, что все (въ мірѣ) носится самодвижно; другіе попеченіе о всемъ приписываютъ демонамъ; а есть и такіе, которые, кромѣ истиннаго Бога, измыслили для себя какого-то другого; изъ нихъ иные богохульствуютъ, утверждая, будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думаютъ, что законы Божіи принадлежатъ какому-то злему духу. Что же? Ужели потому, что нѣкоторые отвергаютъ Бога, и мы будемъ говорить тоже, или согласимся, что Онъ золь, такъ какъ нѣкоторые высказываютъ и это богохульство? Прочь это безразсудство и это крайнее безуміе! Если бы мы стали повѣрять догматы судомъ этихъ безумныхъ людей, то и насъ самихъ ничто не удержало бы отъ крайняго безумія. Конечно никто не скажетъ, что солнце вредно для глазъ, потому что есть больные глазами; напротивъ, оно свѣтоносно по суду людей здоровыхъ. Никто также не скажетъ, что медъ горекъ, потому что онъ кажется такимъ на вкусъ больныхъ. Итакъ не по примѣру ли больныхъ нѣкоторые утверждаютъ, что или нѣтъ Бога, или что Онъ золь, что иногда Онъ промышляетъ, а иногда вовсе не дѣлаетъ этого? И кто скажетъ, что они люди здоровые? Напротивъ, это—люди не изступленные ли, безумные и крайне помѣшанные? *Міръ его не позна*, сказано; однакожь тѣ,

которыхъ недостойнѣ былъ міръ, познали Его. Сказавъ же о непознавшихъ Его, евангелистъ вкратцѣ излагаетъ и причину 68 этого невѣдѣнія; говорить не просто: никто не позналъ Его, но: *міръ Его не позна*, т. е. люди, преданные одному міру и только о мірскомъ помышляющіе. Такъ обыкновенно называлъ ихъ и Христосъ, какъ, напр., когда говорилъ: *Отче праведный, и міръ Тебе не позна* (Іоан. хѳ, 25). Но міръ, какъ мы сказали, не позналъ не только Сына, но и Отца, потому что ничто не приводитъ въ такое разстройство разсудокъ, какъ привязанность къ предметамъ временнымъ. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, отъ міра и воздерживайтесь отъ дѣлъ плотскихъ; отъ нихъ происходитъ потеря не въ случайныхъ, а въ самыхъ высшихъ благахъ. Человѣкъ, слишкомъ занятый дѣлами настоящей жизни, не можетъ надлежащимъ образомъ усвоить предметовъ небесныхъ; но по необходимости, заботясь о тѣхъ, лишается этихъ. *Не можете*, сказано, *Богу работати и мамонѣ* (Лук. хѳ, 13). Послѣдую одному, по необходимости надобно оставить другого. И объ этомъ гласитъ самый опытъ. Тѣ, которые смѣются надъ страстію къ богатству, тѣ-то наиболѣе и любятъ Бога, какъ должно. Напротивъ тѣ, которые высоко цѣнятъ богатство, какъ первое благо, слабѣйшую имѣютъ любовь къ Богу. Душа, будучи однажды плѣнена любостыжаніемъ, уже не можетъ легко и удобно удерживаться, чтобы не сдѣлать, или не сказать чего-либо такого, что прогнѣвляеть Бога, такъ какъ она дѣлается уже рабою другого господина, и притомъ такого, который повелѣваетъ ей все противное Богу

Итакъ, воспряните и пробудитесь и, размысливъ о томъ, какого Господина мы рабы, возлюбимъ только Его власть; возрыдаемъ и оплатимъ прежнее время, въ которое мы работали мамонѣ; свергнемъ однажды навсегда ея тяжкое, несносное иго и будемъ постоянно носить иго Христова, легкое и отрадное; Христосъ же не повелѣваетъ ничего такого, что внушаетъ мамона. Она повелѣваетъ быть врагами всѣмъ; а Христосъ—напротивъ: мловать и любить. Она, привязавъ насъ къ праху и пыли (таково—золото), не даетъ нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно; а Христосъ освобождаетъ насъ отъ этой излишней и неразумной заботы, повелѣваетъ собрать сокровища на небесахъ, не неправдою въ отношеніи къ другимъ, а собственною правдою. Мамона, послѣ столькихъ трудовъ и скорбей, не можетъ даже остаться съ нами, когда мы *тамъ* будемъ терпѣть наказанія и злострадать за исполненіе ея внушеній; она даже увеличить для насъ пламя; а Христосъ, даже когда повелѣваетъ дать ближнему чашу холодной воды, не попустить насъ

и за то лишиться награды и возмездія, но воздасть съ великою щедростію. Итакъ не крайне ли безразсудно—пренебрегать столь кроткое и столь великими благами изобилующее владычество, и работать властителю неблагодарному и непризнательному, который ни здѣсь, ни тамъ не можетъ никакой пользы принести послѣдующимъ и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не то одно вредно, что онъ не можетъ избавить преданныхъ казни: а и то еще, что онъ, какъ я сказалъ, подвергаетъ безчисленному множеству золь людей, покоряющихся ему. Весьма многіе изъ тѣхъ, которые будутъ наказаны, будутъ терпѣть наказаніе именпо за то, что служили деньгамъ, любили золото и не по-
69 могали нуждающимся. Чтобы не терпѣть и намъ того же, будемъ расточать (свои сокровища), отдавая ихъ бѣднымъ; освободятъ свою душу и отъ здѣшнихъ зловредныхъ попеченій и отъ будущихъ, за то уготованныхъ, мученій. Приготовимъ себѣ
70 оправданіе на небесахъ; вмѣсто стяжаній земныхъ, соберемъ сокровища неистощаемыя, сокровища, которыя могутъ сопутствовать намъ на небо, могутъ защитить насъ въ опасности и уми-
лостивить тогда Судію. Да будетъ же ко всѣмъ намъ Его благоволеніе и нынѣ и въ тотъ день, и да насладимся съ великимъ дерзновеніемъ благъ, какія уготованы на небесахъ любящимъ Его, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ІХ.

Во своя прииде, и свои Его не пріяша (Іоан. 1, 11).

69 Если вы помните прежнія наши размышленія, то мы съ ббльшею охотою будемъ продолжать назиданіе, получая отсюда и для себя много пользы. Какъ скоро вы запомнили прочитанное, то и для васъ вразумительнѣе будетъ слово наше, и отъ насъ не много потребуется труда,—потому что вы, при своей любознательности, можете уже глубже вникать въ дальнѣйшее ученіе. Кто всегда теряетъ (изъ памяти) то, что ему преподано, тотъ всегда будетъ нуждаться въ учителѣ и никогда не узнаетъ ничего. А кто все принятое хранить и къ тому прилагаетъ дальнѣйшія (наставленія), тотъ скоро изъ ученика можетъ сдѣлаться учителемъ и будетъ полезенъ не для себя только, но и для другихъ. Я надѣюсь, что именно таково будетъ предстоящее собраніе, и заключаю это изъ такой великой его ревности къ слушанію.

Потому въ душахъ вашихъ, какъ въ надежномъ храпилищѣ, мы положимъ сребро Господа и, сколько поможетъ благодать Духа, изъяснимъ предложенное намъ сегодня чтеніе. Евангелистъ, говоря о прежнихъ временахъ, сказалъ: *міръ Ею не позна; далѣе, обращая рѣчь ко временамъ самой проповѣди, онъ говоритъ: во своя пріиде, и свои Ею не пріяша. Своими онъ здѣсь называетъ іудеевъ, какъ народъ особый, или всѣхъ людей, какъ происшедшихъ отъ атого народа. И какъ выше, болѣзнуя о неразуміи многихъ людей и пристыжая общій духъ (времени), онъ говорилъ, что не позналъ Создателя міръ, чрезъ Него происшедшій, такъ и здѣсь, негодуя на неблагодарность іудеевъ и многихъ другихъ, онъ произноситъ еще болѣе тяжкое осужденіе, говоря: свои Ею не пріяша, тогда какъ Онъ къ нимъ-то и приходилъ. Но не одинъ евангелистъ, а и пророки съ удивленіемъ говорили тоже самое, наконецъ и Павелъ, изумленный тѣмъ же. Такъ взывали пророки, говоря отъ лица І. Христа: *людіе, иже не слышаша, работаша Ми, въ слухъ уха послушаша Мя: сынове чуждию саахаша Ми, сынове чуждию обетиаша и охромаша отъ стезь своихъ* (Пс. хvп, 44—46). И въ другомъ мѣстѣ: *иже не возвыстися о немъ, узрѣтъ и, иже не слышаша, уразумѣютъ* (Ис. лп, 15). Также: *обратися не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мя* (лхv, 1). А Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ говорилъ: *что убо? Еюже искаше Израиль, сего не получи: избраніе же получи* (Рим. хі, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *что убо речемъ? Яко языци, не юняцию правду, постигоша правду. Израиль же, юня законъ правды, въ законъ правды не постиже* (Рим. іх, 30, 31). Поистинѣ, достойно удивленія то, какъ іудеи, воспитанные на книгахъ пророческихъ, каждый день слушавшіе Моисея, который весьма многое говоритъ о пришествіи Христовомъ, равно и другихъ, послѣ него бывшихъ пророковъ, наконецъ видѣвшіе и самого Христа, Который каждый день творилъ для нихъ чудеса, съ ними только и бесѣдовалъ, и какъ ученикамъ еще не позволялъ *ходить на путь языковъ*, или входить въ какой-либо городъ самарянскій, такъ и самъ этого не дѣлалъ и часто говорилъ, что Онъ посланъ къ овцамъ погибшимъ дому Израилева,—какъ, говорю, іудеи, получивъ столько знаменій, слыша каждый день пророковъ и самого Христа съ Его постоянными внушеніями, до того ослѣпили и оглушили сами себя, что уже ничто не могло привести ихъ къ вѣрѣ во Христа.*

Между тѣмъ язычники, не имѣя у себя *ничего* такого, никогда не слышавъ божественныхъ вѣщаній, даже, такъ сказать, и во снѣ всегда занимались только бреднями людей умопомѣшанныхъ (такова языческая философія), перечитывали пусто-

словія поетовъ, привязаны были къ деревьямъ и камнямъ и не знали ничего здраваго и полезнаго ни въ вѣрованіяхъ, ни въ правилахъ жизни; а жизнь ихъ была еще болѣе нечиста и преступна, чѣмъ ученіе. Да и могло ли быть иначе, когда они видѣли, что ихъ боги находятъ удовольствіе во всякомъ порокѣ, что они чествуются срамными словами и еще болѣе срамными дѣлами и это принимаютъ, какъ празднество и почеть; кромѣ того чествуются и гнусными убійствами и умерщвленіемъ дѣтей,—и въ этомъ люди подражали богамъ же. Но, несмотря на то, что они испали до такой глубины зла, вдругъ, какъ бы какою машиною, поднялись на высоту и явились намъ, блистая съ самаго верха небесъ. Какъ же это и отчего произошло? Послушай, что говоритъ объ этомъ Павелъ. Блаженный апостолъ, тщательно изслѣдывая эти обстоятельства, не оставилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не нашелъ причины и не изъяснилъ ее всѣмъ. Какая же это причина? И отчего была у іудеевъ такая слѣпота? Послушай, что говоритъ объ этомъ онъ самъ, тотъ, которому ввѣрено было это домостроительство. Что же онъ говоритъ въ разрѣшеніе такого недоразумѣнія многихъ? *Неразумѣюще*, говоритъ онъ, *Божію правду, и свою правду ищуще поставити, правду Божіей не повиновашася* (Рим. х, 3). Вотъ за что они подверглись такому несчастію. И въ другомъ мѣстѣ, тоже самое излагая иначе, апостолъ говоритъ: *что убо речемъ? Яко языци, не юнѣиши правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры. Израиль же, юнѣ законъ правды, въ законѣ правды не постиже. Чего ради? Зане не отъ вѣры. Преткнувшася бо о камень претѣканія* (Рим. ix, 30—32). Это значить, что невѣріе іудеевъ было для нихъ причиною золь, а невѣріе происходило отъ надменности. Сначала они имѣли больше, нежели язычники, именно: получили законъ, имѣли познаніе о Богѣ и прочее, о чемъ говоритъ Павелъ. Но по пришествіи Христа, какъ скоро увидѣли, что какъ они, такъ и язычники по вѣрѣ равночестно призываются ко спасенію и что въ дѣлѣ вѣры обрѣзанный не имѣетъ никакого преимущества предъ обращеннымъ изъ язычниковъ,—тогда отъ гордости они перешли къ зависти и не стерпѣли великаго и неизреченнаго челоуѣколюбія Господа. А это произошло въ нихъ не отъ чего-либо другого, какъ отъ высокоумія, злости и челоуѣконенавистничества.

2. Какой же вредъ вамъ, бессмысленнѣйшіе изъ людей, принесло это попеченіе (Господа), оказанное другимъ? Развѣ уменьшились ваши блага оттого, что другіе получили участіе въ нихъ? Но поистинѣ злость слѣпа и ничего справедливаго не можетъ скоро понять. Терзаясь мыслию, что и другіе будутъ имѣть участіе въ тѣхъ же правахъ, они обратили мечъ на са-

михъ себя и лишили сами себя челоѣколюбія Божія. Но такъ требовала справедливость. Сказано: *друзе, не обижу тебе, хочу же и имъ дати, якоже тебѣ* (Мѣ. хх, 13, 15). Но они не стоятъ и этихъ словъ. Наемникъ (упомиаемый въ евангеліи), хотя и досадовалъ, по крайней мѣрѣ могъ указать на свои труды въ продолженіе цѣлаго дня, на тяготу, знои и потъ; они же что могли бы сказать? Ничего такого; въ нихъ была только безпечность, певоздержность и множество пороковъ, въ которыхъ постоянно обличали ихъ всѣ пророки и которыми они, такъ же какъ и язычники, оскорбляли Бога. На это указывая, Павелъ и говоритъ: *нѣтъ разности между іудеємъ и эллиномъ. Все бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божіа: оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. ш, 22--24). Но этотъ предметъ съ пользою и весьма мудро излагаеетъ апостолъ въ цѣлой главѣ посланія. А предъ тѣмъ онъ еще показываетъ, что іудеи даже большаго достойны наказанія: *слицы бо въ законъ согрѣшиша*, говоритъ онъ, *закономъ судъ приимуть* (Рим. п, 12), т. е. судъ болѣе строгій, такъ какъ, кромѣ природы, они имѣютъ обвинителемъ и законъ. Да и не поэтому только, а и потому, что они были причиною хуленія Бога между язычниками. *Васъ ради*, сказано, *имя мое хулихся во языцехъ* (Ис. лп, 5, ср. Рим. п, 22). Это особенно раздражало ихъ, такъ что и увѣровавшимъ отъ обрѣзанія казалось страннымъ это обстоятельство; потому-то они и обвиняли Петра, когда онъ возвратился къ нимъ изъ Кесаріи, за то, что онъ входилъ въ общеніе съ людьми необрѣзанными и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; да и послѣ того, какъ поняли предопредѣленіе Божіе, они еще дивились, какъ дары Духа Святаго излились и на язычниковъ, этимъ изумленіемъ выражая то, что они никогда не ожидали такой странности. Итакъ зная, что это особенно уязвляло ихъ, апостолъ все направляетъ къ тому, чтобы уничтожить ихъ гордость и подавить ихъ слишкомъ надменное высокомѣріе. И смотри, какъ это онъ дѣлаетъ: послѣ разсужденія о язычникахъ, показавъ, что они не имѣютъ никакого ни въ чемъ оправданія, ни надежды на спасеніе, тщательно обличивъ также и превратное ихъ ученіе и нечистоту ихъ жизни, онъ переноситъ свое слово на іудеевъ. Повторивъ все, сказанное о нихъ пророкомъ,—что они и преступны, и коварны, и лукавы, и что всѣ вообще не- 72
потребны, и ни одинъ изъ нихъ не взыскуетъ Бога, но всѣ уклонились, и тому подобное,—апостолъ присовокупляетъ: *ѣмъ же, яко слика законъ малоетъ, сущимъ въ законъ малоетъ; да всяка уста заграждатся, и повиненъ будетъ весь міръ Богови. Все бо согрѣшиша и лишени суть славы Божіа* (Рим. ш, 19, 23). Что же ты превозносишься, іудей? Что о себѣ много думаешь? Твоя уста заграж-

денъ, твоя самоувѣренность уничтожена, и ты вмѣстѣ со всѣмъ міромъ подлежишь суду и, подобно другимъ, имѣешь нужду въ оправданіи туне. Итакъ, хотя бы ты былъ правъ по закону и имѣлъ много дерзновенія предъ Богомъ, тебѣ не надлежало завидовать тѣмъ, которые могли быть помилованы и спасены человѣколюбіемъ Божиимъ. Крайне худо огорчаться благополучіемъ другихъ, и особенно, когда оно не соединено съ ущербомъ для тебя. Если бы спасеніе другихъ вредило твоему благополучію,—ты имѣлъ бы основаніе огорчаться,—хотя и это несвойственно человѣку, научившемуся любу мудрствовать. Но если ни казни другихъ не умножаютъ для тебя награды, ни благополучіе не уменьшаетъ ихъ, то для чего ты самъ себя терзаешь, потому только, что другой спасается туне? Не надлежало тебѣ, какъ я сказалъ, раздражаться тѣмъ, что и язычникамъ благодатию даровано спасеніе, хотя бы ты самъ былъ изъ людей достойныхъ одобренія. Но когда ты, будучи въ томъ же повиненъ (какъ и язычникъ) предъ Господомъ, и навлекши на себя гнѣвъ Его, еще досадуешь на чужое благополучіе и думаешь о себѣ такъ много, какъ будто ты одинъ имѣешь право на общеніе благодати, то ты подлежишь болѣе, чѣмъ всѣ другіе, тяжкимъ мученіямъ, не за зависть только и надменность, а и за крайнее безразсудство. Ты возрастилъ въ себѣ корень всѣхъ золъ — высокомеріе. Поэтому и одинъ мудрый сказалъ: *начало грѣха гордыни* (Сирах. х, 15), т. е. корень, источникъ, мать. Такъ чрезъ нее и первозданнѣйшій человѣкъ лишился блаженнаго состоянія; чрезъ нее и обольстившій его діаволъ ниспалъ съ высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнавъ, что грѣхъ этотъ можетъ низвергнуть и съ самихъ небесъ, избрало этотъ путь, чтобы лишить Адама столь великой чести. Надмивъ его обѣщаніемъ равенства съ Богомъ, онъ такимъ образомъ ниспровергъ и низринулъ его въ самую глубину ада. Подлинно, ничто такъ не отчуждаетъ отъ человѣколюбія Божія и не подвергаетъ огню геенскому, какъ преобладаніе высокомерія. Когда оно въ насъ есть, то вся наша жизнь дѣлается нечистою, хотя бы мы подвизались въ цѣломудріи, дѣвствѣ, постничествѣ, молитвахъ, милостынѣ и другихъ добродѣтеляхъ. *Нечистъ*, сказано, *предъ* Господомъ *всякъ высокосердечный* (Прит. хvi, 5). Итакъ, если хотимъ быть чистыми и свободными отъ наказанія, уготованнаго діаволу, обуздаемъ въ себѣ надменность духа, отсѣчемъ высокомеріе. А что гордые необходимо подвергнутся одному наказанію (съ діаволомъ),—послушай, что говоритъ объ этомъ Павелъ: *не ново-крещенну, да не разиордися въ судъ впадетъ и въ сѣть діавола* (1 Тим. ш, 6). Что значить: *въ судъ*? Значить: въ то же осужденіе.

въ то же наказаніе. Какъ же избѣжать этой бѣды? Избѣжимъ, 73
если будемъ размышлять о своей природѣ, о множествѣ согрѣ-
шеній, о великости будущихъ мученій, о томъ, что все, кажу-
щееся здѣсь блистательнымъ, временно, ничѣмъ не лучше травы
и увядаетъ скорѣе весеннихъ цвѣтовъ. Если часто будемъ воз-
буждать въ себѣ такія мысли и приводить себѣ на память лю-
дей совершившихъ великіе подвиги, то діаволъ не сможетъ легко
надмѣть насъ, сколько бы ни усиливался, не сможетъ даже за-
пнуть насъ на первыхъ шагахъ. Богъ же, Богъ смиренныхъ, 74
благій и милосердный, самъ да дастъ вамъ и намъ сердце со-
крушенное и смиренное. Такимъ образомъ мы будемъ въ со-
стояніи легко совершить и все прочее во славу Господа нашего
Исуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу и
Святому Духу во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Во своя прииде, и свои Его не приѣша (Іоан. 1, 11).

1. Богъ, Человѣколюбецъ и Благодѣтель, все творитъ и все 73
устраиваетъ такъ, возлюбленные, чтобы мы блистали добродѣтелію.
И желая, чтобы мы были благочестны, Онъ безъ всякаго насилія
и принужденія, а только убѣжденіемъ и благотвореніями, всѣхъ
желающихъ того призываетъ и привлекаетъ къ Себѣ. Потому,
когда пришелъ Онъ, одни приняли Его, а другіе не приняли.
Онъ никого не хочетъ имѣть Своимъ рабомъ противъ воли или
по принужденію; а хочетъ, чтобы всѣ свободно и добровольно
служили Ему и познавали сладость служенія Ему. Люди, имѣя
нужду въ услуженіи рабовъ, связываютъ ихъ закономъ рабства
и противъ воли ихъ; а Богъ, не имѣя нужды ни въ чемъ, ни-
какихъ, подобныхъ нашимъ, потребностей, все творитъ только
ради нашего спасенія и въ этомъ дѣлаетъ насъ самими себѣ
господами. Потому и не желающихъ Онъ не подвергаетъ ника-
кому насилію, или принужденію; Онъ имѣетъ въ виду только
нашу пользу. А противъ воли быть увлечену на служеніе — все
равно, что и совсѣмъ не служить. Почему же, скажешь ты, Онъ
наказываетъ не желающихъ повиноваться Ему? Зачѣмъ угрожаетъ
геепною не слушающимъ повелѣній Его? Это потому, что, бу-
дучи попремногу благъ, Онъ имѣетъ великое попеченіе о насъ
даже и тогда, какъ мы не повинемся Ему, не отступаетъ и
тогда, какъ мы удаляемся и бѣгаемъ отъ Него. И какъ мы укло-
нились отъ первоначальнаго пути благотворенія, то есть не вос-

хотѣли идти путемъ убѣжденія и благополучія, то Онъ повелъ пась другимъ путемъ — наказаній и мукъ, — путемъ, конечно, весьма тяжкимъ, но неизбѣжнымъ. Когда первый путь пренебрегается, тогда по необходимости надобно идти другимъ. И законодатели полагають многія и жестокія наказанія преступникамъ; однакожь за то мы не осуждаемъ ихъ, а напротивъ, еще и болѣе уважаемъ ихъ за постановленія о наказаніяхъ, такъ какъ, не имѣя ни въ чемъ никакой надобности съ нашей стороны, часто даже не зная, кто впослѣдствіи будетъ пользоваться помощію ихъ постановленій, заботятся о благоустройствѣ нашей жизни тѣмъ, что добродѣтельнымъ людямъ воздаютъ честь, а людей порочныхъ, нарушающихъ спокойствіе, укрощають наказаніями. Если же мы такихъ законодателей почитаемъ и любимъ, то не гораздо ли болѣе должны благоговѣть предъ Богомъ и любить Его за столь великое попеченіе о насъ? И различіе между поспѣтельностью тѣхъ и промысломъ Божиимъ о насъ — безпредѣльно. Подлинно, богатство благодати Его неизреченно и превышаетъ всякое разумѣніе. Замѣтъ же: Онъ *во своя прииде*, не по собственной какой-либо нуждѣ (потому что, какъ я сказалъ. Божество ни въ чемъ не пуждается), а для благодѣянія своимъ. Не смотря на то, *свои* не приняли, но отвергли Того, Кто пришелъ къ нимъ для ихъ же пользы; мачо того: изгнавъ Его изъ виноградника, убили (Лук. xx, 10). И при всемъ томъ Онъ не преградилъ для нихъ покаянія, но далъ имъ возможность, только бы сами захотѣли, и послѣ того беззаконія, очистить всѣ согрѣшенія свои вѣрою въ Него и сравняться съ тѣми, которые ничего такого не сдѣлали и болѣе другихъ Ему любезны. А что я говорю это не безъ основанія и не въ шутку, ясное также свидѣтельство дають всѣ обстоятельства блаженнаго Павла. Онъ гналъ Христа, уже послѣ распятія Его, и свидѣтеля Его Стефана убилъ руками другихъ многихъ; но, когда раскаялся, осудилъ въ себѣ прежніе грѣхи, прибѣгъ къ Тому, Кого гналъ, Тотъ тотчасъ сопричислилъ его къ Своимъ друзьямъ и притомъ первѣйшимъ, поставилъ его — гонителя, хулителя и оскорбителя — проповѣдникомъ и учителемъ всей вселенной. Онъ и самъ не стыдился проповѣдывать объ этомъ, восхищенный челоувѣколюбіемъ Божиимъ, и въ писаніяхъ своихъ, какъ бы на столпѣ, изобразивъ прежнія свои дерзости, обнаружилъ ихъ предъ всѣми, считая за лучшее выставить на позоръ предъ всѣми прежнюю свою жизнь, чтобы тѣмъ яснѣе показать величіе дара Божія, пежели скрыть неизреченное и неисповѣдимое челоувѣколюбіе Господа, не желая обнаружить предъ всѣми собственное заблужденіе. Съ этою цѣлію онъ то тамъ, то здѣсь упоминаетъ о гоненіяхъ, павѣтахъ и ополченіяхъ своихъ противъ Церкви; въ одномъ

мѣстѣ говорить: *ясмь достоинъ нарецися апостолъ, зане юниа Церковѣ Божію* (1 Кор. хв, 9); въ другомъ: *яко Христось Іисусъ прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. і, 15); въ третьемъ: *смышасте мое житіе многа въ жидовствѣ, яко по премноу юниа Церковѣ Божію и разрушаю ю* (Галат. і, 13).

2. Такимъ образомъ Павелъ, какъ бы въ нѣкоторое воздаяніе Христу за долготерпѣніе къ нему, показывая, кого, какого враждебнаго и непріязненнаго челоуѣка (Господи) спасъ, съ великимъ дерзповеніемъ возвѣщаеъ о той брани, которую онъ вначалѣ со всею ревностію воздвигалъ противъ Христа. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушаеъ благія надежды и тѣмъ, которые отчаиваются въ себѣ самихъ. Христось, говорить онъ, для того и помиловалъ его, чтобы въ немъ первомъ показать все долготерпѣніе и прензобильное богатство благодсти Своей, въ примѣръ тѣмъ, которые послѣ того могли увѣровать въ Него для жизни вѣчной, хотя бы и ихъ грѣхи превышали всякую надежду прощенія. На это именпо указывая, и евангелистъ говорить: *во своя прииде, и свои Его не пріиша*. Откуда пришелъ все наполняющій и вездѣ сущій? Какое мѣсто лишилъ Своего присутствія Тотъ, Кто въ рукѣ Своей держитъ все и надъ всѣмъ владычествуеъ? Никакого мѣста Онъ не оставилъ (какъ это возможно?). А совершилось это по Его снисхожденію къ намъ. Такъ какъ Онъ, будучи въ мірѣ, не казался находящимся въ мірѣ, потому что невѣдомъ былъ, напослѣдокъ же явилъ Себя, благоволивъ облечься въ нашу плоть, то это самое явленіе и снисхожденіе Его евангелистъ и называетъ пришествіемъ. Достойно удивленія, что ученикъ не стыдится униженія своего Учителя, но смѣло описываетъ нанесенное Ему оскорбленіе: и это—не маловажное доказательство его правдолюбиваго духа. Впрочемъ, если стыдиться, то надобно стыдиться за тѣхъ, которые нанесли, а не за Того, Кто претерпѣлъ оскорбленіе. Онъ тѣмъ еще болѣе прославился, что и послѣ такого оскорбленія такъ промышляетъ о Своихъ оскорбителяхъ; а они предъ всѣми оказались неблагодарными и презрѣнными, потому что отвергли, какъ врага и непріятеля, Того, Кто пришелъ къ нимъ съ такими благами. Да и не тѣмъ только они повредили себѣ, но и тѣмъ, что не получили того, чего достигли принявшіе Его. А что получили послѣдніе? *Елицы пріиша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (ст. 12). Но для чего же ты, блаженный, не сказываеъ намъ и о наказаніи тѣхъ, которые не приняли Его, а говоришь только, что они *свои* были и *во свои* Пришедшаго не приняли? А что они за это потерпятъ, какому наказанію подвергнутся, того ты не присовокупилъ. Можетъ быть чрезъ это ты болѣе устрасилъ бы ихъ и угрозою смягчилъ бы

грубость ихъ надменности. Для чего же ты умолчалъ объ этомъ? Но какое же другое, говорить евангелистъ, наказаніе могло бы быть болѣе того, что они, имѣя возможность сдѣлаться чадами Божиими, не дѣлаются таковыми, но добровольно лишаютъ сами себя такого благородства и чести? Впрочемъ, наказаніе ихъ не ограничится тѣмъ только, что они не получаютъ никакого блага; ихъ постигнетъ еще огонь неугасающій, что впослѣдствіи яснѣе открываетъ евангелистъ. Теперь же опъ говоритъ о неопроверженныхъ благахъ, дарованныхъ принявшимъ Господа, и вкратцѣ изображаетъ эти блага слѣдующими словами: *елики же пріѣхаша Ею, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти*. Хотя бы то были рабы или свободные, эллины или варвары, или скины, хотя бы немудрые или мудрые, жены или мужи, дѣти или старцы, незнатные или знатные, богатые или бѣдные, начальники или простолудины, всѣ, говорить евангелистъ, удостоены одной почести. Вѣра и благодать Духа, устранивъ неравенство мірскихъ достоинствъ, всѣмъ имъ сообщила одинъ видъ, на всѣхъ напечатлѣла одинъ образъ—царскій. Что можетъ сравниться съ такимъ человѣколюбіемъ? Единородный Сынъ Божій не возгнушался причислить къ лику чадъ—и мытарей, и волхвовъ, и рабовъ, и самыхъ неважныхъ людей, многихъ еще съ поврежденными членами тѣла и со множествомъ недостатковъ. Такова сила вѣры въ Него, таково величіе благодати! Какъ огонь, проникши въ землю, въ которой есть металлъ, тотчасъ изъ нея производитъ 76 золото, такъ, и еще лучше, крещеніе дѣлаетъ омываемыхъ имъ изъ бранныхъ золотыми, когда Духъ, на подобіе огня, проникаетъ въ наши души и, попадая въ нихъ *образъ перстнаго*, изнаоситъ, какъ бы изъ горнила, *образъ небснаго*, образъ новый, свѣтлый, блестящій. Но для чего евангелистъ не сказалъ: *сотвори имъ чадами Божиими*, а говоритъ: *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти*? Чтобы показать, какъ много нужно заботливости для сохраненія во всю жизнь въ чистотѣ и неповрежденіи того образа усновленія, который напечатлѣвъ въ насъ при крещеніи; а вмѣстѣ—чтобы показать и то, что такой власти никто не можетъ отнять у насъ, если напередъ сами себя не лишимъ ея. Если получающіе отъ людей въ какихъ-либо домахъ полномочіе имѣютъ почти такую же силу, какую и тѣ, которые имъ дали его, то тѣмъ болѣе мы, получивъ отъ Бога такую почесть, если только не сдѣлаемъ ничего недостойнаго этой власти, будемъ всѣхъ сильнѣе, потому что всѣхъ выше и совершеннѣе Тотъ, Кто сообщилъ намъ такое достоинство. Еще и то хочеть показать (евангелистъ), что благодать не иначе приходитъ, какъ только къ тѣмъ, которые сами желаютъ и заботятся о пріобрѣтеніи ея. Та-

кимъ-то людямъ принадлежить область — содѣлываться чадами. А если сами люди предварительно не возымѣютъ желанія, то и даръ не приходитъ, и благодать въ нихъ ничего не производитъ.

3. Итакъ евангелистъ, повсюду отвергая принужденіе и показывая свободу воли и самостоятельность чловѣка, тоже самое высказалъ и теперь. И въ этихъ самыхъ тайнахъ одно принадлежитъ Богу — даровать благодать, а другое чловѣку — показать вѣру. Но затѣмъ требуется отъ чловѣка еще много заботливости: для сохраненія чистоты, для насъ недовольно только креститься и увѣровать; но, если мыжелаемъ приобрѣсти совершенную свѣтлость, то должны вести достойную того жизнь. А это Богъ предоставилъ намъ самимъ. Тайнственное возрожденіе и очищеніе наше отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ совершается въ крещеніи; но пребыть въ послѣдующее время чистыми и не допускать къ себѣ снова никакой скверны — это зависитъ отъ нашей воли и заботливости. Потому-то (евангелистъ) напоминаетъ намъ и о самомъ способѣ (духовнаго) рожденія и, чрезъ сравненіе его съ рожденіемъ плотскимъ, показываетъ его превосходство, говоря: *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескя, но отъ Бога родишася* (ст. 13). И это онъ сказалъ для того, чтобы мы, познавъ ничтожество и уничтоженіе нашего перваго рожденія отъ крови и похоти плотскя, постигнувъ напротивъ важность и достоинство втораго рожденія по благодати, возымѣли высокое о немъ понятіе, понятіе, достойное этого дара отъ Того, Кто рождаетъ насъ такимъ образомъ, и затѣмъ со своей стороны показывали великое о немъ попеченіе. Мы должны не мало опасаться, чтобы, послѣдующимъ нерадѣніемъ и пороками осквернивъ это прекрасное одѣяніе, не быть намъ изверженными изъ брачнаго чертога, подобно пяти юродивымъ дѣвамъ, или подобно тому, кто не имѣлъ брачной одежды. И этотъ чловѣкъ былъ также въ числѣ гостей, и былъ приглашенъ; но какъ, и послѣ приглашенія и такой почести, оказалъ неуваженіе къ пригласившему его, то — послушай, какой подвергается участію, бѣдственной и многихъ слезъ достойной. Пришедши для того, чтобы участвовать въ свѣтломъ пирѣ, онъ не только изгоняется съ пира, но, связанный по рукамъ и ногамъ, отводится въ тѣмъ кромѣшную, гдѣ предается вѣчному и непрестанному плачу и скрежету зубовъ. И такъ, возлюбленные, не будемъ считать одну вѣру достаточною для спасенія. Если мы не представимъ чистой жизни, но явимся въ одеждахъ неприличныхъ блаженному нашему признанію, то ничто не спасетъ и насъ отъ такихъ же страданій, какимъ подвергся тотъ несчастный. Въ

самомъ дѣлѣ, не страшно ли, что когда самъ Богъ и Царь не гнушается простыми, незнатными и ничего нестоящими людьми, но съ распутиѣ приводитъ ихъ за Свою трапезу, мы показываемъ въ себѣ такую безчувственность, что и въ такой чести не дѣлаемся лучшими, но и по призваніи остаемся въ томъ же злѣ, и такимъ образомъ попираемъ неизреченное человеколюбіе Призвавшаго? Онъ не для того призвалъ насъ къ этому духовному и страшному общенію таинствъ, чтобы мы приступали къ нимъ съ прежними злодѣяніями, а для того, чтобы, совлекшись постыдныхъ одеждъ, облеклись въ такія, какія приличны угощаемымъ въ царскихъ чертогахъ. Если же мы не хотимъ поступать достойно такого призванія, то это зависитъ отъ насъ, а не отъ Того, Кто такъ почтилъ насъ. Не Онъ изгоняетъ насъ изъ дивнаго сонма званыхъ, но мы сами себя изгоняемъ. Онъ все съ Своей стороны сдѣлалъ: устроилъ брачный пиръ, приготовилъ трапезу, послалъ приглашенныхъ, принялъ пришедшихъ и всякую другую честь оказалъ; но мы своими нечистыми одеждами, то есть, грѣховными дѣлами нанесли оскорбленіе Ему и присутствующимъ на брачномъ пирѣ и всему браку, и потому справедливо мы изгоняемся. Такимъ образомъ уважая брачный пиръ и званыхъ, Царь изгоняетъ отсюда дерзкихъ и безстыдныхъ. А если бы Онъ оставилъ одѣтыхъ въ такія одежды, то чрезъ это самъ оказалъ бы неуваженіе и къ другимъ званымъ. Но не дай Богъ никому, ни намъ, никому-либо изъ другихъ людей испытать такой гнѣвъ Призвавшаго. Для того и написано это, прежде чѣмъ сбудется, чтобы, вразумленные угрозами Писанія, мы не довели себя на дѣлѣ до такого безчестія и наказанія, но, довольствуясь уже только такими словами (Писанія), всѣ явились на тотъ зовъ въ свѣтлой одеждѣ, которую и да получимъ всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХІ.

И Слово плоть бысть, и вселися въ ны (Іоан. 1, 14).

77 1. Одного у всѣхъ васъ хочу просить утѣшенія, прежде нежели приступлю къ изъясненію изреченій евангельскихъ; но только не отвергните просьбы. Не тяжкаго чего-нибудь и труднаго прошу отъ васъ; да и не мнѣ только пріемлющему полезно будетъ это одолженіе, но и вамъ оказывающимъ его, и можетъ быть для васъ еще гораздо полезнѣе? Что же это такое, о

чемъ хочу просить васъ? Пусть каждый изъ васъ тотъ отдѣлъ изъ евангелія, который будетъ читаемъ въ первый день по субботѣ, или въ самую субботу, среди васъ (въ церкви), возьметъ предъ этими днями въ руки и дома внимательно прочитываетъ, многократно со тщаніемъ просматриваетъ содержаніе его и хорошо вникаетъ въ него; пусть отмѣчаетъ, что тамъ ясно и что неясно, что есть повидимому противорѣчащаго, хотя на самомъ дѣлѣ не таково; и все обсудивъ, такимъ образомъ собирайтесь сюда къ слушанію (бесѣдъ). Не малая будетъ польза отъ такого усердія и вамъ и намъ: намъ немного потребно будетъ труда—объяснять вамъ силу изреченій, когда вашъ умъ уже предварительно усвоитъ себѣ понятіе о нихъ; а вы такимъ способомъ болѣе изощритесь и будете понятливѣе въ слушаніи, не только къ собственному вашему назиданію, но и къ паученію другихъ. Теперь же, такъ какъ многіе изъ приходящихъ сюда слушать по необходимости должны вникать одновременно во все — и въ самыя изреченія и въ наши на нихъ объясненія, то, хотя бы мы употребили на это цѣлый годъ, не получаютъ они большой пользы. Да и возможно ли это, когда они мимоходомъ и только здѣсь, на краткое время, занимаются поученіями? А если кто будетъ ссылаться на дѣла и заботы, на недосугъ при множествѣ занятій общественныхъ и частныхъ, то, во-первыхъ, это-то самое и служитъ къ немалому ихъ осужденію, что они заняты такимъ множествомъ дѣлъ, и такъ совершенно связаны житейскими попеченіями, что не имѣютъ даже немного свободного времени для занятій болѣе, чѣмъ всякія другія, необходимыхъ; во-вторыхъ, это только отговорка и 78 предлогъ, въ чемъ обличаютъ ихъ и пріятельскія сходбища, и препровожденіе времени на зрѣлищахъ, и стеченіе на конныя состязанія, на которыхъ часто проводятъ цѣлые дни, и однако никто въ такихъ случаяхъ не жалуется на множество дѣлъ. Итакъ, въ дѣлахъ маловажныхъ вы никогда не отказываетесь никакими предлогами и можете найти много свободного времени; а когда надобно внимать слову Божію, то это кажется вамъ столь излишнимъ и незначительнымъ дѣломъ, что будто бы не стоитъ употреблять на это и малаго свободного времени. Достойны ли такъ думающіе люди даже дышать, или смотрѣть на это солнце? Есть у такихъ нерадивыхъ людей и другой предлогъ, еще болѣе неосновательный, будто бы они не приобрѣли и не имѣютъ книгъ Св. Писанія. Но въ отношеніи къ богатымъ смѣшно было бы распространяться намъ о такомъ предлогѣ; а бѣдныхъ, которые, я думаю, по большей части пользуются имъ, желалъ бы я спросить, не всѣ ли орудія ремесла, какимъ каж-

дый изъ нихъ занимается, есть у нихъ, сколько нужно, и въ исправности, хотя бы угнетала ихъ крайняя бѣдность? Какъ же не нѣтъ—тамъ не отговариваться бѣдностію, но употреблять всѣ усилія, чтобы ни въ чемъ не нуждаться; а гдѣ можно пріобрѣсти столь великую пользу, здѣсь жаловаться на недосугъ и убожество? Впрочемъ, хотя бы дѣйствительно нѣкоторые были такъ бѣдны, все же изъ непрерывно здѣсь бывающаго чтенія могли бы узнать сколько-нибудь содержаніе божественныхъ Писаній. Если же это кажется вамъ невозможнымъ, то не безъ причины такъ кажется. Многіе не съ большимъ усердіемъ приходятъ слушать чтеніе Писаній, но, исполнивъ это только какъ долгъ урочнаго времени, тотчасъ возвращаются домой; а если нѣкоторые и остаются, то бываютъ нисколько не лучше удалившихся, присутствуя здѣсь съ нами только тѣломъ. Но, чтобы намъ не слишкомъ обременить васъ обличеніями и не потерять всего времени въ упрекахъ, приступимъ къ изреченіямъ евангельскимъ: время наконецъ обратить слово на подлежащіе предметы. Только будьте внимательны, чтобы ничто сказанное не было потеряно для васъ. *И Слово плоть бысть*, говоритъ евангелистъ, и *оселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Сказавъ, что принявшіе Слово родились отъ Бога и содѣлались чадами Божіими, предлагаетъ причину и основаніе такой неизреченной почести. Причина та, что само Слово содѣлалось плотію и Господь воспринялъ на Себя образъ раба. Будучи истиннымъ Сыномъ Божіимъ, Онъ содѣлался сыномъ человѣческимъ, чтобы сыновъ человѣческихъ содѣлать чадами Божіими. Высокое въ общеніи съ уничиженнымъ нисколько не теряетъ собственного достоинства, а уничиженное возвышается чрезъ то изъ своего уничиженія. Такъ это совершилось и во Христѣ. Онъ чрезъ такое снисхожденіе нисколько не унижилъ собственного естества, а насъ, сѣдящихъ всегда во мракѣ и уничиженіи, возвелъ къ неизреченной славіи. Такъ царь, когда внимательно и благосклонно бесѣдуетъ съ бѣднымъ и нищимъ, то нисколько не стыдитъ себя самого, а бѣднаго дѣлаетъ чрезъ то для всѣхъ лицомъ замѣтнымъ и почетнымъ. Если же въ отношеніи къ преходящему достоинству человѣческому общеніе съ низшимъ нисколько не вредитъ высшему, то тѣмъ болѣе по отношенію къ тому вѣчному и блаженному Существу, которое не имѣетъ въ себѣ ничего преходящаго, ни прибывающаго, ни убывающаго, но обладаетъ всѣми совершенствами неизмѣнно и вѣчно. Итакъ, когда ты слышишь, что *Слово плоть бысть*, то не смущайся и не колеблись. Не самое существо Его измѣнилось въ плоть (это и помыслить нечестиво); а пребывая тѣмъ, что есть, оно такимъ образомъ приняло образъ раба.

2. Для чего же (евангелистъ) употребилъ слово: *бысть*? Для того, чтобы заградить уста еретиковъ. Есть такіе, которые говорятъ, будто все, что касается воплощенія, есть только воображеніе, обманъ чувствъ, предположеніе; поэтому евангелистъ, желая совершенно уничтожить ихъ хулу, и употребилъ выраженіе: *бысть*, намѣреваясь этимъ показать не измѣненіе существа, нѣтъ, а воспріятіе истинной плоти. Какъ въ словахъ: *Христосъ ны искушаша есмь отъ клятвы законныя, бысть по насъ клятва* (Галат. III, 13), Писаніе не то говоритъ, будто существо Его, оставивъ собственную славу, превратилось въ клятву (этого не подумали бы и демоны, и совершенно безумные и лишены естественнаго смысла люди: такъ нечестива и вмѣстѣ безумна эта мысль!), — какъ не это говоритъ Писаніе, а то, что Онъ, принявъ на Себя нареченную противъ насъ клятву, не оставилъ насъ болѣе быть подъ клятвою, — такъ и здѣсь сказано, что Слово плоть *бысть*, — не измѣнивъ своего существа въ плоть, но только принявъ ее, такъ что существо осталось неприкосновеннымъ. Если же скажутъ, что Богъ, какъ всемогущій, могъ перемѣниться и въ плоть, на это мы отвѣтимъ, что Богъ не иначе все можетъ, какъ пребывая Богомъ; а если бы Онъ допустилъ въ Себѣ измѣненіе, и притомъ измѣненіе на худшее, то какъ же былъ бы Онъ и Богомъ? Измѣниться совершенно несвойственно нетлѣнному Существо. Потому и пророкъ сказалъ: *вся яко риза обеташаютъ, и яко одежду свѣсиши я, и измѣнятся. Ты же тойжеде еси и мѣта твоя не оскудѣютъ* (Псал. CI, 27). Существо это выше всякаго измѣненія. Нѣтъ ничего превосходящаго Его, чего бы оно могло достигать преуспѣваніемъ. Что я говорю: превосходящаго? Нѣтъ ничего равнаго, или сколько- 80 нибудь близкаго. Слѣдовательно, если бы Богъ измѣнялся, то претерпѣвалъ бы измѣненіе къ худшему. Но тогда онъ не былъ бы и Богомъ. Но да обратится хула на главу говорящихъ ее. А что слово: *бысть* сказано для того, чтобы ты не принялъ воплощенія за вымыслъ, замѣть это изъ послѣдующаго, какъ (евангелистъ) объясняетъ свое выраженіе и опровергаетъ нечестивую мысль. Онъ присовокупляетъ: *и вселися въ тея*, — какъ бы говоря: ничего несообразнаго не подозрѣвай въ словѣ: *бысть*. Я говорю не объ измѣненіи этого неизмѣняемаго Существа, а о вселеніи и обитаніи Его (среди насъ). Обитающее не одно и то же съ обиталищемъ, а есть нѣчто другое; одно вселяется въ другое; иначе не было бы и вселенія, — потому что ничто не вселяется въ самое себя. Иное я говорю въ отношеніи къ естеству. Чрезъ соединеніе и общеніе Богъ Слово и плоть суть одно, не въ томъ смыслѣ, что произошло какое-либо смѣшеніе или уничтоженіе естествъ, а въ томъ, что образовалось нѣкоторое неизре-

ченное и невыразимое ихъ единеніе. А какъ это сдѣлалось, не спрашивай; это произошло, какъ Онъ самъ знаетъ. Но какое же это обиталище, въ которомъ Онъ вселился? Послушай, что пророкъ говорить: *возставаю скиню Давидову надшюю* (Амос. ix, 11). Пало, подлинно пало неисцѣльнымъ паденіемъ естество наше и имѣло нужду въ этой единой державной десницѣ. Да и не могло оно возстать, если бы Создавшій его вначалѣ не простеръ къ нему десницы и не обновилъ его свыше чрезъ возрожденіе водою и духомъ. И замѣть то, что есть страшнаго и неизреченнаго въ этомъ таинствѣ: Онъ навсегда обитаетъ въ этой скинии ¹⁾. Онъ облекся нашею плотію не съ тѣмъ, чтобы опять оставить ее, но чтобы всегда имѣть ее съ Собой. А если бы не такъ, то Онъ не удостоилъ бы ее царскаго престола и, нося ее, не былъ бы поклоняемъ отъ всего горняго воинства ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, господствъ, началъ и властей. Какое слово, какой умъ можетъ представить столь великую почесть, оказанную роду нашему, поистинѣ сверхъестественную и дивную? Какой ангелъ? Какой архангелъ? Никто никогда, ни изъ небесныхъ, ни изъ земныхъ. Таковы дѣла Божіи, такъ велики и вышеестественны Его благодѣянія, что не только языкъ человѣческій, но и ангельская сила не можетъ вполнѣ высказать ихъ. Потому и мы заключимъ слово молчаніемъ, напомнивъ только вамъ—воздавать столь великому Благодѣтелю нашему воздаяніемъ, отъ котораго вся польза опять къ намъ же обратится. Это воздаяніе въ томъ состоитъ, чтобы мы имѣли ревностное попеченіе о душѣ нашей. И то есть дѣло Его человѣколюбія, что Онъ, не нуждаясь самъ ни въ комъ изъ насъ, принимаетъ за воздаяніе Себѣ, когда мы печемся о собственной своей душѣ. Потому крайне безумно и достойно безчисленныхъ наказаній—удостоившись столь великой чести, не воздавать съ своей стороны по силамъ, и притомъ когда польза отъ того переходитъ опять къ намъ же и когда уготованы намъ за то безчисленные блага. Воздадимъ же за все это славу человѣколюбцу Богу, не словами только, но гораздо болѣе дѣлами, чтобы получить намъ и будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ Т. е. во плоти человѣческой.

БЕСѢДА XII.

И видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины (Іоан. I, 14).

1. Сказанное нами вчера, можетъ быть, показалось вамъ болѣе 81 чѣмъ слѣдуетъ стѣснительнымъ и тяжкимъ, такъ какъ мы произнесли слово укорительное и далеко простерли обличеніе многихъ въ перадѣніи. Но если бы мы дѣлали это только съ намѣреніемъ—оскорбить васъ, то, можетъ быть, справедливо каждый изъ васъ негодовалъ бы. А какъ мы пренебрегали пріятность въ словахъ, имѣя въ виду пользу вашу, то, хотя бы вы и не хотѣли принять нашего попеченія о васъ, вы должны по крайней мѣрѣ простить такой любви нашей. Мы и очень опасались, чтобы, при нашемъ стараніи, вы съ своей стороны, не желая показать такого же усердія къ слушанію, не подверглись тѣмъ болѣе тяжкому отвѣту за послѣдствія. Поэтому мы и вынуждаемся непрестанно возбуждать васъ и воздвигать отъ сна, чтобы ничто изъ сказаннаго не было для васъ потеряно. Только такимъ образомъ можете вы въ настоящемъ вѣкѣ жить съ дерзновеніемъ и въ будущій день предстать престолу Христову. Но такъ какъ мы вчера уже довольно тронули васъ, то приступимъ теперь прямо къ самымъ изреченіямъ евангелія. *И видѣхомъ, говоритъ Писаніе, славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца* (ст. 14). Евангелистъ, сказавъ, что мы сдѣлались чадами Божиими, и показавъ, что это произошло не иначе, какъ чрезъ воплощеніе Слова, теперь представляетъ и другую отъ того пользу. Что же это такое? *Видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца.* Мы не могли бы видѣть, если бы Онъ не явился намъ въ воспріятой Имъ плоти. Если у Моисея, имѣвшаго одинаковое съ нами естество, люди тогдашняго времени не могли видѣть лица, потому только, что оно было прославлено, и праведникъ даже имѣлъ нужду въ покрывалѣ, чтобы прикрыть величіе славы и чтобы видъ пророка казался имъ тихимъ и спокойнымъ, то какъ мы, бранные и земнородные, могли бы созерцать чистое Божество, которое неприступно и для самихъ горнихъ силъ? Для того-то Онъ и вселился среди насъ, чтобы мы могли безопасно приступать къ Нему, бесѣдовать и обращаться съ Нимъ.

Что же значитъ: *славу яко Единороднаго отъ Отца*? Такъ какъ многіе и изъ пророковъ прославились, напримѣръ, тотъ же Моисей, Ілія и Елисей, изъ которыхъ одинъ былъ вознесенъ на огненной колесницѣ, а другой обыкновеннымъ образомъ взять отсюда; послѣ нихъ прославились: Даніиль, три отрока, и мно-

гіе другіе, которые и чудеса творили; да и ангелы, являвшіеся людямъ, открывали взиравшимъ на нихъ лучезарный свѣтъ собственнаго естества; и не ангелы только, но и херувимы являлись пророку съ великою славою,—также и серафимы; поэтому-то евангелистъ, отводя насъ отъ всѣхъ этихъ существъ, отвлекая мысль нашу отъ твари и славы подобныхъ намъ рабовъ, возводитъ насъ къ самому верху совершенствъ. Не пророка, говорить онъ, не ангела, не архангела, не другихъ высшихъ силъ и не пе иного какого-либо сотвореннаго существа, если еще есть 82 какое-либо иное, но самого Владыки, самого Царя, самого истиннаго Единороднаго Сына, самого общаго всѣхъ насъ Господа мы видѣли славу. Выраженіе: *яко*—означаетъ здѣсь не уподобленіе и не сравненіе, а подтвержденіе и неподлежащее сомнѣнію опредѣленіе; какъ бы такъ сказалъ евангелистъ: мы видѣли славу, какую подобаетъ и свойственно имѣть единородному и истинному Сыну Царя всѣхъ Бога. Такъ и обыкновенно бываетъ, и я не откажусь подтвердить слова свои общимъ обычаемъ,—потому что не для красоты рѣчи и не для стройности слова намъ теперь нужно говорить, но единственно для вашей пользы. Поэтому ничто не препятствуетъ намъ подтвердить свои мысли и обычаемъ многихъ? Какой же этотъ обычай многихъ? Многіе, увидѣвъ царя преукрашеннаго, блистающаго со всѣхъ сторонъ драгоценными камнями, потомъ, когда рассказываютъ другимъ объ этой красотѣ, великолѣпіи, славѣ, описываютъ, сколько могутъ, цвѣтъ багряницы, величину камней, бѣлизну коней, золотую упряжь, блистающія покрывала; по какъ, пересказавъ это и прочее, все еще не могутъ изобразить словомъ всего блеска, и прибавляютъ тотчасъ такіа слова: да что много говорить? словомъ сказать: *какъ царь*—и этимъ выраженіемъ: *какъ* хотятъ показать не то, что только подобенъ царю тотъ, о комъ они говорятъ, но то, что это истинный царь,—такъ и евангелистъ употребилъ выраженіе: *якоже*, желая изобразить высочайшее и несравненное превосходство славы (Сына Божія). Всѣ другіе, и ангелы, и архангелы, и пророки, дѣлали все только по повелѣнію (Божію), а Онъ со властію, свойственною Царю и Господу. Поэтому-то и народъ дивился, что Онъ училъ, какъ власть имѣющій.

2. Итакъ, являлись, какъ я сказалъ, и ангелы на землѣ съ великою славою, на примѣръ—Даніилу, Давиду, Моисею, но они дѣлали все какъ слуги, повинующіеся своему Господу; а Христосъ явился, какъ Владыка и Вседержитель, хотя и въ смиренномъ и уничиженномъ видѣ. Впрочемъ, и въ этомъ видѣ тварь познала своего Господа. Какимъ образомъ? Звѣзда, явившаяся на небѣ, привела волхвовъ поклониться Ему; многочис-

ленный ликъ ангеловъ, отовсюду собравшихся, окружалъ и воспрѣималъ Его; явились внезапно и другіе проповѣдники; всѣ, встрѣчая другъ друга, возвѣщали это неизреченное таинство, ангелы — пастырямъ, пастыри — жителямъ города, Гавріиль — Маріи и Елисаветъ, Симеонъ и Анна приходившимъ въ храмъ. Да и не только мужи и жены окрылялись радостію, но и младенецъ, еще не испещенный на свѣтъ изъ утробы матери, — я разумѣю жителя пустыни, сомненнаго этому евангелисту, — възыгралъ во чревѣ матери, и всѣ оживлялись надеждами на будущее. Такъ было тотчасъ при Его рожденіи; а когда Онъ болѣе открылъ Себя, тогда опять произошли другія чудеса, еще больше прежнихъ. Уже не звѣзда и небо, не ангелы и архангелы, но Гавріиль и Михаїлъ, но самъ Отецъ свыше съ небесъ возвѣстилъ о Немъ, и вмѣстѣ съ гласомъ Отца Утѣшитель явился надъ Нимъ и пребылъ на Немъ. Поэтому справедливо сказалъ евангелистъ: *видѣхомъ славу Ею, славу яко Единороднаго отъ Отца*. Впрочемъ, и не поэтому только сказалъ такъ, а и потому, что за этимъ послѣдовало. Уже не пастыри только, не вдовствующія жены, не престарѣлые мужи возвѣстили намъ, но и самое существо дѣлало громче всякой трубы провозглашало о Немъ, и такимъ образомъ произошло то, что молва о дѣлахъ Его скоро была и здѣсь услышана. *И изиде*, говоритъ Писаніе, *по всей Сиріи слухъ Ею* (Матѣ. iv, 24) и всѣмъ открылъ Его; все отовсюду возвѣщало, что самъ Царь сошелъ съ небесъ. Бѣсы отовсюду убѣгали и удалялись, діаволъ посрамленный отступалъ, самая смерть сначала понемногу устрашалась, а потомъ и совершенно упразднялась, всякаго рода болѣзни были исцѣляемы, мертвые оставляли гробы, демоны — бѣсновавшихся, болѣзни — немощныхъ. Видѣлись дѣла чудныя и дивныя, которыя поистинѣ пророки желали видѣть, но не видѣли. Зрѣніе восстанавливалось; и то вождельнное зрѣлище, которое всѣ желали бы видѣть, — какъ Богъ сотворилъ Адама изъ земли, — и это зрѣлище Христосъ показалъ всѣмъ, хотя въ маломъ видѣ, но по отношенію къ лучшимъ частямъ тѣла. Разслабленные и распавшіеся члены укрѣплялись и соединялись одинъ съ другимъ, омертвѣвшія руки получали движеніе, ослабленные ноги внезапно вскакивали, загражденные глухотою уши отверзались, и громкимъ голосомъ восклицалъ языкъ, связанный до толъ нѣмотою. Какъ искусный художникъ восстанавливаетъ зданіе, развалившееся отъ времени, такъ Онъ — общее естество человѣческое: отторгнутыя части восполнялъ, распавшіеся и расторгнутыя — соединялъ, а совершенно отпавшіе — восстанавливалъ. Что же сказать о возстановленіи души, которое гораздо удивительнѣе исцѣленія тѣлес-

наго? Важно здравіе тѣлесное, по гораздо важнѣе здравіе душевное, и тѣмъ важнѣе, чѣмъ душа превосходитъ тѣла; да и не потому только, но и потому, что тѣлесная природа слѣдуетъ направленію, какимъ хочетъ вести ее Создатель, и нисколько не противится, а душа, будучи властна сама въ себѣ и имѣя свободу въ дѣйствіяхъ, не всегда повинуется Богу, и именпо въ томъ, чего не хочетъ. Онъ не желаетъ противъ воли ея и насильно дѣлать ее непорочною и добродѣтельною; да это не было бы и добродѣтелию; ее надобно убѣждать—свободно и добровольно сдѣлаться такою; а это гораздо труднѣе врачеванія тѣлеснаго. Но Онъ совершилъ и это и отогналъ всякій родъ зла. И какъ врачуя тѣла, Онъ возстановлялъ ихъ не только къ здравію, но и къ совершеннѣйшему благосостоянію, такъ и души не только освобождалъ отъ крайней грѣховности, но и возводилъ на самый верхъ добродѣтели. Такъ мытарь дѣлался апостоломъ; гонитель, хулитель и досадитель являлся проповѣдникомъ вселенной; волхвы становились учителями іудеевъ; разбойникъ оказывался жителемъ рая; блудница славилась великою вѣрою; жена хананейка и жена самарянка — одна, будучи также блудницею, принимала на себя проповѣдь между соплеменниками и, увлекши цѣлый городъ, привела его ко Христу, а другая вѣрою и терпѣніемъ достигла изгнанія злого бѣса изъ души своей дочери. Еще другіе, гораздо худшіе этихъ, скоро присоединились къ числу учениковъ. Все внезапно измѣнялось въ своемъ видѣ: недуги тѣлесныя, болѣзни душевныя прелагались въ здравіе и совершеннѣйшую добродѣтель; и притомъ не два или три человѣка, не пять или десять, не двадцать или только сто, но цѣлые города и народы обращались съ великою быстротою. А кто можетъ изобразить мудрость правилъ, совершенство небесныхъ законовъ, благоустройство равноангельской жизни? Онъ ввелъ между нами такой образъ жизни, такіе положилъ для насъ законы, такіе установилъ нравы, что усвояющіе ихъ скоро содѣлываются ангелами и подобными Богу, сколько это возможно по силамъ нашимъ. хотя бы сами по себѣ они были хуже всѣхъ людей.

8. Приводя всѣ эти чудеса,—чудеса въ тѣлахъ, чудеса въ душахъ, чудеса въ стихіяхъ,—заповѣди, неизреченныя, высшіе самыхъ небесъ дары, законы, благоустройство, силу убѣжденія, обѣтованія въ будущемъ, наконецъ страданія Его,—евангелистъ изрекъ эти чудныя и исполненныя высокаго ученія слова: *видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнью благодати и истины*. Мы не чудесамъ Его только дивимся, но и страданіямъ,—тому, какъ Онъ былъ пригвожденъ ко кресту, бичуемъ,

заушаемъ, подвергаемъ оплеванію; какъ терпѣть удары по главѣ отъ тѣхъ самыхъ, которые были Имъ облагодѣтельствованы. Такъ, и объ этомъ обо всемъ, что кажется унижательнымъ, достойно сказать то же изреченіе, какъ и самъ евангелистъ называетъ все это славой. Дѣйствительно, все это было не только дѣломъ промышленности и любви, но и неизреченной силы. Тогда-то и смерть упразднилась, и клятва разрушалась, и бѣсы были посрамлены, и торжество надъ ними открывалось, и рукописаніе грѣховъ нашихъ было пригвождаемо ко кресту. Но тогда какъ эти чудеса совершались невидимо, были и другія—видимыя, которыя показывали, что Онъ есть истинно едиnorodный Сынъ Божій и Господь всей твари. Когда блаженное тѣло Его еще висѣло на крестѣ, солнце сокрыло лучи свои, земля поколебалась и вся покрылась мракомъ, гробы отверались, нѣдра земли сотряслись и великій сонмъ умершихъ возсталъ и пришелъ въ городъ (Іерусалимъ). Потомъ, когда камни приставлены были къ дверямъ гроба Его, еще и печати приложены, Онъ, умершій, распятый, пригвожденный, возсталъ и, исполнивъ одиннадцать учениковъ Своихъ нѣкоторой непобѣдимой и божественной силы, послать ихъ ко всѣмъ людямъ, по всей вселенной—врачевать ихъ общее естество, исправлять образъ жизни, распространять по всей землѣ познаніе небснаго ученія, разрушать силу бѣсовскую, открывать великія и неизреченныя блага, благовѣстити намъ безсмертіе души и вѣчную жизнь тѣла, награды, превышающія всякій умъ и никогда не могущія окончиться. Итакъ, блаженный евангелистъ, представляя себѣ все это и большее чѣмъ это, что онъ самъ зналъ, но не рѣшался написать (потому что и міръ не вмѣстилъ бы того, какъ онъ самъ говорить: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мнѣ всему міру вмѣстити пишмаго мнѣ*,—Іоан. xxi, 25),—все это, говоря, представляя, онъ воскликнулъ: *и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполна благодати и истины*. А тѣмъ, которые удостоились видѣть и слышать столь великія чудеса и получили столь великій даръ, надлежитъ показать и жизнь достойную ученія, чтобы сподобиться и будущихъ благъ. Для того и пришелъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы не только здѣсь мы видѣли славу Его, но и въ будущемъ вѣкѣ. Потому Онъ и говорилъ: *хощу, да видѣхъ есмь Азъ, и тѣмъ будутъ со Мною, да видѣтъ славу Мою* (Іоан. xvii, 24). Если же здѣшняя слава Его была столь блистательна и величественна, то что сказать о той Его славі? Она откроется уже не на тлѣнной землѣ, не предъ существами, облеченными въ смертныя тѣла, каковы мы теперь, но въ твореніи нетлѣнномъ и безсмертномъ, и съ такимъ величіемъ, ка-

кого невозможно изобразить никакимъ словомъ. О, блаженны, трижды блаженны и безпредѣльно блаженны тѣ, которые удостоятся созерцать эту славу! О неѣ говоритъ пророкъ: *да возмѣтся несчастивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. ххvi, 10). Но да не будетъ того, чтобы кто-либо изъ насъ былъ отверженъ и не удостоился нѣкогда зрѣть ее! А если мы не будемъ наслаждаться ею, то и объ насъ справедливо будетъ сказать: лучше было бы, если бы мы и не родились. Для чего же мы живемъ? Для чего дышемъ? Для чего существуемъ, если не достигнемъ такого созерцапія, если никому изъ насъ не дозволено будетъ зрѣть тогда нашего Господа? Если не видящіе свѣта солнечнаго 86 проводятъ жизнь горше всякой смерти, то какъ должны страдать тѣ, которые лишатся того свѣта? Здѣсь въ этомъ лишеніи только и состоитъ несчастіе, а тамъ—не въ этомъ только; впрочемъ, если бы и эта только была бѣда, то и въ такомъ случаѣ наказаніе было бы не равно, но будущее тѣмъ тяжелѣе пастоящаго, чѣмъ то Солнце несравненно превосходитъ здѣшняго; а кромѣ того надобно ожидать еще и другой казни. Кто не удостоится видѣть того свѣта, тотъ не только вверженъ будетъ во тьму, но и горѣть будетъ въ огнѣ непрерывномъ, иставать въ немъ, скрежетать зубами и терпѣть другія безчисленные страданія. Итакъ, не будемъ нерадивы о себѣ самихъ, и за кратковременное нерадѣніе и безпечность не подвергнемъ себя вѣчному наказанію; но будемъ бодрствовать и трезвиться, будемъ все дѣлать и устроить такъ, чтобы удостоиться того (вѣчнаго) наслажденія и избавиться отъ рѣки огненной, протекающей съ великимъ шумомъ предъ страшнымъ судилищемъ. А кто однажды впадетъ въ нее, тотъ долженъ будетъ остаться тамъ навсегда, и уже никто не избавитъ его отъ мученія—ни отецъ, ни мать, ни братъ. Объ этомъ вопіють и пророки: одинъ говоритъ: *братъ не избавитъ, избавитъ ли человекъ* (Ис. хlviii, 8)? А Іезекіиль говоритъ еще болѣе: *и еще будуть Носъ, и Данилъ, и Іовъ, ни сынове, ни дочери ихъ спасутся* (Іез. xiv, 14—16). Одна только тамъ защита—защита дѣлами; а кто не имѣетъ ея, тому никакимъ другимъ средствомъ спастись невозможно. Итакъ, все это непрестанно имѣя въ виду и размышляя, очистимъ жизнь нашу и сдѣлаемъ ее свѣтлою, чтобы съ дерзновеніемъ узрѣть Господа и достигнуть обѣтованныхъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

Іоаннъ свидѣтельствуеъ о Немъ, и воззва глаголя: Сей бѣ, егоже рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть, яко первѣ мене бѣ (Іоан. і, 15).

1. Не вотще ли мы течемъ и труждаемся? Не на камняхъ ли сѣемъ, или не при пути ль и въ терніяхъ, сверхъ чаянія нашего, падаютъ сѣмена? Я сильно беспокоюсь и боюсь, чтобы земледѣліе не осталось для насъ безплоднымъ, — не потому впрочемъ, чтобы я самъ могъ потерпѣть ущербъ въ наградѣ за этотъ трудъ. Дѣло учителей не таково, какъ — земледѣльцевъ. Земледѣлецъ, часто послѣ годичныхъ работъ, послѣ такого изнуренія и пота, — если земля не принесетъ ничего, стоящаго трудовъ, — не можетъ ни у кого другого найти какого-либо утѣшенія за свои труды, а со стыдомъ и скорбію возвращается съ поля домой, къ женѣ и дѣтямъ, не имѣя права ни отъ кого требовать воздаянія за продолжительные труды. Но съ нами ничего такого не можетъ случиться. Пусть воздѣлываемая земля не приноситъ никакого плода; если только мы съ своей стороны приложимъ весь трудъ, Господь земли и нашъ Господь не допуститъ насъ остаться съ пустыми надеждами, но даруетъ возмездіе. *Кійждо, сказано, свою мзду приметъ по своему труду* (1 Кор. ш, 8), а не по исходу дѣлъ. А что это такъ, послушай: *и ты, сказано, сыне чловѣчъ, засвидѣтельствуй людемъ симъ, не услышатъ ли, не уразумеютъ ли* (Іезек. п, 5, 6). И чрезъ того же Іезекіиля можно узнать вотъ что: если стражъ предвозвѣстилъ, чего должно убѣгать и что избирать, то онъ избавилъ душу свою, хотя бы и никто не слушалъ его ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, имѣя это сильное утѣшеніе, увѣренны въ воздаяніи за труды наши, мы, когда въ дѣлѣ вашего спасенія не видимъ успѣха, чувствуемъ себя ничѣмъ не лучше тѣхъ земледѣльцевъ, которые стенаютъ, проливаютъ слезы и отъ стыда скрываются. Здѣсь — соучастіе учителя, здѣсь — попечительность отца. Такъ Моисей, хотя могъ избавиться отъ неблагодарныхъ къ нему іудеевъ и сдѣлаться еще болѣе славнымъ родоначальникомъ другого и гораздо болѣе многочисленнаго народа (*остави мя, сказалъ ему Богъ, и потреблю ихъ и сотворю изъ въ языкъ великъ*, — Исх. хп, 10, — такъ какъ Моисей былъ мужъ святой, рабъ Божій, другъ, близкій и вѣрный Богу), но онъ и

¹⁾ Здѣсь св. Златоустъ излагаетъ только мысль, содержащуюся въ книгѣ прор. Іезекіиля (ш, 19) не приводя буквально словъ его.

слышать не могъ такихъ словъ, а желалъ лучше погибнуть съ людьми, опажды ему ввѣренными, нежели быть спасеннымъ безъ нихъ и получить достоинство болѣе важное. Таковъ долженъ быть водитель душъ. Странно было бы, если бы кто, имѣя худыхъ дѣтей, желалъ лучше назваться отцемъ другихъ, а не тѣхъ, которыя отъ него родились; такъ странно было бы, если бы и мы стали постоянно перемѣнять врученныя намъ учениковъ однихъ на другихъ, присвоить себѣ начальство то надъ тѣми, то надъ другими. и не имѣть ни къ кому искренняго расположенія. Впрочемъ, относительно насъ да не будетъ никогда такихъ подозрѣній. Мы убѣждены, что вы преизбыточе-

87 ствуете въ вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа, въ любви другъ къ другу и ко всѣмъ. А это мы говоримъ съ тѣми намиреніемъ, чтобы возбудить васъ къ усиленію вашей ревности и къ приумноженію, болѣе и болѣе, добродѣтели въ вашей жизни. Такимъ образомъ вы сможете проникнуть умомъ до самой глубины предложеннаго у насъ ученія, если т. е. нечистота грѣховная не будетъ помрачать очей разума и не повредить его зоркости и остроты. Итакъ, что же предложено у насъ сегодня? *Іоаннъ свидѣтельствуєтъ о Немъ и воззва малаюля: Сей бѣ, елиже рече, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко перше мене бѣ.* Многократно евангелистъ, и выше и ниже, обращается къ Іоанну и во многихъ мѣстахъ представляетъ его свидѣтельство. Но это онъ дѣлаетъ не напрасно, а очень разумно. Такъ какъ всѣ іудеи имѣли великое уваженіе къ этому мужу (Іосифъ приписываетъ даже его смерти войну и доказываетъ, что изъ-за него столичный нѣкогда городъ пересталъ быть городомъ, и вообще много говорить въ похвалу ему), то евангелистъ, желая именемъ его пристыдить іудеевъ, часто припоминаетъ имъ свидѣтельство Предтечи. Другіе евангелисты упоминаютъ о древнѣйшихъ пророкахъ, и при каждомъ обстоятельстве въ жизни Его (Христа) отсылаютъ къ нимъ слушателя. Такъ, когда Онъ рождается, евангелистъ говоритъ: *сіе же все бысть, да сбудетя реченное Исаіемъ пророкомъ малаюшымъ: се дѣва во чреѣ приметъ и родитъ сына* (Матѣ. 1, 22, 28). Когда Онъ подвергается злымъ умысламъ и повсюду отыскивается съ такою тщательностію, что и незрѣлый возрастъ избивается Иродомъ, — они приводятъ Іеремію, который говоритъ: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Разиль плачущися чады свои* (Матѣ. 2, 18; ср. Іер. xxxi, 15). Когда Онъ опять возвращается изъ Египта, — они припоминаютъ Осію, который также говоритъ: *отъ Египта воззвахъ сына моего* (Матѣ. 2, 15; ср. Ос. xi, 18). Такъ другіе евангелисты дѣлаютъ и во воѣхъ случаяхъ. А этотъ евангелистъ (Іоаннъ), болѣе воз-

вышненнымъ, чѣмъ другіе, гласомъ проповѣдающій, представляетъ яснѣйшія и ближайшія свидѣтельства, и приводитъ не только отшедшихъ и умершихъ, но и современнаго свидѣтеля, который указывалъ уже на пришедшаго (Господа) и крестилъ Его, — не съ тѣмъ приводить, чтобы свидѣтельствомъ раба придать болѣе достовѣрности словамъ Владыки, но снисходя къ немощи слушателей, потому что подобно тому какъ, если бы Господь не припалъ вида раба, то не былъ бы легко принять, такъ, если бы гласомъ раба не предрасположилъ къ себѣ слуха сорабовъ, то многіе изъ іудеевъ не приняли бы Его слова.

2. Притомъ здѣсь устроялось и нѣчто другое, достойное удивленія. Кто говоритъ о себѣ самомъ что-либо великое, тотъ дѣлаетъ собственное свидѣтельство подозрительнымъ и нерѣдко такимъ образомъ возстановляетъ противъ себя многихъ изъ слушателей; поэтому-то приходитъ свидѣтельствовать о немъ другой. Съ другой стороны, большинство обыкновенно стекается на голосъ болѣе привычный и сродный, такъ какъ знаетъ его болѣе, чѣмъ какой-либо другой. Потому-то гласъ съ неба и былъ только однажды или дважды, а голосъ Іоанна — часто и много. Тѣ, которые стояли выше немощей народа, отрѣшились 88 отъ всего чувственнаго, только они и могли слышать гласъ свыше и не слишкомъ нуждались въ голосѣ человѣческомъ, такъ какъ во всемъ повиновались вышнему гласу и имъ водились. Но которые еще обращались долу, были покрыты многими завѣсами, — тѣ имѣли нужду въ голосѣ низшемъ. Такъ самъ Іоаннъ, уже вполнѣ отрѣшившись отъ всего чувственнаго, не нуждался въ наставленіи отъ людей, а получалъ наученіе съ небесъ. *Пославшій мя крестити водою, говоритъ онъ, той мнѣ рече: надъ неюже узриши Духа Божіа сходяща, той есть* (Іоан. 1, 33). Между тѣмъ іудеи, будучи еще дѣтьми и не въ силахъ подняться до такой высоты, имѣли учителемъ человѣка, который однакожъ не свое имѣ говорилъ, а возвѣщалъ вышнія откровенія. Итакъ, что же говоритъ (евангелистъ)? *Іоаннъ свидѣтельствуєтъ о Немъ, и воззва глаголю.* Что значитъ: *воззва*? Значить: проповѣдуетъ смѣло, свободно, безъ всякой боязни. А что проповѣдуетъ? О чемъ свидѣтельствуєтъ и вызываетъ? *Сей бѣ, говоритъ, сиюже рече, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко перече мене бѣ.* Свидѣтельство нѣсколько прикровенное и еще не очень возвышенное. Онъ не говоритъ: сей есть Сынъ Божій единопородный; а что? *Сей бѣ, сиюже рече, иже по мнѣ грядый, предо мною бысть: яко перече мене бѣ.* Какъ птицы выучиваютъ птенцовъ своихъ летать не вдругъ и не въ одинъ день вполнѣ, а сперва выводятъ ихъ только изъ гнѣзда, потомъ, давъ имъ отдыхъ, продол-

жають далѣ полетѣ ихъ, на другой день прибавляютъ еще больше, и такимъ образомъ непримѣтно, мало-по-малу поднимають ихъ на надлежащую высоту, — подобнымъ образомъ и блаженный Іоаннъ не вдругъ возводитъ іудеевъ къ горнему, но мало-по-малу учить ихъ воспарять отъ земли, говоря, что Христосъ былъ выше его (Предтечи). И то уже было не мало, чтобы слушатели могли повѣрить, что мужъ, еще не явившійся къ нимъ и еще не сотворившій чудесъ, превосходитъ Іоанна, мужа столь дивнаго и славнаго, къ которому стекались всѣ и котораго почитали ангеломъ. А между тѣмъ Іоаннъ-то и старался утвердить въ мысляхъ слушателей, что свидѣтельствуемый болѣе свидѣтельствующаго, пришедшій послѣ болѣе пришедшаго прежде, еще не видѣнный болѣе извѣстнаго и прославившагося. И посмотри, какъ разумно онъ произноситъ свидѣтельство. Онъ указываетъ не только явившагося, но еще прежде Его явленія проповѣдуетъ о Немъ. Такой именно смыслъ имѣють его слова: *Сей есть, еіоже рѣхъ*, — какъ и Матѳей повѣствуетъ, что всѣмъ, приходившимъ къ нему (Іоанну) онъ говорилъ: *азъ убо крещая вы водою въ покаяніе: грядый же по мнѣ крѣпкій мене есть, смужее нѣсмь достоинъ разпутити ремень сапогу еіо* (Матѳ. ш, 11). Но для чего онъ такъ дѣлалъ еще прежде явленія (Господа)? Чтобы свидѣтельство самого явившагося тѣмъ удобнѣе могло быть принято, когда мысль слушателей уже приготовлена была къ тому словамъ Іоанна, и чтобы не повредилъ этому свидѣтельству видъ Его уничиженный. Въдѣ если бы іудеи увидѣли самого Христа, не слыхавъ предварительно ничего о Христѣ и не получивъ этого чуднаго и великаго свидѣтельства о Немъ въ словахъ Іоанна, то убогій видъ Христа тотчасъ бы сталъ въ противорѣчіе съ величіемъ Его словъ. А Онъ облекся въ такой смиренный и для всѣхъ обычный видъ, что и самарянскія жены, и блудницы, и мытари съ большою свободою осмѣливались подходить къ Нему и вступали въ бесѣду съ Нимъ.

3. Итакъ, сказалъ я, если бы іудеи въ одно время и услышали бесѣду и увидѣли самого (Христа), то можетъ быть посмѣялись бы свидѣтельству Іоанна. Но какъ они уже много слышали о Христѣ, прежде Его явленія, и тѣмъ, что было говорено о Немъ, было возбуждено ихъ вниманіе, то съ ними случилось противное: они уже не отвергли ученіе, судя по виду Того, о Комъ свидѣтельствовалъ Іоаннъ, но, вѣря уже сказанному, признали Его славнымъ еще болѣе Іоанна. Выраженіе: *грядый по мнѣ* значитъ: имѣющій проповѣдать послѣ меня, а не имѣющій быть послѣ меня. Это обозначается и у Матѳея словами: *по мнѣ грядетъ мужъ* (Матѳ. ш, 11), относящимися не къ рожденію Его

отъ Маріи, по къ пришествію на проповѣдь. Если бы говорено было о рожденіи, то сказано было бы не: *придеши*, а: *пришелъ*, — потому что Христосъ уже родился въ то время, какъ Іоаннъ говорилъ это. А что значить: *предо мною бысть*? Что онъ славнѣе, досточтимѣ меня. „Не думайте, что я больше Его, потому только что я прежде Его пришелъ проповѣдать; я гораздо меньше Его и такъ меньше, что не достоинъ быть въ числѣ рабовъ Его“. Такимъ образомъ слова: *предо мною бысть* означаютъ то же, что выражаетъ иначе Матей, говоря: *недостойнъ разрѣшити ремѣ сапогу его*. А что слова: *предо мною бысть* сказаны не о происхожденіи Его, очевидно изъ прибавленія. Если бы Іоаннъ хотѣлъ сказать о происхожденіи, то прибавленіе: *яко прѣте мене бы*—было бы лишнимъ. Да и кто столько глупъ и безсмысленъ, что не пойметъ, что прежде его бывшій есть первѣ его? Если же въ этомъ изреченіи разумѣтся предвѣчное бытіе, то оно значить не другое что-либо, какъ и слова: *по мнѣ грядый, предо мною бысть*. Но въ такомъ случаѣ это было бы сказано неразсудительно и напрасно была бы приложена такая причина. Если бы онъ это хотѣлъ показать, то ему надлежало бы сказать: *по мнѣ грядый прѣте мене бы, яко предо мною бысть*. Кто произошелъ прежде, о томъ, по этой причинѣ, справедливо можно сказать, что онъ первѣ другого; а если одинъ только первѣ другого, это еще не причина, что тотъ произошелъ прежде этого. А что мы теперь говоримъ, то имѣетъ свое твердое основаніе. Вы всѣ, конечно, знаете, что мысли неясныя имѣютъ всегда нужду въ доказательствахъ, а не мысли ясныя. Если бы рѣчь была о существованіи, то не было бы непонятно, что прежде происшедшій и долженъ быть первымъ; но такъ какъ Іоаннъ говоритъ о достоинствѣ, то справедливо и занимается рѣшеніемъ представляющагося недоумѣнія. И вѣроятно многіе недоумѣвали, отчего и на какомъ основаніи пришедшій послѣ сталъ напередъ, т. е. оказался болѣе досточтимымъ? На такой вопросъ онъ немедленно представляетъ причину; а причина та, что Христосъ по бытію первѣ его (Іоанна). „Не по какому-либо преуспѣянію, говоритъ онъ, Христосъ меня, прежде его пришедшаго, оставилъ позади себя и самъ сталъ напередъ: Онъ первѣ меня, хотя и послѣ меня приходитъ“.

Но, скажешь ты, если это говорено было о явленіи (Христа) людямъ и о послѣдующемъ прославленіи Его между ними, то какимъ образомъ о томъ, что еще не пришло къ концу, онъ говоритъ какъ уже о бывшемъ? Онъ не сказалъ: *будетъ*, но: *бысть* ¹⁾. Но это у древнихъ пророковъ было въ обычаѣ, чтобы

¹⁾ γέγονα.

т. е. о будущихъ событіяхъ говорить такъ, какъ бы уже о совершившихся. Такъ Исаія, говоря объ умерщвленіи Его, не сказалъ, что Онъ какъ овча на заклѣніе веденъ будетъ,—въ будущемъ времени,—но: *яко овца на заклѣніе ведеса* (Ис. лш, 7). Онъ въ то время еще не воплотился; а пророкъ говоритъ о будущемъ событіи, какъ уже сбывшемся. И Давидъ, назнаменуя крестъ, не сказалъ: *„ископають руцѣ мои и нози мои“*, но: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои*. И: *раздѣлиша ризы мои, и о одежды моея меташа жребій* (Пс. ххі, 17, 19). Говоря и о предателѣ, который еще не родился, онъ такъ выражается: *ядый хлѣбы моя возвеличи на мя запинаніе* (Пс. хл, 10). Подобнымъ образомъ онъ говоритъ и о томъ, что произошло на крестѣ: *даша въ смѣхъ мою желчь и въ жажду мою напоиша мя оцта* (Пс. лхvш, 22).

4. Хотите ли, чтобы мы продолжали дальше, или довольно и этого? Я такъ думаю. Правда, мы этого участка не разработали по всей ширинѣ его, зато проникли въ глубину его; а въ этомъ труда не меньше; притомъ же мы и опасаемся, чтобы, задержавъ васъ свыше мѣры, не ослабить въ васъ ревности. Итакъ окончимъ слово надлежащимъ образомъ. А какимъ надлежащимъ образомъ? Славословіемъ, подобающимъ Богу. Но Богу подобаетъ славословіе не на словахъ только, а гораздо болѣе на самыхъ дѣлахъ. *Тако да просвѣтитсѣя*, сказано, *свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѣ. v, 16). И подлинно, возлюбленный, нѣтъ ничего свѣтоноснѣе добраго образа жизни. Выражая это, и говоритъ одинъ изъ мудрыхъ: *путіе праведныхъ подобно свѣту свѣтятся* (Притч. iv, 18). Они не только свѣтятъ самимъ тѣмъ, которые возжигаютъ свѣтъ въ дѣлахъ своихъ, но и руководятъ на правый путь ближнихъ ихъ. Возліемъ же елей въ эти свѣтильники, чтобы огонь поднялся выше и чтобы свѣтъ явился въ изобиліи. Елей этотъ имѣетъ не только нынѣ много силы, но, когда еще жертвы были въ употребленіи, онъ много превосходилъ силу ихъ. *Милости* (ἐλεος), сказано, *хочу, а не жертвы* (Ос. vi, 6; ср. Матѣ. ix, 13 ¹⁾; и совершенно справедливо. Тотъ жертвенникъ — бездушный; а этотъ — одушевленный ²⁾. Тамъ все, положенное на жертвенникъ, дѣлается добычею огня, обращается въ пепелъ, разрѣшается въ золу и пыль, и дымъ разсѣивается въ воздухъ; здѣсь нѣтъ ничего такого, и плоды здѣсь другіе. Это показываетъ и Павелъ. Говоря о богатствѣ любви къ бѣднымъ у ко-

¹⁾ Греч. слова ἐλεος елей и ἐλεος милость, по ихъ подобозвучію, св. Златоустъ употребляетъ здѣсь одно вмѣсто другого.

²⁾ То есть сердце доброе, милостивое.

принявъ, онъ писалъ: *яко работа служенія сего не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но и избыточествующая многими благодаренми Божии.* И потомъ: *славяще Бога, о покореніи исповѣданія вашего въ благоустройство Христово, и о простотѣ сообщенія къ нимъ и ко есмъ, и о тѣхъ молитвъ о васъ, возжелующихъ васъ* (2 Кор. ix, 12—14). Видишь ли, какая любовь къ бѣднымъ разрѣшается въ благодареніе и хвалу Богу, въ усердныя молитвы и въ пламеннѣйшую любовь получившихъ благодѣяніе? Будемъ же, возлюбленные, приносить жертвы, будемъ приносить на этихъ жертвенникахъ каждый день. Жертвы эти важнѣе и молитвъ и постовъ и многихъ другихъ дѣлъ, только бы были (приносимы) отъ прибытка праведнаго и такихъ же трудовъ, и чисты отъ всякаго любостыжанія, хищенія и насилія. Такія-то приношенія пріемлетъ Богъ, а другія — противоположныя — отвергаетъ и ненавидитъ. Онъ не хочетъ, чтобы мы Его чтили жертвами чужихъ несчастій. 91 Такія жертвы нечисты и непотребны и скорѣе прогнѣвали бы, чѣмъ умилостивили Бога. Поэтому должно прилагать все стараніе къ тому, чтобы подъ видомъ служенія не оскорбить Того, кого мы хотимъ почитать. Если Каинъ, принеши (Богу) худшее, что у него было, и въ этомъ не оказавъ неправды никому другому, подвергся крайнему наказанію, то не понесемъ ли мы наказанія еще болѣе тяжкаго, когда принесемъ что-либо отъ хищенія и любостыжанія? Поэтому Богъ и явилъ намъ этотъ видъ заповѣди ¹⁾, чтобы мы миловали, а не истязали сорабовъ. А кто беретъ принадлежащее другимъ и передаетъ еще другому, тотъ не милуетъ, а обижаетъ и оказываетъ крайнюю несправедливость. Какъ камень не производитъ изъ себя елѣя, такъ и жестокосердіе — челоуѣколюбія. Милостыня, имѣющая такой корень, еще не 92 есть милосердіе. Поэтому я убѣждаю васъ — обращать вниманіе не на то только, чтобы подавать нуждающимся, а и на то, чтобы это подаваніе не было хищеніемъ у другихъ, такъ какъ *единому молящемуся, а другому проклинаящему, кою мѣсз услышитъ Владыка* (Сирах. xxxiv, 24)? Если мы такъ тщательно будемъ вести себя, то, по благодати Божіей, сможемъ сподобиться и отъ Бога великаго челоуѣколюбія, помилованія и прощенія во всемъ, въ чемъ согрѣшили въ продолженіе этого долгаго времени, — и избѣжать рѣки огненной, отъ которой да будемъ исхищены всѣ мы и достигнемъ царства небеснаго, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ Разумѣется широченіе: милости хочу, а не жертвы.

БЕСѢДА XIV.

И отъ исполненія Его мы вси приѣхомъ, и благодать возблагодать (Іоан. 1, 16).

- 91 1. Недавно мы говорили, что Іоаннъ,—разрѣшая недоумѣніе тѣхъ, которые стали бы сами съ собою разсуждать, почему Христосъ, пришедши на проповѣдь послѣ Іоанна, сталъ первѣе и славнѣе его,—присовокупляетъ: *яко перве мене бѣ*. Это — одна причина. Но евангелистъ представляетъ и другую, которая нынѣ высказала (въ евангеліи). Какую же? *Отъ исполненія Его*, говоритъ онъ, *мы вси приѣхомъ, и благодать возблагодать*. Затѣмъ приводитъ еще иную причину. Какую? *Яко законъ Моисеомъ данъ бысть: благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (ст. 17). Но что же значать, скажешь ты, слова: *и отъ исполненія Его мы вси приѣхомъ*? Къ этому и надобно теперь обратить слово. У Него, говоритъ евангелистъ, не заимствованный даръ; но Онъ есть самый источникъ, самый корень всѣхъ благъ,—самосушая жизнь, самобытный свѣтъ, самосовершенная истина. Онъ не удерживаетъ обилія благъ въ Себѣ самомъ, но изливаетъ его на всѣхъ другихъ, и изливая, съ лихвой Самъ пребываетъ всегда полнымъ; ущедряя другихъ, Самъ ни въ чемъ не умаляется; всегда источая и всѣмъ сообщая эти блага, остается въ томъ же совершенствѣ. А что имѣю я въ себѣ (говоритъ Іоаннъ), это заимствованное, такъ какъ я получилъ отъ другого,—это нѣчто малое изъ всего и какъ бы скудная капля предъ невыразимой пучиной и безбрежнымъ моремъ. Лучше же сказать,—и это подобіе не можетъ изобразить того, что мы усиливаемся высказать. Отдѣли отъ моря каплю,—и море тѣмъ самымъ уменьшится, хотя уменьшеніе и не замѣтно. Но о томъ источникѣ нельзя этого сказать: сколько бы ни исчерпывали его, онъ нисколько не уменьшается. Итакъ, нужно перейти къ нѣкоторому другому подобію: и оно, конечно, будетъ слабо и не можетъ изъяснить намъ того, чего мы доискиваемся, но по крайней мѣрѣ ближе перваго приведетъ насъ къ предположенной мысли. Представимъ себѣ источникъ огня,—и вотъ отъ него возжигается тысяча, двѣ, три и больше свѣтильниковъ. Не остается ли огонь въ одной и той же полнотѣ и послѣ того, какъ сообщить свою силу столь многимъ свѣтиль-
- 92 никамъ? Это извѣстно каждому. Если же въ тѣлахъ дѣлимыхъ и чрезъ отнятіе (частицъ) уменьшаемыхъ находится нѣчто такое, что, и послѣ сообщенія своихъ силъ другимъ тѣламъ, нисколько не уменьшается, то гораздо въ высшей степени это должно быть въ силѣ безтѣлесной и безсмертной. Если воспринимаемое

здѣсь ¹⁾ есть и сущность и тѣло, и дѣлится и не дѣлится, то когда рѣчь идетъ о силѣ, и притомъ силѣ, исходящей отъ безтѣлесной сущности, гораздо болѣе несомнѣнно то, что она не подвержена ничему такому.

Потому-то и говоритъ Іоаннъ: *и отъ исполненія Его мы вси прияхомъ*, — и свое свидѣтельство соединяетъ со свидѣтельствомъ Крестителя. Слова: *и отъ исполненія Его мы вси прияхомъ* принадлежатъ не Предтечѣ, а ученику (Христову). Слова же эти значатъ вотъ что: не думайте, что мы, какъ люди, много времени обращавшіеся съ Нимъ и раздѣлявшіе съ Нимъ трапезу, свидѣтельствуемъ только изъ благодарности. Вотъ и Іоаннъ, человѣкъ, даже не видѣвшій Его прежде и не обращавшійся съ Нимъ, а видѣвшій его вмѣстѣ съ другими только въ то время, когда крестилъ, — и онъ воззвалъ: *перте мене бѣ*, сказавъ этимъ все. Между тѣмъ всѣ мы — двѣнадцать, триста, пятьсотъ, три, пять тысячъ и десятки тысячъ іудеевъ, все вообще множество вѣрующихъ и тогдашняго, и настоящаго, и будущаго времени отъ исполненія Его получили. Что же получили? *Благодать возблагодитъ*. Какую же благодать вмѣсто какой благодати ²⁾? Новую вмѣсто древней. Подобно тому, какъ была правда и правда (*по правдѣ законнѣй*, сказано, *бывъ непороченъ*, — Фил. II, 6), — вѣра и вѣра (*отъ тры въ тру*, — Рим. I, 17), — усыновленіе и усыновленіе (*иже усыновленіе*, сказано — Рим. IX, 4), — слава и слава (*иже бо престающее, славою мною паче пребывающее въ славу*, — 2 Кор. III, 11), законъ и законъ (*законъ*, сказано, *духа жизни свободы мя*, — Рим. VIII, 2), — служеніе и служеніе (*иже служеніе*, сказано, — 2 Кор. III, 7, 8 — и въ другомъ мѣстѣ: *духомъ Богу служа*, — Фил. III, 5), — завѣтъ и завѣтъ (*и заветѣмъ имъ заветъ новъ, не по завету, сегоже заветѣмъ отцемъ имъ*, — Іер. XXXI, 31), — освященіе и освященіе, крещеніе и крещеніе, жертва и жертва, храмъ и храмъ, обрѣзаніе и обрѣзаніе, — 93 такъ есть благодать и благодать. Но здѣсь одно — образцы, а другое — истина; и то и другое есть только нѣчто соименное, а не однозначущее И на снимкахъ и на изображеніяхъ называется человѣкомъ написанный и черными красками и бѣлыми, точно также, какъ и имѣющій свой естественный цвѣтъ. И статуи, будетъ ли статуя золотая или глиняная, равно называются статуями. Но иное — образъ, а иное — истина.

2. Итакъ, по сходству именъ не заключаи о тождествѣ вещей, такъ же какъ и о разности ихъ. Если былъ образъ, то онъ не

¹⁾ Т. е. въ огнѣ.

²⁾ Св. Златоустъ передаетъ здѣсь буквально слова евангелиста: χάρις ἐντί (букв. *амьство*) χάριτος.

былъ чуждъ истины, только если онъ заключалъ въ себѣ тѣнь, то былъ ниже истины. Какое же различіе между всѣми указанными понятіями? Хотите ли, мы займемся истолкованіемъ одного или двухъ высказанныхъ понятій? Такимъ образомъ будутъ понятны для васъ и прочія,—и всѣ мы увидимъ, что одни изъ нихъ были уроками для дѣтей, а другія для людей возмужавшихъ и крѣпкихъ; что одни были законоположены только для людей, другія какъ бы для ангеловъ. Съ чего же намъ начать? Хотите ли, съ самаго усыновленія? Итакъ, какое различіе между усыновленіемъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ? То было честію на словахъ, а это на самомъ дѣлѣ. О томъ сказано: *азъ рече, бози есте и сынове Вышняго еси* (Пс. lxxx, 6); объ этомъ: *отъ Бога родишася* (ст. 13). Какъ и какимъ образомъ? *Банею крѣпости и обновленія Духа Святаго*. Тѣ, и съ именемъ сыновъ, имѣли въ себѣ духа работы,—почтены были этимъ названіемъ, оставаясь рабами; мы, содѣлавшись свободными, получили эту почесть не по имени только, а на самомъ дѣлѣ. На это указывая, Павелъ говорилъ: *не пріисте бо духа работы какъ въ боязнѣ: но пріисте духа сыновства, о немже вопіемъ: Авва Отче* (Рим. viii, 15). Какъ рожденные свыше и, такъ сказать, воссозданные, мы потому и названы сынами. А если бы кто хотѣлъ дознать образъ освященія ветхозавѣтный и новозавѣтный, то опять и здѣсь увидить много разности. Древніе назывались этимъ именемъ (святыхъ), когда не служили идоламъ, не творили блуда, не прелюбодѣйствовали; а мы дѣлаемся святыми не только чрезъ воздержаніе отъ тѣхъ (пороковъ), но и чрезъ приобрѣтеніе высшихъ совершенствъ. И сначала мы получаемъ этотъ даръ отъ самаго наитія Св. Духа; а потомъ и чрезъ собственную жизнь, которая гораздо выше іудейской. А что эти слова — не самохвалство, послушай, что сказано тѣмъ: *не волхвуйте, не очищайте чадъ своихъ, такъ какъ вы народъ святой* (Втор. xvi, 10, 13). Такимъ образомъ у нихъ святость состояла въ удаленіи отъ обычаевъ языческихъ; а у насъ не такъ, но *да будетъ свята*, сказано, *и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. vii, 34). *Миръ имѣйте и святыню со всѣми, иже кроме никто же узритъ Господа* (Евр. xii, 14). И: *творяще святыню съ страхомъ Божиимъ* (2 Кор. vii, 1). Слово: *святой* не о всѣхъ, къ кому прилагается, выражаетъ одну и ту же мысль. Называется святымъ и Богъ, но не такъ, какъ мы. Смотри, что говоритъ пророкъ, услышавъ гласъ, исходящій отъ серафимовъ: *о, окаянный азъ, яко челоуѣкъ сый, и нечисты устны имый, посреди людей, нечистыя устны имущихъ, азъ живу* (Ис. vi, 5),—а пророкъ былъ святъ и чистъ. Но если судить о святости нашей по образцу горней, то

мы оказываемся нечистыми. Святые и ангелы и архангелы, святые также серафимы и херувимы; по есть опять разность въ святости между нами и высшими силами. Я могъ бы прослѣдить и всѣ прочія понятія, но вижу, что слово становится слишкомъ продолжительнымъ. Поэтому, оставивъ дальнѣйшее изслѣдованіе, мы предоставляемъ вамъ самимъ разсудить объ остальныхъ предметахъ: вы можете дома, сличивъ ихъ, понять различіе между ними, и подобнымъ образомъ прослѣдить все прочее. *Дажь, сказано, премудрому вину, и премудрыйшии будетъ* (Прит. ix, 9). Такимъ образомъ начатое нами окончите вы. А намъ нужно возвратиться къ прежнему порядку слова.

Сказавъ: *отъ исполненія Ею мы вси прияхомъ*, евангелистъ присо-вокупляетъ: *благодать възблагодать*,—и тѣмъ показываетъ, что и іудеи спасаются благодатию. „Не ради умноженія вашего, говорить (Богъ), но ради отцевъ вашихъ Я избралъ васъ“. А если они избраны Богомъ не за свои заслуги, то явно, что получили эту почесть по благодати. Да и мы всѣ спасены благодатию,—только не такъ, какъ они, не въ той же, а гораздо важнѣйшей и возвышеннѣйшей степеніи. Такимъ образомъ и благодать у насъ не такова. Намъ даровано не только оставленіе грѣховъ (это у насъ обще съ ними: *еси бо согрѣшиха*,—Рим. iii, 23), но и оправданіе, и освященіе, и усыновленіе, и благодать Духа, несравненно болѣе свѣтоносная и изобильная. Черезъ эту благодать мы содѣлались любезными Богу уже не какъ рабы, но какъ сыны и други. Потому и сказано: *благодать възблагодать*. И подзаконное домостроительство было дѣломъ благодати, да и самое происхожденіе наше изъ небытія; не за какія-либо предшествующія заслуги мы получили это воздаяніе,—какъ это могло быть, когда насъ совсѣмъ и не было?—но такъ было потому, что Богъ во всякомъ случаѣ предваряетъ насъ Своими благодѣянiями. И не только наше происхожденіе изъ небытія, но и немедленное, послѣ происхожденія, наученіе тому, что должно дѣлать и чего не дѣлать, вложеніе закона этого въ самую природу нашу, вѣдреніе въ насъ неподкупнаго судилища совѣсти—все это есть дѣло величайшей благодати и неизреченнаго человеколюбія. Дѣло благодати также—послѣ поврежденія этого закона возобновленіе его чрезъ законъ писанный. Преступившимъ заповѣдь, однажды данную, слѣдовало бы подвергнуться наказаніямъ и мученіямъ. Но этого не сдѣлано; а (послѣдовало) снова исправленіе и даровано прощеніе не по праву, но по милости и благодати. А что—по милости и благодати, объ этомъ послушай, какъ говоритъ Давидъ: *творяи милостыни Господь, и судьбу есмь обидимымъ.каза пути своя Морсеови, сыномъ*

Исраильтымъ хотѣніи своя (Пс. сп, 6, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *блазъ и правзъ Господь, сего ради законоположитз согрѣшающимъ на пути* (Пс. ххiv, 8).

96 8. Итакъ полученіе закона есть дѣло милости, состраданія и благодати. Поэтому евангелистъ, сказавъ: *благодать возблагодать*, еще сильнѣе доказываетъ величіе даровъ, когда присовокупляетъ слѣдующія слова: *яко законъ Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Иисусъ Христомъ бысть*. Видите ли, какъ Іоаннъ Креститель и ученикъ (Христовъ) мало-по-малу и незамѣтно возводятъ слушателей къ самому возвышенному разумѣнію, приготовивъ ихъ къ тому сначала болѣе простыми мыслями. Креститель, сравнивъ съ собою Того, Кто безъ сравненія превосходитъ всѣхъ, такимъ образомъ показываетъ Его превосходство, и для того говоритъ: *иже предо Мною бысть*, и потомъ присовокупляетъ: *яко перже мене бѣ*. А евангелистъ выражаетъ гораздо больше того (Крестителя), впрочемъ все еще ниже достоинства Сына едиnorodнаго; евангелистъ дѣлаетъ сравненіе не съ Іоанномъ, но съ тѣмъ, кто былъ въ большемъ уваженіи у іудеевъ, разумѣю Моисея. *Яко законъ, говоритъ, Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Иисусъ Христомъ бысть*. Но замѣтъ благоразуміе. Онъ сличаетъ не лица, а дѣла. А какъ скоро показано превосходство дѣлъ одного предъ другимъ, то и неблагодарные по необходимости должны были принять такое ученіе и внушеніе о Христв. Когда свидѣлствуютъ самыя дѣла — такія, въ которыхъ нимало нельзя подозрѣвать ни пристрастія, ни вражды къ кому бы то ни было, то представляется доказательство неопровержимое и для людей неблагомыслящихъ. Дѣла эти оказываются такими, какъ расположили ихъ сами виновники. Поэтому-то свидѣлство такихъ дѣлъ есть самое несомнѣнное. Посмотри также, какое, доступное даже для людей слабыхъ, евангелистъ дѣлаетъ сравненіе. Онъ не изображаетъ на словахъ превосходства (благодати предъ закономъ), а только въ самыхъ наименованіяхъ показываетъ различіе ихъ, противопоставляя *закону — благодать и истину*, и словамъ: *данъ бысть* — слово: *бысть*. А различіе большое между тѣмъ и другимъ. *Данъ бысть* — это выраженіе относится къ служителю, принявшему законъ отъ другого и предавшему тѣмъ, кому повелѣно было дать; а: *бысть* благодать и истина — это изображаетъ Царя, властію своею отпускающаго всѣ согрѣшенія и раздающаго Свои дары. Поэтому (Господь) говоритъ: *отпущаются тебѣ грѣси*. Также: *но да увѣсте, яко власть имать Сынъ челоувечскій на земли отпущати грѣхи, глагола разслабленному: возстани и возми одръ твой, и иди въ домъ твой* (Марк. п, 9, 10). Видишь ли, какъ благодать чрезъ Него происходитъ? Замѣтъ

тоже и касательно истины. На благодать указываетъ и то обстоятельство, и событіе съ разбойникомъ, и даръ крещенія, и благодать Духа, чрезъ Него подаваемая, и многое другое. А истину мы уразумѣемъ яснѣе, если изучимъ образы. Домостроительство, имѣвшее совершиться въ новомъ завѣтѣ, предварительно предначертали образы, какъ прообразованія; а Христосъ, съ пришествіемъ Своимъ, совершилъ его. Итакъ; рассмотримъ вкратцѣ нѣкоторые образы, — прослѣдить всѣ образы въ настоящее время и не возможно. Вы же, изучивъ нѣкоторые, которые я представляю, по нимъ уразумѣете и прочіе. Итакъ, хотите ли начнемъ съ самыхъ страданій? Что говоритъ прообразование? „Возьмите овца по домамъ и принесите въ жертву, какъ повелѣлъ и законоположилъ Господь“ (Исх. хп). Но Христосъ не такъ сдѣлалъ; Онъ не повелѣваетъ этого, а самъ становится какъ овца, принося Отцу Себя самого въ жертву и приношеніе.

4. Посмотри еще, какъ образъ данъ былъ чрезъ Моисея, а 96 истина совершилась чрезъ Иисуса Христа. Во время нападенія амаликитянъ на евреевъ на горѣ Синайской были распростерты руки Моисея, и поддерживаемы Аарономъ и Оромъ, которые стояли по ту и по другую сторону; а Христосъ самъ собою держалъ свои руки распростертыя на крестѣ. Видишь ли, какъ данъ былъ образъ и какъ совершилась истина? Также законъ говорилъ: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всемъ, написанномъ въ книгѣ сей* (Втор. ххvii, 26). А что говоритъ благодать? *Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и азъ упокою вы* (Матѣ. xi, 28). И Павелъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы закона, бывъ по часъ клятвы* (Гал. iii, 13). Итакъ, получивъ столь великую благодать и истину, не сдѣлаемся, вслѣдствіе самой великости дара, безпечны. Чѣмъ большей мы удостоены почести, тѣмъ болѣе должны быть и добродѣтельны. Кто, будучи немного облагодѣтельствованъ, немного оказываетъ и ревности въ себѣ, тотъ не столь великаго заслуживаетъ и осужденія; но кто, будучи возведенъ на самую высшую степень почести, обнаруживаетъ въ себѣ свойства низкія и дѣла унижательныя, тотъ заслужить гораздо большее наказаніе. Но не дай Богъ—когда-либо предполагать это въ васъ. Мы уповаемъ, о Господѣ, что вы воспарили душами вашими къ небесамъ, отрѣшились отъ земли и, будучи въ мірѣ, не преданы страстямъ міра. Однакожъ и при такой увѣренности, мы не перестаемъ почасту внушать вамъ одно и тоже. Въ тѣлесной борьбѣ всѣ зрители также убѣждаютъ (бойцевъ) не падать, не лежать простертыми ницъ, но быть бодрыми и держаться на ногахъ; но тѣхъ, которые, не смотря на увѣщанія, не могутъ встать, однажды навсегда лишаютъ побѣды, и, какъ

неспособныхъ къ подвигамъ, съ презрѣніемъ оставляють въ такомъ положеніи. Но здѣсь можно ожидать чего-нибудь хорошаго не только отъ васъ, бодрствующихъ, но и отъ падшихъ, если только они захотятъ исправиться. Для того-то мы и дѣлаемъ все, и умоляемъ, и докучаемъ, и укоряемъ, и хвалимъ, чтобы устроить ваше спасеніе. И вы потому не досадуите на наши частыя увѣщанія къ жизни добропорядочной. Мы говоримъ, не какъ осуждающіе ваше нерадѣніе, но какъ имѣющіе самыя добрыя о васъ надежды. Притомъ, что доселѣ было сказано и впредь будетъ сказано, то касается не васъ только, а и насъ говорящихъ. И мы сами имѣемъ нужду въ такомъ же назиданіи, и хотя сами говоримъ, но ничто не препятствуетъ обратитъ тѣ же рѣчи и къ намъ. Слово, встрѣтивъ виновнаго въ грѣхахъ, исправляетъ его; не причастнаго грѣху и свободнаго отъ него отводитъ отъ него еще далѣе. Вѣдь и мы не чисты отъ согрѣшеній. Итакъ врачеваніе одно для всѣхъ, и пособія врачевныя предлагаются всѣмъ. Но излѣченіе не одно у всѣхъ, а соразмѣряется съ произволеніемъ пользующихся имъ. Потому кто пользуется врачевствомъ, какъ должно, тотъ получаетъ облегченіе отъ врачеванія; а кто врачества не прилагаетъ къ ранѣ, тотъ усиливаетъ въ себѣ зло и обращаетъ его къ самымъ несчастнымъ послѣдствіямъ. Итакъ, не будемъ досадовать, когда насъ врачуютъ, но лучше будемъ радоваться, хотя бы способъ ученія причинялъ намъ горькія скорби,—потому что впоследствии онъ принесетъ самый сладкій плодъ. Все будемъ дѣлать такъ, чтобы чистыми отъ ранъ и язвъ, нанесенныхъ душѣ уязвленіемъ грѣха, перейти
 97 намъ въ вѣкъ будущій, чтобы сподобиться лицедрѣнія Христа и быть преданными не жестокимъ и мстительнымъ силамъ, а тѣмъ, которыя могутъ ввести насъ въ наслѣдіе небесное, уготованное любящимъ Его,—что и да получимъ всѣ мы, благодатію
 98 и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

Бога никтоже видѣ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ отчи, той исповѣда (Іоан. 1, 18).

97 1. Богъ хочетъ, чтобы мы не просто слушали имена и слова, находящіяся въ Писаніи, но—съ разумѣніемъ. Поэтому блаженный Давидъ многіе изъ своихъ псалмовъ надписалъ такъ: *съ разумъ*, и говорилъ: *открыи очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона*

тако (Пс. сxxш, 18). Послѣ него сынъ его, заступившій его мѣсто, учить, что мудрости должно искать, какъ серебра, приобрѣтати ее больше, чѣмъ золота. А Господь впускалъ іудеямъ испытывать Писанія и тѣмъ насъ еще болѣе побуждаетъ къ изслѣдованію. Онъ не въ томъ смыслѣ говорилъ это, чтобы, только прочитавъ, можно было съ перваго раза понять Писаніе. Никто, конечно, не станетъ испытывать того, что находится вблизи и подъ рукою, а испытываютъ то, что остается въ тѣни и можетъ открыться только послѣ долгаго изысканія. Для того-то Писаніе называется и сокровищемъ сокровеннымъ, чтобы побудить насъ къ испытанію его. А это внушается намъ для того, чтобы приступали къ словамъ Писанія не просто, какъ случилось, но съ большою осмотрительностію, потому что кто станетъ слушать, что читается въ немъ, безъ разсужденія и все принимать буквально такъ, какъ сказано, тотъ можетъ предполагать много нелѣпаго о Богѣ. Онъ пожалуй допустить, что Богъ есть и человѣкъ и что Онъ состоитъ изъ мѣди, что онъ и гнѣвливъ и яростенъ, и много другихъ еще болѣе худыхъ мыслей. Если же кто будетъ вникать въ глубину смысла, то избѣжитъ всякой такой нелѣпости. Вотъ и въ чтеніи, нынѣ намъ предложенномъ, говорится, что Богъ имѣетъ лоно, а это свойственно тѣламъ; но никто не будетъ столько глупъ, чтобы безтѣлеснаго почитать тѣломъ. Чтобы все это понять въ смыслѣ духовномъ, какъ должно, изслѣдуемъ это мѣсто подробнѣе. *Бога никтоже видѣ нигдаже*. Какимъ путемъ евангелистъ пришелъ къ этому? Показавъ великое преимущество даровъ Христовыхъ — такое, что непзмѣримое разстояніе находится между этими дарами и сообщенными чрезъ Моисея, онъ хочетъ потомъ высказать и достаточную причину такой между ними разности. Моисей, какъ рабъ, былъ служителемъ дѣлъ низшихъ; а Христосъ, какъ Владыка и Царь и Сынъ Царя, принесъ намъ несравненно высшіе дары, сосуществуя всегда со Отцемъ и видя Его непрестанно. Потому-то евангелистъ и присовокупилъ: *Бога никтоже видѣ нигдаже*. Что же мы скажемъ на слова велегласнѣйшаго Исаіи: *видѣхъ Господа сидяща на престолѣ высоцѣ и превознесенъ* (Ис. vi, 1)? Что скажемъ на свидѣтельство самого Іоанна о томъ, что Исаія сказалъ это тогда, когда видѣлъ славу Его (Іоан. хп, 41)? Что скажемъ на слова Іезекіиля? И онъ вѣдъ видѣлъ Бога, сѣдящаго на херувимахъ. Что — на слова Давіила? И онъ говорить: *и ветхій денми сѣдѣ* (Дан. vii, 9). Что также — на слова Моисея: *яви ми славу твою, да разумно выжду Тя* (Исх. xxxш, 18)? А Іаковъ и прозваніе получилъ отъ этого, т. е. былъ названъ Израилемъ, а Израиль значить: *видящій* 98 *Бога*. Видѣли Его и другіе. Итакъ, почему же Іоаннъ сказалъ:

Бога никтоже видѣ видѣше? Онъ показываетъ, что все то было дѣломъ снисхожденія, а не видѣніемъ самаго существа божественнаго. Если бы они видѣли самое существо, то видѣли бы его не различнымъ образомъ. Оно просто, необразно, несложно, неописанно: не сидитъ, не стоитъ, не ходитъ. Все это свойственно только тѣламъ. Но какъ Богъ существуетъ, это знаетъ Онъ одинъ и это возвѣстилъ самъ Богъ Отецъ чрезъ одного пророка: *азъ, говоритъ, видѣнія умножилъ и въ рукахъ пророческихъ уподобился* (Ос. хп, 10), то есть, Я снисшелъ, явился, по не тѣмъ, что Я есмь. А какъ Сынъ Его имѣлъ явиться намъ въ дѣйствительной плоти, то Онъ изначала приготавлиалъ людей къ созерцанію существа Божія, сколько имъ возможно было видѣть. Но что Богъ есть самъ въ себѣ, того не видѣли не только пророки, но и ангелы и архангелы; и если бы ты спросилъ ихъ объ этомъ, то въ отвѣтъ не слышалъ бы ничего о существѣ, а только пѣніе: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣчѣхъ благоволеніе* (Лук. п, 14). Если бы ты пожелалъ узнать о томъ что-либо отъ херувимовъ, или серафимовъ, то услышалъ бы таинственную трисвятую пѣснь и что исполнь *небо и земля славы его* (Ис. vi, 2). А если бы ты обратился съ вопросомъ къ силамъ еще высшимъ, то ничего не узналъ бы, кромѣ того, что у нихъ одно дѣло — хвалить Бога. *Хвалите Его*, сказано, *вся силы Его* (Пс. сxlviii, 2). Итакъ, самого (Бога Отца) видѣть только Сынъ и Духъ Святыи. Да и какъ созданное существо, каково бы оно ни было, можетъ видѣть Несозданнаго! Если мы не можемъ ясно видѣть какую бы то ни было безтѣлесную силу, даже сотворенную, — а этому много оказалось примѣровъ по отношенію къ ангеламъ, — то тѣмъ болѣе мы не можемъ видѣть существа безтѣлеснаго и не созданнаго. Поэтому и Павелъ говоритъ: *Его же никтоже видѣлъ есть отъ челоутка, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. vi, 16). Но не принадлежитъ ли это преимущество только одному Отцу, а не Сыну? Нѣтъ — и Сыну также. А что принадлежитъ это и Сыну, послушай Павла, который показываетъ это и говоритъ: *иже стѣ образъ Бога невидимаго* (Колос. i, 15). А какъ образъ невидимаго, Онъ и самъ невидимъ; иначе не былъ бы и образомъ. Если же (Павелъ) въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Богъ явился во плоти* (1 Тим. ш, 16), — ты не удивляйся; это явленіе совершилось во плоти, а не по существу. Но что и Онъ невидимъ, не только для людей, а и для высшихъ силъ, показываетъ также Павелъ. Сказавъ: *явился во плоти*, онъ присовокупляетъ: *показася ангеломъ*.

2. Такимъ образомъ Онъ показался ангеламъ тогда, когда облекся плотію; а прежде того они также не видѣли Его, потому что и для нихъ существо было не видимо. Какъ же, скажете,

самъ Христосъ сказалъ: *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: малою бо вамъ: яко атели ихъ ни небесахъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Матѣ. xviii, 10)? Что же? Неужели Богъ и лице 99 имѣть и небесами ограничивается? Но никто не будетъ до такой степени лишепъ ума, чтобъ утверждать это. Въ какомъ же смыслѣ это сказано? Въ томъ же, въ какомъ сказано: *блажени чистиі сердцахъ, яко тѣмъ Бога узрятъ* (Матѣ. v, 8). Говорится здѣсь о видѣніи, намъ возможномъ, о видѣніи умомъ и мыслію о Богѣ. Такимъ образомъ и объ ангелахъ можно сказать, что они по своему чистому и бодрственному естеству всегда не что другое созерцають, а только Бога. Потому-то и самъ (Господь) также говоритъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѣ. xi, 27). Что же? Неужели всѣ мы находимся въ невѣдѣніи о Немъ? Нѣтъ; только никто не знаетъ (Отца) такъ, какъ Сынъ. А какъ и прежде многіе видѣли Его, въ доступной для нихъ мѣрѣ видѣнія, существа же божескаго не видѣлъ никто, такъ и нынѣ всѣ мы знаемъ Бога, но каковъ Онъ въ существѣ своемъ, того не знаетъ никто, — только одинъ Рожденный отъ Него. Знаніемъ Онъ здѣсь называетъ точное созерцаніе и постиженіе, и притомъ такое, какое имѣетъ Отецъ о Сынѣ. *Якоже знаетъ Мѣ Отецъ*, говоритъ Онъ, *и Азъ знаю Отца* (Іоан. x, 15).

Смотри же, съ какою полнотою выражаетъ это евангелистъ. Сказавъ: *Бога никтоже видѣти не можетъ*, онъ не говоритъ потомъ, что *Сынъ, видѣцій Его, исповѣда*, но представляетъ нѣчто другое, что еще полнѣе видѣнія, именно: *сый въ лонѣ Отчи*, — такъ какъ пребываніе въ лонѣ гораздо болѣе означаетъ, нежели видѣніе. Кто просто — видитъ, тотъ имѣетъ еще не совсѣмъ точное познаніе о видимомъ предметѣ; а кто пребываетъ въ лонѣ, тотъ имѣетъ полное вѣдѣніе. Итакъ, если Отца никто не знаетъ, кромѣ Сына, то ты, слыша это, не подумай, что, хотя Сынъ знаетъ Отца совершеннѣе, чѣмъ всѣ другіе, но не знаетъ, каковъ Онъ есть въ себѣ; и вотъ для этого-то евангелистъ и говоритъ, что Сынъ пребываетъ въ лонѣ Отца; а самъ Христосъ вѣщаетъ, что знаетъ Отца столько же, сколько Отецъ Сына. Итакъ, кто сталъ бы противорѣчить, того спроси: знаетъ ли Отецъ Сына? И онъ, если только не сошелъ съ ума, конечно, отвѣтитъ: да. Затѣмъ опять мы спросимъ: имѣетъ ли Отецъ вѣдѣніе о Сынѣ полное и видитъ ли ясно, что есть Сынъ? Конечно противникъ согласится и на это. А отсюда ты выведи и полное знаніе Сына объ Отцѣ. Самъ (Сынъ) сказалъ: *якоже знаетъ Мѣ Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. vi, 46); и въ другомъ мѣстѣ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога*. Поэтому, какъ я сказалъ, евангелистъ и упомянулъ о лонѣ, однимъ этимъ словомъ изъясняя

памъ все: сродство и единство существа, нераздѣльное вѣдѣіе и равенство власти. А иначе и Отець не могъ бы имѣть въ лоѣ Своемъ какое-либо иное существо, да и Сыѣ, если бы былъ рабомъ и однимъ изъ многихъ, не дерзнулъ бы пребывать въ лоѣ Владыки; это свойственно только истинному Сыну, обладающему великимъ дерзновеніемъ предъ Родителемъ и имѣющему въ себѣ нисколько не меньше (Его). Хочешь ли дознать вѣчность Сына? Послушай, что говоритъ Моисей объ Отцѣ. Спросивъ о томъ, что сказать въ отвѣтъ египтянамъ, если они спросятъ, кто послалъ его, онъ получилъ повелѣніе сказать: *Сыѣ посла мя* (Исх. ш, 14). Слово: *Сыѣ* означаетъ бытіе постоянное, бытіе безначальное, бытіе въ истинномъ и собственномъ смыслѣ. То же означаетъ и выраженіе: *въ началѣ бы*, изображая бытіе постоянное. И это выраженіе употребляетъ здѣсь Іоаннъ именно для того, чтобы показать, что Сынъ существуетъ въ лоѣ Отца безначально и вѣчно. А чтобы ты, по общности наименованія, не заключилъ, что Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые содѣлались сынами по благодати, для того здѣсь приложенъ членъ (б), который и отличаетъ Его отъ сыновъ по благодати. Если же для тебя этого не достаточно, и ты все еще склоняешься долу, то выслушай наименование, болѣе свойственное Сыну: *единородный*. А если ты и послѣ этого смотришь кпзу, то я не откажусь употребить о Богѣ и чловѣческое выраженіе, — разумѣю лоно, только бы ты не представлялъ себѣ ничего уничиженнаго. Видишь ли чловѣколюбіе и промышленіе Владыки? Богъ допускаетъ о Себѣ слова недостойныя, чтобы по крайней мѣрѣ такимъ образомъ ты открылъ глаза и помыслилъ что-либо великое и высокое, — и ты все еще остаешься долу? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, для чего здѣсь упоминается лоно, понятіе грубое и плотское? Для того ли, чтобы мы представляли себѣ Бога тѣломъ? Нѣтъ, вовсе нѣтъ, говоришь ты; для чего же? Если оно не изображаетъ ни истинности Сына, ни того, что Богъ не есть тѣло, то конечно изреченіе это брошено напрасно и безъ всякой нужды. Такъ для чего же? Я не перестаю спрашивать тебя объ этомъ. Не явно ли — для того, чтобы посредствомъ его мы поняли именно то, что Онъ есть истинно Сынъ единородный и совѣченъ Отцу? *Той исповѣда*, — сказано. Что Онъ исповѣдалъ? Что *Богъ никтоже видѣ никтоже*? Что Богъ единъ? Но это (говорили) и пророки, часто взывалъ и Моисей: *Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второз. vi, 4); и Исаія: *прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ нѣсть* (Ис. xlv, 10).

3. А что же еще мы узнаемъ отъ Сына, какъ сущаго въ нѣдрахъ отчихъ? Что узнаемъ отъ Единороднаго? Во-первыхъ, что

это самое составляет Его дѣйственную силу. Потомъ, мы получили болѣе ясное ученіе и познаніе о томъ, что Богъ есть Духъ и что поклоняющіеся Ему должны поклоняться духомъ и истинною; еще же и то, что Бога видѣть невозможно, что Его не знаетъ никто, кромѣ Сына, и что Онъ есть Отецъ истиннаго Единороднаго; также и все прочее, что объ Немъ повѣствуется. Самое же слово: *исповѣда* выражаетъ ученіе яснѣйшее и очевиднѣйшее, которое Онъ передалъ не однимъ іудеямъ, а и всей вселенной, и которое самъ исполнилъ. Пророкамъ внимали не всѣ даже іудеи, а Единородному Сыну Божію покорилась и увѣровала вся вселенная. Итакъ, исповѣданіе означаетъ здѣсь особенную ясность ученія. Потому-то называется и Словомъ и Ангеломъ великаго совѣта. Если же мы удостоены высшаго и совершеннѣйшаго ученія, послѣ того какъ Богъ въ послѣдніе дни возглаголалъ намъ уже не только чрезъ пророковъ, но и чрезъ Единороднаго Сына, то и мы должны показать жизнь болѣе возвышенную и достойную такой почести. Какъ Онъ снизошелъ къ намъ до того, что восхотѣлъ бесѣдовать съ нами не чрезъ рабовъ, а самъ непосредственно, то несообразно было бы съ нашей стороны не показать въ себѣ ничего лучше прежнихъ временъ. Іудеи имѣли учителемъ Моисея, а мы самого Владыку Моисея. Итакъ покажемъ любомудрію, достойное этой почести, и не будемъ имѣть ничего общаго съ землею. Онъ для того и принесъ намъ ученіе свыше, съ небесъ, чтобы вознести туда нашу мысль, чтобы мы сдѣлались, по мѣрѣ силъ своихъ, подражателями своего Учителя. А какъ намъ, скажишь, сдѣлаться подражателями Христу? Дѣлая все для общаго блага и не ища своего. И Христосъ, сказано, *не себѣ угоди, но, якоже есть писано, поношенія поносящихъ ти нападоша на мѣ* (Рим. xv, 3). Никто пусть не ищетъ своего. А пусть, ища своего, всякій имѣетъ въ виду ближнихъ; что — наше, то — и ихъ. Мы одно тѣло и члены и части другъ друга (Рим. xii, 5). Не будемъ же въ отношеніи другъ къ другу, какъ раздѣленные. Пусть никто не говоритъ: такой-то мнѣ не другъ, не родственникъ, не сосѣдъ; у меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ: какъ мнѣ приступить къ нему? Какъ начать разговоръ? Если онъ и не родственникъ, не другъ тебѣ, — все же онъ человѣкъ, одного съ тобою естества, имѣетъ одного Владыку, сорабъ, сожитель, — такъ какъ живетъ въ одномъ съ тобою мѣрѣ. А если еще содержитъ одну вѣру, то вотъ онъ и членъ твой. Какая дружба можетъ произвести такое единеніе, какъ сродство вѣры? Мы должны показывать не такую близость, не такое имѣть общеніе между собою, какъ друзья съ друзьями, а какъ члены съ членами. Другого высшаго дру-

жества и общенія, чѣмъ это, не найдетъ никто никогда. Ты такъ же не можешь говорить: откуда у меня близость и связь съ такимъ-то, какъ не можешь сказать этого о своемъ братѣ, потому что это было бы смѣшно. *Вси бо во едино тѣло крестихомся*, — 103 сказано (1 Кор. хп, 13). Для чего *во едино тѣло*? Для того, чтобы не раздѣляться, но взаимнымъ согласіемъ и дружествомъ сохранять связь всего тѣла. Итакъ, не будемъ презирать другъ друга, чтобы не пренебречь самихъ себя, — потому что сказано: *никтоже когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и третъ ю* (Еф. v, 29). Для этого Богъ далъ намъ одинъ домъ — міръ этотъ; раздѣлилъ все поровну: одно для всѣхъ возжегъ солнце, распростеръ одинъ кровъ — небо; устроилъ одну трапезу — землю: далъ и другую трапезу, которая гораздо важнѣе этой, но также одну: соучастники таинствъ знаютъ, что я говорю; даровалъ всѣмъ одинъ духовный образъ рожденія; у всѣхъ насъ одно отечество на небесахъ; всѣ пиѣмъ изъ одной и той же чаши. Ни богатому Онъ не далъ ничего больше и драгоцѣннѣе, ни бѣдному ничего меньше и малоцѣннѣе; но всѣхъ равно призывалъ, и какъ плотскія, такъ и духовныя (блага) равно сообщилъ. Отчего же такое неравенство въ жизни? Отъ любостыжанія и высокомѣрія богатыхъ. Но, братія, да не будетъ впредь этого. Такъ какъ у насъ есть нѣчто общее и необходимѣйшее, что соединяетъ насъ во едино, то не будемъ раздѣляться изъ-за дѣлъ земныхъ и ничтожныхъ, — разумѣю богатство, бѣдность, плотское родство, вражду, дружество. Все это тѣнь, еще ничтожнѣе и тѣни для тѣхъ, которые соединяются узами высшей любви. Будемъ же сохранять эти узы неразрывными, — и никакой злой духъ не сможетъ проникнуть въ насъ, чтобы разрушить такое единеніе. Итакъ, да будетъ оно во всѣхъ насъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

И сіе есть свидѣтельство Іоанново, егда послаша жи-
дове отъ Іерусалима іереевъ и левитовъ, да вопросятъ
его: ты кто еси (Іоан. i, 19)?

101 Опасная страсть, возлюбленный, — зависть; опасная и гибельная для самихъ завидующихъ, а не для тѣхъ, которымъ завидуютъ. Она прежде всего имъ самимъ причиняетъ вредъ и

гибель, какъ какая-нибудь смертоносная отравы, вѣддрившаяся въ души ихъ. А если она когда-либо вредить и тѣмъ, которымъ завидуютъ, то это вредъ малый и незначительный, и еще доставляетъ имъ пользу, гораздо болѣе важную, чѣмъ потеря. И такъ бываетъ не съ завистью только, а и со всѣми другими страстями: не тотъ, кто терпитъ зло, а тотъ, кто дѣлаетъ зло, получаетъ вредъ. Иначе, если бы это было не такъ, Павелъ не внушалъ бы своимъ ученикамъ — лучше терпѣть несправедливость, чѣмъ дѣлать ее, говоря: *почто не паче обидими естє? Почто не паче лишени биваетє* (1 Кор. vi, 7)? Онъ хорошо зналъ, что гибель всюду слѣдуетъ не за тѣмъ, кто терпитъ зло, а за тѣмъ, кто дѣлаетъ зло. Все это говорю я по поводу зависти іудеевъ. Люди стекавшіеся изъ городовъ къ Іоанну и, въ покаяніи о своихъ грѣхахъ, получившіе крещеніе, — тѣ самые, послѣ крещенія, какъ бы передумавъ снова, посылають спросить его: *ты кто еси?* Подлинно порожденія ехиднѣ, змѣи, если еще не хуже ихъ. Родъ лукавый, прелюбодѣйный и развращенный, ты уже послѣ крещенія извѣдываешь и любопытствуешь узнать о Крестителѣ? Можетъ ли быть что-нибудь глупѣе этой глупости? Какъ же вы приходили къ нему? Какъ исповѣдывали свои грѣхи? Какъ спѣ- 102 шили креститься отъ него? Какъ вопрошали его о томъ, что должно дѣлать? Итакъ, все это дѣлалось у васъ безразсудно, безъ сознанія причины и основанія на то? Впрочемъ ничего такого не сказалъ блаженный Іоаннъ, не возопилъ, не сталъ ихъ укорять; но отвѣчалъ со всею снисходительностію. А для чего онъ такъ поступилъ, — стѣбить узнать, чтобы всѣмъ было явно и очевидно злодѣйство іудеевъ. Іоаннъ часто свидѣтельствовалъ предъ іудеями о Христѣ и, когда крестилъ, перѣдко напоминалъ о Немъ приходящимъ и говорилъ: *азъ убо крещаяъ вы водою: грѣдѣй же по мнѣ, крѣпкій мене естє: тойъ вы креститѣ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѣ. ш, 11). Но они въ отношеніи къ Іоанну показали человѣческую слабость: имѣя въ виду славу мірскую и взирая на вѣншность, они думали, что недостойно Іоанна подчинять себя Христу. Іоанна возвышало многое въ ихъ глазахъ: во-первыхъ, именитое и знатное происхожденіе, потому что онъ былъ сынъ первосвященника; во-вторыхъ, строгость жизни и презрѣніе всего человѣческаго, потому что онъ, пренебрегая и одеждою, и домомъ, и самою пищею, проводилъ предъ тѣмъ все время въ пустынѣ. Во Христѣ все было напротивъ, происхожденіе уничиженное, что іудеи часто и выставляли на видъ, говоря: *не сей ли естє тектоновъ сынъ? Не мати ли єго нарицаетсѣ Маріамъ, и братія єго Іаковъ и Іосій* (Матѣ, хіи, 55)? А мнимое Его отечество было 108 въ такомъ безславіи, что и Наананиль говорилъ: *отъ Назарета мо-*

жеть ли что добро быти (Іоан. 1, 46)? Образъ жизни былъ у Него обыкновенный, одежды ничѣмъ не отличавшіяся отъ другихъ; кожаннаго пояса Онъ не носилъ, власяницы не имѣлъ, меда и акридовъ не ѣлъ; онъ жилъ, какъ и всѣ, присутствовалъ въ собраніяхъ людей порочныхъ и мытарей, только чтобы привлечь ихъ. Іудеи, не понимая этого, поносили Его, какъ и самъ Онъ говоритъ: *прииде Сынъ человеческій ядый и пійй, и глаголющъ: се человекъ ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникамъ* (Матѣ, XI, 19). И вотъ какъ Іоаннъ часто отсылалъ ихъ отъ себя къ Тому, кто, по ихъ мнѣнію, былъ ниже его, то они, стыдясь и досадуя на это и желая лучше имѣть учителемъ Іоанна, открыто не осмѣливались этого высказать; а отправляютъ къ нему посольство, надѣясь лестію расположить его къ тому, чтобы онъ объявилъ себя Христомъ. И не какихъ-либо презрѣнныхъ людей они посылаютъ къ нему, какъ ко Христу, когда, желая схватить Его, послали слугъ, потомъ иродіанъ и имъ подобныхъ людей; но священниковъ и левитовъ, да и священниковъ именно изъ Іерусалима, т. е. почетнѣйшихъ (евангелистъ не безъ причины замѣтилъ это). Посылаютъ же затѣмъ, чтобы спросить Іоанна: *ты кто еси?* А между тѣмъ и рожденіе его было извѣстно всѣмъ, такъ что всѣ говорили: *что убо отроча сіе будетъ* (Лук. 1, 66)? — и молва о немъ пронеслась по всей нагорной странѣ. Опять, когда онъ пришелъ на Іорданъ, жители всѣхъ городовъ спѣшили къ нему, и изъ Іерусалима и со всей Іудеи шли креститься у него. Итакъ эти-то люди теперь спрашиваютъ, — не потому, чтобы не знали его (какъ могли они не знать человека, сдѣлавшагося столько извѣстнымъ?); но они хотѣли привести его къ тому, что я высказалъ.

2. Послушай же, какъ этотъ блаженный мужъ отвѣчаетъ именно на ту мысль ихъ, съ которою они спрашивали его, а не на самый вопросъ. Когда они спросили: *ты кто еси?* — онъ не вдругъ сказалъ то, что слѣдовало сказать: *азъ гласъ вопіющаго въ пустыни* (Марк. 1, 8). А что? Онъ уничтожаетъ ихъ предположеніе, — на вопросъ: *ты кто еси?* — онъ *исповѣда, и не отвержеся, и исповѣда, яко ѣсмь азъ Христосъ* (ст. 20). Замѣтъ мудрость евангелиста. Три раза онъ говоритъ одной то же, чтобы показать и добродѣтель Крестителя и все лукавство и безмысліе іудеевъ. Также и Лука говоритъ, что, когда народъ предполагалъ, не онъ ли Христосъ, — онъ уничтожилъ это предположеніе. Таково свойство благомыслящаго служителя — не только не похищать чести, принадлежащей господину, но и отвергать ее даже въ такомъ случаѣ, когда бы предлагали ее другіе. Впрочемъ, простой народъ пришелъ къ такому предположенію по простотѣ и невѣдѣнію; а

тѣ спрашивали его, какъ я сказать, съ злымъ умысломъ, надѣясь лестію увлечь его къ тому, чего хотѣли. А если бы они не это именно имѣли въ виду, то не перешли бы тотчасъ къ другому вопросу, а стали бы досадсвать на то, что онъ говоритъ совсѣмъ другое и отвѣчаетъ не на вопросъ; они бы сказали ему: развѣ мы это предполагаемъ? Развѣ объ этомъ пришли спрашивать? Но, какъ бы будучи пойманы и уличены, они переходятъ къ другому предмету и говорятъ: *что убо? Іліа ли еси ты? И Іліа: нѣтъ* (ст. 21). Они ожидали, что и Іліа придетъ, какъ и Христосъ сказалъ. На вопросъ учениковъ: *что убо книжники глаголютъ, яко Іліи подобаетъ прийти прежде?*—Онъ сказалъ: *Іліа убо придетъ прежде, и устроитъ вся* (Матѣ. XVII, 10). Потомъ спросили: *пророкъ ли еси?* И онъ отвѣчалъ: *ни*. Однакожъ онъ былъ пророкъ. Почему же онъ отрекся? Опять потому, что смотрѣлъ на цѣль спрашивавшихъ. Они ожидали, что придетъ нѣкоторый избранный пророкъ, такъ какъ Моисей говорилъ: *пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, того послушайте* (Втор. XVIII, 15). А это былъ Христосъ. Поэтому они не вообще говорятъ: *пророкъ ли еси?* разумѣя одного изъ многихъ пророковъ, но съ присовокупленіемъ члена ¹⁾: „не тотъ ли ты пророкъ, о которомъ предвозвѣстилъ Моисей“? Поэтому-то онъ и отрекся — не отъ того, что онъ — пророкъ, а отъ того, что онъ — именно *тотъ* (предвозвѣщенный) пророкъ. *Рѣша же ему: кто еси? Да ответъ дажи пославшимъ ни: что глаголеши о тебѣ самоу* (ст. 22). Видишь ли, какъ они еще сильнѣе приступаютъ и настаиваютъ, повторяютъ вопросы и не отстаютъ? Но Іоаннъ съ кротостію сперва отвергаетъ ихъ ложныя предположенія, и потомъ даетъ дѣйствительное понятіе о себѣ: *азъ, говорить, гласъ вопіющаго въ пустыни: исправите путь Господень: якоже рече Ісаіа пророкъ* (ст. 23). Такъ какъ онъ уже высказалъ о Христѣ нѣчто великое и высокое, то, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ мысль, тотчасъ спѣшнѣе обратиться къ пророку и такимъ образомъ подтверждаетъ свои слова. *И посланныи бѣху отъ фарисей: и вопросиша его, и рѣша ему: что убо крещаси, аще ты нѣси Христа, ни Іліа, ни пророкъ* (ст. 24, 25)? Видишь ли, какъ не напрасно я говорю, что они именно до этого хотѣли довести его? А сначала этого они не говорили, чтобы не подвергнуться общей отъ всѣхъ укоризнѣ. Потомъ, когда онъ сказалъ: *нѣтъ Христосъ*, они желая скрыть то, что затѣвали въ душѣ, переходятъ къ Іліи и къ (объщанному) пророку. Когда же Іоаннъ сказалъ, что онъ ни тотъ, ни другой, они наконецъ, приведенные въ недоумѣніе, сбросивъ съ себя личину,

¹⁾ 'O профѣтъс.

уже открыто выставляют свой лукавый замыселъ и говорятъ: *что убо крещаеши, аще нѣси Христосъ?* Потомъ, опять желая прикрыться, присоединяютъ и другихъ лицъ, Ілію и пророка. Такъ какъ не могли поколебать его честію, то думаютъ обвиненіемъ вынудить у него признаніе въ томъ, чего не было. Но и этого не могли сдѣлать. О, безуміе! О, надменность и безвременная суетливость! Вы послали узнать отъ него, кто и откуда онъ: не хотите ли предписывать ему и законовъ? И этого именно хотѣли они, принуждая его объявить себя самого Христомъ. Однакожь онъ и теперь не негодуетъ и не высказываетъ ничего такого, хотя и справедливо было бы, какъ напримѣръ: „вы ли хотите мнѣ приказывать и давать законы“? Но опять показываетъ большую кротость. *Азъ, говоритъ, крещаю водою: посреди же васъ стою, а еже вы не вѣстаете. Той есть грядый по мнѣ, иже предо мною бысть, емуже нѣмъ азъ достоинъ, да отрушу ремень самоту* (ст. 26, 27).

- 105 8. Что на это могли бы сказать іудеи? Здѣсь обвиненіе на нихъ неопровержимое, осужденіе нещадное; они сами на себя произнесли судъ. Какимъ образомъ? Они почитали Іоанна достойнымъ всякой вѣры и столько правдивымъ, что вѣрили ему не только тогда, когда онъ свидѣтельствовалъ о другихъ, но и когда говорилъ о себѣ самомъ. Если бы они не были такого мнѣнія о немъ, то не послали бы узнать отъ него о немъ же самомъ. Извѣстно, что мы вѣримъ только тѣмъ людямъ, когда они говорятъ о самихъ себѣ, которыхъ признаемъ людьми самыми правдивыми. Но не это только заграждаетъ ихъ уста, а и самое расположеніе духа, съ которымъ они приступили къ нему; они пришли къ нему съ особеннымъ усердіемъ, хотя потомъ и перемѣнились. Указывая на то и на другое, Христосъ говорилъ: *онъ бы съѣлъ и съпитъ: вы же восхотѣте возрадоватися въ часъ съѣтїи ея* (Іоан. v, 35). А самый отвѣтъ Іоанна еще болѣе показалъ въ немъ человѣка, достойнаго вѣры. Кто не ищетъ славы своей, сказано, тотъ истиненъ есть, и нѣтъ неправды въ немъ (Іоан. vii, 18). И онъ не искалъ; но отослалъ ихъ къ другому. Между тѣмъ посланные были изъ людей довѣренныхъ, почетныхъ, такъ что имъ не оставалось никакого убѣжища, или оправданія въ своемъ невѣріи Христу. Почему вы не приняли того, что говорилъ о Немъ Іоаннъ? Вы послали своихъ старшинъ, чрезъ нихъ вы спрашивали его, вы слышали, что отвѣчалъ Креститель; они, съ своей стороны, показали всю ревность, все любопытство, указывали на всѣхъ лицъ, которыхъ вы предполагали въ немъ. И однакожь онъ съ полною свободою исповѣдалъ, что онъ—ни Христосъ, ни Ілія, ни пророкъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ

сказалъ и то, кто онъ самъ, бесѣдовалъ о сущности своего крещенія,—именно, что оно маловажно и несовершенно, и не имѣетъ въ себѣ ничего, кромѣ воды,—показывая тѣмъ превосходство крещенія, дарованнаго Христомъ. Присовокупилъ и свидѣтельство Исаи пророка за долгое до того время, и одного наименовалъ Господомъ, а другого—Его служителемъ и рабомъ. Что же послѣ этого оставалось дѣлать? Не увѣровать ли въ Того, о комъ (Іоаннъ) свидѣтельствовалъ,—поклониться Ему и исповѣдать Его Богомъ? А что свидѣтельство это было дѣломъ не лести, а истины, это показывалъ нравъ и любу мудріе свидѣтеля. Понятно это и потому, что никто не предпочитаетъ себѣ ближняго и, когда можно получить самому честь, никто не захотѣлъ бы уступить ее другому, особенно когда честь такъ велика. Такимъ образомъ и Іоаннъ не представилъ бы такого свидѣтельства о Христѣ, если бы онъ не былъ Богомъ. Если бы и отъ себя отклонилъ эту честь, какъ такую, которая выше его природы, то конечно не приписалъ бы ея и другому, низшему существу. *Посредѣ же васъ стоить, еяже вы не вѣстаете.* Это онъ сказалъ потому, что (Христосъ) обыкновенно вмѣшивался въ толпу народа, какъ человѣкъ простой, и училъ всегда противу гордости и тщеславія. *Видѣніемъ* же здѣсь Іоаннъ пазываетъ знаніе точное, именно о томъ, кто Онъ таковъ и откуда. А выраженіе: *по мнѣ грѣшны* Іоаннъ часто употребляетъ, говоря какъ бы такъ: „не думайте, что все заключается въ моемъ крещеніи. Если бы оно было совершенно, то не пришелъ бы послѣ меня другой съ установленіемъ другого крещенія. А мое крещеніе только приготовленіе и указаніе пути къ тому крещенію. Наше дѣло—тѣнь и образъ. Должно придти другому лицу, которое покажетъ истину“. Такимъ образомъ слова: *по мнѣ грѣшны* наиболѣе указываютъ на Его достоинство. Если бы (крещеніе Іоанново) было совершенно, то не было бы нужды искать второго. *Предо мною бысть*, то есть, Онъ досточтимѣе, славнѣе меня. А чтобы не подумали, что это превосходство есть только сравнительное, то, желая показать Его несравненное достоинство, Іоаннъ присовокупляетъ: *ему же нѣсмь азъ достоинъ, да отръшу ремень*, т. е., Онъ не просто *предо мною бысть*, но такъ, что я недостойнъ быть въ числѣ даже послѣднихъ слугъ Его: развязывать обувь и есть дѣло самаго низкаго служенія. Если же Іоаннъ недостойнъ разрѣшить ремень,—Іоаннъ, *котораго больше не было въ рожденныхъ жемъ*, то гдѣ же намъ помѣстить себя? Если достойный цѣлаго міра, или лучше, большій его (такъ какъ сказано: *иже не бы достоинъ весь міръ*), если онъ признаетъ себя недостойнымъ быть въ числѣ Его послѣднихъ слугъ, то что же скажемъ мы,

обремененные тысячами пороковъ, — мы, настолько отстоящіе отъ добродѣтели Іоанна, насколько отстонѣть земля отъ неба?

4. Итакъ, Іоаннъ говорить о себѣ, что *не достоинъ разпутить ремень сапогу*; а враги истины доходятъ до такого безумія, что считаютъ себя достойными знать Его также, какъ Онъ знаетъ Себя самого. Что можетъ быть хуже такого безумія? Что сумасброднѣе такого самохвальства? Хорошо сказалъ нѣкто мудрый: *начало юродьни незнаніе Господа* (Сир. х, 14). Діаволь, не бывшій прежде діаволомъ, не былъ бы низверженъ и не сталъ бы діаволомъ, если бы не заболѣлъ этою самою болѣзнію. Она лишила его прежняго достоинства, она низвела его въ геенну, она послужила для него причиною всѣхъ золъ. Порокъ этотъ можетъ самъ по себѣ повредить всякую добродѣтель души—милостыню ли, молитву ли, постъ, или что-либо другое. Сказано, что высокое у людей не чисто предъ Господомъ.

Не блудъ только и не прелюбодѣніе оскверняютъ тѣхъ, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому, что хотя блудъ и непростительное зло, но по крайней мѣрѣ иной человѣкъ можетъ сослаться на пожеланіе; а высокомеріе не имѣетъ никакой причины, никакого предлога, подъ которымъ заслуживало бы хотя тѣмъ извиненія; оно есть не что иное, какъ развращеніе души и самая тяжкая болѣзнь, происходящая не отъ чего другого, какъ только отъ безразсудства. Подлинно, нѣтъ человѣка безразсуднѣе высокомернаго, хотя бы онъ обладалъ большимъ богатствомъ, хотя бы получилъ обширное внѣшнее образованіе, хотя бы поставленъ былъ на высшей степени власти, хотя бы имѣлъ у себя все, что для людей кажется завиднымъ. Если гордящійся дѣйствительными преимуществами жалокъ и несчастенъ и теряетъ награду за всѣ свои совершенства, то не смѣшнѣе ли всѣхъ надмевающихся ничтожными благами, тѣнью и цвѣтомъ травы (такова слава этого вѣка), — такъ какъ онъ поступаетъ подобно тому, какъ если бы бѣднякъ, нищій, постоянно удручаемый голодомъ, случайно въ одну ночь увидѣлъ пріятный сонъ и тѣмъ сталъ бы тщеславиться? Жалкій и несчастный! Душу твою снѣдаетъ жесточайшая болѣзнь, и ты, убогіи крайнимъ убожествомъ, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантовъ золота и множество прислуги? Да это—не твое. А если не вѣришь моимъ словамъ, то убѣдись опытами бывшихъ прежде богачей. Если же ты такъ упоенъ, что не вразумляешься приключеніями другихъ, то подожди немного и ты дознаешь собственнымъ опытомъ, что нѣтъ для тебя никакой пользы отъ этихъ благъ, когда, при послѣднемъ издыханіи, не будучи властенъ ни въ одномъ часѣ, ни въ одной минутѣ,

ты невольнo оставишь ихъ окружающимъ тебя людямъ и, что нерѣдко случается, такимъ людямъ, которымъ ты и не хотѣлъ бы оставить. Многіе даже не имѣли возможности распорядиться о нихъ, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но имъ уже не было это позволено, и будучи увлекаемы, отходя изъ міра невольнo, по необходимости, оставляли свои блага тѣмъ, кому бы и не хотѣли. Чтобы и съ нами того не случилось, мы, пока живы и здоровы, отошлемъ ихъ въ свой (грядущій) градъ. Только такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность наслаждаться ими, а не иначе; такимъ только образомъ мы положимъ ихъ въ надежномъ и безопасномъ мѣстѣ. Ничто, ничто не можетъ ихъ оттуда исхитить: ни смерть, ни довѣрительныя свидѣтельства, ни наслѣдники, ни клеветы и навѣты; но кто сколько принесъ съ собою, отходя отсюда, тѣмъ всѣмъ и будетъ наслаждаться непрерывно. А кто такъ несчастенъ, что не захотѣлъ бы 108 вѣчно утѣшаться своимъ стяжаніемъ? Перенесемъ же свое богатство и положимъ его тамъ. Для этого перенесенія намъ не нужно ни ослонъ, ни верблюдовъ, ни колесницъ, ни кораблей,—и отъ этихъ хлопотъ избавилъ насъ Богъ,—нужны намъ будутъ только бѣдные, хромые, слѣпые, недужные. Имъ-то порученъ этотъ перевозъ, они-то пересылаютъ богатство на небо, они-то вводятъ владѣтелей богатства въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, котораго да достигнемъ и всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

Сія въ Візанніи быша обонъ-полъ Іордана, идѣже бѣ Іоаннъ крестя. Во утрій же видѣ Іоаннъ Іисуса, грядуща къ себѣ, и глагола: се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра (Іоан. 1, 28, 29).

Великая добродѣтель—дерзновенное, открытое исповѣданіе 107 Христа и предпочтеніе этого исповѣданія всему другому; такъ велика и дивна, что Сынъ Божій Единородный исповѣдуетъ тако-го человѣка предъ Отцемъ Своимъ, хотя это воздаяніе и несоразмѣрно. Ты исповѣдуешь на землѣ, а Онъ исповѣсть на небесахъ; ты—предъ людьми, Онъ—предъ Отцемъ и всѣми ангелами. Таковъ былъ Іоаннъ. Онъ не смотрѣлъ ни на народъ, ни на славу, ни на что человѣческое, но, презрѣвъ все это, съ должною свободою проповѣдывалъ всѣмъ о Христѣ. Поэтому еванге-

листь означаетъ и самое мѣсто (его проповѣди), чтобы показать дерзновеніе велегласнаго проповѣдника. Не въ домѣ, не за угломъ, не въ пустынь, но на Іорданѣ, среди множества народа, въ присутствіи всѣхъ, крестившихся отъ него (а Іоанпу крещающему предстояли іудеи), онъ возгласилъ это дивное исповѣданіе о Христѣ, исполненное великихъ, возвышенныхъ и непареченныхъ догматовъ, а о себѣ говорилъ, что недостойнъ былъ развязать ремень сапоговъ Его. Какъ же это выражаетъ евангелистъ? Присовокупляя слова: *сія въ Виваніи быша*. А въ исправнѣйшихъ спискахъ сказано: *въ Вивавартъ*. Виванія была не по ту сторону Іордана и не въ пустынь, а близъ Іерусалима. Но эти мѣста означаетъ (евангелистъ) и по другой причинѣ. Онъ хотѣлъ разсказать событія не древнія, а случившіяся не за долгое предъ тѣмъ время, и потому призываетъ въ свидѣтели своихъ словъ людей, которые находились въ тѣхъ мѣстахъ и были очевидцами, и такимъ образомъ отъ самыхъ мѣстъ представляетъ доказательства. Увѣренный, что въ своемъ повѣствованіи онъ ничего не прибавляетъ отъ себя, а говоритъ все просто, какъ было, онъ заимствуетъ свидѣтельство отъ самыхъ мѣстъ, которое, какъ я сказалъ, можетъ быть не маловажнымъ доказательствомъ истины.

108 *Во утрій же видѣ Іоаннъ Іисуса, грядуща къ себѣ, и глагола: се Агнецъ Божій, вземлай грѣхи міра*. Евангелисты какъ бы раздѣлили между собою времена. Матѳей, вкратцѣ обозрѣвъ время до заключенія въ темницу Іоанна Крестителя, поспѣшаетъ къ обстоятельствамъ послѣдующимъ; а евангелистъ Іоаннъ не только не вкратцѣ представляетъ то время, но на немъ-то въ особенности и останавливается. Матѳей, послѣ пришествія Іисуса изъ пустыни, умолчавъ о промежуточныхъ обстоятельствахъ, какъ напр. о томъ, что проповѣдывалъ Іоаннъ, что говорили посланные (къ нему) іудеи, и сокративъ все прочее, немедленно переходитъ къ темницѣ. *Смѣшавъ Іисусъ*, говоритъ онъ, *яко Іоаннъ преданъ бысть, отъиде отътуда* (Матѳ. iv, 12). Но Іоаннъ сдѣлалъ не такъ; а умолчавъ объ отшествіи въ пустыню, о которомъ сказалъ Матѳей, онъ повѣствуетъ объ обстоятельствахъ послѣ сошествія Іисуса съ горы и, разсказавъ о многомъ, затѣмъ присовокупляетъ: *не убо бѣ всажденъ въ темницу Іоаннъ* (Іоан. iii, 24). Но для чего, скажешь, Іисусъ теперь приходитъ къ Іоанну, дѣлаетъ это не однажды, а и въ другой разъ? Матѳей говоритъ, что Ему нужно было придти для крещенія. Указывая на это, и самъ Іисусъ присовокупляетъ: *такъ бо подобаетъ намъ исполнити всякую правду* (Матѳ. iii, 15). А Іоаннъ показываетъ, что Онъ и въ другой разъ приходилъ, уже послѣ крещенія, и это замѣчаетъ словами Крестителя: *видѣхъ Духа сходяща, яко юлубя, и пребывающа на Немъ* (ст. 32). Итакъ, для чего онъ

приходить къ Іоанну? Вѣдь Онъ не просто пришель туда, а приходилъ именно къ нему. *Видѣ Іоаннъ*, сказано, *Іисуса, ірѣдуща къ себѣ*. Такъ какъ Іоаннъ крестилъ Его вмѣстѣ съ другими многими, и многіе могли предполагать, что онъ приходилъ къ Іоанну по той же причинѣ, какъ и другіе, то есть затѣмъ, чтобы исповѣдать согрѣшенія и омыться въ рѣкѣ съ покаяніемъ, то Іисусъ и приходитъ снова, чтобы и самому Іоанну дать возможность исправить такое предположеніе. И дѣйствительно Іоаннъ, сказавъ: *се Агнецъ Божій, взявній грѣхи міра* (ст. 29), совершенно уничтожилъ такое подозрѣніе. Если Онъ такъ чистъ, что можетъ даже разрѣшать чужіе грѣхи, то ясно, что Онъ приходитъ не затѣмъ, чтобы исповѣдать свои согрѣшенія, а чтобы чудесному проповѣднику дать случай—повтореніемъ прежде сказаннаго еще точнѣе внушить слушателямъ прежде о Немъ сказанное и при- 109
совокупить къ тому еще нѣчто другое. Частица: *се* употреблена потому, что многіе уже давно, вслѣдствіе словъ Іоанна, хотѣли видѣть Его. Поэтому Іоаннъ и указываетъ Его, когда Онъ явился, и говорить: *се*, выражая этимъ, что Онъ есть Тотъ, кого издавна ожидали. *Се Агнецъ*. Агнцемъ называетъ Его, припоминая іудеямъ пророчество Исаи и прообразование изъ временъ Моисея, чтобы чрезъ прообразъ ближе привести ихъ къ истинѣ. Но агнецъ ветхозавѣтный не принималъ на себя никогда ничьихъ грѣховъ, а этотъ принялъ грѣхи всего міра, избавилъ его отъ гнѣва Божія, когда ему угрожала гибель. *Сей есть, еіюже азъ ркагъ: по мнѣ ірѣдетъ мужъ, иже предо мною бытъ* (ст. 30).

2. Видишь ли, какъ и здѣсь изъясняетъ евангелистъ выраженіе: *предо мною*? Называя Его агнцемъ и сказавъ, что Онъ возьметъ грѣхъ міра, затѣмъ говорить: *предо мною бытъ*, и такимъ образомъ показываетъ, что *предо мною* — означаетъ принятіе грѣховъ міра, крещеніе Духомъ Святымъ. „Мое пришествіе ничего болѣе не имѣло цѣлю, кромѣ проповѣданія общаго вселенной Благодѣтеля и кромѣ сообщенія крещенія водою; а Его пришествіе имѣетъ цѣлю — очищеніе всѣхъ людей и дарованіе благодатныхъ силъ Утѣшителя“. *Предо мною бытъ*, то есть, явился славнѣе меня, *яко перете мене бѣ*. Да постыдятся же послѣдователи безумія Павла Самосатскаго, противящіеся столь очевидной истинѣ. *И азъ не отпкѣгъ Его* (ст. 31). Смотри, какъ онъ отклоняетъ всякое подозрѣніе отъ своего свидѣтельства, показывая, что оно дано имъ не по пристрастію человѣческому, а по откровенію Божію. *Азъ не отпкѣгъ Его*, — говоритъ Іоаннъ. Какъ же ты можешь быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ? Какъ ты станешь учить другихъ, если самъ не знаешь? Но онъ не сказалъ: *не отпкѣгъ Его*, а: *не отпкѣгъ Его*, такъ что чрезъ это наиболѣе дѣлается достовѣр-

нымъ. Какъ онъ могъ быть пристрастнымъ къ тому, котораго не зналъ? *Но да лѣвится Израилъъ, сею ради приидохъ азъ водою крестя* (ст. 31). Итакъ, Онъ самъ не имѣлъ нужды въ крещеніи, и омовеніе то не другую какую-либо имѣло цѣль, а именно проложеніе другимъ пути къ вѣрѣ во Христа. Іоаннъ не сказалъ: я пришелъ крестить, чтобы очистить крещаемыхъ, или чтобы отпустить согрѣшенія, но — *да лѣвится Израилъъ*. Что же, скажи мнѣ, неужели безъ крещенія нельзя было проповѣдывать и привлекать народъ? Это было не такъ удобно. Если бы проповѣдь была безъ крещенія, то не стали бы всѣ такъ стекаться; не узнали бы превосходства одного крещенія предъ другимъ безъ сравненія ихъ. Народъ выходилъ къ Іоанну не слушать только то, что онъ говорилъ, а для чего? Креститься съ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ. Между тѣмъ, приходя креститься, узнавали и о Христѣ, и о различіи крещенія. А хотя крещеніе Іоанна было и важнѣе іудейскаго и потому всѣ спѣшили къ нему, однакожь и оно было не совершенно. Но какъ ты узналъ Его? Чрезъ сошествіе Духа,—говоритъ Іоаннъ. А чтобы не подумалъ кто, будто Христось, какъ мы, имѣлъ нужду въ Духѣ, послушай, какъ Іоаннъ уничтожаетъ и это подозрѣніе, показывая, что сошествіе Духа произошло единственно для возвѣщенія о Христѣ. Сказавъ: *и азъ не видѣхъ Его*, Іоаннъ присовокупляетъ: *но послалъ мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ неюже узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ, той есть крестяй Духомъ Святымъ* (ст. 33).

- 110 Видишь ли, что цѣлью сошествія Святаго Духа было только указать Христа? Конечно, свидѣтельство Іоанна было несомнѣнно; но, желая сдѣлать его еще болѣе достовѣрнымъ, онъ возводитъ его къ Богу и Духу Святому. Какъ Іоаннъ свидѣтельствовалъ о предметѣ столь великомъ и дивномъ, который могъ привести въ изумленіе всѣхъ слушателей, — то есть, что (Іисусъ) одинъ возьметъ на себя грѣхи всего міра и что величіе дара (Его) служить достаточнымъ для того искупленіемъ, — то и приготовляетъ къ такой мысли. А приготовленіемъ и служить ученіе, что Онъ — Сынъ Божій, что Онъ не имѣетъ нужды въ крещеніи и что Духъ сошелъ для того только, чтобы указать Его. Самъ же Іоаннъ не имѣлъ силъ сообщать Духа. Это показываютъ сами крещенные имъ, когда говорятъ: *ниже, аще Духъ Святыи есть, слышахомъ* (Дѣян. xix, 2).

Христось не нуждался въ крещеніи, ни въ этомъ, ни въ какомъ-либо другомъ, а, лучше сказать, крещеніе имѣло нужду въ силѣ Христовой. Вѣдь главнѣйшимъ изъ всѣхъ благъ оставалось то, чтобы крещаемый удостоивался Духа. Потому Христось, когда пришелъ, приложилъ это дарованіе Духа. *И свидѣ-*

тѣлствова Іоаннъ, глаголю, яко видѣхъ Духа, сходяща яко голубя, и пребывающа на Немъ. И азъ не видѣхъ Его: но пославый мя крестити водою, той мнѣ рече: надъ него же узриши Духа сходяща и пребывающа, той есть крестящій Духомъ Святымъ. И азъ видѣхъ, и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій (ст. 32—34). Іоаннъ часто употребляетъ слова: *не видѣхъ Его*,—не безъ причины и не безъ цѣли, а потому, что былъ сродникомъ Его по плоти. *Се Елисаветъ*, сказано, *кожица твоя, и та зачатъ сына* (Лук. 1, 36). Итакъ, чтобы не подать мысли, будто онъ имѣетъ пристрастіе ради родства, онъ часто говоритъ: *не видѣхъ Его*. Да и въ самомъ дѣлѣ такъ было. Все время онъ жилъ въ пустынѣ, внѣ отческаго дома. Но какъ же онъ удерживалъ Христа отъ крещенія, говоря: *азъ требую Тобою креститися* (Матѣ. ш, 14), если не зналъ Его до сошествія Духа и узналъ тогда только въ первый разъ? Это было свидѣтельствомъ, что онъ хорошо зналъ Его. Однакожъ справедливо, что онъ узналъ не прежде или не задолго до того времени. Чудеса, совершившіяся въ дѣтствѣ Іисуса, какъ-то: пропсшествія съ волхвами и прочія, случились гораздо прежде, когда и самъ Іоаннъ былъ еще въ младенчествѣ. А въ продолженіе столь долгаго времени конечно Іисусъ не всѣмъ былъ извѣстенъ. А если бы Онъ былъ извѣстенъ, то Іоаннъ не сказалъ бы: *да явится Израилеви, сею ради приидохъ крестя*.

3. Отсюда явно для насъ и то, что знаменія, которыя, какъ говорятъ, были совершены Христомъ въ дѣтствѣ, ложны и вымышлены какими-либо лживыми людьми. Если бы Онъ началъ совершать чудеса отъ перваго возраста, то Іоаннъ не могъ бы не знать Его, да и народъ не имѣлъ бы нужды въ учителѣ, который указалъ бы Его. Между тѣмъ Іоаннъ самъ о себѣ говоритъ, что пришелъ для того, *да явится Израилеви*, и также въ другой разъ говорилъ: *азъ требую Тобою креститися*; внослѣдствіи же, узнавъ Его ближе, онъ проповѣдывалъ о Немъ народу, говоря: *сей есть, о немъже азъ рехъ: по мнѣ грядетъ мужъ, иже предо мною бысть*, и: *пославый мя крестити водою*, послалъ для того, *да явится Израилеви*,—такимъ образомъ пославшій открылъ Іоанну Христа еще до сошествія Духа. Поэтому еще прежде пришествія Его Іоаннъ говорилъ: *по мнѣ грядетъ, иже предо мною бысть*. Итакъ Іоаннъ не зналъ (Іисуса) прежде пришествія на Іорданъ и крещенія всѣхъ, но узналъ Его тогда, какъ Онъ восхотѣлъ креститься, и при томъ узналъ по откровенію при крещеніи, по указанію Отца и Духа іудеямъ, для которыхъ и было сошествіе Духа. Чтобы не было пренебрежено свидѣтельство Іоанна, когда онъ говорилъ, что *первыя мене бы*, что Онъ креститъ Духомъ и что будетъ судить вселенную, для этого Отецъ подалъ гласъ, воз-

въѣстивъ о Сынѣ, и Духъ сошелъ, низводя этотъ гласъ на главу Христа. Такъ какъ одинъ крестилъ, другой принималъ крещеніе, то, чтобы кто-либо изъ присутствовавшихъ не подумалъ, что слова Отца изречены объ Іоаннѣ, для этого нисходитъ Духъ, устраняя такое предположеніе. Итакъ, когда Іоаннъ говоритъ: *не отдѣлъ Ею*, то говоритъ о времени прошедшемъ, не близкомъ къ крещенію. Иначе какъ же онъ удерживалъ Іисуса, говоря: *азъ требую Тобою креститься?* Какъ онъ говорилъ о Немъ такіа слова? Почему же іудеи не увѣровали, скажешь ты, когда не одинъ Іоаннъ видѣлъ Духа въ видѣ голубя? Если они и видѣли, то для такихъ предметовъ потребны не однѣ тѣлесныя очи, но преимущественно очи ума, чтобы дѣйствительнаго предмета не признать за пустой призракъ. Они видѣли и то, какъ Христосъ совершалъ чудеса и какъ, касаясь своими руками больныхъ и умершихъ, возвращалъ имъ жизнь и здравіе, однакожь до того были упоены ненавистію, что представляли себѣ противное тому, что видѣли. Какъ же могли они оставить свое невѣріе только по одному сошествію Духа? Нѣкоторые же говорятъ, что и не всѣ видѣли Его, а только Іоаннъ и другіе нѣкоторые, болѣе благомыслящіе. Хотя и чувственными очами можно было видѣть Духа, нисходившаго въ видѣ голубя, — при всемъ томъ не было никакой необходимости, чтобы это явленіе было для всѣхъ очевидно. И Захарія видѣлъ многое въ чувственномъ образѣ, и Давидъ и Іезекииль; но участникомъ въ видѣніи они не имѣли никого. Видѣлъ многое и Моисей, чего никто другой не видѣлъ. Не всѣ также ученики Христовы были удостоены видѣть преображеніе Его на горѣ, не всѣ участвовали и въ видѣніи воскресенія, что ясно показываетъ Лука, когда говоритъ, что Воскресшій явилъ себя *свидѣтелемъ предназначеннымъ отъ Бога* (Дѣян. х, 41). *И азъ видѣлъ и свидѣтельствую, яко сей есть Сынъ Божій.* Когда же онъ свидѣтельствовалъ, что есть Сынъ Божій? Онъ называлъ Его Агнцемъ, говорилъ и то, что Онъ будетъ крестить Духомъ, а что Онъ — Сынъ Божій, этого не говорилъ. Прочіе евангелисты не пишутъ, что послѣ крещенія Онъ говорилъ что-либо, а умолчавъ о событіяхъ этого времени, они говорятъ о чудесахъ Христовыхъ, бывшихъ уже послѣ заключенія Іоанна. Изъ этого можно догадываться, что и это, и еще многое другое они прошли молчаніемъ, что и показалъ этотъ самый евангелистъ въ концѣ своего писанія. Они столько были далеки отъ намѣренія — выдумать что-либо великое объ Немъ, что всѣ единогласно, со всею точностію изложили обстоятельства повидимому неблагопріятныя для Него, — и ты не найдешь, чтобы кто-либо изъ нихъ умолчалъ о чемъ-нибудь подобномъ. Что же касается до чудесъ, то инныя

чудеса одинъ изъ нихъ предоставлялъ другому описывать, а о нѣкоторыхъ умолчали всѣ. Это говорю я не безъ цѣли, но имѣя 112 въ виду безстыдство язычниковъ; это служить достаточнымъ доказательствомъ правдивости евангелистовъ и того, что они ничего не говорили по пристрастію. Этимъ доказательствомъ, вмѣстѣ съ другими, вы можете ратовать противъ язычниковъ. Но послушайте, — нелѣпо будетъ, если врачъ со всѣмъ усердіемъ ратовать будетъ за свое искусство, также и сапожникъ и ткачъ и всѣ другіе ремесленники за свое ремесло, а тотъ, кто исповѣдуетъ себя христіаниномъ, не въ состояніи будетъ слова сказать въ защиту своей вѣры. Небреженіе о тѣхъ искусствахъ приносить ущербъ въ имуществѣхъ, а нерадѣніе о вѣрѣ губить у насъ самую душу. И мы находимся въ такомъ жалкомъ состояніи, что на тѣ дѣла употребляемъ все свое стараніе, а самое необходимое, то, отъ чего зависитъ наше спасеніе, пренебрегаемъ, какъ ничего не стоящее.

4. Это не располагаетъ и язычниковъ къ осужденію своихъ собственныхъ заблужденій. Если они, упорные во лжи, все дѣлаютъ такъ, чтобы прикрывать срамъ своихъ лжеученій, а мы, служители истины, не можемъ ради ея и устъ раскрыть, то какъ же имъ не осуждать насъ въ слабости нашего исповѣданія, какъ не подозрѣвать въ насъ обмана и заблужденія, какъ не хулить Христа, будто лицемѣра и обманщика, который для обмана воспользовался неразуміемъ простыхъ людей? А въ такой хулѣ виновны мы, какъ скоро не хотимъ потрудиться въ изученіи своей вѣры, но, считая это дѣло лишнимъ, заботимся только о земномъ. Какой-нибудь любитель плясуна, или бѣгуна, или бойца со звѣрьми всячески старается о томъ, чтобы не уступить состязался о нихъ, расточаетъ имъ похвалы, защищаетъ противъ порицателей ихъ и тысячею ругательствъ поражаетъ противниковъ. Но когда предстоитъ рѣчь въ защиту христіанства, всѣ потупляютъ глаза въ землю, почесываются, зѣваютъ и осмѣянные отступаютъ. Какого негодованія заслуживаетъ это, когда у васъ Христосъ представляется ниже плясуна, когда вы собираете тысячи доводовъ въ защиту того, что дѣлаютъ для плясуна, не смотря: на то, что они люди самые презрѣнные, а въ защиту Христовыхъ чудесъ, привлечшихъ всю вселенную, не хотите даже ничего подумать, или сколько-нибудь позаботиться? Мы вѣруемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа, въ воскресеніе тѣлъ, въ жизнь вѣчную. Теперь, если кто-нибудь изъ язычниковъ спроситъ: кто этотъ Отецъ, кто Сынъ, кто Духъ Святой? или: какъ-де вы сами, признавая трехъ боговъ, обвиняете насъ въ многобожій?—что вы скажете, что будете отвѣчать? Какъ отра-

зните такое возраженіе? А что, если вы будете молчать, а вамъ предложить другой вопросъ: какое это воскресеніе? Въ этомъ ли тѣлѣ мы снова возстанемъ, или въ другомъ? Если въ этомъ, то зачѣмъ же оно должно разрушиться? Что вы на это скажете? А если еще спросятъ: для чего Христосъ пришелъ пинѣ, а не прежде? Или Онъ нынѣ только восхотѣлъ промышлять о людяхъ, а во все прочее время не имѣлъ попеченія о насъ? Если станутъ допытываться, кромѣ этого, и еще о многомъ другомъ? Но намъ нѣтъ пужды предлагать дальнѣйшіе вопросы и оставлять ихъ не рѣшенными, чтобы не повредить чрезъ то болѣе простымъ людямъ. А сказаннаго нами достаточно, чтобы отогнать отъ васъ сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, что, если васъ станутъ испытывать въ этихъ предметахъ, а вы не въ состояніи будете даже выслушивать такихъ рѣчей? Малому ли, скажи мнѣ, наказанію мы подвергнемся, дѣлаясь причиною такихъ заблужденій для людей, сѣдящихъ во тьмѣ? Я хотѣлъ бы, если у васъ довольно досуга, показать всѣмъ вамъ написавшую противъ насъ однимъ божбожнымъ языческимъ философомъ книгу, и еще другимъ, старѣе его, чтобы возбудить васъ и отвлечь отъ такой педѣтельности. Если они такъ неусыпны въ своихъ нареканіяхъ на насъ, то можемъ ли мы заслуживать какое-нибудь прощеніе, когда не будемъ умѣть отражать ихъ нападенія? Для чего же мы и приведены (въ Церковь)? Не слышишь ли, что говоритъ апостолъ: *готови будете присно ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вѣшемъ житіи* (1 Петр. ш, 15)? И Павелъ тоже внушаетъ, говоря: *слово Христова да вселяется въ васъ богато* (Колос. ш, 16). Что скажутъ на это люди, которые безсмысленнѣе трутеней? „Благословенна всякая душа простая“; также: *уже ходитъ просто, ходитъ надѣясь* (Притч. х, 9). Но все зло — оттого, что многіе не умѣютъ даже кстати приводить свидѣтельствъ Писанія. Премудрый въ этомъ мѣстѣ говоритъ не о глупомъ человѣкѣ, не о томъ, который ничего не знаетъ, но о человѣкѣ незлобивомъ, не лукавомъ, благоразумномъ. А если бы было иначе, то напрасно было бы сказано: *будите мудри яко змѣя, и цѣли яко юлубіе* (Матѣ. х, 16). Но для чего намъ распространяться объ этомъ, когда это слово ни къ чему не ведетъ? Кромѣ того, что теперь сказано, мы не дѣлаемъ и ничего другого, что относится къ жизни и дѣятельности, но во всѣхъ отношеніяхъ мы — люди жалкіе и достойные осмѣянія. Обвинять другъ друга мы всегда готовы, а исправлять то, въ чемъ сами виновны и подлежимъ обличенію, на это мы всегда медленны. Итакъ, умоляю васъ — не ограничиваться только взаимнымъ обвиненіемъ. Этого не достаточно для умиловленія Бога. Но постараемся показать во

всемъ перемѣну на лучшее, чтобы пожить во славу Божію, насладиться и самимъ будущею славою, которой и да сможемъ достигнуть всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

Во утрій же пави стояше Іоаннъ, и отъ ученикъ его два. И узрѣвъ Іисуса грядуща, глагола: се Агнецъ Божій. И слышаша его оба ученика глаголющаго и по немъ идоста (Іоан. 1 35, 37).

1. Безпечна природа человѣческая и легко увлекается къ по- 118
гибѣли не отъ того, что она такъ создана, а отъ произвольнаго нерадѣнія. Поэтому-то надобно много увѣщевать ее. И Павелъ, пиша филиппійцамъ, по этому побужденію говоритъ: *тяжело писати мнѣ не лично, самъ же твердо* (Фил. ш, 1). Земля, принявъ однажды сѣмена, скоро воздаетъ плоды и не требуетъ вторичнаго сѣянія; но душа наша не такова. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы сѣющій часто и прилагающій къ тому много попеченія хотя однажды получилъ плодъ. И прежде всего, предлагаемое ученіе не легко впечатлѣвается въ душѣ, потому что въ ней много окаменѣлости, она объята безчисленнымъ терпѣмъ, а кромѣ того много навѣтниковъ, которые похищаютъ эти сѣмена. Затѣмъ, когда сѣмя вѣдрится и укоренится, оно требуетъ опять такой же заботы, чтобы могло взойти въ ростъ, а взшедши, оставалось бы въ цѣлости и не потерпѣло отъ чего-либо вреда. Впрочемъ въ земныхъ сѣменахъ, когда колось достигнетъ зрѣлости и получитъ надлежашую силу, онъ уже не боится ни зло-вредной росы, ни зноя и ничего другого; но въ дѣлѣ ученія не такъ. Здѣсь и послѣ того, какъ все вполне бываетъ устроено, часто одна непогода и буря повреждаетъ все, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, при навѣтахъ коварныхъ людей, или при стеченіи другихъ различныхъ искушеній. Это мы говоримъ не безъ цѣли, а для того, чтобы ты, услыша повтореніе Іоанномъ однихъ и тѣхъ же словъ, не обвинилъ его въ суесловіи и не счелъ его человѣкомъ пустымъ и скучнымъ. Онъ конечно желалъ, чтобы и однажды сказанное имъ было услышано, но какъ впа-чалъ не многіе вняли сказанному, по причинѣ глубокаго усып- 114
ленія, то вотъ повтореніемъ одного и того же онъ снова про-буждаетъ ихъ. Смотри: онъ говорилъ: *иже по мнѣ грядый предо*

мною бысть, и: *нѣсмь достоинъ, да отрушу ремень сапогу Ею*, также: *той вы крестить Духомъ Святымъ и онемъ, и: Духъ видѣ сходящъ, яко голубь, и пребывающъ на Немъ, и свидѣтельствова, яко сей есть Сынъ Божій* (Іоан. 1, 27—34). Но между тѣмъ никто не внималъ ему, никто не спрашивалъ: что это ты говоришь, и о комъ, и для чего? Потомъ онъ сказалъ еще: *се Агнецъ Божій, вземай грѣхи міра*, — однакожъ и этимъ не вывелъ ихъ изъ безчувственности. Такимъ образомъ онъ принужденъ былъ повторять одно и тоже, какъ бы грубую и затвердѣлую землю смягчая новою запашкой и словомъ, точно плугомъ, поднимая подавленную душу, чтобы бросить сѣмена въ глубину ея. Потому-то Креститель и не распространяетъ своего слова, заботясь только объ одномъ—чтобы ихъ привести и присоединить ко Христу. Онъ зналъ, что, если только они примутъ Его и увѣруютъ, то уже не будутъ имѣть нужды въ другомъ свидѣтелѣ о Немъ. Такъ и случилось. Если самаряне, послушавъ Христа, говорятъ женѣ самарянской: *не ктому зи твою бестду въруема: сами бо ѡмы, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ* (Іоан. 4, 42); то гораздо скорѣе могли быть обращены ко Христу ученики (Іоанна), какъ дѣйствительно и было. Они, пришедши (ко Христу) и послушавъ Его одинъ вечеръ, уже не возвращались къ Іоанну, но такъ предались Христу, что приняли на себя и служеніе Іоанна и сами стали проповѣдывать о Христѣ. *Обрѣте бо сей брата своего Симона, и глагола ему: обрѣтохомъ Мессію глаголемоу Христа* (Іоан. 1, 41). Обрати вниманіе и на слѣдующее: когда Іоаннъ говорилъ: *по мнѣ грѣшныи предъ мною бысть, и: нѣсмь достоинъ отрушити ремень сапогу Ею*, то не уловилъ никого; какъ же скоро сталъ бесѣдовать объ устроеніи нашего спасенія и бесѣдовать словомъ болѣе простымъ, то ученики его послѣдовали за Христомъ. Но не это одно надлежитъ взять во вниманіе, а и то, что не столь многіе приводятся (ко Христу) тогда, когда говорятъ имъ о Богѣ что-нибудь великое и возвышенное, какъ тогда, когда говорятъ о благодати, человеколюбіи Его и о томъ, что относится ко спасенію слушающихъ. Вотъ услышали, что Онъ вземлетъ грѣхи міра,—и тотчасъ поспѣшили къ Нему. Если можно, говорятъ они, омыть свои грѣхи,—для чего же медлить? Вотъ предстоить Тотъ, кто освободитъ насъ отъ нихъ безъ труда. Не крайне ли безразсудно отлагать до другого времени такой даръ? Да слышать это оглашенные, отлагающіе свое спасеніе до послѣдняго издыханія. *Паки століе Іоаннъ и глагола: се Агнецъ Божій*. Христосъ ничего не говоритъ, а все Креститель. Такъ бываетъ съ женихомъ. Не самъ онъ тотчасъ начинаетъ говорить съ невѣстою, но стоитъ въ молчаніи, и другіе указываютъ

его и вручаютъ ему невѣсту; и когда она является, онъ не самъ по себѣ принимаетъ ее и уводитъ, но другой ему передаетъ ее. Когда же приметъ изъ рукъ другихъ, то уже такъ располагаетъ ее къ себѣ, что она не воспоминаетъ и сочетавшихъ ее съ нимъ. Такъ было и со Христомъ. Пришелъ Онъ обручить себѣ Церковь, — и вначалѣ ничего не говорилъ самъ, а только предстоялъ; другъ же Его Іоаннъ подаль Ему десницу этой невѣсты, вручивъ Ему чрезъ свое слово души людей. Но, принявъ ихъ, Христосъ такъ расположилъ ихъ къ себѣ, что они уже не возвращались къ тому, кто вручилъ ихъ.

2. Не это только, но и другое нѣчто надлежитъ здѣсь замѣтить. Какъ, при заключеніи браковъ, не дѣвица приходитъ къ жениху, а онъ спѣшитъ къ ней, хотя бы это былъ сынъ царя и хотя бы онъ хотѣлъ взять за себя изъ бѣднаго и низшаго сословія, хотя бы рабу, — такъ было и здѣсь. Не естество человѣческое восходило на небо; но самъ (Богъ) снизошелъ къ нему — презрѣнному и убогому. По совершеніи же брака, Онъ уже не дозволилъ ему оставаться здѣсь, но, воспринявъ его на Себя, ввелъ въ домъ отчій. Но для чего Іоаннъ не отдѣльно беретъ своихъ учениковъ и не особо говорить съ ними о Христѣ, чтобы такимъ образомъ передать ихъ Христу, а въ присутствіи всего народа говорить имъ: *се Агнецъ Божій*? Для того, чтобы это не казалось дѣломъ его умысла. Если бы они пошли ко Христу, будучи особо убѣждены Іоанномъ и какъ бы изъ угожденія ему самому, то они также скоро могли бы и отступить отъ Христа; но теперь, рѣшившись послѣдовать Христу по силѣ ученія, обращеннаго ко всѣмъ вообще, ученики Іоанна пребыли твердыми въ этомъ, такъ какъ послѣдовали не изъ угожденія учителю, а по собственному усердію и ради своей пользы. Всѣ пророки и апостолы проповѣдывали Христа въ Его отсутствіи: одни — до Его пришествія во плоти, другіе — по Его вознесеніи; одинъ Іоаннъ проповѣдывалъ о Немъ въ Его присутствіи. Поэтому онъ и называется другимъ жениха, — такъ какъ онъ одинъ 116 присутствовалъ на бракѣ; онъ все это устроилъ и совершилъ; онъ положилъ начало этому дѣлу. *И узрѣвъ Иисуса грядуща, глагола: се агнецъ Божій*. Онъ говорилъ это, показывая, что не голосомъ только, но и очами свидѣтельствуетъ. Онъ удивлялся Христу, въ радости и восторгѣ; и не тотчасъ обращаетъ слово убѣжденія къ ученикамъ, но сперва только удивляется и предается изумленію, при явленіи Христа; показываетъ всѣмъ и даръ, съ которымъ Онъ пришелъ, и образъ искупленія. Слово „агнецъ“ выражаетъ то и другое. И не сказалъ Іоаннъ: *имѣющій взять*, или: *взявшій*, но: *вземлющій* грѣхи міра, какъ бы Христосъ всегда это

дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не тогда только принялъ на себя грѣхъ, когда пострадать, но съ того времени и доселѣ вземлетъ грѣхи, не такъ, какъ бы всегда былъ распинаемъ (Онъ однажды приписъ жертву за грѣхи), а такъ, какъ этою одною жертвою Онъ всегда очищаетъ грѣхи. Такимъ образомъ какъ наименованіе Его *Словомъ* показываетъ превосходство Его естества, а имя *Сына* выражаетъ отличіе Его отъ другихъ существъ, такъ и слова: *агнецъ*, *Христосъ*, *пророкъ*, *свѣтъ истинный*, *пастырь добрый* и другія, употребляемыя о Немъ, выраженія съ прибавленіемъ члена (ѡ) показываютъ большое различіе ихъ отъ обыкновенныхъ выраженій. Много было агнцевъ, пророковъ, христовъ ¹⁾, сыновъ; но Іоаннъ представляеть большое различіе между Нимъ и всѣми тѣми. И это онъ утвердилъ не прибавленіемъ только члена, но и приложеніемъ слова: *единородный*,—такъ какъ Христосъ не имѣетъ ничего общаго съ тварію. Если же кому кажется неблаговременнымъ то, что слова эти сказаны были въ десятomъ часу (таково было время дня: *бы же часа*, сказано, *яко десятый*, — ст. 39), то, по моему мнѣнію, такой очень погрѣшаетъ. Для многихъ людей, раболѣпствующихъ плоти, конечно, время послѣ насыщенія не совсѣмъ удобно къ дѣламъ важнымъ, потому что душа отягощена пищею. Но то былъ мужъ, не употреблявшій даже обыкновенной пищи, который и вечеръ проводилъ съ такою же трезвенностію, съ какою мы — утро, или лучше сказать, гораздо большею (потому что у насъ нерѣдко остатки вечерней пищи наполняютъ грѣсами душу, а онъ ничѣмъ такимъ не обременялъ этого судна); поэтому и не удивительно, что Іоаннъ и въ вечернее время бесѣдовалъ о такихъ предметахъ. Притомъ же онъ и жилъ въ пустынѣ близъ Іордана, куда всѣ съ большимъ страхомъ приходили для крещенія, мало заботясь въ то время о дѣлахъ житейскихъ, какъ и со Христомъ народъ пробылъ три дня, оставаясь безъ пищи. Долгъ усерднаго проповѣдника, какъ и заботливаго земледѣльца — не оставлять своего дѣла, пока не увидитъ, что всаженное слово укоренилось. Но почему Іоаннъ не прошелъ всей Іудеи съ проповѣдью о Христѣ, а оставался при рѣкѣ, ожидая Его пришествія, чтобы потомъ, когда Онъ придетъ, указать Его народу? Іоаннъ хотѣлъ, чтобы самыя дѣла свидѣтельствовали о Христѣ, а особенная цѣль Іоанна была та, чтобы только огласить Его пришествіе и убѣдить хотя нѣкоторыхъ — послушать Живота вѣчнаго. Бѣльшее же свидѣтельство Іоаннъ оставляетъ самому Христу, именно свидѣтельство

¹⁾ Христосъ—въ общемъ значеніи: помазанные, каковы были первосвященники, цари, и пр.

дѣль, какъ п самъ Христось говоритъ: *Азъ не отъ чловѣка при-
емлю свидѣтельство; тыла, яже даде Мнѣ Отецъ, та свидѣтельствуютъ
о Мнѣ* (Іоан. v, 36). (Смотри же, какъ такое свидѣтельство было
сильно. Іоаннѣ бросилъ только малую искру — и вдругъ пламя
поднялось въ высоту. Тѣ, которые дотолѣ даже не внимали сло-
вамъ Іоанна, наконецъ говорятъ: *вся, елика рече Іоаннъ, истинна
суть* (Іоан. х, 42).

3. Въ противпомѣ случаѣ, если бы т. е. Іоаннѣ проповѣды- 117
валъ, обходя всю Іудею, могло бы казаться, что это дѣлается по
видамъ чловѣческимъ, и проповѣдь была бы подозрительною.
И слышаша ето оба ученика, и по Іисусъ идоста (ст. 37). Были у
Іоанна и другіе ученики; но они не только не послѣдовали за
Христомъ, а еще и съ завистію смотрѣли на Него. *Равви*, говорили
они Іоанну, *иже бѣ съ тобою обонтоль Іордана, ему же ты свидѣтель-
ствовала еси, се сей крещаетъ, и вси яздуть къ нему* (Іоан. ш, 6); и въ
другой разъ они являются съ обвиненіемъ: *почто мы постимся,
ученицы же твои не постятся* (Матѣ. ix, 14)? Но лучшіе изъ нихъ
такъ не дѣлали, а какъ скоро услышали о Христѣ, послѣдовали за
Нимъ. Да и послѣдовали они не изъ презрѣнія къ своему учителю,
но наиболѣе изъ послушанія ему, и представили величайшее
доказательство того, что они такъ поступили по здравому убѣж-
денію. Они сдѣлали это, не будучи побуждаемы къ тому, что было
бы подозрительно, а послѣдовали за Христомъ потому только,
что Іоаннѣ предрекалъ о Немъ, что Онъ будетъ крестить Духомъ
Святымъ. Итакъ, они не оставили своего учителя, но захотѣли
узнать, даруетъ ли Христось что-либо больше, чѣмъ Іоаннѣ. И
замѣть, какъ ихъ заботливость соединялась съ кромностію. Не
вдругъ они пришли и стали вопрошать Іисуса о предметахъ
важныхъ и необходимыхъ; и не открыто въ присутствіи всѣхъ,
и не мимоходомъ и какъ случилось они хотѣли бесѣдовать съ
Нимъ, но — наединѣ. Они знали, что слова ихъ учителя выра-
жали не одно смиреніе, а чистую истину. *Бѣ же, сказапо, Андрей
братъ Симона Петра, единъ отъ обоихъ слышавшихъ отъ Іоанна, и по
Немъ шедшихъ* (ст. 40). Почему евангелистъ не означилъ имени и
другого ученика? Нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что этотъ ученикъ,
послѣдовавшій за Христомъ, былъ тотъ же, который и написалъ
объ этомъ; другіе же думаютъ не такъ, а что онъ не былъ изъ
числа избранныхъ учениковъ, евангелистъ же говорилъ только о
лицахъ, болѣе замѣчательныхъ. Но что пользы узнавать имя этого
ученика, когда не сказаны имена и семидесяти двухъ учениковъ?
Тоже можно видѣть и у Павла. *Послахомъ съ нимъ*, говоритъ онъ,
*и брата нашего во многихъ многаци тѣлашва суща, еяже похвала во
свѣтѣхъ* (2 Кор. vш, 18). А объ Андреѣ упомянуто еще и по

другой причинѣ. Какая же это причина? Та, чтобы ты, зная, какъ Симонъ съ Андреемъ, лишь услышали: *ирядита по Мя, и сотворю вы ловца человекомъ* (Матѣ. vi, 19), не усомнились объ этомъ необычномъ обѣтованіи,—чтобы, говоря, ты зналъ и то, что начатки вѣры еще прежде Симона положены братомъ его. *Обращая же Іисусъ, и видѣвъ я по себѣ идуща, глагола има: чесо ницета* (ст. 38)? Отсюда мы научаемся, что Богъ Своими дарами не пред-варяетъ нашихъ желаній, но когда мы начнемъ, когда обнару-жимъ желаніе, тогда и Онъ подаетъ намъ многіе способы къ спасенію. *Чесо ницета?* Что это значить? Ему ли вѣдущему сердца людей, проникающему въ наши помышленія, — спрашивать? Но Онъ спрашиваетъ не для того, чтобы узнать (какъ это возможно?), а чтобы вопросомъ еще болѣе приблизить ихъ къ себѣ, сообщить имъ болѣе дерзновенія и показать, что они достойны бесѣдовать съ Нимъ. Они, вѣроятно, стыдились и страшились, какъ люди незнакомые съ Нимъ и только отъ своего учителя слышавшіе свидѣтельство о Немъ. Чтобы уничтожить въ нихъ все это — стыдъ, страхъ, Онъ самъ спрашиваетъ ихъ и не оставляетъ ихъ

118 въ молчаніи идти до Его жилища. Впрочемъ, можетъ быть, тоже было бы, если бы Онъ и не предложилъ вопроса, потому что они не перестали бы идти за Нимъ и по Его слѣдамъ пришли бы къ Его жилищу. Для чего же Онъ спрашиваетъ ихъ? Для того, какъ я сказалъ, чтобы успокоить ихъ смущенное и не-спокойное сердце и внушить имъ дерзновеніе. Между тѣмъ они выразили свою преданность Христу не въ послѣдованіи только за Нимъ, а и въ самомъ вопросѣ. Не будучи еще учениками Его и ничего не слыша отъ Него, они уже называютъ Его учи-телемъ, причисляютъ себя къ Его ученикамъ и показываютъ причину, по которой они послѣдовали за Нимъ, именно, — что желали услышать отъ Него что-либо полезное. Замѣтъ же и бла-горазуміе ихъ. Они не говорили: научи насъ догматамъ или чему-либо другому нужному, а — что? *Гдѣ живещи?* Они, какъ я выше сказалъ, хотѣли въ уединеніи бесѣдовать съ Нимъ о чемъ-либо, послушать Его, научиться отъ Него; поэтому они и не отлагаютъ своего намѣренія, не говорятъ: придемъ на другой день и послушаемъ Тебя, когда Ты будешь говорить въ собра-ніи народа,—но показываютъ все свое усердіе къ слушанію, такъ что не удерживаются отъ того и самымъ временемъ. Солнце уже склонялось къ западу: *часъ же бѣ, яко десѣтый*, сказано. Поэтому и Христосъ не сказываетъ имъ примѣтъ своего жилища, не на-значаетъ мѣста для бесѣды, а только болѣе и болѣе привлекаетъ ихъ къ слѣдованію за Нимъ, показывая, что принимаетъ ихъ къ Себѣ. Поэтому также Онъ не сказалъ и ничего въ родѣ того:

теперь не время вамъ идти въ мое жилище, завтра, если хотите услышать что-нибудь, а теперь ступайте домой; но бесѣдуетъ съ ними какъ съ друзьями и людьми, уже долгое время бывшими съ Нимъ. Отчего же Онъ въ другомъ мѣстѣ говорить: *Сынъ человеческій не имать, идѣ главу поклонити* (Лук. ix, 58). а здѣсь: *приидите и видите, идѣ живу* (ст. 39)? Но слова: *не имать, идѣ главу поклонити*, показываютъ, что Онъ не имѣлъ собственнаго пристанища, а не то, чтобы Онъ не жилъ ни въ какомъ домѣ. На это и указываетъ приточное выраженіе. Далѣе евангелистъ говоритъ, что они пробыли у Него тотъ день, а — для чего, объ этомъ онъ не замѣчаетъ, потому что цѣль сама по себѣ ясна. Не для чего другого и они послѣдовали за Христомъ, и Христосъ ихъ привлекалъ къ Себѣ, какъ для назиданія; и они въ одну ночь насладились Его ученіемъ въ такомъ обиліи и съ такою охотою, что немедленно оба пошли привлекать и другихъ ко Христу.

4. Отсюда научимся и мы предпочитать всему слушаніе божественнаго ученія, и никакого времени не будемъ считать для того неудобнымъ; но, хотя бы нужно было войти въ чужой домъ, хотя бы тебѣ незнакому надлежало знакомиться съ знатными людьми, хотя бы и несвоевременно или—въ какое бы то ни было время, никогда не будемъ упускать такого пріобрѣтенія. Пища, вечера, бани и прочія житейскія дѣла пусть имѣютъ опредѣленное для себя время, изученіе же горняго любомудрія не должно имѣть никакихъ опредѣленныхъ часовъ: ему должно принадлежать всякое время. *Близовременнѣ*, сказано, *и безвременнѣ* облича, запрети, умили (2 Тим. iv, 2). И пророкъ говоритъ: *въ законъ Его научится день и ночь* (Ис. i, 2). И Моисей повелѣвалъ іудеямъ дѣлать то во всякое время. Дѣла житейскія,—разумѣю бани, вечера,—если и нужны, то, бывая часто, расслабляютъ тѣло; но назиданіе души, чѣмъ болѣе умножается, тѣмъ болѣе крѣпкою дѣлаетъ душу, принимающую его. Нынѣ все время мы проводимъ въ пустомъ и вздорномъ суетловіи, сходимся для того и на разсвѣтѣ, и поутру, и въ полдень, и въ вечеръ, даже назначаемъ 119 для этого особія мѣста; а божественные догматы слушая однажды или дважды въ седмицу, мы тяготимся и устаемъ. Отчего? Оттого, что худо располагаемъ свою душу: мы вовсе уничтожаемъ въ ней охоту и ревность къ такимъ предметамъ. Поэтому въ насъ нѣтъ и стремленія къ духовной пищѣ. Кромѣ другихъ признаковъ болѣзни,—сильно доказываетъ ее и то, когда не хочется ни ѣсть, ни пить, а къ тому и другому чувствуемъ отвращеніе. Если же это, когда случается въ тѣлѣ, служить признакомъ тяжкаго недуга и производитъ ослабленіе, то тѣмъ болѣе, когда

случается въ душѣ. Какъ же намъ укрѣпить ее, падшую, изнемогшую? Какими дѣлами, какими словами? Обратимся къ словамъ божественнымъ, пророческимъ, апостольскимъ и всѣмъ другимъ. Тогда мы узнаемъ, что гораздо лучше питаться этими словами, чѣмъ нечистыми снѣдями,—такъ надобно назвать безвременныя сходбища и разглагольствія. Что лучше, скажи мнѣ: о дѣлахъ ли народныхъ, судебныхъ, военныхъ бесѣдовать, или о предметахъ небесныхъ и о томъ, что имѣетъ быть по отшествіи нашемъ отсюда? Что лучше: говорить ли о сосѣдѣ и его дѣлахъ и вообще заниматься чужими дѣлами, или бесѣдовать объ ангелахъ и предметахъ, касающихся нашей собственной пользы? Дѣла сосѣда тебя вовсе не касаются; а предметы небесные относятся и къ тебѣ. Да объ этомъ, говорятъ, можно за одинъ разъ все высказать. Но почему же вы не думаете такъ о томъ, о чемъ ведете пустыя и напрасныя бесѣды между собою, но, употребляя на это всю жизнь, никогда не истощаете предметовъ для такихъ бесѣдъ? Я еще не говорю о томъ, что гораздо хуже этого. О тѣхъ предметахъ говорятъ между собою люди еще скромные; а болѣе праздные и безпечные въ своихъ разговорахъ кружатся около шутовъ, плясуновъ, бѣгуновъ, оскверняя свой слухъ, растлѣвая душу въ такихъ разговорахъ, упоая сладострастіемъ свое естество и внося въ свое воображеніе такую бесѣдою всякіе порочные образы. Какъ только языкъ выговорилъ имя плясуна, душа тотчасъ представляетъ себѣ его лице, волосы, тонкую одежду и его самого, который изнѣженнѣе всего этого. Другой еще иначе возбуждаетъ въ душѣ пламень, вводя въ разговоръ блудную женщину, ея слова, одежду, распутные глаза, сладострастные взгляды, плетсція волосъ, натираніе лица, подкрашивание рѣсницъ. Да не чувствуете ли вы чего-нибудь страшнаго уже при моемъ разсказѣ объ этомъ? Но не стыдитесь и не краснѣйте: это уже неизбежное, естественное дѣло, что сила разсказа имѣетъ такое вліяніе на душу. Если же только при моемъ разсказѣ, ежели, стоя въ церкви и вдали отъ такихъ предметовъ, вы уже чувствуете нѣчто отъ одного слушанія, то подумай, что должно происходить съ тѣми, которые сидятъ на самомъ зрѣлищѣ, съ полною свободою, внѣ этого почтеннаго и важнаго собранія, и съ большимъ безстыдствомъ смотрятъ и слушаютъ, что тамъ дѣлается. Да за что же, скажетъ кто-либо изъ певни-мательныхъ, за что ты насъ обвиняешь, упуская изъ виду, что это дѣло естественное и уже необходимо, какъ ты говоришь, имѣетъ такое вліяніе на душу? Но что слушающій это изнѣживается,—вотъ дѣло естественное; а слушать это—не природы дѣло, а воли грѣхъ. Что приближающійся къ огню долженъ потер-

пѣтъ вредъ, это необходимо и это есть слѣдствіе немощи естества, но не самое же естество влечетъ насъ къ огню и вреду, отъ него происходящему: это зависитъ единственно отъ извращенной воли. Вотъ и я хочу, чтобы этого не было, чтобы это было исправлено, чтобы вамъ ни произвольно не пасть въ пропасть, ни низвергнуться въ пучину зла, ни противъ воли не пабѣжать на огонь, и такимъ образомъ не сдѣлать себя повинными пламени, уготованному для діавола. Итакъ, да сподобимся всѣ мы, освободившись отъ него, перейти въ нѣдра Авраама, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

Обрѣте сей прежде брата своего Симопа и глагола ему: обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказано Христось: и приведе его ко Іисусови (Іоан. I, 41, 42).

1. Богъ вначалѣ, создавъ человѣка, не оставилъ его 119 одного, но далъ ему въ помощь жену и повелѣлъ имъ жить вмѣстѣ, такъ какъ зналъ, что отъ этого сожителства можетъ произойти много пользы. Что же, если жена воспользовалась этимъ благодѣяніемъ не такъ, какъ слѣдовало? Если кто вникнетъ въ сущность этого дѣла, то увидитъ, что отъ сожителства бываетъ много пользы для людей благоразумныхъ. Впрочемъ не только отъ сожителства мужа съ женой, но если и братья живутъ вмѣстѣ, то и они получаютъ отсюда пользу. Потому и пророкъ говорилъ: *что добро, или что красно, но еже жити братиіи спутіи* (Пс. сxxxii, 1)? И Павелъ увѣщевалъ не оставлять взаимнаго общенія. Этимъ-то мы и отличаемся отъ звѣрей. Мы строимъ и города и торжища и дома для того, чтобы быть вмѣстѣ другъ съ другомъ не въ жилищѣ только, но и въ союзѣ любви. Наша природа создана Творцемъ такъ, что имѣетъ разныя нужды, а сама для себя недостаточна; поэтому Богъ и устроилъ такъ, 120 чтобы нужды, происходящія отсюда, исправляемы были пользою, произтекающею изъ общежитія. Потому установленъ и бракъ такъ, что, чего недостаетъ у одного, то восполняетъ другой, и такимъ образомъ удовлетворяются потребности природы, и хотя она создана смертною, сохраняетъ однакожь на долгое время безсмертіе по преемству. Могъ бы я остановиться далѣе на этомъ предметѣ и показать, сколько пользы для людей происходитъ отъ взаимной, близкой и искренней связи между собою. Но намъ

предстоит теперь другое нѣчто, для чего собственно и заговорить я объ этомъ. Андрей, пробывъ у Иисуса и научившись отъ Него, сколько успѣлъ, не удерживаетъ у себя этого сокровища, но поспѣшаетъ, тотчасъ бѣжить къ брату, чтобы подѣлиться съ нимъ приобрѣтенныя блага. Но для чего Іоаннъ не сказалъ, о чемъ бесѣдовалъ съ ними Христосъ? И откуда видно, что они именно для того и были у Него? Это уже и прежде показали мы; но это можно узнать и изъ нынѣшняго чтенія. Замѣть, что Андрей говоритъ своему брату. *Обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказано* 121 *Христосъ*. Видишь ли, — онъ здѣсь показываетъ, сколько узналъ въ краткое время? Онъ выражаетъ этимъ и силу Учителя, убѣдившаго ихъ въ томъ, и собственную свою ревность, съ какою они издавна съ самаго начала заботились о томъ. Самое выраженіе: *обрѣтохомъ* показываетъ душу, томившуюся желаніемъ видѣть Христа, ожидавшую сошествія Его свыше, и исполненную радости, когда предметъ ея ожиданій явился, и наконецъ поспѣшавшую радостную вѣсть объ этомъ сообщить другимъ. Въ дѣлахъ духовныхъ подавать другъ другу руку — признакъ братской любви, родственной дружбы, искренняго благорасположенія. Обрати вниманіе и на то, что и онъ говоритъ о Мессіи съ прибавленіемъ члена. Не сказалъ просто: *Мессію*, но *Мессію ожидаемаго* 1). Такимъ образомъ они ожидали одного Христа, не имѣющаго ничего общаго съ другими 2). Смотри же, и какъ Петръ съ самаго начала обнаруживаетъ въ себѣ душу благопокорливую и послушную. Онъ тотчасъ спѣшитъ къ Иисусу, нимало не медля. *Приведе* его, сказано, *къ Иисусу*. Но никто не обвиняетъ его въ легкомысліи, если онъ принялъ слова брата, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Вѣроятно, и братъ говорилъ ему объ этомъ много и обстоятельно, но евангелисты обыкновенно многое представляютъ вкратцѣ, заботясь о краткости. Притомъ и то сказано, что Петръ просто повѣрилъ, а только — что Андрей *привелъ* его *къ Иисусу*, желая представить Ему брата, чтобы тотъ все узналъ отъ Него самого. Притомъ съ ними былъ еще и другой ученикъ и содѣйствовалъ тому. Если же самъ Іоаннъ Креститель, сказавъ о Христѣ, что это — Агнецъ и что Онъ крещаетъ Духомъ, яснѣйшее ученіе о Немъ предоставилъ своимъ ученикамъ узнать отъ Него самого, тѣмъ болѣе долженъ былъ сдѣлать это Андрей, чувствуя себя не въ состояніи объяснить все. Поэтому онъ и повлекъ своего брата къ самому источнику свѣта, съ такимъ

1) τὸν Μεσσίαν.

2) Т. е. съ тѣми лицами, которые въ Св. Писаніи называются помазанными въ общемъ значеніи этого слова.

тичаніємъ и радостью, что тотъ нисколько не колебался и не медлилъ. *И воззръвъ на нѣ Іисусъ рече: ты еси Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешися Киѳа, еже скажется Петръ* (ст. 42). Здѣсь (Христосъ) уже начинаетъ обнаруживать Свое божество и мало-по-малу открывать его въ Своихъ изреченіяхъ. Такъ Онъ это сдѣлалъ въ бесѣдахъ съ Нааанаиломъ и съ женою самарянкою.

2. Пророчества не менѣе чудесъ убѣждаютъ, и притомъ не заключаютъ въ себѣ тщеславія. Чудеса еще подвергались превратнымъ толкамъ, по крайней мѣрѣ отъ людей неразумныхъ: о *Веллзевулѣ*, говорили они, *изгонитъ бесы* (Матѣ. хп, 24); но о пророчествахъ ничего подобнаго не было никогда говорено. Такимъ образомъ для Симона и Нааанаила Христосъ употребилъ этотъ способъ наученія, а съ Андреемъ и Филиппомъ Онъ не такъ поступилъ. Почему же? Потому что они уже въ свидѣтельствѣ Іоанна получили не малую подготовку; а Филиппъ, кромѣ того, увидѣвъ предстоящихъ Христу, принялъ это за прямое доказательство для вѣры въ Него. *Ты еси Симонъ, сынъ Іонинъ; ты наречешися Киѳа, еже скажется Петръ*. Отъ настоящаго достовѣрнымъ дѣлается и будущее. Назвавшій отца Петрова, конечно, провидѣлъ и будущее. Предреченіе соединено здѣсь и съ похвалою; но это не было лестію, а предсказаніемъ будущаго, что видно изъ слѣдующаго. Припомни, съ какимъ сильнымъ обличеніемъ Онъ въ бесѣдѣ съ самарянкою даетъ видѣть ей свое прозрѣніе. *Пять мужей*, говоритъ Онъ, *имѣла еси: и нынѣ еяже имашаи нѣсть ты мужъ* (Іоан. iv, 18). Такъ и Отецъ Его, возставая противъ почитанія идоловъ, много говоритъ о пророчествованіи. *Да возстѣяте вамъ, что имать на васъ приити*. И въ другомъ мѣстѣ: *возстѣяте и спасете, и не бѣ въ васъ чуждѣ* (Ис. хлvi, 14; хлш, 12). И это ставить на видъ во всемъ пророчествѣ. Пророчество есть по преимуществу дѣло Божіе, которому демоны даже подражать не могутъ, сколько бы ни усиливались. Въ чудесахъ еще можетъ быть и нѣкоторое обольщеніе; но предсказывать будущее съ точностію свойственно только одному вѣчному существу. Если же когда-либо и демоны это дѣлали, то только для обольщенія неразумныхъ; потому и провѣщаніе ихъ всегда легко изобличить во лжи. Между тѣмъ Петръ ничего не отвѣчаетъ на слова Христовы, — потому что еще ничего ясно не понималъ, а только поучался. Притомъ же и самое предсказаніе было еще не вполнѣ изречено. Христосъ не сказалъ: Я тебя переименую Петромъ, и на этомъ камнѣ (пѣтра) созижду Церковь мою, а сказалъ только: *ты наречешися Киѳа*. То переименованіе означало бы высшее достоинство и большую власть. Но Христосъ не вдругъ и не съ самаго начала выказалъ всю Свою власть, а до времени болѣе

смиренно бесѣдовалъ. Когда же Онъ далъ полное доказательство Своего божества, то уже съ большею властію говорить тоже: *блаженъ еси Симоне, яко Отецъ мой яви тебѣ.* И въ другомъ мѣстѣ: *тебѣ глаголю: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь мою* (Матѣ. хvi, 17, 18). Такъ Христосъ наименовалъ Симона, а Іакова и брата его — сынами грома. Для чего же Онъ это дѣлаетъ? Онъ этимъ показываетъ, что Онъ Тотъ самый, кто и ветхій завѣтъ далъ и тогда имена перемѣнялъ, назвавъ Аврама Авраамомъ, Сару Саррою, Іакова Израилемъ, а многимъ еще отъ рожденія ихъ далъ имена, какъ-то: Исааку, Сампсону и лицамъ, о которыхъ упоминаютъ Исаія и Осія; нѣкоторымъ же перемѣнилъ имена, данныя отъ родителей, какъ-то: лицамъ, выше упомянутымъ, и Іисусу Навину. У древнихъ также было въ обычаѣ давать имена по обстоятельствамъ, какъ и Ілія сдѣлалъ. И это было не безъ цѣли, а для того, чтобы самое наименованіе людей было для нихъ напоминаніемъ благодѣяній Божіихъ, чтобы, чрезъ выраженіе пророчества въ именахъ, оно тѣмъ лучше сохранялось въ умѣ слушающихъ. Такъ и Іоанну дано имя прежде его рожденія. Такъ люди, которые имѣли просіять добродѣтели съ перваго возраста, получали имена и прежде рожденія; а тѣмъ, которые прославлялись въ послѣдствіи, и прозваніе послѣ прилагалось.

8. Но тогда каждый получалъ особое имя; а нынѣ всѣ мы имѣемъ одно имя, которое важнѣе всѣхъ тѣхъ, — имя христіанъ, сыновъ и друзей Божіихъ, тѣла (Христового). Такое наименованіе больше всѣхъ тѣхъ можетъ возбуждать въ насъ усиленную ревность къ преспѣванію въ добродѣтели. Не будемъ же дѣлать ничего недостойнаго этого почетнаго наименованія, помышляя о высотѣ достоинства, по которому мы называемся Христовыми. Такъ называлъ насъ Павелъ. Будемъ держать это въ мысли, будемъ уважать это великое имя. Если нѣкоторые, нося имя какого-либо знаменитаго полководца или другого какого-либо славнаго человѣка, высоко думаютъ о себѣ, слыша, что ихъ называютъ именемъ такого-то или такого-то, считаютъ это имя великимъ для себя достоинствомъ и всячески стараются о томъ, чтобы своимъ нерадѣніемъ не обезславить того, съ кѣмъ они тезоимениты, то мы, называющіеся по имени не полководца, не какого-либо начальника земного, не ангела, не архангела, не серафима, а самого Царя ихъ, не должны ли полагать и самую душу, только бы не оскорбить Удостоившаго насъ такой почести? Развѣ вамъ не извѣстно, какою почестію пользуются отряды царскихъ щитоносцевъ и копьеносцевъ, окружающихъ царя? Такъ и мы, удостоенные быть близъ самого Царя и даже гораздо ближе къ Нему, чѣмъ упомянутые нами — къ своему царю, ближе

настолько, насколько близко тѣло къ головѣ, во всемъ должны поступать не иначе, какъ подражая Христу. А что говорить Христосъ? *Лиси язвыны и мрутъ, и птицы небесныя инызда: Сынъ же челоуѣчскій не имать, іодъ главу подклонити* (Лук. ix, 58). Если бы мы стали этого требовать отъ васъ, то это, можетъ быть, многимъ показалось бы дѣломъ труднымъ и тягостнымъ. Итакъ, ради вашей немощи, я оставляю эту строгость; а требую только, чтобы вы не имѣли пристрастія къ богатству, — и какъ, ради немощи многихъ, я не требую отъ васъ такой высокой добродѣтели, такъ убѣждаю васъ, и тѣмъ болѣе, удаляться пороковъ. Я не осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ дома, поля, деньги, слугъ; а только хочу, чтобы они владѣли всѣмъ этимъ осмотрительно и надлежащимъ образомъ. Какимъ надлежащимъ образомъ? Какъ слѣдуетъ господамъ, а не рабамъ, т. е. владѣть богатствомъ, а не такъ, чтобы оно обладало вами, употреблять его, а не злоупотреблять. Деньги для того и существуютъ, чтобы мы употребляли ихъ на необходимыя потребности, а не берегли ихъ: это свойственно рабу, а то — господину. Стеречь — дѣло раба, а издерживать — дѣло господина, имѣющаго на то полную власть. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать ихъ въ землю, а чтобы раздавать ихъ. Если бы Богъ хотѣлъ, чтобы они были сбережены, то не давалъ бы ихъ людямъ, а оставилъ бы ихъ навсегда лежать въ землѣ. Но какъ Онъ хочетъ, чтобы онѣ 124 были издерживаемы, то и дозволилъ намъ имѣть ихъ — для передачи другъ другу. Если же мы удерживаемъ ихъ у себя, то мы уже не господа ихъ. А если ты для того удерживаешь ихъ, чтобы умножить, то для этого самое лучшее средство расточать ихъ и всюду раздавать. Да и не можетъ быть прихода безъ расхода, или богатства безъ издержекъ. Это можно видѣть въ дѣлахъ житейскихъ. Такъ дѣлаетъ купецъ, такъ дѣлаетъ земледѣлецъ: одинъ тратитъ сѣмена, другой деньги. Одинъ плаваетъ по морю, расточая свои деньги, другой цѣлый годъ трудится, бросая сѣмена и работая. Между тѣмъ здѣсь не нужно ничего такого: не нужно ни корабля готовить, ни воловъ впрягать и пахать землю, ни беспокоиться о воздушныхъ непогодахъ, ни бояться града. Нѣтъ здѣсь ни волнъ, ни (подводныхъ) скалъ. Это плаваніе, это сѣяніе требуетъ только одного — бросать то, что у тебя есть; а все прочее совершить тотъ Земледѣлецъ, о которомъ Христосъ сказалъ: *Отецъ мой дѣлатель есть* (Іоан. xv, 1). Итакъ, не безразсудно ли предаваться лѣности и нерадѣнію тамъ, гдѣ можно получить все безъ труда, а показывать всю дѣятельность тамъ, гдѣ много трудовъ, заботъ и пота, и послѣ всего этого — еще невѣрная надежда? Не будемъ, умоляю васъ, такъ

неразумны въ дѣлѣ собственнаго спасенія, но, оставивъ дѣла тягостнѣйшія, поспѣвшимъ на дѣла болѣе легкія и полезныя, чтобы достигнуть и будущихъ благъ, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

Во утрій же восхотѣ Іисусъ изыти въ Галилею: и обрѣте Филиппа, и глагола ему: гряди по Мнѣ. Бѣ же Филиппъ отъ Виссады, отъ града Андреова и Петрова (Іоан. I, 43, 44).

- 128 Во всякомъ пекущемся изобиліи (Прит. XIV, 23), — говоритъ книга Притчей. Но Христосъ еще нѣчто болѣе внушаетъ намъ, когда говоритъ: *ищай обрѣтаетъ* (Матѣ. VII, 8). Поэтому мнѣ и кажется удивительно, какъ Филиппъ послѣдовалъ Христу. Андрей послѣдовалъ, услышавъ о Христѣ отъ Іоанна, Петръ — отъ Андрея; а Филиппъ ни отъ кого и ничего не зналъ о Немъ, но, какъ только Христосъ сказалъ ему: *гряди по Мнѣ*, Филиппъ немедленно повиновался Ему, и не только не оставилъ Его, а еще сдѣлался проповѣдникомъ о Немъ для другихъ. Поспѣшивъ къ Наанайлу, Филиппъ говоритъ ему: *еюже писа Моисей въ законѣ и пророцы, обрѣтохомъ* (ст. 45). Видишь ли, какую озабоченную имѣлъ онъ душу, какъ часто размышлялъ онъ о томъ, что писалъ Моисей, и какъ ожидалъ пришествія Христова? Слово: *обрѣтохомъ* показываетъ людей, которые постоянно ищутъ. Во утрій изыде Іисусъ въ Галилею. Онъ никого не призываетъ къ себѣ прежде, чѣмъ кто самъ присоединится къ Нему. И это дѣлаетъ не просто, но по свойственной Ему мудрости и разуму. Если бы никто не приходилъ къ Нему добровольно, а самъ Онъ привлекалъ къ Себѣ каждого, то, быть можетъ, послѣ они и оставили бы Его. Но какъ они сами рѣшились на это, то и оставались уже тверды въ своемъ намѣреніи. Но Филиппа Онъ призываетъ, какъ челоувѣка болѣе другихъ извѣтнаго Ему. Рожденный
- 124 и воспитанный въ Галилеѣ, Филиппъ, конечно, зналъ Христа болѣе другихъ. Итакъ, пріобрѣвъ однихъ учениковъ, Христосъ идетъ на ловлю другихъ и привлекаетъ къ себѣ Филиппа и Наанайла. Обращеніе ко Христу Наанайла не такъ удивительно, потому что слухъ объ Іисусѣ проносился по всей Сиріи, какъ удивительно обращеніе Петра, Іакова и Филиппа, не потому только, что они увѣровали прежде, нежели видѣли чудеса Іисуса

Христа, но и потому, что они были изъ Галилеи, откуда ни одинъ пророкъ не приходилъ и не могло быть ничего добраго (ст. 46), такъ какъ галилеяне были народъ необразованный, дикій и грубый. Между тѣмъ Христосъ явилъ Свою силу и здѣсь, избравъ отъ земли, не приносившей никакаго плода, достойнѣйшихъ учениковъ. Итакъ, вѣроятно, Филиппъ послѣдовалъ за Христомъ увидѣвъ и спутниковъ Петра и услышавъ (о Христѣ) отъ Іоанна. Вѣроятно также, и гласъ Христовъ произвелъ въ немъ свое дѣйствіе. Христосъ зналъ, кто будетъ для Него благопотребенъ. Но евангелистъ все это опускаетъ. Филиппъ зналъ, что Христосъ имѣлъ придти; а что Христосъ есть Іисусъ, этого не зналъ: я же думаю, что онъ слышалъ это или отъ Петра, или отъ Іоанна. Евангелистъ называетъ и селеніе Филиппа, чтобы показать, какъ *немогущая міра избра Богъ* (1 Кор. 1, 27). *Обръте Филиппъ Наванаила, и глагола ему: елиже писа Моисей въ законѣ и пророци, обрътохомъ Іисуса, сына Іосифова, иже отъ Назарета* (ст. 45). Это онъ говоритъ для того, чтобы сообщить своей проповѣди достовѣрность, ссылаясь на Моисея и пророковъ, и тѣмъ 125 побудить слушателя къ вниманію. Наванаилъ былъ человѣкъ точный и во всемъ дознавалъ истину, какъ это и Христосъ засвидѣтельствовалъ и самое дѣло показало. Поэтому Филиппъ хорошо сдѣлалъ, что отослалъ его къ Моисею и пророкамъ, чтобы такимъ образомъ расположить Наванаила къ принятію Того, о комъ онъ проповѣдывалъ ему. Если же Филиппъ называетъ Христа сыномъ Іосифа, то не смущайся. Въ то время еще считали Его сыномъ Іосифа. Но откуда видно, Филиппъ, что Онъ Тотъ самый, о комъ писалъ Моисей и пророки? Какое ты дашь намъ доказательство? Одного словеснаго свидѣтельства недостаточно. Какое же видѣлъ ты знаменіе? Какое чудо? Вѣдь въ такихъ дѣлахъ не безопасно вѣрить просто безъ доказательствъ? Какое же у тебя доказательство? Тоже, что и у Андрея, отвѣчаетъ намъ Филиппъ. Какъ Андрей, не имѣя силъ изобразить богатство, которое нашелъ, не находя словъ описать это сокровище, ведетъ брата къ Тому, кого нашелъ, такъ и Филиппъ: не говоритъ Наванаилу, почему Іисусъ есть Христосъ и какъ предвозвѣстили о Немъ пророки; но влечетъ его къ Іисусу, зная, что онъ не отступитъ отъ Іисуса, лишь только вкуситъ Его словесъ и Его ученія. *И рече ему Наванаилъ: отъ Назарета можетъ ли что добро быти? Глагола ему Филиппъ: прииди и виждь. Видѣвъ же Іисусъ Наванаила грядуща къ себѣ, и глагола о немъ: се воистину Израильтанинъ, въ немже лъсти нѣсть* (ст. 46, 47). Христосъ похваляетъ и превозноситъ Наванаила за то, что тотъ сказалъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?*

А не слѣдовало ли бы осудить его за это? Нѣтъ, это не были слова цвѣтующаго, и не обвиненіи заслуживали, а похвалы. Какъ и почему? Потому, что онъ былъ болѣе Филиппа свѣдущъ въ пророчествахъ. Онъ зналъ изъ Писаній, что Христу надлежитъ придти изъ Вифлеема и изъ селенія, въ которомъ былъ Давидъ. Это мнѣніе господствовало между іудеями, да и пророкъ издавна предвозвѣстилъ, сказавъ: *и ты, Вифлееме, ничимже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ Вождь, иже спасетъ люди моя Израиля* (Мих. v, 2, ср. Матѳ. п, 6; Іоан. vii, 42). Поэтому Нааанаилъ, когда услышалъ, что (Христосъ явился) изъ Назарета, то смутился и пришелъ въ недоумѣніе, находя вѣсть Филиппа не согласно съ предсказаніемъ пророческимъ. Но посмотри, какъ Нааанаилъ, и при недоумѣніи своемъ, благоразуменъ и умѣренъ. Онъ не сказалъ тотчасъ же: ты обманываешь меня, Филиппъ, и лжешь. Я не вѣрю, не пойду; я знаю изъ пророчествъ, что Христу надлежитъ придти изъ Вифлеема. А ты говоришь — изъ Назарета. Это не Христосъ. Нѣтъ, ничего такого Нааанаилъ не сказалъ. Что же? И онъ идетъ ко Христу и, съ одной стороны, не соглашался, что Христосъ пришелъ изъ Назарета, показываетъ такимъ образомъ и основательное знаніе Писаній и осмотрительность въ поступкахъ, съ другой же стороны, не отвергаетъ совершенно и вѣсти Филиппа и тѣмъ обнаруживаетъ свое сильное желаніе пришествія Христова. Онъ только думалъ, что Филиппъ ошибочно указалъ мѣсто пришествія. Обрати вниманіе и на то, съ какою осторожностію онъ выражаетъ свое сомнѣніе — въ видѣ вопроса. Онъ не говоритъ: Галилея не производитъ ничего добраго, — а какъ? *Отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* Но и Филиппъ былъ очень благоразуменъ. Встрѣтивъ возраженіе, онъ не досадуетъ, не оскорбляется, а только стоитъ на своемъ, желая привести этого чело-
вѣка къ самому Христу и съ самаго начала показывая въ себѣ твердость духа, свойственную апостолу. Потому и Христосъ
126 говорилъ: *се воистинну Израилѣтянина, въ немъ же лъсти нѣсть*. Можетъ конечно быть лживъ и израилѣтянинъ. Но этотъ не таковъ, — говоритъ: его судъ безпристрастенъ; онъ не высказываетъ въ своихъ словахъ ни пріязни, ни непріязни. Правда, и іудеи, на вопросъ: *идѣ Христосъ рождается*, отвѣчали: *въ Вифлеемѣ*, привели и свидѣтельство: *и ты Вифлееме, ничимже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ*; но они свидѣтельствовали объ этомъ еще прежде, чѣмъ увидѣли Христа; а когда увидѣли, то по зависти скрыли это свидѣтельство и говорили: *сего тыми, откуда есть: Христосъ же, егда приидетъ, никтоже въсть, откуда будетъ* (Іоан. ix, 29). А Нааанаилъ поступилъ не такъ, но какое мнѣніе о Христѣ имѣлъ

сначала, при томъ и остался, именно, что Онъ не изъ Назарета. Почему же пророки называютъ его Назореемъ? Потому, что тамъ было мѣсто Его воспитанія и жительства. Но и Христосъ не хочетъ сказать Наапаилу: Я не изъ Назарета, какъ возвѣстилъ тебѣ Филиппъ, а изъ Вилеема, — для того, чтобы съ самага начала не навести сомнѣнія на Свои слова. Кромѣ того, если бы онъ убѣдилъ Нааанаила въ этомъ, это еще не было бы достаточнымъ доказательствомъ, что Онъ именно есть Христосъ. Почему бы Онъ, и не будучи Христомъ, не могъ произойти изъ Вилеема, подобно другимъ людямъ, тамъ родившимся? Итакъ, это Христосъ оставляетъ, а дѣлаетъ то, что наиболѣе могло привлечь къ Нему Нааанаила, именно: показываетъ, что Онъ присутствовалъ при бесѣдѣ Нааанаила съ Филиппомъ. Когда Нааанаилъ спросилъ Его: *откуда ты знаешь?* Онъ говоритъ: *прежде даже не возлази тебѣ Филиппъ, суща подѣ смоковницею видѣлъ ты* (ст. 48). Вотъ человекъ твердый и постоянный! Когда Христосъ сказалъ: *се воистинну Израилѣтѣнинъ*, — онъ не надмился отъ этихъ похвалъ, не увлекся одобреніями; но стоитъ на своемъ, еще съ большимъ стараніемъ отыскивая и испытывая истину, чтобы узнать что-нибудь вѣрное. Итакъ, онъ еще испытываетъ, какъ человекъ, а Иисусъ отвѣтствуетъ, какъ Богъ. *Прежде*, -- говорить, — *видѣлъ ты*. Зналъ Онъ и прежде благочравіе Нааанаила, не какъ человекъ, слѣдившій за нимъ, а какъ Богъ. И нынѣ *видѣлъ ты подѣ смоковницею*, когда никого тамъ не было, а былъ только Филиппъ и Нааанаилъ и между собою объ этомъ говорили. Поэтому и сказано: *видѣлъ грядуща его, глагола о немъ: се воистинну Израилѣтѣнинъ*, и такъ сказано — съ цѣлію показать, что Христосъ высказалъ эти слова еще прежде, чѣмъ приблизился Филиппъ, чтобы такое свидѣтельство было несомнительно. Для этого Онъ назвалъ и время, и мѣсто, и самое дерево. Еслибы Онъ сказалъ только: прежде, чѣмъ Филиппъ пришелъ къ тебѣ, Я видѣлъ тебя, — то Его могли бы подозрѣвать, не самъ ли Онъ подослалъ Филиппа, и такимъ образомъ въ Его словахъ не нашли бы ничего важнаго. Но когда Онъ указалъ и мѣсто, гдѣ былъ Нааанаилъ, когда приглашалъ его Филиппъ, и названіе самага дерева, и время разговора, — тѣмъ Онъ показалъ въ Себѣ несомнѣнную прозорливость. Но Христосъ не только обнаружилъ Свою прозорливость, но еще и инымъ образомъ вразумилъ Нааанаила, именно — привелъ ему на память сказанныя имъ тогда слова: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти*, и тѣмъ еще болѣе благорасположилъ его къ Себѣ, равно и тѣмъ, что за такія слова его не только не осудилъ, но еще похвалилъ и превознесъ. Поэтому Нааанаилъ и отсюда уразумѣлъ, что воистину Христосъ,

т. е., какъ изъ Его прозрѣнія, такъ и изъ того, что Христосъ въ точности узналъ его мнѣніе, и тѣмъ показалъ, что Онъ зналъ и сокровенное въ душѣ его, — притомъ не только не осудилъ его за высказанное имъ свое мнѣніе, но и похвалилъ. Что Нааанаила пригласилъ Филиппъ, о томъ Христосъ сказалъ; а что онъ говорилъ Филиппу и Филиппъ ему, о томъ умолчалъ, предоставивъ то его совѣсти и не желая болѣе избличать его.

- 127 3. Что же? Неужели Христосъ увидѣлъ Нааанаила только предъ тѣмъ, какъ пригласилъ его Филиппъ, а до того времени не видѣлъ его окомъ неусыпнымъ? Видѣлъ, — и этому никто не станетъ противорѣчить. Но въ то время надлежало сказать только то, что нужно было. Что же Нааанаилъ? Получивъ несомнѣнное доказательство предвѣдѣнія Христа, онъ исповѣдалъ Его, и какъ прежде въ своей медлительности показалъ осмотрительность, такъ теперь въ своей уступчивости показалъ благомысліе. Опъ такъ отвѣчалъ Христу: *Раиси, Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь Израилевъ* (ст. 49). Видишь ли душу, внезапно пришедшую въ восторгъ и своими словами объемящую Иисуса? Ты, говорить, желаемый, ожидаемый. Видишь ли, какъ онъ изумляется, дивится, прыгаетъ и скачетъ отъ радости? Такъ должно радоваться и намъ, сподобившимся познать Сына Божія, — не только радоваться въ душѣ, но и въ самыхъ дѣлахъ своихъ выражать радость. А что свойственно радующимся? Вѣровать Тому, кого познали; а вѣрующимъ — дѣлать то, что Ему угодно. Если будемъ дѣлать то, что прогнѣвляеть Его, — откуда будетъ видно, что мы радуемся? Не видите ли и въ домахъ, когда кто принимаетъ желаннаго гостя, съ какою радостію онъ все дѣлаетъ, всюду бѣгаетъ, ничего не щадить, хотя бы нужно было издержать все, что у него есть, лишь бы угодить гостю? А если бы кто, пригласивъ къ себѣ гостя, не сталъ угождать ему, не старался успокоить его, то, хотя бы тысячу разъ говорилъ, что радуется его посѣщенію, никогда гость ему не повѣрилъ бы, — и справедливо, такъ какъ радость надобно показать на дѣлѣ. Итакъ, когда и Христосъ пришелъ къ намъ, покажемъ, что мы Ему радуемся, и не будемъ дѣлать ничего, что можетъ оскорбить Его. Украсимъ домъ, въ который Онъ пришелъ: это свой-
- 128 ственно радующимся. Предложимъ ему трапезу, какую Онъ самъ хочетъ: такъ свойственно веселящимся. Какая же это трапеза? Онъ самъ говоритъ: *мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Іоан. iv, 34). Напитаемъ Его алчущаго, напоимъ Его жаждущаго. Подай Ему только чашу холодной воды, — Онъ и это приметъ, потому что любить тебя; приношенія лицъ любимыхъ, какъ бы малы ни были, велики кажутся любящему. Только

не покажи нерадѣнія. Повергни предъ Нимъ двѣ лепты, — Онъ не отвергнетъ и ихъ, но приметъ, какъ большое богатство. Онъ не имѣетъ недостатка ни въ чемъ и принимаетъ это не по какой-либо нуждѣ; поэтому и справедливо измѣряетъ все не мѣрою даваемого, но расположеніемъ дающаго. Только покажи, что любишь этого Гостя, что стараешься все для Него сдѣлать, что ты радъ Его посѣщенію. Посмотри, какую любовь Онъ имѣетъ къ тебѣ. Онъ пришелъ ради тебя, душу свою положилъ за тебя, и послѣ всѣхъ этихъ благодѣяній не отказывается еще и упрашивать тебя. *По Христѣ молимъ*, говоритъ апостолъ, *яко Богу молящу нами* (2 Кор. v, 20). Но кто же, скажешь ты, столько безумень, чтобы не любить Господа своего? Это и я говорю и знаю, что никто изъ насъ не отречется отъ этого на словахъ и въ мысляхъ. Но тотъ, кто любимъ, хочетъ, чтобы любовь къ нему обнаружилась не на словахъ только, а и въ дѣлахъ. Говорить, что мы любимъ, но не дѣлать того, что свойственно любящимъ, — это смѣшно не только въ отношеніи къ Богу, но и къ людямъ. Итакъ, если исповѣдывать на словахъ только, а въ дѣлахъ показывать противное — не только бесполезно, но и вредно для насъ, то я умоляю — будемъ выражать свое исповѣданіе въ дѣлахъ, да удостоимся исповѣданія и отъ самого Господа, въ тотъ день, когда Онъ исповѣсть достойныхъ предъ Отцемъ Своимъ, — умоляю о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

Отвѣща Наеананилъ и глагола ему: Равви! Ты еси Сынъ Божій, Ты еси царь Израилевъ. Отвѣща Іисусъ и рече ему: зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши; больша сихъ узриши (Іоан. i, 49, 50).

Много нужно намъ, возлюбленные, попеченія, много бодрствованія для того, чтобы имѣть возможность проникать въ глубину божественныхъ Писаній. Иначе, предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла ихъ; а нужно тщательное изслѣдованіе, нужна кромѣ того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозрѣть въ святилище слова Божія. Вотъ и сегодня намъ представляется вопросъ немаловажный, требующій много вниманія. Когда Наеананилъ сказалъ: *Ты еси Сынъ Божій*, Христосъ сказалъ ему: *зане рѣхъ ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, вѣруеши; больша сихъ* 127

узриши. Что же въ этихъ словахъ требуетъ изслѣдованія? То, что Петръ, исповѣдавшій: *Ты еси Сынъ Божій* (Матѣ. хvi, 16) уже послѣ столь многихъ чудесъ и послѣ такого ученія, ублажается, какъ получившій откровеніе отъ Отца; а Наѳанаилъ, сказавшій тоже самое еще прежде чудесъ и прежде ученія, ничего подобнаго не услышалъ отъ Христа, по и, какъ бы еще не столько сказавшій, сколько надлежало сказать, возбуждается къ ожиданію большихъ откровеній. Какая же этому причина? Та, что, хотя Петръ и Наѳанаилъ высказали одни и тѣ же слова, но не съ одною и тою же мыслию. Петръ исповѣдалъ Иисуса Сыномъ Божиимъ, какъ истиннаго Бога; а Наѳанаилъ — какъ простого человѣка. Изъ чего же это видно? Изъ послѣдующихъ словъ Наѳанаила. Сказавъ: *Ты еси Сынъ Божій*, онъ присовокупилъ: *Ты еси царь Израилевъ*. Но Сынъ Божій есть царь не только израиля, а и всей вселенной. Впрочемъ это видно не отсюда только, а и изъ слѣдующаго. Къ словамъ Петра Христосъ ничего не прибавилъ, но, какъ бы вѣра Петрова была уже совершенна, сказалъ, что на этомъ исповѣданіи Онъ созиждетъ Церковь Свою. Но въ отношеніи къ Наѳанаилу Онъ сдѣлалъ не такъ, а совсѣмъ на-противъ. Въ исповѣданіи Наѳанаила какъ бы не доставало еще многого и чего-то лучшаго, — и вотъ Христосъ восполняетъ недостающее. Что Онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ: отъ сего узрите небо отверсто, и ангелы Божія восходяща, и нисходяща надъ Сына Человѣческаго* (ст. 51). Видишь ли, какъ Христосъ мало-помалу возводитъ его отъ земли и внушаетъ не представлять себѣ Его простымъ человѣкомъ? Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть человѣкомъ тотъ, кому ангелы служатъ и для кого ангелы восходятъ и нисходятъ? Поэтому-то Онъ и сказалъ: *болыша сего узриши*, и, изъясняя это, присовокупилъ объ ангельскомъ служеніи. Смыслъ Его словъ такой: тебѣ, Наѳанаилъ, показалось это важнымъ ¹⁾, и за это ты признаешь Меня царемъ израиля. Что же скажешь, когда увидишь ангеловъ восходящихъ и нисходящихъ для Меня? Такими словами Христосъ внушалъ при-
129 зпать Его владыкою и ангеловъ. Какъ къ истинному Сыну Царя, ко Христу восходили и нисходили эти царскіе служители, какъ то: во время страданій, во время воскресенія и вознесенія; и еще прежде того они приходили и служили Ему — когда благо-вѣствовали о Его рожденіи, когда восклицали: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ* (Лук. ii, 14), когда приходили къ Маріи, къ Іосифу. Но Христосъ дѣлаетъ и теперь такъ же, какъ во мно-

¹⁾ Т. е., что Христосъ видѣлъ его подъ смовицею еще прежде, чѣмъ пришелъ къ нему Филиппъ.

гихъ другихъ случаяхъ. Онъ изрекаетъ два предсказанія, и вѣрность одного уже тотчасъ обнаруживаетъ, а другое, относящееся къ будущему, подтверждаетъ чрезъ настоящее. Изъ нихъ одно, уже доказанное, есть слѣдующее: *прежде, даже не возмиси тебе Филиппъ, суща подѣ смоковницею видѣтъ тя*. Другое должно было исполняться въ будущемъ, а отчасти уже и въ то время исполнялось, — именно восхождение и нисхождение ангеловъ, какъ-то: при страданіяхъ Его, при воскресеніи и вознесеніи; и въ этомъ, еще прежде событій, Онъ увѣрялъ уже тѣмъ, что сказалъ о настоящемъ. Кто изъ прошедшаго позналъ могущество Его, тотъ, слыша и о будущемъ, удобнѣе можетъ принять и предсказаніе о будущемъ. Что же Наѳанаилъ? Ничего на это не отвѣчаетъ. Поэтому и Христосъ заключилъ тѣмъ Свою бесѣду съ нимъ, предоставляя ему самому размыслить о сказанномъ и по желая высказать всего въ одинъ разъ. Бросивъ сѣмена въ землю плодородную, Онъ даетъ ей самой произрастить въ свое время плоды. Это Онъ въ другомъ мѣстѣ изобразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *побобно есть царство Божіе человеку съяшущу доброе сѣмя: сѣяшу же ему, прииде врагъ, и всяа плевелы посреда пшеницы и отиде* (Матѣ. хш. 24, 25). *Въ третій день бракъ бысть въ Канѣ галилейстѣй, и званъ бысть Иисусъ на бракъ. Бѣ же и Мати Иисусова тамо, и братія Ею* (Іоан. и, 1, 2). Я уже говорилъ, что Онъ наиболѣе извѣстенъ былъ въ Галилеѣ. Потому и зовутъ Его на бракъ, и Онъ приходитъ. Онъ взиралъ не на собственное достоинство Свое, но на пользу нашу. Не отрeksiшійся принять зракъ раба тѣмъ болѣе не могъ отречься придти на бракъ рабовъ. Совозлежавшій съ мытарями и грѣшниками тѣмъ болѣе не могъ отречься отъ соприсутствія съ бывшими на бракъ. Звавшіе Его на бракъ конечно не имѣли объ Немъ надлежащаго понятія, они звали Его даже не какъ великаго человѣка, а просто какъ человѣка обыкновеннаго и знакомаго. На это и намекаетъ евангелистъ, говоря: *бѣ же Мати Ею тамо и братія Ею*, т. е., Иисуса звали такъ же, какъ и ее и братьевъ. *И не доставишу вина, глагола Мати Ею: вина не имуть* (ст. 8). Здѣсь стоитъ обратить вниманіе на то, откуда Матери Его пришло на мысль вообразить что-то великое о своемъ Сынѣ? До того времени Онъ еще не сотворилъ никакого чуда. *Се, сказано, начатокъ сотвори знаменій Иисусъ въ Канѣ галилейстѣй* (ст. 11).

2. Если же кто скажетъ, что тутъ еще нѣтъ достаточнаго доказательства тому, что чудо въ Канѣ было началомъ чудесъ, такъ какъ прибавленіе: *въ Канѣ галилейстѣй* показываетъ только, что это чудо было въ Канѣ первое, а не вообще и не первое было изъ всѣхъ Его чудесъ; вѣроятно же Христосъ и прежде въ дру-

180

гихъ мѣстахъ другія чудеса творилъ, — то на это мы скажемъ тоже, что и прежде сказали. Что именно? То, что говорить Іоаннъ: *азъ не спѣлъ Его: но да явится Израилеви, сего ради приидохъ азъ водою крестя* (Іоан. 1, 31). Если бы Христосъ въ отроческомъ возрастѣ творилъ чудеса, то израильтяне не нуждались бы въ другомъ человѣкѣ, который *явилъ бы* Его. Если Христосъ, пришедши въ мужескій возрастъ, такъ сдѣлался извѣстенъ Своими чудесами не только въ Іудеѣ, но и въ Сиріи и далѣе, притомъ совершилъ ихъ въ продолженіе только трехъ лѣтъ, а лучше сказать — Онъ не нуждался и въ этомъ числѣ лѣтъ, чтобы явить себя міру, потому что слухъ о Немъ съ самаго начала разнесся немедленно повсюду, — если, говорю, Онъ въ краткое время такъ прославился множествомъ чудесъ, что имя Его стало всѣмъ извѣстно, то тѣмъ болѣе Онъ не могъ бы такъ долго оставаться въ неизвѣстности, когда бы съ перваго возраста началъ творить чудеса; чудеса, совершенныя отрокомъ, возбудили бы еще болѣе удивленія, да и времени у Него для чудесъ было бы въ такомъ случаѣ вдвое и втрое и еще больше. Но въ отрочествѣ Онъ не творилъ никакихъ чудесъ, кромѣ того только, о чемъ повѣствуетъ Лука, какъ Онъ, будучи двѣнадцати лѣтъ, возсѣдалъ среди учителей, слушая ихъ, и своими вопросами приводилъ ихъ въ удивленіе. Впрочемъ не безъ причины, а намѣренно не начиналъ Онъ творить чудесъ съ самаго перваго возраста: иначе могли бы почестъ Его чудеса за призраки. Если уже въ совершенномъ возрастѣ Его многіе это подозрѣвали, — тѣмъ болѣе, когда бы Онъ сталъ чудодѣйствовать въ юности. Кромѣ того іудеи, снѣдаемые завистію, еще скорѣе и прежде надлежащаго времени вознесли бы Его на крестъ, и такимъ образомъ все дѣло нашего спасенія не было бы принято вѣрою. Откуда же, скажешь, Его Матери пришло на мысль предполагать въ Немъ что-то великое? Онъ началъ уже открывать Себя, чѣмъ былъ — и чрезъ свидѣтельство Іоанново, и чрезъ то, что самъ говорилъ ученикамъ. А прежде всего этого самое зачатіе Его и всѣ, по рожденіи Его послѣдовавшія, событія внушали Матери Его высокое понятіе о Немъ. *Смѣлаше, сказано, яже о отрочахъ, и соблюдаше въ сердци своемъ* (Лук. 11, 52). Отчего же, скажешь, она не выражала этого прежде? Оттого, какъ я сказалъ, что Онъ самъ только тогда началъ открывать Себя. А дотолѣ Онъ жилъ, какъ обыкновенный человѣкъ. Поэтому-то она и не говорила Ему этого прежде. Какъ скоро услышала, что ради Его пришелъ Іоаннъ и далъ о Немъ такое свидѣтельство, и что Онъ имѣетъ уже учениковъ, то уже смѣло просить Его и, при недостаткѣ вина, говорить: *вина не имутъ*. Она хотѣла и гостямъ угодить и себя прославить чрезъ Сына.

Можетъ быть, она при этомъ имѣла въ мысляхъ что-либо чело-
вѣческое, подобно Его братьямъ, которые говорили: *мы себе ми-
роу* (Іоан. vii, 4), желая пріобрѣсть и себѣ славу Его чудесами.
Поэтому-то и Христосъ такъ сильно отвѣчалъ ей: *что Мнѣ и
тебѣ, жено? Не у пріиде часъ мой* (ст. 4). Но что Онъ весьма по-
читалъ родительницу Свою, объ этомъ послушай повѣствованія
Луки, какъ Христосъ былъ послушенъ родителямъ; да и этотъ
самый евангелистъ (Іоаннъ) показываетъ, какъ Онъ заботился о
Матери въ самое время крестныхъ страданій. Когда родители ни
мало не запрещаютъ дѣлъ богоугодныхъ и не препятствуютъ
имъ, то родителямъ нужно и должно повиноваться; неповино-
ваніе въ такомъ случаѣ весьма опасно. Когда же они чего-либо
требуютъ безвременно и запрещаютъ какое-нибудь дѣло духов-
ное, то не безопасно имъ повиноваться. Потому и въ настоя-
щемъ случаѣ Христосъ такъ отвѣчалъ, и въ другомъ случаѣ
также: *кто есть мати моя и кто суть братія моя* (Марк. iii, 33)?
Они въ то время еще не имѣли о Немъ надлежащаго понятія; а
Его Мать, по той причинѣ, что родила Его, хотѣла приказывать 131
Ему во всемъ, по обычаю всѣхъ матерей, тогда какъ должна
была чтить Его, какъ Господа, и поклоняться Ему. Потому-то
Онъ такъ и отвѣчалъ ей тогда. Въ самомъ дѣлѣ, подумай, ка-
ково это было, когда при всемъ народѣ, окружавшемъ Его, при
многочисленномъ собраніи внимательныхъ слушателей, во время
преподаванія ученія, Мать Его вошла въ собраніе, стала отвле-
кать Его отъ проповѣданія, чтобы наединѣ поговорить съ Нимъ,
притомъ и не осталась съ Нимъ въ домѣ, а увлекла Его одного
вонъ оттуда къ себѣ. Богъ почему Онъ и сказалъ: *кто есть мати
моя и кто суть братія моя?* И Онъ не оскорблялъ тѣмъ Матери;
нѣтъ, а приносилъ, ей величайшую пользу, не давая ей думать
о себѣ уничиженно. Если Онъ имѣлъ попеченіе о другихъ и
все направлялъ къ тому, чтобы внушить имъ надлежащее по-
нятіе о Себѣ, тѣмъ болѣе заботился въ этомъ отношеніи о Матери.
Но какъ она, вѣроятно, даже услышавъ это отъ Сына, не хотѣла
и послѣ того повиноваться Ему, а хотѣла, какъ мать, во всякомъ
случаѣ первенствовать, то Онъ такъ и отвѣчалъ. Да иначе Онъ
и не могъ бы возвести ея отъ такого уничижительнаго понятія
о Немъ къ болѣе возвышенному, если бы, т. е., она всегда ожи-
дала отъ Него почитанія, какъ отъ сына, но не признала Его
Господомъ. Вотъ по этой-то причинѣ Онъ здѣсь и сказалъ: *что
мнѣ и тебѣ, жено?* Впрочемъ и другая была причина, не менѣе
важная. Какая же? Онъ хотѣлъ, чтобы не заподозрѣвали совер-
шаемыхъ Имъ чудесъ. Его должны были просить тѣ, кто имѣлъ
нужду, а не Мать. Почему? Это дѣлается по просьбѣ родствен-

никовъ, то, хотя было бы важно, часто для постороннихъ представляется неблаговиднымъ. Когда же просить сами нуждающіеся, тогда чудо становится выше всякаго подозрѣнія, тогда и похвала безпристрастна и польза велика.

8. Если бы врачъ, даже отличный, вошедши въ домъ, гдѣ много больныхъ, не слышалъ ничего ни отъ самихъ болящихъ, ни отъ окружающихъ ихъ, а только его одна мать стала бы упрашивать его, то для больныхъ онъ слѣдалься бы подозрительнымъ и неприятнымъ, и ви лежащіе въ болѣзни, ни находящіеся при нихъ не стали бы ожидать отъ него чего-либо важнаго и хорошаго. Вотъ почему и Христосъ тогда сдѣлалъ упрекъ Матери, сказавъ: *что мнѣ и тебѣ, жено*, внушая ей на будущее время не дѣлать ничего подобнаго. Имѣлъ Онъ попеченіе и о чести Матери, но гораздо болѣе объ ея душевномъ спасеніи и о благѣ людей, для чего и плотію облекся. Итакъ эти слова были сказаны Христомъ Матери Его не по какой-либо надменности, но съ особенною цѣлію—чтобы и ее саму поставить въ надлежащія къ Нему отношенія, чтобы и чудеса дѣлались съ подобающимъ достоинствомъ. А что Христосъ весьма почиталъ свою Мать, это, кромѣ другихъ случаевъ, достаточно видно и изъ того самаго, что сказано повидимому въ обличеніе ея. Въ самомъ неудовольствіи Онъ показалъ, что весьма почиталъ ее. А какимъ образомъ, объ этомъ скажемъ въ послѣдующей бесѣдѣ. Размышляя объ этомъ, если услышишь, какъ одна жена говорила: *блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссала*, а Онъ ей отвѣчалъ: еще болѣе блаженны творящіе волю Отца моего (Лук. xi, 28), то разумѣй и эти слова въ томъ смыслѣ. Отвѣтъ Спасителя Матери выражалъ не отверженіе Матери, а то, что ей нимало не припесло бы пользы и самое рожденіе Его, если бы она сама не имѣла великой добродѣтели и вѣры. Если же безъ добродѣтели душевной и для самой Маріи не было бы пользы въ томъ, что отъ нея родился Христосъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть никакой пользы намъ, если мы будемъ имѣть добродѣтельнаго и доблестнаго отца, брата, или сына, а сами будемъ далеки отъ его добродѣтелей. *Братъ*, говоритъ Давидъ, *не избавитъ, избавитъ ли чело-вѣкъ* (Пс. xlviii 7)? Надежду спасенія, послѣ благодати Божіей, должно полагать не въ чемъ другомъ, а только въ собственныхъ совершенствахъ. Если бы рожденіе Христа само по себѣ могло принести пользу Дѣвѣ, то оно было бы также полезно и іудеямъ, (такъ какъ Христосъ былъ сродникомъ ихъ по плоти), принесло бы пользу и городу, въ которомъ Онъ родился, полезно было бы и братьямъ. Между тѣмъ Его братья, доколѣ не заботились о себѣ самихъ, не получили никакой пользы отъ высокаго сродства, а

еще и подвергались осужденію на ряду съ прочими людьми; когда же просіяли собственными добродѣтелями, тогда и прославлены. А городъ разрушенъ и сожженъ, не получивъ никакой пользы отъ того, что былъ мѣстомъ Его рожденія. Сродники Его по плоти истреблены и погибли самымъ жалкимъ образомъ, не приобрѣвши отъ сродства съ Нимъ ничего для своего спасенія, потому именно, что не имѣли защиты въ собственной добродѣтели. Но болѣе всѣхъ прославились апостолы, потому что они истиннымъ и достойнымъ нашего соревнованія образомъ достигли сродства со Христомъ,—черезъ послушаніе Ему. Отсюда и мы познаемъ, что во всякомъ случаѣ намъ нужна вѣра и жизнь чистая и свѣтлая. Только это можетъ спасти насъ. Сродники Христа долгое время повсюду пользовались уваженіемъ, такъ что и назывались „владычными“ ¹⁾, однакожъ мы нынѣ не знаемъ даже именъ ихъ. А жизнь и имена апостоловъ всюду прославляются. Не будемъ же надмеваться благородствомъ по плоти, но, хотя бы имѣли тысячи знаменитыхъ предковъ, будемъ сами стараться превзойти ихъ въ добродѣтеляхъ, зная, что заслуги другихъ не принесутъ намъ никакой пользы на будущемъ судѣ, а еще и увеличатъ для насъ строгость осужденія, именно потому, что, происходя отъ добродѣтельныхъ отцевъ и имѣя столь близкіе примѣры, при всемъ томъ не послѣдовали такимъ наставникамъ. Это я говорю теперь, имѣя въ виду многихъ язычниковъ, которые, когда мы обращаемъ ихъ къ вѣрѣ во Христа и убѣждаемъ быть христіанами, указываютъ на своихъ родственниковъ, предковъ и домашнихъ, и говорятъ: всѣ мои родственники, близкіе и домашніе сдѣлались уже вѣрными христіанами. Но что тебѣ въ этомъ, несчастный? То именно тебя и погубить, что ты, не уваживъ такого множества близкихъ къ тебѣ, не посмѣвши обратиться къ истинѣ. Другіе, будучи уже вѣрующими, но проводя жизнь безпечную, когда станешь увѣщевать ихъ къ добродѣтели, представляютъ тоже самое и говорятъ: мой отецъ, дѣдъ и пра-дѣдъ были очень благочестивые и добродѣтельные люди. Но то особенно и послужить къ твоему осужденію, что ты, прогсходя отъ такихъ людей, дѣлаешь дѣла, недостойныя своего рода. Послушай, что говоритъ пророкъ іудеямъ: *работа Израиль о жетѣ, и о жетѣ спасется* (Ос. XII, 12); и Христось: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣть день мой; и видѣть и возрадовася* (Іоан. VIII, 56). Да и всегда доблести предковъ обращаются не въ похвалу только іудеямъ, но и въ большее обвиненіе. Зная это, будемъ все дѣлать такъ, чтобы спастись собственными дѣлами, чтобы иначе надеж-

¹⁾ δεσποινίδες.

дами на другихъ не обмануть себя самихъ и не узнать о своемъ обманѣ тогда уже, когда отъ этого познанія намъ никакой пользы не будетъ. *Во адѣ*, сказано, *кто исповѣтся Тебѣ* (Пс. vi, 6)? Итакъ, исправимся здѣсь, чтобы тамъ достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава и держава вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

Что Мнѣ и тебѣ, жено? Не у прииде часъ мой (Іоан. ii, 4).

133 Въ поученіи есть нѣкоторый трудъ, что показываетъ и Павелъ, когда говоритъ: *прилежащии добръ пресвитеры сугубия чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и учении* (1 Тим. v, 17). Но отъ васъ зависить сдѣлать этотъ трудъ и легкимъ и тяжкимъ. Если вы будете отвергать наши слова, или, не отвергая, не будете исполнять ихъ въ дѣлахъ своихъ, то этотъ трудъ будетъ для насъ тягостенъ, какъ трудъ напрасный и тщетный. Если же вы будете внимательны къ нашимъ словамъ и покажете то въ самыхъ дѣлахъ своихъ, то мы и чувствовать не будемъ трудности въ поученіяхъ; плодъ, происходящій отъ этихъ трудовъ, не дастъ и замѣтить тяжести ихъ. Поэтому если хотите возбудить въ насъ ревность, не угасить и не ослабить ее, покажите намъ, прошу васъ, плодъ, чтобы мы, видя цвѣтущія нивы, питаясь надеждою изобилія и надѣясь на будущее свое богатство, не изнемогали въ этихъ благихъ занятіяхъ. Вотъ и сегодня намъ представляется не маловажный предметъ. Когда Мать Иисуса сказала: *она не имуть*, Христосъ отвѣчалъ: *что Мнѣ и тебѣ, жено? Не у прииде часъ мой*. Между тѣмъ, послѣ такихъ словъ, Онъ сдѣлалъ то, о чемъ говорила Мать. Предметъ этотъ не менѣе прежняго требуетъ изслѣдованія. Итакъ, призвавъ Того, Кто сотворилъ это чудо, приступимъ къ рѣшенію вопроса. Не здѣсь только сказано: *не у прииде часъ*; евангелистъ и далѣе замѣчаетъ: *никто же Ею ятъ, яко не у бѣ приишеть часъ Ею* (Іоан. vii, 30); и въ другомъ мѣстѣ: *никто же возложи на нѣ руки, яко не у бѣ приишеть часъ Ею* (тамъ же). Также: *прииде часъ, прослави Сына твоего* (Іоан. xvii, 1). Я собралъ здѣсь всѣ эти изреченія изъ всего Евангелія, чтобы на всѣ дать одно рѣшеніе. Какое же? Христосъ говорилъ: *не у прииде часъ мой* не потому, что подлежалъ закону времени, и не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ наблюдалъ извѣстные часы. Нужно ли это было Творцу временъ и Создателю вѣковъ? Но этими словами Онъ хо-

четь показати, что все дѣлаеть въ свое время, а не вдругъ, такъ какъ отсюда могло бы произойти смѣшеніе и безпорядокъ, если бы, т. е., каждое дѣло Свое Онъ совершалъ не въ надлежащее время и смѣшивалъ все вмѣстѣ. какъ-то: и рожденіе, и воскресеніе, и судъ. Такъ замѣчай: надлежало произойти твари, но не всей вмѣстѣ; человѣку съ женою, но не обоимъ вмѣстѣ; надлежало роду человѣческому быть осужденнымъ на смерть и быть воскресенію, но между тѣмъ и другимъ разстояніе времени большее; надлежало дать законъ, но не вмѣстѣ съ благодатію, а то и другое устроить въ свое опредѣленное время. Итакъ, условіямъ времени самъ Христосъ не подлежалъ, потому что Онъ и установилъ самый порядокъ временъ, Онъ и Творецъ ихъ. Но Іоаннъ, приводя здѣсь слова Христа: *не у прииде часъ мой*, показываетъ, что въ то время Онъ былъ еще не всѣмъ извѣстенъ и не имѣлъ полного сонма учениковъ; Ему послѣдовать только Андрей, а съ нимъ Филиппъ, а кромѣ ихъ никто другой. Да и они не знали Его, какъ должно, ни даже Мать Его, ни братья. Уже по совершеніи многихъ чудесъ евангелистъ замѣтилъ о братьяхъ Его: *ниже братія Его строваху съ Нєю* (vii, 5). Не знали Его и присутствовавшіе на бракѣ. Иначе они, въ нуждѣ, сами обратились бы къ Нему съ просьбою. Потому онъ и говорить: *не у прииде часъ мой*. Меня еще не знаютъ присутствующіе; они не знаютъ и того, что не достало вина. Дай имъ сперва почувствовать это. Да объ этомъ и не отъ тебя Миѣ надлежало бы слышать. Ты Моя Мать и потому ты само чудо дѣлаешь подозрительнымъ. А надлежало бы самимъ нуждающимся обратиться ко Миѣ съ просьбою; не потому, чтобы Я въ этомъ нуждался, но чтобы они съ большимъ довѣріемъ приняли этотъ случай. Видящій себя въ нуждѣ, когда получить то, что ему нужно, остается послѣ того много благодарнымъ; а кто еще не чувствуетъ нужды, тотъ не чувствуетъ вполне и живо и самага благодѣянія. Для чего же, сказавъ: *не у прииде часъ мой*, и такимъ образомъ отказавъ, Онъ однакожъ сдѣлалъ то, о чемъ говорила Ему Мать? Для того особенно, чтобы людямъ прекословящимъ и считающимъ Его подъ условіями времени, достаточно показать, что Онъ не подлежитъ времени. Если бы Онъ подлежалъ, то какъ бы Онъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ, когда еще не пришло надлежащее для того время? Онъ сдѣлалъ это также и изъ почтенія къ Матери, чтобы не показаться во всемъ ей противорѣчащимъ или не могущимъ этого сдѣлать, и чтобы тѣмъ не постыдить свою Мать въ присутствіи такого множества людей,—а она привела къ Нему и слугъ. Подобнымъ образомъ Онъ говорилъ и хананеянкѣ: *иѣсть добро отягати хлѣба чадомъ и поверещи ясомъ* (Мате. xv, 26); однакожъ послѣ такихъ словъ даровалъ ей

просимое, преклоненный ея неотступностію. Сказалъ также: *якоже посланъ, токо по овцамъ побишимъ дому Израилеву* (Матѣ. хv, 24), но и послѣ этихъ словъ исцѣлилъ дочь этой женщины.

2. Отсюда научаемся, что, хотя бы мы были недостойны, однакожъ неотступными моленіями можемъ сдѣлать себя достойными получить (просимое). Потому и Мать надѣялась и слугъ привела съ тою цѣлю, чтобы просьба была отъ большаго числа людей. Потому она присовокупила: *еще аще малоете вамъ, сотворите* (ст. 5). Она знала, что Онъ отказывалъ не по немощи, но по смиренію и для того, чтобы не подать мысли, будто Онъ самъ слишкомъ спѣшить къ совершенію чуда; потому и слугъ привела. *Бѣху же ту водоносн каменни шесть, лежаще по очищенію іудейскому, вмѣстѣици по двѣма или тріемъ мѣрамъ. Глагола имъ Іисусъ: наполните водоносн воды, и наполниша ихъ до верха* (ст. 6, 7). Евангелистъ не безъ цѣли замѣтилъ: *по очищенію іудейскому*, а для того, чтобы кто-либо изъ невѣрующихъ не подозрѣвалъ, что въ сосудахъ были остатки вина, и поѣтому, когда была влита и смѣшана съ ними вода, то составилось нѣкоторое, самое слабое, вино. Потому евангелистъ и говоритъ: *по очищенію іудейскому*, показывая тѣмъ, что въ сосудахъ тѣхъ никогда не хранилось вино. Палестина земля безводная, и тамъ не во всякомъ мѣстѣ можно находить источники и колодези; поѣтому евреи всегда наполняли сосуды водою, чтобы не бѣгать на рѣки, когда они дѣлались нечистыми, но имѣть подъ рукою средство для очищенія. Но почему Онъ не сотворилъ чуда прежде, чѣмъ сосуды были наполнены водою — что было бы гораздо удивительнѣе? Иное вѣдъ дѣло — измѣнить готовое вещество только по качеству, иное — произвести самое вещество изъ ничего. Конечно, это удивительнѣе; но для многихъ показалось бы не столь вѣроятнымъ. Потому-то Христосъ нерѣдко добровольно уменьшаетъ величіе чудесъ, чтобы только удобнѣе они могли быть приемымы. А почему, скажешь, Онъ не самъ произвелъ воду и потомъ обратилъ ее въ вино, а приказалъ влить ее слугамъ? Опять по той же причинѣ и для того, чтобы сами черпавшіе воду были свидѣтелями чуда и чтобы оно нисколько не показалось призракомъ. Если бы кто-либо сталъ безстыдно отвергать это, то слуги могли бы сказать: мы сами черпали воду. Кромѣ того Онъ ниспровергаетъ этимъ чудомъ и возродившееся, противное Церкви, ученіе. Есть такіе, которые говорятъ, что существуетъ нѣкоторый иной создатель міра и что видимое не Имъ сотворено, а какимъ-то другимъ враждебнымъ Ему богомъ¹⁾. Обуздывая такое безум-

¹⁾ Это лжеученіе манихеевъ.

ство, Христось большую часть чудесъ Своихъ творилъ изъ готовыхъ веществъ. Если бы Создатель міра былъ враждебенъ Ему, то Онъ не сталъ бы пользоваться чужими дѣлами для доказательства собственнаго могущества. Такъ и теперь, чтобы показать, что Онъ самъ Тотъ, кто прелагаетъ воду въ виноградъ и обращаетъ въ вино дождь, чрезъ корень винограда, — что въ растеніи совершается чрезъ долгое время, — въ одно мгновеніе Онъ дѣлаетъ это на бракѣ. Затѣмъ, какъ скоро слуги наполнили сосуды водою, Онъ говоритъ имъ: *почерпните нны и принесите архитриклинои, и принесоша; якоже вкуси архитриклина вина, бывшаго отъ воды, и не отъяше, откуда есть: слуги же отъязу, почерпнши воду; приласи жениха архитриклина, и глагола ему: всякъ человекъ прежде доброе вино полагаетъ, и сѣда умиются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе вино доселъ* (ст. 8—10). Опять и здѣсь нѣкоторые посмѣиваются, говоря: тамъ было собраніе людей пьяныхъ, вкусъ у цѣнителей уже былъ испорченъ, и они неспособны были ни понимать, ни судить о томъ, что тутъ дѣлалось, — такимъ образомъ они не могли распознать, вино ли то было, или вода, а что они были пьяны, это высказалъ самъ архитриклинъ. Правда, это очень смѣшно. Но евангелистъ уничтожаетъ и такое подозрѣніе. Онъ говоритъ, что не гости высказывали свое мнѣніе о случившемся, но архитриклинъ, который былъ трезвъ и еще не пилъ ничего. Вѣдь вы знаете, 136 что тѣ, которымъ поручается распоряженіе на такихъ пиршествахъ, болѣе всѣхъ бываютъ трезвы, потому что имѣютъ только одно дѣло — все устроить чинно и въ порядкѣ. Поэтому для засвидѣтельствованія чуда Христось и употребилъ трезвое чувство архитриклина. Онъ не сказалъ: наливайте вино возлежащимъ, а сказалъ: несите къ архитриклину. *Якоже вкуси архитриклина вина, бывшаго отъ воды, и не отъяше, откуда есть: слуги же отъязу; приласи жениха архитриклина.* Почему же онъ не пригласилъ слугъ? Такимъ образомъ открылось бы и чудо. Причина та, что и самъ Іисусъ не открылъ совершившагося чуда, а хотѣлъ, чтобы сила Его знаменій была познаваема не вдругъ, но мало-по-малу. А если бы оно въ то же время было обнаружено, то разсказу слугъ о Немъ не повѣрили бы, но подумали бы, можетъ быть, что они не въ своемъ умѣ, такъ какъ приписываютъ это дѣло тому, котораго тогда многіе считали (человѣкомъ) обыкновеннымъ. Сами слуги, конечно, знали это дѣло хорошо по собственному опыту, и не могли не вѣрить своимъ рукамъ; но увѣрить въ томъ другихъ не имѣли возможности. Поэтому и самъ Христось не всѣмъ открылъ случившееся, а только тому, кто лучше другихъ могъ понять это, — представляя точнѣйшее

познаніе о чудѣ будущему времени. По совершеніи другихъ чудесъ, и это должно было сдѣлаться достовѣрнымъ. Такъ въ послѣдствіи, когда Онъ испѣлилъ сына царедворца, евангелистъ въ повѣствованіи объ этомъ даетъ разумѣть и то, что и это чудо тогда уже сдѣлалось болѣе гласнымъ. Царедворецъ потому особенно и призвалъ Іисуса, что узналъ, какъ я говорю, объ этомъ чудѣ. Это и объясняетъ Іоаннъ, когда говоритъ: *приде паки Іисусъ въ Кану галилейскую, и ѡнъже претвори воду въ вино* (Іоан. IV, 46), да и не просто въ вино, а вино самое лучшее.

8. Таковы-то чудеса Христовы, что ихъ произведенія оказываются гораздо лучше и превосходятъ тѣхъ, которыя совершаются природою. Такъ и въ другихъ случаяхъ, когда Христосъ исправлялъ какой-либо поврежденный членъ тѣла, то дѣлалъ его лучше членовъ здоровыхъ. А что произведенное изъ воды было дѣйствительно вино и притомъ самое лучшее, объ этомъ могли засвидѣтельствовать не только слуги, но и архитриклинь и женихъ; а что оно произведено было Христомъ, это могли подтвердить слуги, черпавшіе воду. Такимъ образомъ, если бы и не открылось чудо въ то время, то не могли молчать о немъ въ послѣдствіи времени. Итакъ, Христосъ много необходимыхъ свидѣтельствъ оставлялъ на будущее время. Что Онъ претворилъ воду въ вино, на это Онъ имѣлъ свидѣтелями слугъ; а что это было вино хорошее, на то — свидѣтели архитриклинь иже нихъ. Вѣроятно, женихъ отвѣчалъ что-нибудь на слова архитриклиня; но евангелистъ, поспѣшая къ дѣламъ важнѣйшимъ, коснулся только самаго чуда, а прочее миновалъ. Нужно было, конечно, знать, что Христосъ претворилъ воду въ вино; но что сказалъ женихъ архитриклину, присовокуплять это евангелистъ не почиталъ нужнымъ. Между тѣмъ многія чудеса, будучи сперва мало извѣстны въ подробностяхъ, съ теченіемъ времени стали болѣе извѣстны, потому что были рассказаны во всѣхъ своихъ подробностяхъ людьми, бывшими вначалѣ очевидцами ихъ. Но какъ въ то время Іисусъ претворилъ воду въ вино, такъ и тогда и нынѣ не перестаетъ предлагать нравы людей слабыхъ и разсѣянныхъ. Есть, есть, говорю, люди, ничѣмъ не отличающіеся отъ воды, — такъ они холодны, жидки, ни въ чемъ не тверды. Находящихся въ такомъ состояніи людей нашъ долгъ приводить къ Господу, чтобы Онъ благоволилъ нравамъ ихъ сообщить качество вина, чтобы они не разсѣивались, но приобрѣли постоянство, на радость себѣ и другимъ.

137 Кто же это такіе холодные люди, какъ не тѣ, которые много занимаются дѣлами настоящей жизни, которые не презираютъ наслажденій этого міра, любители славы и власти? Все это п

токи, никогда не останавливающіеся, но постоянно съ большою стремительностію несущіеся въ бездну. Сегодня богатый, завтра нищъ; сегодня является съ глашатаемъ, на колесницѣ, въ сопровожденіи множества жезлоносцевъ, а на другой день нерѣдко поселяется въ темницѣ, уступая, и противъ воли, другому это самопрельщеніе. Такимъ же образомъ преданный роскоши и пресыщенію, какъ бы ни наполнялъ своего чрева, даже на одинъ день не можетъ удержать въ себѣ этого запаса, но, съ испражненіемъ его, принуждается собирать новые запасы, не различаясь такимъ образомъ ничѣмъ отъ потока. Какъ въ потокѣ, едва минуетъ одна струя, за ней выступаетъ другая, такъ и здѣсь, истлѣваетъ одна пища—и намъ нужна другая. Таково свойство житейскихъ вещей: они, никогда не останавливаются, но всегда текутъ и одна за другою увлекаются. Что же касается до удовольствій сластолюбія, то они не только текутъ и проходятъ, но еще приносятъ намъ много тревогъ. Когда имъ предаются съ увлеченіемъ, то они и крѣпость тѣла ослабляютъ и душу лишаютъ мужества. И не такъ сильное теченіе рѣкъ размываетъ берега и обрушиваетъ ихъ, какъ сластолюбіе и пресыщеніе подрываетъ всѣ опоры нашего здоровья. Пойди въ больницу и спроси объ этомъ,—тамъ узнаешь, что отсюда происходятъ почти всѣ болѣзни. Умѣренная и простая трапеза — мать здоровья. Такъ называютъ ее и врачи, признавая здоровымъ—не наѣдаться до сыта. Умѣренность въ пищѣ, говорятъ они, и есть здоровье; а пища скудная—мать здоровья. Если же умѣренность въ пищѣ источникъ здоровья, то явно, что пресыщеніе источникъ болѣзней и недуговъ и рождаетъ такія страданія, которыя превышаютъ и 138 самое искусство врачей. И дѣйствительно, боли въ ногахъ, боли въ головѣ, въ глазахъ, въ рукахъ, дрожаніе всего тѣла, удары, желтуха, продолжительныя острыя горячки и многія другія болѣзни (теперь не время перечислять всѣ) обыкновенно рождаются не отъ воздержанія и благоразумнаго образа жизни, а отъ объяденія и пресыщенія. Если же хочешь знать и болѣзни души, отсюда рождающіяся, то увидишь, что любостяжаніе, развратъ, уныніе, лѣность, любострастіе и всѣ непотребства отсюда ведутъ свое начало. Души людей, питающихся такими трапезами, ничѣмъ не лучше словъ: такъ терзаютъ ихъ эти звѣри. Говорить ли еще о томъ, сколько скорбей и непріятностей получаютъ преданные пресыщенію? Всѣхъ ихъ исчислить невозможно. Покажу все въ одномъ и самомъ главномъ. Они никогда съ удовольствіемъ не наслаждаются своимъ столомъ, даже самымъ роскошнымъ. Воздержность — мать какъ здоровья, такъ и удовольствія; а пресыщеніе — источникъ и корень какъ болѣзней, такъ и неудоволь-

ствія. Гдѣ пресыщеніе, тамъ не можетъ уже быть охоты (къ пищѣ); а гдѣ нѣтъ охоты, тамъ можетъ ли быть удовольствіе? Поэтому между людьми бѣдными мы находимъ такихъ, которые не только благоразумнѣе и здоровѣе богатыхъ, но и больше ихъ имѣютъ веселья. Обо всемъ этомъ размышляя, будемъ убѣгать пресыщенія и пьянства не только за трапезой, но и при всѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Въмѣсто того будемъ лучше искать наслажденій духовныхъ и, по выраженію пророка, *насладимся Господомъ* (*насладися*, говорить онъ, *Господомъ, и дастъ ти прошенія сердца твоего*—Пс. XXXVI, 4), чтобы намъ вкусить и здѣшнихъ и будущихъ благъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

Се сотвори начатокъ знаменіемъ Иисусъ въ Канѣ галилейскѣй (Іоан. II, 11).

- 187 1. Часто и сильно нападаетъ діаволъ, осаждая со всѣхъ сторонъ наше спасеніе. Потому надобно бодрствовать и трезвиться и отовсюду преграждать ему приступъ. Какъ скоро онъ встрѣтитъ хотя малый какой-либо случай, то уже приготовляетъ себѣ свободный доступъ, и мало-по-малу вводитъ всю свою силу. Итакъ, если мы сколько-нибудь дорожимъ нашимъ спасеніемъ, то не попустимъ ему и малыхъ нападеній на насъ, чтобы чрезъ то предотвратить большія. Да и крайне безумно было бы — когда онъ показываетъ такое стараніе погубить нашу душу, намъ съ своей стороны не постоять даже и въ равной мѣрѣ за наше собственное спасеніе. Это не просто сказано мною; а я боюсь, чтобы и нынѣ, незамѣтно для насъ, не вторгся внутрь нашего двора этотъ волкъ, и не похитилъ какой-нибудь овцы, по нерадѣнію или по злому навѣту уклоняющейся отъ стада и отъ настоящихъ нашихъ бесѣдъ. Если бы раны были чувственными и только тѣло получало удары, то не трудно было бы распознавать его злоумышленія. Но какъ душа незрима и она-то именно получаетъ раны, то и нужно намъ много бодрствовать, чтобы
- 188 каждый испытывалъ самъ себя: *кто бо есть отъ человекъ, какъ въ человекѣ, точію духъ человека, живущій въ немъ* (1 Кор. II, 11)? Слово простирается ко всѣмъ и врачество предлагается общее для всѣхъ нуждающихся, но дѣло cadaго изъ слушающихъ самому принимать то, что нужно въ его болѣзни. Я не знаю больныхъ, не знаю и здоровыхъ; потому предлагаю всякаго рода

поученія, потребныя въ болѣзняхъ всякаго рода: обличаю то корыстолюбіе, то объяденіе; иногда осуждаю любострастіе; иной разъ восхваляю милосердіе и убѣждаю къ нему; иной разъ — другія добродѣтели. Я опасаюсь, чтобы, рассуждая въ поученіи объ одной болѣзни, не забыть уврачевать другихъ, тогда какъ вы страдаете ими. Если бы здѣсь при моей бесѣдѣ присутствовалъ только одинъ слушатель, я не считалъ бы слишкомъ нужнымъ разнообразить свои поученія; но какъ въ такомъ множествѣ людей конечно есть и много болѣзней, то не излишне намъ разнообразить назиданіе: слово, обращенное ко всѣмъ, безъ сомнѣнія принесетъ свою пользу. Поэтому-то и содержаніе Писанія разнообразно, и говоритъ намъ о безчисленномъ множествѣ предметовъ, такъ какъ обращаетъ слово свое къ общему естеству всѣхъ людей. А въ такомъ множествѣ людей, безъ сомнѣнія, есть всякаго рода болѣзни душевныя, хотя и не всѣ во всѣхъ. Поэтому, очищая себя отъ нихъ, будемъ же внимать слову Божию, и, сосредоточивъ въ немъ наши мысли, выслушаемъ нынѣшнее его чтеніе. Что же это такое? *Се сотвори*, говоритъ Писаніе, *начатокъ знаменіемъ Іисусъ въ Канѣ галилейской*. Нѣкоторые, какъ я и прежде говорилъ, утверждаютъ, что это не было началомъ вообще, Какъ же иначе, говорятъ, если тутъ прибавлено именно: *въ Канѣ галилейской*? *Се сотвори*, сказано, *начатокъ въ Канѣ*. Но я не стану входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе объ этомъ; мы уже прежде доказали, что Онъ началъ творить знаменія послѣ крещенія, а прежде крещенія не совершалъ никакихъ чудесъ. А это ли именно, или другое знаменіе было первымъ изъ совершенныхъ Имъ послѣ крещенія, объ этомъ, мнѣ кажется, нѣтъ надобности слишкомъ много рассуждать. *И яви славу свою*. Какимъ образомъ? Вѣдь свидѣтелями событія были не многіе, а только служители, архитриклинь и женихъ? Какъ же Онъ явилъ славу Свою? Онъ явилъ ее съ Своей стороны. А если и не тогда, то впослѣдствіи должны были всѣ услышать объ этомъ чудѣ, такъ какъ оно донинѣ прославляется и не забыто. Но что въ тотъ день не всѣ узнали объ этомъ, видно изъ послѣдующаго. Евангелистъ, сказавъ: *яви славу свою*, присовокупляетъ: *и трюваша въ него ученици ео* (ст. 11), т. е. тѣ, которые и прежде того уже дивились Ему. Видишь ли, что нужно было тогда въ особенности творить знаменія, когда присутствовали люди добросовѣстные и внимательные къ событіямъ? Такіе и скорѣе могли вѣровать и болѣе вниманія обращать на событія. Да и какъ Онъ могъ бы быть познанъ безъ знаменій? Ученіе же и пророчество, соединенныя съ чудотвореніями, могутъ расположить души слушателей къ тому, чтобы они съ усердіемъ принимали событіямъ, какъ скоро душа уже напередъ къ тому

приготовлена. Поэтому-то евангелисты не рѣдко говорятъ, что въ нѣкихъ мѣстахъ Онъ не сотворилъ знаменій по причинѣ превратнаго направленія людей, живущихъ тамъ. *По семъ сииде въ Капернаумъ самъ, и мати ея, и братія ея, и ученици ея: и ту немнози дни пребыша* (ст. 12). Для чего Онъ приходитъ въ Капернаумъ съ Матерію? Тамъ Онъ не сотворилъ никакого чуда, и жители того города не были изъ числа благорасположенныхъ къ Нему, а притомъ были еще и самые развращенные: это и самъ Христосъ замѣтилъ, сказавъ: *и ты Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада низведешися* (Лук. х, 15). Итакъ, для чего же Онъ приходитъ туда? Мнѣ кажется, что, намѣреваясь спустя немного времени отправиться во Іерусалимъ, Онъ для того тогда пошелъ въ Капернаумъ, чтобы не всюду водить съ собою братьевъ и Мать. Такимъ образомъ, отправившись туда и пробывъ немного времени изъ уваженія къ Матери, Онъ оставилъ тамъ свою Родительницу, и потомъ опять начинаетъ творить чудеса. Потому и сказано, что Онъ *не по многѣхъ дняхъ възиде во Іерусалимъ* (ст. 13). Слѣдовательно, Онъ крестился не задолго до Пасхи. Но что Онъ дѣлаетъ, прибывши въ Іерусалимъ? Дѣло, выражающее Его великую власть. Мѣновщиковъ денегъ, торжниковъ, которые продавали голубей, воловъ и овецъ, затѣмъ и пребывали тамъ, Онъ изгоняетъ вонъ.

2. Другой евангелистъ повѣствуетъ, что, изгоняя ихъ, Онъ говорилъ: *не творите дому Отца моего вертепъ разбойниковъ* (Матѣ. ххi, 13); а св. Іоаннъ выражаетъ это такъ: *не творите дому купли* (Іоан. ii, 16). Но евангелисты не противорѣчатъ другъ другу; а даютъ видѣть, что Онъ сдѣлалъ это въ два раза, и что оба случая были не въ одно и тоже время: въ первый разъ Онъ совершилъ это въ началѣ (своей проповѣди), а во второй—когда уже шелъ на самыя страданія. Потому въ послѣдній-то разъ употребилъ Онъ и сильнѣйшія выраженія, назвавъ то мѣсто вертепомъ разбойниковъ; а въ началѣ знаменій не такъ, но употребилъ болѣе кроткое обличеніе. Итакъ вѣроятно, что Онъ сдѣлалъ это въ два раза. Для чего же, скажешь ты, Христосъ сдѣлалъ это, и притомъ употребилъ такую строгость, какъ Онъ нигдѣ—кажется—не дѣлалъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда Его оскорбляли, поносили, называли самаряниномъ и даже одержимымъ бѣсами? А здѣсь Онъ даже не удовольствовался одними только словами; но и взялъ бичъ, и такимъ образомъ изгналъ ихъ. Между тѣмъ іудеи, когда Онъ другимъ благодѣтельствовалъ, обвиняютъ Его и ожесточаются; а когда имъ, повидимому, надлежало бы отъ Его прещеній придти въ гнѣвъ, не поступаютъ съ Нимъ такимъ образомъ: они не порицаютъ или не оскорбляютъ Его; а что говорятъ? *Кое знаменіе являеши намъ, яко сіа творимъ* (ст. 18)? И:

дишь ли крайнюю завистливость ихъ, — какъ благодѣянія, другимъ оказанныя, болѣе всего раздражали ихъ? Итакъ, въ одинъ разъ Онъ говорилъ, что храмъ сдѣлался отъ нихъ вертепомъ разбойниковъ, показывая тѣмъ, что продаваемое было пріобрѣтено воровствомъ, грабительствомъ и лихоимствомъ, и что они обогащались несчастіями другихъ; а въ другой разъ — домою купли, избличая безстыдство ихъ въ торговлѣ. Но для чего Онъ сдѣлать это? Такъ какъ, въ послѣдствіи времени, Онъ сталъ исцѣлять въ субботу и дѣлать многое такое, что казалось имъ преступленіемъ закона, то чтобы не считали Его богопротивникомъ и дѣлающимъ это вопреки воли Отца, Онъ этимъ случаемъ и предупреждаетъ такую мысль ихъ. Тотъ, кто показавъ столь великую ревность о домѣ, конечно, не имѣлъ намѣренія противиться Владыкѣ дома, въ немъ чтимому. Правда, и предшествовавшіе годы, въ которые Онъ жилъ согласно съ закономъ, могли достаточно показать Его уваженіе къ Законодателю и то, что Онъ не пришелъ узаконять что-либо противное Ему. Но какъ эти годы, вѣроятно, съ теченіемъ времени преданы забвенію, да и не всѣмъ были извѣстны (потому что Онъ воспитывался въ домѣ бѣдномъ и незнатномъ), то Онъ и дѣлаетъ это въ присутствіи всего народа, собравшагося по случаю приближенія праздника, и притомъ съ опасностію для Себя самого. Онъ не просто выгналъ ихъ; но и столы низвергъ, и деньги разсыпалъ, давая имъ изъ этого понять, что подвергающій Себя опасности за благочиніе въ домѣ не станетъ презирать Владыку дома. Если бы Онъ дѣлалъ это притворно, то могъ бы употребить только убѣжденіе; а подвергать Себя опасностямъ — это слишкомъ смѣло. Вѣдь не маловажное дѣло предать Себя такой ярости торжниковъ, ожесточать противъ Себя невѣжественную толпу людей корчемныхъ, посрамляя ихъ и вводя въ убытки: это свойственно не лицемѣру, а человѣку готовому потерпѣть все за благолѣпіе дома. Потому Онъ не дѣлами только, но и самыми словами своими выражаетъ единеніе свое съ Домовладыкою; не говоритъ: домъ святой, а домъ *Отца моего*. Вотъ, называетъ Его и Отцемъ своимъ, и они не негодуютъ на это: думали, что Онъ говоритъ такъ вообще. Но когда въ послѣдствіи сталъ Онъ выражать это яснѣе, такъ что внушалъ мысль о своемъ равенствѣ съ Отцемъ, тогда они приходили въ ярость. Что же они теперь? *Кое знаменіе*, говорятъ, *лежали на нѣмъ, яко сія творилиши?* О, крайнее безуміе! Имъ нужно знаменіе, чтобы отстать отъ худыхъ дѣлъ, и освободить домъ Божій отъ такого уничиженія! А возымѣть столь великую ревность о домѣ Божіемъ развѣ не есть величайшее знаменіе добродѣтели? Благонамѣренные люди оказались и здѣсь: *помниши,*

сказано, *ученицы его, яко писано есть: ревность дому твоего съиде мя* (Іоан. п, 17; Псал. хlvш, 10). Но іудеи не вспомнили о пророчествѣ, а говорили: *кое знаменіе являеши намъ, съ одной стороны жалѣя о потерѣ своей постыдной прибыли, и надѣясь воспрепятствовать Ему въ томъ, съ другой желая вызвать Его къ совершенію чуда, чтобы унижить поступокъ Его. Потому Онъ и не даетъ имъ знаменія. Такъ и прежде, когда они приступали и требовали чуда, Онъ отвѣчалъ имъ: родъ лукавъ и прелюбодѣйный знаменія ищетъ: и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны* (Матѣ. хvi, 4). Впрочемъ, тогда Онъ отвѣчалъ имъ яснѣе, а теперь болѣе загадочнымъ образомъ. А дѣлаетъ Онъ это по причинѣ крайней ихъ безчувственности. Тотъ, кто предупреждалъ не просившихъ и давалъ имъ знаменія, Тотъ — конечно — не отказалъ бы требовавшимъ, если бы не видѣлъ въ нихъ мыслей злыхъ и лукавыхъ и коварнаго ихъ намѣренія. Замѣть, какою злобы исполненъ и самый вопросъ ихъ. Имъ слѣдовало бы похвалить Его усердіе и ревность; слѣдовало бы изумляться тому, какую заботливость Онъ оказываетъ о домѣ Божіемъ; а они обвиняютъ Его, утверждая, что здѣсь корчемствовать позволительно, а прекращать корчемство не позволительно, если не будетъ показано какое-либо знаменіе. Что же Христосъ? *Разорвите, говоритъ, церковь сію, и трети деми воздвигну ю* (Іоан. п, 19). Онъ и много такого говорилъ, что тогдашнимъ слушателямъ не было понятно, а только впослѣдствіи могло быть ясно. Для чего же Онъ дѣлалъ это? Чтобы доказалось Его предвѣдѣніе будущихъ событій, когда исполнится предсказанное, — какъ дѣйствительно случилось и относительно этого пророчества. *Егда воста, сказано, отъ мертвыхъ, помянуша ученицы его, яко се глаголаше: и спровадиха Писанію и словеси, еже рече Іисусъ* (ст. 22). А въ то время, когда Онъ говорилъ, они недоумѣвали, какимъ образомъ можетъ исполниться сказанное; другіе же возражали такъ: *четыре десяти и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и ты ли трети деми воздвигнеши ю* (ст. 20)? Они говорятъ: *сорокъ шесть лѣтъ*, разумѣя построение послѣдняго храма, потому что первый былъ оконченъ въ двадцать лѣтъ.

3. Почему же Онъ не объяснилъ этой притчи, и не сказалъ: Я говорю не объ этомъ храмѣ, но о плоти Моей? Уже впослѣдствіи евангелистъ, когда писалъ евангеліе, то истолковалъ это изреченіе; а самъ Онъ въ то время умолчалъ? Почему же умолчалъ? Потому, что они не приняли бы словъ Его: если даже ученики Его не были тогда способны разумѣть сказанное, то тѣмъ болѣе — народъ. *Егда же, говоритъ евангелистъ, воста Іисусъ отъ мертвыхъ, тогда помянуша и спровадиха словеси и Писанію*. Два пред-

мета здѣсь представлялись имъ: Его воскресеніе, и вопросъ еще болѣе важный: Богъ ли былъ Тотъ, кто обиталъ въ этомъ храмѣ? То и другое Онъ давалъ разумѣть въ словахъ: *разорите церковь сію, и трети деми воздвигну ю.* Это и Павелъ представляетъ, какъ не малое знаменіе божественности Его, говоря такъ: *нареченнымъ Сынъ Божій въ силѣ, по Духу святымъ, изъ воскресенія отъ мертвыхъ, Іисуса Христа* (Рим. 1, 4). Почему же Онъ именно это знаменіе даетъ и тамъ и здѣсь и вездѣ, говоря или такъ: *аще азъ вознесенъ буду* (Іоан. хп, 82), или: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко азъ есмь* (vш, 28); также: *не дастся вамъ знаменіе, токмо знаменіе Іоанн* (Матѣ. хvi, 4), и здѣсь опять: *трети деми воздвигну ю?* Да то въ особенности и показывало въ Немъ не простого человѣка, что Онъ могъ одержать побѣду надъ смертію и такъ скоро разрушить долговременное ея владычество и прекратить тяжкую брань. Потому и говорить: *тогда уразумѣете.* Когда это? Когда воскресши *прилеку* къ себѣ вселенную (Іоан. vш, 28),—тогда-то уразумѣете, что и это сдѣлалъ Я, какъ Богъ и истинный Сынъ Божій, наказывая за оскорбленіе Отца. Почему же Онъ не сказалъ, какія нужны были знаменія для прекращенія бывшаго ала, а только обѣщаль дать знаменіе? Потому что такимъ образомъ Онъ еще болѣе ожесточилъ бы ихъ, а теперь болѣе поразилъ. Впрочемъ, они ничего не сказали на это; имъ казалось, что Онъ говоритъ нѣчто невѣроятное, и потому они не продолжали еще спрашивать Его; они оставили это безъ вниманія, какъ дѣло несбыточное. Но если бы они имѣли смыслъ, то, хотя бы это и казалось имъ тогда невѣроятнымъ,—по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи времени, когда Онъ сотворилъ уже множество знаменій, они могли бы придти и спросить Его о томъ, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе. Но какъ они были несмысленны, то на одни слова Его вовсе не обращали вниманія, а другія выслушивали съ злымъ умысломъ. Потому и Христосъ говорилъ имъ въ притчахъ.

Но представляется еще такой вопросъ: какимъ образомъ ученики не знали, что ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ? Это потому, что они тогда еще не были удостоены благодати Святаго Духа. Поэтому, хотя часто слышали слово о воскресеніи, но нисколько не разумѣли, а только рассуждали между собою, что бы это значило. Въ самомъ дѣлѣ, весьма странно и дивно было слышать, чтобы кто-нибудь могъ воскресить самого себя и воскресить такимъ образомъ. Потому и Петръ подвергся упреку, когда, не разумѣя ничего о воскресеніи, сказалъ: *милосердъ ты, Господи* (Матѣ. хvi, 22). Да и Христосъ ясно не открывать имъ этого прежде самаго событія, чтобы они не соблазня-

лись.—такъ какъ вначалѣ еще не вѣрили словамъ Его, по причинѣ великой ихъ странности, и потому, что еще не знали ясно, кто Онъ. Тому, о чемъ громко вопіяли самыя событія, никто не могъ не вѣрить; а что говорилось только на словахъ, тому конечно не всѣ хотѣли вѣрить. Поэтому сначала Онъ оставилъ это ученіе прикровеннымъ; когда же самымъ дѣломъ доказалъ истину словъ Своихъ, тогда наконецъ сообщилъ и разумѣніе ихъ и такую благодать Духа, что ученики Его все вдругъ постигли. *Той, говорится, воспоминаетъ вамъ вся* (Іоан. xiv, 26). Если они, потерявъ все уваженіе къ Нему въ одинъ вечеръ, разбѣжались и даже говорили, что и не знаютъ Его, не получивъ особенной благодати Духа, то едва ли бы они припомнили все сдѣланное и сказанное Христомъ во все время (жизни Его). Если же, скажешь ты, они должны были услышать все отъ Духа, а сами не могли удержать въ памяти всего ученія Христова, то какая была имъ нужда пребывать со Христомъ? Но это было нужно потому, что Духъ собственно не училъ ихъ, а только приводилъ на память то, что прежде говорилъ Христосъ; но и посланіе Духа для напоминанія имъ сказаннаго не мало содѣйствовало славѣ Христовой. Итакъ, сначала это было милостью Божіею, что на нихъ ниспослана благодать Духа столь великая и обильная; а послѣ было уже ихъ добродѣтелию то, что они усвоили себѣ этотъ даръ. Они показали жизнь свѣтлую, великую мудрость и великіе подвиги, и презирали жизнь настоящую, ни во что вѣняли все человѣческое, но были выше всего, и, какъ легкіе орлы, парящіе на высоту, дѣлами своими достигали самаго неба, чѣмъ и приобрѣли неизреченную благодать Духа. Будемъ же подражать имъ

143 и мы, и не угасимъ свѣтильниковъ нашихъ, но соблюдемъ въ нихъ свѣтъ милосердіемъ. Такимъ именно образомъ поддерживается пламень этого огня. Будемъ же собирать елей въ сосуды, пока мы находимся здѣсь, потому что по отшествіи туда уже нельзя купить его; приобрести его можно не иначе, какъ только чрезъ руки бѣдныхъ. Будемъ собирать его здѣсь въ обиліи, если

144 хотимъ войти (въ чертогъ) съ Женихомъ; иначе должны будемъ остаться внѣ чертога. Невозможно, совершенно невозможно войти въ преддверіе царства безъ милосердія, хотя бы мы совершили множество другихъ добрыхъ дѣлъ. Потому будемъ оказывать милосердіе съ полнымъ усердіемъ, чтобы насладиться неизреченныхъ благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатию и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, которому вѣчная слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

Егда же бѣ во Іерусалимѣхъ въ праздниѣ Пасхи, мнози вѣрваша во имя его (Іоан. ii, 23).

1. Между людьми того времени ¹⁾ одни увлекались заблужде- 143
ніями, другіе держались истины; но и изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые принимали истину только на краткое время, а потомъ отпадали отъ нея. Такихъ-то людей Христосъ разумѣлъ въ притчѣ, уподобляя сѣменамъ, лежащимъ не глубоко, но имѣющимъ корни на поверхности земли, которыя оттого, говорилъ Онъ, скоро и погибаютъ. На нихъ же и евангелистъ указываетъ здѣсь, когда говоритъ: *егда же бѣ во Іерусалимѣхъ въ праздниѣ Пасхи, мнози вѣрваша во имя его, видѣвши знаменія его, яже творяше. Самъ же Іисусъ не вѣдаше себе въ тру ихъ* (Іоан. ii, 23, 24). Гораздо вѣрнѣе были тѣ ученики, которые не знаменіями только были привлекаемы ко Христу, но и ученіемъ Его; знаменія увлекали болѣе грубыхъ, а болѣе разумныхъ—пророчества и ученіе. Поэтому тѣ, которые были плѣнены ученіемъ, были тверже привлеченныхъ знаменіями; ихъ-то и Христосъ ублажалъ, когда говорилъ: *блаженнѣе видѣтии, и вѣроваши* (Іоан. хх, 29). А что послѣдніе были не изъ истинныхъ учениковъ, это показываетъ и присовокупленіе слѣдующихъ словъ: *самъ же Іисусъ не вѣдаше себе въ тру ихъ*. Почему? *Зане самъ вѣдаше вся: и яко не требоваше, да кто свидѣтельствуеть о человецѣхъ: самъ бо вѣдаше, что бѣ въ человецѣхъ* (ст. 24). Смыслъ этихъ словъ такой: Онъ не обращалъ вниманія на одни слова, проникалъ въ самыя сердца и входилъ въ мысли; ясно видя только временную ихъ горячность, Онъ не довѣрялъ имъ, какъ уже рѣшительнымъ ученикамъ, не проповѣдывалъ имъ всего ученія, какъ бы уже сдѣлавшимся твердыми въ вѣрѣ. А знать, что есть въ сердцахъ людей, свойственно Тому, кто *создалъ наединѣ сердца ихъ* (Іс. хххп, 15), т. е. одному Богу, такъ какъ сказано: *ты еси сердца едины* (8 Цар. viii, 39). Онъ не имѣлъ нужды въ свидѣтеляхъ, чтобы знать мысли собственныхъ своихъ созданій: потому и не довѣрялъ имъ въ ихъ временной вѣрѣ. Люди, не знающіе ни настоящаго, ни будущаго, часто безъ всякаго разбора и говорятъ, и сообщаютъ все даже такимъ, которые съ хитростію подступаютъ къ нимъ и потомъ скоро оставляютъ ихъ. Но Христосъ не такъ; Онъ зналъ все въ нихъ сокровенное. И нынѣ много такихъ, которые носятъ имя вѣрующихъ, но непостоянны и легко всѣмъ увлекаются; потому и нынѣ Христосъ

¹⁾ Т. е. между современниками Іисуса Христа.

не вѣряетъ Себя имъ, а весьма многое скрываетъ отъ нихъ. Какъ мы вѣряемся не всякимъ друзьямъ, а только искреннимъ, такъ и Богъ. Вотъ послушай, что говоритъ Христосъ ученикамъ:

144 *не ктому васъ глаголю рабы: вы друзи мои есте.* Какъ и почему? *Яко вся, яже слышахъ отъ Отца моего, сказахъ вамъ* (Іоан. хv, 14, 15). Такимъ образомъ іудеямъ, просившимъ знаменій, Онъ не далъ, потому что они просили, желая только искусить Его. Да и нынѣ, какъ тогда, просить знаменій не значить ли искушать? Между тѣмъ и нынѣ есть люди, которые ищутъ знаменій, и говорятъ: почему нынѣ знаменій нѣтъ? Но если ты вѣрующій, какимъ долженъ быть, если любишь Христа, какъ слѣдуетъ любить, то ты не имѣешь нужды въ знаменіяхъ: онѣ даются невѣрнымъ. Почему же они не были даны іудеямъ? — спросишь ты. Нѣтъ, имъ-то наиболѣе и даны были. Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ іудеи, и требуя знаменій, не получали ихъ, то это потому, что требовали ихъ не съ тѣмъ, чтобы оставить свое невѣріе, а чтобы еще больше утвердиться въ злобѣ своей. *Бъ же человекъ отъ фарисей, Никодимъ имя ему, князь жидовскій. Сей прииде ко Иисусу ношю* (Іоан. ш, 1, 2). Этотъ Никодимъ, какъ видно изъ евангелія, и послѣ возвышалъ голосъ свой за Христа; онъ говорилъ: *законъ нашъ никоимъ же судитъ, аще не слышитъ прежде* (Іоан. vii, 51). Но іудеи съ негодованіемъ сказали ему: *испытай и выждь, яко пророкъ отъ Гамлеи не приходитъ* (ст. 52). Да и послѣ распятія на крестѣ, онъ также показлъ много заботливости при погребеніи тѣла Господня. *Прииде же, говоритъ Писаніе, и Никодимъ, пришедый ко Иисусови ношю прежде, нося смирненіе смрънено и алойно, яко литръ сто* (Іоан. xix, 39). Такъ и теперь онъ былъ благорасположенъ ко Христу, но не столько, сколько слѣдовало, и не съ надлежащею мыслию о Немъ: онъ былъ еще подверженъ іудейскимъ слабостямъ. Потому онъ и приходилъ ночью, боясь сдѣлать это днемъ. Впрочемъ чело- вѣколюбецъ Богъ и при этомъ не отвергъ его, не укорилъ и не лишилъ Своего ученія, а съ великою кротостію бесѣдуетъ съ нимъ, открываетъ ему весьма высокіе предметы вѣры, хотя и гадательно, но все же открываетъ. Человѣкъ этотъ былъ гораздо болѣе достоинъ снисхожденія, нежели тѣ, которые дѣлали это изъ лукавства. Послѣдніе не заслуживали никакого прощенія; а тотъ, хотя и достоинъ былъ обличенія, но не въ такой степени. Почему же евангелистъ ничего этого не сказалъ о немъ? Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что *и отъ князь мнози отърочаша отъ него: но фарисей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изнани будутъ* (Іоан. хii, 42). Здѣсь же все это онъ выразилъ однимъ замѣчаніемъ о приходѣ его въ ночное время. Что же Никодимъ говорить? *Равви, яхья, яко отъ Бога пришелъ еси учи-*

тебѣ: никто же бо можетъ знаменій силъ творити, яже ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ (Іоан. III, 2).

2. Никодимъ еще долу вращается; еще человѣческое понятіе имѣетъ о Христѣ и говорить о Немъ, какъ о пророкѣ, не предполагая въ Немъ ничего особеннаго по знаменіямъ. *Вѣнми, говорятъ, яко отъ Бога пришелъ еси учитель.* Для чего же ты приходишь ночью и тайно къ Тому, кто говорить божественное и пришелъ отъ Бога? Почему не бесѣдуешь съ Нимъ открыто? Но Іисусъ и этого не сказалъ ему и не обличилъ его: Онъ *трости сокрушити не преломитъ, говоритъ Писаніе, и лѣна онемшася не уаситъ, не преречетъ, ны возноситъ* (Ис. XLII, 3); да и самъ Онъ го- 145
воритъ: *не придохоу, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47). *Никтоже можетъ знаменій силъ творити, яже ты твориши, аще не будетъ Богъ съ нимъ.* Итакъ, Никодимъ выражаетъ еще мысль еретическую, когда говорить, что Іисусъ совершаетъ дѣла Свои при постороннемъ содѣйствіи, и имѣетъ нужду въ помощи другихъ. Что же Христосъ? Смотри, какое крайнее снисхожденіе! Онъ не сказалъ: Я нисколько не имѣю нужды въ помощи другихъ, но творю все Своею властію, потому что Я истинный Сынъ Божій и имѣю одинаковую силу съ Родившимъ Меня. Онъ не говорилъ этого, потому что это было еще недоступно для слушателя. Я всегда говорю, и теперь скажу, что Христосъ имѣлъ намѣреніе въ то время не столько открывать собственное достоинство, сколько убѣждать, что Онъ ничего ни дѣлалъ противъ воли Отца. Поэтому въ словахъ Онъ постоянно является кроткимъ, а въ дѣлахъ — не такъ; но когда творить чудеса, то дѣлаетъ все со властію. Такъ Онъ говоритъ: *хошу, очистися* (Марк. I, 41); *Тамара, встани* (v, 41); *прости руку твою* (Матѣ. XII, 13); *оставляются грѣси твои* (Лук. v, 20); *молчи, престани* (iv, 39); *возми одръ твой, и иди въ домъ твой* (II, 11); *тебѣ глаголю, душе нечистый: изиди изъ него* (Лук. IV, 35; VIII, 29); *буди тебѣ, якоже хочеши* (Матѣ. XV, 28); *аще вама кто речетъ что, речета, яко Господь ео. требуетъ* (Матѣ. XXI, 8); *днесъ со мною будещи въ раи* (Лук. XXIII, 43); *смышасте, яко речено бысть древнимъ: не убѣши; азъ же глаголю вама, яко елика имѣхъ на брата своего есуге, повиненъ естъ суду* (Матѣ. v, 21, 22); *грядите по мнѣ, и сотворю вы люца челоуѣкомъ* (iv, 19). И во всѣхъ случаяхъ мы видимъ великую власть Его. Въ дѣлахъ никто не могъ осудить Его за то, что происходило. Да и какъ это было возможно? Если бы слова Его не сбывались и не исполнялись сообразно Его повелѣнію, то могъ бы кто-нибудь изъ іудеевъ сказать, что повелѣнія Его происходили отъ тщеславія; а такъ какъ всѣ они исполнялись, то совершеніе событій невольно заграждало уста ихъ. Что же касается до словъ,

то іудеи могли бы, по безстыдству своему, обвинять Его въ тщеславіи.

Такъ и теперь, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, Онъ ясно высказываетъ ничего высокаго, но загадочнымъ образомъ возводитъ его отъ унизительныхъ мыслей, научая, что Онъ самъ по себѣ силенъ творить чудеса, такъ какъ Отецъ родилъ Его совершеннымъ, всесильнымъ въ самомъ Себѣ и не имѣющимъ ничего несовершеннаго. Но посмотримъ, какъ именно Онъ это доказываетъ. Никодимъ говоритъ: *равен, тыли, яко отъ Бога пришелъ еси учителя: нижеже бо можетъ знаменій сихъ творити, яже ты творитиши, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III, 2). Онъ думалъ, что, говоря такъ о Христѣ, онъ сказалъ нѣчто великое. Что же Христосъ? Показываетъ ему, что онъ еще не достигъ и предвѣрія истиннаго вѣдѣнія, не стоитъ даже и предъ вратами его, но еще блуждаетъ гдѣ-то внѣ царствія — и онъ самъ, и всякій, кто сталъ бы говорить такимъ образомъ; что еще не проникъ въ истинное вѣдѣніе тотъ, кто имѣетъ такое понятіе о Единородномъ. Что же именно говоритъ Христосъ? *Аминь, аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божіа* (ст. 3). Т. е., если ты не родишься свыше и не получишь точнаго познанія о предметахъ вѣры, то будешь блуждать и останешься далеко внѣ царствія небеснаго. Впрочемъ Онъ не говоритъ такъ ясно, но чтобы не сдѣлать словъ Своихъ слишкомъ тягостными, не прямо къ нему обращается, а говоритъ неопредѣленно: *аще кто не родится*, какъ бы такъ говоря: если ты или другой кто-либо думаетъ обо Мнѣ такимъ образомъ, то вы находитесь внѣ царствія. Если бы не такой именно смыслъ заключался въ словахъ Его, то отвѣтъ не соответствовалъ бы словамъ Никодима. Если бы услышали это іудеи, то они ушли бы со смѣхомъ; но Никодимъ и въ этомъ случаѣ показываетъ свою любознательность. Для того-то Христосъ часто и говорилъ не ясно, чтобы побудить слушателей къ вопросамъ и сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Ясно сказанное нерѣдко проходитъ мимо слуха, а неясное дѣлаетъ слушателя внимательнѣе и усерднѣе. Итакъ, слова Христовы имѣютъ такой смыслъ: если ты не родишься свыше, если не приобщись Духа посредствомъ бани пакибытія, то не сможешь получить надлежащаго обо Мнѣ понятія; а это (твое) понятіе не духовное, но душевное. Впрочемъ онъ говоритъ такимъ образомъ не съ тѣмъ, чтобы поразить Никодима, излагавшаго собственное мнѣніе, сколько онъ могъ виѣстить, но чтобы незамѣтнымъ образомъ возвести его къ высшему разумѣнію: *аще*, говоритъ Онъ, *кто не родится свыше*. Подъ словомъ — *свыше* адѣсь одни разумѣютъ: съ неба, другіе: снова.

Тому, говорить Онъ, кто не родился такимъ образомъ, невозможно увидѣть царствія Божія, разумѣя адѣсь Себя самого и показывая, что Онъ былъ не тѣмъ только, что видѣли въ Немъ, и что нужны еще другія глаза, чтобы видѣть въ Немъ Христа. Никодимъ, услышавъ это, говоритъ: *какъ можетъ человекъ родиться, старъ сый* (Іоан. ш, 4)? Какъ? Ты называешь Его *учителемъ* и говоришь, что Онъ пришелъ отъ Бога, а словъ Его не принимаешь и высказываешь учителю мысль, выражающую странное недоумѣніе? Это *какъ* — есть выраженіе людей не очень вѣрующихъ, есть недоумѣніе мыслящихъ земное. Такъ и Сарра смѣялась, когда говорила: *какъ?* Такъ и многіе другіе, съ подобными вопросами, отпали отъ вѣры.

3. Такъ и еретики упорствуютъ въ ереси, предлагая такіе же вопросы. Одни изъ нихъ говорятъ: *какъ* воплотился? Другіе: *какъ* родился? И такимъ образомъ слабымъ своимъ умамъ подчиняютъ Существо безпредѣльное. Зная это, намъ должно избѣгать такого неумѣстнаго любопытства. Возбуждающіе такіе вопросы и не узнаютъ того: *какъ*, и отпадутъ отъ православія. Такъ и Никодимъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ о способѣ. Онъ понималъ, что сказанное относится и къ нему; оттого смущается, колеблется, приходитъ въ затрудненіе — потому, что пришедши (къ І. Христу), какъ къ человѣку, онъ слышитъ нѣчто вышечеловѣческое, чего еще никто никогда не слыхалъ; онъ съ одной стороны возвышается до высоты предлагаемаго ученія, съ другой окружается мракомъ и не знаетъ, на чемъ остановиться, увлекаясь туда и сюда и отпадая отъ вѣры. Потому и продолжаетъ представлять это, какъ дѣло невозможное, чтобы вызвать Его къ яснѣйшему изложенію ученія: *еда*, говоритъ, *можетъ человекъ второе жити во утробу матери своей и родиться* (ст. 4)? Видите, какъ говоритъ смѣшно человѣкъ, подчиняющій духовное собственнымъ понятіямъ; онъ находится какъ бы въ бреду и опьяненіи, какъ скоро начинаетъ сказанное изслѣдовать болѣе, нежели сколько угодно Богу, а не принимаетъ въ простотѣ вѣры. Онъ слышитъ о духовномъ рожденіи, но не думаетъ о духовномъ, а низводитъ сказанное до уничтоженія плоти, и столь великое и высокое ученіе подводитъ подъ естественный порядокъ вещей. Вотъ почему онъ выдумываетъ вопросы и смѣшныя недоумѣнія. Потому-то и Павелъ говоритъ, что *душею человекъ не пріемлетъ, яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14). Впрочемъ Никодимъ и послѣ этого соблюдаетъ уваженіе ко Христу: не сталъ смѣяться надъ словами Его, а только, считая дѣло невозможнымъ, молчалъ. Два предмета были ему непостижимы: такое рожденіе и царствіе. У насъ же никогда не было слышно даже

названія такого рожденія и такого царствія. Впрочемъ Никодимъ пока останавливается на первомъ, такъ какъ этотъ предметъ наиболѣе поразилъ его умъ.

Зная это, не будемъ же испытывать своимъ умомъ тайнъ божественныхъ, не станемъ подводить ихъ подъ порядокъ обыкновенныхъ у насъ вещей, и подчинять законамъ естества; но будемъ разумѣть все благочестиво, вѣруя тому, что сказано въ Писаніяхъ. Слишкомъ любопытствующій изслѣдователь не приоб- рѣтаетъ никакой пользы, и кромѣ того, что не находитъ иско- маго, подвергается еще крайнему осужденію. Ты слышишь, что (Отецъ) родилъ? Вѣруй тому, что слышишь; но *какъ* (родилъ), этого не испытывай, чтобы чрезъ то не отвергнуть и самого рож- денія, — что было бы крайне безразсудно. Если Никодимъ, услы- шавъ о рожденіи, не объ этомъ неизреченномъ, а о рожденіи по благодати, впалъ въ мракъ и недоумѣніе, оттого, что не предполагалъ въ немъ ничего высокаго, а мыслилъ только че- ловѣческое и земное, то испытывающіе и извѣдывающіе рожде- ніе страшное и превосходящее всякое слово и разумѣніе — ка- кого достойны могутъ быть наказанія? Ничто не производитъ столько мрака, сколько умъ человѣческій, разсуждающій обо всемъ по земному и не принимающій озаренія свыше. Земные помыслы заключаютъ въ себѣ много нечистоты. Потому и нужны намъ струи небесныя, чтобы, по уничтоженіи тины, духъ нашъ, по мѣрѣ своей чистоты, возносился горѣ и приобщался небес- наго ученія. А это можетъ быть тогда, когда мы покажемъ въ себѣ и душу благомыслящую и жизнь правую: можетъ вѣдь, истинно можетъ помрачиться нашъ умъ не только отъ неумѣст- наго любопытства, но и отъ развращеннаго образа жизни. Потому и Павелъ говорилъ коринѣянамъ: *млекоу вы напоихъ, а не браши- нами; ибо не у можете; но ниже еще можете пити: еще бо плотстии есте. Ибоже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстии есте* (1 Кор. ш, 2, 3)? Также въ посланіи къ евреямъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ всякій можетъ видѣть, Павелъ полагаетъ это самое причиною неправыхъ ученій, потому что преданная страстямъ душа не можетъ постигать ничего великаго и благороднаго; но, какъ бы помраченная гноетеченіемъ изъ очей, страдаетъ самою тяжкою слѣпотою. Итакъ, очистимъ самихъ себя, просвѣтимся свѣтомъ вѣдѣнія и не будемъ сѣять въ терніи. А что значить это терніе, вы знаете, хотя мы и не будемъ гово- рить объ этомъ: вы часто слышали, что Христосъ именемъ тер- нія называетъ попеченія житейскія и обольщенія богатства; да и справедливо. Какъ первое (терніе) бесплодно, такъ и послѣд- нія; какъ то уязвляетъ прикасающихся къ нему, такъ и эти

страсти; какъ терніе легко потребляется огнемъ, и ненавистно для земледѣльца, такъ и мірскія дѣла; какъ въ терніи скрываются дикіе звѣри, ехидны и скорпіоны, такъ и въ обольщеніяхъ богатства. Но воспримемъ огонь Духа, чтобы и терніе потребить, и звѣрей изгнать, и ниву очистить для Земледѣльца; а послѣ очищенія оросимъ ее духовными струями; насадимъ плодоносную маслину, растеніе самое нѣжное, всегда цвѣтущее, свѣтоносное, питательное и укрѣпляющее здоровье. Все это заключаетъ въ себѣ милосердіе, которое есть какъ бы печать для пріобрѣтшихъ его. Это растеніе не увядаетъ даже и отъ приближенія смерти, но всегда стоитъ, просвѣщая умъ, питая душу и содѣлывая ея силы крѣпчайшими. Если мы будемъ постоянно имѣть его, то сможемъ съ дерзновеніемъ узрѣть и Жениха и войти въ брачный чертогъ, — чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

Отвѣща Іисусъ: аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе (Іоан. ш, 5).

1. Малыя дѣти каждый день ходятъ къ учителямъ, берутъ 147 уроки и даютъ въ нихъ отчетъ, и не прерываютъ этого занятія; бываетъ и то, что они къ днямъ присоединяютъ и ночи; и вы заставляете ихъ дѣлать это изъ-за предметовъ тлѣнныхъ и временныхъ. Но отъ васъ, людей возрастныхъ, мы не требуемъ такого труда, какого вы отъ своихъ дѣтей. Не каждый день, а только два дня въ седмицу мы приглашаемъ васъ къ слушанію поученій и притомъ только на малую часть дня, чтобы облегчить для васъ этотъ трудъ. Для того и содержаніе Писанія мы раздѣляемъ на малыя части, чтобы вы удобнѣе могли усвоить ихъ, влагать въ сокровищницу разума и такъ запечатлѣвать въ памяти, чтобы вы и сами могли передавать все (другимъ) въ точности, если только не будетъ кто слишкомъ сонливъ и перадивъ или лѣнивъ малаго отрока. Итакъ, приступимъ опять къ продолженію прежде сказаннаго и посмотримъ, какъ Никодиму, ниспавшему долу, прилагающему слова Христовы къ земному рожденію и 148 говорящему, что невозможно устарѣвшему человѣку снова родиться, Христосъ открываетъ ясное образъ этого рожденія. Хотя и это изъясненіе еще представляетъ нѣкоторыя затрудненія для

разсуждающаго по-человѣчески, но съ тѣмъ вмѣстѣ уже достаточно для того, чтобы слушающаго возвести отъ уничиженнаго образа мыслей. Что же Христосъ говоритъ? *Аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе.* Вотъ что этимъ Онъ даетъ разумѣть: ты считаешь это невозможнымъ; а Я говорю, что это очень возможно, даже и необходимо, и иначе спастись невозможно. А необходимое Богъ содѣлалъ для насъ и удобнымъ. Рожденіе земное есть рожденіе по плоти, отъ персти, а потому для него и заграждено все небесное, потому что чѣмъ общаго между землею и небомъ? Но другое рожденіе, какъ рожденіе отъ Духа, удобно отверзаетъ намъ небесныя врата. Слышите вы всѣ, чуждые просвѣщенія ¹⁾: ужаснитесь, возрыдайте! Страшна эта угроза, страшно опредѣленіе! Невозможно, говоритъ Христосъ, тому, кто не родится водою и духомъ, войти въ царствіе небесное, потому что онъ еще носить одежду смерти, одежду проклятія, одежду тлѣнія,—
149 еще не получилъ знаменія Господняго, онъ еще не свой, а чужой; не имѣть условленнаго въ царствѣ знака. *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе небесное.* Но Никодимъ и этого не понималъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ подвергать духовные предметы умствованіямъ. Это и не допустило Никодима представить себѣ что-либо великое и возвышенное. Но для того мы и называемся вѣрными, чтобы, оставляя немощь дольнихъ помысловъ, восходили на высоту вѣры, и въ ея ученіи полагали свое высшее благо. Если бы такъ поступилъ Никодимъ, то дѣло не представилось бы ему невозможнымъ. Итакъ, чтоже Христосъ? Отклоняя его отъ такого пресмыкающагося долу образа мыслей, показывая, что не о плотскомъ рожденіи Онъ бесѣдуетъ, Христосъ говоритъ: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе небесное.* Онъ говорилъ это, желая угрозою привлечь Никодима къ вѣрѣ,—убѣдить, чтобы онъ не признавалъ этого дѣла невозможнымъ, и стараясь отвлечь его отъ предположенія въ этомъ дѣлѣ плотскаго рожденія. Никодимъ, говоритъ Онъ, Я говорю о другомъ рожденіи. Для чего же ты склоняешь рѣчь къ землѣ? Для чего это дѣло подчиняешь естественнымъ законамъ? Рожденіе это выше естественнаго рожденія, и не имѣетъ ничего общаго съ вашимъ. Хотя называется рожденіемъ и то и другое, однако, при общемъ наименованіи, они различаются на дѣлѣ. Отстань съ общепринятыхъ понятій; Я ввожу въ міръ иное рожденіе; Я хочу, чтобы люди рождались инымъ образомъ; Я пришелъ съ необычайнымъ способомъ созданія. Вначалѣ Я

¹⁾ То есть, таинства св. крещенія.

создалъ челоувѣка изъ земли и воды, но это созданіе оказалось негоднымъ, этотъ сосудъ разбился; затѣмъ Я уже не хочу творить изъ земли и воды, а отъ воды и духа. А если кто спроситъ: какъ отъ воды?—спрошу и я: какъ отъ земли? Какъ брѣніе преобразовалось въ различные виды? Какимъ образомъ изъ вещества однороднаго (земля вѣдь одна) произошли творенія различные и разнообразныя? Откуда кости, нервы, кровеносныя и сухія жилы? Откуда перепонки, кровяные сосуды, хрящи, оболочки, печень, селезенка, сердце? Откуда кожа, кровь, слизь, желчь? Откуда столько отправленій? Откуда разнообразіе цвѣтовъ? Это—не изъ земли и не изъ брѣнія. Какимъ образомъ земля, принимая сѣмена, произращаетъ ихъ; а плоть, та же земля, припимая сѣмена, подвергаетъ ихъ гніенію? Какъ земля бросаема въ нее сѣмена питаеть; а плоть питается ими, но не питаетъ ихъ? Напримѣръ: земля, принимая воду, производитъ вино, а плоть, часто припимая вино, обращаетъ его въ воду. Итакъ, откуда видно, что тѣло происходитъ изъ земли, тогда какъ земля, какъ я сказалъ, имѣетъ свойства, противоположныя тѣлу? Умомъ я постигнуть этого не могу, принимаю только вѣрою. Если же ежедневно бывающія и осязаемыя дѣла требуютъ вѣры, тѣмъ болѣе—дѣла неизреченныя и духовныя. Какъ бездушная неподвижная земля, по волѣ Божіей, приняла такую силу, и изъ ней происходятъ такія дивныя дѣла, такимъ же образомъ, и при дѣйствіи Духа на воду, легко совершаются тѣ изумительныя и превышающія разумъ дѣла.

2. Итакъ, не оставайся въ невѣріи потому только, что ты не видишь этого. Ты не видишь и души, однакожь вѣрнишь, что у тебя есть душа и что она нѣчто другое, а не тѣло. Но Христосъ вразумляетъ Никодима не этимъ, а другимъ примѣромъ. Хотя душа и безтѣлесна, однакожь Онъ не указалъ на нее потому, что Никодимъ имѣлъ еще слишкомъ грубыя о пей 160 понятія. Но Христосъ приводитъ въ примѣръ нѣчто другое, что не имѣетъ ничего общаго съ грубостію тѣлъ, но и не возвышается до природы существъ безтѣлесныхъ. Это—движеніе вѣтра. Прежде всего Онъ начинаетъ съ воды, которая, тоньше земли, но грубѣе вѣтра. Какъ въ началѣ въ основаніе (творенія) положена была земля, все же дѣло принадлежало Создателю, такъ теперь въ основаніе полагается вода, а все дѣло (возрожденія) принадлежитъ благодати Духа. И тогда—*бысть челоувѣкъ въ душу живу, нынѣ же въ духъ животворящъ* (1 Кор. xv, 45). Но различіе между тѣмъ и другимъ велико. Душа не сообщаетъ жизни другому существу; а Духъ не только живетъ самъ по себѣ, но сообщаетъ жизнь и другимъ существамъ. Такъ апостолы и мертвыхъ воскрешали. Тогда, уже по совершеніи творенія, наконецъ

былъ созданъ человѣкъ; а нынѣ, напротивъ, новый человѣкъ творится прежде новой твари: сперва онъ рождается, а потомъ уже міръ преобразуется. И какъ въ началѣ (Богъ) создалъ человѣка всецѣльнымъ, такъ и нынѣ всецѣло образуетъ его. Но тогда онъ говорилъ: *сотворимъ ему помощника* (Быт. п, 18), а здѣсь—ничего подобнаго. Пріавшій благодать Духа можетъ ли пуждаться въ другомъ какомъ-либо помощникѣ? Принадлежащій къ тѣлу Христову какую имѣетъ нужду въ чьемъ-либо содѣйствіи? Тогда сотворенъ человѣкъ по образу Божію; а нынѣ соединенъ съ самимъ Богомъ. Тогда Богъ повелѣлъ ему обладать рыбами и звѣрями; а теперь вознесъ начатокъ нашъ превыше небесъ. Тогда далъ для жительства рай; а нынѣ отверзъ для насъ небо. Тогда человѣкъ созданъ былъ въ шестой день, такъ какъ этимъ временемъ должно было окончиться и твореніе; а нынѣ—въ первый день, и въ самомъ началѣ, какъ и свѣтъ. Изъ всего этого ясно, что совершающееся нынѣ принадлежитъ къ другой, лучшей жизни и состоянію, не имѣющему конца. Первое твореніе Адама было твореніе изъ земли, а послѣ него созданіе жены изъ ребра, потомъ происхожденіе Авеля отъ сѣмени. Но мы не можемъ ни постигнуть, ни изобразить словомъ этихъ твореній, хотя всѣ они самыя вещественныя. Какъ же мы можемъ дать отчетъ относительно духовнаго рожденія чрезъ крещеніе,—рожденія, которое гораздо выше тѣхъ? И какихъ можно требовать отъ насъ соображеній объ этомъ рожденіи—чудномъ и необычнымъ? При совершеніи его предстоятъ и ангелы; но изъяснить способъ этого дивнаго рожденія чрезъ крещеніе не можетъ ни одинъ изъ нихъ. Но и предстоятъ они, сами ничего не совершая, а только взирая на то, что совершается. Все же дѣлаетъ Отецъ, Сынъ и Святой Духъ. Повѣримъ же слову Божію: оно вѣрнѣе нашего зрѣнія; зрѣніе часто и обманывается, а это слово погрѣшати не можетъ. Повѣримъ же Ему. Произведши сущее изъ несущаго, оно, конечно, несомнѣнно и тогда, когда говоритъ о ествѣ его. А что оно говоритъ? Что въ крещеніи совершается рожденіе. Но если бы кто сказалъ тебѣ: какъ это—загради тому уста словомъ Христовымъ, которое есть величайшее и самое ясное доказательство. Если же кто спроситъ: для чего употребляется вода, то спросимъ и мы взаимно: для чего въ началѣ въ созданіе человѣка входила земля? Что Богу и безъ земли возможно было сотворить человѣка, это очевидно для каждого.

151 Поэтому не допытывайся. А что вода потребна и необходима, это можешь узнать вотъ изъ чего: однажды, когда Духъ сошелъ, прежде употребленія воды (Дѣян. х, 44), апостоль не остановился на этомъ; но смотри, что сказалъ онъ о водѣ, какъ о веществѣ не-

обходимоу и не излишнемъ: *еда воду возбранити можетъ кто, еже не креститися симъ, иже Духъ Святый прїиша, якоже и мы* (Дѣян. х, 47). Почему же нужна вода? Скажу, наконецъ, и объ этомъ и открою вамъ сокровенное таинство. Есть нѣсколько сокровенныхъ причинъ для этого, но изъ многихъ я скажу вамъ пока одну. Какая же это причина? Та, что въ водѣ символически изображается гробъ и смерть, воскресеніе и жизнь, и все это происходить совмѣстно. Когда мы погружаемъ свои головы въ воду, какъ бы въ гробъ, вмѣстѣ съ тѣмъ погребается ветхій человекъ и, погрузившись долу, весь совершенно скрывается. Потомъ, когда мы восклоняемся,—выходитъ человекъ новый. Какъ легко для насъ погрузиться и подняться, такъ для Бога легко погребсти ветхаго человека и явить новаго. Но это совершается трижды, чтобы ты зналъ, что все это совершается силою Отца и Сына и Святаго Духа. А что сказанное мною не гаданіе, послушай только, что говорить Павелъ: *спогребохомся ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. vi, 4); также: *ветхій нашъ человекъ съ нимъ распятъ* (ст. 6); или: *сообразни быхомъ подобію смерти его* (ст. 5). Но не только крещеніе называется крестомъ, а и крестъ крещеніемъ. *Крещеніемъ*, говоритъ Христосъ, *имже азъ крещаяся, крестится* (Марк. х, 39). И въ другомъ мѣстѣ: *крещеніемъ имамъ креститися* (Лук. хп, 50). Какъ легко мы погружаемся и поднимаемся, такъ легко и Онъ, по смерти, когда восхотѣлъ—воскресъ, или лучше сказать: гораздо легче, хотя ради устройства нѣкоего таинства и пребылъ (въ гробѣ) три дня.

8. Итакъ мы, сподобившіеся столь великихъ таинствъ, покажемъ достойную этого дара жизнь, самое лучшее поведеніе. А вы, еще не сподобившіеся ихъ, поступайте во всемъ такъ, чтобы вамъ сподобиться, да будемъ всѣ едино тѣло, да будемъ всѣ братія. Доколѣ это раздѣляетъ насъ, дотолѣ и отецъ, и сынъ, и братъ, и кто бы то ни былъ—для насъ еще не истинный сродникъ нашъ, такъ какъ онъ отдаленъ отъ сродства горняго. Да и какая польза быть соединенными родствомъ браннымъ, когда мы не соединены сродствомъ духовнымъ? Какая прибыль отъ близости на землѣ, когда мы чужды другъ для друга на небесахъ? Оглашенный чуждъ вѣрному. Онъ не имѣетъ ни одной и той же съ нимъ главы, ни одного и того же отца, ни того же города, ни пищи, ни одежды, ни дома; но все у нихъ раздѣльно. У одного все на землѣ; у другого—на небесахъ. У этого царь—Христосъ; у того—грѣхъ и діаволъ. У этого пища—Христосъ; у того—гниль и тлѣніе. Да и одежда у этого—Владыка ангеловъ; у того—дѣло червей. У этого городъ—небо; у того—земля. А если у насъ нѣтъ съ невѣрными ничего общаго, то скажи мнѣ, въ чемъ же намъ

152 имѣть общеніе (съ ними)? Прошли и мы черезъ тѣ же муки рожденія и произошли изъ одного чрева? Но и этого недостаточно для ближайшаго родства. Итакъ постараемся сдѣлаться гражданами горняго града. Доколѣ намъ оставаться въ чужой землѣ, тогда какъ слѣдуетъ намъ получить снова древнее отечество? Здѣсь опасность касается не маловажныхъ дѣлъ. Если случится, чего не дай Богъ, что постигнетъ насъ нечаянная смерть, и мы отойдемъ отсюда безъ просвѣщенія ¹⁾, то, хотя бы мы имѣли здѣсь тысячи благъ, насъ ожидаетъ не что другое, какъ геенна, червь ядовитый, огонь неугасимый и узы неразрѣшимыя. Но не дай Богъ кому-либо изъ слушающихъ испытать это наказаніе! А не постигнетъ оно насъ, если мы, сподобившись святыхъ таинъ, будемъ полагать въ основаніе своего зданія золото, серебро и драгоценныя камни (Кор. ш, 12). Такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность, отошедши туда, явиться богатыми, когда, т. е., не здѣсь будемъ оставлять деньги, а будемъ переносить ихъ въ безопасныя сокровищницы руками бѣдныхъ, когда будемъ давать взаймы Христу. Тамъ у насъ много долговъ—не деньгами, а грѣхами. Будемъ же отдавать Ему деньги, чтобы получить оставленіе грѣховъ. Онъ—Судія нашъ. Не презримъ здѣсь Его алчущаго, чтобы и Онъ тамъ наплатилъ насъ. Одѣнемъ Его здѣсь, чтобы и Онъ не оставилъ насъ обнаженными безъ своего покрова. Если мы напоимъ Его здѣсь, то не скажемъ подобно богатымъ: *пошли Лазаря, да омочитъ конецъ перста и устудитъ языкъ нашъ охлажденный* (Лук. хvi, 24). Если и мы примемъ Его здѣсь въ свои дома, то Онъ уготовитъ для насъ тамъ много обителей. Если придемъ къ Нему въ темницу, то и онъ освободитъ насъ отъ узъ. Если введемъ Его къ себѣ, какъ странника,—и Онъ не оставитъ насъ странствовать внѣ царствія небеснаго, но воздастъ за то горній градъ. Если посѣтимъ Его въ болѣзни,—скоро и Онъ освободитъ насъ отъ немощей нашихъ. Итакъ, получая много, даже тогда, когда даемъ немного, будемъ давать по крайней мѣрѣ немного, чтобы пріобрѣсть много. Пока есть еще время, будемъ сѣять, чтобы пожать. Когда наступитъ зима, когда по морю нельзя уже будетъ плавать, тогда и купля эта уже не будетъ въ нашей власти. А когда настанетъ зима? Тогда, когда наступитъ тотъ великій и славный день. Тогда мы уже не станемъ плавать по этому великому и пространному морю, которому подобна настоящая жизнь. Теперь—время сѣянія; а тогда—время жатвы и собиранія. Если бы кто во время сѣянія не бросалъ сѣмянъ, а сталъ сѣять во время жатвы,—тотъ, кромѣ того, что не получилъ бы

¹⁾ Разумѣется крещеніе.

ничего, еще былъ былъ бы смѣшонъ. Если же настоящее время есть время сѣянiя, то теперь-то и должно не собирать, а расточать. Станемъ же расточать, чтобы собрать; не будетъ собирать теперь, чтобы не потерять жатвы. Это время, какъ я сказалъ, вызываетъ на сѣянiе, на иждивенiе и расточенiе, а не на собиранiе и сбереженiе. Итакъ, не упустимъ удобнаго времени, а сдѣлаемъ обильный посѣвъ и не пощадимъ ничего своего, чтобы получить обратно съ большимъ воздаянiемъ, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть (Іоан. iii, 6).

Великихъ таинъ сподобилъ насъ Единородный Сынъ Божій, — 168
великихъ и такихъ, которыхъ мы не были достойны, но которыя сообщить намъ Ему угодно было. Если разсуждать о нашемъ достоинствѣ, то мы не только были недостойны этого дара, но и повинны наказанію и мукѣ. Но Онъ, не смотря на это, не только освободилъ насъ отъ наказанiя, но и даровалъ жизнь, которая гораздо свѣтлѣе прежней; Онъ ввелъ въ другой міръ; создалъ новую тварь. *Аще кто, сказано, во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. v, 17). Какая это новая тварь? Послушай, что говоритъ самъ Христосъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. iii, 5). Намъ былъ ввѣренъ рай; но тогда, какъ мы оказались недостойными обитать въ немъ, Онъ возводитъ насъ на самыя небеса. Мы не остались вѣрными въ первоначальныхъ дарахъ; но Онъ сообщаетъ намъ еще большiе. Мы не могли воздержаться отъ одного древа—и Онъ подаетъ намъ пищу горнюю. Мы не устояли въ раю — Онъ отверзаетъ намъ небеса. Справедливо говорить Павелъ: *о, глубина богатства и премудрости разума Божіа* (Рим. vi, 33)! Уже не нужны ни мать, ни муки рожденiя, ни сонъ, ни сожительство и соединенiе плотское; строенiе естества нашего совершается уже свыше,—Духомъ Святымъ и водою. А вода употребляется, какъ бы мѣсто рожденiя раждающагося. Что утроба для младенца, то—вода для вѣрнаго: онъ въ водѣ зачинается и образуется. Прежде было сказано: *да изведуть воды гдѣ души живыя* (Быт. i, 20). А съ того времени, какъ Владыка снизошолъ въ струи Іордана, вода производитъ уже не *гдѣ души живыя*, а души разумныя и духоносныя. И что сказано о солнцѣ: *яко оженихъ, исходилъ отъ чертога своего* (Псал. xlviii, 6), теперь болѣе

благовременно сказать о вѣрныхъ: они испускають лучи гораздо блистательнѣе солнечныхъ. Но младенецъ, зачинающійся въ утробѣ, требуетъ времени; а въ водѣ—не такъ: здѣсь все совершается въ одно мгновеніе. Гдѣ жизнь временна и получаетъ свое начало отъ тѣлеснаго тлѣнія, тамъ и рожденіе медленно происходитъ: таково естество тѣль; они только съ теченіемъ времени получаютъ совершенство. Но въ дѣлахъ духовныхъ не такъ. Почему же? Здѣсь что дѣлается, то дѣлается съ самаго начала совершенно. Но какъ Никодимъ, слыша это, непрестанно приходилъ въ смущеніе, то—посмотри, какъ Христосъ открываетъ ему непостижимость этого таинства и неясное для него дѣлается яснымъ. Христосъ говоритъ: *рожденное отъ плоти плоть есть; и рожденное отъ Духа духъ есть*. Онъ отвлекаетъ Никодима отъ всего чувственнаго и не позволяетъ ему тѣлесными очами разсматривать это таинство. Мы не о плоти бесѣдуемъ, Никодимъ, а о духѣ этими словами обращая его къ горнему). Не ищи (здѣсь) ничего чувственнаго. Духъ этими очами не можетъ быть видимъ. Не думай также, что Духъ рождаетъ плоть.

А какъ же,—можетъ быть, спросить кто-нибудь,—родилась плоть Господня? Она родилась не отъ Духа только, но и отъ 154 плоти. Потому Павелъ, показывая это, и говоритъ: *раждаемая отъ жены, бываема подлѣ закономъ* (Гал. vi, 4). Духъ образовалъ ее такъ: не изъ ничего (для чего въ такомъ случаѣ нужна была бы утроба матерняя?), но изъ дѣвственной плоти; а какимъ образомъ—я объяснить не могу. Такъ было для того, чтобы кто-либо не подумалъ, будто Рожденный чуждъ нашего естества. Если и послѣ этого есть люди, которые не вѣрують въ такое рожденіе, то до какого бы печестія ниспали они, если бы Христосъ не воспріялъ плоти отъ Дѣвы? *Рожденное отъ Духа духъ есть*. Видишь ли достоинство Духа? Онъ творитъ дѣло Божіе. Выше (евангелистъ) говорилъ: *отъ Бога родишася* (Іоан. i, 13); а здѣсь говорится, что ихъ раждаетъ Духъ. *Рожденное отъ Духа духъ есть*, то есть, рожденный отъ Духа духовенъ. Рожденіе здѣсь разумѣется не по существу, а по достоинству и благодати. А если и Сынъ рожденъ такимъ же образомъ, то какое преимущество Онъ будетъ имѣть предъ людьми, такъ рожденными? Какимъ образомъ Онъ тогда есть Сынъ Единородный? Отъ Бога рожденъ и я, но—не отъ существа Его. Если же и Онъ не рожденъ отъ существа, то чѣмъ Онъ отличается отъ насъ? Въ такомъ случаѣ Онъ будетъ меньше даже и Духа, потому что такое рожденіе происходитъ отъ благодати Духа. Ужели поэтому, чтобы быть Сыномъ, Онъ имѣетъ нужду въ содѣйствіи Духа? Да и чѣмъ такая мысль различается отъ ученій іудейскихъ? Но, сказавъ: *рож-*

денное отъ Духа духъ есть, Христось опять видѣлъ, что Никодимъ смущается, и потому обращаетъ рѣчь къ примѣру чувственному. *Не дивися*, говоритъ Онъ, *яко тыхъ ти: подобаетъ вамъ родитися свыше. Духъ, идѣже хоцетъ, дышетъ* (ст. 7—8). Словомъ: не дивися обнаруживаетъ смущеніе души его и затѣмъ обращаетъ его къ тончайшему изъ тѣлъ. Сказавъ: *рожденное отъ Духа духъ есть*, Христось уже отвлекалъ Никодима отъ представленій плотскихъ; но, какъ тотъ все еще не понималъ, что значать Его слова: *рожденное отъ Духа духъ есть*, то Онъ и переноситъ его мысль къ другому изображенію, не останавливая его на грубыхъ тѣлахъ и не говоря о существахъ совершенно безтѣлесныхъ (такъ какъ Никодимъ, и слыша о такихъ предметахъ, не могъ постигать ихъ), но находя нѣчто среднее между существомъ тѣлеснымъ и безтѣлеснымъ,—движеніе вѣтра,—и чрезъ то вразумляетъ его. Именно о вѣтрѣ Онъ говоритъ: *гласъ его слышиши, но не види, откуда приходитъ, и камо идетъ*. Но если говоритъ: *идѣже хоцетъ, дышетъ*, то этимъ не выражаетъ того, будто вѣтеръ имѣетъ какой-либо произволъ, а только указываетъ на его естественное движеніе, движеніе безпрепятственное и сильное. Писаніе обыкновенно говоритъ такъ и о предметахъ неодушевленныхъ, наприкладъ: *суетъ тварь повинуся неволѣю* (Рим. viii, 20). Итакъ, слова: *идѣже хоцетъ, дышетъ* означаютъ то, что вѣтеръ не удержимъ, что онъ распространяется всюду, что никто не можетъ препятствовать ему носиться туда и сюда, но что онъ съ великою силою разсѣивается, и никто не можетъ задержать его стремленія.

2. *И гласъ его слышиши*, то есть—гулъ, шумъ, но не види, откуда приходитъ, и камо идетъ. Тако есть всякъ рожденный отъ Духа. Въ этомъ все и заключается. Если, говоритъ, ты не умѣешь 156 объяснить ни исхода, ни направленія вѣтра, который однакожь ты ощущаешь и слухомъ и осязаніемъ, то для чего усиливаешься понять дѣйствіе Духа Божія, —ты, который не понимаешь дѣйствія вѣтра, хотя и слышишь его звуки? Такимъ образомъ слова: *идѣже хоцетъ, дышетъ* сказаны для означенія власти Утѣшителя, и значать вотъ что: если никто не можетъ сдержать вѣтра, но онъ несется, куда хочеть, то тѣмъ болѣе не могутъ задержать дѣйствія Духа ни законы природы, ни условія тѣлеснаго рожденія, и ничто другое подобное. А что слова: *гласъ его слышиши* сказаны именно о вѣтрѣ, видно изъ того, что Христось, бесѣдуя съ невѣрующимъ и незнающимъ дѣйствія Духа, не сказалъ бы: *гласъ его слышиши*. Потому, какъ не видимъ вѣтра, хотя онъ и издаетъ шумъ, такъ незримо для тѣлесныхъ очей и духовное рожденіе. Но вѣтеръ еще есть тѣло, хотя и тончайшее, потому что все, подлежащее чувству, есть тѣло. Если же ты не досадуешь на то,

что не видишь этого тѣла, и поэтому не отвергаешь его существованія, то почему смущаешься, слыша о Духѣ, и требуешь при этомъ такой отчетливости, не дѣлая того въ отношеніи тѣла?

2. Что же Никодимъ? Не смотря на представленный ему, столь ясный примѣръ, онъ еще остается съ іудейскою немощию. И вотъ, когда онъ снова съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: *какъ могутъ сія быти*, — Христосъ говоритъ ему слова еще болѣе поразительныя: *ты еси учитель Израилеа, и сикъ ли не вѣси* (ст. 10)? Замѣть, что онъ обличаетъ этого человѣка отнюдь не въ злонамѣренности, а въ недалъновидности и простотѣ. Но что общаго, скажетъ кто-либо, имѣетъ это рожденіе съ дѣлами іудейскими? Что же не общаго, скажи мнѣ? Происхожденіе перваго челоуѣка, созданіе жены изъ ребра, неплодство, чудеса, совершенныя чрезъ воды, именно: въ источникѣ, изъ котораго Елисей извлекъ желѣзо, въ Черномъ морѣ, которое перешли іудеи, въ купѣли, которую возмущалъ ангелъ, въ Іорданѣ, въ которомъ очистился Нееманъ Сиріанинъ, — все это какъ бы въ образахъ предвозвѣщало имѣвшее быть рожденіе и очищеніе. И вѣщанія пророковъ назначаютъ этотъ образъ рожденія; такъ сказано: *возвѣстятъ Господеву родъ грядущій, и возвѣстятъ правду ево людямъ, родитися и мущимъ, яже сотвори Господь* (Пс. ххi, 81, 82); еще: *обновится яко орля юность твоя* (Пс. сн, 5); также: *сѣтятся Іерусалиме* (Ис. лх, 1); *се царь твой грядетъ* (Зах. ix, 9); или: *блаженъ, иже оставишася беззаконія* (Пс. ххi, 1). Но и Исаакъ былъ образомъ этого рожденія. Въ самомъ дѣлѣ, скажи, Никодимъ, какъ родился Исаакъ? По закону ли природы? Нѣтъ! Но образъ его рожденія былъ средній между тѣмъ и другимъ рожденіемъ (плотскимъ и духовнымъ): въ немъ было рожденіе и плотское, потому что онъ родился отъ сожительства, и духовное, потому что онъ родился не отъ кровей. Я докажу, что эти образы предвозвѣщали не только это рожденіе, но и рожденіе отъ Дѣвы. Такъ какъ не легко было бы повѣрить, что рождаетъ Дѣва, то сначала рождали неплодныя, и не только неплодныя, но и престарѣлыя жены. Конечно, происхожденіе жены изъ ребра было гораздо удивительнѣе рожденія отъ неплодной; но, такъ какъ это было въ началѣ, давню, то послѣдовалъ иной, новый и недавній способъ рожденія, — именно отъ неплодныхъ, — чтобы проложить путь къ вѣрѣ въ рожденіе отъ Дѣвы. Припоминая это Никодиму, Христосъ говоритъ: *ты еси учитель Израилеа, и сикъ ли не вѣси? Ежже тыма, глаголемъ, и ежже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ, и свидѣтельство наше никтоже приѣмлетъ* (ст. 11). Послѣднія слова Онъ присовокупилъ, снова удостовѣряя, съ иной стороны, въ истинѣ словъ своихъ и вмѣстѣ снисходя къ немощи Никодима.

8. Что же значить: *еже ѿмы, малоюмъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ*? И у насъ зрѣніе достовѣрнѣе другихъ чувствъ: поэтому, когда хотимъ увѣрить кого-либо, говоримъ, что мы видѣли своими глазами, а не по слуху знаемъ. Такъ и Христосъ бесѣдуетъ съ Никодимомъ по человѣчески, заимствуя и отсюда подтвержденіе Своихъ словъ. А что это именно такъ, и что Христосъ не другое что хочетъ показать Никодиму и не разумѣетъ здѣсь зрѣнія чувственнаго, это видно изъ слѣдующаго. Сказавъ: *рожденное ѿ плоти плоть есть: и рожденное ѿ Духа духъ есть*, Онъ присовокупляетъ: *еже ѿмы малоюмъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ*. Но въ то время этого еще не было. Какъ же Онъ говорить: *еже видѣхомъ*? Не явно ли, что Онъ говорить о знаніи самомъ точномъ и безошибочномъ? *И свидѣтельства нашего никтоже прииметъ*. Итакъ слова: *еже ѿмы* Онъ говорить или о Себѣ и вмѣстѣ объ Отцѣ, или только о Себѣ. А слова: *никтоже прииметъ* не выражаютъ въ настоящемъ случаѣ негодованія, а высказываютъ то, что было. Онъ не сказалъ: можно ли быть безчувственнѣе васъ, не принимающихъ того, что мы возвѣщаемъ съ такою точностію? Нѣтъ, Онъ ничего подобнаго не сказалъ, показывая и въ словахъ и въ дѣлахъ совершенную кротость. Онъ кротко и тихо предвозвѣщаетъ имѣющее совершиться; такъ и насъ побуждаетъ къ кротости и научаетъ, чтобы мы, бесѣдуя съ кѣмъ-либо и не убѣждая, не досадовали и не раздражались. Человѣкъ раздраженный не только ни въ чемъ не можетъ успѣть, но и дѣлаетъ другихъ еще болѣе недовѣрчивыми. Поэтому надобно удерживаться отъ гнѣва, а въ своихъ словахъ убѣждать другихъ не только не гнѣвомъ, но и не крикомъ, такъ какъ крикъ — пища гнѣва. Будемъ же обуздывать этого коня, чтобы ниспровергнуть всадника; обрѣжемъ крылья гнѣву — и ало не поднимется высоко. Гнѣвъ — болѣзнь жестокая и опасная тѣмъ, что можемъ погубить наши души. Поэтому надлежитъ отовсюду заграждать ему входъ. Несообразно, если мы можемъ укрощать звѣрей, а свои свирѣпствующие помыслы оставляемъ безъ вниманія. Гнѣвъ есть сильный, все пожирающій огонь; онъ и тѣлу вредить, и душу растлѣваетъ, и дѣлаетъ человѣка на видъ непріятнымъ и постыднымъ. Если бы человѣкъ разгнѣванный могъ видѣть себя, во время своего гнѣва, то онъ уже не имѣлъ бы нужды ни въ какомъ другомъ увѣщаніи, — потому что нѣтъ ничего непріятнѣе лица раздраженнаго. Гнѣвъ есть какое-то опьяненіе, или, лучше сказать, хуже опьяненія и несчастіе бѣса. Но только постараемся не кричать, — и мы найдемъ сами лучший путь любомудрія. Потому Павелъ внушаетъ подавлять не только гнѣвъ, но и крикъ, говоря: *есяко гнѣвъ и кличъ да воз-*

мется отъ васъ (Ефес. iv, 31). Будемъ же повиноваться этому учителю всякаго любомудрія и, когда гнѣваемся на слугъ, помыслимъ о собственныхъ своихъ согрѣшеніяхъ и устыдимся ихъ кротости. Когда ты бранишь его, онъ молча переноситъ брань; такимъ образомъ ты безчинствуешь, а онъ любомудрствуетъ. Прими же это вмѣсто всякаго увѣщанія. Хотя онъ и слуга, но онъ человѣкъ, который имѣетъ и душу безсмертную, и такими же, какъ и мы, дарами украшенъ отъ общаго всѣхъ Господа. Если же онъ, будучи равночестенъ намъ въ высшихъ, духовныхъ преимуществахъ, съ такою кротостію переноситъ отъ насъ огорченія, потому только, что мы имѣемъ нѣкоторое незначительное и маловажное преимущество предъ нимъ, то какого прощенія или извиненія достойны будемъ мы, которые не можемъ, или лучше, не хотимъ любомудрствовать ради страха Божія, какъ любомудрствуетъ онъ изъ страха къ намъ? Итакъ, воображая все это, помышляя о своихъ грѣхахъ и общемъ для всѣхъ человѣческомъ ествѣ, будемъ стараться всегда говорить кротко, чтобы, содѣлавшись смиренными сердцемъ, обрѣсть своимъ душамъ покой и въ настоящей и въ будущей жизни, — котораго да сможемъ достигнуть и всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете, како, аще реку вамъ небесная, увѣруете? И никтоже взыде на небо, токмо спедый съ небесе Сынъ человѣческій, сый на небеси (Іоан. iii, 12, 13).

1. Что я многократно говорилъ, то и теперь скажу, и не перестану говорить. Что же такое? Что Іисусъ, намѣреваясь коснуться высокихъ догматовъ, нѣрѣдко приспособляется къ немощи слушателей и употребляетъ образъ ученія, не всегда соответствующій Его величію, но болѣе приспособительный къ нимъ. Ученіе высокое и важное, и однажды будучи высказано, достаточно можетъ показать свое достоинство, сколько мы въ состояніи слышать его, но, если о предметахъ болѣе простыхъ и близкихъ къ понятію слушателей говорить не часто, то и предметы высокіе не скоро могутъ овладѣть умомъ преклоненнаго долу слушателя. Потому-то Христосъ гораздо больше говорилъ о предметахъ простыхъ, чѣмъ высокихъ. Но чтобы и это не причинило врада

въ другомъ отношеніи, т. е., чтобы не удерживало ученика долу, Онъ не иначе обращается къ предметамъ простымъ, какъ предварительно высказавъ причину, по которой говорить о нихъ. Такъ Онъ сдѣлалъ и въ пастоящемъ случаѣ. Сказавъ о крещеніи и рожденіи, совершающемся на землѣ по благодати, потомъ намѣреваясь приступить къ слову и о собственномъ рожденіи, неизреченномъ и непостижимомъ, Онъ между тѣмъ еще медлитъ и не приступаетъ. Потомъ высказываетъ и причину, по которой не приступаетъ. Какая же это причина? Грубость и немощь слушателей. На нее Онъ и дѣлалъ намекъ, говоря: *еще земная река въ васъ, и не струете, како, еще реку вамъ небесная, уструете?* Такимъ образомъ, гдѣ Онъ говоритъ о чемъ-либо простомъ и маловажномъ, тамъ это надобно относить къ немощи слушателей. Нѣкоторые говорятъ, что выраженіе: *земная* здѣсь надобно разумѣть о вѣтрѣ, — какъ бы такъ Онъ сказалъ: Я показалъ вамъ примѣръ изъ земныхъ вещей, но вы и тѣмъ не убѣждаетесь: какъ же вы можете понимать предметы болѣе возвышенныя? Но если Онъ здѣсь называетъ земнымъ и крещеніе, не удивляйся. Онъ называетъ его такъ или потому, что оно совершается на землѣ, или сравнительно съ Своимъ страшнымъ рожденіемъ. Наше (въ крещеніи) рожденіе, хотя и есть небесное, но, въ сравненіи съ Его истиннымъ отъ существа Отца рожденіемъ, оно — земное. И справедливо, что не сказалъ: *вы не разумѣете*, но: *я не струете*. Кто затрудняется и не легко принимаетъ то, что понятно для ума, тотъ справедливо можетъ подвергнуться обвиненію въ неразуміи; но кто не принимаетъ того, чего нельзя постигнуть разумомъ, а только вѣрою, тотъ заслуживаетъ обвиненія уже не въ неразуміи, а въ невѣріи. Такимъ образомъ, не позволяя Никодиму испытывать своимъ умомъ сказанное, Христосъ еще сильнѣе продолжаетъ обличать его въ невѣріи. Если же наше (духовное) рожденіе надлежитъ принимать вѣрою, то 158 чего заслуживаютъ люди, испытующіе умомъ рожденіе Единороднаго? Но, можетъ быть, кто-либо скажетъ: для чего было и говорить это, если слушатели не хотѣли вѣрить? Для того, что хотя они и не хотѣли вѣрить, но могли принять это и получить отсюда пользу люди послѣдующихъ временъ. Такъ, со всею силою поражая Никодима, Христосъ показываетъ наконецъ, что Онъ знаетъ не только это, но и гораздо больше и выше этого, — что высказываетъ въ послѣдующихъ словахъ: *никтоже взиде на небо, токмо сшедшій съ небесе Сынъ человеческій, сый на небеси* (ст. 13). Какая же, скажешь ты, здѣсь связь мыслей? Весьма великая и тѣсная связь съ предъидущимъ. Никодимъ сказалъ: *ты, яко отъ Бога пришелъ еси учитель* (ст. 2); это самое теперь Христосъ

и исправляетъ, какъ бы такъ говоря: не думай, что Я — такой же учитель, каковы были многіе пророки, бывшіе отъ земли; Я съ неба пришелъ. Изъ пророковъ ни одинъ не восходилъ туда, а Я тамъ всегда пребываю. Видишь ли, какъ и самое, по видимому, высокое еще слишкомъ недостойно Его величія. Онъ не на небѣ только существуетъ, а и вездѣ, и все исполняетъ. Но Онъ бесѣдуетъ, еще снисходя къ немощи слушателя, чтобы мало-по-малу возвестъ его къ высшему. Сыномъ же человѣческимъ Онъ здѣсь называетъ не плоть Свою, а, такъ сказать, всего Себя по низшему естеству ¹⁾. И обыкновенно Онъ называетъ всего Себя иногда по божеству, иногда — по человѣчеству. *И якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну человѣческому.* Опять и это, по видимому, не имѣетъ связи съ предъидущимъ; но (на самомъ дѣлѣ) исполнѣ соответствуетъ ему. Сказавъ, что чрезъ крещеніе людямъ оказано величайшее благодѣяніе, Онъ приводитъ и причину этого, не меньшую самого благодѣянія, — крестъ; какъ и Павелъ, бесѣдуя съ коринѣянами, соединяетъ вмѣстѣ эти благодѣянія въ слѣдующихъ словахъ: *еда Павелъ распятъ по васъ, или во имя Павлово креститесь* (1 Кор. 1, 13)? Два эти благодѣянія больше всѣхъ другихъ показываютъ неизреченную любовь Господа: Онъ и пострадалъ за враговъ, и, умерши за враговъ, даровалъ въ крещеніи всецѣлое прощеніе грѣховъ.

2. Но почему Онъ не сказалъ прямо: *я буду распятъ, а отошлалъ слушателей къ древнему прообразу?* Этимъ Онъ научаетъ ихъ, во-первыхъ, что событія древнія имѣютъ соотношеніе съ новыми, что тѣ не чужды для этихъ; во-вторыхъ, что Онъ шелъ на страданіе не противъ воли Своей, и кромѣ того, что и самъ Онъ не потерпѣлъ отъ того никакого вреда, и многимъ даровано чрезъ то спасеніе. Дѣйствительно, чтобы кто не сказалъ: какъ могутъ вѣрующіе въ Распятаго спастись, когда и Онъ самъ 159 былъ одержимъ смертію? — вотъ Онъ приводитъ насъ къ древней исторіи. Если іудеи спасались отъ смерти, взирая на мѣдное изображеніе змія, то, конечно, тѣмъ большее благодѣяніе могутъ получить вѣрующіе въ Распятаго. Распятіе совершилось не по немощи Распятаго и не потому, что восторжествовали надъ нимъ іудеи, а потому, что *возлюбилъ Богъ міръ.* Вотъ почему одушевленный Его храмъ подвергся распятію: *да всякъ струилъ въ оны не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (ст. 15). Видишь ли причину креста и спасеніе, отъ него происшедшее? Видишь ли соотноствіе между прообразомъ и истиною? Тамъ іудеи спасаются

¹⁾ Т. е. по человѣчеству.

отъ смерти только временной; здѣсь вѣрующіе — отъ смерти вѣчной. Тамъ повѣщенный змій исцѣляетъ отъ укусовъ змѣй; здѣсь распятый Іисусъ врачуе уязвленія духовнаго змія. Тамъ взирающій тѣлесными очами получаетъ уврачеваніе; здѣсь взирающій очами душевными освобождается отъ всѣхъ грѣховъ. Тамъ повѣшена мѣдъ, изображавшая подобіе змія; здѣсь — тѣло Владыки, образованное Духомъ. Тамъ змій кусалъ, змій и врачевалъ; такъ и здѣсь: смерть погубила, смерть и спасла. Но змій, который погублялъ, имѣлъ ядъ, а который спасалъ, не имѣлъ яда; то же опять и здѣсь: смерть погубившая имѣла грѣхъ, какъ змій—ядъ, а смерть Владыки была свободна отъ всякаго грѣха, какъ мѣдный змій—отъ яда. *Грѣха, сказано, не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устнѣхъ сію* (1 Петр. II, 22). Это тоже, что говорить и Павелъ: *совлечь начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ, изблочишь изъ себѣ* (Колос. II, 15). Какъ мужественный борецъ, поднявъ противника на воздухъ и бросивъ наземь, одерживаетъ блистательную побѣду, такъ и Христосъ нисложилъ супротивныя силы, въ виду всей вселенной, и, уврачевавши уязвляемыхъ въ пустынѣ, бывъ повѣщенъ на крестѣ, освободилъ ихъ отъ всѣхъ звѣрей. Но Онъ не сказалъ: подобаетъ быть *поштеннымъ*, а — *вознесеннымъ*. Онъ употребилъ такое выраженіе, которое для слушателя могло быть болѣе благопріятно и которое ближе подходило къ прообразу.

Тако бо возлюбилъ Богъ міръ, яко и Сына своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣруй въ оныя не погибнетъ, но имать животъ вѣчный. Слова эти означаютъ слѣдующее: не удивляйся, что Я долженъ быть вознесенъ ради спасенія вашего. Такъ угодно и Отцу,—и Онъ такъ возлюбилъ васъ, что за рабовъ и рабовъ неблагодарныхъ далъ Сына Своего, чего никто не сдѣлалъ бы и за друга. Это и Павелъ выражаетъ въ словахъ: *едва за праведника кто умретъ* (Римл. V, 7). Но апостолъ говорилъ объ этомъ пространнѣе, потому что бесѣдовалъ съ вѣрующими; а Христосъ—кратко, такъ какъ слово Его было къ Никодиму; но слово Его выразительнѣе. Каждое изреченіе Его имѣетъ въ себѣ много выразительности. Въ словахъ: *тако возлюбилъ Богъ міръ* Опъ показываетъ великую силу любви,—такъ какъ великое, безпредѣльное разстояніе находится между Богомъ и міромъ. Безсмертный, безначальный, вѣличество безпредѣльное, Онъ возлюбилъ сущихъ отъ земли и праха, полныхъ безчисленнымъ множествомъ грѣховъ, оскорблявшихъ Его во всякое время, неблагодарныхъ. Выразительны и присовокупленныя вслѣдъ затѣмъ слова: *яко Сына своего едиnorodнаго далъ есть*,—не раба, говорить, далъ, не ангела, не архангела, а и о сынѣ никто не показалъ бы такой заботливости, ка-

кую Богъ о рабахъ неблагодарныхъ. Итакъ, Свое страданіе Онъ изображаетъ не вполне ясно, а прикровенно; но благотворныя слѣдствія страданія выражаетъ ясно и открыто, говоря такъ: *да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать живота вѣчный*. Такъ какъ Онъ сказалъ, что Ему надлежитъ быть вознесеннымъ, и тѣмъ назнаменовалъ Свою смерть, то чтобы слушатель отъ этихъ словъ не пришелъ въ смущеніе, не сталъ предполагать о Немъ чего-либо человѣческаго и не почелъ Его смерти прекращеніемъ существованія, — вотъ смотри, какъ Онъ исправляетъ это: Онъ говоритъ, что Тотъ, котораго даетъ Отецъ, есть Сынъ Божій, виновникъ жизни, притомъ жизни вѣчной. А кто могъ чрезъ свою смерть сообщить жизнь другимъ, тотъ не могъ навсегда остаться во (власти) смерти. Если не погибаютъ вѣрующіе въ Распятаго, то тѣмъ болѣе не можетъ погибнуть самъ Распятый. Кто избавляетъ отъ гибели другихъ, тотъ тѣмъ болѣе самъ свободенъ отъ ней. Кто сообщаетъ жизнь другимъ, тотъ тѣмъ болѣе источаетъ жизнь для себя самого. Видишь ли, что вездѣ нужна вѣра? Онъ говоритъ, что крестъ есть источникъ жизни; но разумъ не легко могъ бы принять это: свидѣтели тому язычники, еще и дониндѣ осмѣивающіе это; а вѣра, превосходящая немощь умствованій, тоже самое легко и принимаетъ и содержитъ. Почему же Богъ такъ возлюбилъ міръ? Не почему-либо другому, какъ по одной только благодати.

8. Устыдимся же Его любви, устыдимся Его безмѣрнаго чловѣколюбія. Онъ для насъ не пощадилъ даже Единороднаго Сына, а мы бережемъ и деньги, себѣ же на зло. Онъ предалъ за насъ истиннаго Сына Своего; а мы ни ради Его, ни даже ради себя не хотимъ дать и серебра. Какъ можемъ за это получить прощеніе? Если мы видимъ чловѣка, подвергающагося за насъ опасностямъ и смерти, то предпочитаемъ его всѣмъ другимъ, причисляемъ къ первымъ своимъ друзьямъ, отдаемъ ему все свое, — говоримъ, что это принадлежитъ ему болѣе, чѣмъ намъ, и при всемъ томъ не думаемъ, что мы воздали ему достойнымъ образомъ. А ко Христу мы не имѣемъ благодарности даже и въ этой мѣрѣ. Онъ положилъ за насъ душу Свою, Онъ пролилъ за насъ драгоценную кровь Свою, — за насъ, неблагодарныхъ, недобрыхъ; а мы не расточаемъ и денегъ для своей же пользы, но презираемъ Его въ наготѣ и странничествѣ, Его, который умеръ за насъ. Кто же исхититъ насъ отъ будущей казни? Если бы не Богъ, а мы сами наказывали себя, то не произнесли ли бы мы приговоръ на себя самихъ? Не осудили ли бы себя на геенскій огонь за то, что презираемъ Положившаго за насъ душу Свою, тогда какъ Онъ истаскается отъ голода? И

что говорить о деньгахъ? Если бы мы имѣли въ себѣ по тысячѣ душъ, не должны ли были бы положить всѣ души за Него? Впрочемъ и такимъ образомъ мы не сдѣлали бы еще ничего, достойнаго Его благодѣяній. Кто прежде благодѣтельствуетъ, тотъ обнаруживаетъ въ себѣ явную доброту, а кто получилъ благодѣяніе, тотъ, чѣмъ бы ни воздавалъ за него, воздаетъ только должное и не заслуживаетъ благодарности, — особенно, когда начавшій благодѣтельствовать оказываетъ благодѣяніе врагамъ; а кто воздаетъ ему, тотъ воздаетъ благодѣтелю тѣмъ, что отъ него же получилъ, и самъ же опять тѣмъ пользуется. Но и это насъ не трогаетъ; нѣтъ, мы до такой степени неблагодарны, что рабовъ и муловъ и коней облакаемъ въ золотые уборы, а Господа, скитающагося въ наготѣ, переходящаго отъ дверей къ дверямъ, стоящаго на распутияхъ и простирающаго къ намъ руки, мы презираемъ, а часто смотримъ на Него суровыми глазами; но и это самое Онъ терпитъ насъ ради. Онъ охотно алчетъ, чтобы напитать тебя; странствуетъ въ наготѣ, чтобы доставить тебѣ возможность получить одежду нетлѣнную. Но вы, не смотря и на это, не удѣляете ничего изъ своего имѣнія. Ваши одежды или снѣдаются молью, или составляютъ тяжесть для сундуковъ и лишнюю заботу для владѣтелей; а Кто даровалъ и это и все прочее, Тотъ скитается нагимъ. Но вы говорите, что не складываете свои одежды въ сундуки, а сами одѣваетесь въ нихъ и украшаетесь? Скажите же мнѣ какая вамъ отъ того польза? Та ли, что васъ увидитъ на площади толпа? Что же? Тамъ будутъ удивляться не тому, кто облеченъ въ такія одежды, а тому, кто подаетъ нуждающимся. Итакъ, если хочешь, чтобы тебѣ удивлялись, одѣвай другихъ, — и ты получишь тысячи похвалъ. А вмѣстѣ съ людьми тогда восхвалитъ тебя и Богъ. Теперь же никто не похвалитъ тебя; а только всѣ ненавидятъ, видя, что тѣло ты украшаешь, а о душѣ нерадишь. Украшеніе тѣла есть и у блудницъ, и онѣ нерѣдко одѣваются въ самыя многоцѣнныя и блестящія одежды; но украшеніе души есть только у людей добродѣтельныхъ. И объ этомъ часто говорю и не перестану говорить, заботясь не столько о бѣдныхъ сколько о вашихъ душахъ. У нихъ будетъ утѣшеніе, если и не отъ насъ, то съ другой какой-либо стороны; если бы даже для нихъ и не было утѣшенія, а погибли бы они отъ голода, и въ такомъ случаѣ для нихъ большаго вреда не было бы. Повредило ли сколько-нибудь Лазарю убожество и изнуреніе отъ голода? Но васъ никто не пскититъ изъ геенны, если вы не получите помощи отъ бѣдныхъ; нѣтъ, мы будемъ говорить тоже, что и богачъ, преданный вѣчнымъ мукамъ и лишенный всякаго утѣ-

161

162

шенія. Но не дай Богъ никому изъ насъ услышать когда-либо такія слова; да отойдемъ мы въ нѣдра Авраама, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

Не посла бо Богъ Сына своего въ міръ, да судить мірови, но да спасется имъ міръ (Іоан. ш, 17).

- 161 1. Многіе изъ людей безпечныхъ, злоупотребляя человѣколюбіемъ Божиимъ къ умноженію грѣховъ и къ большому нерадѣнію, говорятъ такія слова: нѣтъ геенны, нѣтъ мученій; Богъ отпускаетъ намъ всѣ грѣхи. Заграждая уста такимъ людямъ, одинъ мудрый мужъ говоритъ: *не рече: щедрота его многа есть, множество грѣховъ моихъ очиститъ: милость бо и истина у него, и на грѣшниковъ почитаетъ простъ его* (Сирах. v, 6, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *по многотѣ милости его, тако много и обличеніе его* (Сирах. xvi, 18). Гдѣ же, скажетъ кто-нибудь, человѣколюбіе Его, если мы получимъ то, что слѣдуетъ за грѣхи наши? Но что мы получимъ заслуженное, послушай и пророка и Павла. Одиъ говоритъ: *яко ты воздаши комуждо по дѣломъ его* (Псал. lxi, 18); а другой: *иже воздастъ комуждо по дѣломъ его* (Рим. ii, 6), Тѣмъ не менѣе однакожь велико человѣколюбіе Божіе, и это видно вотъ откуда: Богъ раздѣлилъ судьбы наши на два вѣка жизни, настоящій и будущій, и, опредѣливъ первую для подвиговъ, а послѣднюю для полученія вѣнцевъ, показалъ такимъ образомъ великое человѣколюбіе. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что, хотя бы мы совершили множество тяжкихъ грѣховъ и не переставали отъ юности до глубокой старости осквернять свою душу несчетными пороками, Онъ не истязуетъ насъ ни за одинъ изъ этихъ грѣховъ, а въ банѣ паки бытія подастъ отпущеніе ихъ и даруетъ оправданіе и освященіе. Но что скажешь ты, если сподобившійся таинствъ съ самаго дѣтства послѣ того впадетъ во множество грѣховъ? Такой заслуживаетъ ужъ тѣмъ большаго наказанія. За одни и тѣ же грѣхи мы подвергаемся не одному и тому же осужденію, но гораздо строжайшему, когда согрѣшаемъ послѣ освященія таинствами. Это и показываетъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *отверися ли кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтеляхъ умираетъ. Колико мните юршія сподобится муки, иже Сына Божія поприимъ, и*
162 *кровъ заветную скиерну возмимъ, и Духа благодати укоримъ* (Евр. x 28, 29)? Такой, слѣдовательно, достоинъ большаго наказанія.

Однакожь и такому Богъ еще отверзаетъ двери покаянія и подаєть много средствъ омыть своя согрѣшенія, только бы онъ самъ захотѣлъ. Подумай же, какъ велики доказательства Его челоуѣколюбія,—въ томъ, что Онъ и отпускаєть (грѣхи) Своею благодатію, и согрѣшившаго послѣ благодати и заслужившаго наказаніе не наказываетъ, но даєть время и средства къ оправданію. Поэтому-то Христосъ говорилъ Никодиму: *не посла Богъ Сына своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасетя имъ міръ*. Два Христова пришествія: одно уже было, другое будетъ. Но то и другое имѣетъ цѣль не одну: первое было не для истязанія нашихъ дѣлъ, а для отпущенія; второе пришествіе будетъ не для отпущенія, а для истязанія. Поэтому о первомъ пришествіи Онъ говоритъ: *не придохъ да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. хп, 47); о второмъ же: *егда приидетъ Сынъ челоуѣческій во славу своей, тогда поставитъ оцы одесную себе, а козлища ошуютъ, и идутъ сѣи въ муку тѣмную, а праведники въ животъ тѣмный* (Матѣ. ххv, 31—33). Впрочемъ и первое пришествіе могло быть для суда, по требованію правосудія. Почему? Потому, что до пришествія Христова были уже: и естественный законъ, и пророки, и законъ писанный, и ученіе, и безчисленныя обѣтованія, и явленіе чудесъ, и наказанія, и мученія, и многое другое, что могло исправлять (людей)—и во всемъ этомъ слѣдовало требовать отчета. Но такъ какъ (Богъ) челоуѣколюбивъ, то и не дѣлалъ истязанія, а даровалъ прощеніе. А если бы Онъ сталъ судить, всѣ немедленно погибли бы. *Вси бо, сказано, согрѣшишиа и лишени суть славы Божіей* (Рим. ш, 23). Видишь ли, какое неизреченное челоуѣколюбіе? *Въруий въ онъ не будетъ осужденъ: а не въруий уже осужденъ есть* (ст. 18). Но если Онъ пришелъ не для того, чтобы судить міръ, то какимъ образомъ невѣрующій уже осужденъ, когда еще не настонтъ время суда? Онъ говоритъ это или потому, что невѣріе безъ раскаянія само по себѣ есть величайшее мученіе, или же Онъ предвозвѣщаетъ будущее. Какъ убійца, хотя бы и не былъ осужденъ приговоромъ судіи, уже осужденъ по самому свойству своего дѣла, такъ и невѣрующій. И Адамъ умеръ въ тотъ самый день, въ который вкусилъ отъ древа: таково было опредѣленіе: *въ онъже аще день съѣстие отъ древа, смертію умрете* (Быт. п, 17). Но онъ еще жилъ и послѣ того: какимъ же образомъ онъ умеръ? И по опредѣленію Божію, и по свойству своего поступка. Кто сдѣлалъ себя повиннымъ наказанію, тотъ находится подъ наказаніемъ, хотя еще и не на самомъ дѣлѣ, а по опредѣленію. И чтобы кто-нибудь, услышавъ: *не придохъ, да сужду мірови*, не подумалъ, что можно грѣшить безнаказанно, и не сдѣлался оттого еще болѣе безпечнымъ, Христосъ предотвращаетъ такое нерадѣніе, сказавъ: *уже осуж-*

денъ есть. Такъ какъ будетъ судъ, но еще не насталь, то Онъ ближайшимъ образомъ возбуждаетъ страхъ мученія и уже поазываетъ наказаніе. Но и то служитъ доказательствомъ великаго человѣколюбія Божія, что Богъ не только далъ Сына, но и отложилъ время суда, чтобы согрѣшившіе и невѣрующіе имѣли возможность очистить свои согрѣшенія. *Врули въ Сына не будетъ осужденъ, — вѣрующій, а не испытующій; вѣрующій, а не любопытствующій.* А если и вѣрующій имѣетъ жизнь нечистую, дѣла недобрыя? Такихъ Павелъ называетъ не истинно вѣрующими: *Богъ исповѣдуется отъ тѣхъ, а дѣла отмещутся его* (Тит. 1, 16) Впрочемъ Христосъ здѣсь высказываетъ то, что они подлежатъ осужденію не за невѣріе, а подвергнутся жесточайшему наказанію за дѣла; за невѣріе же не наказываются,—потому что уже увѣровали.

2. Видишь ли, какъ, начавъ съ (истинъ) страшныхъ, Христосъ опять ими же закончилъ? Въ началѣ Онъ говорилъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе.* А здѣсь опять: *не вѣрули въ Сына уже осужденъ есть.* То есть: не думай, что отложеніе (наказанія) можетъ принести какую-либо пользу тому, кто уже заслужилъ наказаніе, если не раскается. Состояніе невѣрующаго ничѣмъ не лучше состоянія людей, уже осужденныхъ и преданныхъ наказанію. *Сей же есть судъ, яко свѣтъ прииде въ міръ и возлюбилъа человецыи паче тьму, неже свѣтъ* (ст. 19). Смыслъ этихъ словъ такой: люди наказываются за то, что не хотятъ оставить тьму и поспѣшить къ свѣту. Такимъ образомъ Христосъ лишаетъ ихъ всякаго оправданія. Если бы, говоритъ Онъ, Я пришелъ только наказывать и требовать у нихъ отчета въ дѣлахъ, то они могли бы сказать: мы поэтому-то и удалились отъ Тебя. Но Я пришелъ освободить ихъ отъ тьмы и привести къ свѣту. Кто же помиловалъ бы человѣка, не желающаго изъ тьмы выйти къ свѣту? Такимъ образомъ они, говоритъ, удаляются отъ насъ, не имѣя возможности ни въ чемъ обвинить насъ, но еще получивъ отъ насъ безчисленные благодѣянія. Осуждая ихъ за это и въ другомъ мѣстѣ, Онъ говоритъ: *возненавидѣша мя туне; и еще: аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имъ* (Іоан. хv, 22). Кто сидитъ во тьмѣ по недостатку свѣта, тотъ, быть можетъ, и получилъ бы прощеніе; а остающійся во тьмѣ послѣ явленія свѣта, тотъ самъ на себя свидѣтельствуешь, что его воля развращена и непокорна. Но такъ какъ сказанное казалось многимъ невѣроятнымъ (никто вѣдь не можетъ предпочесть тьмы свѣту), то Онъ показываетъ и причину, по которой люди подвергались такому злосчастію. Какая же это причина? *Быша бо, говоритъ, ихъ дѣла зла. Всякъ же дѣлающій злая ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся*

дѣла ея (ст. 20). Въдѣ Онъ пришелъ не судить и не истязать, а 164
простить и отпустить согрѣшенія ихъ, подать имъ спасеніе чрезъ
вѣру: почему же они убѣгали Его? Если бы Онъ, пришедши,
возсѣлъ на судилищѣ, то они могли бы имѣть на это нѣкоторое
основаніе. Кто сознаетъ въ себѣ что-либо худое, тотъ обыкно-
венно избѣгаетъ судьи; но къ тому, кто прощаетъ, преступники
даже спѣшатъ. Итакъ, если Онъ пришелъ съ прощеніемъ, имъ
слѣдовало поспѣшить къ Нему, и особенно тѣмъ, которые созна-
вали въ себѣ много грѣховъ; такъ многіе и сдѣлали. Мытари и
грѣшники, приходя къ Иисусу, возлежали съ Нимъ. Что же зна-
чаютъ слова Его? Онъ говоритъ о тѣхъ, которые рѣшились на-
всегда оставаться во алѣ. Самъ Онъ пришелъ для того, чтобы
оставить прежнія согрѣшенія и предостеречь отъ будущихъ. Но
такъ какъ нѣкоторые до такой степени измѣнились и ослабѣли
къ подвигамъ добродѣтели, что до послѣдняго издыханія хотятъ
остаться во алѣ и не думаютъ никогда отстать отъ него, то
Христосъ, имѣя въ виду такихъ людей, и обличаетъ ихъ. Хри-
стіанство требуетъ и православнаго ученія и жизни доброй, но они,
говоритъ Христосъ, боятся обратиться къ намъ, потому самому,
что не хотятъ показать доброй жизни. Живущаго въ язычествѣ
никто не станетъ обличать, потому что имѣющій такихъ боговъ и
празднества, подобно богамъ постыдныя и достойныя осмѣянія,
показываетъ и дѣла, достойныя своего ученія, а чтители Бога,
живя безопасно, всѣхъ имѣютъ для себя обвинителями и обличи-
телями,—такъ досточтимая истина и для враговъ ея! Замѣчай же,
съ какою точностію Христосъ выражаетъ то, о чемъ говоритъ.
Онъ не сказалъ: *сдѣлающій злая* не приходитъ къ свѣту, но:
дѣлающій, то есть, дѣлающій всегда; кто хочетъ всегда валяться къ
тинѣ грѣха, тотъ и не хочетъ подчинять себя Моимъ законамъ
и, видѣ ихъ, безбоязненно блудодѣйствуетъ и дѣлаетъ все другое
запрещенное. Приходя же ко Мнѣ, онъ становится видѣнъ, какъ
воръ при свѣтѣ. Поэтому-то онъ и избѣгаетъ Моей власти. Дѣй-
ствительно, можно и нынѣ слышать отъ многихъ язычниковъ,
что они потому не могутъ обратиться къ нашей вѣрѣ, что не
могутъ оставить пьянства, блудодѣянія и подобныхъ пороковъ.
Что же, скажешь ты, развѣ нѣтъ и христіанъ, худо поступаю-
щихъ, и язычниковъ, проводящихъ жизнь въ любомудріи? Что
есть христіане, живущіе худо, это и я знаю; а есть ли язычники,
живущіе добродѣтельно, этого я доподлинно еще не знаю. Ты
не указывай мнѣ на людей смиренныхъ и честныхъ отъ при-
роды: это не добродѣтель! Укажи человѣка, который бы, испыты-
вая сильное увлеченіе страстей, оставался любомудрымъ, а та-
кого ты не найдешь (въ язычествѣ). Если и обѣтованіе царства,

угроза геенною и тому подобное едва удерживаетъ людей въ добродѣтели, тѣмъ менѣе люди, ни въ чемъ этомъ не убѣжденные, могутъ преуспѣвать въ добродѣтели. Если же нѣкоторые изъ нихъ и показываютъ видъ добродѣтели, то дѣлаютъ это для славы. А кто это дѣлаетъ для славы, тотъ, когда только можно утаиться, не откажется удовлетворить своимъ злымъ пожеланіямъ. Но чтобы не показаться кому-нибудь любителями спора, согласимся, что между язычниками есть люди, хорошо живущіе: это нисколько не противорѣчитъ нашимъ словамъ. Я говорю о томъ, что многократно бываетъ, а не о томъ, что изрѣдка случается.

165 3. Но смотри, какъ Христосъ лишаетъ ихъ, и съ другой стороны, всякаго оправданія. Онъ говоритъ, что *сатана пришелъ въ міръ*. Искали ли, говоритъ, они его, трудились ли, заботились ли найти? Свѣтъ самъ къ нимъ пришелъ; однакожь они и тогда не поспѣшили къ нему. Если же и между христіанами нѣкоторые живутъ худо, то касательно этого замѣтимъ, что Христосъ говоритъ не о тѣхъ, которые стали христіанами отъ рожденія и приняли вѣру отъ предковъ (хотя нерѣдко и они порочною жизнію уклонялись отъ праваго ученія); не объ нихъ, кажется, здѣсь говорится, но о тѣхъ, которые изъ іудейства или язычества должны были обратиться къ правой вѣрѣ. (Христосъ) показываетъ, что никто, находясь въ заблужденіи, не захочетъ обратиться къ вѣрѣ, если предварительно не предпишетъ самому себѣ доброй жизни, и никто не останется въ невѣріи, если предварительно не рѣшится навсегда оставаться злымъ. Не говори ты мнѣ, что такой-то цѣломудренъ и не воръ; не въ этомъ только состоитъ добродѣтель. Какая польза, имѣя эти качества, быть рабомъ суетной молвы, и, опасаясь стыда отъ своихъ друзей, оставаться въ заблужденіи? Это не значить жить добродѣтельно. Рабъ тщеславія не лучше блудника; даже дѣлаетъ гораздо большіе и тягчайшіе грѣхи, чѣмъ тотъ. Но укажи мнѣ кого-нибудь между язычниками, который былъ бы свободенъ отъ всѣхъ страстей и не былъ причастенъ ни одному пороку: ты указать не можешь. И тѣ, которые прославились у нихъ великими дѣлами и презирали, какъ говорятъ; богатство и роскошь, тѣ-то наиболѣе раболѣпствовали славѣ человѣческой; а это—причина всѣхъ золъ. Въ такомъ состояніи оставались и іудеи. Поэтому, обвиняя ихъ, Христосъ и говорилъ: *какъ можетъ въровати, славу другъ отъ друга приѣмлюще* (Іоан. v, 44)? Но почему Христосъ не бесѣдовалъ и не распространилъ объ этомъ слова съ Нааанаиломъ, которому засвидѣтельствовалъ истину? Потому, что онъ приходилъ ко Христу не съ такимъ усердіемъ (съ какимъ

Никодимъ). Никодимъ считалъ это для себя долгомъ и употребилъ на слушаніе бесѣды такое время, въ которое другіе отдыхали. Но Наанаилъ приходилъ по убѣжденію другого. Впрочемъ Христосъ не оставилъ безъ вниманія и его; Онъ сказалъ ему: *отсея узрите небо отворсто, и ангели Божіи восходящии и нисходящии* (Іоан. 1, 51). Никодиму же ничего подобнаго Онъ не говорилъ, а бесѣдовалъ съ нимъ объ устроеніи нашего спасенія и о жизни вѣчной, употребляя различную рѣчь сообразно съ душевнымъ расположеніемъ каждаго. Для Наанаила, который и пророчества зналъ и былъ не такъ боязливъ, довольно было услышать и это одно. А Никодиму, такъ какъ онъ былъ еще боязливъ, Христосъ не открывалъ всего ясно, но потрясалъ его душу, чтобы страхъ истребить страхомъ, говоря, что невѣрующій осужденъ и что невѣріе происходитъ отъ порочной совѣсти. Никодимъ много дорожилъ славою человѣческою и думалъ о ней больше, чѣмъ о наказаніи. *Мнози*, сказано, *отъ князь строваши въ него, но фарисей ради не исповѣдоваху* (Іоан. хп, 42): въ этомъ-то Христосъ и упрекаетъ его и показываетъ притомъ, что невѣрующій въ Него не почему-либо другому не вѣруетъ, какъ потому, что ведетъ нечистую жизнь. Далѣе Онъ говоритъ: *азъ есмь свѣтъ* (Іоан. вш, 12); а здѣсь: *прииде свѣтъ въ міръ* (ст. 19). Такимъ образомъ вначалѣ Онъ говорилъ болѣе прикровенно, а впослѣдствіи яснѣе. Между тѣмъ Никодимъ былъ удерживаемъ славою народною; потому и не могъ имѣть столько смѣлости, сколько бы слѣдовало. Будемъ же убѣгать тщеславія; эта страсть сильнѣе всѣхъ страстей. Отсюда любостыжаніе и сребролюбіе; отсюда ненависть, вражда, распри. Желашій большаго ни на чемъ остановиться не можетъ; а желаетъ онъ большаго потому, что любить суетную славу. Скажи мнѣ, для чего многіе окружаютъ себя множествомъ евнуховъ, толпою слугъ и такимъ блескомъ? Не по нуждѣ, а для того, чтобы люди, встрѣчающіеся съ ними, были свидѣтелями этого неумѣстнаго блеска. Итакъ, если мы отсѣчемъ эту страсть, то вмѣстѣ съ головою истребимъ и остальные члены этого зла, и тогда уже ничто не воспрепятствуетъ намъ жить на землѣ, какъ на небѣ. Тщеславіе не только влечетъ ко злу своихъ плѣнниковъ, но вкрадывается и въ добродѣтели; и если не можетъ лишити насъ ихъ, то дѣлаетъ намъ большой вредъ въ самой добродѣтели, принуждая переносить труды, а лишая плодовъ. Зараженный тщеславіемъ, — постытся ли, молится ли, творить ли милостыню, — лишается своей награды. Какое же несчастье можетъ быть больше того, какъ, изнурая себя вотще и понапрасну, подвергнуться осмѣянію и лишиться горней славы? А желающему той и другой славы невозможно получить той и

другой вмѣстѣ. Правда, можно достигнуть и той и другой славы, но только въ томъ случаѣ, если будемъ желать не обѣихъ, а одной—славы небесной. А кто жаждетъ и той и другой, тотъ не можетъ получить той и другой вмѣстѣ. Итакъ, если хотимъ достигнуть славы, будемъ убѣгать славы человѣческой, а желать той одной славы—отъ Бога. Такимъ образомъ можемъ приобрѣсть и ту и другую славу, чего и да сподобимся всѣ мы, благодатию и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

По сихъ же прииде Іисусъ и ученицы его въ жидовскую землю, и ту живяше съ ними и крещаше (Іоан. ш, 22).

- 165 Нѣтъ ничего свѣтлѣе и сильнѣе истины, равно какъ нѣтъ ничего безсильнѣе лжи, хотя бы она прикрывалась безчисленными покрывами. Ложь легко уловить и опровергнуть; а истина открыто предлагаетъ себя всѣмъ, желающимъ видѣть красоту ея. Она не любитъ скрываться, не боится опасности, не трепещетъ навѣтовъ, не домогается славы народной, не подвержена ничему другому человѣческому; она стоитъ выше всего, подвергаясь, конечно, тысячамъ навѣтовъ, но оставаясь необоримой; 166 прибѣгающихъ къ ней она охраняетъ, какъ крѣпкою стѣною, величіемъ своей силы; не терпитъ скрытныхъ убѣжищъ, но предлагаетъ открыто всѣмъ все, что есть въ ней. Это показалъ и Христосъ, когда сказалъ Пилату: *азъ всегда не обинуяся учашъ, и тай не глаголахъ ничесоуже* (Іоан. хvш, 20). Это Онъ тогда сказалъ, 167 а теперь сдѣлалъ. *По сихъ бо, сказано, прииде въ жидовскую землю Онъ и ученицы ея, и ту живяше и крѣщае.* Въ праздники Онъ приходилъ въ городъ, чтобы тамъ предлагать ученіе среди народа, и чудесами благотворить ему; по окончаніи же праздниковъ, часто отходилъ на Іорданъ, потому что и туда стекалось множество народа. Онъ всегда посѣщалъ мѣста многолюдныя, не изъ желанія показать Себя, или изъ любочестія, а съ тою цѣлію, чтобы большому числу людей доставить пользу. Такъ какъ далѣе евангелистъ говорить, что не Іисусъ крестилъ, а Его ученики, то ясно, что и здѣсь онъ говоритъ тоже, то есть, крестили только ученики Его. Почему же, скажешь ты, не крестилъ Онъ самъ? Еще прежде Іоаннъ сказалъ: *той вы креститъ Духомъ святымъ и омивъ* (Іоан. 1, 8. 11); но Духа Святого Онъ тогда еще не пода-

валъ, потому, конечно, и не крестилъ. Но ученики дѣлали это, желая многихъ привести къ спасительному ученію. Для чего же, когда стали крестить ученики Іисуса, Іоаннъ не переставалъ дѣлать это, а и онъ продолжалъ крестить и дѣлать это до самаго своего заключенія въ темницу? Слова: *бъ и Іоаннъ крестя во Енонѣ*, и слѣдующія: *не у бо бѣ всажденъ въ темницу Іоаннъ* (Іоан. III, 23, 24) именно показываютъ, что онъ тогда еще не переставалъ крестить. Для чего же, скажешь, онъ крестилъ до сихъ поръ? Вѣдь онъ, переставъ крестить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ начали ученики Іисуса, конечно, показалъ бы этимъ преимущество ихъ? Итакъ, для чего онъ продолжалъ крестить? Для того, чтобы не возбудить въ своихъ ученикахъ большей зависти и соперничества. Если Іоаннъ не убѣдилъ ихъ послѣдовать Христу, не смотря на то, что вопіялъ тысячу разъ, всегда уступалъ Ему первенство и признавалъ себя меньшимъ Его, то, если бы еще онъ пересталъ крестить, тѣмъ болѣе возбудилъ бы въ нихъ соперничество. Поэтому и Христосъ тогда особенно сталъ проповѣдывать, когда Іоаннъ былъ умерщвленъ. И я думаю, что смерть Іоанна и была допущена и послѣдовала такъ скоро для того, чтобы вниманіе всего народа обратилось на Христа и мнѣнія уже не раздѣлялись между тѣмъ и другимъ. Впрочемъ и крестя, Іоаннъ не переставалъ увѣщевать и показывать великое и высокое достоинство Іисуса. Онъ крестилъ не для чего-либо другого, а только — *да во грядущаго по немъ вѣруютъ* (Дѣян. XIX, 4). Итакъ, проповѣдуя это, какъ бы онъ показалъ достоинство учениковъ Христовыхъ, если бы пересталъ крестить? Тогда подумали бы, что онъ это сдѣлалъ по зависти или досадѣ. А продолжая проповѣдывать, онъ доказывалъ еще сильнѣе ихъ досточтимость. Не себѣ пріобрѣталъ славу, но отсылалъ слушателей ко Христу, и не меньше учениковъ Его содѣйствовалъ Ему, даже еще больше, потому что его свидѣтельство было неподозрительно, и онъ имѣлъ у всѣхъ больше славы, чѣмъ они. На это указывалъ и евангелистъ, сказавъ: *исхождаше къ нему вся Іудея и вся страна Иорданская* (Матѣ. III, 5). Да и въ то время, когда крестили ученики, народъ не переставалъ приходить къ нему. А если бы кто захотѣлъ узнать, имѣло ли какое-нибудь преимущество крещеніе учениковъ (Іисуса) предъ крещеніемъ Іоанна, — мы скажемъ, что никакого. То и другое крещеніе равно не имѣло благодати Духа, и цѣлю того и другого было только

безъ труда приводить всѣхъ ко Христу и пролагать путь къ вѣрѣ въ Него. А что ни то, ни другое крещеніе не имѣло одно предъ другимъ никакого преимущества, это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Какихъ? *Бысть*, сказано, *спязаніе отъ ученикъ Іоанновыхъ со іудеемъ* ¹⁾ *о очищеніи* (ст. 25). Ученики Іоанновы всегда завидовали ученикамъ Христовымъ, даже самому Христу; когда же увидѣли, что они крестятъ, то начали говорить крещаемымъ, что ихъ крещеніе заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ крещеніе учениковъ Христовыхъ, и, взявъ одного изъ крещенныхъ, усиливались убѣдить его въ томъ, но не убѣдили. А что они сами пришли къ нему, а не онъ искалъ ихъ, послушай, какъ намекаетъ на это евангелистъ. Онъ не говоритъ, что одинъ іудей сталъ состязаться съ ними, а: *бысть спязаніе отъ ученикъ Іоанновыхъ съ іудеемъ оъ очищеніи*.

2. Но замѣтъ и скромность евангелиста. Онъ не употребляетъ словъ укорительныхъ, а, сколько можно было, смягчаетъ вину (учениковъ Іоанновыхъ), говоря просто: *бысть спязаніе*. А что спязаніе это происходило отъ зависти, видно изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, изложенныхъ евангелистомъ также безъ укоризны. *Пріидоша*, говоритъ онъ, *ко Іоанну и рекоша ему: рабви, иже бѣ съ тобою обонтоуъ Іордана, ему же ты свидѣтельствоваа еси, се сей крещаетъ, и вси грядутъ къ нему* (ст. 28), т. е. къ Тому, котораго ты крестилъ; это они выражаютъ словами: *ему же ты свидѣтельствоваа еси*. Они какъ бы такъ говорили: Тотъ, котораго ты сдѣлалъ извѣстнымъ и славнымъ, Тотъ осмѣливается на то же, что и ты дѣлаешь. Но они не сказали: котораго ты крестилъ, — въ такомъ случаѣ они были бы принуждены вспомнить и о гласѣ, бывшемъ свыше, и о сошествіи Духа, — а что они говорятъ? *Иже бѣ съ тобою обонтоуъ Іордана, ему же ты свидѣтельствоваа еси*, то есть, который былъ въ числѣ учениковъ твоихъ, который не имѣлъ въ себѣ ничего больше нашего, Тотъ, отдѣлившись отъ тебя, крещаетъ. Но не этимъ только они думали возбудить Іоанна, а и тѣмъ, что ихъ слава стала наконецъ затмеваться: всѣ, говорятъ они, идутъ къ Нему. Отсюда видно, что они не одолѣли и того іудея, съ которымъ имѣли состязаніе. А говорили это потому, что были еще несовершенны и еще нечисты отъ любочестія. Что же Іоаннъ? Опасаясь, чтобы они, отдѣлившись и отъ него самого, не сдѣлали еще чего-либо болѣе худого, онъ не сильно упрекаетъ ихъ; а что говорить? *Не можате челоуѣкъ приимати ничесоуе, аще не будетъ дано ему съ небесе* (ст. 27).

¹⁾ Въ греч. и слав.: *со іудей*. Но св. Златоустъ, читая: *со іудеемъ*, основываетъ на такомъ чтеніи и послѣдующее свое толкованіе.

Если здѣсь онъ еще не очень высоко отзывается о Христѣ, ты не удивляйся этому; учениковъ, проникнутыхъ такими чувствами, онъ не могъ вдругъ и съ перваго раза научить всему. Онъ хочеть сперва поразить ихъ страхомъ и показать, что они, враждуя противъ Него, враждуютъ не противъ кого-либо другого, а противъ самого Бога. Такимъ образомъ, что говорилъ и Гамалилъ: *не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетеся* (Дѣян. v, 39), то прикровенно выражаетъ здѣсь и Іоаннъ. Говоря: никто не можетъ взять, *аще не будетъ ему дано съ небесе*, онъ показываетъ, что они домогаются невозможнаго и оказываются по- 169 этому богоборцами. Что же? Сообщники Оевды развѣ не отъ себя самихъ взяли? Но они взяли, и тотчасъ были разсѣяны и погибли. Дѣла же Христовы не таковы. Такимъ образомъ Іоаннъ незамѣтно и успокоиваетъ ихъ, показывая, что затмевающий славу ихъ — не человѣкъ, а Богъ. Поэтому, если и дѣла Его славны и всѣ идутъ къ Нему, удивляться не должно: таковы дѣла божественныя, и совершающій ихъ есть Богъ; иначе Онъ никогда не смогъ бы совершить столь великихъ дѣлъ. Дѣла человѣческія удобопостижимы и непрочны, скоро разрушаются и погибають. А эти дѣла не таковы; слѣдовательно, они дѣла не человѣческія. И смотри, какъ слова: *ему же ты свидѣтельствовалъ еси*, которыя ученики Іоанна думали обратить къ униженію Христа, Іоаннъ обращаетъ противъ нихъ же самихъ. Показавъ сперва, что Христосъ прославился не отъ его свидѣтельства, онъ потомъ заграждаетъ имъ уста такимъ образомъ: *не можетъ, говорить, человекъ примати отъ себе ничесоже, аще не будетъ дано ему съ небесе*. Что это значить? Если т. е. вы вполне держитесь моего свидѣтельства и признаете его истиннымъ, то знайте, что по этому самому свидѣтельству надлежитъ предпочитать не меня Ему, а Его мнѣ. А что я свидѣтельствовалъ? Объ этомъ я васъ призываю въ свидѣтели. Поэтому онъ и присовокупляетъ: *сами вы свидѣствуете, яко рече: нѣсмъ азъ Христосъ, но яко посланъ есмъ предъ нимъ* (ст. 28). Итакъ, если вы, держась моего свидѣтельства, ставите это мнѣ на видъ и говорите: *ему же ты свидѣтельствовалъ еси*, то знайте, что Онъ не только не уничижается принятіемъ отъ меня свидѣтельства, но еще болѣе возвышается отъ этого. Иначе говоря, то свидѣтельство было не мое, а Божіе. Такимъ образомъ, если вы меня считаете человѣкомъ достойнымъ вѣроятія, то вѣдь я между прочимъ сказалъ также, что *я посланъ предъ нимъ*. Видишь ли, какъ онъ мало-по-малу показываетъ имъ, что то свидѣтельство есть божественное? Смыслъ его словъ таковъ: я слугитель, и говорю слова Пославшаго меня, не лѣстя Ему по человѣческому пристрастію, но служа Его Отцу.

пославшему меня. Я не угождалъ Ему свидѣтельствомъ своимъ, а говорилъ то, что посланъ сказать. Итакъ не считайте меня по-этому великимъ; въ этомъ открывается Его величіе. Онъ самъ есть Господь всѣхъ этихъ дѣлъ. Объясняя это, Іоаннъ присовокупляетъ: *имѣй невѣсту женихъ есть; а другъ жениховъ, стоя и послушавъ ея, радостію радуется за гласъ жениховъ* (ст. 29). Но почему онъ, говорившій прежде: *нѣмъ достоинъ, да оторышу ремень сапогу ея* (1, 27), теперь называетъ себя другомъ Его? Онъ говоритъ это, не превознося себя и не величаясь, но желая показать, что онъ къ этому-то и стремится, что это происходитъ не противъ его воли и не къ огорченію его, а согласно съ его желаніемъ и стараніемъ, и что къ этому-то онъ и направлялъ всѣ свои дѣйствія. Это онъ весьма разумно и выразилъ названіемъ *друга*, потому что слуги жениха въ подобныхъ обстоятельствахъ не такъ радуются и веселятся, какъ его друзья. Итакъ онъ, называя себя другомъ, этимъ означаетъ не равенство свое со Христомъ,—нѣтъ,—но желаетъ выразить свою радость, а вмѣстѣ и снисходить къ немощи своихъ учениковъ. Онъ указалъ и на служеніе свое, сказавъ: *яко посланъ есмь предъ нимъ*. Но такъ какъ они думали, что онъ огорчается этимъ, то онъ и назвалъ себя другомъ Жениха, показывая такимъ образомъ, что онъ не только тѣмъ не огорчается, но и весьма радуется. Я, говоритъ онъ, и пришелъ на это дѣло, и потому я такъ далекъ отъ того, чтобы огорчаться этими обстоятельствами, что тогда-то наиболѣе сталъ бы огорчаться, когда бы этого не было. Я тогда бы скорбѣлъ, когда бы невѣста не пришла къ Жениху; а не теперь, когда наши желанія исполнились. Если дѣла Жениха преуспѣваютъ, то и мы счастливы. Чего желали мы, то сбылось, и невѣста признала Жениха. И вы сами свидѣствуете, что всѣ идутъ къ Нему. Объ этомъ-то я и старался, къ этому-то и направлялъ всѣ свои дѣйствія. Такимъ образомъ, видя нынѣ исполненіе этого, я радуюсь, веселюсь и торжествую.

3. Но что значать далѣе слова: *стоя и послушавъ ея, радостію радуется за гласъ жениховъ*? Здѣсь отъ притчи онъ переходитъ къ настоящему предмету; упомянувъ о Женихѣ и невѣстѣ, онъ показываетъ, какъ происходитъ введеніе невѣсты: именно—гласомъ и ученіемъ. Такъ Церковь сочетается Богу. Поэтому и Павелъ говоритъ: *отра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ* (Рим. х, 17). Итакъ, этотъ-то гласъ меня радуетъ. Но и выраженіе: *стоя* онъ употребилъ не безъ цѣли, но съ цѣлію—показать, что его дѣло кончено, что ему, послѣ врученія Жениху невѣсты, остается только стоять и слушать, что онъ—служитель и исполнитель и что его благая надежда и радость совершилась. Показывая это,

онъ и присовокупляетъ: *сія убо радость моя исполнися* (29), т. е., дѣло, которое должно было совершиться, мною сдѣлано, и мы уже ничего больше не можемъ сдѣлать. Затѣмъ, чтобы пресѣчь усиленіе скорбныхъ чувствъ (въ своихъ ученикахъ) не на настоящее только время, а и на будущее, онъ открываетъ имъ и будущія событія и удостовѣряетъ въ нихъ какъ тѣмъ, что уже сказано, такъ и тѣмъ, что уже сдѣлано. Для этого онъ присовокупляетъ такія слова: *оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (ст. 30), т. е. наши дѣла остановились и уже кончились, а дѣла Его начинаютъ расти. Чего вы боитесь, то не на нынѣшнее только время предстоить, но еще увеличится въ будущемъ; это именно покажетъ наши дѣла въ полномъ свѣтѣ. Для того я и пришелъ и радуюсь, что Его дѣла получили такое преуспѣваніе, и совершилось то, ради чего было все, сдѣланное нами. Видишь ли, какъ спокойно и съ какою мудростію онъ укротилъ ихъ страсть, погасилъ зависть и доказалъ невозможность ихъ предпріятія,—отъ чего въ особенности и ослабѣваетъ зло? Но это устроилось еще во время жизни и крещенія Іоаннова для того, чтобы они, имѣя въ немъ столь высокаго свидѣтеля, не могли уже ничѣмъ оправдаться, если бы не повѣрили. Онъ не самъ собою пришелъ высказать это, и не потому только говорилъ, что его спрашивали люди посторонніе: его ученики сами и спрашивали его и слушали его. Если бы онъ говорилъ самъ отъ себя, то они могли бы еще не вѣрить; но, слыша его отвѣты на собственные свои вопросы, они уже имѣли приговоръ сами противъ себя. Такъ и іудеи потому именно, что отправляли отъ себя нарочитое посольство къ нему, слышали его отвѣты и однакожь не повѣрили ему,—потому-то и лишили сами себя всякаго оправданія. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что причина всѣхъ золъ—тщеславіе. Оно довело учениковъ Іоанна до зависти; оно же возбудило ихъ зависть и опять, когда они немного уже успокоились. Потому, пришедши къ Іисусу, они говорятъ Ему: *почто ученицы твои не постанутся* (Матѣ. ix, 14)? Будемъ же, возлюбленные, убѣгать этой страсти. А если будемъ избѣгать ея, мы избавимся отъ геенны. Она-то наиболѣе возжигаетъ огонь; она всюду простираетъ власть свою и мучительно обладаетъ всякимъ возрастомъ и всякимъ званіемъ; она испровергла цѣлыя церкви; она вредитъ дѣламъ гражданскимъ; она разоряетъ цѣлыя дома, города, народы, племена. И что удивляешься этому? Она проникаетъ и въ пустыни и тамъ показываетъ великую силу. Часто и тѣ, которые оставляли большія стяжанія и всѣ обольщенія міра, ни съ кѣмъ не имѣли общенія, овладѣвали самыми сильными плотскими пожеланіями, и тѣ, будучи плѣнены пустою славой, теряли все. За

172 эту страсть фарисей, трудившійся много, поставленъ ниже мытаря, который нисколько не трудился, но много совершилъ грѣховъ. Осуждать эту страсть не трудно (всѣ во мнѣніи о ней согласны). А надобно постараться, какъ бы одолѣть ее. Какъ же одолѣть? Будемъ противопоставлять славѣ славу. Какъ мы презираемъ богатство земное, когдазираемъ на богатство небесное, и не дорожимъ настоящею жизнію, когда помышляемъ о жизни гораздо лучшей, такъ мы сможемъ презрѣть и славу настоящаго міра, когда будемъ помышлять о славѣ гораздо высшей, о славѣ истинной. Здѣшняя слава — слава пустая и суетная, имѣющая только имя, безъ дѣла, а та слава, небесная, есть слава истинная, въ которой прославляютъ не люди, но ангелы и архангелы и самъ Владыка архангеловъ, а лучше сказать, вмѣстѣ съ Нимъ и люди. Если будешь смотрѣть на то зрѣлище, если узнаешь тамошніе вѣнцы, если обратишься къ тому прославленію, то земное никогда не овладѣетъ тобою; ты не будешь считать великимъ настоящее и не станешь искать преходящаго. И въ царскихъ палатахъ ни одинъ изъ оруженосцевъ, предстоящихъ царю, не оставитъ службы тому, кто облеченъ діадемою и возсѣдаетъ на престолѣ, чтобы заниматься крикомъ воронъ и жужжаніемъ летающихъ мухъ и комаровъ. А похвалы людей ничѣмъ не лучше этого. Итакъ, зная малоцѣнность человѣческихъ вещей, будемъ все собирать въ безопасныя сокровищницы и искать славы постоянной и неизмѣнной, которой и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXX.

Грядыйъ свыше надъ всѣми есть: сый отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ (Іоан. III, 31).

171 Страшно славолубіе, страшно и исполнено многихъ золъ. Это терніе, съ трудомъ исторгаемое, звѣрь неукротимый, многоглавый, возстающій на тѣхъ самыхъ, которые питаютъ его. Какъ червь поядаетъ дерева, въ которыхъ зараждается, ржа снѣдаетъ жѣлѣзо, въ которомъ появляется, и моль — ткань, такъ и тщеславіе губитъ душу, воспитавшую его въ себѣ. Поэтому много намъ нужно старанія, чтобы истребить въ себѣ эту страсть. Вотъ и здѣсь, сколько Іоаннъ ни внушалъ ученикамъ своимъ, страдавшимъ этимъ недугомъ, однако едва укрощаетъ ихъ. Послѣ

сказанныхъ раньше словъ, онъ обращается къ нимъ и еще съ другою рѣчью; съ какою же? *Грядый съше*, говоритъ онъ, *надъ естми есть: сынъ отъ земли, отъ земли есть, и отъ земли глаголетъ* (Іоан. III, 31). Такъ какъ вы, говоритъ онъ, всюду разносите мое свидѣтельство и говорите, что въ немъ я вполне достоинъ вѣры, то надобно вамъ знать, что Грядущій съ небесъ не можетъ дѣлаться достойнымъ вѣры чрезъ того, кто живетъ на землѣ. Что же значать и что показываютъ слова: *надъ естми есть*? Они показываютъ, что Христосъ ни въ комъ не нуждается, но самъ въ Себѣ доволенъ, и что Онъ выше всѣхъ безъ всякаго сравненія. А сущимъ *отъ земли и отъ земли* глаголющимъ Іоаннъ называетъ себя, и говоритъ такъ не отъ своего ума; но, какъ Христосъ сказалъ: *яже земная рекощъ вамъ, и не струете* (Іоан. III, 12), разумѣя здѣсь крещеніе, не потому, чтобы оно было что либо земное, а по сравненію съ нимъ Своего неизреченнаго рожденія, такъ и Іоаннъ здѣсь называетъ себя глаголющимъ *отъ земли*, сравнивая свое ученіе съ ученіемъ Христовымъ. Не другое что означаютъ слова — *отъ земли глаголетъ*, какъ то, что мои слова, въ сравненіи съ Христовыми, маловажны, скудны, ничтожны, таковы, каковыми и свойственно быть словамъ, получившимъ земное происхожденіе. Но въ Немъ *вся сокровища премудрости и разума сокроуенна* (Кол. II, 3). А что Іоаннъ говоритъ здѣсь не объ умствованіяхъ человѣческихъ, это очевидно изъ его же словъ: *сынъ отъ земли, отъ земли есть*. Но вѣдь въ Іоаннѣ не все было *отъ земли*, а главнѣйшее было небесное; онъ имѣлъ и душу и общеніе Духа не отъ земли. Какъ же Іоаннъ говоритъ о себѣ, что онъ *отъ земли*? 172 Ничего иного это не означаетъ, какъ то, что я малъ и ничего не стою, какъ приходящій отъ земли и на землѣ родившійся; а Христосъ пришелъ къ намъ свыше. Когда же всѣми этими словами Іоаннъ укротилъ страсть своихъ учениковъ, тогда уже съ большимъ дерзновеніемъ вѣщаетъ о Христѣ. Прежде этого излишне было бы говорить о Немъ какія-либо слова, такъ какъ они не могли имѣть для себя мѣста въ умѣ слушающихъ. Но когда Іоаннъ исторгъ терніе, тогда уже безбоязненно начинаетъ бросать сѣмена, говоря: *грядый съ небесе надъ естми есть; и яже видѣ и слыша, се свидѣтельствуею: и свидѣтельства ея никтоже пріемлетъ* (ст. 31, 32). Но, сказавъ о Христѣ эти великія и возвышенныя слова, Іоаннъ опять переходитъ къ слову смиренному. Выраженіе: *яже видѣ и слыша* употреблено человѣкообразно; вѣдь не по зрѣнію и слуху знаетъ Онъ, что знаетъ, но въ природѣ своей все имѣетъ, какъ ишедшій совершеннымъ изъ нѣдръ Отца и не нуждающійся въ наставникѣ, какъ и самъ говоритъ: *якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца* (Іоан. X, 15). Что же значить:

еже видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуєтъ? Такъ какъ посредствомъ этихъ чувствъ мы все познаемъ съ точностію, и считаемъ себя достовѣрными учителями въ томъ, что воспринимаемъ чрезъ зрѣніе и слухъ, потому что не выдумываемъ и не говоримъ лжи, то, желая и здѣсь это выразить, Іоаннъ сказалъ: *еже видѣ и слыша*,—то есть: въ Немъ нѣтъ ничего ложнаго, а все истинно. Какъ и мы часто съ любопытствомъ спрашиваемъ: самъ ли ты слышалъ? да видѣлъ ли? и когда это подтвердится, тогда свидѣтельство становится несомнѣннымъ,—такъ и когда самъ Христосъ говоритъ: *якоже слышу, сужду* (Іоан. v, 80), и: *яже слышахъ отъ Отца моего, глаголю* (viii, 26), и: *еже видѣхомъ, глаголемъ* (iii, 11), и тому подобныя слова, то мы не должны думать, что Онъ говоритъ по наученію отъ другихъ (такъ думать было бы крайне безумно), но что Онъ говоритъ такъ для того, чтобы ничто изъ сказаннаго Имъ не было заподозрѣно безстыдными іудеями. Такъ какъ они еще не имѣли о Немъ надлежащаго понятія, то Онъ часто и обращается къ Отцу, и такимъ образомъ дѣлаетъ для нихъ достойными вѣры слова Свои.

2. Чему ты удивляешься, что Христосъ обращается къ
 173 Отцу, когда Онъ часто обращается и къ пророкамъ и къ Писаніямъ, какъ напримѣръ, когда говоритъ: *та суть свидѣтельствующая о мнѣ* (v, 39)? Но неужели мы будемъ почитать Его меньшимъ даже пророковъ, потому только, что Онъ заимствуетъ отъ нихъ свидѣтельства? Да не будетъ. Такъ онъ только приспособляетъ Свое слово къ немощи Своихъ слушателей, и если говоритъ, что сказанное Имъ слышалъ отъ Отца, то говоритъ не какъ имѣющій нужду въ наставникѣ, но чтобы они вѣрили, что въ Его словахъ нѣтъ ничего ложнаго. А слова Іоанна означаютъ слѣдующее: я долженъ слушать Его, потому что онъ пришелъ свыше и возвѣщаетъ небесное, то, что Онъ одинъ вѣрно знаетъ. Это именно и означаютъ слова: *еже видѣ и слыша. И свидѣтельства ея никтоже пріемлетъ*.

Но Онъ имѣлъ и учениковъ, и словамъ Его многіе внимали: какъ же Іоаннъ говоритъ: *никтоже пріемлетъ? Никтоже*... сказано здѣсь вмѣсто: *немногіе*, потому что, если бы Іоаннъ въ строгомъ смыслѣ сказалъ: *никтоже*, то какъ могъ бы потомъ присовокупить: *пріемый свидѣтельство ея утверди, яко Богъ истиненъ есть* (ст. 83). Здѣсь Іоаннъ касается и своихъ учениковъ, такъ какъ они не совсѣмъ были расположены вѣровать во Христа. А что они и послѣ этихъ словъ не вѣровали въ Него, это очевидно изъ слѣдующихъ сказаній. Будучи въ темницѣ, Іоаннъ для того и посылалъ ихъ ко Христу, чтобы болѣе соединить ихъ съ Нимъ. Но они и тогда едва вѣровали въ Него, на

что и намекалъ Христосъ, сказавъ: *и блаженъ, иже еще не со-
блазнится о мнѣ* (Матѣ. хі, 6). Итакъ, не съ иною цѣлю сказалъ
Іоаннъ: *и свидѣтельства его никтоже пріемлетъ*, какъ для того,
чтобы предостеречь своихъ учениковъ, какъ бы такъ сказалъ:
если не многіе будутъ въ Него вѣровать, то не думайте поэтому,
что ученіе Его ложно; Онъ, *еже видѣ, свидѣтельствова*. Въѣсть съ
этимъ Іоаннъ говорить это въ укоризну безчувственности іудеевъ,
какъ и въ началѣ евангелія евангелистъ Іоаннъ обличаетъ ихъ,
говоря: *во своя прииде, и свои его не пріяша* (Іоан. і, 11); это не
Христу самому упрекъ, а осужденіе непріявшимъ Его. *Пріемный
его свидѣтельство утверди, яко Богъ истиненъ есть* (ш, 83). Этимъ
онъ устрашаетъ ихъ, показывая, что невѣрующій во Христа
не только въ Него не вѣруетъ, но и въ самого Отца; потому и
присовокупляетъ: *еюже бо посла Богъ, глаголю Божіа глаголетъ*
(ст. 34). Такъ какъ Онъ глаголетъ *Божіа*, то вѣрующій или не-
вѣрующій въ Него въ Бога вѣруетъ или не вѣруетъ. Слово:
утверди значить: доказалъ. Говоря такимъ образомъ и усиливая
страхъ ихъ, Іоаннъ прибавляетъ: *яко Богъ истиненъ есть*, показы-
вая этимъ, что не вѣровать въ Христа значить не иное, какъ
осуждать во лжи пославшаго Его Бога. Итакъ, если Онъ ничего
не говоритъ чуждаго Отцу, а все—Отчее, то не слушающій Хри-
ста не слушаетъ Пославшаго Его. Видишь, какъ этими словами
онъ поражаетъ ихъ? Доселѣ они не считали важнымъ дѣломъ
не слушать Христа. Поэтому Іоаннъ и угрожаетъ невѣрующимъ
столь великою опасностію, чтобы знали они, что неповинующіеся
Христу не повинуются самому Богу. Но затѣмъ, продолжая свою
бесѣду, Іоаннъ снисходитъ къ слабости ихъ ума, и говорить: *не
въ мѣру Богъ даетъ Духа* (ст. 34). Какъ я сказалъ, Іоаннъ опять
употребляетъ уничиженный образъ выраженія, разнообразя свое
слово и дѣлая его, такимъ образомъ, удобопріемлемымъ для сво-
ихъ слушателей. Иначе и невозможно было возбудить и усилить
въ нихъ страхъ. Еслибы онъ сказалъ о Христѣ что-нибудь вели-
чественное, высокое, то они не повѣрили бы, а еще стали бы
пренебрегать словами его. Поэтому Іоаннъ все относитъ къ Отцу, 174
а о Христѣ говорить, какъ о человѣкѣ. Что же значать слова:
не въ мѣру Богъ даетъ Духа? Іоаннъ хочетъ показать, что всѣ мы
въ извѣстной мѣрѣ получаемъ силу Духа. Духомъ онъ называетъ
здѣсь силу Его, а она-то и раздѣляется по мѣрѣ. А Христосъ
имѣетъ неизмѣримую всецѣлую силу. Если же сила Его неиз-
мѣрима, то тѣмъ болѣе существо. Но видишь ли, что и Духъ
безпредѣленъ? Итакъ, пріявшій всю силу Духа, вѣдущій все
Божіе, сказавшій: *еже слышахомъ, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣ-
тельствуемъ*, можетъ ли быть въ чемъ-либо подозрѣваемъ? Онъ

не говорить ничего, что не есть Божіе, что не отъ Духа. И между тѣмъ Іоаннъ еще ничего не говоритъ о Богѣ Словѣ, а только именемъ Отца и Духа удостовѣряетъ въ своемъ ученіи, такъ какъ что есть Богъ, они это знали, что есть Духъ, вѣровали, хотя и не имѣли о Немъ надлежащаго понятія, но что есть Сынъ, того не знали. Потому-то онъ всегда обращается къ Отцу и Духу и тѣмъ удостовѣряетъ въ истинѣ Своихъ словъ. А если бы кто, упустивъ изъ виду эту причину, сталъ разсматривать ученіе само по себѣ, то слишкомъ отдалился бы отъ достойнаго понятія о Христѣ, такъ какъ Христосъ не потому достоинъ былъ ихъ вѣры, что имѣлъ силу Духа; Онъ не нуждался въ Его помощи, а самъ въ Себѣ имѣетъ все; но Іоаннъ говоритъ такъ приспособительно къ несовершенному разумѣнію учениковъ, желая мало-по-малу возвысить ихъ понятія. Это я говорю для того, чтобы не поверхностно пробѣгать сказанное въ Писаніи, но дознавать и цѣль говорящаго, и немощь слушающихъ, и другія обстоятельства. Наставники не все говорятъ такъ, какъ бы хотѣли сами, но какъ требуетъ состояніе немощныхъ. Потому и Павелъ говоритъ: *азъ, братіе, не могуъ вамъ глаголати яко духовнымъ но яко плотнымъ: млекоу вы напоити, а не брашномъ* (1 Кор. ш, 1, 2). Я желалъ бы, говоритъ онъ, бесѣдовать съ вами, какъ съ духовными, но не могъ. Почему же? Не потому, чтобы самъ онъ не имѣлъ къ тому силъ, но потому, что они не могли слушать такого ученія. Такъ и Іоаннъ хотѣлъ многому научить своихъ учениковъ, но они еще не могли вмѣстить; потому онъ и ограничивается понятіями болѣе простыми.

8. Итакъ, надобно испытывать все со тщаніемъ. Изреченія Писанія — это духовныя оружія. А если мы не умѣемъ пользоваться оружіемъ и хорошо вооружить имъ учениковъ, то само по себѣ оно будетъ имѣть силу, но ваявшимъ его не можетъ принести никакой пользы. Положимъ, что броня, шлемъ, щитъ, копье крѣпки. Но пусть кто-нибудь, взявъ это вооруженіе, броню надѣнетъ на ноги, шлемъ не на голову, а на лицо, щитъ станетъ держать не передъ грудью, а постарается привѣсить къ ногамъ: будетъ ли тогда польза отъ этого оружія? Не будетъ ли еще вреда? Это всякому очевидно. Но произойдетъ это не отъ слабости оружія, а отъ неопытности того, кто не умѣетъ хорошо пользоваться имъ. Такъ и относительно Писанія: если мы будемъ смѣшивать порядокъ его изреченій, то хотя и въ такомъ случаѣ оно само по себѣ будетъ имѣть свою силу, но намъ не принесетъ никакой пользы. Я, говоря это вамъ всегда и наединѣ и въ общественныхъ собраніяхъ, не имѣю никакого успѣха потому, что вижу, что вы во всякое время привязаны къ житей-

скимъ дѣламъ, а духовныхъ и тѣни нѣтъ у васъ. Поэтому-то и въ жизни мы нерадивы и, подвизаясь за истину, не много имѣемъ силы, а становимся смѣшными и для язычниковъ и для іудеевъ и для еретиковъ. Если бы вы и въ другихъ дѣлахъ показывали такую же безпечность, какъ здѣсь, то и въ такомъ случаѣ это не заслуживало бы извиненія. Но въ житейскихъ дѣлахъ каждый изъ васъ острѣе меча, какъ занимающіеся ремеслами, такъ и исполняющіе гражданскія дѣла. А въ дѣлахъ необходимымъ, духовныхъ, мы совершенно нерадивы; бездѣльемъ занимаемся, какъ дѣломъ, а что слѣдовало бы считать самымъ необходимымъ, того мы не ставимъ наряду даже съ бездѣльемъ. Или вы не знаете, что не для прежнихъ только людей, а и для насъ написано Писаніе? Не слышимъ ли, что говоритъ Павелъ: *сликъ преднаписана быша, съ наше наказаніе преднаписашася, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ писаній утѣшати* (Рим. хv, 4)? Знаю, что напрасно говорю; но не перестану говорить, потому что, дѣлая такъ, оправдаю себя предъ Богомъ, хотя бы никто меня не слушалъ. Проповѣдующій внимательнымъ слушателямъ имѣетъ утѣшеніе въ ихъ покорности; а кто часто проповѣдуетъ, а ему не внимаютъ, и однакожъ онъ не перестаетъ говорить, тотъ достоинъ большей чести, потому что ради угожденія Богу исполняетъ съ своей стороны все, что слѣдуетъ, хотя бы и никто его не слушалъ. Впрочемъ, хотя бы намъ и больше было награды, по причинѣ вашего невниманія, мы лучше желаемъ, чтобы она для насъ уменьшилась, а увеличилась для васъ надежда спасенія, такъ какъ великою для себя наградой считаемъ самое преуспѣяніе ваше. И это говоримъ теперь не для того, чтобы сдѣлать слово наше тяжкимъ для васъ, но чтобы выказать вамъ скорбь о вашемъ нерадѣніи, отъ котораго дай Богъ всѣмъ намъ отстать, и усвоить себѣ ревность духовную, да сподобимся и небесныхъ благъ, благодатію и челоувѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

Отецъ бо любитъ Сына и вся даде въ рущѣ Его. Вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. iii, 35, 36).

Великая польза постепенности открывается во всѣхъ дѣлахъ. Такъ мы успѣваемъ въ наукахъ, не вдругъ всему научаясь отъ

наставниковъ. Такъ мы построили города, воздвигая ихъ по немногу и постепенно; такъ сохраняемъ и нашу жизнь. Не удивляйся, если этотъ порядокъ въ дѣлахъ житейскихъ имѣетъ такую силу; и въ духовныхъ дѣлахъ можно усматривать великую силу этой мудрости. Только такимъ образомъ и іудеи могли освободиться отъ идолослуженія, будучи удаляемы отъ него незамѣтно, мало-помалу, сначала не слыша ничего возвышеннаго ни въ догматахъ, ни въ правилахъ жизни. Такъ и послѣ пришествія Христова, когда настало время для открытія высочайшихъ догматовъ, апостолы всѣхъ приводили ко Христу, на первый разъ ничего не изрекая возвышеннаго. Такъ и Христосъ съ большею частію слушателей бесѣдовалъ съ начала. Такъ поступаетъ и Іоаннъ (Креститель), говоря о Христѣ, какъ бы только о необыкновенномъ человѣкѣ, и только прикровенно изображая возвышенныя Его свойства. Вначалѣ онъ говоритъ: *не можетъ человекъ примати ничесоже, аще не будетъ ему съ небесе* (Іоан. ш, 27); потомъ касается чего-то возвышеннаго, говоря: *грядый свыше надъ всеми есть* (ст. 31). Далѣе опять низводитъ слово къ чему-то смиренному, между прочимъ говоря: *не въ мѣру бо Богъ даетъ Духа* (ст. 34); потомъ опять возвышаетъ (слово): *Отецъ бо любитъ Сына, и вся даде въ руцѣ Ею* (ст. 35); затѣмъ, зная, какую пользу приносить угроза наказанія, и какъ многіе водятся не столько обѣтованіями благъ, сколько угрозами мукъ, заключаетъ свою рѣчь такъ: *спрууи въ Сына имать животъ вѣчный, а иже не спруетъ въ Сына, не узритъ живота, но иже Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. ш, 36). И здѣсь опять, говоря о наказаніи, возводитъ слово къ Отцу. Не сказалъ: *гнѣвъ Сына*, хотя и Онъ есть судія, а представилъ имъ Отца, желая тѣмъ болѣе утѣшить. Но неужели, скажешь, достаточно вѣровать въ Сына, чтобы имѣть животъ вѣчный? Никакъ. Послушай, какъ самъ Христосъ объясняетъ это, говоря: *не всякъ глаголюй ми: Господи, Господи, увидитъ царствіе небесное* (Матѣ. vii, 21).

176 И одной хулы на Духа достаточно, чтобы быть ввержену въ генну.

Но что говорить объ однихъ догматахъ? Хотя бы кто право вѣровалъ и въ Отца и въ Сына и въ Духа Святаго, но если не живетъ, какъ должно, вѣра не принесетъ ему никакой пользы ко спасенію. Поэтому также, когда Христосъ говоритъ: *се же сѣе животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единого истиннаго Бога* (Іоан. xiv, 8), не подумаемъ, что этого и довольно для нашего спасенія. Необходимо еще добрая жизнь и благопослѣдствіе. И хотя Іоаннъ сказалъ: *спрууи въ Сына имать животъ вѣчный*, но затѣмъ присовокупляетъ еще нѣчто болѣе сильное (такъ какъ онъ слагаетъ рѣчь свою не только изъ утѣшительныхъ, но и изъ противополож-

ныхъ словъ, и смотри, какимъ образомъ); онъ прибавляетъ: *а иже не струетъ въ Сына, не узритъ живота, но тѣмъ Божій пребываетъ на немъ*. Однакъжъ и отсюда мы не должны заключать, что довольно одной вѣры для спасенія. Это доказываютъ многочисленныя мѣста въ евангеліи, гдѣ говорится о жизни. Поэтому-то Іоаннъ и не сказалъ: въ этомъ одномъ состоитъ *животъ стѣнный*, или: только вѣрующій въ Сына *имать животъ стѣнный*; но о томъ и другомъ онъ говоритъ только вообще, что въ нихъ есть *животъ вѣчный*. А если затѣмъ не послѣдуютъ дѣла жизни, то наступитъ великое наказаніе. И не сказалъ Іоаннъ: гнѣвъ ожидаетъ его, но: *пребываетъ на немъ*, показывая этимъ, что гнѣвъ никогда не отступитъ отъ него. Чтобы словъ: *не узритъ живота* ты не относилъ къ смерти временной, а вѣровалъ, что наказаніе будетъ безконечное, онъ употребилъ такое выраженіе, которое означаетъ непрестанное мученіе. Дѣлать же это Іоаннъ для того, чтобы такими словами привлечь учениковъ своихъ ко Христу. Поэтому не лично имъ дѣлалъ увѣщаніе, а говорилъ вообще, чтобы тѣмъ болѣе привлечь ихъ. Не сказалъ онъ: если *вы* увѣруете, или: если *мы* не увѣруете; а употребляетъ общія выраженія, чтобы слова его не были для нихъ подозрительны. Но онъ говоритъ съ большею строгостію, тѣмъ самъ Христосъ. Христосъ сказалъ: *не струай уже осужденъ еси* (Іоан. ш, 17); а Іоаннъ: *не узритъ живота, но тѣмъ Божій пребываетъ на немъ*. Это весьма справедливо,—потому что не одно и тоже говорить самому о себѣ и о другомъ. О Христѣ могли бы думать, что Онъ часто такъ говоритъ по самолюбію и тщеславію; но Іоаннъ былъ безопасенъ отъ такого подозрѣнія. Если же впоследствии и Христосъ употреблялъ болѣе сильное слово, то уже тогда, когда іудеи имѣли о Немъ высокое понятіе. *Егда убо разумъ Исусъ, яко услышаша фарисее, яко Исусъ множайшія ученики творитъ и крещаетъ, неже Іоаннъ: Исусъ же самъ не крещаше, но ученици Его: остави Іудею и иде пакы въ Галилею* (Іоан. іv, 1—3). Итакъ, самъ Онъ не крестилъ; но это разглашали вѣстовщики, желая возбудить въ слышащихъ о томъ ненависть къ Нему. Почему же Онъ оставилъ Іудею? Не по боязни, а для того, чтобы пресѣчь клевету и утишить ненависть. Силенъ былъ Онъ и самъ удержатъ ихъ, если бы они возстали на Него, но не хотѣлъ этого дѣлать часто, чтобы не оставить ихъ въ невѣріи о дѣйствительности Его воплощенія. Если бы Онъ часто, при нападеніяхъ, избѣгалъ ихъ, то это для многихъ могло бы быть подозрительно. Поэтому-то во многихъ случаяхъ Онъ дѣйствовалъ болѣе по челоуѣчески. Онъ желалъ, чтобы вѣровали какъ тому, что Онъ Богъ, такъ равно и тому, что Онъ, будучи Богомъ, носилъ плоть. Поэтому и послѣ воскресенія Своего Онъ говорилъ ученикамъ:

ослажите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать (Лук. ххiv, 39). Поэтому же и Петра порицаетъ, когда тотъ говорить Ему: *милосердѣ Ты Господи, не имать быти Тебѣ сіе* (Матѣ. хvi, 22). Такъ много Онъ заботился объ этомъ дѣлѣ.

2. Притомъ же это есть не маловажный догматъ въ Церкви, а самое главное въ дѣлѣ нашего спасенія, и чрезъ это именно все для насъ сдѣлано и совершено: и смерть разрушена, и грѣхъ отъятъ, и клятва уничтожена, и безчисленныя блага дарованы намъ въ жизни. Поэтому Христосъ и желалъ такъ сильно, чтобы вѣровали въ Его воплощеніе — этотъ корень и источникъ безчисленныхъ для насъ благъ. Дѣйствуя же по-человѣчески, Онъ не допускалъ сокрываться и Своимъ божескимъ дѣламъ. Такъ, удалившись въ Галилею, Онъ продолжалъ тоже самое, что и прежде дѣлалъ. Не напрасно удалялся въ Галилею, но для того, чтобы совершать великія дѣла у самарянъ, и устрояеть это не просто, а съ свойственною Ему мудростію, чтобы не оставить іудеямъ никакого предлога даже къ безстыдному извиненію. Выражая это, евангелистъ присовокупляетъ: *подобаше же Ему проити сквозъ Самарію* (ст. 4), и тѣмъ показываетъ, что Онъ это сдѣлалъ какъ бы ненамѣренно. Такъ дѣлали и апостолы. Какъ они, преслѣдуемые іудеями, шли къ язычникамъ, такъ и Христосъ, когда іудеи изгоняли Его, обратился и къ язычникамъ, напримѣръ сдѣлалъ это ради жены сиропфиникійской. Цѣль была та, чтобы отнять у іудеевъ всякое извиненіе и чтобы они не могли сказать: Онъ, оставивъ насъ, пошелъ къ необрѣзаннымъ. Так. обр. и ученики Его, защищая себя, говорили: *отъ бѣ лѣто пересте глаголати слово Божіе, а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се обращаемъ во языки* (Дѣян. хш, 46). И самъ Христосъ: *нѣсмъ посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѣ. хv, 24), или: *нѣсть добро отягати хлѣба чадомъ, и повреци нсомъ* (ст. 26). Когда же они отвергли Его, то этимъ самымъ отверзли дверь язычникамъ. Однако и тогда Онъ не преднамѣренно идетъ къ язычникамъ, а какъ бы мимоходомъ. Итакъ, проходя мимо, *прииде во градъ Самарійскій, маломѣстны Оухаръ, близъ веси, юже даде Іаковъ Іосифу сину своему. Бѣ же ту источникъ Іаковъ* (Іоан. iv, 5, 6). Для чѣго евангелистъ такъ обстоятельно говорить объ этомъ мѣстѣ? Для того, чтобы ты, слыша, какъ говорить жена: *еди ты болій еси отца нашего Іакова, юже даде намъ студенецъ сей* (ст. 12), — не находилъ этого страннымъ. Это было то мѣсто, гдѣ Симеонъ и Левій, въ отмщеніе за Дину, произвели жестокое убійство (Быт. ххiv, 25).

Не лишне сказать, откуда произошли самаряне, потому что еся эта страна называется Самаріею. Откуда же самаряне полу-

чили свое названіе? Соморомъ называлась гора по имени ея владѣльца, какъ и Исаія говорить: *гора же Ефремова Соморомъ* (Ис. vii, 9). Впрочемъ, обитавшіе тамъ назывались не самарянами, а израильтянами. Съ теченіемъ времени, когда они оскорбили Бога, то, въ царствованіе Факея, Ѳеглаефеласаръ, пришедши, взявъ многіе города, напалъ на Илу, умертвилъ его и царство его отдалъ Осіи. На Осію напалъ Салманассаръ, взявъ другіе города, сдѣлалъ ихъ себѣ подвластными и обложилъ данью. Осія сначала уступилъ, потомъ отложился отъ его власти и прибѣгнулъ къ помощи еѳіоплянъ. Ассирійскій царь, узнавъ объ этомъ, пришелъ съ войскомъ, побѣдилъ израильтянъ и, для отвращенія новыхъ возстаній, уже не позволилъ имъ оставаться въ странѣ той, а отвелъ ихъ въ Вавилонъ и Мидію; а оттуда изъ разныхъ мѣстъ вывелъ другія племена и поселилъ въ Самарію, чтобы на будущее время обезопасить свою власть въ этой странѣ, занятой уже вѣрными ему жителями. Тогда Богъ, желая показать Свою силу и то, что Онъ предалъ израильтянъ не потому, чтобы они были безсильны, но за грѣхи ихъ, — посылаетъ на варваровъ львовъ, которые дѣлали зло всему народу. Извѣщенный объ этомъ царь посылаетъ нѣкоего священника ¹⁾ преподавать имъ законъ Божій. Но и тогда они не оставили совершенно своего нечестія, а только отчасти, и ужъ въ послѣдствіи времени, отвергнувъ идоловъ, начали чтить истиннаго Бога. Между тѣмъ іудеи, возвратившіеся наконецъ изъ плѣна, возымѣли ненависть къ нимъ, какъ иноплеменникамъ и своимъ врагамъ, и по имени горы стали называть ихъ самарянами. Не малая вражда съ ними у іудеевъ происходила и оттого, что самаряне принимали не всѣ книги Св. Писанія, а только книги Моисеевы, и не много придавали важности пророкамъ. Они же съ своей стороны старались уравнивать себя въ благородствѣ происхожденія съ іудеями, хвалились своимъ родомъ отъ Авраама и считали его своимъ предкомъ, такъ какъ онъ происходилъ изъ Халден, а Іакова, какъ его потомка, называли своимъ отцемъ. Но іудеи гнушались ими, какъ и всѣми иными народами; потому-то и Христа они поносили именемъ самарянина, когда говорили: *самарянинъ еси ты и блва имати* (Іоан. viii, 48). По той же причинѣ и Христосъ въ притчѣ о шедшемъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ вводитъ самарянина, *оказавшаго ему милосердіе* (Лук. x, 37), — человѣка, по мнѣнію іудеевъ, низкаго, презрѣннаго, гнуснаго; также и въ числѣ десяти прокаженныхъ называетъ одного иноплеменникомъ (а это былъ самарянинъ); да и Самъ заповѣдалъ ученикамъ

¹⁾ Іудейскаго.

своимъ: *на путь языка не идите и во градъ Самарянский не спидите* (Матѣ. х, 5).

3. Но евангелистъ напомнилъ намъ объ Іаковѣ не для того только, чтобы отмѣтить исторію страны, но чтобы вмѣстѣ показать потерю этого мѣста для іудеевъ, уже давно собывшуюся, такъ какъ уже во времена праотцевъ ихъ язычники владѣли, вмѣсто нихъ, этимъ мѣстомъ. Чѣмъ праотцы ихъ владѣли, хотя то и не было ихъ собственностію, то они по нерадѣнію и беззаконію потеряли, хотя это уже было ихъ собственностію. Такъ, нѣтъ никакой пользы происходить отъ хорошихъ предковъ, когда потомки не похожи на нихъ. Варвары, чтобы только избѣжать большей бѣды, тотчасъ обратились къ іудейскому богочтенію; а іудеи, и потерпѣвъ столько наказаній, не вразумились. Итакъ, въ эту страну пришелъ Христосъ, который всегда отвергалъ жизнь изнѣженную и прихотливую, а проводилъ жизнь многотрудную и стѣснительную. Онъ не употреблялъ подъяремныхъ животныхъ, но Самъ путешествовалъ такъ спѣшно, что и утомлялся отъ пути. Да и при всякомъ случаѣ Онъ внушаетъ намъ дѣлать все самимъ, не имѣть ни въ чемъ излишества и не требовать многого. Онъ желаетъ намъ быть до того чуждыми всякаго излишества, чтобы и въ самомъ необходимомъ многое сокращать, потому и говорилъ: *лси язвини имутъ и птицы небесныя ѣзда: Сынъ же человѣческій не имать, идъ главы поклонити* (Мѣ. viii, 20). Такимъ образомъ Онъ очень часто проводилъ время въ горахъ и въ пустыняхъ, не только днемъ, но и ночью. Провозвѣщая это, и Давидъ сказалъ: *отъ потока на пути піеа* (Псал. cix, 7), показывая простоту Его образа жизни. Тоже показываетъ здѣсь и Іоаннъ: *Исусъ же, утруждаея отъ пути, спящие тако на источницѣ: бѣ же часъ яко шестый. Прииде жена отъ Самаріи почерпнати воду; глагола ей Исусъ: даждь ми пити. Ученици бо Его отиди блзху во градъ, да брашна купятъ* (Іоан. iv, 6—8). Изъ этого мы узнаемъ, какъ усиленны были Его путешествія, какъ Онъ не заботился о Своемъ пропитаніи и только мимоходомъ занимался этимъ дѣломъ. Такъ научились и ученики Его удовлетворять свои потребности: они не носили съ собою дорожныхъ припасовъ. На это указываетъ и другой евангелистъ, говоря, что, когда Христосъ сказалъ о квасѣ фарисейскомъ, то ученики думали, что не принесли съ собою хлѣбовъ. Когда Христосъ водилъ съ Собою учениковъ алчущихъ, срывающихъ и ѣдящихъ колосья, также когда говорится, что самъ Онъ, чувствуя голодъ, пришелъ къ смоковницѣ, то этимъ всѣмъ Онъ не чему-нибудь другому научаетъ насъ, какъ презирать чрево и служенія ему не считать достойнымъ заботы. Посмотри и здѣсь: они не при-

несли съ собою ничего, и одпакожъ, не имѣя съ собою пищи, не заботились о ней заранѣе, или съ начала дня, но пошли купить ее въ то время, въ которое обыкновенно всѣ уже обѣдаютъ. А мы, какъ только встаемъ съ одра, заботимся объ этомъ прежде всѣхъ другихъ дѣлъ, призываемъ поваровъ и служителей трапезы и съ большою заботливостію отдаемъ имъ приказанія; а послѣ того уже приступаемъ къ другимъ дѣламъ, всегда одинакожъ заботясь о житейскомъ, преимущественно передъ духовнымъ, и то, что нужно бы считать излишнимъ, признавая необходимымъ. Такъ-то все дѣлается у насъ превратно. Между тѣмъ, слѣдовало бы обращать все вниманіе на духовныя дѣла и, уже исполнивъ ихъ, приниматься за житейскія.

Далѣе, изъ этого видно не только терпѣніе Христа въ трудахъ, но и удаленіе отъ пышности. Онъ не только утомился и сѣлъ на пути, но и остался одинъ, а ученики Его ушли. Конечно, еслибы Онъ пожелалъ, то могъ бы или не всѣхъ учениковъ посылать, или, по удаленіи ихъ, имѣть при себѣ другихъ служителей; но Онъ не хотѣлъ этого; а такимъ образомъ и учениковъ пріучалъ презирать всякую пышность. Что же важнаго, скажетъ кто-нибудь, что они жили скромно, будучи рыбаками и скинотворцами? Правда, они были рыбаки и скинотворцы, но они внезапно воспарили въ высоту небесъ, и сдѣлались важнѣе 180 всѣхъ царей, удостоившись быть собесѣдниками Владыки вселенной и слѣдовать повсюду за этимъ дивнымъ Учителемъ. Вы знаете и то, что люди изъ низкаго состоянія, достигающіе почестей, легче увлекаются высокомеріемъ, неблагородно пользуясь почестями. Итакъ Христосъ, желая утвердить учениковъ Своихъ въ некаменномъ смиренномудріи, училъ ихъ во всемъ умѣрять себя и ни въ какомъ случаѣ не требовать прислужниковъ. Самъ Онъ, какъ говоритъ евангелистъ, *утруждася отъ пути, сядше тако на источникъ*. Видишь, Онъ сѣлъ отъ усталости и жары и для того, чтобы дожидаться учениковъ? Зналъ Онъ, что должно было случится у самарянъ; но не для того, главнымъ образомъ, пришелъ сюда. А хотя и не для этого пришелъ, однако не имѣлъ нужды отгонять пришедшую жену, показавшую такъ много усердія къ Его ученію. Иудеи Его гнали, тогда какъ Онъ именно къ нимъ пришелъ, а язычники привлекали къ себѣ и тогда, когда Онъ шелъ въ иныя мѣста. Тѣ ненавидѣли Его, а эти вѣровали въ Него; тѣ негодовали, а эти удивлялись и поклонялись Ему. Чтоже? Ужели надобно было пренебречь спасеніемъ столькихъ людей и такую искреннюю ревность оставить безъ вниманія? Это недостойно было Его человеколюбія. Поэтому Онъ и устрояетъ все въ настоящемъ случаѣ съ свойственною Ему

мудростію. Онъ садится, для отдохновенія тѣла и прохлады, при источникѣ. Былъ самый полдень, что и означаетъ евангелистъ словами: *въ же часъ яко шестый. И сядше тако.* Что значитъ тако? То есть сѣлъ не на престолѣ, не съ возглавіемъ, но просто, какъ случилось, на землѣ. *Приде жена отъ Самаріи почерпнути воду.*

4. Смотри, какъ показываетъ евангелистъ, что и жена вышла изъ города для другой цѣли,—преграждая всякій поводъ къ безстыдному прекословію іудеевъ, чтобы кто не сказалъ, что Онъ противорѣчитъ собственной заповѣди, повелѣвъ ученикамъ *не входить во градъ самарянскій*, а между тѣмъ самъ бесѣдуя съ самарянами. Для этого также присовокупляетъ, что *ученици Его отиши бяху во градъ, да брашна купятъ*, представляя такимъ образомъ многія причины бесѣды Его съ женою. Что же жена? Услышавъ Его слова: *даждь ми пити*, она очень разумно обращаетъ слова Христовы въ поводъ къ вопросу: *како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши жены, самарянами сущи? Не прикасаются жидове самаряномъ* (Іоан. iv, 9). Почему она думала, что Онъ іудей? Можетъ быть узнала по одеждѣ или по нарѣчію. Но замѣть, какъ осторожна жена. Если надлежало остерегаться, то Іисусу, а не ей; по ея словамъ, не самаряне чуждаются іудеевъ, а іудеи не сближаются съ самарянами; однако жена, будучи сама свободна отъ этого упрека, и думая, что другой ему подвергается, не умолчала, но исправляетъ дѣло, по ея мнѣнію, не согласное съ закономъ. Можетъ быть, кто-нибудь станетъ недоумѣвать, какъ Іисусъ просилъ у нея пить, когда этого не позволялъ законъ? А если Онъ еще предвидѣлъ, что она не дастъ Ему пить, то и поэтому не слѣдовало просить. Что сказать на это? То, что для Него самого нарушение подобныхъ обычаевъ было дѣломъ безразличнымъ. Кто другихъ велъ къ нарушенію іудейскимъ правилъ, Тотъ тѣмъ болѣе самъ могъ нарушать ихъ. *Не входящее во уста,* говорилъ Онъ, *сквернитъ человека, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человека* (Матѣ. iv, 11). Между тѣмъ бесѣда Его съ женою могла быть не малымъ осужденіемъ для іудеевъ, потому что Онъ многократно привлекалъ ихъ къ Себѣ и словами и дѣлами, но они не послѣдовали Ему. А посмотри, какъ жена увлекается простымъ вопросомъ. Самъ Онъ не вступалъ на это дѣло, на этотъ путь ¹⁾, но не препятствовалъ, если къ Нему кто обращался. Хотя Онъ и говорилъ ученикамъ: *во градъ Самарянскій не внидите*, но не повелѣвалъ отгонять приходящихъ. Это слишкомъ было бы недостойно Его человеколюбія. Поэтому Онъ и отвѣчаетъ женѣ и говорить: *аще бы знала еси даръ Божій и*

¹⁾ Разумѣется обращеніе язычниковъ.

кто есть глаголюй ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него и далъ бы ти воду живу (Іоан. iv, 10). Прежде всего показываетъ, что она достойна Его слушать, а не должна быть отвергнута, потому уже открываетъ Себя; она же, какъ только узнала, кто Онъ, тотчасъ готова была и повиноваться и внимать Ему, чего нельзя сказать о іудеяхъ. Они, даже и узнавъ Его, ни о чемъ не спрашивали Его, не имѣли желанія научиться отъ Него чему-либо полезному; напротивъ поносили Его и отгоняли отъ себя. Но вотъ жена, услышавъ Его слова, смотри, съ какою кротостію отвѣчаетъ Ему: *Господи, ни почерпала имини и студенецъ есть глубока: откуда убо имашь воду живу* (ст. 11)? Сейчасъ видно, что Христосъ отклонилъ уже ее отъ низкаго о Немъ понятія, отъ мысли, что Онъ одинъ изъ обыкновенныхъ людей. Она здѣсь не просто называетъ Его Господомъ, но въ знакъ особеннаго уваженія къ Нему. А что она по уваженію это сказала, видно изъ послѣдующей бесѣды. Она не шутитъ, не насмѣхается, а только недоумѣваетъ. А что она не скоро все поняла, не удивляйся. Вѣдь не поялъ и Никодимъ. Что онъ говорилъ? *Како могутъ сія быти* (ш, 9)? *Како можетъ человекъ родитися, старъ смѣ* (4)? И еще: *еда можетъ второе вѣтити во утробу матери своея и родитися*? Но жена говоритъ съ большею скромностію. *Господи, ни почерпала имашь и студенецъ есть глубока: откуда убо имашь воду живу* (Іоан. iv, 11)? Иное горитъ ей Христосъ, а иное она разумѣла. Не слыша отъ Него ничего болѣе сказанныхъ словъ, она и не могла помыслить ничего возвышеннаго, хотя и могла сказать Ему смѣло: если бы Ты имѣлъ воду живую, то не сталъ бы просить у меня воды, а самъ бы прежде Себѣ далъ ее; а теперь Ты только тщеславился. Но ничего подобнаго она не сказала, а какъ сначала, такъ и послѣ отвѣчала Ему съ великою скромностію. Сначала она говоритъ: *како Ты, живдѣнъ смѣ, отъ мене пити просиши*? А не говоритъ такъ, какъ бы разговаривала съ иноплеменникомъ и врагомъ: не быть тому, чтобы я дала воды такому человѣку—врагу и чуждому вашему роду! И потомъ, слушая Его возвышенныя слова о Себѣ самомъ, что особенно раздражаетъ враговъ, она не смѣется, не поноситъ Его, но что говоритъ? *Еда Ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него пить и сынове ею и скоти ею* (ст. 12)? Видишь, какъ она вводитъ сама себя въ именитый родъ іудеевъ? Слова ея значать вотъ что: Іаковъ пользовался этою водою и никакой другой лучшей и самъ не имѣлъ, и намъ не далъ. Такимъ образомъ она показала, что уже съ перваго отвѣта она возымѣла мысль о Немъ высокую, возвышенную, потому что слова: *и той изъ него пить и сынове ею и скоти ею* не иное даютъ разумѣть, какъ то,

что она имѣла мысль о лучшей водѣ, только еще не находила ее и не знала хорошо. Если же выразить яснѣе то, что она хотѣла сказать, то будетъ такъ: Ты не можешь сказать, что Іаковъ, давшій намъ этотъ источникъ, самъ пользовался другимъ, потому что и самъ онъ и дѣти его пили изъ этого; а они не пили бы отсюда, если бы имѣли другую воду, лучшую. Ты и этой воды не можешь достать; а другой лучшей Тебѣ не возможно имѣть; развѣ признаешь Себя самого большимъ Іакова. Откуда же Ты имѣешь ту воду, которую обѣщаешь дать намъ (Іоан. vii, 38)? Іудеи не такъ скромно говорили съ Нимъ,—хотя и съ ними Онъ бесѣдовалъ объ этомъ же самомъ предметѣ и напоминалъ о такой водѣ. Но они не приобрѣли для себя отъ того никакой пользы. А когда Онъ упомянулъ объ Авраамѣ, то они замыслили даже побить Его камнями (viii, 56, 59). Но не такъ обращается съ Нимъ жена, а съ великою кротостію, среди полуденнаго зноя, говорить и слушаетъ все съ терпѣніемъ и не думаетъ подобно іудеямъ сказать: *бгса имать, и неистовъ есть* (x, 20), держитъ меня у источника, ничего не давая, а только величаясь на словахъ. Она терпѣливо внимаетъ, въ ожиданіи найти желаемое.

5. Если жена самарянская показываетъ такое усердіе, чтобы научиться чему-нибудь полезному, и пребываетъ со Христомъ, хотя еще и не знаетъ Его, то какое помилованіе можемъ получить мы, знающіе Его, и притомъ находясь не на источникѣ, не въ пустыни, не среди дня подъ палящими лучами солнца, но въ утреннее время, наслаждаясь подъ этимъ кровомъ тѣни и прохладою, и при всемъ томъ не имѣя терпѣнія выслушать что-либо изъ слова Божія, а тяготясь этимъ? Не такова жена самарянская: она такъ увлекалась словами Спасителя, что и другихъ призывала къ Нему. Іудеи же не только не призывали другихъ, но и желавшимъ придти къ Нему препятствовали и не позволяли. Поэтому и говорили: *еда кто отъ князь въроуе въ Онъ? Или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не есть закона, прокляте суть* (Іоан. vii, 48). Итакъ, будемъ подражать самарянской женѣ; будемъ бесѣдовать со Христомъ. Онъ и теперь среди насъ предстоитъ и говорить къ намъ чрезъ пророковъ и чрезъ учениковъ Своихъ. Будемъ слушать и повиноваться. Доколѣ мы будемъ жить напрасно, безъ пользы? Не дѣлать угодное Богу дѣйствительно значить жить напрасно, или лучше, не только напрасно, но и во вредъ себѣ. Если данное намъ время мы не употребимъ ни на какое полезное дѣло, то, отшедши отсюда, подвергнемся величайшему наказанію за потерю времени. Если получившій деньги для торговыхъ оборотовъ и потомъ истратившій ихъ подвергнется ответственности предъ ввѣрившими ихъ ему, то ужели

не понесетъ наказанія истощившій эту жизнь напрасно? Не для того Богъ ввелъ насъ въ настоящую жизнь и вдунулъ душу, чтобы мы пользовались только настоящимъ, но для того, чтобы все дѣлали для жизни будущей; только безсловесныя созданы для одной настоящей жизни. А мы для того и имѣемъ безсмертную душу, чтобы вполне приготовиться къ той жизни. Если кто спроситъ, какое назначеніе коней, ословъ, быковъ и другихъ животныхъ, то мы скажемъ, что не другое назначеніе, какъ только—служить намъ въ настоящей жизни. А о насъ нельзя этого сказать; для насъ есть лучшее состояніе, послѣ отшествія отсюда; и намъ все надобно дѣлать такъ, чтобы тамъ просіять, ликовать съ ангелами, предстоять Царю,—всегда, въ безконечныя вѣки. Для того и душа наша создана безсмертною, да и тѣло будетъ безсмертно, чтобы мы наслаждались безконечными благами. Если же ты пригвождаешь себя къ землѣ, тогда какъ тебѣ предложены блага небесныя, то подумай, какое въ этомъ оскорбленіе для Дарующаго ихъ. Онъ предлагаетъ тебѣ горня, а ты, не слишкомъ этимъ дорожа, предпочитаешь землю. Поэтому, какъ оскорбленный, Онъ угрожаетъ геенною, чтобы ты изъ этого позналъ, какихъ благъ лишаешь самъ себя. Но да не 183—18
будетъ, чтобы мы подверглись этому наказанію, но ,благоутюдивъ Христу, да сподобимся вѣчныхъ благъ, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

Отвѣща Іисусъ и рече ей: всякъ пійи отъ воды сея, вжаждется паки: а иже піеть отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный (Іоан. iv, 13, 14).

1. Благодать Святаго Духа въ Писаніи называется иногда 183
огнемъ, иногда водою, и это показываетъ, что такія наименованія выражаютъ не существо Его, а только дѣйствіе, потому что Духъ какъ существо невидимое и однородное, не состоитъ изъ различныхъ сущностей. Такъ огнемъ называетъ его Іоаннъ, говоря: *той онъ креститъ Духомъ святымъ и огнемъ* (Матѣ. iii, 11), а водою именуетъ Христосъ: *рыки отъ чрева его истокуть воды живы; сіе же рече о Дусѣ, еяже хощу приимати* (Іоан. vi, 38). Такъ и бесѣдуя съ женою, водою называетъ Духа: *яже піеть отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не*

всаждется во тѣхъ. Называется же Духъ огнемъ—для означенія теплоты благодати, которую Онъ возбуждаетъ, и истребленія грѣховъ; а водою—для выраженія чистоты и обновленія, сообщаемаго отъ Него душамъ, приѣмлющимъ Его. И справедливо. Какъ нѣкій садъ, цвѣтушій различными, плодоносными и вѣчно зеленѣющими деревьями, Онъ уготовляетъ ревностную душу, не допуская въ ней ощущеній ни печали, ни навѣтовъ сатаны, но легко угашая разжженные стрѣлы лукаваго. Но замѣть мудрость Христа, какъ Онъ мало-по-малу возводитъ жену. Онъ не сказалъ ей съ самаго начала: *аще бы вѣдала еси, кто есть златоусть ты: даждь ми пити*; но когда подалъ ей поводъ назвать Его іудеемъ и вызвалъ на упрекъ, тогда, отражая укоризну, сказалъ это. Сказавъ еще: *аще бы вѣдала еси, кто есть златоусть ты: даждь ми пити, ты бы просила у Него*, и обѣщаніемъ чего-то великаго заставивъ вспомнить о праотцѣ, Онъ такимъ образомъ даетъ женѣ прозрѣть. Потомъ, когда она возразила: *еда Ты болій еси отца нашего Іакова*,—Онъ не сказалъ: да, Я больше его, потому что это могло бы показаться ей однимъ тщеславіемъ, когда еще не видно было на то доказательства; но Онъ приготовляетъ ее къ этому именно тѣмъ, что говорить. Онъ не просто говорить: Я дамъ тебѣ воду; но сперва показываетъ недостаточность воды Іакова, а потомъ уже возвышаетъ значеніе Своей воды, желая изъ свойства самыхъ даровъ показать разстояніе и разность между лицами дарующими и Свое превосходство предъ Іаковомъ. Если ты удивляешься, какъ бы такъ говорилъ Христосъ, Іакову, что онъ далъ эту воду, то что скажешь, если Я дамъ тебѣ еще лучшую? Ты уже предварила Меня исповѣданіемъ, что больше Іакова, когда возразила Мнѣ: неужели ты больше отца нашего Іакова, что обѣщаешь дать лучшую воду; а когда получишь эту воду, то уже вполне признаешь Меня большимъ Его. Видишь ли безпристрастное сужденіе жены, которая произноситъ судъ

184 о праотцѣ и о Христѣ, по дѣламъ ихъ? Но не такъ поступали іудеи. Даже видя, что Онъ бѣсовъ изгоняетъ, они не только не считали Его выше праотца, но еще называли бѣснующимся. А жена именно на томъ основываетъ свое сужденіе, на чемъ хочетъ Христосъ, т. е. на доказательствѣ изъ Его дѣлъ, потому что и самъ Онъ на этомъ основывалъ приговоръ о Себѣ, говоря такъ: *аще не творю дѣла Отца моего, не имите Ми отъ: аще же творю, аще и Мнѣ не отруете, дѣломъ моимъ отруите* (Іоан. х, 87, 88). Такимъ точно путемъ и жена приходитъ къ вѣрѣ. Поэтому Христосъ, услышавъ слова ея: *еда ты болій еси отца нашего Іакова*, и оставивъ рѣчь объ Іаковѣ, бесѣдуетъ о водѣ: *оскъ нѣкъ отъ воды сѣя*, говорить Онъ, *всаждется пакы* (Іоан. іv, 18), и дѣлаетъ

такое сравненіе той и другой воды, не оуждая одну, а только показывая превосходство другой. Не говорить, что та вода ничтожна, ничего не значить и достойна презрѣнія; а утверждаетъ то, о чемъ свидѣлствуетъ и самое существо той воды: *всякъ, пійи отъ воды сѣя, въжаждется пакы: а иже пійетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не въжаждется во вѣки* (Іоан. iv, 14). О водѣ живої жена слышала еще прежде того, но не понимала; а такъ какъ живою водою обыкновенно называется непрерывно текущая и бьющая ключемъ изъ неизсякающихъ родниковъ, то жена думала, что и здѣсь говорится объ этой водѣ. Поэтому, еще яснѣе представляя ей то, о чемъ говорить, и изъ сравненія показывая превосходство одной воды передъ другой, Христосъ присовокупляетъ: *а иже пійетъ отъ воды, иже азъ дамъ ему, не въжаждется во вѣки*. Этими, равно и послѣдующими словами, какъ я говорю, Онъ доказываетъ превосходство воды духовной, потому что вода чувственная не имѣетъ въ себѣ ничего подобнаго. Какія же послѣдующія слова? *Вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущій въ животъ вѣчный* (ст. 14). Какъ имѣющій внутри себя сокровенный источникъ никогда не сталъ бы томиться жаждою, такъ и имѣющій эту воду. И жена тотчасъ увѣровала, показавъ себя разумнѣе Никодима, и не только разумнѣе, но и мужественнѣе. Онъ, услышавъ много подобнаго, никого не призвалъ ко Христу, да и самъ оставался въ нерѣшимости, а она совершаетъ дѣло апостольское, всѣмъ благовѣствуя, призывая къ Іисусу, и цѣлый городъ увлекаетъ къ Нему. Никодимъ, услышавъ слова Спасителя, сказалъ: *како могутъ сія быти* (Іоан. iii, 9)? Даже когда Христосъ показалъ ему ясный примѣръ отъ вѣтра, и тогда Никодимъ не принялъ слова Его. А жена не такъ; сначала она недоумѣваетъ, но потомъ, принимая слово Христово безъ предубѣжденія, а какъ прямую истину, тотчасъ склоняется къ вѣрѣ. Какъ только сказалъ Христосъ: *будетъ въ немъ источникъ воды, текущій въ животъ вѣчный*, жена тотчасъ говорить: *Господи, даждь ми воду сію, да ми жажду, ни приложу сѣмо почерпати* (ст. 15).

2. Видишь ли, какъ она мало-по-малу восходитъ на высоту догматовъ? Сначала она почитала Христа за іудея, преступающаго свой законъ; потомъ, когда Онъ опровергъ это обвиненіе (потому что лицу, имѣвшему сообщить ей такое ученіе, не слѣдовало оставаться въ подозрѣніи), она, услышавъ о водѣ живої, подумала, что Онъ говоритъ о чувственной водѣ. Далѣе, узнавъ, что слова Его имѣютъ духовный смыслъ, она вѣритъ, что эта вода можетъ уничтожить чувство жажды, а только не знала, что это за вода, и еще недоумѣвала, считая ее конечно выше 185

воды чувственной, но не имѣя о ней яснаго понятія. Наконецъ, прозрѣвъ точнѣе въ этотъ предметъ, однако еще не все вырази́въ, *Господи, говоритъ, дайждѣ ми воду сію, да ни жажду, ни прихожду съмо почертати* (ст. 15),—она уже предпочитаетъ Христа Іакову. Не буду, говоритъ, имѣть нужды въ этомъ источникѣ, если получу отъ Тебя ту воду. Видишь, какъ она отдаетъ Ему преимущество предъ праотцемъ? Вотъ душа благомыслящая. Она показала, какое высокое мнѣніе имѣетъ о Іаковѣ; но увидѣла высшаго, и уже не удерживается прежнимъ мнѣніемъ. Итакъ, это была жена не легкомысленная (потому что не просто принимаетъ слова; да и какъ это можно сказать, когда она съ такимъ тщаніемъ испытывала ихъ?), неупорная и неспорливая: это она показала самую свою просьбою. Нѣкогда и іудеямъ говорилъ Христосъ: *Азъ есмь живъи́и и животны́и; зрядый ко Мнѣ не имать взалкати и спруй о Мѣ не имать вжаждатися никогда же* (Іоан. vi, 85); но они не только не вѣрили, но и соблазнялись. Жена напротивъ не впадаетъ въ этотъ недугъ, а стоитъ и проситъ. Іудеямъ Онъ говорилъ: *спруй о Мѣ не имать вжаждатися никогда же*, женѣ же говорить болѣе чувственнымъ образомъ: *иже пїетъ отъ воды сѣя, не вжаждется во вѣки*. Обѣтованіе отпосилосъ къ духовнымъ предметамъ, а не къ видимымъ, поэтому, возвышая ея умъ обѣтованіями, останавливается еще на чувственныхъ изображеніяхъ, потому что она не могла еще въ точности постигать духовныхъ предметовъ. Если бы Онъ сказалъ: увѣруй въ Меня — и ты не вжаждешь, то она не поняла бы сказаннаго, еще не зная, кто бесѣдуетъ съ нею и о какой жадѣ говорить Онъ. Почему же Онъ не поступалъ такъ съ іудеями? Потому что они уже видѣли много чудесъ; а жена еще не видѣла ни одного знаменія и только въ первый разъ слышала такія слова. Поэтому-то Онъ открываетъ ей силу чрезъ свое прозрѣніе; впрочемъ не тотчасъ и обличаетъ ее, а что говорить? *Иди, приласи мужа твоего и прииди съмо. Отпѣла жена и рече Ему: не имамъ мужа. Глагола ей Іисусъ: добръ рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ еси же имашь, нѣсть ти мужа. Се воистинну рекла еси. Глагола Ему жена: Господи, вижду, яко пророкъ еси Ты* (Іоан. iv, 16—18).

Какое однако любомудріе въ этой женѣ! Съ какою кротостію она принимаетъ обличеніе! Почему же ей и не принять, — скажешь ты? Но скажи мнѣ: не часто ли и еще сильнѣе обличалъ Онъ и іудеевъ? Не одно вѣдь и тоже — открывать сокровенныя мысли и обнаруживать тайныя дѣла. Первое свойственно одному Богу: мыслей никто не знаетъ кромѣ Того, кто ихъ имѣетъ; а дѣла бываютъ извѣстны всѣмъ соучастникамъ въ нихъ. Но іу-

ден не переносили съ кротостію обличеній, а когда Христосъ сказалъ: *что Мене ищете убити* (Іоан. vii, 19), — они не только не удивлялись подобно женѣ, но еще хулятъ Его и злословятъ; они имѣли доказательства и въ другихъ знаменіяхъ, а жена только это одно услышала; но они не только не дивились, а и попустили Его, говоря: *бѣса ли ищши? Кто Тебе ищетъ убити?* Она же не только не укоряетъ Его, но удивляется, приходитъ въ изумленіе и заключаетъ, что Онъ пророкъ, хотя обличеніе жены было сильнѣе обличенія ихъ. Обличенный въ ней грѣхъ былъ грѣхъ ея одной, а въ нихъ обличаемы были общіе грѣхи; но мы не такъ терзаемся обличеніемъ грѣховъ общихъ, какъ нашихъ частныхъ. Притомъ іудеи думали, что сдѣлають великое дѣло, если убьютъ Христа; а дѣло жены всѣ признавали худымъ. Не смотря на все это, она не досадуетъ, а изумляется и удивляется. Точно также Христосъ сдѣлалъ съ Наананіломъ; не вдругъ показалъ свое прозрѣніе, не тотчасъ сказалъ: *суица подѣ смоковницею видѣтъ тя*, но тогда уже, когда тотъ спросилъ: *како мя знаеши* (Іоан. i, 48)? Христосъ желалъ, чтобы и прореченія Его и чудеса получали свое начало отъ тѣхъ, которые приходятъ къ Нему, и для того, чтобы такимъ образомъ болѣе ихъ сблизить съ Собою, и для того, чтобы самому избѣжать подозрѣнія въ тщеславіи. Такъ Онъ дѣлаетъ и здѣсь. Предупреждать жену обличеніемъ, что она не имѣетъ мужа, — это могло показаться тягостнымъ и неумѣстнымъ; но сдѣлать обличеніе, получивъ отъ ней самой къ тому поводъ, это и весьма умѣстно было, и побуждало ее саму съ большею кротостію выслушать обличеніе. Но какая, скажешь ты, послѣдовательность въ словахъ: *иди, приласи мужа твоего*? Рѣчь была о дарѣ благодати, превышающей человѣческое естество, жена настоятельно желала получить этотъ даръ; вотъ Онъ и говоритъ: *иди, приласи мужа твоего*, какъ бы показывая этимъ, что и мужъ долженъ имѣть участіе въ дарѣ. Жена, спѣша получить и скрывая постыдныя свои дѣла, притомъ же думая, что бесѣдуетъ съ простымъ человѣкомъ, говоритъ: *не имамъ мужа*. Услышавъ это, Христосъ уже благовременно теперь вводитъ въ Свою бесѣду обличеніе, съ точностію высказывая то и другое: Онъ и всѣхъ прежнихъ мужей перечисляетъ и обнаруживаетъ того, котораго она въ то время скрывала. Что же жена? Не досадуетъ, не бѣжитъ отъ Него, и не считаетъ этого обстоятельства причиною къ негодованію на Него, но еще болѣе удивляется Ему, еще болѣе оказываетъ твердости. *Вижу*, говоритъ, *яко пророкъ еси Ты*. Замѣтъ ея благоразуміе. И послѣ того она не тотчасъ покоряется Ему; но еще размышляетъ и удивляется. Слово ея — *вижу* значитъ: мнѣ кажется, что Ты пророкъ. Но какъ только возымѣла

о Немъ такое понятіе, уже ни о чемъ житейскомъ не спрашиваетъ Его: ни о тѣлесномъ здравіи, ни объ имѣніи или богатствѣ, но тотчасъ—о догматахъ. Что она говоритъ? *Отцы наши въ горы сей поклонилися*, разумія Авраама и его дѣтей; здѣсь, какъ сказываютъ, онъ припосилъ въ жертву сына своего; и *вы малолетѣ, яко во Иерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (Іоан. iv, 20).

8. Видишь ли, какъ она стала возвышеннѣе въ своихъ мысляхъ? Та, которая заботилась только объ утоленіи жажды, уже вопрошаетъ о догматахъ. Что же Христось? Не разрѣшаетъ вопроса (не о томъ Онъ и заботился, чтобы только отвѣчать на ея вопросы,—это завлекло бы слишкомъ далеко); но снова возводитъ жену еще на большую высоту, и однако не прежде ей объ этомъ говорить, какъ уже исповѣдала она, что Онъ пророкъ, чтобы она съ большимъ убѣжденіемъ выслушивала слова Его. Убѣдившись въ томъ, что Онъ пророкъ, она уже не могла сомнѣваться въ томъ, что Онъ послѣ могъ ей сказать. Итакъ устыдился же мы и будемъ краснѣть. Жена, имѣвшая пять мужей и притомъ самарянка, показываетъ такое тщаніе относительно догматовъ, и ни время дня, ни то, что она пришла за другимъ дѣломъ, и ничто иное не отвлекаетъ ее отъ желанія познать ихъ: мы же не только не спрашиваемъ о догматахъ, но во всемъ поступаемъ безъ вниманія и какъ случится. Поэтому и все у насъ въ пренебреженіи. Кто изъ васъ, скажите мнѣ, находясь дома, беретъ въ руки христіанскую книгу, вникаетъ въ ея содержаніе и испытуетъ Писаніе? Никто не можетъ этого сказать о себѣ. Пашки и игральныя кости можно найти у весьма
187 многихъ, а книги ни у кого, или у немпогихъ, да и тѣ запи-
маются ими не болѣе такихъ, которые вовсе ихъ не имѣютъ, связывая и павсегда отлагая ихъ въ шкафы; вся забота у нихъ только о тонкости кожи (на которой писаны книги), о красотѣ письма, а не о чтеніи. Да и приобрѣтаютъ книги не для пользы, а для того, чтобы выказать этимъ свое богатство и похвастать. До такой крайности доходитъ тщеславіе! Я не слышу, чтобы кто-нибудь похвалился тѣмъ, что знаетъ содержащееся въ книгахъ, а слышу, какъ хвалятся тѣмъ, что книги ихъ написаны золотыми буквами. Скажи мнѣ, какая отъ этого польза? Не для того дано Писаніе, чтобы мы имѣли его въ книгахъ, но чтобы начерчивали его въ сердцахъ нашихъ. Заключать заповѣди только въ письменахъ,—такого рода стяжаніе ихъ свойственно только іудейскому тщеславію; а намъ и вначалѣ данъ законъ не такъ, но—на плотяныхъ скрижаляхъ сердца (2 Кор. ш, 8). Говоря это, я не пренятствую приобрѣтать книги; напротивъ, хвалю это и даже прошу объ этомъ; желаю

только, чтобы изъ книгъ слова и мысли переходили въ нашу душу и она, усвоивъ разумъ письменъ, такимъ образомъ очищалась. Если діаволь не дерзаетъ проникнуть въ тотъ домъ, гдѣ есть Евангеліе, тѣмъ болѣе души, усвоившей себѣ мысли Писанія, не коснется и не нападетъ ни бѣсъ, ни грѣхъ. Итакъ освяти твою душу, освяти и тѣло, имѣя всегда Св. Писаніе и на устахъ и въ сердцѣ. Если срамословіе оскверняетъ насъ и вызываетъ бѣсовъ, то очевидно, что духовное чтеніе освящаетъ и привлекаетъ благодать Духа. Писанія суть божественныя пѣснопѣнія. Станемъ же воспѣвать ихъ въ себѣ и изъ нихъ приготовимъ врачество противъ недуговъ душевныхъ. Если бы мы знали важность читаемаго, то и слушали бы съ большею ревностію. Это я всегда говорю и не перестану говорить. Не странно ли, что бывающіе на зрѣлищахъ пересказываютъ другъ другу о именахъ возницъ и плясунѣвъ, ихъ происхожденіи, отчизнѣ, родѣ занятій, тщательно также рассказываютъ о достоинствахъ и недостаткахъ коней; а собирающіеся здѣсь не знаютъ ничего, что здѣсь происходитъ, даже не знаютъ и числа книгъ священныхъ? Если ты гоняешься за тѣмъ для удовольствія, то я покажу тебѣ, что здѣсь удовольствія гораздо больше. Что пріятнѣе, скажи мнѣ, что удивительнѣе: видѣть ли, какъ человѣкъ борется съ человѣкомъ, или—какъ человѣкъ сражается съ діаволомъ, какъ плотское существо состязается съ безплотною силою и одолеваетъ ее? Вотъ на эти-то борьбы надобно смотрѣть; имъ и подражать похвально и полезно, и подражая, можно быть увѣнчаннымъ, а не на тѣ борьбы смотрѣть, въ которыхъ соревнованіе напоситъ стыдъ подражателю. На ту борьбу ты согласишься вмѣстѣ съ бѣсами, а на эту—съ ангелами и съ самимъ Господомъ ангеловъ. Скажи мнѣ, если бы тебѣ дозволено было сидѣть съ владыками и царями, смотрѣть, и вмѣстѣ съ ними наслаждаться зрѣлищемъ, не почелъ ли бы ты этого величайшею для себя честію? А здѣсь, вмѣстѣ съ Царемъ ангеловъ созерцая и видя, какъ діаволь, схваченный за хребетъ, всѣ усилія употребляетъ, чтобы одолѣть, но нисколько не осиливаетъ, ты не спѣшишь на такое зрѣлище? Да какъ это сдѣлать,—скажешь ты? Имѣй въ рукахъ книгу (Св. Писанія). Въ ней ты увидишь и мѣсто борьбы, и дліиноту бѣга, и нападеніе діавола, и искусство праведника. Смотря на эту брань, и самъ научишься бороться и освободишь себя отъ бѣсовъ. А то, что совершается на мірскихъ представленіяхъ, есть торжество бѣсовъ, а не зрѣлище подвиговъ человѣческихъ. Если не позволительно входить въ капище идольское, тѣмъ болѣе—ходить на праздникъ сатанинскій. Говорить и наскучать вамъ объ этомъ я не перестану, пока не увижу исправленія,—

говорить это мнѣ не *лично*, *вамъ же твердо* (Фил. ш, 1). Не оскорбляйтесь моимъ увѣщаніемъ; если кому надобно оскорбляться, то мнѣ, часто говорящему и не видящему послушанія, а не вамъ, всегда объ этомъ слышащимъ и никогда не слушающимся. Но да не будетъ, чтобы вы постоянно были обвиняемы въ этомъ; да избавитесь отъ этого стыда, и удостоившись духовнаго зрѣлища, да сподобитесь будущей славы, благодатію и человеколюбемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

Глагола ей Іисусъ: жено, вѣру Ми ими, яко грядеть часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитесь Отцу. Вы кланяетесь, егоже не вѣсте; мы кланяемся, егоже вѣмы, яко спасеніе отъ Іудей есть (Іоан. iv, 21, 22).

187

1. Вездѣ нужна намъ, возлюбленные, вѣра; вѣра — мать всѣхъ благъ, врачество ко спасенію; безъ нея невозможно усвоить ничего изъ высокихъ догматовъ. Подобно тому какъ люди, усиливающіеся переплыть море безъ корабля, хотя и могутъ немного проплыть, дѣйствуя руками и ногами, но, простираясь далѣе, скоро поглощаются волнами, такъ и тѣ, которые руководятся только собственнымъ разумомъ, прежде нежели чему-нибудь научиться, претерпѣваютъ кораблекрушеніе, какъ и Павелъ говоритъ, что нѣкоторые относительно вѣры подверглись кораблекрушенію.¹⁾ (1 Тим. i, 19). Чтобы и намъ того же не потерпѣть, будемъ держаться этого священнаго якоря, которымъ и Христосъ нынѣ ве-

188 деть жену. Когда она сказала: *отцы наши въ горѣ сей поклонилися, и ты глаголетъ, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятся подобаетъ*, — Христосъ отвѣчалъ ей: *жено, вѣру Ми ими, яко грядеть часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитесь Отцу*. Здѣсь Онъ открываетъ ей важный догматъ, котораго не сказалъ ни Никодиму, ни Наанайлу. Она старалась доказать превосходство своихъ обрядовъ предъ іудейскими и подтверждала это примѣромъ своихъ отцевъ; но Христосъ не отвѣчалъ ей на этотъ запросъ, потому что излишне было бы тогда говорить объ этомъ и объяснять, почему отцы ея въ горѣ той поклонялись, а іудеи въ Іерусалимѣ. Итакъ Онъ умолчалъ объ этомъ. Но отвергая важность равно того и другого мѣста, Онъ возвышаетъ душу жены

¹⁾ Такъ въ подлинномъ: *ἐναυαγίζοντο*. Слав.: *отъ моря отпадоша*.

внушеніемъ, что ни іудей, ни самаряне не имѣютъ ничего великаго въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣетъ быть даровано въ будущемъ,—и затѣмъ уже изъясняетъ различіе между ними. Но при этомъ отдаетъ предпочтеніе іудеямъ, не мѣсто предпочитая мѣсту, 189 но въ самомъ духѣ давая преимущество іудеямъ. Христосъ какъ бы такъ сказалъ: о мѣстѣ нѣтъ нужды спорить, но въ образѣ богочитанія іудей имѣютъ преимущество предъ самарянами,—потому что, говоритъ, *вы кланяетесь, еіюже не вѣстѣ; мы кланяемся, еіюже тѣмъ*. Какъ же самаряне не вѣдали, кому поклонялись? Они думали, что Богъ ограничивается мѣстомъ и существуетъ въ одной какой-либо странѣ; сообразно съ такимъ понятіемъ онѣ и служили Ему. Такъ, отправивъ посольство къ персамъ, извѣщали, что богъ этого мѣста негодуетъ на насъ, представляя его такимъ образомъ нисколько не выше идоловъ. Поэтому они продолжали служить и бѣсамъ и Богу, смѣшивая то, что не можетъ быть смѣшано. Но іудей были свободны отъ этого заблужденія, признавали Бога, хотя и не всѣ, Богомъ вселенной. Поэтому Христосъ и говоритъ: *вы кланяетесь, еіюже не вѣстѣ; мы кланяемся еіюже тѣмъ*. Не удивляйся, что Христосъ причисляетъ Себя къ іудеямъ. Онъ говоритъ примѣнительно къ понятію жены, какъ іудейскій пророкъ. Потому и употребилъ выраженіе: *мы кланяемся*. Что Онъ самъ есть лице покланяемое, это теперь всякому извѣстно: покланяться—дѣло твари, а Господу твари свойственно принимать поклоненіе. Пока же Онъ бесѣдуетъ какъ іудей, потому и говоритъ: *мы*, то есть іудей. А и возвышая такимъ образомъ іудейскій законъ, Онъ снова внушаетъ къ Себѣ самому довѣріе и убѣждаетъ жену еще болѣе внимать Его словамъ, потому что ставитъ ученіе Свое внѣ подозрѣнія и даетъ видѣть, что возвышаетъ вѣру іудеевъ не по единству рода, какъ ихъ единоплеменникъ. Тотъ, кто отзывается такъ о такомъ мѣстѣ, которымъ іудей наиболѣе хвалились и приписывали себѣ преимущество предъ всѣми народами,—кто уничтожаетъ столь важное для нихъ преимущество, тотъ, очевидно, не въ угоду кому-либо говорить объ этомъ, а поистинѣ и по силѣ пророческой. Итакъ, отдаливъ жену отъ подобныхъ помысловъ словами: *жено, вѣру Ми ими* и проч., Христосъ затѣмъ присовокупляетъ: *яко спасеніе отъ Іудей есть*. Слова эти означаютъ или то, что изъ іудей произошли блага для вселенной (такъ какъ здѣсь получило начало познаніе Бога, отверженіе идоловъ и всѣ другіе догматы; да и ваше поклоненіе, хотя и неправильное, отъ іудеевъ ведетъ свое начало); итакъ или это, или же свое пришествіе въ міръ Онъ называетъ спасеніемъ; а лучше, не погрѣшнѣ тотъ, кто и то и другое назоветъ спасеніемъ, которое, по словамъ Христовымъ, *отъ Іудей есть*. На то

указывая, и Павелъ сказалъ: *отъ ннѣже Христосъ по плоти снй надъ естми Богъ* (Рим. ix, 5). Видишь, какъ Христосъ восхваляетъ ветхіѣ завѣтъ и показываетъ, что этотъ завѣтъ корепь благъ и что самъ Онъ ни въ чемъ не противорѣчитъ закону. Но хотя Онъ и говорить, что начало всѣхъ благъ отъ іудей, однако *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истиннии поклонники поклонятся Отцу духомъ и истинною* (ст. 23). Мы, говоритъ, превосходимъ васъ, жена, образомъ нашего поклоненія; но и оно наконецъ прекратится; измѣнится не только мѣсто, но и самый образъ служенія Богу, и это уже близко: *грядетъ часъ и нынѣ есть*.

2. Такъ какъ пророки за долгое время изрекали свои предвѣщанія, то Христосъ, отклоняя здѣсь подобное предположеніе, говоритъ: *и нынѣ есть*. Не думай, говоритъ, что это предсказаніе исполнится только спустя долгое время. Это событіе уже наступаетъ; уже скоро *истиннии поклонники поклонятся Отцу духомъ и истинною*. Словами: *истиннии поклонники* Онъ исключаетъ іудеевъ вмѣстѣ съ самарянами. Хотя первые лучше послѣднихъ, но гораздо хуже будущихъ поклонниковъ, — настолько, насколько прообразъ ниже истины. Говоритъ же Онъ здѣсь о Церкви, потому что ей свойственно истинное и достойное Бога поклоненіе Богу. И *Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему* (ст. 23). Если же Онъ издревле таковыхъ искалъ, то дозволилъ іудейскій образъ поклоненія не потому, чтобы Самъ этого желалъ, а по снисхожденію и для того, чтобы и іудеевъ привести къ истинѣ. Кто же это истинные поклонники? Это — тѣ, которые не ограничиваютъ служенія Богу какимъ-либо мѣстомъ, а поклоняются Ему духомъ, какъ и Павелъ говоритъ: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертвою живою, святою, благоугодною Богови, словесное служеніе ваше* (Рим. xii, 1). Когда же Христосъ говоритъ: *Духъ есть Богъ*, то этимъ выражаетъ, что Онъ безтѣлесенъ. А безтѣлесному и служеніе подобаетъ такое же и должно быть приносимо въ томъ, что въ насъ есть безтѣлеснаго, т. е. въ душѣ и чистомъ умѣ. Потому и говоритъ: *иже кланяется Ему, духомъ и истинною достоинъ кланятися* (ст. 24). Такъ какъ и самаряне, и іудеи не радѣли о душѣ, а много имѣли попеченія о тѣлѣ, очищая его всевозможнымъ образомъ, то Онъ и говоритъ, что не чистотою тѣла, но тѣмъ, что въ насъ есть безтѣлеснаго, т. е. умомъ, должно служить Безтѣлесному. Итакъ не овецъ и тельцовъ, но себя самого принести Богу во всесожженіе; это и значить: *представить жертву живу. И истинною достоинъ кланятися*. Прежнія установленія, какъ то: обрѣзаніе, всесожженія, жертвы, куренія — были только прообразы; нынѣ же все истина. Не плоть подобно намъ обрѣзывать, а лукавыя помыслы, распинать себя,

потреблять и умерщвлять неразумныя пожеланія. Иаумляется жепа такимъ словамъ Его, и не будучи въ состояніи возвыситься до этой высоты ученія, въ недоумѣніи, послушай, что говоритъ: *такъ яко Мессія придетъ, глаголемый Христосъ; егда той придетъ, возыстѣетъ на насъ вся. Глагола ей Иисусъ: Азъ есмь, глаголюй съ тобой* (25, 26). Откуда у самарянъ было ожиданіе пришествія Христова. когда они принимали только Моисея? Изъ самыхъ Писаній Моисея. Въ самомъ началѣ онъ уже сообщаетъ откровеніе о Сынѣ. — слова: *сотворимъ челоуки по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26) сказаны къ Сыну. И бесѣдовавшій съ Авраамомъ въ кушѣ былъ Сынъ (хvш, 1). И Іаковъ о Немъ пророчествовалъ, говоря: *не оскуднѣетъ князь отъ Іуды и возсѣдъ отъ чреслъ его, дондеже придутъ отложениа ему и той чашіе лзыковъ* (Быт. хlix, 10). И самъ Моисей говоритъ: *пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой: того послушайте* (Втор. хvш, 15). Также повѣствованія о змѣ, о жеалѣ Моисея, объ Исаакѣ, объ агнцѣ и многія другія могли возвѣщать Его пришествіе желающимъ понять. Почему же, скажешь, Христосъ не указывалъ женѣ на эти прообразованія, тогда какъ Никодиму указалъ на змія, а Наананилу напомнилъ пророчества; ей же ничего такого не сказалъ? Почему это, по какой причинѣ? Потому, что тѣ были мужи и занимались этими предметами, а она — жена убогая, неученая, несвѣдущая въ Писаніяхъ. Потомъ Онъ и не бесѣдуетъ съ нею отъ Писаній, а привлекаетъ ее къ Себѣ обѣщаніемъ воды и своею прозорливостію, приводитъ ей такимъ образомъ на память Христа и наконецъ открываетъ Себя. Если бы Онъ ей сказалъ это съ самаго начала, когда она еще не спрашивала Его, то ей показалось бы, что Онъ говоритъ пустое и несбыточное. А теперь, мало-по-малу приведши ей на память, благовременно открываетъ и Себя. Іудеямъ, хотя они и часто говорили: *доколы души наша взмелеши? Аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся* (Іоан. х, 24), — Онъ не давалъ отвѣта яснаго; а женѣ самарянской прямо сказалъ о Себѣ, что Онъ — Христосъ. Это потому, что жепа была благонамѣреннаѣ іудеевъ; они спрашивали не для того, чтобы научиться отъ Него, а чтобы постоянно насмѣхаться надъ Нимъ; а если бы они желали научиться, то для этого достаточное было поученіе имъ и въ бесѣдахъ Его, и въ Писаніяхъ, и въ чудесахъ Его. Но жена, что говорила, говорила отъ искренняго сердца, съ чистымъ намѣреніемъ, и это очевидно изъ ея послѣдующихъ дѣйствій. Она и сама слушала Его и вѣровала, и другихъ привлекала къ вѣрѣ; да и во всемъ видны усердіе и вѣра жены. И тогда приходитъ ученици Его (Іоан. iv, 27). Весьма благовременно пришли они, потому что поученіе уже было окончено. И чудихуся.

яко съ женою глаголаше, обаче никтоже рече: чего ищещи, или что глаголаещи съ нѣю?

3. Чему они удивлялись? Кротости Его и крайнему смиренію, — въ томъ, что Онъ, будучи столь великъ, съ такимъ смиренномудріемъ благоволилъ бесѣдовать съ женою бѣдною и притомъ самарянкою. А хотя и удивлялись, однако не спрашивали о причинѣ бесѣды. Такъ они были научены соблюдать обязанность учениковъ, такъ Его боялись и уважали. Хотя не имѣли еще тогда объ Немъ надлежащаго понятія, смотрѣли однакожь на Него, какъ на дивнаго человѣка, и питали къ Нему великое уваженіе. Правда, во многихъ случаяхъ они показывали и много смѣлости, какъ напримѣръ Іоаннъ припадать на перси Его, или, приступивъ къ Нему, говорили: *кто болій есть въ царствѣи небесныхъ* (Мѣ. хvш, 1)? Также сыны Зеведеевы просили Его, чтобы одному сидѣть одесную Его, а другому ошуюю (Марк. х, 35). Почему же въ настоящемъ случаѣ они не спрашивали Его? Потому, что тѣ всѣ случаи касались ихъ самихъ, и потому они имѣли нужду спрашивать; а настоящее обстоятельство нисколько ихъ не касалось. Да и Іоаннъ дѣлалъ такъ ¹⁾, спустя долгое время, уже подъ конецъ, когда пользовался особенною близостію къ Нему и былъ совершенно увѣренъ въ любви Христа: Онъ, какъ сказано, былъ тотъ ученикъ, *егоже любляше Іисусъ*. Что можетъ сравниться съ такимъ блаженствомъ? Но мы, возлюбленные, не будемъ ограничиваться только тѣмъ, чтобы ублажать апостола, а будемъ все дѣлать такъ, чтобы быть самимъ въ числѣ ублажаемыхъ; будемъ подражать евангелисту, и для того посмотримъ, чѣмъ онъ приобрѣлъ столь великую любовь. Чѣмъ же? Онъ оставилъ отца, лодку и сѣти и послѣдовалъ за Христомъ. Но это было въ немъ общее съ братомъ его, съ Петромъ, Андреемъ и съ другими апостолами. Что же было особеннаго, отъ чего происходила великая любовь Христова? Самъ евангелистъ ничего такого не говоритъ о себѣ, кромѣ того, что былъ любимъ Спасителемъ; а о доблестяхъ, за которыя былъ любимъ, по скромности умалчиваетъ. Что Христосъ любилъ его особенною какою-то любовію, это всѣмъ очевидно; однако не видно, чтобы Онъ бесѣдовалъ съ Христомъ или вопрошалъ Его о чемъ-либо отдѣльно отъ прочихъ, какъ это дѣлали часто Петръ, Филиппъ, Іуда и Ѳома; только тогда это видимъ, когда Іоаннъ хотѣлъ угодить и оказать послушаніе соапостолу (хш, 24, 25). Когда первоверховный апостолъ побуждалъ его къ тому знакомъ, тогда онъ и спросилъ

192 Іисуса, — потому что оба эти апостолы имѣли великую любовь

¹⁾ Т. е. возлежалъ на перси Христа.

между собою. Такъ видимъ, что они вмѣстѣ и въ храмъ входили и вмѣстѣ говорили къ народу. Правда, Петръ всегда съ большею горячностію и дѣйствуетъ и говоритъ, а подѣ конецъ и отъ самого Христа слышалъ: *любими ли Мя паче сихъ* (Іоан. ххі, 15)? А любящій *больше сихъ* конечно былъ и самъ любимъ. Но это очевидно происходило отъ любви къ Іисусу, а то отъ любви самого Іисуса. Итакъ, что же возбуждало особенную любовь къ Іоанну? Мнѣ кажется, то, что этотъ мужъ показывалъ особенную скромность и кротость; потому-то онъ не обнаруживалъ ни въ какомъ случаѣ смѣлости. А какъ велика эта добродѣтель, видно изъ примѣра Моисея, котораго это-именно и сдѣлало столь великимъ и славнымъ.

Съ смиренномудріемъ ничто не можетъ сравниться. Потому и Христосъ началъ съ него ученіе о блаженствахъ: намѣреваясь положить какъ бы основаніе величайшаго зданія, Онъ поставилъ прежде всего смиреніе. Безъ него невозможно, невозможно спастись; хотя бы кто постился, молился, подавалъ милостыню, но если дѣлаетъ съ гордостію, и не имѣетъ смиренія,—все это мерзко; а если дѣлается со смиреніемъ, то возжелѣнно, достолюбезно и благонадежно. Итакъ, смиримъ себя, возлюбленные, смиримъ; и если будемъ бодрствовать надъ собою, то эта добродѣтель будетъ для насъ очень легка. Да и что въ самомъ дѣлѣ можетъ возбуждать тебя къ гордости, человѣкъ? Не видишь ли ты ничтожества твоего естества,—удобопреклонности (ко алу) твоей волн? Подумай о своей кончинѣ, помысли о множествѣ грѣховъ. Но, можетъ быть, ты совершилъ много великихъ дѣлъ,—и потому высокоумствуешь о себѣ? Но этимъ-то и теряешь все. Не столько грѣшнику, сколько добродѣтельному нужно заботиться о смиреніи. Почему такъ? Потому что грѣшникъ понуждается къ смиренію совѣстію, а добродѣтельный, если не очень бодрствуетъ надъ собою, какъ будто подъятый вѣтромъ, превозносится и тотчасъ омрачается подобно извѣстному фарисею. Ты помогаешь бѣднымъ, но ты подаешь имъ не свое, а Господне, общее для всѣхъ подобныхъ тебѣ рабовъ Его. Поэтому-то, въ несчастіи ближняго провидя и свое собственное и въ другихъ изучая свою природу, тѣмъ болѣе надобно смиряться. Можетъ быть, и мы произошли отъ такихъ же предковъ; а если намъ досталось богатство, то оно снова можетъ и уйти отъ насъ. Да что такое и богатство? Тѣнь пустая, дымъ исчезающій, цвѣтъ травы, или лучше сказать, и цвѣта ничтожныѣ. Что же ты надмеваешься травою? Не достается ли богатство и ворами, и любодѣямъ, и блудникамъ, и расхитителямъ гробовъ? То ли надмеваешь тебя, что имѣешь такихъ сообщниковъ въ стяжаніи? Или ты любишь честь? Но

для чести нѣтъ средства вѣрнѣе милостыни: почести, пріобрѣтаемыя богатствомъ и преобладаніемъ власти, бывають вынужденны и ненавистны для другихъ; а почести изъ-за милостыни воздаются по доброй волѣ и по совѣсти людей почитающихъ. Потому-то сами почитающіе никогда не могутъ и отпять этихъ почестей. Но если люди питають такое уваженіе къ милостивымъ и желаютъ имъ всѣхъ благъ, то подумай, какую награду, какое воздаяніе получаютъ они отъ человѣколюбца Бога. Будемъ же искать этого богатства, вѣчно пребывающаго, никогда не исчезающаго, чтобы, сдѣлавшись великими здѣсь и прославившись тамъ, достигнуть вѣчныхъ благъ, благодатию и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

Остави же водоносъ свой жена, и иде во градъ и глагола человѣкомъ: пріидите и видите человѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ: егда той есть Христосъ (Іоан. iv, 28, 29).

- 193 1. Много нужно намъ возбуждать въ себѣ ревности и старанія; безъ того невозможно получить обѣщанныя намъ блага. И Христосъ, показывая это, говоритъ: *иже не приимѣтъ креста своего и въ слѣдъ Мене ѡидетъ, тѣтъ Мене достоинъ* (Матѣ. x, 38); или: *отъа пріидохъ воорещи на землю, и что хочу, аще уже возгорѣхъ* (Лук. xii, 49)? Въ обоихъ случаяхъ Онъ хочетъ представить намъ ученика горющаго, пламеннаго, готоваго на всякую опасность. Такова была и жена самарянская. Она такъ воспламенилась отъ всего сказаннаго ей Христомъ, что оставила и водоносъ и дѣло, для котораго приходила; и поспѣшивъ въ городъ, весь народъ увлекла къ Іисусу. *Пріидите, говоритъ, и видите челоѣка, иже рече ми вся, елика сотворихъ.* Смотри, какое усердіе и вмѣстѣ благоразуміе. Она пришла почерпать воду; но какъ скоро нашла истинный источникъ, то уже пренебрегла чувственнымъ, научая насъ этимъ, хотя и малымъ примѣромъ, что, при слушаніи о духовныхъ предметахъ, надобно презирать все житейское и нисколько не думать о томъ. Жена въ этомъ случаѣ, по своимъ силамъ, тоже дѣлала, что и апостолы, и еще больше. Они оставляли свои сѣти, когда были призваны, а она добровольно, безъ всякаго увѣщанія къ тому, оставляетъ водоносъ и, окрыленная радостію, совершаетъ дѣло благовѣстія. Да и не одного или другого призываетъ, какъ Андрей и Филиппъ, но приводитъ въ движеніе весь городъ и

ведеть къ Іисусу множество народа. И смотри, какъ она гораздо разумно говорить. Не говорить: *приидите и видите Христа*, а привлекаетъ къ нему людей, такъ же приспособляясь къ нимъ, какъ и самъ Христосъ привлекъ ее. *Приидите, говоритъ, и видите человека, иже рече ми вся, елика сотвориъ*. Да и не стыдится сказать: *рече ми вся, елика сотвориъ*, хотя можно было бы сказать иначе, на примѣръ: *приидите и видите прозорливца*. Такъ, когда душа воспламенится огнемъ божественнымъ, то уже ни на что земное не обращаетъ вниманія, ни на молву, ни на стыдъ; однимъ только занята бываетъ—объявшившмъ ее пламенемъ. *Егда той есть Христосъ*. Смотри и здѣсь, какая мудрость въ женѣ. Она не утверждаетъ о Немъ прямо, но и не умалчиваетъ,—потому что не хотѣла увлекать ихъ только собственнымъ своимъ мнѣніемъ, а желала, чтобы они, послушавъ Его, сами раздѣлили ея мнѣніе; а это дѣлало слова ея еще болѣе для нихъ удобопріемлемыми. Хотя Христосъ обнаружилъ и не всю ея жизнь, но изъ сказаннаго она увѣрилась, что—и все прочее. Не сказала также: *приидите, увѣруйте*; а—*приидите, видите*, что было гораздо легче и болѣе ихъ привлекало. Видишь ли мудрость жены? Знала она, несомнѣнно знала, что они, лишь только вкусятъ отъ этого источника, то испытываютъ тоже, что и она. Если бы (на ея мѣстѣ) былъ человекъ болѣе чувственный, то прикрылъ бы сдѣланное ему обличеніе, а она открываетъ свою жизнь и обнаруживаетъ передъ всѣми, чтобы только привлечь ихъ и обратить ко Христу. *Между же симъ моляху Ею ученицы Ею, глаголюще: Равви, иждѣ. Моляху*—на отечественномъ ихъ языкѣ значить: убѣждали. Видя, что Онъ утомился отъ пути и тяготившаго зноя, они убѣждали 194 Его. Но это происходило не отъ торопливости ихъ въ принятіи пищи, а отъ любви къ Учителю. Что же Христосъ? *Азъ, говоритъ, брашно имамъ ясти, его же вы не вѣсте. Глаголаху убо ученицы къ себѣ: еда кто принесе Ему ясти* (ст. 32, 33)? Удивительно ли, что жена, услышавъ о водѣ, и воображала воду, когда вотъ и ученики тоже самое испытываютъ и, не помышляя ничего духовнаго, еще недоумѣваютъ? Впрочемъ они, сохраняя обычное уваженіе и почтеніе къ Учителю, только между собою говорить, а Ему самому не осмѣливаются предложить вопроса. Такъ они поступаютъ и въ другихъ случаяхъ, желаютъ спросить Христа, но не спрашиваютъ. Что же Христосъ? *Мое брашно есть, говоритъ, да сотворю волю послатшаго Мя и совершу дѣло Ею* (ст. 34). Брашномъ Онъ называетъ здѣсь спасеніе людей, показывая тѣмъ, съ какою любовію Онъ промышляетъ о насъ. Какъ мы алчемъ пищи, такъ Онъ желаетъ нашего спасенія. Но послушай, какъ Онъ при всякомъ случаѣ не вдругъ все открываетъ, а сперва вводитъ слушателя въ не-

доумѣніе, чтобы онъ, начавъ изслѣдовать сказанное и при этомъ недоумѣвая и затрудняясь, тѣмъ съ большею готовностію принять искомое, когда оно уяснится для него, и тѣмъ болѣе быть возбужденъ къ слушанію. Почему Онъ не тотчасъ сказалъ: *мое брашно есть, да творю волю Отца моего?* Хотя и это было не ясно, все же яснѣе прежде сказаннаго. Но что Онъ говорить? *Азъ брашно имамъ ясти, еликоже вы не вѣстете.* Сначала, какъ я сказалъ, Онъ хочетъ сдѣлать ихъ чрезъ самое недоумѣніе болѣе внимательными и пріучить ихъ къ тому, чтобы они выслушивали и иносказательныя Его слова. Въ чемъ же состоитъ воля Отца? Это онъ высказываетъ и изъясняетъ въ послѣдствіи. *Не вы ли глаголете, яко четиры мѣсяцы суть и жатва приидеть? Се глаголю вамъ, возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть къ жатвѣ уже* (ст. 35).

2. Вотъ опять близкими къ нимъ указаніями Онъ возводитъ ихъ къ созерцанію высочайшихъ предметовъ. Говоря о пищѣ, Онъ разумѣетъ не что другое, какъ спасеніе людей, намѣревавшихся придти къ Нему. То же самое означаютъ нива и жатва, то есть, множество душъ, готовыхъ къ принятію Его проповѣди. Очи же здѣсь разумѣть и мысленныя и тѣлесныя, потому что ученики уже видѣли множество идущихъ къ Нему самарянъ; а готовность ихъ и предрасположеніе къ слушанію уподобляетъ нивамъ бѣлѣющимъ,—потому что какъ колосья, когда побѣлѣютъ, готовы бывать къ жатвѣ, такъ и они теперь, говоритъ Онъ, къ спасенію приготовлены и благорасположены. Почему же не сказалъ Онъ прямо, что эти люди идутъ увѣровать въ Него и уже готовы принять Его ученіе, будучи оглашены пророками и принося теперь плоды, а называлъ ихъ нивою и жатвою? Что значать такія иносказанія? Да и не здѣсь только, но и во всемъ евангеліи Онъ такъ дѣлаетъ, и пророки употребляли такой же способъ, о многомъ говоря иносказательно. Но какая же тому причина? Вѣдь не напрасно же благодать Духа установила это; почему же и для чего? Съ двоякою цѣлію: во-первыхъ, чтобы слово сдѣлать болѣе выразительнымъ и очевиднѣе представить то, о чемъ говорится. Умъ, занятый образами изъ обыкновенныхъ предметовъ, больше возбуждается и, видя какъ бы на картинѣ изображенія, болѣе увлекается ими. Это первая причина. Во-вторыхъ, для того, чтобы усладить рѣчь и чтобы сказанное лучше утвердилось въ памяти. Простыя изреченія не такъ усваются и не такъ привлекаютъ вниманіе большинства слушателей, какъ изложеніе ихъ при помощи предметовъ и предметное изображеніе ихъ. Это, какъ можно видѣть, съ великою мудростію сдѣлано въ настоящей притчѣ. *И жнии мзду пріемлетъ и собираетъ плодъ въ животъ вечный* (ст. 36). Плодъ земной жатвы служить не для вѣчной, а для вре-

мелшой жизни; духовный плодъ напротивъ—къ жизни не старѣющей, безсмертной. Видишь ли,—слова чувственные, а смыслъ духовный, и самымъ образомъ выраженій отдѣляется земное отъ небеснаго. Какъ, бесѣдуя о водѣ и изображая свойства ея, Онъ говорилъ, что *пійи отъ воды сія не жаждете во вѣки*, такъ и здѣсь говорить, что этотъ плодъ собирается для жизни вѣчной. *Дѣи стѣи окупѣ радуются и жнѣи*. Кто это стѣи и кто жнѣи? Святителями были пророки, но они сами не жали, а апостолы; однако не лишены за это радости и награды за труды, а вмѣстѣ съ нами радуются и веселятся, хотя и не жнутъ съ нами,—такъ какъ жатва и сѣяніе не одно и тоже. Поэтому, гдѣ трудъ меньше, а утѣшенія больше, на то Я и соблюлъ васъ, а не для сѣянія. Въ сѣяніи много тяжелой работы и труда: а въ жатвѣ много прибытка, но трудъ не такой, это легче. Этимъ Онъ хочетъ показать, что и желаніемъ пророковъ было—чтобы люди обращались къ Нему. Къ этому и законъ приготавлилъ. Для того они и сѣяли, чтобы произвести этотъ плодъ. Онъ показываетъ также, что Онъ и пророковъ посылалъ, и что новый и ветхій заветы имѣютъ великое сродство между собою. Все это Онъ даетъ видѣть вмѣстѣ посредствомъ настоящей притчи. При этомъ припоминаетъ и употребляемое многими присловіе: *о семъ бо, говоритъ, слово есть истинное, яко имъ есть стѣи и имъ есть жнѣи* (ст. 87). Такъ говорятъ многіе, когда одни подвергались трудамъ, а другіе пожинаютъ плоды; Онъ и говоритъ, что это присловіе въ настоящемъ случаѣ очень справедливо. Трудились пророки, а вы собираете плоды трудовъ ихъ. Не сказать: получаете ихъ награды, а: *плоды*,—потому что и великій трудъ пророковъ не остается безъ награды. Такъ и Давидъ сдѣлалъ: и онъ припомнилъ притчу, которая говоритъ: *отъ беззаконника изидетъ преступленіе* (1 Цар. xxiv, 14). Давидъ также во время плача вспомнилъ ее. Поэтому Христосъ и сказалъ прежде: *да и стѣи окупѣ радуются и жнѣи*. Такъ какъ онъ намѣревался сказать, что *имъ есть стѣи и имъ есть жнѣи*, то, чтобы кто-нибудь, какъ я сказалъ, не подумалъ, будто пророки лишены награды, Онъ и говоритъ нѣчто странное и неожиданное, не бывающее въ дѣлахъ чувственныхъ, но—въ духовныхъ составляющее особенность ихъ. Въ дѣлахъ чувственныхъ, если бы случилось, что одинъ посѣялъ, а другой пожалъ, то оба они вмѣстѣ не стали бы радоваться; но сѣявшій скорбѣлъ бы, что трудился 196 для другихъ, а радовался бы только жнущій. Здѣсь же не такъ; но и не жнущіе того, что посѣяли, радуются вмѣстѣ съ жнущими. Отсюда ясно, что и они участвуютъ въ наградахъ. *Азъ послалъ вы жати, иже вы не трудитесь: имъ трудитесь, и вы въ трудъ ихъ внидете* (ст. 88). Этимъ-то особенно Онъ ободряетъ учениковъ.

Имъ казалось труднымъ дѣломъ пройти вселенную съ проповѣдію, а Онъ даетъ видѣть, что это весьма легко. Бросать сѣмена и приводить не освященныя души къ богопознанію—вотъ что было трудно и требовало много усилій. Для чего же Онъ говорить объ этомъ? Для того, чтобы, когда пошлетъ ихъ на проповѣдь, они не страшились, какъ посылаемые на дѣло трудное. Попріице пророковъ, говоритъ Онъ, было гораздо труднѣе, а вы, какъ самое дѣло показываетъ, идете на трудъ болѣе легкій. Какъ въ жатвѣ легко собирается плодъ, въ короткое время житница наполняется онопами и уже не опасаются переменъ временъ, зимы, весны и дождя, такъ и теперь самыя дѣла говорятъ за себя. Между тѣмъ, когда Онъ говорилъ это, приходятъ самаряне, и тотчасъ собранъ плодъ: поэтому-то Христосъ и сказалъ: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть*. Сказалъ—и это оказалось на дѣлѣ, и слова Его подтвердились событиями, потому что *отъ града того мнози спровадиха въ Онъ отъ Самарянъ, за слово жены свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елика сотвориши* (ст. 89). Они видѣли, что жена не могла по угодливости превозносить похвалами того, кто обличилъ ея грѣхи, или въ угодность кому-либо другому обнаруживать свою жизнь.

3. Будемъ подражать и мы этой женѣ, и въ собственныхъ грѣхахъ не людей будемъ стыдиться, но убоимся, какъ должно, Бога, который и нынѣ видитъ дѣла наши, и въ будущемъ вѣкѣ накажетъ непокаявшихся. А мы дѣлаемъ противное. Того, который будетъ насъ судить, не боимся, а передъ тѣми, которые не могутъ сдѣлать намъ никакого вреда, мы трепещемъ и боимся отъ нихъ безчестія. Поэтому чего мы боимся, тѣмъ и будемъ наказаны. Кто нынѣ опасается стыда отъ людей только, а не стыдится дѣлать что-либо непотребное передъ всевидящимъ Богомъ, притомъ не хочетъ и покаяться и исправиться, тотъ въ будущій день не передъ однимъ или двумя человѣками, а въ виду всей вселенной будетъ выставленъ на позоръ. А что и добрыя и худыя дѣла тогда будутъ выставлены на великое зрѣлище, пусть научитъ тебя притча объ овцахъ и козлицахъ и блаженный Павелъ, который говоритъ: *всѣмъ бо явитися намъ по добротѣ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. v, 10); также: *яже во снѣгъ приведетъ тайная тмы* (1 Кор. iv, 5). Ты сдѣлалъ что-нибудь худое, или только подумалъ о томъ, и скрываешь отъ людей? А отъ Бога не скроешь. Но ты нисколько объ этомъ не заботишься, а глаза людей—вотъ что страшно тебѣ. Подумай же, что и отъ людей ты ничего въ тотъ день не сможешь утаить. Тогда все, какъ на картинѣ, представлено будетъ глазамъ нашимъ, такъ

что каждый станетъ судьей самому себѣ. Это видно и изъ притчи о богатомъ. Богатый видитъ передъ глазами своими презрѣннаго имъ нищаго,—говорю о Лазарѣ,—и того, кѣмъ такъ 197 часто гнушался, теперь просить дать ему перстъ свой въ утѣшеніе. Итакъ умоляю,—хотя бы и никто не видѣлъ нашихъ дѣлъ, пусть каждый изъ насъ обратится къ своей совѣсти, поставитъ самому себѣ судію свой разумъ и раскроетъ предъ нимъ свои согрѣшенія. И если не желаемъ быть посрамленными въ тотъ страшный день, уврачуемъ наши язвы, приложимъ къ нимъ врачество покаянія. Можно вѣдь, истинно можно выйти здоровымъ, хотя бы кто покрытъ былъ тысячами ранъ: *аще бо, сказано, отпущаете челомъкожъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; аще ли не отпущаете челомъкожъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѣ. vi, 14).

Какъ въ крещеніи погружаемые грѣхи исчезаютъ, такъ и эти уничтожатся, если захотимъ покаяться. Покаяніе же состоитъ въ томъ, чтобы уже не дѣлать впредь того же, а кто принимается за прежнія дѣла, тотъ уподобится псу, возвращающемуся на свою блевотину (2 Петр. ii, 22) и тому, который, по пословицѣ, бьетъ шерсть надъ огнемъ и черпаетъ воду рѣшетомъ. Итакъ надобно и дѣломъ и мыслию отставать отъ попользовеній грѣховныхъ; а, отставъ, прилагать къ ранамъ противоположныя грѣхамъ врачевства. Укажу нѣкоторые примѣры. Ты — хищникъ и лихоимецъ? Отстань отъ хищенія и приложи къ ранѣ милостыню. Ты блудодѣйствовалъ? Отстань отъ блуда и приложи къ этой язвѣ цѣломудріе. Сказалъ что-нибудь худое о ближнемъ и повредилъ ему? Оставь злословіе, приложи дружелюбіе. Стапемъ такъ дѣлать и съ каждымъ изъ нашихъ согрѣшеній, и ни одного изъ нихъ не будемъ оставлять безъ вниманія. Настоятъ уже, настоятъ время отчета. Потому и Павелъ говоритъ: *Господь близъ, ни о чемъже пецѣтеся* (Фил. iv, 6). Но намъ, можетъ быть, слѣдуетъ сказать противное: *Господь близъ; пецѣтеся*. Филиппійцамъ кстати было слышать: *ни о чемъже пецѣтеся*, потому что они были въ скорби, трудахъ и подвигахъ. А тѣмъ, которые живутъ въ хищеніи, сластолюбіи, которые должны дать тяжкій за это отчетъ, — тѣмъ справедливѣе вотъ что услышать: *Господь близъ; пецѣтеся*. Немного уже остается времени до конца; міръ уже устремится къ концу. Это показываютъ брани, скорби, землетрясенія, охлажденіе любви. Какъ тѣло при послѣднемъ издыханіи, близъ смерти, подвергается безчисленнымъ педугамъ; 198 какъ въ домѣ, когда онъ близокъ къ разрушенію, обыкновенно многое падаетъ и съ кровли и со стѣнъ, такъ близокъ, при

дверяхъ конецъ вселенной, и поэтому-то распространяются повсюду безчисленные алополучія. И если тогда Господь уже *близъ* былъ, то гораздо болѣе нынѣ. Если за четыреста лѣтъ, когда это было сказано, Павелъ назвалъ то время *исполненіемъ времени*, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ назвать такъ настоящее время. Хотя можетъ быть поэтому самому нѣкоторые не вѣрятъ, по, напротивъ, поэтому-то наиболѣе и надобно вѣровать. Откуда въ самомъ дѣлѣ ты знаешь, человѣкъ, что конецъ міра еще не близокъ и что сказанное еще не скоро сбудется? Концемъ года мы называемъ не послѣдній только день его, а и послѣдній мѣсяцъ, хотя онъ имѣетъ тридцать дней; такъ я не погрѣшу, если въ такомъ числѣ годовъ назову концемъ и четырехсотый годъ. Такимъ образомъ апостолъ уже въ свое время предвозвѣщаль о кончинѣ. Смиримся же, и будемъ жить въ страхъ Божию. А если мы живемъ въ безпечности, въ перадрѣніи, и не ожидаемъ ничего, то настанетъ внезапно пришествіе. Объясняя это, Христосъ сказалъ: *якоже бысть во дни Ноевы и якоже во дни Лотова, тако будеть и въ скончаніе тѣка сего* (Матѣ. xxiv, 37). Это и Павелъ замѣчаетъ, говоря: *егда рекуть: миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всеубиительство, якоже болязнь во чревтѣ имущей* (1 Сол. v, 3). Что это значитъ: *якоже болязнь во чревтѣ имущей*? Часто беременныя женщины, во время забавъ, или обѣда, или въ банѣ, или на площади, ничего не ожидая впереди, внезапно бываютъ застигнуты болѣзнями рожденія. А какъ и наше состояніе таково, то будемъ всегда готовы. Не всегда же мы будемъ слышать объ этомъ, не всегда будемъ имѣть къ тому возможность: *во адъ же*, говоритъ Писаніе, *кто исповѣстася Тебѣ* (Пс. vi, 6)? Покаемся же здѣсь, чтобы такимъ образомъ умиловити Бога въ грядущій день и получить отъ Него прощеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Ісуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXV.

Егда убо приидоша къ Нему Самаряне, моляху Его, дабы пребылъ у нихъ: и пребысть ту два дня. И много паче вѣроваша за слово Его. Жѣнѣ же глаголаху, яко не ктому за твою бесѣду вѣруемъ; сами бо слышахомъ и вѣмы, яко сой есть воистину Спасъ міру Христосъ. По двю же дню изыде отъ нихъ и иде въ Галилею (Іоан. vi, 40, 42).

197 1. Нѣтъ ничего хуже зависти и ненависти: нѣтъ ничего бѣдственнѣе тщеславія. Они обыкновенно губятъ безчисленные

блага. Іудеи, имѣвшіе и большее, чѣмъ самаряне, знаніе и воспитанные пророками, здѣсь оказались ниже самарянъ. Самаряне по одному свидѣтельству жены увѣровали и, не видя никакого чуда, пришли просить Христа, чтобы Онъ остался у нихъ. А іудеи, видѣвшіе и чудеса, не только не удерживали Его у себя, 198 но даже отгоняли и все дѣлали такъ, чтобы совершенно удалить Его изъ страны своей. Хотя и пришествіе Его совершилось собственно для нихъ, но они гнали, тогда какъ самаряне просили, чтобы Онъ пребылъ у нихъ. Итакъ, скажи мнѣ: ужели не слѣдовало идти къ нимъ, когда они просили и требовали того, и, оставаясь у тѣхъ, которые злоумышляли и отвергали Его, не отдавать себя людямъ, возлюбившимъ Его и желавшимъ удержать Его при себѣ? Нѣтъ, это было бы недостойно Его промысленія. Поэтому-то и принялъ Христосъ ихъ просьбу и пребылъ у нихъ два дня. Они хотѣли бы и навсегда удержать Его (какъ видно изъ словъ евангелиста: *моляху Его, дабы пребылъ у нихъ*); однако Онъ не допустилъ этого, а только два дня оставался у нихъ. И въ эти дни еще многіе увѣровали въ Него. Хотя и не легко, ка- 199 залось бы, имъ было увѣровать, потому что и чуда никакого не видѣли и были во враждѣ съ іудеями, но, какъ они правильно судили о Его ученіи, то это и не препятствовало имъ, но напротивъ они возымѣли такое о Немъ понятіе, которое было выше этихъ препятствій, и наперерывъ болѣе и болѣе показывали Ему свое удивленіе. Женъ они говорили: *не тому за твою бесѣду отъруемъ: сами бо слышашомъ и слыши, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ*. Ученики превзошли учительницу. Они и іудеевъ могли бы по справедливости осудить, и потому, что увѣровали, и потому, что приняли Христа. Іудеи, о которыхъ Онъ прилагалъ всевозможное попеченіе, часто бросали въ Него камни, напротивъ самаряне привлекали Его къ себѣ, хотя Онъ и не къ нимъ шелъ. Тѣ и послѣ чудесъ остаются неисправимы, а эти и безъ чудесъ показали великую вѣру въ Него; и то именно составляетъ ихъ честь, что безъ чудесъ увѣровали, іудеи же не переставали требовать чудесъ и искушать Его. Такъ во всемъ нужна благонамѣренность души; если коснется такой души истина, то удобно овладѣваетъ ею; а если не овладѣваетъ, то это происходитъ не отъ слабости самой истины, а отъ неразумія души. Такъ и солнце, когда касается чистыхъ глазъ, то легко освѣщаетъ; если же не доставляетъ свѣта, то это знакъ не безсилія солнечнаго свѣта, а болѣзни глазъ. Но послушай, что говорятъ самаряне: *слыши, яко сей есть воистину Спасъ міру Христосъ*. Видишь ли, какъ скоро они поняли, что намѣреніе Христа было привлечь къ Себѣ все-ленную, что Онъ пришелъ совершить общее спасеніе и хотѣлъ

пе одними іудеями ограниивать Свое промышленіе, но всюду посѣять свое слово? Не такъ поступали іудеи, но *свою правду ищущи поставити, правдѣ Божіей не повиноваша* (Рим. х, 8). Самаряне исповѣдуютъ, что всѣ люди виновны, какъ бы выражая ученіе апостольское, что *все согрѣшиша и лишени суть славы Божіей, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. ш, 23). Говоря: *Спасъ міра*, самаряне конечно разумѣли міръ погибшій, и не просто Спасителя, по въ дѣлахъ весьма великихъ, потому что многіе приходили спасать — и пророки и ангелы; но истинный Спасъ *сей есть*, говорятъ самаряне, — Тотъ, кто подаетъ истинное спасеніе, а не временное только. Таковъ духъ искренней вѣры! Поэтому и въ томъ и другомъ отношеніи самаряне достойны удивленія: во-первыхъ, что увѣровали, во-вторыхъ, что увѣровали безъ чудесъ. Такихъ и Христосъ ублажаетъ, говоря: *блаженни не видѣвшии и вѣровавшии* (Іоан. хх, 29). Притомъ они увѣровали искренно, хотя жена говорила имъ еще съ сомнѣніемъ: *егда той есть Христосъ?* Но они не говорятъ подобно ей: и мы предполагаемъ это, или: и мы такъ думаемъ, но говорятъ: *ѣмъ*, и не просто, а — *яко сей воистину Спасъ міру*. Не какъ обыкновеннаго человѣка исповѣдали они Христа, но какъ истиннаго Спасителя. Кого же они видѣли спасеннаго Христомъ? Они слышали только слова Его, а говорятъ такъ, какъ будто видѣли многія и великія чудеса. Но почему евангелисты не говорятъ намъ, о чемъ бесѣдоваль съ ними Христосъ и что такъ было дивно для нихъ? Знаѣ, что евангелисты многія изъ великихъ изреченій Его опускаютъ, но все объясняютъ самымъ исходомъ дѣлъ: и здѣсь Христосъ Своимъ словомъ обратилъ къ Себѣ весь народъ и цѣлый городъ. А гдѣ люди не убѣждались Его словами, тамъ (евангелисты) вынуждены были излагать Его ученіе, чтобы изъ-за нерадѣнія слушающихъ не подвергъ кто-нибудь осужденію Проповѣдующаго. *И по двоя*
дню изыде оттуду и иде въ Галилею. Самъ бо Іисусъ засвидѣ-
тельствова, яко пророкъ во своемъ отечествѣ чести не имать (Іоан. іv, 43, 44). Почему это прибавлено? Потому, что Онъ не пошелъ въ Капернаумъ, но въ Галилею, а оттуда въ Кану. А чтобы ты не изыскивалъ, почему Онъ у своихъ не остался, а у самарянъ, евангелистъ представляетъ ту причину, что Его тамъ не слушали. Поэтому и не пошелъ туда, чтобы не было имъ за то тѣмъ большаго осужденія.

2. А отечествомъ Его, я думаю, здѣсь называется Капернаумъ. Что дѣйствительно тамъ не было Ему чести, послушай, какъ Онъ самъ говоритъ: *и ты, Капернауме, до небесъ вознесишься, до ада низведешися* (Лук. х, 15). Отечествомъ же Своимъ называетъ Онъ Капернаумъ или по отношенію къ Своему воплощенію, или

потому, что большею частію тамъ пребывалъ. Что же?—скажешь ты, — не видимъ ли мы, что многіе и у своихъ пользуются че- стію? Видимъ, конечно; но по рѣдкимъ случаямъ не должно судить. Если нѣкоторые люди были почитаемы въ своемъ оте- чествѣ, то въ чужомъ гораздо болѣе, — потому что привычка заставляетъ относиться пренебрежительно. *Егда же прииде въ Галилею, пріиша Его Галилеане, вся видѣвше, яже сотвори во Іерусалимѣхъ въ праздники; и тѣмъ бо приидоша въ праздники* (ст. 45). Видишь ли, что люди, наиболѣе оуждаемые, оказываются тѣмъ болѣе усердными къ Нему? Одинъ говорилъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти* (Іоан. 1, 46)? Другой: *испытай и виждь, яко про- рокъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. vii, 52). И это говорили въ упрекъ Ему, потому что многіе думали, что Онъ изъ Назарета; поносили Его также именемъ самарянина, — говорили: *самарянинъ бо еси и бгса имаша* (46). Но вотъ, къ стыду іудеевъ, и самаряне и галилеане вѣруютъ въ Него. Самаряне однако ока- зываются еще лучше галилеанъ. Самаряне приняли Его по одному свидѣтельству жены, а галилеане тогда уже, когда уви- дѣли совершенныя Имъ чудеса. *Прииде же пакы Іисусъ въ Кану галилейскую, и дождже претвори воду въ вино* (Іоан. iv, 46). Евангелистъ приводитъ здѣсь слушателю на память чудо, возвышая этимъ славу самарянъ. Галилеане приняли Его послѣ чудесъ, совер- шенныхъ Имъ у нихъ и въ Іерусалимѣ, а самаряне — только за ученіе. Итакъ, евангелистъ сказалъ только, что Іисусъ пришелъ, въ Кану, но не присовокупилъ причины, по которой пришелъ. Въ Галилею Онъ удалялся по причинѣ ненависти іудеевъ; но почему въ Кану? Въ первый разъ Онъ былъ званъ туда на бракъ; но почему и для чего пришелъ теперь? Мнѣ кажется, для того, чтобы вѣру, произведенную чудомъ, еще болѣе укрѣпить своимъ пребываніемъ и еще болѣе привлечь тѣмъ, что Самъ добровольно пришелъ къ нимъ, оставилъ Свое отечество, и предпочелъ ихъ. *Бѣ же нѣкій царевъ мужъ, ео же сынъ боляше въ Капернаумѣ. Сей, слышавъ, яко Іисусъ прииде отъ Іудеи въ Галилею, иде къ нему и моляше Его, да снидетъ и исцѣлитъ сына ео* (ст. 47). Этотъ мужъ или былъ отъ рода царскаго, или имѣлъ какое-либо достоинство власти, такъ (царскимъ) называемое. Нѣкоторые ду- мають, что это — тотъ самый, о которомъ сказано у Маттея. Но что это — другое лице, видно не только по достоинству, но и по вѣрѣ. Тотъ, когда Христосъ Самъ хотѣлъ придти къ нему, просилъ Его не ходить, а этотъ, хотя Христосъ и не общалъ ему ничего такого, увлекаетъ Его въ домъ свой. Тотъ говоритъ: *иже достоинъ, да поидъ крогъ мой окидши* (Матѣ. vii, 8); а этотъ даже понуждаетъ, говоря: *сниди, прежде даже не умреть отроча мое*

(Іоан. іѵ, 49). Также у Матѣя Ісусъ, сошедши съ горы, приходитъ въ Капернаумъ, а здѣсь мужъ царевъ приступаетъ къ Нему, когда Онъ пришелъ изъ Самаріи, и не въ Капернаумъ, а въ Кану. У того отрокъ лежалъ въ разслабленіи, а у этого—въ горячкѣ. *И иде къ нему и молѣше, да исцѣлитъ сына его: имѣюще бо умрети* (ст. 47). Что же Христосъ? *Аще знаменій и чудесъ не видите, говорить, не имате вѣровати* (ст. 48). Однако и то уже показывало вѣру, что онъ пришелъ и просилъ; да и послѣ свидѣтельствуеть объ этомъ евангелистъ, говоря, что, когда Ісусъ сказалъ: *иди сынъ твой живъ есть,—вѣрова чловѣкъ словеси, еже рече ему Ісусъ, и идѣше* (ст. 50). Что же апачать слова (Христовы?) Онъ сказать ихъ или въ похвалу самарянъ, такъ какъ они увѣровали въ Него безъ чудесъ, или въ упрекъ мнимому своему городу Капернауму, откуда былъ тотъ чловѣкъ. Такъ и другой пѣкто, упоминаемый у Марка, говорилъ: *вѣрую Господи, помози моему невѣрію* (Марк. іх, 23). Такимъ образомъ, хотя онъ и вѣровалъ, но не совершенно и не твердо. И это видно изъ его любопытства о томъ, въ которомъ часу болѣанъ оставила его сына. Онъ хотѣлъ дознать, случилось ли это само собою, или по повелѣнію Христову. Когда же узналъ, что это случилось наканунѣ въ часъ седьмой, то увѣровалъ и самъ и весь домъ его. Видишь ли, что онъ тогда увѣровалъ, когда слуги ему сказали, а не тогда, когда сказалъ Христосъ? Итакъ, Христосъ обличаетъ мысль его, съ которою онъ пришелъ и говорилъ такія слова; а такимъ образомъ еще больше привлечь его къ вѣрѣ, потому что прежде чуда онъ не очень расположенъ былъ къ вѣрѣ. Но что онъ приходилъ и просилъ Христа, въ этомъ пѣтъ ничего удивительнаго, потому что родители, по великой любви (къ дѣтямъ), обыкновенно обращаются не только къ такимъ врачамъ, которымъ совершенно довѣряютъ, но совѣщаются и съ тѣми, на которыхъ не много надѣются, не желая ничего упустить. Притомъ этотъ чловѣкъ только случайно приходилъ ко Христу, когда Христосъ пришелъ въ Галилею, тогда только узналъ Его. А если бы онъ крѣпко вѣровалъ, то не полѣнился бы, какъ скоро сынъ былъ при смерти, придти въ Іудею; если же боялся, то и это не извинительно. Но замѣть, какъ и самыя слова обнаруживаютъ слабость этого чловѣка. Слѣдовало бы, если не прежде, то по крайней мѣрѣ послѣ обличенія его мысли, получить высокое понятіе о Христѣ,—между тѣмъ, смотри, какъ онъ еще пресмыкается долу. *Сниди, говорить, прежде даже не умреть отроча мое, какъ будто Христосъ не могъ бы воскресить его, если бы отрокъ и умеръ, и какъ будто бы Христосъ не зналъ, каково состояніе отрока.* Поэтому-то Ісусъ и обличаетъ его и касается самой

совѣсти, показывая, что чудеса дѣлаются главнымъ образомъ ради души. Здѣсь Онъ исцѣляетъ и отца, немощствующаго душею не меньше сына, научая насъ внимать Ему не ради чудесъ его, а ради ученія Его, — потому что чудеса совершаются не для вѣрныхъ, а для невѣрующихъ и грубыхъ людей.

8. Тогда этотъ человѣкъ, отъ скорби, не очень внималъ словамъ Спасителя, развѣ тѣмъ только, которыя касались его сына; послѣ же онъ долженъ былъ усвоить себѣ сказанное и получить отъ этого величайшую пользу. Такъ и случилось. Но почему Христосъ къ сотнику самъ добровольно обѣщалъ придти, а здѣсь и на зовъ не идетъ? Потому, что у сотника вѣра была совершенна; и Христосъ обѣщалъ придти къ нему, чтобы мы знали благонамѣренность этого человѣка, къ этому же не пошелъ, потому что онъ былъ еще не совершенъ. А такъ какъ онъ всячески понуждалъ Иисуса, говоря: *сниди*, и еще не понималъ ясно, что Онъ и отсутствуя можетъ исцѣлить, то Христосъ показываетъ, что и это Ему возможно, чтобы тотъ изъ самаго непосѣщенія Иисусова узналъ о Немъ то, что сотникъ зналъ самъ собою. Когда же сказалъ: *иже знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати*, то этимъ выразилъ слѣдующее: вы еще не имѣете надлежащей вѣры, но еще относитесь ко Миѣ, какъ какому-либо пророку. Итакъ, открывая Себя самого, и показывая, что въ Него должно вѣровать и безъ чудесъ, Онъ сказалъ здѣсь тоже, что говорилъ Филиппу: *не вѣруеши ли, яко Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ? Аще ли же ни, за та дѣла вѣру имате Ми* (Іоан. хvі, 10, 11). *Абѣ же, входящу ему, се раби его спящѣша его и возвъстѣша ему, глаголюще, яко сынъ твой живъ есть. Вопросаше убо отъ нихъ о часъ, въ который легчае ему бысть, и рѣша ему: яко вчера въ часъ седьмый остави его отецъ. Разумѣ же отецъ, яко той бѣ часъ, въ онѣже рече ему Иисусъ, яко сынъ твой живъ есть: и вѣрова самъ и весь домъ его* (Іоан. iv, 51—54). Видишь ли, какъ открылось чудо? Не просто, не обыкновеннымъ образомъ отрокъ избавился отъ опасности, но вдругъ, такъ что, очевидно, это произошло не естественнымъ порядкомъ, а силою Христовою. Отрокъ, находясь при самыхъ дверяхъ смерти, какъ выражалъ это и самъ отецъ, сказавъ: *сниди, прежде даже не умреть отроча мое*, — вдругъ освободился отъ болѣзни, что возбудило вниманіе и домашнихъ слугъ. Вѣроятно они вышли на встрѣчу не для того только, чтобы возвъстать, но и потому, что пришествіе Иисуса считали уже излишнимъ: они вѣдь знали, что господинъ ихъ пошелъ къ Иисусу, почему и встрѣтились съ господиномъ на томъ же пути. Тогда-то человѣкъ этотъ, освободившись отъ страха, преклоняется наконецъ къ вѣрѣ; но желая показать, что это было слѣдствиемъ его путе-

шествія, онъ заботится и о томъ, какъ бы не сочли его труда излишнимъ; поэтому-то все тщательно хочетъ разузнать. *И спроси самъ и весь домъ ея.* Доказательства (чуда) не подлежали уже никакому сомнѣнію. Хотя слуги его не присутствовали тамъ, не слышали бесѣды Христовой, не знали даже времени (когда она была), однако, узнавъ отъ господина своего, что это было въ то самое время, (когда исцѣлѣнъ отрокъ), имѣли уже несомнѣнное доказательство силы Христовой: поэтому и они увѣровали.

Чему же изъ этого мы научаемся? Не ожидать чудесъ, не искать залоговъ Божіей силы. Я вижу, что и нынѣ многіе тогда только дѣлаются болѣе благочестивыми, когда или въ страданіяхъ сына, или въ болѣзни жены получаютъ нѣкоторое утѣшеніе. А надобно, и не получая утѣшеній, всегда равно благодарить и славить Бога. Таково свойство рабовъ благомыслящихъ; рабамъ вѣрнымъ и любящимъ, какъ должно, своего Господа, свойственно прибѣгать къ Нему не только тогда, когда Онъ милуетъ ихъ, но и когда наказываетъ. И послѣднее есть дѣло божественнаго промысленія. *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: биетъ же всякаго сына, еяже приемлетъ* (Евр. хп, 6). Кто служитъ Ему только тогда, когда находится въ безопасности, тотъ показываетъ этимъ еще не большой знакъ любви и не чисто любитъ Христа. Но что я говорю о здравіи, изобиліи благъ, бѣдности или болѣзни? Если бы ты даже о гееннѣ услышалъ, или о другомъ какомъ-либо бѣдствіи, и тогда не переставай славословить Господа: все надобно терпѣть и переносить по любви къ Нему. Это долгъ рабовъ вѣрныхъ и души непоколебимой. Поступающій такимъ образомъ
 203 и настоящія скорби легко перенесетъ, и будущія получить блага,
 204 и великое дерзновеніе будетъ имѣть предъ Богомъ, чего и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVI.

Сіе паки второе знаменіе сотвори Иисусъ, пришедъ отъ Іудей въ Галилею. По сихъ же бѣ праздникъ іудейскій, и ввыде Иисусъ во Іерусалимъ (Іоан. iv, 54; v, 1).

203 1. Какъ въ золотыхъ рудникахъ опытный въ этомъ дѣлѣ не оставитъ безъ вниманія ни малѣйшей жилы, потому что она можетъ доставить великое богатство, такъ и въ божественныхъ Писаніяхъ не безвредно опускать даже одну черту или іоту, а надобно изслѣдовать все. Все въ нихъ сказано Духомъ Святымъ и ничего нѣтъ излишняго. Обрати же вниманіе и здѣсь на то,

что говорить евангелистъ: *сіе паки второе знаменіе сотвори Іисусъ, пришедъ отъ Іудеи въ Галилею*. Не напрасно прибавилъ: *второе*, а еще превозноситъ дивный поступокъ самарянъ, показывая, что жители І'алилеи, даже послѣ второго знаменія, которое они видѣли, не достигли высоты тѣхъ (самарянъ), которые ничего не видѣли. *По сѣхъ же бѣ праздникъ іудейскій*. Какой праздникъ? Мнѣ кажется, праздникъ Пятидесятницы. *И взиде Іисусъ во Іерусалимъ*. Онъ часто приходилъ на праздники въ этотъ городъ, частію для того, чтобы казаться празднующимъ вмѣстѣ съ іудеями, а частію для того, чтобы привлекать къ Себѣ незлобивый народъ. Эти простосердечные люди наиболѣе сходились въ эти праздники. *Есть же во Іерусалимѣ окая купель, яже глаголетсѣ еврейски Вивеода, пять притворъ имущи*. Въ тѣхъ смежаше множество болѣзней, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды (Іоан. v, 2, 8). Что это за способъ врачеванія? Какое здѣсь таинство намъ указывается? Не напрасно же и не безъ причины написано это; здѣсь какъ бы въ образѣ и подобіи представляется намъ будущее, чтобы, когда случится нѣчто весьма необычайное и неожиданное, не поколебалась у многихъ сила вѣры. Что же здѣсь изображается? Намѣреніе было даровать намъ крещеніе, имѣющее въ себѣ великую силу и величайшія блага, крещеніе, очищающее отъ всѣхъ грѣховъ и людей изъ мертвыхъ дѣлающее живыми. Вотъ это-то, какъ бы въ образѣ, и предъизображается здѣсь въ купѣли, какъ и во многихъ другихъ установленіяхъ. Такъ предварительно Богъ даровалъ воду, очищающую нечистоты тѣла, скверны не существенныя, а только кажушіяся такими,—каковы напр. отъ прикосновенія къ умершимъ, отъ проказы и отъ другихъ подобныхъ причинъ. Да и многое въ ветхомъ завѣтѣ, какъ видимъ, совершалось съ этою цѣлію посредствомъ воды. Но возвратимся къ своему предмету. Итакъ Богъ, какъ я сказалъ, установилъ сначала очищеніе посредствомъ воды нечистотъ тѣлесныхъ, а потомъ и различныхъ болѣзней. Желая привести насъ ближе и ближе къ благодати крещенія, Онъ врачуетъ уже не одни нечистоты, но и болѣзни. Дѣйствительно образы ближайшіе къ истинѣ ¹⁾, какъ относительно крещенія, такъ и страданій и другихъ предметовъ, были вообще явственнѣе прообразовъ древнѣйшихъ. Какъ ближайшіе къ царю оруженосцы блистаютъ свѣтлѣе тѣхъ, которые отъ него стоятъ въ отдаленіи, такъ было и въ прообразованіяхъ. Ангелъ сходилъ и возмущалъ воду, и сообщалъ ей цѣлебную силу, чтобы внушить іудеямъ, что тѣмъ болѣе Господь ангеловъ можетъ

¹⁾ Т. е. по времени ближайшіе къ новому завѣту.

исцѣлять всѣ болѣзни душевныя. Но какъ здѣсь врачевала по просто естественная сила воды (иначе это бывало бы завсегда), но дѣйствіемъ ангела, такъ и надъ нами вода не сама по себѣ дѣйствуетъ, но когда воспріиметь благодать Духа, тогда и очищаетъ всѣ грѣхи. Около этой купѣли лежало великое множество больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, ожидавшихъ движенія воды. Но тогда слабость была препятствіемъ для желающаго получить исцѣленіе, а нынѣ всякій свободно можетъ приступать. Не ангелъ воду возмущаетъ, а Господь ангеловъ совершаетъ все это. И уже не можетъ болящій сказать: *человѣка не имамъ; егда же прииждоу азъ, имъ прежде мене славити* (ст. 7). Но хотя бы стекалась вся вселенская, благодать не оскудѣваетъ и сила ея не истощается, а остается всегда одинакова, какъ и прежде. Какъ солнечные лучи свѣтятъ каждый день и не истощаются, и свѣтъ ихъ отъ изліянія на многіе предметы не уменьшается, такъ и еще болѣе сила Духа нисколько не уменьшается отъ множества пріемлющихъ ее. А такъ было для того, чтобы видѣвшіе, какъ водою могутъ быть исцѣляемы болѣзни тѣлесныя, и испытавшіе это въ теченіе долгаго времени, легче повѣрили, что могутъ быть исцѣляемы и болѣзни душевныя. Но для чего Іисусъ, оставивъ всѣхъ, подошелъ къ тому, который болѣлъ тридцать восемь лѣтъ? И для чего спрашиваетъ: *хочещи ли цѣль быти* (ст. 6)? Не для того, чтобы узнать объ этомъ (это было бы излишне), а чтобы обнаружить его терпѣніе и насъ вразумить, что поэтому-то именно Онъ, оставивъ другихъ, подошелъ къ нему. Чтоже больной? *Отвѣща ему и рече: ей, Господи, человекъ не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержеть мя въ купель: егдаже прииждоу азъ, имъ прежде мене славити* (ст. 7). Для того Христосъ и спросилъ: *хочещи ли цѣль быти*, чтобы мы узнали все это. Не сказалъ однакожь ему: хочешь ли, Я исцѣлю тебя?—потому что тогда еще не имѣли о Немъ столь высокаго мнѣнія; а говорить: *хочещи ли цѣль быти*? Но изумительно терпѣніе разслабленнаго. Находясь въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ и каждый годъ ожидая исцѣленія, онъ оставался тутъ и не отходилъ. Вѣдь если не продолжительность прошедшаго времени, то невѣрность будущаго могла бы отвлечь его отъ этого мѣста, когда бы онъ не былъ такъ терпѣливъ. Представь себѣ, какъ безъ сомнѣнія и другіе страждущіе тамъ были бдительны; да и время, въ которое возмущалась вода, не было извѣстно. Впрочемъ хромые и увѣчные могли паблюдать; какъ же видѣли слѣпые? Они, можетъ быть, узнавали о движеніи воды изъ происходившаго при этомъ шума.

2. Итакъ устыдимся, волюбленные, устыдимся и будемъ

оплакивать великое наше нерадѣніе. Тотъ тридцать восемь лѣтъ ожидалъ и не получалъ, чего желалъ, однако не отходилъ; и не получалъ не по собственному нерадѣнію, а потому, что находилъ препятствія со стороны другихъ и терпѣлъ насиліе; но при всемъ томъ не ослабѣвалъ духомъ. А мы, если только десять дней проведемъ въ ожиданіи того, чего усиленно просимъ и если не получимъ, то уже не расположены бываемъ употребить снова то же стараніе. Ради людей мы усердствуемъ столь долгое время, и служа въ войскахъ и тяжкія работы исправляя, и исполняя работѣльныя услуги, хотя наконецъ часто теряемъ и самую надежду (на награду); а ради Господа нашего, отъ котораго, безъ сомнѣнія, можемъ получить награды гораздо больше самихъ трудовъ (*упованіе не посрамитъ*, говоритъ Писаніе [Римл. v, 5]),—мы не стараемся показать надлежащее усердіе—мы не терпимъ. Какого же наказанія заслуживаетъ это? Хотя бы мы и ничего не получили отъ Него, одно продолжительное собесѣдованіе съ Нимъ не слѣдуетъ ли считать стоящимъ безчисленныхъ благъ? Но постоянная молитва, говоришь ты, трудное дѣло. А какое изъ добрыхъ дѣлъ, скажи мнѣ, не трудно? Да въ томъ-то, скажешь ты, и затрудненіе большое, что съ порокомъ сопряжено удовольствіе, а съ добродѣтелію трудъ. Я думаю, многіе на это ищутъ объясненія. Какая же тому причина? Вначалѣ Богъ даровалъ намъ жизнь, свободную отъ заботы и чуждую трудовъ; но мы не воспользовались, какъ должно этимъ даромъ, а развратились по нерадѣнію и лишились рая. Тогда-то Богъ содѣлалъ уже жизнь нашу многотрудною, и, въ оправданіе свое предъ родомъ человѣческимъ, какъ бы такъ говорить: Я даровалъ вамъ сначала наслажденія; но вы отъ своеволія содѣлались худшими; поэтому Я опредѣлилъ наложить на васъ труды и потъ. Когда же и труды не обуздали насъ, Онъ далъ законъ, содержащій въ себѣ заповѣди, наложивъ на насъ, какъ на коней неукротимыхъ, узды и путы, чтобы удержатъ порывы, какъ дѣлають укротители коней. Вотъ почему жизнь наша сопряжена съ трудами, такъ какъ безъ трудовъ мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не можетъ бездѣйствовать, а иначе легко преклоняется ко злу. Положимъ, напримѣръ, что человѣку цѣломудренному, или отличающемуся какою-либо другою добродѣтелію, не нужны были бы никакіе подвиги, а онъ бы и спать и однакомъ во всемъ успѣвалъ: къ чему бы привело такое ослабленіе? Не къ гордости ли и высокомерію? Да для чего же, говоришь ты, со зломъ сопряжено великое удовольствіе, а съ добродѣтелію великій трудъ и тягость? Но какая же была бы тебѣ и благодать, или за чтожь бы ты получилъ награду, если бы это было дѣло не трудное? Я и теперь

могу указать многихъ такихъ, которые по природѣ отвращаются отъ общенія съ женщинами и убѣгаютъ, какъ чего-нибудь сквернаго, самой бесѣды съ ними; но скажи мнѣ, называть ли ихъ за то цѣломудренными и будемъ ли мы ихъ увѣнчивать и прославлять? Никакъ. Цѣломудріе есть воздержаніе и преодоленіе похотей борбю. Такъ и на войнѣ, чѣмъ сильнѣе битва, тѣмъ блистательнѣе тогда бываетъ и торжество, а не тогда, когда никто и рукъ не поднимаетъ. Есть много и смиренныхъ по природѣ людей: можемъ ли называть ихъ кроткими? Никакъ. Такъ и Христосъ, говоря о трехъ родахъ скопцовъ, два изъ нихъ оставляетъ безъ вѣнцовъ, а одинъ вводитъ въ царствіе (Матѣ. xix, 12). Да для чего, скажутъ, нужно зло? И я тоже говорю: но кто же виновникъ зла? Кто другой, какъ не наше произвольное нерадѣніе? Но надлежало бы быть, говоришь, однимъ добрымъ. А какое свойство добра? Трезвиться ли и бодрствовать, или спать и предаваться безпечности? А почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро дѣлалось безъ труда? Такія слова свойственны животнымъ и чревоугодникамъ, которые почитаютъ богомъ свое чрево. Что это слова лѣности, вотъ—суди: если бы гдѣ-нибудь были властитель и военачальникъ, и властитель бы спалъ или пиршествовалъ, а военачальникъ съ великими трудами одерживалъ бы побѣды: кому изъ нихъ ты вмѣнилъ бы славу? Кому принадлежалъ бы плодъ радостныхъ событій? Видишь, что душа болѣе расположена бываетъ къ тому, въ чемъ болѣе трудится. Потому и Богъ соединилъ съ добродѣтели труды, желая прилѣпить къ ней душу. Потому-то мы удивляемся добродѣтели, хотя сами ея и не исполняемъ; а порокъ порицаемъ, хотя онъ кажется и весьма пріятенъ. Ты спросишь: почему мы не удивляемся людямъ добрымъ по природѣ, а болѣе тѣмъ, которые таковы по свободному произволенію? Это потому, что справедливость требуетъ предпочитать трудящагося нетрудящемуся. А почему, скажешь, мы нынѣ трудимся? Потому, что ты не хотѣлъ вести благоразумно жизнь безъ трудовъ. Если изслѣдовать внимательно, то вѣдь бездѣйствіе и безъ того обыкновенно развращаетъ насъ и причиняетъ много трудовъ. Напримѣръ, оставимъ въ заключеніи какого-нибудь человѣка и станемъ только кормить его и наполнять его чрево, не позволяя ему ни ходить, ни заниматься какимъ-либо дѣломъ; пусть онъ наслаждается трапезою и ложемъ и постоянно пресыщается: можетъ ли что быть несчастнѣе такой жизни? Но иное дѣло, скажешь, заниматься чѣмъ-нибудь, а иное—трудиться; вѣдь можно же было тогда ¹⁾ дѣлать безъ трудовъ? Не такъ ли? Ко-

¹⁾ То есть въ первобытномъ состояніи.

нечно такъ; этого и Богъ хотѣлъ, да ты самъ не стерпѣлъ. Богъ повелѣлъ тебѣ воздѣлывать рай, назначивъ въ этомъ тебѣ занятіе, но не присоединивъ къ этому никакого труда; а если бы и вначалѣ у человѣка былъ трудъ, то послѣ Богъ не возложилъ бы на него труда въ видѣ наказанія. Можно дѣлать и нетруждаться, какъ то свойственно ангеламъ. А что они занимаются дѣломъ, послушай, какъ говоритъ о томъ Писаніе: *силѣи крѣпостіи теоріази слово Его* (Пс. сп, 20). Теперь недостатокъ силы дѣлаетъ намъ много труда, а тогда этого не было, такъ какъ *вышедъ изъ покоя Его*, говоритъ Писаніе, *почи отъ дѣла своихъ, яко же и отъ своихъ Богъ* (Евр. iv, 4), — разумѣя здѣсь не бездѣйствіе, а нетрудность дѣла. Богъ еще и нынѣ дѣйствуетъ, какъ говоритъ Христосъ: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17). Итакъ, убѣждаю васъ, отложивъ всякое перадѣніе, поревновать о добродѣтели. Удовольствія порока кратковременны, а скорбь постоянна; отъ добродѣтели же напротивъ радость нескончаемая, а трудъ — только временный. Добродѣтель, еще прежде полученія вѣнцовъ, утѣшаетъ своего труженика, питая его надеждами, а порокъ, еще прежде наказанія, казнить своего послѣдователя, терзая и устрашая его совѣсть и заставляя на все смотрѣть съ подозрѣніемъ. А это не хуже ли самыхъ великихъ трудовъ, всякаго изнуренія? А если бы даже этого не было, а было бы одно удовольствіе, можетъ ли что быть ничтожнѣе такого удовольствія? Оно, какъ скоро является, такъ и исчезаетъ, увядая и убѣгая прежде, нежели успѣемъ возобладать имъ, разумѣть ли здѣсь удовольствія плоти, или роскоши, или богатство: вѣдь все это каждодневно не переста- 207 етъ старѣть. А когда послѣдуетъ еще и наказаніе и мученіе, — что можетъ быть несчастнѣе людей, предающихся пороку? Итакъ, зная это, будемъ терпѣть все ради добродѣтели; такимъ образомъ мы 208 сподобимся и истинной радости, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

Глагола ему Іисусъ: хочещи ли цѣль быти? Отвѣща Ему недужный: ей, Господи, человѣка не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль (Іоан. V, 6, 7).

Великъ плодъ отъ божественныхъ Писаній и значительна 207 отъ нихъ польза. Павелъ, показывая это, говоритъ: *еллика преданаписана быша, въ наше наказаніе преданаписашася, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамъ* (Рим. xv, 4). Слово божье

ственное есть сокровищница всякаго рода врачествъ; такъ, нужно ли смиригь надменность, или обуздать похоть, или подавить пристрастіе къ деньгамъ, или преодолѣть скорбь, или внушить благодушіе и расположить къ терпѣнію, для этого всякій можетъ найти тамъ великую помощь. Кто изъ тѣхъ, которые борются съ продолжительнымъ убожествомъ, были одержимы тяжкою болѣзнію, прочитавъ предложенное теперь мѣсто, не получить великаго утѣшенія? Вотъ расслабленный, оставаясь въ такомъ положеніи тридцать восемь лѣтъ, видя каждый годъ, какъ другіе исцѣлялись, а онъ самъ все еще одержимъ болѣзнію, однако же не падалъ духомъ и не отчаивался, хотя не только безотрадное прошедшее, но и безнадежность въ будущемъ довольно могли поколебать его. Вотъ послушай, что онъ говоритъ, и пойми великость его страданія. Когда Христосъ сказалъ: *хочещи ли цѣль быти*, онъ отвѣчалъ: *ей, Господи, но челоѣхъ не имамъ, да, егда возмутися вода, ввержеть мя въ купель*. Что можетъ быть жалостнѣе этихъ словъ? Что горестнѣе такого положенія? Видишь ли сердце сокрушенное отъ продолжительной немощи? Видишь ли, какъ обуздано было въ немъ всякое нетерпѣніе? Онъ не высказываетъ никакой хулы, какъ слышимъ отъ многихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; не проклиняетъ дня своего рожденія; не оскорбляется такимъ вопросомъ; не сказалъ: „Ты, вѣрно, пришелъ смѣяться и шутить надъ нами, когда спрашиваешь, хочу ли я быть здоровымъ“, — но кротко и съ великою покорностію говоритъ: *ей, Господи*. Хотя онъ и не зналъ, кто былъ вопрошающій и намѣренъ ли былъ исцѣлить его, не смотря на то рассказываетъ все съ кротостію и ничего не требуетъ, какъ будто говорилъ съ врачомъ и хотѣлъ только рассказать о своей болѣзни. Можетъ быть надѣялся онъ получить отъ Христа только ту помощь, что онъ ввергнетъ его въ воду, и для того хочетъ расположить его къ себѣ такими словами. Что же Христосъ? Показывая, что Онъ можетъ все сдѣлать однимъ словомъ Своимъ, Онъ говоритъ: *возстани, возми одръ твой и ходи* (Іоан. v, 8). Нѣкоторые думаютъ, что этотъ расслабленный есть тотъ самый, о которомъ упоминается въ Евангеліи Маттея (ix, 2 — 7); но это не такъ, что ясно изъ многихъ обстоятельствъ. И во-первыхъ, изъ того, что при этомъ расслабленномъ не было никого изъ прислуживающихъ людей. Тотъ имѣлъ при себѣ многихъ людей, заботившихся о немъ и носившихъ его, а этотъ никого; потому и говорилъ: *челоѣхъ не имамъ*. Во-вторыхъ, изъ самаго отвѣта: тотъ ничего не говоритъ, а этотъ рассказываетъ все, что его касается. Въ-третьихъ, изъ времени этого случая: этотъ исцѣленъ въ праздникъ и въ субботу, а тотъ въ другой день. Также

мѣсто того и другого различно: тотъ исцѣленъ въ домѣ, а этотъ при купѣли; да и способъ исцѣленія различенъ: тамъ (Христосъ) сказалъ: *чадо, отпущаются ти грѣси твои* (Матѣ. ix, 2), а здѣсь сначала укрѣпляетъ тѣло, потомъ уже прилагаетъ попеченіе о душѣ; тамъ прощеніе: *отпущаются*, говорить, *ти грѣси твои*, а здѣсь увѣщаніе и угроза, для предостереженія его на будущее время: *ктому не соотрѣпай*, говорить, *да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14). Притомъ и обвиненія отъ іудеевъ различны: здѣсь они осуждаютъ дѣланіе въ субботу, а тамъ обвиняютъ Его въ богохульствѣ. Но посмотри, какъ велика премудрость Божія. Христосъ не тотчасъ исцѣляетъ его, а сперва предрасполагаетъ его къ себѣ вопросомъ, пролагая въ немъ готовый путь вѣрѣ, и не только исцѣляетъ, но и повелѣваетъ взять свой одръ, чтобы и совершившееся чудо имѣло тѣмъ болѣе достовѣрности, и чтобы никто не считалъ этого событія призракомъ или обманомъ. Въдь если бы члены (тѣла) не укрѣпились твердо и вполне, онъ не могъ бы понести одра. Такъ Христосъ и часто дѣлалъ, чтобы совершенно заградить уста безстыдныхъ. Такъ при чудѣ надъ хлѣбами, чтобы никто не могъ сказать, что народъ обыкновеннымъ образомъ насытился, и что чудо было только кажущееся, по устроенію Его оказалось еще много остатковъ хлѣба. И прокаженному очистившемуся, Онъ говоритъ: *иди показися іереови* (Матѣ. viii, 4), чтобы чрезъ это дать болѣе точное доказательство очищенія, и вмѣстѣ заградить безстыдныя уста тѣхъ, которые называли Его противникомъ закону Божию. Подобнымъ образомъ Онъ поступилъ и при обращеніи воды въ вино: Онъ не просто показалъ вино, но и приказалъ отнести его къ распорядителю пира, такъ что тотъ, признавшись въ своемъ невѣдѣніи о случившемся, представилъ такимъ образомъ несомнѣнное свидѣтельство о чудѣ. Потому евангелистъ и сказалъ: *не тогдаше архитриклинъ, откуда есть* (Іоан. ii, 9), выражая тѣмъ неподкупность его свидѣтельства. И въ другомъ случаѣ, воскресивъ мертвого, Христосъ говоритъ: *дадите ему ясти* (Лук. viii, 55), и въ этомъ даетъ видѣть признакъ истиннаго воскресенія. Всѣмъ этимъ Онъ убѣждалъ безсмысленныхъ, что Онъ былъ не обманщикъ какой-нибудь и не кудесникъ, но пришелъ для спасенія общаго естества человѣческаго.

2. Но почему Христосъ не требуетъ отъ разслабленнаго 209 вѣры, какъ это сдѣлалъ въ отношеніи къ слѣпымъ, которымъ сказалъ: *отруета ли, яко могу сіе сотворити* (Матѣ. ix, 28)? Потому, что разслабленный еще точно не зналъ, кто Онъ. Христосъ не прежде чудесъ, а послѣ нихъ обыкновенно дѣлалъ это. Тѣ, которые видѣли силу Его на другихъ, справедливо слышали отъ Него такой вопросъ, а тѣ, которые еще не знали Его, а должны

были узнать по знаменіямъ, уже послѣ чудесъ вопрошаются о вѣрѣ. Потому-то и Матѳей представляет Христа спрашивающимъ это у людей, не въ началѣ его чудотвореній, а когда Онъ уже многихъ исцѣлилъ, тогда и спрашиваетъ объ этомъ, и именно только двухъ слѣпцовъ. Но ты и такъ можешь видѣть вѣру разслабленнаго. Услышавъ слово: *возми одръ твой и ходи*, Онъ не посмѣялся и не сказалъ: что это значить? Ангелъ нисходитъ и возмущаетъ воду, и только одного исцѣляетъ, а ты, человѣкъ, неужели надѣешься сдѣлать больше ангеловъ однимъ повелѣніемъ и словомъ? Это — гордость, тщеславіе, насмѣшка. Но онъ пичего такого не сказалъ, даже не подумалъ, а, лишь только услышалъ, тотчасъ всталъ, и, получивъ здоровье, не послушался даннаго ему повелѣнія: *возстани, возми одръ твой и ходи* (Іоан. v, 8). Удивительно и это; но послѣдующія обстоятельства еще гораздо удивительнѣе; или лучше сказать: что онъ увѣроваль во Христа съ самаго начала, когда никто ему въ томъ не препятствовалъ, это не такъ удивительно; а что послѣ того, когда іудеи бѣсновались, со всѣхъ сторонъ наступали, осаждали и осуждали его и говорили: *не достоинъ ти взяти одра твоего* (ст. 10), онъ не только презираетъ ихъ бѣшенство, но и съ великимъ дерзновеніемъ, среди собранія народа, провозгласилъ о Благодарѣтелѣ своемъ и заставилъ молчать ихъ безстыдный языкъ — это я признаю великимъ мужествомъ. Когда іудеи, окруживъ его, съ укоризною и наглостію говорили ему: *суббота есть, и не достоинъ ти взяти одра твоего*, — послушай, что онъ говоритъ: *яже сътвори цѣла, той мнѣ рече: возми одръ твой и ходи* (ст. 11); какъ бы такъ онъ говорилъ: вы говорите вздоръ и съ ума сходите, запрещая мнѣ считать учителемъ Того, Кто исцѣлялъ меня отъ столь продолжительной и тяжелой болѣзни, и повиноваться Ему во всемъ, что Онъ ни повелитъ мнѣ. А если бы онъ хотѣлъ поступить коварно, то могъ бы и иначе сказать, — напримѣръ, что я это дѣлаю не по своей волѣ, а по приказанію другого; если это грѣхъ, то обвиняйте приказавшаго мнѣ, а я оставлю свой одръ. Онъ могъ бы и скрыть чудо исцѣленія. Онъ ясно видѣлъ, что они досадуютъ не столько за нарушеніе субботы, сколько за исцѣленіе болѣзни. Но онъ и не скрылъ чуда, и не сказалъ такихъ словъ, и не просилъ у нихъ прощенія; онъ громкимъ голосомъ признавалъ и провозглашалъ оказанное ему благодѣяніе. Такъ поступилъ разслабленный; но посмотри, какъ злобно они дѣйствовали. Они не спрашиваютъ: кто Онъ, исцѣлившій тебя? Они молчали объ этомъ, а всячески выставляютъ на видъ кажущееся преступленіе: *кто есть человекъ, рекій ти: возми одръ твой, и ходи? Испытанный же не отвѣще, кто есть: Иисусъ бо уклонися,*

народу *сущу на мѣстѣ* (ст. 12, 18). Для чего же Христосъ скрылся? 210 Во-первыхъ, для того, чтобы въ отсутствіе Его свидѣтельство было свободно отъ всякаго подозрѣнія: получившій чувство здоровья былъ конечно достовѣрнымъ свидѣтелемъ благодѣянія. Во-вторыхъ, для того, чтобы еще болѣе не возжечь гнѣва ихъ: Онъ зпалъ, что и одинъ видъ человѣка ненавистнаго не мало воспламеняетъ ненавидящихъ. Поэтому, уклонившись, Онъ оставляетъ дѣло само за себя дѣйствовать предъ ними, такъ что уже не Онъ самъ говоритъ что-либо о Себѣ, а исцѣленные Имъ, вмѣстѣ жъ съ ними и сами обвинители. И они также съ своей стороны даютъ свидѣтельство о чудѣ, потому что не говорили: почему ты повелѣваешь дѣлать это въ субботу? а: почему ты дѣлаешь это въ субботу? Они негодуютъ не за преступленіе, а завидуютъ исцѣленію расслабленнаго. Между тѣмъ, если тутъ было человѣческое дѣло, оно было въ томъ, что дѣлать расслабленный; а со стороны Христа было только слово и повелѣніе. Такимъ образомъ здѣсь Христосъ повелѣваетъ другому нарушить субботу, а въ иныхъ случаяхъ Онъ самъ дѣлаетъ это, напр., когда брѣніемъ отъ плюновения помазываетъ очи. Но Онъ дѣлаетъ это, не преступая законъ, а поступая выше закона. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Не во всѣхъ случаяхъ одинаковымъ образомъ Онъ оправдывается, когда обвиняютъ Его въ нарушеніи субботы, и это надобно замѣтить тщательно.

3. Между тѣмъ посмотримъ, насколько великое зло—зависть, и какъ она ослѣпляетъ душевныя очи вопреки собственной пользѣ самого одержимаго ею. Какъ бѣснующіеся часто обращаютъ мечи на самихъ себя, такъ и завистливые, имѣя въ виду только одно—вредъ тому, кому завидуютъ, теряютъ собственное спасеніе. Они хуже дикихъ звѣрей; звѣри нападаютъ на насъ, или имѣя недостатокъ въ пищѣ, или будучи напередъ нами самими раздражены; а тѣ, и будучи облагодѣтельствованы, часто поступаютъ съ благодѣтелями, какъ съ врагами. Такъ они хуже дикихъ звѣрей и подобны бѣсамъ, а можетъ быть и ихъ хуже. Бѣсы имѣютъ непримиримую вражду только противъ насъ, а не дѣлаютъ козней противъ подобныхъ себѣ по естеству: этимъ-то и Христосъ заградилъ уста іудеямъ, когда они говорили, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Веельзевула. Но завистливые не уважаютъ и единства природы, да не щадятъ и самихъ себя: еще прежде, чѣмъ повредятъ тому, кому завидуютъ, они мучатъ собственные свои души, наполняя ихъ напрасно и безъ нужды всякимъ безпокойствомъ и недовольствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ты скорбѣишь, видя благополучіе ближняго? Скорбѣть, конечно, слѣдуетъ намъ, когда мы сами терпимъ зло, а не тогда, когда видимъ

благополучіе другихъ. Потому грѣхъ этотъ не можетъ имѣть никакого извиненія. Блудникъ еще можетъ указывать на похоть, воръ на бѣдность, челоуѣкоубійца на раздраженіе: хотя и эти извиненія пусты и неосновательны, но все же могутъ имѣть видъ оправданія. А ты какую представишь причину, — скажи мнѣ? Совершенно никакой, кромѣ одной крайней злобы. Если намъ повелѣно любить враговъ, а мы непавидимъ и любящихъ насъ, то какому подвергнемся наказанію? Если любящій любящихъ его ничѣмъ не лучше язычниковъ, то злобствующій противъ людей, ничѣмъ не оскорбившихъ его, какое можетъ получить прощеніе, какое помилованіе? Послушай, что говоритъ Павелъ: *еще предамъ тѣло мое, во еже сжести е, любве же не имамъ, никаа польза ми есть* (1 Кор. хш, 8). А что тамъ, гдѣ зависть и ненависть, уже вовсе нѣтъ любви, это всякому ясно. Зависть хуже и блуда

211 и прелюбодѣянія; эти пороки ограничиваются тѣми, которые дѣлаютъ ихъ, а преобладаніе зависти ниспровергало цѣлыя церкви и дѣлало зло всей вселенной; она мать убійства. Такъ Каинъ убилъ брата; такъ Исавъ хотѣлъ убить Іакова; такъ Іосифа — братья; такъ всѣхъ людей — діаволъ. Ты не убиваешь: да ты дѣлаешь многое еще хуже убійства, когда напимѣръ желаешь, чтобы братъ твой потерпѣлъ безчестіе, когда со всѣхъ сторонъ разставляешь ему сѣти, разстроиваешь его труды, подыятые имъ ради добродѣтели, досадуешь, что онъ угоденъ Господу вселенной. Такимъ образомъ ты уже враждуешь не противъ него, а противъ Того, кому онъ служить; Его оскорбляешь, когда собственную свою честь поставляешь выше Его чести; а что всего ужаснѣе, — грѣхъ этотъ ты считаешь безразличнымъ, тогда какъ онъ тяжелѣе всѣхъ другихъ. Хотя бы ты подавалъ милостыни, хотя бы велъ трезвую жизнь, хотя бы постился, но ты преступнѣе всѣхъ, если завидуешь брату своему. Это очевидно изъ слѣдующаго: у коринянъ нѣкто впалъ въ любодѣяніе, но будучи обличенъ, скоро исправился; Каинъ позавидовалъ Авелю и не исправился, но даже, когда Богъ непрестанно напоминалъ ему объ его болѣзни, онъ еще болѣе мучился завистию, раз-

212 дражался и устремлялся на убійство. Такъ нѣтъ ничего упорнѣе этой страсти, и не легко она уступаетъ врачеванію, если мы не будемъ внимательны. Потому исторгнемъ ее изъ себя съ корнемъ, представляя себѣ то, что какъ мы оскорбляемъ Бога, завидуя чужому добру, такъ благоугождаемъ Ему, сорадуясь другимъ, и себя дѣлаемъ участниками благъ, уготованныхъ людямъ добродѣтельнымъ. Потому и Павелъ увѣщаетъ радоваться съ радующимися и плакать съ плачущими, чтобы отъ того и другого получить намъ великую пользу (Рим. хп, 16). Итакъ,

помня, что, хотя бы мы сами и не трудились, а только сочувствовали трудящемуся, мы можем раздѣлять съ нимъ вѣнцы его, оставимъ всякую зависть и насадимъ въ душахъ нашихъ любовь, чтобы, сорадуясь благополучію братій нашихъ, мы могли сподобиться благъ настоящихъ и будущихъ, благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVIII.

Потомъ же обрѣте его Иисусъ въ церкви и рече ему: се здравъ еси; къ тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ (Іоан. v, 14).

Тяжкое зло — грѣхъ, зло и пагуба для души; а слишкомъ 211 усиливаясь, это зло часто касается и тѣла. Мы остаемся безчувственными, когда въ насъ сильно страждетъ душа, а когда тѣло получаетъ хотя малое поврежденіе, то употребляемъ всѣ усилія, чтобы излѣчить его отъ недуга, потому что чувствуемъ боль. Поэтому-то Богъ часто наказываетъ тѣло за грѣхи души, чтобы отъ наказанія пизшей части и высшая получила какое-нибудь врачеваніе. Такъ у коринѣянъ Павелъ исправилъ блудника, удержавъ болѣзнь души казнію тѣла; онъ прекратилъ зло, поразивъ тѣло, — подобно тому, какъ хорошій врачъ, если водяная болѣзнь или боль въ печени не уступаетъ внутреннимъ лѣкарствамъ, дѣлаетъ прижиганія снаружи. Такъ и Христосъ поступилъ съ разслабленнымъ. Вотъ какъ Онъ самъ выражаетъ это, когда говоритъ: *се здравъ еси; къ тому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ*. Чему же мы отсюда научаемся? Во-первыхъ, что болѣзнь произошла у него отъ грѣховъ; во-вторыхъ, что ученіе о гееннѣ справедливо; и въ-третьихъ, что наказаніе въ ней будетъ продолжительно, бесконечно. Гдѣ же тѣ, которые говорятъ: я въ одинъ часъ совершилъ убійство, я краткое время любодѣйствовалъ, и неужели буду наказываться вѣчно? Вотъ и разслабленный не столько лѣтъ грѣшилъ, сколько терпѣлъ наказаніе, и почти цѣлую жизнь человѣческую провелъ въ непрерывномъ мученіи. Грѣхи судятся не по времени, а по самому существу преступленій. При этомъ надобно принять во вниманіе и то, что, хотя бы мы претерпѣвали тяжкое наказаніе за прежніе свои грѣхи, но, если снова впадемъ въ тѣ же пороки, то подвергнемся снова и еще тягчайшему наказанію; и это совершенно справедливо. Кто даже отъ наказанія не дѣлается лучшимъ, тотъ, какъ без-

чувственный и презритель, предается еще большей казни. И одно наказаніе само по себѣ достаточно должно быть для удержанія и вразумленія падшаго однажды; но если онъ, не вразумившись отъ понесеннаго наказанія, снова дерзаетъ на то же самое, то по справедливости снова подвергается наказанію, которое самъ на себя навлекаетъ. Если же мы, и здѣсь, послѣ наказанія за грѣхи впадая снова въ тѣ же грѣхи, подвергаемся уже тягчайшему наказанію, то не должны ли мы тѣмъ болѣе страшиться и трепетать въ ожиданіи будущихъ нестерпимыхъ мукъ, когда, и согрѣшая, мы здѣсь не терпимъ никакого наказанія? Почему же, ты скажешь, не всѣ такимъ образомъ наказываются? Вѣдь мы видимъ многихъ порочныхъ людей, которые хорошее имѣютъ здоровье и въ крѣпости силъ наслаждаются благоденствіемъ. Но мы не должны полагаться на это, а поэтому-то больше и надобно оплакивать такихъ людей. Что они здѣсь ничего не терпятъ, это и есть залогъ тягчайшаго тамъ наказанія. Изясняя это, Павелъ говоритъ: *судими же нынѣ отъ Господа, наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. xi, 22). Здѣсь — только вразумленіе, тамъ — наказаніе. Что же, скажешь ты, неужели всѣ болѣзни отъ грѣховъ? Не всѣ, но большая часть. Нѣкоторыя бываютъ и отъ безпечности. Чревоугодіе, пьянство и бездѣйствіе также производятъ болѣзни. Одно только надобно всегда соблюдать, чтобы всякій ударъ переносить съ благодарностію. Бываютъ болѣзни и за грѣхи; такъ видимъ въ книгахъ Царствъ, что нѣкто страдалъ болѣзнію ногъ именно по этой причинѣ. Случаются болѣзни и для испытанія нашего въ добрѣ, какъ Богъ говоритъ Іову: *мысли ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися правдивъ* (Іов. xi, 3)? Но почему этимъ разслабленнымъ Христосъ выставляетъ на видъ ихъ грѣхи? И тому, о которомъ упоминаетъ Матѣей, онъ говоритъ: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои* (Матѣ. ii, 2), и этому: *се здравъ еси, къ тому не сопришай*. Знаю, что нѣкоторые говорятъ въ осужденіе этого разслабленнаго, будто онъ былъ послѣ въ числѣ обвинителей Іисуса Христа, и потому-то услышалъ отъ Него такія слова, но что сказать о томъ, который, по свидѣтельству Матѣея, услышалъ почти тѣ же самыя слова? И ему сказано: *отпущаются ти грѣси твои*; но услышалъ онъ это не по той же причинѣ, какъ можно яснѣе видѣть изъ послѣдующаго. Евангелистъ говоритъ, что послѣ исцѣленія *Іисусъ обрѣте его въ церкви* (v, 14), — а это знакъ великаго благочестія: онъ не ходилъ на торжища и гульбища, не предавался объяденію или безпечности, а проводилъ время въ храмѣ; хотя долженъ былъ терпѣть тамъ насиліе и гоненіе отъ всѣхъ, но

213 это нисколько не побудило его удалиться отъ храма. Итакъ Хри-

стось, встрѣтивъ его послѣ разговора съ іудеями, не сдѣлалъ никакого намека на что-либо подобное; если бы Онъ хотѣлъ обличить его, то сказалъ бы ему: ты опять принимаешься за прежнее, и послѣ испѣленія не сдѣлался лучшимъ? Но ничего такого Онъ не сказалъ, а только предостерегаетъ его на будущее время.

2. Почему же, исцѣля хромыхъ и увѣчныхъ, Онъ не напоминалъ имъ объ этомъ? Мнѣ кажется, что болѣзани у расслабленныхъ происходили отъ грѣховъ, а у прочихъ — отъ естественной немощи. Если же это не такъ, то чрезъ нихъ и то, что сказано имъ, сказано было и другимъ. Такъ какъ эта болѣзнь тяжелѣе всѣхъ другихъ, то чрезъ большую врачуются и меньшія. Какъ, исцѣливъ нѣкоего другого, Христось повелѣлъ ему воздать славу Богу, внушая это не ему одному, а чрезъ него и всѣмъ другимъ, такъ и здѣсь чрезъ расслабленныхъ увѣщаетъ и всѣхъ прочихъ, и внушаетъ то же, что имъ сказалъ. Къ этому надобно и то сказать, что Онъ видѣлъ въ душѣ расслабленнаго великое терпѣніе, и потому даетъ ему наставленіе, какъ человѣку, могущему принять увѣщаніе, ограждая его здоровье и благодѣяніемъ и страхомъ будущихъ золъ. И посмотри, какъ Христось былъ чуждъ тщеславія. Онъ не сказалъ: вотъ, Я сдѣлалъ тебя здоровымъ. А сказалъ: вотъ, ты теперь здоровъ; впредь не грѣши. Не говоритъ также: не грѣши, чтобы Я не наказалъ тебя; а только: *да не юрше ти что будетъ*. То и другое выражаетъ безлично; и притомъ показываетъ, что здоровье возвращено ему болѣе по благодати, нежели по заслугамъ. Не подаетъ вида, что онъ освобожденъ отъ наказанія по достоинству, а выражаетъ, что онъ спасенъ по человеколюбію. Въ противномъ случаѣ сказалъ бы: вотъ, ты понесъ уже достаточное наказаніе за свои грѣхи: будь же впредь остороженъ. Но Онъ не такъ сказалъ, а какъ? *Се здоровъ еси, къ тому не согрѣшай*. Это должны мы повторять чаще и самимъ себѣ, и когда будемъ наказаны и освободимся отъ наказанія, то каждый пусть говоритъ самому себѣ: *се здоровъ еси, къ тому не согрѣшай*. А если, и продолжая грѣшить, мы не подвергаемся наказанію, то станемъ повторять слѣдующее апостольское изреченіе: *яко благодать Божія на покаяніе насъ ведетъ: по жестокости же и непокаянному сердцу нашему собираетъ себѣ злыхъ* (Рим. II, 5). Но Христось не только укрѣпленіемъ тѣла, а еще и другимъ способомъ явилъ расслабленному важное доказательство Своего божества. Словами: *къ тому не согрѣшай* Онъ показалъ, что знаетъ всѣ прежде бывшія согрѣшенія его, а потому слѣдуетъ вѣровать Ему и относительно будущаго. *Иде же человекъ, и постоа Іудеомъ, яко Іисусъ есть, иже мя сотвори чина* (Іоан. V, 15). Посмотри, какъ онъ и въ этомъ

случаѣ сохраняетъ то же чувство признательности. Онъ не говоритъ, что Іисусъ есть тотъ мужъ, который сказалъ ему: *возьми одръ твою*, потому что іудеи постоянно выставляли это на видъ, какъ преступленіе, а онъ продолжаетъ свое оправданіе, объявляя своего Исполниителя, стараясь и другихъ привлечь и приблизить къ Нему. Онъ не былъ такъ безчувственъ, чтобы, послѣ столь великаго благодѣянія и увѣщанія, предать своего Благодѣтеля и говорить это съ злымъ намѣреніемъ. Если бы онъ былъ даже дикимъ звѣремъ, если бы былъ безчеловѣчнымъ и каменнымъ, то это благодѣяніе и страхъ достаточны были бы удержать его. Въ ушахъ его еще звучала угроза, и потому онъ боялся, чтобы не потерпѣть чего-либо худшаго, имѣя столь великія доказательства силы Врача. Иначе, если бы онъ захотѣлъ клеветать, то, умолчавъ объ исполненіи, сказалъ бы только о преступленіи закона и сталъ бы обвинять. Но этого нѣтъ; напротивъ, онъ съ великимъ дерзновеніемъ и благодарностію прославляетъ своего Благодѣтеля нисколько не меньше слѣпого. Что говорилъ слѣпой? *Сотвори брѣніе и помаза ми очи*. И расслабленный также: *Іисусъ есть; иже мя сотвори цѣла*. И сего ради юнѣху Іисуса іудее, и исказу Его убити, зане сія творяше въ субботу (Іоан. v, 16). Чтоже Христосъ? *Отецъ Мой*, говоритъ Онъ, *досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (ст. 47). Когда ему нужно было защищать Своихъ учениковъ, тогда Онъ указывалъ на Давида, какъ на подобнаго имъ раба: *нѣсте ли чли, что сотвори Давидъ, егда взалка самъ и сущи съ нимъ* (Матѣ. хii, 3)? А когда дѣло касается Его самого, Онъ обращается къ Отцу, двоякимъ образомъ показывая Свое равенство съ Нимъ,—и тѣмъ, что насыщаетъ Его въ собственномъ смыслѣ Своимъ *Отцемъ*, и тѣмъ, что представляетъ Себя дѣлающимъ заодно съ Нимъ. Почему же Онъ не упомянулъ о случившемся въ Іерихонѣ? Потому, что хотѣлъ возвести ихъ отъ земли, чтобы они внимали Ему уже не какъ человѣку, а какъ Богу и Законодателю. Но если бы Онъ не былъ истиннымъ Сыномъ и Единосущнымъ, то оправданіе было бы еще хуже обвиненія, похоже на то, какъ если бы какой-нибудь начальникъ, преступивъ царскій законъ и потомъ будучи обвиняемъ, сталъ въ оправданіе свое говорить, что и самъ царь нарушаетъ его; ятимъ онъ не только не избѣжалъ бы осужденія, а еще увеличилъ бы свою вину. Но здѣсь достоинство равное, потому и оправданіе представлено совершенно твердое. Чего, говоритъ Онъ, вы не поставяете въ вину Богу, въ томъ не можете обвинять и Меня. Потому-то, предупреждая ихъ, Онъ и сказалъ: *Отецъ Мой*, чтобы заставить ихъ, и противъ ихъ воли, допустить для Него тоже самое (что и для Бога—Отца), по уваженію къ Его совершенному единенію съ Отцемъ. Если

же кто скажетъ: какъ дѣлаетъ Отецъ, когда Онъ въ день седьмой почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, — тотъ пусть узнаетъ образъ Его дѣланія. Какимъ же образомъ Онъ дѣлаетъ? Промышленіемъ, сохраненіемъ всего сотвореннаго. Когда ты видишь восходящее солнце, бѣгущую луну, озера, источники, рѣки, дожди и движеніе природы—въ сѣменахъ, въ тѣлахъ нашихъ и въ безсловесныхъ животныхъ, и все прочее, чѣмъ держится вселенная, то и познавай въ этомъ непрестающее дѣланіе Отца; Онъ, говоритъ Христосъ, *солнце свое сіяетъ на злыхъ и благихъ, и дождитъ на праведныхъ и на неправедныхъ* (Матѣ. v, 45); и еще: *аще же стно сельное, днесь суще, и утрѣ въ нещѣ вметаемо, Богъ тако отвѣстѣ* (Матѣ. vi, 80); также, и о птицахъ бесѣдуя, говоритъ: *Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (ст. 26).

8. Итакъ, въ этомъ случаѣ все дѣло Его въ субботу заключалось только въ однихъ словахъ, и Онъ ничего болѣе не присовокупилъ, а тѣмъ самымъ, что совершается въ храмѣ и что сами они дѣлаютъ, онъ опровергъ обвиненія. А если Онъ повелѣлъ и дѣло сдѣлать, именно взять одръ, что впрочемъ само по себѣ не заключаетъ никакого важнаго дѣла, а казалось только явнымъ нарушеніемъ субботы, то Онъ при этомъ обращаетъ слово къ высшему предмету, желая сильнѣе поразить ихъ достоинствомъ Отца Своего и возвести къ высшимъ понятіямъ. Потому-то, когда была рѣчь о субботѣ, Онъ защищалъ Себя, не какъ только человѣкъ и не какъ Богъ только, но иногда какъ Богъ, иногда какъ человѣкъ: хотѣлъ увѣрить ихъ въ томъ и другомъ,—и въ уничиженіи Своего вочеловѣченія, и въ достоинствѣ божескомъ. Въ настоящемъ случаѣ Онъ защищаетъ Себя, какъ Богъ; если бы Онъ сталъ постоянно говорить съ ними только какъ человѣкъ, то они и остались бы навсегда съ мыслию объ одномъ уничиженіи Его. Но, чтобы этого не было, Онъ указываетъ имъ Своего Отца. Хотя и самое твореніе дѣйствуетъ въ субботу,—такъ солнце совершаетъ свой бѣгъ, рѣки текутъ, источники изливаются, жены рожаютъ,—но, чтобы ты зналъ, что Онъ 215 не принадлежитъ къ твари, Онъ не сказалъ: Я дѣлаю, какъ и тварь дѣлаетъ; а какъ? *Азъ дѣлаю*, потому что и *Отецъ мой дѣлаетъ. И сего ради*, говоритъ евангелистъ, *наче исказу Его иудее убити, яко не токмо разоряше субботу, но и отца своего глаголаше Бога, равенъ ся творя Богу* (Іоан. v, 18). Но это равенство было не кажущееся только,—не словами одними Онъ доказываетъ это, а преимущественно дѣлами. Почему такъ? Потому, что слова одни могли опровергать и обвинять Его въ тщеславіи, а видя истину, открывающуюся въ событіяхъ, и силу Его, являемую дѣлами, они уже ничего не могли сказать вопреки Ему. Но не хотящіе

допустить это по неблагомыслию говорятъ, что Христосъ не самъ дѣлалъ Себя равнымъ Богу, а только іудеи подозрѣвали Его въ этомъ. Но пересмотримъ все вышесказанное. Скажи же мнѣ: гнали Его іудеи, или не гнали? Всякому ясно, что гнали. А за это ли гнали, или за что другое? Всѣ также согласны, что за это. Нарушалъ ли Онъ субботу, или не нарушалъ? И этого, конечно, никто не станетъ отвергать. Называлъ Бога Отцемъ Своимъ, или не называлъ? И это вѣрно. Подобнымъ образомъ можно вывести заключеніе и о послѣдующемъ. Какъ то, что Онъ называлъ Бога Отцемъ Своимъ, нарушалъ субботу и былъ гонимъ іудеями за послѣднее, а преимущественно за первое, не есть одно ложное подозрѣніе, а дѣйствительная истина, такъ и то, что Онъ дѣлалъ Себя равнымъ Богу, въ такомъ же высказано было смыслѣ. А еще яснѣе это можно видѣть изъ сказанныхъ предъ этимъ словъ. Слова: *Отецъ Мой дѣлаетъ и азъ дѣлаю* выражаютъ именно равенство съ Богомъ; Онъ при этомъ не показываетъ никакого различія, не говоритъ: Отецъ дѣлаетъ, а Я служу Ему въ дѣлахъ; Онъ говоритъ: какъ Отецъ дѣлаетъ, такъ и Я, — и такимъ образомъ выражаетъ совершенное равенство. Если бы Онъ не самъ хотѣлъ выразить это, а только іудеи такъ напрасно думали, то Онъ не оставилъ бы ихъ въ такомъ погрѣшительномъ мнѣніи, а исправилъ бы его; да и евангелистъ не умолчалъ бы, а сказалъ бы ясно, что іудеи такъ думали, самъ же Христосъ не дѣлалъ Себя равнымъ Богу, — какъ это находимъ въ другихъ мѣстахъ, когда евангелистъ видѣлъ, что иначе было сказано, а иначе понято сказанное; напримѣръ: *разорите церковь сію, и тремя денми воздвигну ю*, говорилъ Христосъ, разумѣя собственное тѣло; а іудеи, не понявъ этого и думая, что Онъ говоритъ объ іудейскомъ храмѣ, сказали: *четырехдесять и шестію лѣтъ создана бысть церковь сія, и Ты ли тремя денми воздвигнешу ю* (Іоан. п, 19, 20)? Онъ говорилъ то, а они предполагали другое; Онъ говорилъ о тѣлѣ Своемъ, а они думали, что это сказано о храмѣ ихъ. Евангелистъ, замѣчая это, или лучше исправляя мнѣніе ихъ, присовокупилъ: *Онъ же глаголаше о церкви тѣла своего* (ст. 21). Такъ и здѣсь, если бы Христосъ не дѣлалъ Себя равнымъ Богу и не хотѣлъ доказывать этого, а только іудеи такъ думали, то евангелистъ исправилъ бы и здѣсь ихъ мысль и сказалъ бы: іудеи думали, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, а Онъ говорилъ не о равенствѣ. Да и не одинъ только этотъ евангелистъ въ данномъ мѣстѣ, но и другой, при другомъ случаѣ, дѣлаетъ тоже самое. Когда Іисусъ Христосъ заповѣдывалъ ученикамъ: *внимайте отъ лица фарисейска и саддукейска, — они помышляху съ собою глаголюще, яко хлѣбомъ не живемъ* (Мате. хvi, 6, 7). Онъ

говорилъ одно, называя закваскою ученіе, а ученики подразумѣвали другое, думая, что Онъ говорить о хлѣбахъ. И это исправляетъ уже не евангелистъ, а самъ Христосъ, говоря такъ: *како не разумѣете, яко не о хлѣбѣхъ рече вамъ внимати* (ст. 11)? Здѣсь же нѣтъ ничего подобнаго. Но самъ Христосъ, скажутъ, опровергаетъ это, когда присовокупляетъ: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничего* (Іоан. v, 19). Нѣтъ, возлюбленный, Онъ дѣлаетъ совершенно противное; Онъ не опровергаетъ, а подтверждаетъ этими словами равенство. Слушайте внимательнѣе,—это предметъ не маловажный. Выраженіе: *о себѣ* часто встрѣчается въ Писаніи и о Сынѣ и о Святомъ Духѣ, и потому надобно понять силу этого изреченія, чтобы не впасть въ величайшія погрѣшности. Если принимать его такъ, какъ оно есть и какъ съ перваго раза представляется, то смотри, какая выйдетъ отсюда нелѣпость. Да Онъ и не сказалъ, что Сынъ иное можетъ дѣлать самъ по себѣ, а иное не можетъ; но сказалъ вообще: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничего*.

4. Спросимъ же возражающаго: итакъ, скажи мнѣ, уже ли Сынъ ничего не можетъ дѣлать самъ по себѣ? Если скажешь, что *ничего*, тогда мы затѣмъ, что величайшее благое дѣло Онъ и совершилъ самъ по себѣ, какъ и Павелъ восклицаетъ, говоря: *иже во образъ Божіи сѣи, не восхищеніемъ непещею быти равенъ Богу, но Себе умаливъ, зракъ раба пріимъ* (Фил. ii, 6, 7). И опять самъ Христосъ въ другомъ мѣстѣ говорить: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю; и никтоже возметъ ю отъ Мене: Азъ полагаю ю о себѣ* (Іоан. x, 18). Видишь ли, что Онъ имѣетъ власть надъ смертію и жизнію, и самъ совершилъ такое великое домостроительство? Да что я говорю о Христѣ? И мы, люди, которыхъ ничего не можетъ быть немощиѣ, дѣлаемъ многое сами по себѣ, зло избираемъ сами по себѣ, добродѣтели слѣдуемъ сами по себѣ. А если не сами по себѣ, и не имѣемъ въ томъ власти, то, значить, мы и за грѣхи уже не будемъ ввержены въ геенну, и за добродѣтели не наслѣдуемъ царствія. Итакъ слова: *о себѣ не можетъ творити ничего* означаютъ только то, что Онъ не дѣлаетъ ничего противнаго Отцу, ничего чуждаго Ему, ничего несообразнаго, а это еще болѣе показываетъ между Ними равенство и совершенное согласіе. Почему же Онъ не сказалъ, что ничего противнаго не дѣлаетъ, а сказалъ: *не можетъ дѣлать*? Чтобы и этимъ опять показать неизмѣнность и совершенство равенства. Это выраженіе означаетъ не безсиліе Его, а напротивъ, свидѣтельствуетъ о великой Его силѣ, подобно тому, какъ и объ Отцѣ Павелъ въ другомъ мѣстѣ говорить: *да дѣла вещи неслужносными, въ нихже невоз-*

можно солгати Богу (Евр. vi, 18); также: *аще не струемъ, Онъ стренъ пребываетъ: отрещися Себе не можетъ* (2 Тим. ii, 13). Здѣсь выраженіе—*не можетъ* отнюдь не означаетъ безсилія, а означаетъ силу, и силу неизреченную. Именно слова апостола имѣютъ такой смыслъ, что существо божественное недоступно никакимъ подобнымъ слабостямъ. Когда и мы говоримъ, что Богъ не можетъ грѣшить, то не слабость Ему приписываемъ, а свидѣтельствуемъ о нѣкоторой неизреченной Его силѣ; такъ, когда и онъ самъ

217 говоритъ: *не могу о себѣ творити ничего*, выражаетъ то, что ему невозможно и несвойственно дѣлать что-нибудь противное Отцу. А чтобы убѣдиться въ точности этого смысла словъ Его, обратимся къ послѣдующимъ словамъ и посмотримъ, чье мнѣніе подтверждаетъ самъ Христосъ, наше ли, или ваше. Ты говоришь, что это выраженіе исключаетъ власть и свойственную Ему самостоятельность, и показываетъ слабость силы; а я говорю, что оно означаетъ равенство, неизмѣнность и какъ бы дѣйствіе одной воли, власти и силы. Итакъ, спросимъ самого Христа и посмотримъ изъ послѣдующихъ словъ Его, по твоимъ ли мыслямъ, или по нашимъ Онъ изъясняетъ сказанное. Что же Онъ говоритъ? *Яже бо Отецъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. v, 19). Видишь ли, какъ Онъ до основанія испровергаетъ ваше мнѣніе и подтверждаетъ сказанное нами? Если Онъ самъ отъ Себя не дѣлаетъ ничего, то, значить, и Отецъ также самъ отъ Себя ничего не дѣлаетъ, потому что Сынъ дѣлаетъ все такъ, какъ Отецъ. А если это не такъ, то выйдетъ и другая нелѣпость. Онъ не говоритъ, что Онъ только то дѣлаетъ, что видитъ творящимъ Отца, но: *аще не еже видитъ Отца творяща, не творитъ*, простирая силу слова на всякое время,—и такимъ образомъ по вашему будетъ, что Онъ постоянно только учится дѣлать то, что Отецъ дѣлаетъ. Видишь, какъ мысль Его высока, а смиреніе въ словѣ заставляетъ и самыхъ безстыдныхъ невольно оставить уничиженныя и совершенно несообразныя съ Его достоинствомъ понятія о Немъ? Кто же будетъ столь жалокъ и несчастенъ, чтобы утверждать, что Сынъ ежедневно учится тому, что Ему надобно дѣлать? Какъ въ такомъ случаѣ будетъ истинно изреченіе: *Ты же тойжеде еси, и лъта твоя не оскудѣютъ* (Пс. ci, 28); или: *вся Тѣла быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. i, 3),—если Отецъ дѣлаетъ, а Сынъ, видя то, только подражаетъ Ему? Видишь ли, какъ и вышесказанное и послѣсказанное подтверждаетъ Его самостоятельность? Если же Онъ произноситъ нѣкоторыя слова о Себѣ въ видѣ самоуничиженія,—не удивляйся. Такъ какъ іудеи, слыша высокое ученіе Его о Себѣ самомъ, гнали Его, называли противникомъ Божиимъ, то Онъ нѣсколько снисходитъ только въ образѣ выраженія, потомъ снова

возводитъ ученіе къ высшимъ понятіямъ, затѣмъ опять обращается къ уничиженнымъ выраженіямъ, и такимъ образомъ разнообразитъ Свое ученіе, чтобы сдѣлать его и для неразумныхъ удобопріемлемымъ. Вотъ смотри. Сказавъ: *Отецъ мой дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*, и этимъ показавъ Свое равенство съ Богомъ, Онъ говоритъ потомъ: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничегоже, аще не еже видитъ Отца творяща*. Далѣе опять возвышаетъ слово: *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ*; и затѣмъ смиреніе: *Отецъ любитъ Сына и вся показываетъ Ему, яже Самъ творитъ, и больша сѣя покажетъ Ему дѣла* (ст. 20). Видишь ли, сколько здѣсь смиренія? Такъ и обычно Ему. Что я прежде говорилъ, то не перестану говорить, и теперь скажу, именно, что когда Сынъ говорить что-нибудь о Себѣ уничиженное и смиренное, тогда выражается это съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, чтобы и самая уничиженность выраженій убѣждала неразумныхъ принимать въ благочестивомъ духѣ заключающіяся въ нихъ мысли. А если это не такъ, то представь себѣ, какъ было бы нелѣпо сказанное, судя по однимъ выраженіямъ. Изъ словъ: *больша сѣя покажетъ Ему дѣла* будетъ слѣдовать, что Онъ многого еще не знаетъ, — чего нельзя сказать и объ апостолахъ. Они, однажды получивъ благодать Духа, вдругъ узнали и смогли дѣлать все, что надобно было имъ знать и дѣлать; а Онъ окажется еще незнающимъ многого, что Ему нужно знать! Можетъ ли быть что-нибудь нелѣпнѣе этого? Что же значить это изреченіе? Онъ исцѣлилъ разслабленнаго и намѣревался еще воскресить умершаго, потому такъ и сказалъ, говоря какъ бы вотъ что: вы удивляетесь, что Я исцѣлилъ разслабленнаго; больше этого увидите. Но такъ Онъ не сказалъ, а выразился нѣсколько смиреннѣе, чтобы укротить ихъ неистовство. А чтобы тебѣ убѣдиться, что слово: *покажетъ* сказано не въ собственномъ смыслѣ, послушай, что еще далѣе Онъ присовокупляетъ: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ ижеже хочетъ, живитъ* (ст. 21). А вѣдь слова: *не можетъ о себѣ творити ничегоже* противоположны словамъ: *ижеже хочетъ*; если Онъ живитъ, *ижеже хочетъ*, то безъ сомнѣнія *можетъ творити самъ о себѣ*. Хотѣтъ — означаетъ власть. Если же Онъ не можетъ *творити самъ о себѣ*, то и не живитъ, *ижеже хочетъ*. Но слова: *якоже Отецъ воскрешаетъ* показываютъ равенство силы; а слова: *ижеже хочетъ* — равенство власти. Видишь ли, что словами: *не можетъ о себѣ творити* не уничтожается власть, а напротивъ, показывается равенство силы и воли? Такъ же разумѣй и слова: *покажетъ Ему*. И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. vi, 39), и опять, показывая, что Онъ дѣйствуетъ, не заимствуя силу отъ другого, говорить: *Азъ есмь*

воскрешеніе и животъ (Іоан. хі, 25). Но чтобы ты не сказалъ, что Онъ только мертвыхъ воскрешаетъ и оживляетъ, кого хочетъ, все же прочее дѣлаетъ не такъ, то, предупреждая и опровергая всякое подобное возраженіе, Онъ и сказалъ: *какъ бо Онъ теоритъ, сія и Сынъ такожде творитъ*, и тѣмъ выразилъ, что Онъ дѣлаетъ и все то, что Отецъ, и такъ, какъ Отецъ, разумѣть ли здѣсь воскрешеніе мертвыхъ, или устроеніе тѣлъ, или отпущеніе грѣховъ, или что-либо другое; все Онъ совершаетъ такъ, какъ и Отецъ Его.

5. Но ничему этому не внемлютъ нерадящіе о собственномъ спасеніи. Таково зло—страсть къ первенству передъ другими. Она-то произвела ереси; она усилила нечестіе эллиновъ. Богъ благоволилъ, чтобы невидимыя свойства Его были познаваемы изъ созданія этого міра (Рим. і, 20), а они, оставивъ это и не восхотѣвъ идти путемъ этого ученія, проложили себѣ иной путь, а потому и уклонились отъ истиннаго. Равно и іудеи потому не вѣровали, что, домогаясь славы другъ передъ другомъ, не искали славы отъ Бога.

Но мы, возлюбленные, будемъ избѣгать этого недуга всѣми силами и со всею ревностію. Хотя бы мы имѣли безчисленные совершенства, зараза тщеславія можетъ погубить все. Итакъ, если мы желаемъ похвалъ, то будемъ искать похвалъ отъ Бога. Похвала отъ людей, какова бы она ни была, какъ скоро является, тотчасъ и исчезаетъ, а если и не исчезаетъ, то не приноситъ намъ никакой пользы, а часто происходитъ и отъ превратнаго сужденія. Что важнаго въ славѣ отъ людей, которою пользуются и пляшущіе юноши ¹⁾, и развратныя женщины, и лихоимцы, и грабители? А прославляемый отъ Бога прославляется не съ такими людьми, но со святыми, т. е. съ пророками, апостолами, показавшими въ себѣ жизнь ангельскую. Если же мы желаемъ, чтобы окружала насъ толпа народа, чтобы взоры ея были на насъ обращены, то вникнемъ въ сущность этого, и мы найдемъ, что это не имѣетъ никакой цѣны. Словомъ, если ты любишь быть въ обществѣ, то привлекай къ себѣ сонмъ ангеловъ, будь страшенъ бѣсамъ, тогда и не будешь нисколько заботиться о молвѣ человѣческой; всякій блескъ будешь попирать, какъ грязь и прахъ; тогда-то и увидишь ясно, что ничто такъ не дѣлаетъ душу безславною, какъ славолубіе. Да и невозможно, никакъ невозможно любящему славу не жить жизнію страдательною; а напротивъ подавляющій въ себѣ славолубіе не можетъ не подавить вмѣстѣ съ тѣмъ и множество другихъ страстей: побѣждающій эту страсть преодолѣетъ и зависть, и сребролюбіе, и прочіе тяжкіе недуги. Но какъ,

¹⁾ На публичныхъ играхъ.

скажуть, намъ преодолѣть эту страсть? Преодолѣмъ, если будемъ имѣть въ виду иную славу, славу небесную, которой земная силится лишить насъ. Та слава еще и здѣсь прославить насъ, и будетъ сопутствовать намъ въ будущей жизни, и освободить насъ отъ всякаго рабства плоти, которой мы нынѣ такъ бѣдственно служимъ, всецѣло предавшись землѣ и дѣламъ ея. Пойдемъ ли на торжище, войдемъ ли въ домъ какой-нибудь, будемъ ли въ дорогѣ, или на пристани, въ гостинницѣ, или въ страннопріимномъ домѣ, на кораблѣ, на островѣ, въ царскихъ чертогахъ, въ судилищахъ, или въ гражданскихъ совѣтахъ,—вездѣ увидишь заботы о дѣлахъ временныхъ и житейскихъ; всѣ и каждый объ нихъ только пекутся, и отходящіе и приходящіе, въ путь отправляющіеся и дома остающіеся, плавающіе и землю воздѣлывающіе, находящіеся на поляхъ и въ городахъ,—всѣ вообще. Какая же будетъ у насъ надежда спасенія, если, живя на землѣ Божіей, мы не печемся о предметахъ божественныхъ? Тогда какъ намъ повелѣно быть здѣсь странниками, мы—скорѣе странники для небесъ, а для здѣшнихъ мѣстъ—жители. Что можетъ быть хуже такой безчувственности? Слыша каждый день о судѣ и царствіи, мы подражаемъ современникамъ Ноя и жителямъ Содома и ожидаемъ, чтобы насъ вразумили такіе же опыты. А вѣдь о нихъ все и написано для того, чтобы, кто не вѣруетъ въ будущее, тотъ изъ событій прошедшихъ получилъ ясныя доказательства относительно будущихъ. Итакъ, помышляя о всемъ этомъ, прошедшемъ и будущемъ, отдохнемъ хотя немного отъ этого тяжкаго рабства и сколько-нибудь позаботимся о душѣ своей, чтобы достигнуть и настоящихъ и будущихъ благъ благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА XXXIX.

Отецъ не судить никомуже, но судъ весь даде Сынови, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца (Іоан. v, 22, 23).

1. Много тщательности надобно намъ, возлюбленные, имѣть во всемъ. Вѣдь самый строгій отчетъ мы дадимъ и въ словахъ и въ дѣлахъ нашихъ. Дѣла наши не оканчиваются настоящею жизнію, а еще другая жизнь встрѣтитъ насъ и мы предстанемъ страшному судилищу. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ сущимъ Христовымъ*, говоритъ Павелъ, *да приметь кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. v, 10). Будемъ же всегда помышлять объ этомъ судилищѣ, и такимъ образомъ мы сможемъ

постоянно пребывать въ добродѣтели. Какъ отвергающій отъ души своей мысль объ этомъ днѣ несется въ пропасть, подобно коню, сбросившему удила, — *скверняются бо*, говоритъ Писаніе, *путье ея на всяко время*, и указывая причину этого, прибавляетъ: *отъземлются судьбы твоя отъ лица ея* (Пс. ix, 26), — такъ постоянно имѣющій въ себѣ этотъ страхъ проводить жизнь цѣломудренно: *помни*, говоритъ Писаніе, *послѣднія твоя, и во тѣхъ не согрѣшихи* (Еккл. vii, 36). Тотъ, кто прощаетъ намъ грѣхи нынѣ, тогда возсѣдетъ на судилищѣ. Умершій ради насъ снова явится — судить весь родъ человѣческій: *второе*, говоритъ Писаніе, *безъ грѣха явится ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. ix, 28). Потому-то и адѣсъ Онъ сказалъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*. И такъ, не слѣдуетъ ли, скажутъ, назвать Его и Отцемъ? Никакъ. Онъ для того и сказалъ: *Сына*, чтобы мы читли Его остающагося Сыномъ, такъ же какъ Отецъ; а кто называетъ Его Отцемъ, тотъ уже не чтитъ Сына, какъ Отца, но смѣшиваетъ ихъ. Такъ какъ люди побуждаются не столько благодѣянiями, сколько наказанiями, то Онъ и говоритъ здѣсь такъ грозно, чтобы по крайней мѣрѣ страхъ понудилъ ихъ чтить Его. А когда говоритъ: *весь судъ*, выражаетъ этимъ то, что Онъ властенъ и наказывать и награждать, дѣлать то и другое, какъ Ему угодно. Выраженіе же: *даде* употреблено для того, чтобы ты не почиталъ Его перожденнымъ и не думалъ, будто есть два Отца. Все, что есть въ Отцѣ, это же есть и въ Сынѣ, только Онъ рожденъ и остается Сыномъ. А чтобы убѣдиться, что выраженіе: *даде* здѣсь равносильно выраженію *родилъ*, выслушай изъясненіе этого изъ другого мѣста: *якоже*, говоритъ Онъ, *Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имати въ себѣ* (Іоан. v, 26). Что же? Неужели Отецъ прежде родилъ Его, а потомъ уже далъ ему жизнь? Вѣдающій даетъ что-либо тому, кто уже существуетъ. Такъ уже не былъ ли рожденъ Онъ безъ жизни? Но этого и бѣсы не могутъ подумать, потому что это не только нечестиво, но и безумно. Потому, какъ выраженіе: *даде животъ* означаетъ, что Онъ родилъ Его *жизнію*, такъ и слова: *даде судъ* значатъ, что Онъ родилъ Его *судією*. Чтобы ты, слыша, что Сынъ имѣетъ виновникомъ Отца, не подумалъ, будто Сынъ имѣетъ различествующее отъ Отца существо и достоинствомъ ниже Его, вотъ Онъ самъ ярядетъ сущить тебя, доказывая и этимъ Свое равенство. Тотъ, кто имѣетъ власть наказывать и награждать, кого хочетъ, Тотъ конечно областуетъ такою же силою, какъ и Отецъ. А иначе, если бы Сынъ уже по рожденіи Своемъ, вполнѣдствіи, получилъ эту честь, то можно бы спросить, по какому же поводу Онъ почтенъ такъ вполнѣдствіи?

Какимъ преуспѣяніемъ Онъ достигъ того, что получилъ такое достоинство и возведенъ въ такой санъ? Не стыдно ли вамъ — такъ дерзко приписывать эти человѣческія и унижительныя свойства Существу безсмертному, не имѣющему ничего привзошедшаго во времени? Для чего же, скажете вы, Онъ такъ говорить о Себѣ? Для того, чтобы сказанное было удобопріемлемо и положило путь къ высшимъ понятіямъ. Для того Онъ и смѣшиваетъ въ Своихъ словахъ и то и другое (и возвышенное и уничиженное), и смотри — какъ; кстати — рассмотримъ это сначала. Онъ сказать: *Отецъ Мой дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю*, показывая этимъ свое равенство и равночестность съ Отцемъ; но іудеи исказу Ею *убити*. Что же Онъ послѣ этого дѣлаетъ? Онъ смягчаетъ выраженія, но мысли удерживаетъ тѣ же самыя, и говоритъ: *не можетъ Сынъ творити о себѣ ничего свое*. Затѣмъ опять возвышаетъ слово: *яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ*; опять говорить смиренно: *Отецъ бо любитъ Сына, и вся показываетъ Ему, яже Самъ творитъ, и болюша сия покажетъ Ему*; снова возвышенно: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, иже хочетъ, живитъ*; и опять смиренно и вмѣстѣ возвышенно: *Отецъ бо не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови*; и еще возвышнѣе: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*. Видишь ли, какъ Онъ разнообразить Свое слово, употребляя въ немъ наименованія и выраженія, то возвышенныя, то уничиженныя, такъ, чтобы и для тогдашнихъ людей оно могло быть удобопріемлемо, и будущіе ничего не теряли, отъ возвышенныхъ выраженій получая надлежащее понятіе и о прочихъ? А иначе, если слова Его сказаны не по снисхожденію къ людямъ, для чего прибавлены такія возвышенныя выраженія? Кто имѣетъ право сказать о Себѣ нѣчто высокое, а между тѣмъ говорить что-либо уничиженное и смиренное, тотъ, конечно, имѣетъ на то благовидную причину и нѣкоторое особенное намѣреніе; а кто долженъ говорить о себѣ смиренно, и между тѣмъ скажетъ что-нибудь великое, тотъ для чего станетъ употреблять выраженія, превосходящія его природу? Это уже не особое какое-либо благонамѣреніе, а крайнее нечестіе.

2. Поэтому мы можемъ сказать, что смиренныя выраженія Христа о Себѣ имѣютъ справедливую и достойную Бога причину, именно: снисхожденіе къ намъ, намѣреніе — научить насъ смирению, и чрезъ это — устройство нашего спасенія, что Онъ и самъ изъясняетъ въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *сія маюлю, да спасени будете* (Іоан. v, 34). Именно, когда Онъ прибѣгнувъ къ свидѣтельству Іоанна, оставивъ собственное, что могло казаться недостойнымъ Его величія, — то, приводя причину такого уничи-

женія въ словахъ, Онъ и сказалъ: *сія славою, да ты спасени будете*. А вы, утверждающіе, будто Онъ не имѣетъ одинаковой съ Родившимъ Его власти и силы, что скажете, когда услышите собственныя Его слова, которыми Онъ выражаетъ равенство силы, власти и славы съ Отцемъ? Почему Онъ требуетъ Себѣ равнои съ Нимъ чести, если Онъ, какъ вы говорите, гораздо ниже Отца? А Онъ еще, не останавливаясь на этихъ словахъ, присовокупляетъ: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца, пославшаго Его* (ст. 23). Видишь, какъ честь Сына соединена съ честью Отца? Что же изъ этого, скажете вы? Это относится и къ апостоламъ: *иже васъ приемлетъ*, говоритъ Онъ, *Мене приемлетъ* (Матѳ. х, 40). Но тамъ Онъ говоритъ такъ потому, что все, касающееся рабовъ Его, усвоетъ Себѣ самому; а здѣсь потому, что Ему принадлежитъ одно существо и одна слава съ Отцемъ. Да притомъ объ апостолахъ Онъ не говоритъ: *да чтутъ ихъ*. И хорошо Онъ говоритъ: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца*. Если гдѣ два царя, и безчестятъ одного изъ нихъ, то этимъ и другому напоситя безчестіе, особенно, если оскорбляемый есть сынъ царскій; оскорбляется царь и тогда, когда оскорбленъ его оруженосецъ, но не такъ и не непосредственно; а здѣсь онъ оскорбляется самъ по себѣ. Потому Христосъ и предупреждаетъ словами: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца*, чтобы затѣмъ, когда скажетъ: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца*, ты разумѣлъ одну и ту же честь. Не просто говоритъ: *иже не чтитъ*, но: *иже не чтитъ* такъ, какъ я сказалъ, *не чтитъ Отца*. Но какимъ образомъ, скажешь, посылающій и посылаемый могутъ быть одного и того же существа? Опять ты переносишь слово на человѣческія отношенія и не разумѣешь, что все это говорится только для того, чтобы мы и Виновника познали, и не впали въ недугъ Савеллія, чтобы и немощь іудеевъ уврачевалась такимъ образомъ, и они уже не почитали Его противникомъ Богу; вѣдь они говорили: Онъ не отъ Бога, Онъ не пришель отъ Бога. А къ уничтоженію такой мысли способствовали не столько возвышенныя, сколько уничиженныя слова Его: вотъ поэтому Онъ часто въ разныхъ мѣстахъ и говорилъ, что Онъ *посланъ*,—не съ тѣмъ, чтобы ты принималъ такое слово за выраженіе умаленія Его (предъ Отцемъ), но чтобы заградить уста іудеевъ. Поэтому Онъ и обращается часто къ Отцу, выражая между тѣмъ и собственную власть. А если бы Онъ все говорилъ о Себѣ сообразно съ собственнымъ божественнымъ достоинствомъ, то они не принимали бы словъ Его, такъ какъ и за немногія подобныя выраженія гнали Его и часто хотѣли побить камнями. Съ другой стороны, если бы, примѣняясь къ нимъ, Онъ говорилъ о Себѣ только смиренно, то въ послѣдствіи это послужило бы многимъ

во вредъ. Такимъ образомъ Онъ перемѣшиваетъ и разнообразитъ Свое ученіе о Себѣ, и смиренными выраженіями, какъ я сказалъ, заграждаетъ уста ихъ, а словами сообразными съ достоинствомъ Его удаляетъ здравомыслящихъ отъ уничиженнаго пониманія выраженій Его и показываетъ, что такое пониманіе вовсе не приличествуетъ Ему. Быть посланнымъ—это выражаетъ перемѣну мѣста, а Богъ вездѣсущъ. Для чего же Онъ говоритъ о себѣ: *посланъ*? Онъ употребляетъ чувственное выраженіе, чтобы показать Свое единомысліе съ Отцемъ. Къ той же дѣли направляетъ Онъ и послѣдующія слова: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко слушавшій словесе моею и вѣрующій Пославишему Мя имать животъ вечный* (Іоан. v, 24). Видишь, какъ часто Онъ повторяетъ одно и то же, чтобы исправить мнѣніе іудеевъ, чтобы и этими и послѣдующими словами, и страхомъ и обѣтованіемъ благъ побѣдить упорство противъ Него,—какъ много и здѣсь опять нисходитъ въ выраженіяхъ о Себѣ? Не говоритъ: *слушавшій словеса мои и вѣрующій Мя*; они почли бы это гордостію и крайнимъ тщеславіемъ въ словахъ, потому что если, спустя уже долгое время, послѣ безчисленныхъ чудесъ, они приписывали Ему надменность, когда Онъ говорилъ, такимъ образомъ, то тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ. Такъ они говорили Ему впослѣдствіи: *Авраамъ умре и пророци, и Ты глаголаши: аще кто слово мое соблюдетъ, смерти не имать окусити во вѣки* (Іоан. viii, 52). Итакъ, чтобы и теперь они не пришли въ ярость, Онъ вотъ что говоритъ: *слушавшій словесе моею и вѣрующій Пославишему Мя имать животъ вечный*. Отъ этого слово его не мало дѣлалось удобопріемлемымъ для нихъ, то есть—отъ вразумленія, что слушающіе Его вѣрують Отцу. Охотно принявъ это, они уже удобнѣе могли принять и прочее. Такимъ образомъ, употребляя уничиженные слова о Себѣ, Онъ приготовляетъ и пролагаетъ путь къ понятіямъ высшимъ. Затѣмъ, сказавъ: *имать животъ вечный*, Онъ присовокупляетъ: *и на судъ не приидетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ*. Такъ двумя замѣчаніями Онъ располагаетъ къ принятію Своего ученія—тѣмъ, что чрезъ Него вѣрують Отцу, и тѣмъ, что вѣрующій сподобится великихъ благъ. А слова: *на судъ не приидетъ* означаютъ: не подлежитъ наказанію. И *смерть* разумѣется здѣсь не временная, но вѣчная, равно какъ и жизнь—безсмертная. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ глас Сына Божія, и услышавше оживутъ* (ст. 25). Слова Свои Онъ подтверждаетъ доказательствомъ отъ дѣлъ. Когда Онъ говорилъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, якоже хо-*

словъ, и говорить: *грядетъ часъ*; потомъ, чтобы не предполагалъ ты здѣсь отдаленнаго времени, присовокупляетъ: *и нѣтъ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ*. Видишь ли здѣсь самостоятельность и власть неизреченную? Какъ будетъ во время воскресенія, говорить, такъ и нынѣ. Тогда, услышавъ повелѣвающій гласъ, мы возстанемъ, потому что сказано: *въ послѣдніи Божіи мертвіи воскреснутъ* (1 Солун. iv, 16). А откуда видно, можетъ быть спросить кто-нибудь, что сказанное не есть одно тщеславіе? Изъ прибавленныхъ Имъ словъ: *и нѣтъ есть*. Если бы Онъ возвѣщалъ только о будущемъ времени, то ученіе Его могло бы быть для іудеевъ подозрительно; но Онъ представляетъ на то и доказательство. Еще во время Моего пребыванія съ вами, говорить Онъ, это сбудется. Если бы Онъ не могъ сдѣлать этого, то и не обѣщалъ бы на такое время, чтобы, въ противномъ случаѣ, обѣщаніе не подвергло Его еще большому посмѣянію. Потомъ прилагаетъ и объяснительный доводъ къ словамъ Своимъ, говоря: *якоже бо Отецъ имать жизнь въ себѣ, тако даде и Сынови жизнь имѣти въ себѣ* (Іоан. v, 26).

3. Видишь ли, какое здѣсь равенство открывается, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ — Отецъ, а другой — Сынъ? Слово: *даде* одно только и выражаетъ различіе. а во всемъ прочемъ показывается равенство и единеніе. А отсюда ясно, что Онъ дѣлаетъ все съ такою же властію и силою, съ какою Отецъ, и ни отъ кого иного не заимствуетъ Своей силы. Онъ такъ же имѣетъ жизнь въ Себѣ, какъ и Отецъ. Потому и далѣе тотчасъ присовокупляетъ такія слова, изъ которыхъ можемъ уразумѣть и предвидущія. Какія же именно? *И область даде Ему и судъ творити* (Іоан. v, 27.) Но для чего Онъ такъ часто повторяетъ о воскресеніи и судѣ? *Якоже, говорить, Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, иже хочетъ, живитъ*. Опять: *Отецъ не судитъ никому, но судъ весь даде Сынови*. И еще: *якоже Отецъ имать жизнь въ себѣ, тако даде и Сынови жизнь имѣти въ себѣ*. Также: *услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ*. И здѣсь опять: *и область даде Ему и судъ творити*. Для чего же Онъ такъ часто касается этихъ предметовъ, т. е. суда, жизни и воскресенія? Потому, что это больше всего можетъ подѣйствовать и на самаго несговорчиваго слушателя. Кто убѣжденъ, что воскреснетъ и дастъ тогда отчетъ, во грѣхахъ своихъ, тотъ, хотя бы и не видѣлъ никакого другого знаменія, по одному этому убѣжденію скоро обратится и постарается умиловить Судію своего. *Яко Сынъ человѣкъ есть, не дивитесь сему* (Іоан. v, 27.) Павелъ Самосатскій не такъ читаетъ это мѣсто, а — какъ? *Область даде Ему судъ*

творити, яко Сынъ челоувѣчь есть. Но такое чтеніе не имѣтъ никакой послѣдовательности. Онъ не потому получилъ судъ, что Опъ челоувѣкъ; иначе, что препятствовало бы и всѣмъ людямъ быть судьями? Но потому Онъ есть судія, что Онъ—Сынъ неизреченнаго Существа. Поэтому и надобно читать такъ: *яко Сынъ челоувѣчь есть, не дивитесь сему*. Такъ какъ слушателямъ могли казаться слова Его не совмѣстными, потому что они почитали 224 Его не болѣе, какъ простымъ челоувѣкомъ, а между тѣмъ слова Его были выше челоувѣка, даже выше ангела, и только одному Богу могли быть свойственны, то, разрѣшая такое недоумѣніе, Онъ и присовокупляетъ: *не дивитесь, яко Сынъ челоувѣчь есть: яко грядетъ часъ, въ онѣже вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Его, и изыдутъ сотворшии блгая въ воскрешеніе живота, а сотворшии злая въ воскрешеніе суда* (ст. 29.) Но почему Онъ не сказалъ такъ: „не дивитесь, яко Сынъ челоувѣчь есть; Онъ есть вмѣстѣ и Сынъ Божій“,—а упомянулъ о воскресеніи? Онъ уже высказалъ это выше: *услышатъ гласъ Сына Божія*. А что здѣсь умолчалъ объ этомъ, не удивляйся. Говоря о такомъ дѣлѣ, которое свойственно Богу, этимъ самымъ даетъ слушателямъ основаніе заключать, что Онъ есть и Богъ, и Сынъ Божій. Если бы Онъ часто повторялъ это, то слушателямъ это надобно бы, а доказывая тоже самое чудными дѣлами, Онъ дѣлалъ ученіе Свое не столь ненавистнымъ. Такъ и тѣ, которые составляютъ умозаключенія, положивъ извѣстныя основанія, твердо доказывающія искомую истину, часто не выводятъ изъ нихъ заключенія, а чтобы болѣе убѣдить въ томъ слушателя и одержать болѣе блистательную побѣду, предоставляютъ самому противнику вывести надлежащее заключеніе, такъ что присутствующіе при этомъ тѣмъ болѣе соглашались съ ними, когда противники произносятъ судъ противъ самихъ себя. Далѣе Христосъ, упоминая о воскресеніи отпослительно Лазаря, умолчалъ о судѣ,—потому что не для суда воскресъ Лазарь; а говоря о всеобщемъ воскресеніи, присовокупилъ и то, что *сотворшии блгая изыдутъ въ воскрешеніе живота, а сотворшии злая въ воскрешеніе суда*. Подобнымъ образомъ Іоаннъ убѣждалъ слушателей напоминаніемъ о судѣ и тѣмъ, что *иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но иныѣ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. ш, 36). Такъ и самъ Христосъ говорилъ Никодиму: *въручай въ Сына, не будетъ осужденъ, а не въручай, уже осужденъ есть* (Іоан. ш, 18). Такъ и здѣсь Онъ упоминаетъ о судѣ и наказаніи за злыя дѣла. Выше Опъ сказалъ: *слушай словеса Моего и вѣруй Пославшему Мя на судъ не приидетъ*; а чтобы кто не подумалъ, будто это одно достаточно для спасенія, Онъ касается и дѣлъ жизни и говоритъ: *сотворшии блгая въ воскрешеніе живота, а сотворшии злая*

въ воскрешеніе суда. Но такъ какъ Онъ сказалъ, что Ему дать отчетъ вся вселенная и всѣ воскреснуть по гласу Его,—дѣло новое и необычайное, которому и нынѣ еще многіе не вѣрятъ, даже изъ людей по видимому вѣрующихъ, не говоря уже о тогдашнихъ іудеяхъ,—то послушай, какъ Онъ это объясняетъ, снисходя опять къ немощи слушателей. *Не могу, говорить, Азъ о себѣ творити ничесозже: якоже слышу, сужду, и судъ Мой праведенъ есть, яко не иму воли Моєю, но воли пославшаю Мя Отца* (ст. 30). Не малое уже доказательство воскресенія Онъ далъ и въ томъ, что исцѣлилъ разслабленнаго; поэтому и не прежде сталъ говорить о воскресеніи, какъ совершивъ исцѣленіе,—такое дѣло, которое было не слишкомъ далеко отъ воскресенія. Также и о судѣ намекнулъ тогда, сказавъ послѣ исцѣленія тѣла: *се здравъ еси, къ тому не сопришай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14). Но Онъ предвозвѣщаетъ здѣсь вмѣстѣ о воскресеніи и Лазаря и всей вселенной; а предрекая о двухъ этихъ воскресеніяхъ, о Лазаревомъ, имѣвшемъ скорѣй совершиться, и о всеобщемъ, имѣвшемъ быть впоследствии, спустя долгое время, Онъ увѣряетъ въ первомъ исцѣленіемъ разслабленнаго и самую близостію этого событія, когда говоритъ: *ирадеть часъ и нынѣ есть*, а въ истинѣ послѣдняго убѣждаетъ воскресеніемъ Лазаря, какъ бы представляя предъ глаза еще несбывшееся посредствомъ уже случившагося. Видно, что такъ Онъ и во всѣхъ случаяхъ дѣлалъ, т. е. соединялъ вмѣстѣ два или три предсказанія и чрезъ исполненіе одного удостовѣрялъ въ другихъ, будущихъ событіяхъ.

4. Впрочемъ, сказавъ и сдѣлавъ столь великія дѣла, Онъ тѣмъ еще не довольствуется; но, такъ какъ слушатели Его были еще слишкомъ немощны, Онъ и послѣдующими словами сокрушаетъ ихъ упорство, говоря такъ: *не могу Азъ о себѣ творити ничесозже: якоже слышу, сужду, и судъ Мой праведенъ есть: яко не иму воли Моєю, но воли пославшаю Мя Отца* (Іоан. v, 30). Слова эти могли казаться странными и несогласными съ пророками, которые говорили, что Богъ есть судія всей земли, т. е. рода человѣческаго (такъ Давидъ повсюду проповѣдуетъ, говоря: *Господь судитъ людей правостію* (Пс. xcv, 10), и еще: *Богъ судитель, праведенъ, и крѣпокъ и долготерпеливъ* (Пс. vii, 12); также и всѣ другіе пророки и Моисей; а Христосъ говорилъ: *Отецъ не судитъ никомуже но судъ весь даде Сынови*); итакъ это могло смутить тогдашняго слушателя—іудея и впуштить опять мысль, что Онъ—богопротивникъ; поэтому Онъ здѣсь весьма снисходитъ въ словѣ о Себѣ, настолько, насколько требовала немощь іудеевъ, чтобы совершенно искоренить такое пагубное мнѣніе, и говорить: *не могу Азъ о себѣ творити ничесозже*, т. е. ничего страннаго, богопротивнаго, такого,

чего не хочеть Отець, вы не увидите въ Моихъ дѣлахъ и не услышите въ словахъ. Какъ прежде, сказавъ: *яко Сынъ челоѣкъ есть*, Онъ тѣмъ показывалъ, что они считали Его простымъ челоѣкомъ, такъ и здѣсь присовокупляеть подобныя слова. Какъ выше Онъ говорилъ: *еще ѣмъ, ялаюлемъ, и еще видѣюмъ, свидѣтельствуемъ* (Іоан. ш, 21), и евангелистъ Іоаннъ: *еще видѣ и слыша, сіе свидѣтельствуемъ, и свидѣтельства Его никтоже пріемлетъ* (ст. 32), и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ разумѣя вѣдѣніе точное, а не просто одно слышаніе и видѣніе, такъ и здѣсь, говоря о слышаніи, выражаетъ только то, что Онъ не можетъ желать ничего иного, кромѣ того, чего хочеть Отець. Только Онъ не сказалъ этого такъ ясно (потому что они, услышавъ это прямо, не стерпѣли бы), но какъ? Весьма смиренно и по челоѣчески: *якоже слышу, сужду*. Онъ не говоритъ также здѣсь о наученіи, не сказалъ: *якоже научаюсь*, но: *якоже слышу*; и не потому говоритъ такъ, будто бы нуждался въ слушаніи,—Онъ не только не имѣть нужды учиться, но и слушать,—но выражаетъ этимъ единомысліе (со Отцемъ) и тожество суда. Такимъ образомъ слова Его означаютъ слѣдующее: Я такъ сужу, какъ бы и самъ Отець судилъ. Затѣмъ присовокупляеть: *и судъ мой праведенъ есть, яко не ищу воли моея, но воли пославшаго. Мѣ Отца*. Что ты говоришь? Стало быть, Ты имѣешь волю, отличную отъ воли Отца? А въ другомъ мѣстѣ Ты сказалъ: *якоже Азъ и Ты едино есмы* (Іоан. хvп 22); и еще, говоря о единствѣ воли и единомысліи: *да и ти ѡ Насъ едино будемъ* (Іоан. хvп, 20, 21), т. е, вѣрую въ Насъ. Видишь ли, какъ то, что кажется наиболѣе уничиженнымъ, скрываетъ въ себѣ высокій смыслъ? А этимъ Онъ даетъ разумѣть вотъ что: не иная есть воля Отца, и иная у Меня; но какъ одной душѣ принадлежить и одно хотѣніе, такъ и у Меня съ Отцемъ. Не удивляйся, что Онъ говоритъ о такомъ единеніи съ Отцемъ. Павелъ употребляетъ такой же примѣръ и относительно Духа, когда говоритъ: *кто ѣстъ отъ челоѣка яже ѡ челоѣцѣ, точію дуахъ челоѣка, живуций ѡ немъ. Такоже и Божій никтоже ѣстъ, точію Духъ Божій* (1 Кор. п, 11). Итакъ Онъ говоритъ только вотъ что: нѣтъ у Меня хотѣнія иного, отдѣльнаго отъ Отца, но чего Отець хочеть, того и Я, и чего Я хочу, того и Онъ. Потому какъ Отцу никто не можетъ противорѣчить, когда Онъ судить, такъ и Мнѣ; судъ тѣмъ и другимъ произносится съ одною и тою же мыслию. А что Онъ бесѣдуетъ объ этомъ челоѣкообразно, и этому не удивляйся: вѣдъ іудеи еще считали Его простымъ челоѣкомъ. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ надобно обращать вниманіе не только на слова Его, но имѣть въ виду и понятія слушателей и принимать слова Его, какъ приспособленіе къ

ихъ понятіямъ; иначе можетъ произойти много нелѣпыхъ послѣдствій.

Вотъ смотри,—Онъ говорить: *не ищу воли Моея*; слѣдовательно (можно бы подумать) у Него воля иная (чѣмъ у Отца) и притомъ гораздо несовершеннѣе, и не только несовершенна, но и не столь благотворна,—такъ какъ, если бы она была спасительна и согласна съ волею Отца, то почему Ты не ищешь ея? Люди по справедливости могли бы говорить это, потому что они имѣютъ много желаній несогласныхъ съ волею Божію; а почему это говоришь Ты, во всемъ равный Отцу? Такія слова, можно сказать, несвойственны даже человѣку совершенному и распявшему самого себя. Если Павелъ такъ сочеталъ волю свою съ волею Божіею, что сказалъ; *живу не къ тому азъ, но живу съ волею Христа* (Гал. II, 20), то какъ Владыка всяческихъ могъ сказать: *не ищу воли Моея, но воли Пославшаго Мя*, какъ будто онѣ различны? Итакъ что же означаютъ слова Его? Онъ ведетъ рѣчь по человѣчески и приспособляется къ понятіямъ слушателей. Какъ въ предъидущей бесѣдѣ Онъ употреблялъ выраженія то богоприличныя, то человѣкообразныя, такъ и здѣсь дѣлаетъ тоже самое и говоритъ какъ человѣкъ: *судъ Мой праведенъ есть*. А откуда это видно? *Яко не ищу воли Моея, но воли Пославшаго Мя*. Какъ между людьми тотъ, кто чуждъ самолюбія, не можетъ быть обвиняемъ въ неправости суда, такъ и Меня нынѣ вы не можете упрекать въ этомъ; кто хочетъ дѣлать по своему, того справедливо могутъ подозрѣвать другіе, что онъ по этой причинѣ нарушаетъ справедливость; а кто не имѣетъ въ виду своей воли, тотъ какую можетъ имѣть причину судить несправедливо? Такимъ же образомъ рассуждайте и относительно Меня, потому что если бы Я говорилъ, что Я не отъ Отца посланъ и славу дѣлъ Своихъ не относить къ Нему, то, можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ и справедливо подозрѣвалъ бы, что желаю только Себя самого прославить и говорю не истину. Если же дѣла Мои Я вѣняю и усвояю другому, то почему и по какому побужденію вы стали бы наводить подозрѣніе на слова Мои? Видишь, къ чему Онъ приводитъ слово и какъ доказываетъ правость Своего суда,—тѣмъ, что и всякій другой сталъ бы говорить въ свою защиту? Видишь, какъ ясно становится то, что я часто говорилъ? Чтоже такое я говорилъ? То, что крайнее смиреніе въ словахъ, — оно-то наиболѣе и внушаетъ людямъ здравомыслящимъ не уничижать смысла изреченій такъ, какъ по первому взгляду представляется, а въ разумѣніи ихъ восходить на высоту заключающихся въ нихъ мыслей. Такимъ образомъ это смиреніе въ словахъ мало-по-малу и удобно и пресмыкающихся долу возвышаетъ горѣ.

Итакъ, имѣя все это въ виду, не будемъ, убѣждаю васъ, 227
оставлять безъ вниманія изреченія, но будемъ тщательно изслѣ-
довать все и вездѣ обращать вниманіе на причину сказаннаго.
Не будемъ думать, что для насъ достаточнымъ извиненіемъ мо-
жетъ служить наше незнаніе и простота; Христосъ заповѣдалъ
намъ быть не только простыми, но и мудрыми. Поэтому съ про-
стотою позаботимся соединить и благоразуміе, какъ въ ученіи,
такъ и въ дѣлахъ жизни; будемъ судить сами себя здѣсь, *да не*
съ міромъ тогда осудимся. И въ отношеніи къ рабамъ своимъ бу-
демъ такими, какимъ желаемъ имѣть къ себѣ самимъ Господа
нашего. *Остави намъ, говоримъ мы, долги наши, якоже и мы остав-*
ляемъ должникомъ нашимъ (Матѣ. vi, 12). Знаю, что оскорбленная
душа не легко переноситъ оскорбленія; но если подумаемъ, что
прощеніемъ обиды мы дѣлаемъ добро не столько оскорбившему,
околько себѣ самимъ, то легко извергнемъ изъ себя ядъ гнѣва.
И тотъ, кто не простилъ должнику своему ста динаріевъ, обидѣлъ
не собрата своего, но себя самого сдѣлалъ должникомъ тысячи
талантовъ, которые прежде были прощены ему. Такимъ образомъ,
когда мы не прощаемъ другимъ, то не прощаемъ самимъ себѣ.
Будемъ же не Богу только говорить: не помяни согрѣшеній на-
шихъ, но и самому себѣ пусть каждый говорить: да не помя-
немъ согрѣшеній собратій нашихъ противъ насъ. Ты самъ пер-
вый судія твоимъ дѣламъ, а потомъ уже судить ихъ Богъ. Ты
пишешь себѣ законъ прощенія и наказанія и изрекаешь себѣ
приговоръ того или другого; такимъ образомъ отъ тебя зависитъ—
помянетъ ли, или не помянетъ Богъ грѣхи твои. Потому и Па-
велъ заповѣдуетъ прощать, *аще кто на кого имать порученіе* (Кол. iii, 13),
да и не просто прощать, а такъ, чтобы и слѣдовъ (гнѣва)
не оставалось. И Христосъ не только не поставилъ на видъ
грѣхи наши, но и не воспомянулъ о томъ, что мы согрѣ-
шили, и не сказалъ: ты согрѣшилъ въ томъ и въ томъ, а про-
стилъ и уничтожилъ рукописаніе, не вѣнчивъ намъ преступле-
ній, какъ изъяснилъ это Павелъ (Кол. ii, 14). Такъ будемъ посту-
пать и мы, и изгладимъ все изъ нашей памяти; развѣ что-либо
доброе сдѣлано оскорбившимъ насъ—это одно и будемъ помнить.
А если онъ сдѣлалъ что-нибудь оскорбительное и враждебное,
то оставимъ это и изгладимъ изъ памяти, такъ чтобы не оста-
лось и слѣдовъ. Если же отъ него не было намъ ничего добраго,
то тѣмъ больше намъ награды, больше хвалы, если мы прощаемъ.
Иные изглаждаютъ грѣхи свои бдѣніями, лежаніемъ на землѣ и
безчисленными подвигами; а ты можешь уничтожить всѣ согрѣ-
шенія свои гораздо болѣе легкимъ способомъ—непамятованіемъ
зла. Для чего же ты поднимаешь мечъ на самого себя, подобно

бѣснующимся и сумасшедшимъ, и лишаешь самъ себя будущей жизни, тогда какъ надобно всѣми способами достигать ея? Если настоящая жизнь такъ вожделѣнна, то что сказать о той, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханій? Тамъ уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошнихъ благъ. Блаженны, и преблаженны, и многократно блаженны тѣ, которые сподобились этого блаженнаго жребія, напротивъ несчастны, и пренесчастны, и неисчетно несчастны тѣ, которые сами себя лишаютъ блаженства. Да что же, скажутъ, можетъ доставить намъ такую жизнь? Послушай, какъ самъ Судія бесѣдовалъ объ этомъ съ однимъ юношею. Когда юноша спросилъ: *что благо сотворю, да имамъ жизнь вѣчный* (Матѳ. хіх, 16)?—тогда Христосъ, напомнивъ о заповѣдяхъ закона, остановился на любви къ ближнимъ. И, можетъ быть, теперь кто-нибудь изъ слушателей, подобно тому богачу, скажетъ: и мы все то сохранили: не крали, не убивали, не любодѣйствовали. Но того еще не можешь ты сказать, что ты и ближняго возлюбилъ, какъ должно любить. Ты, напр., или позавидовалъ кому-нибудь, или позлословилъ, или не помогъ обиженному, или не подѣлился собственностію, а слѣдовательно и не возлюбилъ ближняго. Но Христосъ заповѣдалъ не это только, а и еще нѣчто другое. Чтоже такое? *Продаждь, говорить, имѣніе твое, и даждь нищимъ, и ирди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. хіх, 21). Послѣдованіемъ называетъ Онъ подражаніе Ему въ дѣлахъ. Чему же мы научаемся отсюда? Во-первыхъ тому, что не имѣющему всего этого невозможно достигнуть преимуществъ будущаго жребія. Когда юноша сказалъ, что онъ сдѣлалъ все, тогда Христосъ, какъ бы недоставало еще чего-то важнаго для полного совершенства, говоритъ ему: *аще хочещи совершити быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и ирди въ слѣдъ Мене*. Итакъ, во-первыхъ этому мы должны научиться. Во-вторыхъ, видимъ, что юноша самъ себя обличилъ въ пустомъ самодовольствѣ: вѣдь если онъ жилъ въ такомъ изобиліи, а другихъ, находившихся въ бѣдности, презиралъ, то какъ же онъ могъ сказать, что возлюбилъ ближняго? Значить и то (что исполнилъ заповѣди) онъ говорилъ несправедливо. Итакъ, будемъ исполнять то и другое; постараемся расходовать наше имущество такъ, чтобы приобрести небо. Если иной за житейское величіе часто отдаетъ все свое имущество,—величіе, которое останется здѣсь и даже не можетъ продолжаться немного времени, такъ какъ многіе еще задолго до смерти лишались власти, другіе за нее платили иногда самою жизнью, и все же, не смотря на это, жертвуютъ за нее всѣмъ,—если, говорю, ради этого люди такъ много дѣлаютъ, то можно ли быть несчастнѣе насъ, для славы нескончаемой и неотъемле-

мой не удѣляющихъ даже малости, не желающихъ отдать и того, что чрезъ немного времени должны жѣ будемъ здѣсь оставить? Какое безуміе—не хотѣть добровольно отдать и ваять съ собою то, чего можемъ лишиться противъ воли? Вѣдь если бы насъ вели на смерть, а потомъ предложили избавиться отъ смерти цѣною всего нашего имущества, мы конечно почли бы это за милость; а теперь, когда мы увлекаемся по пути въ геенну и могли бы избавиться отъ нея, пожертвовавъ половину имѣнія, мы соглашаемся лучше подвергнуться мученію и хотимъ удержатъ у себя то, что намъ не принадлежитъ, и такимъ образомъ теряемъ истинно намъ принадлежащее. Какое же оправданіе будемъ мы имѣть, какое прощеніе, если намъ проложенъ столь удобный путь къ жизни, а мы носимся по стремнинамъ, идемъ путемъ бесплоднымъ, лишая себя всего и здѣсь и тамъ, тогда какъ могли бы вѣрно приобрѣсти все и тамъ и здѣсь? Такъ, если не прежде, то по крайней мѣрѣ теперь образуемъся и, пришедши въ себя самихъ, будемъ употреблять настоящія блага, какъ слѣдуетъ, чтобы удобнѣе получить и будущія, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XL.

Аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно. Онъ есть свидѣтельствующій о Мнѣ, и вѣмъ, яко истинно есть свидѣтельство его (Іоан. v, 31, 32).

1. Если кто не свѣдующій станетъ рыть землю, содержащую въ себѣ металлы, то золота не добудетъ, а только, перемѣшавъ все безъ разбора, понесетъ трудъ бесполезный, и даже во вредъ себѣ. Такъ и не знающіе порядка мыслей въ божественномъ Писаніи, не вникающіе въ его особенности и законы, а все невнимательно и безразлично пробѣгающіе, смѣшивая золото съ землею, никогда не найдутъ скрытаго въ немъ сокровища. Это говорю я теперь потому, что предстоящее мѣсто (Писанія) заключаетъ въ себѣ много золота, но оно незамѣтно, а прикрыто снаружи большою неясностію. Поэтому надобно раскапывать и расчищать это мѣсто, чтобы дойти до истиннаго его смысла. Кто съ перваго раза не смутится, слыша слова Христовы: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно?* Мы видимъ, что Онъ многократно свидѣтельствовалъ о самомъ Себѣ; такъ, бесѣдуя съ женою самаряною, Онъ говорилъ: *Азъ есмь*

малолѣтъ съ тобою (Іоан. IV, 26); и слѣпому также сказалъ: *малолѣтъ съ тобою, той есть* (Іоан. IX, 37); и іудеевъ обличалъ: *вы малолѣте, яко гугу и мѣлетиши, зане рече: Оны Божій есмь* (Іоан. X, 36); и во многихъ другихъ мѣстахъ Онъ такъ дѣлаетъ. Если же все это неправда, то какая останется намъ надежда спасенія? Гдѣ мы найдемъ истину, если сама Истина говоритъ: *свидѣтельство Мое истинно*? И не это только противорѣчіе здѣсь представляется, а еще и другое не меньшее. Онъ говоритъ далѣе: *аще Азъ свидѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое* (Іоан. VIII, 14). Что же, скажешь, намъ принять? Которое изъ этихъ двухъ изреченій считать неистиннымъ? Если мы примемъ эти слова просто такъ, какъ они сказаны, не обращая вниманіе ни на лице, ни на причину, ни на что другое,—въ такомъ случаѣ и то и другое будетъ ложно. Если вообще свидѣтельство Его не истинно, то и эти самыя слова не истинны,—не только послѣднія, но и первыя. Что же означаютъ эти изреченія? Много внимательности нужно намъ имѣть, или лучше—благодати Божіей, чтобы не останавливаться на однихъ словахъ; потому и еретики заблуждаются, что не обращаютъ вниманія ни на цѣль говорящаго, ни на свойства слушателей. Итакъ, если мы не вникнемъ въ это, а также и въ другія обстоятельства, какъ то: время, мѣсто, духъ слушателя,—то можетъ произойти много нелѣпостей. Что же означаютъ слова Христовы? Іудеи намѣревались возразить Ему: *Ты о себѣ самъ свидѣтельствующи; свидѣтельство Твое истинно* (Іоан. VIII, 13); а Онъ, предупреждая ихъ, и сказалъ это, какъ бы такъ говоря: вы конечно скажете Мнѣ: мы не вѣруемъ Тебѣ потому, что между людьми никто свидѣтельствующій о самомъ себѣ никогда не заслуживаетъ вѣры. Потому выраженіе: *свидѣтельство Мое истинно* надобно разумѣть не просто, а приспособительно къ понятію іудеевъ, то есть: для васъ не истинно. Такимъ образомъ Онъ сказалъ эти слова не вопреки достоинству Своему, а приспособительно къ ихъ мнѣнію. Итакъ, когда Онъ говоритъ: *свидѣтельство Мое истинно*,—этимъ обличаетъ ихъ мысли и преднамѣренное съ ихъ стороны возраженіе Ему; а когда говоритъ: *аще Азъ свидѣтельствую о себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое*,—этимъ показываетъ самую сущность дѣла, т. е., что Его, какъ Бога, слѣдуетъ почитать достойнымъ вѣры и тогда, какъ Онъ говоритъ о самомъ Себѣ. Предъ этимъ Онъ говорилъ о воскресеніи мертвыхъ и судѣ,—о томъ, что вѣрующій въ Него не подлежитъ суду, но перейдетъ въ животь, что Онъ возседеть нѣкогда на судъ, чтобы потребовать отъ всѣхъ отчета, и что Онъ имѣетъ единую съ Отцемъ власть и силу; теперь, намѣреваясь снова подтвердить все это и еще инымъ образомъ, Онъ

по необходимости предварительно выставляеть на видъ ихъ возраженіе. Я сказалъ, говоритъ, что, *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, изже хочетъ, живитъ*; Я сказалъ, что *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови*; сказалъ: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца; и иже не чтитъ Сына, не чтитъ и Отца*; сказалъ, что *слушай словеса моего, и вѣруй, не узришь смерти, но прейдешь отъ смерти въ животъ*; Я сказалъ, что *якоже я воскресить мертвыхъ,—однихъ нынѣ, а другихъ впоследствии времени*; сказалъ, что Я истребую отъ всѣхъ отчета во грѣхахъ, что буду судить праведно и вознагражу дѣлающихъ добро. Такъ какъ все это было высказано, и все это очень важно, но яснаго доказательства для іудеевъ еще не было дано, а только сказано прикровенно, то Онъ, намѣреваясь поспѣшить къ изъясненію сказаннаго, напередъ представляетъ ихъ возраженіе, и говоритъ какъ бы такъ, хотя и не такими именно словами: можетъ быть, вы скажете: все это говоришь Ты; но Ты свидѣтель не заслуживающій вѣры, когда свидѣтельствуешь самъ о себѣ. Такимъ образомъ Онъ съ перваго раза поражаетъ ихъ любопреніе, выставляя на видъ то, что они намѣревались сказать, и тѣмъ показывая, что Онъ знаетъ и тайныя помысленія ихъ; а давъ чрезъ это первое доказательство Своей силы, Онъ послѣ возраженія представляетъ и другія ясныя и неоспоримыя доказательства, именно приводитъ трехъ свидѣтелей истинности Своихъ словъ: дѣла, Имъ совершенныя, свидѣтельство Отца и проповѣдь Іоанна. При этомъ выставляеть напередъ меньшее, именно свидѣтельство Іоанново. Сказавъ: *имъ есть свидѣтельство о Мнѣ, и въ томъ, яко истинно есть свидѣтельство его*, присовокупляетъ: *вы посылаете ко Іоанну, и свидѣтельствова о истинѣ* (Іоан. v, 83). Но, если свидѣтельство не истинно, какъ же Ты говоришь, что свидѣтельство Іоанново истинно, и что Онъ свидѣтельствовалъ объ истинѣ? Видишь ли, какъ и отсюда становится ясно, что слова: *свидѣтельство Мое истинно* сказаны приспособительно къ мыслямъ іудеевъ?

2. Но что, если Іоаннъ свидѣтельствовалъ такъ изъ угожденія Христу,—скажешь ты? Что бы іудеи не сказали этого, посмотри, какъ Христосъ устраняетъ и такое подозрѣніе; не просто говоритъ: Іоаннъ свидѣтельствовалъ о Мнѣ, а напередъ замѣтилъ: *вы посылаете ко Іоанну*; а вы конечно не послали бы, если бы не почитали его свидѣтельства достовѣрнымъ. А что еще важнѣе, они посылали спросить его не о Христѣ, а о немъ самомъ (Іоан. i, 19); итакъ, если они почитали его достойнымъ вѣры въ свидѣтельствѣ о самомъ себѣ, тѣмъ болѣе о другомъ. Мы всѣ—люди привыкли не столько вѣрить говорящимъ о самихъ себѣ,

сколько говорящимъ о другихъ. А Іоанна признавали настолько достойнымъ вѣры, что и касательно себя самого онъ не имѣлъ нужды въ постороннемъ свидѣтельствѣ. Такимъ образомъ посланные не спрашивали: что ты скажешь о Христѣ? а только: *ты кто esi?* Что глаголеши о тебѣ самомъ? Столь великое благоговѣніе имѣли они къ этому мужу. На все это Христосъ и указывалъ, когда говорилъ: *вы пошлите ко Іоанну*. Потому-то и евангелистъ не просто сказалъ, что они послали, но и о посланныхъ съ точностію замѣтилъ, что это были и священники и фарисеи, а не простые люди, не отверженные и не такіе, которые могли бы увлечься и обмануться, но которые способны были въ точности выразумѣть сказанное Іоанномъ. *Азъ же не отъ челоука свидѣтельства приѣмлю* (Іоан. v, 34). Почему же Ты привелъ свидѣтельство Іоанна? Потому, что и оно было свидѣтельство не челоуческое; Іоаннъ говорилъ: *пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече* (Іоан. i, 33). Такимъ образомъ и свидѣтельство Іоанна было свидѣтельство Божіе, потому что по Божію внушенію онъ говорилъ то, что говорилъ. Но чтобы они не сказали: откуда извѣстно, что Іоаннъ говорилъ по внушенію Божію, и чтобы не прекословили этому, Христосъ рѣшительно заграждаетъ уста ихъ, направляя опять Свою бесѣду противъ ихъ мыслей. Многіе вѣроятно не знали этого, а внимали Іоанну, какъ говорившему отъ себя самого. Потому Христосъ говоритъ: *Азъ же не отъ челоука свидѣтельства приѣмлю*. Но если Ты не намѣренъ принимать свидѣтельство отъ челоука и на немъ основываться, то для чего приводишь свидѣтельство Іоанна? Чтобы они не сказали этого, послушай, какъ Онъ опровергаетъ и такое возраженіе прибавленіемъ послѣдующихъ словъ; сказавъ: *Азъ не отъ челоука свидѣтельства приѣмлю*, Онъ присовокупляетъ: *но сія глаголю, да вы спасени будете*, то есть: Я, какъ Богъ, не имѣлъ бы нужды въ челоуческомъ его свидѣтельствѣ; но такъ какъ вы болѣе внимаете ему, считаете его достовѣрнѣе всѣхъ другихъ, и къ нему стекаетесь, какъ къ пророку (а весь городъ стекался на Іорданъ), Мнѣ же не вѣруете и тогда, какъ Я творю чудеса,—то вотъ почему Я и напоминаю вамъ его свидѣтельство. *Онъ бѣ свѣтильникъ юзя и свѣтъ: вы же восхотѣте возрадоватися въ часъ свѣтъннѣ ево* (Іоан. v, 35). Чтобы они не сказали: что же, хотя Іоаннъ и говорилъ, но мы не приняли свидѣтельства его,—Онъ показываетъ, что они именно приняли сказанное, потому-то и не простыхъ людей посылали, а священниковъ и фарисеевъ. Такъ они уважали этого мужа и не рѣшались тогда противорѣчить словамъ его. Но выраженіемъ: *въ часъ* Онъ показываетъ легкомысліе ихъ,—въ томъ, какъ скоро они отошли отъ Іоанна. *Азъ же имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова*

(ст. 36). Если бы вы хотѣли принять вѣру, какъ слѣдуетъ, то Я привелъ бы васъ къ ней лучше всего дѣлами Своими; но какъ вы не хотите этого, то Я отсылаю васъ къ Іоанну, не потому чтобы имѣлъ нужду въ свидѣтельствѣ его, но Я для того все дѣлаю, чтобы вы спаслись. *Азъ имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова*, именно—свидѣтельство отъ дѣлъ Моихъ; по Я не то только имѣю въ виду, чтобы быть принятымъ вами по свидѣтельству дѣлъ, которыя достойны вѣры сами по себѣ, но и по свидѣтельству людей, вамъ извѣстныхъ и вами уважаемыхъ. Такимъ образомъ, словами: *вы же восхотѣте возрадоваться въ часъ сѣтливый его* упрекнувъ ихъ въ томъ, что они показали усердіе къ Іоанну, только временное и цетворное. Онъ называетъ его *сѣтливикомъ* и тѣмъ показываетъ что Іоаннъ имѣлъ свѣтъ не отъ себя самого, но отъ благодати Духа. Впрочемъ, въ противоположность этому свѣту, Христосъ еще не высказываетъ, что самъ Онъ есть солнце правды; а только намекаетъ на это, и тѣмъ сильно поражаетъ ихъ и даетъ видѣть, что они и во Христа не могли увѣровать по тѣмъ же самымъ свойствамъ сердца, по которымъ пренебрегли Іоанномъ. И уважаемаго ими человѣка они уважали только *на часъ*; а если бы поступили не такъ, то онъ скоро привелъ бы ихъ къ Іисусу. Итакъ, доказавъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ не заслуживаютъ никакого извиненія, Онъ присовокупляетъ: *Азъ же имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова*. Какое же? Свидѣтельство отъ дѣлъ. *Дѣла бо, говоритъ, яже даде Мнѣ Отецъ, да совершу Я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мѣ посла* (ст. 36). Здѣсь Онъ напоминаетъ имъ о раслабленномъ, о сухо-рукомъ исцѣленномъ, и о многихъ другихъ. О свидѣтельствѣ Іоанновомъ иной изъ нихъ, можетъ быть, сказалъ бы, что оно преувеличено и сказано по дружжелюбію, хотя въпрочемъ и это-то 232 не могли они сказать объ Іоаннѣ—мужѣ, исполненномъ строгаго любомудрія и столько ими самими уважаемомъ; но о дѣлахъ Христовыхъ даже крайне безумные не могли имѣть такого подозрѣнія. Поэтому Христосъ и привелъ это второе свидѣтельство, сказавъ: *дѣла, яже даде Мнѣ Отецъ, да совершу Я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мѣ посла*. Здѣсь же Онъ опровергаетъ и обвиненіе въ нарушеніи субботы. Они говорили: *какъ можетъ быть отъ Бога тотъ, кто не хранить субботы?* На это Онъ и сказалъ: *яже даде мнѣ Отецъ*. Хотя Онъ дѣйствовалъ и по собственной власти, но, желая вполне показать, что Онъ не дѣлаетъ ничего противнаго Отцу, Онъ употребилъ смиреннѣйшее выраженіе.

8. Но почему Онъ не сказалъ: дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, свидѣтельствуютъ, что Я равенъ Отцу? Вѣдь и то и другое можно было видѣть изъ дѣлъ Его,—и что Онъ не дѣ-

лаетъ ничего противнаго, и что Онъ равенъ Родившему Его, подобно тому какъ въ другомъ мѣстѣ, утверждая это, Онъ говорилъ: *аще и Мнѣ не спруете, дѣломъ Моимъ спруите, да разумѣете и спруете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ во Немъ* (Іоан. х, 38). То и другое свидѣтельствовали о Немъ дѣла,—и что Онъ равенъ Отцу, и что ничего не дѣлаетъ противнаго Ему. Почему же Онъ такъ не сказалъ, но, оставивъ важнѣйшее, сказалъ только вышеозначенныя слова? Потому что о томъ-то и былъ прежде всего вопросъ. Хотя увѣрить, что Онъ пришелъ отъ Бога значило гораздо менѣе, нежели увѣрить, что Онъ Богъ, равный Отцу (такъ какъ первое и пророки говорили, а послѣдняго не могли сказать), однако Онъ со тщаніемъ утверждаетъ меньшее, зная, что когда будетъ принято меньшее, тогда уже легко будетъ принято и большее. Потому-то, вовсе не упоминая о высшемъ свидѣтельствѣ, Онъ приводитъ меньшее, чтобы чрезъ послѣднее они приняли и первое. Сдѣлавъ это, Онъ продолжаетъ: *и посланный Мѣ Отецъ самъ свидѣтельствова о Мнѣ* (ст. 37). Гдѣ же Отецъ свидѣтельствовалъ о Немъ? На Іорданѣ, когда сказалъ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный. Того послушайте*. Но и это свидѣтельство еще требовало объясненія. Свидѣтельство Іоанна было для нихъ ясно, потому что они сами посылали къ нему и не могли отказаться отъ того; также очевидно было и свидѣтельство чудотвореній: они видѣли совершаемыя Христомъ чудеса, слышали о нихъ отъ исцѣленныхъ и вѣрили, потому и обвиняли Христа. Оставалось, наконецъ, доказать истинность свидѣтельства отъ Отца. Итакъ, намѣреваясь объяснить это, Онъ присовокупляетъ: *ни гласа Его видѣти не слышите*. А какъ же Моисей говорить: *Богъ глаголаше, Моисей же отъшегаше* (Исх. xix, 19)? Какъ Давидъ: *языка, поже не отъдыше, услышиша* (Пс. lxxx, viii)? И какъ опять Моисей говорить: *аще кій языкъ слыша гласъ Бога живаго* (Втор. iv, 33)? *Ни видѣннѣя Его видѣте*. Однако объ Исаи, Іереміи и Іезекилѣ, и многихъ другихъ сказано, что они видѣли Бога. Чтоже значать слова Христовы? Онъ возводитъ ихъ къ любомудрому ученію, показывая мало-помалу, что у Бога нѣтъ ни голоса, ни вида, но что Онъ выше такихъ образовъ и звуковъ. Какъ словами: *ни гласа Его слышите* Онъ не то выражаетъ, что Богъ издаетъ голосъ, только не слышимый,—такъ и словами: *ни видѣннѣя Его видѣте* выражаетъ не то, что Богъ имѣетъ лице, только незримое, а то, что въ Богѣ ничего такого нѣтъ. Именно, чтобы іудеи не сказали: напрасно Ты хвалишься, Богъ говорилъ съ однимъ только Моисеемъ [какъ 233 дѣйствительно они и говорили: *мы вѣдѣмъ, яко Мосееви глагола Богъ, сею же не вѣдѣмъ, откуда есть* (Лук. ix, 29)],—вотъ Онъ и сказалъ такъ, показывая имъ, что у Бога нѣтъ ни человѣческаго голоса,

ни вида. Да что Я говорю, продолжаетъ Онъ? Вы не только гласа Его никогда не слыхали и вида не видали, но и того, чѣмъ вы наиболѣе хвалитесь и въ чемъ всѣ вы увѣрены, будто вы принимаете и храните заповѣди Его,—и этого вамъ нельзя сказать о себѣ. Это самое Онъ давалъ имъ разумѣть, присовокупивъ: *и словесе Его не имате пребывающа въ васъ* (Іоан. v, 38), т. е. повелѣній, заповѣдей, закона, пророковъ. Хотя Богъ и далъ эти заповѣди, но ихъ нѣтъ у васъ, потому что вы не вѣруете Мнѣ. Если Писанія и здѣсь и тамъ учать, что надобно вѣровать Мнѣ, а вы не вѣруете,—ясно, что слово Его не пребываетъ въ васъ. Такимъ образомъ Онъ далѣе прибавляетъ: *зане Еюже Той посла, сему вы отъри не едите* (ст. 38). Потомъ, чтобы они не сказали: какъ же Богъ свидѣтельствовалъ о Тебѣ, когда мы не слыхали голоса Его?—говорить: *испытайте Писаній та бо суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (ст. 39), и этимъ показываетъ, что Отецъ свидѣтельствовалъ чрезъ Писанія. Онъ свидѣтельствовалъ и на Іорданѣ и на горѣ; однакожь на этотъ голосъ Христосъ не указываетъ. Можетъ статься, что они этому и не повѣрили бы, потому что въ одномъ случаѣ они и не слыхали голоса, именно на горѣ, а въ другомъ—и слышали, да не обратили вниманія. Поэтому Христосъ отсылаетъ ихъ къ Писаніямъ, показывая, что и въ нихъ есть свидѣтельство Отца. Но сперва Онъ уничтожаетъ ихъ старое самохвалство, будто они видѣли Бога, или слышали голосъ Его. Такъ какъ можно было ожидать, что они не повѣрятъ словамъ Его о голосѣ Отца, представляя себѣ то, что происходило на горѣ Синаѣ, то Христосъ, исправивъ сперва мысли ихъ объ этомъ предметѣ, показавъ, что все то сдѣлано было по снисхожденію, затѣмъ и отсылаетъ ихъ къ свидѣтельству Писаній.

4. Будемъ же и мы въ состязаніи и борьбѣ съ еретиками заимствовать для себя подкрѣпленіе изъ Писаній. *Всякое Писаніе, говоритъ апостоль, богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. iii, 16, 17,)—а не такъ, чтобы одно онъ имѣлъ, а другого не имѣлъ: такой еще не совершенъ. Какая, напримѣръ, польза, скажи мнѣ, если кто молится прилежно, а милостыню подаетъ не щедро? Или щедро подаетъ милостыню, но лихоимствуетъ и притѣсняетъ другихъ, или подаетъ только на показъ людямъ и ради похвалы отъ зрителя? Или хотя подаетъ милостыню съ полнымъ усердіемъ и для блаугожденія Богу, но этимъ самымъ превозносится и высокоумствуетъ о себѣ? Или смиряется и соблюдаетъ посты, но при этомъ сребролюбивъ, любостяжателенъ и, будучи привязанъ къ землѣ, вводитъ въ душу свою мать всѣхъ золъ? Вѣдь корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе. Будемъ страшиться его, будемъ

убѣгать этого грѣха. Сребролюбіе возмутило всю вселенную; все привело въ безпорядокъ; оно удаляетъ насъ отъ блаженнѣйшаго служенія Христу: *не можете, говорится, Богу работати и мамонѣ* (Матѣ. vi, 24),—потому что мамона требуетъ совершенно противнаго Христу. Христось говорить: подай нуждающимся, а мамона: отними у нуждающихся; Христось говорить: прощай злоумышляющимъ на тебя и обидящимъ, а мамона напротивъ: строй козни противъ людей, нисколько не обижающихъ тебя; Христось говорить: будь человеколюбивъ и кротокъ, а мамона напротивъ: будь жестокъ и безчеловѣченъ, считай ни за что слезы бѣдныхъ,—и такимъ образомъ въ день суда сдѣлаетъ страшнымъ для насъ Судію. Тогда всѣ наши дѣянія предстанутъ предъ нашими глазами: обиженные и обнаженные нами лишатъ насъ всякаго оправданія. Если Лазарь, нисколько не обиженный богачемъ, а только не получившій отъ него помощи, сдѣлался строгимъ его обвинителемъ, и не допустилъ богатаго получить какое-либо снисхожденіе, то, скажи, какое оправданіе будутъ имѣть тѣ, которые не только не подаютъ милостыни изъ своего имуществва, но еще присвояютъ себѣ чужое и разоряютъ дома сиротъ? Если не напитавшіе алчущаго Христа навлекли на главу свою столь великій огонь, то похищающіе чужое, ведущіе безчисленныя тяжбы, несправедливо присвояющіе себѣ имѣнія отъ всѣхъ какую получаютъ отраду? Итакъ, исторгнемъ изъ себя эту страсть, а исторгнемъ, если подумаемъ о тѣхъ, которые прежде насъ дѣлали другимъ несправедливости, лихоимствовали и умерли. Не другіе ли пользуются ихъ богатствомъ и трудами, тогда какъ сами они подвержены казни, мукамъ и невыносимымъ злостраданіямъ? Не крайнее ли это безуміе—трудиться и заботиться, чтобы и при жизни истощаться отъ трудовъ, и по смерти терпѣть невыносимыя наказанія и мученія, тогда какъ надлежало бы и здѣсь наслаждаться благоденствіемъ (а ничто не доставляетъ столько удовольствія, какъ милостыня при чистой совѣсти), и по отшествіи въ другую жизнь избавиться тамъ отъ всѣхъ золъ и достигнуть безчисленныхъ благъ. Какъ порокъ здѣсь, еще прежде геенны, обыкновенно мучить преданныхъ ему, такъ добродѣтель еще прежде царствія доставляетъ здѣсь наслажденіе подвизающимся въ ней, улаждая ихъ жизнь пріятными надеждами и постояннымъ удовольствіемъ. Итакъ, чтобы намъ получить это удовольствіе и здѣсь и въ будущей жизни, обратимся къ добрымъ дѣламъ; такимъ образомъ сподобимся мы и будущихъ вѣнцовъ, которыхъ и да удостоимся всѣмъ благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ХЛІ.

Испытайте Писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный: и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ: и не хотите пріити ко Мнѣ, да животъ имате (Іоан. v, 39, 40).

1. Много надлежитъ намъ, возлюбленные, имѣть попеченія о дѣлахъ духовныхъ; и не будемъ думать, что для спасенія достаточно заниматься ими какъ-нибудь. Если въ дѣлахъ житейскихъ ничего великаго достигнуть не можетъ тотъ, кто исполняетъ ихъ небрежно и какъ случилось, то тѣмъ болѣе такъ должно быть въ дѣлахъ духовныхъ, потому что они и требуютъ наибольшей тщательности. Поэтому и Христосъ, отсылая іудеевъ къ Писаніямъ, отсылалъ не для простого чтенія, а для точнаго и обдуманнаго испытанія ихъ. Онъ не сказалъ: *читайте Писаніи*, но: *испытайте Писаній*, потому что сказанное о Немъ въ Писаніяхъ требовало много вниманія (какъ прикровенно сказанное для пользы людей того времени). Итакъ, Онъ повелѣваетъ имъ теперь со тщаніемъ углубляться въ Писанія, чтобы они могли найти сокровенное въ глубинѣ ихъ. Сказанное о Христѣ не поверхностно сказано и не на виду положено; но, какъ сокровище нѣкое, положено въ великой глубинѣ. А кто, отыскивая положенное въ глубинѣ, съ усердіемъ и трудомъ не станетъ искать, тотъ и никогда не найдетъ искомаго. Поэтому, сказавъ: *испытайте Писаній*, Христосъ присовокупилъ: *яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный*. Не сказалъ: *имѣете*, но: *мните имѣти*, показывая, что надѣющіеся спастись однимъ чтеніемъ, безъ вѣры, не могутъ пріобрѣсти никакого великаго и важнаго плода. Онъ какъ бы такъ говорить: не уважаете ли вы Писаній? Не почитаете ли ихъ источниками жизни? На нихъ и Я теперь утверждаюсь, потому что они свидѣлствуютъ о Мнѣ. *И не хотите пріити ко Мнѣ, да животъ вѣчный имате*. Итакъ, справедливо Онъ говорилъ: *мните*, потому что они не хотѣли повиноваться Писаніямъ, а только хвалились однимъ чтеніемъ ихъ. Далѣе, чтобы, ради великаго попеченія Его объ нихъ, не стали они подозрѣвать Его въ любочестіи, и чтобы не подумали, будто, желая отъ нихъ вѣры Себѣ, Онъ наблюдаетъ Свою выгоду (а Онъ упоминалъ и о голосѣ Іоанна, и о свидѣтельствѣ Бога Отца, и о Своихъ дѣлахъ, и общалъ жизнь, и употреблялъ все, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ), — такъ какъ, говорю, многіе вѣроятно подозрѣвали, что Онъ говорилъ такіа слова изъ любви къ славѣ, то вотъ послушай, что Онъ прибавляетъ: *слава отъ человека не приему* (ст. 41), т. е. не имѣю въ

ней нужды. Не такова, говорить, моя природа, чтобы Мнѣ нуждаться въ человѣческой славѣ. Если солнце отъ свѣтильника не получаетъ приращенія свѣта, тѣмъ болѣе Я далекъ отъ того, чтобы имѣть нужду въ человѣческой славѣ. А для чего говоришь это, могли сказать Ему, если не нуждась въ славѣ? *Да вы спасени будете* (ст. 34); это Онъ сказалъ еще прежде. Но тоже самое выражаетъ и здѣсь словами: *да животъ имате* (ст. 40). Но Онъ выставляетъ и другую причину; какую? *Ризумяъ вы, яко любве Божіа не имате въ себѣ* (ст. 42). Иудеи часто гнали Его, будто бы изъ любви къ Богу,—за то, что Онъ дѣлалъ Себя равнымъ Богу (Іоан. v, 18); съ другой стороны Онъ зналъ, что они не хотѣли вѣровать въ Него. Итакъ, если бы кто спросилъ: для чего же Ты говоришь это?—Онъ, и отвѣчаетъ: для того, чтобы отличить васъ въ томъ, что вы преслѣдуете Меня не изъ любви къ Богу. И самъ Онъ свидѣтельствуетъ обо Мнѣ и дѣлами и Писаніями. Какъ прежде вы Меня гнали, считая Меня богопротивникомъ, такъ теперь, когда Я показалъ это, вамъ слѣдовало бы обратиться ко Мнѣ, если бы вы любили Бога. Но вы не любите Его: поэтому-то Я и сказалъ это, чтобы показать, что вы слишкомъ надменны и напрасно хвалитесь, прикрывая только свою зависть. Но это доказываетъ Онъ не только изъ настоящихъ обстоятельствъ, но и послѣдующихъ. *Азъ придохъ, говорить, во имя Отца Моего, и не приѣмлетъ Мене: аще имъ приидетъ во имя свое, того приѣмлетъ* (ст. 43). Видишь ли, какъ Онъ и тамъ и здѣсь говоритъ о Себѣ, что Онъ посланъ отъ Отца, и судъ получилъ отъ Него, и ничего не можетъ дѣлать самъ отъ себя, именно для того, чтобы отсѣчь всякій предлогъ къ неправомыслию. Но о комъ это Онъ говоритъ: *приидетъ во имя свое*? Здѣсь Христосъ намекаетъ на антихриста, и вмѣстѣ представляетъ неопровержимое доказательство ихъ неблагомыслія. Если вы преслѣдуете Меня, 236 говоритъ Онъ, изъ любви къ Богу, то гораздо болѣе слѣдовало бы такъ поступить съ антихристомъ. Онъ ничего подобнаго не будетъ говорить, то есть, что посланъ отъ Отца, что пришелъ по волѣ Его; но совершенно напротивъ, насильственно будетъ похищать все ему не принадлежащее, и называть себя богомъ надъ всѣмъ, какъ и Павелъ пишетъ: *паче всякаго малагомаго бога, или чтилища, показующа себе, яко богъ есть* (2 Сол. п, 4). Это именпо и значить, что онъ *приидетъ во свое имя*. Но Я, говоритъ Христосъ, пришелъ не такъ, а во имя Отца Моего. Достаточно было и этого для доказательства, что они не любятъ Бога, такъ какъ не приняли того, кто говорилъ имъ о себѣ, что посланъ отъ Бога. Но въ настоящемъ случаѣ Онъ показываетъ безстыдство ихъ и съ противоположной стороны—изъ того, что они готовы принять

антихриста. Какъ скоро они не приняли говорившаго имъ о себѣ, что Онъ посланъ отъ Бога, но готовы были поклониться тому, который не признаетъ Бога, а превозносится и выдаетъ себя за бога надъ всѣми, то ясно, что гоненіе (на Христа) было дѣломъ зависти, а не любви къ Богу. Такимъ образомъ, Христосъ представляетъ двѣ причины на то, что сказалъ о Себѣ: сперва болѣе спускательную, сказавъ: *да вы спасени будете, и: животи имате*; потомъ,—такъ какъ они намѣревались осыять Его,—представляетъ и болѣе поразительную причину, показывая, что, хотя бы слушающіе и не вѣровали Ему, Богъ во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ Ему угодное.

2. Павелъ, бесѣдуя объ антихристѣ, пророчески сказалъ: *послать имъ Богъ дѣйство лъсти, да судъ примутъ вси несправедливи истини, но благоволиши въ неправдѣ* (2 Сол. п, 11, 12). Но Христосъ не сказалъ, что антихристъ придетъ, но: *аще придетъ*, шадя слушателей, потому что ихъ нечестіе тогда еще не вполне открылось. Вотъ почему Онъ умолчалъ о причинѣ пришествія антихриста; а Павелъ съ точностію означилъ эту причину для людей, могущихъ разумѣти, и тѣмъ лишилъ іудеевъ всякаго извиненія. Но далѣе Христосъ показываетъ и причину ихъ невѣрія, продолжая: *како можете въровати, славу другъ отъ друга приимлюще, и славы, яже отъ единого Бога; не ищите* (ст. 44); такимъ образомъ, опять даетъ видѣти, что они дѣйствительно не заботились о славѣ Божіей, а подъ такимъ предлогомъ хотѣли только оправдать свою страсть. Въ такихъ поступкахъ они такъ далеки были отъ желанія славы Божіей, что сами искали болѣе славы человѣческой, нежели Божіей. Какъ же они могли возымѣти такую неприязнь изъ-за славы Божіей, которою столько пренебрегали, что даже предпочитали ей славу человѣческую? Сказавъ же, что они не имѣютъ любви къ Богу, и доказавъ это двумя причинами—ихъ поступками въ отношеніи къ Нему и будущими отношеніями къ антихристу, изъяснивъ притомъ, что они не заслуживаютъ никакаго прощенія, Христосъ приводитъ на обличеніе ихъ и Моисея, и такъ поражаетъ ихъ: *не мните, яко Азъ на вы реку ко Отцу: естъ, иже на вы ялаюлетъ, Моисей, нѣмже вы умовасте. Аще бо бысте въровали Моисеви, въровали бысте и Мнѣ; о Мнѣ бо той писа. Аще ли того писаніемъ не въруете, како Моисѣя многоумъ вѣру имете* (Іоан. v, 45—47)? Онъ какъ бы такъ говоритъ: своими дѣйствіями противъ Меня вы прежде Меня оскорбляете Моисея, потому что вы не вѣруете еще болѣе Моисею, нежели Мнѣ. Смотри, какъ Онъ со всѣхъ сторонъ лишаетъ ихъ всякаго оправданія. Вы говорите, что гоненіемъ на Меня доказываете свою любовь къ Богу? Но Я показалъ, что вы дѣлаете это по

237 нелюбви къ Нему. Вы говорите, что Я нарушаю субботу и преступаю законъ? Я отвергъ и это обвиненіе. Вы утверждаете, что по вѣрѣ въ Моисея позволяете себѣ такіе поступки противъ Меня? Я опять вамъ объясняю, что этимъ-то въ особенности вы и доказываете свое невѣріе Моисею. Я столь далекъ отъ намѣренія идти противъ закона, что и обвинителемъ вашимъ будетъ не другой кто, а самъ тотъ, кто далъ вамъ законъ. Какъ о Писаніяхъ Христосъ говорилъ: *яко въ нихъ мните имѣти животъ вечный*,—подобнымъ образомъ и о Моисей говоритъ: *намыже вы уповаєте*, связывая іудеевъ во всякомъ случаѣ ихъ собственными словами. Откуда же видно, сказали бы, что Моисей будетъ обвинять насъ, и что Ты этимъ не напрасно хвалишься? Что общаго у Тебя съ Моисеемъ? Ты нарушаешь субботу, которую Моисей законоположилъ сохранять; какимъ же образомъ онъ можетъ обвинять насъ? Да откуда видно и то, что мы увѣруемъ въ другого, который придетъ въ свое имя? Все это Ты говоришь безъ доказательствъ. Но все это (отвѣчаетъ имъ Христосъ) выходитъ уже изъ предъидущаго. Какъ скоро Моими дѣлами, голосомъ Іоанна, свидѣтельствомъ Отца подтверждено, что Я пришелъ отъ Бога, то ясно, что Моисей будетъ обвинять васъ. Что онъ сказалъ? Не то ли, что, если явится мужъ, творящій чудеса, приводящій людей къ Богу и вѣрно предрекающій будущее,—такому съ полною довѣренностію надобно повиноваться? Христосъ не сдѣлалъ ли всего этого? Онъ и чудеса совершалъ несомнѣнно истинныя, и къ Богу всѣхъ привлекалъ, и Свои предсказанія оправдывалъ исполненіемъ ихъ. Но откуда видно, что они увѣрують въ другого? Изъ самой ненависти ихъ ко Христу. Отвергающіе того, кто приходитъ по волѣ Божіей, безъ сомнѣнія, примуть богопротивника. Если же Онъ указываетъ теперь на Моисея, а прежде говорилъ: *Азъ отъ чловѣка свидѣтельства не приѣмлю*,—ты этому не удивляйся: Онъ не къ Моисею ихъ отсылаетъ, а къ божественнымъ Писаніямъ. Но такъ какъ Писанія мало устрашали ихъ, то Онъ обращаетъ слово къ лицу Моисея, представляя имъ обвинителя въ самомъ закоподателѣ, и такимъ образомъ производить въ нихъ гораздо сильнѣйшій страхъ и опровергаетъ все, что ни было сказано ими. Замѣчай же: они говорили, что преслѣдуютъ Его изъ любви къ Богу,—Онъ показываетъ, что они дѣлаютъ это по нелюбви къ Богу. Они говорили, что держатся Моисея,—Онъ показываетъ, что они поступаютъ такъ по невѣрію къ Моисею. Если они ревновали о законѣ, то имъ слѣдовало припятъ исполнявшаго законъ. Если любили Бога, то имъ надлежало повиноваться привлекавшему ихъ къ Богу. Если вѣрили Моисею, то имъ слѣдовало поклониться Тому, о комъ

Моисей пророчествовалъ. А если ему не вѣрили еще прежде, чѣмъ Мнѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что гоните и Меня, проповѣданнаго имъ. И тогда, какъ іудеи благоговѣли къ Іоанну, Христосъ доказывалъ изъ ихъ поступковъ съ Нимъ, что они презируютъ Іоанна; и теперь, когда они думаютъ, что вѣрятъ Моисею, Онъ показываетъ ихъ невѣріе, и такимъ образомъ все, чѣмъ они мечтали оправдать себя, Онъ постоянно обращаетъ на ихъ же голову. Я, говоритъ Онъ, столько далека отъ мысли—отвлекать васъ отъ закона, что къ обвиненію вашему призываю и самого законодателя. Впрочемъ, хотя Онъ сказалъ, что Писанія свидѣлствуютъ о Немъ, но гдѣ они свидѣлствуютъ, этого не присовокупилъ, желая навести на нихъ тѣмъ болѣе страхъ, обратить къ испытанію Писаній и поставить въ необходимость спрашивать Его самого объ этомъ. А если бы Онъ предупредилъ ихъ и объяснилъ это безъ вопросовъ съ ихъ стороны, то они отвергли бы и свидѣтельства Писаній. Теперь же, если они были внимательны къ Его словамъ,—имъ слѣдовало прежде всего спросить объ этомъ и узнать отъ Него. Для этого-то Онъ особенно и распространяетъ не только Свой доказательство противъ нихъ, но и прещенія и угрозы, чтобы по крайнѣй мѣрѣ страхомъ нарекаемыхъ на нихъ словъ вразумить ихъ. Но, и не смотря на это, они молчатъ. Такова злоба! Что бы ни говорили, что бы ни дѣлали, она не трогается, но упорствуетъ, сохраняя въ себѣ свой ядъ.

3. Поэтому надлежитъ извергать изъ души всякую злобу и никогда не сплетать никакихъ козней. *Къ стропотнымъ*, сказано, *стропотныя пути посылаетъ Богъ* (Прит. ххі, 8), и: *Святый Духъ наказанія отблжистъ лѣстива и отгнѣется отъ помышленийъ неразумныхъ* (Прем. Сол. і, 5). Ничто такъ не дѣлаетъ людей глупыми, какъ злоба. Въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ бываетъ коваренъ, неблагонамѣренъ, непризнателенъ (а это виды злобы), когда раздражается ничѣмъ не обиженный, строить ковы, то не представляетъ ли въ этомъ доказательствъ крайняго своего безумія? Съ другой стороны ничто такъ не дѣлаетъ людей разумными, какъ добродѣтель: она дѣлаетъ ихъ признательными, благонамѣренными, человѣколюбивыми, тихими, кроткими, смиренными; она обыкновенно рождаетъ и всѣ другія совершенства. Кто же можетъ быть мудрѣе человѣка съ такими расположеніями? Поистинѣ, добродѣтель есть источникъ и корень мудрости, какъ всякій порокъ беретъ начало отъ неразумія. И надменный и гнѣвливыи человѣкъ увлекается этими страстями по недостатку благоразумія. Поэтому и пророкъ говорилъ: *возмердѣша и соимѣша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. хххvii, 6), показывая,

что всякій грѣхъ получаетъ свое начало отъ неразумія. Напротивъ, человѣкъ добродѣтельный, имѣющій въ себѣ страхъ Божій, мурѣе всѣхъ; потому и пѣкій мудрецъ говоритъ: *начало премудрости стриже Господень* (Прит. 1, 7). Если же бояться Бога значить имѣть мудрость, а порочный не имѣетъ этого, то, безъ сомнѣнія, онъ лишень мудрости; а лишennyй истинной мудрости безсмысленнѣе всѣхъ. Хотя многіе удивляются людямъ порочнымъ потому, что они могутъ дѣлать другимъ обиды и вредъ, но они не понимаютъ, что такихъ людей должно считать несчастнѣйшими изъ всѣхъ, потому что, думая вредить другимъ, они возпаяютъ мечъ въ себя самихъ; а то и есть признакъ крайняго безумія, когда кто, поражая самого себя, не сознаетъ того, но думаетъ, что онъ вредитъ другому, между тѣмъ какъ закаляетъ самъ себя. Потому и Павелъ, зная, что, поражая другихъ, мы убиваемъ себя самихъ, говоритъ: *почто не паче обидими есте? Почто не паче лишиени бываете* (1 Кор. vi, 7)? Чтобы не быть обидимымъ, не подобно обижать; чтобы не терпѣть зла, не подобно дѣлать зла,—хотя это можетъ показаться загадкою людямъ обыкновеннымъ и не желающимъ любомудрствовать. Итакъ, зная это, будемъ считать несчастными и оплакивать не обижаемыхъ и оскорбляемыхъ, а дѣлающихъ другимъ обиды и оскорбленія. Эти-то люди наиболѣе страдаютъ, потому что они вооружаютъ противъ себя Бога, отверзаютъ уста тысячѣ обвинителей, пріобрѣтаютъ худую славу въ этой жизни и навлекаютъ на себя великую казнь въ будущемъ вѣкѣ. Напротивъ обижаемые и все великодушно переносящіе преклоняютъ и Бога къ милосердію и всѣхъ людей къ состраданію имъ, къ похваламъ и благорасположенію. Такіе люди, представляя величайшее доказательство своего любомудрія, и въ этой жизни пріобрѣтаютъ великую славу, и къ будущей получаютъ вѣчныя блага, которыхъ да сможемъ достигнуть и всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

По сихъ иде Іисусъ на оныполъ моря Галилеи Тиверіадска: и по Немъ идяше народъ многъ, яко видяху знаменія Его, яко творяше надъ недужными. Взыде же на гору Іисусъ, и ту сѣдѣше со ученики своими. Бѣ же близъ пасха, праздникъ жидовскій (Іоан. vi, 1—4).

1. Не надобно, возлюбленные, входить въ состязанія съ злыми людьми; но научимся, если только это не повредитъ нашей до-

бродѣтели, уступать мѣсто ихъ злымъ навѣтамъ. Такимъ образомъ укрощается всякая дерзость. Какъ стрѣлы, попадая во что-нибудь упругое, твердое и противодѣйствующее, съ большею силою отскакиваютъ назадъ — на пустившихъ ихъ; когда же стремительность ихъ полета не встрѣчаетъ противодѣйствія, то скоро теряетъ силу и прекращается, — такъ бываетъ и съ дерзкими людьми. Когда мы идемъ наперекоръ имъ, они еще болѣе свирѣпѣютъ; когда же уступаемъ имъ и отстаемъ отъ нихъ, тѣмъ легко укрощаемъ ихъ неистовство. Такимъ образомъ и Христосъ, узнавъ о дошедшемъ до фарисеевъ слухѣ, что Онъ приобрѣтаетъ Себѣ учениковъ и крещаетъ болѣе, чѣмъ Іоаннъ, отошелъ въ Галилею, чтобы погасить въ нихъ зависть и Своимъ удаленіемъ укротить ихъ ярость, которая, конечно, родилась въ нихъ отъ этихъ вѣстей. Однакожъ, удалившись опять въ Галилею, Онъ идетъ уже не въ прежнія мѣста, — пришелъ не къ Кану, а на ту сторону моря. *И по Немъ идше народъ многъ, яко видяху знаменія, яже творяше.* Какія знаменія? Почему евангелистъ не говоритъ о каждомъ изъ нихъ? Потому, что этотъ евангелистъ заботится о томъ, чтобы большую часть книги наполнить словами и бесѣдами Христа къ народу. Вотъ смотри: въ продолженіе двѣдцати года, даже и въ праздникъ Пасхи, евангелистъ не упоминаетъ ни объ одномъ чудѣ, кромѣ исцѣленія разслабленнаго и еще сына у царедворца. Евангелистъ не о томъ заботится, чтобы все пересказать: это и не возможно было бы; но изъ многаго и великаго — только немногое. *И по Немъ идше, говоритъ, народъ многъ, яко видяху знаменія, яже творяше.* Это слѣдованіе за Христомъ было дѣломъ не очень твердаго убѣжденія; іудеи увлекались болѣе чудесами, нежели высотой ученія, которое слышали; а это было признакомъ грубыхъ душъ: знаменія, сказано, не для вѣрующихъ, а для невѣрныхъ (1 Кор. xiv, 22). Но не таковъ былъ народъ, упоминаемый у Маттея, а вотъ, послушай, каковъ: *ужасася вси о ученіи Ею, говоритъ Маттеи, зане учаше ихъ, яко власть имъ* (Мате. vii, 28, 29). Но для чего Христосъ восходитъ теперь на гору и тамъ садится съ учениками? Для совершенія имѣющаго быть чуда. А что взошли на гору только ученики, это — вина народа, который не послѣдовалъ за Нимъ. Но не для этого только Онъ восходитъ на гору, а и для того, чтобы научить насъ всегда уклоняться отъ шума и народной молвы, потому что уединеніе способствуетъ любомудрію. Впрочемъ, Онъ часто и одинъ восходилъ на гору и проводилъ тамъ ночь въ молитвѣ, научая насъ, что особенно приступающему къ Богу должно удаляться отъ всякаго шума и искать безмолвнаго времени и мѣста. *Еъ же близъ Пасхи, праздникъ иудейскій.* Почему же

Онъ, скажешь, не идетъ на праздникъ, но, тогда какъ всѣ спѣшати въ Іерусалимъ, отправляется въ Галилею, и не самъ только, а ведетъ съ Собою и учениковъ, и оттуда — въ Капернаумъ? Это потому, что Онъ понемногу начиналъ уже отрѣшати законъ, имѣя поводъ къ тому въ коварствѣ іудеевъ. *И возведъ очи, видѣ многа народъ* (vi, 5). Здѣсь евангелистъ показываетъ, что Онъ никогда не сидѣлъ съ учениками безъ дѣла, но что-нибудь излагалъ имъ, вѣроятно, съ особенною обстоятельностью, училъ и привлекалъ къ Себѣ. Отсюда можно видѣть, какое Онъ имѣлъ попеченіе о нихъ, и какъ кротно и снисходительно обращался съ ними. Они, сидя съ Нимъ, вѣроятно, смотрѣли другъ на друга. Потомъ, возрѣвъ, Христосъ видитъ народъ, идущій къ Нему.

Другіе евангелисты говорятъ, что ученики, приступивъ къ Нему, просили и умоляли Его не отпускать народъ голоднымъ (Матѣ. xiv, 15; Лук. ix, 12); а Іоаннъ замѣчаетъ, что Христосъ предложилъ объ этомъ вопросъ Филиппу. Мнѣ кажется, справедливо и то, и другое; только происходило не въ одно и то же время, но одно было прежде другого: поэтому одно было такъ, а другое — иначе. Почему же Онъ спрашиваетъ Филиппа? Потому, что зналъ, которые изъ учениковъ Его наиболѣе требуютъ наученія. А это — тотъ самый Филиппъ, который впослѣдствіи говорилъ: *покажи намъ Отца и доволтъ намъ* (Іоан. xiv, 8). Потому Христосъ заранѣе и наставляетъ его: если бы чудо совершилось безъ предваренія, то оно не показалось бы столь дивнымъ; но теперь Христосъ предварительно побуждаетъ Филиппа признаться, что (въ пищѣ) скудость, чтобы, сознавъ, какъ велика была она, онъ тѣмъ лучше уразумѣлъ величіе имѣвшаго совершиться чуда. И вотъ что Христосъ говоритъ Филиппу: *чѣмъ купиши хлѣбы, да ядятъ сии* (ст. 5)? Такъ и въ ветхомъ завѣтѣ Богъ говорилъ Моисею (а совершилъ чудо не прежде, какъ спросилъ его): *что есть въ руцѣ твоей* (Исх. iv, 2)? Такъ какъ событія необычайныя, неожиданно случающіяся, обыкновенно приводятъ въ забвеніе предшествовавшія обстоятельства, то Богъ предварительно связалъ Моисея признаніемъ настоящаго положенія своего, чтобы онъ, будучи потомъ пораженъ удивленіемъ, уже не могъ забыть того, что самъ призналъ, и такимъ образомъ, чрезъ сравненіе одного съ другимъ, позналъ величіе чуда. Тоже и здѣсь происходитъ. Спрошенный Филиппъ отвѣчаетъ: *двѣма стома тынзъ хлѣбы не доволтъ имъ, да кійждо изъ мало что приметъ. Сіе же глаголаше, искушая его: самъ бо въдыше, что хощетъ соорити* (ст. 6 и 7). Что значить: *искушая его*? Развѣ Христосъ не зналъ, что будетъ сказано Ему Филиппомъ? Этого нельзя думать.

2. Какой же смыслъ этого изреченія? Его можно понять при пособіи ветхаго завіта. Тамъ также говорится: *и бысть по маломъ силѣ, Богъ искушаше Авраама. И рече: пойми сына твоего возлюбленнаго, елика возлюбилъ еси, Исаака* (Быт. ххп, 1, 2). Но Богъ представляется тамъ говорящимъ это не потому, чтобы хотѣлъ чрезъ искушеніе узнать послѣдствіе, то есть, будетъ ли Ему по-виноваться Авраамъ, или нѣтъ (пужно ли это для Того, Кто *отдастъ вся, прежде бытія ихъ*—Дан. хш, 42). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ сказано человѣкообразно. Въ томъ случаѣ, когда Писаніе говоритъ, что Богъ испытуетъ сердца человѣческія (Рим. viii, 27), оно показываетъ испытаніе, свойственное не невѣдѣнію, а напротивъ совершенному вѣдѣнію; и когда говоритъ: *искушаше*, выражаетъ не иное что, какъ вѣдѣніе совершенное. Можно и иначе объяснить это, — именно, что Богъ дѣлаетъ чело-вѣка чрезъ искушеніе болѣе испытаннымъ, — и какъ тогда Авраама, такъ теперь Филиппа вопросомъ приводитъ Онъ къ точному уразумѣнію чуда. Потому-то, чтобы ты, остановившись на 241 простотѣ изреченія, не пришелъ къ какой-либо неумѣстной мысли о вышесказанномъ, евангелистъ и присовокупляетъ: *самъ бо отдалъ, что хочетъ сотворити*. Притомъ надобно и то замѣтить, что, какъ скоро могло быть какое-либо злое подозрѣніе, евангелистъ немедленно съ великимъ стараніемъ устраняетъ его. И вотъ, какъ здѣсь, чтобы слушатели не возымѣли такого подозрѣнія, онъ присовокупляетъ ограниченіе, замѣтивъ: *самъ бо отдалъ, что хочетъ сотворити*, такъ, когда сказалъ, что іудеи гнали Его, *яко не токмо разоряше субботу, но и отца своего малочаше Бола, равенъ ся творя Богу* (Іоан. v, 18), евангелистъ и здѣсь прибавилъ бы отъ себя замѣчаніе, если бы это не было намѣреніемъ самого Христа, подтвержденнымъ дѣлами Его. Если евангелистъ всегда предостерегаетъ, чтобы кто не заподозрилъ словъ самого Христа, то, гораздо болѣе, онъ остерегался бы этого при изложеніи того, что говорили о Христѣ другіе, когда бы замѣчалъ, что о Немъ держатся не надлежащаго мнѣнія. Но евангелистъ въ настоящемъ случаѣ не сдѣлалъ этого, потому что зналъ, что такова мысль самого Христа и таково Его непоколебимое опредѣленіе. Поэтому, сказавъ: *равенъ ся творя Богу*, онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія, такъ какъ это не было ихъ испорченное понятіе, а мысль истинная, утвержденная дѣлами Христа. Между тѣмъ, когда былъ спрошенъ Филиппъ, Андрей, братъ Симона, Петра, сказалъ: *есть отрочище здѣ едина, иже имать пять хлебъ ячменныа, и доу рыбъ; но сѣи что сущи на толико* (ст. 9)? Андрей становится выше Филиппа; но и онъ не совсѣмъ понялъ дѣло. Я думаю, что онъ и не просто это сказалъ, а потому, что слы-

палъ о чудесахъ пророковъ, о томъ, наприм., какъ Елисей совершилъ чудо надъ хлѣбами. Поэтому, хотя Андрей и взошелъ на нѣкоторую высоту, но не смогъ достигнуть самой вершинны.

Отсюда же познаемъ мы, преданные сластолюбію, чѣмъ питались тѣ великіе и дивные мужи; обратимъ вниманіе на то, какъ скудна была ихъ трапеза и по количеству и по качеству пищи, и будемъ подражать имъ. Но послѣдніе слова Андрея показываютъ великую немощь. Сказавъ: *имать пять хлѣбовъ и менытъ*, онъ присовокупилъ: *но сіи что сунъ на толико?* Онъ думалъ, что чудотворецъ могъ бы сдѣлать только изъ малаго малое, а изъ большаго большее. Но было не такъ. Для Господа равно легко было изъ большаго или меньшаго числа хлѣбовъ произвести изобиліе въ нихъ, потому что Онъ не нуждался для этого въ готовомъ веществѣ. Но, чтобы не думали, что тварь чужда Его премудрости (какъ впослѣдствіи говорили клеветники—маркіониты), Онъ для совершенія чудесъ употребляетъ въ орудіе самую тварь. Итакъ, когда оба ученика не знали, что дѣлать, онъ тогда уже и совершаетъ чудо. Признавъ предварительно трудность дѣла, они, такимъ образомъ, получали болѣе пользы,—именно тѣмъ, что, когда оно совершится, они тѣмъ болѣе должны были ознать силу Божию. Такъ какъ должно было совершиться чудо, которое творили и пророки, хотя не одинаковымъ образомъ, съ другой же стороны Христосъ, предъ совершеніемъ его, имѣлъ намѣреніе воздать хвалу Богу, то, чтобы ученики не впали въ какую-либо немощную мысль, — смотри, какъ Христосъ возвышаетъ чудо надъ всѣми другими самымъ образомъ совершенія его, и показываетъ его отличіе отъ чудесъ пророческихъ. Еще прежде, чѣмъ явились хлѣбы, Онъ уже творить чудо, чтобы ты зналъ, что Ему подчинено и не существующее, какъ существующее, какъ говоритъ Павелъ: *прицаи не сущая, яко сущая* (Рим. iv, 17). Какъ бы уже готова была трапеза, и совсѣмъ устроена, Онъ повелѣваетъ народу немедленно возлечь, и уже этимъ возбуждаетъ мысль учениковъ. А они, уже получивъ пользу отъ сдѣланнаго имъ вопроса, тотчасъ повиновались, не смутились и не сказали: что это значить? Какъ ты повелѣваешь возлечь, когда еще ничего предъ нами нѣтъ? Такимъ образомъ тѣ, которые вначалѣ такъ мало имѣли вѣры, что говорили: откуда намъ купить хлѣба?—тѣ стали вѣрить еще прежде, чѣмъ увидѣли чудо, и теперь охотно размѣщали народъ. Но почему Христосъ, предъ исцѣленіемъ разслабленнаго, предъ воскрешеніемъ мертваго, предъ укрощеніемъ моря, не молился; а здѣсь, надъ хлѣбами, это дѣлаетъ? Онъ этимъ показываетъ, что, приступая къ пищѣ, намъ должно воздавать благодареніе

Богу. Съ другой стороны, Онъ дѣлалъ это обыкновенно въ случаяхъ не очень важныхъ, чтобы ты зналъ, что Онъ это дѣлаетъ не по какой-либо нуждѣ. А если бы нуждался (въ молитвѣ), то скорѣе Онъ дѣлалъ бы это въ чудотвореніяхъ важнѣйшихъ. Но совершавшій важнѣйшія чудеса Своею властію, безъ сомнѣнія, и молитву совершалъ по снисхожденію.

3. Притомъ же, тутъ было много народа, и его надлежало убѣдить, что Христосъ пришелъ по волѣ Божіей. Поэтому, когда Онъ творитъ какое-нибудь чудо наединѣ, то ничего такого не показывать; а когда совершаетъ чудо при многихъ, то, чтобы они увѣровали, что Онъ не врагъ Богу, не противникъ Родившему Его, чрезъ возношеніе хвалы уничтожаетъ такое подозрѣніе. *И даде возлежащимъ, и насытишася* (ст. 11, 12). Видишь ли, какое разстояніе между рабомъ и Господомъ? Рабы чудодѣйствовали, имѣя благодать только отчасти; а Богъ совершаетъ все съ полнымъ всемогуществомъ, во всей обширности. *И глагола ученикомъ: соберите избытки укрупъ. Собраша же и исполниша дванадцать коши* (ст. 12, 13). Это не лишнее было доказательство чуда, но сдѣлано было именно для того, чтобы не считали такого дѣла призракомъ; для того-то и совершилъ Онъ чудо изъ готового вещества. Но почему Онъ далъ пести кошницы не народу, а ученикамъ? Потому, что хотѣлъ въ особенности ихъ научить, какъ будущихъ учителей вселенной. А народъ немного пользы извлекалъ изъ чудесъ; онъ скоро ихъ забывалъ и просилъ потомъ другихъ чудесъ; ученики же должны были извлечь не маловажную пользу. Это было не малымъ осужденіемъ и для Іуды, который также носилъ кошницу. А что это было сдѣлано для наученія ихъ, видно изъ сказаннаго впоследствии, — когда Христосъ напоминалъ имъ объ этомъ случаѣ: *ни ли разумете, koliko коши взяли* (Матѣ. хvi, 9)? По этой причинѣ и число кошницъ съ остатками хлѣбовъ было равно числу учениковъ. Впоследствии же, когда они уже были научены, остатковъ было не столько, а семь кошницъ. Но я дивлюсь не только такому умноженію хлѣбовъ, но и, при множествѣ ихъ, опредѣленному количеству остатковъ. Онъ произвелъ ихъ ни больше, ни меньше, а именно столько, сколько хотѣлъ, предвидя, сколько будетъ употреблено, что было дѣломъ Его неизглаголанной силы. Итакъ, самые укрупы удостовѣряли въ дѣйствительности чуда, показывая и то, что это событіе было не призракомъ, и то, что укрупы остались именно отъ тѣхъ хлѣбовъ, которые народъ ѣлъ. Что же касается до чуда надъ рыбами, то оно тогда было совершенно изъ готовыхъ рыбъ; а послѣ, по воскресеніи Христа, уже не изъ готового вещества. Для чего? Чтобы мы знали, что и теперь

Онъ употребилъ готовое вещество не по нуждѣ, не потому, чтобы пуждался въ основѣ, а чтобы заградить уста еретиковъ. *Человѣкъ же глаголаше: сей есть вѣстинъ пророкъ* (ст. 14). О, непомѣрное чревоугодіе! Тысячи дѣлъ, гораздо болѣе дивныхъ, совершилъ Христосъ, и они не исповѣдали этого, а только теперь, когда насытились. Но изъ ихъ словъ видно, что они ожидали какого-то особеннаго пророка, потому что и Крестителю они говорили: *пророкъ ли еси* (Іоан. I, 21), — и здѣсь: *сей есть пророкъ. Иисусъ убо разумѣвъ, яко хотѣхъ прійти, да восхитѣхъ Его, и сотворѣхъ Его царя, отъиде въ юру* (ст. 15). Увы, какъ преобладало въ нихъ чревоугодіе! Какое было непостоянство въ мысляхъ! Они уже не защищаютъ законъ, уже не обращаютъ вниманія на нарушеніе субботы, уже не ревнуютъ по Богѣ: они бросили все, лишь только чрево было наполнено. Христосъ сталъ для нихъ и пророкомъ, они хотѣли поставить Его и царемъ; но Онъ уклоняется. Для чего? Чтобы научить насъ презирать мірскія почести, и показать, что Онъ ни въ чемъ земномъ не нуждается. Избравшій для себя все убогое: и мать, и домъ, и городъ, и воспитаніе, и одежду—не хотѣлъ славиться и земными отличіями. Что имѣлъ Онъ въ небесахъ, то было славно и велико: ангелы, и звѣзда, и Отецъ глаголющій, и Духъ свидѣтельствующій, и пророки, издадека предвозвѣстившіе о Немъ; а что было у Него на землѣ, то все было уничиженно, чтобы тѣмъ болѣе проявлялась Его сила. Пришелъ же Онъ и насъ научить — презирать мірское и никогда не увлекаться и не поражаться житейскимъ блескомъ, но, отвергая все это, стремиться сердцемъ къ будущему. А кто увлекается здѣшнимъ, тотъ уже не станетъ восхищаться небеснымъ. Поэтому Онъ и Пилату говорилъ: *царство мое нѣсть отсюду* (Іоан. XVIII, 36), чтобы не подумали объ Немъ, будто Онъ для внушенія людямъ вѣры къ Себѣ употреблялъ страхъ и силу. Но какъ же пророкъ сказалъ: *се царь твой грядетъ тебѣ кротою, и встѣ на подъяремника* (Зах. IX, 9)? Здѣсь пророкъ говоритъ о царствѣ ипомѣ, небесномъ, а не земномъ. Потому-то Христосъ говорилъ также: *славы отъ человекъ не прииму* (Іоан. V, 44).

4. Научимся же, возлюбленные, презирать человѣческія почести и не желать ихъ. Мы почтены величайшею честію, сравнительно съ которою почестъ земная поистинѣ — безчестіе, смѣхъ и шутовство. Какъ и богатство земное сравнительно съ небеснымъ — убожество, и жизнь эта безъ той — смерть (*остаю*, говоритъ Христосъ, *мертвыхъ погребсти свои мертвецы*—Матѣ. VIII, 22), такъ и слава здѣшняя въ сравненіи съ тою — стыдъ и смѣхъ. Не будемъ же гоняться за нею. Если и тѣ самые, которые воздуютъ ее другимъ, ничтожныѣ тѣни и сновидѣніи, то тѣмъ бо-

лѣе самая слава. *Слава челоуѣка, яко цвѣтъ травный* (1 Петр. 1, 24). А что можетъ быть ничтожнѣе цвѣта травнаго? Но если бы слава земная была и долговѣчна, — какую пользу могла бы она принести для души? Никакой. Она даже причиняетъ величайшій вредъ, дѣлая людей рабами, хуже невольниковъ, — рабами, которые повинуются не одному господину, а двумъ, тремъ и безчисленнымъ, дающимъ различныя приказанія. Во сколько разъ лучше быть свободнымъ, нежели рабомъ, — свободнымъ отъ рабства людямъ, а рабомъ владычества Божія! Наконецъ, если хочешь любить славу, люби, но — славу безсмертную, потому что она и блистательнѣе, и пользы отъ нея больше. Люди велятъ тебѣ угождать имъ съ ущербомъ для тебя самого; а Христосъ, напротивъ, за каждое твое даяніе воздастъ тебѣ сторицею, и къ тому прилагаетъ еще жизнь вѣчную. Что лучше, на землѣ ли 244 быть прославляемому, или на небесахъ, — отъ людей ли, или отъ Бога, — со вредомъ ли для себя, или съ пользою, — увѣнчиваться ли на одинъ день, или на безконечныя вѣки? Ты подай нуждающемуся, а не давай пляшущему, чтобы съ деньгами не погубить тебѣ и души его. Черезъ неумѣстную щедрость ты становишься виновникомъ его гибели. Если бы пласуны знали, что ихъ искусство останется безъ прибыли, то они давно перестали бы заниматься имъ. Но они видятъ, что ты рукоплещешь, бѣжишь къ нимъ, входишь въ издержки, истрачиваешь все достояніе на нихъ; поэтому, хотя бы и не хотѣли продолжать своего дѣла, увлекаются однакожъ желаніемъ прибыли. Если бы они знали, что никто не станетъ хвалить ихъ ремесла, то немедленно оставили бы свои труды, какъ неприбыльные. Но когда видятъ, что дѣло ихъ служить для многихъ предметомъ удивленія, то похваля другихъ дѣлается для нихъ приманкою. Оставимъ же безполезныя издержки. Научимся, на что и когда должно издерживать свое достояніе, чтобы не прогнѣвить намъ Бога въ обоихъ случаяхъ: и собирая, откуда не слѣдуетъ, и расточая, на что не должно. Какого гнѣва не заслуживаешь ты, когда даешь деньги блудницѣ, но проходишь мимо нищаго безъ вниманія? Если бы ты давалъ и отъ праведныхъ трудовъ, и тогда не грѣшно ли было бы давать награду за порокъ и честь за то, за что слѣдовало бы наказывать? Когда же ты питаешь свое сладострастіе, ограбляя сиротъ и обижая вдовъ, то подумай, какой огонь ожидаетъ дерзающихъ на такія дѣла? Послушай, что говоритъ Павелъ: *не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Рим. 1, 32). Быть можетъ, мы уже слишкомъ укоряемъ васъ; но, если бы мы и не укоряли, все же наказанія ожидаютъ неисправимыхъ грѣшниковъ. Что же пользы угождать словами тѣмъ, которые

на самомъ дѣлѣ подлежатъ наказаніямъ? Ты одобряешь плясуна? Хвалишь, восхищаешься имъ? Итакъ, ты хуже и его самого, потому что онъ можетъ извиняться бѣдностію, хотя и не основательно, а ты не имѣешь и этого оправданія. Если я спрошу его, зачѣмъ онъ, оставивъ прочія занятія, обратился къ этому презрѣнному и непотребному,—онъ скажетъ, что въ этомъ занятіи, трудясь немного, онъ можетъ получить прибыли много. А если я спрошу тебя, почему ты восхищаешься человѣкомъ распутнымъ, живущимъ на погибель другихъ,—ты не можешь прибѣгнуть къ тому же оправданію, но принужденъ будешь поникнуть долу, устыдиться и краснѣть. Итакъ, если намъ, требующимъ отъ тебя отчета, ты не имѣешь ничего сказать, то какъ мы устоимъ, когда откроется то страшное и неумолимое судилище, на которомъ мы должны будемъ отдать отчетъ и въ помыслахъ, и въ дѣлахъ, и во всемъ? Какими очами воззримъ на Судію? Что скажемъ? Чѣмъ оправдаемся? Какое представимъ извиненіе — благовидное, или неблаговидное? Издержки ли, удовольствіе ли, или гибель другихъ, которыхъ мы губимъ, поддерживая ихъ ремесло? Ничего нельзя будетъ сказать, но неизбежно подвергнемся казни, не имѣющей конца, не знающей предѣла. Чтобы этого не случилось съ нами, отсель будемъ всячески осторожны, и, такимъ образомъ, по отшествіи отсюда съ благою надеждою, мы достигнемъ вѣчныхъ благъ, которыя и да получимъ всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIII.

Яко повѣѣ бысть, снідоша ученицы Его на море, и влѣзоша въ корабль, и идаху на оныполъ моря въ Капернаумъ. И тма абіе бысть, и не у бѣ пришелъ къ нимъ Іисусъ. Море же, вѣтру велію дышащу, воздвизашеся (Іоан. vi, 16—18).

- 246 1. Христосъ, не только находясь тѣломъ съ учениками Своими, но и будучи далеко отъ нихъ, устрояетъ полезное для нихъ. Какъ всемогущій и премудрый, Онъ и противные случаи направляетъ къ одной цѣли. Вотъ смотри, что Онъ дѣлаетъ и въ настоящемъ случаѣ: Онъ оставляетъ учениковъ и восходитъ на гору. Они, оставленные Учителемъ, такъ какъ уже было позднее время, сошли къ морю и до вечера оставались въ ожиданіи Его возвращенія. А когда наступилъ вечеръ, они уже не могли удержаться, чтобы не пойти и не поискать Его: такъ сильна

была любовь ихъ къ Нему. Они не говорятъ: теперь вечеръ, и почъ наступаетъ, куда же теперь мы пойдемъ? Мѣсто опасное и время небезопасное. Но, пламенѣя любовію къ Нему, они сходятъ на корабль. Евангелистъ не безъ цѣли, конечно, озабочаетъ и время, а для того, чтобы тѣмъ показать пламенную ихъ любовь. Для чегб же Христось оставляетъ ихъ и удаляется, а еще болѣе—для чего является одинъ, идя по морю? Въ первомъ случаѣ Онъ научалъ ихъ, каково имъ быть безъ Него, и хотѣлъ усилить въ нихъ любовь къ Нему; а въ другомъ—Онъ показывалъ имъ опять Свое могущество. Какъ не съ народомъ только они слушали ученіе, такъ не съ народомъ только видѣли и чудеса. Тѣмъ, которые должны были получить власть надъ вселенной, надлежало имѣть нѣчто болѣе, чѣмъ другимъ. А какія чудеса, спросишь, они видѣли одни? Преображеніе на горѣ, постоянное чудо на морѣ, многія и великія чудеса по воскресеніи, а по этимъ я заключаю и о другихъ. Шли же они въ Капернаумъ, не зная навѣрное, но только надѣясь встрѣтить Его тамъ, или даже во время плаванія. На это сдѣлалъ намекъ и Іоаннъ, сказавъ, что *тма абіе бысть, и не у бы пришеъ къ нимъ Исусъ, море же, оттру вслію дыхающе, воздыгашеся*. Чего же они смущаются? Многія и различныя обстоятельства приводили ихъ въ смущеніе: и время, потому что была тма, и буря, потому что море воздымалось, и мѣсто, потому что они были не близко отъ земли, но отплыли *яко стадій двадцать пять*, и наконецъ, необычайность явленія, потому что они видятъ Его ходящимъ по морю. При этомъ-то сильномъ ихъ смущеніи, Онъ говоритъ имъ: *Азъ есмь, не бойтесся* (ст. 20). Для чего же Онъ явился? Что бы показать, что Онъ есть тотъ, кто укротить бурю. На это указалъ евангелистъ, сказавъ: *хотяху пріяти Его, и абіе корабль бысть на земли* (ст. 21). Значить (Христось) сдѣлалъ ихъ плаваніе не только безопаснымъ, но и благопоспѣшнымъ. Народу Онъ не показалъ Себя ходящимъ по морю, потому что это чудо было выше его немощи. Да и ученики не 246 долго видѣли Его въ этомъ положеніи, а едва лишь Онъ явился имъ, какъ и удалился. Мнѣ кажется, это чудо другое, а не то, которое разсказывается у Маттея (гл. xiv), и что оно дѣйствительно другое, это видно изъ многоаго. Христось часто совершалъ одни и тѣ же чудеса съ тѣмъ, чтобы не только привести зрителей въ великое изумленіе, но и приготовить ихъ принимать эти чудеса съ многою вѣрою. *Азъ есмь, не бойтесся*. Сказавъ эти слова, Онъ изгналъ страхъ изъ ихъ душъ; а въ другомъ мѣстѣ Онъ поступаетъ не такъ. Потому-то и Петръ говорилъ: *Господи, ище ты еси, повели мнѣ пріити къ Тебѣ* (Матѣ. xiv, 28). Отчего же они тогда приняли эти слова не вдругъ, а теперь повѣрили? Оттого, что

тогда буря продолжала еще качать корабль, а теперь вмѣстѣ съ словами Христа наступала тишина; или, если не по этой причинѣ, то по той, о которой я сказалъ прежде, т. е., что Христосъ, часто совершая одни и тѣ же чудеса, чрезъ чудеса предъидущія дѣлалъ болѣе удобопреимлемыми чудеса послѣдующія. Для чего же Онъ не взошелъ на корабль? Чтобы сдѣлать чудо болѣе поразительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе открыть имъ Свое божество, и показать, что и тогда, когда Онъ благодарилъ, дѣлалъ это не потому, чтобы нуждался въ помощи, а изъ снисхожденія къ нимъ. Итакъ, Онъ попустилъ быть бурѣ, чтобы они всегда искали Его, потомъ вдругъ прекратилъ ее, чтобы показать Свою силу, и не взошелъ на корабль, чтобы сдѣлать чудо поразительнѣе. *Внутрїй же, народъ, иже стояше, видѣвъ, яко корабля много не бѣ ту, токмо единъ той, въ оныѣже внидоша ученицы Его, и яко Иисусъ не вниде*, вошелъ и самъ въ другіе корабли, пришедшіе отъ Тиверіады (ст. 22—24). Для чего же съ такою обстоятельностью повѣствуетъ Іоаннъ? Почему бы ему не сказать: а на другой день переправился на ту сторону и народъ? Этимъ Онъ хочетъ показать намъ нѣчто другое. Что же такое? Что Христосъ и народу, хотя не прямо, но косвенно, далъ возможность уразумѣть случившееся. Видѣли, говорить, *яко корабля много не бѣ ту, токмо единъ, и яко Иисусъ не вниде*, и вошедши въ корабли тиверіадскіе, *прїидоша въ Капернаумъ иищуще Иисуса*. Что другое, въ самомъ дѣлѣ, можно было подумать кромѣ того, что Онъ перешелъ море, пѣшешествуя по нему (потому что нельзя было сказать, что Онъ переправился на другомъ какомъ-либо кораблѣ: *единъ бѣ*, сказано, *въ оныѣже внидоша ученицы Его*). Однакожъ, и послѣ такого чуда, они, пришедши, не спросили Его, какъ Онъ переправился, какъ прибылъ, и не позаботились узнать о такомъ чудѣ; а что говорятъ? *Развѣ, когда здѣ бысть* (ст. 25)? Развѣ кто стапетъ утверждать, что слово: *когда* ими сказано здѣсь вмѣсто: *какъ*.

2. Слѣдуетъ и здѣсь обратить вниманіе на непостоянство ихъ мыслей. Тѣ, которые говорили: *сей есть пророкъ*, которые старались восхитить Его и сдѣлать царемъ, нашедши Его, не думаютъ ни о чемъ такомъ, но забывъ, какъ мнѣ кажется, о чудѣ, болѣе уже не удивляются ничему прежде бывшему. Они искали Его, но, конечно, потому, что хотѣли опять насладиться трапезою такъ же, какъ прежде. Перешли нѣкогда Черное море и іудеи, подъ предводительствомъ Моисея; но большое различіе между тѣмъ, что было тамъ, и что—здѣсь. Тотъ все совершалъ молясь, и какъ рабъ; а этотъ—со всею властію. Тамъ вода уступила напору вѣтра, такъ что можно было перейти по-суху; здѣсь же было большее чудо: море оставалось въ своемъ естественномъ

состояніи и такимъ образомъ посило Владыку на своемъ хребтѣ, подтверждая изреченіе, которое говоритъ: *ходяй по морю, яко по землѣ* (Іов. ix, 8). Между тѣмъ благовременно совершилъ Онъ чудо надъ хлѣбами, намѣреваясь войти въ строптивый и непокорный Капернаумъ. Онъ хотѣлъ смягчить невѣріе жителей этого города чудесами, не только бывшими въ немъ, но и совершенными внѣ его. Стеченіе въ этотъ городъ такого множества народа, выказавшаго великое усердіе, какого не могло бы смягчить и камня? Но съ ними не случилось ничего подобнаго: нѣтъ,—они желали только пищи тѣлесной, а потому Іисусъ и укоряетъ ихъ. Зная это, возлюбленные, будемъ благодарить Бога и за чувствєнныя блага, но еще гораздо болѣе—за духовныя. Этого хочетъ и Онъ, и ради этихъ-то благъ даруетъ и тѣ, привлекая и паучая ими несовершенныхъ, какъ людей еще сильно привязанныхъ къ міру. Впрочемъ, если они, получивъ эти блага, на нихъ и останавливаются, то подвергаются осужденію и наказанію. Вотъ и разслабленному Христосъ хотѣлъ дать прежде благо духовное, но присутствующіе этого не вынесли. На Его слова: *отпущаются тебѣ грѣси твои* (Матѣ. ix, 2) они сказали: *сей гулимъ*.

Да не будетъ же съ нами, убѣждаю васъ, ничего подобнаго; но блага духовныя да будутъ предметомъ нашихъ особенныхъ заботъ. Почему? Потому, что когда есть блага духовныя, не бываетъ никакого вреда отъ неимѣнія благъ тѣлесныхъ. А если нѣтъ ихъ, то какая намъ останется надежда, какое утѣшеніе? Потому о нихъ всегда нужно молить Бога и ихъ просить. О нихъ молиться научилъ насъ и Христосъ. И если мы внимнемъ въ ту молитву, то не найдемъ въ ней ничего плотского, но все 248 духовное. Даже и то небольшое чувственное, о чемъ мы просимъ въ ней, становится отъ образа прошенія духовнымъ. Уже и одно наставленіе не просить ничего болѣе, какъ только хлѣба *насушеннаго*, т. е. ежедневнаго, было бы знакомъ ума духовнаго и любомудреннаго. Но смотри, что предшествуетъ этому: *да святится имя твое; да придетъ царствіе твое; да будетъ воля твоя, яко на небеси и на землѣ* (Матѣ. vi, 9, 10). Затѣмъ, сказавъ о томъ чувственномъ, Онъ тотчасъ уклонился и опять пришелъ къ ученію духовному, говоря: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѣ. vi, 12). Ничего (не сказалъ) о начальствѣ, ничего о богатствѣ, ничего о славѣ, ничего о власти, но включилъ въ молитву все, что клонится къ пользѣ души,—ничего земного, но все небесное. Итакъ, если намъ заповѣдано воздерживаться отъ вещей житейскихъ и настоящихъ, то какъ будемъ мы несчастны и жалки, когда станемъ просить у Бога того, что

Опъ заповѣдалъ намъ отвергать, если и имѣемъ, чтобы избавить насъ отъ заботъ, а чего повелѣлъ просить, о томъ не будемъ имѣть никакого попеченія, или даже не будемъ и желать того? Подлинно это значить пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаемъ успѣха. Какъ же, скажешь, богатыютъ люди злые? Какъ неправедные, преступные, хищники, лихоимцы? Не Богъ даруетъ имъ это,—нѣтъ. Но какъ же Богъ попускаетъ? Какъ попускалъ нѣкогда и богачу, соблюдая его для большаго наказанія. Вотъ послушай, что сказано ему: *чадо, восприимъ еси блага твоя, и Лазарь зла: нынѣ же сей утѣшишся, ты же страждеши* (Лук. 1, 25). Итакъ, чтобы и намъ не услышать этого голоса, намъ, которые суетно и безразсудно проводимъ жизнь въ роскоши и прилагаемъ грѣхи ко грѣхамъ, станемъ заботиться о приобрѣтеніи истиннаго богатства и совершеннаго любуудрія. Черезъ это мы получимъ обѣтованныя блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА XLIV.

Отвѣща имъ Иисусъ и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, ищите Мене, не яко видѣсте знаменія, но яко яли есте хлѣбы, и насытитесь. Дѣлайте не брашно гнѣблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный (Іоан. vi, 26, 27).

- 247 1. Снисходительность и кротость не вездѣ полезны; бывають случаи, когда учителю нужна и строгость. Такъ, когда ученикъ лѣнивъ и упрямъ, нужно употребить противъ него и наказаніе, чтобы возбудить его отъ лѣности. Такъ поступилъ и Сынъ Божій, и во многихъ другихъ случаяхъ, и въ настоящемъ. Когда народъ пришелъ и, найдя Иисуса, сталъ съ лестію говорить Ему: *Равви, когда здѣ бысть*, — то Онъ, чтобы показать, что не ищетъ чести у людей, а имѣетъ въ виду одно только — спасеніе ихъ, отвѣчалъ ему со строгостію. Онъ хотѣлъ этимъ не только исправить народъ, но и открыть и обнаружить его мысли. Что же Онъ говоритъ? *Аминь, аминь глаголю вамъ* (опредѣлительно и утвердительно), *ищите Мене, не яко видѣсте знаменія, но яко яли есте хлѣбы, и насытитесь*. Поражаетъ словомъ и обличаетъ, но не жестоко и сильно, а съ большимъ снисхожденіемъ. Не сказалъ: о, сластолюбцы и чревоугодники! Я совершилъ столько чудесъ, но вы никогда не послѣдовали за Мною, и не подвинулись совершоп-

ному; но — съ нѣкоторою кротостію и спокойствіемъ: *ищите мене, 248*
не яко видѣте знаменія, но яко яви есте глѣбы, и насытитесь, ука-
зывая не на прежнія только чудеса, но и на чудо настоящее. Онъ какъ бы такъ говорить, чѣмъ и обличаетъ ихъ: не чудо
 надъ хлѣбами поразило васъ, а то, что вы насытились. А что
 Онъ это говорилъ о нихъ не по догадкѣ, это они сами тогда же
 показали. Они, дѣйствительно, за тѣмъ снова и пришли, чтобы
 насладиться тою же пищею, а потому-то и говорили: *отцы наши*
идоша манну въ пустыни, опять привлекая Его къ пищѣ плотской,
 что и заслуживало обвиненія и величайшаго осужденія. Но Хри-
 стосъ не останавливается на обличеніи, а присоединяетъ къ
 нему и наставленіе, говоря: *дѣлайте не брашно ѣдлющее, но брашно,*
прѣбывающее въ животѣ вѣчный, еже Сына Человѣскій вамъ дастъ:
сею бо Отецъ знамена Божь. А эти слова имѣютъ такое значеніе:
 не заботьтесь нисколько объ этой пищѣ, но — о той духовной.
 Но такъ какъ нѣкоторые изъ людей, желающихъ жить праздно,
 злоупотребляютъ этими словами, какъ будто бы Христосъ отвер-
 галъ въ нихъ трудолюбіе, то теперь благовременно отвѣтитъ и
 имъ. Они порочатъ цѣлое, такъ сказать, христіанство и подвер-
 гають его осмѣянію за праздность. Но прежде надобно обратиться 249
 къ изреченію Павла. Что же онъ говоритъ? *Поминайте Господа,*
 рекшаго: *блаженныя есть паче дати, нежели пріимати* (Дѣян.
 хх, 35). Но изъ чего было бы давать тому, кто самъ ничего не
 имѣетъ? Какъ же Марѣѣ сказалъ Исусъ: *печешися и молвиши о*
мнози, едино же есть на потребу; Марія же благую часть избра
 (Лук. х, 14), — и еще: *не печитесь на утрѣй* (Матѣ. vi, 34)? Необ-
 ходимо теперь все это разрѣшить не только для того, чтобы от-
 вратить людей праздныхъ, если только захотятъ, но и для того,
 чтобы показать, что слова Божія не противорѣчатъ между собою.
 Вотъ и въ другомъ мѣстѣ апостолъ говоритъ: *молнимъ же вы из-*
быточествовати паче, и любезно прилежати, безмолствовати, и дѣлати
своя, да ходите благообразно ко отпущимъ (1 Тессал. iv, 10); и еще:
крадый къ тому да не крадетъ, но паче да труждается, дѣлая своими
руками, да имать подавать требующему (Еф. iv, 28). Здѣсь Павелъ
 заповѣдалъ даже не просто заниматься дѣломъ, но съ такимъ
 трудомъ, чтобы было изъ чего подать и другому. И въ другомъ
 мѣстѣ опять онъ же говоритъ: *требованію моему и сущимъ со мною*
послужитъ рука моя сіи (Дѣян. хх, 34). И въ посланіи къ Корин-
 еянамъ говорилъ: *какая убо ми есть мзда? Да благовѣстующій безъ мзды*
положу благовѣстіе (1 Кор. ix, 18). И когда онъ былъ въ томъ
 городѣ (въ Коринѣѣ), то находился у Акиллы и Прискиллы, и
 трудился (Дѣян. xviii, 2, 3): *бяху бо скинотворцы хитростію.* Все
 это, повидимому, находится въ большомъ противорѣчій съ ска-

занымъ, и потому необходимо представить на это разрѣшеніе.

Что же намъ отвѣтить? Что не пецись не значить не трудиться, но — не привязываться къ вещамъ житейскимъ, т. е. не заботиться о покоѣ на завтра, но считать эту заботу излишнею. Можно и трудиться и не собирать ничего на завтра, можно и трудиться и ни о чемъ не пецись. Попеченіе и трудъ не одно и то же. Иной и трудится не для того, чтобы полагаться на трудъ, но чтобы подать нуждающемуся. Равнымъ образомъ, и слова, сказанныя къ Марѣ, относятся не къ труду и занятію дѣломъ, а къ тому, что надобно знать время (для труда), и времени, опредѣленнаго для слушанія, не употреблять на дѣла плотскія. Значить, Онъ сказалъ тѣ слова не съ тѣмъ, чтобы вовлечь Марѣу въ праздность, но чтобы привлечь къ слушанію. Я пришелъ, говорить Онъ, научить васъ необходимому; а ты безпокоишься объ обѣдѣ? Ты хочешь меня принять и приготовить дорогую трапезу? Приготовь другой пиръ, предложи Мнѣ усердное слушаніе и подражай ревности сестры. И не съ тѣмъ это Онъ сказалъ, чтобы запретить гостепріимство, — нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, — но чтобы показать, что во время слушанія не должно заниматься другими дѣлами. А словами: не дѣлайте брашна гнѣющаго — не то даетъ разумѣть, будто должно жить въ праздности (это-то по преимуществу и есть брашно гнѣющее, такъ какъ всякому злу научила праздность—Сирах. xxxiii, 28), — но то, что должно трудиться и подавать. Вотъ это брашно уже не гнѣющее. Кто, живя праздно, предается чревоугодію и роскоши, тотъ дѣлаетъ брашно гнѣющее. Напротивъ, если кто трудясь питаетъ, напаяетъ и одѣваетъ Христа, то не найдется никого столько безчувственнаго и несмысленнаго, кто сказалъ бы, что такой человѣкъ дѣлаетъ брашно гнѣющее, потому что за это брашно обѣщано будущее царство и тѣ блага. Это брашно остается навсегда. Съ другой стороны, такъ какъ іудеи вовсе не заботились о вѣрѣ, не старались узнать, кто совершаетъ такіа дѣла и какою силою, а хотѣли только одного — насыщаться, ничего не дѣлая, то Христосъ справедливо назвалъ такую пищу 250 брашномъ гнѣющимъ. Я напиталъ ваши тѣла, говорить Онъ, чтобы вы отсель искали пищи другой, пребывающей, питающей душу; а вы опять бѣжите къ пищѣ земной. Значить, вы не понимаете, что Я веду васъ не къ этой несовершенной пищѣ, а къ той, сообщающей не временную жизнь, но вѣчную, питающей не тѣло, но душу. Потомъ, такъ какъ Онъ выразился о Себѣ столь возвышенно и сказалъ, что Онъ даетъ ту пищу, то, чтобы сказанное опять не показалось имъ страннымъ, Онъ подаваніе этой

пищи относитъ къ Отцу, сообщая тѣмъ достовѣрность Своимъ словамъ. Сказавъ: *сего Сынъ человѣческій дастъ вамъ*, Онъ при-
совокупилъ: *сего бо Отецъ знамена Богъ*, т. е. послалъ съ тѣмъ,
чтобы Онъ принесть вамъ эту пищу. Впрочемъ, это изреченіе
допускаетъ и другое толкованіе, потому что Христосъ говоритъ
и въ другомъ мѣстѣ: кто слушаетъ Мои слова, *сего знамена Отецъ*,
яко Богъ истинный есть (Іоан. ш, 38), т. е. показалъ очевидно.
Это же, мнѣ кажется, и здѣсь означаетъ вышеприведенное изре-
ченіе. Въ самомъ дѣлѣ, *знамена Отецъ* — значитъ не другое что,
какъ — показалъ, открылъ своимъ свидѣтельствомъ. Правда,
Христосъ и самъ Себя показалъ; но, такъ какъ говорилъ съ
іудеями, то поставилъ на видъ свидѣтельство Отца.

2. Научимся же, возлюбленные, просить у Бога того, чего
должно просить у Него. Тѣ, т. е. житейскія обстоятельства,
каковы бы ни были, не приносятъ намъ никакого вреда. Обога-
тимся ли мы, — насладимся только здѣсь удовольствіями. Впа-
демъ ли въ бѣдность, — не потерпимъ отъ того никакой бѣды.
Ни отрадныя обстоятельства этой жизни, ни печальныя не заклю-
чаютъ въ себѣ достаточной причины для печали и для удоволь-
ствія, но и тѣ и другія не стоятъ нашего вниманія, и проте-
каютъ съ большею скоростію, отчего справедливо называются и
путемъ, такъ какъ проходить и не могутъ оставаться надолго.
Между тѣмъ будущія, — и то и другое, остается на вѣки — какъ
наказаніе, такъ и царство. Итакъ, въ отношеніи къ будущему
станемъ прилагать большее стараніе, чтобы одного избѣжать, а
другого достигнуть. Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза отъ наслаж-
денія земного? Сегодня оно есть, а завтра его нѣтъ; сегодня
оно — цвѣтъ красивый, а завтра — прахъ разсыянный; сегодня —
огонь пылающій, а завтра — пепелъ остывшій. Но не таковы
блага духовныя: они всегда сіяютъ и цвѣтутъ и съ каждымъ
днемъ становятся прекраснѣе. То богатство никогда не гибнетъ,
никогда не переводится, никогда не истощается, никогда не
подвергается безпокойству, зависти или порицанію, не губить
тѣла, не растлѣваетъ души, не возбуждаетъ зависти, не навле-
каетъ ненависти, между тѣмъ какъ все это соединено съ богат-
ствомъ. Та слава не доводитъ до безумія, не рождаетъ надмен-
ности, никогда не перестаетъ и не помрачается. Покой и на-
слажденіе на небесахъ также непрерывны, всегда неизмѣнны и
безсмертны: нельзя найти для нихъ ни предѣла, ни конца. Воз-
желаемъ же, убѣждаю васъ, этой жизни. Если будемъ ея желать,
то не поставимъ ни во что блага настоящія, но станемъ прези-
рать ихъ, смѣяться надъ ними. Все, что имѣетъ конецъ, не
очень возжелѣнно. Все, что прекращается, что сегодня есть и

чего завтра нѣтъ, хотя бы то было что-нибудь и очень великое, — все это кажется слишкомъ малымъ и не стоящимъ вниманія. Итакъ, будемъ любить не скоротечныя, не преходящія и утѣкающія блага, но блага постоянныя и неизмѣнныя, чтобы и сподобиться ихъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLV.

Рѣша же къ Нему: что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія? Отвѣща Іисусъ имъ: се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, егоже посла Онъ. Рѣша же Ему: кое убо Ты твориши знаменіе, да видимъ и вѣру имѣмъ Тебѣ, что дѣлаеши (Іоан. vi, 28 — 30)?

- 251 1. Нѣтъ ничего хуже, ничего постыднѣе чревоугодія. Оно дѣлаетъ умъ тупымъ; оно дѣлаетъ душу плотскою; оно ослѣпляетъ и не позволяетъ видѣть. Вотъ смотри: это случилось и съ іудеями. Такъ какъ, будучи преданы чревоугодію, они всецѣло были заняты предметами житейскими и не думали ни о чемъ духовномъ, то хотя Христосъ возбуждаетъ ихъ множествомъ словъ, исполненныхъ то строгости, то снисходительности. но и при всемъ этомъ они не встаютъ, а по прежнему лежатъ долу. Посмотри, Онъ сказалъ имъ: *ищите Мене, не яко видѣсте знаменія, но яко яли есте хлѣбы и насытитесь*, — (и чрезъ это) поразилъ обличеніемъ; показалъ, какой должно искать пищи, сказавъ: *дѣлайте не брашно гнилющее*; предложилъ имъ награду въ словахъ: *но пребывающее въ животъ вѣчный*; наконецъ предупредилъ ихъ возраженіе, сказавъ, что Онъ посланъ Отцемъ. Что же они? Какъ бы не слыхавъ ничего, говорятъ: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія*? Сказали же это (какъ показываютъ послѣдующія обстоятельства) не съ тѣмъ, чтобы узнать и исполнить, но чтобы расположить Его — опять дать имъ пищу и насытить ихъ. Что же Христосъ? *Се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, егоже посла Онъ*. На это они сказали: *кое убо ты твориши знаменіе, да видимъ и вѣру имѣмъ? Отцы наши ядоша манну въ пустыни*. Ничего нѣтъ безчувственнѣе, ничего бессмысленнѣе этихъ словъ. Тогда какъ чудо было еще предъ ихъ глазами, они говорили такъ, какъ будто еще не сдѣлано ни одного чуда: *кое ты твориши знаменіе?* И, сказавъ это, не предоставляютъ Ему на произволъ выборъ чуда; но хотятъ поставить Его въ необходимость совершить не другое какое-либо чудо, а именно такое, какое было при ихъ

предкахъ. Потому-то и говорятъ: *отцы наши ядоша манну въ пустынь*, думая тѣмъ подстрекнуть Его — совершить такое чудо, которое могло бы напитать ихъ тѣлесно. Въ самомъ дѣлѣ, отчего они вспомнили не о какомъ-либо другомъ изъ прежнихъ чудесъ, хотя ихъ тогда много было совершено и въ Египтѣ, и надъ моремъ, и въ пустынѣ, — но именно о маннѣ? Не оттого ли, что сильно желали ея, будучи поработены чревоугодію? Какъ же вы, называвшіе Его пророкомъ и хотѣвшіе поставить царемъ, потому что видѣли чудо, — какъ вы теперь, какъ будто не было никакого чуда, оказываетесь неблагодарными и непризнательными, и просите чуда, какъ просили бы прихлебатели и голодные псы? Теперь ли дорога вамъ манна, когда душа ваша изнемогаетъ? И замѣть хитрость ихъ словъ. Не сказали: Моисей сотворилъ такое-то чудо, а ты какое сдѣлаешь, — чтобы не раздражить Его; но ожидая отъ Него пищи, все еще обращаются къ Нему съ великою почитательностію. Съ другой стороны, не говорятъ и того, что Богъ сотворилъ такое-то чудо, а ты какое сдѣлаешь, — чтобы не подать мысли, будто они равняютъ Его Богу. Не упоминаютъ и о Моисѣѣ, чтобы не подать мысли, будто унижаютъ Его. Но избираютъ средину, говоря: *отцы наша ядоша манну въ пустынь*. Христосъ могъ, конечно, сказать: я совершилъ чудеса большія, 252 чѣмъ Моисей, и не нуждался въ жезлѣ, не имѣлъ надобности въ молитвѣ, но все совершилъ самъ собою. Если же вы напоминаете манну, то вотъ Я далъ вамъ и хлѣбъ. Но тогда не время было говорить это, а была одна забота обратить ихъ къ пищѣ духовной. И смотри, съ какою безпредѣльною мудростію Христосъ отвѣчаетъ имъ: *не Моисей даде вамъ хлѣбъ съ небесе, но Отецъ мой даде вамъ хлѣбъ истинный съ небесе* (ст. 32). Почему же Онъ не сказалъ: не Моисей далъ, а Я; но вмѣсто Моисея указалъ на Бога и вмѣсто манны на Себя? Потому, что велика была немощь слушателей, какъ это видно изъ послѣдующаго. И тогда, какъ Онъ сказалъ эти самыя слова, Онъ не остановилъ ихъ. Хотя и вначалѣ говорилъ: *ищите Мене; не яко видѣсте знаменія, но яко яли есте хлѣбы и насытитесь*, и въ послѣдующихъ словахъ исправлялъ ихъ, но, не смотря на все это, они не перестаютъ (требовать хлѣба). Когда Христосъ обѣщалъ самарянкѣ дать воду, то при этомъ не упомянулъ объ Отцѣ, а просто [такъ сказалъ: *аще бы отдала еси, кто естъ жаждоу ти: даждь ми пити, ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу*, — и опять: *вода, юже Азъ дамъ* (Іоан. iv, 10, 14), — но не отсылаетъ къ Отцу. Здѣсь же упоминаетъ объ Отцѣ, чтобы ты узналъ, какъ велика была вѣра самарянки и какъ велика немощь іудеевъ. Но вѣдь манна была не съ неба; какъ же говорится: *съ небесе*? Такъ же, какъ Писаніе го-

ворить: *птицы небесная*, и опять: *и возрешь съ небесе Господь* (Пс. viii, 9; xvi, 14). Хлѣбомъ же истиннымъ называетъ тотъ хлѣбъ не потому, чтобы чудо надъ манною было ложно, а потому что она была образомъ, а не самою истиною. А упомянувъ о Моисеѣ, не противопоставилъ Себя ему, потому что іудеи еще не предпочитали Его Моисею, а напротивъ о Моисеѣ имѣли высшее понятіе, чѣмъ о Немъ. Поэтому, сказавъ: *не Моисей даде*, Онъ не присовокупилъ: *Я даю*, но вмѣсто того сказалъ: *Отецъ дастъ*. Услыхавъ это, они опять говорятъ: *дай намъ ѣсть хлѣбъ этотъ*, — потому что все еще думали, что это нѣчто чувственное, все еще ожидали насыщенія своего чрева, а оттого и стеклись такъ скоро. Что же Христось? Мало-по-малу возвышая ихъ мысль, продолжаетъ: *хлѣбъ Божій есть сходный съ небесе, и даѣй животъ міру* (ст. 34), — не іудеямъ только, но и всей вселенной. Потому-то и не сказалъ просто — пищу, но — жизнь, какую-то другую и отиѣнную, чтобы показать, что всѣ были мертвы. Но они все еще понижаютъ долу и говорятъ: *даждь намъ хлѣбъ сей* (ст. 34). Обличая ихъ за то, что они, пока предполагали трапезу чувственную, до толѣ стекались къ Нему, а какъ скоро узнали, что это нѣкая духовная трапеза, то уже не приступаютъ къ Нему, Христось говоритъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный: ядый по Мнѣ, не имать взысканія, и отруи отъ Мѣ, не имать изжаждатися нигдеже. Но рече вамъ, яко и видѣсте Мѣ, и не отруете Мнѣ* (ст. 35, 36).

2. Такъ еще прежде говорилъ и Іоаннъ: *еже вѣдаетъ, глаголетъ, и еже видѣ, свидѣтельствуєтъ: и свидѣтельства сію никтоже пріимлетъ* (Іоан. iii, 32). Равнымъ образомъ, и Христось: *еже слышитъ, глаголетъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуємъ: и свидѣтельства нашею не пріимете* (ст. 11). Дѣлаєтъ же это, предупреждая ихъ и показывая, что ихъ невѣріе не смущаетъ Его, что Онъ не ищетъ славы и знаетъ сокровенныя ихъ мысли, какъ настоящія, такъ и будущія. *Азъ есмь хлѣбъ животный*. Намѣревается уже приступить къ ученію о таинствѣ, и сначала бесѣдуетъ о Своемъ божествѣ, говоря: *Азъ есмь хлѣбъ животный*, — потому что это сказано не о тѣлѣ. О тѣлѣ говоритъ подъ конецъ: *и хлѣбъ, елиже Азъ даю, плоть Моя есть* (ст. 51), — а теперь говоритъ о божествѣ. Плоть (Христова) ради Бога Слова есть хлѣбъ; равно какъ и этотъ хлѣбъ ради наитія на него Духа бываетъ хлѣбомъ небеснымъ. Здѣсь Христось не приводитъ свидѣтелей, какъ въ прежней бесѣдѣ, потому что имѣетъ свидѣтельство въ чудѣ надъ хлѣбами, да и іудеи все еще показывали видѣ, что вѣрятъ Ему, между тѣмъ какъ тамъ противорѣчили Ему и порицали Его. Вотъ почему Онъ здѣсь и говоритъ прямо. Между тѣмъ іудеи, надѣясь насладиться пищею тѣлесною, остаются и не смущаются, пока

впослѣдствіи не потеряли всякой надежды. Но Христосъ, не смотря и на это, не замолчалъ, а напротивъ, сказалъ многое въ ихъ вразумленіе и обличеніе. Они же, называвшіе Его пророкомъ въ то время, какъ ѣли, теперь соблазняются и называютъ Его сыномъ тѣктона. А тогда не соблазнялись, когда ѣли хлѣбъ, но говорили: *сей есть пророкъ*, и хотѣли сдѣлать Его царемъ. Повидимому, они досадовали на то, что Онъ сказалъ: *съ небесе снѣдохъ*; но настоящею причиною ихъ негодованія было не это, а то, что они потеряли всякую надежду насладиться тѣлесною трапезою. Если бы они дѣйствительно негодовали (на тѣ слова), то имъ слѣдовало бы спросить и узнать, какимъ образомъ Онъ есть хлѣбъ животный и какъ сошелъ съ неба. Между тѣмъ этого они не дѣлаютъ, а ропщутъ. И что не это ихъ соблазняло, видно изъ слѣдующаго. На Его слова: *Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ*, они не сказали: умоли Его, чтобы далъ; а что? *Дамъ вамъ хлѣбъ*. Хотя Онъ и не сказалъ: Я дамъ, но: *Отецъ Мой дастъ*, однакожъ, изъ желанія пищи, они признали, что и Онъ можетъ подать ее. Какимъ же образомъ, признавъ, что и Онъ можетъ подать пищу, они могли потомъ соблазняться, и притомъ тогда, какъ слышали, что Онъ даетъ ее? Итакъ, какая же тому причина? Они слышали, что больше не получаютъ уже пищи, и поэтому опять начали не вѣрить и въ оправданіе своего невѣрія представляютъ то, что Его слово слишкомъ высоко. Поэтому Онъ и говоритъ: *и видите Мѧ, и не струете*, указывая, съ одной стороны, на чудеса, съ другой, на свидѣтельства Писаній. *Та суть*, говоритъ, *свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. v, 39). Еще: *Азъ придохъ во имя Отца Моего, и не примете Мене* (ст. 43). Еще: *како можете въровати, славя другъ отъ друга приемлюще* (ст. 44)? *Все, еже даетъ Мнѣ Отецъ Мой, ко Мнѣ приидетъ; и грядущаю ко Мнѣ не изжесту во мѧ* (vi, 37). Смотри, какъ Онъ все дѣлаетъ для спасенія людей. Съ тою именно цѣлію Онъ и присовокупилъ это, чтобы не показалось, будто Онъ занимается предметами ненужными и говорить безъ цѣли. Что же Онъ говорить? *Все, еже даетъ Мнѣ Отецъ Мой, ко Мнѣ приидетъ и воскреситъ его въ послѣдній день* (37, ср. 89). Но почему Онъ упоминаетъ и объ общемъ воскресеніи, въ которомъ будутъ участвовать и почетивные, какъ объ особенномъ дарѣ вѣрующихъ въ Него? Потому, что и рѣчь у Него не просто о воскресеніи, но именно о такомъ воскресеніи. Сказавъ напередъ: *не изжесту его и не поубью отъ него*, Онъ потомъ уже говоритъ о воскресеніи. Въ воскресеніе дѣйствительно одни будутъ извержены, какъ можно видѣть изъ словъ: *возмите его и сверзите его во тму кромѣшнюю* (Матѳ. ххп, 18), а другіе погибнуть, какъ и это видно изъ словъ:

убойтеся паче могущаго и душу и тѣло погубити въ грѣхѣхъ (Лук. хп, 5). Такимъ же образомъ, слова: *животъ вѣчный даю* — значать тоже, что слова: *изыдутъ сотворишіе злая въ воскресеніе суда, сотворишіи же благая въ воскресеніе живота* (Іоан. v, 29). Вотъ на это-то воскресеніе, которое принадлежитъ людямъ добрымъ, Онъ и указалъ здѣсь. А что Онъ хочетъ сказать словами: *все, еже дастъ Мнѣ Отецъ, ко Мнѣ придетъ*? Въ нихъ Онъ обличаетъ невѣріе іудеевъ и показываетъ, что невѣрующій Ему преступаетъ волю Отца, только говоритъ объ этомъ не такъ прямо, но прикровенно. Такъ поступалъ Онъ и всегда, когда хотѣлъ показать, что невѣрующіе оскорбляютъ не Его только, но и Отца. Въ самомъ дѣлѣ, если въ томъ воля Отца и для того пришелъ (Христосъ), чтобы спасти весь міръ, то невѣрующіе преступаютъ волю Отца. Итакъ, когда кого-либо, говоритъ, путеводить Отецъ, то ничто не можетъ воспрепятствовать ему придти ко Мнѣ. Это Онъ говоритъ и ниже: *никтоже можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ ео* (ст. 65). А Павелъ сказалъ, что Онъ передаетъ ихъ Отцу: *егда, сказано, предастъ царство Богу и Отцу*. Итакъ, какъ Отецъ, когда даетъ, тѣмъ ничего не лишаетъ Себя, такъ и Сынъ, когда передаетъ, тѣмъ ничего не отнимаетъ отъ Себя. Говорится же о Немъ, что Онъ передаетъ, потому что *черезъ Него* мы получили доступъ (Ефес. п, 18).

3. Но это же выраженіе: *черезъ Него* — употребляется и объ Отцѣ, какъ напримѣръ въ этомъ мѣстѣ: *имже* ¹⁾ *завѣи бысте въ общеніи Сына Ею* (1 Кор. i, 9), т. е. волею Отца. И еще: *блаженъ еси, Симоне вара Іона, яко плоть и кровь не лви тебе* (Мате. хvi, 17). Здѣсь смыслъ почти такой: вѣра въ Меня — дѣло не маловажное, но для нея нужно внушеніе свыше. И это Христосъ утверждаетъ повсюду, показывая, что для этой вѣры нужна душа, истинно доблестная и привлекаемая Богомъ. Но, быть можетъ, скажетъ кто-нибудь: если все, что даетъ Отецъ, приходитъ къ Тебѣ, и (если приходятъ) тѣ, которыхъ только Онъ привлечетъ, и никто не можетъ придти къ Тебѣ, если не будетъ дано ему свыше, то кому Отецъ не даетъ, тѣ свободны отъ всякой вины и осужденія. Это — пустыя слова и одна отговорка. Безъ сомнѣнія мы имѣемъ нужду и въ собственной волѣ, потому что поучаться и вѣровать — дѣло воли. Здѣсь же словами: *еже дастъ Мнѣ Отецъ* Онъ означаетъ не другое что, какъ слѣдующее: вѣровать въ Меня — дѣло не маловажное, и для того нужны не умствованія человѣческія, но откровеніе свыше и душа, съ благодарностію принимающая откровеніе. А слова: *идушій ко Мнѣ спасенъ будетъ* —

¹⁾ Въ подлинникѣ — *черезъ Него*. 31' 05.

значать: будетъ пользоваться великимъ попеченіемъ. Затѣмъ-то, говорить, Я и пришелъ, и воспринять плоть, и принять зракъ раба. Потомъ присовокупляетъ: *сидоха, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя* (ст. 38). Что ты говоришь? Развѣ иная воля—Твоя, а иная—Его? Чтобы кто не подумалъ этого, Христосъ отклоняетъ такую мысль, говоря далѣе: *се же есть воли Пославшаго Мя, да всякъ видѣй Сына и вѣруй въ Него, имать животъ вѣчный* (ст. 40). А это развѣ не Твоя воля? Какъ же Ты говоришь въ другомъ мѣстѣ: *онъ приидоха воорещи на земли, и что хочу, аще уже возюртъся* (Лук. хп, 49)? Если же и Ты хочешь этого, то явно, что у Тебя одна воля съ Отцемъ. Да и въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живить, тако и Сынъ, какже хочетъ, живить* (Іоан. v, 21). Въ чемъ же состоитъ воля Отца? Не въ томъ ли, чтобы не погибъ ни одинъ изъ нихъ? А этого же хочешь и Ты. Значитъ не иная воля та (Отца) и не иная эта (Сына). Такъ и въ другомъ мѣстѣ и еще сильнѣе Онъ утверждаетъ Свое равенство съ Отцемъ, говоря: Я и Отецъ *приидежъ и обителъ у него сотворимъ* (Іоан. хiv, 23). Итакъ, слова Его имѣютъ такой смыслъ: Я пришелъ совершить не другое что, какъ то, чего хочетъ и Отецъ, и у Меня нѣтъ какой-либо особенной Своей воли, кромѣ воли Отца, потому что все отчее принадлежитъ Мнѣ, и все Мое принадлежитъ Отцу. Если же у Отца и Сына все общее, то Онъ справедливо говоритъ: *не да творю волю Мою*. Но здѣсь Онъ не сказалъ такъ, но соблюдать это къ концу. Предметы возвышенныя, какъ я сказалъ, Онъ пока скрываетъ и поставляетъ въ тѣни, чтобы показать, что, если бы Онъ сказалъ: то воля моя, то имъ пренебрегли бы; поэтому говорить: и Я содѣйствую той волѣ (т. е. Отца), чтобы тѣмъ сильнѣе поразить ихъ. Онъ говорилъ какъ бы такъ: что вы думаете? Что, не вѣруя, прогнѣваете Меня? Нѣтъ, вы раздражаете Отца Моего. *Се же есть воля Пославшаго Мя, да все, еже даде Мнѣ, не поублю отъ него* (ст. 39). Здѣсь показывается, что не нуждается въ ихъ почтеніи и пришелъ не по Своей надобности, и не для чести отъ нихъ, но для ихъ спасенія. Это же Онъ сказалъ и въ предыдущей бесѣдѣ: *славы отъ человекъ не приѣмлю* (Іоан. vi, 41), и еще: *сія глаголю, да вы спасени будете* (Іоан. v, 34). Да и при всякомъ случаѣ Онъ старается показать, что пришелъ для ихъ спасенія. Говорить же, что уготовляетъ славу Отцу, чтобы тѣмъ отклонить отъ Себя всякое подозрѣніе. А что съ этою цѣлію Онъ говорилъ такъ, это яснѣйшимъ образомъ открытъ въ слѣдующихъ словахъ: ищущій воли своей, говорить, *славы своей ищетъ: а ищай славы Пославшаго его, сей истиненъ есть, и нѣсть неправды въ немъ* (Іоан. v, 18). *Се же есть воля Отца, да всякъ видѣй*

Сина и труящъ въ Него, имать жизнь вѣчный, и воскресу ево въ послѣдній день (vi, 40). Для чего Онъ такъ часто и при всякомъ случаѣ говорить о воскресеніи? Чтобы не думали, будто промыслъ Божій ограничивается только настоящими вещами, и потому не выпадали бы въ уныніе, если здѣсь не наслаждаются благами, но надѣялись на блага будущія, и не презирали бы его, если не терпятъ наказанія въ настоящей жизни, но ожидали жизни будущей.

4. Но если отъ частаго собесѣдованія о воскресеніи ничего не приобрѣли они (іудеи), то постараемся приобрѣсть мы. Захотимъ ли мы неправедно обогатиться или похитить что-нибудь, или сдѣлать другой какой безчестный поступокъ,—тотчасъ приведемъ себѣ на мысль тотъ день, вообразимъ то судилище,—и эта мысль сильнѣе всякой уады сдержитъ дурное наше стремленіе. Будемъ постоянно говорить и себѣ и другимъ: есть воскресеніе и насъ ожидаетъ страшное судилище. Если кого-либо увидимъ тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажемъ ему тоже самое, и объявимъ, что все это останется здѣсь. Если опять увидимъ другого удрученнымъ скорбями и унывающимъ, выскажемъ и ему то же самое, указывая на то, что скорбямъ будетъ конецъ. Если также увидимъ кого-либо преданнымъ безпечности и лѣности, представимъ ему опять тоже, выставляя на видъ, что нужно будетъ отдать отчетъ въ безпечности. Эта рѣчь лучше всякаго лѣкарства можетъ уврачевать душу. И подлинно, есть воскресеніе, и воскресеніе у дверей, не далеко, но близко. *Еще мало, говорить Павелъ, грѣшныи придетъ и не укоситъ* (Евр. x, 87), и въ другомъ мѣстѣ: *есть намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. v, 10), т. е. и злымъ и добрымъ,—тѣмъ, чтобы предъ всѣми потерпѣть безславіе,—этимъ, чтобы предъ всѣми оказаться еще болѣе славными. Какъ здѣсь судьи и злыхъ наказываютъ, и добрымъ воздаютъ честь открыто предъ всѣми, такъ точно будетъ и тамъ, чтобы для однихъ было больше стыда, а для другихъ больше славы. Будемъ же представлять себѣ это каждый день. Если будемъ имѣть это въ мысляхъ, то ничто изъ вещей настоящихъ и преходящихъ не удержитъ насъ, потому что видимое временно, а невидимое вѣчно. Будемъ же непрестанно говорить и себѣ и другимъ: есть воскресеніе, и судъ, и отчетъ въ дѣлахъ. Пусть говорятъ и всѣ тѣ, которые допускаютъ судьбу,—и они немедленно освободятся отъ этой гнилой болѣзни. Вѣдь если есть воскресеніе и судъ, то нѣтъ судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христіанъ о воскресеніи. Кого нужно учить, что есть воскресеніе, и кто не вполнѣ

убѣжденъ, что все совершется не по необходимости, и не просто и не какъ-нибудь, тотъ, очевидно, не христіанинъ. Поэтому, я прошу и умоляю: очисти́мъ себя отъ всякаго зла и сдѣлае́мъ все, чтобы получить прощеніе и оправданіе въ тотъ день. Но, быть можетъ, кто-нибудь скажетъ: да когда будетъ кончина, когда воскресеніе? Вотъ сколько уже прошло времени, — и ничего такого не случилось? Но будетъ, — повѣрьте. Вѣдь и предъ потопомъ то же говорили и смѣялись надъ Ноемъ; но пришелъ потопъ и всѣхъ этихъ невѣровавшихъ поглотилъ, и только его одного вѣровавшаго оставилъ въ живыхъ. И при Лотѣ не ожидали той, свыше ниспосланной казни, пока ниспавшіе молніи и громы не уничтожили всѣхъ. И ни тогда, ни при Ноѣ не было никакого предварительнаго указанія на то, что имѣло случиться; но бѣды пришли неожиданно въ то время, какъ всѣ пировали, пили и упивались. Такъ настанетъ и воскресеніе, не съ предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучія. Потому Павелъ и говоритъ: *егда же рекунтъ: миръ и утверждение, тогда внезапно найдеть на нихъ погибель, якоже болязнь во чресть и мущей, и не имуть избѣжати* (1 Сол. v, 8). Такъ устроилъ это Богъ для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались безопасности среди самой безопасности.

Что ты говоришь? Не ожидаешь воскресенія и суда? Это исповѣдуютъ и демоны, — а ты не исповѣдуешь? *Пришелъ еси стлмо, горять они, прежде времени мучити насъ* (Матѣ. viii, 29). Если же говорятъ, что будетъ мученіе, то знаютъ, конечно, будетъ и судъ, и отчетъ, и наказаніе. Не будемъ же прогнѣвлять Бога, сверхъ худыхъ дѣлъ, еще и невѣріемъ слову о воскресеніи. Какъ во всемъ прочемъ Христосъ былъ начаткомъ для насъ, такъ и въ этомъ. Потому Онъ называется и перворожденнымъ изъ мертвыхъ. А если бы не было воскресенія, то какъ бы Онъ могъ быть перворожденнымъ, когда никто изъ мертвыхъ не послѣдуетъ за Нимъ? Если бы не было воскресенія, то какъ бы могла сохраниться правда Божія, когда столько злыхъ людей благоденствуютъ, и столько добрыхъ страдаютъ и въ страданіи оканчиваютъ жизнь? Гдѣ всѣ эти люди получаютъ по своимъ достоинствамъ, если нѣтъ воскресенія? Никто изъ живущихъ праведно не сомнѣвается въ воскресеніи; но каждый день молится, произнося это святое изреченіе: *да прїидетъ царство твое* (Матѣ. vi, 10). Кто же не вѣруетъ въ воскресеніе? Люди, идущіе оскверненными путями и проводящіе нечистую жизнь, какъ говоритъ пророкъ: *оскверняются пути ея на всякое время: отъземлются судьбы твоя отъ лица ея* (Пс. ix, 26). Подлинно, невозможно человеку

257

258

кто не знаетъ за собою ничего худого, тѣ и говорятъ, и желаютъ, и вѣрують, что получаютъ возданіе. Не будемъ же прогнѣвлять Бога, но послушаемъ Христа, Который говоритъ: *убойтесь могущаго и душу и тѣло погубити въ вѣснѣ* (Матѣ. х, 28). Боязнь эта содѣлаетъ насъ лучшими, и такимъ образомъ, мы, избавившись отъ этой погибели, удостоимся царства небеснаго, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, съ поклоняемымъ, всесвятымъ и животворящимъ Его Духомъ, слава нынѣ и присно, и въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVI.

Роптаху убо Іудее о Немъ, яко рече: Авъ есмь хлѣбъ, спшедый съ небесе. И глаголаху: не сей ли есть сынъ Іосифовъ, его же мы знаемъ отца и мать? Како убо глаголетъ сей, яко съ небесе снідохъ (Іоан. vi, 41, 42)?

257 *Имже Богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ.*—говорилъ о нѣкоторыхъ людяхъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ (Фил. ш, 19). Что таковы же были и Іудеи, видно и изъ предъидущихъ обстоятельствъ, видно и изъ того, что они говорили, пришедши ко Христу. Когда Онъ далъ имъ хлѣбъ и насытилъ ихъ чрево, они и пророкомъ называли Его, и царемъ хотѣли поставить; а когда преподавалъ имъ ученіе о пищѣ духовной, о жизни вѣчной, когда бесѣдовалъ о воскресеніи и возвышалъ ихъ мысль, и когда въ особенности слѣдовало бы дивиться Ему,—тогда они ропсуютъ и отступаютъ отъ Него. Между тѣмъ, если Онъ пророкъ, какъ они прежде говорили,—а Онъ и дѣйствительно есть тотъ, о которомъ сказалъ Моисей: *пророка отъ братіи вашей возставитъ вамъ Господь Богъ, якоже мене, того послушайте* (Втор. хviii, 15; св. Дѣян. ш, 22),—то имъ надлежало слушать Его, когда Онъ говорилъ: *съ небесе снідохъ*; но они не слушали, а роптали. Они еще уважали Его за недавнее чудо надъ хлѣбами, и потому явно не противорѣчили, но ропотомъ выражали свою досаду на то, что Онъ не далъ имъ трапезы, какой они хотѣли, и среди ропота говорили: *не сей ли есть сынъ Іосифовъ?* Изъ этихъ словъ видно, что они еще не знали даже объ его чудномъ и необыкновенномъ рожденіи, отчего и называютъ Его сыномъ Іосифа. И Христосъ не упрекаетъ ихъ и не говоритъ: Я не сынъ Іосифа—не потому, чтобы Онъ былъ сынъ Іосифа, но потому, что они еще не могли услышать о томъ чудномъ рожденіи. Если же они не могли ясно услышать о Его рожденіи плотскомъ, то не могли тѣмъ

болѣе — о неизреченномъ, горнемъ. Если Онъ не открылъ имъ уничиженнаго, то тѣмъ болѣе не могъ бы говорить имъ о тѣхъ вещахъ. И хотя ихъ много соблазняло Его происхожденіе отъ простого и незнатнаго отца, однакожъ Онъ не открылъ (истины), чтобы отстраняя одинъ соблазнъ, не произвестъ другого. Что же Онъ отвѣчаетъ на ихъ ропотъ? *Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* (ст. 44). На это нападаютъ манихеи и говорятъ, будто ничто не зависитъ отъ насъ. Между тѣмъ эти-то слова особенно и доказываютъ, что мы властны въ своемъ произволеніи. Но какая, говорятъ, надобность привлекать, если кто самъ приходитъ къ Нему? Опять и это не уничтожаетъ нашего произволенія, а напротивъ показываетъ, что мы нуждаемся въ помощи. Здѣсь (Христосъ) говоритъ не о всякомъ приходящемъ, но о томъ, кто пользуется великимъ содѣйствіемъ (отъ Бога). Далѣе показываетъ и способъ, которымъ Отецъ привлекаетъ. А чтобы іудеи опять не подумали о Богѣ чего-либо чувственнаго, Онъ присовокупилъ: *не яко Отца видѣтъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣтъ Отца* (ст. 45). Какъ же, спросишь, привлекаетъ? Это давно показалъ пророкъ, предвозвѣщая и говоря: *будутъ вси научени Богомъ* (ст. 45). Видишь ли достоинство вѣры? Видишь ли, какъ, по предсказанію пророка, люди имѣютъ быть научены *ни отъ челоука, ни челоукомъ* (Галат. і, 1), но самимъ Богомъ? Потому-то, чтобы придать достовѣрность Своимъ словамъ, Онъ и отослалъ іудеевъ къ пророкамъ. Но если сказано, что всѣ будутъ научены Богомъ, то отчего, спросишь, нѣкоторые не вѣрують? Оттого, что тѣ слова сказаны о большей части людей, или еще — пророчество указываетъ не вообще на всѣхъ, но на всѣхъ желающихъ. Учитель стоитъ предъ всѣми, и всѣмъ готовъ преподавать и сообщить свое ученіе. *И Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (ст. 39). Не малое здѣсь означается достоинство Сына: если Отецъ привлекаетъ, то Онъ воскрешаетъ. Но этимъ Онъ не отдѣляетъ Своихъ дѣлъ отъ Отца (какъ это возможно?), а только показываетъ равенство могущества. Почему, какъ въ томъ мѣстѣ, сказавъ: *и пославый Мя Отецъ свидѣтельствова о Мнѣ* (Іоан. v, 37), вслѣдъ затѣмъ Онъ отослалъ іудеевъ къ Писанію, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не сталъ понапрасну много трудиться надъ объясненіемъ Его словъ, такъ и здѣсь, чтобы не стали по прежнему подозрѣвать Его, отсылаетъ ихъ къ пророкамъ, которыхъ весьма часто и приводитъ, чтобы показать, что Онъ не противникъ Отца. Что же, скажешь, жившіе до того времени развѣ не были научаемы Богомъ? Что же здѣсь особеннаго? То, что тогда люди научались божественнымъ истинамъ при посредствѣ людей, а теперь научаются чрезъ единокров-

наго Сына Божія и Духа Святаго. Далѣ Христось присовокупляетъ: *не яко Отца видѣлъ естъ кто, токмо сый отъ Бога*, разумѣя здѣсь эти слова (сый отъ Бога) не о причинѣ бытія, но о свойствѣ существа. Если бы Онъ разумѣлъ ту мысль, то въ чемъ бы тогда состояло преимущество Сына и Его отличіе отъ насъ? И мы вѣдь всѣ отъ Бога. Для чего же, скажешь, Онъ не выразилъ этого яснѣе? Ради немощи іудеевъ. Если они такъ соблазнились и словами: *съ небесе снисхождаетъ*, то что было бы съ ними, если бы Онъ присовокупилъ и это? А хлѣбомъ животнымъ называетъ Себя потому, что отъ Него зависитъ наша жизнь и настоящая и будущая. Оттого и присовокупилъ: *аще кто съестъ отъ хлѣба сего, живѣе будетъ во вѣки* (ст. 51), разумѣя здѣсь подъ хлѣбомъ или спасительныя догматы и вѣру въ Него, или Свое тѣло, потому что и то и другое укрѣпляетъ душу. Хотя въ другомъ случаѣ при Его словахъ: *аще кто слово Мое соблюдетъ, не имать вкусити смерти* (Іоан. viii, 51, 52) іудеи соблазнились, но теперь ничего такого не случилось, вѣроятно, оттого, что они еще уважали Его, ради чуда надъ хлѣбами.

2. Замѣтъ еще и то, откуда Онъ выводитъ различіе между этимъ хлѣбомъ и манною: изъ слѣдствій употребленія той и другой пищи. Показывая, что манна не принесла никакой особенной пользы, Онъ присовокупилъ: *отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и умроша* (ст. 49). Потомъ представляетъ убѣдительнѣйшее доказательство тому, что они удостоились несравненно большаго дара, чѣмъ отцы ихъ, намекая на бывшихъ при Моисеѣ тѣхъ дивныхъ мужей. Поэтому, сказавъ, что вѣшніе манну умерли, Онъ прибавилъ: *аще кто съестъ отъ хлѣба сего, живѣе будетъ во вѣки* (ст. 51). И слово: *въ пустыни* Онъ употребилъ не безъ цѣли, но чтобы дать замѣтить, что манна и продолжалась недолго и не перешла въ обѣтованную землю; а этотъ хлѣбъ не таковъ. *И хлѣбъ, еяже Азъ даю, плоть Моя естъ, юже Азъ даю за животъ міра* (ст. 51). Справедливо здѣсь можетъ кто-нибудь въ недоумѣніи спросить: благовременно ли было говорить эти слова, когда они отнюдь не послужили къ назиданію и не принесли никакой пользы, а напротивъ даже повредили тѣмъ, которые были уже наставлены? *Отъ сего*, сказано, *мнози отъ ученикъ его идеша вспять*, говоря: *жестокое слово сие, кто можетъ его послушати* (60, 66)? Вѣдь можно было это преподавать однимъ ученикамъ, съ которыми, какъ замѣтилъ Маттеей, Христось и бесѣдовалъ особо. Чтоже отвѣчать на это? То, что и въ настоящемъ случаѣ эти слова были весьма полезны и нужны. Такъ какъ іудеи настоятельно просили у Него пищи, но — тѣлесной, и вспоминая о пищѣ, какая была приспосылается ихъ предкамъ, считали манну

тѣмъ-то великимъ, то Онъ и упоминаетъ о пищѣ духовной, желая показать, что все то было образомъ и тѣнью, а эта пища есть самая истина *вещей* (Евр. x, 1). Но надлежало, говорить, сказать: отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ, а Я далъ вамъ хлѣбъ. Но въ этомъ большое различіе. Это чудо (надъ хлѣбами) казалось даже меньшимъ того (дарованія манны), потому что манна была ниспосылаема съ неба, а чудо надъ хлѣбами было совершено на землѣ. Итакъ, поелику они домогались пищи, сходящей съ неба, то Онъ часто и говорилъ: *съ небесе стидохъ*. Если же кто любопытствуетъ узнать, для чего Онъ завелъ рѣчь и о тайнствахъ, то мы скажемъ ему, что было очень благовременно сказать и о нихъ. Темнота словъ всегда подстрекаетъ слушателя и дѣлаетъ его болѣе внимательнымъ. Потому іудеямъ не соблазняться слѣдовало, а напротивъ спросить и узнать. Но они удаляются. И если они считали Его пророкомъ, то должны были повѣрить Его словамъ. Такимъ образомъ причина соблазна заключалась въ ихъ неразуміи, а не въ непонятности рѣчи. Но ты смотри, какъ Онъ мало-по-малу привязывалъ къ Себѣ учениковъ. Они говорятъ: *малою живота имали, куда идемъ* (ст. 68), не смотря на то, что здѣсь Онъ представляетъ уже Себя дающимъ, а не Отца, говоря: *хлѣбъ, еяже дѣлаю, плоть Моя есть*. Но народъ не такъ, а напротивъ: *жестокое слово сіе*, говорятъ онъ, почему и уходятъ. Между тѣмъ это ученіе было не новое какое-либо и необычайное. На него прикровенно указывалъ еще прежде Іоаннъ, назвавъ Христа Агнцемъ. Но и при этомъ, скажешь, народъ не понималъ. Знаю это и я; но не понимали также и ученики. Если они еще ничего ясно не знали о воскресеніи, а потому и не понимали, что бы такое значило: *разорите церковь сію и трети дни воздвигну ю* (Іоан. ii, 19), то еще гораздо менѣе могли понять тѣ слова, потому что они темнѣе этихъ. Что воскресали пророки, это они знали, хотя Писаніе говоритъ объ этомъ и не такъ ясно; но чтобы кто-нибудь ѣлъ плоть, о томъ никогда не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ. И однакожъ ученики повѣрили Христу, слѣдовали за Нимъ и исповѣдали, что Онъ имѣетъ глаголы живота вѣчнаго. Долгъ ученика — не разбирать съ излишнимъ любопытствомъ словъ учителя, но слушать, вѣрить и ожидать надлежащаго времени для рѣшенія недоумѣній. Отчего же, скажешь, (съ нѣкоторыми) случилось противное и они обратились вспять? Причина — въ ихъ неразуміи. Какъ скоро придетъ на мысль вопросъ: *какъ?* — вмѣстѣ съ тѣмъ является и певѣріе. Оттого смущался и Никодимъ, говоря: *како можетъ человекъ внити въ утробу матери своея* (Іоан. iii, 4)? Оттого смущаются и они, говоря: *како можетъ сеи*

намъ дати плоть свою ясти (ст. 32)? Если ты теперь спрашиваешь: какъ? — то отчего не говорилъ того же о хлѣбахъ? Какъ изъ пяти Господь сдѣлалъ такое множество? Очевидно, они тогда думали только о томъ, какъ бы насытиться, а не о томъ, чтобы уразумѣть чудо. Но тогда, скажешь, самый опытъ научалъ ихъ. Если такъ, то по тому же самому опыту имъ слѣдовало безъ труда принять и это ученіе. Для того-то Христосъ напередъ и совершилъ то чудо, чтобы они, наученные имъ, вѣровали уже и тому, что Онъ послѣ говорилъ. Итакъ, іудеи въ то время не получили никакой пользы отъ сказаннаго; а мы уже на самомъ дѣлѣ пользуемся этимъ благодѣяніемъ. Поэтому и нужно знать чудо этихъ таинствъ — въ чемъ оно состоитъ, для чего дано и какая отъ него польза. *Единое тѣло*, сказано, мы бываемъ *и ѹди отъ плоти Ею и отъ костей Ею* (Еф. iv, 4). Да внимаютъ этимъ словамъ посвященные!

3. Итакъ, чтобы не любовію только, но и самымъ дѣломъ быть намъ членами плоти Христовой, будемъ причащаться ¹⁾ этой плоти. А это бываетъ чрезъ пищу, которую Христосъ даровалъ, чтобы выразить Свою великую любовь къ намъ. Для того Онъ смѣшалъ самого Себя съ нами и растворилъ тѣло Свое въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ головою. И это знакъ самой сильной любви. На это указывалъ и Іовъ, когда говорилъ о своихъ домочадцахъ, которые такъ сильно любили его, что желали сродниться съ его плотію: *кто убо далъ бы намъ отъ плотей ею насытитися* (Іов. xxxi, 81)? Такъ говорили они, желая выразить свою великую любовь къ нему. Съ этою же цѣлію такъ поступилъ и Христосъ: чтобы ввести насъ въ большее содружество съ Собою и показать Свою любовь къ намъ, Онъ далъ желающимъ не только видѣть Его, но и осязать, и ѣсть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться съ Нимъ, и насыщать Имъ всякое желаніе. Будемъ же отходить отъ этой трапезы, какъ львы, дышащіе огнемъ, страшные для діавола, помышляя о нашей Главѣ и о той любви, 261 какою Онъ показалъ къ намъ. Часто родители отдаютъ дѣтей своихъ на вскормленіе другимъ; а Я, говорить (Спаситель), не такъ, но питаю васъ Своею плотію, самого Себя предлагаю вамъ, желая, чтобы всѣ вы были благородны, и подавая вамъ благія надежды на будущее. Кто отдалъ вамъ самого себя здѣсь, то тѣмъ болѣе (сдѣлаетъ для васъ) тамъ. Я восхотѣлъ быть вашимъ братомъ; Я ради васъ пріобщился плоти и крови; и эту

¹⁾ ἀνακαταθέμεν

плоть и кровь, чрезъ которыхъ Я сроднился съ вами, Я опять преподаю вамъ.

Эта кровь придаетъ намъ видъ цвѣтущій и царскій; рождаетъ красоту неизобразимую; не даетъ увядать благородству души, непрестанно напоая ее и питая. Наша кровь, образуемая изъ пищи, не вдругъ становится кровію, но (сначала) бываетъ чѣмъ-то другимъ; а эта кровь не такъ, но тотчасъ же напоаетъ душу и сообщаетъ ей нѣкую великую силу. Эта кровь, достойно принимаемая, отстраняетъ и далеко прогоняетъ отъ насъ демоновъ, призываетъ же къ намъ ангеловъ и Владыку ангеловъ. Демоны бѣгутъ оттуда, гдѣ видятъ Владычнюю кровь, а ангелы туда стекаются. Пролитая (на крестѣ), эта кровь омыла всю вселенную. Много объ этой крови любомудрствовалъ и блаженный Павелъ въ посланіи къ Евреямъ. Эта кровь очистила чѣсто недоступное и святое святыхъ. Если же ея образъ имѣлъ такую силу и въ храмѣ еврейскомъ, и въ Египтѣ, когда кровію были помазаны дверные косяки, то гораздо болѣе — сама истина. Эта кровь освятила золотой жертвенникъ. Безъ нея архіерей не дерзалъ входить въ мѣсто недоступное. Эта кровь поставляла во священника. Она въ образахъ омывала грѣхи. Если же въ образахъ она имѣла такую силу; если смерть такъ страшилась тѣни, — то можетъ ли, скажи мнѣ, не убоиться самой истины? Эта кровь — спасеніе душъ нашихъ. Ею душа омывается; ею украшается; ею воспламеняется. Она дѣлаетъ нашъ умъ свѣтлѣе огня. Она дѣлаетъ нашу душу чище золота. Эта кровь излилась, — и содѣлала небо для насъ доступнымъ.

4. Страшны поистинѣ таинства Церкви, страшенъ поистинѣ жертвенникъ. Изъ рая выходилъ источникъ, изливавшій чувственныхъ рѣки; отъ этой же трапезы происходитъ источникъ, изводящій рѣки духовныя. При этомъ источникѣ насаждены не ивы безплодныя, но деревья, достигающія до самаго неба и приносящія плодъ всегда спѣлый и никогда неувядающій. Если кто томится отъ зноя, — пусть идетъ къ этому источнику и прохладитъ свой жаръ, потому что этотъ источникъ уничтожаетъ засуху и освѣжаетъ все попаленное, — попаленное не солнцемъ, а раскаленными стрѣлами (дѣвола). Его начало — свѣше, и истокъ его тамъ же, и оттуда онъ напаяется. У этого источника много потоковъ, которые изводитъ Утѣшитель, а посредникомъ при этомъ бываетъ Сынъ, не заступомъ пролагая имъ дорогу, но отверзая въ насъ расположеніе. Этотъ источникъ есть источникъ свѣта, изливающій лучи истины. Къ нему стекаются и горнія силы, чтобы созерцать красоту его потоковъ, потому что они яснѣе видятъ и силу подлежащихъ даровъ и неприступное ихъ

сіяніе. Если бы возможно было, чтобы кто-нибудь вложилъ свою руку или языкъ въ расплавленное золото, — они тотчасъ озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее дѣйствіе производятъ и здѣсь на душу подлежащія тайны. Сильнѣе огня кипитъ и стремится эта рѣка, но не сожигаетъ, а только очищаетъ все, чего касается. Эта кровь древле была прообразована на жертвенникахъ, въ закланіяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Она есть цѣна вселенной; ею Христосъ купилъ Церковь; ею Онъ всю ее украсилъ. Какъ тотъ, кто покупаетъ слугъ, даетъ за нихъ золото и потомъ, желая ихъ украсить, украшаетъ золотомъ, такъ и Христосъ и купилъ насъ кровію, и украсилъ кровію. Пріобщающіеся этой крови стоятъ вмѣстѣ съ ангелами, архангелами и горними силами, облеченные въ царскую одежду Христову и имѣя духовное оружіе. Но этимъ я еще не сказалъ ничего великаго: они бывають облечены въ самого Царя. Но насколько велико и чудно это таинство, настолько же вѣрно и то, что если приступишь къ нему съ чистотою, приступишь во спасеніе, если же съ совѣстію лукавою — въ наказаніе и мученіе. *Ядый бо, сказано, и пійя Господа недостойно, судъ себѣ ястъ и пїетъ* (1 Кор. xi, 29). Если и оскверняюще царскую порфиру наказываются одинаково съ раздирающими ее, то что удивительнаго, если пріемлющіе тѣло съ нечистою мыслию подвергнутся такому же наказанію, какъ и тѣ, которые истерзали его гвоздями? Смотри, на какое страшное наказаніе указываетъ Павелъ въ словахъ: *отвергся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтеляхъ умираетъ. Колико мните юршія сподобится муки, иже Сына Божія поправый и кровь запитную скверну возмывъ, еуже освятися* (Евр. x, 28, 29)? Будемъ же, волюбленные, внимательны къ самимъ себѣ, наслаждаясь такими благами. И если родится въ насъ желаніе сказать что-нибудь срамное, или замѣтимъ, что нами овладѣваетъ гнѣвъ или другая какая страсть, — подумаемъ, чего мы удостоены, какого получили Духа. Такая мысль обуздаетъ наши безумныя страсти. Да и доколѣ мы будемъ привязаны къ настоящему? Доколѣ не возстанемъ? Доколѣ будемъ нерадѣть о своемъ спасеніи? Помыслимъ, чего насъ удостоилъ Богъ, возблагодаримъ, прославимъ Его — не вѣрою только, но и самыми дѣлами, чтобы сподобиться и будущихъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVII.

Рече же имъ Иисусъ аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый же Мою плоть и пїай Мою кровь, имать животъ въ себѣ (Іоан. vi, 35, 54).

1. Когда бесѣдуемъ о предметахъ духовныхъ, ничто житей-²⁶¹
ское да не будетъ въ душахъ нашихъ, ничто земное; но все это ²⁶²
да будетъ удалено, все да будетъ устранено, чтобы мы могли
всецѣло предаться одному слушанію божественныхъ словъ. Если ²⁶³
при входѣ царя въ городъ затихаетъ весь шумъ, то гораздо
болѣе въ то время, какъ Духъ бесѣдуетъ съ нами, мы должны
вникать съ глубокимъ безмолвіемъ и съ великимъ страхомъ. А
что сегодня читано, то, дѣйствительно, достойно страха. Что же
именно, — послушай. Истинно говорю вамъ, говоритъ Христосъ,
если кто не будетъ ѣсть плоти Моей и пить крови Моей, тотъ
не будетъ имѣть жизни въ себѣ. Такъ какъ іудеи предъ тѣмъ
говорили, что это невозможно, то Онъ показываетъ, что не
только не невозможно, но и весьма необходимо. Поэтому и при-
бавляетъ: *ядый Мою плоть и пїай Мою кровь, имать животъ вечный,*
и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Слова Его: если кто ѣсть отъ
хлѣба сего, не умреть во вѣки, легко могли показаться имъ
странными, какъ и тогда, когда они говорили: Авраамъ умеръ,
и пророки умерли, какъ же Ты говоришь: не вкусить смерти
(Іоан. viii, 52)? Поэтому Онъ, чтобы разрѣшить такое недоумѣніе
и показать, что дѣйствительно не умреть навсегда, упомянулъ
о воскресеніи. Часто же говорить о таинствѣ (причащенія), чтобы
показать, какъ оно необходимо и что оно непремѣнно должно
быть. *Плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть*
вино (ст. 55). Что значать эти слова? Ими Онъ хочетъ или ска-
зать то, что плоть Его есть истинное брашно, спасающее душу,
или же увѣрить ихъ въ сказанномъ, такъ чтобы они не считали
словъ Его загадкою и притчею, но знали, что непремѣнно должно
вкусать Его тѣло. Далѣе говорить: *ядый Мою плоть, во Мнѣ пре-*
бываетъ (ст. 56); этимъ показываетъ, что такой человѣкъ соеди-
няется съ Нимъ. Слѣдующія же слова, если не вникнуть въ ихъ
смыслъ, представляются какъ будто не имѣющими связи съ
предыдущими. Какая въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, послѣдова-
тельность — сначала сказать: *ядый Мою плоть, во Мнѣ пребываетъ,*
и затѣмъ продолжать: *якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу*
Отца ради (ст. 57)? Однакожъ между этими словами есть большое
соотвѣтствіе. Такъ какъ (Христосъ) много разъ говорилъ о

жизни вѣчной, то, въ подтвержденіе того же, и присовокупилъ: *во Мнѣ пребываетъ*. Если же во Мнѣ пребываетъ, а Я живу, то явно, что и онъ будетъ жить. Потомъ говорить: *якоже посла Мѧ живой Отецъ*. Это — сравненіе и уподобленіе. Онъ какъ бы такъ сказалъ: Я живу такъ, какъ Отецъ. А чтобы ты не счелъ Его нерожденнымъ, Онъ тотчасъ прибавилъ: *Отца ради*; но этимъ показывается не то, будто Онъ для Своей жизни имѣетъ нужду въ какомъ-либо содѣйствіи. Еще прежде Онъ опровергъ эту мысль, сказавъ: *якоже Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сыноу животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. v, 26). Если же (допустить, что) Онъ пуждается въ содѣйствіи, то будетъ слѣдовать, что Отецъ не далъ такъ (т. е. Сыну имѣть животъ въ себѣ), и значить, тѣ слова — ложны; а если далъ, то Сынъ уже не имѣетъ нужды ни въ какомъ постороннемъ содѣйствіи. Что же значить: *Отца ради*? Здѣсь Христосъ указываетъ только причину, говоря какъ бы такъ: какъ живетъ Отецъ, такъ и Я живу. И *люди Мѧ, и той жизнь будетъ Мене ради* (ст. 57). Жизнь здѣсь разумѣть не обыкновенную, но прославленную. А что Онъ говоритъ о жизни не обыкновенной, но о той славной и неизреченной, это видно изъ того, что всѣ — и невѣрующіе и непосвященные — тоже живутъ, хотя и не вкушаютъ той плоти. Видишь, что рѣчь идетъ не объ этой жизни, но о той. Онъ какъ бы такъ говорить: ядущій Мою плоть не погибнетъ по смерти и не подвергнется наказанію. И не объ общемъ также воскресеніи говорить, такъ какъ всѣ одинаково воскреснутъ, но о воскресеніи особенномъ, славномъ, соединенномъ съ наградою. Сей есть хлѣбъ, сшедшій съ небесе: не

261 *якоже ядоша отцы ваши манну, и умроша: люди хлѣбъ сей, жизнь будетъ во вѣки* (ст. 58). Непрестанно повторяетъ одно и тоже для того, чтобы напечатлѣть это въ душѣ слушателей (такъ какъ ученіе объ этомъ было почти послѣднее), и чтобы утвердить вѣру въ догматъ о воскресеніи и жизни вѣчной. Итакъ, (Христосъ) говоритъ и о воскресеніи частію потому, что сказалъ о жизни вѣчной, а частію и для того, чтобы показать, что эта жизнь не теперь, но будетъ по воскресеніи. Откуда же, скажешь, это видно? Изъ Писанія. Къ нему при всякомъ случаѣ отсылаетъ Онъ іудеевъ, повелѣвая изъ него удостовѣряться въ томъ. А словами: *данъ животъ міру* (ст. 33) Онъ возбуждаетъ въ нихъ соревнованіе, чтобы, такимъ образомъ, они не лишали себя этого дара по крайней мѣрѣ изъ ревности, что другіе наслаждаются имъ. О маннѣ же часто упоминаетъ для того, чтобы и различіе показать между ею и небеснымъ хлѣбомъ, и привести ихъ къ вѣрѣ. Если для Него возможно было безъ жатвы, безъ хлѣба и другихъ снадобій сохранить, въ продолженіе сорока лѣтъ, жизнь

ихъ предковъ, то тѣмъ болѣе это возможно будетъ теперь, когда Онъ пришелъ совершить большія дѣла. Съ другой стороны, если то были нѣкоторые образы, и однакожь тогда собирали пищу безъ пота и трудовъ, то тѣмъ болѣе это будетъ теперь, когда во всемъ большее различіе, когда смерти уже нѣтъ и мы пользуемся истинною жизнію.

Хорошо и то, что Христосъ часто упоминаетъ о жизни, потому что жизнь вождельна для людей и ничто такъ не пріятно, какъ не умирать. И въ ветхомъ завѣтѣ было обѣщаніе долговѣчності и многолѣтія, но теперь обѣщается не просто долговѣчность, но жизнь, конца не имѣющая. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ хочетъ показать, что Онъ отмѣняетъ наказаніе, бывшее слѣдствіемъ грѣха, уничтожаетъ тотъ смертный приговоръ и, вопреки прежнему опредѣленію, вводитъ не просто жизнь, но жизнь вѣчную. *Сіа рече на сонмищи, уча въ Капернаумѣ* (ст. 59), гдѣ Онъ совершилъ много чудесъ, и гдѣ поэтому Его должны были слушать съ особеннымъ вниманіемъ.

2. Но для чего Онъ училъ въ синагогѣ и въ храмѣ? Какъ для того, чтобы уловить собиравшійся въ нихъ народъ, такъ и для того, чтобы показать, что Онъ дѣйствуетъ не противно Отцу. *Мнози же слышавше отъ ученикъ Его, рѣша: жестоко есть слово сіе* (ст. 60). Что значить: *жестоко есть*? Значить: сурово, трудно, тяжело. Но вѣдь Онъ ничего такого не говорилъ, потому что и бесѣдоваль не о жизни и дѣятельности, но о догматахъ, часто упоминая о вѣрѣ въ Него. Такъ что же, то ли значить: *жестоко есть слово*, что Онъ обѣщаетъ жизнь и воскресеніе? То ли, что онъ сказалъ: *съ небесе спидохъ*? Или то, что нельзя спастись не ядущему Его плоти? Это ли, скажи мнѣ, жестоко? Но кто станетъ утверждать это? Итакъ, что значить: *жестоко*? Значить: неудобопріемлемо, превышаетъ ихъ немошь, наводитъ великій страхъ. Они думали, что Онъ говоритъ нѣчто такое, что выше Его достоинства и далеко превосходитъ Его силы; почему и говорили: *кто можетъ Его послушати*, желая, можетъ быть, тѣмъ оправдать себя, потому что намѣрены были отстать отъ Него. *Видѣи же Іисусъ въ Себѣ, яко ропщутъ о семъ ученици Его* (а такое вѣдѣніе тайныхъ помысловъ есть доказательство Его божества), говорить: *сіе ли вы блазнили* (ст. 61)? *Аще убо узрите Сына Человѣческаго восходяща, идиже бы прежде* (ст. 62). Такъ же Онъ поступилъ и съ Наананіомъ, сказавъ: *заче рече ты, видѣхъ ты подѣ سموковницею, втруши: болия сикъ узриши* (Іоан. 1, 50), — и съ Никодимомъ: *никтоже взиде на небо, токмо Сынъ Человѣскій, сый на небеси* (Іоан. 3, 13). Что же? Къ недоумѣніямъ Онъ присовокупляетъ новыя недоумѣнія? Отнюдь нѣтъ; напротивъ, величіемъ и

множествомъ догматовъ хочетъ удержать ихъ при Себѣ. Сказавъ просто: *съ небесе снидохъ*, и не присовокупивъ ничего больше, Онъ тѣмъ скорѣе соблазнилъ бы ихъ; но сказавъ: *тѣло мое — жизнь міра*, также: *якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради*, и еще: *съ небесе снидохъ*, Онъ тѣмъ разрѣшаетъ ихъ недоумѣніе. Кто говоритъ о себѣ одно великое, того, конечно, еще можно подозревать во лжи, но кто, вслѣдъ затѣмъ, высказываетъ столь многое, тотъ уничтожаетъ всякое подозрѣніе. Все же Онъ и дѣлаетъ и говоритъ для того, чтобы удалить ихъ отъ мысли, что отецъ Его Іосифъ. Значить, Онъ говорилъ такъ не для усиленія соблазна, а напротивъ для его уничтоженія. Кто считалъ бы Его сыномъ Іосифа, тотъ не принималъ бы Его словъ; а кто убѣдился, что Онъ сошелъ съ неба и опять взойдетъ туда, тотъ удобнѣе могъ внимать Его словамъ. Послѣ того Христосъ присовокупляетъ и другое рѣшеніе ихъ недоумѣнія, говоря: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуется ничтоже* (ст. 63). Это значитъ: что говорится обо Мнѣ, тому должно внимать духовно; а кто внимаетъ чувственно (*σαρκικῶς*), тотъ ничего не пріобрѣтаетъ и не получаетъ никакой пользы. Сомнѣваться же въ томъ, какъ Онъ сошелъ съ неба, и думать, что Онъ — сынъ Іосифа, и спрашивать: *како можетъ намъ дати плоть свою ясти?* — было дѣломъ плотского слушанія, между тѣмъ какъ все это слѣдовало понимать таинственно и духовно. Но откуда, скажешь, они могли понять, что такое значить *ѣсть плоть*? Потому-то имъ и слѣдовало выждать удобнаго времени и распросить, а не оставлять Его. *Глаголю, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ сущъ и животъ сущъ* (ст. 63), т. е. божественны и духовны, не заключаютъ въ себѣ ничего плотского, и не подлежатъ естественному порядку, но чужды всякой этого рода необходимости и выше законовъ, дѣйствующихъ на землѣ, и имѣютъ смыслъ другой, особенный. Такимъ образомъ, какъ здѣсь сказалъ: *духъ*, вмѣсто того, чтобы сказать: *духовныя* (глаголы), такъ и, сказавъ: *плоть*, разумѣлъ *неплотскіе* (предметы), но плотское слушаніе, намекая вмѣстѣ и на іудеевъ, которые всегда желали плотского, между тѣмъ какъ надлежало желать духовнаго, потому что кто предметы духовныя станеть понимать чувственно, тотъ не пріобрѣтеть никакой прибыли. Что же, развѣ Его плоть не есть плоть? Безъ сомнѣнія, — плоть. Какъ же Онъ сказалъ: *плоть не пользуется ничтоже*? Это Онъ сказалъ не о Своей плоти, — отнюдь нѣтъ, — но о тѣхъ, которые Его слова понимаютъ чувственно. Что же значить — понимать чувственно? Смотрѣть на предметы просто и не представлять ничего больше, — вотъ что значить понимать чувственно. Но не такъ должно судить о видимомъ, а надобно внутренними очами прозирать во всѣ его тайны. Вотъ это зна-

читать понимать духовно. Вѣдь, кто не ѣстъ Его плоти и не пьетъ Его крови, не имѣетъ жизни въ себѣ: какъ же плоть ничего не пользуется, когда безъ нея невозможно жить? Не видишь ли, что слова: *плоть не пользуется ничтоже* сказаны не о плоти Его, но о плотскомъ слушаніи? *Но суть отъ васъ нѣции, иже не вѣрують* (ст. 64). Опять, по Своему обычаю, придаетъ важность Своимъ словамъ, предрекая будущее и показывая, что Онъ говорилъ все это не потому, чтобы искалъ славы у нихъ, а потому, что заботился о ихъ благѣ. Сказавъ: *нѣции*, Онъ чрезъ то исключилъ учениковъ,—потому что вначалѣ Онъ говорилъ: *и видѣсте Мя, и не вѣруете* Мнѣ (ст. 36), а теперь: *суть отъ васъ нѣции, иже не вѣрують. Видѣши бо искони, кѣи суть невѣрующіи и кто есть предаѣй Ею. И малолаше: сего ради рхъ вамъ, яко никтоже можетъ приити ко Мнѣ, аще не будетъ ему дано свыше отъ Отца Моего* (ст. 64, 65). Здѣсь евангелистъ указываетъ намъ на добровольное, принятое Христомъ, домостроительство (спасеніе) и на Его незлобіе. И слово: *искони* здѣсь поставлено не безъ цѣли, но чтобы ты позналъ Его предвѣдѣніе и то, что Онъ еще прежде этихъ словъ, и не послѣ того, какъ Іудеи возроптали и соблазнились, а еще прежде, зная предателя,—что было доказательствомъ Его божества. Затѣмъ приевокупилъ: *аще не будетъ ему дано свыше отъ Отца Моего*, убѣждая ихъ считать Бога Отцемъ Его, а не Іосифа, и показывая, что увѣровать въ Него дѣло немаловажное. Онъ какъ бы такъ говорилъ: не тревожатъ, не смущаютъ, не удивляютъ Меня невѣрующіе. Я знаю это гораздо прежде, чѣмъ случилось. Знаю, кому дать Отецъ (увѣровать въ Меня).

3. Но когда ты слышишь: *даже*, не думай, чтобы было раздаяніе просто по жребію, а вѣруй, что получаетъ тотъ, кто оказывается достойнымъ принять. *Отъ сего мнози отъ ученикъ Ею идоша всплѣти, и къ тому не ходжаху съ Нимъ* (ст. 66). Не безъ причины евангелистъ не сказалъ: отошли, но: *идоша всплѣти*. Этими Онъ показалъ, что они, отдѣлившись (отъ Христа), прервали преуспѣяніе въ добродѣтели и потеряли ту вѣру, которую прежде имѣли. Но съ двѣнадцатію (учениками) этого не случилось. Поэтому Онъ и говорить имъ: *еда и вы хотите ити* (ст. 67)?—чѣмъ опять показываетъ, что не нуждается въ ихъ служеніи и послушаніи, и не за тѣмъ водить ихъ съ Собою. Иначе—сталъ ли бы Онъ спрашивать ихъ такъ? Почему же Онъ не похвалилъ ихъ? Почему не превознесъ? Частію для того, чтобы соблюсти приличное Учителю достоинство, а частію для того, чтобы показать, что Онъ этимъ способомъ скорѣе могъ привлечь ихъ къ Себѣ. Если бы Онъ похвалилъ, то они могли бы подумать, что оказываютъ Ему услугу, и поддаться какой-нибудь немощи человѣче-

скою. Когда же показали, что не нуждается въ ихъ слѣдованіи за Нимъ, то этимъ болѣе удержалъ ихъ при Себѣ. И смотри, съ какою мудростію Онъ говоритъ. Не сказалъ: отойдите, потому что это значило бы отгонять, но говоритъ вопросительно: *еда и вы хотите ити?*—тѣмъ показываетъ, что Онъ устраняетъ всякое насиліе и принужденіе и хочетъ, чтобы они оставались при Немъ не изъ-за какого-либо стыда, но по чувству благодарности. А тѣмъ, что не укорилъ ихъ явно, но коснулся незамѣтно, Онъ показалъ, какъ должно любуудрствовать въ подобныхъ случаяхъ. Но съ нами бываетъ напротивъ, и это понятно, потому что мы все дѣлаемъ ради своей славы. Поэтому и думаемъ, что наше благосостояніе уменьшается, когда уходятъ служащіе намъ. Но Христосъ не сталъ ни лстить, ни отгонять, а только спросилъ. И это не потому, чтобы Онъ презиралъ учениковъ, но потому, что не хотѣлъ удерживать ихъ при Себѣ силою и принужденіемъ,—вѣдь оставаться по этой причинѣ все равно, что и отойти. Что же Петръ? *Къ кому идемъ? Глаголю живота вѣчнаго имамъ. И мы стровахомъ и познахомъ, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живою* (ст. 68, 69). Видишь ли, не слова Христовы были причиною соблазна, а невниманіе, безпечность и неблагодарность слушателей? Если бы Онъ и не сказалъ (тѣхъ словъ), они и тогда соблазнились бы и не успокоились бы, потому что непрестанно думали о пищѣ тѣлесной и были пригвождены къ землѣ. Вѣдь вмѣстѣ же съ ними слушали и эти (апостолы); однакожь высказали совѣмъ не то, что они, говоря: *къ кому идемъ?* Этотъ отвѣтъ обнаруживаетъ великую любовь. Онъ показываетъ, что для нихъ Учитель дороже всего—и отецъ, и матерей, и имѣній, и что, оставивъ Его, они не могли бы уже найти, куда прибѣгнуть. Но чтобы не показалось, будто слова: *къ кому идемъ* Петръ сказалъ потому, что не было никого, кто бы принялъ ихъ, Онъ тотчасъ присовокупилъ: *маголю живота вѣчнаго имамъ*. Другіе внимали (словамъ Христовымъ) чувственно и съ умищваніями человѣческими; а они (апостолы) духовно, предоставляя все вѣрѣ. Потому и Христосъ говорилъ: *маголю, аже азъ маголахъ, духъ суть*, т. е.: не предполагай, что ученіе, содержащееся въ Моихъ словахъ, подлежитъ обыкновенному порядку вещей и тѣмъ законамъ, по которымъ все совершается. Предметы духовные не таковы: они не могутъ быть подчинены законамъ земнымъ. На это и Павелъ указываетъ, говоря: *да не речеши въ сердце твоемъ: кто възидетъ на небо, сирѣчь Христа снеси. Или кто спидетъ въ бездну, сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести* (Рим. х, 6). *Глаголю живота вѣчнаго имамъ*. Вотъ они уже приняли ученіе о воскресеніи и о будущемъ воздаяніи. Смотри же, какое брато-

любіе и какую любовь высказываетъ Петръ, отвѣчая за весь ликъ (апостоловъ). Не говоритъ: я позналъ, но: *познахомъ*. Особенно же обрати вниманіе на то, какъ принаравливается къ самымъ словамъ Учителя, говоря не то, что говорили іудеи. Тѣ говорили: *сей есть сынъ Іосифовъ*, а Петръ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго*, и еще: *глаголю живота твоего имати*; (и онъ говорилъ такъ), вѣроятно, потому, что часто слышалъ слова Христовы: *трупъ въ Мнѣ имать животъ вечный*. Припомнивъ, такимъ образомъ, самыя слова, Онъ показалъ тѣмъ, что содержитъ (въ памяти) все сказанное. Что же Христосъ? Не похвалилъ и не превознесъ Петра, хотя это и сдѣлалъ при другомъ случаѣ; но что говорить? *Не Азъ ли васъ дванадцать избралъ, и едины отъ васъ діаволъ есть?* Такъ какъ Петръ сказалъ: *и мы стровахомъ*, то Христосъ исключаетъ изъ этого лика Іуду. Въ другомъ мѣстѣ Петръ не сказалъ ничего объ ученикахъ, но на вопросъ Христа: *ты же кою Мнѣ глаголете?*—отвѣчалъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѣ. хvi, 15). Но такъ какъ здѣсь сказалъ: *и мы стровахомъ*, то Христосъ, по справедливости, не оставляетъ Іуду въ ликѣ учениковъ. А это Онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ заранѣе отвратить вѣроломство предателя; и хотя зналъ, что это будетъ бесполезно, тѣмъ не менѣе исполнялъ Свое дѣло.

4. И смотри, съ какою мудростію (поступилъ Христосъ)! Онъ и не открылъ вполнѣ предателя и не оставилъ его совсѣмъ неизвѣстнымъ, чтобы онъ, съ одной стороны, не сдѣлался болѣе безстыднымъ и упорнымъ, а съ другой, думая, что остается неизвѣстнымъ, не отважился безстрашно на злодѣяніе. Съ этою-то цѣлію, продолжая Свою бесѣду, избличаетъ его яснѣе. Въ самомъ дѣлѣ, сначала Онъ включилъ и его въ число прочихъ, сказавъ: *суть мнози отъ васъ, иже не струпютъ*. А что здѣсь Онъ разумѣлъ и предателя, это показалъ евангелистъ словами: *однимъ бо искони, кимъ суть неструпующи, и кто есть предаи Ею*. Но такъ какъ Іуда остался при Немъ, то Онъ избличаетъ его сильнѣе, говоря: *едины отъ васъ діаволъ есть*, и, такимъ образомъ, наводитъ страхъ на всѣхъ вообще, желая прикрыть его. При этомъ справедливо можетъ возникнуть недоумѣніе: отчего теперъ ученики не говорятъ ничего, а впослѣдствіи приходятъ въ страхъ и въ недоумѣніи смотрятъ другъ на друга и спрашиваютъ: *еда азъ есмь, Господи* (Матѣ. хxvi, 22)? и Петръ подаетъ знакъ Іоанну, чтобы онъ узналъ о предателѣ и спросилъ у Учителя, кто это (Іоан. хш, 24). Итакъ, какая тому причина? Петръ тогда еще не слышалъ: *иди за Мною, сатано* (Марк. viii, 33), а потому и не имѣлъ никакого опасенія. Когда же подвергся упреку, и не смотря на то, что говорилъ отъ великаго расположенія, не только не заслу-

жилъ одобренія, но и услышалъ названіе сатаны, то при словахъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. хп, 21) справедливо уже убо-
 ялся. Съ другой стороны, и Христосъ теперь не говоритъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя*, а: *единъ отъ васъ діаволъ есть*. Потому они
 даже не поняли этихъ словъ, а думали, что Онъ только укоряетъ
 за лукавство. Но для чего Онъ сказалъ: *не Азъ ли васъ дванадесете*
 268 *избравъ, и единъ отъ васъ діаволъ есть?* Чтобы показать, что Его
 ученіе чуждо лести. Такъ какъ въ то время, когда всѣ оставили
 Его, они одни остались при Немъ и чрезъ Петра исповѣдали
 Его Христомъ, то, чтобы не подумали, что Онъ станетъ за это
 льстить имъ, Онъ удаляетъ ихъ отъ такой мысли. Онъ какъ бы
 такъ говоритъ: ничто не можетъ отклонить Меня отъ обличенія
 людей злыхъ; не думайте, что Я стану льстить вамъ за то, что
 вы остались при Мнѣ, или что Я не буду обличать порочныхъ,
 потому что вы послѣдовали за Мной. Къ этому не склонить Меня
 и то, что гораздо сильнѣе могло бы склонить учителя. Кто самъ
 евою остается при учителѣ, тотъ представляетъ тѣмъ свидѣтель-
 ство своей любви къ нему; а избранный учителемъ почитается отъ
 людей несмысленныхъ за безумнаго и отвергается ими. Но и это
 не удержитъ Меня отъ обличеній. Между тѣмъ въ этомъ и теперь
 язычники обвиняють Христа, но напрасно и неразумно: Богъ ни-
 когда не дѣлаетъ людей добрыми чрезъ насиліе и принужденіе,
 и Его избраніе призываемыхъ не насильственное, но совершается
 чрезъ увѣщаніе. А чтобы тебѣ увѣриться, что призывая Онъ
 не насилуетъ, смотри, сколько погубило людей званыхъ. Отсюда
 видно, что въ нашей волѣ—и спасеніе, и погибель.

5. Слыша это, научимся же всегда твезвиться и бодрство-
 вать. Іуда былъ причтенъ къ тому святому лику, сподобился
 столь великаго дара, совершалъ чудеса (потому что и онъ вмѣстѣ
 съ прочими былъ посланъ воскрешать мертвыхъ и очищать
 прокаженных), и не смотря на это, какъ скоро былъ поработенъ
 тяжкимъ недугомъ—страстію сребролюбія, предалъ и своего
 Владыку. И ничто не принесло ему пользы: ни благодѣянія, ни
 дарованія, ни пребываніе со Христомъ, ни служеніе, ни омовеніе
 ногъ, ни общеніе въ трапезѣ, ни храненіе ковчежца; но это все
 обратилось даже въ поводъ къ его наказанію. Будемъ же бояться,
 чтобы и намъ чрезъ сребролюбіе не одѣлаться подражателями
 Іудѣ. Ты не предаешь Христа; но, когда презираешь нищаго,
 иставающаго отъ голода или гибнущаго отъ холода, навлекаешь
 на себя тоже осужденіе. Также, когда мы недостойно приобща-
 емся таинъ, мы погибаемъ наравнѣ съ христуубійцами. Когда
 похищаемъ, когда угнетаемъ бѣдныхъ, то навлекаемъ на себя вели-
 чайшее наказаніе,—и весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, докожѣ

будеть такъ владѣть нами любовь къ настоящимъ вещамъ—излишнимъ и бесполезнымъ? А богатство и принадлежить въ вещамъ излишнимъ, отъ которыхъ нѣтъ никакой пользы. Доколѣ намъ не взирать на небеса, не трезвиться, не знать сытости въ наслажденіи этими земнымъ и преходящими благами? Ужели мы не знаемъ изъ опыта ихъ ничтожества? Представимъ себѣ бывшихъ до насъ богачей. Не сонъ ли всѣ ихъ блага? Не тѣнь ли и цвѣтъ, не потокъ ли протекающій? Не повѣсть ли и басня? Вотъ такой-то былъ богатъ: гдѣ же теперь его богатство? Сгнбло и истлѣло. А грѣхи, совершенные изъ-за него, и наказаніе за грѣхи—остаются. Но если бы даже и наказанія не было и царства не предстояло,—и тогда слѣдовало бы уважать (въ бѣдномъ) одноплеменность и однородность съ нами, и постыдиться того, что онъ подобострастенъ намъ. Между тѣмъ мы кормимъ псовъ (многіе же кормятъ и дикихъ ослей, и медвѣдей, и другихъ разнаго рода звѣрей), а презираемъ челоуѣка, истаевающаго отъ голода; такимъ образомъ, для насъ чужое дороже родного и свое хуже того, что не наше и не родственно намъ. Но не пріятно ли, скажешь, строить великолѣпныя дома, имѣть множество рабовъ и, покоясь на ложѣ, смотрѣть на золотой сводъ? Да это излишне и бесполезно. Есть другія зданія, гораздо великолѣпнѣе и лучше этихъ. 269 Ими нужно увеселять свои взоры,—и никто тому не воспрепятствуетъ. Хочешь ли видѣть прекраснѣйшій сводъ? Когда настанетъ вечеръ, смотри на небо, усыянное звѣздами. Но это, скажешь, не мой сводъ? Напротивъ, этотъ даже болѣе твой, чѣмъ тотъ. Онъ для тебя и созданъ и принадлежитъ тебѣ наравнѣ съ твоими братьями. А тотъ не твой, но твоихъ наслѣдниковъ, послѣ твоей смерти. Притомъ, этотъ (сводъ небесный) можетъ принести величайшую пользу, потому что своею красотою возводитъ къ Создателю; а тотъ причинитъ тебѣ величайшій вредъ, сдѣлавшись въ день суда твоимъ грознымъ обвинителемъ, потому что онъ былъ облеченъ золотомъ, когда Христосъ не имѣлъ и не обходимою одежды. Не будемъ же впадать въ столь великое безуміе; не станемъ гоняться за тѣмъ, что мимолетно, и убѣгать того, что пребываетъ постоянно; не будемъ предателями своего 270 спасенія, но станемъ держаться надежны на блага будущія,—старикъ, какъ вѣрно знающіе, что имъ не долго остается жить,—юноши, какъ вполне убѣжденные, что (и для нихъ) немного остается времени, потому что день Господень придетъ, какъ тать ночью. Итакъ, зная это, жены пусть умоляютъ мужей, мужья пусть убѣждаютъ женъ,—будемъ учить юношей и дѣвъ, и всѣ будемъ наставлять другъ друга—презирать настоящія блага и искать будущихъ, чтобы и сподобиться ихъ, по благодати и

человѣколюбію Господа нашего Ісуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА XLVIII.

И хождаше Іисусъ по сихъ въ Галилеи: не хотяше бо во Іудеи ходити, яко искаху его Іудее убити. Въ же близъ праздникъ іудейскій потченіе сѣни (Іоан. VII, 1, 2).

269 1. Нѣтъ ничего хуже зависти и злобы. Чрезъ нихъ смерть вошла въ міръ. Когда діаволь увидѣлъ человѣка въ чести, то не вынесъ его благоденствія и сдѣлалъ все, чтобы погубить его. Да и вездѣ отъ этого корня можно видѣть такой плодъ. Такъ и Авель убитъ; такъ и Давидъ едва не погибъ; такъ и многіе другіе праведники. Также сдѣлались христоубійцами и іудеи, на что и указалъ евангелистъ словами: *и хождаше Іисусъ по сихъ въ Галилеи*, потому что не имѣлъ власти *во Іудеи ходити, яко искаху сѣю убити*. Что ты говоришь, блаженный Іоаннъ? Не имѣлъ власти Тотъ, кто могъ дѣлать все, что хотѣлъ? Кто сказалъ: *кого ищете*, и тѣмъ отбросить ихъ назадъ, кто могъ присутствовать и не быть видимымъ, — тотъ не имѣлъ власти? Какъ же Онъ послѣ явился между ними и среди храма, во время праздника, при народномъ собраніи, и въ присутствіи убійцъ бесѣдовалъ съ ними о томъ, что наиболѣе ихъ раздражало? Этому и они удивлялись, говоря: *не сѣи мы есть, его же ищутъ убити? И се не обинулся младоулетъ, и ничеосеже ему младоулетъ* (ст. 25, 29). Что же это за загадочныя слова? Нѣтъ, евангелистъ сказалъ это не съ тѣмъ, чтобы мы сочли его слова загадочными, но чтобы показать, что Христосъ обнаруживалъ и свойства божества и свойства человѣчества. Такимъ образомъ, когда онъ говоритъ, что Христосъ не имѣлъ власти, то выражается о Немъ, какъ о человѣкѣ, такъ какъ Онъ многое дѣлалъ и по-человѣчески; а когда говоритъ, что Онъ стоялъ среди нихъ, и они не удержали Его, то, очевидно, указываетъ на силу Его божества. Онъ и убѣгалъ, какъ человѣкъ, и являлся, какъ Богъ, будучи истинно тѣмъ и другимъ. Что злоумышленники не могли удержать Его, когда Онъ былъ среди нихъ, это показывало Его неодолимость и непобѣдимость; а что Онъ уклонялся, этимъ подтверждалъ Онъ Свое воплощеніе и удостоверялъ въ немъ, чтобы ничего не могли сказать ни Павелъ Самосатскій, ни Маркіонъ, ни зараженные ихъ недугомъ. Итакъ, этимъ Онъ заграждаетъ уста всѣмъ. *По сѣи бѣ праздникъ іудей-*

скій потченіе сѣни. Выраженіе: *по силѣ* означаетъ не другое что, какъ то, что (евангелистъ) для краткости опустилъ много времени, протекшаго между двумя событіями. И это видно изъ того, что, когда Христосъ сидѣлъ на горѣ, тогда былъ праздникъ Пасхи (Іоан. vi, 8, 4), а теперь (евангелистъ) упоминаетъ о праздникѣ 270 Кушей. Такимъ образомъ, изъ событій въ теченіе пяти мѣсяцевъ Онъ ни о чемъ другомъ намъ не разсказалъ и ничего иного не передалъ, кромѣ чуда надъ хлѣбами и бесѣды къ народу, ѣвшему хлѣбы. Между тѣмъ Христосъ постоянно совершалъ чудеса и бесѣдовалъ не только днемъ и вечеромъ, но часто и ночью. Такъ, напримѣръ, ученикамъ, по сказанію всѣхъ евангелистовъ, Онъ предсталъ ночью. Отчего же они опустили тѣ событія? Оттого, что невозможно было всего пересказать. Къ тому же они старались особенно говорить о томъ, изъ-за чего могло возникнуть со стороны іудеевъ какое-либо порицаніе или противорѣчіе. Событій, подобныхъ тѣмъ (которыя опущены), было много, и потому евангелисты, написавъ много разъ, что Христосъ и больныхъ исцѣлялъ, и мертвыхъ воскрешалъ, и возбуждалъ удивленіе, иногда объ этомъ и не говорятъ. Но когда имъ предстояло говорить о чемъ-либо необычайномъ, или разсказывать что-нибудь такое, что могло бы, повидимому, служить для Него порицаніемъ, объ этомъ они повѣствуютъ. Такъ, вотъ и теперь евангелистъ замѣчаетъ, что братья Его не вѣровали въ Него, хотя въ этомъ обстоятельствѣ заключается не мало поноснаго для Него. Подлинно достойно удивленія правдолюбіе евангелистовъ, какъ они не стыдятся говорить о томъ, что, повидимому, служить къ поношенію Учителя, и даже стараются больше повѣствовать объ этомъ, чѣмъ о чемъ-либо другомъ. Потому-то теперь и Іоаннъ, пройдя молчаніемъ многія — и знаменія, и чудеса, и бесѣды Христовы, тотчасъ приступилъ къ слѣдующему. *Рѣши*, говорить, *къ нему братія ея: преиди отсюда въ Іудею, да и ученицы твои видятъ отца, яже творимъ* (ст. 8). *Никтоже бо тайнѣ творитъ что, и ищетъ самъ ятъ быти. Яви себе мірови. Ни братія бо Ею отроваку въ Него* (ст. 4, 5). Какое же, скажешь, здѣтъ невѣріе, когда они просятъ Его творить чудеса? Даже и очень большое. Невѣріе выражается и въ ихъ словахъ, и въ ихъ смѣлости, и въ ихъ неумѣстномъ дерзновеніи. Они думали, что имъ, какъ родственникамъ, можно свободно говорить съ Нимъ. Ихъ просьба, повидимому, дружеская, но въ словахъ много обиднаго: ими они упрекаютъ Его и въ малодушіи и въ славолубіи. Сказавъ: *никтоже въ тайнѣ творитъ что*, они тѣмъ обвиняютъ Его въ малодушіи и вмѣстѣ выражаютъ подозрѣніе къ Его дѣламъ, а присовокунивъ: *ищетъ самъ ятъ быти*, упрекаютъ въ славолубіи.

2. Но ты обрати вниманіе на силу Христову. Изъ числа говорившихъ это одинъ былъ въ послѣдствіи первымъ іерусалимскимъ епископомъ, именно блаженный Іаковъ, о которомъ и Павелъ говоритъ: *инако же отъ апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня* (Гал. 1, 19). Говорять также, что и Іуда сдѣлался достойнымъ удивленія. Хотя они и присутствовали въ Канѣ, когда вода была претворена въ вино, однакожъ отъ того не приобрѣли еще никакой пользы. Отчего же у нихъ такое невѣріе? Отъ худого расположенія души и зависти: сродникамъ знаменитымъ какъ-то обыкновенно завидуютъ сродники не столько знаменитые. Кого же они здѣсь называютъ учениками? Народъ, слѣдовавшій за Христомъ, а не двѣнадцать (апостоловъ). Что же Христосъ? Смотри, какъ кратко Онъ отвѣчалъ. Не сказалъ: вы кто таковы, что даете Мнѣ такіе совѣты и учите Меня? А что? *Время Мое не упріиде* (ст. 6). Мнѣ кажется, здѣсь Онъ намекаетъ и на нѣчто другое. Быть можетъ, они изъ зависти замышляли даже предать Его іудеямъ, а потому, обнаруживая это, Онъ и говоритъ: *время Мое не упріиде*, т. е. время креста и смерти. Зачѣмъ же прежде времени вы торопитесь убить Меня? *Время же ваше всегда ютого естъ*. Какъ бы такъ говорилъ: хотя бы вы постоянно обращались съ іудеями, они не умертвятъ васъ, потому что вы ревнуете о томъ же, о чемъ и они; а Меня они готовы немедленно убить. Такимъ образомъ, для васъ всегда есть и время—не подвергаясь опасности, обращаться съ ними; а для Меня время будетъ тогда, когда настанетъ время креста, когда Мнѣ нужно будетъ умереть. А что Онъ дѣйствительно это разумѣетъ, видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ* (ст. 7). Какъ онъ можетъ ненавидѣть тѣхъ, кто одного съ нимъ желаетъ и одного домогается? *Мене же ненавиждитъ, яко Азъ обличихъ его, яко дѣла его зла суть*, т. е. Меня ненавидитъ за то, что Я укоряю и обличаю. Научимся отсюда удерживаться отъ гнѣва и не сердиться, когда намъ что-либо совѣтуютъ и люди незначительные. Если Христосъ съ кротостію перенесъ совѣтъ людей невѣровавшихъ, которые совѣтовали то, чего не слѣдовало совѣтовать, и совѣтовали не отъ добраго расположенія, то какое мы получимъ прощеніе, мы—земля и пепелъ, если будемъ негодовать на совѣтниковъ, когда они хотя немного ниже насъ. считая ихъ совѣты недостойными насъ? Вотъ смотри, съ какою кротостію Христосъ отстраняетъ отъ Себя ихъ обвиненіе. На ихъ слова: *иже Себе мірови*, Онъ говоритъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ*, *Мене же міръ ненавиждитъ*, и этимъ уничтожаетъ ихъ обвиненіе. Не только, говоритъ, Я не ищу славы у людей, но и непрестанно обличаю ихъ, хотя и знаю, что это рождастъ не-

ненависть ко Мнѣ и готовить мнѣ смерть. Когда же, скажешь, Онъ обличалъ? Но когда же и переставалъ обличать? Не говорилъ ли Онъ: *не мните, яко Азъ на вы рещу ко Отцу: есть, иже на вы глаголетъ, Морсей* (Іоан. v, 45); еще: *разумѣте вы, яко любве Божіа не имате въ себѣ* (ст. 42); и еще: *како можете въровати, славу отъ человѣкъ приѣмлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищите* (ст. 44)? Видишь ли, какъ всѣмъ этимъ Онъ показаль, что ненависть къ Нему происходила отъ Его открытыхъ обличеній, а не отъ нарушенія субботы? А для чего Онъ посылаетъ ихъ на праздникъ, говоря: *вы въздите въ праздникъ, Азъ не у възду*? Что бы показать, что Онъ не нуждается въ нихъ и не хочетъ, чтобы они льстили Ему, и что Онъ дозволяетъ имъ соблюдать іудейскіе обряды. Но какъ же, скажешь, Онъ пошелъ на праздникъ, когда прежде сказалъ: *не възду*? Онъ не просто сказалъ: *не възду*, но прибавилъ: теперь, т. е. вмѣстѣ съ вами: *яко время Мое не у исполнися* (ст. 8). Но вѣдь Онъ имѣлъ быть распятъ въ слѣдующую Пасху,—почему же бы и Ему не идти? Если же не пошелъ потому, что еще не настало Его время, то слѣдовало бы и совсѣмъ не ходить. Но Онъ пошелъ не для того, чтобы пострадать, а чтобы преподавъ имъ ученіе. Затѣмъ же тайно? Могъ Онъ, конечно, пойти и явно и быть среди іудеевъ и удержать ихъ неистовое нападеніе, что верѣдко и дѣлалъ; но Онъ не хотѣлъ такъ дѣйствовать всегда. Если бы Онъ пришелъ явно и опять поразилъ ихъ слѣпотой, то этимъ яснѣе выказаль бы Свое божество и еще болѣе открылъ бы его, чего пока не слѣдовало дѣлать. Но такъ какъ они (Его братья) думали, что Онъ остался по малодушію, то (Своимъ появленіемъ на праздникъ) Онъ, напротивъ, показываетъ и безбоязненность и мудрую предусмотрительность, а равно и то, что Онъ, напередъ зная время, въ которое пострадаетъ, съ наступленіемъ этого времени, вполне охотно пойдетъ во Іерусалимъ. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что въ словахъ: *вы въздите* Онъ высказываетъ и такую мысль: не думайте, что Я принуждаю васъ противъ воли оставаться со Мною; а въ слѣдующихъ затѣмъ: *время Мое не у исполнися* показываетъ, что Ему надлежало еще совершать и чудеса и говорить бесѣды, чтобы и больше увѣровало народа и тверже стали ученики, видя дерзновеніе Учителя и все, что Онъ потерпѣлъ.

8. Научимся же изъ сказаннаго уступчивости и кротости Спасителя: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѣ. xi, 29),—и отвергнемъ всякую гнѣвливость. Возстанетъ ли кто противъ насъ,—мы будемъ смиренны. Станетъ ли кто поступать съ нами нагло,—мы будемъ услужливы. Будетъ ли кто язвить и терзать насъ насмѣшками и ругательствами,—не будемъ

отвѣчать тѣмъ же, чтобы мщеніемъ за себя не погубить себя. Гнѣвъ есть звѣрь, звѣрь жестокій и лютый. Чтобы укротить его, будемъ припѣвать себѣ стихи изъ божественнаго Писанія и говорить: *земля еси и пепелъ* (Быт. ш, 19), и: *почто воздвигнется земля и пепелъ* (Сир. х, 9), также: *устремленіе ярости его паденіе ему* (Сир. і, 22), и еще: *мужъ ярый не блибообразенъ* (Притч. хі, 25). Подлинно нѣтъ ничего хуже, ничего безобразнѣе гнѣвнаго лица; если же — лица, то тѣмъ болѣе — души. Какъ тогда когда разрываютъ грязь, обыкновенно бываетъ зловоніе, такъ и тогда, когда душа возмущается гнѣвомъ, появляется великое безобразіе. Но не могу, скажешь, вынести поношенія отъ враговъ. Отчего же, — скажи? Если врагъ сказалъ правду, то, еще прежде его, тебѣ самому слѣдовало бы укорить себя, и ты долженъ благодарить его за обличеніе; если же ложь, не обращай на то вниманія. Онъ назвалъ тебя нищимъ, — посмѣйся этому. Назвалъ низкимъ или бессмысленнымъ, — пожалѣй о немъ, потому что, кто скажетъ *брату своему: уродъ, повиненъ есть гееннѣ огненной* (Матѣ. v, 22). Итакъ, когда кто станетъ поносить тебя, помысли о томъ наказаніи, которому онъ подлежитъ, — и не только не будешь гнѣваться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимыхъ лихорадкою или горячкою, но всѣ жалѣютъ о подобныхъ людяхъ и плачутъ. А такова и душа разгнѣванная. Если же хочешь и отмстить, смолчи, — и тѣмъ нанесешь врагу смертельный ударъ. Если же будешь отвѣчать на укоризну укоризною, то зажжешь огонь. Но присутствующіе, скажешь, будутъ обвинять въ малодушіи, если стану молчать. Не въ малодушіи будутъ обвинять, а подивятся любумудрію. Если же ты, подвергшись поношенію, станешь огорчаться, то чрезъ это будешь поносить самъ себя, потому что заставишь думать, что сказанное о тебѣ справедливо. Отчего, скажи мнѣ, богатъ смѣется, когда слышитъ, что его называютъ нищимъ? Не оттого ли, что не сознаетъ за собою нищеты? Такъ и мы, если на бранныя слова будемъ отвѣчать болѣе смѣхомъ, чрезъ то представимъ величайшее доказательство, что мы не 278 признаемъ за собою того, въ чемъ укоряютъ насъ. Притомъ же, доколѣ намъ бояться сужденій людскихъ? Доколѣ презирать общаго всѣмъ Владыку и прилѣпляться къ плоти? *Идѣже бо еъ васъ зависть и рвеніе и распри, не плотстїи ли есте* (1 Кор. ш, 8)? Будемъ же духовными и обуздаемъ этого страшнаго звѣря. Между гнѣвомъ и бѣшенствомъ нѣтъ никакого различія; гнѣвъ есть тоже бѣснованіе, только временное, или даже и хуже бѣснованія. Бѣсноватый можетъ еще получить прощеніе; а гнѣвающийся подвергнется тысячѣ мученій, какъ добровольно стремящийся въ бездну погибели. Да и прежде будущей геенны, онъ

уже адѣсь терпитъ наказаніе, такъ какъ во всю ночь и во весь день носить въ помыслахъ души своей непрестанное смятеніе и 274
незатишающую бурю. Итакъ, чтобы избавиться и наказанія въ жизни настоящей и мученія въ будущей, отринемъ эту страсть и будемъ выказывать всякую кротость и уступчивость. Черезъ это мы обрѣтемъ покой нашимъ душамъ и адѣсь и въ царствіи небесномъ, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и приспо, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIX.

Сія рекъ, оста въ Галилеи. Егда же въздоша братія его, тогда и самъ възде въ праздникъ, не явѣ, но яко тай (Іоан. vii, 9, 10).

1. Когда Христосъ совершалъ что-либо, какъ человекъ, то 273
совершалъ не для увѣренія только въ Своемъ воплощеніи, но и для наученія насъ добродѣтели. Если бы Онъ всегда поступалъ, какъ Богъ, то откуда могли бы мы узнать, что намъ должно дѣлать въ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Если бы, напримѣръ, и въ настоящемъ случаѣ, когда іудеи дышали убійствомъ, Онъ вдругъ предсталъ среди ихъ и удержалъ ихъ порывъ, и если бы такъ поступалъ всегда, то мы, не имѣя возможности сдѣлать тоже, между тѣмъ находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, откуда могли бы узнать, какъ намъ должно поступить? Слѣдуетъ ли тотчасъ же умереть, или пужно что-нибудь предпринять, чтобы придать дѣлу благоприятный оборотъ? Итакъ, поелику мы, не имѣя равныхъ (съ Нимъ) силъ, не знали бы, что намъ дѣлать въ трудныхъ обстоятельствахъ, то Онъ Своимъ примѣромъ научаетъ насъ и этому. Сія, сказано, рекъ Іисусъ, оста въ Галилеи. Егда же въздоша братія ея, възде и самъ, не явѣ, но яко тай. Слова: въздоша братія ея показываютъ, что Онъ не хотѣлъ идти съ ними. Поэтому и остался тамъ, гдѣ былъ, и не явилъ Себя, хотя братья нѣкоторымъ образомъ и понуждали Его къ тому. Но отчего Онъ, бесѣдовавшій всегда явно, теперь идетъ на праздникъ какъ бы тайно? (Евангелистъ) не сказалъ: тайно, но: яко тай,—оттого, что надлежало чрезъ это научить насъ устроить наши дѣла. А кромѣ того, не все равно было для Него—явиться ли среди іудеевъ въ то время, когда они кипѣли и пламенѣли отъ глѣва, или послѣ, при окончаніи праздника. *Жидове же исказу Ею и глаголаху: идѣ*

есть Онъ (ст. 11)? Прекрасныя поистинѣ дѣла у нихъ въ праздничныя дни! Порываются къ убійству и совѣщаются на праздниѣ схватить Его. Такъ говорятъ они и въ другомъ мѣстѣ: *что мнится вамъ, яко не имать ли приѣти въ праздниѣ* (Іоан. xi, 56)? и здѣсь: *идѣ есть онъ?* Отъ чрезмѣрной ненависти и вражды не хотѣли назвать Его по имени. Великое уваженіе къ празднику, великое благоговѣніе! Хотѣли уловить Его въ самый праздниѣ. *И ропотъ мнози бѣ о немъ въ народѣхъ* (ст. 12). Мнѣ кажется, что ихъ раздражало самое мѣсто совершенія чуда, и что они въ одно и то же время и свирѣпѣли и боялись, но не столько негодовали изъ-за прежняго чуда, сколько опасались, чтобы Онъ не совершилъ чего-либо подобнаго. Но вышло совсѣмъ иначе: они сами, противъ воли, сдѣлали Его извѣстнымъ. *Они глаголаху, яко блазъ есть; инии же глаголаху: ни, но лѣтитъ народы* (ст. 12). Первое, я думаю,—мнѣніе народа, а послѣднее—князей и священниковъ, потому что клеветать было свойственно ихъ зависти и злобѣ. *Лѣтитъ*, говорятъ, *народы*. Но какимъ образомъ, скажи мнѣ? Развѣ Онъ совершаетъ чудеса призрачныя, а не дѣйствительныя? Но опытъ свидѣтельствуетъ противное. *Никтоже яетъ глаголаше о немъ страха ради Іудейскаго* (ст. 18). Видишь ли, начальники—люди развращенные, а подначальные хотя и здраво судятъ, но лишены надлежащаго мужества, котораго преимущественно недостаетъ у народа? *Абѣ же въ претолѣніе праздниѣ възиде Іисусъ, и учаше* (ст. 14). Чрезъ промедленіе Онъ сдѣлалъ ихъ внимательнѣе. Тѣ, которые искали Его въ первые дни праздниѣ и говорили: *идѣ есть онъ?* теперь? увидѣвъ Его неожиданно передъ собою, смотри, какъ поспѣшили къ Нему и старались внимать Его словамъ,—и тѣ, которые называли Его добрымъ, и тѣ, которые не считали такимъ,—одни, чтобы получить пользу и подивиться, другіе, чтобы схватить Его и задержать. Говорили же они: *лѣтитъ народы*, вслѣдствіе Его ученія о догматахъ, такъ какъ не понимали того, что Онъ говорилъ; а—*блазъ есть*, вслѣдствіе Его чудесъ. Итакъ, Онъ предсталъ предъ ними, послѣ того какъ утишилъ ихъ ярость, чтобы они внимательно могли выслушать Его слова, когда гнѣвъ не заграждаетъ уже ихъ слуха. Чему Онъ училъ, евангелистъ того не сказать; говорить только, что Онъ училъ дивно, что плѣнилъ ихъ и произвелъ въ нихъ перемѣну: такова была сила Его словъ! Тѣ, которые говорили: *лѣтитъ народы*, теперь, перемѣнившись въ своихъ мысляхъ, дивились Ему и потому говорили: *како сей ктѣи въстѣ не учивш* (ст. 15)? Видишь ли, какъ евангелистъ повѣдываетъ, что и здѣсь ихъ удивленіе было полно злобы? Не сказать, что они дивились ученію, или что принимали слова Его; но

просто: *дигились*, т. е. приходили въ изумленіе и въ недоумѣніи говорили: *откуда сему сія* (Марк. vi, 2)? Между тѣмъ это недоумѣніе должно было привести къ сознанію, что въ Немъ не было ничего человѣческаго. Но такъ какъ этого они не хотѣли исповѣдать, но ограничивались только удивленіемъ, то послушай, что говорить самъ Христосъ: *ученіе Мое нѣсть Мое* (ст. 16). Опять отвѣчаетъ на ихъ тайную мысль, обращая ихъ къ Отцу и желая тѣмъ заградить имъ уста. *Аще кто захочетъ волю Его творити, разумнетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или азъ отъ себе глаголю* (ст. 17). Эти слова значать вотъ что: отриньте отъ себя злобу, гнѣвъ, зависть и ненависть, которую напрасно питаете противъ Меня, и ничто не помѣшаетъ намъ познать, что Мои слова—поистинѣ слова Божіи. Теперь эти страсти омрачаютъ васъ и искажаютъ въ васъ правильное и свѣтлое сужденіе. А если исторгнете ихъ изъ себя, то уже не будете подвергаться этому. Но Христосъ такъ не сказалъ, потому что этимъ слишкомъ уязвилъ бы ихъ; а все это прикровенно выразилъ въ словахъ: кто творитъ волю Его, *разумнетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или азъ отъ себе глаголю*, т. е., или Я возвѣщаю что-либо чуждое, и новое, и противное, потому что выраженіе: *отъ себе* всегда употребляется въ слѣдующемъ значеніи: я не говорю ничего негоднаго Богу, но чего хочетъ Отецъ, того — и Я. Если *кто волю его творитъ, разумнетъ о ученіи*. Что значить: если кто волю Его творитъ? Значить: если кто любитъ жизнь добродѣтельную и хочетъ быть внимательнымъ къ пророчествамъ, чтобы видѣть, сообразно ли съ ними Я говорю, или нѣтъ, тотъ уразумѣетъ силу Моихъ словъ.

2. Какъ же (Его ученіе есть) Его и не Его? Онъ не сказалъ: это ученіе не Мое, но сказавъ прежде: *Мое*, и такимъ образомъ усвоивъ его Себѣ, потомъ уже присовокупилъ: *нѣсть Мое*. Какъ же одно и тоже можетъ быть и Его и не Его? Его, потому что Онъ говорилъ не какъ наученный; не Его, потому что оно было ученіе Отца. А какъ же Онъ говоритъ: все Отчее — Мое, и все Мое — Отчее (Іоан. xvi, 10)? Если оно потому не Твое, что оно Отчее, то тѣ слова (все Отчее — Мое) будутъ ложны, такъ какъ поэтому самому оно должно быть Твое. Но слова: *нѣсть Мое* весьма ясно показываютъ, что Его ученіе и ученіе Отца — одно и тоже. Онъ какъ бы такъ говорилъ: (Мое ученіе) ничуть не отлично (отъ ученія Отца), какъ ученіе другого (лица). Хотя во Мнѣ вѣстась и другая, но Я и говорю и дѣлаю такъ, что нельзя подумать, будто Я говорю и дѣлаю что-либо отличное отъ Отца: Я говорю и дѣлаю тоже самое, что — и Отецъ. Потомъ присовокупляетъ и другое неопровержимое умозаключеніе, выставляя на видъ нѣчто человѣческое и научая примѣромъ изъ обыкновен-

ной жизни. Что же это такое? *Глаголюй отъ себе славы своея нищѣ* (ст. 18), т. е., кто хочетъ ввести свое какое-либо ученіе, — хочеть не для чего другого, какъ для того, чтобы чрезъ то пріобрѣсть себѣ славу. Если же Я не хочу снискивать Себѣ славу, то для чего Мнѣ желать вводить Свое какое-либо ученіе? *Глаголюй отъ себе*, т. е. высказывающій нѣчто свое и отличное, говорящій для того, чтобы пріобрѣсть себѣ славу. Если же Я ищу славы Пославшаго Меня, то для чего Я сталъ бы учить другому? Видишь ли, что была нѣкоторая причина, почему Онъ и тамъ говорилъ, что не дѣлаетъ ничего самъ отъ Себя (Іоан. v, 30)? Какая же это причина? Та, чтобы увѣрить, что Онъ не ищетъ славы у людей. По этой же причинѣ, говоря о Себѣ смиренно, Онъ произноситъ: Я ищу славы Отца, и такимъ образомъ вездѣ хочеть убѣдить ихъ, что Онъ не желаетъ славы (человѣческой). А почему Онъ выражается смиренно, на это много есть причинъ, какъ-то: чтобы не подать о Себѣ мысли, что Онъ не рожденъ или богопротивенъ, чтобы увѣрить, что Онъ облеченъ плотію, чтобы снизойти къ немощи слушателей, чтобы научить людей быть скромными и не говорить о самихъ себѣ ничего великаго. Когда же Онъ выражается о Себѣ возвышенно, то на это можно найти только одну причину — величіе Его естества. Но если (іудеи) соблазнились и тѣмъ, что Онъ сказалъ: *прежде Авраама азъ есмь* (Іоан. viii, 58), то чего не случилось бы съ ними, если бы они постоянно слышали рѣчи возвышенныя? *Не Морсей ли даде вамъ законъ, и никтоже отъ васъ творить закона? Чію Мене ищите убиты*. (ст. 19)? Какую, скажешь, связь, или что общаго имѣютъ эти слова съ преждесказанными?

Два обвиненія ввозили на Него іудеи: одно, что раззорялъ субботу, другое, что Бога называлъ Отцемъ Своимъ, дѣлая Себя равнымъ Богу. А что это было не ихъ мнѣніе, а мысль Его самого, и что онъ называлъ Бога Своимъ Отцемъ не такъ, какъ другіе, но въ смыслѣ отличномъ и особенномъ, это видно изъ слѣдующаго. Многіе часто называли Бога своимъ Отцемъ, напри-
 276 мѣръ: *не Богъ ли единъ созда васъ и не Отецъ ли единъ есмь вамъ* (Малах. ii, 10)? Однакомъ отъ этого люди не были равны Богу. Потому-то, слыша эти слова, (іудеи) и не соблазнялись. Притомъ, какъ тогда, когда они говорили, что Онъ не отъ Бога, Онъ неоднократно вразумлялъ ихъ, и какъ оправдывалъ Себя въ нарушеніи субботы, такъ и теперь, если бы то было ихъ мнѣніе, а не мысль Его самого, Онъ исправилъ бы его и сказалъ: зачѣмъ вы считаете Меня равнымъ Богу, — Я не равенъ. Но Онъ ничего такого не сказалъ, а даже напротивъ и дальнѣйшими словами доказалъ, что Онъ равенъ Богу. Слова: *якоже Отецъ воскрешаетъ*

мертвых и живых, тако и Сынъ; и: *ди вси чтуть Сына, якоже чтуть Отца*; и: *дѣла, яже Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. v, 19, 21, 28), — всѣ эти слова доказываютъ Его равенство. И о законѣ Онъ также говоритъ: *не мните, яко придохъ разорити закона, или пророки* (Матѣ. v, 17). Такъ Онъ обыкновенно исторгаетъ изъ ихъ ума несправедливыя о Немъ мнѣнія. Здѣсь же не только не опровергаетъ мнѣнія о равенствѣ Его съ Отцемъ, но еще и утверждаетъ его. Поэтому же и въ другомъ мѣстѣ, когда они сказали: *твориши себе Бога*, Онъ не отвергъ этого мнѣнія, а напротивъ подтвердилъ, сказавъ: *да утѣсите, яко власть имать Сынъ человеческій отпущати грѣхи на земли, якоже разслабленному: возми одръ твой и иди* (Матѣ. ix, 6). Итакъ, сначала Онъ говорилъ противъ того ихъ обвиненія, что Онъ дѣлаетъ Себя равнымъ Богу, показывая, что Онъ не только не богопротивенъ, но и говоритъ одно и то же и учитъ тому же самому, чему и Богъ. А теперь Онъ уже приступаетъ къ обвиненію въ нарушеніи субботы, говоря: *не Моисей ли даде вамъ закона, и никтоже отъ васъ творитъ закона?* Онъ какъ бы такъ говорилъ: законъ предписываетъ: *не убій*, а вы убиваете и еще обвиняете Меня, какъ преступающаго законъ! А почему Онъ сказалъ: *никтоже*? Потому, что всѣ искали Его убить. Если же Я, говоритъ, и нарушилъ законъ, то для спасенія чловѣка; а вы преступаете его для злодѣянія. Если Мой поступокъ и былъ нарушеніемъ закона, то онъ совершенъ для спасенія, и вамъ, которые преступаете важнѣйшія заповѣди, не слѣдовало судить Меня, потому что ваше преступленіе есть разрушеніе всего закона. Вслѣдъ затѣмъ Христосъ вступаетъ съ ними въ состязаніе; и хотя много бесѣдовалъ объ этомъ и прежде, но тогда возвышеннѣе и согласно съ Своимъ достоинствомъ, а теперь смиреннѣе. Почему же такъ? Потому, что не хотѣлъ часто раздражать ихъ: теперь они и безъ того пламенѣли гнѣвомъ и порывались къ убійству. Поэтому Онъ и старается убѣдить и успокоить ихъ двумя слѣдующими доводами: во-первыхъ, обличаетъ ихъ дерзкое покушеніе, говоря: *что Мене ищете убити*, и присовокупляя съ кротостію: *человѣка, яже истину глаголетъ*; а во-вторыхъ, показываетъ, что они, дыша убійствомъ, недостойны судить другого. Но ты обрати вниманіе на смиреніе, съ какимъ спрашиваетъ Христосъ, и на дерзость, съ какою они отвѣчаютъ. *Бжеа ли имаша: кто Тебе ищетъ убити* (ст. 20)? Это — слова гнѣва и ярости, вылившіяся изъ ихъ души, потерявшей всякій стыдъ и крайне смущенной отъ неожиданнаго обличенія въ томъ, о чемъ они думали. Какъ разбойники, распѣвающіе во время своихъ замысловъ, когда хотятъ застать врасплохъ того, противъ кого злоумышляютъ, дѣлаютъ это молчаливо, такъ — и іудеи. Но

Христось не обличаетъ ихъ за это, чтобы не сдѣлать ихъ еще болѣе безстыдными, и опять начинается оправдываться въ нарушеніи субботы, заимствуя Свои доводы противъ нихъ отъ закона.

3. И смотри, какъ премудро! Нисколько не удивительно, 277 говорить, что вы не слушаете Меня. Вы не слушаете и закона, которому, какъ вамъ кажется, вы повинуетесь и который считаете даннымъ отъ Моисея. Поэтому ничего нѣтъ страннаго, если вы не внимаете Моимъ словамъ. Такъ какъ они говорили: *Моисею малога Богъ, сего же не тѣмъ, откуду есть* (Іоан. ix, 29), то Онъ показываетъ, что они оскорбляли и Моисея. Онъ далъ законъ, а между тѣмъ они не слушали закона. *Едино дѣло сотвориша, и вси дивятся* (21). Смотри: когда Ему нужно оправдываться и опровергать выводимое на Него обвиненіе, Онъ не упоминаетъ объ Отцѣ, но выставляетъ Свое лицо. *Едино дѣло сотвориша*. Этимъ хочетъ показать, что не совершить того дѣла значило бы нарушить законъ, что есть многое, что выше закона, и что Моисей допустилъ заповѣдь вопреки закону и въ то же время высшую, чѣмъ законъ. Обрѣзаніе выше субботы, хотя оно не установлено закономъ, а перешло отъ отцевъ. А Я совершилъ дѣло, которое выше и превосходитъ даже обрѣзанія. Далѣе не упоминаетъ о заповѣди закона, т. е. о томъ, что священники нарушаютъ субботу, какъ сказалъ объ этомъ выше, но (говорить) съ большою силою. Выраженіе же: *дивятся* значитъ: смущаетесь, тревожитесь. Если закону надлежало быть совершенно неизмѣннымъ, то обрѣзаніе не было бы выше его. Онъ не сказалъ также: Я совершилъ дѣло важнѣе, чѣмъ обрѣзаніе; но обличаетъ ихъ сильнѣе, говоря: *иже обрѣзаніе пріемлетъ человекъ* (23). Видишь ли, что законъ тогда преимущественно и остается въ своей цѣлости, когда Христось нарушилъ его? Видишь ли, что нарушеніе субботы есть соблюденіе закона, такъ что если бы не была нарушена суббота. то чрезъ это по необходимости былъ бы нарушенъ законъ? Значитъ и Я не нарушилъ законъ. И не сказалъ: вы гнѣваетесь на Меня за то, что Я совершилъ дѣло большее, чѣмъ обрѣзаніе; но, высказавъ только Свое дѣло, предоставилъ имъ на судъ, не важнѣе ли обрѣзанія всецѣлое здравіе. У васъ, говорить, нарушается законъ для того, чтобы человекъ получилъ знакъ, нимало не способствующій здоровью; и между тѣмъ, когда человекъ избавляется отъ столь тяжелой болѣзни, вы досадуете и негодуете. *Не судите на лица* (24). Что значитъ — *на лица*? Моисей пользуется у васъ большимъ уваженіемъ; но вы произносите судъ, основываясь не на достоинствѣ лица, а на существѣ дѣлъ: это значитъ судить справедливо. Почему никто не обвинялъ Моисея? Почему никто не возставалъ противъ его

повелѣнія нарушать субботу ради заповѣди, отвѣтъ привнесеной въ законъ? Между тѣмъ Моисей допускаетъ, что та заповѣдь (о обрѣзаніи) выше его собственнаго закона, — заповѣдь, 273
которая установлена не закономъ, а привнесена отвѣтъ (что особенно удивительно); а вы, не будучи законодателями, сверхъ мѣры защищаете законъ и мстите за него. Но Моисей, повелѣвшій нарушать законъ ради заповѣди незаконной, заслуживаетъ вѣры болѣе васъ. Словами: *всею целостка* Христосъ показываетъ, что обрѣзаніе приносило только часть здравія. Какое же здравіе отъ обрѣзанія? Всякая душа, сказано, которая не обрѣжется, погубится (Быт. xvi, 14). А Я возставилъ (отъ одра) не отчасти только больного, а совершенно разслабленнаго. Итакъ *не судите на лица*. Будемъ увѣрены, что это сказано не жившимъ только тогда, а и намъ, чтобы мы ни для чего не нарушали справедливости, но все для ней дѣлали. Нищъ ли кто, или богатъ, мы не должны обращать вниманія на лица, но обязаны изслѣдовать ихъ дѣла. *Не помилимъ*, сказано, *нищаго на судъ* (Исх. xxiii, 8). Что это значить? Значить: не преклоняйся и не смягчайся, если несправедливо будетъ поступать и нищій. Если же не должно быть пристрастнымъ къ нищему, то гораздо болѣе — къ богатому. Это говорю я не къ судьямъ только, но и ко всѣмъ людямъ, чтобы они нигдѣ не нарушали справедливости, но вездѣ соблюдали ее свято. *Любите*, сказано, *правду Господь: любяй же неправду ненавидитъ свою душу* (Пс. xlv, 8; x, 5). Не будемъ же ненавидѣть свои души, не будемъ любить неправду. Прибыли отъ ней и теперь, безъ сомнѣнія, мало или вовсе нѣтъ, а въ будущемъ — много вреда. А лучше сказать, мы и теперь не можемъ наслаждаться отъ ней удовольствіемъ. Когда мы живемъ въ роскоши съ злою совѣстію, то не наказаніе ли и не мученіе ли это? Возлюбимъ же справедливость и не будемъ никогда преступать этого закона. Какой плодъ принесетъ намъ настоящая жизнь, если отойдемъ безъ добродѣтели? Что тамъ за насъ будетъ предстательствовать? Дружба ли, родство ли, или чье-либо благоволеніе? Но что я говорю о чьемъ-либо благоволеніи? Хотя бы мы имѣли отцемъ Ноя, или Іова, или Даніила, — и это нисколько не поможетъ намъ, если намъ будутъ измѣнять наши собственные дѣла. Намъ только одно пужно — добродѣтель души. Она въ состояніи будетъ спасти насъ и избавить отъ вѣчнаго огня. Она введетъ насъ въ царство небесное, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА I.

Глаголаху убо нѣцыи отъ Іерусалимлянъ: не сей ли есть, его же ищутъ убити? И се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже ему не глаголютъ. Еда воистинну разумѣша князи, яко сей есть воистинну Христосъ?

Но сего вѣмы, откуда есть (Іоан. VII, 25, 26).

- 277 1. Въ божественномъ Писаніи ничего не сказано безъ цѣли, такъ какъ все изречено Духомъ Святымъ. Потому мы должны все тщательно изслѣдовать. Часто и по одному въ немъ слову можно дойти до цѣлой мысли, какъ, напримѣръ, и въ предложенномъ нынѣ мѣстѣ. Многіе отъ Іерусалимлянъ глаголаху: не сей ли есть, Его же ищутъ убити? И се не обинуяся глаголетъ, и ничесоже Ему не глаголютъ. Зачѣмъ прибавлено: отъ Іерусалимлянъ? Этимъ евангелистъ показываетъ, что тѣ, которые по преимуществу
- 278 удостоились великихъ чудесъ, были жалче всѣхъ, — что тѣ, которые видѣли величайшее знаменіе Его божества, все предоставляли суду своихъ развращенныхъ начальниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не великое ли то было знаменіе, что люди, неистовствовавшіе и дышавшіе убійствомъ, — люди, слѣдившіе за Нимъ и искавшіе Его убить, имѣя уже Его въ рукахъ своихъ, вдругъ успокоились? Кто могъ бы это сдѣлать? Кто могъ бы такъ скоро укротить столь великое неистовство? Однакожь и послѣ такихъ знаменій, смотри, какое у нихъ безуміе и неистовство! Не сей ли есть, Его же ищутъ убити? Смотри, какъ они сами себя осуждаютъ! Его же ищутъ убити, говорятъ, и ничесоже Ему не глаголютъ. И не просто ничего не говорятъ Ему, но даже тогда, какъ Онъ говорить съ дерзновеніемъ. А говоря съ дерзновеніемъ и со всею свободою, Онъ еще болѣе долженъ былъ раздражить ихъ; но они ничего Ему не дѣлаютъ. Еда воистинну разумѣша, яко сей есть Христосъ? А вамъ какъ кажется? Вы какой произносите о
- 279 Немъ судъ? Мы, говорятъ, противоположный. Поэтому они говорили: не сего вѣмы, откуда есть. Какая злоба! Какое противорѣчіе! Не слѣдуютъ даже приговору начальниковъ, а произносятъ свой судъ, несправедливый и достойный ихъ безумія. Сего вѣмы, говорятъ, откуда есть. Христосъ же еда придетъ, никтоже вѣсть, откуда будетъ (ст. 27). Между тѣмъ начальники ваши, будучи спрошены, именно говорили, что Онъ долженъ родиться въ Вилеємѣ. Были опять и такіе, которые говорили: мы вѣмы, яко Моисеомъ глагола Богъ, сего же не вѣмы, откуда есть (Іоан. IX, 29). Вотъ — рѣчи пьяныхъ! И опять: еда изъ Галилеи Христосъ приходитъ? Не отъ Вилеємскія ли вси (ст. 41, 42)? Вотъ — приговоръ людей неистов-

ствующих! Знаемъ, и не знаемъ. Христосъ приходитъ отъ Внелеема, и *Христосъ же ода прїидеть, никтоже вѣсть, откуда будетъ.* Что яснѣе этого противорѣчія? Но они заботились только о томъ, чтобы не вѣровать. Что же на это Христосъ? *И Мене вѣсте, и вѣсте, откуда есмь: и о Себѣ не прїидохъ, но есть истиненъ посланный Мѧ, якоже вы не вѣсте* (ст. 28); и еще: *яже Мѧ вѣсте вѣдали, и Отца Моего вѣдали вѣсте* (Іоан. хiv, 7). Какъ же Онъ говорить, что они знаютъ и Его, и откуда Онъ; а потомъ — что не знаютъ ни Его, ни Отца? Говоря такимъ образомъ, Онъ не противорѣчитъ Себѣ, — нѣтъ; а напротивъ говорить совершенно согласно съ самимъ Собою. Говоря: *не вѣсте*, Онъ разумѣетъ другое вѣдѣніе, подобно тому, какъ говорится: *сынове Иліи, сынове погибельніи не вѣдаютъ Господа* (1 Цар. ii, 12), — и въ другомъ мѣстѣ: *Израиль же Мене не позна* (Ис. i, 8). Въ этомъ смыслѣ и Павелъ говорить: *Бога исповѣдуютъ вѣдати, дѣлы же отъмещутся* (Тит. i, 16). Значитъ, и знающему можно не знать. Итакъ Онъ говорить вотъ что: если вы Меня знаете, то знаете, что Я — Сынъ Божій. Вѣдь слова: *откуда есмь* указываютъ здѣсь не на мѣсто, какъ это видно изъ прибавленія: *и о себѣ не прїидохъ, но посланный Мѧ истиненъ есть, Якоже вы не вѣсте*. Подъ невѣдѣніемъ Христосъ разумѣетъ здѣсь невѣдѣніе дѣлами, о которомъ говорить и Павелъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдати, дѣлы же отъмещутся*. То былъ грѣхъ не невѣдѣнія, а злой и порочной воли. Они знаютъ, и однакожь хотятъ не знать. Но какая во всемъ этомъ связь? Какимъ образомъ Христосъ, въ обличеніе ихъ, говорить то же, что и они? Когда именно они сказали: *но сего вѣмы откуда естъ*, Онъ присовокупилъ: *и Мене вѣсте*. Какъ же они говорили: *не вѣмы*, когда вотъ сами же говорятъ: *вѣмы*? Но говоря: *вѣмы, откуда естъ*, они не иное что высказывали, какъ то, что Онъ отъ земли и сынъ тектона. А Христосъ, говоря: *вѣсте, откуда есмь*, т. е. не оттуда, откуда вы предполагаете, но оттуда, гдѣ Пославшій Меня, — возносилъ ихъ мысль на небо. Слова: *о себѣ не прїидохъ* намекаютъ на то, что они знали, что Онъ посланъ отъ Отца, хотя и не признавались въ томъ. Итакъ, Онъ изобличаетъ ихъ двоякимъ образомъ. И во-первыхъ, чтобы пристыдить ихъ, Онъ открыто объявляетъ предъ всѣми то, что они говорили только тайно. Потомъ открываетъ и то, что было у нихъ въ душѣ, говоря какъ бы такъ: Я не изъ числа людей отверженныхъ и не изъ тѣхъ, которые приходятъ безъ всякой причины; *но истиненъ есть посланный Мѧ, Якоже вы не вѣсте*. Что значитъ: *истиненъ посланный Мѧ*? Если Онъ истиненъ, то и посланъ истинно. Если Онъ истиненъ, то слѣдуетъ, что истиненъ и Посланный.

2. Это же Онъ доказываетъ и другимъ образомъ, уловляя

ихъ собственными ихъ словами. Такъ какъ они говорили: *Христосъ* *егда приидетъ, никтоже есть, откуда будетъ*, то Онъ и отсюда выводилъ заключеніе, что Онъ самъ и есть Христосъ. *Никтоже есть*,—они говорили, имѣя въ виду какое-либо определенное мѣсто. А онъ отсюда и доказываетъ, что Онъ—Христосъ, потому что пришелъ отъ Отца, а знаніе Отца Онъ всюду приписываетъ Себѣ одному, говоря: *не яко Отца кто видѣлъ, токмо сый* отъ Отца (Іоан. vi, 46). Слова Христовы раздражили ихъ, потому что, сказавъ: вы не знаете Его (Отца), и обличивъ въ томъ, что они, зная, притворяются не знающими, Онъ дѣйствительно укололъ и уязвилъ ихъ. *Искашу убо, да имутъ Его: и никтоже возложи на ны руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его* (ст. 80). Видишь ли, какъ невидимою силою они удерживаются и какъ ихъ гнѣвъ обуздывается? Но отчего евангелистъ не сказалъ, что удержалъ ихъ невидимою силою; но—*яко не у бѣ пришелъ часъ Его*? Онъ хотѣлъ выразиться челоуѣкообразіемъ и смиреніемъ, чтобы на Христа смотрѣли и какъ на челоуѣка. Онъ вездѣ говоритъ о Немъ возвышенно; а потому по мѣстамъ примѣшиваетъ и это. Когда же Христосъ говоритъ: *яко отъ него есмь*, то говоритъ не какъ пророкъ, которому сообщается вѣдѣніе, но какъ созерцающій Его (Отца) и сущій съ Нимъ. *Азъ отъ ею*, говоритъ, *яко отъ него есмь* (ст 29). Видишь ли, какъ Онъ всюду подтверждаетъ слова Свои: *не о Себѣ приидохъ*, и: *пославый Мя истиненъ есть*, стараясь убѣдить въ томъ, чтобы не считали Его чуждымъ Богу. И смотри, какой плодъ отъ смиренныхъ словъ. Послѣ этого, сказано, многіе говорили: *Христосъ, егда приидетъ, еда больша знаменія сотворитъ, аже сей творитъ* (ст. 81)? Сколько же знаменій? Было только три знаменія, именно—претвореніе воды въ вино, знаменіе надъ разслабленнымъ и надъ сыномъ царедворца, а больше евангелистъ не сообщилъ ни объ одномъ. А изъ этого видно, что евангелисты, какъ я часто говорилъ, многое проходятъ молчаніемъ и говорятъ намъ о томъ, изъ-за чего злодѣйствовали начальники. *Искашу убо, яко да имутъ его* и убіютъ. Кто искалъ? Не народъ, который не домогался начальства и не могъ быть увлеченъ завистію, а священники. Народъ, съ своей стороны, говорилъ: *Христосъ, егда приидетъ, еда больша знаменія сотворитъ*? Впрочемъ и это не была вѣра здравая, а вѣра, какая обыкновенно бываетъ у простого народа. Сказавъ: *егда приидетъ*, народъ тѣмъ показалъ, что онъ не вполне убѣжденъ, что Иисусъ есть Христосъ. Итакъ, или по этой причинѣ народъ сказалъ тѣ слова, или потому, что говорилъ при многолюдномъ собраніи. Такъ какъ начальники всячески старались доказать, что Онъ не Христосъ, то народъ сказалъ: положимъ, что Онъ не Христосъ; но развѣ Христосъ будетъ

лучше Его? Люди простые и грубые,—я всегда это говорю,—привлекаются не ученіемъ или проповѣдію, а чудесами. *Слышаша Фарисее народъ ропщущъ, и послаша и слугъ, да имуть его* (ст. 82). Видишь ли, что нарушеніе субботы было только предлогомъ и что болѣе всего уязвляло ихъ именно это (сочувствіе народа)? Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ они не находили ничего ни въ Его словахъ, ни въ дѣлахъ, за что бы могли обвинить, то хотѣли схватить Его ради народа; но сами не смѣли, предвидя опасность, а послали наемныхъ слугъ. Какое насиліе и неистовство, или лучше, какое безуміе! Сами много разъ покушались, но не могли, и вотъ поручаютъ это дѣло слугамъ, чтобы какъ-нибудь удовлетворить своей ярости. Много бесѣдоваль Онъ и при купѣли, и они ничего такого не сдѣлали; намѣревались, правда, схватить Его, но не рѣшились. А теперь они уже не могутъ болѣе выносить, такъ какъ народъ готовъ былъ устремиться къ Нему. Что же Христосъ? *Еще мало время съ вами есмь* (ст. 83). Имѣя силу и преклонить и 381 утратить слушателей, Онъ произносить слова, исполненные смиренномудрія, и говорить какъ бы такъ: зачѣмъ вы стараетесь убить Меня и преслѣдовать? Потерпите немного,—Я дозволю вамъ задержать Меня и безъ вашего старанія. Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что въ словахъ: *еще мало время съ вами есмь* Онъ говоритъ объ общей для всѣхъ смерти (а такъ и дѣйствительно думали),—чтобы, говорю, кто не подумалъ этого, а вмѣстѣ и того, что по смерти Онъ уже не будетъ дѣйствовать,—Онъ присовокупилъ: *и идѣже есмь Азъ, вы не можете прийти*. Если бы Онъ долженъ былъ остаться въ области смерти, то и они могли бы (туда) придти, потому что всѣ мы туда отходимъ. Эти слова преклонили къ Нему людей простыхъ, утратили дерзкихъ, а любознательныхъ побудили спѣшить къ слушанію, потому что уже не много остается времени и не всегда можно будетъ пользоваться такимъ ученіемъ. И Онъ не сказалъ просто: здѣсь есмь, но: *съ вами есмь*, т. е., хотя вы Меня преслѣдуете и гоните, но Я и на короткое время не перестану устроить ваше счастье, говорить то, что относится къ вашему спасенію и наставлять васъ. *И иду къ послаемому Мнѣ*. Это, естественно, могло утратить ихъ и привести въ безпокойство, потому что (здѣсь) Онъ показываетъ, что придетъ время, когда они будутъ нуждаться въ Немъ. *Взмѣщите*, говорить, *Мене*,—не только не забудете, но и *взмѣсите Мене*,—и не *обрящете* (ст. 84). Когда же іудеи искали Его? Лука говорить, что о Немъ плакали жены, а вѣроятно, и многіе другіе, какъ тогда, такъ и при плѣненіи города, вспоминали о Христѣ и Его чудесахъ и желали Его присутствія. Все же это Онъ сказалъ для того, чтобы привлечь ихъ къ Себѣ. И дѣйствительно,

какъ то, что уже не много оставалось времени, такъ и то, что, по отшествіи, Онъ будетъ для нихъ вожделѣннымъ и что уже нельзя будетъ найти Его,—все это могло расположить ихъ обратиться къ Нему. Если бы Его присутствіе не должно было сдѣлаться для нихъ вожделѣннымъ, то въ Его словахъ не было бы для нихъ ничего особенно важнаго. Съ другой стороны, если бы оно и должно было сдѣлаться вожделѣннымъ, но можно было бы найти Его, то и этимъ Онъ не смутилъ бы ихъ.

8. Равнымъ образомъ, если бы Онъ еще долгое время оставался среди нихъ, то и въ этомъ случаѣ они были бы беззаботны. Но теперь Онъ со всѣхъ сторонъ тревожитъ ихъ и устрашаетъ. А словами: *иду къ пославшему Мя* показываетъ, что отъ ихъ злого умысла Онъ не потерпитъ никакого вреда и что Его страданіе будетъ добровольное. Итакъ, Онъ изрекъ два предсказанія,—одно, что спустя немного времени Онъ отойдетъ, другое, что они не придутъ къ Нему. Что Онъ предсказалъ Свою кончину, это, конечно, не было дѣломъ ума человѣческаго. Смотри, вотъ и Давидъ говорить: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть, да разумю, что лишаюся азъ* (Пс. ххviii, 5). Да и подлинно никто не можетъ узнать этого. Отъ одного же (предсказанія) получаетъ достовѣрность и другое. А я думаю, что тѣ слова прикровенно относились и къ слугамъ и что Христосъ и къ нимъ обращалъ свою рѣчь, чѣмъ наиболѣе и привлекъ ихъ къ Себѣ, показавъ, что знаетъ, зачѣмъ они пришли; Онъ какъ бы такъ говорилъ: потерпите немного, и Я отойду. *Рини же іудеи къ себѣ: камо сей хочетъ ити* (ст. 35)? Правду сказать, тѣмъ, которые желали освободиться отъ Него и употребляли всѣ средства, чтобы не видѣть Его, не слѣдовало бы доискиваться этого, а слѣдовало сказать: мы и рады (что ты уходишь); когда только это будетъ? Однако же слова (Христовы) нѣсколько тронули ихъ и они стали спрашивать другъ друга, дѣлая неразумныя предположенія: *камо хочетъ ити? Еда ли разсѣяніе Еллинское?* Что значить: *о разсѣяніе Еллинское?* Такъ іудеи называли язычниковъ, потому что тѣ были повсюду разсѣяны и безпрепятственно смѣшивались одни съ другими. Этому же поношенію подверглись впослѣдствіи и сами іудеи, потому что и они были разсѣяны. Но въ древности весь іудейскій народъ былъ собранъ въ одно мѣсто, и іудея нельзя было найти нигдѣ, кромѣ Палестины. Потому-то они и называли язычниковъ разсѣяніемъ, понося ихъ и величаясь собою. А что значить: *идиже Азъ иду, вы не можете прийти?* Въ то время іудеи были уже смѣшаны съ язычниками и находились во всѣхъ странахъ свѣта; слѣдовательно, если бы Христосъ указывалъ здѣсь на язычниковъ, то не сказалъ бы: туда вы не можете прийти. А тѣ, которые говорили:

еда въ разспяніе Еллинское *хочеть ити*, не сказали: и губить (эллин-новъ), но: *учити*. Такимъ образомъ, они уже оставили свой гнѣвъ и повѣрили словамъ Его; если бы не повѣрили, то не стали бы спрашивать другъ друга: *что есть сіе слово?* Но это было сказано іудеямъ; а я боюсь, чтобы и къ намъ не имѣли приложенія тѣ слова, т. е., что гдѣ Онъ, туда мы не можемъ придти,—по причинѣ нашей жизни, исполненной грѣховъ. О Своихъ ученикахъ Христосъ говоритъ: *хочу, да, идѣже есмь Азъ, и тѣи будете со Мною* (Іоан. хѳ, 24); объ насъ же, боюсь, чтобы не было сказано противнаго: *идѣже есмь Азъ; вы не можете прийти*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ придти туда, когда мы поступаемъ вопреки заповѣдямъ? Вѣдь и въ настоящей жизни, если кто-либо изъ воиновъ станетъ дѣйствовать несоотвѣтственно съ достоинствомъ царя, то не будетъ имѣть возможности видѣть царя, а напротивъ лишится своей власти и подвергнется величайшему наказанію.

Такъ и мы, если будемъ похищать и лихоимствовать, если станемъ оказывать несправедливости и обиды и не будемъ творить милостыни, то не только лишимся возможности придти туда, но и потерпимъ тоже, что случилось съ дѣвами. А они не могли войти туда, гдѣ былъ Женихъ, но удалились, потому что угасли ихъ свѣтильники, т. е. оставила ихъ благодать. Дѣйствительно, этотъ огонь, который мы получили по благодати Духа, если захотимъ, мы можемъ усилить; если же не захотимъ, тотчасъ угасимъ его. А когда онъ угаснетъ, въ нашихъ душахъ не останется ничего, кромѣ тьмы. Какъ съ возженіемъ свѣтильника появляется большой свѣтъ, такъ съ его погашеніемъ не остается ничего, кромѣ мрака. Поэтому сказано: *Духа не угашайте* (1 Фессал. v, 19). Угасаетъ же тогда, когда не имѣетъ елѣя, когда подвергается какому-либо сильному напору вѣтра, когда подавляется и стѣсняется (отъ этого именно и гаснетъ огонь); подавляется же житейскими заботами и угасаетъ отъ злыхъ пожеланій. Но, при этомъ, ничто такъ не угашаетъ огонь Духа, какъ безчеловѣчіе, жестокость и хищничество. Если мы, не имѣя елѣя, нальемъ еще холодную воду (а это и есть лихоимство, охлаждающее уныніемъ души обижаемыхъ), то какъ тогда онъ можетъ загорѣться? И вотъ мы отоидемъ отсюда, неся съ собою золу и пепелъ, окруженные великимъ дымомъ, который будетъ обличать насъ въ томъ, что мы угасили свои свѣтильники. Гдѣ дымъ, тамъ необходимо допустить угасшій огонь. Но не дай Богъ никому услышать этотъ гласъ: *не стѣмъ васъ* (Матѣ. ххѳ, 12). А когда можно услышать его, какъ не тогда, когда, видя бѣднаго, мы остаемся въ такомъ же расположеніи духа, какъ если бы не видѣли? Если мы не хотимъ знать Христа, когда Онъ

алчеть, то не узнаетъ и Онъ насъ, когда мы будемъ нуждаться въ Его милости. И справедливо: кто презираетъ несчастнаго и не подаетъ своего, тотъ не долженъ надѣяться получить что-либо изъ того, что не его. Потому, умоляю васъ, будемъ всячески стараться и заботиться, чтобы не оскудѣлъ у насъ елей, чтобы наши свѣтильники были украшены, и мы могли вмѣстѣ съ Женихомъ войти въ брачный чертогъ, чего и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Иисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА LI.

Въ послѣдній же день великій праздника стояше Иисусъ и зваше, глаголя: аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ и пьетъ. Вѣруй въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекуть воды живы (Іоан. vii, 37, 38).

288 1. Приступающіе къ божественной проповѣди и внимательные къ вѣрѣ должны выказывать расположеніе жаждущихъ и возжигать въ себѣ такое же, какъ у нихъ, желаніе. Чрезъ это они будутъ въ состояніи вѣрнѣе удержать въ себѣ проповѣдуемое. Жаждущіе, взявъ чашу, выпиваютъ ее съ великою охотою, и тогда только успокоиваются. Такъ и тѣ, которые слушаютъ божественныя слова, если будутъ принимать ихъ съ жаждою, никогда не отстанутъ отъ нихъ прежде, нежели совершенно насытятся. А что всегда должно жаждать и алкать, объ этомъ сказано: *блаженнѣе алчущіе и жаждущіе правды* (Мате. v, 6). И здѣсь Христосъ говоритъ: *аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ и пьетъ*. Эти слова означаютъ: Я никого не влеку принужденіемъ и насиліемъ; но кто имѣетъ великое усердіе, кто пламенѣетъ желаніемъ, того Я призываю. Но почему евангелистъ замѣтилъ, что (это было) *въ послѣдній день великій*? Потому, что первый и послѣдній дни были великими, а средніе между ними большею частію проводимы были въ увеселеніяхъ. Почему же говоритъ: *въ послѣдній*? Потому, что въ этотъ день всѣ были въ собраніи. Въ первый день (Господь) еще не пришелъ, объяснивъ Своимъ ученикамъ и причину этого. Во второй же и въ третій день, Онъ не говоритъ ничего такого чтобы не тратить напрасно словъ, такъ какъ (іудеи въ эти дни) предавались увеселеніямъ. Но въ послѣдній день, когда они возвращались домой, Онъ даетъ имъ напутствіе ко спасенію и громко говоритъ, частію для того, чтобы показать Свое дерзновеніе, частію по причинѣ большого много-

людства. А чтобы показать, что Онъ говорить о питіи духовномъ, присовокупляетъ: *отруай въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева ея истекутъ воды живы*. Чревомъ называется здѣсь сердце, подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *и законъ твой посреда чрева моего* (Псал. xxxix, 9). Но гдѣ сказано въ Писаніи: *рѣки отъ чрева ея истекутъ воды живы*? Нигдѣ. Что же значать слова: *отруай въ Мя, якоже рече писаніе*? Здѣсь надобно поставить точку, такъ чтобы слова — *рѣки отъ чрева ея истекутъ* — были изрѣченіемъ самого Христа. Такъ какъ многіе говорили: *сей есть Христосъ*, и еще: *Христосъ, егда приидетъ, егда больша знаменія сотворитъ*, то Онъ показываетъ, что должно имѣть правое познаніе и убѣждаться не столько чудесами, сколько Писаніемъ. Дѣйствительно, многіе, хотя и видѣли Его чудодѣйствовавшимъ, однакожь не принимали за Христа, а напротивъ готовы были сказать: *не писаніе ли рече, яко отъ стѣны Давидова Христосъ приидетъ* (Іоан. vii, 42)? Поэтому Христосъ весьма часто обращался къ Писанію, желая показать, что не избѣгаетъ доказательствъ отъ Писанія; поэтому же и теперь отсылаетъ ихъ къ Писаніямъ. Итакъ, выше Онъ говорилъ: *испытайте писаній* (Іоан. v, 39), и еще: *есть писано въ пророцѣхъ, и будутъ вси научени Богомъ* (Іоан. vi, 45), также: *Моисей на вы глаголетъ* (Іоан. v, 45). Равнымъ образомъ и здѣсь говорить: *якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева ея истекутъ*, указывая этими словами на богатство и изобиліе благодати. Это же самое Онъ и въ другомъ мѣстѣ выражаетъ словами: *источникъ воды, текущій въ животъ вѣчный* (Іоан. iv, 14), т. е. (вѣрующій въ Него) будетъ имѣть великую благодать. Итакъ, въ томъ мѣстѣ Онъ называетъ ее животомъ вѣчнымъ, а здѣсь водою живою. Живою же называетъ ее потому, что она всегда дѣйствительна. 284
 Благодать Духа, когда войдетъ въ душу и утвердится въ ней, течетъ сильнѣе всякаго источника, не прекращается, не истощается и не останавливается. Такимъ образомъ, чтобы показать и неоскудѣваемость дара благодати и вмѣстѣ неизреченную ея дѣйственность, Онъ назвалъ ее источникомъ и рѣками, — не одною рѣкою, но безчисленными. А въ томъ мѣстѣ (Іоан. iv, 14) обиліе Онъ представилъ подъ образомъ теченія. И всякій ясно увидитъ истину сказаннаго, если представитъ себѣ мудрость Стефана, языкъ Петра. силу Павла, — какъ ничто ихъ не останавливало, ничто не удерживало, ни ярость народная, ни возстанія тирановъ, ни козни демоновъ, ни ежедневныя смерти, и какъ, напротивъ, они, подобно рѣкамъ, несущимся съ великимъ стремленіемъ, все увлекали въ слѣдъ за собою. *Оіе же рече о Дусѣ, говорить егоже хотѣху пріимати отрующіи: не у бо бѣ Духъ Святый* (Іоан. vii, 39). Какъ же пророки пророчествовали и тво-

рили безчисленныя чудеса? Апостолы изгоняли (демоновъ) не Духомъ, но властію, полученною отъ Христа, какъ Онъ самъ говоритъ: *еще азъ о Вселъзвуть изгоню быси, сынове ваши о коихъ изгоняте* (Матѣ. хп, 27)? А это Онъ говорилъ съ тѣмъ, чтобы показать, что прежде креста не всѣ изгоняли (демоновъ) Духомъ, но полученною отъ Него (Христа) властію. Потому-то, когда Онъ хотѣлъ послать ихъ, то сказалъ: *пріимите Духъ святъ* (Іоан. хх, 22), какъ и въ другомъ мѣстѣ сказано: *пріиде на нихъ Духъ Святый* (Дѣян. хіх, 6), и тогда стали творить чудеса.

2. А когда посылалъ ихъ (прежде страданія), тогда не сказано, что Онъ далъ имъ Духа Святаго, но — *даде имъ власть*, говоря: *прокаженныя очищайте, бысы изгоняйте, мертвыхъ воскрешайте, туне пріимте, туне дадите* (Матѣ. х, 1, 8). Относительно же пророковъ всѣми признано, что они имѣли дарованіе Святаго Духа; но эта благодать оскудѣла, отступила и изсякла на землѣ съ того дня, какъ сказано было: *оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѣ. ххш, 38). Впрочемъ, и прежде этого дня, она уже начала становиться рѣдкою. Вѣдь у нихъ (іудеевъ) не было уже пророка, и благодать не осѣняла ихъ святыни. Итакъ, поелику Духъ Святый былъ отнять, а между тѣмъ впослѣдствіи Онъ имѣлъ излиться обильно, и это изліяніе началось послѣ креста, не только съ обиліемъ, но и съ большими дарованіями [да и дѣйствительно чудеснѣе былъ даръ, когда, напримѣръ, сказано: *не въстаете, коего духа есте* (Іук. іх, 35); и опять: *не пріимте бо духа работы, но пріимте духа сыноположенія* (Рим. вш, 15); древніе, хотя сами и имѣли Духа, но другимъ не сообщали; напротивъ, апостолы исполнили Духомъ безчисленное множество], — поелику, говорю, (вѣрующіе) имѣли получить такую благодать, но она не была еще дарована, то и сказано: *не у бо бѣ Духъ святый*. Итакъ, указывая на эту-то благодать, евангелистъ сказалъ: *не у бо бѣ Духъ святый*, т. е. не былъ еще дарованъ, *яко Іисусъ не у бѣ просвѣщенъ* (Іоанн. вп, 39), — называя славою крестъ. Мы были врагами и грѣшниками, были лишены дара Божія и стали ненавистными Богу; а благодать есть свидѣтельство примиренія, и даръ подается не врагамъ и лицамъ ненавистнымъ, но друзьямъ и людямъ благоудившимъ. Поэтому надлежало прежде принестись за насъ жертвѣ, разрушиться враждѣ во плоти, и намъ содѣлаться друзьями Божиими, и тогда уже получить этотъ даръ. Если такъ было при обѣтованіи, данномъ Аврааму, то тѣмъ болѣе при благодати. Показывая это, Павелъ говоритъ: *еще бо сущи отъ закона наслѣдники, испразднися въра, законъ бо зньтъ содѣлюаетъ* (Рим. іv, 14, 15). Слова его значать слѣдующее: обѣтовалъ Богъ Аврааму и сѣмени его дать землю; но потомки сдѣлались недо-

стойными этого обѣтованія и не могли благоугодить собственными трудами. Поэтому пришла вѣра — дѣло не трудное, чтобы привлечь благодать и чтобы не отпали обѣтованія. *Сего ради отъ тѣхъ*, продолжаетъ апостолъ, *да по благодати, во еже быти истинну обѣтованію* (Рим. iv, 16). Потому — *по благодати*, что не могли (стяжать этого) дѣлами. Но почему, сказаѣ: по Писанію, не приводить самого свидѣтельства? Потому, что іудеи были заражены превратными понятіями. Одни говорили: *сей есть пророкъ*, другіе: *ястимаъ народы*, иные: не отъ Галилеи Христосъ приходитъ, но отъ Виллежскія веси, еще иные: Христосъ егда придетъ, никтоже вѣсти, откуда будетъ; словомъ — мнѣнія были разнообразны, какъ обыкновенно бываетъ въ волнуемомъ народѣ. Да, они и внимали тому, что говорилось, не надлежащимъ образомъ и не съ тѣмъ, чтобы узнать истину. Потому-то Онъ ничего не отвѣчаетъ имъ, хотя они говорятъ: *еда отъ Галилеи Христосъ приходитъ?* А Нааанаила, который выразился сильнѣе и разительнѣе — *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?* — похвалилъ, какъ истиннаго израильянина. Они, равно какъ и тѣ, которые говорили Никодиму: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. vii, 52), говорили это не съ тѣмъ, чтобы узнать истину, но чтобы только опровергнуть мнѣніе о Христѣ; а онъ (Нааанаилъ) говорилъ это потому, что любилъ истину и въ точности зналъ всѣ древнія Писанія. Итакъ, поелику они имѣли одну только цѣль — опровергнуть то, что Онъ есть Христосъ, то Онъ ничего и не открылъ имъ. Притомъ, тѣ, которые и себѣ самимъ противорѣчили, говоря иногда: *никтоже вѣсти, откуда приходитъ*, а иногда — *отъ Виллеама*, очевидно стали бы противиться и послѣ того, какъ узнали бы истину. Пусть они не знали мѣста, именно — что Онъ изъ Вилеема, такъ какъ Онъ жилъ въ Назаретѣ, хотя и это для нихъ не извинительно, потому что Онъ не тамъ родился: но ужели они не знали и рода Его, именно — что Онъ изъ дома и племени Давидова? Какъ же они говорили: *не отъ стѣмене ли Давидова Христосъ придетъ* (Іоан. vii, 42)? Но тѣми словами они и это хотѣли затемнить, потому что обо всемъ говорили злонамѣренно. Почему бы имъ, пришедши къ Нему, не сказать: такъ какъ мы всему прочему удивляемся въ Тебѣ, но Ты повелѣваешь вѣровать въ Тебя по Писаніямъ, то скажи, какимъ образомъ Писанія говорятъ, что Христосъ долженъ придти изъ Вилеема, между тѣмъ какъ Ты пришелъ изъ Галилеи? Но они ничего такого не сказали, а напротивъ все говорятъ съ злымъ умысломъ. А что они не искали истины и не желали узнать ее, евангелистъ тотчасъ присовокупилъ: *нынии гоняху яти его, но никтоже возложи на ны руцѣ* (ст. 44). Если

уже ничто другое, по крайней мѣрѣ это могло привести ихъ въ умиленіе; но они не умилились, какъ говорить пророкъ: *раздѣлился и не умилился* (Пс. xxxiv, 15).

3. Такова-то злоба! Ничему не хочетъ уступить, къ одному только стремится—погубить того, кто подвергся ненависти. Но что говоритъ Писаніе? *Изрывай яму искреннему упадетъ въ ню* (Притч. xxvi, 27). Это сбылось и тогда. Они хотѣли погубить Христа, чтобы уничтожить Его проповѣдь; а случилось противное. Проповѣдь, по благодати Христовой, процвѣтаетъ; а у нихъ все изчезло и погибло: они лишились и отечества, и свободы, и безопасности, и богослуженія, потеряли всякое благоденствіе, и сдѣлались рабами и плѣнниками. Итакъ, зная это, никогда не будемъ злоумышлять противъ другихъ, памятуя, что мы изощряемъ чрезъ это мечъ противъ себя самихъ и наносимъ себѣ глубочайшую рану. Но тебя оскорбилъ кто-нибудь, и ты хочешь ему отомстить? Не мсти. Такимъ только образомъ ты дѣйствительно будешь въ состояніи отомстить. Если же будешь самъ мстить, тогда не отомстишь. И не думай, что эти слова—загадка; нѣтъ, это—истина. Какъ и какимъ образомъ? Такъ, что когда ты не мстишь, тогда поставляешь Бога врагомъ ему (обидчику); а когда самъ мстишь, тогда этого уже не бываетъ. *Милъ отмщеніе, азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Рим. xii, 19). Если мы имѣемъ рабовъ, и они, разсорившись между собою, не намъ, предоставятъ расправу и наказаніе, а присвоятъ ихъ себѣ самимъ, то хотя бы они послѣ тысячу разъ приступали къ намъ, мы не только не отмщаемъ за нихъ, а напротивъ еще гнѣваемся на нихъ, называя ихъ бродягами и забіяками. Все, говоримъ мы имъ, слѣдовало предоставить намъ; но такъ какъ ты прежде отомстилъ самъ за себя, то уже не докучай намъ. Тѣмъ болѣе скажетъ это Богъ, Который повелѣлъ все предоставлять Ему. Да и не стыдно ли, что мы отъ своихъ рабовъ требуемъ такого любуудрія и послушанія, а Господу не предоставляемъ того, чего требуемъ себѣ отъ рабовъ? Это я говорю потому, что вы склонны мстить другъ другу; между тѣмъ, кто истинно любуудрствуетъ, тотъ не долженъ этого дѣлать, а напротивъ долженъ прощать и оставлять грѣхи, хотя бы за это и не было той великой награды—отпущенія собственныхъ грѣховъ. Если ты осуждаешь согрѣшившаго, то зачѣмъ же, скажи мнѣ, самъ грѣшишь и впадаешь въ то же самое? Оскорбилъ ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно; иначе самъ себя оскорбишь. Ударилъ ли кто тебя? Не плати ему тѣмъ же; иначе между вами не будетъ различія. Опечалилъ ли кто тебя? Не огорчай его съ своей стороны, потому что прибыли отъ этого нѣтъ никакой, между

тѣмъ ты опять сдѣлаешся подобнымъ ему. Только тогда ты въ состояніи будешь образумить его, когда перенесешь обиду спокойно и съ кротостію; только чрезъ это ты устыдишь его и укротишь его гнѣвъ. Никто не исцѣляетъ зла зломъ, но зло добромъ. Такъ любуудрствуютъ и нѣкоторые изъ язычниковъ. Если же у несмысленныхъ язычниковъ такое любуудріе, то постыдимся быть хуже ихъ. Многіе изъ нихъ были обиженны, и переносили обиды. Многіе были оклеветаны, и не мстили; подвергались на-вѣтамъ, и благодѣтельствовали. Но я боюсь не мало, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не оказались выше насъ по жизни и чрезъ то не увеличили нашего наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы, которые получили Духа, ожидаемъ царствія, любуудрствуемъ о небесахъ, не боимся геенны, имѣемъ повелѣніе быть ангелами, пользуемся таинствами,—если мы не достигнемъ даже до ихъ добродѣтели, то какое будемъ имѣть извиненіе? Если намъ должно превосходить іудеевъ, такъ какъ сказано: *аще не избудетъ правда ваша паче книжнѣи и фарисей, не увидите въ царствіе небесное* (Матѣ. v, 20), то тѣмъ болѣе язычниковъ. Если (должны мы пре-восходить) фарисеевъ, то тѣмъ болѣе—невѣрныхъ. Если же и въ томъ случаѣ, когда мы не превзойдемъ по жизни іудеевъ, для насъ заключено царство небесное, то какъ сподобимся достигнуть его, когда окажемся хуже и язычниковъ? Удалимъ же отъ себя всякую раздражительность, и гнѣвъ, и ярость. *Также глаголаша мнѣ немощно, вамъ же твердо* (Филип. ш, 1). И врачи употребляютъ нѣсколько разъ одно и тоже лѣкарство. Такъ и мы не перестанемъ одно и тоже внушать, объ одномъ и томъ же на-помянуть, учить, умолять. Вѣдь у насъ много житейскихъ за-287ботъ, которыя могутъ приводить насъ въ забвеніе; а потому и наставленіе намъ нужно постоянное. А что мы не напрасно и не безъ пользы собираемся здѣсь, представимъ доказательство на это въ дѣлахъ, чтобы чрезъ то сподобиться и будущихъ 288благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Ду-хомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА ЛІІ.

Придоша же слуги ко архіереомъ и фарисеомъ, и рѣша имъ тѣи: почто не приведосте его? Отвѣщаша слуги: **николиже тако глаголаше естъ человекъ, яко сей чело-вѣкъ** (Іоан. vii, 45, 46).

1. Нѣтъ ничего яснѣе, ничего проще истины, если мы дѣй-287ствуемъ не злонамѣренно; но когда мы поступаемъ злонамѣренно,

тогда нѣтъ ничего ея труднѣе. Вотъ поэтому-то фарисеи и книжники, люди, считавшіеся самыми мудрыми, хотя всегда находились со Христомъ (съ тѣмъ, чтобы строить противъ Него козни), и видѣли чудеса, и читали Писанія, однакожь не получили никакой пользы, а напротивъ еще потерпѣли вредъ. А слуги, которые не могли сказать о себѣ ничего такого, были уловлены одною только бесѣдою Христа и, отправившись связать Его, возвратились, сами связанные удивленіемъ. Но не одному только благоразумію ихъ надобно удивляться, что они не имѣли нужды въ чудесахъ, а плѣнились единственно ученіемъ,—вѣдь не сказали они: никогда человѣкъ не чудодѣйствовалъ такимъ образомъ, но что? *Никомже тако малолалъ естъ человекъ*,—такъ не одному только этому благоразумію ихъ надобно удивляться, но и дерзновенію, что они говорили это пославшимъ ихъ, фарисеямъ, которые враждовали противъ Него и всячески вооружались. *Придоша же*, сказано, *слуги, и рѣша имъ фарисее: почто не приведете ево?* Что они пришли, это гораздо болѣе значило, чѣмъ если бы они остались: въ послѣднемъ случаѣ они освободились бы отъ гнѣва ихъ, а теперь они дѣлаются провозвѣстниками Христовой мудрости и выразительнѣе обнаруживаютъ свое дерзновеніе. И не говорятъ они: не могли мы по причинѣ народа, потому что народъ внималъ Ему, какъ пророку; а что? *Никомже тако малолалъ естъ человекъ*. Они могли выставить и то оправданіе, однакожь открываютъ свое истинное мнѣніе. А своимъ мнѣніемъ они показали, что не только удивляются Ему, но и осуждаютъ фарисеевъ за то, что они послали ихъ связать того, кого надлежало слушать. Между тѣмъ, они и слышали не продолжительную бесѣду, а краткую. Да, когда умъ безпристрастенъ, тогда и нѣтъ нужды въ пространныхъ рѣчахъ: такова истина! Что же фарисеи? Тогда какъ надобно было придти въ умиленіе, они напротивъ того, съ своей стороны, обвиняютъ слугъ, говоря: *еда и вы трелъщени есте* (ст. 47)? Еще льстятъ и не употребляютъ рѣзкихъ словъ, изъ опасенія, чтобы они совершенно не отдѣлились. Однакожь обнаруживаютъ гнѣвъ, хотя и говорятъ снисходительно. Имъ слѣдовало спросить, что Онъ говорилъ, и подивиться Его словамъ; но они этого не дѣлаютъ, зная, что будутъ уловлены, а напротивъ хотятъ убѣдить ихъ доказательствомъ весьма несмысленнымъ. Почему никто, говорить, *отъ князь етрова еъ онъ* (ст. 48)? Такъ ужели въ этомъ, скажи мнѣ, ты обвиняешь Христа, а не тѣхъ, которые не вѣровали? *Но народъ*, говорятъ, *иже не естъ закона, проклѣти суть* (ст. 49). Оттого-то вы еще болѣе достойны обвиненія, что народъ увѣровалъ, а вы не увѣровали. Народъ поступалъ именно такъ, какъ слѣдовало поступать знающимъ законъ: какимъ же образомъ

прокляти суть? Вы прокляты, несоблюдающіе закона, а не они, повинующіеся закону. Притомъ же не слѣдовало изъ-за невѣрующіхъ обвинять того, кому не вѣрують. Такой способъ не правиленъ. Вотъ и вы не вѣровали Богу, какъ говоритъ Павелъ: *что бо, аще не спровадиха тѣхъ, егда несправедливѣе изъ струи Божіею* 288 *утрадиши?* Да не будетъ (Рим. III, 8). Да и пророки всегда обвиняли ихъ, говоря: *услышите князи содомити* (Ис. I, 10), и: *князи твои не покажутся* (ст. 28), и также: *не вѣмъ ли есть, аще разумѣти судъ* (Мих. III, 1)? И вездѣ очень сильно порицають ихъ. Что же? Ужели поэтому станетъ кто-нибудь обвинять и Бога? Да не будетъ: это ихъ вина. А чѣмъ другимъ можно лучше доказать ваше незнаніе закона, какъ не тѣмъ, что вы не повинуетесь ему? Но такъ какъ они сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него, а незнающіе закона, то ихъ справедливо укоряетъ Никодимъ, говоря такимъ образомъ: *егда законъ нашъ судитъ чловеку, аще не слышитъ отъ него прежде* (ст. 51)? Этими словами онъ показываетъ, что они и не знаютъ закона, и не исполняютъ закона. Если законъ заповѣдуетъ не убивать ни одного чловека, напередъ не выслушавъ его, а они устремились къ этому прежде, чѣмъ выслушали, то они — преступники закона. А такъ какъ они сказали, что *никтоже отъ князъ спрова въ онъ*, то евангелистъ замѣчаетъ, что былъ *одинъ отъ нихъ*, чтобы показать, что и начальники вѣровали въ Него. Правда, они еще не обнаруживали надлежащаго дерзновенія, однакожь были преданы Христу. Смотри, какъ осторожно (Никодимъ) обличаетъ ихъ! Онъ не сказалъ: а вы хотите Его убить и безъ изслѣдованія осуждаете чловека, какъ обманщика. Нѣтъ, не такъ сказалъ онъ, но съ большею снисходительностію, чтобы остановить ихъ сильный порывъ и безразсудное стремленіе къ убійству. Поэтому-то онъ обращается къ закону, говоря: *аще не слышитъ отъ него внимательно и разумѣетъ, что творитъ* (ст. 51). Слѣдовательно нужно не просто только выслушать, но и внимательно. Это именно значать слова: *и разумѣетъ что творитъ*, т. е. чего онъ (обвиняемый) хочетъ, и почему, и для чего, не для ниспроверженія ли общественаго порядка и не какъ врагъ ли. Такъ какъ они съ сомнѣніемъ сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него, то и не отвѣчали ему ни сурово, ни снисходительно.

2. Въ самомъ дѣлѣ, какая, скажи мнѣ, послѣдовательность въ томъ, что на его слова: законъ нашъ не судить никого—они отвѣчаютъ: *егда и ты отъ Гамлаи сси* (ст. 42)? Тогда какъ имъ слѣдовало доказать, что они не безразсудно послали ваять Его, или что нѣтъ надобности позволять Ему защищаться, они весьма грубо и съ большимъ гнѣвомъ возражаютъ: *испытай и окждь*.

яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ (ст. 52). Что же сказалъ этотъ человѣкъ? То ли, что (Христосъ) — пророкъ? Сказалъ, что не должно убивать безъ суда. А они съ укоризною возразили ему это, какъ человѣку, нимало несвѣдущему въ Писаніи. Это тоже, какъ если бы кто сказалъ: пойди научись; это именно означаютъ слова: *испытай и выждь*. Чтоже Христосъ? Такъ какъ они неоднократно упоминали о Галилеи и пророкъ, то Онъ, чтобы избавить всѣхъ отъ такого неправильнаго предположенія и показать, что Онъ не изъ числа пророковъ, но — Владыка міра, говоритъ: *Азъ есмь светъ міру* (ѳш, 12), не Галилеи только, не Палестины, не Іудеи. *Ты о себѣ самъ свидѣтельствующи, свидѣтельство твое истинно* (ѳш, 13). Какое безуміе! Онъ постоянно отсылалъ ихъ къ Писаніямъ, а они говорятъ: *ты о себѣ самъ свидѣтельствующи*. Что же Онъ свидѣтельствовалъ? *Азъ есмь светъ міру*.

289 Великое это изреченіе, поистинѣ великое! Однакожъ оно не очень изумило ихъ, потому что теперь Онъ не равнялъ Себя съ Отцемъ и не называлъ Себя ни Сыномъ Его, ни Богомъ, но только свѣтомъ. Впрочемъ, они хотѣли и это опровергнуть, такъ какъ это гораздо больше значило, чѣмъ слова: *хотѣй по мнѣ не имать ходити во тьмѣ*; свѣтъ и тьму Онъ разумѣетъ въ духовномъ смыслѣ (ст. 12), т. е. не останется въ заблужденіи. Здѣсь Онъ и Никодима привлекаетъ и ободряетъ, такъ какъ онъ обнаружилъ великое дерзновеніе, и восхваляетъ слугъ, которые поступили такимъ же образомъ. То, что Онъ воззвалъ ¹⁾, показываетъ, что Онъ хотѣлъ, чтобы и они услышали. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ показываетъ и то, что они (іудеи) строятъ ковы въ тайнѣ, во мракѣ и заблужденіи, но не преодолеваютъ свѣта; и Никодиму припоминаетъ слова, которыя сказалъ ему прежде: *всякъ, дѣлающій зло, не навидитъ свѣта и не приходитъ къ свету, да не обличится дѣла его* (Іоан. III, 20). Такъ какъ они (фарисеи) сказали, что никто изъ князей не увѣровалъ въ Него, то Онъ и говоритъ: *дѣлающій зло не приходитъ къ свету*, показывая этимъ, что они не пришли не по слабости свѣта, но по развращенію своей волн. *Отъицаша и рече ему: Ты о Себѣ самъ свидѣтельствующи*. Что же Онъ? *Аще Азъ свидѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Моё: яко отъ, откуда придохъ и камо иду, вы же не вѣстаете, откуда прихожду* (Іоан. ѳш, 14). Что Онъ прежде самъ сказалъ, то теперь они противопоставляютъ Ему, какъ изреченіе особенно важное. Чтоже Христосъ? Опровергая это и показывая, что Онъ говорилъ прежде примѣнительно къ нимъ и къ ихъ предположенію, такъ какъ они принимали Его за простаго человѣка, говоритъ: *аще Азъ сви-*

¹⁾ Ср. Іоанн. VII, 37: *и вѣдаше глаголю и пр.*

свидѣтельству о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое, яко въмѣ отъжуду придождѣ. Что это значить? Значить: Я — отъ Бога, и Богъ, и Сынъ Божій. А Богъ самъ о Себѣ достовѣрный свидѣтель. *Вы же не вѣстѣ*: вы, говорить, по своей волѣ поступаете худо, и зная притворяетесь незнающими, обо всемъ говорите по человѣческому разумѣнію, не желая помыслить ни о чемъ выше того, что видимо. *Вы по плоти судите* (ст. 15). Какъ жить по плоти значить худо жить, такъ и судить по плоти — значить судить несправедливо. *Азъ не сужду никомуже. И аще сужду Азъ, судъ Мой истиненъ есть* (ст. 16). Эти слова значать: вы судите несправедливо. Но если мы несправедливо судимъ, могли сказать они, то почему ты не обличаешь насъ, почему не наказываешь, почему не осуждаешь? Потому, отвѣчаетъ Онъ, что Я не для этого пришелъ. Это именно и значать слова: *Азъ не сужду никомуже. Но и аще сужду Азъ, судъ Мой истиненъ есть*. Если бы Я захотѣлъ судить, то вы были бы въ числѣ осужденныхъ; но и это говорю Я, продолжаетъ Онъ, не съ тѣмъ, чтобы судить. Впрочемъ, не потому Я сказалъ: говорю не съ тѣмъ, чтобы судить, будто бы не надѣялся уличить васъ, если бы сталъ судить; нѣтъ, если бы Я сталъ судить, то справедливо осудилъ бы васъ; но потому, что теперь не время суда. Далѣе Онъ сдѣлалъ намекъ и на будущій судъ, сказавъ: *яко единъ нѣсмъ, но Азъ и пославый Мѣ Отецъ* (ст. 16), и вмѣстѣ указавъ, что не Онъ одинъ осуждаетъ ихъ, но и Отецъ. Затѣмъ прикрылъ это, приводя во свидѣтельство о Себѣ: *и въ законъ же вашемъ писано есть, яко двоихъ чловѣковъ свидѣтельство истинно есть* (ст. 17).

3. Что бы сказали здѣсь еретики? Что Онъ имѣетъ большаго предъ людьми, если эти слова будемъ разумѣть просто? По отношенію къ людямъ такъ опредѣлено потому, что никто одинъ и самъ по себѣ не заслуживаетъ довѣрія. Но въ отношеніи къ Богу можетъ ли это имѣть какое-либо значеніе? Почему же сказано: *двоихъ*? Потому ли *двоихъ*, что они — два, или что они люди? Если потому, что они — два, то почему Онъ не прибѣгъ къ Іоанну, и не сказалъ: свидѣтельствую о Себѣ Я, и свидѣтельствуешь обо Мнѣ Іоаннъ? Почему не къ ангелу? Почему не къ пророкамъ? Вѣдь Онъ могъ бы найти множество и другихъ свидѣтельствъ. Но Онъ хочетъ показать не только то, что два, но и то, что Они одного и того же существа. *Глаголашу же ему: кто есть Отецъ Твой?* А Онъ отвѣчаетъ: *ни Мене вѣстѣ, ни Отца Моего* (ст. 19). Такъ какъ они зная говорили, какъ незнающіе, и какъ бы искушали Его, то Онъ и не удостоиваетъ ихъ отвѣта. Поэтому-то, наконецъ, Онъ говорить обо всемъ яснѣе и съ болѣшимъ дерзновеніемъ, имѣя о Себѣ свидѣтельство въ знаменіяхъ и въ ученіи Своихъ послѣдователей, (и зная) что уже близокъ

крестъ. *Вѣмъ, говорить Онъ, откуда придохъ.* Это не очень тронуло ихъ; но слѣдующія затѣмъ слова: *и камо иду* болѣе устрашили ихъ, потому что показывали, что Онъ не пребудетъ въ смерти. Но почему Онъ не сказалъ: знаю, что Я—Богъ, но: *откуда, откуда придохъ?* Онъ всегда примѣшиваетъ уничиженное къ высокому, и объ этомъ послѣднемъ говоритъ прикровенно. Такъ, сказавъ: *Азъ свидѣтельствую о Себѣ*, и доказавъ это, Онъ перешелъ къ словамъ уничиженнѣйшимъ, какъ бы такъ говоря: Я знаю, отъ кого Я посланъ, и къ кому возвращаюсь. Въ этомъ случаѣ (іудей) ничего не могли возразить, потому что слышали, что Онъ отъ Него посланъ и къ Нему отходить. Я, говорить, не сказалъ ничего ложнаго: откуда Я пришелъ, туда и отхожу,—къ истинному Богу. Но вы не знаете Бога. Поэтому судите по плоти. Вы слышали столько свидѣтельствъ и доказательствъ, и еще говорите: *нѣтъ истинно*. Моисея вы признаете достовѣрнымъ, какъ въ томъ, что говорить онъ о другихъ, такъ и въ томъ, что говорить о себѣ; а Христа—нѣтъ. Это значить судить по плоти. Но *Азъ не сужду никомуже*. Между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ: *Отецъ не судитъ никомуже* (Іоан. v, 29). Какъ же здѣсь говорить: *и аще Азъ сужду, судъ Мой истиненъ есть, яко единъ явсмъ* (ст. 16). Опять Онъ говоритъ примѣнительно къ ихъ мнѣнію. То есть, судъ Мой есть судъ Отца. Не иначе судилъ бы и Отецъ, если бы сталъ судить, нежели какъ и Я сужу. И Я не иначе сужу, какъ судилъ бы и Отецъ. Но для чего Онъ упомянулъ и объ Отцѣ? Для того, что они не признавали Сына достойнымъ вѣры, если Онъ не будетъ имѣть свидѣтельства отъ Отца. Въ иномъ смыслѣ эти слова не имѣютъ силы. У людей свидѣтельство тогда бываетъ истиннымъ, когда двое свидѣтельствуютъ въ чужомъ дѣлѣ. Въ этомъ состоитъ свидѣтельство двоиныхъ. Если же кто самъ будетъ свидѣтельствовать о себѣ, то это уже не свидѣтельство двоиныхъ. Видишь ли, что Онъ сказалъ это не для чего другого, какъ для того, чтобы показать свое единосушіе (со Отцемъ), показать, что Самъ по Себѣ Онъ не имѣетъ нужды въ постороннемъ свидѣтельствѣ и что Онъ ничѣмъ не меньше Отца? Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какая самобытность: *Азъ есмь свидѣтельствующій о Мнѣ самомъ, и свидѣтельствуемъ о Мнѣ посланный Мѣ Отецъ* (ст. 18). Не могъ бы Онъ сказать этого, если бы по существу былъ меньше. А чтобы ты не подумалъ, что это ска-

заслуживаетъ довѣрія. Но здѣсь—совсѣмъ напротивъ. И свидѣтельствуя въ своемъ дѣлѣ и говоря, что объ Немъ свидѣтельствуешь другой, Онъ называетъ Себя достовѣрнымъ, показывая въ томъ и другомъ случаѣ Свою самобытность. Въ самомъ дѣлѣ, для чего, сказавши: *едина нѣсмь, но Азъ и послѣдній мѣ Отецъ*, и также: *двоихъ челоѣкъ свидѣтельство истинно есть*,—не пересталъ говорить, но присовокупилъ: *Азъ есмь свидѣтельствующій о Мнѣ самомъ*? Очевидно, для того, чтобы показать свою самобытность. И напередъ Онъ сказалъ о Себѣ самомъ: *Азъ есмь свидѣтельствующій о Мнѣ самомъ*. Этимъ Онъ показываетъ и равночестность свою (съ Отцемъ), и вмѣстѣ то, что нѣтъ никакой пользы для тѣхъ, которые говорятъ, что знаютъ Бога Отца, между тѣмъ не знаютъ Его. А это, говорить, зависитъ отъ того, что не хотятъ Его познать. Поэтому-то и говорить, что безъ Него невозможно познать Отца, чтобы хотя такимъ образомъ привлечь ихъ къ познанію Его. Такъ какъ они, оставляя Его, всегда старались узнать Отца, то онъ говорить: не можете познать Отца безъ Меня. Такимъ образомъ, тѣ, которые хулятъ Сына, не Его только хулятъ, но и Родившаго Его.

4. Будемъ мы избѣгать этого, будемъ прославлять Сына. Если бы Онъ былъ не одного и тогоже естества (съ Отцемъ), то не сталъ бы говорить такимъ образомъ. И если бы Онъ только училъ, а на самомъ дѣлѣ былъ другого естества, то можно было бы, и не зная Его, знать Отца, и наоборотъ, совершенно зная Его, не знать Отца. Кто вѣдь знаетъ челоѣка, тотъ не знаетъ еще ангела. Такъ, скажешь; но, кто знаетъ тварь, тотъ знаетъ и Бога. Нѣтъ; многіе знаютъ тварь, или, лучше сказать—всѣ люди, потому что видятъ ее, и однакожъ не знаютъ Бога. Итакъ, будемъ прославлять Сына Божія не только этою (словесною) славой, но и славой дѣлъ. Первая безъ послѣдней ничего не значить. *Се ты, сказано, іудей именующиися, и почивающи на законѣ, и хвалищися о Бозѣ. Научая убо многа, себе ли не учиши? Иже въ законѣ хвалищися, преступленіемъ закона Бога безчестящися* 292 (Рим. п, 17, 21, 28). Смотри, какъ бы и намъ, хвалящимся правотою вѣры, не обезчестить Бога своею жизнію, не соответствующею вѣрѣ, и не подать повода къ хулѣ на Него. Господь хочетъ, чтобы христіанинъ былъ для вселенной учителемъ, закваскою, свѣтомъ и солю. А что значить свѣтъ? Жизнь свѣтлая, не имѣющая въ себѣ ничего темнаго. Свѣтъ не себѣ полезенъ, равно какъ и соль и закваска, но приносятъ пользу другимъ. Поэтому, отъ насъ требуется, чтобы мы не себѣ только были полезны, но и другимъ. Вѣдь соль, если не осоляетъ, уже не есть соль. Этимъ показывается также и то, что если мы будемъ

вести жизнь добродѣтельную, то и другіе непременно будутъ жить такъ же; равно какъ и наоборотъ — пока мы сами не будемъ добродѣтельными, не принесемъ никакой пользы и другимъ. Да не будетъ у насъ ничего неразумнаго, ничего суетнаго. А таковы мірскія дѣла, таковы житейскія заботы. Потому-то и дѣвы названы юродивыми, что они заботились о пустыхъ мірскихъ дѣлахъ, собирали здѣсь, а не отлагали туда, куда слѣдовало. Но я боюсь, чтобы и намъ не потерпѣть того же. Боюсь, чтобы и намъ не придти одѣтыми въ нечистыя одежды туда, гдѣ всѣ имѣютъ одѣянія свѣтлыя и блистательныя. Нѣтъ ничего грязнѣе, ничего сквернѣе грѣха. Потому-то и пророкъ, изображая природу грѣха, взывалъ: *возсмердѣша и согниша раны мои* (Псал. xxxvii, 6). И если хочешь узнать зловоніе грѣха, то представь его себѣ по совершеніи, въ то время, когда освободишься отъ пожеланія, когда уже не будетъ беспокоить тебя огонь (страсти): тогда ты увидишь, каковъ грѣхъ. Представь себѣ гнѣвъ, когда находишься въ спокойномъ состояніи. Представь любостыжаніе, когда бываешь чуждъ этой страсти. Нѣтъ ничего гнуснѣе, ничего отвратительнѣе хищенія и любостыжанія. Мы часто говоримъ объ этомъ не потому, будто хотимъ тревожить васъ, но для того, чтобы доставить вамъ великую и чудную пользу. Кто не исправился, услышавъ однажды, можетъ быть исправится, услышавъ въ другой разъ, а кто пропустилъ въ другой разъ, исправится въ третій. Да сподобимся же всѣ мы, освободившись отъ всякаго зла, имѣть благоуханіе Христа, Ему же съ Отцемъ и Св. Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА ІІІ.

Сія глаголы глагола Іисусъ въ газофилакїи, уча въ церкви, и никтоже ятъ его, яко не у бѣ пришелъ часъ его (Іоан. viii, 20).

- 291 1. Какъ безумны іудеи! Еще до Пасхи искали Іисуса, потомъ, когда нашли Его среди народа, много разъ пытались схватить Его, и сами непосредственно, и чрезъ другихъ, но не могли: и при всемъ этомъ не подивились силѣ Его, но продолжали упорствовать въ своей злобѣ и не отставали (отъ ней). А что они всегда старались (схватить Его), объ этомъ говорить (евангелисты): *сія глагола въ газофилакїи, уча въ церкви, и никтоже ятъ его*. Онъ говорилъ въ церкви и въ качествѣ учителя, что въ особенности могло раздражать ихъ; притомъ, говорилъ то, изъ-за чего они досадовали и обвиняли Его въ томъ, что Онъ творить Себя

равнымъ Отцу: такой именно смыслъ имѣють слова: *двоихъ чело-
вѣческихъ свидѣтельство истинно есть*. И однакожь, не смотря на то,
что Онъ говорилъ это въ церкви и какъ учитель, *никтоже*, ска-
зано, *яко не у бы пришелъ часъ его*, т. е. не наступило
еще то благоприятное время, въ которое Онъ хотѣлъ быть рас-
пятымъ на крестѣ. Такимъ образомъ, и тогда это было дѣломъ
не ихъ силы, но Его смѣртвнїя. Они и прежде хотѣли (взять Его),
но не могли. Такъ точно и тогда они не могли бы, если бы Онъ 292
самъ не соизволилъ на это. *Рече же имъ паки Іисусъ: Азъ иду, и
взыщете Мене* (ст. 21). Для чего Онъ часто говоритъ объ этомъ?
Для того, чтобы потрясти и утѣшить ихъ души. Въ самомъ
дѣлѣ, смотри, какой страхъ это наводило на нихъ! Не взирая
на то, что хотѣли умертвить Его, чтобы избавиться отъ Него,
они стараются узнать, куда Онъ отходить. Такъ важнымъ они
представляли себѣ это! А съ другой стороны, Онъ хотѣлъ на-
учить ихъ, что это дѣло не зависитъ отъ ихъ насилїя, но что
еще надревле Онъ предъизобразилъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ
предуказалъ уже этими словами и воскресеніе. *Глаголашу убо:
сѣдѣ сѣ самъ убѣтъ* (ст. 22)? Что же Христосъ? Опровергая предпо-
ложеніе ихъ и показывая, что такое дѣло есть грѣхъ, говорить:
вы отъ нижнихъ есте (ст. 23). А это значитъ: нѣтъ ничего удиви-
тельнаго, что такъ думаете вы, люди плотскіе и не помышляющие
ни о чемъ духовномъ. Но Я ничего такого не сдѣлаю: *Азъ отъ
вышнихъ есмь; вы отъ міра сего есте* (ст. 23). Здѣсь опять говорить
о мірскихъ и плотскихъ помыслахъ. Отсюда видно, что и слова:
азъ нѣсмь отъ міра сего означаютъ не то, будто бы Онъ не принялъ
плоти, но что Онъ далекъ отъ ихъ лукавства. Въ самомъ дѣлѣ, 293
Онъ и объ ученикахъ говоритъ, что они *не суть отъ міра*, и одна-
кожь они имѣли плоть. Такимъ образомъ, какъ Павелъ, говоря:
мы нѣсте во плоти (Рим. viii, 9), не безтѣлесными называетъ ихъ
(римлянъ), такъ и Онъ, когда говоритъ объ ученикахъ, что они
не отъ міра, свидѣтельствуешь этимъ не о другомъ чемъ, какъ
только объ ихъ любомудріи. *Речь убо вамъ: яко аще не имете отъри.
яко азъ есмь, умрете во грѣсѣхъ вашихъ* (ст. 24). Дѣйствительно,
если Онъ для того пришелъ, чтобы взять грѣхъ міра, и если
можно совлечься грѣха не иначе, какъ чрезъ крещеніе, то въ
невѣрующемъ по необходимости остается ветхій челоуѣкъ. Кто
не хочетъ умертвить его (ветхаго челоуѣка) и погребсти чрезъ
вѣру, тотъ умретъ съ нимъ, и отойдетъ туда, чтобы понести на-
казаніе за прежніе грѣхи. Поэтому говорилъ: *а не отруи уже осу,
жеденъ есть* (Іоан. iii, 18), не потому только, что онъ не вѣруетъ
но и потому, что отходить отсюда съ прежними грѣхами. *Глаго-
лашу убо ему: ты кто еси* (ст. 25)? Какое безуміе! Послѣ столь

продолжительнаго времени, послѣ знаменій и ученія, они еще спрашиваютъ: *ты кто еси?* Чтоже Христосъ? *Начатокъ, яко и малюю вамъ* (ст. 25). А это значить вотъ что: вы недостойны даже слушать слова Мои, не только знать, кто Я, потому что вы все говорите съ намѣреніемъ искусить Меня и ни мало не внимаете словамъ Моимъ. Во всемъ этомъ Я могъ бы теперь же обличить васъ (это именно значать слова Его: *мною о васъ имамъ глаголати и судити*), и не только обличить, но и наказать; *но посланный Мѧ, т. е. Отецъ, не хочетъ этого. Не приидохъ бо, да сужу миру, но да спасу міръ* (Іоан. хп, 47). *Не посла бо Богъ Сына своего, сказано, да судитъ миру, но да спасется имъ міръ* (Іоан. ш, 17). Итакъ, если Онъ для этого послалъ Меня, а Онъ истиненъ (ст. 26), то Я справедливо не сужу теперь никого, но Я говорю то, что служить ко спасенію, а не къ обличенію. Говорить же это Онъ для того, чтобы не подумали, что Онъ, слыша все, что они говорили, не мститъ имъ по слабости, или что Онъ не понимаетъ ихъ мыслей и насмѣшекъ. *Не разумѣша убо, яко Отца имъ глаголаше* (ст. 27). Какое безсмысліе! Непрестанно говорилъ имъ о Немъ (Отцѣ), и—они не понимали! Вслѣдъ за тѣмъ, такъ какъ ни многими знаменіями, ни ученіемъ не могъ привлечь ихъ къ Себѣ,—Онъ начинаетъ уже бесѣдовать о крестѣ, говоря: *егда вознесете Сына человѣческаго, тогда узразумѣте, яко Азъ есмь, и о Себѣ ничеюже творю, но якоже научи Мѧ Отецъ Мой, сія глаголю. И посланный Мѧ со Мною есть: не остави Мене единого Отецъ* (ст. 28, 29). Этимъ показываетъ, что справедливо сказалъ: *начатокъ, яко и малюю вамъ*.

2. Такъ-то они были невнимательны къ словамъ Его! *Егда вознесете Сына человѣческаго*. Не ожидаете ли вы, что тогда по преимуществу избавитесь отъ Меня, когда умертвите Меня? Но Я говорю: тогда-то особенно вы и узнаете, *яко Азъ есмь*, изъ знаменій, изъ воскресенія и плѣненія; все это дѣйствительно достаточно показывало силу Его. И не сказалъ Онъ: тогда узнаете кто Я, но: когда увидите, что Я ничего не потерплю отъ смерти, *тогда, говорить, узразумѣте, яко Азъ есмь, т. е. Христосъ, Сынъ Божій, все носящій и устраняющій, и не противникъ Его* (Отца). Поэтому-то Онъ и присовокупилъ: *и о Себѣ ничеюже глаголю*. Вы узнаете тогда и то, и другое—и силу Мою, и единомысліе Моё съ Отцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, изреченіе—*о Себѣ ничеюже глаголю*—показываетъ и неразличность существа, и то, что Онъ не говоритъ ничего, несогласнаго съ мыслями Отца. Когда вы лишены будете богослуженія, когда вамъ непозволено будетъ даже служить Ему, какъ прежде, тогда вы узнаете, что это Онъ дѣлаетъ въ отмщеніе за Меня, негодуя на тѣхъ, которые

не послушали Меня. Какъ бы такъ Онъ говорилъ: если бы Я былъ противникъ Богу и чуждъ Ему, то Онъ не воздвигъ бы противъ васъ столь великаго гнѣва. Объ этомъ говорить и Исаія: *дасть лукавія естъ погребенія ея* (Ис. ьш, 9); и Давидъ: *тогда возлазаетъ къ нимъ инъомъ своимъ* (Пс. п, 5); и самъ Христосъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. ххш, 88). Тоже самое показываютъ и притчи, когда, наприкладъ, (Христосъ) говорить: *что сотворишъ дѣлателямъ тѣмъ господимъ винограда твоего? Змихъ змъ погубитъ ихъ* (Матѳ. хх, 40). Видишь ли, что Онъ вездѣ говоритъ такъ потому, что они еще не вѣровали? Но если Онъ погубитъ ихъ, какъ и дѣйствительно погубитъ, потому что сказано: *грамъ моя они, иже не восхотѣша мене, да царь бѣхъ бѣхъ надъ ними, приведите сѣмо, и изсѣчите* (Лук. хіх, 27), то почему Онъ называетъ это не Своимъ дѣломъ, но Отца? Потому, что говорить приспособительно къ ихъ немощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздастъ честь и Родившему Его. Поэтому Онъ не сказалъ: оставлю домъ вашъ пустъ, но: *оставляется*,—выразился безлично. Между тѣмъ, такъ какъ Онъ сказалъ: *когда крати восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣте*, и потомъ уже присовокупилъ: *се оставляется*, то этимъ показывается, что именно Онъ произвелъ это запустѣніе. Такъ какъ вы, говоритъ Онъ, не хотѣли познать Меня, когда Я благодѣтельствовалъ и служилъ вамъ, то узнаете, кто Я, когда подвергнетесь наказаніямъ. *И пославшій Мя Отецъ со Мною есть*, Чтобы не подумали, что выраженіе—*пославшій Мя*—означаетъ, что Онъ меньше,—говоритъ: *со Мною есть*. То указываетъ на домостроительство, а это на Божество. *И не остави Мене единого, яко Азъ угодная Ему всегда творю* (ст. 29). Опять Онъ снизошелъ къ рѣчи уничиженной, непрестанно обращаясь къ тому, что они говорили, именно, что Онъ не отъ Бога, и что не соблюдаетъ субботы. Приспособительно къ этому Онъ говоритъ: *угодная ему всегда творю*, показывая, что и нарушеніе субботы угодно Ему. Такъ Онъ говорилъ и предъ крестомъ: думаете ли, *яко не могу умолиши Отца Моего*,—хотя однимъ только словомъ: *кого ищете повергъ ихъ ницъ на землю*. Почему же Онъ не говоритъ: ужели вы думаете, что Я не могу васъ погубить, когда доказалъ это самымъ дѣломъ? Изъ снисхожденія къ ихъ немощи; а притомъ Онъ всячески старался показать, что не дѣлаетъ ничего противнаго Богу. Такъ точно и здѣсь Онъ говоритъ человѣкообразно. А въ какомъ смыслѣ сказано: *не остави Мене единого*,—въ такомъ же и это: *яко Азъ угодная ему всегда творю. Сіа ему глаголющу, мнози отврощахъ отъ Него* (ст. 30). Когда снизошелъ къ рѣчи уничиженной, тогда многіе увѣровали въ Него. Ужели и послѣ этого станешь еще спрашивать, для чего Онъ говоритъ уничиженно? Евангелистъ ясно

указалъ на причину этого, когда сказалъ: *сія ему глаголющу, мнози отроковица съ нею*. Чрезъ это событіе Онъ какъ бы вопіетъ: не смущайся, слушатель, если услышишь что-нибудь уничиженное, потому что тѣ, которые послѣ столь продолжительнаго ученія не увѣровали, что Онъ отъ Отца, по справедливости должны были слушать рѣчь болѣе уничиженную, чтобы увѣровать. И это же служитъ оправданіемъ тому, что будетъ говорено далѣе уничиженнаго. Итакъ, они увѣровали, но не надлежащимъ образомъ, а просто и какъ случилось, плѣнившись и успокоившись уничиженностію Его словъ. Что дѣйствительно они имѣли вѣру несовершенную, это открываетъ евангелистъ въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ, въ которыхъ они оскорбляютъ Его. А что это тѣ же самыя лица, на это указалъ словами: *глаголаше убо Іисусъ къ отроковицѣмъ ему Іудеомъ: аще вы пребудете во словеси моемъ* (ст. 81), показывая тѣмъ, что они еще не приняли ученія Его, но только 295 внимали Его словамъ. Поэтому и выразился сильнѣе: прежде Онъ просто сказалъ—*взыщите мене*, а теперь прпсовокупилъ—*и ео ирспсѣхъ вашихъ умрете*. Онъ показываетъ и то, какимъ образомъ это произойдетъ, т. е., пришедши туда (въ вѣчность), вы уже не будете имѣть возможности умолишь Меня. *Сіа глаголю въ міръ*. Этими словами Онъ открылъ уже, что Онъ отходитъ къ язычникамъ. Но такъ какъ іудеи еще не поняли, что Онъ прежде говорилъ имъ объ Отцѣ, то Онъ снова вѣщаетъ о Немъ. А евангелистъ представилъ и причину, почему Онъ говорилъ уничиженно.

3. Вотъ, если съ такимъ тщаніемъ, а не какъ-нибудь, мы станемъ изслѣдовать Писанія, то будемъ въ состояніи достигнуть своего спасенія. Если будемъ постоянно упражняться въ нихъ, то узнаемъ и правые догматы и жизнь добродѣтельную. Хотя бы кто былъ крайне упрямъ, и непреклоненъ, и лѣнивъ; хотя бы прежде онъ не приобрѣлъ никакой выгоды,—при всемъ томъ въ настоящее время соберетъ плодъ и получить какую-нибудь пользу,—хотя и не такую, чтобы могъ ее чувствовать, но все же получить. Если тотъ, кто приходитъ въ муроварницу и сидитъ въ подобныхъ заведеніяхъ, невольно проникается благоуханіемъ, то гораздо болѣе тотъ, кто ходитъ въ церковь. Какъ отъ бездѣйствія рождается лѣнь, такъ и отъ упражненія появляется усердіе. Поэтому, хотя бы ты былъ исполненъ безчисленнымъ множествомъ грѣховъ, хотя бы ты былъ нечистъ,—не убѣгай отъ здѣшняго собранія. Но чтожъ, скажешь, если я слушаю, но не исполняю? Не малое приобретеніе и это—признать себя достойнымъ сожалѣнія. Не бесполезенъ и этотъ страхъ; не бесплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о томъ,

что, слушая, не исполняешь, то непременно придеши когда-нибудь и къ исполненію. Кто бесѣдуетъ съ Богомъ и слушаетъ бесѣду Божію, тому невозможно не получить никакой пользы. Вѣдь мы тотчасъ же поправляемъ на себѣ одежду и умываемъ руки, какъ только хотимъ взять Библію. Видишь ли, какое благоговѣніе еще прежде чтенія? Если же мы со вниманіемъ и читать будемъ, то приобрѣтемъ великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы (это чтеніе) не приводило душу въ благоговѣніе, мы не стали бы умывать рукъ; сверхъ того, жена, если она непокрыта, тотчасъ надѣваетъ покрывало, представляя этимъ свидѣтельство своего внутренняго благоговѣнія; а мужъ, если голова его покрыта—обнажаетъ ее. Видишь ли, какъ внѣшній видъ бываетъ провозвѣстникомъ внутренняго благоговѣнія? Потомъ, и сѣвши слушать, человѣкъ часто вадыхаетъ и осуждаетъ свою настоящую 296 жизнь. Будемъ же внимать Писаніямъ, возлюбленные! И если не другое что, то, по крайней мѣрѣ, Евангеліе да будетъ для насъ предметомъ особеннаго вниманія, да будетъ всегда въ нашихъ рукахъ. Вѣдь только что откроешь эту книгу, тотчасъ увидишь предъ глазами имя Христово и тотчасъ услышишь слова: *Исусъ Христово рождество сие бѣ: обрученный бо бывши матери ея Маріи Іосифови, обрѣтется имущи во чревь отъ Духа свята* (Матѣ. 1, 18). А кто услышитъ это, тотчасъ пожелаетъ дѣвства, подвигнется рожденію, отрѣшится отъ земли. Немаловажно и то, что ты увидишь Дѣву, сподобившуюся Духа, и ангела, бесѣдующаго съ нею. Между тѣмъ это еще въ началѣ. Если же ты будешь продолжать чтеніе до конца, то тотчасъ отвергнешь все житейское и будешь смѣяться надъ всѣмъ земнымъ. Если ты богатъ.— за ничто почтешь богатство, когда услышишь, что она, обрученная тектону и происшедшая изъ смиреннаго дома, содѣлалась Матерію твоего Владыки. Если ты бѣденъ,—не будешь стыдиться своей бѣдности, когда узнаешь, что Творецъ міра не устыдился бѣднѣйшаго дома. Помышляя объ этомъ, ты не стѣпешь брать того, что принадлежитъ другимъ; напротивъ, скорѣе самъ сдѣлаешься любителемъ бѣдности и будешь презирать богатство. А достигнувъ этого, ты избѣжишь всякаго зла. Далѣе, когда увидишь Его лежащимъ въ ясляхъ, тогда не будешь стараться украсить свое дитя золотомъ или устроить для своей жены серебряное ложе. А не заботясь объ этомъ, ты не станешь изъ-за этого лихоимствовать и похищать. Много и другихъ выгодъ можно получить, которыхъ нельзя теперь пересказать въ подробности; но ихъ узнають тѣ, которые сдѣлають опытъ. Поэтому умоляю васъ и приобрѣтати книги (Св. Писанія), и усвоять себѣ мысли ихъ, и начертывать ихъ въ душахъ. Іудеямъ, такъ

какъ они не были внимательны, повелѣно было привѣшивать книги къ рукамъ; а мы даже и не на рукахъ, а въ домѣ полагаемъ ихъ, тогда какъ надлежитъ отпечатлѣвать ихъ въ сердцѣ. Черезъ это мы очистимъ настоящую жизнь и достигнемъ будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIV.

Глагола убо Іисусъ къ вѣровавшимъ ему Іудеомъ: аще вы пребудете во словеси Моемъ, воистинну ученицы Мои будете, и уразумѣете истину, и истина свободитъ вы (Іоан. viii, 31, 32).

- 295 1. Великое намъ нужно терпѣніе, возлюбленные! А терпѣніе бываетъ тогда, когда въ насъ глубоко укоренены догматы. Подлинно, какъ дубъ, глубоко пустившій свои корни въ нѣдра земли и тщательно обвязанный, не можетъ быть исторгнутъ никакимъ порывомъ вѣтра, такъ точно и душу, пригвожденную страхомъ Божиимъ, никто не въ состояніи будетъ ниспровергнуть, потому что пригвожденіе еще сильнѣе укорененія. Объ этомъ-то и пророкъ молится говоря: *привози страху твоему плоти моя* (Псал. cxviii, 120). Такъ и ты привози себя и прикрѣпи, какъ бы гвоздемъ, глубоко вонзеннымъ. Какъ съ трудомъ можно овладѣть человекомъ пригвожденнымъ, такъ напротивъ легко взять и нетрудно ниспровергнуть непригвожденного. Вотъ это и случилось въ то время съ іудеями: они и слушали и увѣровали, и опять совратились. Поэтому-то Христосъ, желая углубить въ нихъ вѣру, такъ чтобы она не была поверхностною, пронзаетъ душу ихъ словами, самыми разительными. Конечно, имъ, какъ вѣрующимъ, естественно было бы и обличенія перенести; но они тотчасъ вознегодовали. Какъ же (Христосъ) въ этомъ случаѣ поступаетъ? Сначала увѣщаетъ: *аще вы пребудете во словеси Моемъ, воистинну ученицы Мои будете, и истина свободитъ вы* (ст. 31). Какъ бы такъ говорить: Я намѣренъ напести вамъ глубокую рану, но вы не бойтесь. Впрочемъ, этимъ же самымъ Опъ уже смирилъ и гордость ихъ души. Отъ чего, скажи мнѣ, освободить? Отъ грѣховъ. Что же эти гордецы? *Сынъ Авраамле есмь, и никомуже работамъ николиже* (ст. 33). Тотчасъ ниспала мысль ихъ, а это произошло оттого, что они были крайне пристрастны къ предметамъ мірскимъ. *Аще пребудете во словеси Моемъ.*
- 296

Этимъ Онъ показаль, что Онъ знаетъ тайны ихъ сердца, знаетъ, что они, хотя и увѣровали, но не были твердыми въ вѣрѣ. При этомъ Онъ обѣщаетъ имъ нѣчто великое, именно — что они будутъ Его учениками. Такъ какъ нѣкоторые прежде отпали отъ Него, то, намекая на нихъ, Онъ говоритъ: *еще пребудете; вѣдь и тѣ слушали и увѣровали, но отпали, потому, что не были твердыми въ вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнози отъ ученикъ его идоша вспять, и тому не хождаху съ нимъ* (Іоан. vi, 66). *Уразумѣте истину, т. е. Меня, потому что Азъ есмь истина* (Іоан. xiv, 6). Все іудейское было образомъ, а истину вы узнаете отъ Меня и она освободитъ васъ отъ грѣховъ. Какъ тѣмъ Онъ говорилъ: *во грѣсѣхъ вашихъ умрете*, такъ и этимъ сказалъ: *свободитъ вы*.

Не сказалъ: Я избавляю васъ отъ рабства, но представилъ имъ самимъ уразумѣть это. Чтожъ они? *Смы Абраамъ есмь, и никомуже работатомъ николиже*. Но если ужъ слѣдовало негодовать, то справедливѣе было бы на то, что Онъ сказалъ прежде, именно: *уразумѣте истину*. и—сказать: чтоже? Развѣ теперь мы не знаемъ истины? Значить, законъ и наше знаніе — ложь? Но они ни о чемъ этомъ не заботились, а безпокоятся о мірскихъ дѣлахъ, предполагая этого рода рабство. Есть, подлинно есть, и теперь много такихъ, которые стыдятся вещей безразличныхъ и этого рабства; но не стыдятся рабства грѣховнаго, и лучше хотѣли бы тысячу разъ назваться рабами въ этомъ отношеніи, нежели однажды въ томъ. Таковы-то были и іудеи. Они и не знали другого рабства, а потому и говорятъ: ты назвалъ рабами людей, происшедшихъ отъ рода Авраамова, — людей благородныхъ, которыхъ, по этой именно причинѣ, не слѣдовало называть рабами. Мы, говорятъ, никогда не были рабами. Вотъ чѣмъ тщеславятся іудеи! Мы—*смы Абраамъ*, мы—ізраильтяне; а о своихъ дѣлахъ никогда не упоминають. Поэтому Іоаннъ взывалъ къ нимъ, говоря: *не начинайте славолати въ себѣ: отца имамы Абраама* (Мате. ш, 9). Но почему Христосъ не обличилъ ихъ? Вѣдь они много разъ бывали въ рабствѣ: и у египтянъ, и у вавилонянъ, и у многихъ другихъ. Потому, что Онъ говорилъ не для составленія съ ними, но для ихъ спасенія, и пользы: вотъ о чемъ Онъ заботился. Онъ могъ бы, конечно, сказать о четырехъ стахъ лѣтъ рабства; могъ бы сказать о семидесяти; могъ бы сказать о рабствѣ во времена судей, иногда въ продолженіе двадцати лѣтъ, иногда двухъ, иногда семи; могъ бы сказать, что они никогда не переставали быть рабами. Но Онъ старался доказать не то, что они были рабами людей, но что они—рабы грѣха. А это рабство и есть самое тяжкое; отъ него можетъ избавить одинъ только Богъ, потому что никто другой не можетъ отпускать

грѣховъ, что они и сами признавали. И такъ какъ они признавали это дѣломъ Божиимъ, то Онъ и приводитъ ихъ къ этому, и говорить: *всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха*, показывая, что Онъ говоритъ объ этой свободѣ, о свободѣ отъ этого именно рабства. *Рабъ же не пребываетъ въ дому; сынъ пребываетъ во отцѣ* (ст. 84, 85). И здѣсь Онъ незамѣтно испровергаетъ постановленія закона, указывая на прежнія времена. Чтобы они не ссылались (на законъ) и не говорили: мы имѣемъ жертвы, предписанныя Моисеемъ; онѣ могутъ насъ освободить, — для этого Онъ и присовокупилъ тѣ слова. Иначе, какую послѣдовательность имѣли бы слова Его? *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божіей, оправдаеми туне благодатию ею* (Рим. III, 23), даже сами священники. Поэтому и Павелъ говоритъ о священникѣ, что онъ *долженъ есть, якоже о людехъ, такожде и о себѣ приносити за грѣхи, понеже и той немощію обложенъ есть* (Евр. V, 2, 8). Вотъ это и выражается словами: *рабъ не пребываетъ въ дому*. А сверхъ 298 того здѣсь Христосъ показываетъ и равночестность свою съ Отцемъ и различіе между свободнымъ и рабомъ. Приточное изреченіе имѣетъ именно этотъ смыслъ, т. е. что рабъ не имѣетъ власти, что и означаетъ словомъ: *не пребываетъ*.

2. Но для чего Онъ, говоря о грѣхахъ, упомянулъ о домѣ? Чтобы показать, что какъ хозяинъ надъ домомъ, такъ Онъ властвуетъ надъ всѣмъ. Выраженіе: *не пребываетъ* значить — не имѣетъ власти раздавать даровъ, такъ какъ онъ не домовладыка. А сынъ — домовладыка; это и означаютъ слова: *пребываетъ во отцѣ*, по переносному отъ вещей человѣческихъ выраженію. Чтобы не сказали: Ты кто? — Онъ какъ бы такъ говорить: все — Мое, потому что Я — Сынъ и пребываю въ домѣ Отца, — называя домомъ власть. Такъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ называетъ начальство домомъ Отца: *въ дому Отца Моего обители мнози суть* (Іоан. XIV, 2). Такъ какъ рѣчь была о свободѣ и рабствѣ, то Онъ справедливо употребилъ такое переносное выраженіе, говоря, что они не имѣли власти отпускать (грѣхи). *Аще убо Сынъ еси свободитъ* (ст. 86). Видишь ли единосущіе Его съ Отцемъ, — какъ Онъ показываетъ, что имѣетъ одинаковую съ Нимъ власть? *Аще Сынъ еси свободитъ*, то уже никто не станетъ этому противорѣчить, и вы будете имѣть вѣрную свободу, потому что *Богъ оправдаеи: кто осуждаеи* (Рим. VIII, 33, 34)? Этимъ онъ показываетъ, что Онъ свободенъ отъ грѣха, и вмѣстѣ намекаетъ на свободу только по имени. Послѣднюю дають и люди, но первую одинъ Богъ. А чрезъ это Онъ убѣждаетъ ихъ стыдиться не того рабства, но рабства грѣховнаго. И чтобы показать, что они, хотя бы и не были рабами, такъ какъ отвергли отъ себя то рабство, тѣмъ не менѣе — рабы,

Онъ тотчасъ присовокупилъ: *вы истинны свободны будете*. А этимъ присовокупленіемъ Онъ и показываеъ, что ихъ свобода не истинная. Потомъ, чтобы они не сказали, что не имѣютъ грѣха (а можно было думать, что они и это скажутъ), смотри, какъ Онъ подвергъ ихъ обвиненію въ немъ. Не обличая всей ихъ жизни, Онъ выставляеъ на видъ то злодѣяніе, которое они только еще хотѣли совершить. и говоритъ: *ты, яко сынъ Авраамъ еси, но ищете Мене убити* (ст. 37). Незамѣтно и мало-помалу отстраняеъ ихъ отъ этого родства, научая не превозноситься имъ, потому что какъ свобода и рабство, такъ и родство зависать отъ дѣлъ. И не сказалъ Онъ тотчасъ: вы не дѣти Авраама, вы челоуѣкоубійцы, а Онъ праведникъ; но пока еще соглашается съ ними, и говоритъ: *ты, яко сынъ Авраамъ еси*, но не въ этомъ дѣло; а потомъ произносить противъ нихъ болѣе сильное обличеніе. И весьма часто можно видѣть, что Онъ, намѣреваясь совершить что-нибудь великое, послѣ совершенія, говоритъ съ большимъ дерзновеніемъ, такъ какъ свидѣтельство отъ дѣлъ заграждало имъ уста. *Но ищете Мене убити*. Чтожъ скажутъ, если справедливо? Напротивъ. совсѣмъ несправедливо. Поэтому Онъ представляеъ и причину: *яко слово Мое не вмѣщается въ вы*. Какъ же было сказано, что они увѣровали? Но я уже сказалъ, что они опять отложились. Поэтому-то Онъ сильно и обличаеъ ихъ. Если вы тщеславитесь родствомъ съ нимъ, то вамъ надобно выказывать и жизнь его. И не сказалъ Онъ: вы не вмѣщаете слова, но: *слово Мое не вмѣщается въ вы*, показывая тѣмъ высоту своихъ догматовъ. А за это не убивать слѣдовало, напротивъ — еще болѣе почитать и уважать, чтобы научиться. Чтожъ, могли сказать, можетъ быть, Ты отъ Себя это говоришь? Поэтому Онъ присовокупилъ: *Азъ, еже видѣхъ у Отца Моего, глаголю: и вы еже слышасте у отца вашего, творите* (ст. 38). Какъ Я, говорить, и словами и истинною являю Отца, такъ и вы — своими дѣлами. Я имѣю не только одно и то же существо съ Отцемъ, но и одну и ту же истину. *Рече ему: отцы наши Авраамъ естъ. Глагола имъ Иисусъ: аще чада Авраамъ быте были, дѣла Авраамъ быте творили: нынѣ же ищете Мене убити* (ст. 39, 40). Часто Онъ говоритъ здѣсь объ ихъ преступномъ намѣреніи и упоминаеъ объ Авраамѣ; и это для того, чтобы и отклонить ихъ отъ этого родства, и уничтожить излишнее ихъ тщеславіе, и убѣднить полагать надежду спасенія уже не на Авраама и не на родство по естеству, но на родство по душевному расположенію. То именно и служило для нихъ препятствіемъ приступить ко Христу, что они почитали это родство достаточнымъ для своего спасенія. Но о какой говоритъ Онъ истинѣ? О той, что Онъ равенъ Отцу.

299

Дѣйствительно, за это іудеи искали убить Его, какъ Онъ и говорить: *ищите Мене убить, яко истину вамъ глаголахъ, юже слышите отъ Отца Моего* (ст. 40). Чтобы показать, что это не противно Отцу, Онъ опять прибѣгаетъ къ Нему. *Ръча ему: мы отъ любовѣнія тѣмъ рождени: единому отцу имамъ, Бога* (ст. 41). Что вы говорите? Вы имѣете отцемъ Бога, и обвиняете Христа, когда Онъ говорить это? Видишь ли, что Онъ называлъ Бога Отцемъ Своимъ въ особенномъ смыслѣ?

8. Такъ какъ Онъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ, то они, не имѣя ничего сказать противъ этого, отваживаются на нѣчто еще большее, — прибѣгаютъ къ Богу. Но Онъ лишаетъ ихъ и этой чести, говоря: *аще Богъ Отецъ вашъ бы былъ, любилъ убо бысть Мене: Азъ бо отъ Бога изыдохъ, и придохъ: не о Себѣ бо придохъ, но той Мя посла. Почто бесѣды Моєя не разумаете? Яко не можете слышати словесе Моєю. Вы отца вашего діавола есте, и похоти отци вашегого ищите творити. Онъ челоукоубійца бы исkonsи, и во истинѣ не стоитъ: егда глаголетъ ложу, отъ своихъ глаголетъ* (ст. 42—44). Онъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ; но такъ какъ они отважились на большее, то Онъ уже наноситъ имъ ударъ, говоря, что они не только не чада Авраама, но что они сыны діавола. Чрезъ это Онъ нанесъ имъ рану, равную ихъ безстыдству. И это не оставляетъ безъ свидѣтельства, но подтверждаетъ доказательствами, потому что убивать, говорить, свойственно злобѣ діавола. И не сказать просто: дѣла, но: *похоти* его творите, показывая, что какъ онъ (діаволь), такъ и они крайне склонны къ убійствамъ, и что причиною этого зависть. Въ самомъ дѣлѣ, діаволь погубилъ Адама не потому, чтобы могъ обвинять его въ чемъ-нибудь, но по одной только зависти. Вотъ на это Христосъ и здѣсь указываетъ. *И во истинѣ не стоитъ*, т. е. въ доброй жизни. Такъ какъ (іудеи) постоянно осуждали Его, — что Онъ не отъ Бога, — то Онъ говорить, что и это (обвиненіе) происходитъ оттуда же (отъ діавола), потому что онъ первый породилъ ложь, сказавъ: *въ онъже аще день състѣе отъ него, отверзутся очи ваши* (Быт. III, 5). Онъ же первый и воспользовался ею. Люди пользуются ею не какъ своею, но какъ чужою, а онъ — какъ своею. *Азъ же, зане истину глаголю, не тьрете Мя* (ст. 45). Какая послѣдовательность въ этихъ словахъ? Ни въ чемъ не обвинивъ Меня, вы хотите убить Меня. Вы преслѣдуете 300 Меня, потому что вы враги истины. Если же не потому, то скажите вину Мою. Поэтому и присовокупилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (ст. 46)? Іудеи еще говорили: *мы отъ любовѣнія тѣмъ рождени*. Хотя многіе изъ нихъ были рождены и отъ любовѣнія, потому что у нихъ были и незаконные браки, однакожъ Онъ не

обличаетъ ихъ въ этомъ, а продолжаетъ говорить о прежнемъ. Доказавъ всѣмъ вышесказаннымъ, что они не отъ Бога, а отъ діавола, потому что и убивать есть дѣло діавольское, и лгать дѣло діавольское, а вы дѣлаете и то и другое, — теперь показываетъ, что любовь есть признакъ происхожденія отъ Бога. *Почто бесѣды Моя не разумѣете?* Такъ какъ они всегда съ недоумѣніемъ спрашивали: что это Онъ говоритъ: *а може Азъ иду, ви не можете прийти* (ст. 22)? — то Онъ и отвѣчаетъ: вы не разумѣете бесѣды Моей потѣму, что не вѣщаете въ себѣ слова Божія. А это происходитъ съ вами оттого, что ваши помышленія пресмыкаются по землѣ, между тѣмъ какъ слова Мои гораздо выше. Чтожъ, если они и дѣйствительно не могли разумѣть? Но здѣсь слово — *не можете* значить: не хотите, потому что вы приучили себя пресмыкаться долу и ни о чемъ великомъ не помышляете. А такъ какъ они говорили, что преслѣдуютъ Его по ревности будто бы къ Богу, то Онъ всюду старается показать, что преслѣдовать Его значить ненавидѣть Бога; напротивъ, говорить, любить Его — запачить знатъ Бога. *Единого отца имамъ Бога.* Вотъ чѣмъ хвалятся — честію, а не дѣлами. Итакъ, что вы не вѣруете, это доказываетъ не то, будто Я чуждъ Богу; напротивъ, невѣрованіе ваше служитъ знакомъ того, что вы не знаете Бога. Причина же этому та, что вы хотите лгать и творить дѣла діавольскія, а это происходитъ отъ бѣдности души, какъ говоритъ апостолъ: *идже бо въ васъ зависти, и рвенія, и распри, не плотстїи ли есте* (1 Кор. ш, 3)? Почему вы не можете? Потому, что *похоти отца вашего хотите творити*, — (объ этомъ) стараетесь, ревнуете.

Видишь ли, что слово: *не можете* означаетъ нехотѣніе? *Сего Авраамъ нѣсть сотворилъ* (ст. 40). Какія же дѣла его? Кротость, снисходительность, послушаніе; а вы поступаете напротивъ: вы непокорны и жестоки. Но откуда имъ пришло на мысль прибѣгнуть къ Богу? Христосъ показалъ, что они недостойны Авраама. Вотъ, чтобы избѣжать этого, они и прибѣгли къ большему. Такъ какъ Онъ укорилъ ихъ въ убійствѣ, то они этимъ говорятъ, какъ бы въ нѣкоторое оправданіе себѣ, что они мстятъ за Бога. Но (Христосъ) показываетъ, что и это самое служитъ признакомъ противниковъ Божіихъ. Выраженіе: *изыдохъ* означаетъ, что Онъ отъ Бога. Говоритъ — *изыдохъ*, указывая на Свое пришествіе къ намъ. А такъ какъ можно было ожидать, что они скажутъ: Ты говоришь что-то странное и новое, — то Онъ и прибавляетъ, что пришелъ отъ Бога. Поэтому, говорить, естественно, что вы не слушаете Моихъ словъ, такъ какъ вы отъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, за что вы хотите убить Меня? Въ чемъ можете обвинить Меня? Если же ни въ чемъ, то по-

чему не вѣруете Мнѣ? Доказавъ такимъ образомъ, изъ ихъ лживости и склонности къ убійству, что они происходятъ отъ діавола, Онъ вмѣстѣ показалъ и то, что они чужды Аврааму и Богу, такъ какъ, съ одной стороны, ненавидятъ человѣка, который не сдѣлалъ ничего худого, а съ другой — не слушаютъ слова Его. Такъ Онъ всюду показываетъ, что Онъ не противникъ Божій и что они не по этой причинѣ не вѣровали въ Него, но потому, что были чужды Богу. Въ самомъ дѣлѣ, если не вѣруютъ Тому, Кто грѣха не сотворилъ, Кто говоритъ, что Онъ пришелъ отъ Бога и отъ Него посланъ, Кто изрекаетъ истину. и такъ изрекаетъ истину, что вызываетъ всѣхъ опровергнуть, то очевидно, что невѣрующіе не вѣруютъ въ Него потому, что они люди плотскіе. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что грѣхи уничтожаютъ душу. Потому-то сказано: *поможе немощни быти слуги ваши* (Евр. v, 11). Подлинно, кто не можетъ презрѣть вещей земныхъ, тотъ можетъ ли когда-нибудь любомудрствовать о небесномъ?

- 301 4. Потому, умоляю, будемъ всячески стараться исправить нашу жизнь, очистить нашу душу, чтобы ничто нечистое не служило для насъ препятствіемъ. Засвѣтите въ себѣ свѣтъ знанія, и не бросайте сѣмянъ въ терніе. Кто не знаетъ, что любостыжаніе порокъ, какъ узнаетъ что-нибудь большее? Кто не отвращается отъ этого (земного), тотъ какъ возжелаетъ того (небеснаго)? Хорошо восхищаться, но только не гибнущія вещи, а царство небесное: *нуждники*, сказано, *восхищаются е* (Матѣ. xi, 12); слѣдовательно, не лѣнностію можно достигнуть его, но стараніемъ. Что же значитъ: *нуждники*? Потребно большое усиліе, потому что путь тѣсенъ, нужна душа юншеская и бодрая. Восхищающіе хотятъ всѣхъ предварить, не смотря ни на что, ни на порицаніе, ни на осужденіе, ни на наказаніе; думаютъ лишь объ одномъ, какъ бы овладѣть тѣмъ, что хотятъ восхитить, и предреждаютъ всѣхъ находящихся впереди. Станемъ же мы восхищать царство небесное. Это восхищеніе не грѣшно, а похвально; грѣхъ здѣсь — не восхищать. Здѣсь наше богатство не причиняетъ ущерба другимъ. Постараемся же восхитить и, если насъ удручаетъ гнѣвъ, если тревожатъ вождельнія, то побѣдимъ природу, содѣлаемся кроткими, потрудимся немного, чтобы навсегда успокоиться. Не похищай золота, но похищай богатство, при которомъ золото представляется грязью. Скажи мнѣ: если бы предъ тобою лежали свинецъ и золото, — что бы ты похитилъ?
- 302 Не очевидно ли, что золото? Итакъ, въ томъ случаѣ, когда похищающаго наказываютъ, ты предпочитаешь вещь лучшую: уже ли же тогда, когда похищающій заслуживаетъ честь, ты не

отдашь предпочтенія лучшему? Вѣдь не избралъ ли бы ты (изъ двухъ вещей) предпочтительно эту (лучшую), если бы за похищеніе той и другой было наказаніе? Но здѣсь нѣтъ ничего такого, а напротивъ здѣсь блаженство. Какъ же можно, спросишь, похитить (царство небесное)? Брось то, что у тебя въ рукахъ. Пока будешь держать это,—не можешь похитить того. Представь мнѣ челоуѣка, у котораго руки наполнены серебромъ: въ состояніи ли онъ будетъ похитить золото, пока держитъ серебро, а не броситъ его и не сдѣлается свободнымъ? Похищающій не долженъ быть ничѣмъ связанъ, чтобы не быть задержаннымъ. Вѣдь и нынѣ есть враждебныя силы, которыя нападаютъ на насъ и стараются отнять у насъ (царство небесное). Будемъ же убѣгать отъ нихъ, будемъ убѣгать, не оставляя за собою ничего, за что бы они могли ухватиться. Пресѣчемъ нити, обнажимъ себя отъ предметовъ житейскихъ. Какая вамъ нужда въ шелковыхъ одеждахъ? Доколѣ будемъ укутываться въ эти смѣшныя одѣянія? Доколѣ будемъ зарывать въ землю золото? Я желалъ бы перестать всякій разъ говорить объ этомъ; но вы не позволяете, подавая всегда къ тому поводъ и побужденіе. Теперь, по крайней мѣрѣ, оставимъ это, чтобы, и другихъ научивъ своею жизнію, получить обѣтованныя блага, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LV.

Отвѣщааша убо Іудее и рѣша ему: не добръ ли мы глаголемъ, яко самарянинъ еси Ты и бѣса имаши? Отвѣща Іисусъ: Авъ бѣса не имамъ, но чту Отца (Іоан. viii, 48, 49).

1. Злоба безстыдна и дерзка. Когда бы надобно было устыдиться, тогда она еще болѣе ожесточается. Такъ было и съ іудеями. Имъ надлежало бы придти въ умиленіе отъ словъ и подивиться дерзновенію и послѣдовательности Его бесѣды; а они, напротивъ, поносятъ Его, называютъ самаряниномъ, утверждаютъ, что Онъ имѣетъ бѣса, и говорятъ: *не добръ ли мы глаголемъ, яко самарянинъ еси и бѣса имаши?* Когда Онъ говорилъ нѣчто высокое, тогда этимъ людямъ, крайне безчувственнымъ, казалось это безуміемъ. И хотя евангелистъ выше нигдѣ не замѣтилъ, что они называли Его самаряниномъ, но изъ приведенныхъ словъ можно заключать, что они часто это говорили. Говорятъ:

бѣса имаша. Но кто имѣетъ бѣса? Тотъ ли, кто чтить Бога, или — кто оскорбляетъ чтущаго? Что же Христось,—эта кротость, эта снисходительность? *Азъ бѣса не имамъ, но чтю Отца, пославшаго Мя.* Когда надлежало научить ихъ, смирить великую ихъ надменность и наставить не гордиться Авраамомъ, тогда Онъ былъ строгъ; а когда Ему самому надобно было перенести отъ нихъ поношеніе, тогда Онъ выказываетъ великую кротость.

Когда они говорили: мы имѣемъ отцемъ Бога и Авраама, тогда Онъ сильно поразилъ ихъ; а когда Его самого называли имѣющимъ бѣса, тогда отвѣчаетъ кротко, научая насъ отомщать за то, чѣмъ оскорбляется Богъ, и не обращать вниманія на оскорбленія, наносимыя намъ. *Азъ не ищу славы Моєя* (Іоан. viii, 50). Это, говорить, сказалъ Я съ тѣмъ, чтобы показать, что вамъ, какъ челоуѣкоубійцамъ, не прилично называть Бога отцемъ; значить, Я сказалъ это ради чести Его. и за Него Я слышу это, за Него вы безчестите Меня. Но Я нисколько не обращаю вниманія на это оскорбленіе. Вы дадите отвѣтъ въ своихъ словахъ 302 Тому, за Кого Я слышу это нынѣ. *Азъ не ищу славы Моєя.* По этой-то причинѣ. вмѣсто того, чтобы наказывать васъ, Я обращаюсь къ убѣжденію и совѣтую вамъ дѣлать то, посредствомъ чего вы не только избѣжите наказанія, но и получите вѣчную жизнь. *Аминь, аминь глаголю вамъ: аще кто слово Моєе соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. viii, 51). Здѣсь Онъ говорить не объ одной только вѣрѣ, но и о чистой жизни. Выше Онъ сказалъ: *имать животъ вѣчный* (Іоан. v, 24); а здѣсь говорить: *смерти не имать видѣти*, указывая вмѣстѣ и на то, что они ничего не могутъ Ему сдѣлать. Если не умереть тотъ, кто соблюдаетъ слово Его, то тѣмъ болѣе самъ Онъ. Это поняли и они, и потому говорятъ: *нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаша: Авраамъ умре и пророци умроша* (viii, 52), — т. е. умерли тѣ, которые слушали слово Божіе: такъ ужели не умрутъ слушавшіе Твое слово? *Еда ты болій еси отца нашего Авраама* (ст. 53)? Какое тщеславіе! Опять обращаются къ родству съ нимъ. Имъ слѣдовало бы сказать: ужели ты больше Бога? Или: ужели слышавшіе Тебя больше Авраама? Но они не говорятъ этого, потому что почитали Его меньшимъ даже Авраама. Христось же прежде доказалъ, что они челоуѣкоубійцы, и тѣмъ отстранилъ ихъ отъ родства съ Авраамомъ. Но такъ какъ они оставались при своихъ мысляхъ, то вотъ Онъ снова идетъ къ тому же другимъ путемъ, показывая, что они напрасно трудятся. Впрочемъ, о смерти Онъ нисколько съ ними не бесѣдовалъ, и даже не открылъ и не сказалъ, какую разумѣетъ смерть. Теперь Онъ только увѣряетъ ихъ, что Онъ выше Авраама, чтобы хотя этимъ пристыдить ихъ. Вѣдь

конечно, говорить Онъ, если бы Я былъ и обыкновеннымъ человекомъ, — и тогда не слѣдовало бы убивать Меня, потому что Я не сдѣлалъ ничего худого. Но если Я притомъ говорю истину, и не имѣю никакого грѣха, и посланъ отъ Бога, я больше Авраама, то не безумствуете ли вы и не напрасно ли трудитесь, старясь умертвить Меня? Что же они? *Нимъ разумѣю, яко бѣса имаше.* Но не такъ самарянка; она не сказала Ему: бѣса имѣешь, — но только вотъ что: *еда ты болій еси отца нашего Іакова* (Іоан. IV, 12)? Это — потому, что іудеи были поносители и убійцы, а она желала научиться. По этой-то причинѣ она и выразила недоумѣніе, и давала отвѣты съ приличною скромностію, и называла Его Господомъ. И дѣйствительно, Кто обѣщаетъ гораздо большія (блага). и Кто достоинъ вѣры, Того слѣдовало не оскорблять, а, напротивъ, почитать; но іудеи называютъ Его имѣющимъ бѣса. Тѣ слова, слова самарянки, были выраженіемъ недоумѣнія; а эти выказываютъ людей невѣрующихъ и развращенныхъ. *Еда ты болій еси отца нашего Авраама?* Значить, по тѣмъ словамъ Своимъ (ст. 52), Онъ былъ больше Авраама. И когда вы увидите Его вознесеннымъ, тогда признаете, что Онъ дѣйствительно больше. Поэтому Онъ говорилъ: *еда вознесете* Меня, *тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28). И смотри, какая мудрость: сперва отстранилъ ихъ отъ родства (съ Авраамомъ); затѣмъ показываетъ, что Онъ больше его, а чрезъ это даетъ уже замѣтить, что Онъ несравненно больше и пророковъ. А они всегда называли Его пророкомъ; поэтому Онъ и говорилъ: *слово Мое не лжѣется въ мнѣ* (Іоан. VIII, 37). Тамъ Онъ говорилъ, что воскрешаетъ мертвыхъ (Іоан. V, 21), а здѣсь, что вѣрующій въ Него не узритъ смерти, — это же гораздо важнѣе, чѣмъ не допустить навсегда остаться во власти смерти. Отъ того-то они еще болѣе вознегодовали. Что же они? *Кого Себе самъ Ты твориши* (ст. 53)? И эти слова также укоризненны. Ты, говорятъ, самъ Себя возвеличиваешь. Но Христосъ на это отвѣчаетъ: *иже Азъ славою самъ, слава Моя ничесоже есть* (ст. 54).

2. Что говорить тутъ еретики? Слышалъ (говорять) Христосъ: *еда болій еси отца нашего Авраама*, — но не смѣлъ сказать имъ: такъ точно, а сдѣлалъ это прикровенно. Чтоже? Въ самомъ дѣлѣ слава Его ничего не значить? Для нихъ (іудеевъ) — ничего. Поэтому, какъ Онъ говорилъ: *свидѣтельство Мое истинно*, примѣняясь къ ихъ мнѣнію (Іоан. V, 31), такъ и здѣсь говорить: *есть славы мѣ* (ст. 54). Но почему Онъ не сказалъ: Отецъ, прославившій Меня, какъ говорилъ прежде, но: *ежеже вы глаголете, яко Богъ самъ есть, и не познаете Его* (ст. 54, 55)? Онъ хотѣлъ показать, что они не знаютъ Его не только какъ Отца, но и какъ Бога.

Азъ же съмъ Ею (ст. 55). Слѣдовательно, когда говорю: *Азъ съмъ Ею*, — это не хвастовство; а если бы сказалъ: не знаю Его, — это была бы ложь. Но вы, когда говорите, что знаете Его, говорите ложь. Такимъ образомъ, какъ вы лжете, говоря, что знаете Его, такъ и Я (солгалъ бы), еслибъ сказалъ, что не знаю Его. *Аще Азъ славлюся самъ*. Такъ какъ они говорили: *кого Себе самъ Ты твориши*, то Онъ и отвѣчаетъ: если Я самъ Себя творю, *слава Моя ничесоже есть*. Итакъ, Я знаю Его совершенно, а вы не знаете Его. Впрочемъ, какъ въ отношеніи къ Аврааму Онъ не все отнялъ у нихъ, но сказалъ: *съмъ, яко съмъ Авраамъ есте* (Іоан. VIII, 37), чтобы чрезъ это подвергнуть ихъ большому осужденію, такъ и здѣсь не все отнялъ у нихъ, но что? *Еюже есмъ славолетъ*. Дозволивъ имъ хвалиться этимъ на словахъ, Онъ сдѣлалъ вину ихъ болѣе тяжкою. Какимъ же образомъ вы Его не знаете? Вы поносите Того, Кто все и говоритъ и дѣлаетъ для Него, чтобы прославить Его, и Кто посланъ отъ Него. Но это (кажутъ) остается безъ свидѣтельства. Напротивъ, дальнѣйшія слова служатъ тому доказательствомъ. *И слово Ею соблюдаю* (ст. 55). При этомъ они, конечно, могли бы обличить Его, если бы только имѣли что-нибудь. потому что это служило самымъ сильнымъ доказательствомъ тому, что Онъ посланъ отъ Бога. *Авраамъ, отецъ вашъ, радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой: и видѣ. и возрадовася* (ст. 56). Опять показываетъ, что они чужды Аврааму, такъ какъ чему онъ радовался, о томъ они скорбятъ. А подъ днемъ, мнѣ кажется. Онъ разумѣетъ здѣсь день креста, который (Авраамъ) прообразовалъ принесеніемъ овна и Исаака. Чтожъ они? *Четиредесѣтъ лѣтъ* ¹⁾ *не у имаши, и Авраама ли еси видѣлъ* (ст. 57)? Христосъ говоритъ имъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмъ*. А они *взяша каменіе, да вернутъ намъ* (ст. 58). Видишь ли, какъ Онъ доказалъ, что Онъ больше Авраама? Кто радъ былъ видѣть день Его и почиталъ это для себя вожделѣннымъ, тотъ, очевидно, признавалъ это для себя благодѣяніемъ и былъ меньше Его. А такъ какъ они говорили, что Онъ сынъ тектона, и ничего большаго о Немъ не представляли, то Онъ мало-по-малу возводитъ ихъ къ высокому о Себѣ понятію. Итакъ, когда они слышали, что не знаютъ Бога, тогда не огорчились; а когда слышали: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмъ*, тогда — какъ будто унижалось ихъ благородство — они вознегодовали и стали бросать камни. *Видѣ день Мой, и возрадовася*. Этимъ показываетъ, что не по неволѣ идетъ на страданіе, потому что хвалить того, кто радовался о крестѣ, такъ какъ крестъ былъ спасеніемъ все-

¹⁾ Въ славян. переводѣ Вибніи: «пятидесять».

ленной. А они бросали камни: такъ-то они склонны были къ убійству и дѣлали это самовольно, безъ всякаго изслѣдованія.

Почему же Онъ не сказалъ: *прежде даже Авраамъ не бысть*. Я былъ, но — *Азъ есмь*? Какъ Отецъ Его употребилъ о Себѣ это слово: *есмы*, такъ и Онъ. Оно означаетъ присносущность бытія, независимо ни отъ какого времени. Поэтому слова Его и показались имъ богохульными. И если они не потерпѣли сравненія съ Авраамомъ, хотя это и не такъ важно, то могли ли перестать бросать въ Него (камни), когда Онъ сталъ часто сравнивать Себя съ Богомъ? Поэтому Онъ, дѣйствуя по-человѣчески, снова убѣгаетъ и скрывается. Предложивъ имъ достаточное наставленіе и исполнивъ Свой долгъ, Онъ вышелъ изъ церкви и пошелъ исцѣлять слѣпого, чтобы самыми дѣлами показать, что Онъ прежде Авраама. Но, можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: почему Онъ не уничтожилъ ихъ силу? Въ этомъ случаѣ они, можетъ быть, увѣровали бы. Онъ исцѣлилъ ослабленнаго, — и они не увѣровали. Онъ совершилъ множество и другихъ чудесъ, и во время самаго страданія повергъ ихъ ницъ на землю, и омрачилъ очи ихъ, — и они не увѣровали. Возможно ли же, чтобы они увѣровали, если бы Онъ уничтожилъ ихъ силу? Такъ, нѣтъ ничего хуже души ожесточенной; хотя бы она видѣла знаменія, хотя бы чудеса, — она все остается въ томъ же безстыдствѣ. Вотъ и фараонъ, не смотря на множество казней, вразумлялся только тогда, когда терпѣлъ наказаніе, и до послѣдняго дня остался все такимъ же гонителемъ тѣхъ, которыхъ отпустилъ. Поэтому-то Павелъ неоднократно говоритъ: *да не ожесточится никто отъ васъ лествію грѣховною* (Евр. ш, 18). Какъ силы тѣлесныя со временемъ мертвѣютъ и теряютъ всякую чувствительность, такъ и душа, одержимая многими страстями, становится мертвою для добродѣтели. Тогда, чтобы ты ни представлялъ ей, она ничего не чувствуетъ; хотя бы угрожалъ наказаніемъ или чѣмъ другимъ, она остается безчувственною.

3. Потому-то умоляю васъ, пока еще имѣемъ надежду спасенія, пока можемъ обратиться, будемъ всячески о томъ заботиться. Какъ отчаявшіеся кормчіе, предавъ судно на волю вѣтра, сами нисколько не помогаютъ ему, такъ точно поступаютъ, наконецъ, и тѣ, которые потеряли всякую надежду. Завистливый только то имѣетъ въ виду, какъ бы удовлетворить своему желанію; и хотя бы пришлось ему подвергнуться наказанію, или смерти, — онъ остается преданнымъ одной своей страсти. Человѣкъ распутный и любостыжательный поступаетъ такъ же. Если же такъ велика сила страстей, то гораздо болѣе сила добродѣтели. Если мы презираемъ смерть для первыхъ, то тѣмъ 306

болѣе для послѣдней. Если тѣ пренебрегаютъ своею душою, то тѣмъ болѣе мы должны пренебрегать всѣмъ для своего спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, какое будетъ для насъ оправданіе, когда погибающіе такъ много заботятся о своей гибели, а мы не выкажемъ и такого старанія о своемъ спасеніи, но всегда будемъ истаевать отъ зависти? А вѣдь нѣтъ ничего хуже зависти. Чтобы погубить другого, (завистливый) губить и себя самого. Глазъ завистливаго снѣдается печалію. Завистливый живетъ въ непрерывной смерти, всѣхъ считаетъ своими врагами, даже и тѣхъ, которые ничѣмъ его не обидѣли. Онъ скорбитъ о томъ, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется діаволь. Приобрѣлъ ли кто почтеніе у людей? Это не честь; не завидуй. Почтенъ ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобенъ. Но ты не хочешь? Зачѣмъ же еще и губишь себя? Зачѣмъ бросаешь и то, что имѣешь? Ты не можешь сравняться съ нимъ и сдѣлать что-нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и
306 худое? Если ты не можешь раздѣлять съ нимъ труды его, ты долженъ, по крайней мѣрѣ, радоваться вмѣстѣ съ нимъ, чтобы получить пользу отъ этого сорадованія. Вѣдь часто достаточно бываетъ и одного намѣренія, чтобы получить великое добро. Вотъ, Іезекіиль говоритъ, что моавитяне за то были наказаны, что радовались (несчастію) израильтянъ (Іезек. xxxv, 12); а были и такіе, которые спаслись потому, что воздыхали о бѣдствіяхъ другихъ. Если же есть нѣкоторое утѣшеніе для тѣхъ, которые воздыхаютъ о чужихъ бѣдствіяхъ, то гораздо болѣе (утѣшенія) для тѣхъ, которые радуются почестямъ другихъ. Богъ обвинилъ моавитянъ за то, что они радовались (несчастіямъ) израильтянъ. И хотя самъ же Онъ наказывалъ ихъ, однакожъ Онъ не хочетъ, чтобы мы радовались наказанію другихъ даже и тогда, когда Онъ самъ наказываетъ, — потому что и Самъ не охотно наказываетъ. Если же должно соболѣзновать о наказываемыхъ, то тѣмъ болѣе не должно завидовать тѣмъ, кому воздается честь. Черезъ это именно погибли Корей и Даанъ; кому они завидовали, тѣхъ сдѣлали болѣе славными, а на себя навлекли наказаніе. Зависть есть звѣрь ядовитый, звѣрь нечистый, зло произволенія, не заслуживающее прощенія, порокъ, которому нѣтъ оправданія, причина и матеръ всѣхъ золъ. Итакъ, уничтожимъ ее съ корнемъ, чтобы избавиться и отъ настоящихъ бѣдъ и сподобиться будущихъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, черезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСТДА LVI.

И мимоидый Іисусъ видѣ челоуѣка слѣпа отъ рождества. И вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: равви, это согрѣши, сей ли, или родителя его, яко слѣпъ родися (Іоан. ix, 1, 2)?

1. *И мимоидый видѣ челоуѣка слѣпа отъ рождества.* Будучи 305
весьма челоуѣколюбивъ и заботясь о нашемъ спасеніи, а притомъ желая заградить уста нечестивымъ, Господь не опускаетъ ничего, что только Ему подобало, хотя бы никто Ему не внималъ. Это зналъ и пророкъ, и потому говорилъ: *яко да оправдишиися во словесахъ твоихъ, и побѣдиши, вниде судити ти* (Пс. l, 6). Поэтому-то и теперь, когда не приняли Его высокаго ученія, и даже называли Его бѣснующимся и покушались убить,—Онъ, выйдя изъ храма, исцѣляетъ слѣпого. Такимъ образомъ, Своимъ отсутствіемъ Онъ укрощаетъ ихъ ярость, а совершеніемъ чуда смягчаетъ ихъ жестокосердіе и упорство, и удостовѣряетъ въ словахъ Своихъ. И совершаетъ Онъ чудо не обыкновенное, но такое, которое теперь только въ первый разъ послѣдовало: *отъ отца бо нѣсть слѣпiano, яко кто отверзе очи слѣпу рождену.* Слѣпому, быть можетъ, кто-нибудь и отверзалъ очи, но слѣпорожденному — еще никто. А что Спаситель, выйдя изъ храма, пошелъ нарочно для этого дѣла,—видно изъ того, что самъ Онъ увидѣлъ слѣпого, а не слѣпой подошелъ къ Нему,—и такъ пристально посмотрѣлъ на него, что обратилъ вниманіе и учениковъ. Вотъ это и подало имъ поводъ къ вопросу; видя, какъ Онъ пристально смотритъ, они спросили Его, говоря: *кто согрѣши, сей ли, или родителя его?* Странный вопросъ! Какъ онъ могъ согрѣшить до рожденія? Или какъ могъ быть наказанъ за грѣхи родителей? Какимъ же образомъ они пришли къ такому вопросу? Прежде того, исцѣливъ разслабленнаго, (Христосъ) сказалъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай* (Іоан. v, 14). Итакъ, вспомнивъ, что тотъ разслабленъ былъ за грѣхи, они говорятъ: пусть тотъ разслабленъ былъ за грѣхи: но что Ты скажешь объ этомъ? Онъ ли согрѣшилъ? Но этого нельзя сказать, потому что онъ слѣпъ отъ рожденія. Или 306
родители его? Но нельзя и этого, потому что сынъ не наказывается за отца. Такимъ образомъ, какъ мы, когда видимъ страдающее дитя, и говоримъ: что сказать объ немъ, что сдѣлало это дитя?—этимъ не спрашиваемъ, а выражаемъ недоумѣніе, такъ точно и ученики, когда говорили это, не столько спрашивали, сколько недоумѣвали. Что же Христосъ? *Ни сей согрѣши, ни родителя его.* Этимъ, впрочемъ, Онъ не освобождаетъ ихъ отъ грѣховъ; не

просто сказалъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его*, но присовокупить: *яко слѣпъ родился*. Но да прославится Сынъ Божій. Согрешилъ и онъ, и родители его; но не въ этомъ причина слѣпоты.

Не означаетъ также (Христосъ) этими словами и того, что не этотъ, а другіе подвергались слѣпотѣ по этой причинѣ, то есть за грѣхи родителей, потому что за грѣхи одного нельзя наказывать другого. Если же допустимъ это, то должны будемъ допустить и то, что (слѣпорожденный) согрѣшилъ до рожденія. Значить, какъ словами: *ни сей согрѣши* не то утверждаетъ, что можно отъ рожденія согрѣшить и быть за то наказаннымъ, такъ равно, сказавши: *ни родителя его*, выражаетъ не ту мысль, что можно быть наказаннымъ за родителей. Такое мнѣніе (Господь) опровергаетъ чрезъ Іезекііля: *жизю Азъ, глаголетъ Господь, аще будетъ еще глаголемъ притча сія: отцы ядоша терное, а зубомъ чады ихъ оскомины быша* (Іез. хviii, 8). Да и Моисей говоритъ: *да не укрутъ отцы за сына* (Втор. ххiv, 16). И объ одномъ царѣ повѣствуется, что онъ потому не сдѣлалъ этого (не убилъ дѣтей убійцъ), что соблюдалъ законъ Моисеевъ (4 Цар. хiv, 6). Если же кто скажетъ: какъ же написано: *отдавъ грѣхъ отецъ на чада до третіаго и четвертаго рода* (Исх. хх, 5)?—то мы отвѣтимъ на это, что это не всеобщее опредѣленіе, а сказано примѣнительно къ исшедшимъ изъ Египта. Слова эти значатъ вотъ что: такъ какъ исшедшіе изъ Египта, не смотря на знаменія и чудеса, сдѣлались хуже своихъ предковъ, которые ничего этого не видѣли, то ихъ постигнетъ тоже самое, что постигло ихъ предковъ, потому что они дерзнули на такія же преступленія. А что это именно о нихъ сказано, въ томъ вполнѣ увѣрится всякій, кто вникнетъ въ это мѣсто. Итакъ, почему (слѣпорожденный) родился слѣпымъ? Да явится, говорить, слава Божія. Вотъ опять новое недоумѣніе: какъ будто, безъ его наказанія, нельзя было явиться славы Божіей! Но совсѣмъ не то и сказано, чтобы нельзя было; конечно, было можно; но да явится (слава Божія) и на немъ. Итакъ, скажешь, онъ обиженъ былъ ради славы Божіей? Чѣмъ же обиженъ, скажи мнѣ? Что, если бы Господу было угодно, чтобы онъ и совсѣмъ не родился? Я, съ своей стороны, утверждаю, что онъ получилъ даже благодѣяніе отъ своей слѣпоты, потому что прозрѣлъ внутренними очами. Что пользы въ зрѣніи іудеямъ? Они подверглись только большому наказанію оттого, что остались слѣпыми при своемъ зрѣніи. А ему какой вредъ отъ слѣпоты? Чрезъ нее онъ прозрѣлъ. Такимъ-то образомъ, какъ зло настоящей жизни не есть зло, такъ и добро не есть добро. Только грѣхъ есть зло, а слѣпота не зло. И Кто привелъ (слѣпца) изъ небытія въ бытіе, Тотъ имѣлъ власть и оставить его въ

такомъ положеніи. А нѣкоторые говорятъ, что эта частица (iva—да, чтобы) и указываетъ здѣсь не на причину, а на послѣдствіе,—точно также, какъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *на судъ Азъ въ міръ сей приидохъ, да невидящии видятъ, и видящии слѣпы будутъ* (Іоан. ix, 39). Не для того, конечно, пришелъ Христосъ, чтобы видящіе слѣпы были. Равнымъ образомъ Павелъ говоритъ: *разумное Божіе лѣтъ есть въ насъ, во еже быти имъ безотѣпными* (Рим. i, 1), — хотя Господь не для того явилъ имъ это; чтобы они лишены были оправданія, а для того, чтобы получили оправданіе. И опять въ другомъ мѣстѣ: *законъ же прииде, да умножится прегрѣшеніе* (Рим. v, 20), — хотя законъ пришелъ не для этого, а для обузданія грѣха.

2. Видишь ли, что эта частица вездѣ указываетъ на послѣдствіе? Какъ отличный домостроитель, построивши одну часть дома, другую оставляетъ недоконченною для того, чтобы остальными постройками защитить себя предъ невѣрующими въ устройствѣ всего дома, такъ и Богъ укрѣпляетъ и исправляетъ тѣло наше, какъ бы нѣкоторую обветшавшую храмину, — исцѣляетъ нѣсохшую руку, укрѣпляетъ разслабленные члены, выпрямляетъ хромыхъ, очищаетъ прокаженныхъ, воздвигаетъ больныхъ, восстанавливаетъ разслабленныхъ голеними, воскрешаетъ мертвыхъ, отверзаетъ смежившіяся очи, даетъ зрѣніе тѣмъ, которые никогда его не имѣли. Исправляя, такимъ образомъ, всѣ эти недостатки нашей немощной природы, Онъ являетъ Свое могущество. Когда же (Христосъ) говоритъ: да явится слава Божія, говоритъ о Себѣ, — не объ Отцѣ, потому что слава Отца была явна. Такъ какъ знали, что Богъ создалъ человѣка, взявъ персть отъ земли, то и Христосъ поступилъ такимъ же образомъ. Если бы сказалъ Онъ: Я — Тотъ, Кто взялъ персть отъ земли и создалъ человѣка, то это показалось бы невыносимымъ для слушателей; а когда Онъ показалъ это на дѣлѣ, — они уже не могли оскорбляться. Вотъ почему, взявъ персть и растворивъ ее слюной, Онъ такимъ образомъ обнаружилъ сокровенную Свою славу. Не малая слава въ томъ, чтобы Его признали за Содѣтеля твари. А изъ того дѣйствительно слѣдовало заключать и о прочемъ: часть служила ручательствомъ за цѣлое; несомнѣнность большаго удостовѣряла и въ меньшемъ. Вѣдь человѣкъ превосходнѣе всей твари, а глазъ превосходнѣе всѣхъ нашихъ членовъ. Вотъ почему Христосъ создалъ зрѣніе не просто, а вышесказаннымъ образомъ. Глазъ хотя по величинѣ и малый членъ, но необходимѣе всего тѣла. На это указываетъ и Павелъ, когда говоритъ: *аще речетъ ухо, яко нѣмъ око, нѣмъ отъ тѣла: еда сего ради нѣтъ отъ тѣла* (1 Кор. xii, 16)? Хотя все въ насъ служить до-

казательствомъ премудрости Божіей, но глазъ — по преимуществу. Онъ управляетъ всѣмъ тѣломъ; онъ всему тѣлу придаетъ красоту, онъ украшаетъ лицо, онъ служитъ свѣтильникомъ для всѣхъ членовъ. Что солнце во вселенной, то глазъ въ тѣлѣ. Погаси свѣтъ въ солнцѣ, — и все погибнетъ и придетъ въ смятеніе; погаси свѣтъ въ глазахъ, — бесполезны будутъ и ноги, и руки, и душа. Безъ глазъ становится невозможнымъ познаніе. Посредствомъ ихъ мы познали Бога: *невидима бо его отъ созданія міра, твореными помилшяема, видима суть* (Рим. 1, 20). Такимъ образомъ, глазъ служитъ свѣтильникомъ не только для тѣла, но еще больше, чѣмъ для тѣла, для души. Потому-то онъ и помѣщенъ какъ бы на нѣкоторомъ царскомъ мѣстѣ — вверху, и председательствуетъ надъ другими чувствами. Вотъ его-то и устрояетъ Христосъ. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что Онъ имѣетъ нужду въ веществѣ, когда творить, и чтобы знать, что и въ началѣ Онъ не имѣлъ нужды въ брєніи (Кто произвелъ изъ ничего высшія существа, Тотъ тѣмъ болѣе могъ сотворить глазъ безъ вещества), — дабы, говоря, ты зналъ, что Онъ дѣлаетъ это не по нуждѣ, а для того, чтобы показать, что Онъ же былъ Творцемъ и въ началѣ, — помазавши брєніемъ, говоритъ: *иди, умийся*. Познай, что Я не имѣю нужды въ брєніи, чтобы сотворить глаза, но да явится на немъ (слѣпомъ) слава Моя. А что Онъ о Себѣ самомъ сказалъ эти слова: да явится слава Божія, видно изъ того, что затѣмъ прибавилъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаю Мя*. То есть: Мнѣ должно явить Себя и совершить дѣла, которыя могли бы показать, что Я дѣлаю тоже, что и Отецъ, — не подобное только, но тоже самое. А это служить знакомъ большаго равенства и говорится только о тѣхъ, изъ которыхъ одинъ нисколько не отличенъ отъ другого. Кто же будетъ еще противорѣчить, видя, что Онъ можетъ тоже, что и Отецъ? Онъ не только образовалъ глаза, не только отверзъ ихъ, но и даровалъ зрѣніе; а это служить доказательствомъ, что Онъ вдохнулъ и душу, потому что безъ дѣйствія души и самый совершенный глазъ никогда не можетъ ничего видѣть. Итакъ, Онъ даровалъ и силу души, Онъ далъ и члены со всѣми принадлежностями — съ артеріями, нервами и жилами, съ кровію и со всѣмъ прочимъ, изъ чего слагается наше тѣло. *Мнѣ подобаетъ дѣлати, дождеже день есть* (Іоан. ix, 4). Что значать эти слова? И какую они имѣютъ связь? Очень тѣсную. Вотъ значеніе этихъ словъ: *дождеже день есть*, — доколѣ можно людямъ вѣровать въ Меня, доколѣ продолжается эта жизнь, — *Мнѣ подобаетъ дѣлати*. *Придетъ ночь*, то есть будущее время, *егда никтоже можетъ дѣлати*. Не сказалъ: когда Я не могу дѣлать, но: *когда никтоже можетъ дѣлати*, то

есть, когда не будетъ уже ни вѣры, ни трудовъ, ни покаянія. А что дѣломъ Онъ называютъ вѣру, видно изъ того, что когда Ему говорили: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія*, — Онъ отвѣчаетъ: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, еяже посла онъ* (Іоан. vi, 28 — 29). Но почему же этого дѣла не можетъ никто дѣлать въ то время? Потому, что не будетъ уже и вѣры, но, волею или неволею, всѣ будутъ повиноваться. Итакъ, — чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ дѣлаетъ это по тщеславію, — Онъ показываетъ, что дѣлаетъ все для пользы людей, такъ какъ они только здѣсь имѣютъ возможность вѣровать, а тамъ уже не могутъ сдѣлать 309 для себя ничего полезнаго. Поэтому-то Онъ исцѣлилъ слѣпого, не смотря на то, что тотъ даже не подходилъ къ Нему. Впрочемъ, что слѣпой достойнъ былъ исцѣленія и, если бы имѣлъ зрѣніе, то увѣровалъ бы и приступилъ бы ко Христу, даже если бы слышалъ отъ кого о Его присутствіи, и тогда не преминулъ бы сдѣлать этого, — видно изъ послѣдующаго, изъ его мужества и вѣры. Ему естественно было подумать и сказать: что это такое? Сотворилъ брѣніе, помазалъ мнѣ глаза и сказалъ: *иди, умийся*. Развѣ не могъ исцѣлить, и потомъ уже послать въ Силоамъ? Я часто умывался тамъ вмѣстѣ со многими другими, и не получилъ никакой пользы. Если бы имѣлъ Онъ какую-либо силу, то исцѣлилъ бы теперь же. Такъ говорилъ и Нееманъ объ Елисеѣ. Получивъ приказаніе идти омыться въ Іорданѣ, онъ не повѣрилъ, — не смотря на великую славу Елисея. Но слѣпой былъ чуждъ невѣрія, не возражалъ и не разсуждалъ самъ съ собою: что это такое? Брѣніе ли нужно было возложить? Оно скорѣе можетъ ослѣпить. Кто когда прозрѣвалъ такимъ образомъ? Нѣтъ, Онъ не подумалъ ничего такого. Видишь ли его твердую вѣру и доблесть душевную? *Придетъ ночь*. Этимъ показываетъ, что и послѣ креста будетъ имѣть попеченіе о нечестивыхъ и многихъ привлечетъ, потому что еще *день есть*; но затѣмъ уже окончательно отвергнетъ ихъ. На это и указываетъ словами: *егда въ міръ есмь, светъ есмь міру*. Тоже самое говорилъ Онъ и другимъ: *вѣруйте, дондеже светъ имате* (Іоан. xii, 36).

8. Какъ же Павелъ называлъ настоящую жизнь ночью, а ту (будущую) — днемъ? Этимъ онъ не противорѣчитъ Христу, но говоритъ тоже самое, только не по словамъ, а по мыслямъ. *Ночь*, говоритъ онъ, *прейде, а день приблизися* (Рим. xiii, 12). Ночью называетъ настоящее время по причинѣ сѣдящихъ во тьмѣ, или по сравненію съ тьмѣ (будущимъ) днемъ. Христосъ ночью называетъ будущее, потому что тогда уже не будутъ дѣлать грѣховъ; а Павелъ ночью называетъ настоящую жизнь, потому что живущіе во алѣ и невѣріи находятся во тьмѣ. Такимъ образомъ, бесѣдуя

съ вѣрными, сказалъ: *ночь преиде, а день приблизися*, такъ какъ (вѣрные) имѣютъ насладиться тѣмъ свѣтомъ; ночью же называется прежнюю жизнь, и говоритъ: *отложимъ дѣла темная*. Видишь ли, что въ нихъ-то, по его словамъ, и заключается ночь? Потому и прибавляютъ: *яко во дни, благообразно да ходимъ*, чтобы мы могли насладиться тѣмъ свѣтомъ. Если же такъ прекрасенъ этотъ свѣтъ, то подумай, каковъ будетъ тотъ. Сколько солнечный свѣтъ лучше свѣтильничнаго, столько же, или еще гораздо болѣе, будущій лучше нынѣшняго. Вотъ на это и указывалъ Христосъ, когда говорилъ: *солнце померкнетъ*, то есть, отъ обилія того свѣта не будетъ видно и солнца? И если теперь, для того, чтобы имѣть свѣтлыя и съ здоровымъ воздухомъ дома, мы тратимъ множество денегъ, подвергаясь тяжкимъ трудамъ при постройкахъ, то подумай, не должны ли мы пожертвовать и самыми тѣлами, чтобы создать себѣ свѣтлыя обители тамъ, гдѣ тотъ неизреченный свѣтъ? Здѣсь споры и раздоры по поводу границъ и стѣнъ; тамъ нѣтъ ничего подобнаго; нѣтъ ни зависти, ни клеветы; никто не станетъ спорить съ нами изъ-за границъ. Притомъ этотъ домъ непременно нужно будетъ покинуть, а тотъ останется при насъ навсегда. Этотъ со временемъ неизбѣжно подвергается гніенію и многочисленнымъ поврежденіямъ; тотъ не старѣется никогда. Этого бѣдный не можетъ построить; тотъ можно построить и на двѣ лепты, какъ вдовица. Поэтому крайне прискорбно мнѣ, что при столькихъ, предстоящихъ намъ, благахъ мы безпечны и нерадивы. Чтобы имѣть блистательные дома здѣсь, о томъ мы всячески стараемся; а чтобы на небесахъ устроить себѣ хотя малое пристанище, о томъ не заботимся, не помышляемъ. Скажи мнѣ: здѣсь гдѣ желалъ бы ты имѣть себѣ домъ? Въ пустынѣ, или въ одномъ изъ небольшихъ городовъ? Не думаю; безъ сомнѣнія—въ столицахъ и въ большихъ городахъ, гдѣ больше блеска. Но я веду тебя въ такой городъ, котораго строитель и художникъ—Богъ. Тамъ, умоляю, устрояй и созидай себѣ домъ,—съ меньшими издержками и съ меньшимъ трудомъ. Этотъ домъ созидается руками нищихъ, и онъ есть наилучшее зданіе; а тѣ, которые строятся теперь,—дѣло крайняго безумія. Если бы кто повелъ тебя въ Персію съ тѣмъ, чтобы посмотреть на эту страну и потомъ возвратиться, а между тѣмъ сталъ бы совѣтовать строить тамъ дома: не назвалъ ли бы ты его крайне безумнымъ за то, что онъ совѣтуетъ тебѣ тратиться по пустому? Какъ же ты дѣлаешь тоже самое на землѣ, которую скоро потомъ покинешь? Да я, говоришь ты, оставлю все дѣтямъ. Но вѣдь и они оставятъ скоро послѣ тебя, а нерѣдко и прежде тебя; точно также—и ихъ потомки. Такимъ образомъ и это бываетъ для тебя пово-

домъ къ скорби, когда ты не видишь послѣ себя наслѣдниковъ. Но тамъ нѣтъ нужды опасаться ничего подобнаго; тамъ приобрѣтеніе остается постояннымъ и для тебя, и для дѣтей, и для внуковъ, если они будутъ подражать той же добродѣтели. Тѣмъ зданіемъ завѣдываетъ самъ Христосъ; строящему его нѣтъ нужды ни поставлять надсмотрщиковъ, ни заботиться, ни беспокоиться. Когда дѣло принимаетъ на Себя Богъ, къ чему тогда заботы? Онъ самъ все собираетъ и воздвигаетъ жилище. И не это только удивительно, но и то, что Онъ создаетъ его такъ, какъ нравится тебѣ, или даже лучше, чѣмъ какъ тебѣ нравится и какъ ты желалъ, потому что Онъ наилучшій художникъ и весьма заботится о твоихъ выгодахъ. Хотя бы ты былъ нищимъ и пожелалъ создать такой домъ, это не породитъ противъ тебя зависти, не возбудитъ клеветы, потому что не видитъ его никто изъ тѣхъ, кому знакома зависть, а видятъ ангелы, умѣющіе только радоваться твоему благополучію. Никто не станетъ захватывать границъ твоего дома, потому что тамъ нѣтъ ни одного сосѣда, страждущаго такою болѣзнію. Твоими сосѣдами тамъ будутъ святые, Петръ и Павелъ, всѣ пророки, мученики, сонмъ ангеловъ и архангеловъ. Ради всего этого раздадимъ наше имѣніе нищимъ, чтобы наслѣдовать тѣ обители, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и приспо, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА LVII.

Сія рекъ, плюну на землю, и сотвори брєніе отъ плюновєніа, и помаза очи брєніємъ слѣпому. И рече ему: иди, умыйся въ купели Силоамстѣй (Іоан. ix, 6—7).

1. Желашіе получить какой-либо плодъ отъ того, что про- 311 читывается, не должны оставлять безъ вниманія ни одного слова. Потому-то и заповѣдано намъ изслѣдовать Писанія, что многое, что съ перваго взгляда представляется простымъ, заключаетъ въ себѣ глубокой сокровенный смыслъ. Вотъ таково и настоящее мѣсто. *Сія рекъ*, сказано, *плюну на землю*. Что же такое: сіа? Да явится слава Божія, и: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла пославшаю Мя*. Не безъ намѣренія евангелистъ напомнилъ намъ эти слова, и затѣмъ прибавилъ: *плюну*, но съ тѣмъ, чтобы показать, что слова Онъ подтвердилъ дѣлами. Но затѣмъ для брєніа употребилъ не воду, а плюновєніе? Онъ хотѣлъ послать слѣпому въ Силоамъ, а потому, чтобы ты ничего не приписывалъ источнику, но повзналъ,

что именно испещшая изъ устъ Его сила и образовала и отвергла очи, — Онъ плюпулъ на землю. На это самое указываетъ и евангелистъ словами: *и сотвори брєніе отъ плюновєніа*. Затѣмъ, чтобъ не подумали, что исцѣленіе произошло отъ земли, повелѣлъ умыться. Но для чего было не сдѣлать этого тутъ же, а послать въ Силоамъ? Для того, чтобы ты видѣлъ вѣру слѣпого и чтобы сдѣлать безотвѣтнымъ невѣріе іудеевъ. Естественно, что всѣ видѣли его, когда онъ шелъ съ глазами, помазанными брєніемъ. Такою необычайностію онъ не могъ не привлечь на себя взоры всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и, конечно, всѣ смотрѣли на него со вниманіемъ. Такъ какъ не легко признать, что слѣпой прозрѣлъ, то (Христось) напередъ приготовляетъ дальностію пути многихъ свидѣтелей, а необычайностію зрѣлища — внимательныхъ зрителей, чтобы они, хорошо замѣтивъ, не могли уже говорить: это — онъ, это — не онъ. Кромѣ того, посылая въ Силоамъ, хочетъ и то показать, что Онъ не чуждъ закона и ветхаго заветъа. А, наконецъ, нельзя было опасаться и того, что слава будетъ отнесена къ Силоаму. Многіе и много разъ умывали въ немъ глаза, но не испытывали ничего подобнаго. Нѣтъ, и тутъ дѣйствовала сила Христова, все содѣвающая. Поэтому-то евангелистъ присовокупляетъ намъ и толкованіе. Сказавши: *въ Силоамъ*, прибавилъ: *еже сказается посланъ*, — чтобы ты зналъ, что и тутъ исцѣлилъ его Христось, какъ говоритъ Павелъ: *пѣту бо отъ духовнаго послѣдующаго камєнє, камєнь же бѣ Христось* (1 Кор. х, 4). Значить, какъ духовнымъ камнемъ былъ Христось, такъ и духовнымъ Силоамомъ. А мнѣ кажется, что и внезапное появленіе воды указываетъ намъ на непостижимое таинство. На какое же именно? На нечаянное и неожиданное явленіе (Христово). Но обрати вниманіе на душу слѣпца, во всемъ послушную. Не говорилъ онъ: если брєніе, или плюновєніе можетъ даровать зрѣніе, то какая мнѣ нужда въ Силоамѣ? А если нуженъ Силоамъ, то зачѣмъ брєніе? Зачѣмъ помазалъ мнѣ глаза? Зачѣмъ приказалъ умыться? Нѣтъ, не думалъ онъ ничего подобнаго, но заботился только о томъ, чтобы во всемъ повиноваться Повелѣвающему, и не соблазнялся ничѣмъ происходившимъ. Если же кто спроситъ: **212** какъ онъ прозрѣлъ, отложивши брєніе? — то не услышитъ отъ насъ ничего другого, кромѣ того, что мы не знаемъ, какъ это произошло. И что удивительнаго, если мы не знаемъ? Не зналъ того ни евангелистъ, ни самъ исцѣленный. Онъ зналъ только, что произошло, а какъ — того не могъ понять. И когда спрашивали его объ этомъ, онъ говорилъ: *брєніе возложи мнѣ на очи, и умылся, и вижду*; а какъ это сдѣлалось, онъ не можетъ сказать, хотя бы тысячекратно спрашивали его. *Сосѣди же, и иже близу видѣли его*

прежде, яко слытъ бѣ, глаголаху: не сей ли есть судья и прослай? Ови глаголаху, яко сей есть. Необычайность событія приводила ихъ даже къ невѣрію, не смотря на то, что сдѣлано было такъ много, чтобы устранить всякое недовѣріе. Нѣкоторые говорили: не сей ли есть судья и прослай?

О, какъ велико человѣколюбіе Божіе! До чего не снизошелъ Христосъ, когда великою благостію исцѣляетъ нищихъ, и тѣмъ заграждаетъ уста іудеямъ! Не славныхъ только, и знаменитыхъ, и облеченныхъ властію, но и простыхъ удостоиваетъ одинаковаго попеченія, потому что пришелъ для спасенія всѣхъ. И что было съ разслабленнымъ, тоже случилось и съ слѣпымъ. Ни тотъ не зналъ, кто таковъ исцѣлившій его, ни этотъ. Это произошло оттого, что Христосъ удалился, а Онъ всегда удалялся послѣ исцѣленій, чтобы устранить отъ чудесъ всякое подозрѣніе. Незнавшіе, кто Онъ таковъ, какимъ въ самомъ дѣлѣ образомъ могли благопріятствовать Ему и помогать въ устроеніи этихъ дѣлъ? Что же касается этого слѣпого, то онъ не былъ и изъ числа тѣхъ, которые ходятъ повсюду, но сидѣлъ при вратахъ храма. Но между тѣмъ, какъ всѣ недоумѣваютъ объ немъ, что говорить онъ самъ? *Азъ есмь*. Не устыдился прежней слѣпоты, не убоился ярости народа, не отказался объявить себя, чтобы возвѣститъ о Благодѣтелѣ. *Глаголаху ему: како ти отверзостеса очи?* Онъ отвѣчаетъ: *человѣкъ, малолетый Иисусъ* (ix, 10, 11). Что ты говоришь? Человѣку ли творить такіа дѣла? Но онъ еще не зналъ объ Немъ ничего великаго. *Человѣкъ, малолетый Иисусъ, брѣніе сотвори и помаза.*

2. Смотри, какъ онъ правдивъ. Не сказалъ, изъ чего сдѣлалъ брѣніе: чего не знаетъ, о томъ и не говоритъ. Не видѣлъ онъ, что (Христосъ) плюнулъ на землю; а что помазалъ, это узналъ онъ по ощущенію и осязанію. *И рече ми: иди съ купцемъ Силоамъ, и умейся*. Объ этомъ ему сказало чувство слуха. Но откуда зналъ онъ Его голосъ? Изъ Его разговора съ учениками. Такимъ образомъ, онъ все это рассказываетъ, опираясь на свидѣтельство самаго дѣла, и однакожъ не можетъ сказать о способѣ исцѣленія. Если же по отношенію къ чувственному и осязаемому нужна вѣра, то тѣмъ болѣе по отношенію къ невидимому. *Рѣша убо ему: иди той есть?* *Глагола: не емъ* (ix, 12). Спрашивали: *иди той есть*, уже замышляя противъ Него убійство. Но замѣть: какъ далеко Христосъ отъ желанія суетной славы! Онъ не оставался вмѣстѣ съ исцѣленными, потому что не хотѣлъ пріобрѣтати славы, ни увлекати народъ, ни выказывать Себя. Замѣть и то, какъ все согласно съ истинною отвѣчаетъ слѣпой. Іудеи хотѣли найти Христа, чтобы отвести его къ священникамъ; но

319

такъ какъ не нашли Его, то ведутъ слѣпного къ фарисеямъ для болѣе строгаго допроса. Потому-то и евангелистъ замѣчаетъ, что была суббота, чтобы показать злой ихъ умыселъ и причину, по которой они искали (Спасителя), то есть, они полагали, что нашли возможность оклеветать чудо — мнимымъ нарушеніемъ закона. И это видно изъ того, что они, лишь только увидѣли слѣпного, ничего другого не сказали ему, а только: *како отверзе очи твои?* И замѣтъ, какъ говорятъ. Не сказали: какъ ты прозрѣлъ?—но: *како отверзе очи твои?*—представляя ему случай оклеветать Его за такое дѣло. Но онъ отвѣчаетъ имъ кратко, какъ людямъ, которые уже все слышали. Не упомянувъ ни объ имени ни о словахъ, сказанныхъ ему: *иди, умойся*, онъ прямо говоритъ: *бреіе возложи мнѣ на очи, и умывся, и вижду* (ix, 15), — какъ будто они уже сильно оклеветали Его и сказали: смотри, что дѣлаетъ Иисусъ въ субботу, — помазываетъ брѣіемъ. Но ты обрати лучше вниманіе на то, какъ не смущается слѣпой. Когда его спрашивали сосѣди, и онъ отвѣчалъ, не подвергаясь никакой опасности, тогда не такъ много значило сказать истину. Но удивительно то, что и теперь, находясь въ большомъ страхѣ, онъ не отказывается, не говоритъ ничего, несогласнаго съ прежними словами. Что же фарисеи, или лучше, что вмѣстѣ съ ними и другіе? Привели его, полагая, что онъ откажется, но услышали противное, — то, чего не желали, — и точнѣе узнали все дѣло. Такъ было съ ними и при всѣхъ чудесахъ; но это мы яснѣе покажемъ впоследствии. Чтоже говорили фарисеи? *Глаголаху нѣкими* (не всѣ, а болѣе дерзкіе): *нѣсть сей отъ Бога человекъ, яко субботу не хранитъ. Овѣи глаголаху: како можетъ человекъ грѣшенъ снѣца знаменія творити* (ix, 16)? Видишь, что они привлекаемы были чудесами? Вѣдь они же прежде посылали затѣмъ, чтобы привести Его, а теперь, слушай, что говорятъ, — хотя и не всѣ. Будучи начальниками, они впадали въ невѣріе отъ честолюбія. Впрочемъ, и изъ начальниковъ многіе вѣровали въ Него, только не выражали того открыто. Простой народъ былъ пренебрегаемъ, такъ какъ онъ и не имѣлъ важнаго значенія въ ихъ сонмищѣ; но начальники, какъ люди болѣе знаменитые, съ большимъ трудомъ рѣшались говорить откровенно. Однихъ удерживало властолюбіе, другихъ робость и боязнь передъ толпой. Потому-то и говорилъ (Христосъ): *како вы можете вѣровать, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. v, 44)? О себѣ эти люди говорили, что они отъ Бога, не смотря на то, что домогались несправедливаго убійства, а о томъ, кто исцѣляетъ слѣпыхъ, говорятъ, что Онъ не можетъ быть отъ Бога, потому что не соблюдаетъ субботы. Другіе на это возражали, что грѣшникъ не можетъ творить такихъ знаменій. Та-

кимъ образомъ, первые злонамѣренно умалчивали о чудномъ событіи и выставляли на видъ мнимое нарушеніе закона, такъ какъ не говорили: испѣляетъ въ субботу, но: *субботу не хранитъ*. Но и послѣдніе, съ своей стороны, отвѣчали слабо. Тогда какъ нужно было показать, что суббота не нарушается, они ссылаются только на знаменія; и это естественно, потому что они еще считали Его человѣкомъ. Въ противномъ случаѣ, они могли сказать въ Его оправданіе и то, что Онъ Господь субботы и самъ установилъ ее. Но они не имѣли еще объ Немъ такого понятія. Впрочемъ, никто изъ нихъ и не осмѣливался прямо сказать то, что хотѣлъ; говорили нерѣшительно, но съ сомнѣніемъ, одни по недостатку смѣлости, другіе по властолюбію. *И распря бѣ въ нѣхъ*. Эта распря началась прежде въ народѣ, а потомъ уже перешла и къ начальникамъ. *И овѣи глаголаху, яко блазъ естъ; и нѣи же: ни, но лѣститъ народы* (Іоан. vii, 12). Видишь, что начальники неразумнѣе народа и раздѣлились между собою уже послѣ (народа)? Но и раздѣлившись, они не выказали никакой твердости, видя 814 постояннѣе фарисеевъ. А если бы отдѣлились совершенно, то скоро познали бы истину. Вѣдь и раздѣленіе можетъ быть хорошо, почему и Христосъ говорилъ: *не приидоухъ возреши миръ на землю, но мечъ* (Матѣ. x, 17). Бываетъ и согласіе худо, бываетъ и разногласіе хорошо. Такъ, строившіе башню были согласны между собою во вредъ себѣ, и они же опять, хотя и невольно, раздѣлились къ своему благу. И сообщники Корея не на добро согласились между собою, потому были раздѣлены къ добру. Іуда также былъ въ согласіи съ іудеями не на добро. Значитъ и разногласіе можетъ быть хорошо, и согласіе худо. Потому-то (Христосъ) говоритъ: *аще око твое соблазняетъ тя, изми е, аще нога твоя, отстѣпи ю* (Матѣ. xviii, 8, 9). Если же нужно отсѣкать членъ, который будучи соединенъ съ нами, вредитъ намъ, то не гораздо ли болѣе должно удаляться отъ друзей, когда связь съ ними ведетъ не къ добру. Итакъ, не всегда хорошо согласіе, какъ и не всегда худо несогласіе.

8. Я говорю это для того, чтобы мы избѣгали людей злыхъ и искали добрыхъ. Если мы отсѣкаемъ сгнившіе и неизлѣчимые члены, опасаясь, чтобы все тѣло не подверглось той же заразѣ, и дѣлаемъ это не изъ пренебреженія къ нимъ, а изъ желанія предохранить прочія части тѣла, то тѣмъ болѣе должно поступать такъ по отношенію къ людямъ, общество которыхъ зловредно для насъ. Если мы можемъ и ихъ исправить, и сами не потерпѣть вреда, то должны употребить на то все стараніе. Если же и они не исправятся, и мы получимъ вредъ, въ такомъ случаѣ необходимо ихъ отвергнуть и бросить. Отъ этого и они сами

часто получаютъ гораздо болѣе пользы. Потому-то и Павелъ убѣждалъ такимъ образомъ: *измѣте злаго отъ васъ самихъ*, и: *да измѣтѣся отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе* (1 Кор. v, 13, 2). Пагубно, истинно пагубно обращеніе съ злыми людьми. Не такъ скоро пристаеъ зараза и короста губить подвергшихся этой болѣзни, какъ злые нравы людей порочныхъ. *Тягъте обычай близи бѣстыи злы* (1 Кор. xv, 33). И пророкъ также говоритъ: *изыдите отъ среды ихъ* и удалитесь (Іер. li, 6). Пусть же никто не имѣетъ порочнаго друга. Если мы отказываемся и отъ дѣтей порочныхъ, и не уважаемъ ни природы, ни ея законовъ, ни ея связей, то тѣмъ болѣе должны убѣгать порочныхъ друзей и знакомыхъ. Пусть мы и не получимъ отъ нихъ никакого вреда; но все же не въ состояніи будемъ избѣгать худой молвы. Посторонніе не всматриваются въ нашу жизнь, но судятъ насъ по нашему обществу. Заповѣдую это и женамъ, и дѣвамъ. Сказано вѣдь: *промишляюще добрая* не только предъ Богомъ, но и *предъ челоутки* (Римл. xii, 17). Будемъ же всячески стараться, чтобы не соблазнить ближняго. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служить соблазномъ для другихъ, — теряетъ всю цѣну. Но какъ возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? (Это бываетъ) когда сообщество съ другими людьми навлекаетъ на нее худую молву. Когда мы, надѣясь на себя, обращаемся съ людьми порочными, то, если сами и не терпимъ вреда, соблазняемъ другихъ. Говорю это и мужамъ, и женамъ, и дѣвамъ, предоставляя ихъ совѣсти узнать въ точности, сколько отсюда рождается золь. Пусть я не подозреваю ничего худого, а равно и никто другой изъ болѣе совершенныхъ; но простодушнѣйшій братъ терпитъ вредъ отъ твоего совершенства. А надобно обращать вниманіе и на его немощь. Но если и онъ не потерпитъ вреда, то потерпитъ язычникъ. А Павелъ заповѣдалъ быть безпреткновенными *Иудеамъ и Еллиномъ и церкви Божіей* (1 Кор. x, 32). Я не

816 подозреваю ничего худого о дѣвѣ, потому что люблю дѣвство, а любовь не мыслить зла. Я крайне люблю такой образъ жизни, и не могу подумать ничего дурного. Но чѣмъ мы убѣдимъ вѣтшнихъ? А надобно и о нихъ имѣть попеченіе. Будемъ же вести себя такъ, чтобы никто даже изъ невѣрныхъ не могъ найти повода справедливо упрекать насъ. Какъ тѣ, которые ведутъ жизнь праведную, прославляютъ Бога, такъ, напротивъ,

316 живущіе худо подають повѣдь къ хулѣ на Него. Но не дай Богъ, чтобы между нами были такіе, а да свѣтятся дѣла наши такъ, чтобы прославлялся Отецъ нашъ, *иже на небесахъ*, и чтобы мы могли насладиться славой Его, которой и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Хри-

ста, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LVIII.

Глаголаху убо слѣпцу паки: ты что глаголеши о немъ, яко отверзе очи твои? Онъ же рече, яко пророкъ есть.

Не яша убо вѣры Іудее (Іоан. xi. 17—18).

1. Св. Писаніе должно читать не просто и не какъ-нибудь, но 815
со всякимъ тщаніемъ, чтобы не впадать въ затрудненія. Вотъ и въ настоящемъ случаѣ справедливо кто-либо можетъ придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ (іудей), сказавъ: *нѣтъ сей отъ Бога, яко субботу не хранитъ*, говорятъ слѣпому: *ты что глаголеши о немъ, яко отверзе очи твои?* Не сказали: ты что скажешь о Немъ, нарушившемъ субботу; но вмѣсто обвиненія указываютъ теперь на то, что могло служить оправданіемъ. Что же должно сказать? Это были не тѣ, которые говорили: *нѣтъ сей отъ Бога*, но отдѣлившіеся отъ нихъ и говорившіе: *не можетъ человекъ ирривенъ снѣгова знаменія творити*. Желая еще болѣе заградить тѣмъ уста и чтобы не подать повода думать, что защищаютъ Христа, они выводятъ на средину и спрашиваютъ того, кто испыталъ на себѣ Его силу. Замѣтъ же мудрость нищаго: онъ отвѣчаетъ разумнѣе всѣхъ ихъ. И во-первыхъ, говоритъ: *яко пророкъ есть*. Не испугался суда развращенныхъ іудеевъ, которые противорѣчили и говорили: какъ Онъ можетъ быть отъ Бога, когда не соблюдаетъ субботы; но сказать, что Онъ пророкъ. *Не яша убо три Іудее о немъ, яко слѣтъ бы и прозрѣ, дондеже возманиша родителей того* (ix, 18). Смотри, сколько употребляютъ способовъ, чтобы затмить и уничтожить чудо. Но таково свойство истины, что отъ того, чѣмъ люди думаютъ подорвать ее, она становится сильнѣе, и просіеваетъ чрезъ то, чѣмъ хотятъ затмить. Если бы этого не было, — чудо могло бы, пожалуй, остаться въ подозрѣніи у многихъ; теперь же они дѣйствуютъ такъ, какъ будто старались открыть истину; и не иначе они стали бы поступать и въ томъ случаѣ, если бы всячески заботились о Христѣ. Между тѣмъ они старались унижить Его уже тѣмъ самымъ, что говорили: *како отверзе очи твои*, то есть, не волшебствомъ ли какимъ? И при другомъ случаѣ, не имѣя ничего возразить, они старались оклеветать способъ врачеванія и говорили: *сей не изгонитъ бесы, токмо о Веельсезулѣ* (Матѣ. xii, 24); и теперь опять, не зная, что сказать, обращаются къ времени и говорятъ, что онъ нарушаетъ субботу и что Онъ грѣшникъ. Но

вѣдь Онъ со всею строгостію спрашивалъ васъ, своихъ завистниковъ, всегда готовыхъ порицать Его дѣла: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (Іоан. viii, 46)? И никто не отвѣчалъ и не сказалъ:

816 Ты богохульствуешь, называя Себя безгрѣшнымъ. А если бы они могли что сказать, — никакъ не умолчали бы. Въ самомъ дѣлѣ, люди, которые бросали въ Него камнями и сказали, что Онъ не отъ Бога, когда слышали, что Онъ былъ прежде Авраама, люди, которые, будучи сами челоуѣкоубійцами, хвалились, что они отъ Бога, а о Томъ, Кто совершаетъ такіа знаменія, — когда Онъ исцѣлилъ въ субботу, — говорили, что Онъ не отъ Бога, потому что не хранитъ субботы, — эти люди, если бы имѣли противъ Него хотя тѣнь обвиненія, не преминули бы воспользоваться и тѣмъ. Если же теперь и называютъ Его грѣшникомъ за то, что Онъ, по видимому, нарушилъ субботу, то и это обвиненіе оказалось напраснымъ, такъ какъ сами же товарищи ихъ признали его неосновательнымъ и ничтожнымъ. Встрѣчая, такимъ образомъ, отсюду препятствія, они обращаются къ новому средству, еще болѣе безстыдному и наглому. Къ какому же именню? *Не лѣша отъри*, говоритъ (евангелистъ), *яко слѣпъ бы и прозръ*. Какъ же обвиняли Его въ томъ, что не соблюдаетъ субботы? Не очевидно ли, что вѣровали? И какъ вы не вѣрите многочисленному народу, — сосѣдямъ, видѣвшимъ его? Но, какъ я сказалъ, ложь всегда изобличаетъ сама себя тѣмъ, чѣмъ думаетъ повредить истинѣ, а истину обнаруживаетъ яснѣе. Это же случилось и теперь. Чтобы не сказалъ кто-нибудь, что сосѣди и видѣвшіе его не сказали ничего рѣшительнаго, но говорили о подобномъ лицѣ, вотъ они выставляютъ на средину родителей, и чрезъ то невольно подтверждаютъ дѣйствительность событія, — потому что родители лучше всѣхъ знали своего сына. Не будучи въ состояніи устрашить слѣпого и видя, что онъ съ полнымъ дерзновеніемъ проповѣдуетъ о Благодѣтелѣ, они надѣялись повредить чуду чрезъ родителей. И замѣтъ ихъ злостный вопросъ. Что они говорятъ? Поставивъ ихъ на средину съ тѣмъ, чтобы привести въ замѣшательство, они съ великимъ жаромъ и гнѣвомъ спрашиваютъ: *сей ли есть сынъ вашъ* (ix, 19)? И не сказали: который былъ прежде слѣпымъ, но какъ? *Его же вы млазолете, яко слѣпъ родися*, — какъ будто они злонамѣренно выдумали это изъ приверженности къ Христу. О, беззаконные и пребеззаконные! Какой отецъ рѣшится солгать такъ о своемъ сынѣ? А они почти такъ говорятъ: котораго вы выдали за слѣпого, и не только (выдали), но и повсюду распустили о томъ слухъ: *како убо мыя видить*? Какое безуміе! Это ваша, говорятъ, хитрость и уловка. Такимъ образомъ, сказавъ: *его же вы млазолете*, и: *како убо*

нынѣ *видитъ*, тѣми и другими словами стараются расположить ихъ къ тому, чтобы они отрелись.

2. Изъ трехъ предположенныхъ вопросовъ: сынъ ли онъ ихъ, былъ ли слѣпъ, и какъ прозрѣлъ, родители отвѣчаютъ только на два, а на третій не отвѣчаютъ. Но и это послужило къ утвержденію истины, что на него отвѣчалъ не кто другой, а самъ 317 исцѣленный, который въ этомъ случаѣ и есть достовѣрный свидѣтель. И возможно ли послѣ того допустить, чтобы родители благопріятствовали, когда они изъ опасенія іудеевъ умолчали нѣчто и изъ того, что знали? Что же они говорятъ? *Вѣдѣе, яко сей есть сынъ нашъ и яко слѣпъ родися. Како же нынѣ видитъ, или кто отверзе ему очи, не вѣдѣе. Самъ возрастъ имать, самъ о себѣ да глаголетъ* (ix, 20, 21). Такъ они отстранили себя, представивъ его достойнымъ вѣры. Онъ не дитя, говорятъ, не малолѣтній, но можетъ самъ о себѣ свидѣтельствовать. *Сѣя рекоша родителя его, яко болящая жидовъ* (ix, 22). Замѣтъ, какъ и здѣсь евангелистъ выставляетъ на видъ ихъ мысли и намѣренія. Говорю это по поводу того замѣчанія, которое они сдѣлали прежде, сказавъ: *равенъ ся творитъ Богу*. Если бы и это было мнѣніе только іудеевъ, а не ученіе Христово, то евангелистъ прибавилъ бы и сказалъ, что таково было мнѣніе іудейское. Итакъ, когда родители отослали ихъ къ самому исцѣленному, они снова позвали его — во второй разъ. Тутъ не говорятъ ему прямо и безстыдно: откажись отъ того, что Христосъ исцѣлилъ тебя, но хотѣтъ устроить это подъ видомъ благочестія. *Дажь*, говорятъ, *славу Богу* (ix, 24). Сказать родителямъ: скажите, что это не сынъ вашъ и что онъ не родился слѣпъ, — казалось крайне смѣшнымъ; а сказать тоже ему самому — было бы явнымъ безстыдствомъ. Потому и не говорятъ этого, но избираютъ другой путь: *даждь*, говорятъ, *славу Богу*, то есть, сознайся, что Онъ ничего не сдѣлалъ. *Мы вѣдѣе, яко человекъ сей грѣшенъ есть*. Зачѣмъ же вы не обличили Его, когда Онъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣхъ*? И откуда вы знаете, что Онъ грѣшенъ? Слепый ничего не отвѣчалъ на эти слова ихъ: *даждь славу Богу*, и Христосъ, встрѣтившись съ нимъ, похвалилъ его, а не осудилъ; не сказалъ: зачѣмъ ты не воздалъ славы Богу? — а что? *Въруеши ли въ Сына Божіа*? чтобы ты зналъ, что это и значить воздавать славу Богу.

Если бы Онъ не былъ равночестенъ Отцу, то это не было бы славой; но такъ какъ, кто чтитъ Сына, чтитъ и Отца, то (Христосъ) по справедливости не порицаетъ слѣпого. Итакъ, пока ожидали, что родители примутъ ихъ сторону и отрекутся, ничего не говорили ему самому; но когда увидѣли, что съ этой стороны имъ нечего болѣе надѣяться, то снова обращаются къ

нему и говорить: *человѣкъ сей грѣшенъ есть. Отвѣща онъ и рече: аще есть, не вѣмъ; едино вѣмъ, яко слышъ бгъ, нынѣ же вижду* (ix, 24—25). Не испугался ли слѣпой? Нимало. Какъ же, сказавъ прежде, *яко пророкъ есть*, теперь говорить: *аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*. Говорить не отъ страха и не потому, чтобы такъ думалъ, но чтобы свидѣтельствомъ самаго дѣла, а не своими словами оправдать отъ обвиненій, и чтобы сдѣлать это оправданіе несомнѣннымъ, такъ какъ благоприятное свидѣтельство посрамляло ихъ. Уже послѣ многихъ словъ сказалъ онъ, что, если бы этотъ человѣкъ не былъ читателемъ Бога, то не могъ бы творить такихъ знаменій; и тутъ они такъ вознегодовали на него, что сказали: *во грѣсѣхъ ты родился вси вѣсь, и ты ли ны учиши?* Чего же бы не сдѣлали они и чего бы не сказали, если бы онъ сказалъ это вначалѣ? *Аще грѣшенъ есть, не вѣмъ*. Какъ бы такъ говорилъ онъ: объ этомъ

318 теперь ничего не говорю, и не дамъ пока моего мнѣнія; но то хорошо знаю, и готовъ утверждать, что, будучи грѣшникомъ, Онъ не могъ бы творить такихъ дѣлъ. Этимъ онъ устранилъ отъ себя всякое подозрѣніе и свое свидѣтельство сдѣлалъ безпристрастнымъ, потому что не говорилъ, какъ человѣкъ расположенный, но свидѣствовался самымъ дѣломъ. Не успѣвши, такимъ образомъ, отвергнуть и уничтожить событія, они снова обращаются къ прежнему, разбираютъ способъ исцѣленія, подобно людямъ, которые, отыскивая повсюду звѣря, въ безопасномъ мѣстѣ лежащаго, бѣгаютъ то туда, то сюда. Возвращаются къ прежнимъ словамъ, но опять для того, чтобы чрезъ частые вопросы выказать всю ихъ ничтожность. *Что, говорятъ, сотвори тебѣ? Како отверзе очи твои* (ix, 26)? Что же слѣпой? Побѣдивъ ихъ и низложивъ, онъ уже говорить теперь не униженно. Пока дѣло требовало изслѣдованія и разбирательства, онъ, представляя доказательства, говорилъ съ покорностію; а когда уловилъ ихъ и одержалъ блистательную побѣду, онъ уже смѣло нападаетъ на нихъ. Чтоже онъ говорить? *Рекохъ вамъ уже, и не слыстаете: что паки хотите слышати* (ix, 27)? Замѣчаешь ли смѣлость нищаго предъ книжниками и фарисеями? Такъ могущественна истина и такъ безсильна ложь! Первая, когда бываетъ и у простыхъ людей, дѣлаетъ ихъ славными; послѣдняя же, хотя бы была на сторонѣ сильныхъ, являетъ ихъ слабыми. Слова нищаго значать: вы не внимаете моимъ словамъ; поэтому я не стану больше говорить, не буду отвѣчать на ваши частые и пустые вопросы, потому что вы спрашиваете не для того, чтобы узнать, но чтобы надругаться надъ моими словами. *Еда и вы ученици ея хотите быти?* Здѣсь уже включаетъ себя самого въ число учениковъ: выраженіе: *еда и вы* показываетъ, что онъ уже

ученикъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ сильно осмѣиваетъ и уязвляетъ іудеевъ.

3. Дѣйствительно, онъ зналъ, что это сильно уязвляло ихъ; а потому и сказалъ, желая какъ можно болѣе укорить, чѣмъ выказалъ душу дерзновенную, возвышенную и презирающую ихъ бѣшенство, — показалъ высокое достоинство Того, за Кого такъ смѣло говорилъ, и объявилъ, что они оскорбляли чело-
вѣка, который достоинъ удивленія. Самъ же онъ не оскорблялся, но считалъ за честь для себя то, что ему ставили въ укоризну. Ты, говоритъ, ученикъ еси того, мы же Морсеевы есмы ученицы (ix, 28). Но это не правда. Вы не ученики ни Моисея, ни Его. Если бы вы были учениками Моисея, то были бы учениками и Его. Поэтому-то и выше Христосъ говорилъ имъ: *аще бысте вѣровами Морсееви, вѣровали убо бысте и Мнѣ: о Мнѣ бо той писа* (Іоан. vii, 45), — такъ какъ они постоянно прибѣгали къ этимъ словамъ. *Мы вѣрны, яко Морсееви глагола Богъ* (ix, 29). Кто сказалъ, кто сообщилъ вамъ объ этомъ? Наши предки, скажете. Такъ ужели не болѣе вашихъ предковъ заслуживаетъ вѣры Тотъ, Кто доказываетъ знаменіями, что Онъ пришелъ отъ Бога и воавѣщаетъ горнее (ученіе)? И не сказали они: мы слышали, что Моисею глаголаше Богъ, но: *мы вѣрны*. О чемъ вы слышали, іудеи, то утверждаете, какъ люди знающіе; ужели же то, что сами видѣли, считаете менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ то, о чемъ слышали? Вѣдь того вы не видѣли, а только слышали; а это не слышали, но сами видѣли. Что же слѣпой? *О семъ бо диаволъ есть, яко онъ не вѣствуетъ, откуда есть* (ix, 30), и такія знаменія творить. Удивительно, что Онъ, будучи чело-
вѣкомъ не изъ числа извѣстныхъ между вами, не изъ числа знаменитыхъ и славныхъ, творить такія дѣла; изъ этого совершенно очевидно, что Онъ Богъ, не имѣющій нужды ни въ какой человѣческой помощи. *Вѣрны же, яко ирѣшники Богъ не послушаетъ* (ix, 81). Такъ какъ они прежде сказали: *како можетъ чело-
вѣкъ ирѣшникъ сицевая знаменія творити* (ix, 16), то онъ теперь и обра- 319
щается къ ихъ суду, припоминая имъ ихъ собственныя слова. Это мнѣніе, говоритъ, одинаково у меня съ вами; такъ оставайтесь же при немъ. И замѣть его благоразуміе. Вездѣ выстав-
ляетъ на видъ знаменіе, такъ какъ они не могли отвергнуть его, и отъ него дѣлаетъ заключенія. Видишь ли, что и вначалѣ, когда говорилъ онъ: *аще ирѣшникъ есть, не вѣрны*, говорилъ не по-
тому, чтобы сомнѣвался? Нѣтъ, онъ совершенно зналъ, что не грѣшникъ; и потому-то теперь, когда настало благоприятное время, смотри, какъ оправдать Его. *Вѣрны же, яко ирѣшники Богъ не по-
слушаетъ, но аще кто болющъ есть и волю Его творитъ* (ix, 81). Здѣсь не только представилъ Его свободнымъ отъ грѣховъ,

но и показалъ, что Онъ весьма угоденъ Богу и исполняетъ все Его повелѣнія. Такъ какъ и іудеи называли себя чтителями Бога, то Онъ прибавилъ: *и волю его творитъ*. Недостаточно, говорить, знать Бога, но надобно и волю Его творить. Затѣмъ превозноситъ событіе, говоря: *отъ тѣхъ нѣсть слышано, яко кто отперзъ очи слѣпоу рождemu* (ix, 32). Итакъ, если вы признаете, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, а Онъ сотворилъ чудо, и такое чудо, какого не совершалъ ни одинъ человѣкъ, то очевидно, что Онъ всехъ превзошелъ силою и могуществомъ Его больше, чѣмъ человѣческое. Что же іудеи? *Во грѣсѣхъ твоихъ родился еси всесъ, и ты ли ни учиши* (ix, 34)? Пока надѣялись, что онъ отречется, считали его достойнымъ вѣры, и потому призывали разъ и другой. А если не считали его достойнымъ вѣры,—то зачѣмъ, мы могли бы сказать имъ, вы и призывали и спрашивали его въ другой разъ? Когда же, не смутившись ничѣмъ, онъ сказалъ истину, и когда особенно слѣдовало почитать его, тогда осуждаютъ. Чтожъ значать слова: *во грѣсѣхъ твоихъ родился еси всесъ*? Здѣсь безошадно укоряютъ его въ самой слѣпотѣ и какъ бы такъ говорить: съ перваго возраста ты во грѣхахъ, давая разумѣть тѣмъ, что оттого онъ и родился слѣпымъ; но это несправедливо. Потому Христосъ, утѣшая его въ этомъ, говорилъ: *на судъ Азъ въ міръ сей приидохъ, да не видящии видятъ, и видящии слѣды будутъ* (ix, 39). *Во грѣсѣхъ твоихъ родился еси всесъ, и ты ли ни учиши*? Чтоже сказалъ этотъ человѣкъ? Развѣ свое высказалъ онъ мнѣніе? Не общее ли выставилъ рѣшеніе, сказавъ: *тѣмъ, яко грѣшники Богъ не послушаетъ*? Не ваши ли собственные слова привелъ онъ? *И изымша его вонъ*. Видишь ли проповѣдника истины, какъ бѣдность не была препятствіемъ любомудрію? Видишь, чего не выслушалъ и чего не вытерпѣлъ онъ съ самаго начала, и къ сѣ свидѣтельствовалъ и словомъ и дѣломъ?

4. Но объ этомъ написано для того, чтобы и мы были подражателями. Въ самомъ дѣлѣ, если нищій, слѣпой, не видѣвшій даже Христа, и прежде чѣмъ удостоился отъ Него ободренія, тотчасъ показалъ такое дерзновеніе, что сталъ противъ цѣлаго народа, бѣснующагося, дышащаго убійствомъ и бѣшенствомъ и желавшаго съ его словъ осудить Христа, и не уступилъ, и не отказался отъ своихъ словъ, но съ полнымъ дерзновеніемъ заградилъ имъ уста и предпочелъ лучше быть изверженнымъ вонъ, чѣмъ измѣнить истинѣ, то—не тѣмъ ли болѣе мы, жившіе столько времени въ вѣрѣ, видѣвшіе безчисленные чудеса, совершенныя чрезъ вѣру, благодѣтельствованные больше его, прозрѣвшіе внутренними очами, созерцавшіе неизреченныя таинства и призванные къ столь великой чести,—не тѣмъ ли болѣе

мы должны показывать всякое дерзновеніе за Христа противъ тѣхъ, которые стараются клеветать и говорить что-либо на христіанъ, (не должны ли такимъ людямъ) заграждать уста, а не соглашаться съ ними безразсудно?

А это мы въ состояніи будемъ сдѣлать тогда, когда и дерзновеніе будемъ имѣть, и станемъ внимать Писаніямъ, а не слушать ихъ какъ-нибудь. И кто будетъ постоянно приходить сюда, тому, хотя бы онъ не читаль дома, а внималь только тому, что здѣсь говорится, достаточно и одного года, чтобы пріобрѣсть великую опытность. Мы не читаемъ сегодня одно Писаніе, а завтра другое, но всегда и постоянно одно и то же. И при всемъ томъ, есть многіе до того жалкіе, что, не смотря на такое чтеніе, не знаютъ даже названій книгъ. И не стыдятся, и не трепещутъ, что такъ небрежно посѣщаютъ божественное училище. Если игрокъ на цитрѣ, танцоръ, или другой кто изъ принадлежащихъ къ театру позоветъ городъ, всѣ бѣгутъ съ поспѣшностію, благодарятъ его за приглашеніе и тратятъ цѣлую половину дня, внимая ему одному. А когда Богъ бесѣдуетъ съ нами чрезъ пророковъ и апостоловъ, мы зѣваемъ, чешемся, скучаемъ. Лѣтомъ намъ кажется слишкомъ знойно, и мы отправляемся на площадь; зимою опять помѣхомъ дождь и грязь, и мы сидимъ дома. На ристалищахъ, гдѣ нѣтъ кровли, защищающей отъ дождя, подъ проливнымъ дождемъ и при вѣтрѣ, бросающемъ воду въ лице, стоятъ многочисленные зрители, бѣснуясь и не обращая вниманія ни на холодъ, ни на дождь, ни на грязь, ни на дальность пути: ничто ихъ не удерживаетъ дома, ничто не препятствуетъ явиться туда. А сюда, гдѣ есть и кровля и пріятная теплота, не приходятъ и не собираются, не смотря на то, что это нужно для блага ихъ собственной души. Скажи мнѣ: можно ли это снести? Поэтому-то, будучи опытнѣе всѣхъ въ тѣхъ вещахъ, мы въ необходимомъ знаемъ меньше дѣтей. Если кто назоветъ тебя возницею и танцоромъ, ты считаешь себя обиженнымъ и всячески стараешься отклонить отъ себя эту укоризну; а если повлечетъ тебя на подобныя зрѣлища, ты не отказываешься, и почти вполне изучаешь то самое искусство, имени котораго избѣгаешь. Но здѣсь, гдѣ ты долженъ и знать дѣло и носить имя, и быть и называться христіаниномъ, ты не знаешь даже, что это за дѣло. Что можетъ быть хуже такого безумія? Я хотѣлъ бы постоянно говорить вамъ объ этомъ; но боюсь, чтобы напрасно и безъ пользы не сдѣлаться для васъ ненавистнымъ. Вижу, что безумствуютъ не только юноши, но и старики, за которыхъ особенно стыжусь, когда вижу, какъ человѣкъ, почтенный сѣдиною, срамить свою сѣдину и увлекаетъ съ собою дитя. Что можетъ быть смѣш-

нѣе и постыднѣе этого? Сынъ учится у отца постыднымъ дѣламъ!

5. Васъ огорчаютъ эти слова? Того я и хочу, чтобы не-
 821 пріятными рѣчами удержать васъ отъ постыдныхъ дѣлъ. А есть
 и такіе, которые гораздо болѣе безчувственны, которые не только
 не стыдятся того, что мы говоримъ, но сплетаютъ еще длинныя
 разсужденія въ защиту такого рода дѣлъ. Если спросить ихъ:
 кто такой Амосъ, или Авдій, или сколько числомъ пророковъ
 или апостоловъ, не смогутъ и рта раскрыть, а въ защиту коней
 и возницъ представляютъ разсужденіе лучше софистовъ и риторовъ.
 И послѣ всего этого еще говорятъ: какой отсюда вредъ? Какая
 потеря? Потому-то я и въздыхаю, что вы не сознаете даже вреда
 и не чувствуете зла. Богъ далъ тебѣ опредѣленное время жизни,
 чтобы ты служилъ Ему; а ты попусту, напрасно и безъ всякой
 пользы тратишь его, и еще спрашиваешь: какая потеря? Когда
 ты истратишь напрасно хоть нѣсколько денегъ, называешь это
 потерю; а тратя цѣлые дни своей жизни на сатанинскія зрѣ-
 лица, полагаешь, что ничего не дѣлаешь предосудительнаго?
 Тебѣ слѣдовало бы всю жизнь проводить въ молитвахъ и моле-
 ніяхъ, а ты тратишь свою жизнь на крики, шумъ, сквернословіе,
 ссоры, безвременныя увеселенія и дѣла фокусническія, — тратишь
 напрасно и на свою погибель, и послѣ всего этого спрашиваешь:
 какая потеря? Или не знаешь, что всего болѣе слѣдуетъ беречь
 время? Если истратишь золото, можешь снова приобрѣсть его;
 если же погубишь время, трудно воротить его, потому что не
 много дано его намъ на настоящую жизнь. Итакъ, если не упо-
 требимъ его на что должно, что скажемъ, явившишь туда? Скажи
 мнѣ: если бы ты приказалъ которому-нибудь изъ твоихъ сыно-
 вей выучиться какому-нибудь искусству, а онъ всегда оста-
 вался бы дома, или проводилъ время гдѣ-либо въ другомъ
 мѣстѣ, не отказался ли бы отъ него учитель? Не сказалъ ли
 бы тебѣ: ты заключилъ со мною условіе и назначилъ срокъ.
 Но если сынъ твой будетъ находиться это время не у меня, а
 гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, то какъ представлю его тебѣ обу-
 ченнымъ? Это же необходимо должны сказать и мы. Да и Богъ
 822 скажетъ намъ: Я далъ время для того, чтобы вы научились
 искусству благочестія; зачѣмъ же истратили это время даромъ
 и попусту? Зачѣмъ не ходили постоянно къ учителю и не вни-
 мали словамъ его? А что дѣйствительно благочестіе есть искус-
 ство, послушай, что говоритъ пророкъ: *приидите чада, послушайте*
мене, страху Господню научу васъ (Псал. хххш, 11). И въ другомъ
 мѣстѣ: *блаженъ человекъ, еяже аще накажеша Господи, и отъ закона*
Твоего научиши его (Пс. хсп, 12). Итакъ, когда напрасно истратишь

время, какое будешь имѣть оправданіе? Зачѣмъ же, говоришь, мало дано намъ времени? Какая безчувственность и неблагодарность! За что особенно слѣдовало бы благодарить Господа, что Онъ сократилъ твои труды и уменьшилъ подвиги, и приготовилъ тебѣ продолжительное и безсмертное успокоеніе, за то ты обвиняешь Его и тѣмъ недовольнъ. Но я не знаю, какъ перешло сюда мое слово и сдѣлалось продолжительнымъ? Поэтому и необходимо окончить его. И въ томъ вѣдь наше несчастіе, что здѣсь, если продолжится слово, мы всѣ скушаемъ, а тамъ начинаютъ съ половины дня и расходятся при лампадахъ и свѣтильникахъ. Но чтобы не всегда осуждать васъ, мы просимъ и молимъ: окажите эту милость и намъ и себѣ,—оставивъ все прочее, посвятите себя этому (изученію благочестія). Такимъ образомъ, и мы приобрѣтемъ чрезъ васъ радость и веселіе, заслужимъ похвалу за васъ и получимъ воздаяніе. Всю же награду воспріимите вы за то, что, будучи до сихъ поръ съ такимъ безуміемъ преданы зрѣлищамъ, по страху Божию и вслѣдствіе нашихъ убѣжденій, свергнули съ себя эту болѣзнь, разорвали узы и прибѣгли къ Богу. И не тамъ только получите награду, но и здѣсь будете имѣть чистѣйшее наслажденіе. Такова добродѣтель: кромѣ вѣнцовъ тамъ, она и здѣсь уготовляетъ намъ жизнь пріятную. Будемъ же исполнять сказанное, чтобы достигнуть и здѣшнихъ и тамошнихъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

И изгнаша его вонъ. Услыша Іисусъ, яко изгнаша его вонъ, и обрѣтъ его, рече ему: ты вѣруешь ли въ Сына Божія? Отвѣща онъ и рече: и кто есть, Господи, да вѣрую въ него? и проч. (Іоан. ix, 34 и слѣд.).

1. Тѣ, которые за истину и исповѣданіе Христа подвергаются какимъ-либо бѣдствіямъ и терпятъ поношеніе, удостоиваются за то и особенныхъ почестей. Какъ тотъ особенно приобрѣтаетъ имуществу, кто тратитъ его ради Бога, и тотъ особенно любитъ душу свою, кто ее ненавидитъ, такъ, равнымъ образомъ, тотъ особенно удостоивается почестей, кто подвергается оскорбленіямъ. Такъ бы и съ слѣпымъ. Изгнали его іудеи изъ храма, но обрѣлъ его Владыка храма; онъ удаленъ былъ отъ заразного сомнища, и очутился у спасительнаго источника; былъ обезчещенъ обезчестившими Христа, и почтенъ Владыкою анге-

ловъ. Вотъ каковы награды за истину! Такъ и мы, если здѣсь раздадимъ имущество, обрѣтемъ тамъ дѣланіе; если здѣсь дадимъ пособіе страждущимъ, получимъ успокоеніе на небесахъ; если потерпимъ поношеніе ради Бога, удостоимся почестей и здѣсь и тамъ. Когда изгнали слѣпому изъ храма, его напелъ Иисусъ. Евангелистъ показываеъ, что (Христосъ) для того и шелъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ. И смотри, чѣмъ награждаетъ его: первымъ изъ благъ. Открываетъ Себя слѣпому, который прежде не зналъ Его, и включаетъ его въ число своихъ учениковъ. Но ты замѣть, съ какою подробностію повѣствуетъ евангелистъ. Когда Христосъ спросилъ: *ты трусиши ли въ Сына Божіа*, — (слѣпой) отвѣчаетъ: *и кто есть?* Онъ еще не зналъ Его, хотя и получилъ отъ Него исцѣленіе; прежде чѣмъ приступилъ къ Благодѣтелю, былъ слѣпъ, а послѣ исцѣленія влачимъ быть тѣми псами. Итакъ, (Христосъ), какъ нѣкій подвигоположникъ, принимаетъ его, какъ подвижника, много потрудившагося и увѣнчаннаго. И что говоритъ? *Втрусиши ли въ Сына Божіа?* Что это значить? Послѣ такого состязанія съ іудеями, послѣ столькихъ словъ (слѣпому), спрашиваетъ: *трусиши ли?* (Спрашиваетъ) не по невѣднію, но желая открыть Себя и показать, что высоко цѣнить его вѣру. Столько людей, говорили, носили Меня, но Я не обращаю на нихъ никакого вниманія; объ одномъ у Меня забота, чтобы вѣровалъ ты. Лучше одинъ, творящій волю Господню, чѣмъ тысячи беззаконныхъ. *Ты трусиши ли въ Сына Божіа?* Спрашиваетъ такъ, давая разумѣть, что Онъ находится здѣсь и слышитъ отвѣтъ, и уже напередъ возбуждаетъ въ немъ любовь къ Себѣ. Не сказалъ вдругъ: вѣруй, но предложилъ вопросъ. Что же слѣпой? *И кто есть, Господи, да втрую въ него?* Гласъ души любящей и усиленно ищущей! Не знаетъ Того, кого столько защищаль, — чтобы ты позналъ отсюда его любовь къ истинѣ. Онъ еще не видѣлъ Его. *Рече же ему: и видѣлъ еси его, и малоулы съ тобою той есть* (ix, 37). Не сказалъ: это — Я, но скромно и смиренно: *и видѣлъ еси его*. А какъ это еще было не ясно, то и прибавилъ яснѣе: *малоулы съ тобою той есть*. Онъ же рече: *втрую, Господи, и поклонися ему* тотчасъ. Не сказалъ: Я — тотъ, кто исцѣлилъ тебя, кто сказалъ тебѣ: иди, умойся въ Силоамъ; но, умолчавши обо всемъ этомъ, говоритъ: *трусиши ли въ сына Божіа?* Тѣмъ не менѣе слѣпой, въ знакъ великаго расположенія, тотчасъ поклонился, что сдѣлали немногіе изъ исцѣленныхъ, какъ-то: прокаженные и нѣкоторые другіе. Этимъ онъ исповѣдалъ Его божественную силу: чтобы не подумали, что сказанное имъ только слова, онъ присоединилъ и дѣло. Послѣ того, какъ онъ поклонился, Христосъ сказалъ: *на судъ Азъ въ міръ сей приидохъ, да*

невидящии видятъ, и видящии слѣпы будутъ (ix, 39). Тоже говоритъ и Павелъ: что убо речемъ? Яко языци, не знаящии правду, постигнуща правду, правду же, яже отъ вѣры въ Иисуса. Израиль же, зная законъ правды, въ законъ правды не постиже (Римл. ix, 30—31). Сказавши: на судъ Азъ въ миръ сей придохъ, и слѣпного еще болѣе утвердилъ въ вѣрѣ, и возбудилъ вниманіе въ слѣдовавшихъ за Нимъ; а за Нимъ шли фарисеи. Выраженіе же: на судъ значить: для большаго наказанія. Этимъ (Христосъ) показываетъ, что осудившіе Его сами осуждены и что обвинившіе Его, какъ грѣшника, сами обвинены. Здѣсь говоритъ Онъ о двухъ родахъ прозрѣнія и слѣпоты: чувственномъ и духовномъ. На это Ему отвѣчаютъ нѣкоторые изъ слѣдовавшихъ за Нимъ: *еда и мы слѣпы есмы* (ix, 40)? Какъ въ другомъ мѣстѣ говорили: *никому же работажома николи же* (Іоан. viii, 38), и: *мы отъ любованія къ нѣмъ рождени* (41), такъ и здѣсь смотрятъ только на чувственное и стыдятся этой слѣпоты. Поэтому, показывая, что лучше бы имъ быть слѣпыми, чѣмъ имѣть зрѣніе, (Христосъ) говоритъ: *аще бысте слѣпы были, грѣха не бысте имѣли* (ix, 41). Такъ какъ они это несчастіе считали за стыдъ, то Онъ и обратилъ это на ихъ голову, сказавъ, что слѣпота облегчила бы для васъ наказаніе. Такъ повсюду Онъ разрушаетъ человѣческія помышленія и возводитъ къ великому и чудному разумѣнію! *Нынѣ же малоете, яко видимъ*. Какъ прежде говорилъ: *его же вы малоете, яко Богъ вашъ есть* (Іоан. viii, 54), такъ и теперь: *нынѣ же малоете, яко видимъ*,—потому что въ самомъ дѣлѣ вы не видите. Такимъ образомъ, что они считали для себя великою похвалою, то Онъ выставляетъ здѣсь, какъ поводъ къ ихъ наказанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ и слѣпорожденнаго въ прежней слѣпотѣ. Потомъ рассуждаетъ объ ихъ слѣпотѣ. Такъ какъ они могли сказать, что не по слѣпотѣ нашей не приходимъ къ Тебѣ, но убѣгаемъ и отвращаемся Тебя, какъ обманщика, то противъ этого Онъ и направляетъ все Свое слово.

2. И не просто замѣтилъ евангелистъ, что это слышали бывшіе со Христомъ фарисеи и сказали: *еда и мы слѣпы есмы?*—но чтобы напомнить тебѣ, что это были тѣ самые, которые прежде отстали отъ Него и потомъ бросали въ Него камни. Нѣкоторые, дѣйствительно, безъ твердой вѣры слѣдовали за Нимъ, и потому легко переходили на сторону противниковъ. Какъ же Онъ доказываетъ, что Онъ не обманщикъ, но Пастырь? Представляетъ признаки того и другого, какъ пастыря, такъ и обманщика—губителя, и чрезъ то даетъ имъ возможность открыть истину. И во-первыхъ, показываетъ, кто обманщикъ и татъ, заимствуя это названіе изъ Писанія и говоря: *аминь, аминь малою вамъ не*

824 *входилъ дверьми во дворъ овчій, но прелазилъ иному, той тать есть и разбойникъ* (Іоан. х, 1). Замѣтъ признаки разбойника: во-первыхъ, онъ входитъ не явнымъ образомъ; во вторыхъ, не по Писаніямъ, что и значить: не дверьми. Здѣсь Христосъ указываетъ и на тѣхъ, которые были прежде Него, и на тѣхъ, которые явятся послѣ Него: на антихриста и лжехристовъ—Іуду и Ѳевду и другихъ имъ подобныхъ. И справедливо назвалъ Писаніе дверьми. Оно приводитъ насъ къ Богу и отверзаетъ путь богопознанія; оно производитъ овецъ, оно охраняетъ и не позволяетъ приходить волкамъ. Подобно какой-либо надежной двери, оно заграждаетъ входъ еретикамъ, поставляетъ насъ въ безопасности отъ всего и не позволяетъ впасть въ заблужденіе. И если мы сами не откроемъ этой двери, то будемъ недоступны врагамъ. По ней мы распознаемъ всѣхъ,—какъ пастырей, такъ и не пастырей. Что значить: *во дворъ*? Значить—къ овцамъ и къ попеченію объ нихъ. Кто не пользуется Писаніемъ, но прелазитъ *иному*, то есть не идетъ установленнымъ путемъ, но пролагаетъ себѣ иной путь, тотъ есть тать. Видишь и отсюда, что Онъ согласенъ съ Отцемъ, потому что выставляетъ на видъ Писаніе? Поэтому Онъ и іудеямъ говорилъ: *испытайте Писанія* (Іоан. v, 39), и Моисея приводилъ и называлъ свидѣтелемъ, равно какъ и всѣхъ пророковъ. Всѣ, говорилъ Онъ, послушавшіе пророковъ, *придутъ ко Мнѣ* (Іоан. vi, 45), и: *аще бысте въровали Моисею, въровали бысте убо и Мнѣ* (v, 46). И здѣсь Онъ высказалъ тоже самое, только иносказательно. А словами: *прелазилъ иному* Онъ указывалъ и на книжниковъ,—потому что они учили заповѣдямъ и преданіямъ человѣческимъ, а законъ нарушали, въ чемъ Онъ и укорялъ ихъ, говоря: *никтоже отъ васъ творитъ закона* (vii, 19). И хорошо сказалъ: *прелазилъ, а не входяй*,—потому что такъ обыкновенно поступаетъ воръ, желающій проникнуть за ограду, и дѣлающій все съ опасностію. Видишь ли, какъ Онъ изобразилъ разбойника? Замѣтъ и признаки пастыря. Какіе же они? *Входяй дверьми пастырь есть овцамъ, сему дверникъ отверзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы гласають по имени, и когда изгонитъ ихъ, предъ ними ходитъ* (Іоан. х, 2—4). Такъ указалъ признаки и пастыря и разбойника. Посмотримъ теперь, какъ Онъ приложилъ къ нимъ послѣдующее. *Сему, говоритъ, дверникъ отверзаетъ*. Продолжаетъ говорить иносказательно для большей выразительности. Если же хочешь разбирать въ притчѣ и каждое слово, то ничто не препятствуетъ разумѣть здѣсь подъ дверникомъ Моисея, потому что ему вѣрены были слова Божіи. *И овцы гласъ его слышатъ и своя овцы гласають по имени*. Такъ какъ (іудеи) часто называли Его обманщикомъ и доказывали это своимъ собственнымъ не-

вѣріємъ, говоря: *кто отъ князь стѣрова въ онъ* (вп, 48)?—то Онъ пока зываетъ, что, по причинѣ ихъ невѣрія, не Его должно называти губителемъ и обманщикомъ, но ихъ, такъ какъ они не внимають Ему, и потому естественно исключены изъ числа овецъ. Если пастырю свойственно входить законною дверью, а Онъ вошелъ этою самою дверью, то всѣ послѣдовавшіе за Нимъ могутъ быть овцами, а тѣ, которые отступили отъ Него, не пастыря унижаютъ, но самихъ себя отлучаютъ отъ стада овецъ. А что онъ въ послѣдствіи Себя самого называетъ дверью, то этимъ опять не должно смущаться. Онъ называетъ Себя и пастыремъ и овцою, указывая на различныя стороны Своего служенія. Когда приводитъ насъ ко Отцу, — называетъ Себя дверью; а когда выражаетъ Свое попеченіе объ насъ, — пастыремъ. Чтобы ты не подумалъ, что дѣло Его только въ томъ, чтобы приводить (къ Отцу), — Онъ называетъ Себя и пастыремъ. *И овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы гласають по имени, и изыдутъ изъ, и самъ предъ ними ходитъ* (х, 2, 4). Пастыри обыкновенно поступаютъ иначе, — ходятъ сзади овецъ; но Онъ, показывая, что всѣхъ приведетъ къ истинѣ, поступаетъ не такъ, какъ они. Точно также, и посылая овецъ, Онъ посылалъ ихъ не въ сторону отъ волковъ, но въ средину волковъ. Это пастырство гораздо удивительнѣе, чѣмъ то, какое бываетъ у насъ.

8. А мнѣ кажется, что здѣсь есть указаніе и на слѣпого, потому что и его призвалъ и извелъ изъ среды іудеевъ, и онъ услышалъ и узналъ Его голосъ. *По чуждему же не идутъ, яко не знаютъ чуждаго гласа* (х, 5). Говорить здѣсь или о Ѳевдѣ и Іудѣ, такъ какъ всѣ, невѣрившіе имъ, какъ говорить (Писаніе), *разсинашася* (Дѣян. ш, 36, 37), или о лжехристахъ, которые будутъ прельщать въ послѣдствіи. А чтобы не сказали, что и Онъ изъ числа ихъ, — отличаетъ Себя отъ нихъ многими признаками. И первымъ отличіемъ поставляетъ ученіе, основанное на Писаніи. Онъ приводилъ къ Себѣ людей посредствомъ Писанія, а они привлекали не такъ. Вторымъ — послушаніе овецъ: Ему не только при жизни, но и по смерти всѣ вѣровали, а тѣхъ тотчасъ оставили. Къ этому можно присовокупить и третье немаловажное (отличіе). Тѣ все дѣлали, какъ тираны, и съ цѣлію возмущенія; а Онъ такъ далекъ былъ отъ подобныхъ намѣреній, что, когда даже хотѣли Его сдѣлать царемъ, удалился, и когда спрашивали, должно ли давать кинсонъ кесарю, приказалъ давать и самъ заплатилъ дидрахму. Кромѣ того, Онъ пришелъ для спасенія овецъ, *да животъ*, говорить, *имутъ и лишше имутъ* (Іоан. х, 10); а тѣ лишили ихъ и настоящей жизни. Тѣ предали повѣрившихъ имъ и бѣжали; а Онъ такъ твердо стоялъ, что положилъ и душу

Свою. Тѣ пострадали противъ воли, по необходимости, не успѣвъ убѣжать; а Онъ все претерпѣлъ добровольно и по собственному желанію. *Сію притчу рече имъ Исусъ: они же не разумѣша, что ближе, яже яголаше имъ* (х, 6). Для чего же Онъ говорилъ имъ неясно? Для того, чтобы сдѣлать ихъ болѣе внимательными. Потому, достигнувъ Своей цѣли, оставляетъ уже неясный образъ рѣчи и говорить такимъ образомъ: *Азъ есмь дверь, Мною аще кто войдетъ, войдетъ, и изыдетъ, и нажить обратитъ* (х, 9),—то есть будетъ пользоваться безопасностію и свободою. Подъ пажитію же разумѣть здѣсь пищу и кормъ овецъ, также власть и господство, то есть: пребудетъ на ней и никто не изгонитъ его. Такъ и было съ апостолами, которые свободно входили и исходили, какъ бы владѣли всей вселенной, и никто не могъ изгнать ихъ. *Вси, елико изъ прииде, татѣ суть и разбойници, но не послушаша ихъ овецъ* (х, 8). Говоритъ здѣсь не о пророкахъ, какъ утверждаютъ еретики, потому что ихъ послушали и чрезъ нихъ увѣровали всѣ, кто только увѣровалъ во Христа; но говоритъ о Ѳевдѣ и Іудѣ и другихъ возмутителяхъ. Притомъ же слова: *не послушаша овецъ* сказаны въ похвалу (овцамъ). Но нигдѣ не видно, что Онъ хвалилъ тѣхъ, которые не слушали пророковъ, а вездѣ, напротивъ, сильно обличаетъ и осуждаетъ ихъ. Отсюда ясно, что это выраженіе: *не послушаша*, относится къ тѣмъ возмутителямъ. *Татѣ не приходитъ, разъ да украдетъ, и убіетъ, и погубитъ* (х, 10). Такъ и было тогда, потому что всѣ были умерщвлены и погибли. *Азъ приидохъ, да живото имутъ и лишіе имутъ* (х, 10). Что же, скажи мнѣ, больше жизни? Царство небесное. Но Онъ еще не называетъ его, а употребляетъ извѣстное имъ названіе жизни. *Азъ есмь пастырь добрый* (х, 11). Здѣсь говоритъ уже о страданіяхъ и показываетъ, что подъемлетъ ихъ для спасенія міра и подвергается имъ не по поволѣ. Затѣмъ снова указываетъ признаки пастыря и наемника. *Пастырь душу свою полагаетъ. А наемникъ, иже нѣсть пастырь, слыже же не суть овцы свои, видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы и бѣгаетъ: и волкъ приходитъ и расхититъ ихъ* (х, 11, 12). Здѣсь Онъ представляетъ Себя такимъ же Владыкою, какъ и Отецъ, потому что Онъ самъ Пастырь и у него есть Свои овцы. Видишь ли, какъ въ притчахъ Онъ говоритъ возвышеннѣе, какъ здѣсь рѣчь прикровенна, и не подаетъ слушателямъ явнаго повода (къ нападенію). Чтоже дѣлаетъ наемникъ? *Видитъ волка грядуща и оставляетъ овцы, и волкъ приходитъ и расхититъ ихъ*. Такъ поступили тѣ, но Онъ — напротивъ. Даже въ то время, какъ былъ схваченъ, Онъ говорилъ: *оставите сѣя ити, да обудется слово*, что никто изъ нихъ не погибъ (Іоан. хviii, 8). Но можно здѣсь разумѣть и волка мысленнаго,—потому что и ему Онъ не

попустилъ расхищать овецъ. Но это не только волкъ, а и левъ: *супостатъ нѣмъ діаволъ*, говоритъ Писаніе, *яко левъ рыкая ходитъ* (1 Петр. v, 8). Это змѣи и драконъ: *наступайте на змію и скорпію* (Дук. x, 19).

4. Потому умоляю, будемъ всегда оставаться подъ руководствомъ Пастыря. А мы останемся, когда будемъ слушать гласа Его,—когда будемъ послушны Ему,—когда не будемъ слѣдовать за чужимъ. Какой же гласъ Его? *Блажени нищій духомъ. Блажени чистіи сердцемъ. Блажени милостивіи* (Матѣ. v, 3, 7, 8). Если будемъ исполнять это,—останемся подъ руководствомъ Пастыря, и волкъ не въ состояніи будетъ проникнуть къ намъ; а если и войдетъ, то сдѣлаетъ это на свою погибель. Мы имѣемъ Пастыря, который столько любитъ насъ, что положилъ за насъ и душу свою. Если же Онъ и могущъ, и любитъ насъ, то что можетъ воспрепятствовать намъ спастись? Ничто, если только мы сами не отступимъ отъ Него. А какъ мы можемъ отступить? Послушай, что говоритъ Онъ: *не можете дѣлаи господинома работати, Богу и мамонѣ* (Матѣ. vi, 24). Итакъ, если мы будемъ работать мамонѣ, то не будемъ уже оставаться подъ владычествомъ Божиимъ. Пристрастіе къ богатству хуже всякаго тиранства: удовольствія не доставляетъ никакого, а порождаетъ заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и безчисленныя препятствія къ добродѣтели,—безпечность, распутство, любостыжаніе, пьянство. А это и свободныхъ дѣлаетъ рабами, и даже хуже рабовъ, рабами не людей, но ужаснѣйшей изъ страстей и болѣзней души. Такой человѣкъ рѣшается на многое, что противно и Богу и людямъ, изъ опасенія, чтобы кто не исторгъ его изъ-подъ этого владычества. Горькое рабство, діавольское владычество! Въ особенности пагубно то, что, находясь въ столь несчастномъ положеніи, мы веселы духомъ, добываемъ свои оковы и, обитая въ тамницѣ, исполненной мрака, не жалаемъ выйти на свѣтъ, но привязываемся къ злу, и услаждаемся болѣзнію. Потому-то не можемъ и освободиться и находимся въ худшемъ состояніи, чѣмъ тѣ, которые работаютъ въ рудникахъ, потому что подвергаемся трудамъ и бѣдствіямъ, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если бы кто и захотѣлъ избавить насъ отъ этого тяжкаго шлѣна, мы не только не позволяемъ, но еще гнѣваемся и негодуемъ, и такимъ образомъ являемся ничѣмъ не лучше безумныхъ, и даже гораздо несчастнѣе всѣхъ ихъ,—потому что не хотимъ и разстаться съ своимъ безуміемъ. Ужели для того явился ты на этотъ свѣтъ, человѣкъ? Ужели для этого родился человѣкомъ, чтобы только разрабатывать рудники и собирать золото? Не для этого создалъ тебя (Господь) по 327

образу Своему, но чтобы ты угождалъ Ему, чтобы достигъ будущихъ благъ и ликовалъ съ ангелами. Зачѣмъ же ты лишаешь себя такого сообщества и нисходишь до послѣдней степени безславія и униженія? Твой братъ по рожденію—разумѣю рожденіе духовное—погибаетъ отъ голода, а ты изнемогаешь отъ пресыщенія. Братъ ходитъ съ обнаженнымъ тѣломъ, а ты и для одеждъ устрояешь одежды, чтобы охранить ихъ отъ червей чрезъ такіе покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тѣла бѣдныхъ? Тогда и одежды остались бы цѣлыми, и ты былъ бы свободенъ отъ всякой заботы, и это приобрѣло бы тебѣ будущую жизнь. Если не хочешь, чтобы одежды твои съѣдены были молью, отдай ихъ бѣднымъ: они умѣютъ хорошо вытряхивать эти одежды. Притомъ тѣло Христово и почетнѣе и безопаснѣе шкапа. Оно не только сберегаетъ одежды, не только сохраняетъ невредимыми, но и дѣлаетъ ихъ блистательнѣе. Шкапъ часто похищаютъ вмѣстѣ съ платьемъ, и чрезъ то подвергаютъ тебя крайнему убытку. Но этому хранилищу не можетъ повредить самая смерть. Тутъ не нужно намъ ни дверей, ни запоровъ, ни бодрствующихъ слугъ, ни другихъ какихъ подобныхъ предосторожностей. Оно не доступно ни для какой злонамѣренности, и что сохраняется въ немъ, такъ же безопасно, какъ если бы было на небесахъ; туда не можетъ проникнуть никакое зло. Мы никогда не перестаемъ говорить объ этомъ, но вы не слушаетесь нашихъ словъ. А это оттого, что душа наша бѣдна, привязана къ землѣ и пресмыкается долу. Впрочемъ, не подумайте, что я осуждаю всѣхъ васъ въ этомъ злѣ, какъ будто бы всѣ вы были больны неисцѣльно. Если люди, упоенные богатствомъ, заграждаютъ свой слухъ для моихъ словъ, за то обратятъ на нихъ вниманіе живущіе въ бѣдности. Но какъ, скажешь, идетъ это къ бѣднымъ? Вѣдь у нихъ нѣтъ ни золота, ни многихъ одеждъ? Но у нихъ есть хлѣбъ и холодная вода; есть двѣ ленты и ноги, чтобы посѣтить больныхъ; есть языкъ и слово, чтобы утѣшить несчастнаго; есть домъ и кровъ, чтобы принять странника. Мы и не требуемъ отъ бѣдныхъ столько-то и столько-то талантовъ золота,—этого (требуемъ) только отъ богатыхъ. Если же кто бѣденъ, и придетъ къ дверямъ другихъ (бѣдняковъ), отъ того Господь нашъ не постыдится принять и лепту, и даже скажетъ, что принялъ отъ него больше, чѣмъ отъ людей, которые подали много. Какъ многіе изъ предстоящихъ здѣсь желали бы жить въ то время, когда Христосъ во плоти пребывалъ на землѣ, чтобы быть подъ однимъ съ Нимъ кровомъ и раздѣлять съ Нимъ трапезу! Теперь вотъ это возможно: мы можемъ пригласить Его на вечерю и вечерять

съ Нимъ даже съ большею пользою. Изъ тѣхъ, которые тогда вечеряли съ Нимъ, многіе погибли, какъ-то: Іуда и другіе подобныя. Между тѣмъ всякій, кто нынѣ позоветъ Его въ домъ свой и предложить трапезу и кровъ, удостоится великаго благословенія. *Приидите, говорить Онъ, благословенніи Отца моего, насладитесь уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взлѣзая бо, и дасте ми ясти; возжадаю, и напоите мене; страненъ бѣхъ, и ездосте мене; боленъ, и пошлите мене; въ темницѣ бѣхъ, и приидосте ко мнѣ* (Матѣ. xxv, 34). Итакъ, чтобы услышать эти слова, будемъ одѣвать нагого, принимать страннаго, питать алчущаго, напоять жаждущаго, посѣщать болящаго, ходить къ находящемуся въ темницѣ. Черезъ это мы получимъ дерзновеніе и прощеніе грѣховъ и удостоимся благъ; превосходящихъ и слово и умъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и чело-вѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА LX.

Авъ есмь пастырь добрый, и знаю Моя, и знаютъ Мя Моя. Якоже знаетъ Мя Отецъ, и Авъ знаю Отца и душу Мою полагаю за овцы (Іоан. x, 14, 15).

1. Великое дѣло, возлюбленные, великое дѣло—предстоятельство въ Церкви. Оно требуетъ и много любомудрія, и такого мужества, что должно, какъ сказалъ Христосъ, полагать душу за овецъ, никогда не оставлять ихъ безъ защиты и помощи и твердо стоять противъ волка. Этимъ пастырь отличается отъ наемника. Послѣдній, не заботясь объ овцахъ, имѣетъ всегда въ виду собственную безопасность; первый, напротивъ, всегда заботится о спасеніи овецъ, забывая о себѣ самомъ. Указавъ, такимъ образомъ, признаки пастыря, Христосъ выставляетъ на видъ двухъ губителей: одинъ изъ нихъ—тѣтъ, убивающій и расхищающій, а другой—тотъ, кто ничего такого самъ не дѣлаетъ, но за то не обращаетъ вниманія и не препятствуетъ, когда другіе это дѣлаютъ. Въ лицѣ перваго Онъ указываетъ на Ѳевду и подобныхъ ему, а въ лицѣ другого выставляетъ учителей іудейскихъ, которые не пеклись и не заботились о вѣрванныхъ имъ овцахъ. Въ этомъ и Іезекиль нѣкогда укорялъ ихъ, говоря: *але пастыри Израилевы! Еда пасутъ пастыри самихъ себе? Не овцы ли пасутъ пастыри* (Іезек. xxxiv, 3)? Но они поступали напротивъ; а это величайшая степень нечестія и причина всѣхъ прочихъ золъ. Потому-то и говоритъ (пророкъ), что они и заблудшую (овцу) не обращали на путь, и погибшую не искали, и ту, у которой

327

328

сокрушены голени, не обвязывали, и больную не врачевали, пасли самихъ себя, а не овецъ (Іез. ххiv, 4, 8). На тоже самое указывалъ другими словами и Павелъ, говоря: *еси бо своихъ си ищущъ, а не лже Христа Іисуса* (Фил. п, 21); и въ другомъ мѣстѣ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кѣждо* (1 Кор. х, 24). Но Христосъ отличаетъ Себя отъ тѣхъ и другихъ: отъ первыхъ, приходящихъ съ цѣлю губить,—словами: *азъ придохъ, да животъ имутъ и лишше имутъ* (Іоан. х, 10); а отъ послѣднихъ, попускающихъ волкамъ расхищать овецъ,—тѣмъ, что не только не оставилъ но и положилъ за овецъ душу Свою, чтобы не дать имъ погибнуть. Въ самомъ дѣлѣ, когда положили убить Его, Онъ и не отступилъ отъ ученія, и не предалъ вѣрующихъ, но стоялъ твердо и благоволилъ умереть. Потому-то часто и говорилъ: *Азъ есмь пастырь добрый*. Но такъ какъ слова Его представлялись бездоказательными (вѣдь хотя изреченіе: *душу мою полагаю* и сбылось спустя немного времени, за то другое: *да животъ имутъ и лишше имутъ* имѣло осуществиться послѣ преселенія изъ здѣшней жизни, въ вѣкъ будущемъ), то что Онъ дѣлаетъ? Посредствомъ одного удостовѣряетъ въ другомъ. Тѣмъ, что положилъ душу Свою (удостовѣряетъ и въ томъ), что даруетъ жизнь. Объ этомъ говорилъ и Павелъ: *аще бо враги быхомъ, примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся* (Рим. v, 10). Также и въ другомъ мѣстѣ: *иже убо своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ даруетъ* (Рим. viii, 32)? Но почему не обвиняютъ Его теперь, какъ прежде, говоря: *ты о Себѣ самъ свидѣтельствуешь, свидѣтельство Твое истинно* (Іоан. viii, 18)? Потому, что Онъ часто уже заграждалъ имъ уста и чудесами приобрѣлъ большее право свободно говорить предъ ними. Далѣе, такъ какъ Онъ выше говорилъ: *и оны иже его слышатъ и по намъ идутъ*, то чтобы не сказали кто-нибудь: отчего же (были) невѣровавшіе?—послушай, что прибавилъ: *и знаю мя, и знаютъ мя мя* (Іоан. х, 14). На это указывалъ и Павелъ, говоря: *не отрину Богъ людей своихъ, иже прежде разумѣ* (Рим. xi, 2), и Моисей: *позна Господь сущихъ его* (Числ. xvi, 5; см. 2 Тим. ii, 19). Разумѣю тѣхъ, говорить Христосъ, о которыхъ Я напередъ зналъ. А чтобы ты не представлялъ мѣры знанія одинаковою, послушай, какъ Онъ предупреждаетъ это дальнѣйшими словами. *Знаю, говорить, мя, и знаютъ мя мя*. Но здѣсь знаніе неодинаковое. Гдѣ же одинаковое? Въ Отцѣ и во Мнѣ; здѣсь—*якоже знаетъ мя Отецъ, и азъ знаю Отца* (х, 15). Если бы не это Онъ хотѣлъ показать, то зачѣмъ бы прибавлять тѣ слова? Но какъ Онъ часто поставляетъ Себя въ рядъ людей, то чтобы не подумалъ кто, что Его званіе подобно человѣческому, Онъ прибавилъ: *якоже знаетъ*

Мя Отецъ, и Азъ знаю Отца. Также совершенно Я знаю Его, какъ Онъ Меня. Потому-то Онъ и говорилъ: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца, токмо Сынъ* (Матѣ. хі, 27), разумѣя нѣкоторое особенное знаніе, — такое, какого никто другой не можетъ имѣть. *И душу мою полагаю.* Часто повторяетъ это, чтобы показать, что Онъ не обманщикъ. Такъ и апостолъ, когда хотѣлъ показать себя истиннымъ учителемъ и направлялъ свое слово противъ лже-апостоловъ, хвалился бѣдами и смертями, говоря: *въ ранахъ пребываю, въ смертѣхъ мнозици* (2 Кор. хі, 23). Выраженія: *азъ есмь свѣтъ*, и: *азъ есмь жизнь* — казались для несмысленныхъ надменными; но слова: *хочу умереть* — не возбуждали ни зависти, ни ненависти. Потому и не говорятъ Ему: *ты о себѣ самъ свидѣтельствующи, свидѣтельство твое истинно*. Тѣ слова показывали въ Немъ великое попеченіе, такъ какъ Онъ хотѣлъ предать Себя за людей, которые бросали въ Него камнями.

2. Потому благовременно вводить слово и объ язычникахъ. *И ими овцы имамъ*, говоритъ, *яже не суть отъ двора сего: и тия Ми подобаетъ привести* (х, 16). Вотъ опять выраженіе: *подобаетъ* означаетъ не принужденіе, но указываетъ на дѣйствіе, имѣющее непремѣнно послѣдовать. Какъ бы такъ говорилъ: что удивительнаго, если эти пойдутъ за Мною и если овцы послушаютъ гласа Моего? Когда вы увидите, что и другія слѣдуютъ за Мною, и слушаютъ Моего гласа, тогда изумитесь болѣе. Не смущайся тѣмъ, что Онъ говоритъ: *яже не суть отъ двора сего*. Это различіе только по отношенію къ закону, какъ и Павелъ говоритъ: *ни обрѣзаніе что моасетъ, ни необрѣзаніе* (2 Кор. vii, 19). *И тия Ми подобаетъ привести*. Показываетъ, что тѣ и другія были разсѣяны и смѣшаны, и что тѣ и другія не имѣли пастырей, до пришествія добраго Пастыря. Затѣмъ предсказываетъ и будущее ихъ соединеніе, что они будутъ *едино стадо*. Это же самое опять указалъ и Павелъ, скававъ: *да оба созидаетъ собою во единого новаго чело-вѣка* (Еф. ii, 15). *Сего ради Мя Отецъ любитъ, яко Азъ душу Мую полагаю, да паки приму ю* (Іоан. х, 17). Что можетъ быть уничиженіе этихъ словъ? Господь нашъ пользуется любовію (Отца) ради насъ, потому что умираетъ за насъ! Что же, скажи мнѣ, развѣ прежде Онъ не былъ любимъ, а только теперь Отецъ сталъ, любить Его, и мы были виновниками этой любви? Видишь ли какъ Онъ приспособляется къ нашей немощи? Но что же Онъ хочетъ показать здѣсь? Такъ какъ называли Его чуждымъ Отцу и обманщикомъ, и утверждали, что Онъ пришелъ для вреда и гибели, то Онъ говоритъ, что если уже не что другое, то, по крайней мѣрѣ, то побуждало Меня любить васъ, что васъ любитъ Отецъ, такъ же какъ и Меня, и что Онъ любитъ (Меня) потому,

что Я умираю за васъ. А вмѣстѣ съ этимъ хочетъ и то показать, что идетъ на смерть не по неволѣ (если бы по неволѣ, то какимъ образомъ это доставило бы Ему любовь?), и что это весьма угодно и Отцу. И не удивляйся, что Онъ говоритъ здѣсь, какъ человѣкъ. Мы уже много разъ указывали причину этого, а снова повторять тоже самое было бы излишне и тягостно. *Азъ полагаю душу Мою, да паки приму ю. Никто же возметъ ю отъ Мене; но Азъ полагаю ю о себѣ. Область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки прияти ю* (х, 18). Такъ какъ часто замыслили убить Его, то Онъ говоритъ: безъ Моего соизволенія, напрасенъ вашъ трудъ, — и предыдущимъ доказываетъ послѣдующее, — смертію воскресеніе. Это удивительно и необычайно, потому что и то и другое (смерть и воскресеніе) послѣдовало особеннымъ и необыкновеннымъ образомъ.

Но будемъ тщательно внимать тому, что говорится. *Область имамъ*, говоритъ, *положити душу Мою*. Да кто же не имѣетъ власти положить душу свою? Всякій, кто хочетъ, можетъ умертвить себя. Но слова Его имѣютъ не этотъ смыслъ. Какой же? Я имѣю такую власть положить, что, противъ Моей воли, никто не можетъ отнять ее у Меня; а этого нельзя сказать о людяхъ. Мы не иначе сами по себѣ можемъ положить душу свою, какъ только умертвивъ себя. А если впадемъ въ руки людей, злоумышляющихъ и могущихъ убить насъ, то уже не имѣемъ власти положить и не положить, но они убиваютъ насъ и противъ нашей воли. А Онъ — не такъ. Онъ властенъ былъ не положить душу Свою даже и тогда, какъ другіе злоумышляли. Поэтому-то, сказавъ: *никтоже возметъ ю отъ Мене*, затѣмъ уже прибавилъ: *область имамъ положити душу Мою*, то есть, Я одинъ властенъ положить ее, а вы не имѣете этой власти, потому что у васъ и многіе другіе могутъ взять ее. Вначалѣ Онъ этого не говорилъ, потому что тогда слова Его не показались бы и вѣроятными. Но когда Онъ имѣлъ уже доказательство въ самыхъ дѣлахъ, когда не разъ злоумышлявшіе противъ Него не могли захватить Его (а Онъ много разъ уходилъ изъ рукъ ихъ), — тогда уже говоритъ: *никтоже возметъ ю отъ Мене*. Если же это справедливо, то слѣдуетъ и то, что Онъ добровольно идетъ на смерть. А если и это справедливо, то несомнѣнно и то, что Онъ, когда захочетъ, снова можетъ воспринять душу Свою. Если смерть Его была такимъ дѣломъ, которое превышаетъ силы человѣческія, то не сомнѣвайся на счетъ Его въ остальномъ. То, что Онъ одинъ имѣетъ власть положить душу Свою, показываетъ, что, по той же

самой власти, Онъ можетъ и снова принять ее. Видишь ли, какъ первымъ утвердилъ второе, и смертію неоспоримо доказалъ и

воскресеніе? *Сію заповѣдь пріялъ отъ Отца.* Какую же сію? Умереть за міръ. Такъ ужели Онъ ожидалъ, чтобы прежде услышать, и послѣ того уже рѣшился, и ужели имѣлъ нужду унавать о томъ? Но кто здравомыслящій можетъ сказать это? Нѣтъ, какъ выше словами: *сею ради Мя любить Отецъ* показалъ свое добровольное желаніе и уничтожилъ всякую мысль о противномъ, такъ и адѣсь, сказавъ, что получилъ заповѣдь отъ Отца, не выражаетъ ничего другого, кромѣ того, что Отцу угодно то, что Я дѣлаю, чтобы, когда умертвять Его, не думали, что умертвили, какъ оставленнаго и преданнаго Отцемъ, и не поносили такъ, какъ поносили: *имѣя спасе, Себе ли не можетъ спасти*, — и: *аще Сынъ еси Божій, спиди со креста* (Матѣ. ххvii, 40, 42). Потому-то именно Онъ и не сходитъ (со креста), что Онъ Сынъ Божій.

8. А чтобы ты, слыша, что Онъ припялъ заповѣдь отъ Отца, не подумалъ, что это дѣло чуждое Ему, Онъ уже напередъ сказать: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы*, показывая тѣмъ, что овцы принадлежать Ему, что все послѣдовавшее было Его дѣломъ и что Онъ не имѣетъ нужды въ заповѣди. И если бы имѣлъ Онъ нужду въ заповѣди, то какъ бы могъ сказать: *полагаю о Себѣ*? Кто полагаетъ самъ по себѣ, тотъ не имѣетъ нужды въ заповѣди. Притомъ Онъ указываетъ и причину, почему поступаетъ такъ. Какая же это причина? Та, что Онъ пастырь и пастырь добрый; а добрый пастырь не имѣетъ нужды, чтобы другой побуждалъ его къ такому дѣлу. Если такъ бываетъ у людей, то тѣмъ болѣе должно ожидать этого отъ Бога. Потому и Павелъ говоритъ, что Онъ себе *уменьилъ* (Фил. ii, 7). Итакъ слово заповѣдь — означаетъ адѣсь не что другое, какъ только единомысліе Его со Отцемъ. Если же адѣсь говорится такъ уничтоженно и по человѣчески, то причина этому — немоць слушателей. *Распря же накіи бистъ въ Іудеехъ за словеса сія. Глаголаху же мнози отъ нихъ: бгса имать и неистовъ есть: что еіо послушаете? Иніи глаголаху: сіи глаголы не суть бгснующаюся. Еда можетъ бгсъ слѣплымъ очи отверзти* (Іоан. x, 19—21)? Такъ какъ слова Его были выше человѣческихъ и выходили изъ ряда обыкновенныхъ, то называли Его бгсноватымъ, отзываясь о Немъ такъ уже въ четвертый разъ. И прежде говорили: *бгса ли имашіи? Кто Тебе ищетъ убити* (Іоан. vii, 20)? И опять: *не добръ ли ми глаголемъ, яко Самаряньици еси Ты и бгса имашіи* (viii, 49)? Также и адѣсь: *бгса имать и неистовъ есть: что еіо послушаете?* Впрочемъ вѣрнѣе, что и не четыре раза, а чаще Онъ слышалъ такой отзвъ. Слова: *не добръ ли ми глаголемъ, яко бгса имашіи* — служатъ знакомъ, что они не два и не три раза, но часто говорили это. *Иніи, сказано, глаголаху: сіи глаголы не суть бгснующаюся: еда можетъ бгсъ слѣплымъ очи*

отверзти? Такъ какъ не могли заградить уста, ссылаясь на слова, то, наконецъ, заимствуютъ доказательство отъ дѣлъ. И самыя слова, (говорятъ), очевидно, не приличны бѣсноватому; но если васъ не увѣряютъ слова, то убѣдитесь дѣлами. Если это не дѣла бѣсноватаго, и между тѣмъ они выше человѣческихъ, то очевидно, что они — дѣйствіе какой-то силы божественной. Поняли ли умозаключеніе? Что дѣла были выше человѣческихъ, видно изъ словъ ихъ: *бѣса имать*. А что Онъ не имѣлъ бѣса, то доказалъ Своими дѣлами. Что же Христосъ? Ничего не отвѣчаетъ на это. Прежде Онъ отвѣчалъ: *Азъ бѣса не имамъ*, а теперь не отвѣчаетъ. Представивъ уже доказательство отъ дѣлъ, Онъ теперь молчалъ. Да и не достойны были никакого отвѣта называвшіе Его бѣсноватымъ за то, чему слѣдовало удивляться и за что должно было признавать Его Богомъ. И нужны ли были еще съ Его стороны какія-либо обличенія, когда сами они возставали другъ противъ друга и обличали одни другихъ? Поэтому-то Онъ молчалъ и все переносилъ съ кротостію. Впрочемъ не только по этой причинѣ, но и для того, чтобы насъ научить кротости и всякому долготерпѣнію.

4. Итакъ, будемъ подражать Ему. Онъ не ограничился однимъ молчаніемъ, но и снова выступилъ, и когда Его спросили, отвѣчалъ, и выказалъ Свое попеченіе. Его называли бѣсноватымъ и неистовымъ люди, получившіе отъ Него безчисленные благодѣянія, и не однажды и не дважды, но много разъ; однакожъ Онъ не только не мстилъ, но и не переставалъ имъ благодѣтельствовать. И что я говорю — благодѣтельствовать? За нихъ Онъ и душу Свою положилъ, и на крестѣ ходатайствовалъ за нихъ предъ Отцемъ. Будемъ же и мы подражать этому. Вѣдь быть ученикомъ Христовымъ и значить быть кроткимъ и незлобивымъ. Но какимъ же образомъ мы можемъ стяжать эту кротость? Если будемъ постоянно размышлять о своихъ грѣхахъ, — если будемъ скорбѣть и плакать. Душа, погруженная въ такое сѣтованіе, не можетъ ни раздражаться, ни гнѣваться. Гдѣ скорбь, тамъ гнѣвъ невозможенъ; гдѣ печаль, тамъ нѣтъ мѣста злобѣ; гдѣ сокрушеніе духа, тамъ не можетъ быть негодованія. Душа, терзаемая скорбію, не имѣетъ и времени раздражаться; но горько сѣтуешь и еще горче плачешь. Знаю, что многіе, слыша это, смѣются; но я не перестану плакать о смѣющихся. Настоящее время есть время скорби, слезъ и рыданій. Мы много грѣшимъ и словами и дѣлами; а такихъ грѣшниковъ ожидаютъ геенна и рѣка, кипящая огненными волнами и, что всего хуже, лишеніе царствія. И при такихъ-то угрозахъ, скажи мнѣ, ты смѣешься и веселишься? И въ то время, какъ Господь твой гнѣвается и угро-

жаеть, ты остаешься безпечнымъ? И ты не боишься возжечь тѣмъ для себя горящую печь? Не слышишь ли, что взываетъ Опъ каждый дець? Вы видѣли Меня алчущимъ и не напители, жаждающимъ и не напоили. *Идите во огнь, уготованный дѣволу и ангеломъ ею* (Матѣ. ххv, 41, 42). Такія угрозы Онъ повторяетъ каждый день. Но я, говоришь, питаль Его. Когда и сколько дней? Десять, двадцать? Но Онъ хочетъ, чтобы — не въ теченіе этихъ только дней, но во все время, пока живешь на землѣ. Вѣдь и дѣвы имѣли елей, но не въ достаточномъ для ихъ спасенія количествѣ. И онѣ возжгли свѣтильники, но не были допущены въ брачный чертогъ. И совершенно справедливо, потому что свѣтильники ихъ угасли до пришествія жениха. Поэтому намъ должно имѣть много елей и много человеколюбія. Послушай, что говорить пророкъ: *помянуи мя, Боже, по величїи твоей милости* (Псал. л, 1). Такъ и намъ должно миловать ближнихъ по великой, возможной намъ, милости. Каковы будемъ мы сами по отношенію къ подобнымъ намъ рабамъ, такого приготовимъ себѣ и Владыку. Когда же милость бываетъ великою? Когда мы даемъ не отъ избытка, но отъ скудости. А если мы не даемъ и отъ избытка, то какая останется намъ надежда? Что избавить насъ отъ тѣхъ золъ? Куда прибѣгнемъ и гдѣ найдемъ спасеніе? Если дѣвы послѣ столь многихъ и столь великихъ трудовъ не получили ни откуда никакого утѣшенія, то кто будетъ нашимъ заступникомъ, когда мы услышимъ тѣ страшныя слова, когда самъ Судія, укоряя насъ, скажетъ: вы не напители Меня алчущаго? *Понеже, говоритъ, не сотвористе единому ситъ меньшихъ, ни мнѣ со-твористе* (Матѣ. ххv, 45), разумѣя здѣсь не учениковъ только и избравшихъ жизнь ипоческую, но и всякаго человека вѣрующаго. Хотя бы это былъ рабъ, хотя бы былъ изъ числа нищихъ, просящихъ на площади, но если онъ вѣруетъ въ Бога, имѣетъ право пользоваться всѣмъ расположеніемъ. И если мы презримъ такого человека, когда онъ нагъ или алчетъ, то услышимъ тѣ слова. И совершенно справедливо.

Труднаго ли чего и обременительнаго (Господь) требуетъ отъ насъ? Не того ли, напротивъ, что весьма легко и удобоисполнимо? Вѣдь не сказалъ Онъ: Я былъ боленъ, и вы не исцѣлили Меня, но: *не посетите мене*. Не сказалъ: Я былъ въ темницѣ, и вы не освободили Меня, но: *не приидосте ко мнѣ*. А чѣмъ легче заповѣди, тѣмъ большее наказаніе тѣмъ, которые не исполняютъ ихъ. Что же можетъ быть легче, скажи мнѣ. чѣмъ пойти и зайти въ темницу? Что даже прїятнѣе? Когда ты увидишь однихъ въ оковахъ, другихъ въ грязи, однихъ обросшихъ волосами и одѣтыхъ въ рубища, другихъ иставеающихъ отъ голода

и, подобно псамъ, прибѣгающихъ къ ногамъ, иныхъ съ растерзанными ребрами, иныхъ только теперь возвращающихся въ оковахъ съ площади, гдѣ они цѣлый день просятъ подаенія, но не собираютъ и необходимаго пропитанія, а между тѣмъ вечеромъ принуждены бываютъ отдать стражамъ и то, что достали этимъ тяжкимъ и несноснымъ трудомъ, то, хотя бы ты былъ камень, непременно сдѣлаешься человѣколюбивѣе; хотя бы велъ жизнь изнѣженную и распутную, непременно будешь болѣе любомудрствовать, увидѣвъ участь людей въ чужихъ несчастіяхъ. Тогда непременно придетъ тебѣ на мысль и тотъ страшный день съ его различными наказаніями. А когда будешь помнить и размышлять объ этомъ, — непременно отвергнешь и гнѣвъ, и удовольствіе, и пристрастіе къ житейскимъ вещамъ, и содѣлаешь душу свою тише самой тихой пристани. Будешь любомудрствовать и о томъ судилищѣ, представляя, что если у людей такое устройство и порядокъ, страхъ и угрозы, то тѣмъ болѣе у Бога. *Нистъ бо власть, аще не отъ Бога* (Римл. хш, 26). А Кто предоставилъ начальствующимъ распоряжаться такимъ образомъ, Тотъ тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это самъ.

5. И если бы не было этого страха, — погибло бы все, потому что и теперь, когда угрожаетъ намъ столько наказаній, многіе устремляются къ злу. Разсуждая же объ этомъ, ты не только будешь усерднѣе къ дѣламъ милосердія, но и получишь великое удовольствіе, — гораздо большее, чѣмъ тѣ, которые приходятъ со зрѣлища. Возвращающіеся оттуда пылаютъ огнемъ возжелѣнія. Увидѣвъ на сценѣ тѣхъ страстныхъ женщинъ и получивъ отъ того многочисленныя раны, они бываютъ ничѣмъ не лучше волнующагося моря, потому что взгляды, одежда, слова, поступъ и все прочее представляются ихъ взорамъ и не даютъ покоя душѣ. Напротивъ, вышедшіе отсюда (изъ темницы) не подвергнутся ничему такому, а приобретутъ глубокое спокойствіе и безмятежность. Скорбь, произведенная зрѣлищемъ узниковъ, потушаетъ всякій такой огонь. Кто вышелъ отъ узниковъ, съ тѣмъ если бы и встрѣтилась какая-либо блудная и безстыдная женщина, она не причинитъ ему никакого вреда. Сдѣлавшись уже какъ бы невиннымъ, онъ не будетъ уловленъ сѣтями ея взоровъ, потому что вмѣсто безстыдныхъ ея взоровъ будетъ тогда предъ очами его страхъ суда. Потому-то испытанный всѣхъ родовъ удовольствій и говорилъ: *благу ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Еккл. vii, 8). Такимъ образомъ, и здѣсь покажетъ великое любомудріе, и тамъ услышитъ слова, стоящія безчисленныхъ блаженствъ. Не будемъ же пренебрегать такимъ дѣломъ и занятіемъ. Пусть мы не можемъ принести пищи, или

пособить деньгами; но можемъ словомъ утѣшить и ободрить унылую душу, и оказать много иной помощи, напримѣръ—угворить тѣхъ, которые ввергли (въ темницу), расположить къ снисхожденію стражей, и всячески можемъ принести большую или меньшую пользу. Если скажешь, что тамъ (содержатся) не честные, добрые и кроткіе люди, но убійцы, грабители могилъ, воры, прелюбодѣи, люди распутные и злодѣи, то и въ этомъ опять укажешь мнѣ побужденіе, почему необходимо посѣщать такіа мѣста. Не то намъ заповѣдаютъ, чтобы миловать добрыхъ и показывать злыхъ, но—всѣмъ оказывать человеколюбіе. Будете, сказано, подобны Отцу вашему, *иже сѣтъ на небесахъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѣ. v, 42). Итакъ не осуждай строго другихъ, и не будь жестокимъ судьей, по кроткимъ и человеколюбивымъ. Вѣдь и мы, если не виновны ни въ прелюбодѣіи, ни въ расхищеніи могилъ, ни въ воровствѣ, за то имѣемъ другія согрѣшенія, достойныя многихъ наказаній. И брата часто называли глупцомъ, а это подвергаетъ насъ гееннѣ; и на женщинъ смотрѣли невоздержными очами, а это равняется совершенному любодѣіи; но что всего хуже—не участвуемъ достойнымъ образомъ въ таинствахъ, что дѣлаетъ насъ повинными тѣлу и крови Христовой. Не будемъ же строгими изслѣдователями чужихъ дѣлъ, но станемъ помышлять о своихъ собственныхъ, и тогда мы не будемъ такъ безчеловѣчны и жестоки. Кромѣ того нужно и то сказать, что тамъ мы найдемъ много и добрыхъ людей, стоящихъ часто цѣлаго города. И въ той темницѣ, гдѣ былъ Іосифъ, находилось много порочныхъ, однако обо всѣхъ заботился этотъ праведникъ; да и самъ содержался (тамъ) вмѣстѣ съ другими. Онъ стоялъ всего Египта, и однако жилъ въ темницѣ, и никто изъ бывшихъ тамъ не зналъ его. Такъ и теперь, быть можетъ, тамъ много есть честныхъ и добрыхъ людей, только они не всѣмъ извѣстны, и попеченіе о такихъ людяхъ вознаграждаетъ тебя за заботы о всѣхъ. А если бы не было и ни одного такого, то и въ этомъ случаѣ будетъ великое возданіе. И самъ Господь твой не съ праведными только бесѣдовалъ: Онъ не убѣгалъ и нечистыхъ, а, напротивъ, и хананеянку принялъ съ великою благосклонностію, и грѣшную и нечистую самарянку. Припаялъ также и уврачевалъ и другую блудницу, изъ-за которой и порцали Его іудеи, и позволилъ омочить ноги свои слезами грѣшницы, научая насъ быть снисходительными къ грѣшникамъ. Вотъ въ чемъ состоитъ по преимуществу человеколюбіе. Что ты говоришь? Въ темницѣ живутъ разбойники и грабители могилъ? А развѣ въ городѣ, скажи мнѣ, все живутъ праведники? Нѣтъ

ли, напротивъ, многихъ такихъ, которые хуже и тѣхъ и предаются разбою съ большимъ безстыдствомъ? Тѣ, если не другимъ чѣмъ, прикрываются, по крайней мѣрѣ, пустынею и тьмою, и дѣлають это въ тайнѣ; эти, напротивъ, отбросивъ личину, совершаютъ зло съ открытымъ лицомъ, предаваясь насилію, хищничеству и любостыжанію. Да и трудно найти человѣка, чистаго отъ неправды.

835 6. Пусть мы не похищаемъ золота и столько-то и столько десятинъ земли; но все же, посредствомъ какого-нибудь обмана и утайки, дѣлаемъ тоже самое въ меньшихъ размѣрахъ и сколько можемъ. Когда, напримѣръ, въ торговыхъ обязательствахъ и при покупкѣ или продажѣ чего-либо, мы споримъ и усиливаемся заплатить меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и всячески стараемся объ этомъ,—не разбой ли это? Не воровство ли и хищеніе? Не говори мнѣ, что ты отнялъ не домъ, не рабовъ. Несправедливость опредѣляется не цѣнностію того, что похищается, но намѣреніемъ похитителей. Несправедливость и справедливость имѣють одинакую силу какъ въ большемъ, такъ и въ маломъ. И я одинаково называю воромъ какъ того, кто, отрѣзавъ кошелекъ, возьметъ чужія деньги, такъ и того, кто, покупая что-нибудь на рынкѣ, удержитъ часть настоящей цѣны. И грабитель не тотъ только, кто разламываетъ стѣну и похититъ что-либо изъ дома, но и тотъ, кто нарушитъ справедливость и отниметъ что-либо у ближняго. Итакъ не будемъ судіями чужихъ дѣлъ, забывая о своихъ собственныхъ; не станемъ заниматься изслѣдованіемъ пороковъ, когда есть случай къ человѣколюбію; но, помысливъ о томъ, чѣмъ и мы были нѣкогда, будемъ впредь кроткими и человѣколюбивыми. Чѣмъ же мы были? Послушай, что говоритъ Павелъ. *Блгохъ бо иногда и мы немисленни, и непокориви, и прельщени, работюще похотемъ и сластемъ различнымъ, мерзцы суще и ненавиждяще другъ друга* (Тит. ш, 3). И въ другомъ мѣстѣ: *блгохъ естествомъ чада змии* (Евр. п, 3). Но Богъ, видя насъ какъ бы содержимыхъ въ темницѣ и связанныхъ тяжкими узами,—узами, гораздо тѣгчайшими желѣзныхъ,—не устыдился, но пришель и явился въ темницу, и насъ, достойныхъ безчисленныхъ наказаній, извелъ оттуда привелъ въ царство и содѣлалъ свѣтлѣйшими неба, чтобы и мы дѣлали, по возможности, тоже самое. Когда Онъ говоритъ ученикамъ: *аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и сѣ должни есте другъ другу умывати нозѣ. Образъ бо дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. хш, 11—15), то даетъ этотъ законъ не объ умовеніи только ногъ, но и о всемъ прочемъ, въ чемъ Онъ служилъ намъ примѣромъ. Живетъ ли въ темницѣ убійца,—не устанемъ дѣлать добро. Грабитель ли могилъ и пре-

любоудѣй, — будемъ милосерды не къ пороку, но къ несчастію. Нерѣдко же, какъ я сказалъ, можетъ найтись тамъ и человѣкъ, который одинъ стоитъ весьма многихъ. И если ты постоянно будешь посѣщать узниковъ, то не упустишь такого пріобрѣтенія. Какъ Авраамъ, принимавшій всѣхъ безъ различія странниковъ, принялъ однажды и ангеловъ, такъ и мы встрѣтимъ и великихъ людей, если обратимъ это дѣло въ постоянное занятіе. Если же нужно сказать что-нибудь и удивительное, то не столько похвалъ заслуживаетъ тотъ, кто принимаетъ великаго, сколько тотъ кто принимаетъ жалкаго и злосчастнаго. Тотъ въ обстоятельствахъ своей жизни представляетъ немаловажное побужденіе къ добродушію съ нимъ обхожденію; а отверженный и всѣми оставленный имѣетъ только одно убѣжище — милосердіе того, кто съ добротою призрѣваетъ его. И вотъ это по преимуществу и есть чистое человѣколюбіе. Притомъ, кто обслуживаетъ человѣку славному и знаменитому, тотъ часто дѣлаетъ это изъ тщеславія передъ людьми; а кто — отверженному и презираемому, тотъ дѣйствуетъ единственно по заповѣди Божіей. Потому-то, когда мы устроаемъ вечерю, намъ заповѣдано принимать хромыхъ и слѣпыхъ; когда творимъ милостыню, заповѣдано творить ее меньшимъ и низшимъ изъ людей. *Помеже бо, говорить Спаситель, сотвористе единому сизъ меньшихъ, Мно сотвористе.* Итакъ, зная о находящемся тамъ сокровищѣ, будемъ часто ходить туда и тамъ торговать, и туда перенесемъ свое усердіе къ зрѣлищамъ. Если бы ты и ничего не могъ принести съ собою, — принеси утѣшеніе словомъ. Богъ награждаетъ не только питающаго, но и ходящаго туда. Когда ты придеши и ободрить трепещущую и боязливую душу своимъ утѣшеніемъ, пособіемъ, общаніемъ защиты, наученіемъ любомудрію, — не малую и за то получишь награду. Когда ты будешь вести такую бесѣду въ другихъ мѣстахъ, многіе, изнѣженные многоразличными наслажденіями, станутъ надъ тобою и смѣяться. Но находящіеся въ несчастіяхъ, будучи смиренны духомъ, будутъ внимать твоимъ словамъ съ великою кротостію, похвалять тебя и сдѣлаются лучшими. И надъ Павломъ, когда онъ проповѣдывалъ, іудеи часто смѣялись; но узники внимали ему въ великомъ молчаніи. Ничто такъ не располагаетъ душу къ любомудрію, какъ бѣдствіе, искушеніе и угрожающая скорбь. Итакъ, представивъ себѣ все это, — сколько мы сдѣлаемъ добра и содержащимся въ темницахъ, и себѣ самимъ, если будемъ постоянно обращаться съ ними, и станемъ употреблять на это все время, которое проводимъ въ безвременныхъ и пустыхъ занятіяхъ на площадяхъ. Черезъ это мы и имъ доставимъ пользу, и себѣ самимъ радость, и, послуживъ къ славѣ

Божіей, сподобимся вѣчныхъ благъ, по благодати и челоувѣколюбію Господа нашего Ісуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXI.

Выша же тогда обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ. И хождаше Іисусъ въ церкви, въ притворѣ Соломони. Обыдоша же Его Іудее, и глаголаху Ему: доколѣ души наши вземлени (Іоан. х, 22—24)?

- 335 1. Всякая добродѣтель хороша, но въ особенности — незлобіе и кротость. Она выказываетъ въ насъ людей; она отличаетъ отъ звѣрей; она дѣлаетъ равными ангеламъ. Поэтому и Христосъ часто и много говоритъ объ этой добродѣтели, повелѣвая быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповѣдуетъ это, по учить тому и самими дѣлами, то терпѣливо перенося заушенія, то подвергаясь поношеніямъ и навѣтамъ, и, не смотря на то, опять обращаясь съ навѣтниками. Вотъ тѣ именно, которые называли Его имѣющимъ бѣса и самаряниномъ, которые неоднократно хотѣли умертвить Его и бросали въ Него камни, — тѣ
- 836 самые, окруживъ Его, спрашивали: *аще ты еси Христосъ* (Іоан. х, 24)? Но Онъ и теперь, послѣ столь многихъ и великихъ козней, не отвергъ ихъ отъ Себя, но отвѣчалъ съ великою кротостію. Но необходимо разсмотрѣть всю эту бесѣду сначала. *Выша, сказано, обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ.* Это былъ великій и общепародный праздникъ. Іудеи съ великимъ усердіемъ праздновали этотъ день, въ который возстановленъ былъ храмъ по возвращеніи ихъ изъ продолжительнаго персидскаго плѣна ¹⁾. На этотъ праздникъ явился и Христосъ: теперь Онъ часто приходилъ въ Іудею, такъ какъ время страданія было уже при дверяхъ. *Обыдоша же Его Іудее, и глаголаху Ему: доколѣ души наши вземлени? Аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обвиняя* (Іоан. х, 24). (На это Христосъ) не сказалъ: чего вы отъ Меня хотите? Вы неоднократно называли Меня бѣснующимся, и неистовымъ, самаряниномъ; вы считали Меня противникомъ Божиимъ и обманщикомъ, и недавно еще говорили: *ты о Себѣ самъ свидѣтельствующи: свидѣтельство Твое истинно* (Іоан. viii, 13). Какъ же теперь спрашиваете и хотите узнать отъ Меня, тогда какъ отвергаете Мое свидѣтельство? Нѣтъ, ничего такого Онъ не сказалъ, хотя и

¹⁾ У Златоуста Вавилонія и Ассирія часто называются Персіей.

зналъ, что намѣреніе, съ которымъ они спрашивали, было лукавое. Правда, окруживъ Его и сказавъ: *доколы души наши вземлещи*, — они тѣмъ, по видимому, выразили нѣкоторое усердіе и желаніе знать; но, на самомъ дѣлѣ, мысль, съ какою спрашивали, была злая и коварная. Такъ какъ дѣлъ Его они не въ состояніи были оклеветать и опорочить, то старались уловить Его въ словахъ, и потому постоянно предлагали Ему вопросы, не съ тѣмъ, чтобы знать, но чтобы заградить Ему уста Его собственными словами. Не будучи въ состояніи ничѣмъ опорочить Его дѣла, старались найти какой-нибудь предлогъ въ Его рѣчахъ. Поэтому-то и говорили: *рцы намъ*, хотя Онъ уже неоднократно говорилъ. Такъ и самарянкѣ Онъ говорилъ: *Азъ есмь, малолый съ тобою* (Іоан. iv, 26), и слѣпому: *и свидѣль еси Его, и малолый съ тобою, той есть* (Іоан. ix, 37). Да и имъ самимъ Онъ сказалъ, хотя не такими, но другими словами. И еслибы они имѣли умъ и дѣйствительно желали знать, то могли бы уже и по тѣмъ словамъ признать Его, потому что дѣлами Онъ много разъ доказалъ это. Между тѣмъ смотри, какое у нихъ развращеніе и упорство. Когда Онъ проповѣдывалъ и училъ словами, они говорятъ: *кое убо Ты твориши знаменіе* (Іоан. vi, 30)? А когда представлялъ доказательства въ дѣлахъ, тогда говорятъ Ему: *аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся*. Такимъ образомъ, когда вопіють дѣла, они ищутъ словъ; а когда учатъ слова, прибѣгаютъ къ дѣламъ, всегда настаивая на противномъ. А что они спрашивали не съ тѣмъ, чтобы знать, это показалъ конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, на Того самаго, котораго считали столько достовѣрнымъ, что принимали Его свидѣтельство даже о Себѣ самомъ, — на Того самаго, едва только изрекъ Онъ нѣсколько словъ, тотчасъ начали бросать камни. Значить и то, что они окружили Его, и то, что настоятельно спрашивали, — дѣлалось съ лукавствомъ. Да и самый образъ вопроса являлъ въ нихъ великое недоброжелательство. *Рцы намъ*, говорятъ, *не обинуяся, аще Ты еси Христосъ?* Хотя всегда, бывая во время праздниковъ, Онъ все говорилъ *не обинуяся* и ничего не говорилъ тайно, однакожъ они для того обращаются къ нему съ лъстивыми словами и говорятъ: *доколы души наши вземлещи*, чтобы, вызвавъ Его, опять найти какой-нибудь поводъ къ обвиненію. А что они всегда спрашивали Его съ этою цѣлію, — не для того, чтобы научиться, но чтобы уловить Его въ словахъ, — это видно не отсюда только, но и изъ многихъ другихъ мѣстъ. Такъ и тогда, когда они приступили и спрашивали: *достойно ли есть дати хинсонъ кесареви, или ни* (Матѣ. ххп, 17), и когда бесѣдовали о разводѣ съ женою, и когда спрашивали о той, о которой говорили, что она имѣла семь мужей, — они были уличены въ

томъ, что предлагали вопросы не съ желаніемъ знать, но съ злымъ намѣреніемъ. Но въ тѣхъ случаяхъ Онъ обличаетъ ихъ, говоря: что *Мя искушаете, лицемеры* (Мате. хп, 18), — показывая тѣмъ, что Онъ знаетъ ихъ тайныя намѣренія; а здѣсь ничего такого не говоритъ, научая насъ не всегда обличать навѣтниковъ, но многое переносить съ кротостію и незлобіемъ. Итакъ, поелику безумно было требовать свидѣтельства словъ, когда проповѣдывали о Немъ дѣла, то послушай, какъ Онъ имъ отвѣчаетъ, частію указывая на то, что они безъ нужды этого требуютъ и не для того, чтобы научиться, частію показывая, что Онъ уже далъ отвѣтъ болѣе ясный, чѣмъ на словахъ, то есть, отвѣтъ въ дѣлахъ. Многасжды, говоритъ, *рече вамъ, и не отруете Мя: опла, яже Азъ творю о имени Отца Моего, та свидѣтельствуютъ о Мя* (Іоан. х, 25). Это самое часто говорили между собою и умѣреннѣйшіе изъ нихъ: не можетъ человекъ грѣшенъ суща знаменія творити (Іоан. ix, 16); и опять: не можетъ бгъ слѣпыми очи отверзти (Іоан. х, 21); и также: никтоже можетъ знаменій оныхъ творити, аще не будутъ Богъ съ нимъ (Іоан. ш, 2). И видя знаменія, которыя Онъ творилъ, говорили: не сей ли есть Христосъ (вп, 41), а другіе говорили: Христосъ егда придетъ, егда больша знаменія сотворитъ, яже сей творитъ (вп, 31)? Да и эти самыя (которые теперь спрашивали) хотѣли увѣровать въ Него на основаніи дѣлъ, говоря: кое Ты твориши знаменіе, да видимъ, и отру имемъ Тебѣ (Іоан. vi, 30)?

2. Итакъ, поелику въ то время они показывали видъ, будто убѣдятся простымъ словомъ, между тѣмъ какъ не убѣдились столь многими дѣлами, то Онъ обличаетъ лукавство ихъ, говоря: если вы дѣламъ не вѣруете, то какъ повѣрите словамъ? Значить, вопросъ (вашъ) излишній. Но *рече вамъ, говоритъ, и не отруете: нѣсте бо отъ овецъ Моихъ* (Іоан. х, 26). Я, съ Своей стороны, исполнилъ все, что слѣдовало сдѣлать пастырю. Если же вы не слѣдуете за Мною, то это происходитъ не оттого, будто Я — не пастырь, но оттого, что вы — не Мои овцы. *Оцы Мои, говоритъ, гласа Моего слушаютъ, и по Мя ирядутъ, и Азъ асигаетъ отъ нихъ данъ имъ, и не погибнутъ во вѣки, и не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея. Отецъ Мой, иже даде Мя, болій естъ: и никтоже можетъ восхитити ихъ отъ руки Отца Моего. Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. х, 27—30). Смотри, какъ Онъ, и не признавая ихъ, сдѣлываетъ слѣдовать за Собой. Вы, воворить, не слушаете Меня, потому что вы и не овцы Мои; а тѣ, которые слѣдуютъ за Мною, принадлежатъ къ стаду. Это сказалъ Онъ съ тою цѣлію, чтобы они поревновали сдѣлаться овцами. Потому, сказавъ, что (овцы Бгъ) достигнутъ, Онъ тѣмъ подстрекаетъ ихъ и возбуждаетъ въ нихъ желаніе. Что же? Значить, по могуществу (только) Отца никто

не восхитить (ихъ)? А самъ Ты не можешь и не имѣешь силы охранить? Отнюдь нѣтъ. И чтобы ты зналъ, что изреченіе — *Отецъ, иже даде мнѣ*, сказано ради іудеевъ, чтобы они опять не назвали Его противникомъ Божиимъ, то вотъ Онъ, сказавъ: *не восхититъ никтоже отъ руки Моея*, далѣе показать, что рука Его и рука Отца одна и таже. А если бы это было не такъ, то слѣдовало бы сказать, что *Отецъ Мой, иже даде Мнѣ, болій всѣхъ есть, и никтоже можетъ восхитити изъ отъ руки Моея*. Но Онъ не сказалъ такъ, а: *отъ руки Отца Моего*. Потомъ, чтобы ты не подумалъ что самъ Онъ безсиленъ, но овцы находятся въ безопасности по причинѣ силы Отца, Онъ присовокупилъ: *Азъ и Отецъ едино есма*. Какъ бы такъ говорилъ: не потому Я сказалъ, что ради Отца никто не похититъ овецъ, будто самъ Я не силенъ охранить ихъ: *Азъ и Отецъ едино есма*, — то есть по отношенію къ могуществу, такъ какъ вся рѣчь у Него была о могуществѣ. Если же одно и то же могущество, то, очевидно, и существо. Такъ какъ іудеи вооружались безчисленными средствами, строили ковы, отлучали отъ синагоги, то Онъ говоритъ, что все это они предпринимали напрасно и бесполезно; овцы находятся въ рукѣ Отца Моего, какъ и пророкъ говоритъ: *се на рукахъ моихъ написаны стѣны твоя* (Ис. 54, 16). Потомъ, показывая, что рука одна, Онъ называетъ ее то Своею, то Отчею. А когда ты услышишь слово: *рука*, не представляй себѣ ничего чувственнаго, но силу, власть. Если же потому никто не могъ восхитить, что (Отецъ) облакъ Его силою, въ такомъ случаѣ излишне было бы дальнѣйшее изреченіе: *Азъ и Отецъ едино есма*. Если бы Онъ былъ меньше (Отца), то это изреченіе было бы очень дерзновенно, потому что оно показываетъ не что другое, какъ равенство могущества. Такъ именно поняли Его и іудеи, и потому стали бросать въ Него камни. Однакожъ, не смотря и на это, Онъ не опровергъ такого ихъ мнѣнія и предположенія. Между тѣмъ, если бы они сдѣлали предположеніе неправильное, слѣдовало бы поправить ихъ и сказать: для чего вы это дѣлаете? Я сказалъ это не для того, чтобы приписать Мнѣ и Отцу равное могущество. Но Онъ поступаетъ совсѣмъ напротивъ: Онъ утверждаетъ и одобряетъ ихъ предположеніе, и все это — несмотря на ихъ ожесточеніе. Онъ не только не извиняется въ своихъ словахъ, какъ не хорошо сказанныхъ; а напротивъ, еще ихъ укоряетъ въ томъ, что они имѣютъ о Немъ не надлежащее понятіе. Такъ, когда они сказали: *о добръ дѣлъ камене не метемъ на Тя, но о хуль, яко Ты, человекъ сый, твориши Себе Бога* (Іоан. 8, 38), — послушай, что Онъ отвѣчаетъ: *аще оныхъ рече писаніе боговъ, къ нимъ же слово Божіе бысть, како вы глаголете, яко хулю глаголю, зане рече Оны Божій есмь* (ст. 35 36)? А эти

слова означаютъ вотъ что: если тѣ, которые получили это названіе по благодати, не подвергаются обвиненію, когда называютъ себя богами, то какъ можетъ по справедливости подлежать укоризнѣ Тотъ, Кто имѣетъ это по естеству? Но Онъ такъ не сказалъ, а доказалъ это послѣ, употребивъ напередъ выраженія болѣе смиренныя и сказавъ: *его же Отецъ съити и посла въ міръ* (ст. 36). Когда же утишилъ ихъ гнѣвъ, тогда приводитъ ясное доказательство. Сначала, чтобы слово Его было принято, Онъ говорилъ съ нѣкоторымъ уничиженіемъ; а наконецъ возвысилъ и сказалъ такъ: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми стры; аще ли творю, аще и Мнѣ не струете, дѣломъ Моимъ струите* (ст. 37, 38). Видишь ли, какъ Онъ доказываетъ то, что я выше сказалъ, именно, что Онъ ничѣмъ не меньше Отца, но во всемъ равенъ? Такъ какъ невозможно было видѣть существа Его, то вотъ Онъ въ доказательство равенства своего могущества представляетъ равенство и тожество дѣлъ.

8. Чему же именно, скажи, вѣровать? Тому, что *Азъ есмь Отецъ, и Отецъ есмь Мнѣ* (Іоан. х, 38). Я не иное что, а тоже, что Отецъ, только пребываю Сыномъ; и Онъ не иное что, а тоже, что Я, только пребываетъ Отцемъ. И кто позналъ Меня, тотъ позналъ и Отца, уразумѣлъ и Сына. Но если бы (Сынъ) былъ меньше (Отца) по могуществу, то и познаніе было бы ложное. Нельзя познать ни существа, ни могущества одного лица посредствомъ другого, отличнаго отъ него. *Искашу убо яти его, и изиде отъ руки нзъ. И иде на оныя Гирдана, на мѣсто, идоже бѣ Іоаннъ прежде крестя: и мнози приидоша къ нему, и глаголаху, яко Іоаннъ убо знаменія не сотвори ни единая: вся же, елика рече Іоаннъ о селѣ, истинна бяху* (Іоан. х, 39—41). Христосъ, послѣ того, какъ возвѣститъ что-нибудь великое и высокое, тотчасъ удаляется, уступая гнѣву іудеевъ, чтобы Своимъ отсутствіемъ укротить и утишить ихъ страсть. Такъ поступилъ Онъ и въ то время. Но для чего евангелистъ указываетъ мѣсто? Для того, чтобы ты зналъ, что Онъ удалился въ то мѣсто съ намѣреніемъ напомнить іудеямъ о томъ, что тамъ произошло и что сказано было Іоанномъ, равно какъ и о его свидѣтельствѣ. И дѣйствительно, пришедши туда, они тотчасъ вспомнили объ Іоаннѣ, поэтому и говорятъ, что *Іоаннъ знаменія не сотвори ни единая*. Иначе какой поводъ былъ бы говорить это? Но такъ какъ мѣсто привело имъ на память Крестителя, то имъ пришло на память и его свидѣтельство. И смотри, какія неоспоримыя составляютъ они умозаключенія. Іоаннъ, говорятъ, не сотворилъ никакого знаменія, а этотъ творить; слѣдовательно отсюда видно Его превосходство. Если же мы вѣрили тому (Іоанну), хотя онъ не сотворилъ никакого знаменія, то го-

раздо болѣе (должны вѣровать) этому (Христу). Затѣмъ, такъ какъ Іоаннъ свидѣтельствовалъ (о Христѣ), то, чтобы не показалось, что онъ, какъ не сотворившій знаменія, недостойнъ давать свидѣтельство, — они присовокупили: хотя знаменія онъ не сотворилъ ни одного, однакожъ во всемъ, что говорилъ о Христѣ, былъ истиненъ, — и тѣмъ показали, что не Христосъ содѣлался достойнымъ вѣры чрезъ Іоанна, а Іоаннъ чрезъ дѣла Христовы. Такимъ образомъ *мнози спроваши съ него* (ст. 42). И въ самомъ дѣлѣ, многое привлекало ихъ. Такъ, вспомнили они о тѣхъ рѣчахъ, которыя Іоаннъ говорилъ, называя Его крѣпльшимъ себя, и свѣтомъ, и жизнію, и истиною, и всѣми прочими (именами); вспомнили и голосъ, нисшедшій свыше, и Духа, явившагося тогда въ видѣ голубя и всѣмъ Его указавшаго; а сверхъ того, они видѣли доказательство въ чудесахъ, и тѣмъ, наконецъ, утверждались. Если Іоанну, говорили они, слѣдовало вѣрить, то гораздо болѣе — Христу. Если тому — безъ знаменій, то гораздо болѣе Христу, Который, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ отъ Іоанна, имѣетъ еще доказательство отъ знаменій.

Видишь ли, сколько пользы принесло имъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ и удаленіе отъ злыхъ людей? По этой-то причинѣ (Христосъ) часто наводитъ и удаляетъ ихъ отъ сообщества такихъ людей. Это самое сдѣлалъ Онъ и въ ветхомъ завѣтѣ, когда въ пустынѣ, вдали отъ египтянъ, наставлялъ іудеевъ и устроилъ во всемъ. Тоже внушаетъ Онъ и намъ дѣлать, когда повелѣваетъ убѣгать торжищъ, шума и смятеній, молиться въ тишинѣ — въ своей клѣтѣ. И корабль, неподверженный бурѣ, плыветъ благополучно: такъ и душа, не занятая общественными дѣлами, находится въ пристани. Поэтому-то женамъ слѣдовало бы быть любомудрѣе мужей, такъ какъ онѣ по большей части привязаны къ занятіямъ домашнимъ. Оттого именно и Іаковъ былъ *не лукавъ*, что жилъ дома и былъ свободенъ отъ внѣшнихъ тревогъ; не безъ причины же Писаніе замѣтило о немъ: *жили въ дому* (Быт. xxv, 27). Но и въ домѣ, скажешь, много безпокойства. Это оттого, что ты сама того хочешь и сама себя окружаешь множествомъ заботъ. Мужъ, обращаясь на торжищахъ и въ судилищахъ, очевидно, обуревается внѣшними хлопотами, какъ бы нѣкоторыми волнами; а жена, сидя дома, какъ бы въ нѣкоемъ училищѣ любомудрія, и сосредоточивъ въ себѣ свои мысли, имѣетъ возможность заниматься и молитвою, и чтеніемъ, и другими дѣлами любомудрія. И какъ живущіе въ пустыняхъ не имѣютъ никого, кто бы безпокоилъ ихъ, такъ и жена, находясь всегда дома, постоянно можетъ наслаждаться тишиною. Если же иногда представится ей необходимость и выйти, то и

тогда нѣтъ для нея повода къ безпокойству. Въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ нужно бываетъ выходить или для того, чтобы придти сюда, или когда надобно омытъ тѣло въ банѣ; затѣмъ большую часть времени она сидитъ дома. Поэтому она можетъ и сама любуудрствовать, и, принимая растревоженнаго мужа, утѣшать и успокаивать Его, разгонять излишнія и тяжелыя его мысли и, такимъ образомъ, снова отпускать его уже безъ тѣхъ непріятностей, какія онъ принесъ съ собою съ торжища, но съ добрымъ расположеніемъ, которое пріобрѣлъ дома. Подлинно, жена благочестивая и разумная скорѣе всего можетъ образовать мужа и настроить его душу по своему желанію. Ни друзей, ни учителей, ни начальниковъ не послушаетъ онъ такъ, какъ свою супругу, когда она увѣщаетъ и даетъ совѣты. Это увѣщаніе доставляетъ ему и нѣкоторое удовольствіе, потому что онъ очень любитъ эту совѣтницу. И я могъ бы указать на многихъ суровыхъ и неукротимыхъ мужей, которые смягчены такимъ образомъ. Жена участвуетъ съ мужемъ и въ трапезѣ, и въ ложѣ, и въ рожденіи дѣтей, и въ дѣлахъ явныхъ и тайныхъ, во входахъ и выходахъ, и въ весьма многомъ другомъ; она во всемъ ему предана и соединена съ нимъ такъ, какъ тѣло соединено съ головою. И если она будетъ разумна и рачительна, то всѣхъ другихъ превзойдетъ и побѣдитъ въ попеченіи о своемъ супругѣ.

4. Поэтому убѣждаю: считайте это обязанностію и давайте надлежащіе совѣты. Женщина имѣетъ великую силу какъ для добродѣтели, такъ и для порока. Она погубила Авессалома; она — Амнона; она намѣревалась — Іова; но она же избавила Навала отъ смерти; она спасла цѣлый народъ. Такъ Деввора и Іудифъ выказали доблести мужей — военачальниковъ. Таковы же и многія другія жены. Поэтому и Павелъ говоритъ: *что бо ты, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. vii. 16)? И мы знаемъ, что въ тѣ времена Персида, Маріамъ и Прискилла приняли на себя подвиги апостольскіе. Этимъ-то женамъ и вы должны ревностно подражать, и не словами только, но и дѣлами наставлятъ своего супруга. Какъ же мы можемъ учить его дѣлами? Когда онъ увидитъ, что ты не алогравна, не расточительна, не любишь украшеній, не требуешь излишнихъ денежныхъ доходовъ, но довольствуешься тѣмъ, что есть: въ этомъ случаѣ онъ непремѣнно послушаетъ и твоихъ совѣтовъ. Если ты на словахъ будешь любуудрствовать, а на дѣлѣ станешь поступать напротивъ, то онъ обвинитъ тебя въ великомъ пустословіи. А когда выстъ съ словами ты представишь ему наставленіе дѣлами, тогда онъ похвалитъ тебя и скорѣе послушаетъ. Такъ будетъ, напримѣръ, когда ты не будешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоценныхъ одежъ

но, вмѣсто этого, скромности, цѣломудрія, благодушія, и, поступая такъ сама, будешь требовать того же и отъ него. Если же надобно что-нибудь дѣлать для угожденія мужу, то нужно душу украшать, а не тѣло наряжать и погублять. Не столько золото, которымъ ты украшаешься, сдѣлаетъ тебя любезною и пріятною для него, сколько—цѣломудріе и ласковость къ нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу плѣняетъ мужей. То украшеніе непріятно мужу, потому что приводитъ въ стѣсненное положеніе его имѣніе и требуетъ большихъ издержекъ и заботъ; а это, о которомъ сказано выше, привяжетъ мужа къ женѣ. Ласковость, дружба и любовь ни заботъ не приносятъ, ни издержекъ не требуютъ, но все противоположное. Притомъ тотъ нарядъ отъ привычки дѣлается приторнымъ; а украшеніе души цвѣтетъ каждый день и возжигаетъ сильнѣйшій пламень. Итакъ, если хочешь нравиться мужу, украшай душу цѣломудріемъ, благочестіемъ, попеченіемъ о домѣ. Эта красота и болѣе плѣняетъ, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушаетъ этой красоты, ни болѣзнь не уничтожаетъ. Красоту тѣлесную и время продолжительное разрушаетъ, и болѣзнь истребляетъ, и многое другое; а что украшаетъ душу, то выше всего этого. Кромѣ того, та красота и возбуждаетъ зависть, и возжигаетъ ревность; а эта чиста отъ такой болѣзни и свободна отъ всякаго тщеславія. Такимъ образомъ, и въ домѣ все будетъ идти лучше, и доходы будутъ изобильнѣе, когда золото не будетъ лежать вокругъ твоего тѣла, не будетъ связывать твоихъ рукъ, но будетъ употребляться на необходимыя нужды, какъ, напримѣръ, на содержаніе слугъ, на необходимое попеченіе о дѣтяхъ и на другія дѣйствительныя потребности. Но если не такъ,—если будетъ со всѣхъ сторонъ лежать предъ глазами и стѣснять сердце, то какая прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяетъ замѣчать того, чѣмъ плѣняются глаза. Вѣдь вы знаете, вѣрно знаете, что если бы кто увидѣлъ женщину, даже лучше всѣхъ украшенную, онъ не можетъ находить въ томъ удовольствія, когда у него душа болѣетъ. Кто хочетъ находить удовольствіе, тому напередъ нужно быть веселымъ и имѣть расположеніе къ радости. Между тѣмъ, если золото все растрачено на украшеніе женина тѣла, а въ домѣ обитаетъ скудость, то для супруга нѣтъ никакого удовольствія. Итакъ, если желаете нравиться мужьямъ, приводите ихъ въ пріятнее расположеніе духа; а приведете ихъ въ это расположеніе, когда отвергнете наряды и украшенія. Все это, повидимому, имѣетъ для него нѣкоторую пріятность во время бракосочетанія; но впоследствии, съ теченіемъ времени, теряетъ свою цѣну. Если отъ привычки мы не

842

очень удивляемся небу, которое такъ прекрасно, и солнцу, которое такъ блистательно, что ты не можешь сравнить съ нимъ ни одного тѣла, то какимъ образомъ будемъ дивиться украшенному тѣлу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались истинною красотою, которую заповѣдалъ Павелъ: *не златомъ, или бирюгами, или ризами многоцвѣтными, но еже подобаетъ женамъ, обѣщающимся благочестію, дѣломъ благими* (1 Тим, п, 9—10). Или ты хочешь нравиться лицамъ постороннимъ и отъ нихъ получать похвалы? Но это желаніе отнюдь не жены цѣломудренной. Впрочемъ, если хочешь, то и они будутъ очень любить тебя и хвалить за цѣломудріе. Въ самомъ дѣлѣ, ту (любящую наряды) не похвалить ни одинъ скромный и порядочный человѣкъ; похвалятъ развѣ люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалятъ, а напротивъ, станутъ говорить о ней худо, когда замѣтятъ, что ея безстыдство возбуждаетъ въ нихъ вождельніе. А эту (цѣломудренную) и тѣ, и другіе, и всѣ похвалятъ, такъ какъ не только не получаютъ отъ ней никакого вреда, а напротивъ еще наставленіе въ любомудріи. И отъ людей ей будетъ великая похвала, и отъ Бога великая награда. Итакъ, будемъ ревновать объ этой красотѣ, чтобы и здѣсь пожить въ безопасности, и достигнуть будущихъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЕХП.

Бѣ же боля нѣкто Лазарь отъ Виваніи, отъ веси Маріинны и Марѣы, сестры ея: бѣ же Марія, помазавшая Господа мѣромъ (Іоан. хі, 1, 2).

- 341 1. Многіе соблазняются, когда видятъ нѣкоторыхъ угодныхъ Богу людей въ какомъ-либо бѣдствіи, когда видятъ, напримѣръ, что они подверглись болѣзни, или бѣдности, или чему-нибудь другому подобному; а того не знаютъ, что такіа страданія свойственны тѣмъ, которые особенно любезны Богу. Такъ вотъ и Лазарь былъ изъ друзей Христовыхъ, а былъ боленъ, какъ это именно говорили и пославшіе: *се, евоже любиши, боленъ* (ст. 3). Но рассмотримъ эту часть (евангельскаго чтенія) сначала. *Въ нѣкто, сказано, боля Лазарь отъ Виваніи*. Не просто и не случайно сказать, откуда былъ Лазарь, по по нѣкоторой причинѣ, которую укажетъ впоследствии. Но мы пока займемся предложеннымъ.
- 342 мѣстомъ. Съ пользою также упоминаетъ намъ и о сестрахъ его присовокупляя къ тому, что особеннаго имѣла Марія, именно:

ѣтъ же *Марія, помазанная Господа мѣромъ*. Нѣкоторые съ недоумѣніемъ здѣсь спрашиваютъ: какъ Христосъ позволилъ сдѣлать это женщинѣ? Поэтому, прежде всего необходимо замѣтить, что это—не блудница, упоминаемая у Матѳея, и не та, которая (упоминается) у Луки; нѣтъ, это—другая. Тѣ дѣйствительно были блудницы и преисполнены многихъ пороковъ; а эта была честная и усердная, заботившаяся о принятіи Христа. Евангелистъ указываетъ, что и сестры любили Христа, и однаковъ Онъ допустилъ Лазарю умереть. Но почему же онѣ не оставили болящаго брата и не пошли сами ко Христу, какъ поступилъ сотникъ и мужъ царевъ, но послали къ Нему? Потому, что онѣ крѣпко надѣялись на Христа, и были очень близки къ Нему. А съ другой стороны, онѣ были слабыя женщины и были одержимы скорбію. А что онѣ сдѣлали такъ не по небреженію, это показали впоследствии. Итакъ, очевидно, что Марія была не блудница. Но для чего, скажешь, и блудницу принять Христосъ? Для того, чтобы разрѣшить отъ порока, чтобы показать челоувѣколюбіе, чтобы ты позналъ, что пѣтъ недуга, побѣждающаго Его благодать. Итакъ, не на то одно смотри, что Онъ принялъ, но и на то взирай, какъ Онъ перемѣнилъ ее. Для чего же евангелистъ упоминаетъ намъ объ этомъ событіи? Или лучше, чему онъ хочетъ научить словами: *любляше Іисусъ Марю и сестру ея и Лазаря* (ст. 5)? Тому, чтобы мы отнюдь не негодовали и не огорчались, когда случится впасть въ какую-нибудь болѣзнь людемъ добродѣтельнымъ и друзьямъ Божиимъ. *Се, еяже любими, болятъ* (ст. 3). (Сестры Лазаря) хотѣли возбудить въ Христѣ состраданіе, потому что еще смотрѣли на Него, какъ на челоувѣка, что видно изъ ихъ словъ: *аще бы еси здѣ былъ, не бы умеръ* (ст. 21), а также изъ того, что онѣ не сказали: *се Лазарь болятъ*, но: *се, еяже любими, болятъ*. Что же Христосъ? *Сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славу Божию, да прославится Сынъ Божій ея ради* (ст. 4). Смотри, какъ Онъ опять показываетъ, что слава Его и слава Отца—одна. Сказавъ—*о славу Божию*, присовокупилъ: *да прославится Сынъ Божій. Сія болѣзнь нѣсть къ смерти*. Такъ какъ Онъ намѣренъ былъ пробыть тамъ два дня, то геперь и отсылаетъ ихъ съ этимъ извѣстіемъ. При этомъ слѣдуетъ подивиться сестрамъ Лазаря, какъ онѣ, услышавъ, что *нѣсть къ смерти*, и между тѣмъ увидѣвъ его умершимъ, не соблазнились тѣмъ, что на дѣлѣ вышло напротивъ, но и послѣ того приступили ко Христу, и не подумали, что Онъ сказалъ ложь. А частица *да* озапачаетъ здѣсь не причину, по слѣдствіе. Болѣзнь случилась по иной причинѣ; но Христосъ обратилъ ее къ славію Божіей. И, сказавъ это, *пробыть два дни* (ст. 6). Для чего же *пробыть*? Для того, чтобы скончался и былъ

погребенъ, чтобы потомъ никто не могъ сказать, что Онъ воскресилъ его тогда, какъ тотъ еще не умеръ, что то былъ только глубокий сонъ, или расслабленіе, или лишеніе чувствъ, но не смерть. По этой-то причинѣ Онъ и остался на столько времени, что произошло даже тлѣніе, такъ что говорили: *уже смердитъ* (ст. 89). *Потомъ же магола ученикомъ: идемъ во Иудею* (ст. 7). Почему Онъ адѣсь говоритъ напередъ (куда хочетъ идти), тогда какъ въ другихъ мѣстахъ нигдѣ не предувѣдомлялъ объ этомъ? (Ученики) сильно боялись; и такъ какъ теперь находились въ такомъ расположеніи духа, то Онъ и предваряетъ ихъ этимъ извѣстіемъ, чтобы не встревожить внезапностію. Что же ученики? *Нынѣ искажу Тебе каменіемъ побити Иудее, и паки ли идеши тамо* (ст. 8)? Такимъ образомъ, они боялись и за Него, но еще болѣе—за себя, потому что еще не были совершенны. Оттого-то Фома, потрясаемый страхомъ, и говоритъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (ст. 16), такъ какъ онъ былъ слабѣе и маловѣрнѣе другихъ. Но смотри, какъ Іисусъ ободряетъ ихъ тѣмъ, что говоритъ далѣе: *не дванадцать ли часовъ есть во дни* (ст. 9). Этимъ Онъ сказалъ или то, что не сознающій за собой ничего худого не потерпитъ никакой бѣды, а потерпитъ тотъ, кто поступаетъ худо, слѣдовательно намъ не должно страшиться, потому что мы не сдѣлали ничего достойнаго смерти,—или то, что видящій *сѣтъ міри сего* (ст. 9) находится въ безопасности, и что если (безопасенъ) видящій *сѣтъ міра сего*, то гораздо болѣе—тотъ, кто находится со Мною, если не отступитъ отъ Меня.

844 Ободривъ ихъ такими словами, Онъ приводитъ и причину. почему имъ необходимо туда отправиться. И показывая, что они пойдутъ не въ Іерусалимъ, а въ Виеанію, Онъ говоритъ: *Лазарь, другъ нашъ, усне, но иду, да возбужу его* (ст. 11), то есть, иду не для того, чтобы бесѣдовать опять о тѣхъ же предметахъ и обращаться тамъ между іудеями, но за тѣмъ, чтобы разбудить нашего друга. *Рѣша убо ученици Ему: Господи, аще усне, спѣшетъ будетъ* (ст. 12). Это не просто сказали они, но съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать Ему идти туда. Ты говоришь, возражаютъ они, что онъ спитъ? Значить, нѣтъ особенной нужды идти туда. Между тѣмъ Онъ для того и сказалъ: *другъ нашъ*, чтобы показать необходимость идти.

2. Когда же они все еще не рѣшались, то Онъ говоритъ: *умре* (ст. 14). Первое выраженіе Онъ употребилъ потому, что хотѣлъ научить не тщеславиться; но такъ какъ они не поняли, то Онъ присовокупляетъ: *умре, и радуется всѣхъ ради* (ст. 15). Почему же именно *всѣхъ ради*? Потому что Я предсказалъ (смерть его), не бывши тамъ; и, значить, когда Я воскрешу его, не будетъ никакого подозрѣнія. Видишь ли, какъ еще несовершенны были

ученики, и не понимали, какъ должно, Его могущества? А это происходило отъ страха, который въ то время волновалъ и смущалъ ихъ души. И когда сказали: *успе*, тогда прибавилъ: *иду, да возбужу его*; а сказавъ: *умре*, уже не присовокупилъ: *иду*, чтобы воскресить его. Онъ не хотѣлъ словами предрекать того, что имѣлъ подтвердить самымъ дѣломъ, вездѣ научая насъ не тщеславиться и не давать безъ разбора обѣщаній. А если Онъ и сдѣлалъ это, когда сотникъ умолялъ Его,—потому что сказали: *азъ приидѣ исцѣлю его* (Матѣ. viii, 7),—то сказалъ это для того, чтобы показать его вѣру. Если же кто скажетъ: отчего ученики пришли къ мысли о снѣ и не уразумѣли, что Онъ говоритъ о смерти, даже и послѣ того, какъ Онъ сказалъ: *иду, да возбужу его*,—такъ какъ безумно было предполагать, что Онъ отправится за пятнадцать стадій для того, чтобы разбудить,—то мы отвѣтимъ, что они считали это загадкой, какихъ Онъ говорилъ много.

Итакъ, всѣ они боялись нападенія отъ іудеевъ; но болѣе всѣхъ другихъ—Θома, который поэтому и сказалъ: *идемъ и мы, да умремъ съ нимъ* (ст. 16). Нѣкоторые говорятъ, что онъ дѣйствительно желалъ умереть; но это несправедливо: слова его болѣе выражаютъ страхъ. Однакожъ онъ не подвергся за то упреку, потому что (Христосъ) снисходилъ теперь къ его немощи. Впослѣдствіи же онъ сдѣлался сильнѣе всѣхъ и былъ непобѣдимъ. И вотъ то-то и удивительно, что (апостола), столь слабого прежде креста,—послѣ креста и послѣ того, какъ онъ повѣрилъ воскресенію, мы видимъ пламеннѣе всѣхъ прочихъ. Такъ велика сила Христова. Кто не смѣлъ пойти вмѣстѣ со Христомъ въ Виванію, тотъ, не видя Христа, прошелъ почти всю вселенную и обращался среди народовъ свирѣпыхъ и готовыхъ его умертвить. Но если Виванія отстояла на пятнадцать стадій, что составляетъ двѣ мили, то какимъ образомъ Лазарь могъ быть *четверодневенъ* (ст. 39)? (Христосъ) пробылъ на мѣстѣ два дня, да наканунѣ этихъ двухъ дней приходилъ посланный съ извѣстіемъ,—въ тотъ самый день, когда и умеръ,—такъ что Христосъ прибылъ именно въ четвертый день. Потому Онъ и ожидалъ, чтобы Его позвали, и не вошелъ самъ собою безъ приглашенія, чтобы кто-нибудь не заподозрилъ этого событія. Да и приходили не сами (сестры), которыхъ Онъ любилъ; но были посланы посторонніе. *Бѣ же Виваніа близъ Іерусалима стадій яко пятнадцать* (ст. 18). Отсюда становится очевиднымъ, что тамъ могли присутствовать многіе изъ Іерусалима. И дѣйствительно, (евангелистъ) тотчасъ присовокупилъ, что *мнози отъ Іудей бяху пришли, да утѣшати* (ст. 19). Отчего же они утѣшали этихъ (женщинъ), любимыхъ Христомъ? 845 Вѣдь они же положили: *аще кто его исповѣсть Христа, отлученъ отъ*

сомнища будеть (Іоан. ix, 22)? Или по особенной тяжести этого несчастія, или по уваженію къ нимъ, какъ женщинамъ благороднымъ, или же это были люди, не принадлежавшіе къ числу злыхъ, такъ какъ многіе и изъ нихъ вѣровали. А говорить объ этомъ евангелистъ для того, чтобы увѣрить, что Лазарь умеръ. Зачѣмъ же (Марѳа), выходя на встрѣчу Христу, не беретъ съ собою сестры? Она хочетъ увидѣться съ Нимъ наединѣ, и рассказать Ему о случившемся. Когда Онъ возбудилъ въ ней добрыя надежды, она уходитъ и зоветъ Марію, которая и вышла ко Христу на встрѣчу, хотя скорбь ея была еще во всей силѣ. Видишь ли, какъ горяча была любовь? Это та самая, о которой говорилъ: *Марія же благу часть избра* (Лук. x, 42). Но какъ же, скажешь, Марѳа явилась теперь болѣе усердною? Она не была болѣе усердною; Марія (не вышла потому, что) еще не слышала (о Его прибытіи). Напротивъ была слабѣе, потому что и послѣ того, какъ услышала столь многое, все еще говоритъ: *уже смердитъ, четверодневенъ бо естъ* (ст. 39). А эта (Марія), хотя ничего не слышала, однакожъ не сказала ничего подобнаго, но тотчасъ увѣровала и говоритъ: *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умеръ мой братъ* (ст. 32).

8. Видите, какое любомудріе у жепъ, хотя и немощенъ ихъ умъ? Увидѣвъ Христа, онѣ не предаются тотчасъ слезамъ, рыданіямъ и стонамъ, что бываетъ съ нами, когда къ намъ приходитъ кто-нибудь изъ знакомыхъ во время нашей скорби; но тотчасъ выказываютъ свое удивленіе къ Учителю. Такъ, онѣ обѣ вѣровали во Христа, но еще не надлежащимъ образомъ. Онѣ не знали еще хорошо ни того, что Онъ Богъ, ни того, что Онъ творилъ это собственною силою и властію. Теперь Онъ научилъ ихъ и тому и другому. А что онѣ не знали этого, видно какъ изъ словъ ихъ: *аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ нашъ умеръ* (ст. 21), такъ и изъ того, что онѣ присовокупили: *слика аще просиши отъ Бога, дастъ тебѣ Богъ* (ст. 22). Такимъ образомъ онѣ говорятъ (о Христѣ), какъ о какомъ-нибудь человѣкѣ добродѣтельнымъ и угодномъ Богу. Замѣть же, что отвѣчаетъ Христосъ: *воскреснетъ братъ твой* (ст. 23). Этимъ опровергаетъ пока слова: *слика аще просиши*. Не сказалъ: Я буду просить, по что? *Воскреснетъ братъ твой*. Если бы Онъ сказалъ: женщина! Если ли ты смотришь долу? Я не нуждаюсь въ чужой помощи; Я все творю Самъ собою,—то это было бы очень тяжело и непріятно для женщины. Но сказавъ: *воскреснетъ*. Онъ тѣмъ естественно сдѣлалъ слово Свое болѣе умѣреннымъ, а дальнѣйшими словами далъ разумѣть и то, что я выше сказалъ. Такъ, когда сказала: *отъ, яко воскреснетъ въ воскресеніи, въ послѣдній день* (ст. 24), тогда Онъ, яснѣе показывая

свое могущество, говорить: *Азъ есмь воскрешеніе и жизнь* (ст. 25), и тѣмъ означаетъ, что Онъ не нуждается въ содѣйствіи другого, такъ какъ самъ есть жизнь. А если бы Онъ нуждался въ другомъ, то какимъ бы образомъ самъ могъ быть воскрешеніемъ и жизнью? Но Онъ не сказалъ такъ ясно, а только намекнулъ на это. Потомъ, такъ какъ она сказала: *елика аще просиши*, то Онъ еще говорить: *спруй въ Мя, аще и умреть оживетъ* (ст. 25), показывая тѣмъ, что Онъ самъ есть податель благъ, и у Него должно ихъ просить. *И всякъ живый и спруй въ Мя не умретъ во вѣки* (ст. 26). Смотри, какъ Онъ возвышаетъ ея умъ. Вѣдь не въ томъ только было дѣло, чтобы воскресить Лазаря, но надобно было и 316 ее, и присутствующихъ съ нею научить воскресенію. Поэтому Онъ прежде, чѣмъ воскресилъ, разсуждаетъ о (воскресеніи). Если же Онъ самъ есть *воскрешеніе и жизнь*, то не ограничивается мѣстомъ, но можетъ исцѣлять вездѣ. И если бы (сестры Лазаря), подобно сотнику, сказали: *рчи слово, и исцѣлитъ отрокъ мой* (Мате. VIII 8), то Онъ такъ бы и сдѣлалъ. Но такъ какъ онѣ звали Его и просили придти къ нимъ, то Онъ снисходитъ, чтобы возвести ихъ отъ уничиженнаго о Немъ понятія, и приходитъ на мѣсто. Но и при этомъ снисхожденіи Онъ показываетъ, что можетъ исцѣлять и не присутствуя на мѣстѣ. Съ этою-то цѣлію Онъ и медлитъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодать не сдѣлалась бы очевидною, если бы она тотчасъ была дарована, если бы прежде не появился уже смрадъ. Но откуда знала эта женщина о будущемъ воскресеніи? Она слышала многія бесѣды Христа о воскресеніи; а теперь желала увидѣть это на самомъ дѣлѣ. Смотри однакожь, какъ она еще возвращается долу! Въ самомъ дѣлѣ, уже услышавши: *Азъ есмь воскрешеніе и жизнь*, она даже и послѣ того не сказала: воскреси его,—но что? *Азъ спроважъ, яко ты еси Христосъ, Сынъ Божій, иже въ міръ грядый* (ст. 27). Что же ей Христосъ? Всякъ *спруй въ Мя, аще и умреть, оживетъ* (ст. 25), разумѣя здѣсь эту (тѣлесную) смерть? и *всякъ живый и спруй въ Мя не умретъ во вѣки* (ст. 26), указывая на ту (духовную) смерть. И такъ какъ *Азъ есмь воскрешеніе*; то не смущайся; хотя уже и умеръ, но вѣруй, это не есть смерть. Такимъ образомъ Онъ пока утѣшилъ ее въ случившемся и пробудилъ въ ней надежду, и тѣмъ, что сказалъ: *воскреснетъ*, и тѣмъ, что изрекъ: *Азъ есмь воскрешеніе*, и тѣмъ, что если послѣ воскресенія онъ и опять умретъ, то ни потерпитъ никакого вреда, а потому и не должно страшиться этой смерти. Слова Его имѣютъ тотъ смыслъ, что ни онъ не умеръ, ни вы не умрете. *Емлите ли отру сему?* Марѳа отвѣчаетъ: *спрую, яко ты еси Христосъ, Сынъ Божій, иже въ міръ грядый* (ст. 26, 27). Мнѣ кажется, что женщина не поняла словъ. Она сознавала, что въ нихъ есть

что-то великое, но всего не выраумѣла. Поэтому, будучи спрошена объ одномъ, она отвѣчаетъ другое. Но по крайней мѣрѣ она получила теперь ту пользу, что отложила свою скорбь. Такова-то сила словъ Христовыхъ! Поэтому-то и Марѳа первая вышла на встрѣчу Христу, и Марія послѣдовала за нею. Любовь къ Учителю не давала имъ сильно чувствовать настоящую (скорбь). Такимъ образомъ, съ помощію благодати, и умъ этихъ женъ любомудрствовалъ.

4. А въ настоящее время, вмѣстѣ съ другими пороками, между женщинами господствуетъ и та болѣзнь, что онѣ выставляются на показъ въ плачѣ и рыданіяхъ, обнажая плечи, торчая волосы, дѣлая рубцы на щекахъ. И это дѣлають — одни отъ скорби, другія изъ желанія выказаться и отягчиться; а нинѣ обнажаютъ себѣ плечи, и притомъ въ глазахъ мужчинъ — по распутству. Что ты дѣлаешь, женщина? Какъ ты, снажи мнѣ, будучи членомъ Христовымъ, безъ всякаго приличія обнажаешь себя среди торжища, и притомъ тогда, какъ на торжищѣ присутствуютъ мужчины? Ты рвешь на себѣ волосы, раздираешь одежду, громко рыдаешь, составляешь вокругъ себя позорище, являешься въ образъ неистовыхъ женщинъ, — и не думаешь, что оскорбляешь Бога? Какъ велико такое безуміе! Не станутъ ли смѣяться надъ этимъ язычники? Не подумаютъ ли, что все у насъ — басни? Такъ, они скажутъ: воскресенія нѣтъ, и ученію христіанъ — это смѣхъ, обманъ и выдумка. Женщины у нихъ 847 рыдаютъ такъ, какъ бы послѣ настоящей жизни ничего уже не было; онѣ не внимають словамъ, начертаннымъ въ ихъ книгахъ, а этимъ сами показываютъ, что все то вымыселъ. Если бы онѣ вѣровали, что умершій не умеръ, но претѣмился къ лучшей жизни, то не оплакивали бы его, какъ уже несуществующаго, не терзались бы такъ и не произносили бы этихъ словъ, исполненныхъ невѣрія: ужъ не видѣть мнѣ тебя больше! Ужъ не будешь ты опять со мною! Все у нихъ басня. Если они такъ не вѣрують высшему изъ благъ, то тѣмъ менѣе всему другому, что у нихъ считается священнымъ. Не такъ малодушны сами язычники. Многие у нихъ любомудрствовали. Такъ, одна ямтеская женщина, услышавъ, что сынъ ея палъ на войнѣ, тотчасъ спросила: а въ какомъ положеніи находятся дѣла города? И одинъ изъ философовъ, удостоенный вѣнча, когда услышалъ, что одинъ изъ его сыновей палъ за отечество, — снялъ съ себя вѣнокъ и спросилъ: который изъ двухъ? И какъ скоро узналъ, что именно изъ нихъ палъ, тотчасъ опять возложилъ на себя вѣнокъ. Многие также отдавали даже сыновей и дочерей своихъ на жертву, — изъ почтенія къ демонамъ. А лакедемонскія женщины даже вну-

шали своимъ дѣтямъ, чтобы они или принесли свой щитъ съ войны, или сами были принесены на немъ мертвыми. Потому-то стыдно мнѣ, что язычники такъ любомудрствуютъ, а мы поступаемъ непристойно. Не знающіе ничего о воскресеніи дѣйствуютъ такъ, какъ свойственно знающимъ; а знающіе поступаютъ, какъ не знающіе. Многія даже, изъ-за стыда человѣческаго, нерѣдко дѣлаютъ то, чего не дѣлаютъ для Бога; такъ богатыя женщины не терзаютъ волосъ и не обнажаютъ плечъ. Но и это также заслуживаетъ крайняго осужденія? — не потому, что онѣ не обнажаютъ себя, но потому, что дѣлаютъ это не по благочестію, а для того, чтобы не показаться безстыдными. Значить, стыдъ обуздываетъ печаль, а страхъ Божій не обуздываетъ? Какъ же не достойно это крайняго осужденія? Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, чтобы то, что богатыя женщины дѣлаютъ вслѣдствіе своего богатства, бѣдныя дѣлали по страху Божію; но теперь все бываетъ напротивъ: тѣ любомудрствуютъ по тщеславію, а эти поступаютъ неблагопристойно по малодушію. Что хуже такой несообразности? Все дѣлается для людей, все — по здѣшнимъ побужденіямъ. И рѣчи произносятся, полныя безумія и великаго смѣха. Господь говоритъ: *блаженны плачущіи* (Матѣ. v, 4), — разумѣя плачущихъ о грѣхахъ, и между тѣмъ никто не плачетъ этимъ плачемъ, и не заботится о погибающей душѣ. Это (плакать объ умершихъ) намъ напротивъ не заповѣдано дѣлать, и однакъ мы дѣлаемъ. Что же, скажешь, развѣ человѣку можно не плакать? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться, плакать неумѣренно. Я не звѣрь и не безчеловѣченъ. Знаю, что въ этомъ обнаруживается природа, и что она ищетъ содружества и ежедневнаго общенія. Не возможно не печалиться. Это самъ Христосъ показалъ, потому что проследилъ надъ Лазаремъ. Такъ и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхомъ Божіимъ. Если такъ будешь плакать, то это будетъ знакомъ не того, будто ты не вѣруешь воскресенію, но того, что для тебя тяжела разлука.

5. Вѣдь мы плачемъ и о тѣхъ, которые отправляются въ дорогу и разлучаются съ нами; но — не такъ, какъ отчаивающіеся. Такъ и ты, плачь, какъ бы провожалъ отходящаго въ чужую сторону. Это говорю я не съ тѣмъ, чтобы поставить вамъ въ законъ, но — по снисхожденію. Въ самомъ дѣлѣ, если умершій 348 былъ грѣшникъ, и много оскорбилъ Бога, въ такомъ случаѣ должно плакать, или лучше — не плакать только, потому что отсюда для него нѣтъ никакой пользы, но и дѣлать то, что можетъ принести ему нѣкоторое облегченіе, милостыню и приношенія. А впрочемъ и въ этомъ случаѣ пужно радоваться, по-

тому что у него отнята возможность грѣшить. Если же — праведникъ, то еще болѣе должно радоваться, потому что онъ находится въ безопасности, и уже избавился отъ неизвѣстности будущаго. Если это юноша, (должно радоваться), что онъ скоро освободился отъ окружающихъ насъ золъ. Если старецъ, — что онъ отошелъ, до сытости насладившись тѣмъ, что считается вождельнымъ. Но ты, забывъ думать объ этомъ, заставляешь рыдать слуганокъ, какъ будто дѣлаешь этимъ честь отошедшему. Это же — крайнее безчестіе! Честь для умершаго составляютъ не плачь и рыданія, но священныя пѣсни и псалмопѣнія, и добрая жизнь. Такой человѣкъ, отойдя отсюда, отойдетъ съ ангелами, хотя бы и никого не было при его останкахъ. А человѣкъ развратный, хотя бы цѣлый городъ провожалъ его, не получить изъ того никакого плода.

Хочешь почитать умершаго? Почти его инымъ образомъ, — милостынями, благотвореніями, литургіями. Какая польза отъ многихъ рыданій? А я слышалъ еще и о другомъ тяжкомъ злѣ; говорятъ, будто многія чрезъ плачь привлекаютъ къ себѣ даже любовниковъ, чрезмѣрностію своихъ воплей составляя себѣ славу женъ любящихъ своихъ мужей. Какое діавольское изобрѣтеніе! Какая сатанинская выдумка! Доколѣ мы будемъ земля и пепелъ? Доколѣ — кровь и плоть? Воззримъ на небеса, — подумаемъ о духовномъ! Какая будетъ у насъ возможность укорять язычниковъ, какая возможность утѣшать, когда сами поступаемъ такимъ образомъ? Какъ будемъ бесѣдовать съ ними о воскресеніи? Какъ о всякомъ другомъ любомудріи? Какъ сами будемъ жить безъ страха? Ужели не знаешь, что отъ печали происходитъ смерть? Помрачая зрѣніе души, печаль не только не позволяетъ ей видѣть ничего должнаго, но и причиняетъ великій вредъ. Подлинно, когда мы предаемся излишней скорби объ умершемъ, тогда и Бога оскорбляемъ, и не доставляемъ пользы ни себѣ, ни отошедшему; а когда поступаемъ напротивъ, — и Богу благоугождаемъ, и приобретаемъ доброе мнѣніе у людей. Если мы и сами не будемъ упадать духомъ, въ такомъ случаѣ (Богъ) скоро уничтожаетъ и остатокъ скорби; а если будемъ сильно огорчаться, Онъ предоставляетъ насъ во власть печали. Если будемъ благодарить, — не будемъ скорбѣть. Но какъ возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерялъ сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но — не печалиться безъ мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, если мы помыслимъ, что ихъ взялъ Богъ, что мужъ и сынъ были у насъ смертныя, то скоро получимъ утѣшеніе. Скорбѣть здѣсь — значить требовать чего-то вышеестественнаго. Если ты родился человѣкомъ и смертнымъ, то зачѣмъ скорбишь

о томъ, что совершилось сообразно съ природою? Ты вѣдь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищею? Вѣдь не домогаешься того, чтобы жить безъ пищи? Такъ поступай и въ отношеніи къ смерти, и не ищи до времени безсмертія, когда родился смертнымъ. Это опредѣлено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всѣхъ вообще законоположено. Печалься лучше о грѣхахъ: это — хорошая печаль, это — величайшее любомудріе. Итакъ, будемъ непрестанно печалиться объ этомъ, чтобы тамъ сподобиться радости, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIII.

Не уже бо бѣ пришелъ Іисусъ въ весь, но бѣ на мѣстѣ, идѣже сръте Его Марѳа. Іудее же убо сущія съ нею, и проч. (Іоан. xi, 30, 31).

1. Великое благо любомудріе,—разумѣю то любомудріе, которое у насъ. У язычниковъ все только слова и басни; а самыя эти басни не заключаютъ въ себѣ никакого любомудрія, потому что у нихъ все дѣлается ради славы. Итакъ, великое благо любомудріе; оно и здѣсь уже вознаграждаетъ насъ. Такъ, кто презираетъ богатство, тотъ уже здѣсь получаетъ пользу, потому что избавляется отъ излишнихъ и бесполезныхъ заботъ. Кто попираетъ славу, уже здѣсь получаетъ награду, потому что не служитъ никому рабомъ, но бываетъ свободенъ истинною свободою. Кто желаетъ небесныхъ (благъ),—уже здѣсь получаетъ воздаянія, потому что, вмѣняя въ ничто все настоящее, легко побѣждаетъ всякую печаль. Такъ вотъ и эта женщина за свое любомудріе получила здѣсь награду. Въ то время, какъ всѣ сидѣли при ней—скорбѣвшей и плакавшей, она не ожидала, чтобы къ ней пришелъ Учитель, не обращала вниманія на (свое) достоинство и не была удержана скорбію. Скорбящія вмѣстѣ съ другими недугами имѣютъ еще и ту болѣзнь, что желаютъ быть въ почетѣ у присутствующихъ. Но въ ней не было ничего этого, а какъ только она услышала (что Господь пришелъ), тотчасъ идетъ къ нему. *Іисусъ же не убо бѣ пришелъ въ весь.* Онъ шелъ не скоро, чтобы видно было, что Онъ не самъ стремится къ чуду, но идетъ по ихъ просьбѣ. Или это именно хочетъ выразить евангелистъ словами: *воста скоро* (ст. 29), или онъ этимъ показываетъ, что (Марія) побѣждала такъ для того, чтобы предупредить Его пришествіе. Между тѣмъ она идетъ не одна, но влечетъ за собою

и бывшихъ въ домѣ іудеевъ. Весьма благоразумно, поэтому, сестра и позвала ее тайно, чтобы не смутить собравшихся, и не сказала — зачѣмъ; иначе многіе и удалились бы; а теперь всѣ пошли за нею, полагая, что она идетъ плакать. Можетъ быть также и чрезъ это (евангелистъ) снова увѣряетъ въ томъ, что Лазарь дѣйствительно умеръ. *И паде Ему на ногу* (ст. 32). Она была пламеннѣе своей сестры. Она не устыдилась ни народа, ни худого мнѣнія, какое имѣли о Христѣ (были многіе и изъ враговъ Его, которые и говорили: *не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ* (ст. 37?). Въ присутствіи Учителя, она отбросила все человѣческое, и заботилась только о томъ, чтобы почтить Учителя. И чтожь она говоритъ? *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умеръ мой братъ* (ст. 32). Что же Христось? Теперь пока ничего не говоритъ ей; не говоритъ даже того, что сказалъ ея сестрѣ. Тутъ присутствовало много народа, и не время было для такимъ рѣчей. Онъ, только смиряется и снисходитъ, и, чтобы увѣрить въ Своей человѣческой природѣ, тихо плачетъ и отлагаетъ до времени чудо. Въ самомъ дѣлѣ, чудо это было великое, — такое, какихъ Онъ совершилъ немного, — и чрезъ него многіе должны были увѣровать. Поэтому, чтобы оно не показалось народу невѣроятнымъ, если бы совершено было безъ него, и чтобы при всемъ величій не осталось безъ пользы, — Христось привлекаетъ Своимъ снисхожденіемъ многихъ свидѣтелей, чтобы не погубить добычи, и указываетъ въ Себѣ то, что было свойственно Его человѣческой природѣ, т. е. плачетъ и смущается, такъ какъ скорбь обыкновенно производитъ плачъ. Потомъ Онъ обуздываетъ Свою скорбь (это именно и означаетъ выраженіе: *запрети духу* — ст. 38), и тогда спрашиваетъ: *идѣ положисте его*, — чтобы вопросъ не былъ соединенъ съ рыданіемъ. Но зачѣмъ же Онъ спрашиваетъ? Затѣмъ, что не хочетъ самъ по себѣ приступить (къ совершенію чуда), но хочетъ все узнать отъ другихъ и сдѣлать по ихъ просьбѣ, чтобы освободить чудо отъ всякаго подозрѣнія. *Глаголюма ему: Господи, прииди и виждѣ. Прослезися Иисусъ* (ст. 34, 35). Видишь ли, что еще до сихъ поръ Онъ ничѣмъ не указалъ на воскресеніе, и что Онъ идетъ какъ будто не для того, чтобы воскресить, но чтобы плакать? А что дѣйствительно казалось, что Онъ пошелъ съ этимъ намѣреніемъ, т. е. съ тѣмъ, чтобы плакать, а не воскресить, это показываютъ іудеи, которые потому и говорили: *омако, како любаше его; нѣцими же отъ нихъ рѣша: не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ* (ст. 36, 37)? Даже и въ несчастіи они не оставили своей злобы. Но (Христось) намѣренъ совершить дѣло, еще болѣе удивительно: отгнать смерть,

уже паставшую и овладѣвшую (человѣкомъ), гораздо важнѣе, нежели остановить смерть наступающую. Такимъ образомъ, они порицають Его тѣмъ самымъ, изъ-за чего слѣдовало бы дивиться Его могуществу. Допускають до времени, что Онъ отверзъ очи слѣпому; но вмѣсто того, чтобы за это дивиться Ему, они, изъ-за смерти Лазаря, клеветаютъ и на то чудо, какъ будто его не было. Впрочемъ не отсюда только видно, что они всѣ были развращены, но также и изъ того, что еще прежде, нежели Онъ пришелъ и явилъ (Свою силу), они уже предваряють Его обвиненіями, не дожидаясь конца дѣла. Видишь, какъ превратно было ихъ сужденіе?

2. Итакъ, Онъ приходитъ ко гробу и опять удерживаетъ скорбь. Но для чего евангелистъ тщательно и не разъ замѣчаетъ, что Онъ плакалъ и что Онъ удерживалъ скорбь? Для того, чтобы ты зналъ, что Онъ истинно облеченъ былъ нашимъ естествомъ. Такъ какъ этотъ (евангелистъ), очевидно, болѣе другихъ говоритъ о Немъ великаго, то и о человѣческихъ Его дѣлахъ повѣствуетъ здѣсь гораздо уничиженіе. О смерти Его Онъ не сказалъ ничего такого, что другіе,—именно, что Онъ былъ прискорбенъ, что Онъ былъ въ подвигъ; но совсѣмъ противное,—что Онъ и ницъ повергъ (воиновъ). Итакъ, что было опущено тамъ, то онъ восполнилъ здѣсь, еказавъ о плачѣ. И самъ Христосъ, бесѣдуя о смерти, говоритъ: *область имамъ положить душу Мою* (Іоан. х, 18), и не произноситъ ничего уничиженнаго. Поэтому-то, повѣствуя о страданіяхъ, (евангелисты) и приписываютъ Ему много человѣческаго, показывая тѣмъ, что Его воплощеніе истинно. Такъ Маттеей удостовѣряетъ въ этомъ, говоря о Его предсмертныхъ мукахъ, смущеніи и потѣ; а этотъ—повѣствуя о плачѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ не былъ нашего естества, то не былъ бы одержимъ скорбію, и притомъ не однажды, а дважды. Что же Іисусъ? Онъ нисколько не защищаетъ Себя предъ іудеями отъ ихъ обвиненій. Да и для чего было словами опровергать тѣхъ, которые тотчасъ же имѣли быть опровергнуты самымъ дѣломъ? А между тѣмъ это (опроверженіе) было не такъ тягостно и болѣе могло пристыдить ихъ. *Глагола Іисусъ: возмите камень* (ст. 89). Почему же Онъ не воззвалъ и не воскресилъ его, не будучи еще на мѣстѣ? А особенно, почему Онъ не воскресилъ его, когда камень еще былъ паваленъ. Кто могъ голосомъ подвигнуть мертвое тѣло и опять одушевить его, тотъ, конечно гораздо болѣе могъ тѣмъ же голосомъ подвигнуть камень. Кто своимъ голосомъ далъ возможность ходить обвязанному убрисами и связанному по ногамъ, тотъ гораздо болѣе могъ подвигнуть камень. И что я говорю? Онъ могъ бы сдѣлать это и не находясь на мѣстѣ. 351

Для чего же не сдѣлалъ? Для того, чтобы ихъ самихъ поставить свидѣтелями чуда, чтобы они не говорили того же, что говорили о слѣпомъ: это—опъ, это—не онъ. Самыя руки ихъ и самое пришествіе ихъ ко гробу свидѣтельствовали, что это—онъ. Еслибы они не пришли, то, пожалуй, подумали бы, что видятъ призракъ или одного вмѣсто другого. А теперь, когда пришли къ мѣсту и отняли камень, когда получили повелѣніе разрѣшить отъ узъ обвязаннаго пеленами мертвеца, когда друзья, вынесшіе его изъ гроба, узнали по самымъ пеленамъ, что это—онъ, когда при этомъ находились самыя сестры, и одна изъ нихъ сказала: *уже смердитъ, четверодневенъ бо есть* (ст. 84)?—теперь все это уже достаточно могло заградить неблагонамѣреннымъ свидѣтелямъ уста. Для того Онъ повелѣваетъ имъ отнять камень отъ гроба, чтобы показать, что Онъ воскрешаетъ именно Лазаря. Для того и спрашиваетъ: *иде ли вы ищите его* (ст. 84)?—чтобы тѣ, которые сказали: *принди и виждь* (ст. 84), и которые привели его, не могли сказать, что Опъ воскресилъ другого; чтобы и голосъ, и руки свидѣтельствовали:—голосъ, говорившій:—*принди и виждь*,—руки, отвалившія камень и разрѣшившія пояски; также—зрѣніе и слухъ,—слухъ: такъ какъ слышалъ голосъ,—зрѣніе, такъ какъ видѣло испедашаго (изъ гроба); равно и обоняніе, такъ какъ оно чувствовало смрадъ,—*уже смердитъ, четверодневенъ бо есть*. Итакъ, справедливо я сказалъ, что эта женщина ничего не поняла въ словахъ Христовыхъ: *иже и умретъ, оживетъ* (ст. 25). Смотри, что она здѣсь говоритъ; (она считаетъ) это дѣло уже невозможнымъ по продолжительности времени. И подлинно, дѣло было необычайное—воскресить четверодневнаго и предавашагося тлѣнію мертвеца. Ученикамъ (Христосъ) сказалъ: *да прославится Сынъ Божій* (ст. 40), указывая на Себя самого; а женѣ этой говорить: *узриши славу Божию* (ст. 40), разумѣя Отца. Видишь ли, какъ немощь слушателей служить причиною разности изреченій? Онъ напоминаетъ о Своей бесѣдѣ съ нею, какъ бы укоряя ее за то, что она не помнитъ (Его словъ; или же Онъ теперь не хотѣлъ приводить въ смущеніе присутствующихъ, и потому кротко говорить: *че рѣхъ ли ти, яко, аще трусиши, узриши славу Божию* (ст. 40)?

8. Итакъ, великое благо—вѣра, великое благо и виновница многихъ благъ; такъ что люди во имя Божіе могутъ совершать дѣла Божіи. *Иже имате тру, говоритъ (Христосъ), речете юртсей, преиди отсюду тамо, и преидетъ* (Матѣ. хvп, 20); и опять: *труай въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша снѣ сотворитъ* (Іоан. хiv, 12). Какія же, скажешь, дѣла большія? Дѣла, совершенныя учениками впослѣдствіи, когда даже тѣнь Петра воскресила мертваго. Черезъ это еще болѣе проповѣдывалась и

сила Христова. Въ самомъ дѣлѣ, не столько удивительно то, что Онъ при жизни своей чудодѣйствовалъ, сколько то, что по смерти Его другіе могли Его именемъ совершать большія чудеса: это служило несомнѣннымъ доказательствомъ Его воскресенія. Если бы даже Онъ всѣмъ явился,—и это не возбудило бы такой вѣры, потому что видѣвшіе могли бы еще сказать, что это былъ призракъ. Но кто видитъ, что однимъ именемъ Его совершаются знаменія гораздо большія, нежели какія Онъ самъ творилъ, обращаясь съ людьми, тотъ не можетъ не увѣровать, если только онъ не крайне безчувственъ. Итакъ, великое благо—вѣра, когда она бываетъ отъ горячаго сердца, отъ многой любви и пламенной души. Она дѣлаетъ насъ мудрецами; она прикрываетъ ничтожество человѣческое и, оставляя умствованія земныя, любознательствуетъ о вещахъ небесныхъ; даже болѣе: чего мудрость человѣческая обрѣсти не можетъ, то она съ избыткомъ постигаетъ и совершаетъ. Будемъ же держаться вѣры, и не станемъ ввѣрять нашихъ дѣлъ умствованіямъ. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, язычники, не могли ничего обрѣсти? Не знали ли они всей виѣшней мудрости? Почему же они не могли превзойти рыбаей, скинотворцевъ и неученыхъ? Не потому ли, что они все предоставляли своимъ умствованіямъ, а эти послѣдніе—вѣрѣ? Такъ, по этой причинѣ послѣдніе превзошли Платона, Пинеагора и всѣхъ вообще людей заблуждавшихся, побѣдили свѣдущихъ въ астрологіи и математикѣ, геометріи и ариѳметикѣ, и изучившихъ всякую науку, и сдѣлались настолько лучше ихъ, насколько истинные и дѣйствительные мудрецы лучше людей отъ природы глупыхъ и безумныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотри: эти сказали, что душа безсмертна, или, лучше, не только сказали, но и убѣдили въ этомъ; а тѣ первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили ее отъ тѣла, опять стали страдать тѣмъ же незнаніемъ. Такъ, одни говорили, что она безтѣлесна; другіе, что она есть тѣло и виѣсть съ тѣломъ разрушается. Разнымъ образомъ, о небѣ тѣ говорили, что оно одушевлено и есть Богъ; а рыбаи и научили, и убѣдили, что оно есть твореніе и произведеніе Божіе. Впрочемъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что язычники руководились умствованіями; но вотъ что достойно слезъ,—что люди, представляющіе себя вѣрующими, и они оказываются душевными. Оттого-то и они впали въ заблужденія. Такъ, одни изъ нихъ говорили, что знаютъ Бога такъ, какъ Онъ знаетъ Самъ Себя, чего не смѣлъ сказать даже никто изъ язычниковъ. Другіе говорили, что Богъ не можетъ рождать бевстрасно, и не предоставляли Ему никакого преимущества

предъ людьми. Иные же утверждаютъ, что ни хорошая жизнь, ни доброе поведеніе не приносятъ никакой пользы. Но теперь не время опровергать это.

4. А что правая вѣра, при порочной жизни, не приноситъ никакой пользы, это показываютъ и Христосъ, и Павелъ, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Такъ Христосъ учить: *не всякъ, глаголюй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное* (Матѣ. вѣп, 21); и далѣе: *мнози рекутьъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твоемъ имя пророчествовахомъ? И тогда исповѣмся имъ, яко николиже знахъ васъ, отыидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѣ. вѣп, 22, 23). Въ самомъ дѣлѣ, люди невнимательные къ себѣ самимъ легко впадаютъ въ пороки, хотя имѣютъ правую вѣру. А Павелъ въ своемъ посланіи къ Евреямъ, такъ говоритъ и убѣждаетъ: *миръ имѣйте и селѣтвию со всѣми, иже кромѣ нѣктоже узритъ Бога* (Евр. хп, 14). Святынею онъ называетъ цѣломудріе, по которому каждый долженъ довольствоваться своею женою, и не падать съ другою. А кто не довольствуется, тотъ не можетъ спастись, но неизбѣжно погибнетъ, хотя бы имѣлъ тысячи добродѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, блуднику невозможно войти въ царство небесное; а тутъ уже не блудъ, но гораздо болѣе—прелюбодѣяніе. Какъ жена, которая связана съ мужемъ, если будетъ еще въ связи съ другимъ, уже прелюбодѣйствуетъ, такъ точно и мужъ, связанный съ женою, если будетъ имѣть еще другую, прелюбодѣйствуетъ. А такой не наслѣдуетъ царства, но будетъ вверженъ въ геенну. Послушай, что о такихъ людяхъ говоритъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ и огонь не угасаетъ* (Марк. ix, 44). Подлинно, для того нѣтъ никакого извиненія, кто при своей женѣ безчинствуетъ съ другою, потому что это уже невоздержность. Если многіе и отъ своей жены воздерживаются, когда наступаетъ время поста или время молитвы, то какой огонь собираетъ себѣ тотъ, кто не довольствуется даже своею (женою), но имѣетъ еще связь и съ другою? Если отпустившему и отвергнутому отъ себя свою жену не позволено сопрягаться съ другою, потому что это—прелюбодѣяніе, то какой грѣхъ дѣлаетъ тотъ, кто имѣя въ своемъ домѣ жену, приводитъ еще другую? Пусть же никто не позволяетъ оставаться такому недугу въ своей душѣ, но пусть всякій съ корнемъ исторгаетъ его. (Прелюбодѣя) не столько вредитъ женѣ, сколько самому себѣ. Этотъ грѣхъ столько тяжекъ и непростителенъ, что если жена оставитъ мужа, даже идолопоклонника, противъ его воли, то Богъ ее наказываетъ; а когда она оставитъ прелюбодѣя, — не наказываетъ. Видишь ли, какое это зло? Если какая-нибудь вѣрная жена, говорится, *имать мужа не-етрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его* (1 Кор.

вп, 18). Но о блудницѣ не такъ сказано, а что? *Всякъ, отпущающій жену свою развѣ словесе прелюбодѣльнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѣ. v, 32). Если чрезъ сожитіе (мужъ и жена), составляютъ одно тѣло, то и живущій съ блудницею необходимо становится однимъ съ нею тѣломъ. Какъ же послѣ этого честная жена, будучи членомъ Христовымъ, приметъ такого (мужа)? Или какимъ образомъ она соединитъ съ собою членъ блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая невѣрному не становится оттого нечистою: *сохтитися бо*, сказано. *мужъ не отрнѣ о женѣ отрнѣ* (1 Кор. vi, 14). Но о блудницѣ не то сказано, но что? *Вземъ ли 354*
убо уди Христовы, сотворю уди блудницы (1 Кор. vi 15)? Тамъ освященіе пребываетъ и не отнимается, несмотря на сожителство съ невѣрнымъ; а здѣсь оно удаляется. Подлинно, тяжкій грѣхъ—прелюбодѣніе, и тяжкій и готовящій нескончаемое наказаніе! Да и здѣсь оно навлекаетъ безчисленныя бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ принужденъ бываетъ вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояніе ничѣмъ не лучше состоянія осужденныхъ на казнь, когда онъ тайкомъ входитъ въ чужой домъ со страхомъ и великимъ трепетомъ, и всѣхъ равно опасается—и рабовъ и свободныхъ. Поэтому, умоляю васъ, потщитесь освободиться отъ этой болѣзни. Если не послушаетесь, то не входите въ эти священные преддверія. Овцамъ, покрытымъ язвами и зараженнымъ болѣзнію, не слѣдуетъ пастись вмѣстѣ съ овцами здоровыми; ихъ должно отгонять отъ стада, пока не освободятся отъ своей болѣзни. Мы сдѣлались членами Христовыми,—не будемъ же членами блудницы! Здѣсь не распутный домъ, но церковь; и если у тебя члены блудодѣйцы, то не стой въ церкви, чтобы не безчестить этого мѣста. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказанія,—и въ этомъ случаѣ, какъ ты, послѣ тѣхъ договоровъ и брачныхъ свѣтильниковъ, послѣ того законнаго ложа, послѣ чадородія, послѣ такого общенія,—какъ ты можешь позволить себѣ прилѣпляться къ другой? Какъ не стыднѣшься и не краснѣешь? Развѣ не знаешь, что многіе осуждаютъ даже и тѣхъ, которые вводятъ къ себѣ другую жену по смерти своей (первой) жены, хотя это дѣло и не заслуживаетъ наказанія? А ты еще при жизни своей жены берешь себѣ другую! Какова распущенность! Узнай, что сказано о такихъ людяхъ: *черезъ нѣзъ, говорить, не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Мр. ix, 44). Устрашишься этой угрозы! Убойся такого наказанія! Не такъ велико здѣсь удовольствіе, какъ велико тамъ наказаніе. Но дай Богъ, чтобы никто не подвергся тому наказанію; дай Богъ, чтобы мы, подвижаясь въ святости, узрѣли Христа и достигли обѣтованныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію

Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIV.

Иисусъ же возведе очи горѣ, и рече: Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя. Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда Мя послушаеши, но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, и проч. (Іоан. хі, 41, 42).

- 858 1. Что я много разъ говорилъ, то и теперь скажу,—что Христосъ не столько обращаетъ вниманіе на собственное достоинство, сколько на наше спасеніе, и не заботится о томъ, чтобы сказать что-нибудь великое, но то, что можетъ привлечь насъ. Поэтому высокаго и великаго въ Его словахъ немного, да и то прикровенно, а уничиженнаго и обыкновеннаго — весьма много. Такъ какъ это послѣднее больше привлекало, то Онъ чаще объ этомъ и говоритъ. Впрочемъ Онъ и не всегда говоритъ уничиженное, чтобы не повредить будущимъ (слушателямъ Своего ученія), и не умалчиваетъ о немъ, чтобы не соблазнить тогдашнихъ. Люди, освободившіеся отъ низкихъ понятій, могутъ и изъ одного высокаго догмата уразумѣть все; а тѣ, которые всегда были съ понятіями низкими, и совсѣмъ не пришли бы, если бы не часто слышали уничиженное. Вѣдъ извѣстно, что и послѣ этого іудеи не отстаютъ, но бросаютъ въ Него камнями, преслѣдуютъ Его, стараются умертвить и называютъ хульникомъ. Такъ, когда Онъ представляетъ Себя равнымъ Богу, они говорятъ:
- 854 *сей хулитъ* (Марк. п, 7; Іоан. х, 33, 36); а когда сказалъ: *отпущаются тебѣ грѣси* (Марк. п, 9),—называютъ Его даже бѣснующимся, точно также, какъ и тогда, когда сказалъ, что слушающій слова Его—превыше смерти (Іоан. viii, 51). Равнымъ образомъ они оставляютъ Его, когда Онъ сказалъ: *азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ* (х, 38), и соблазняются, когда Онъ говоритъ о Себѣ, что сошелъ съ неба. Если же они не терпѣли такихъ словъ и тогда, какъ они произносились рѣдко, то конечно еще менѣе стали бы внимать Ему, если бы рѣчь Его всегда была высокою, и вся изъ такихъ словъ составлена. Между тѣмъ, когда Онъ говоритъ: *якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, сія глаголю* (Іоан. viii, 28), и также: *о Себѣ не придохъ* (vii, 28), тогда они вѣрують; и что именно—тогда, видно изъ словъ евангелиста, который, означая это, говоритъ: *сія Ему глаголющу, мнози вѣроваху въ Него* (viii, 30). Итакъ, если уничиженныя рѣчи привлекали къ вѣрѣ, а высокія—отдаляли отъ нея, то не крайне ли безумно—не думать, что вся причина

уничженныхъ состоитъ въ томъ, что онѣ говорены были приспособительно къ слушателямъ? Такъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ хотѣлъ было сказать нѣчто великое, но умолчалъ, указавъ на эту причину словами: *но да не соблазнимъ ихъ, шедъ на море, верзи удицу* (Матѣ. хvп, 27). Тоже самое дѣлаетъ Онъ и здѣсь. Послѣ того какъ сказалъ: *Азъ же ѣдохъ, яко всегда Мя послушаеши*, Онъ присовокупилъ: *но народа ради стоящаю окрестъ рѣкъ, да ѣтру имуть* (Іоан. xi, 42). Наши ли это слова? Человѣческое ли это предположеніе? Значить если бы кто изъ написаннаго не могъ убѣдиться, что соблазнялись рѣчами высокими, то можетъ ли онъ, слыша, какъ самъ Христосъ свидѣлствуетъ, что Онъ для того говорить униженно, чтобы они не соблазнились,—можетъ ли еще думать, что Его униженныя слова были дѣломъ Его естества, а не снисхожденія? Такъ и въ другомъ мѣстѣ, когда слышенъ былъ голосъ свыше, Онъ сказалъ: *не Мене ради гласъ сей бысть, но васа ради* (Іоан. хп, 80). Впрочемъ великому можно многое говорить о себѣ униженно; но униженному неприлично возвѣщать о себѣ что-нибудь великое и высокое. То бываетъ по снисхожденію, и имѣетъ свою причину въ немоци слушающихъ; или лучше — для того, чтобы расположить къ смиренномудрію, чтобы убѣдить, что Онъ облеченъ плотію, чтобы научить слушателей — не говорить о себѣ ничего великаго; а также — потому, что слушатели считали Его противникомъ Божіимъ, не вѣрили, что Онъ пришелъ отъ Бога, думали, что Онъ разоряетъ законъ, завидовали Ему и враждовали противъ Него зато, что Онъ называлъ Себя равнымъ Богу. А когда кто, самъ по себѣ незначительный, говоритъ о себѣ что-нибудь великое, то для этого нѣтъ никакой причины, ни благовидной, ни неблагоприятной: это будетъ только безуміемъ, безстыдствомъ и непростительною дерзостью. Итакъ, для чего (Христосъ) говорить униженно, при Своемъ неизреченномъ и великомъ существѣ? Какъ по выше-сказаннымъ причинамъ, такъ и для того, чтобы не сочли Его нерожденнымъ. Такъ и Павелъ, повидимому, убоялся чего то подобнаго, почему и сказалъ: *разетъ покоршаю ему вся* (1 Кор. хv, 27). Дѣйствительно, нечестиво даже и помыслить это.

Если бы, съ другой стороны, Онъ былъ меньше Родившаго, и иного оущества, а между тѣмъ Его почли бы равнымъ, то не сдѣлалъ ли бы Онъ всего, чтобы не считали Его такимъ? Но Онъ поступаетъ напротивъ, говоря: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми ери* (Іоан. х, 37). Равнымъ образомъ и тогда, когда говоритъ, что *Азъ во Отца, и Отецъ во Мя* (xiv, 10), Онъ указываетъ намъ на равенство. Ему слѣдовало бы со всею силою опровергнуть это, если бы Онъ былъ меньше, и рѣшительно

никогда не говорить: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мня*, или: *едино сама* (х, 30), или: *видѣтый Мене, видѣ Отца* хiv, 9). А между тѣмъ Онъ, когда у Него была рѣчь о силѣ, говорилъ: *Азъ и Отецъ едино сама* (х 30), и когда была рѣчь о власти, опять говорилъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, иже хощетъ, живитъ* (v, 21). Но этого Онъ не могъ бы дѣлать, если бы былъ другого существа; а если бы и могъ, то Ему не слѣдовало бы этого говорить, чтобы не подумали, что (у Нихъ) одно и тоже существо. Если для того, чтобы не считали Его противникомъ Богу, Онъ часто говоритъ и то, что Ему несвойственно, то тѣмъ болѣе слѣдовало (поступить такъ) въ томъ случаѣ. Но Онъ и словамъ: *да чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. v, 23), и словами: *дѣла, яже Онъ творитъ*, и Я также творю (ст. 19), и тѣмъ, что называетъ Себя воскресеніемъ и жизнію (xi, 25) и свѣтомъ міру (viii, 12),—показываетъ, что Онъ равенъ Родившему, и утверждаетъ то предположеніе, какое составили себѣ іудеи. Видишь ли, какъ много Онъ говорилъ чтобы защитить Себя въ томъ, что Онъ не разоряетъ закона? А мнѣніе о равенствѣ Своемъ съ Отцемъ не только не опровергаетъ, но и утверждаетъ. Такъ и въ то время когда они сказали: ты говоришь хулу, потому что творишь Себя Богомъ (Іоан. х, 89), Онъ подтвердилъ это, указавъ на равенство дѣлъ.

2. Но зачѣмъ я говорю о томъ, что Сынъ такъ поступать (говорилъ о Себѣ уничиженно), когда и Отецъ, не воспріявшій плоти, дѣлаетъ тоже самое? И Онъ, ради спасенія слушающихъ, попустилъ указать о Себѣ много уничиженнаго. Такъ слова: *Адаме, идѣ еси* (Быт. iii, 9), и: *да разумно, аще по волю ихъ совершаются* (хviii, 21), и: *нынѣ познахъ, яко боимся ти Бога* (хii, 12), и: *аще убо послушаютъ и аще убо повинутся* (Іезек. iii, 11), и: *кто дастъ, еже быти сердцу сего народа* (Втор. v, 29), и также: *иже подобенъ тебѣ въ божествѣ Господи* (Пс. lxxxv, 8),—это и многое другое подобное, встрѣчающееся въ ветхомъ заветѣ, очевидно недостойно величества Божія. И объ Ахаавѣ также сказано: *иже прельститъ мнѣ Ахаавъ* (2 Пар. xviii, 19)? Да и самого Себя всегда ставить выше языческихъ боговъ—черезъ сравненіе Себя съ ними. Все это недостойно Бога, но достойно въ другихъ отношеніяхъ: Онъ столько человѣколюбивъ, что для нашего спасенія пренебрегаетъ выраженіями, подобающими Его достоинству. Вѣдь и то самое недостойно, что Онъ содѣлался человѣкомъ, что принялъ зракъ раба, что произносилъ уничиженныя рѣчи, и облачался въ смиренныя одежды,—недостойно, если кто станетъ смотрѣть на Его величіе, но достойно, если кто помыслить о неизреченномъ богатствѣ Его человѣколюбія. Но есть и другая

причина уничиженности Его рѣчей. Какая именно? Та, что Отца знали и исповѣдывали, а Его не знали. Поэтому Онъ часто обращается къ Отцу, такъ какъ Его уже исповѣдывали, а самъ Онъ какъ будто еще не былъ достоинъ вѣры,—не по собственной немощи, но по неразумію и слабости слушателей. Поэтому Онъ и молится и говоритъ: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя.* Вѣдь если Онъ, *ижеже хощетъ, живитъ* (Іоан. v, 21), и живить такъ же, какъ Отецъ, то для чего обращается съ молитвою? Но уже время приступить къ самому предмету. *Взяша убо камень, идите бы умерши лежа. Иисусъ же, возведъ очи горе и рече: Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя. Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда Мя послушаси: но народъ ради столпаго окрестъ рѣкъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. xi, 41, 42). Спросимъ еретика: отъ молитвы ли Онъ получилъ силу и воскресилъ мертваго? Какъ же другое Онъ безъ молитвы совершалъ, говоря, напримѣръ: *тебѣ говорю, демонъ, изиди изъ него* (Марк. ix, 25), и еще: *хочу очистися* (Марк. i, 41), также: *возми обрь твой* (Іоан. v, 9), и: *отпущаются ти грѣси твои* (Матѣ. ix, 2), и говоря морю: *молчи, престани* (Марк. iv, 39)? Да и чѣмъ Онъ будетъ больше апостоловъ; если и самъ творить чудеса чрезъ молитву? Притомъ и они не все дѣлали по молитвѣ, а часто и безъ молитвы, призывая имя Іисуса. Если же имя Его имѣло такую силу, то какъ Онъ самъ могъ нуждаться въ молитвѣ? А если бы Онъ нуждался въ молитвѣ, то и имя Его не имѣло бы силы. И нуждался ли Онъ въ какой молитвѣ, когда творилъ человѣка? Не великое ли тамъ равночестіе? Сказано вѣдь: *сотворишь человеки* (Быт. i, 26). Да и что было бы немощнѣе, если бы Онъ нуждался въ молитвѣ? Но посмотримъ, какая это и молитва: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя.* Кто когда-нибудь молился такъ? Прежде, 857 чѣмъ сказалъ что-нибудь, говорить: *хвалу Тебѣ воздаю*, показывая тѣмъ, что не нуждается въ молитвѣ. *Азъ же вѣдѣхъ, яко всегда Мя послушаси.* Это Онъ сказалъ не потому, что самъ не могъ, не потому, что (у Нихъ) одна воля. Но для чего же Онъ и принималъ видъ молящагося? Послушай не меня, но Его самого; а Онъ говоритъ: *народъ ради столпаго окрестъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси.* Не сказалъ: *да вѣру имутъ*, что Я меньше, что Я имѣю нужду въ помощи свыше, что безъ молитвы не могу сотворить, но: *яко Ты Мя послалъ еси.* А между тѣмъ молитва означаетъ все это, если будемъ просто понимать ее. Не сказалъ: *Ты послалъ Меня* немощнаго, знакомаго съ рабствомъ, не дѣлающаго ничего собственною силою. Но оставивъ все это, чтобы ты не предполагалъ ничего подобнаго, представляетъ истинную причину молитвы, именно: чтобы не считали Меня противникомъ

Божіимъ, чтобы не говорили, что Я не отъ Бога, чтобы показать, что это дѣло совершается по Твоей волѣ. Если бы Я былъ противникомъ Божіимъ, какъ бы такъ говорить Онъ, то не послѣдовало бы это (чудо). А выраженіе: *услышалъ еси Мя* употребляется и о друзьяхъ и о равночестныхъ. *Азъ же вѣдаю, яко есѣда Мя послушаеши*,—то есть, чтобы совершилась Моя воля, для этого Мнѣ не нужна молитва, но она нужна, чтобы убѣдить, что у Тебя и у Меня—одно хотѣніе. Для чего же молишься? Для немощныхъ и неразумныхъ. *И сія рекъ гласомъ великимъ воззва* (ст. 48). Почему же Онъ не сказалъ: во имя Отца Моего, гряди вонъ? Почему не сказалъ: Отче, воскреси его? Почему напротивъ, оставивъ все это и принявъ на Себя видъ молящагося, Онъ показываетъ Свое могущество? И это дѣло Его премудрости,—въ словахъ, высказываетъ снисхожденіе, а въ дѣлахъ—власть. Такъ какъ ни въ чемъ другомъ не могли обвинять Его, какъ только въ томъ, будто Онъ не отъ Бога, и этимъ именно обольщали народъ, то вотъ это самое Онъ съ особенною очевидностію и показываетъ въ Своихъ словахъ, и притомъ такъ, какъ того требовала ихъ немощь. Онъ могъ и иначе показать согласіе (Свое съ Отцемъ), а вмѣстѣ собственное достоинство, но народъ не могъ до того возвыситься. *Лазаре, гряди вонъ*, говоритъ Онъ (ст. 42), —сообразно съ тѣмъ, что прежде сказалъ: *грядетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. v, 25). Чтобы ты не подумалъ, что Онъ отъ другого получилъ силу, Онъ напередъ сказалъ тебѣ объ этомъ, а потомъ доказалъ самымъ дѣломъ. И не сказалъ: воскресни, но: *гряди вонъ*, обращаясь къ мертвому, какъ къ живому.

8. Что можетъ сравниться съ такой властію? Но если Онъ совершаетъ это не собственною силою, то что Онъ будетъ имѣть большаго предъ апостолами, которые говорятъ: *на ны что возрасте, яко своею ли силою или благодетіемъ сотворихомъ ео ходити* (Дѣян. ш, 12)? Если, дѣйствуя не своею силою, Онъ не присовокупляетъ того, что говорили о себѣ апостолы, то они будутъ нѣкоторымъ образомъ даже болѣе Его любомудрствующими, потому что отклоняли отъ себя славу. И въ другомъ мѣстѣ: *мужіе, что сія творите? И ли подобострастны есми вамъ челоукомъ* (Дѣян. хiv, 15). Такимъ образомъ апостолы, ничего не дѣлавшіе собственною силою, такъ и говорили, чтобы убѣдить въ этомъ. Ужели же Онъ, зная такое о Себѣ мнѣніе, не опровергъ бы его, если бы точно дѣйствовалъ не Своею властію? Но кто можетъ утверждать это? Между тѣмъ, Христосъ поступаетъ напротивъ, говоря: *народа ради стоящую окрестъ рѣкъ, да струимъ*, такъ что, если бы вѣровали, то не было бы надобности и

въ молитвѣ. И еслибъ молитва не была несообразна съ Его достоинствомъ, то для чего Онъ въ народѣ поставляетъ причину (молитвы)? Почему также не сказалъ: да вѣру имутъ, что Я не равенъ Тебѣ? Это именно слѣдовало бы сказать въ соотвѣтствіе (бывшему о Немъ) мнѣнію. Когда подозрѣвали Его въ нарушеніи закона, Онъ прежде, чѣмъ они сказали что-нибудь, произнесъ эти слова: *не мните, яко приидоша разорити законъ* (Мате. v, 17); а здѣсь утверждаетъ ихъ предположеніе. Словомъ: къ чему нужны были такія околичности и загадки? Довольно было сказать: Я не равенъ, и тѣмъ рѣшить дѣло. Что же, скажешь, не говорилъ ли Онъ, *яко не творю воли Моєю* (Іоан. vi, 38)? Но и это (говорилъ) прикровенно, приноврительно къ ихъ немощи, и по той же причинѣ, по которой была и молитва. Что же значить: *яко услышалъ еси Мя*? Значить, что у Меня нѣтъ ничего, противнаго Тебѣ. И какъ эти слова: *яко услышалъ еси Мя*—не то показываютъ, будто Онъ не имѣлъ силы (потому что въ этомъ случаѣ было бы не только безсиліе, но и незнаніе, если т. е. прежде молитвы Онъ не зналъ, что Богъ услышитъ Его, если же не зналъ, то какъ говорилъ: *иду, да возбужу ея*, а не сказалъ: *иду помолиться Отцу*, чтобы Онъ возбудилъ его?)—какъ, говорю, эти слова означаютъ не немощь, но единомысліе, такъ и слова: *всегда Мя послушаеши*. Или такъ должно понимать, или — что они сказаны примѣнительно къ мнѣнію іудеевъ. Если же Онъ и зналъ, и не былъ немощенъ, то ясно, что Онъ для того говоритъ уничиженныя слова, чтобы ты, по самой крайней уничиженности ихъ, убѣдился и поневодѣ признать, что они (сказаны) не по сообразности съ Его достоинствомъ, но по снисхожденію. Что же враги истины? Не по немощи слушателей, говорятъ, Христосъ сказалъ: *услышалъ еси Мя*, но чтобы показать Свое превосходство. Но это значило бы не показать превосходство, а крайне унизить Себя, и обнаружить, что Онъ ничѣмъ не больше человека. Молиться несвойственно Богу, ни тому, Кто возсѣдитъ вмѣстѣ съ Нимъ на престолѣ. Видишь ли, что Онъ не почему другому сталъ молиться, какъ только по ихъ невѣрію? Но посмотри, какъ и самое дѣло свидѣтельствуетъ о Его могуществѣ. Онъ воззвалъ, и *измѣ умершій облагоу* (ст. 43, 44). Потомъ, чтобы такое дѣло не показалось обманомъ чувствъ,—а то, что связанный вышелъ, казалось чуднымъ не менѣе самаго воскресенія, — Онъ повелѣлъ разрѣшить его, чтобы они, прикоснувшись къ нему и подойдя близко увидѣли, что это — именно Онъ. И сказалъ: *оставите его ити* (ст. 44). Видишь ли, какъ Онъ далекъ отъ тщеславія! Не уводить его, не повелѣваетъ ходить съ собою, чтобы не показаться кому-нибудь тщеславнымъ: такъ Онъ былъ скромнѣе! Когда чудо со-

вершилось, одни удивлялись, а другіе пошли и сказали фарисеямъ. Что же фарисеи? Вмѣсто того, чтобы изумиться и подивиться, — совѣщаются убить Его, — Его, который воскресилъ мертвaго. Какое безуміе! Думали предать смерти Того, Кто въ тѣлахъ другихъ побѣждалъ смерть. *Что сотворимъ, яко человекъ сей многа знаменія творитъ*, говорятъ они (ст. 47). Еще называютъ Его человекомъ, получивши такое удостовѣреніе въ Его божествѣ. *Что сотворимъ?* Слѣдовало увѣровать, послужить и поклониться, и уже не почитать Его человекомъ. *Аще оставимъ его тако, придетъ Римляне, и возмутъ языкъ нашъ и городъ* (ст. 48). Что такое замышляютъ они сдѣлать? Хотятъ уже возмутить народъ, какъ будто бы имъ угрожаетъ опасность по подозрѣнію въ похищеніи верховной власти. Какъ скоро, говорятъ, римляне узнаютъ объ Немъ, какъ о предводителѣ народа, они заподозрятъ насъ, возьмутъ и разрушатъ нашъ городъ. Почему же, скажи мнѣ? Развѣ Онъ училъ измѣнѣ? Не заповѣдалъ ли Онъ давати дань кесарю? Не хотѣли ли вы сдѣлать Его царемъ, и Опъ — скрылся? Не скромную ли и простую проводилъ Онъ жизнь, не имѣя ни дома, ни чего-либо подобнаго? Очевидно, они говорили такъ не изъ опасенія, но изъ зависти. И однакожъ это случилось, хотя и противъ ихъ ожиданія: (римляне) взяли и народъ и городъ, взяли потому, что они умертвили Его. Подлинно, дѣла Его были выше всякаго подозрѣнія. Кто врачевалъ больныхъ, училъ добродѣтельной жизни и заповѣдывалъ повиноваться начальству, тотъ, конечно, не замышлялъ присвоить себѣ верховную власть, напротивъ уничтожалъ всякое покушеніе на присвоеніе власти. Мы, говорятъ, заключаемъ такъ по прежде бывшимъ. Но тѣ учили возмущенію, а Опъ — напротивъ. Видишь ли, что ихъ слова были притворны? Въ самомъ дѣлѣ, показывалъ ли Онъ что-нибудь подобное? Вводилъ ли страшныхъ оруженосцевъ? Влачилъ ли колесницы? Не искалъ ли, напротивъ пустынь? Но чтобы не подать вида, что они говорятъ по внушенію своей страсти, они утверждаютъ, что весь городъ находится въ опасности, что обществу угрожаютъ бѣды и что они боятся за послѣдствія. Не это, а противное этому, было причиною вaшего плѣна, — настоящаго (отъ римлянъ), и вавилонскаго, и того, который былъ тамъ, при Антиохѣ. Не то, что у васъ были люди, почитающіе (Бога), но то, что между вами были неправедные, прогнѣвляющіе Бога, — вотъ что сдѣлало васъ плѣнниками. Но такова зависть! Она, ослѣпивъ однажды душу, не позволяетъ ей видѣть вичего должнаго. Не училъ ли быть кроткими? Когда ударяютъ въ одну ланиту, — обращать и другую? Великодушно переносить обиды и показывать больше готовности терпѣть

зло, чѣмъ сколько другіе бывають склонны дѣлать зло? Это, скажи мнѣ, свойственно тому ли, кто замышляетъ похитить верховную власть? Не тому ли, напротивъ, кто уничтожаетъ всякое покушеніе на присвоеніе власти?

4. Но, какъ я сказалъ, зависть—страшное зло и полна лицемерія. Она наполнила вселенную безчисленными бѣдствіями. Отъ этой болѣзни судилища наполнены подсудимыми. Отъ ней страсть къ славѣ и стяжанію; отъ ней властолюбіе и гордость. Отсюда на путяхъ преступные разбойники, и на моряхъ грабители. Отсюда убійства во вселенной; отсюда раздѣленіе нашего рода. Какое ни увидишь зло, знай, что оно отъ зависти. Она вторглась и въ церкви. Она издавна была причиною множества золъ. Она породила сребролюбіе. Эта болѣзнь извратила все и растлила правду. *Дарове, сказано, ослѣпляютъ очи премудрыхъ, и якоже бразды на устьяхъ, отверающають обличенія* (Сир. хх, 29). Она и свободныхъ дѣлаетъ рабами. Объ ней мы каждый день бесѣдуемъ, но нѣтъ никакой пользы. Мы бываемъ хуже звѣрей, грабимъ сиротъ, обиравемъ вдовицъ, обижаемъ бѣдныхъ, прилагаемъ къ горю горе. *Лютъ мнѣ, яко погибъ благодетельный отъ земли* (Мих. vii, 2). И намъ теперь время плакать, или, лучше, слѣдуетъ каждый день говорить эти слова. Ничего не достигаемъ мы мольбами ничего—совѣтами и увѣщаніями; поэтому остается только плакать. 360 Такъ и Христосъ поступилъ: когда іерусалимляне, послѣ многихъ Его увѣщаній нисколько не воспользовались ими,—Онъ плакалъ о ихъ ослѣпленіи. Такъ поступаютъ и пророки; такъ слѣдуетъ и намъ нынѣ поступить. Теперь время плача, слезъ и сѣтованія. Благовременно и намъ теперь сказать: *призовите плачевницъ, и къ женамъ премудрымъ послите, и да тыщаютъ* (Іерем. ix, 17). Можетъ быть чрезъ это мы въ состояніи будемъ исцѣлить отъ болѣзней тѣхъ, которые хищепіемъ строятъ свѣтлые дома и приобрѣтають поля.

Благовременно плакать; но и вы, ограбленные и обиженные, примите участіе въ моемъ плачѣ; присоедините къ своему плачу и мои слезы. Но будемъ плакать не о себѣ самихъ, а объ нихъ: не васъ они обидѣли, а себя погубили. Вы за обиду получите царство небесное; а они, за неправильное приобрѣтеніе, геенну. Поэтому лучше быть обиженнымъ, нежели обижать. Будемъ плакать объ нихъ, но не человѣческимъ плачемъ, а Священнаго Писанія, которымъ плакали и пророки. Восплачемъ горько съ Исаіею, и скажемъ: *юре совокупляющимъ дома къ дому, и село къ селу приближающимъ, да ближнему отымутъ чіно; еда вселитесь сѣдѣи на земли? Домове величїи и добрин, и не будутъ живущїи въ нихъ* (Ис. v, 8, 9). Восплачемъ вмѣстѣ съ Наумомъ, и скажемъ съ нимъ:

горе созидающему домъ свой въ высоту! Или лучше, будемъ плакать объ нихъ такъ, какъ самъ Христосъ о жившихъ въ то время, говоря: *горе вамъ богатѣмъ, яко воспріимете* маду вашу и *утѣшеніе ваше* (Лук. vi, 24!) Такъ, умоляю, станемъ непрестанно плакать и мы; а если не будетъ неприлично, то станемъ даже ударять себя въ грудь при видѣ безпечности братій. Не станемъ оплакивать того, кто уже умеръ, но будемъ оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытнаго. Зачѣмъ плакать объ умершихъ, которымъ нельзя уже принести никакой пользы? Будемъ плакать о тѣхъ, для которыхъ еще возможна переменѣна. Но въ то время, какъ мы плачемъ, они, можетъ быть, смѣются? И это достойно слезъ, что они смѣются надъ тѣмъ, о чемъ слѣдовало бы сокрушаться. Если бы они сколько-нибудь тронулись нашими рыданіями, то слѣдовало бы перестать рыдать, въ надеждѣ на ихъ исправленіе. Но такъ какъ они остаются безчувственными, то и мы будемъ продолжать плакать, — не просто о богатыхъ, но о сребролюбцахъ, лихоимцахъ и хищникахъ. Богатство не есть зло: его можно употреблять и съ пользою, если, напримѣръ, мы тратимъ его на нуждающихся. Но зло — любостяжаніе; оно приготовляетъ нескончаемыя вѣзны. Итакъ станемъ плакать. Можетъ быть, (отъ этого) и будетъ какое-нибудь исправленіе. Если же впавшіе (въ этотъ грѣхъ) и не освободятся (отъ него), то можетъ быть другіе не подвергнутся этому злу, но остерегутся отъ него. Но дай Богъ, чтобы и тѣ освободились отъ этой болѣзни, и никто изъ насъ не подвергся ей, чтобы всѣмъ вообще сподобиться обѣтованныхъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА LXV.

Единъ же нѣкто отъ нихъ Каиафа, архіерей сый лѣту тому, рече имъ: вы не вѣстѣ ниче^соже, ни помышляете, яко уне есть намъ, да единъ человекъ умретъ за люди, и проч. (Іоан. xi, 49, 50).

- 359 1. Умѣлоша языци съ па^убу^и, ^иже сотвориша: съ стѣи^и со^и, ^иже
 360 *скрыши, узакѣ нога изъ* (Пс. ix, 16). Это случилось съ іудеями. Они
 361 говорили, что должно умертвить Іисуса, чтобы не пришли римляне
 и не взяли ихъ языкъ и городъ; а между тѣмъ, когда умеря-
 вили, тогда подверглись этому. Такимъ образомъ, избѣгая ча^и,
 что сдѣлали. Тотъ, Кого умертвили, находится на небесахъ; а

тѣ, которые умертвили, наслѣдуютъ геенну, хотя и не это имѣли въ намѣреніи, но что? *Отъ того убо дне*, сказано, *сообщаша, да убіютъ Ею* (Іоан. xi, 53), потому что, говорили. *придутъ Римляне, и возмутъ языкъ нашъ* (ст. 48). *Единъ же отъ нихъ Каіафа, архіерей сій лѣту тому*, будучи безстыднѣе прочихъ, рече: *вы не вѣстѣе ничего* (ст. 49). Въ чемъ тѣ еще колебались и что предложили на разсужденіе въ видѣ мнѣнія. (такъ какъ говорили: *что сотворимъ?*), то самое это провозгласилъ безстыдно, открыто и съ наглостію. Что онъ говоритъ? *Вы не вѣстѣе ничего, ни помышляете, яко уне есть, да единъ человекъ умретъ за люди, а не весь языкъ погубится. Сего же о себѣ не рече, но архіерей сій прорече* (ст. 49—51).

Видишь, какова сила архіерейской власти? Удостоившись вполнѣ архіерейства, хотя былъ недостойнъ, онъ пророчествовалъ, самъ не разумѣя того, что говорилъ. Благодать воспользовалась только его устами, но не коснулась нечистаго сердца. Такъ и многіе другіе предсказали будущее, хотя были недостойны, на примѣръ: Навуходоносоръ, фараонъ, Валаамъ; причина этому извѣстна. А слова (Каіафы) значатъ вотъ что: вы сидите, доселѣ мало обращаете вниманія на это дѣло, и не знаете, что должно пренебречь для (блага) общаго спасеніемъ одного человѣка. Смотри, какая сила Духа! Изъ лукавой души Онъ смогъ извлечь слова, полныя чуднаго пророчества. А чадами Божіими евангелистъ называетъ язычниковъ, примѣнительно къ будущему, точно такъ же, какъ и самъ Господь говоритъ: *и ини оци имаю* (Іоан. x, 16), называя ихъ такъ примѣнительно къ будущему. Но что значатъ слова: *архіерей сій лѣту тому*? То, что вмѣстѣ съ прочимъ и это (достоинство) было искажено съ тѣхъ поръ, какъ начальственные должности сдѣлались продажными. Первосвященствовали уже не все время жизни, но одинъ годъ. Однакожъ и при этомъ Духъ еще присущъ былъ имъ Только тогда, когда они воздвигли руки на Христа, Онъ оставилъ ихъ и перешелъ на апостоловъ. Это показали и раздравшаяся завѣса и гласъ Христа, который сказалъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѣ. xxiii, 38). Равнымъ образомъ и Іосифъ (Флавій), жившій, спустя немного времени, сказалъ, что нѣкіе ангелы, еще пребывавшіе съ ними въ ожиданіи ихъ исправленія, оставили ихъ. Доколѣ виноградникъ еще существовалъ, все было; но какъ скоро они умертвили наслѣдника, то стало уже не такъ, и они погубили. И Богъ, взявъ отъ іудеевъ, какъ бы отъ неблагодарнаго сына, свѣтлую одежду, отдалъ ее добрымъ слугамъ изъ язычниковъ, а ихъ оставилъ нищими и нагими. Не маловажно и то было, что врагъ пророчествовалъ объ этомъ. Это могло привлечь и другихъ, потому что на дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ, какъ

(врагъ) предполагалъ. Черезъ смерть (Христову) вѣрные освободились отъ будущаго наказанія. Но что значить: *да собереть во едино* (ст. 52)? То, что Онъ близкихъ и дальнихъ сдѣлалъ однимъ тѣломъ, такъ что живущій въ Римѣ считаетъ своими членами индійцевъ. Что можетъ сравниться съ такимъ собраніемъ? А глава всѣхъ—Христосъ. *Отъ того убо дне соотѣшаша юдеи, да убіютъ Его* (ст. 53). И прежде они искали этого, какъ сказано: *сею ради исказу Его Юдеи убити* (Іоан. v, 18), и еще: *что Мене ищите убити* (vп, 19); но тогда они только искали, а теперь постановили рѣшеніе, и смотрятъ на это дѣло, какъ на обязанность. *Исусъ же ктому не ятъ пождаше въ Юдеехъ* (ст. 54). Опять спасаетъ Себя по-человѣчески, какъ и часто это дѣлаетъ.

2. Я уже сказалъ о причинѣ, по которой Онъ часто уходилъ и удалялся. И теперь Онъ живетъ близъ пустыни, въ Евфраѣ, и тамъ пребываетъ съ учениками Своими (ст. 54). Какъ, думаешь, смущены были ученики, видя, что Онъ спасается по-человѣчески? За Нимъ уже никто не слѣдовалъ, такъ какъ, по случаю приближенія праздника, всѣ спѣшили въ Іерусалимъ. А они, когда всѣ веселились и праздновали, тогда-то именно скрываются, тогда-то находятся въ опасности; однакожъ, не смотря на это, они оставались съ (Учителемъ). Такъ они скрывались и въ Галилеи во время пасхи и праздника кушей. Равнымъ образомъ и послѣ этого, во время праздника, они одни изъ всѣхъ бѣжали и скрывались вмѣстѣ съ Учителемъ, и тѣмъ показали Ему свое расположеніе. Поэтому-то Лука и замѣчаетъ, что (Христосъ) сказалъ имъ: Я пребылъ съ вами въ напастехъ (Лук. xп, 28). А это Онъ сказалъ, чтобы показать, что они укрѣпляются Его благодатію. *И возидоша мнози отъ страны, да очистятся. Даша же архіерее и фарисее заповѣдь, да имутъ Его* (ст. 55, 57). Удивительное очищеніе — при намѣреніи оскверниться кровію, при мысли о человѣкоубійствѣ, при окровавленныхъ рукахъ? *И глаголаху: что мнится вамъ, яко не имать ли приити въ праздникъ* (ст. 56)? Въ пасху злоумышляли, и время праздника дѣлали временемъ убійства. Здѣсь, говорятъ, Ему должно попастьъ въ наши руки, такъ какъ теперь время призываетъ Его сюда. О, нечестіе! Когда требовалось особенное благоговѣніе, когда слѣдовало отпустить и тѣхъ, которые уличены въ величайшихъ преступленіяхъ, тогда они стараются уловить человѣка, не сдѣлавшаго никакой неправды. Впрочемъ они уже и прежде такъ поступали, но не только ничего не достигли, а еще сдѣлались смѣшными. Онъ часто впадаетъ въ руки ихъ и уходитъ отъ нихъ, и когда они замышляютъ Его умертвить, удерживаетъ ихъ и приводитъ въ недоумѣніе, чтобы обнаруженіемъ Своей силы расположить ихъ

къ сердечному сокрушенію и чтобы, когда возьмутъ Его, они знали, что это произошло не отъ ихъ собственной силы, но отъ Его соизволенія. Такъ и теперь они не могли Его взять при всемъ томъ, что Виванія была близко, — да когда и взяли, Онъ повергъ ихъ ницъ. *Прежде же шести дній пасхи прииде во Виванію, идѣже бѣ Лазарь*, и вечерялъ у нихъ, при чемъ Марѳа служить, а Лазарь возлежитъ (Іоан. хп, 1, 2. Вотъ доказательство несомнѣннаго воскресенія (Лазаря): спустя много дней онъ былъ живъ, и ѣлъ. Отсюда видно также, что вечеря была въ домѣ Марѳы, потому что они принимаютъ Иисуса, какъ друзья и любимцы Его. Нѣкоторые впрочемъ говорятъ, что это было въ чужомъ домѣ. Марія при этомъ не прислуживала, а была ученицей. Опять и здѣсь она (является) болѣе духовною. Она не прислуживаетъ, какъ гостыя, и не оказываетъ всѣмъ услугъ, но воздастъ честь только одному, и приступаетъ къ Ному не какъ къ человѣку, а какъ къ Богу. Поэтому она и мѣро излила, и отерла волосами головы; это показываетъ, что она имѣла о Немъ понятіе не такое, какое имѣли другіе. Между тѣмъ Іуда, подъ предлогомъ 303 благочестія укорилъ ее. Что же Христосъ? Доброе (говорить) дѣло сдѣлала она для погребенія Моего (ст. 7). Почему же Онъ не обличилъ ученика за эту жену и не сказалъ того, что сказалъ евангелистъ, то есть, что Іуда укорялъ ее потому, что былъ тать? Онъ хотѣлъ тронуть Его великимъ долготерпѣніемъ. А такъ какъ Онъ зналъ, что Іуда — предатель, то Онъ прежде неоднократно обличалъ его, говоря: не всѣ вѣрують, и: *едина отъ васъ діаволъ есть* (Іоан. vi, 64, 70). Этими Онъ показалъ, что знаетъ его, какъ предателя, но не обличилъ его открыто, а оказалъ ему снисхожденіе, желая отвратить его. Какъ же другой (евангелистъ) говоритъ, что такъ сказали всѣ ученики (Матѳ. ххvi, 8)? Правда, и всѣ, и онъ; но другіе не по тому же побужденію.

Если же кто спроситъ, почему (Христосъ) поручилъ тату ковчежецъ нищій и сребролюбца сдѣлать распорядителемъ, то я отвѣчу, что сокровенную причину этого знаетъ Богъ. Если же слѣдуетъ что-нибудь сказать намъ, основываясь на соображеніяхъ, то это для того, чтобы отнять (у Іуды) всякое извиненіе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ сказать, что сдѣлалъ это (предать Иисуса) по любви къ деньгамъ, такъ какъ находилъ достаточное удовлетвореніе своей страсти въ ковчежцѣ; пѣтъ, это онъ сдѣлалъ по великому нечестію, которое Христосъ хотѣлъ обуздать, оказывая ему снисхожденіе. Поэтому Онъ и не обличалъ его въ кражѣ, хотя и зналъ объ этомъ, чтобы тѣмъ обуздать его злое пожеланіе и отнять у него всякое оправданіе. *Не дѣйте ея*, говорить, потому что она сдѣлала это для дѣла Моего погребенія

(ст. 7). Сказавъ о погребеніи, Онъ опять сдѣлалъ намекъ на предателя. Но его не трогаетъ это обличеніе, не смягчаютъ эти слова, хотя они и могли возбудить состраданіе. Какъ бы такъ Онъ говорилъ: Я непріятель и тягостенъ? Но подожди немного, и Я отойду. Къ этой же мысли Онъ приводилъ словами: *Мене не всегда имате* (ст. 8). Но все это не преклонило человѣка звѣро-правнаго и неистоваго. Впрочемъ (Господь) и сказалъ, и сдѣлалъ даже гораздо больше этого: Онъ и омылъ ноги его въ ту ночь, и сдѣлалъ его участникомъ трапезы и солила, — что могло бы укротить и души разбойниковъ, — и сказалъ другія слова, которыя могли бы смягчить самый камень. И все это не за долгое время, но въ тотъ же самый день, чтобы самое время не привело этого въ забвеніе. Но (Иуда) упорствовалъ, не смотря на все.

8. Страшно, истинно страшно — сребролюбіе. Оно закрываетъ и глаза и уши, дѣлаетъ свирѣпѣе звѣрей, не позволяетъ думать ни о совѣсти, ни о дружбѣ, ни объ общеніи, ни о спасеніи собственной души, но, за-разъ отворотивши отъ всего, дѣлаетъ плѣненныхъ своими рабами, точно какой жестокий тиранъ. И что всего хуже въ этомъ горькомъ рабствѣ, — оно заставляетъ даже услаждаться собою, такъ что, чѣмъ больше предаются ему, тѣмъ больше увеличивается удовольствіе. Оттого-то преимущественно эта болѣзнь и бываетъ неизлѣчима; оттого-то и неукротимъ этотъ звѣрь. Сребролюбіе сдѣлало Гезіа изъ ученика и пророка прокляженнымъ; оно погубило Ананію; оно сдѣлало Иуду предателемъ; оно растлило іудейскихъ начальниковъ, которые принимали дары и стали сообщниками воровъ. Оно породило безчисленныя войны, наполнило кровію пути, плачемъ и слезами — города. Оно и вечерп сдѣлало нечистыми, и трапезы — оскверненными, и самыя яства исполнило беззаконія. Потому-то Павелъ называлъ его идолослуженіемъ (Еф. v, 5), но и этимъ не устрасилъ. А почему онъ называетъ его идолослуженіемъ? Многіе, имѣя богатство, не смѣютъ имъ пользоваться, но считаютъ его святынею и передаютъ въ цѣлости внукамъ и ихъ потомкамъ, не смѣя коснуться его, какъ бы чего-нибудь посвященнаго Богу. А если когда и принуждены бываютъ (коснуться его), то бываютъ въ такомъ состояніи, какъ будто сдѣлали что-нибудь непозволительное. Съ другой стороны, какъ язычникъ оберегаетъ идола, такъ ты ограждаешь золото дверями и запорами, вмѣсто храма устрояешь для него ковчегъ и влагаешь его въ серебряные сосуды. Но ты не поклоняешься (золоту), какъ тотъ — своему идолу? Тѣмъ не менѣе ты показываешь въ отношеніи къ нему всякое уваженіе. Далѣе (язычникъ) скорѣе отдастъ свои глаза и душу, чѣмъ идола: такъ точно и любящіе золото. Но я, скажешь, не покло-

няюсь золоту? И тотъ говорить, что опъ поклоняется не идолу, но живущему въ немъ демону. Такъ и ты, если не поклоняешься золоту, то демону, который вторгается въ твою душу отъ взгляда на золото и отъ страсти къ нему. Страсть сребролюбія хуже демона, и ей многіе покорны больше, чѣмъ иныя идоламъ. Идолы во многомъ не слушаютъ, а сребролюбію во всемъ повинуются и исполняютъ все, что бы оно ни приказало сдѣлать. Что же оно говоритъ? Будь, говоритъ, для всѣхъ врагомъ и неприятелемъ; забудь природу; презирай Бога; пожертвуй собою мнѣ, — и во всемъ этомъ повинуются. Истуканамъ приносятъ въ жертву воловъ и овецъ; а сребролюбіе говоритъ: принеси мнѣ въ жертву твою душу, — и это также исполняютъ. Видишь, какіе оно имѣетъ алтари, какія принимаетъ жертвы? *Лихоимцы царствія Божія не насладятъ* (1 Кор. vi, 10), — но они и этого не боятся. Впрочемъ, эта страсть сама по себѣ слабѣе, потому что не врождена намъ и не происходитъ отъ нашей природы; иначе она была бы въ насъ съ самаго начала; но въ началѣ не было золота, и никто не любилъ золота. Если хотите, я скажу, откуда возникло это зло. Каждый, соревнуя жившимъ прежде его, увеличивалъ эту болѣзнь, и предшественникъ возбуждалъ даже противъ воли. Люди, какъ скоро видятъ свѣтлыя дома, множество полей, толпы слугъ, серебряныя сосуды, большое собраніе одеждъ, — всячески стараются имѣть еще больше, такъ что первые бывають причиною для вторыхъ, эти для послѣдующихъ. Между тѣмъ, если бы хотѣли жить скромно, то не были бы учителями для другихъ. Впрочемъ и для этихъ послѣднихъ нѣтъ оправданія, потому что есть и такіе, которые презирають богатство. Да кто же, скажешь, презираетъ? Въ томъ-то и бѣда, что зло увеличилось до такой степени, что (добродѣтель нестяжанія) стала, повидимому, невозможною, — и что даже не вѣрится, чтобы кто-нибудь ей слѣдовалъ. Я могъ бы, конечно, назвать многихъ и въ городахъ и въ селахъ; но что пользы? Вѣдь и отъ этого вы не сдѣлаетесь лучшими. А сверхъ того, у насъ и рѣчь теперь не о томъ, чтобы вы растратили имущество. Я желалъ бы этого; но такъ какъ это бремя выше силъ вашихъ, то я не принуждаю. Я только убѣждаю, чтобы вы не желали чужого, чтобы удѣляли и отъ своего. Вѣдь есть много такихъ, которые довольствуются своимъ, заботятся о своемъ и живутъ праведными трудами. Почему мы не ревнуемъ и не подражаемъ имъ? Вспомнимъ о тѣхъ, которые жили прежде насъ. Не стоятъ ли доселѣ ихъ имѣнія, на которыхъ только имена ихъ сохраняются? Вотъ баня такого-то, вотъ предмѣстіе и гостинница такого-то. 365 Увидѣвъ это, не вздохнемъ ли мы тотчасъ, представивши,

сколько онъ трудовъ перенесъ, сколько хищенія совершилъ, и—
 пигдѣ нѣтъ его самого; а его стяжаніемъ наслаждаются другіе,
 о которыхъ онъ и не думалъ,—можетъ быть, даже враги его,—
 между тѣмъ какъ самъ онъ терпитъ величайшее наказаніе. Это
 ожидаетъ и насъ: и мы непремѣнно умремъ; и насъ непремѣнно
 постигнетъ тотъ же конецъ. Сколько, скажи мнѣ, перенесли они
 гнѣва, сколько издержекъ, сколько вражды? И какой плодъ?
 Нескончаемое наказаніе, лишеніе всякаго утѣшенія и осужденіе
 366 отъ всѣхъ не только при жизни, но и послѣ смерти. А что
 въ томъ, когда мы видимъ изображенія многихъ, поставленныхъ въ
 домахъ, не больше ли отъ того плачемъ? Понстинѣ, хорошо сказалъ
 пророкъ: *обаже всуе мятется всякъ человекъ живый* (Пс. хххviii, 6, 7).
 Попеченіе о такихъ вещахъ поистинѣ есть смятеніе и напрасное
 безпокойство. Но не такъ бываетъ въ обителяхъ вѣчныхъ и въ
 тѣхъ селеніяхъ: здѣсь иной трудился, а иной наслаждается; а
 тамъ каждый будетъ господиномъ своихъ трудовъ, и получить
 многообразную награду. Будемъ же стремиться къ тому стяжа-
 нію. Тамъ устроимъ себѣ дома, да упокоимся во Христа Иисуса
 Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ, слава
 во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА LXVI.

Разумѣ же народъ много отъ Іудей, яко ту есть: и прии-
 доша не Иисуса ради токмо, но да и Лазаря видятъ,
 егоже воскреси отъ мертвыхъ, (Іоан. xii, 9).

365 1. Какъ богатство обыкновенно губить людей неосторожныхъ,
 такъ равно и власть. Первое доводитъ до любостяжанія, а по-
 слѣдняя до безумія. Вотъ смотри: подчиненные въ іудейскомъ на-
 родѣ судятъ здраво, а начальники — превратно. Что народъ вѣ-
 ровалъ во Христа, объ этомъ часто говорятъ евангелисты,—что
млази отъ народа строваши въ Него (Іоан. vii, 81). А изъ начальни-
 ковъ не вѣровали. Сами же начальники, а не народъ, говорятъ:
еда кто отъ князь строва въ онъ (Іоан. vii, 48)? Но кто же? Народъ,
 говорятъ, *иже не отъ Богъ, проклѣти суть* (ст. 49). Вѣрующихъ
 называли проклятыми; а самихъ себя, убійцъ,—благоразумными.
 Такъ и теперь, увидѣвъ чудо, многіе увѣровали,—а начальники
 не только не удовольствовались своими злодѣйствами, но поку-
 шались еще умертвить и Лазаря. Пусть—Христа за то, что Онъ
 нарушалъ субботу, что творилъ Себя равнымъ Отцу, изъ-за рим-
 ляня, какъ говорите вы; но въ чемъ вы можете обвинить Ла-
 заря? За что его хотите умертвить? Ужели въ томъ его вина,

что онъ получилъ благодѣяніе? Видишь, какъ они склонны къ убійству? Много чудесъ сотворилъ (Христосъ), но ни одно до такой степени не ожесточило ихъ,—ни чудо надъ разслабленнымъ, ни чудо надъ слѣпымъ. Это потому, что чудо надъ Лазаремъ и по самой природѣ своей было удивительнѣе, и было совершенно послѣ многихъ чудесъ. Да и поразительно было видѣть, что четверодневный мертвецъ ходитъ и говорить. А прекрасное, неправда ли, дѣло для праздника—къ торжеству присоединить убійство! Притомъ же, въ тѣхъ случаяхъ они думали обвинить Христа въ нарушеніи субботы и черезъ то отвлечь отъ Него народъ; а здѣсь ни въ чемъ не могли обвинить Его, и потому алоумышляютъ противъ того, кого Онъ воскресилъ. Здѣсь они не могли даже сказать и того, будто Онъ противится Отцу, потому что молитва Его заграждала имъ уста. И такъ какъ всегдашній предлогъ къ обвиненію теперь у нихъ былъ отнять, а чудо между тѣмъ было явное, то они рѣшаются на убійство. Тоже самое, конечно, они сдѣлали бы и со слѣпымъ, если бы не имѣли повода къ обвиненію въ нарушеніи субботы. А кромѣ того, слѣпой былъ незнаменъ,—и они выгнали его изъ храма; а этотъ (Лазарь) былъ человѣкъ знаменитый, какъ видно изъ того, что многіе собрались утѣшать сестеръ его. Да и чудо было совершено въ виду всѣхъ и самымъ необыкновеннымъ образомъ, почему всѣ и сѣѣшили посмотриѣть. Вотъ то-то и мучило ихъ, что всѣ при наступленіи праздника, оставивъ торжество, идутъ въ Виванію. Итакъ они замыслили умертвить Лазаря, не думая даже о томъ, что это преступленіе: до того они были склонны къ убійству! Потому-то первоначальный законъ начинается съ заповѣди: *не убій* (Исх. xx, 13). И пророкъ обличаетъ ихъ въ этомъ: *руки ихъ исполнены крове* (Ис. i, 15). Но какъ же Христосъ, который открыто не ходилъ въ Іудеѣ и удалился въ пустыню, теперь опять смѣло входить? Своимъ удаленіемъ Онъ утушилъ ихъ ярость и возвращается къ нимъ уже тогда, какъ они успокоились. Съ другой стороны, они должны были бояться народа, который предшествовалъ и сопутствовалъ Ему, потому что ни одно чудо такъ не привлекло къ Нему народъ, какъ чудо надъ Лазаремъ. Другой евангелистъ замѣчаетъ еще, что народъ постилалъ Ему подъ ноги *рими свои* (Лук. xix, 36) и что *потрясся весь градъ* (Матѣ. xxi, 10): съ такою честию входилъ Онъ! А входилъ Онъ такъ для того, чтобы предъизобразить одно пророчество и исполнить другое,—такъ что одно и тоже событіе служило и началомъ одного и концомъ другаго. Слова: *радуйся, яко царь твой грядетъ къ тебѣ кротокъ* (Матѣ. xxi, 5) означаютъ исполненіе пророчества; а что Онъ воѣзѣтъ на осла, это прообразуетъ будущее событіе, именно то,

что Онъ имѣлъ покорить Своей власти нечистое племя язычниковъ. Но какъ же другіе (евангелисты) говорятъ, что Онъ послалъ учениковъ и сказалъ имъ: *отрѣшите осли и жеребѣи* (Мѡ. хі, 2), а (Іоаннъ) не говоритъ ничего такого, но что Онъ, *обрътъ осли, оспѣе на не* (Іоан. хп, 14)? Вѣроятно, было и то и другое: въ то время, какъ ученики, отрѣшивъ ослицу, вели ее къ нему, — вѣроятно, Онъ нашелъ осли и сѣлъ на него. Между тѣмъ народъ взялъ вѣтви финиковыхъ и масличныхъ деревьевъ и постилалъ одежды, показывая тѣмъ, что онъ уже имѣетъ о Немъ высшее понятіе, чѣмъ о пророкѣ, — и говорилъ: *осанна, благословенъ грядѣй во имя Господне* (Іоан. хп, 13). Видишь ли, какъ всего болѣе ихъ уязвляло всеобщее убѣжденіе въ томъ, что Онъ не противникъ Божій? Какъ всего болѣе раздѣляло народъ то, что Онъ говорилъ о Себѣ, что пришелъ отъ Бога? А что значить: *радуйся зло, душѣ Сіонъ*? Такъ какъ всѣ цари ихъ были по большей части несправедливы и корыстолюбивы, предавали ихъ врагамъ, развращали народъ и подчиняли его непріятелямъ, то и говорятъ: *не бойся*; этотъ (царь) не таковъ, но кротокъ и незлобивъ, какъ показывается и ослица. Не войскомъ окруженный вошелъ Онъ, а имѣя при Себѣ одного осла. *Сихъ же не разумѣли ученики его, яко сіа быши о немъ писана* (ст. 16). Видишь ли, что ученики многого не понимали, когда Онъ самъ не открывалъ имъ? Такъ и тогда, когда сказалъ Онъ: *раззорите церковь сію, и трети денми воздвигну ю* (ст. 2, 19), — ученики также не поняли. И другой евангелистъ говоритъ, что слово Его было сокровенно для нихъ (Лук. хvп, 44) и что они не знали, что Ему надлежитъ воскреснуть изъ мертвыхъ. Но это по справедливости было сокрыто отъ нихъ, — почему другой евангелистъ и говоритъ, что они всякій разъ, какъ слышали объ этомъ, скорбѣли и печалились, потому что не разумѣли тайны воскресенія. Это, говорю, по справедливости было сокрыто отъ нихъ, такъ какъ превышало ихъ понятія. Но отчего же не было открыто имъ и знаменованіе ослицы? Оттого, что и это было дѣло великое.

2. Замѣтъ же любомудріе евангелиста: онъ не стыдится представлять на видъ прѣжнее ихъ невѣдѣніе. Что было написано, это они знали, а что написанное относилось къ Христу, этого не знали. Ихъ соблазнило бы то, что Онъ, будучи царемъ, долженъ былъ столько претерпѣть и подвергнуться такому предательству. А съ другой стороны, они не уразумѣли бы вдругъ ученія о царствѣ, о которомъ Онъ говорилъ. По словамъ другого евангелиста, они думали, что Онъ говоритъ объ этомъ царствѣ. *Сочѣтательствоваше убо народъ*, что Онъ воскресилъ Лазаря (ст. 17, 18). Народъ, говорить, въ такомъ множествѣ не обратился бы вдругъ,

если бы не увѣроваль въ чудо. *Фарисее же рѣша къ себѣ: видите, яко никакая же польза есть: се міръ по немъ идетъ* (ст. 19). Мнѣ кажется, эти слова принадлежать тѣмъ, которые разсуждали здраво, но не смѣли говорить открыто, и потому указаніемъ на событія хотѣли удержать другихъ отъ ихъ предпріятія, какъ отъ дѣла бесполезнаго. А подъ именемъ міра они разумѣютъ здѣсь тотъ же народъ. Писаніе обыкновенно называетъ міромъ и тварь, и людей, живущихъ въ порокахъ; въ первомъ смыслѣ (употребляетъ это слово), когда говоритъ: *носли по числу утвори (хотров) свою* (Ис. xl, 26), а въ послѣднемъ,—когда выражается: *не можете міръ ненавидѣти васъ: Мене же ненавидѣтъ* (Іоан. vii, 7). Это хорошо нужно знать для того, чтобы неправильнымъ разумѣніемъ словъ не подалъ повода еретикамъ вооружаться противъ насъ. *Бяху же и нѣмцы аллили отъ пришедшихъ, да поклонятся ѿ праздникъ* (ст. 20). Будучи уже близки къ тому, чтобы сдѣлаться прозелитами, они пришли на праздникъ и, когда молва о Христѣ дошла и до нихъ, говорятъ: *хощемъ Исуса видѣти* (ст. 21). Филиппъ приходитъ къ Андрею, какъ старшему, и сообщаетъ ему объ этомъ. Но и Андрей самъ собою не рѣшаетъ этого, такъ какъ онъ слышалъ уже: *на путь языкъ не идите* (Матѣ. x, 5). Поэтому, поговоривъ съ Филиппомъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ доводитъ дѣло до Учителя; они оба сказали Ему объ этомъ. Что же говоритъ Христосъ? *Прииде часъ, да прославится Сынъ человеческій. Аще зерно пшенично падѣ на земли не умретъ, то едино пребываетъ* (ст. 23, 24). Что значитъ: *прииде часъ*? Прежде Онъ говорилъ: *на путь языкъ не идите*, и тѣмъ удерживалъ учениковъ, чтобы отнять у іудеевъ всякій предлогъ къ неблагодарности. Но такъ какъ іудеи продолжали упорствовать, а язычники желали придти къ Нему, то Онъ и говоритъ: время уже идти на страданіе, такъ какъ все уже исполнилось. Если мы будемъ продолжать заботиться объ іудеяхъ, не смотря на ихъ упорство, а язычниковъ не станемъ допускать къ себѣ, при всемъ ихъ желаніи, то это будетъ недостойно нашего промысленія. И вотъ, такъ какъ Онъ намѣренъ былъ послать учениковъ Своихъ къ язычникамъ уже послѣ креста, и между тѣмъ видитъ, что язычники сами идутъ къ Нему,—то и говоритъ: время идти на крестъ. Не прежде Онъ послалъ ихъ,—чтобы это служило свидѣтельствомъ противъ іудеевъ. До тѣхъ поръ, пока (іудеи) самымъ дѣломъ не отвергли Его, пока не предали Его распятію, Онъ не говорилъ: *шедше, научите вся языки* (Матѣ. xxviii, 19), а напротивъ: *на путь языкъ не идите* (Матѣ. x, 5), и: *нѣсмъ посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева, и: нѣсть добро отягати хлѣба чадомъ, и погрѣшии имомъ* (Матѣ. xv, 24, 26). Но когда они возненавидѣли Его и

возненавидѣли до того, что предали на смерть, то уже бесполезно было продолжать заниматься ими, въ то время, какъ они отвергають Его. А они дѣйствительно отрелись отъ Него, сказавъ: *не имамъ царя, только кесаря* (Іоан. хіх, 15). Тогда уже и Онъ ихъ оставилъ, когда они Его оставили. Потому-то Онъ и говоритъ: *когда вы восхотѣте собрать чада ваша, и не восхотѣте* (Матѣ. ххш, 37). Что значить, *еще зерно пшенично падъ на земли не умретъ*? Это Онъ говоритъ о крестѣ. Чтобы (ученики) не смущались мыслию, что Онъ умерщвленъ въ то самое время, когда и язычники начали приходить къ Нему,—Онъ говоритъ, что это-то самое въ особенности и будетъ содѣйствовать обращенію язычниковъ и распространенію Его проповѣди. Но какъ слова не такъ сильно убѣждали ихъ, то Онъ увѣряетъ ихъ въ томъ же дѣйствительнымъ опытомъ, говоря, что такъ бываетъ и съ пшеницею,—она приносить большій плодъ, когда умереть. Если же такъ бываетъ съ сѣменами, то тѣмъ болѣе со Мною. Но ученики не поняли Его словъ. Это евангелистъ постоянно выставляетъ на видъ, желая извинить ихъ бѣгство въ послѣдствіи времени. Такую же рѣчь велъ и Павелъ, рассуждая о воскресеніи.

3. Какое же послѣ этого будутъ имѣть оправданіе невѣрующіе воскресенію, когда оно ежедневно представляется въ сѣменахъ, и въ растеніяхъ, и при нашемъ рожденіи? Вѣдь прежде нужно истлѣть сѣмени, и потомъ уже бываетъ рожденіе. Впрочемъ, говоря вообще,—гдѣ дѣйствуетъ Богъ, тамъ нѣтъ нужды въ умствованіяхъ. Какимъ образомъ Онъ сотворилъ насъ изъ ничего? Это я говорю христіанамъ, которые говорятъ о себѣ, что вѣруеть Писанію. Но я скажу нѣчто и на основаніи умствованій человѣческихъ. Одни изъ людей живутъ порочно, другіе добродѣтельно; но изъ числа порочныхъ многіе доживаютъ до глубокой старости, наслаждаясь счастьемъ, а съ людьми добродѣтельными бываетъ противное. Когда же каждый изъ нихъ получить по заслугамъ? Въ какое время? Это такъ, говорятъ, но не будетъ воскресенія тѣлъ. А развѣ они не слышатъ, что сказалъ Павелъ: *подобаетъ тлѣнному сему облечься въ нетлѣніе* (1 Кор. хv, 53)? Здѣсь рѣчь не о душѣ, потому что душа не подлежитъ тлѣнію. Да и востаніе свойственно тому, что пало; а пало тѣло. И почему ты не хочешь (допустить) воскресенія тѣлъ? Развѣ это невозможно для Бога? Но говорить такъ — дѣло крайняго безумія. Или неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тлѣнное, участвовавшее въ трудѣ и смерти, приняло участіе и въ вѣнцахъ? Если бы было неприлично, то оно не было бы сотворено въ началѣ и Христосъ не принялъ бы на Себя плоти. А что Онъ и принялъ, и воскресилъ ее,—послушай, какъ

Онъ говоритъ: *положи персты и виждѣ, яко дѣла костей и жилъ не имать* (Іоан. хх, 27; см. Лук. ххvi, 39). Зачѣмъ также Онъ воскресилъ Лазаря, если лучше воскреснуть безъ тѣла? Зачѣмъ поставляетъ это въ ряду чудесъ и благодѣяній? Да зачѣмъ и вообще далъ пищу? Нѣтъ, возлюбленные, не обольщайтесь еретиками. Есть, подлинно, и воскресеніе есть и судъ; отвергаютъ ихъ только тѣ, которые не хотятъ дать отчета въ своихъ дѣлахъ. И притомъ воскресеніе должно быть такое же, каково было и воскресеніе Христово,—потому что Христосъ есть *начатокъ и перворожденъ изъ мертвыхъ* (Колос. i, 18). Но если воскресеніе состоитъ въ очищеніи души и освобожденіи отъ грѣховъ, а Христосъ не согрѣшилъ, то какъ Онъ воскресъ? А если и Онъ согрѣшилъ, то какъ мы избавились отъ клятвы? Да и какъ Онъ говоритъ: *грядетъ міра сего клязъ, и во мнѣ не имать ничего сего* (Іоан. хiv, 30)? Вѣдь это значить, что Онъ безгрѣшенъ. Итакъ, по ихъ мнѣнію Христосъ или не воскресъ, или, если воскресъ, то до воскресенія согрѣшилъ. Но Онъ и воскресъ, и грѣха не сотворилъ; слѣдовательно воскресъ тѣломъ. А то нечестивое ученіе есть не что иное, какъ порожденіе тщеславія. Будемъ же избѣгать этой болѣзни, *тѣмъ бо, сказано, обычаи бласвѣстны злы* (1 Кор. хv, 33). Это не ученіе апостольское; Маркіонъ и Валентинъ—вотъ кто это выдумалъ. Будемъ же убѣждать этого, возлюбленные. Вѣдь при неправыхъ догматахъ нѣтъ никакой пользы и отъ доброй жизни, точно такъ же, какъ и наоборотъ,—здравые догматы бесполезны при порочной жизни. Эллины породили это, а они (еретики) распространили, занявъ у языческихъ философовъ и утверждая какъ то, что вещество несозданно, такъ и многое тому подобное. Такимъ образомъ, какъ сказали они, что, если бы не было несозданнаго вещества, то не было бы и Творца, такъ отвергли и воскресеніе. Но не будемъ внимать имъ, зная всемогущую силу Божию,—не будемъ внимать. Это я говорю вамъ; съ своей же стороны мы не откажемся вступить съ ними въ борьбу. Человѣкъ безоружный и беззащитный легко можетъ быть плѣненъ, хотя бы онъ вступилъ въ борьбу съ слабымъ, хотя бы онъ былъ сильнѣе его. Если бы вы внимали Писанію и каждодневно упражнялись въ немъ, я не сталъ бы убѣждать васъ избѣгать борьбы съ ними, а напротивъ даже совѣтовалъ бы сразиться съ ними, потому что истина сильна. Но какъ вы не умѣете пользоваться Писаніемъ, то я и боюсь за эту борьбу, чтобы они, заставъ васъ безоружными, не низложили васъ. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего слабѣе ихъ, потому что они лишены помощи отъ Духа. Если же они пользуются мудростію языческою, то этому не должно удивляться, а напротивъ стоитъ по-

670 смѣяться, что они руководствуются глупыми наставниками. Дѣйствительно, эти наставники ни о Богѣ, ни о твари не могли дойти ни до чего истиннаго; но что у насъ теперь знаетъ всякая вдовица, того не зналъ и самъ Писагоръ. Они говорили, напримѣръ, что душа бываетъ то растеніемъ, то рыбою, то псомъ. Ужели такихъ, скажи мнѣ, слѣдуетъ слушать? Какое же для этого основаніе? Они велики на улицахъ, отращиваютъ красивые волосы и одѣваются въ плащи,—этимъ и ограничивается ихъ любомудріе. А посмотришь внутрь, все — прахъ и пепель, нѣтъ ничего здороваго, но *пробъ отверсты юртаны ихъ*, все полно нечистоты и тлѣнія, и всѣ догматы ихъ исполнены червей. Такъ первый между ними почиталъ богомъ воду, слѣдующій за нимъ — огонь, третій — воздухъ; всѣ же полагали найти его въ тѣлахъ. Ужели же, скажи мнѣ, слѣдуетъ удивляться такимъ, которые не имѣли даже понятія о безтѣлесномъ Богѣ? Если же они наконецъ и приобрѣли (понятіе), то это было уже послѣ того, какъ въ Египтъ они вошли въ сношеніе съ нашими. Но чтобы не возбудить между вами большого шума, я здѣсь окончу свое слово. Если бы я началъ подробно излагать ихъ мнѣнія, какъ рассуждали они о Богѣ, какъ — о веществѣ, какъ — о душѣ, какъ — о тѣлахъ, то послѣдовалъ бы великій смѣхъ. Притомъ они и не нуждаются въ нашемъ опроверженіи, — они сами опровергли другъ друга. Такъ, написавшій противъ насъ книгу о веществѣ, самъ себя опровергъ. Потому, чтобы не утруждать васъ напрасну и не развивать передъ вами лабиринта словъ, — вмѣсто всего этого я скажу вамъ, что надобно внимать божественному Писанію и не вступать въ бесполезныя словопренія. Это же внушаетъ и Павелъ Тимошею (2 Тим. п, 14), не смотря на то, что послѣдній былъ исполненъ великой мудрости и имѣлъ силу чудотвореній. Послѣдуемъ же его внушенію и, оставивъ пустословіе, будемъ заниматься дѣлами, то есть, братолюбіемъ и страннолюбіемъ, и особенно позаботимся о милостынѣ, чтобы достигнуть обѣтованныхъ благъ по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЕДА LXVII.

Любая душу свою, погубить ю: и ненавидай души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранить ю. Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ (Іоан. хп, 24, 26).

369 1. Сладостна настоящая жизнь и заключаетъ въ себѣ много пріятнаго, но не для всѣхъ, а только для привязанныхъ къ ней.

Если же кто посмотрѣть на небо и увидѣть тамошніа блага, тотъ скоро стапѣть пренебрегать эту жизнь и ставить ее ни во что. Вѣдь и тѣлесная красота, пока нѣтъ другой — лучшей, возбуждаетъ удивленіе; а когда явится красота лучшая, прежнюю начинаютъ пренебрегать. Такъ и мы, если станемъ смотрѣть на ту красоту и созерцать благолѣпіе тамошняго царства, — скоро освободимся отъ настоящихъ узъ, такъ какъ привязанность къ настоящему дѣйствительно есть нѣкотораго рода узъ. Къ этому-то и приводитъ насъ Христосъ, когда говоритъ: *любай душу свою, погубить ю; и ненавидѣй души своея съ мѣръ семъ, съ живота вечный сохранишь ю. Аще кто мнѣ служитъ, мнѣ да послѣдствуетъ, и идоже азь, ту и слава мой будетъ* (ст. 25, 26). Слова эти походятъ, повидимому, на загадку; но они — не загадка, въ нихъ заключается великая мудрость. Какимъ же образомъ *любай душу свою* погубить ее? Когда кто исполняетъ ея неумѣстныя пожеланія, когда кто угождаетъ ей больше, чѣмъ должно. Потому-то нѣкто и даетъ такое наставленіе: *съ сѣмъ похотей души твоея не ходи* (Сир. xvi, 30). Черезъ это ты погубишь ее, потому что (похоть) отдаляетъ отъ пути, ведущаго къ добродѣтели. Точно также и наоборотъ, *ненавидѣй* 370 *душу свою съ мѣръ семъ*, спасетъ ее. Что значитъ: *ненавидѣй* душу свою? Это означаетъ того, кто не слушаетъ ея, когда она внушаетъ что-нибудь вредное. Но не сказали: кто не слушаетъ ея, а: *ненавидѣй* ее. Какъ мы не можемъ ни слышать голоса непавидимыхъ нами, ни видѣть лица ихъ равнодушно, такъ точно мы должны крайне отвращаться и отъ души, когда она внушаетъ намъ что-нибудь неугодное Богу. Такъ какъ (Христосъ) намѣревался уже бесѣдовать съ учениками о смерти, и именно о Своей смерти, и предвидѣлъ ихъ скорбь и уныніе, то и употребляетъ усиленную рѣчь, говоря: что сказать о томъ, что вы не можете перенести съ твердостію Моей смерти? Вѣдь если и сами вы не умрете, — для васъ не будетъ никакой пользы. Но смотри, какъ Онъ и смягчаетъ Свою рѣчь. Человѣку, любящему свою душу, очень тяжело и прискорбно было услышать, что онъ долженъ умереть. И нужно ли говорить о временахъ древнихъ, когда и нынѣ мы найдемъ много людей, которые, не смотря на то, что убѣждены въ будущемъ, охотно рѣшаются все перенести, лишь бы насладиться настоящей жизнью, — которые, смотря на зданія, на изобрѣтенія и произведенія искусствъ, со слезами приговариваютъ: какъ много замышляетъ человѣкъ, и между тѣмъ — обращается въ прахъ! До такой степени сильна привязанность къ настоящей жизни! Итакъ, чтобы разрѣшить эти узъ, Христосъ говоритъ: *ненавидѣй души своея съ мѣръ семъ, съ живота вечный сохранишь ю*. А что онъ сказалъ это ученикамъ съ тѣмъ, чтобы 371

ободрить ихъ и удалить отъ нихъ страхъ, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ: *еще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ*. Здѣсь Онъ говоритъ о смерти и требуетъ послѣдованія самымъ дѣломъ. Слуга непремѣнно долженъ слѣдовать за тѣмъ, кому служить. И замѣтъ, въ какое время Онъ бесѣдуетъ съ ними объ этомъ; не тогда, когда они были гонимы, но когда были совершенно спокойны — когда, пользуясь отъ многихъ почетомъ и услугами, почитали себя въ совершенной безопасности, — когда могли быть бодры духомъ и услышать: *и возметъ крестъ свой и по нитъ ирдетъ* (Мате. хvi, 24), т. е., долженъ быть всегда готовъ на опасности, на смерть, на переселеніе изъ этой жизни. Вслѣдъ за тѣмъ, такъ какъ Онъ сказалъ прискорбныя слова, — предлагаетъ и награду. Въ чемъ же эта награда? Въ томъ, что будутъ слѣдовать за Нимъ и будутъ тамъ, гдѣ Онъ. Этимъ Онъ показалъ, что за смертью послѣдуетъ воскресеніе. *Идите есмь Азъ, говоритъ Онъ, ту и слуга Мой будетъ*. Гдѣ же Христосъ? На небесахъ. Итакъ, переселимся туда душою и умомъ еще и прежде воскресенія. *Аще кто Мнѣ служитъ, возлюбитъ ео Отца* (Іоан. хп 26). Почему Онъ не сказалъ: Я возлюблю? Потому что ученики еще не имѣли о Немъ надлежащаго понятія, а думали болѣе великое объ Отцѣ. Вѣдь они не знали и того, что Ему надлежало воскреснуть: какъ же могли помышлять о Немъ что-нибудь великое? Потому-то и сынамъ Зеведеевымъ Онъ говоритъ: *иже Мое дати, но иже же уготовася отъ Отца Моего* (Мате. хх, 28), — хотя Онъ и самъ судія. А здѣсь Онъ представляетъ и Свое истинное сыновство, потому что Отецъ приметъ слугъ Его, какъ слугъ Своего истиннаго Сына. *Никто душа Моя возмутися: и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего* (ст. 27). Такъ говорить, повидимому, не слѣдовало бы тому, кто убѣждаетъ идти на смерть; но на самомъ дѣлѣ эти слова особенно приличны такому человѣку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда онъ самъ недоступенъ для человѣческихъ страданій, легко убѣждать насъ, когда Онъ самъ внѣ опасности, — Онъ показываетъ, что и Онъ страшится смерти, и однако же для пользы (другихъ) не отказывается умереть. Впрочемъ это относится къ воспринятому Имъ человѣчеству, а не къ божеству. Поэтому Онъ говоритъ: *никто душа Моя возмутися*. (А если не такъ, то какая будетъ послѣдовательность между этими словами и слѣдующими: *Отче, спаси Мя отъ часа сего*)? И (душа Его) до того была возмущена, что Онъ даже искалъ бы избавленія (отъ смерти), если бы только можно было ея избѣжать.

2. Это — немощи человѣческой природы. Но Я, говоритъ Онъ, не могу ничего сказать, прося избавленія, потому что *сего ради*

приидохъ на часъ сей. Какъ бы такъ говорилъ Онъ: хотя смерть и приводитъ насъ въ трепетъ и смущеніе, но все же мы не должны избѣгать ея. Вѣдь и Я возмущенъ нынѣ, но не говорю объ избавленіи отъ смерти, потому что подобно переносить то, чему слѣдуетъ быть. Не говорю: избавь Меня отъ часа сего, но что? *Отче, прослави имя Твое* (ст. 28). Хотя смущеніе и заставляетъ Меня говорить тѣ слова, но Я говорю противное: *прослави имя Твое*, то есть, возведи уже (Меня) на крестъ. Въ этомъ ясно обнаруживаются свойства человѣческія и природа, которая не хочетъ смерти, но привязана къ настоящей жизни. Это показываетъ, что (Христось) былъ не чуждъ человѣческихъ ощущеній. Какъ голодъ и сонъ не составляютъ преступленія, такъ точно и привязанность къ настоящей жизни. Иисусъ Христось имѣлъ тѣло, только чистое отъ грѣховъ, но не лишенное естественныхъ потребностей; иначе оно не было бы и тѣломъ. Этимъ же самымъ Онъ внушаетъ намъ и нѣчто другое. Что же именно? Чтобы мы даже и тогда, какъ случится намъ быть въ страхъ и томленіи, не уклонялись отъ того, что намъ назначено. *Отче, прослави имя Твое.* Этимъ по-раетъ за истину; смерть Свою на- 872
 ваетъ славю Божію. Это и сбылось послѣ креста: тогда вся вселенная должна была обратиться, познать имя Божіе и служить Богу; и имя не только Отца, но и Сына, хотя (Христось) объ этомъ умалчиваетъ. *Прииде же гласъ съ небесе: и прославити и паки прославию* (ст. 28). Когда прославилъ? Въ предшествовавшихъ событіяхъ. *И паки прославию* — послѣ креста. Что же Христось? *Не Мене ради гласъ сей бысть*, но васъ ради. А іудеи подумали, что это былъ громъ, или что ангелъ говорилъ Ему. Почему же они такъ думали? Развѣ голосъ былъ не ясенъ и не внятенъ? Нѣтъ, они были люди грубые, плотскіе, безпечные, и потому голосъ тотчасъ исчезъ для нихъ. Одни изъ нихъ удержали только звукъ, а другіе, хотя и знали, что это былъ голосъ членораздѣльный, но что онъ означалъ, не знали. Что же Христось? *Не Мене ради гласъ сей бысть*, но васъ ради. Для чего Онъ сказалъ это? Для опроверженія того, что они постоянно говорили, будто Онъ не отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли быть не отъ Бога тотъ, кого Богъ прославляетъ и къмъ имя Божіе прославляется? Для этого-то и гласъ снизошелъ; для этого и самъ Онъ говоритъ *не Мене ради гласъ сей бысть*, но васъ ради; не для того, чтобы Я изъ него узнать что-нибудь, чего прежде не зналъ, — Я знавъ все Отцевъ, — но для васъ. Такъ какъ они говорили, что ангелъ говорилъ Ему или что это былъ громъ, а (словъ) не слышали, то (Христось) говоритъ, что это было для васъ, чтобы хоть такимъ образомъ заставить ихъ спросить, что было сказано. Но они, бу-

дучи пораженъ, не спросили и тогда, какъ услышали, что это относилось къ нимъ. А кто не зналъ, къ кому относилось сказанное, для того, естественно, голосъ могъ показаться невразумительнымъ. Васъ *ради насъ бысть*. Видишь ли, что все уничиженное бываетъ для нихъ, а не потому, будто бы Сынъ имѣлъ нужду въ помощи? *Нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь міра сего поверженъ будетъ* долу (ст. 31). Какую это имѣетъ связь съ словами: *прославишъ и прославою*? Очень близкую и весьма тѣсную. Такъ какъ Онъ сказалъ: *прославою*, то показываетъ и самый способъ прославленія. Какой же это способъ? Тотъ, говорить, что онъ будетъ поверженъ долу. Что же значить: *судъ есть міру сему*? Какъ бы такъ говорить: будетъ судъ и отмщеніе. Какъ это и какимъ образомъ? (Діаволъ) умертвилъ перваго человѣка, найдя его повиннымъ грѣху (такъ какъ смерть вошла чрезъ грѣхъ). Но во Мнѣ онъ этого не нашель; за что же онъ напалъ на Меня и предалъ смерти? Зачѣмъ вложилъ въ душу Іуды мысль погубить Меня? Не говори мнѣ теперь, что Богъ такъ устроилъ, что это дѣло не діавола, а Божіей премудрости. Будемъ пока разсматривать лишь мысль этого злого существа. Итакъ какимъ же образомъ міръ судится во Мнѣ? Діаволу, какъ бы на судъ, будетъ сказано: пусть ты всѣхъ умертвилъ, потому что нашель ихъ виновными во грѣхѣ; но за что Христа умертвилъ? Не явно ли, что несправедливо? Поэтому чрезъ Него тебѣ будетъ отмщеніе за весь міръ. А чтобы это было очевидно, я объясню примѣромъ. Представь себѣ какого-нибудь свирѣпаго тирана, который всѣхъ, кто ни попадется ему, подвергаетъ различнымъ жестокостямъ. Если этотъ человѣкъ, встрѣтивъ царя или царскаго сына, несправедливо умертвить и его, то смерть этого послѣдняго можетъ отомстить ему и за всѣхъ прочихъ. Представь себѣ еще, что какой-нибудь заимодавецъ, взыскивая съ своихъ должниковъ, будетъ бить ихъ и сажать въ тюрьму; потомъ, по той же жестокости, заключить также въ темницу и того, кто ему нисколько не долженъ. Въ этомъ случаѣ онъ будетъ наказанъ и за то, что онъ сдѣлалъ другимъ, — именно, тотъ убьетъ его.

3. Такъ точно было и съ Сыномъ (Божіимъ). Изъ-за того, что діаволъ дерзнулъ сдѣлать со Христомъ, онъ получитъ наказаніе за все, что причинилъ намъ. И что (Христосъ) указываетъ именно на это, видно изъ того, что Онъ говоритъ: *нынѣ князь міра сего будетъ низверженъ* Моею смертію. *И еще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлечу къ Себѣ* (ст. 32), т. е. и язычниковъ. А чтобы кто-нибудь не сказалъ: какъ же онъ будетъ низверженъ, если онъ побѣдитъ и Тебя самого? — говорить: не побѣдитъ; да и можетъ ли это быть, когда Я и другихъ привлеку

къ Себѣ? И не говорить о воскресеніи, но о томъ, что важнѣе воскресенія: *вся привлеку къ Себѣ*. Если бы сказали: воскресну, то еще не видно было бы, что увѣруютъ въ Него, но сказавъ: увѣруютъ—Онъ тѣмъ высказалъ и то и другое,—что Онъ и воскреснетъ, потому что, если бы Онъ оставался мертвымъ и былъ простымъ человѣкомъ, тогда никто бы не увѣровалъ. *Вся привлеку къ себѣ*. А какъ же Онъ говорить, что Отецъ привлекаетъ? Это значитъ, что Отецъ привлекаетъ, когда привлекаетъ Сынъ. *Привлеку*, говоритъ Онъ, такъ какъ ихъ держитъ тиранъ и сами по себѣ они не могутъ придти и освободиться изъ его рукъ, потому что онъ не пускаетъ ихъ. Въ другомъ мѣстѣ это называетъ (Христосъ) *хищеніемъ*. *Никтоже можетъ сосуды крѣпкаго расхитити, еще не перее крѣпкаго свяжетъ, и тогда сосуды ея расхититъ* (Марк. ix, 27),—такъ говоритъ Онъ, изображая силу (врага). Слѣдовательно, что тамъ назвалъ Онъ хищеніемъ, то здѣсь называетъ привлеченіемъ. Итакъ, зная это, возстанемъ и прославимъ Бога, 876 не вѣрою только, но жизнію; а иначе это будетъ не слава, а хула. Не столько хулится Богъ нечистою жизнію язычника, сколько развращеніемъ христіанина. Поэтому, прошу васъ, старайтесь всячески о прославленіи Бога. Горе, сказано тому рабу которымъ, имя Божіе хулится. А когда будетъ горе, тогда тотчасъ послѣдуетъ всякое наказаніе и мученіе. Напротивъ, блаженъ тотъ, кѣмъ имя Божіе прославляется. Такъ не будемъ же жить, какъ во тьмѣ, но постараемся избѣгать всякихъ грѣховъ, а особенно тѣхъ, которые клонятся къ общему вреду, потому что ими то особенно и наносится хула Богу. Какое, въ самомъ дѣлѣ, мы получимъ прощеніе, когда, обязанные, по заповѣди, давать другимъ, мы будемъ похищать чужое? Какая будетъ для насъ надежда на спасеніе? Ты будешь наказанъ, если не напиташь алчущаго: какое же получишь помилованіе, если обнажишь одѣтаго? Мы постоянно говоримъ это, и не перестанемъ говорить. Можетъ быть, не послушавшіе сегодня послушаютъ въ слѣдующіе дни; если же нѣкоторые и останутся непреклонными, то все же, по крайней мѣрѣ, мы будемъ правы на судъ, потому что исполнили свое дѣло. Но дай Богъ, чтобы эти слова и насъ не приводили въ стыдъ, и васъ не заставляли закрываться. Дай Богъ воѣмъ съ дерзновеніемъ стать предъ судилищемъ Христовымъ, чтобы и мы могли похвалиться вами, и для своихъ золь найти какое-нибудь облегченіе въ вашемъ добромъ имени, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки. Аминь.

ВЕСѢДА LXVIII.

Отвѣща Ему народъ: мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како Ты глаголеши, возвестися подобаетъ сыну человѣческому? Кто есть сей сынъ человѣческій (Іоан. хп, 34)?

- 378 1. Ложь безсильна и легко изобличается, хотя снаружи и разрисована многоразличными красками. Какъ тѣ, которые покрываютъ смазкою стѣны, близкія къ разрушенію, чрезъ эту смазку не могутъ поправить ихъ, такъ и люди, когда говорятъ ложь, легко изобличаются. Такъ именно случилось и теперь съ іудеями. Когда Христосъ сказалъ: *еще Азъ вознесенъ буду отъ земли, еси привлеку къ Себѣ*,—они возражаютъ: *мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во вѣки: како Ты глаголеши, возвестися подобаетъ сыну человѣческому? Кто есть сей сынъ человѣческій?* Итакъ они знали, что Христосъ есть лице безсмертное и имѣетъ жизнь безконечную. Слѣдовательно понимали и то, что Онъ говорилъ. Да и въ Писаніи во многихъ мѣстахъ говорится вмѣстѣ и о страданіи, и о воскресеніи. Такъ напр. Ісаія поставляетъ то и другое вмѣстѣ, когда говоритъ: *яко овца на заколѣніе ведется*, и такъ далѣе; и Давидъ во второмъ псалмѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, соединяетъ то и другое; и патриархъ (Іаковъ), сказавъ: *возлезу усну, еси яко лево*, присовокупилъ: *и яко скименъ: кто возбудитъ ея* (Быт. хлх, 9)?—чѣмъ указываетъ вмѣстѣ и на страданіе, и на воскресеніе. Но іудеи потому говорятъ, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ, что этимъ думали заградить Ему уста и показать, что Онъ не Христосъ. И смотри, какая злонамѣренность! Не сказали: мы слышали, что Христосъ не долженъ страдать, не долженъ быть распятъ; но: *яко пребываетъ во вѣки*,—хотя эти слова и не составляютъ возраженія, потому что страданіе не было препятствіемъ къ безсмертію. Отсюда можно видѣть, что они понимали многое, что могло казаться обоюднымъ, и что они по доброй волѣ поступали злонамѣренно. Такъ какъ выше Христосъ бесѣдовалъ о смерти, то они, услыша здѣсь слово: *возвестися*, пришли именно къ мысли о смерти. Затѣмъ говорятъ: *кто есть сей сынъ человѣческій?* И это также съ злымъ умысломъ. Не подумай, говорятъ они, что мы разумѣемъ здѣсь Тебя, и не говори, будто мы противорѣчимъ Тебѣ по враждѣ съ Тобою. Вотъ мы даже и не знаемъ, о комъ Ты говоришь, и все же однако высказываемъ свое мнѣніе. Что же Христосъ? Желая заградить имъ уста и показать, что Его страданія нисколько не препятствуютъ Ему пребывать во вѣкъ, Онъ говоритъ: *еще мало время съимъ съ вами*
- 374

есть (ст. 85). Этимъ показываетъ, что смерть Его есть только преставленіе, такъ какъ и солнечный свѣтъ не исчезаетъ совершенно, но, скрывшись на краткое время, снова является. *Ходите, доидеже свѣтъ имате.* О какомъ времени говорить Онъ здѣсь? Разумѣсть ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю,—и то и другое, потому что, по неизреченному Его человеколюбію, многіе увѣровали въ Него и послѣ креста. А говорить Онъ это для того, чтобы побудить ихъ къ вѣрѣ, что и прежде дѣлалъ, когда говорилъ: *еще мало время съ вами емь* (Іоан. vii, 83). *Ходяи во тьмѣ, не вѣсть, кимъ идеши* (ст. 85). Въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлаютъ теперь іудеи, и однакъ не знаютъ, что дѣлаютъ, но ходятъ какъ бы во тьмѣ. Думаютъ, что идутъ по прямому пути, а на самомъ дѣлѣ идутъ противоположнымъ путемъ; соблюдаютъ субботу, хранятъ законъ, наблюдаютъ правила касательно пищи, но не знаютъ, куда идутъ. Потому и говорилъ: *ходите во свѣтъ, да сынове свѣта будете*, т. е., Моиими сынами. Въ началѣ евангелистъ говоритъ (о вѣрующихъ), 876 что они не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родившася (Іоан. i, 18), т. е., отъ Отца, — а здѣсь говорится о самомъ (Христѣ), что Онъ ихъ раждаетъ, чтобы ты зналъ, что у Отца и Сына одно дѣйствіе. *Сіа малагола Исусъ, и отидеъ, скрися отъ нихъ* (ст. 85). Зачѣмъ Онъ теперь скрывается? Вѣдь не подыали противъ Него кампей и не сказали никакой хулы, какъ было прежде: зачѣмъ же Онъ скрился? Проникая въ сердца ихъ, Онъ зналъ, что въ душѣ они ожесточились противъ Него, хотя и ничего не говорили; зналъ, что они кипѣли и готовы были убить Его, и не ожидалъ, пока дойдутъ они до самаго дѣла, но скрился, чтобы укротить ихъ ненависть. Смотри, какъ на это указалъ и евангелистъ: онъ сейчасъ же присовокупилъ: *такоа знаменія сотворишу Ему, не вѣроваху въ Него* (ст. 87). Какія это знаменія? Знаменія, о которыхъ евангелистъ умолчалъ. Да это же видно и изъ послѣдующаго. Послѣ того, какъ Онъ удалился и уступилъ имъ, Онъ снова приходитъ и кротко бесѣдуетъ съ ними, говоря такимъ образомъ: *струиши въ Мя, не струети въ Мя, но въ послиши Мя* (ст. 44). И замѣть, какъ Онъ (обыкновенно) поступаетъ: начинается рѣчь скромно и уничиженно, относя все къ Отцу, а потомъ возвышаетъ Свое слово. Когда же видитъ, что они приходятъ въ ярость,—удаляется, а потомъ снова является и снова начинается рѣчь уничиженную. Когда же Онъ такъ поступалъ? Скажи лучше, когда Онъ такъ не поступалъ? Вотъ, смотри, какъ Онъ говоритъ сначала: *якоже слышу, сужу* (Іоан. vii, 30); затѣмъ возвышеннѣе: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, иже хощетъ, живитъ* (v, 21); и

опять: *Аз не сужду васъ, имъ есть судий* (vп, 50); а потомъ опять удаляется. Затѣмъ, явившись въ Галилеѣ, говорить: *дѣлайте не брашно яблюще* (vi, 27); и, сказавъ о Себѣ великое, именно — что Онъ сошелъ съ неба, что Онъ даетъ животъ вѣчный, снова уходитъ. А въ праздникъ кушечей опять является и поступаетъ точно такимъ же образомъ.

2. Да и постоянно, какъ всякій можетъ видѣть, Онъ разнообразитъ такимъ образомъ свое ученіе: то приходитъ, то уходитъ, то говоритъ смиренно, то возвышенно. Такъ точно Онъ поступилъ и здѣсь. *Толика знаменія сотворишу Ему*, говорить, *не впроважу въ Него: да сбудется слово Исаіи пророка, еже рече: Господи, кто впрова слуху нашему, и мѣшица Господня кому открыся* (Іоан. хп, 37—38)? И опять: *сею ради не можашу впровати, яко пакы рече Исаіа: слухомъ услышите, и не разумѣте. Оя рече Исаіа, егда видѣ славу его, и глагола о немъ* (ст. 39, 41; см. Ис. vi, 9). Вотъ опять слова *яко* и *рече* означаютъ не причину, а слѣдствіе. Не потому іудеи не вѣровали, что такъ сказалъ Исаія, но потому сказалъ такъ Исаія, что они не будутъ вѣровать. Почему же евангелистъ говоритъ не такъ, а напротивъ какъ будто представляетъ невѣріе слѣдствіемъ пророчества, а не пророчество — слѣдствіемъ невѣрія? Въ дальнѣйшихъ же словахъ онъ тоже самое выражаетъ еще сильнѣе, говоря такъ: *сею ради не можашу впровати, яко рече Исаіа*. Этимъ онъ хочетъ яснѣе доказать, что Писаніе не ложно и что предсказанное имъ совершилось не иначе, а именно такъ, какъ было предсказано. А чтобы кто-нибудь не сказалъ: зачѣмъ же и пришелъ Христосъ? или Онъ не зналъ, что Его не будутъ слушать? — для этого и приводитъ пророковъ, показывая, что и они это знали. Пришелъ же Христосъ для того, чтобы не имѣли никакого извиненія въ своемъ грѣхѣ. Что предсказалъ пророкъ, то предсказалъ потому, что такъ непременно будетъ. А если бы не должно было непременно совершиться, то онъ и не предсказалъ бы; но оно должно было непременно совершиться, потому что (іудеи) были некалѣчными.

Если же и поставлено здѣсь слово: *не можашу*, то оно значить тоже, что — не хотѣли. И ты не удивляйся этому. Вотъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *могий вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѣ. xix, 22). Такъ и во многихъ мѣстахъ Писаніе обыкновенно употребляетъ слово: возможность, въ смыслѣ хотѣнія; вотъ напр. еще: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, Мене же ненавидѣтъ* (Іоан. viп, 7). Да это же самое, какъ всякій можетъ видѣть, бываетъ и въ обыкновенномъ разговорѣ. Такъ, когда кто говоритъ: я не могу полюбить такого-то, то подъ возможностью разумѣть особенную силу хотѣнія; точно также такой-то не можетъ быть доб-

рымъ. Да и пророкъ какъ говорить? *Аще премънитъ Еоіопляннѣ коожу свою и рѣсь пестроты своя*, и народъ сей возможеть *блаю теорити, илучишеся злу* (Пер. хш, 23). Не то разумѣтъ онъ, будто совершеніе добродѣтели для этихъ людей невозможно; но что они не хотятъ того, потому и не могутъ. И слова евангелиста выражаютъ только то, что пророку невозможно было сказать ложь. Но никакъ нельзя сказать, чтобы поэтому самому іудеямъ невозможно было увѣровать. Пророкъ могъ остаться вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, если бы они увѣровали, — онъ бы того и не предсказалъ. Такъ почему же, скажешь, Писаніе не выразилось такимъ образомъ? Въ Писаніи есть нѣкоторыя подобныя особенности, а потому надобно подчиняться его правиламъ. *Она же рече, егда видѣ славу ея*. Чью славу? Отца. Какъ же Іованъ прилагаетъ эти слова къ Сыну, а Павелъ къ Св. Духу? Это они говорятъ не потому, будто смѣшиваютъ ипостаси, а чтобы показать, что у Нихъ одно достоинство: что принадлежитъ Отцу, то принадлежитъ и Сыну, а принадлежащее Сыну принадлежитъ и Св. Духу. Хотя многое (Богъ) изрекъ чрезъ ангеловъ, однакожъ никто не говоритъ: какъ сказалъ ангелъ, но: какъ сказалъ Богъ; что изречено Богомъ чрезъ ангеловъ, то принадлежитъ Богу, но принадлежащее Богу еще не принадлежитъ ангеламъ. А здѣсь (апостолъ) говоритъ, что это слова Духа (Дѣян. ххvi, 25—26). *И глагола о немъ*. Что глагола? *Видѣхъ Господа; видѣхъ на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Ис. vi, 1), и проч. Итакъ, славою онъ называетъ здѣсь видѣніе, дымъ слышаніе неизреченныхъ таинствъ, зрѣніе серафимовъ, молнію, исходящую отъ престола, на которую не могли смотрѣть тѣ силы. *И глагола о немъ*. Что глагола? Что онъ слышалъ голосъ, говорившій ему: *кого послю и кто пойдетъ? И рекохъ: се азъ есмь, послѣ мя*. *И рече: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видѣще узрите, и не увидите*. *Ослѣпи бо очи ихъ и окаменихъ сѣмь сердца ихъ, да не видятъ очима; ни разумѣють сердцемъ* (Ис. vi, 8—20; см. Іоан. хп. 40). Вотъ бѣдѣ новое недоумѣніе; но его не будетъ, если внимемъ въ дѣло надлежащимъ образомъ. Какъ солнце поражаетъ глаза болѣющими; но не потому, чтобы оно имѣло такое свойство, такъ бываетъ и съ тѣми, кто не внимаетъ словамъ Божиимъ. Въ этомъ же смыслѣ говорится и о фараонѣ, что ожесточилъ его сердце. Такъ бываетъ и съ тѣми, которые какимъ-нибудь образомъ противятся словамъ Божиимъ. И это—особенность Писанія, равно какъ и выраженія: *Богъ предаде еъ неискусенъ умъ* (Рим. i, 28); и: *раздѣлимъ языкомъ* (Втор. iv, 19); это значить—позволилъ, попустилъ. Въ этихъ мѣстахъ выражено не то, будто Богъ и это производить, но показывается, что это происходитъ отъ злобы

другихъ. Когда мы бываемъ оставлены Богомъ, тогда предаемся дѣволу; а предавшись дѣволу, подвергаемся безчисленнымъ бѣдствіямъ. Итакъ, чтобы устрашить слушателя, говоритъ: *ожесточи, и: предаде*. А что Богъ не только не предастъ насъ, но и не оставляетъ, если мы сами того не захотимъ,—послушай, что 877 говоритъ: *не ирси ли ваши разлучаютъ между вами и между Мною* (Ис. ых, 2)? И еще: *удаляющимъ себе отъ тебе погибнуть* (Ис. ыххп, 27); а Осія говоритъ: *забылъ еси законъ Бога своего, забуду и азъ тебя* (Ос. iv, 6). И самъ Христосъ въ Евангеліи: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (Лук. хш. 34). И опять Исаія: *приидохъ, и не блже человека: звахъ, и не бѣ послушающая* (Ис. I, 2). Говоря такимъ образомъ, показываетъ, что мы сами полагаемъ начало оставленію насъ Богомъ, сами бываемъ виновны въ своей гибели. А Богъ не только не хотѣтъ ни оставлять насъ, ни наказывать, но когда и наказываетъ, — дѣлаетъ это противъ Своего желанія. *Не хочу*, говоритъ Онъ, *смерти грѣшника, но еже обратится ему и живи* (Іез. хvш, 32). А Христосъ даже плачетъ о разрушеніи Іерусалима, какъ поступаемъ и мы въ отношеніи къ своимъ друзьямъ.

8. Итакъ, зная это, будемъ употреблять всѣ мѣры, чтобы 878 не отпасть отъ Бога, и постараемся имѣть попеченіе о своей душѣ и любовь другъ къ другу; не будетъ отторгать отъ себя своихъ членовъ,—это свойственно бѣснующимся и умалишеннымъ,—но чѣмъ въ худшемъ найдемъ ихъ положеніи, тѣмъ большую покажемъ объ нихъ заботливость. Вѣдь мы часто видимъ людей, одержимыхъ упорными и неисцѣлимыми тѣлесными недугами, и однакожъ не перестаемъ прилагать къ нимъ врачества. Что наприм. хуже подагры? Что—хирагры? Но развѣ мы отсѣкаемъ изъ-за этого члены? Вовсе нѣтъ. Напротивъ, употребляемъ всѣ мѣры, чтобы получить хоть какое-нибудь облегченіе, если ужъ нѣтъ возможности уврачевать болѣзнь. Такъ же будемъ поступать и съ своими братьями: хотя бы они страдали неисцѣлимыми болѣзнями, будемъ неотступно заботиться объ ихъ исцѣленіи и носить тяготы другъ друга. Чрезъ это мы исполнимъ и законъ Христовъ, и достигнемъ обѣтованныхъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXIX.

Обаче убо и отъ князь мнози вѣроваша въ Него: но фарисей ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ. Возлюбиха бо паче славу человѣческую, неже славу Божию (Іоан. хп, 42, 43).

1. Мы должны избѣгать всѣхъ вообще душевредныхъ страстей 377
но особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя и сами изъ себя раждаютъ много грѣховъ. Таково, напр., сребролюбіе. Оно и само по себѣ тяжкая болѣзнь, но становится еще тяжелѣе потому, что оно корень и мать всѣхъ золъ. Таково же и тщеславіе. Вотъ, наприм., и эти (начальники іудейскіе) отторглись отъ вѣры по любви къ славѣ. *Мнози, говоритъ Писаніе, и отъ князь стѣрваша въ Него: но іудеевъ ради не исповѣдоваху, да не изъ сонмищъ изгнани будутъ.* Такъ точно и (Христосъ) еще прежде говорилъ имъ: *како вы можете стѣрвати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. v, 44)? Слѣдовательно они были не князья, а рабы, и рабы самыя низкіе. Впрочемъ, въ послѣдствіи и этотъ страхъ исчезъ. При апостолахъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ одержимыхъ этою болѣзнію; при нихъ обращались къ вѣрѣ и князья, и овященники; ниспосланная благодать Святого Духа всѣхъ ихъ одѣлала тверже адаманта. Но такъ какъ теперь это служило еще для нихъ препятствіемъ къ вѣрѣ, то послушай, что говоритъ Христосъ: *спруй въ Мя, не спруеть въ Мя, но въ пославшаю Мя* (ст. 44). Какъ бы такъ говорилъ Онъ: что боитесь вы увѣровать въ Меня? Вѣра въ Меня, равно какъ и невѣріе, черезъ Меня переходятъ къ Богу. Смотри, какъ всегда и во всемъ обнаруживаетъ Онъ совершенное равенство Своего существа. И не сказалъ: кто вѣруеть Мнѣ,—чтобы кто не подумалъ, будто Онъ здѣсь говоритъ о Своихъ словахъ,—что можно было сказать и о людяхъ, напр., кто вѣруеть апостоламъ, вѣруеть не имъ, а Богу. Но чтобы ты зналъ, что Онъ здѣсь говоритъ о вѣрѣ въ Свое существо, Онъ не сказалъ: кто вѣруеть Моимъ словамъ, но: *спруй въ Мя*. Но почему. скажешь, Онъ нигдѣ не сказалъ наоборотъ: кто вѣруеть въ Отца, вѣруеть не въ Отца, а въ Меня? Потому что возразили бы: вотъ мы вѣруемъ въ Отца, а въ Тебя не вѣруемъ. Вѣдь они были 378
еще очень немощны. Потому, бесѣдуя съ учениками, Онъ сказалъ такъ: *спруйте въ Бога, и въ Мя спруйте* (Іоан. хiv, 2); а съ іудеями—видя, что они, по своей немощи, еще не могутъ слышать такія слова, ведетъ рѣчь иначе; имъ Онъ показываетъ, что невозможно увѣровать въ Отца, не увѣровавъ въ Него. И чтобы ты не подумалъ, будто это сказано въ томъ же смыслѣ, въ ка-

комъ можетъ быть сказано и въ отношеніи къ человѣку, Онъ присовокупляетъ: *видѣи Мя, видѣти пославшаго Мя* (ст. 45). Что же? Значить Богъ—существо тѣлесное? Вовсе нѣтъ. Христосъ говорить здѣсь о видѣніи умственномъ, и тѣмъ опять показываетъ свое единосущіе. Но что значать слова: *спруй еъ Мя?* Это то же, какъ если бы кто сказалъ: кто беретъ воду въ рѣкѣ, беретъ ее не изъ рѣки, а изъ источника; а впрочемъ, и это еще весьма слабое подобіе настоящаго предмета. *Азъ сеиъ еъ мѣръ придохъ* (ст. 46). Такъ какъ Отецъ вездѣ называется свѣтомъ, и въ вѣтхѣхъ и въ новомъ завѣтѣ, то и онъ прилагаетъ къ Себѣ это названіе; поэтому и Павелъ, научившись отсюда, называетъ Его сіяніемъ. Вообще Онъ здѣсь показываетъ великое сродство съ Отцемъ и не полагаетъ никакого различія, потому что вѣра въ Него, говорить, не къ Нему относится, а переходитъ къ Отцу. А свѣтомъ Онъ Себя назвалъ потому, что Онъ уничтожаетъ заблужденіе и разсвѣщаетъ умственный мракъ. *Аще кто Меня не слушаетъ, Азъ не сужду ему: не придохъ бо, да сужду мірови, но да спасу мѣръ* (ст. 47). Чтобы не подумали, будто Онъ по немощи не обращалъ вниманія на тѣхъ, которые пренебрегали Имъ, для этого Онъ сказалъ: *не придохъ, да сужду мірови*.

2. Потомъ, чтобы не сдѣлались отъ этого нерадивѣе, узнавъ, что если вѣрующій получаетъ спасеніе, за то и невѣрующій не подвергается наказанію,—смотри, какъ Онъ поставляетъ имъ на видъ и страшный судъ, присовокупляя слѣдующія слова: *отнѣтѣхъ Мое и не приѣмѣхъ мѣроу Моихъ, имѣть судѣщаю ему* (ст. 48). Но если Отецъ не судитъ никому и Ты пришелъ не съ тѣмъ, чтобы судить мѣръ, такъ кто же его будетъ судить? Слово, *аще мѣроу мѣроу, то судитъ ему еъ послѣдній день*. Такъ какъ они говорили, будто Онъ не отъ Бога, то Онъ и сказалъ такъ, показывая, что для нихъ тогда не будетъ возможности говорить это. Но слова, которыя Я изрекъ нынѣ, предстанутъ вмѣсто обвинителя, будутъ обличать ихъ и отнѣмуть у нихъ всякое оправданіе. *И слово, аще мѣроу мѣроу*. Какое слово? *Яко Азъ не самъ отъ Себя пришелъ, но посланный Мя Отецъ, той Мнѣ заповѣдь даде, что реку и возмѣроу* (ст. 49)—и всѣ другія подобныя слова. Слѣдовательно это говорилось такъ только для нихъ, чтобы они не могли имѣть никакого предлога къ извиненію. Въ противномъ случаѣ, какое (Христосъ) будетъ имѣть преимущественно предъ Исаіемъ? Вѣдь этотъ послѣдній говоритъ тоже самое: *Господь дасть мнѣ языкъ наученія, аще разумѣти, егда подобаетъ реши слово* (Ис. 1, 4). Какое предъ Іереміемъ, который также, когда былъ поставъ, получилъ вдохновеніе? Какое—предъ Іезекіелемъ? Вѣдь и этотъ говорилъ послѣ того, какъ поглотилъ свитокъ. При томъ же, тѣ, которые будутъ слушать Его

слова, были бы причиною Его знанія. Если Онъ получилъ заповѣдь, что Ему говорить, только тогда, когда былъ посылаемъ, то наконецъ ты долженъ будешь сознаться, что Онъ того не зналъ прежде, чѣмъ былъ посланъ. А что можетъ быть нечестивѣе этихъ словъ, если кто станетъ принимать ихъ въ этомъ смыслѣ и не позаботится узнать причину ихъ уничиженности? Апостолъ Павелъ говоритъ, что даже ученики знали, *что есть воля Божія благая и угодная и совершенная* (Рим. хп, 2): Сыну ли не знать до тѣхъ поръ, пока Онъ не получилъ заповѣди? Есть ли въ этомъ какая-нибудь сообразность? Видишь, что Онъ говоритъ съ чрезвычайнымъ уничиженіемъ для того, чтобы и іудеевъ привлечь къ Себѣ, и на послѣдующихъ людей наложить молчаніе? Итакъ, для того Онъ говоритъ по-человѣчески, чтобы хотя этимъ способомъ понудить ихъ къ тому, чтобы они избѣгали всего низкаго въ Его словахъ, зная, что Онъ такъ говорить не по существу, а по немощи слушателей. *И тмъ, яко заповѣдь єю животъ тѣмъный єсть: якоже убо Азъ глаголю, яко рече мнѣ Отецъ, тако глаголю єт.* 60). Видишь, какъ уничиженны эти слова? Вѣдь кто получить заповѣдь, тотъ уже не господинъ надъ самимъ собою. А между тѣмъ, самъ же онъ говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, ижеже хочетъ, живитъ*. Ужели же воскрешать, кого хочетъ, Онъ имѣетъ власть, а говорить, что хочетъ, не имѣетъ? Очевидно, Онъ этими словами хочетъ сказать вотъ что: неестественно, чтобы иное говорилъ Онъ, и иное высказывать Я. *И тмъ, яко заповѣдь єю животъ тѣмъный єсть*. Это Онъ сказалъ противъ тѣхъ, которые почитали Его обманщикомъ и говорили, будто Онъ пришелъ на погибель. А словами: *Азъ не судю* показывать, что Онъ нисколько не виновенъ въ ихъ гибели. Этимъ Онъ какъ бы такъ свидѣлствуетъ, намѣреваясь оставить ихъ и больше не обращаться съ ними: бесѣдуя съ вами, Я ничего не говорилъ собственно отъ Себя, но все отъ Отца. И для того Онъ заключаетъ Свою бесѣду съ ними словами уничиженными, чтобы сказать, что при самомъ концѣ таковъ былъ Мой послѣдній голосъ къ нимъ. Какой же именно? *Якоже рече Мнѣ Отецъ, тако глаголю*. Если бы Я былъ противникомъ Богу, Я бы сказалъ напротивъ,—что Я ничего не говорю угоднаго Богу, чтобы всю славу присвоить Себѣ; но Я все отношу къ Нему. такъ что даже ничего Своего не говорю. Почему же вы не вѣрите Мнѣ, когда Я говорю, что Я получилъ заповѣдь, и когда съ такою силою опровергаю ваше неправое мнѣніе, будто Я противлюсь Отцу? Какъ получившимъ заповѣдь невозможно ни дѣлать, ни говорить ничего другого, кромѣ того, что угодно пославшимъ ихъ, до тѣхъ поръ, пока они во всей точности не

исполнять заповѣди, такъ и Мнѣ нелзя ни дѣлать, ни говорить ничего другого кромѣ того, что хочеть Отецъ. Что дѣлаю Я, то творить Онъ, потому Онъ *со Мною есть и не остави Мене единого Отца* (Іоан. вш, 29). Видишь, какъ Онъ всюду показываетъ, что Онъ тѣсно соединенъ съ Своимъ Родителемъ и между Ними нѣтъ ничего посредствующаго? И въ томъ случаѣ, когда Онъ говоритъ: *о себѣ не придохоу*, Онъ тѣмъ не власть у Себя отнимаетъ, а уничтожаетъ лишь мысль, будто Онъ чуждъ и противенъ Богу. Вѣдь если люди властны сами надъ собою, то тѣмъ болѣе однородный Сынь. А что это справедливо,—послушай, что говоритъ Павелъ: *умалихъ Себе и предаде за ны* (Филип. II, 7). Но, какъ я сказалъ, страшно, истинно страшно—тщеславіе. Оно было причиною, что и эти люди не вѣровали, и другіе худо вѣровали, и что слова, которыя (Христосъ) говорилъ для ихъ же самихъ—изъ человѣколюбія, они обращали въ поводъ къ нечестію.

8. Итакъ, будемъ всячески избѣгать этого звѣря. Онъ бываетъ различнаго рода и вида, и разливаетъ свой ядъ на все,—и на сокровища, и на удовольствія, и на красоту тѣлесную. Потому-то мы вездѣ и переступаемъ границы нужды; оттого и роскошь въ одеждѣ, и большая толпа слугъ; оттого пренебрегается умѣренность во всемъ—и въ домахъ, и въ одеждѣ, и въ столѣ, а роскошь господствуетъ. Ты хочешь наслаждаться славой? Подай милостыню: тогда тебя похвалятъ ангелы, тогда тебя прославить Богъ. А теперь вся слава достается на долю золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ткачей; ты же остаешься безъ вѣнца и нерѣдко видишь себя обременяемою проклятіями. Не обвинявай ты всѣмъ этимъ своего тѣла, а издержи все это на пропитаніе нищихъ, и со всѣхъ сторонъ будутъ рукоплесканія, отсюду—великая похвала. Тогда именно ты будешь этимъ обладать, когда будешь раздавать другимъ; а покуда ты пользуешься одна, ты не владѣешь. Домъ—не надежное хранилище; вѣрное хранилище—это руки нищихъ. И зачѣмъ ты украшаешь тѣло, между тѣмъ какъ душа остается въ небреженіи и покрыта нечистотою? Зачѣмъ ты не столько заботишься о душѣ, сколько о тѣлѣ? Вѣдь о ней слѣдовало бы даже больше заботиться; по крайней же мѣрѣ, возлюбленные, будемъ имѣть о ней хоть такое же попеченіе. Скажи мнѣ: если бы кто спросилъ у тебя, чего бы ты лучше желала—тѣло ли имѣть чистое, здоровое и прекрасное, а одѣяніе носить бѣдное, или—имѣть тѣло уродливое и больное, но ходить въ золотѣ и щеголять убранствомъ? Не гораздо ли скорѣе ты захотѣла бы имѣть благообразіе въ самой природѣ своего тѣла, чѣмъ въ пышности одеждъ? Ужели же ты по отношенію къ тѣлу пожелаешь этого, а по отношенію къ душѣ—противнаго? Имѣя душу отвра-

тительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрезъ золотыя украшенія? Не крайнее ли это безуміе? Обрати лучше эти украшенія внутрь и этими ожерельями уברי свою душу. Когда они лежатъ на тѣлѣ, они не служатъ ни къ его здоровью, ни къ красотѣ. Вѣдь они не сдѣлаютъ ни чернаго бѣлымъ, ни безобразнаго—красивымъ и благовиднымъ. Но если ты украсишь ими душу, то скоро сдѣлаешь ее изъ черной бѣлою, изъ отвратительной и безобразной прекрасною и благовидною. И это не мое слово, но самого Господа, который говоритъ такъ: *еще будутъ грѣси ваши, яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. 1, 18); и еще: *дадите милостыню, и вся чиста вамъ будутъ* (Лук. 11, 41). И не себя только, а и мужа своего ты сдѣлаешь прекраснымъ, если будешь поступать такимъ образомъ. Когда мужа увидятъ, что вы оставили эти украшенія, тогда они уже не будутъ имѣть надобности въ большихъ надержкахъ; а не имѣя этой надобности, они вовсе отстанутъ отъ любостыжанія и будутъ болѣе склонны къ милостынѣ. Да и вы тогда въ состояніи будете смѣло совѣтовать имъ дѣлать то, что слѣдуетъ; а теперь вы совершенно лишены этой власти. Въ самомъ дѣлѣ, какими устами вы будете говорить имъ это? Какими глазами будете смотрѣть, требуя отъ мужей, чтобы они подавали милостыню, когда большую часть вы надерживаете на украшеніе тѣла? Тогда ты въ состояніи будешь смѣло говорить мужу о милостынѣ, когда оставишь золотыя украшенія. И если бы даже ты нисколько въ томъ не успѣла, — по крайней мѣрѣ, ты исполнишь съ своей стороны все; а впрочемъ невозможно, чтобы ты не убѣдила своего мужа, когда будешь говорить ему самыми дѣлами. *Что бо тѣси жено, еще мужа спасеши* (1 Кор. 7, 16)? Потому, какъ теперь ты дашь отвѣтъ и за себя и за него, такъ если отложишь весь этотъ внѣшній блескъ—получишь сугубый вѣнецъ, и будешь торжествовать, нося вѣнецъ вмѣстѣ съ мужемъ, въ безконечныя вѣки, и будешь наслаждаться вѣчными благами, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архієпископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἑνὸς. Ἀμήν.
Слава Богу за все. АМИНЬ.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание С.-Петербургской Духовной Академіи.

1902.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 7 февраля 1902 года.

Сергій, Епископъ Либургскій, ректоръ Академіи.

Типографія А. П. Лопухина (Спб., Телѣжная ул., № 5).

СВЯТАГО ОУДА НАШЕГО ІОАННА ЗАВТОУСТАГО

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА

ІОАННА БОГОСЛОВА.

БЕСѢДА LXX.

Прежде же правдника пасхи, вѣдый Іисусъ, яко пріиде Ему часъ, да преїдетъ отъ міра сего къ Отцу, возлюбль Своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ (Іоан. хш, 1).

1. *Подражатели мнѣ бывайте*, говоритъ Павелъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Для того Христосъ и плоть принялъ изъ одного съ нами состава, чтобы чрезъ нее научить насъ добродѣтели. *Въ подобіи*, сказано, *плоти грѣхъ, и о грѣхъ осуди грѣхъ во плоти* (Рим. vш, 3). Да и самъ Христосъ (говоритъ): *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мате. xi, 29). И этому Онъ училъ не словами только, но и дѣлами. Такъ, называли Его и самаряниномъ, и бѣсоватымъ, и обманщикомъ, и бросали въ Него камни; а фарисеи то слугъ посылали, чтобы схватить Его, то подсылали другихъ злоумышленниковъ, притомъ и сами часто поносили Его, и все это тогда, какъ не только не имѣли ни малѣйшаго повода къ обвиненію Его, а напротивъ, еще постоянно похвалялись Его благодѣяніями. Однакожъ, и послѣ всего этого,

381

Онъ не переставалъ творить имъ добро и словомъ, и дѣломъ. И когда одинъ слуга ударилъ Его, Онъ говоритъ: *еще злы глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; еще ли добръ, что Мя биеши* (Іоан. хviii, 28)? Но такъ поступалъ Онъ съ Своими врагами и злоумышленниками. Посмотримъ же, какъ Онъ поступаетъ и съ Своими учениками, а особенно—что Онъ теперь высказываетъ по отношенію къ (ученику) коварному. Вѣдь его слѣдовало ненавидѣть больше всѣхъ, потому что онъ, будучи ученикомъ и участникомъ въ трапезахъ и вечеряхъ, и видя чудеса, и удостоившись получить такъ много, поступилъ съ Нимъ хуже всѣхъ,—не камни бросалъ въ Него и не поносилъ Его, но выдалъ и предать. Между тѣмъ смотри, какъ Онъ благосклонно принимаетъ его: Онъ умываетъ ему ноги. И этимъ также Онъ хотѣлъ удержать его отъ злого намѣренія. Могъ Онъ, конечно, если бы захотѣлъ, изсушить его, какъ смоковницу, и разорвать на части, какъ разорвалъ камни, и разодрать, какъ завѣсу; но Онъ хотѣлъ, чтобы тотъ оставилъ свое злое намѣреніе не по принужденію, а по доброй волѣ. Съ этою цѣлію онъ и умываетъ ему ноги. Но и этого не устыдился этотъ несчастный и жалкій человѣкъ. *Прежде же праздника пасхи, иудей Іисусъ, яко прииде Ему часъ.* Не тогда только узналъ, но зналъ, говоритъ (евангелистъ), гораздо прежде, чѣмъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ. *Дѣлъ предидеъ.* Евангелистъ глубокомысленно называетъ смерть Его переходомъ. *Возлюбъ Своя сущія въ міръ, до конца возлюби ихъ.* Видишь, какъ Онъ, намѣреваясь оставить ихъ, обнаруживаетъ къ нимъ сильнѣйшую любовь? Слова: *возлюбъ, до конца возлюби ихъ*—именно означаютъ, что Онъ не упустилъ ничего, что слѣдовало сдѣлать тому, кто сильно любитъ. Но почему Онъ сдѣлалъ это не сначала? Что важнѣе, то Онъ дѣлаетъ въ концѣ, чтобы усилить ихъ привязанность къ Себѣ и приготовить имъ великое утѣшеніе въ наступающихъ бѣдствіяхъ. *Своими же* Онъ называетъ ихъ по Своему близкому съ ними общенію. Называетъ Онъ и другихъ *Своими*, но—какъ Свое созданіе, напримѣръ, когда говоритъ: *и свои Его не пріима* (Іоан. i, 11). Но что значить: *сущія въ міръ*? Это значить, что у Него были *Свои* и между умершими, какъ напр. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и подобные имъ; но они были уже не въ мірѣ. Видишь ли, что Онъ Богъ и ветхаго, и новаго завѣта? А что значить: *до конца возлюби ихъ*? Этимъ (евангелистъ) говорить, что Онъ никогда не переставалъ любить ихъ; и это называетъ свидѣтельствомъ особенно сильной любви. Правда, въ другомъ мѣстѣ (такимъ свидѣтельствомъ) называется не это, а положеніе души за друзей своихъ; но тогда этого еще не было. Но почему Онъ сдѣлалъ это (умыть ноги) теперь? Потому что это было гораздо удивительнѣе тогда, когда Онъ для всѣхъ

казался столько славнымъ; да чрезъ это и утѣшеніе не малое Онъ оставилъ предъ разлукою съ ними. Такъ какъ имъ предстояло перенести жестокую скорбь, то Онъ предлагаетъ имъ чрезъ это и равносильное утѣшеніе. *И вечери бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ, да Его предасть* (ст. 2). Въ изумленіи сказать это евангелистъ, показывая, что умылъ ноги Іудѣ тогда, когда тотъ уже рѣшился предать Его. Этимъ Онъ обнаруживаетъ также великую злобу Іуды,—потому что его не остановило ни участіе въ вечери, хотя это обыкновенно лучше укрощаетъ злобу, ни то, что Учитель продолжалъ заботиться о немъ до самаго послѣдняго дня. *Видый Іисусъ, яко вся даде ему Отецъ въ руцѣ и яко отъ Бога изиде и къ Богу грядетъ* (ст. 8). Здѣсь выражаетъ свое удивленіе, что Тотъ, кто такъ великъ и такъ высокъ, кто пришелъ отъ Бога и къ Богу отходитъ, кто все содержитъ въ Своей власти,—что Онъ совершилъ это и, не смотря на все Свое величіе, не возгнушался принять на Себя такое дѣло. Подъ преданіемъ же, какъ мнѣ кажется, онъ разумѣетъ здѣсь спасеніе вѣрныхъ; и Христосъ, когда говоритъ: *вся Мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* (Матѣ. xi, 27), — разумѣетъ это же самое преданіе. Такъ точно Онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси* (Іоан. xiv, 6); и еще: *никто же можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. vi, 44); и: *аще не будетъ дано ему съ небесе* (Іоан. iii, 27). Итакъ, или это выражаетъ, или то, что умовеніе ногъ нисколько не могло унижить, такъ какъ Онъ пришелъ отъ Бога и идетъ къ Богу, и все содержитъ. А когда ты слышишь: преданіе, то не предполагай ничего человѣческаго. Этимъ показывается только уваженіе къ Отцу и единомысліе съ Нимъ,—потому что, какъ Отецъ предаетъ Ему, такъ и Онъ предаетъ Отцу, какъ это и показываетъ Павелъ, когда говоритъ: *егда предастъ царство Богу и Отцу* (1 Кор. xv, 24). Говоритъ здѣсь объ этомъ по-человѣчески, показывая Его великую заботливость объ ученикахъ и обнаруживая неизреченную любовь Его къ нимъ,—такъ какъ Онъ теперь уже заботился объ нихъ, какъ о своихъ, научая ихъ матери всѣхъ благъ—смиреномудрію, которое Онъ 388 называлъ началомъ и концомъ добродѣтели. И не безъ причины присовокуплены слова: *отъ Бога изиде и къ Богу грядетъ*, но чтобы знали мы, что Онъ поступалъ достойно Того, кто пришелъ оттуда и туда идетъ,—поправъ всякую гордость. И *всталъ отъ вечери и положилъ ризы* (Іоан. xiii, 4).

2. Смотри, какъ не умовеніемъ только Христосъ показываетъ Свое смиреніе, но и другими дѣйствіями. Не прежде возлежанія Онъ всталъ, а тогда, когда уже всѣ возлегли. Затѣмъ не просто умываетъ, но сначала сложилъ съ Себя одежду. Но и

на этомъ не остановился, а еще опоясался полотенцемъ; да и этимъ не удовольствовался, но Самъ же влилъ воду, а не другому велѣлъ наполнить ее. Такъ все это Онъ дѣлаетъ Самъ, чтобы показать тѣмъ, что, когда мы дѣлаемъ добро, то должны дѣлать его не съ небрежностью, но со всѣмъ усердіемъ. И мнѣ кажется, что Своему предателю Онъ умылъ ноги первому,—такъ какъ (евангелистъ) сказавъ: *и начатъ умывати ноги ученикомъ* (ст. 5), затѣмъ продолжаетъ: *принде же къ Симону Петру, и глагола ему той: Ты ли мои умыши нозѣ* (ст. 6)?—То есть, тѣми ли самыми руками, которыми Ты отверзалъ очи, очищалъ прокаженныхъ и воскрешалъ мертвыхъ? Подлинно, уже и это выражаетъ собою весьма много,—почему Петру и не было надобности сказать что-нибудь больше, чѣмъ: *Ты ли?* Въ этомъ одномъ уже высказывалось все. Но справедливо можетъ кто-нибудь спросить: почему никто другой не воспрепятствовалъ Ему (умыть ноги), а только одинъ Петръ, что служить свидѣтельствомъ не малой любви и уваженія? Какая же этому причина? Мнѣ кажется, что Христосъ прежде умылъ ноги предателю, а потомъ приступилъ къ Петру, и что другіе были уже вразумлены примѣромъ Петра. А что дѣйствительно Онъ умылъ кого-то другого прежде Петра, это видно изъ словъ: когда же пришелъ къ Петру. Впрочемъ, евангелистъ не говоритъ прямо, но словомъ: *начатъ* намекаетъ на это. И хотя первымъ былъ Петръ, но, вѣроятно, предатель, по своей наглости, возлежалъ даже выше верховнаго (апостола). Его наглость выказывается и въ другихъ случаяхъ—напримѣръ, когда онъ погружаетъ вмѣстѣ съ Учителемъ (руку въ солило), и когда, не смотря на обличенія, не чувствуетъ угрызенія совѣсти. Петръ, однажды подвергшись упреку еще прежде, и упреку за слова, которыя онъ сказалъ отъ любви, такъ смирился, что даже и тогда, какъ былъ въ томленіи и трепетѣ, обратился къ другому, чтобы тотъ спросилъ; а этотъ (Иуда), не смотря на частыя обличенія, не приходилъ въ чувство. Итакъ, когда подошелъ къ Петру, *глагола ему той: Господи, ты ли умыши мои нозѣ?* (Христосъ) говоритъ ему: *еже азъ творю, ты не отси нинѣ, разумѣши же по сизѣ* (ст. 6, 7), т. е. (послѣ узнаешь) какая отъ этого выгода какъ полезенъ этотъ урокъ, какъ это можетъ расположить насъ ко всякому смиренномудрію. Что же Петръ? Продолжаетъ противиться и говорить: *не умыши ногу мою во отки* (ст. 6). Что ты дѣлаешь, Петръ? Развѣ не помнишь прежнихъ словъ? Не ты ли сказалъ: *милосердѣ ты*, и слышалъ: *иди за мною, сатано* (Мате хvi, 22, 28? Ужели и это не вразумило тебя, и ты все еще горячишься? Да, говорить; но теперь совершается дѣло необыкновенное и поразительное. Послѣ же Петръ

поступалъ такъ по великой любви, то и Христось опять уловляетъ его тою любовію. Какъ тогда Онъ сильно укорилъ его, сказавъ: *соблазнъ Ми еси*, такъ и теперь говоритъ: *аще не умю тебе, не имаша части со Мною* (ст. 8). Что же этотъ пылкій и пламенный? *Господи*, говоритъ, *не нозъ мои токмо, но и руцѣ и главу* (ст. 9). Горячъ въ сопротивленіи, но еще горячѣе въ изъявленіи согласія; а то и другое — отъ любви. Но почему (Христось) не сказалъ, для чего Онъ это дѣлалъ, а употребилъ угрозу? Потому, 334 что Петръ не послушалъ бы. Если бы сказалъ: оставь, чрезъ это Я хочу научить васъ смиренію, — то Петръ тысячу разъ общалъ бы быть смиреннымъ, лишь бы только Владыка не дѣлалъ этого. А теперь что говоритъ? То, чего Петръ всего болѣе боялся и страшился, — именно, чтобы не быть отлученнымъ отъ Него. Вѣдь это онъ часто спрашивалъ: *камо идиши*, и по этому-то поводу говорилъ: *душу мою положу за Тя* (Іоан. хш, 36—37). Если онъ не уступилъ и тогда, какъ услышалъ: ты не знаешь теперь, что Я дѣлаю, а узнаешь послѣ, — то тѣмъ болѣе, если бы узналъ. Поэтому-то и сказалъ: *разумѣши же по снѣзѣ*, — зная что, если бы онъ уразумѣлъ это теперь, то продолжалъ бы противиться. Да Петръ и не сказалъ: объясни мнѣ, и я не буду противиться; но — что было знакомъ еще большей горячности — онъ даже не хотѣлъ знать этого, а опять настаиваетъ на своемъ, говоря: *не умыши ногу мою*. Когда же (Христось) употребилъ угрозу, — онъ тотчасъ утихъ. Но что значитъ: *уразумѣши по снѣзѣ*? Когда именно по снѣзѣ? Тогда, говоритъ, когда именемъ Моимъ будешь изгонять бѣсовъ, когда увидишь Мое вознесеніе на небо, когда узнаешь отъ Духа, что Я возсѣдаю одесную Отца, — тогда поймешь то, что теперь совершается. Что же Христось? Когда Петръ сказалъ: *Господи, не нозъ мои токмо, но и руцѣ и главу*, — (Христось) говоритъ: *изможенный не требуетъ, токмо нозъ умыти, естъ бо весь чистъ. И ты чисти еси, но не вси. Видяще бо предающую Его* (ст. 9—11). Но если они чисты, — для чего умываешь имъ ноги? Для того, чтобы мы научились скромности. Поэтому-то Онъ обратился не къ другой какой-нибудь части тѣла, а именно къ той, которая менѣе всѣхъ другихъ цѣнится. Что значитъ: *изможенный*? Тоже, что чистый. А развѣ они были чисты? Вѣдь они еще не были освобождены отъ грѣховъ и не удостоились получить Св. Духа, такъ какъ грѣхъ еще владычествовалъ, клятвенное рукописаніе еще существовало и жертва еще не была принесена? Почему же Онъ называетъ ихъ чистыми? Чтобы ты не подумалъ, будто они въ томъ отношеніи чисты, что уже освобождены отъ грѣховъ, Онъ присовокупилъ: *ты чисти еси за слово, сже рѣкъ вама* (Іоан. хш, 10), — т. е., вы пока чисты только съ этой стороны; вы уже

приняли свѣтъ; вы уже освободились отъ іудейскихъ заблужденій. Такъ и пророкъ говоритъ: *измийтеся и чисти будите, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ* (Ис. 1, 16). Значить, такой уже омылся и чистъ. А такъ какъ апостолы отвергли отъ души своей всякое лукавство и обращались со Христомъ съ чистою совѣстію, то Онъ и говоритъ, сообразно съ словами пророка, что *измовенный уже чистъ*. Подъ измовеніемъ Онъ разумѣетъ здѣсь не іудейское омовеніе водою, но очищеніе совѣсти.

8. Итакъ, будемъ и мы чисты; научимся дѣлать добро. Но что такое добро? *Судите сирѣ и оправдате вдовицу, и приндите, и истязимся, малолетъ Господь* (Ис. 1, 17). Въ Писаніи часто говорится такимъ образомъ о вдовахъ и сиротахъ; а мы о томъ и не думаемъ. Между тѣмъ, представь, какая награда! *Аще будутъ грѣси ваши, сказано, яко баззяное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червленное, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18). Вдовицы беззащитны, а 885 потому (Господь) много о нихъ и заботится. Онъ, конечно, могли бы вступить и во второй бракъ, но изъ страха Божія онъ переносятъ скорби вдовства. Подадимъ же имъ руку помощи всѣ мы, и мужи и жены, чтобы и намъ самимъ когда-нибудь не подвергнуться тяжелой участи вдовства, или, если подвергнемся ей,—имѣть полное право ожидать и себѣ челоувѣколюбія. Не малую имѣютъ силу слезы вдовицы; онъ могутъ отверзть самое 886 небо. Не будемъ же обижать ихъ, не станемъ увеличивать ихъ несчастія, но будемъ оказывать имъ всевозможную помощь. Если будемъ поступать такимъ образомъ, то доставимъ себѣ совершенную безопасность и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ. Не только здѣсь, но и тамъ онъ послужать для насъ защитою; за оказанныя имъ благодѣянія онъ избавятъ насъ отъ большей части нашихъ грѣховъ и дадутъ намъ возможность съ дерзновеніемъ предстать предъ судилищемъ Христовымъ, чего да сподобимся всѣ мы по благодати и челоувѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА LXXI.

Пріять ризы Своя и, возлегъ паки, рече имъ: вѣсте ли, что сотворихъ вамъ? и пр. (Іоан. хіп, 12).

885 1. Опасно, возлюбленные. опасно впасть въ глубину золь. Тогда уже трудно бываетъ душѣ исправиться. Поэтому нужно всячески стараться—не быть уловленнымъ вначалѣ, потому что легче не вдаться (въ зло), чѣмъ, вдавшись, исправиться. Посмотри на Іуду: когда онъ ввергъ себя (въ зло), то сколько ни

получаетъ помощи,—все не возстаётъ. Сказаль (Христось), обращаясь къ нему: *единъ отъ васъ діаволь есть*; сказаль: не всѣ отъ-
 руютъ (Іоан. vi, 70, 64); сказаль: *не о всѣхъ васъ маюлю*, и: *Азъ
 отъма, иже избрахъ* (хш, 18),—но онъ ничего этого не чувствуетъ.
*Егда же умы ноги, и пріялъ ризы Свои, и возлежъ, рече: отсте ли что
 сотворихъ вамъ?* Это говорить, обращаясь уже не къ одному Петру,
 но и ко всѣмъ. *Вы мачаете Мя*: Господь и Учитель; *и добръ ма-
 юлете, есмь бо* (хш, 12, 13). *Вы мачаете Мя*,—ссылается на
 ихъ сужденіе. Потомъ, чтобы не показалось, что это слова
 ихъ пріяни, присовокупляетъ: *есмь бо*. Такимъ образомъ, при-
 ведя ихъ собственныя слова, Онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ не
 тягостными; а подтвердивъ приведенныя слова Своимъ (словомъ),
 отстраняетъ отъ нихъ всякое подозрѣніе. *Есмь бо*, говорить. Ви-
 дишь ли, какъ, бесѣдуя съ учениками, Онъ гораздо открытѣе
 говорить о самомъ Себѣ? Какъ сказаль Онъ: не называйте учи-
 теля на землѣ, *единъ бо есть вашъ учитель*, такъ же сказаль: *и
 отца не зовите на землѣ* (Матѣ. хш, 8). А выраженіе: *единъ* и: *единъ*
 сказано не объ Отцѣ только, но и о Немъ. Если бы Онъ говорилъ,
 не разумѣя здѣсь и Себя, то какъ могъ бы сказать: *да сѣмове
 сѣмѣе* (Іоан. хп, 36)? И опять: если бы называлъ учителемъ
 одного Отца, то какъ же говорить: *есмь бо*, и еще: *единъ есть на-
 ставникъ вашъ, Христось* (Матѣ. хш, 10)?

*Аще убо Азъ, Господь и Учитель, умыхъ ваши нозѣ, и вы должны
 есте другъ другу умывать: образъ бо сей дахъ вамъ, да якоже Азъ со-
 творихъ, тако и вы творите* (Іоан. хш, 14, 15). Но вѣдь это не
 одво и тоже, потому что Онъ — Учитель и Господь, а вы между
 собою—сорабы. Что же значить: *такое*? Съ такимъ же усердіемъ.
 Для того Онъ и беретъ примѣры отъ большаго, чтобы мы дѣлали
 хоть меньшее. Такъ и учителя пишутъ для дѣтей весьма кра-
 сивыя буквы, чтобы они, хотя несовершенно, подражали имъ.
 Чтоже теперь—презирающе своихъ собратій? Что теперь—тре-
 бующе почестей? Христось умылъ ноги предателю, святотатцу и
 хищнику и въ самое время предательства, не смотря на нера-
 скаянность, сдѣлалъ его общникомъ трапезы; а ты гордишься и 386
 надмеваешься? Такъ значить, скажешь, мы должны умывать
 ноги другъ другу, слѣдовательно и рабамъ? А что же особеннаго,
 если и рабамъ? Здѣсь рабъ и свободный различаются только по
 имени, а тамъ—по существу дѣла. Христось по естеству Господь,
 а мы рабы; однакожь, Онъ не отказался и это сдѣлать. Но те-
 перь приходится довольствоваться, если и съ свободными мы не
 поступаемъ, какъ съ рабами и купленными невольниками. И что
 мы тогда скажемъ,—мы и имѣющіе образцы такого долготерпѣнія,
 нисколько не подражающіе имъ, а поступающіе совершенно на-

противъ—безъ мѣры превозносящіеся и не воздающіе должнаго? Вѣдь Богъ, самъ сначала совершивъ это (умывъ ноги), сдѣлалъ насъ должниками другъ другу, хотя мы обязаны воздавать другъ другу и меньше (того, что Онъ сдѣлалъ), такъ какъ Онъ—Господь, а мы, если будемъ дѣлать это, будемъ дѣлать для подобныхъ намъ рабовъ. На это самое и Онъ указалъ словами: *аще убо Азъ, Господь и учитель, и еще: тако и вы*. Слѣдовало бы сказать: тѣмъ болѣе вы—рабы; но Онъ предоставилъ это совѣсти слушателей. Но почему же Онъ сдѣлалъ это теперь? Потому что (ученики) скоро уже должны бы и сподобиться чести, оди—большей, другіе—меньшей.

2. Поэтому, чтобы они не возносились другъ надъ другомъ и не говорили, какъ прежде: *кто есть болій*, и не негодовали другъ на друга, Онъ у всѣхъ ихъ отнимаетъ высокомеріе, говоря: хотя бы ты былъ и очень великъ, ты не долженъ нисколько возноситься надъ братомъ. И не сказалъ того, что важнѣе, именно: „если Я умылъ ноги предателю, то что великаго въ томъ, если вы (будете умыть ноги) другъ другу“; но, показавъ это на самомъ дѣлѣ, предоставилъ судить о томъ зрителямъ. Поэтому Онъ говорилъ: *иже аще сотворитъ и научитъ, сей велиій наречется* (Матѳ. v, 19), потому что учить по настоящему—это значить исполнять самымъ дѣломъ. Такое ученіе какой не истребитъ надменности? Какой не уничтожитъ гордости и высокомерія? Сѣдящій на херувимахъ умылъ ноги предателю; а ты, человѣкъ—земля и пепелъ, персть и прахъ—превозносишься и высокоумудрствуешь? И какой же будешь достоинъ ты геенны? Если ты дѣйствительно желаешь имѣть чувства высокія,—приди, я покажу тебѣ путь, потому что ты даже не знаешь, что это значить. Кто прилѣпляется къ настоящему, какъ къ чему-то великому, у того душа низкая. Поэтому и смиренномудріе можетъ быть только при величіи души, и надменность—только отъ низости души. Какъ малыя дѣти пристрастны бываютъ къ ничтожнымъ вещамъ, къ мячикамъ, обручамъ и костямъ, а о великомъ не могутъ имѣть и понятія, такъ точно и здѣсь, кто любомудрствуетъ, тотъ будетъ считать за ничто блага настоящія (и потому ни самъ не захочетъ имѣть ихъ, ни у другого не возьметъ ихъ), а кто не любомудрствуетъ, тотъ будетъ думать иначе, будетъ пристрастенъ къ паутинѣ, къ тѣни, къ соннымъ мечтамъ и къ тому, что еще ничтожнѣе этого. *Аминь, аминь глаголю вамъ: иже съестъ, блаженъ естъ, аще творитъ я. Не о естѣ васъ глаголю, но о писаніи сбудетъ: ядый со Мною хлѣбъ, воздежася на Мя плету свою* (Іоан. хш, 18—18). Что сказалъ прежде, то и теперь говорю, для увѣщанія

ихъ. Если рабъ не больше господина своего, и посланникъ не больше пославшаго его, а Мною это сдѣлано, то тѣмъ болѣе вамъ должно дѣлать это. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: для чего Ты это говоришь? Развѣ мы не знаемъ этого?—присовокупилъ слѣдующее: Я говорю вамъ не потому, будто вы не знаете, но для того, чтобы вы осуществляли на самомъ дѣлѣ Мои слова. Знать могутъ всѣ, а дѣлать—не всѣ. Потому Онъ и сказалъ: *блаженни есте, аще творите я*. Потому же именно и я непрестанно повторяю вамъ объ этомъ, хотя вы и знаете,—чтобы расположить васъ къ дѣламъ. Вѣдь и иудеи знаютъ, но они не блаженны, потому что не исполняютъ того, что знаютъ. *Не о всѣхъ*, говорить, *васъ малою*. О, долготерпѣніе! Еще не открываетъ предателя, а напротивъ прикрываетъ его дѣло, подавая тѣмъ ему случай къ покаянію. И открываетъ, и не открываетъ, говоря такимъ образомъ: *ядый со Мною хлѣбъ, воздвиже на Мя плиту*. Мнѣ кажется, что слова: *тотъ рабъ болѣе Господа своего* сказаны и для того, чтобы тѣ, которымъ случится потерпѣть зло отъ рабовъ или отъ какихъ-нибудь ничтожныхъ людей, не соблазнялись, взирая на примѣръ Іуды, который, получивъ безчисленные благодѣянія, заплатилъ зломъ Благодарителю. Поэтому и присовокупилъ: *ядый со Мною хлѣбъ*, и, оставивъ все прочее, сказалъ о томъ, что по преимуществу могло его удержать и пристыдить: тотъ, говорить, кого Я питаю, кого Я сдѣлалъ участникомъ Своей трапезы. Это Онъ говорилъ, научая благодѣтельствовать людямъ, дѣлающимъ намъ зло, даже и тогда, какъ они неисправимы. А такъ какъ Онъ сказалъ: *не о всѣхъ васъ малою*, то, чтобы не навесить страха на многихъ, Онъ отдѣляетъ наконецъ Іуду, говоря такъ: *ядый со Мною хлѣбъ*. Выраженіе: *не о всѣхъ* не указываетъ непременно на одного; поэтому Онъ присовокупилъ: *ядый со Мною хлѣбъ*, показывая этому несчастному, что Онъ подвергается его нападению не по невѣдѣнію, но совершенно зная,—а это опять больше всего могло удержать его. И не сказалъ: предать Меня, но: *воздвиже на Мя плиту*, чтобы тѣмъ выразить коварство, лукавство и скрытность его замысла.

8. Все же это написано для того, чтобы мы не были забывчивы къ обидчикамъ, но вразумляли и оплакивали ихъ. Дѣйствительно, слезы достойны не тѣхъ, которые терпятъ обиду, но тѣхъ, которые причиняютъ ее. Лихоимецъ, клеветникъ и всякій, дѣлающій какое-либо другое зло, вредятъ гораздо больше самимъ себѣ; а намъ приносятъ величайшую пользу, если мы не мстимъ за себя. Положимъ, на примѣръ, такой-то ограбилъ, а ты за обиду возблагодарилъ и прославилъ Бога. Черезъ это благодареніе ты приобрѣлъ себѣ безчисленные награды, равно какъ тотъ приго-

товилъ себѣ неизрѣченный огонь. Если же кто скажетъ: чтожь, если я не могъ отомстить обидѣвшему меня, потому что я слабѣе его?—то я отвѣчу вотъ что: ты могъ сердиться и гнѣваться, потому что это въ нашей власти, желать зла опечалившему, тысячекратно проклинать его и всюду безславить. Слѣдовательно, кто этого не сдѣлалъ, тотъ получить награду и за то, что не мстилъ, такъ какъ, очевидно, онъ не сталъ бы мстить и въ томъ случаѣ, если бы могъ это сдѣлать. Вѣдь обиженный, если онъ малодушенъ, пользуется всякимъ оружіемъ—мститъ обидѣвшему проклятіями, ругательствами, навѣтами. Итакъ, ты не только не дѣлай этого, но и молись за него; а если ты не только не сдѣлаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобенъ Богу. *Молитесь, сказано, за творящихъ вамъ напасть, яко да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесахъ* (Матѣ. v, 44). Видишь, какую великую пользу получаемъ мы отъ обидъ, причиняемыхъ намъ другими? Ничѣмъ такъ не улаживается Богъ, какъ тѣмъ, когда мы не воздаемъ зломъ за зло? Но что я говорю: когда не воздаемъ зломъ за зло? Вѣдь намъ заповѣдано воздавать противнымъ,—благодѣяніями, молитвами. Поэтому и Христосъ воздалъ хотѣвшему предать Его благодѣяніями, именно: умылъ ноги, обличалъ тайно, укорялъ съ кротостію, служилъ, удостоилъ его трапезы и цѣлованія, и хотя (Иуда) и отъ этого не сдѣлался лучше, однакожь Онъ не переставалъ дѣлать Свое. Но, если хочешь, я научу тебя и примѣромъ рабовъ, и въ особенности, рабовъ ветхозавѣтныхъ, чтобы ты видѣлъ, что мы не можемъ имѣть никакого извиненія, когда бываемъ злопамятны. Итакъ, хотите ли, я скажу вамъ о Моисеѣ? Или не вознести ли слово еще далѣе? Вѣдь чѣмъ древнѣе будутъ представлены примѣры, тѣмъ будутъ они убѣдительнѣе. Почему же такъ? Потому что тогда добродѣтель была труднѣе. Жившіе въ то время не имѣли ни письменныхъ наставленій, ни примѣровъ жизни; подвизалась одна только природа безъ всякой посторонней помощи и принуждена была всюду плавать безъ всякой опоры. Поэтому-то (Писаніе), похваляя Ноя, не просто назвало его совершеннымъ, но присовокупило: *отъ роду своего*, то есть, въ такое время, когда было много препятствій. Конечно, послѣ него прославились и другіе, однакожь онъ ничѣмъ не будетъ меньше ихъ,—потому что онъ былъ совершенъ въ свое время.

Кто же былъ долготерпѣливъ прежде Моисея? Блаженный и доблестный Іосифъ, который, прославившись цѣломудріемъ, не менѣе прославился долготерпѣніемъ. Его продали, между тѣмъ какъ онъ не сдѣлалъ никакой обиды, но служилъ, работалъ и исполнялъ все, свойственное рабамъ. На него возвели

злую хулу, но онъ не мстиль, хотя имѣль и отца на своей сторонѣ; напротивъ, онъ даже понесъ братьямъ пищу въ пустыню и, когда не нашель ихъ, не отчаялся и не возвратился назадъ, хотя и имѣль къ тому случай, если бы хотѣль, но всегда сохраняль истинно братское расположеніе къ этимъ свирѣпымъ и жестокимъ людямъ. Опять, когда онъ сидѣль въ темницѣ и былъ спрошенъ о причинѣ, онъ не сказалъ о нихъ ничего худого, а только: *ничто сотворихъ, и: татьбою украдѣхъ изъ земли сирейскія* (Быт. хі, 15). И послѣ этого, когда снова получилъ власть, онъ и питаль ихъ, и избавиль отъ безчисленныхъ золъ. Такъ-то, когда мы бодрствуемъ надъ собою, злоба ближняго не можетъ отвратить насъ отъ добродѣтели. Но не таковы были его братья. Они сняли съ него одежду и хотѣли убить его, и поносили его за сновидѣніе. Онъ принесъ имъ пищу, а они замышляли лишить его свободы и жизни. Сами ѣли, а брата, бросивъ нагого въ ровъ, презирали. Что можетъ быть хуже такого звѣрства? Какихъ убійцъ не были они безчеловѣчнѣе? А потомъ, извлеки изъ рва, они предали его тысячѣ смертей,—продали людямъ иноплеменнымъ и дикимъ, отправлявшимся къ варварамъ. Но онъ, сдѣлавшись царемъ, не только не мстиль имъ, но освободиль ихъ, сколько было въ его власти, и отъ грѣха, назвавъ все случившееся дѣломъ Промысла Божія, а не ихъ злобы. И все, что онъ ни сдѣлаль съ ними, сдѣлаль не съ тѣмъ, чтобы отомстить за обиду, но притворно, ради брата. Оттого-то, когда увидѣль впоследствии, что они не отпускають отъ себя его брата,—тотчасъ сбросиль съ себя личину, сталъ громко рыдать и обнимать ихъ, какъ будто бы они, прежде погубившіе его, оказали ему величайшее благодѣяніе; перевелъ ихъ всѣхъ въ Египетъ и осыпаль безчисленными благодѣяніями. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, когда послѣ закона и благодати, послѣ такого умноженія любомудрія, не подражаемъ и тому, кто жилъ до благодати и закона? Кто избавить насъ отъ наказанія? Нѣтъ, истинно нѣтъ ничего хуже злопамятства. Это же показаль и должникъ десяти тысячъ талантовъ. Сначала ему долгъ былъ прощенъ, а потомъ снова потребованъ: прощенъ—по челоуѣколюбію Божію, а вновь потребованъ—за его жестокость и злопамятство къ своему клевету (Матѣ. хviii, 24—38). Зная все это, будемъ прощать грѣхи нашимъ ближнимъ и воздавать имъ добромъ, чтобы и отъ Бога получить милость, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXII.

Аминь, аминь глаголю вамъ: пріемляй, аще кого послю, Мене пріемлетъ, и пріемляй Мене, пріемлетъ пославшаго Мя (Іоан. хш, 20).

389 1. Великое воздаяніе за услуги, оказываемыя рабамъ Божиимъ, и плоды отъ нихъ мы получаемъ еще въ настоящей жизни. *Пріемляй* васъ, говоритъ Христосъ, *Мене пріемлетъ; а пріемляй Мене, пріемлетъ посланнаго Мя*. А что можетъ сравниться съ принятіемъ Христа и Его Отца? Но какую это имѣть связь съ тѣмъ, что сказано прежде? Что общаго между словами: *аще творите я, блаженн есте*, и слѣдующими затѣмъ: *пріемляй* васъ? Связь тѣсная и весьма близкая. И смотри, какая именно. Такъ какъ (апостолы) должны были выступить (на проповѣдь) и потерпѣть великія бѣдствія, то Христосъ утѣшаетъ ихъ двумя способами: во-первыхъ, чрезъ самого Себя, а во-вторыхъ, чрезъ другихъ. Если, говоритъ, вы будете любомудрствовать, имѣя всегда въ памяти Меня и представляя все, что Я потерпѣлъ и что сдѣлалъ, то легко перенесете бѣдствія. Но не этимъ только (утѣшаетъ ихъ), но и тѣмъ, что они будутъ пользоваться великими услугами отъ всѣхъ. На первое Онъ указать, сказавъ: *аще творите я, блаженн есте*; а на другое—словами: *пріемляй* васъ, *Мене пріемлетъ*. Онъ отверзъ для нихъ дома всѣхъ, такъ что они имѣли двойное утѣшеніе—и въ своемъ любомудріи, и въ усердіи служащихъ имъ. Потомъ завѣщаяъ это имъ, какъ лицамъ, имѣющимъ обойти всю вселенную, и помысливъ, что предатель лишился и того и другого, и ничѣмъ этимъ не воспользуется, то есть, ни терпѣніемъ среди трудовъ, ни услугами людей, которые будутъ принимать, Онъ опять возмущился духомъ. Евангелистъ, означая это и показывая, что Онъ поэтому именно возмущился, присовокупляетъ: *сія рече Иисусъ, возмущися духомъ и свидѣтельствова и рече: единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. хш, 21). Опять на всѣхъ наводитъ страхъ, не назвавъ по имени. Хотя (апостолы) и не создавали за собою ничего худого, но приходятъ въ недоумѣніе, потому что болѣе вѣрили словамъ Христа, нежели собственнымъ своимъ помысламъ. Поэтому они и смотрѣли другъ на друга. Такимъ образомъ, приписавъ все дѣло одному, Христосъ тѣмъ уменьшилъ страхъ; а присовокупивъ: *единъ отъ васъ*, привелъ всѣхъ въ смущеніе. И что же? Всѣ прочіе смотрятъ другъ на друга, а всегда пламенный Петръ подаетъ знакъ Іоанпу. Такъ какъ онъ уже прежде подвергся упреку и, когда (Христосъ)

хотѣлъ умытъ ему ноги, не дозволялъ, да и вездѣ, не смотря на то, что дѣйствовалъ по влеченію любви, подвергался порицанію, то теперъ, опасаясь (новаго упрека), онъ не сталъ ни молчать, ни говорить, но чрезъ Іоанпа хочеть узнать.

Здѣсь прилично спросить: отчего въ то время, когда всѣ были въ томленіи и трепетѣ, когда верховный (апостолъ) боялся, — Іоанпъ, какъ бы въ радости, возлежитъ на лонѣ Іисусовомъ, и не только возлежитъ, но и припадаетъ къ персямъ? И не это только достойно изслѣдованія, но и слѣдующее. Что же именно? То, что онъ говоритъ о себѣ: *якоже любяще Іисусъ*. Въ самомъ дѣлѣ, почему никто другой не сказалъ этого о себѣ? Вѣдь и другіе были любимы? Но Іоанпъ больше другихъ. Если же не другой кто сказалъ это о немъ, но онъ самъ о себѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Такъ поступасть по требованію обстоятельствъ и Павелъ, когда говоритъ: *этѣмъ челоуѣку прежде мѣтъ четиринадесѣти* (2 Кор. хп, 2); да не мало онъ приписалъ себѣ и другихъ похвалъ. И ужели маловажнымъ тебѣ кажется то, что какъ только услышалъ: *глаголю по Мнѣ* (Матѣ. iv, 18 — 20), тотчасъ же, оставивъ мрежи и отца, послѣдовалъ, что онъ одинъ съ Петромъ ваять былъ на гору, и опять, при другомъ случаѣ, вошелъ въ домъ (архіерея)? Притомъ, сколько онъ же восхвалялъ Петра! Онъ не скрылъ, что Христосъ сказалъ ему: *Петръ, любиши ли Мя паче снѣхъ* (Іоан. ххi, 15)? И вездѣ онъ выказываетъ Петра пламеннымъ и искренно расположеннымъ къ себѣ. Такъ, когда (Петръ) сказалъ: *сей же что* (Іоан. ххi, 21), то сказалъ это отъ великой любви. Вотъ почему никто другой не сказалъ такъ о себѣ; да и онъ не сказалъ бы, если бы ему не пришлось говорить объ этомъ обстоятельствѣ. Если бы онъ, сказавши, что Петръ далъ знакъ Іоанну спросить, ничего больше не присовокупилъ, то привелъ бы насъ въ большое недоумѣніе, и заставилъ бы искать причину (поступка Петра). Потому-то, чтобы отстранить это недоумѣніе, онъ самъ говоритъ: *бѣ возлеже на лонѣ Іисусовѣ*. А ужели, по твоему мнѣнію, ты мало узналъ, услышавъ, что онъ возлежалъ и что Учитель дозволилъ ему такое дерзновеніе? Если же ты желаешь знать и причину этого, то это сдѣлано было по любви. Потому-то онъ и говоритъ: *якоже любяще Іисусъ*. А я думаю, что онъ сдѣлалъ это и съ другою цѣлію, именно — желая показать, что онъ былъ чуждъ обвиненія въ предательствѣ. Оттого-то онъ безбоязненно говоритъ и дѣйствуетъ. Иначе, почему онъ сказалъ это не въ другое время, а именно тогда, когда верховный подалъ ему знакъ? Такъ, чтобы ты не подумалъ, что подалъ ему знакъ, какъ старшему, — онъ говоритъ, что это сдѣлано было по великой любви. Для чего же онъ припадаетъ и къ персямъ? (Уче-

ники) не думали еще о Христѣ ничего великаго, а притомъ (Іоаннъ) чрезъ это облегчалъ и печаль свою. Естественно, что 301 тогда и лица ихъ были печальны; вѣдь, если они были смущены въ своей душѣ, то тѣмъ болѣе это смущеніе (видно было) на ихъ лицахъ. Потому-то, утѣшая ихъ и словами и вопросами, (Исусъ) допускаетъ и позволяетъ припадать къ Своимъ персямъ. Замѣть же и то, какъ Іоаннъ чуждъ хвастовства. Онъ не называлъ себя по имени, но сказалъ: *ежеже любляше*, подобно тому, какъ и Павелъ говорилъ: *отъ человека прежде лѣтъ четырнадцати*. При этомъ случаѣ Исусъ въ первый разъ обличаетъ предателя, но и теперь — не называя его по имени, а какъ? *Ему же Азъ омочилъ хлѣбъ подамъ*. И самый этотъ образъ обличенія могъ тронуть его, если уже онъ не устыдился и трапезы, вкушая отъ одного хлѣба. Въ самомъ дѣлѣ, пусть общеніе въ трапезѣ не тронуло его; но кого бы не привлекло и то, что онъ принялъ отъ Христа хлѣба? Но его не привлекло. Потому-то и *виде* тогда *сатана* *въ* *онъ*, посмѣявшись надъ его безстыдствомъ. Пока онъ былъ въ ликѣ (апостоловъ), сатана не смѣлъ войти въ него, но извнѣ нападалъ на него; а когда (Христосъ) обнаружилъ его и отлучилъ, тогда уже безбоязненно вошелъ въ него. Такъ какъ онъ былъ столько развращенъ и неисправимъ, то его не слѣдовало долго держать въ ликѣ. Потому-то Христосъ наконецъ и извергъ его; а когда онъ былъ изверженъ, тогда овладѣлъ имъ сатана и онъ, оставивъ собраніе, вышелъ ночью. *Глагола убо ему Исусъ: друже, еже теориши, сотвори скоро. И, никтоже разумъ отъ возлежащихъ* (ст. 27, 28).

2. О, какая безчувственность! Какъ можно было не смячиться и не устыдиться! Но онъ вышелъ вонъ, сдѣлавшись еще болѣе безстыднымъ. Слова же: *сотвори скоро* не означаютъ ни повелѣнія, ни совѣта; напротивъ, ими (Христосъ) укоряетъ и показываетъ, что Онъ хотѣлъ бы, чтобы (предатель) исправился, и что Онъ оставляетъ его только потому, что онъ былъ неисправимъ. И *сею*, говорится, *никтоже разумъ отъ возлежащихъ*. Здѣсь можетъ кто-либо придти въ недоумѣніе касательно того, отчего ученики и послѣ того, какъ спросили: *кто есть*, и получили въ отвѣтъ: *ему же Азъ омочилъ хлѣбъ подамъ*, — и послѣ того не узнали (предателя)? Вѣроятно, Христосъ сказалъ тихо, такъ, что никто не слышалъ. Потому-то, конечно, и Іоаннъ, припавъ къ персямъ Его, спрашивалъ почти на ухо, чтобы не сдѣлать явнымъ предателя, и Христосъ отвѣчалъ такимъ же образомъ, такъ что и теперь не сдѣлалъ его явнымъ. И хотя Онъ съ выразительностію сказалъ: *друже, еже теориши, сотвори скоро*, однакожъ апостолы, не смотря и на это, не поняли. Этими словами Онъ показывалъ, что все, сказанное Имъ іудеямъ о смерти, было

истинно. А іудеямъ Онъ говорилъ: *область имамъ положить душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю: и никтоже возметъ ю отъ Мене* (Іоан. х, 18). И дѣйствительно, доколѣ Онъ не позволялъ ваять, никто не въ силахъ былъ; а когда позволилъ, тогда это стало дѣломъ легкимъ. Намекая на все это, Онъ и сказалъ: *еже творихи, сотвори скоро*. Но и тогда еще Онъ не сдѣлалъ предателя извѣстнымъ. Могло стать, что онъ былъ бы растерзанъ и убитъ. Поэтому-то *никтоже разумъ отъ возлежащихъ*. Ужели и Іоаннъ? Да, и Іоаннъ,—потому что онъ не предполагалъ, чтобы ученикъ могъ дойти до столь великаго беззаконія. Будучи сами далеки отъ такого злодѣйства, (апостолы) не могли подозрѣвать и въ другихъ ничего подобнаго. Итакъ, какъ прежде сказали имъ: *не в оскѣ млатю*, и нигдѣ не открылъ (предателя), такъ и теперь они подумали, что Онъ говоритъ о постороннемъ. *Бъ же, говоритъ, ночь, егда изиде* (ст 30). Для чего ты говоришь мнѣ о времени? Для того, чтобы ты позналъ безстыдство (предателя), такъ какъ время не удержало его отъ исполненія предпріятія. Однакожъ и это не сдѣлало его явнымъ. Въ то время апостолы, будучи одержимы страхомъ и большимъ безпокойствомъ, находились въ смущеніи и не поняли истиннаго смысла словъ Христовыхъ. Они думали, что (Христосъ) сказалъ: *нищимъ да ничто дастъ* (ст. 29), такъ какъ Онъ много заботился о нищихъ, научая и насъ имѣть о нихъ великое попеченіе. И думали они такъ не безъ причины, а потому, что (Іуда) имѣлъ у себя ковчежець. Впрочемъ не видно, чтобы кто-нибудь приносилъ Христу деньги. Что ученики питали Его отъ своихъ имуществъ, объ этомъ сказано, а на то нигдѣ не сдѣлано намека. 392

Какимъ же образомъ Тотъ, Кто повелѣвалъ не носить ни дорожной сумы, ни мѣди, ни жезла, носить ковчежець для служенія нищимъ? Это для того, чтобы ты зналъ, что и чело-вѣку крайне бѣдному и распявшему плоть свою нужно имѣть объ этомъ великую заботу. Вѣдь (Христосъ) многое дѣлалъ для нашего наставленія. Такимъ образомъ ученики подумали, что Онъ это и говорить, то есть, чтобы Іуда далъ что-нибудь нищимъ. Но (Іуду) не тронуло и то, что Онъ не хотѣлъ обличить его до самаго послѣдняго времени. Такъ должны поступать и мы,—не обнаруживать грѣховъ людей, живущихъ съ нами, хотя бы они были неалѣчимы. Да и послѣ этого, когда Іуда пришелъ предать Его, далъ ему лобзаніе и соизволилъ на такое дѣло тогда, когда уже шелъ на подвигъ гораздо болѣе тяжкій, на крестъ и на поносную смерть; и при этомъ опять показавъ Свое челоуѣколюбіе. Здѣсь же Онъ называетъ Свою смерть даже славой, научая насъ, что нѣтъ ничего столь постыднаго и по-

носнаго, что бы не обратилось къ большей славѣ челоуѣка, если онъ подвергается тому ради Бога. Послѣ того, какъ Іуда вышелъ, чтобы предать Его, Онъ говорить: *нынѣ прославися Онъ челоуѣческій* (ст. 31). Этими Онъ ободряетъ поверженныя въ уныніе души учениковъ и убѣждаетъ не только не сѣтовать, но даже радоваться. По этой-то причинѣ Онъ и Петру еще прежде сдѣлалъ упрекъ. Быть преданнымъ смерти и побѣдить смерть—это, дѣйствительно, великая слава. Вотъ это и значать слова, которыя Онъ говорилъ о Себѣ: *сиди вознесенъ буду, тогда узнаете, яко Азъ есмь* (Іоан. хп, 42; ср. вш, 28), и опять: *разорите церковь сію* (Іоан. п, 19), и еще: *знаменіе не дастся вамъ, токмо знаменіе Іоны* (Лук. хі, 29). И не великая ли, въ самомъ дѣлѣ, слава въ томъ, что Онъ послѣ смерти явился болѣе могущественнымъ, чѣмъ прежде смерти? Ученики, чтобы увѣрить въ воскресеніи, совершили большія чудеса. А если бы Онъ не воскресъ и не былъ Богъ, то какъ бы они именемъ Его совершили такія дѣла? *И Богъ прославитъ Его* (Іоан. хш, 82). Что значить: и Богъ прославитъ Его о Себѣ? Значить: чрезъ самого Себя, а не чрезъ другого. *И абіе прославитъ Его*,—то есть, вмѣстѣ съ крестомъ. Не послѣ продолжительнаго времени, говорить; не будетъ ожидать отдаленнаго времени воскресенія и не тогда явить Его славнымъ; а тотчасъ же, на самомъ крестѣ обнаружится слава. И въ самомъ дѣлѣ, тогда солнце померкло, камни распались, завѣса раздралась, многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли; на гробѣ были печати, его окружала стража, надъ тѣломъ лежалъ камень,—и однаковъ тѣло воскресло. Прошло сорокъ дней, и сошелъ Духъ, и всѣ тотчасъ же стали проповѣдывать Его. Это-то и значить: *прославитъ Его о Себѣ, и абіе прославитъ Его*: не чрезъ ангеловъ и архангеловъ, и не чрезъ другую какую-либо силу, а чрезъ самого Себя.

3. Но какъ же Онъ прославилъ Его чрезъ самого Себя? Онъ все сдѣлалъ для славы Сына, хотя все совершилъ самъ Сынъ. Видишь ли, что (Христосъ) Свои дѣла относитъ къ Отцу?

393 Чадца, еще съ вами мало есмь: *взыщете Мене, и якоже рече Іудеомъ, яко аможе Азъ иду, вы не можете притти: и вамъ малою мѣстою* (Іоан. хvп, 33). Послѣ вечери Христосъ начинаетъ уже бесѣду печальную. Когда вышелъ Іуда, тогда былъ уже не вечеръ, а ночь. И такъ какъ скоро должны были придти, чтобы взять Его, то надлежало передать апостоламъ все, чтобы они имѣли это въ памяти. Впрочемъ, справедливѣе сказать, имъ напомнить все Духъ. Естественнo вѣдь, что они многое забыли, такъ какъ тогда въ первый разъ о томъ слышали и къ тому же должны были подвергнуться столь великимъ искушеніямъ. Они были

одолѣваемы сномъ, какъ и замѣчаетъ другой евангелистъ, и были одержимы печалію, какъ говорить и самъ Христосъ: *мо-
ло сіа плаюлазъ вамъ, скорби исполнить сердца ваша* (Іоан. хvi, 6); какъ же могли они хорошо удержать все это въ памяти? Такъ для чего же имъ было говорено? Не мало способствовало въ ихъ мѣнѣнїи къ славѣ Христовой то, что они, ясно узнавъ объ этомъ въ послѣдствїи, припоминали, что еще прежде слышали о томъ отъ самого Христа. А для чего Онъ заранѣе повергаетъ ихъ души въ уныніе, говоря: *еще съ вами мало есмь*? Іудеямъ это сказано было по справедливости. Но для чего же Ты насъ ставишь наряду съ этими неблагодарными? Отнюдь нѣтъ. Для чего же сказалъ: *якоже рече Іудеомъ*? Этимъ Онъ напомнилъ, что предсказываетъ это не теперь только, когда бѣдствїя уже наступали, но предвидѣлъ это еще прежде; и этому свидѣтели они сами, такъ какъ они слышали, что Онъ говорилъ это и іудеямъ. Для того-то Онъ и присовокупилъ: *чадца*,—чтобы апостолы, услышавъ *якоже рече Іудеомъ*, не подумали, что и къ нимъ эти слова были сказаны точно также, какъ къ іудеямъ. Такимъ образомъ Онъ сказалъ это не для того, чтобы повергнуть ихъ въ уныніе, а чтобы ободрить ихъ, чтобы нечаянно пришедшія бѣдствїя не смутили ихъ. *А може Азъ иду, вы не можете приити*. Этимъ показываетъ, что Его смерть есть преставленіе и переходъ къ мѣсту, куда не допускаются тѣла, подверженныя тлѣнію. Говорить же это для того, чтобы и возбудить въ нихъ любовь къ Себѣ, и сдѣлать ее болѣе пламенною. Вѣдь вы знаете, что мы воспламеняемся особенною любовію къ друзьямъ своимъ тогда, когда видимъ, что они удаляются отъ насъ, и особенно, когда видимъ, что они удаляются въ такое мѣсто, куда намъ невозможно идти. Итакъ іудеямъ Онъ говорилъ это съ тѣмъ, чтобы ихъ утѣшить, а апостоламъ—чтобы возпламенить въ нихъ любовь. Мѣсто это таково, что не только они, но даже и вы, возлюбленнѣйшіе, не можете придти туда. Здѣсь же Онъ показываетъ и Свое достоинство. *И вамъ малою мѣсто*. Почему *мѣсто*? Иначе имъ; и иначе вамъ, то есть, не вмѣстѣ съ ними. Когда же искали Его іудеи, и когда ученики? Ученики послѣ того, какъ убѣждали, а іудеи тогда, какъ, по вятїи ихъ города и по пришествїи на нихъ отсюда гнѣва Божїя, подверглись ужаснымъ и неизобразимымъ бѣдствїямъ. Итакъ, іудеямъ Я говорилъ тогда—по причинѣ ихъ невѣрїя, а вамъ теперь, чтобы бѣдствїе не постигло васъ неожиданно. *Заповѣдь новую даю вамъ* (ст. 84). Такъ какъ они, слыша эти слова, естественно могли придти въ смущеніе, какъ люди, которые будутъ лишены всякой помощи, то Онъ утѣшаетъ ихъ, ограждая любовію—этимъ корнемъ и утвержденіемъ всѣхъ благъ.

Онъ какъ бы такъ говорилъ: вы скорбите о томъ, что Я отхожу? Но если вы будете любить другъ друга, то вы будете еще сильнѣе. Почему же Онъ не такъ сказалъ? Потому что сказалъ то, что было для нихъ гораздо полезнѣе: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученици есте*. Этими Онъ уже показаль вмѣстѣ и то, что ликъ ихъ не разрушится, какъ скоро Онъ дароваль имъ и отличный признакъ. Это Онъ сказалъ уже тогда, когда предатель былъ отдѣленъ отъ нихъ. Какъ же Онъ называетъ эту заповѣдь новою, когда она была и въ ветхомъ заветѣ? Онъ сдѣлалъ ее новою по самому образу; поэтому присовокупилъ: *якоже возлюбихъ вы*. Я, говоритъ, не долгъ вамъ отдать за предшествовавшія ваши заслуги, а Самъ началъ (любить васъ). Такъ и вы должны благотворить своимъ друзьямъ, хотя бы и ничѣмъ не были обязаны имъ. Такимъ образомъ, умалчивая о чудесахъ, которыя они имѣли совершить, Онъ отличительнымъ признакомъ ихъ поставляетъ любовь. Почему же такъ? Потому что она-то въ особенности означаетъ святыхъ людей, такъ какъ она есть основаніе всякой добродѣтели. Ею по преимуществу всѣ мы и спасаемся. Она - то, говоритъ, и означаетъ ученика. Тогда всѣ похвалятъ васъ, когда увидятъ, что вы подражаете моей любви.

4. Что же? Не гораздо ли лучше показываютъ это чудеса? Нѣтъ. *Мнози бо рекуть: Господи, не Твоимъ ли именемъ бѣси изгонимомъ* (Матѣ. vii, 22)? И опять, когда апостолы радовались, что имъ повинуются бѣсы, сказали: *не радуйтесь, яко дуси вамъ повинуются; но яко имена ваша написана суть на небесехъ* (Лук. x, 20). Правда, чудеса привели (ко Христу) вселенную, но это потому, что имъ предшествовала любовь. Если бы не было любви, не было бы и чудесъ. Она тотчасъ сдѣлала апостоловъ людьми добрыми и прекрасными, такъ что у всѣхъ было одно сердце и одна душа. А если бы они были несогласны между собою, то погибло бы все. Но не къ нимъ однимъ это сказано, а и ко всѣмъ имѣющимъ увѣровать въ Него. Вѣдь и теперь не другое что соблазняетъ язычниковъ, а именно то, что нѣтъ любви. Но они, скажешь, упрекаютъ насъ и въ томъ, что не бываетъ чудесъ? Да, но не столько. Въ чемъ же апостолы показали любовь? Видишь, что Петръ и Іоаннъ неразлучны другъ съ другомъ и вмѣстѣ входятъ въ храмъ? Видишь, что Павелъ также одушевленъ любовію къ нимъ,—и ужели еще сомнѣваешься? Если они стяжали другія добродѣтели, то тѣмъ болѣе имѣли любовь, которая есть мать добра: она произрастаетъ отъ души добродѣтельной, а гдѣ порокъ, тамъ увядаетъ это растеніе. Когда, сказано, умножится беззаконіе, *изскѣпится любовь многихъ* (Матѣ. xxiv, 12).

Да и язычниковъ не столько обращаютъ чудеса, сколько жизнь: жизни же ничто такъ не благоустрояетъ, какъ любовь. Тѣхъ, которые совершали знаменія, язычники часто называли и обманщиками; но чистой жизни они не могутъ укорить. Поэтому, доколѣ проповѣдь не была еще распространена,—чудеса по справедливости были предметомъ удивленія, а теперь нужно возбудить удивленіе жизнью. Дѣйствительно, ничто столько не соблазняетъ, какъ порокъ; да и справедливо. Вѣдь, когда язычникъ увидитъ, что тотъ, кому заповѣдано любить и враговъ, лихоимствуетъ, грабитъ, побуждаетъ къ враждѣ и обращается съ одноплеменниками, какъ съ дикими звѣрями,—онъ назоветъ наши слова пустыми бреднями. Когда увидитъ, что (христіанинъ) трепещетъ смерти,—какъ приметъ слова о безсмертіи? Когда увидитъ, что мы властолюбивы и раболѣпствуемъ другимъ страстямъ,—то еще больше будетъ приверженъ къ своему ученію, не думая о насъ ничего великаго. Мы, истинно мы, виновны въ томъ, что язычники остаются въ заблужденіи. Свое ученіе они давно уже осудили и на наше смотрятъ съ уваженіемъ; но жизнь наша ихъ удерживаетъ отъ обращенія. На словахъ поблудствовать легко,—многіе и изъ нихъ это дѣлали; но они требуютъ доказательства отъ дѣлъ. Пусть, скажешь, они подумаютъ о нашихъ древнихъ мужахъ? Но они совсѣмъ не вѣрятъ, а хотятъ видѣть людей, живущихъ теперь. Покажи намъ, говорятъ, вѣру отъ дѣлъ твоихъ; а дѣлъ нѣтъ. Напротивъ, они видятъ, что мы хуже звѣрей терзаемъ ближняго своего, и потому называютъ насъ язвою вселенной. Вотъ что удерживаетъ язычниковъ и не позволяетъ имъ присоединиться къ намъ. Поэтому мы будемъ наказаны и за нихъ,—не только за то, что творимъ зло, но и за то, что чрезъ насъ хулятся имя Божіе. Доколѣ мы будемъ привязаны къ богатству, роскоши и другимъ страстямъ? Отстанемъ наконецъ отъ нихъ. Послушай, что говоритъ пророкъ о нѣкоторыхъ безумцахъ: *да яви и нѣмъ, утрѣ бо умремъ* (Ис. xii, 13). О нынѣшнихъ же людяхъ и этого нельзя сказать. Теперь многіе присвояютъ себѣ достояніе всѣхъ, за что и порицаетъ ихъ пророкъ, говоря: *еда вселитесь едины на земли* (Ис. v, 8)? Потому-то я боюсь, чтобы не случилось чего-либо худого и чтобы намъ не привлечь на себя никакого наказанія Божія. А чтобы этого не было, будемъ упражняться во всякой добродѣтели, чтобы достигнуть и будущихъ благъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIII.

Глагола Симонъ Петръ: Господи, камо идеши? Отвѣща ему Іисусъ: *аможе Азъ иду, не можеша нынѣ по Мнѣ ити; послѣди же по Мнѣ идеши* (Іоан. хп, 36).

395 1. Великое благо—любовь. Она сильнѣе огня, восходитъ къ самому небу, и нѣтъ препятствія, которое бы могло удержать ея сильное стремленіе. Вотъ, напримѣръ, пламеннѣйшій Петръ: послѣ того, какъ услышалъ: *аможе Азъ иду, вы не можете прійти*.— что говорить? *Господи, камо идеши?* Это онъ сказалъ, желая не столько узнать, (куда идетъ Христосъ), сколько послѣдовать за Нимъ. Сказать прямо: я пойду— онъ покаеще не смѣлъ; а говорить: *камо идеши?* И Христосъ отвѣчалъ не на слова его, а на мысль, такъ что его желаніе видно изъ самыхъ словъ Христа. Что Онъ сказалъ? *Аможе: Азъ иду, не можеша нынѣ по Мнѣ ити*. Видишь ли, что Петръ желалъ послѣдовать за Нимъ, а потому и спросилъ? Да и тогда, какъ услышалъ: *послѣди же по Мнѣ идеши*, онъ не удержалъ своего желанія, хотя и получилъ возжелѣнную надежду, но желалъ до того, что сказалъ: *почто не могу нынѣ по Тебѣ ити? Душу мою за Тя положу* (Іоан. хп, 37). Такъ какъ онъ уже освободился отъ страха предательства и увидѣлъ себя въ числѣ искреннихъ (учениковъ), то уже съ дерзновеніемъ самъ спрашиваетъ, между тѣмъ какъ другіе молчатъ. Что ты говоришь, Петръ? (Христосъ) сказалъ: *не можеша*, а ты говоришь: могу? Итакъ, ты узнаешь на самомъ опытѣ, что твоя любовь, безъ помощи свыше, ничто. Откуда ясно, что Христосъ и паденіе Петра допустилъ для его же пользы. И прежними дѣйствіями Онъ хотѣлъ вразумить его; но такъ какъ Петръ оставался при своей горячности, то хотя Онъ и не довелъ его и не побудилъ къ тому, чтобы онъ отрекся, однакожь оставилъ его безъ помощи, чтобы онъ позналъ свою немощь. Христосъ сказалъ, что Ему надлежитъ быть предану, а Петръ говоритъ: *милосердіе Ты, не имать быти Тебѣ сіе* (Матѣ. хvi, 22). Ему сдѣланъ былъ упрекъ, но онъ не вразумился, а напротивъ, когда Христосъ хотѣлъ умыть ему ноги, опять сказалъ: *не умыши ногу мою во отки* (Іоан. хп, 8). И теперь, когда услышалъ: *не можеша нынѣ по Мнѣ ити*, снова говорить: *аще и вси отвергнутся, азъ не отвергуся*. Привыкнувъ такимъ образомъ противорѣчи Христу, онъ легко могъ бы впасть въ гордость; а потому-то Христосъ наконецъ и научаетъ его не противодѣйствовать. Вотъ на это и намекаетъ Лука, когда говоритъ, что Христосъ сказалъ: *Азъ же молюся о тебѣ, да не оскудѣетъ*

стра твоя (Лук. ххп, 82), то есть, чтобы ты не погибъ окончательно. Чрезъ все это научаеъ его смиренію и показываетъ, что человѣческое естество само по себѣ—ничто. Такъ какъ великая любовь побуждала Петра къ противорѣчію, то Христосъ наконецъ вразумляетъ его, чтобы онъ не подвергался тому же и впослѣдствіи, но, вспоминая о томъ, что случилось съ нимъ. 396
 зналъ бы самого себя. И смотри, какое сильное паденіе! Не однажды и не дважды онъ подвергся этому паденію, но испугался до того, что въ короткое время трижды произнесъ слово отреченія,—чтобы такимъ образомъ познать, что не столько онъ любилъ, сколько былъ любимъ. Однакожъ послѣ такого паденія Христосъ опять говорить: *любиши ли Мя паче снѣ* (Іоан. ххі, 15)? Значить, это паденіе произошло не отъ холодности, а отъ того, что онъ лишился помощи свыше. Любовь Петра Христосъ принимаетъ, но происходящее отъ ней противорѣчіе отсѣкаетъ. Если ты любишь, то долженъ покоряться тому, кого любишь. Сказалъ и тебѣ и бывшимъ съ тобою: *не можете*: для чего же ты споришь? Развѣ ты не знаешь, что значить отвергать слова Божіи? Но такъ какъ ты не хочешь изъ этого уразумѣть, что невозможно не быть тому, что Я говорю, то узнаешь о томъ изъ отреченія, хотя оно тогда казалось тебѣ гораздо невѣроятнѣе. Объ этомъ ты даже не зналъ, а то сознавалъ въ своей душѣ,—и однакожъ случилось то, чего ты вовсе не ожидалъ. *Душу мою за Тя положу*. (Петръ) слышалъ, что больше этой любви *никтоже имать*, и потому, будучи неспасытенъ и желая достигнуть самой высшей, (любви), тотчасъ же устремился къ ней. Но Христосъ, показывая, что только Онъ одинъ можетъ съ увѣренностію возвѣщать это говорить: *прежде даже алекторъ не возгласитъ*, т. е. теперь же. Дѣйствительно, немного уже оставалось времени, такъ какъ бесѣдовалъ поздно ночью, когда уже прошла первая и вторая стража. *Да не смущается сердце ваше* (Іоан. хiv, 1). Это Онъ говоритъ потому, что ученики, услышавъ (слова Его), по всей вѣроятности, смутились. Въ самомъ дѣлѣ, если верховному и столько пламенному (ученику) сказано было, что онъ прежде, нежели алекторъ возгласитъ, трижды отречется, то имъ естественно было ожидать, что ихъ постигнетъ какое-либо несчастіе, которое въ состояніи потрясти и адамантовья души. А такъ какъ, помышляя объ этомъ, они естественно приходили въ ужасъ, то смотри, какъ Онъ успокаиваетъ ихъ, говоря: *да не смущается сердце ваше*. Этѣмъ Онъ прежде всего показываетъ Свою божественную силу, такъ какъ Онъ знаетъ и обнаруживаетъ то, что у нихъ было на душѣ. *Втруйте въ Бога, и въ Мя втруйте*, то есть—всѣ бѣдствія пройдутъ. Вѣра въ Меня и въ Отца сильнѣе угрожающихъ вамъ бѣдствій;

она не допустить, чтобы какое-либо несчастіе одолѣло васъ. Затѣмъ прибавляетъ: *въ дому Отца Моего обители мнози суть* (ст. 2). Какъ въ утѣшеніе скорбящему Петру Онъ говорилъ: *послѣди же по Мнѣ идещи*, такъ и имъ подаётъ такую же надежду. Чтобы они не подумали, что только ему одному дано обѣщаніе, Онъ говоритъ: *въ дому Отца Моего обители мнози суть: аще ли же ти, рекъ быхъ вамъ: иду уготовати мѣсто вамъ*,—то есть, и вы будете въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и Петръ. Тамъ весьма много обитателей и нельзя сказать, чтобы нужно было готовить ихъ. А такъ какъ Онъ сказалъ: не можете *нынѣ по Мнѣ ити*, то чтобы не подумали, что они навсегда отлучены отъ Него, Онъ присовокупилъ: *да идѣже есмь Азъ, и вы будете* (ст. 3). Я столько забочусь объ этомъ, что уже приготовилъ бы это мѣсто, если бы издавна оно не было уготовано для васъ. Этими Онъ показываетъ, что они должны вполне надѣяться и уповать на Него.

2. Потомъ, чтобы они не подумали, что Онъ говорить это только для ободренія ихъ, но вѣрили, что это дѣйствительно такъ, Онъ присовокупляетъ: *и аможе Азъ иду, ѿстѣ, и путь ѿстѣ* (Іоан. xiv, 4). Видишь ли, какъ Онъ удостовѣряетъ ихъ, что то не напрасно было сказано? Говоритъ же это потому, что видѣлъ ихъ душу,—какъ она желаетъ знать это. Петръ сказалъ вышеприведенныя слова не для того, чтобы узнать, но чтобы послѣдовать. Когда же онъ подвергся упреку и между тѣмъ Христосъ объявилъ возможнымъ то, что въ то время казалось невозможнымъ, то эта самая невозможность привела Петра къ желанію тщательно узнать о томъ. Потому-то и говорить имъ: *и путь ѿстѣ*. Какъ вслѣдъ за словами: *отвержешися Мене*, не смотря на то, что никто ничего не сказалъ, Онъ, испытывая сокровенное въ сердцѣ, присовокупилъ: не смущайтесь,—такъ и теперь, сказавши: *ѿстѣ*, выразилъ желаніе ихъ души и Самъ подаль имъ поводъ спросить объ этомъ. Слова же: *камо идещи*—Петръ сказалъ по внушенію великой любви, а Ѳома отъ страха. *Господи, не ѿтми, камо идещи* (ст. 5). Мы не знаемъ, говорить, мѣста, и какъ можемъ знать путь, туда ведущій? И смотри, съ какою робостію. Не сказалъ: укажи намъ это мѣсто, но: *не ѿтми, камо идещи*. Объ этомъ давно уже всѣ желали знать. Въ самомъ дѣлѣ, если іудеи, слыша (эти слова), приходили въ недоумѣніе, не смотря на то, что хотѣли освободиться отъ Христа, то тѣмъ болѣе желали узнать объ этомъ тѣ, которые никогда не хотѣли разлучиться съ Нимъ. Потому-то, хотя они боялись спросить Его, однакожь спрашиваютъ, будучи побуждаемы къ тому великою любовію и безпокойствомъ. Что же Христосъ? *Азъ есмь путь и истина и животъ: никто же придетъ къ Отцу, токмо Мною* (ст. 6). Почему же Онъ не тотчасъ, какъ Петръ спросилъ: *камо идещи*?—

отвѣчалъ: Я иду къ Отцу, а вы теперь не можете иди, — но ввелъ въ Свою рѣчь столько словъ, предлагая вопросы и отвѣты? Іудеямъ, конечно, Онъ по справедливости такъ не сказалъ; но почему ученикамъ? И ученикамъ, и іудеямъ Онъ говорилъ, что пришелъ отъ Бога и къ Богу идетъ; но теперь говоритъ объ этомъ яснѣе, чѣмъ прежде. Іудеямъ Онъ не сказалъ такъ ясно, потому что, еслибы сказалъ: не можете придти къ Отцу, *только Мною*, то они тотчасъ же подумали бы, что это сказано по гордости; а теперь, когда Онъ умолчалъ объ этомъ, Онъ повергъ ихъ въ безпокойство. Но для чего же, спросишь, Онъ также говорилъ и ученикамъ, и Петру? Онъ зналъ великую ревность Петра, — что, въ противномъ случаѣ, онъ еще болѣе сталъ бы безпокоить Его. Итакъ, чтобы отвлечь его отъ этого, Онъ говоритъ прикровенно; а когда достигъ того, чего хотѣлъ, темнотою и прикровенностію рѣчи, то опять говоритъ открыто.

Сказавши: *идеже есмь Азъ*, туда никто не можетъ придти, Онъ присовокупилъ: *отъ дому Отца Моего обители мнози суть, и еще: никтоже придетъ къ Отцу, только Мною*. Онъ не хотѣлъ такъ сказать имъ въ самомъ началѣ, чтобы не повергнуть ихъ въ большую печаль; когда же утѣшилъ ихъ, тогда и говорить. 398
Послѣ упрека, сдѣланнаго Петру, Онъ, дѣйствительно, много отнялъ у нихъ печали: а между тѣмъ и они сами, опасаясь, какъ бы не услышать того же, сдѣлались болѣе смиренными. *Азъ есмь путь*. Это — подтвержденіе словъ: *никтоже придетъ, только Мною*; а слова: *и истина и жизнь* — удостовѣреніе въ томъ, что такъ непремѣнно будетъ. Если Я истина, то отъ Меня не можетъ быть лжи. Если же Я и жизнь, то и самая смерть не можетъ воспрепятствовать вамъ придти ко Мнѣ. Иначе сказать: если *Азъ есмь путь*, то вы не будете имѣть нужды въ руководителѣ; если Я истина, то слова Мои — не ложь; если Я жизнь, то, хотя вы и умрете, однакожь получите то, о чемъ Я сказалъ. Что касается до пути, то это они поняли и исповѣдали; а остального не уразумѣли, и однакожь не смѣли спросить о томъ, чего не уразумѣли. Впрочемъ и изъ того, что было сказано о пути, они получили большое утѣшеніе. Если въ Моей власти, говорить, привести васъ къ Отцу, то вы непремѣнно туда придете. А другимъ путемъ туда и невозможно придти. Словами же, которыя Онъ сказалъ прежде: *никтоже можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. vi, 44), и еще: *аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. xii, 32), а также словами, сказанными теперь: *никтоже придетъ къ Отцу, только Мною*, — Онъ показываетъ Свое равенство съ Отцемъ. Какъ же Онъ, сказавши: *аможе Азъ иду, высте, и путь есте*, присовокупилъ: *аще Мя бисте*

знали, и Отца Моего знали бысте убо: и отсель познасте Его и видѣте Его (ст. 7)? Этимъ Онъ не противорѣчитъ Себѣ, потому что ученики, хотя и знали Его, но не такъ, какъ слѣдовало. Бога они знали, а Отца еще не знали. Уже впослѣдствіи Духъ, сошедшій на нихъ, сообщилъ имъ совершенное знаніе. Смыслъ словъ Христа такой: если бы вы знали Мое существо и достоинство, то знали бы и Отца. *И отсель познасте Его и видѣте Его* (одно относится къ будущему, а другое къ настоящему), то есть, чрезъ Меня. Подъ видѣніемъ же Онъ разумѣетъ познаніе умомъ. Кого мы видимъ, тѣхъ можемъ и видѣть, и не знать; а кого знаемъ, тѣхъ не можемъ знать и не знать. Поэтому Онъ говорить: *и видѣте Его*, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ сказано, что Его видѣли и ангелы (1 Тим. ш, 16). Хотя они видѣли не самое существо Его, однакожъ говорится, что они видѣли Его, то есть, такъ, какъ могли видѣть. А сказалъ Онъ такъ для того, чтобы ты зналъ, что кто видѣлъ Его, тотъ знаетъ Родившаго Его. Видѣли же Его не въ обнаженномъ Его существѣ, но облеченнымъ плотію. Есть и другія мѣста, гдѣ Онъ называетъ познаніе видѣніемъ,—напримѣръ, когда говоритъ: *блаженнѣе чистѣе сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрѣтъ* (Матѣ. v, 7). Чистыми Онъ называетъ тѣхъ, которые свободны не только отъ блуда, но и отъ всѣхъ грѣховъ, такъ какъ всякій грѣхъ оскверняетъ душу.

3. Итакъ, будемъ всячески стараться очистить себя отъ скверны. Очищается же она, во-первыхъ, крещеніемъ, а потомъ и другими многоразличными средствами. Богъ, по Своему чело-вѣколюбію, даровалъ намъ разнообразныя средства къ очищенію и послѣ крещенія. Первое изъ всѣхъ этихъ средствъ—милостыня, такъ какъ сказано: милостынями и вѣрою очищаются грѣхи (Сир. ш, 30). Но я разумѣю милостыню не отъ неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и безчеловѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, что за польза — обнажить одного и одѣть другого? Милостыня должна происходить отъ состраданія, а это—безчеловѣчіе. И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у другихъ, для насъ не будетъ никакой пользы. Это показываетъ Закхей, который тогда умилиствовалъ Бога, когда обѣщалъ возвратить похищенное четверницею (Лук. xix, 8). А мы, похищая весьма много, а отдавая мало, думаемъ умилиловать Бога, не зная, что тѣмъ еще болѣе прогнѣваемъ Его. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: если бы ты, притащивъ съ распутій и дорогъ мертвѣго и сгнившаго осла, возложилъ его на жертвенникъ,—не стали ль бы всѣ бросать въ тебя камнями, какъ въ нечестивца и беззаконника? Что жъ, если я докажу, что жертва отъ хищенія еще болѣе мерзка? Какое мы будемъ имѣть оправданіе? Положимъ, что при-

несенъ какой-либо драгоценный даръ изъ того, что пріобрѣтено хищеніемъ: не аловоніе ли онъ мертваго осла? Хочешь знать, какъ велико аловоніе грѣха? Послушай, что говорить пророкъ: *возсмердѣша и соишша раны моя* (Пс. ххvii, 6). Между тѣмъ ты въ то время, какъ словами умоляешь Бога, чтобы Онъ предалъ забвенію содѣланные тобою грѣхи, самъ же своими дѣлами, тѣмъ, что похищаешь и лихоимствуешь, и возлагаешь свой грѣхъ на жертвенникъ, заставляешь непрестанно помнить о нихъ. Но не въ этомъ только грѣхъ, а—что еще хуже—ты оскверняешь души святыхъ. Жертвенникъ—камень, хотя онъ и освящается; а души святыхъ всегда носятъ самого Христа: какъ же ты осмѣливаешься приносить туда дары отъ такой нечистоты, Нѣтъ, скажешь, я не отъ этого имущества, а другого? Это — смѣшное и глупое пустословіе. Развѣ не знаешь, что, если въ великое множество имущества попадетъ и одна капля неправды, то все оно оскверняется? Какъ чистый источникъ дѣлается весь нечистымъ, какъ скоро въ него бросить кто-либо нечистоту, такъ и богатство, если привзойдетъ въ него сколько-нибудь лихоимства, все заражается отъ того аловоніемъ. Вѣдь мы умываемъ же руки, когда входимъ въ церковь: зачѣмъ же не омываемъ сердца? Развѣ руки издають голосъ? Душа произноситъ слова: на нее взираетъ Богъ; и когда она нечиста, ни къ чему не служить чистота тѣлесная. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы, если ты наружныя руки умываешь, а внутреннія оставляешь въ нечистотѣ? Вотъ то-то и худо, и отъ того все идетъ у насъ превратно, что 400 мы, крайне заботясь о маломъ, пренебрегаемъ великимъ. Молиться съ неумытыми руками—дѣло безразличное; а молиться съ нечистою душею, это—величайшее изъ всѣхъ золъ. Послушай, что сказано и іудеямъ, которые обращали особенное вниманіе на наружную нечистоту: *омый отъ лукавства сердце твое. Доколы будутъ въ тебѣ помышленія бгдѣ твоихъ* (Іер. iv, 14)? Омоемъ же себя и мы, но не грязью, а водою чистою,—милостынею, а не лихоимствомъ. Прежде отстань отъ хищенія—и потомъ подавай милостыню. *Уклонися отъ зла и сотвори благо* (Пс. ххvi, 27). Удержи руки отъ лихоимства—и тогда простирай ихъ на милостыню. Если же мы тѣми же самыми руками однихъ будемъ обнажать, а другихъ одѣвать, то хотя бы одѣвали и не тѣмъ, что похитили,—и въ этомъ случаѣ не избѣжимъ наказанія, Иначе милостыня будетъ поводомъ ко всякому преступленію. Лучше не оказывать милосердія, чѣмъ оказывать такое милосердіе. Вѣдь и Каину лучше было совсѣмъ не приносить ничего. И если онъ, принеши меньшее, прогнѣвалъ Бога, то какъ же не прогнѣваетъ Его тотъ, кто подаетъ

чужое? Я тебѣ заповѣдалъ, скажетъ Богъ, не похищать, а ты чувствуешь Меня похищеннымъ? Уже ли ты думаешь, что для Меня пріятно это? Поэтому Онъ скажетъ тебѣ: *во нещевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твои* (Пс. хлх, 21). Но не дай Богъ никому услышать этотъ голосъ! (Дай Богъ), чтобы мы, совершивъ дѣла чистаго милосердія, съ ясными свѣтильниками вошли въ брачный чертогъ, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIV.

Глагола Ему Филиппъ: Господи, покажи намъ Отца, и довлѣетъ намъ; глагола ему Іисусъ: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе? Видѣвый Мене, видѣ Отца (Іоан. хiv, 8, 9).

- 899 1. Пророкъ говорилъ іудеямъ: *лице блудницы бысть тебѣ, не постыдѣвшейся ко всѣмъ* (Іер. ш, 3); но, кажется, что это прилично сказать не одному тому народу, но и всѣмъ, безстыдно противящимся истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на слова Филиппа: *покажи намъ Отца Твоего*, Христосъ отвѣчалъ: *только время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе?* И однакожъ есть люди, которые и послѣ этихъ словъ отдѣляютъ Сына отъ Отца. Между тѣмъ, какой искать еще близости больше этой? Вѣдь нѣкоторые, вслѣдствіе этого изреченія, впали даже въ недугъ Савеллія. Но оставимъ и тѣхъ и другихъ, какъ людей, держащихся совершенно противоположныхъ, но равно нечестивыхъ мыслей, и рассмотримъ подлинный смыслъ сказанныхъ словъ. *Толико время съ вами есмь*, говорить, *и не позналъ еси Мене, Филиппе?* Что жъ? Развѣ Ты Отецъ, котораго я ищу? Нѣтъ, говорить. Потому-то Онъ и не сказалъ: не позналъ Его,—но: *не позналъ еси Мене*,—показывая тѣмъ именно то, что Сынъ есть не иное что, а тоже, что Отецъ, хотя и пребываетъ Сыномъ. Но что же привело Филиппа къ такимъ словамъ? То, что Христосъ сказалъ: *аще Мѧ бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо* (Іоан. хш, 7), какъ не разъ Онъ говорилъ это и іудеямъ. А такъ какъ у Него часто спрашивалъ уже Петръ, спрашивали и іудеи: кто есть Отецъ?—
- 400 спрашивалъ также и Ѳома, и между тѣмъ никто ничего яснаго не узналъ, но все оставалось еще неизвѣстнымъ, то Филиппъ, чтобы не показаться докучливымъ и беспокоящимъ Его, подобно іудеямъ,—сказавъ: *покажи намъ Отца Твоего*, присовокупилъ: и

*должны намъ, то есть, мы ничего болѣе не ищемъ. Христосъ сказалъ: еще Мы бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо, и чрезъ Себя показывалъ Отца; но Филиппъ перемѣняетъ этотъ порядокъ и говоритъ: покажи Отца,—какъ будто бы уже въ точности позналъ самого Христа. Но Христосъ не удовлетворяетъ его желанія, а поставляетъ его на путь и убѣждаетъ познавать Отца чрезъ Себя. Филиппъ хотѣлъ видѣть Отца этими тѣлесными очами, быть можетъ, потому, что слышалъ о пророкахъ, что они видѣли Бога. Но вѣдь то, Филиппъ, было говорено приспособительно къ нашей немощи. Потому-то Христосъ сказалъ: Бога никтоже видѣ ни-
иже (Іоан. 1, 18), и еще: всякъ слышавшій отъ Отца и навѣкъ, придетъ ко Мнѣ (vi, 45). Ни гласа Его никтоже слышасте, ни видѣнія Его видѣсте (v, 37). И въ ветхомъ завѣтѣ сказано: не бо узритъ человекъ лице Мое. и живъ будетъ (Исх. xxxiii, 10). Что же Христосъ? Сильно упрекаетъ его: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе. И не сказалъ: не видѣлъ Меня, но: не позналъ еси Мене. Но вѣдь я, могъ сказать Филиппъ, не Тебя хочу познать; я желаю теперь увидѣть Твоего Отца, а Ты мнѣ говоришь: не позналъ еси Мене? Какая тутъ связь? Весьма близкая. Такъ какъ, пребывая Сыномъ, Онъ есть тоже, что и Отецъ, то Онъ справедливо въ 401 Себѣ самомъ показываеъ Отца. Потомъ Онъ раздѣляетъ ипостаси, говоря: видѣный Мене, видѣ Отца, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ—вмѣстѣ и Отецъ, и Сынъ. Если бы Онъ былъ Отецъ, то не сказалъ бы: кто видѣлъ Меня, тотъ видѣлъ и Его. Почему же Онъ не сказалъ Филиппу: ты требуешь невозможнаго, того, что несообразно съ человѣческою природою, что одному только Мнѣ возможно? Такъ какъ Филиппъ сказалъ: должны намъ, какъ будто бы уже позналъ (Христа), то Христосъ показываетъ, что онъ и Его не видѣлъ; иначе, еслибы онъ могъ видѣть Его, то увидѣлъ бы и Отца. Потому и сказалъ: видѣный Мене, видѣ Отца,—кто видѣлъ Меня, тотъ увидитъ и Его. А это значить вотъ что: ни Меня, ни Его видѣть невозможно. Филиппъ хотѣлъ познать чрезъ зрѣніе, и такъ какъ думалъ, что уже видѣлъ Христа, и хотѣлъ такимъ же образомъ увидѣть и Отца, то Христосъ показываетъ, что онъ не видѣлъ и Его.*

Если бы кто подѣ видѣніемъ сталъ разумѣть познаніе, то я и тому не буду противорѣчить, потому что кто позналъ Меня, говоритъ Христосъ, тотъ позналъ Отца. Но Онъ не сказалъ такъ, а желая представить единосущіе, сказалъ: кто позналъ Мое существо, тотъ знаетъ и существо Отца. Какимъ же это образомъ, скажешь? Вѣдь и тотъ, кто позналъ тварь, знаетъ уже и Бога. Нѣтъ, тварь знаютъ и видятъ всѣ, а Бога знаютъ не всѣ. Но посмотримъ, что хочетъ видѣть Филиппъ: премуд-

рость ли Отца, или' благость Его? Нѣтъ; онъ хочетъ видѣть именно то, что есть Богъ, — самое существо. Вотъ на это и отвѣчаетъ Христосъ: *видѣюй Мене*. А кто видитъ тварь, тотъ еще не видитъ существа Божія. Если кто видѣлъ Меня, говоритъ Христосъ, тотъ видѣлъ и Отца Моего. А если бы Онъ былъ иного существа, то не сказалъ бы такъ. Употреблю и болѣе простой образъ рѣчи: не зная золота, никто не можетъ увидѣть сущности золота въ серебрѣ, такъ какъ естество одного не обнаруживается чрезъ естество другого. Потому-то Христосъ справедливо сдѣлалъ упрекъ Филиппу, сказавъ: *только время съ нами есмь*. Ты пользовался столько времени ученіемъ, ты видѣлъ чудеса, совершенныя со властію, видѣлъ, что свойственно Божеству и что творить одинъ только Отецъ, какъ-то: отпущеніе грѣховъ, обнаруженіе сокровенныхъ таинъ, изгнаніе смерти, создание изъ земли, и не позналъ еси Мене?

2. Такъ какъ Онъ облеченъ былъ плотію, то и сказалъ: *не позналъ еси Мене*. Если ты видѣлъ Отца, — не домогайся видѣть больше того, потому что въ Немъ ты видѣлъ и Меня. Если видѣлъ Меня, не любопытствуй больше ни о чемъ, потому что во Мнѣ ты позналъ и Его. *Не трусиши ли, яко Азъ во Отца* (ст. 10), то есть, являюсь въ Его существѣ? *Глаголю, яже Азъ глаголю, о Себѣ не глаголю*. Видишь, какая чрезвычайная близость и какое доказательство единства существа? *Отецъ же во Мнѣ пребывающій, той творитъ дѣла*. Почему, начавши рѣчь о словахъ, Онъ перешелъ къ дѣламъ? Ему слѣдовало бы сказать: Той глаголетъ глаголы. Это потому, что Онъ здѣсь говоритъ о двухъ предметахъ, объ ученіи и чудесахъ, или же потому, что и слова Его были дѣлами. Какъ же *той творитъ*? Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *яже не творю дѣлъ Отца Моего, не имите Ми отри* (Іоан. х, 37). Какъ же здѣсь говоритъ, что Отецъ творитъ? Этимъ Онъ показываетъ именно то, что между Отцемъ и Сыномъ нѣтъ ничего посредствующаго. Слова его значать вотъ что: не иначе творилъ бы Отецъ, чѣмъ какъ творю Я. А въ другомъ мѣстѣ Онъ, дѣйствительно, представляетъ дѣлающимъ и Себя самого, и Отца, говоря: *Отецъ Мой до селѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. в, 17) Тамъ Онъ показываетъ безразличіе, а здѣсь — тождество дѣлъ. Если же слова Его съ перваго взгляда представляются уничтоженными, то ты не удивляйся этому. Онъ напередъ сказалъ: *не трусиши ли*, и потомъ уже произнесъ тѣ слова, показывая, что Онъ построилъ такъ рѣчь для того, чтобы привести Филиппа къ вѣрѣ. Вѣдь Онъ проникалъ сердца учениковъ. *Вѣруйте, яко Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (ст. 11). Вамъ, которые слышите объ Отцѣ и Сынѣ, не слѣдовало бы искать никакого другого до-

казательства на Ихъ сродство по существу. Но если вамъ недостаточно этого для доказательства Ихъ равночестія и единосущія, то познайте это хотя отъ дѣлъ. Значить, слова: *видѣный Мене, видѣ Отца* Моего—сказаны были не о дѣлахъ; иначе Онъ не сказалъ бы послѣ: *еще вы же вы, за дѣла вѣру имаете Ми*. Потомъ, показывая, что можетъ совершать не только эти дѣла, но и другія гораздо большія, Онъ говоритъ объ этомъ съ чрезвычайною силою. Не говоритъ: Я могу совершить дѣла и больше этихъ, но, что гораздо удивительнѣе, могу, говоритъ, и другимъ дать власть совершать дѣла больше этихъ дѣлъ. *Аминь, аминь* *малю вамъ: вѣруй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворишь, и больша сихъ сотворишь, яко Азъ къ Отцу Моему гряду* (ст. 12). То есть, теперь уже вы будете совершать чудеса, потому что Я отхожу. Затѣмъ, достигши того, къ чему клонилась рѣчь, Онъ говоритъ: *еще что просите во имя Мое, примете, и Я то сотворю. да прославится Отецъ во Мнѣ*. Видишь ли, какъ опять Онъ самъ творить это? *Сотворю*, говоритъ, Я; и не сказалъ: умолю Отца, но: *да прославится Отецъ во Мнѣ*. Въ другомъ мѣстѣ Онъ сказалъ: *Богъ прославитъ Его въ Себѣ* (Іоан. xviii, 32), а здѣсь, что Самъ прославитъ Отца. Когда Сынъ явится обладающимъ великимъ могуществомъ, тогда прославится и Отецъ. Что же значить: *во имя Мое*? То, что говорили апостолы: *во имя Іисуса Христа востани и ходи* (Дѣян. iii, 6). Всѣ знаменія, которыя они совершали, были дѣломъ Его силы, и рука Господня была съ ними (Дѣян. xvi, 21). *Азъ, говоритъ, сотворю* (ст. 14). Видишь самодѣятельность? Онъ совершалъ и то, что дѣлалось другими: ужели же того, что Онъ самъ дѣлаетъ, Онъ не можетъ совершать Своею силою, но совершаетъ при содѣйствіи Отца? Но кто можетъ сказать это? Для чего же Онъ говоритъ это во второй разъ? Для того, чтобы утвердить Свое слово и показать, что прежде Онъ говорилъ приспособительно. А слова: *къ Отцу гряду* означаютъ: Я не погибаю, но пребываю въ Своемъ достоинствѣ и нахожусь на небесахъ. Все же это Онъ говорилъ для утѣшенія учениковъ. Такъ какъ они не понимали еще Его словъ о воскресеніи и потому, вѣроятно, заняты были прискорбными мыслями, то Онъ общается имъ, что они сами будутъ совершать такія (дѣла) для другихъ, во всемъ обнаруживаетъ Свою заботливость о нихъ и показываетъ, что Онъ всегда пребываетъ, и не только пребываетъ, но и выкажетъ еще большую силу.

8. Итакъ, послѣдуемъ за Христомъ и возьмемъ крестъ. Если и нѣтъ теперь гоненій, за то теперь время для другого рода смерти. *Умрете вы*, сказано, *уды ваши, яже на земли* (Кол. iii, 5). Итакъ, погасимъ вожделѣніе, умрѣвимъ гнѣвъ, истребимъ за-

висть. Это—жертва живая. Жертва эта не окапчивается пепломъ, не разсѣивается въ дымъ, не требуетъ ни дровъ, ни огня. ни ножа. Для ней огонь и ножъ—Духъ Святой. Воспользовавшись этимъ ножомъ, отсѣки отъ сердца все излишнее и чуждое. открой заключенный слухъ. Страсти и злыя пожеланія обыкновенно заграждаютъ входъ слову. Такъ, усилившаяся привязанность къ богатству не позволяетъ слушать слово о милостынѣ; появившаяся зависть преграждаетъ путь ученію о любви; да и всякая другая страсть, вторгшись въ душу, дѣлаетъ ее крайне
 403 нерадивою ко всему. Истребимъ же злыя пожеланія. Вѣдь нужно только захотѣть, и—все исчезнетъ. Не будемъ думать, будто любовь къ богатству сама по себѣ сильна: вся сила заключается въ нашей безопасности. Есть много людей, которые, говорятъ, даже не знаютъ, что такое серебро, потому что любовь къ богатству—страсть неестественная. Естественныя положенія вложены въ насъ съ самаго начала; а о золотѣ и серебрѣ долгое время даже не было извѣстно, существуютъ ли они. Отчего же усилилась эта страсть? Отъ тщеславія и крайней безопасности. Изъ пожеланій одни необходимы, другія естественны, а иныя ни то, ни другое. Такъ всѣ тѣ желанія, отъ неудовлетворенія которымъ гибнетъ животное, естественны и необходимы, какъ на примѣръ—желаніе пищи, питья и сна. Вожделѣніе плотское естественно, но не необходимо, такъ какъ многіе преодолѣли его, и однакожь не погибли. А желаніе богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотѣмъ, то и не подчинимся ему. Вѣдь и Христосъ, бесѣдуя о дѣвствѣ, сказалъ:
 404 *могий вѣстити, да вѣститъ* (Матѣ. хviii, 12), а о богатствѣ не такъ.—а какъ? *Ниче не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. xiv, 33). Что легко, къ тому увѣщаетъ, а что превосходить силы многихъ, то оставляетъ произволѣнію. Итакъ, зачѣмъ мы лишаемъ сами себя всякаго оправданія? Кто плѣняетъ страстію особенно сильною, тотъ понесетъ не столь большое наказаніе; а кто уловленъ страстію слабою, тотъ липится всякаго оправданія. И въ самомъ дѣлѣ, что мы будемъ отвѣчать, когда скажетъ: вы видѣли Меня алчущимъ, и не напитали (Матѣ. xxv, 42)? Какое будемъ имѣть оправданіе? Сошлемся, конечно, на бѣдность? Но мы не бѣднѣе той вдовицы, которая, положивши двѣ лепты, превзошла всѣхъ. Богъ требуетъ отъ насъ не значительности дара, а мѣры сердечнаго благорасположенія; и это—знакъ Его промысленія. Подивимся же Его чело-
 вѣколюбію и будемъ приносить, что можемъ, чтобы и въ настоящей, и въ будущей жизни, воспользовавшись великимъ Его чело-
 вѣколюбіемъ, мы могли насладиться обѣщанными бла-

гами, по благодати и челоуѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXV.

Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте; и Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съвами въ вѣкъ, Духъ истины, Егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его (Іоан. хiv, 15, 16, 17).

1. Вездѣ нужны намъ дѣла, а не увѣренія на словахъ, потому что говорить и общать всякому легко, а сдѣлать не такъ легко. Къ чему я это сказалъ? Къ тому, что теперь много людей, которые говорятъ, что они боятся Бога и любятъ Его, а дѣлами показываютъ противное. Но Богъ требуетъ любви, являемой въ дѣлахъ. Потому-то и ученикамъ говорилъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте*. Такъ какъ Онъ сказалъ: *аще чего просите, Азъ сотворю*, то, чтобы не подумали они, что довольно только просить, Онъ присовокупилъ: *аще любите Мя*, — то есть, въ этомъ случаѣ сотворю. А какъ ученики, услышавъ: *Азъ къ Отцу гряду*, естественно пришли въ смущеніе, то Онъ говоритъ, что любовь состоитъ не въ этомъ, не въ настоящемъ смущеніи, а въ повиновеніи словамъ Его. Я далъ вамъ заповѣдь, чтобы вы любили другъ друга, чтобы вы такъ же поступали другъ съ другомъ, какъ Я поступалъ съ вами. Любовь въ томъ и состоитъ, чтобы исполнять это и подражать тому, кого любимъ. *И умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ*. Опять рѣчь приспособительная. Такъ какъ ученики еще не знали Его; и потому, естественно, сильно желали быть вмѣстѣ съ Нимъ, слышать Его рѣчи, видѣть Его во плоти, и ни въ чемъ не находили для себя утѣшенія, скорбя о Его отшествіи, то что Онъ говоритъ? *Умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ*, то есть, иного такого же, какъ Я. Да постыдятся же и зараженные недугомъ Савеллія, и имѣющіе не надлежащее понятіе о Духѣ Святомъ! Въ этомъ изреченіи-то особенно и удивительно, что оно однимъ ударомъ ниспровергаетъ совершенно противоположныя ереси. Сказавъ: *иного*, указываетъ на различіе Его. въпостаси; а сказавъ: *Утѣшителя*, на единство существа. Почему же Онъ говоритъ: *умолю Отца*? Потому что, если бы сказалъ: Я пошлю, то не столько бы повѣрили; а теперь Онъ заботился о томъ, чтобы Ему вѣровали. Въ послѣдствіи Онъ высказываетъ, что самъ посылаетъ Его, говоря: *примите Духъ Святъ*; а здѣсь говоритъ: *умолю Отца*, чтобы сдѣлать для нихъ

слово достовѣрнымъ. Вѣдь Іоаннъ говоритъ о Немъ, что *отъ* исполненія *Его* *мы* *еси* *пріѣхомъ* (Іоан. 1, 16): какъ же Онъ можетъ принимать отъ другого то, что самъ имѣетъ? И опять: *той* *онъ* *креститъ* *Духомъ* *Святѣмъ* *и* *огнемъ* (Лук. 3, 16). Какое же Онъ имѣлъ бы преимущество предъ апостолами, если бы долженъ былъ умолять Отца, чтобы даровать Духа другимъ, между тѣмъ какъ апостолы часто дѣлали это, какъ видно и безъ молитвы? И если Духъ Святой по молитвѣ посылается отъ Отца, то какимъ же образомъ Онъ самъ собою нисходитъ? И какъ можетъ отъ другого быть посылаемъ Тотъ, кто вездѣсущъ. кто самъ по себѣ раздѣляетъ (дарованія) *коемуждо*, *якоже* *хочетъ*, и говоритъ со властію: *отдѣлите* *Ми* *Варнаву* *и* *Слапа* (Дѣян. хш, 2)? Хотя Богу служили эти служители, однакожъ Онъ со властію призвалъ ихъ на свое собственное дѣло,— не потому, чтобы дѣло, на которое призвалъ ихъ, было иное, но для того, чтобы показать Свою власть. Итакъ, что же, скажешь, значить: *умолю* *Отца*? Показывается время прішествія (Духа Святого).

Когда Онъ очистилъ ихъ жертвою, тогда и снизошелъ Духъ Святой. А почему Онъ не пришелъ въ то время, когда (Христосъ) былъ съ ними? Потому что не была еще принесена жертва. Когда уже и грѣхъ былъ истребленъ, и апостолы, получивъ повелѣніе идти на опасности. готовились къ борьбѣ, тогда надлежало придти Тому, кто укрѣпляетъ на подвиги. Для чего же Духъ приходитъ не тотчасъ по воскресеніи? Для того, чтобы апостолы сильнѣе возжелали Его и приняли съ большею любовію. Доколѣ былъ съ ними Христосъ, они не были въ скорби; когда же Онъ отошелъ, они, лишившись Его, находились въ великомъ страхѣ и, естественно, должны были принять Духа Святого съ великимъ усердіемъ. *Да* *будетъ* *съ* *вами*. Это значить, что и по смерти не отойдетъ. А чтобы они, услышавъ объ Утѣшителѣ, не предположили другого новаго воплощенія и не надѣялись увидѣть Его очами,—Христосъ, отклоняя ихъ отъ этого, говоритъ: *егоже* *міръ* *не* *можетъ* *пріяти*, *яко* *не* *видитъ* *его*. Онъ не такъ будетъ съ вами, какъ Я, но будетъ обитать въ самыхъ душахъ вашихъ; это и значить: *съ* *вами* *будетъ*. А называя Его Духомъ истины, Онъ тѣмъ указываетъ на образы, бывшіе въ ветхомъ завѣтѣ. *Да* *будетъ* *съ* *вами* 406 Что значить: *да* *будетъ* *съ* *вами*? Тоже, что Онъ о Себѣ говоритъ: *Азъ* *съ* *вами* *есмы* (Матѣ. ххviii, 20). Сверхъ того, Онъ намекаетъ и на нѣчто другое, именно: не претерпѣть того, что Я претерпѣлъ, и не отойдетъ. *Егоже* *міръ* *не* *можетъ* *пріяти*, *яко* *не* *видитъ* *Его*. А развѣ другой кто, скажи мнѣ, можетъ видѣть Его? Нѣтъ; Онъ говоритъ здѣсь о познаніи, почему и присовокупляетъ: *ниже* *знаетъ* *Его*. Опъ обыкновенно зрѣніемъ называетъ и точное

познаніе. Такъ какъ зрѣніе яснѣ другихъ чувствъ, то имъ всегда и означаетъ точное познаніе. А подъ міромъ Онъ разумѣетъ здѣсь злыхъ людей. Такимъ образомъ Онъ утѣшаетъ учениковъ тѣмъ, что дастъ имъ особенный даръ. Смотри, какъ Онъ превознесъ этотъ даръ: сказалъ, что есть иной, такой же, какъ Я; сказалъ: Онъ не оставитъ васъ; сказалъ: къ вамъ однимъ придетъ, такъ же, какъ и Я; сказалъ: *въ васъ будетъ*. И однакожъ, не смотря на все это, не уничтожилъ въ нихъ печали. Они хотѣли видѣть Его и чтобы Онъ былъ съ ними. Потому-то, удовлетворяя ихъ желанію, Онъ говоритъ: и Я не оставляю васъ сиры: *прииду къ вамъ* (Іоан. iv, 18). Не бойтесь, говоритъ: не потому Я сказалъ: пошлю иного Утѣшителя, что самъ навсегда оставляю васъ; не потому сказалъ: *въ васъ будетъ*, что самъ уже не увижу васъ. Нѣтъ, Я и самъ приду къ вамъ: *не оставляю васъ сиры*. Какъ въ началѣ рѣчи сказалъ: *чадѣца*, такъ и здѣсь говоритъ: *не оставляю васъ сиры*.

2. Въ началѣ Христосъ сказалъ: придете туда, *аможе Азъ иду*, и: *въ дому Отца Моего обители мнози суть*; а здѣсь,—такъ какъ то время было далеко,—даетъ Духа. Но такъ какъ ученики, не попавъ значенія словъ Его, не довольны ими утѣшились, то Онъ говоритъ: *не оставляю васъ сиры*,—потому что этого они особенно и желали. А такъ какъ изреченіе: *прииду къ вамъ* указывало на пришествіе, то, чтобы они не ожидали опять такого же точно пришествія, какое было прежде,—смотри, какъ Онъ, не сказавъ объ этомъ ясно, далъ однакожъ это понять. Сказавши: *еще мало, и міръ къ тому не увидитъ Мене*, Онъ присовокупилъ: *вы же увидите Мя* (ст. 19). Какъ бы такъ говорилъ: Яприду къ вамъ, но не такъ, какъ прежде, когда Я каждый день непрестанно былъ съ вами. А чтобы они не спросили: какъ же Ты сказалъ іудеямъ: *отсель не узрите Мене?*—Онъ, въ разрѣшеніе этого возраженія, говоритъ: *къ вамъ однимъ*,—такъ же, какъ и Духъ. *Яко Азъ живу, и вы живи будете*. Крестъ не разлучитъ насъ навсегда, но только на самое малое время скроетъ Меня. А подъ жизнью Онъ разумѣетъ, какъ мигъ кажется, жизнь не только настоящую, но и будущую. *Въ той день уразумѣете, яко Азъ во Отца Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (ст. 20). По отношенію къ Отцу, это сказано о существѣ, а по отношенію къ ученикамъ—о единомысліи и помощи, ниспосылаемой отъ Бога. Но какъ, спросишь, возможно допустить это? А какъ возможно допустить противное? Вѣдь между Христомъ и учениками разстояніе великое и даже безконечное. А что употреблены одни и тѣ же слова,—этому не удивляйся. Писаніе, говоря о Богѣ и людяхъ, часто употребляетъ одни и тѣ же слова не въ одинаковомъ смыслѣ. Такъ и мы называемся и богами, и сынами Божиими; но эти названія имѣютъ не одно и то же зна-

406 ченіе, когда прилагаются къ намъ и къ Богу. Равно и Сыпъ называется образомъ и славою, точно такъ же, какъ и мы, но—въ совершенно различномъ значеніи. И опять: *вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. ш, 28); но Христосъ не въ томъ же смыслѣ Божій, въ какомъ мы Христовы. Итакъ, что же значать тѣ слова? Когда Я воскресну, говорить, тогда вы узнаете, что Я не отдѣленъ отъ Отца, но имѣю ту же силу, и что Я всегда пребываю съ вами, такъ какъ въ то время самыя событія будутъ возвѣщать о подаваемой вамъ отъ Меня помощи, враги будутъ укрошены, вы получите дерзновеніе, опасности исчезнутъ, проповѣдь съ каждымъ днемъ будетъ расцвѣтать и всѣ уступать и покорятся слову благочестія. *Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы.* Видишь ли, что и здѣсь одно и то же выраженіе имѣетъ не одну и ту же силу? Если мы примемъ его въ одномъ значеніи, апостолы ничѣмъ не будутъ отличаться отъ Христа. Почему же Онъ сказалъ: тогда *уразумѣете*? Потому, что тогда они увидѣли Его воскресшимъ и пребывающимъ съ ними, и тогда же познали истинную вѣру, такъ какъ велика была сила Духа, Который научалъ ихъ всему. *Имѣй заповѣди Моя и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя* (ст. 21). Значить, не довольно только имѣть, но намъ нужно еще тщательно соблюдать. Но для чего Онъ много разъ говоритъ имъ одно и то же, именно: *еще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте* (ст. 15), и: *имѣй заповѣди Моя и соблюдай ихъ* (ст. 21), и еще: если кто услышитъ слово Мое и соблюдетъ его, *той есть любяй Мя*; а кто не слушаетъ словесъ Моихъ, тотъ не любитъ Меня (ст. 23, 24)? Я думаю, Онъ этимъ намекаетъ на ихъ скорбь. Такъ какъ Онъ уже много любомудрствовалъ съ ними о смерти, на примѣръ: *ненавиди души своея въ міръ семъ, въ животъ вѣчный сохранивъ ю* (Іоан. хп, 25), и: *уже не приметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Матѣ. х, 38), а притомъ намѣревался сказать имъ еще и больше этого, то теперь, укоряя ихъ, говорить: вы думаете, что ваша скорбь происходитъ изъ любви? Но любви свойственно было бы не скорбѣть. Это именно Онъ хотѣлъ доказать всѣмъ тѣмъ, что говорилъ, и потому-то далѣе этимъ и заключилъ Свою рѣчь. *Аще бысте любили Мя, сказали быте, возрадовались быте убо, яко иду ко Отцу Моему* (Іоан. хiv, 28). Значить, вы теперь скорбите отъ страха; а страшиться смерти несвойственно тѣмъ, которые помнятъ Мои заповѣди. Вамъ слѣдовало бы распять себя, если бы вы истинно любили Меня, потому что Мое слово внушало вамъ не приходить въ страхъ отъ убивающихъ тѣло. Такихъ-то и Отецъ любить, и Я. *И явлюся имъ самъ.* Тогда Іуда сказалъ: *и что, яко намъ хоцещи житиися* (ст. 22)?

8. Видишь, какъ душа ихъ была стѣснена страхомъ? Іуда смутился, встревожился и подумалъ, что они увидятъ и Его такъ же, какъ мы видимъ мертвыхъ во снѣ. Итакъ, чтобы отклонить ихъ отъ такого мнѣнія,—послушай, что Онъ говоритъ: *Азъ и Отецъ къ нему приидемъ и обитель у него сотворимъ* (ст. 23). Какъ бы такъ говорить: какъ самъ Отецъ является, такъ и Я. И не этимъ только уничтожилъ ихъ несправедливое мнѣніе, но и словами: *обитель у него сотворимъ*: это уже не сповидѣніе. Но ты обрати вниманіе на ученика: онъ и смущается, и не смѣетъ ясно сказать того, что хочетъ сказать. Онъ не сказалъ: горе намъ,—Ты умираешь и хочешь явиться намъ, какъ мертвые; нѣтъ, не сказалъ такъ, а сказалъ: *что бысть, яко намъ хо- щими явитися, а не мірови?* На это (Христосъ) говоритъ: васъ Я особенно люблю, потому что вы соблюдаете Мои заповѣди. Напередъ говоритъ имъ о Своемъ явленіи для того, чтобы они, когда увидятъ Его впослѣдствіи, не сочли за призракъ. А чтобы они не думали, что Онъ явится имъ такъ, какъ я сказалъ, Онъ высказываетъ и причину, то есть, соблюденіе Его заповѣдей,—говоритъ, что такимъ же образомъ явится и Духъ. Если же они и послѣ того, какъ столько времени жили съ Нимъ, не могли еще вынести такого явленія Его существа и даже не понимали его, то что было бы съ ними, если бы Онъ такъ явился имъ съ самаго начала? Потому Онъ и вкушалъ съ ними пищу, чтобы они не сочли явленія Его за призракъ. Если они подумали такъ въ то время, какъ увидѣли Его ходящимъ по водамъ, не смотря на то, что Онъ явился въ томъ же самомъ видѣ и не задолго передъ тѣмъ разлучился съ ними,—то чего бы не подумали они, если бы вдругъ увидѣли Его воскресшимъ, между тѣмъ какъ прежде видѣли, какъ Онъ былъ взятъ и связанъ? Для того-то Онъ часто и говоритъ имъ, что Онъ явится, и почему явится, и какъ, чтобы они не сочли Его явленія за призракъ. *Не любяй Мя, словеса Мои; не соблюдаетъ и слово, еже слышасте, нѣсть Мое, но послашаго Мя* (ст. 25). Значить, кто не слушаетъ этихъ словъ, тотъ не Меня только не любитъ, но и Отца. Если доказательствомъ любви служить повиновеніе заповѣдямъ, а заповѣди отъ Отца, то, очевидно, кто повинуется имъ, тотъ уже любитъ не Сына только, но и Отца. Какимъ же образомъ и Твое, и не Твое (слово)? Это значить, что Я не говорю ничего безъ Отца и не говорю чего-либо Своего, отличнаго отъ того, что угодно Ему. *Сіа маломъ вамъ азъ васъ смѣ* (ст. 25). Такъ какъ все это было не ясно и они иного не понимали, а во многомъ и сомнѣвались, то, чтобы опять не пришли въ смущеніе и не стали спрашивать: какія заповѣди?—избавилъ ихъ отъ всякаго безпокойства, ска-

завѣ: *Утѣшитель же, его же пошлетъ Отецъ во имя Мое, той вы научитъ* (ст. 26). Можетъ быть, не ясно то, что Я теперь вамъ сказалъ; но это изъяснить вамъ тотъ Учитель. А словами: *въ васъ пребываетъ* намекаетъ на Свое отшествіе. Затѣмъ, чтобы они не печалились, говорить, что пока Онъ будетъ оставаться съ ними и пока не придетъ Духъ, они не въ состояніи будутъ уразумѣть ничего великаго и высокаго. Это Онъ говоритъ съ тѣмъ, чтобы приготовить ихъ къ мужественному перенесенію Его отшествия, такъ какъ оно будетъ для нихъ источникомъ великихъ благъ. А безпрестанно упоминаетъ объ Утѣшителѣ потому, что они тогда были одержимы скорбію. Но такъ какъ, и послѣ этихъ словъ, они приходили въ смущеніе при мысли о скорбяхъ, о борьбѣ, о Его отшествіи, то смотри, какъ Онъ опять утѣшаетъ ихъ, говоря: *миръ оставляю вамъ* (ст. 27). Какъ бы такъ говорить: какой вамъ будетъ вредъ отъ смятеній міра, когда вы будете имѣть миръ со Мною? Этотъ миръ не такой (какъ обыкновенно). Внѣшній миръ часто бываетъ и вреденъ, и безплоденъ, и бесполезенъ для тѣхъ, которые имѣютъ его; а Я даю такой миръ, по которому вы будете жить въ мирѣ между собою, а это сдѣлаетъ васъ особенно сильными. А такъ какъ Онъ опять сказалъ: *оставляю*,—что указывало на Его отшествіе и могло привести ихъ въ смущеніе,—то опять же говоритъ: *да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ* (ст. 27). Видишь ли, что они смущались частію отъ любви, частію отъ страха? *Слышите, яко Азъ рхъ вамъ: иду ко Отцу и прииду къ вамъ. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко иду ко Отцу, яко Отецъ болій Мене есть* (ст. 28) Какую же это могло принести имъ радость и какое утѣшеніе? Что значать эти слова?

4. Апостолы еще ничего не знали о воскресеніи и даже
 408 не имѣли надлежащаго понятія о Христѣ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы они имѣли это понятіе, когда даже не знали, что Онъ воскреснетъ? Но Отца они признавали великимъ. Поэтому Христосъ и говоритъ: если вы и страшитесь за Меня, какъ будто Я не въ состояніи защитить Себя, и не надѣетесь, что послѣ креста Я опять увижу васъ, то все же какъ скоро услышали что Я къ Отцу иду. — должны были радоваться, потому что Я иду къ большому и могущему уничтожить всѣ бѣдствія. Вы слышите, *яко Азъ рхъ вамъ*. Для чего это сказать? Я такъ далекъ отъ страха, говоритъ этимъ Христосъ, такъ увѣренъ въ событіяхъ, что даже предсказалъ ихъ. И это, и что будетъ послѣ, *рхъ вамъ прежде даже не будетъ, да егда будетъ, спру имете*, *яко Азъ есмь* (ст. 29). Какъ бы такъ говорить: вы не знали бы, если бы Я не сказалъ; а Я не сказалъ бы, еслибъ не былъ вполне увѣренъ. Видишь ли, что тѣ слова были сказаны

приспособительно? Такъ и тогда, когда Онъ говоритъ: *мысли ли, яко не могу умолити Отца, и представитъ Ми дванадцать легиона ангелъ* (Матѣ. xxvi, 53)?—говоритъ приспособительно къ мнѣнію слушателей. Конечно, никто, и даже крайне неистовый, не скажетъ, что Онъ не могъ помочь самъ Себѣ, а имѣлъ нужду въ ангелахъ. О Немъ думали, какъ о человѣкѣ; поэтому Онъ и говоритъ: *дванадцать легиона ангелъ*. А между тѣмъ Онъ только спросилъ пришедшихъ взять Его—и отбросилъ ихъ назадъ. Если же кто назоветъ Отца большимъ въ томъ отношеніи, что Онъ виновникъ Сына, то я не буду и этому противорѣчить; но это отнюдь не значить, чтобы Сынъ былъ иного существа. Слова Его значатъ вотъ что: доколѣ Я здѣсь, вамъ естественно думать, что находимся въ опасности; если же Я отойду туда,—вѣрьте, что внѣ опасности, потому что никто не можетъ одолѣть Его. Все же это Онъ говорилъ приспособительно къ немощи учениковъ. Самъ Я, говоритъ, вполне спокоенъ и не забочусь о смерти; потому-то и сказалъ: *сія ризъ вамъ прежде даже не будетъ*. Но такъ какъ вы не можете еще принять слова объ этомъ, то Я и заимствую для васъ утѣшеніе отъ Отца, Котораго вы признаете великимъ. Утѣшивъ ихъ такимъ образомъ, Онъ опять говоритъ о предметахъ печальныхъ. *Ктому не глаголю съ вами. Почему? Грядетъ бо сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничего* (ст. 80). Говоря о князѣ міра, разумѣетъ діавола и злыхъ людей, потому что діаволъ властвуетъ не надъ неомъ и землею,—иначе онъ все бы низвертилъ и испровергъ,—но господствуетъ надъ тѣми, которые сами предаются ему. Поэтому (Писаніе) называетъ его и княземъ тмы вѣка сего, разумѣя опять и здѣсь подъ тмою злыя дѣла. Что же? Значить, діаволъ умертвить Тебя? Нѣтъ; онъ не имать во Мнѣ ничего. Почему же умертвятъ Тебя? Потому что Я такъ хочу, и да познаетъ міръ, что Я люблю Отца. Я, говоритъ, не подвластенъ смерти и не подлежу ей, но переношу ее изъ любви къ Отцу. А это говоритъ для того, чтобы снова ободрить учениковъ и показать имъ, что Онъ не противъ воли, но добровольно идетъ на смерть, и что Онъ презираетъ діавола. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ не ограничился тѣмъ, что сказалъ: *еще мало время съ вами есмь*, но часто повторяетъ эти печальныя слова. А чтобы сдѣлать ихъ удобопріемлемыми, Онъ справедливо примѣшиваетъ къ нимъ и слова радостныя. Потому-то Онъ иногда и говоритъ: *иду и прииду*, также: *идите есмь Азъ и вы будете*, и еще: *не можете выннати по Мнѣ ити, послѣди же идете*, также: *ко Отцу иду*, и: *Отецъ болій Мене есть*, и: *прежде даже не будетъ, ризъ вамъ*, и еще: Я не по необходимости терплю это, а по любви къ Отцу,—тѣмъ внушаетъ ученикамъ, что Его смерть не пагубна и не вредна, какъ скоро соизволяетъ на

409 пее и сильно любящій Его, и самъ любимый Имъ. Итакъ, примѣшивая съ этой цѣлю слова радостныя, Онъ часто говорилъ и о предметахъ печальныхъ, чтобы приучить къ тому ихъ умъ. Въдъ и словами: *въ васъ будетъ, и: уне вамъ есть, да Азъ иду* (Іоан. хvi, 7), Онъ также ихъ утѣшалъ. Для того-то Онъ напередъ весьма много и сказалъ о Духѣ, какъ-то: *въ васъ есть, и: міръ не можетъ пріяти, и: Онъ воспоминаеть вся, и: Онъ Духъ истины, Духъ Святой, Утѣшитель, и: уне вамъ есть*, — чтобы они не скорбѣли, какъ будто уже у нихъ не было никакого заступника и помощника. А словами: *уне есть* показываетъ, что (Духъ Святой) содѣлаеть ихъ духовными.

5. И мы видимъ, что это дѣйствительно сбылось. Робкіе и боязливые, по принятіи Духа, устремились въ среду опасностей и безбоязненно пошли и на желѣзо, и въ огонь, и на звѣрей, и въ пучину морскую, и на всякое мученіе. Некнижные и простые, они говорили съ такимъ дерзновеніемъ, что поражали слушателей. Изъ скудельныхъ Духъ содѣлалъ ихъ желѣзными, окрылилъ ихъ и не допустилъ впасть ни въ какую слабость чело- вѣческую. Такова-то благодать Духа! Она, если находитъ печаль, уничтожаетъ ее; если злое вожделѣніе, — истребляетъ; если страхъ, — изгоняетъ; и кто сподобился ея, того не допускаетъ уже быть чело-вѣкомъ, но, какъ бы переселивъ на самое небо, располагаетъ помышлять только о томъ, что на небѣ. Потому-то *ни единъ же что отъ мнѣній своихъ глаголаше свое быти*, но непрестанно пребывали въ молитвахъ, *въ радости и простотѣ сердца* (Дѣян. iv, 32; п, 42). Этого преимущественно и требуетъ Духъ Святой: *плодъ бо духовный есть радость, миръ, терпѣ, кротость* (Гал. v, 22). Однакожъ, скажешь, часто печалются и люди, исполненные Духа? Но эта печаль сладостнѣе радости. Печалился и Кайнъ, но печалію мірскою; печалился и Павелъ, но печалію по Богѣ. Все духовное приносить величайшую пользу, равно какъ и все мірское — крайній вредъ. Привлечемъ же къ себѣ, чрезъ исполненіе заповѣдей, необоримую помощь Духа — и мы будемъ ничѣмъ не меньше ангеловъ. Въдъ и они не потому таковы, что
410 безплотны (иначе никто изъ безплотныхъ не былъ бы алымъ); но вездѣ причиною всему — свободное произволеніе. Потому-то и между безплотными нашлись такіе, которые хуже людей и даже безсловесныхъ, и между облеченными плотію — такіе, которые лучше безплотныхъ. Такъ всѣ праведники, хотя жили на землѣ и имѣли тѣло, однакожъ совершили великія дѣла. На землѣ они жили, какъ пришельцы и странники, а на небѣ — какъ граждане. Не говори же и ты: я облеченъ плотію, не могу одолѣть (ее), не могу взять на себя трудовъ добродѣтели. Не обвиняй Создателя.

Вѣдь, если оттого, что мы носимъ плоть, добродѣтель становится для насъ невозможною, то мы уже не виновны. Но что она не дѣлается оттого невозможною, это доказываетъ ликъ святыхъ. Такъ, плотское естество не воспрепятствовало ни Павлу быть такимъ, какимъ онъ былъ, ни Петру получить ключи неба. И Енохъ, будучи во плоти, *преложень бытъ и не обрѣтаишеся* (Евр. xi, 5). Равно и Ілія восхищенъ былъ съ плотію, и Авраамъ съ Исаакомъ и Іаковомъ просіяли, будучи облечены плотію; съ плотію же и Іосифъ устоялъ противъ той распутной жены. И что я говорю о плоти? Хотя бы ты возложилъ на плоть и оковы.—и тогда не было бы никакого вреда. Хотя я и въ узахъ, говорилъ Павелъ. *но слово Божіе не влжеться* (2 Тим. ii, 9). И что я говорю о узахъ и оковахъ? Присоедини еще темницу и заключеніе и все это не будетъ препятствіемъ для добродѣтели. Такъ именно училъ Павелъ. Оковы для души—не желѣзо, а рабскій страхъ, любостяжаніе и безчисленныя страсти. Вотъ что связываетъ, хотя бы тѣло и было свободно. Но отъ тѣла, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извиненіе и ничтожная отговорка. Еслибы дѣйствительно отъ тѣла рождались эти страсти, то имъ были бы подвержены всѣ. Какъ никому нельзя избѣжать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно, такъ никто не избѣжалъ бы и подчиненія страстямъ, если бы онѣ были таковы. Если же многіе избѣгаютъ ихъ, то ясно, что такого рода недостатки рождаются отъ безпечности души. Итакъ, отсѣчемъ безпечность и не будемъ обвинять тѣло, а подчинимъ его душѣ, чтобы, имѣя его въ послушаніи, достигнуть вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА LXXVI.

Востаните, идемъ отсюда. Авъ есмь лова истинная, вы же рождіе, и Отецъ Мой дѣлатель есть (Іоан. xiv, 31: xv, 1).

1. Отъ невѣжества душа дѣлается робкою и боязливою, точно такъ же, какъ отъ знанія небесныхъ догматовъ—великою и возвышенною. Лишенная всякого попеченія, она бываетъ какъ-то робка—не по естеству, а по свободному произволению. Когда я вижу, что человѣкъ мужественный, бывшій нѣкогда смѣлымъ, становится робкимъ, я уже не считаю этого состоянія естественнымъ, потому что все естественное неизмѣнно. Равнымъ образомъ.

когда вижу, что люди робкіе вдругъ дѣлаются смѣлыми, я опять думаю тоже самое, — все приписываю свободному произволению. Такъ и ученики были весьма робки, доколѣ не узнали того, что слѣдовало, и не сподобились дара Святого Духа; а впоследствии сдѣлались неустрашимѣ львовъ. Напримѣръ, Петръ, который не вынесъ угрозъ служавки, былъ повѣшенъ внизъ головою, былъ бичуемъ, находился въ тысячѣ опасностей, и однакожь не молчалъ, а говорилъ такъ смѣло, какъ будто терпѣлъ это во снѣ. Но все это — не прежде креста. Потому-то Христосъ

410 и говорилъ: *возстаните, идемъ отсюда*. Для чего же, скажи, мнѣ? Ужели Онъ не зналъ времени, когда долженъ былъ придти Іуда? Или Онъ боялся, чтобы Іуда не пришелъ туда и не задержалъ ихъ, и чтобы не напали злоумышленники прежде, чѣмъ Онъ кончить Свою превосходную бесѣду? Отнюдь нѣтъ; это несовмѣстно съ Его достоинствомъ. Если же Онъ не боялся, то для чего заставляетъ учениковъ идти оттуда и потомъ, когда кончилъ бесѣду, ведетъ ихъ въ садъ, знакомый Іудѣ? Да еслибы и пришелъ Іуда, развѣ не могъ Онъ ослѣпить имъ глаза, что Онъ и сдѣлалъ, только не теперь? Для чего же Онъ уходитъ? Чтобы дать ученикамъ нѣсколько успокоиться. Находясь въ неизвѣстномъ мѣстѣ, они, естественно, были въ страхъ и трепетъ и отъ времени, и отъ мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, ночь была уже очень глубокая, и могло статься, что они даже не внимали словамъ, а постоянно были заняты мыслию о томъ, что на нихъ нападутъ, тѣмъ болѣе, что и слова Учителя заставляли ожидать бѣдствій. *Еще мало*, говорилъ Онъ, *съ вами есмь, и: грядетъ міра сего князь*. Потому-то,

411 какъ они, слыша эти и подобныя слова, смущались, полагая, что ихъ тотчасъ же схватятъ, то Онъ ведетъ ихъ въ другое мѣсто, чтобы они, считая себя въ безопасности, могли свободно уже слушать, имѣли же они услышать великіе догматы. Вотъ почему Онъ говоритъ: *возстаните, идемъ отсюда*. Затѣмъ, продолжая рѣчь, говоритъ: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе*. Что Онъ хочетъ сказать этою притчею? То, что не внимающему Его словамъ невозможно жить и что будущія знаменія совершатся силою Христовою. *Отецъ Мой дѣлатель есть*. Что же? Значить, Сынъ нуждается въ помощи? Нѣтъ; указаніе на Отца не означаетъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, съ какою точностію Онъ налагаетъ притчу. Только о вѣтвяхъ говорить, что онѣ пользуются попеченіемъ дѣлателя, а не о корнѣ. О корнѣ здѣсь упомянуто только для того, чтобы показать ученикамъ, что безъ Его силы они ничего не могутъ дѣлать и что имъ должно такъ соединиться съ Нимъ вѣрою, какъ вѣтви съ лозою. *Всяку розу о Мнѣ, не творящую плода, изметъ ю Отецъ* (Іоан. xv, 2) Здѣсь Онъ намекаетъ на

жизнь, показывая, что безъ дѣлъ невозможно быть въ Немъ. *И есакъ, творящую плодъ, отрѣбитъ ю*, то есть, сдѣлаетъ ее предметомъ великаго попеченія. Хотя о корнѣ нужно бываетъ больше заботиться, чѣмъ о вѣтвяхъ, — нужно его окапывать, очищать, однакожъ Онъ ничего не говоритъ здѣсь о корнѣ, но все о вѣтвяхъ, показывая тѣмъ, что Онъ самъ себя довлѣетъ, а ученики, хотя бы были и весьма добродѣтельны, имѣютъ нужду въ великой помощи дѣлателя. Потому-то Онъ и говоритъ: *творящую плодъ, отрѣбитъ ю*. Когда вѣтвь безплодна и можетъ быть на лозѣ, (дѣлатель) отрѣкаетъ ее, а когда приноситъ плодъ—очищаетъ ее и чрезъ то дѣлаетъ еще болѣе плодоносною. Это впрочемъ можно разумѣть и о бѣдствіяхъ, которыя въ то время угрожали ученикамъ. Выраженіе: *отрѣбитъ ю* значитъ—обрѣжетъ, отчего вѣтвь дѣлается болѣе плодоносною. Этимъ показывается, что искушенія сдѣлаютъ учениковъ особенно сильными. А чтобы они не стали спрашивать, о комъ это сказано, и чтобы опять не привести ихъ въ безпокойство, Онъ говоритъ: *уже вы чисти есте за слово, еже ялаолахъ вамъ* (ст. 3). Видишь, какъ Онъ представляетъ самого Себя заботящимся о вѣтвяхъ? Я, говоритъ, очистилъ васъ. Хотя выше показываетъ, что это дѣлаетъ Отецъ, но между Отцемъ и Сыномъ нѣтъ никакого различія. Теперь нужно, чтобы и вы, съ своей стороны, дѣлали то, что слѣдуетъ. Затѣмъ, чтобы показать, что Онъ сдѣлалъ это не потому, что имѣлъ нужду въ ихъ служеніи, а для ихъ преуспѣянія, Онъ присовокупляетъ: *якоже роза не можетъ плода сотворити о себѣ*, такъ и тотъ, кто во Мнѣ не пребудетъ. А чтобы они не отдѣлились отъ Него изъ страха, Онъ укрѣпляетъ ослабѣвшую отъ боязни ихъ душу, тѣсно соединяетъ съ Собою и уже подаетъ благія надежды, такъ какъ корень всегда остается, а отдѣляться и отпадать свойственно вѣтвямъ. Потомъ, побудивъ ихъ съ обѣихъ сторонъ — и со стороны пользы, и со стороны вреда, Онъ требуетъ того, что составляетъ нашу первую обязанность. *Иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ* (ст. 5). Видишь, что и Сынъ участвуетъ въ попеченіи объ ученикахъ не меньше Отца? Если Отецъ очищаетъ, за то Сынъ содержитъ въ Себѣ; а отъ пребыванія на корнѣ и зависитъ плодоношеніе вѣтвей. Пусть вѣтвь и не очищается, но все же, оставаясь на корнѣ, она приноситъ плодъ, хотя и не въ такомъ количествѣ, въ какомъ бы слѣдовало; если же не остается,—и совсѣмъ не приноситъ плода. Впрочемъ уже показано, что и Сыну свойственно очищать, равно какъ быть корнемъ—Отцу, родившему и корень.

2. Видишь ли, какъ у нихъ все общее—и очищать, и имѣть силу корня? Конечно, великъ вредъ (для вѣтви) и въ томъ, когда

412 она не можетъ ничего производить; но (Христось) не въ этомъ только поставляетъ наказаніе, а ведетъ рѣчь далѣе. *Извержется*, говорить, *онъ*,—не будетъ уже пользоваться попеченіемъ дѣлателя; и *изыщется*, то есть, потеряетъ все, что имѣла отъ корня; если имѣла какую-либо благодать, лишится ея и останется безъ помощи и жизни, сообщаемой отъ корня. И что же наконецъ? *Въ онъ властется* (ст. 6). Но не таковъ удѣлъ человѣка, пребывающаго во Христѣ. Далѣе показывается, что значить пребывать, и говоритъ: *еще малою Мои въ васъ пребудутъ* (ст. 7). Видишь ли, что и прежде я справедливо сказалъ, что Онъ требуетъ отъ насъ доказательства отъ дѣлъ? Дѣйствительно, сказавши: *еще аще что просите, то сотворю* (Іоан. хiv, 13), Онъ присовокупилъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите* (ст. 15). Такъ и здѣсь: *аще пребудете во Мнѣ, и малою Мои въ васъ пребудутъ, ея же аще хотите, просите и будетъ вамъ* (хv, 7). Все же это Онъ говорилъ для того, чтобы показать, что злоумышляющіе противъ Него будутъ сожжены, а они принесутъ плодъ. Перенесши такимъ образомъ страхъ отъ нихъ на злоумышленниковъ и показавъ, что они будутъ непобѣдимы, Христось говоритъ: *о семъ прославися Отецъ Мой, да плодъ многа сотворите, и будете Мои ученицы* (ст. 8). Чрезъ это Онъ придаетъ Своему слову достовѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, если принесеніе плодовъ имѣетъ отношеніе къ славѣ Отца, то Онъ не оставитъ въ небреженіи Своей славы. *И будете Мои ученицы*. Видишь ли, что тотъ Его ученикъ, кто приноситъ плодъ? А что значить: *о семъ прославися Отецъ*? Это значить: Онъ радуется, когда вы во Мнѣ пребываете, когда приносите плодъ. *Якоже возлюбилъ Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ* (ст. 9). Здѣсь уже говоритъ человѣкообразіе, потому что рѣчь, приспособленная къ понятіямъ людей, имѣетъ особенную силу. Подлинно, сколь великую мѣру любви выказалъ Тотъ, кто благоволилъ умереть, кто, удостоивъ такой чести рабовъ, враговъ и противниковъ, возвелъ на небо! А если Я люблю васъ, то не бойтесь. Если слава Отца въ томъ, чтобы вы приносили плодъ, то не опасайтесь никакого зла. Потомъ, чтобы не сдѣлать ихъ безпечными,—смотри, какъ Онъ поощряетъ ихъ. *Будите въ любви Моей*; это уже отъ васъ зависить. Какъ же это сдѣлать? *Аще заповѣди Моя, говорятъ, соблюдете, якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ* (ст. 10). Опять идетъ рѣчь человѣкообразная, потому что законодатель, очевидно, не могъ подлежать заповѣдямъ. Видишь ли, что и здѣсь такъ сказано,—о чемъ я всегда повторяю,—по немощи слушающихъ? Дѣйствительно: Онъ многое говоритъ сообразно съ ихъ понятіями и всячески показываетъ, что они въ безопасности и что ихъ враги погибнутъ, и что все, что они имѣютъ,

имѣють отъ Сына, и что, если они будутъ вести жизнь безукоризненную, никто и никогда не одолѣетъ ихъ. Замѣть же и власть, съ какою Онъ бесѣдуетъ съ ними. Не сказалъ: *будьте ѡ любви* Отца, но: *ѡ Моей*. Такимъ образомъ, чтобы не сказали: Ты сдѣлалъ насъ ненавистными для всѣхъ, и теперь оставляешь насъ и отходишь,—показываетъ, что Онъ не оставляетъ ихъ, а напротивъ, если только они пожелаютъ, такъ тѣсно соединится съ ними, какъ лоза съ вѣтвями. А чтобы они, съ другой стороны, предавшись надеждѣ, не сдѣлались безпечными, Онъ говоритъ, что ихъ благополучіе не будетъ неизмѣнно, если они будутъ перадивы. Потомъ, чтобы не приписать всего дѣла Себѣ самому и не подать имъ повода къ большому паденію,—говоритъ: *о семъ прославися Отецъ*. Такъ вездѣ выказываетъ Свою любовь къ нимъ вмѣстѣ съ любовію Отца. Значить, не въ томъ слава, что было у іудеевъ, но въ томъ, что они имѣли получить. А чтобы они не сказали: мы лишились отцовскаго наслѣдства, мы всѣми оставлены и сдѣлались нагими и ничего не имѣющими,—Христосъ говоритъ: посмотрите на Меня, Меня любить Отецъ, и однакожъ Я подвергаюсь предстоящимъ бѣдствіямъ. Такъ и васъ Я оставляю теперь не потому, чтобы 418 не любилъ васъ. Если Я подвергаюсь смерти и однакожъ не считаю этого знакомъ нелюби къ Себѣ Отца, то и вамъ не должно смущаться. Если вы пребудете въ любви Моей, то всѣ эти бѣдствія нисколько не повредятъ вамъ въ любви.

8. Итакъ, если любовь сильна и необорима, и состоитъ не въ однихъ словахъ, то покажемъ ее на дѣлѣ. Христосъ примирилъ насъ съ Собою, когда мы были врагами; мы же, сдѣлавшись друзьями, постараемся остаться ими. Онъ началъ, а мы будемъ хотя продолжать. Онъ любить не для Своей пользы, потому что ни въ чемъ не нуждается; а мы будемъ любить хотя изъ-за своей выгоды. Онъ возлюбилъ враговъ, а мы станемъ любить хотя друга. Но мы поступаемъ напротивъ. Мы ежедневно хулимъ Бога хищеніемъ и любостыжаніемъ. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ скажетъ: ты каждый день бесѣдуешь о любостыжаніи. О, если бы можно было говорить объ этомъ и каждую ночь! О, если бы и тотъ, кто сопутствуетъ вамъ на площади и сидитъ съ вами за трапезою, если бы и жены, и друзья, и дѣти, и рабы, и земледѣльцы, и сосѣди, и даже полъ и стѣны могли наливаться этою рѣчь, чтобы чрезъ то, хотя немного, мы поудержались! Этотъ недугъ объялъ всю вселенную, обладаетъ душами всѣхъ,—и, поистинѣ, велика сила мамоны! Мы искуплены Христомъ, а служимъ золоту; проповѣдуемъ владычество одного, а покоряемся другому, и что бы онъ ни приказалъ, исполняемъ съ

усердіемъ, и забываемъ для него и родство, и дружбу, и природу, и законы, и все. Никто не обращаетъ взоровъ на небо, никто не помышляетъ о будущемъ. Но настанетъ время, когда не будетъ пользы и отъ этихъ рѣчей. *Во адѣ*, сказано, *кто исповѣтается тебѣ* (Пс. vi, 6)? Вожделѣнно золото, — оно доставляетъ намъ много наслажденій, и придаетъ почетъ; но — не столько, сколько небо. Богача многіе и отвращаются, и ненавидятъ, а челоуѣка добродѣтельнаго уважаютъ и почитаютъ. Но надъ бѣднымъ, скажешь, смѣются, хотя бы онъ былъ и добродѣтеленъ? Смѣются, но не люди, а безсловесные, почему и не нужно обращать на то вниманія. Вѣдь, если бы мычали ослы и каркали вороны, а всѣ люди мудрые хвалили бы, — мы, конечно, не пренебрегли бы мнѣніемъ послѣднихъ и не стали бы обращать вниманія на крики безсловесныхъ. А тѣ, которые высоко цѣнятъ предметы настоящіе, подобны воронамъ и хуже ословъ. Если бы тебя хвалилъ царь земной, — ты, вѣрно, нисколько не заботился бы о мнѣніи толпы, хотя бы и всѣ смѣялись надъ тобою. Ужели же, когда тебя хвалитъ Владыка всѣхъ, ты будешь искать еще похвалы отъ жуковъ и комаровъ? А таковы, дѣйствительно, эти люди въ сравненіи съ Богомъ, и даже не таковы, а еще хуже. Доколѣ жъ мы будемъ пресмыкаться въ грязи? Доколѣ будемъ поставлять для себя судьями безпечныхъ лѣнниковъ и чревоугодниковъ? Они могутъ хорошо оцѣнивать игроковъ въ кости, пьяницъ и живущихъ для чрева, а добродѣтели и порока они не могутъ вообразить себѣ и во снѣ. Если бы кто сталъ смѣяться надъ тобою потому, что ты не знаешь, какъ провести каналы для стока воды, — ты, безъ сомнѣнія, не оскорбился бы, а напротивъ, даже посмѣялся бы надъ укоряющимъ въ такомъ незнаніи. Зачѣмъ же, желая подвизаться въ добродѣтели, поставляешь для себя судьями людей, которые совсѣмъ не знаютъ ея? Потому-то мы никогда и не успѣваемъ въ этомъ искусствѣ. Мы ввѣряемъ свое дѣло не людямъ опытнымъ, а невѣждамъ; а они судятъ не такъ, какъ требуетъ искусство, а по собственному невѣжеству. Потому, умоляю васъ, будемъ презирать мнѣніемъ толпы; особенно же не станемъ желать ни похвалъ, ни имѣній, ни богатства, и не будемъ считать бѣдность за какое-либо зло. Бѣдность научаетъ насъ и мудрости, и терпѣнію, и всякому любуудрію. Вѣдь и Лазарь жилъ въ бѣдности и, однакожъ, былъ увѣнчанъ; и Іаковъ желалъ имѣть только хлѣбъ; и Іосифъ находился въ крайней бѣдности и былъ не только рабомъ, но и узникомъ, и, однакожъ, поэтому мы еще болѣе удивляемся ему. Мы не столько восхваляемъ его въ томъ случаѣ, когда онъ раздавалъ пшеницу, сколько въ томъ, когда находился въ темницѣ, — не столько

тогда, когда былъ въ оковахъ, — не тогда, когда возсѣдалъ на тронѣ, а когда подвергался кознямъ и былъ проданъ. Итакъ, представляя себѣ все это и помышляя о вѣнцахъ, сплетаемыхъ этими подвигами, будемъ удивляться не богатству и почестямъ, не удовольствіямъ и владычеству, а бѣдности, оковамъ, узамъ и терпѣнію ради добродѣтели. Конецъ первыхъ исполненъ смятенія и безпокойства, и обладаніе ими соединено съ настоящимъ только жизнію; а плодъ послѣднихъ — небо и небесныя блага. *иже око не видѣ и ухо не слыша*, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXVII.

Сія глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы (Іоан. .xv. 11, 12).

1. За всякое доброе дѣло тогда бываетъ награда, когда оно 418 приходитъ къ надлежащему концу; если же оно прервется, не достигнувъ конца, то уже бываетъ кораблекрушеніе. И какъ корабль, везущій богатый грузъ, если не успѣетъ войти въ пристань, а потонетъ въ срединѣ моря, не получаетъ никакой пользы отъ долгаго плаванія, а напротивъ, тѣмъ бываетъ несчастнѣе, чѣмъ больше понесъ трудовъ, такъ точно и души, которыя падаютъ прежде конца трудовъ и ослабѣваютъ среди подвиговъ. Потому и Павелъ сказалъ, что слава, честь и миръ будутъ удѣломъ тѣхъ, которые текутъ *по терпѣнію* добрыхъ дѣлъ (Рим. п, 7). Это же и Христосъ внушаетъ теперь ученикамъ. 414 Онъ выразилъ имъ Свою любовь, — и они радовались о Немъ. Но такъ какъ наступавшее страданіе и печальныя рѣчи должны были прекратить ихъ радость, то Онъ, достаточно побесѣдовавши съ ними и утѣшивши ихъ, говоритъ: *сія глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится*, — то есть, чтобы вы не отпали отъ Меня, чтобы не прекратили своего теченія. Вы радовались о Мнѣ и много радовались, но вотъ вы подверглись печали. Итакъ, чтобы радость ваша достигла конца, Я уничтожаю эту печаль, показывая вамъ, что о настоящихъ событіяхъ нужно не печалиться, а радоваться. Я видѣлъ, что вы соблазнились, но — не пренебрегъ, не сказалъ: зачѣмъ вы теряете мужество, — а говорилъ то, что могло принести вамъ утѣшеніе. Такъ

415 хочу Я всегда соблюдать васъ въ той же любви. Вы слышали о царствіи—и радовались. А Я сказать вамъ это, чтобы исполнилась радость ваша.

Сія есть заповѣдь, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбилъ вы. Видишь ли, что любовь къ Богу тѣсно связана съ нашею и соединена съ нею какъ бы нѣкоторою цѣпью? Потому-то (Христосъ) иногда говорить о двухъ заповѣдяхъ, а иногда объ одной—такъ какъ невозможно, получивши одну, не имѣть и другой. Иногда Онъ говорить: въ этомъ законъ и пророцы висятъ (Матѳ. ххп, 40); а иногда: *елика хощете, да творятъ вамъ человецы, тако и вы творите имъ. Сей бо есть законъ и пророцы* (Матѳ. үп, 12). Также: *исполненіе закона любви* (Рим. хш, 10). Это же говорить и здѣсь. Если пребываніе (въ Богѣ) зависитъ отъ любви, а любовь отъ исполненія заповѣдей, а заповѣдь состоитъ въ томъ, чтобы мы любили другъ друга, то, очевидно, пребываніе въ Богѣ зависитъ отъ нашей взаимной любви. И не просто говорить о любви, но указываетъ и образъ любви: *якоже Азъ возлюбилъ вы.* Затѣмъ снова показывать, что Онъ отходитъ не по ненависти, а по любви; и потому-то, говорить, вы особенно и должны были прославлять Меня, такъ какъ за васъ Я полагаю душу Мою. Впрочемъ Онъ нигдѣ не говорить такъ, но выше—изображая добраго пастыря, а здѣсь—наставляя учениковъ и показывая какъ величіе любви, такъ и то, каковъ Онъ. А почему Онъ вездѣ перевозитъ любовь? Потому, что она есть признакъ учениковъ, она—утвержденіе добродѣтели. Потому-то и Павелъ такъ много говорить о ней, какъ истинный ученикъ Христовъ, узавшій ее по опыту. *Вы друзи Мои есте. Не ктому васъ глаголю рабы; рабъ бо не вѣсть, что творить господь его. Вы друзи Мои есте, вся бо, елика слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ* (ст. 14, 15). Какъ же онъ говорить: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нима* (Іоан. хѳ, 12)? Словами: *вся я:* елика слышахъ Онъ внушаетъ не другое что, по именно то, что Онъ не говорить ничего посторонняго, но только слышанное отъ Отца. А такъ какъ преимущественнымъ знакомъ дружбы считается то, когда сообщаются тайны, то вы, говорить, удостоены и этого общенія. Когда же говорить: *вся*, то разумѣть все, что имъ нужно было слышать. Потомъ выставляеть и другой не малый знакъ дружбы. Какой же именно? *Не вы*, говорить, *Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (ст. 16), то есть, Я искалъ вашей дружбы. И на этомъ не остановился; но еще говорить: *и положихъ васъ*, то есть, насадилъ, *да вы идете* (все еще продолжаетъ сравненіе съ виноградною лозою), то есть, чтобы вы распространялись, *и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ.* Если же плодъ пребудетъ, то тѣмъ болѣе вы. Я не только, гово-

рить, возлюбилъ васъ, но и осыпалъ васъ величайшими благо-
дѣянiями, распростирая вѣтви ваши по всей вселенной.

2. Видишь ли, сколько Онъ употребляетъ способовъ, чтобы
выказать любовь? Онъ открылъ тайны, Онъ первый искалъ ихъ
дружбы, Онъ даровалъ имъ великія блага, Онъ за нихъ под-
вергся страданiямъ. Здѣсь же показываетъ, что Онъ и постоянно
будетъ пребывать съ ними; они будутъ приносить плодъ, а чтобы
приносить плодъ, для этого необходимо имѣть Его помощь. *Да
еюже аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (ст. 16). Но
вѣдь исполнять прошенiя — дѣло того, кого просятъ: какъ же
исполняетъ Сынъ, когда просятъ Отца? Это — чтобы ты зналъ,
что Сынъ не меньше Отца. *Сiя многазъ вамъ, да любите другъ
друга* (ст. 17), то есть; Я говорю не въ укоръ, что Я душу Мою
полагаю, что Я предварилъ васъ дружбою, но — для того, чтобы 416
привести васъ къ дружеству. Потомъ, такъ какъ терпѣть отъ
большой части людей гоненiе и поношенiе — дѣло тяжелое и не-
выносимое, которое можетъ повергнуть въ уныніе и душу воз-
вышенную, то Христосъ приступаетъ къ этому предмету уже
послѣ того, какъ напередъ сказалъ весьма многое. Предварительно
Онъ смягчилъ ихъ душу, а уже потомъ начинаетъ говорить объ
этомъ и ясно показываетъ, что и это, равно какъ и все другое,
какъ уже Онъ показалъ, совершается для ихъ пользы.

Какъ прежде сказалъ, что не только не нужно скорбѣть, а
напротивъ нужно еще радоваться тому, что Онъ отходитъ къ
Отцу, — такъ какъ Онъ дѣлаетъ это не потому, что покидаетъ
ихъ, а потому, что очень любить, — такъ и здѣсь показываетъ,
что имъ должно радоваться, а не скорбѣть. И смотри, какъ Онъ
располагаетъ къ этому. Не сказалъ: знаю, что это прискорбно,
но потерпите для Меня, такъ какъ вы и страдаете за Меня. Та-
кая причина была еще недостаточна для ихъ утѣшенiя; и по-
тому, оставивъ ее, Онъ предлагаетъ другую. Какую же именно?
Ту, что это служить доказательствомъ самой высокой добродѣ-
тели и что слѣдуетъ скорбѣть не о томъ, что васъ будутъ теперь
ненавидѣть, а напротивъ тогда, когда бы васъ стали любить. На
это Онъ намекаетъ словами: *аще отъ міра вы бы были, міръ убо
своего любилъ бы* (ст. 19). Значитъ, если бы вы были любимы, то это
было бы явнымъ знакомъ вашей порочности. Но такъ какъ, ска-
завъ это, Онъ не успѣлъ еще утѣшить ихъ, то опять продол-
жаетъ рѣчь: *нѣтъ рабъ боліи юспода своего. Аще Мене изнана, и
васъ изженуть* (ст. 20). Здѣсь показываетъ, что поэтому-то въ осо-
бенности они будутъ (Его) подражателями. Въ самомъ дѣлѣ,
пока Христосъ былъ во плоти, брань велась противъ Него; а
когда Онъ переселился, тогда настала брань противъ нихъ. И

такъ какъ они, будучи малочисленны, тревожились тѣмъ, что должны будутъ сражаться противъ такого множества, то Онъ ободряетъ ихъ души, говоря, что потому-то особенно имъ и должно радоваться, что ихъ будутъ ненавидѣть. Черезъ это, говорить, вы сдѣляетесь соучастниками Мнѣ въ страданіяхъ. Итакъ, вы не должны смущаться; вы не лучше Меня, потому что, какъ Я уже сказалъ, *нѣсть рабъ болѣй господя своего*. Затѣмъ слѣдуетъ и третье утѣшеніе, именно то, что вмѣстѣ съ ними подвергается оскорбленію и Отецъ. *Сія аса*, говорить, *сотворятъ за имя Мое, яко не видятъ послишаго Мя* (ст. 21), то есть, оскорбляютъ и Его. Далѣе, лишая враговъ всякаго извиненія, а вмѣстѣ предлагая и новое утѣшеніе, говорить: *аще не быхъ пришелъ, и мало-мало имъ, грѣха не быша имѣли* (ст. 22). Этимъ показываетъ, что всѣ дѣйствія враговъ и въ отношеніи къ Нему, и въ отношеніи къ нимъ—несправедливы. Зачѣмъ же Ты привелъ насъ къ такимъ бѣдствіямъ? Ужели не предвидѣлъ брани и ненависти? Поэтому Онъ опять говорить: *ненавидѣй Мене, и Отца Моего ненавидитъ* (ст. 23),—предвозвѣщая и здѣсь врагамъ не малое наказаніе. Такъ какъ они въ свое оправданіе ссылались на то, что гонятъ Его ради Отца, то этими словами Онъ отнялъ у нихъ такое оправданіе. Они не имѣютъ никакого извиненія. Преподавъ ученіе на словахъ, Я подтвердилъ его дѣлами, согласно съ закономъ Моисеевымъ, который всѣмъ повелѣлъ повиноваться тому, кто будетъ подобнымъ образомъ говорить и дѣйствовать, кто будетъ и руководить къ благочестію, и совершать величайшія чѹдеса. И не просто сказалъ Онъ: чѹдеса, но—*иже имъ никтоже сотвори* (ст. 24). Объ этомъ и сами они свидѣтельствовали, когда говорили: *никогдаже явися тако во Израили* (Матѳ. ix, 33), и *отъ отца нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпому рождѣну* (Іоан. ix, 32). Таково же и чудо надъ Лазаремъ; таковы же и всѣ другія чѹдеса, равно какъ и образъ чудодѣйствія,—все ново и необыкновенно. За что же, могли сказать, и Тебя и насъ преслѣдуютъ? *Яко отъ міра нѣсте. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (ст. 19). Напоминастъ имъ слова, которыя нѣкогда сказалъ и братьямъ Своимъ; но тогда Онъ говорилъ осторожнѣе, чтобы не утѣшить ихъ, а теперь, напротивъ, открылъ все. Изъ чего же видно, что насъ ненавидятъ за это? Изъ того, что было со Мною. Въ какомъ, скажи Мнѣ, словѣ или дѣлѣ могли обвинить Меня? И однакожь они не приняли Меня. А чтобы это не было для насъ изумительно, Онъ указалъ и причину, именно—злобу ихъ; но и на этомъ не остановился, а приводитъ еще и пророка, показывая, что онъ издревле предвозвѣстилъ и сказалъ: *возненавидѣша Мя туне* (Пс. lxxviii, 5). Такъ поступаетъ и Па-

вель. Когда многіе удивлялись, отчего не увѣровали іудеи,— онъ приводитъ пророковъ, которые издревле предсказали объ этомъ и сказали причину невѣрія, именно— ихъ злобу и гордость. Что же? Если они не соблюли Твоего слова, а потому не соблюдутъ и нашего; если они Тебя преслѣдовали, а потому будутъ преслѣдовать и насъ; если они видѣли такія знаменія, какихъ никто другой не совершилъ; если слышали такія слова, какихъ никто не говорилъ, и не получили никакой пользы; если они ненавидятъ Твоего Отца, а вмѣстѣ съ Нимъ и Тебя,— то для чего же, скажи, Ты насъ ввергъ въ среду ихъ? Какъ возможно, чтобы мы были достойны вѣры? И кто изъ единоплеменниковъ нашихъ послушаетъ насъ?

8. Чтобы, помышляя объ этомъ, они не смущались, смотри, какое Онъ предлагаетъ утѣшеніе. *Егда придетъ Утѣшитель, схоже Азъ пошлю, Духъ истинны, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуеетъ о Мнѣ. И вы же свидѣствуете, яко истинны со Мною есте* (ст. 26, 27). Онъ будетъ достоинъ вѣры, потому что Онъ—Духъ истинны. Потому-то и называлъ Его не Духомъ Святымъ, а Духомъ истинны. А слова: *иже отъ Отца исходитъ*—показываютъ, что Онъ знаетъ все въ точности. Такъ Христосъ и о самомъ Себѣ говорить: *отца, откуда придохъ и камо иду*, разсуждая и здѣсь объ истинѣ. *Ею же Азъ пошлю*. Вотъ видишь, не одинъ только Отецъ посылаетъ, но и Сынъ. И вы тоже будете достойны вѣры, такъ какъ вы были со Мною, а не отъ другихъ слышали. И апостолы, дѣйствительно, утверждались на этомъ, говоря: *иже съ Нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 1, 41). А что это сказано не изъ лести, о томъ свидѣтельствуеетъ Духъ. *Сіа маюлазъ вамъ, да не соблазнитесь* (Іоан. хvi, 1),—то есть, когда увидите, что многіе не вѣруютъ, и когда сами вы подвергнетесь бѣдствіямъ. *Отъ сомнѣнъ изжденуть вы*, потому что уже постановили, *да аще кто исповѣсть Христа, отлученъ отъ сомнѣнъ будетъ* (Іоан. ix, 22). *Но придетъ часъ, да еска, иже убѣствъ вы, возмнитъ службу приносити Богу* (хvi 2). Будутъ помогать вашей смерти, какъ бы дѣла благочестиваго и богоугоднаго. Затѣмъ опять предлагаетъ утѣшеніе. *И сіа соотвѣрять, яко не познаша Отца, ни Мене* (ст. 8). Достаточно для вашего утѣшенія, что вы будете терпѣть это за Меня и за Отца. Здѣсь опять напоминаетъ имъ о блаженствѣ, о которомъ говорилъ въ началѣ: *блаженны есте, егда поносятъ вамъ, и изденуть и рекутъ еска золь маюла на вы лжущи, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мада ваша многа на небесахъ* (Мате. v, 11). *Сіа маюлазъ вамъ, да егда придетъ часъ, воспомянете сіа, а поэтому признаете вѣрнымъ и все прочее*. Вамъ, конечно, уже нельзя будетъ сказать, что Я, лстя вамъ, говорилъ только пріятное для васъ, и что слова Мои были

418 обманъ. Кто имѣлъ бы въ виду обмануть, тотъ не сталъ бы и предсказывать намъ непріятнаго. Для того Я предсказалъ объ этихъ бѣдствіяхъ, чтобы они нечаяннымъ нашествіемъ не смутили васъ, а съ другой стороны, и для того, чтобы не говорили, будто Я не предвидѣлъ, что они наступятъ. Итакъ вспоминайте, *яко азъ рече вамъ* (ст. 4). И дѣйствительно, іудеи, преслѣдуя ихъ, всегда прикрывались коварнымъ предлогомъ, будто гонятъ ихъ, какъ людей вредныхъ. Но это не смущало учениковъ. Они уже папередъ слышали и знали, за что они страдаютъ, и эта причина могла вполне ободрить ихъ. Потому-то Христосъ вездѣ и выставляетъ ее, говоря: *не познаша Мене, и: сотворятъ за Меня, за имя Мое* и за Отца (Іоан. хv, 21; хvi, 8), и: Я первый пострадалъ, и: отваживаются на это несправедливо.

4. Будемъ же и мы помышлять объ этомъ во время искушеній. Когда терпимъ что-либо отъ злыхъ людей, то, взирая на Начальника нашего и Совершителя вѣры, будемъ представлять себѣ, что терпимъ отъ злыхъ людей, терпимъ за добродѣтель и за Него. Если станемъ помышлять объ этомъ, то все будетъ легко и сносно. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый даже хвалится тѣмъ, когда страдаетъ за возлюбленныхъ, то будетъ ли чувствовать какую-либо скорбь тотъ, кто претерпитъ что-нибудь за Бога? Если Христосъ ради насъ назвалъ славою то, что всего поноснѣе—крестъ, то тѣмъ болѣе такъ должно думать намъ. Если же мы можемъ столько презирать страданія, то тѣмъ болѣе—богатство и любостяжаніе. Итакъ, когда намъ предстоитъ потерпѣть что-нибудь непріятное, мы должны помышлять не только о трудахъ, но и о вѣнцахъ. Какъ купцы думаютъ не только о моряхъ, но и о прибыли, такъ и намъ должно помышлять о небѣ и о дерзновеніи къ Богу. Если пріятною представится тебѣ любостяжательность,—подумай, что на это не соизволяетъ Христосъ, и она тотчасъ же покажется тебѣ противною. Опять, если тебѣ тяжело будетъ подать нищему, то ты не останавливайся мыслию на издержкѣ, а тотчасъ же представь себѣ жатву отъ этого сѣянія. И когда тебѣ трудно будетъ воздержаться отъ страстного вожделѣнія къ чужой женѣ, то подумай о вѣнцѣ за подвигъ—и легко совершишь подвигъ. Если и людской страхъ удерживаетъ отъ постыдныхъ дѣлъ, то тѣмъ болѣе—любовь ко Христу.

Сурова добродѣтель, но будемъ представлять ее облеченною въ величіе будущихъ обѣтованій. Люди съ душою возвышенною находятъ ее и безъ этого, саму по себѣ, прекрасною, и потому стремятся къ ней, живутъ добродѣтельно не изъ-за награды, а для угожденія Богу, и высоко цѣнятъ цѣломудріе не для того, чтобы избѣжать наказанія, а потому, что такъ повелѣлъ Богъ.

Если же кто болѣе немощенъ; тотъ пусть представляетъ себѣ и награды. Такъ будемъ поступать и по отношенію къ милостынѣ: будемъ милосерды къ единоплеменникамъ и не станемъ презирать гибнущихъ отъ голода. Не крайняя ли, въ самомъ дѣлѣ, несообразность въ томъ, что мы сами сидимъ за трапезою въ смѣхъ и пресыщеніи, а между тѣмъ, проходя по улицѣ и слыша, какъ другіе плачутъ, не только не обращаемъ на ихъ плачъ вниманія, но еще негодуемъ на нихъ и называемъ ихъ обманщиками? Что ты говоришь, человѣкъ? Ужели изъ-за одного хлѣба станетъ кто-нибудь обманывать? Да, скажешь ты. Въ такомъ случаѣ, тѣмъ скорѣе нужно сжалиться надъ нимъ, тѣмъ скорѣе нужно избавить его отъ нужды. Если же ты не хочешь подать,—по крайней мѣрѣ, не оскорбляя; если не хочешь спасти отъ утопленія,—по крайней мѣрѣ, не ввергай въ пропасть. Подумай, какъ ты будешь умолять Бога о помощи, когда отвергаешь пришедшаго къ тебѣ нищаго. *Въ нѣмъ же, сказано, мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѣ. vii, 2). Подумай, съ какимъ сокрушеніемъ онъ отходитъ: голова его склонилась долу, онъ плачетъ, при нищетѣ онъ получилъ еще новую рану отъ презрительнаго съ нимъ обращенія. Если и просить милостыню вы считаете крайнимъ несчастіемъ, то подумай, какую бурю испытываетъ тотъ, кто просить, но не получаетъ и еще отходитъ поруганнымъ. Доколѣ мы будемъ уподобляться дикимъ звѣрямъ и забывать самую природу изъ любостыжанія? Многіе вздыхаютъ при этомъ, не^я хочу, чтобы вы не теперь только, а всегда имѣли такое состраданіе. Подумай о томъ днѣ, когда мы предстанемъ на судъ Христовъ, когда будемъ просить о помилованіи себя и Христосъ, поставивъ нищихъ предъ лице всѣхъ, скажетъ намъ, что изъ-за одного хлѣба и одного овола вы возбудили такую бурю въ этихъ душахъ. Что мы отвѣтимъ? Чѣмъ оправдаемся? А что Онъ поставитъ ихъ предъ лице всѣхъ, это ты можешь узнать изъ Его словъ: *поможе не сотвористе единому сизъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѣ. xxv, 45). Не они уже будутъ обращаться къ намъ съ рѣчью, а Богъ будетъ обвинять насъ за нихъ. Когда и богачъ увидѣлъ Лазаря,—Лазарь ничего не сказалъ ему, но говорилъ за него Авраамъ. Такъ будетъ и съ нищими, которыхъ мы презираемъ. Мы увидимъ ихъ не въ жалкомъ видѣ, не съ простертыми руками, но въ состояніи покоя; а между тѣмъ сами явився въ ихъ видѣ. И, о, если бы мы явились только въ ихъ видѣ, а не подверглись гораздо тягчайшему наказанію! Вѣдь богачъ не отъ крупницъ только желалъ тамъ насытиться, а томился въ пламени, жестоко мучился и слышалъ: *яко воспріялъ еси благая въ житіи твоемъ, и Лазарь такожде злая* (Лук. xvi, 26). Итакъ, не бу-

демъ считатьъ богатство чѣмъ-нибудь великимъ. Оно приведетъ насъ къ мученію, если мы не будемъ внимательны; а если будемъ внимательны, то и бѣдность доставитъ намъ и наслажденіе, и покой. Если будемъ переносить ее съ благодарностію, то и отъ грѣховъ освободимся, и приобрѣтемъ великое держановеніе предъ Богомъ.

5. Итакъ, не будемъ всегда искать покоя, чтобы тамъ наслаждаться покоемъ. Предпримемъ труды для добродѣтели, отсѣчемъ излишнее, не станемъ искать ничего большаго, но все, что имѣемъ, будемъ расточать на нуждающихся. Иначе, какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда Богъ общается намъ небо, а мы не подаемъ Ему и хлѣба? Онъ возжигаетъ для тебя солнце и предоставляетъ всю тварь въ твое служеніе; а ты не даешь Ему и одежды и не хочешь раздѣлить съ Нимъ твоего крова? И что я говорю о солнцѣ и о твари? Онъ предложилъ тебѣ тѣло и даровалъ честную кровь; а ты не даешь Ему и чаши воды? Но ты подалъ однажды? Да это—не милость; если ты не подаешь, пока имѣешь, ты не все еще исполнилъ. Вѣдь и дѣвы, у которыхъ были свѣтильники, имѣли елей, но не въ достаточномъ количествѣ. И въ томъ случаѣ, если бы ты подавалъ отъ своего, тебѣ не слѣдовало бы скупиться; но ты подаешь принадлежащее Господу,—зачѣмъ же скряжничаетъ? Хотите ли, я скажу причину такого безчеловѣчія? Эти люди любостыжаніемъ наживаютъ имѣніе и оттого скупы на милостыню. Кто привыкъ такъ приобрѣтать, тотъ не умѣетъ издерживать. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, тому, кто привыкъ къ хищничеству, расположить себя къ противоположному? Какъ будетъ давать другому свое, кто беретъ чужое? И псѣ какъ скоро привыкъ питаться мясомъ, уже не можетъ охранять стада, почему пастухи и убиваютъ такого рода псовъ. Чтобы и съ нами не случилось того же, будемъ воздерживаться отъ такой пищи,—вѣдь и тѣ питаются плотію, которые бываютъ причиною голодной смерти. Не видишь ли, какъ Богъ сдѣлалъ все для насъ общимъ? Если же допустилъ инымъ быть въ бѣдности, то и это для облегченія богатыхъ, чтобы они, подавая бѣднымъ милостыню, могли освободиться отъ грѣховъ. А ты и въ этомъ отношеніи сталъ жестокъ и безчеловѣченъ. Отсюда видно, что, если бы и въ большемъ ты имѣлъ такую же власть, то совершилъ бы множество убійствъ и отказалъ бы всѣмъ и въ свѣтѣ, и въ жизни. Чтобы этого не случилось, (Богъ) въ богатствѣ положилъ предѣлъ твоей ненасытности. Если вамъ больно слышать это, то тѣмъ больнѣе мнѣ видѣть это на дѣлѣ. Доколѣ ты богатъ, а тотъ бѣденъ? До вечера—не далѣе. Жизнь такъ коротка и все уже при дверяхъ, такъ что на все нужно смотрѣть,

какъ на короткій часъ. Къ чему тебѣ наполненныя кладовыя, множество слугъ и управителей? Для чего бы не имѣть тебѣ тысячи проповѣдниковъ милосердія? Кладовая не издаетъ никакого голоса, а еще привлекаетъ къ себѣ множество разбойниковъ; а что сберегается для бѣдныхъ, то взойдетъ къ самому Богу, и усладитъ настоящую жизнь, и разрѣшитъ всѣ грѣхи, и доставитъ славу у Бога и честь у людей. Зачѣмъ же ты не желаешь самому себѣ столькихъ благъ? Вѣдь не столько бѣднымъ ты сдѣлаешь добра, сколько самому себѣ, когда будешь имъ благотворить. Для нихъ ты улучшишь настоящее состояніе, а самому себѣ приготовишь будущую славу и дерзновеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

ВЕСЕДА LXXVIII.

Сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами бѣхъ. Нынѣ же иду къ пославшему Мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша (Іоан. xvi, 4—6).

1. Велика сила печали, и много намъ нужно мужества, 419 чтобы съ твердостію противостоятъ этой душевной болѣзни и, извлекая изъ ней пользу, — такъ какъ и въ ней есть нѣчто полезное, — избѣгать всего излишняго. Именно, только тогда хорошо печалиться, когда мы, или другіе, грѣшимъ; а когда мы впадаемъ въ обыкновенныя человѣческія несчастія, тогда печаль бесполезна. Потому-то, когда печаль поразила и учениковъ, какъ 420 людей еще несовершенныхъ, — смотри, какъ исправляетъ ихъ упрекомъ. Прежде они обращались къ Нему съ множествомъ вопросовъ. Такъ и Петръ говорилъ: камо идеши (Іоан. xiii, 36)? И Ѳома: не вѣмы, камо идеши, и како можемъ путь сподѣти? И Филиппъ: покажи намъ Отца Твоего (Іоан. xiv, 5—8). А теперь, услышавъ, что отъ сомнѣній изжужурѣли вы, что возненавидѣли васъ и что всякъ, иже убіетъ вы, возмнется службу приносить Богу, такъ упали духомъ, что даже объаты были нѣмотою и уже ничего Ему не говорятъ. Вотъ въ этомъ Онъ и укоряетъ ихъ, говоря: сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами 421 бѣхъ. Нынѣ же иду къ пославшему Мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша. Дѣйствительно, опасна неумѣренная печаль; опасна и можетъ довести до смерти: потому и Павелъ говорилъ: да не како

мною скорбію пожертвуватиме такий (2 Кор. п, 7). *Силь же вам исперва не рече*, говорить. Почему же не сказал сначала? Чтобы не сказал кто, что Онъ говорилъ по заключенію изъ многократныхъ прежнихъ случаевъ. Зачѣмъ же приступаетъ Онъ къ столь трудному дѣлу? Я знаю, говорить Онъ, это и сначала, и не говорилъ вамъ не по незнанію, но потому, что *съ вами былъ*. Опять и это (сказано) человѣкообразно. Какъ бы такъ говорить: вы были въ безопасности и вамъ можно было спрашивать всегда, когда вы хотѣли; вся война вoadвигнута была противъ Меня, и потому излишне было говорить объ этомъ сначала. Но ужели, дѣйствительно, Онъ этого не говорилъ? Не сказалъ ли Онъ, призвавъ двѣнадцать (учениковъ): *предъ владыки и цари ведени будете, и на соборищахъ бѣютъ васъ* (Матѣ. х, 18)? Какъ же теперь говорить: *исперви не рече*? Тогда Онъ предсказывалъ только удары и веденіе на судъ, а не то, что ихъ смерть будетъ казаться столь вождѣнною, что убіеніе ихъ стануть даже считать за служеніе Богу. А между тѣмъ, это особенно и могло устрашить ихъ, что ихъ будутъ судить, какъ нечестивцевъ и людей вредныхъ. Къ этому нужно прибавить и то, что тамъ Онъ говорилъ о страданіяхъ, которыя они должны были претерпѣть отъ язычниковъ; а здѣсь съ особенною силою сказалъ еще и о гоненіяхъ іудейскихъ, и показалъ, что они уже при дверяхъ. *Нимъ же иду къ пославшему Мя, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: како идемъ? Но яко сія малолахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца вашимъ*. Не малое они получили и отсюда утѣшеніе, узнавъ, что Ему извѣстна чрезмѣрность ихъ скорби. Они были въ крайнемъ смущеніи отъ страха разлуки съ Нимъ и отъ ожиданія имѣющихъ постигнуть ихъ бѣдствій, такъ какъ не знали, будутъ ли въ силахъ мужественно перенести ихъ. Но почему Онъ не сказалъ имъ объ этомъ послѣ, когда они уже удостоились Духа? Чтобы ты зналъ, что они были весьма добродѣтельны. Если, не удостоившись еще Духа, они не отпали, несмотря на то, что погружены были въ скорбь, то подумай, какими имѣли быть они, сподобившись благодати. Если бы они тогда услышали и перенесли, мы все приписали бы Духу; а теперь это всецѣло — плодъ ихъ души и ясное доказательство любви ко Христу, проистекавшей изъ одного ихъ сердца. *Но Азъ истину вамъ малолю* (ст. 7). Смотри, какъ Онъ опять утѣшаетъ ихъ. Не то, говорить, Я возвѣщаю вамъ, что пріятно для васъ; но, хотя вы и крайне печалитесь, однако надобно выслушать полезное. Вамъ хотѣлось бы, чтобы Я остался, но полезно—иное. А кто заботится, тому свойственно не щадить друзей, когда дѣло идетъ о ихъ пользѣ, и не отвлекать ихъ отъ того, что для нихъ выгодно. *Аще бо не иду Азъ,*

Утѣшитель не придетъ. Что скажутъ здѣсь не имѣющіе надлежащаго понятія о Духѣ? Ужели лучше, чтобы отшелъ Господь и пришелъ рабъ? Видишь ли, какъ велико достоинство Духа? *Аще ли же иду, пошлю его къ вамъ.* Какая же отсюда польза? *И придетъ, Онъ обличитъ міръ* (ст. 8), то есть, если Онъ придетъ, враги, поступая такъ, не останутся безъ наказанія. Конечно, и того, что уже сдѣлано, достаточно, чтобы заградить имъ уста; но когда и чрезъ Него явлены будутъ тѣже дѣла, когда и ученіе будетъ предложено совершеннѣйшее, и чудеса совершены еще большія, тогда они гораздо болѣе подвергнутся осужденію, такъ какъ будутъ видѣть, что все это совершается во имя Мое, чѣмъ еще очевиднѣе доказывається воскресеніе. Теперь они могутъ еще говорить: Онъ сынъ тектона, мы знаемъ Его отца и мать; но когда увидятъ, что смерть разрушается, зло истребляется, исправляются недостатки природы, прогоняются демоны, — когда увидятъ неизреченное подаваніе Духа и что все это дѣлается чрезъ призваніе Меня, — что они скажутъ тогда? Свидѣтельствовалъ о Мнѣ и Отецъ; свидѣтельствовать будетъ и Духъ. Онъ уже свидѣтельствовалъ и въ началѣ; но будетъ свидѣтельствовать и теперь.

2. Выраженіе: *обличитъ о грѣхъ* значитъ — отнять у нихъ всякое оправданіе и покажетъ, что ихъ преступленіе непростиительно. *И о правдѣ, яко ко Отцу Моему иду, и къ тому не видите Мене* (ст. 10), — то есть, что Я велъ жизнь беззаконную; а доказательство этому въ томъ, что Я иду ко Отцу. Такъ какъ они всегда въ обвиненіе Его говорили, что Онъ не отъ Бога, и потому называли его грѣшникомъ и беззаконникомъ, то Онъ говоритъ, что (Духъ) отнять у нихъ и этотъ предлогъ къ обвиненію. Въ самомъ дѣлѣ, если потому являюсь Я беззаконникомъ, что они думаютъ, будто Я не отъ Бога, то, когда Духъ покажетъ, что Я отошелъ къ Богу, и — не на время, но съ тѣмъ, чтобы пребывать тамъ (это именно и значатъ слова: *къ тому не видите Мене*), — что скажутъ они тогда? Смотри, какъ этими двумя (изреченіями) опровергается ихъ злое предположеніе. Вѣдь и творить чудеса несвойственно грѣшнику, потому что грѣшникъ не можетъ творить чудесъ; и всегда быть у Бога также несвойственно грѣшнику. Слѣдовательно, вы уже не можете говорить, что Онъ грѣшникъ, что Онъ не отъ Бога. *О судѣ же, яко князь міра осужденъ самъ* (ст. 11). Здѣсь опять возобновляетъ рѣчь о правдѣ, такъ какъ Онъ побѣдилъ противника. Если бы Онъ былъ грѣшникомъ, то не побѣдилъ бы, потому что этого не могъ сдѣлать никто даже изъ людей праведныхъ. А что (дѣволъ) осужденъ чрезъ Меня, это узнають тѣ, которые въ послѣдствіи будутъ поирать

его и ясно увидать Мое воскресеніе, которое служить знакомъ его осужденія, такъ какъ онъ не могъ удержать Меня. Значить, и то, что говорили, будто Я бѣса имѣю и будто Я обманщикъ,—и это окажется тогда ложнымъ. Я не побѣдилъ бы его, если бы Я былъ повиненъ грѣху. Теперь же онъ осужденъ и низверженъ. *Еще много имамъ, глаголати вамъ, но не можете носити нѣтъ* (ст. 12). Значить, лучше Мнѣ отойти, если вы въ состояніи будете разумѣть тогда, когда Я отойду. Что же? Развѣ Духъ больше Тебя, что теперь мы не можемъ уразумѣть, а Онъ дастъ намъ возможность уразумѣть? Ужели Его дѣйствіе сильнѣе и совершеннѣе? Нѣтъ; и Онъ будетъ говорить Мое. Поэтому и прибавляетъ: *не отъ себе глаголати имать, но елика аще услышите, глаголати имать и грядущая возглаголетъ. Онъ Мѧ прославитъ, яко отъ Моего приметъ, и возглаголетъ вамъ. Вся, елика имать, Отецъ, Мѧ сущъ* (ст. 13—15). Такъ какъ Онъ сказалъ, что Духъ васъ научитъ и вспомнѣетъ, и утѣшитъ васъ въ скорбяхъ,—чего самъ Онъ не сдѣлалъ,—и что лучше Мнѣ отойти, а Ему придти, что теперь вы не можете разумѣть, а тогда будете имѣть эту возможность, и что Онъ наставитъ на всякую истину,—то, чтобы, слыша это, они не подумали, что Духъ больше, и не впали въ крайнюю глубину нечестія, Онъ говоритъ: *отъ Моего приметъ*, то есть, что говорилъ Я, то и Онъ будетъ говорить. А словами: *ничего не будетъ отъ Себя*—дастъ разумѣть, что Духъ не будетъ говорить ничего противнаго, ничего отличнаго, сравнительно съ Моимъ. Слѣдовательно, какъ говоря о самомъ Себѣ: *отъ Себя не глаголю* (Іоан. xiv, 10), разумѣетъ то, что Онъ не говоритъ ничего, не принадлежащаго Отцу, ничего такого, что было бы отлично и чуждо, такъ точно и о Духѣ. А выраженіе: *отъ Моего* значить: изъ того, что Я знаю, отъ Моего знанія. Одно знаніе у Меня и у Духа. *И грядущая возглаголетъ вамъ*. Этими Онъ ободрилъ ихъ души, такъ какъ ни къ чему столько не склоненъ человѣчeskій родъ, какъ къ знанію будущаго. Объ этомъ они постоянно спрашивали Его: *камо идеши?* Какой это путь? И такъ, чтобы избавить ихъ и отъ этой заботы, Онъ говоритъ, что предвозвѣститъ вамъ все, чтобы ничто не постигло васъ нечаянно. *Онъ Мѧ прославитъ*. Чѣмъ? Тѣмъ, что во имя Мое совершитъ знаменія. И такъ какъ ученики, по пришествіи Духа, имѣли совершить большія чудеса,—то, чтобы опять выставить равночестіе (съ Духомъ), Христосъ говоритъ: *Онъ Мѧ прославитъ*. Но о какой говорить Онъ всякой истинѣ, когда свидѣтельствуешь, что наставитъ насъ на всякую истину? Самъ (Христосъ) часто не говорилъ о Себѣ ничего великаго и явно не отступалъ отъ закона, и потому что былъ облеченъ плотію, и для того, чтобы не

подумали, что Онъ говоритъ самъ о Себѣ, и потому, что апостолы еще не ясно знали о Его воскресеніи и были еще несовершенны, а также и по причинѣ іудеевъ, чтобы не дать имъ повода думать, будто они наказываютъ Его, какъ законопреступника. Когда же въ послѣдствіи ученики отдѣлились отъ іудеевъ, и іудеи были уже отвергнуты, когда многіе имѣли увѣровать и получить отпущеніе грѣховъ, когда уже другіе говорили о Немъ, а не самъ Онъ о Себѣ,—тогда справедливо было сказано великое. Не Моему, значить, невѣдѣнію, говоритъ (Христось), надобно приписать то, что Я не сказалъ всего, что слѣдовало сказать, но—немоги слушателей. Поэтому, сказавъ: *наставитъ на всяку истину*, прибавилъ: *не отъ себе глаголати имать*. А что Духъ не нуждается въ наученіи—послушай, что говоритъ Павелъ: *такимъ же и Божія никтоже вѣсть, точию Духъ Божій* (1 Кор. II, 11). Слѣдовательно, какъ духъ человѣка знаетъ не по наученію отъ другого, такъ и Духъ Святой. *Отъ Могого приметь*, то есть, будетъ говорить согласно съ Моимъ (словомъ). *Вся, елика имать Отца, Моя суть* (ст. 15). Если же Отчее—Мое, а Духъ будетъ говорить отъ принадлежащаго Отцу, то, значить, Онъ будетъ говорить отъ Моего.

8. Но почему же не пришелъ прежде отшествія Христова? А потому, что тогда проклятiе не было еще уничтожено, грѣхъ не былъ еще истребленъ, всѣ еще были повинны наказанію; поэтому Онъ и не пришелъ. Надобно, говоритъ Христось, чтобы напередъ вражда была уничтожена и вы примирились съ Богомъ, и тогда уже получили тотъ даръ. Но почему говоритъ: *послю ея*? Это значить: *предуготовлю васъ къ принятію Его*. Развѣ же возможно посылать Того, кто вездѣсущъ? Съ другой стороны, Онъ этимъ показываетъ и различіе ипостасей. Все же это говоритъ такъ по слѣдующей причинѣ: такъ какъ ученикамъ тяжело было разлучиться съ Нимъ, то этимъ Онъ убѣждаетъ ихъ и держаться Духа и чтить Его. Онъ могъ, конечно, и самъ дѣлать тоже (что Духъ); но предоставляетъ Ему творить чудеса, чтобы они познали Его достоинство. Какъ Отецъ могъ создать все существующее, и однакожъ творить Сынь, чтобы мы познали Его могущество, такъ точно и здѣсь. Для того Сынь и воплотился, чтобы предоставить дѣйствіе Духу и чрезъ то заградить уста тѣмъ, которые доказательство неизреченнаго чловѣколюбія обращаютъ въ поводъ къ нечестію. Въ самомъ дѣлѣ, они говорятъ, будто Сынь потому воплотился, что Онъ ниже Отца; но мы отвѣтимъ имъ: что же вы скажете о Духѣ? Вѣдь 424 Онъ не принялъ плоти, и однако же вы не говорите на этомъ основаніи, что Онъ больше Сына или что Сынь ниже Его. По-

тому-то и при крещеніи воспоминается Троица. Хотя и Отецъ все можетъ сдѣлать, и Сынъ, и Святой Духъ, но такъ какъ объ Отцѣ никто не сомнѣвается, сомнѣніе же было о Сынѣ и Духѣ Святомъ, то и принята (Троица) въ тайнодѣйствіи, чтобы, по общенію въ подаваніи тѣхъ неизреченныхъ благъ, мы познали и общеніе въ достоинствѣ. А что Сынъ и самъ по Себѣ можетъ то, что совершаетъ съ Отцемъ въ крещеніи, равно какъ и Духъ Святой,—послушай, какъ ясно объ этомъ сказано. Такъ, (Христосъ) говорилъ іудеямъ: *да уѣдете, яко власть имать Сынъ чело-вѣческій на землѣ отпущати грѣхы* (Марк. II, 10); и опять: *да сѣнове сѣта будете* (Іоан. XII, 36); и: *Азъ живу и отъчизны дамъ вамъ* (Іоан. I, 28); и потомъ еще: *да живу и дамъ вамъ* (Іоан. I, 10). Посмотримъ теперь, какъ тоже самое совершаетъ и Духъ. Гдѣ это можно видѣть? *Комуждо же, говоритъ, дается явленіе Духа на помышленіи* (1 Кор. XII, 17). А кто даруетъ это, тотъ тѣмъ болѣе отпускаетъ и грѣхи. И опять: *Духъ есть, иже освящается* (Іоан. VI, 68); и: *освященіемъ живущихъ Духомъ по во-вѣку* (Римл. VIII, 11); и: *Духъ живетъ правды ради* (Римл. VIII, 10); и еще: если же Духомъ водитесь, *нѣсть подъ закономъ. Не пріисте бо духа работи въ боляхъ, но пріисте Духъ снѣноположенія* (Римл. VIII, 15). Да и всѣ чудеса, какія тогда творили (апостолы), творили по дѣйствію пришествія Духа. И въ посланіи къ Коринѳянамъ Павелъ говорилъ: *но очиститесь, но освятитесь именомъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. VI, 11). Итакъ, поелику объ Отцѣ многое слышали, а Сына видѣли многое совершающимъ, о Духѣ же ничего ясно не знали, то (Духъ Святой) творить чудеса и вводитъ совершенное знаніе. Но, чтобы на этомъ основаніи они не стали считать Его, какъ я и прежде сказалъ, большимъ,—говорить: *слика аще увеличимъ, славолати имать, и грядущая возвеститъ*. Если же это не такъ, то не должны ли вы будете допустить нелѣпости, будто только тогда долженъ былъ услышать, и ради учениковъ? Вѣдь, по вашему мнѣнію, Онъ и тогда долженъ былъ получить знаніе только ради слушателей. А что можетъ быть беззаконнѣе такихъ словъ? Съ другой стороны, что бы Онъ могъ и услышать? Не все ли это Онъ сказалъ уже чрезъ пророковъ? Если Онъ долженъ былъ учить объ упраздненіи закона,—это уже было сказано. Если о Христѣ, о Его божествѣ и домостроительствѣ спасенія,—и это уже сказано. О чемъ же еще, и съ болѣею ясною, Онъ долженъ былъ сказать впослѣдствіи? *И грядущая возвеститъ*. Этими въ особенности показываетъ Его достоинство, такъ какъ предсказывать будущее преимущественно свойственно Богу. А если бы и это узнавалъ отъ другихъ, то не имѣлъ бы

пичего болѣе въ сравненіи съ пророками. Но здѣсь обнаруживаетъ совершенное знаніе, какое свойственно Богу, такъ какъ невозможно, чтобы Онъ говорилъ что-нибудь иное. Выраженіе же: *отъ Моего пріиметъ*—значить: или отъ дарованія, которое привзошло въ плоть Мою, или отъ знанія, которое и Я имѣю,—но не потому, чтобы Онъ нуждался или научался отъ другого, а потому, что знаніе одно и то же. Почему же сказалъ такъ, а не иначе? Потому, что (апостолы) еще не знали ученія о Духѣ. Поэтому Онъ заботится только объ одномъ, чтобы они увѣровали въ Него и приняли Его, и не соблазнялись. Такъ какъ Онъ сказалъ: *единъ есть вашъ учитель, Христосъ* (Матѣ. ххш, 8), то, чтобы они не подумали, что окажутъ Ему преслушаніе, вѣруя 425 Святому Духу,—(Онъ говоритъ): Мое и Его ученіе одно и то же. Откуда Я долженъ былъ заимствовать Мое ученіе, изъ того же источника и Онъ будетъ говорить. Не думайте же, что Его ученіе—иное. И оно—Мое, и увеличиваетъ Мою славу. Одна воля Отца, и Сына, и Святого Духа. Это же Онъ желаетъ видѣть и въ насъ, говоря: *да будутъ едино, якоже и Ты, и Я едино есмы* (Іоан. хvп, 22).

4. Ничто вѣдь не можетъ сравниться съ единомысліемъ и согласіемъ; при этомъ и одинъ бываетъ равенъ многимъ. Если, папримѣръ, будутъ единокдушны два или десять, то одинъ уже не одинъ, но каждый изъ нихъ бываетъ въ десять разъ больше, и ты въ десяти найдешь одного, и въ одномъ—десять. Если у нихъ есть врагъ,—онъ уже нападаетъ не на одного, и бываетъ побѣжденъ такъ, какъ если бы нападалъ на десятерыхъ, потому что подвергается пораженію не одного только, но десятерыхъ. Если одинъ обѣднѣлъ,—онъ не въ бѣдности, потому что имѣетъ достатокъ въ большей части, то есть въ девяти, и обѣднѣвшая часть, меньшая, прикрывается большею, имѣющею достатокъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ двадцать рукъ и двадцать глазъ, и столько же ногъ. Не своими только глазами онъ смотритъ, но и глазами другихъ; не своими только ногами ходить, но и ногами другихъ; не своими только руками работаетъ, но и руками другихъ. Онъ имѣетъ и десять душъ, такъ какъ не только самъ о себѣ, но и другіе о немъ заботятся. Если бы ихъ было и сто,—опять будетъ тоже самое, и сила еще увеличится.

Видишь ли необыкновенную силу любви, какъ она дѣлаетъ одного непобѣдимымъ и многочисленнымъ? При ней и одинъ можетъ быть во многихъ мѣстахъ,—одинъ и тотъ же и въ Персіи, и въ Римѣ. Чего не можетъ сдѣлать природа, то можетъ любовь. Одною частію онъ будетъ здѣсь, а другою тамъ, или, лучше, онъ весь—здѣсь, и весь—тамъ. А если онъ имѣетъ ты-

сачу друзей или двѣ тысячи, то подумай, насколько еще увеличится его сила. Видишь ли, какое умноженіе производитъ любовь? Чудно, въ самомъ дѣлѣ, то, что изъ одного она дѣлаетъ тысячу! Для чего же мы не приобретаемъ этой силы и не утверждаемъ себя въ безопасности? Любовь лучше власти и всякаго богатства; она дороже здоровья и самаго свѣта; она—основаніе благодушія. Доколѣ мы будемъ ограничивать любовь однимъ или двумя? Возьми себѣ урокъ и изъ противнаго. Пусть кто-нибудь не имѣетъ ни одного друга (что служить знакомъ крайняго неразумія, потому что только глупый скажетъ: нѣтъ у меня друга): какова будетъ жизнь его? Хотя бы онъ былъ чрезвычайно богатъ, хотя бы въ довольствѣ и роскоши, хотя бы приобрѣлъ безчисленныя блага,—онъ бываетъ одинокъ и безпомощенъ. Между друзьями же не такъ; но хотя бы они были и бѣдны,—они бываютъ богаче богатыхъ. Чего кто-нибудь не посмѣетъ сказать самъ за себя, то скажетъ за него другъ; чего не можетъ доставить самъ себѣ, того достигнетъ чрезъ другого и даже гораздо болѣе того. Такимъ образомъ дружба будетъ для насъ основаніемъ всякаго удовольствія и всякой безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно потерпѣть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами. И царскіе тѣлохранители не такъ бдительны, какъ эти: тѣ охраняютъ по нуждѣ и страху, а эти по доброжелательству и любви; любовь же гораздо сильнѣе страха. Притомъ царь боится своихъ стражей, а человекъ, имѣющій друзей, больше надѣется на нихъ, чѣмъ на себя, и при нихъ не боится никого изъ злоумышляющихъ. Будемъ же приобретать этотъ товаръ,—бѣдный, чтобы имѣть утѣшеніе въ бѣдности, богатый, чтобы въ безопасности владѣть богатствомъ, начальникъ, чтобы безопасно начальствовать, подчиненный, чтобы имѣть благосклонныхъ начальниковъ. Это—поводъ къ снисходительности, это—основаніе кротости. Вѣдь и между звѣрьми тѣ особенно жестоки и неукротимы, которые не живутъ стадами. Потому-то мы и живемъ въ городахъ, и имѣемъ площади, чтобы обращаться другъ съ другомъ. Это и Павель повелѣлъ, говоря: *не оставляйте собранія своего* (Евр. x, 25); нѣтъ ничего хуже одиночества, необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и тѣ, которые заняли вершины горъ? И они не безъ друзей. Они удалились отъ шума городского, но имѣютъ многихъ товарищей, единокружныхъ съ ними и искренно привязанныхъ другъ къ другу. Для того они и удалились отъ міра, чтобы достигнуть этого. Такъ какъ препирательство о дѣлахъ производитъ многія распри, то они, удалясь отъ міра, съ великимъ усердіемъ упражняются въ любви. Что же, скажешь,

если кто будетъ одинъ? Ужели и онъ имѣеть безчисленныхъ друзей? Я жалалъ бы, конечно, видѣть, если возможно, чтобы (отшельники) и жили вмѣстѣ; но и теперь да будетъ непоколебима дружба. Вѣдь не мѣсто дѣлаеть друзьями. И у нихъ есть много почитателей; но ихъ не почитали бы, если бы не любили. Да и они, съ своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служить величайшимъ доказательствомъ дружества. Потому-то и въ таинствахъ мы лобзаемъ другъ друга, чтобы намъ—многимъ—быть едино, и о непосвященныхъ совершаемъ общія молитвы, молимся о больныхъ, о плодахъ вселенной, о землѣ и морѣ. Видишь ли всю силу любви въ молитвахъ, въ таинствахъ, въ увѣщаніяхъ? Она—причина всѣхъ благъ. Если мы будемъ усердно держаться ея, то и настоящее хорошо устроимъ, и достигнемъ царствія, котораго да сподобимся всѣ мы, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXIX.

Вмалѣ, и ктому не видите Мене, и паки вмалѣ, и узрите Мя, яко иду ко Отцу Рѣша же отъ ученикъ Его къ себѣ: что есть сіе, еже глаголетъ: вмалѣ и проч. (Іоан. xvi, 16—18).

1. Душу, страждущую и одержимую великою скорбію, ничто 425
обыкновенно такъ не поражаетъ, какъ частое повтореніе словъ, рождающихъ печаль. Для чего же Христосъ, сказавъ: *иду, и: ктому не мазю съ вами* (Іоан. xiv, 80), часто повторяетъ тоже самое, 426
говоря: *амалъ, и ктому не видите Мене, и: яко иду къ пославишему Мя?* Лишь только ободрилъ учениковъ словами о Духѣ, какъ опять низлагаетъ ихъ помыслы. Для чего Онъ такъ поступаетъ? Онъ испытываетъ ихъ душу, дѣлаеть ее совершеннѣе и, заставляя ихъ слушать печальное, тѣмъ самымъ наилучшимъ образомъ пріучаетъ ихъ къ мужественному перенесенію разлуки съ Нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши къ этому на словахъ, они легко уже могли потомъ перенести это и на дѣлѣ. А если кто тщательно разсмотреть, — тотъ найдетъ, что и то самое служитъ утѣшеніемъ, 427
что Онъ сказалъ: *иду ко Отцу*: этимъ Онъ показазалъ, что Онъ не погибнетъ, но что смерть Его есть нѣкотораго рода преставленіе. Въ тоже время Христосъ предложилъ имъ и другое утѣшеніе. Онъ не сказалъ только: *амалъ и ктому не видите Мене*, но и прибавилъ: *амалъ, и узрите Мя*, показывая тѣмъ, что возвра-

титися, що разлука съ ними будетъ кратковременная, а пребываніе — постоянное. Но этого они не поняли. Поэтому справедливо кто-нибудь можетъ подивиться, для чего они, много разъ слышавшіе объ этомъ, недоумѣвають, какъ будто ничего о томъ не слышали. Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, они не поняли? Или отъ печали, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю, — такъ какъ она изглаждала изъ ихъ памяти то, что говорилось, — или отъ неясности самыхъ словъ. Имъ казалось, будто Онъ утверждаетъ два противорѣчія, хотя и не было противорѣчія. Если мы увидимъ Тебя, говорили они, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то какъ мы увидимъ Тебя? Поэтому и говорятъ: *не тми, что мзаетъ*. Что Онъ долженъ былъ отойти, это они знали; а что спустя немного времени Онъ опять придетъ къ нимъ, того не знали. Поэтому-то Христосъ и упрекаетъ ихъ въ томъ, что они не поняли сказаннаго. А чтобы лучше напечатлѣть въ нихъ ученіе о смерти, что Онъ говоритъ? *Аминь, аминь мзаетъ вамъ, яко восплачетесь и возрыдаете вы*, — какъ и было во время смерти и креста, — *а мръ возрадуется* (ст. 20). Такъ какъ они, не желая (видѣть Его смерти), легко склонялись къ вѣрѣ, что Онъ не умретъ, и, когда услышали, что Онъ умретъ, были въ недоумѣніи, не зная, что значить: *мзаетъ*, — то Онъ говоритъ: *восплачетесь и возрыдаете. Но печаль ваша въ радость будетъ*.

Потомъ, чтобы показать, что послѣ печали бываетъ радость, и что печаль раждаетъ радость, и что печаль кратковременна, а радость безконечна, — сбращается къ примѣру изъ обыкновенной жизни и говоритъ: *жена, егда раждаетъ, скорбь иматъ* (ст. 21). При этомъ Онъ употребляетъ притчу, которою часто пользовались и пророки, сравнивая скорбь съ тяжкими болѣзнями рожденія. Слова Его значать вотъ что: васъ постигнуть какъ бы болѣзни рожденія, но болѣзнь рожденія бываетъ причиною радости. Въ одно и тоже время Онъ и увѣряетъ въ истинѣ воскресенія, и показываетъ, что отшествіе отсюда подобно исшествію на свѣтъ изъ утробы матерней. Какъ бы такъ говорить: не удивляйтесь, что чрезъ такую печаль Я веду васъ къ полезному; и мать также чрезъ печаль достигаетъ того, что становится матерью. Здѣсь Онъ намекаетъ и на нѣчто таинственное, именно — что Онъ разрушилъ болѣзни смерти и содѣлалъ то, что родился новый человѣкъ. И не сказалъ только, что скорбь пройдетъ; но что о ней нѣтъ и воспоминанія: такъ велика слѣдующая за нею радость. Такъ будетъ и со святыми. Но вѣдь жена радуется не потому, что пришелъ человѣкъ въ мръ, а потому, что у ней родилось дитя; если бы она по той причинѣ радовалась, то ничто не препятствовало бы и женамъ нераждающимъ радоваться

за другихъ, рождающихъ. Для чего же Онъ такъ сказалъ? Онъ привелъ этотъ примѣръ только для того, чтобы показать, что печаль временна, а радость постоянна, что (смерть) есть переходъ къ жизни и что отъ скорби бываетъ великая польза. И не сказалъ: родилось дитя; но: *человѣкъ*. Этимъ, мнѣ кажется, Онъ намекаетъ на Свое воскресеніе и на то, что Онъ имѣлъ родиться не для этой болѣзненной смерти, но для царства. Поэтому не сказалъ: родилось у ней дитя; но: *родися человекъ въ міръ. И вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и печаль ваша въ радость будетъ* (ст. 22). Затѣмъ, показывая, что Онъ уже не умретъ, говоритъ: *и никтоже ю возметъ отъ васъ. Въ той день Мене не воспримете ни- 428* *чесоже* (ст. 23). Этимъ опять показываетъ не что иное, какъ то, что Онъ—отъ Бога. Тогда вы уже будете знать все. Что же значить — *Мене не воспримете?* Вы не будете нуждаться въ посредникѣ, но довольно будетъ произнести только имя, чтобы получить все. *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое* (ст. 23). Показываетъ силу Своего имени, такъ какъ (апостолы), не видя и не прося Его, но только называя Его имя, будутъ имѣть великую цѣну у Отца. Когда же такъ было? Тогда когда они говорили: *призри ны прещенія ихъ, и даждь работъ твоимъ со дерзновеніемъ глаголати слово твое и творить во имя твое чудеса. И подвижесе мѣсто, идѣже бяху* (Дѣян. iv, 29—36). *Доселѣ не просите ничегоже* (ст. 24). Этимъ опять показываетъ, что Ему лучше отойти, такъ какъ до того времени они ничего не просили, а тогда получать все, о чемъ ни попросить. Хотя Я уже не буду вмѣстѣ съ вами,—вы не думайте, что вы оставлены: имя Мое дастъ вамъ большее дерзновеніе.

2. Такъ какъ эти слова были прикровенны, то Онъ говоритъ: *сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но придетъ часъ, егда тому въ прит- 430* *чахъ не глаголю вамъ* (ст. 25). Будетъ время, когда вы всѣ ясно уразумѣете. Это Онъ говоритъ о времени воскресенія. Тогда *якъ о Отецъ возышу вамъ*. И дѣйствительно, въ продолженіе сорока дней Онъ былъ и бесѣдовалъ съ ними, вмѣстѣ вкушая пищу и *глаголю аже о царствіи Божіи* (Дѣян. 1, 3—4). Теперь, будучи въ страхѣ, вы не внимаете словамъ Моимъ; тогда же, увидѣвъ Меня воскресшимъ и пребывая со Мною, вы безбоязненно узнаете все, потому что самъ Отецъ возлюбитъ васъ, когда ваша вѣра въ Меня сдѣлается твердою. *И не умолю Отца* (ст. 26). Ваша любовь ко Мнѣ достаточно ходатайствуетъ о васъ. *Яко вы Мене возлюбисте, и вѣровасте, яко азъ отъ Бога изыдохъ, и приидохъ въ міръ. И паки оставляю міръ, и иду ко Отцу* (ст. 27, 28). Такъ какъ слово о воскресеніи не мало утѣшало ихъ, равно какъ и то, что Онъ говорилъ: Я пришелъ отъ Бога и къ Нему иду,—то Онъ часто

повторяетъ эти слова. Одно удостовѣряло въ томъ, что они вѣрують въ Него правильно; а другое — что они будутъ въ безопасности. Итакъ, когда Онъ говорилъ: *аманъ, и не видите Мене: и аманъ, и узрите Мя*, — ученики, естественно, не понимали этого; теперь же не такъ. Но что же значить: *Мене не воспросите?* Не скажете: *покажи намъ Отца Твоего, и: камо идеши?* — потому что узнаете все, и Отецъ такъ же будетъ расположенъ къ вамъ, какъ и Я. Теперь они узнали, что будутъ друзьями Отцу, и это особенно ободрило ихъ. Потому и говорятъ: *нынѣ стѣми, яко стѣси еси* (ст. 30). Видишь, какъ Его отвѣтъ оообразенъ былъ съ ихъ мыслями? *И не требуеши, да Тя кто вопрошаетъ* (ст. 30), то есть, прежде, чѣмъ Ты слышалъ, Ты зналъ, что соблазняетъ насъ, и успокоилъ, сказавъ: *Отецъ любитъ вы, яко вы Мене возлюбисте* (ст. 27). Теперь только, послѣ столь многихъ и великихъ (словъ), ученики говорятъ: *нынѣ стѣми*. Видишь, какъ они были еще несовершенны? Затѣмъ, такъ какъ они, какъ бы изъявляя Ему нѣкоторую благодарность, говорятъ: *нынѣ стѣми*, — Онъ отвѣчаетъ: вамъ еще многое нужно, чтобы придти къ совершенству; вы ни въ чемъ еще не совершенны. Вотъ и теперь вы предадите Меня врагамъ, и такой вами овладѣетъ страхъ, что вы не въ состояніи будете даже удалиться всѣ вмѣстѣ. Но я не потерплю отъ
429 того никакого зла. Видишь ли, какъ опять слово Его приноровлено къ ихъ понятіямъ? Въ томъ-то Онъ и обвиняетъ ихъ, что они постоянно нуждаются въ такомъ снисхожденіи. Такъ какъ они сказали: *се нынѣ не обинулся глаголющи, а притчи никоелѣе не глаголющи* (ст. 28), и потому вѣруемъ Тебѣ (ст. 30), — то Онъ показываетъ, что и теперь, когда они вѣрують, они еще не вѣрують, и не допускаетъ ихъ словъ. Это Онъ говоритъ, имѣя въ виду дальнѣйшее время. Выраженіе же: *Отецъ со Мною естъ* (ст. 32) Онъ опять употребилъ для нихъ, потому что всегда и вездѣ хотѣлъ научить ихъ этому. Потомъ, чтобы показать, что, говоря такимъ образомъ, Онъ еще не преподавалъ имъ знанія совершеннаго, но сказалъ такъ для того, чтобы они не смущались мыслями, — а имъ естественно было подумать нѣчто человѣческое и что они не получаютъ отъ Него никакой помощи, — говоритъ: *сіи глаголахъ вамъ да во Мнѣ миръ имате* (ст. 38), то есть, чтобы вы не удаляли Меня изъ вашихъ мыслей, но всегда имѣли бы въ своемъ сердцѣ. Итакъ, пусть никто не возводитъ въ догматъ этихъ словъ: они сказаны въ наше утѣшеніе и по любви. Не теперь только, говорить, вы подвергаетесь такимъ страданіямъ, и ваши бѣдствія этимъ не окончатся; но до тѣхъ поръ, пока вы будете въ мѣрѣ, вы будете имѣть скорбь, — не теперь только, когда предають Меня, но и послѣ. Но будьте бодры духомъ: вы не потер-

пите никакого зла. Когда Учитель побѣдилъ враговъ, то не должно уже скорбѣть ученикамъ. Но какъ, скажи мнѣ, Ты побѣдилъ міръ? Сказаль же Я, что низложилъ его князя; но вы это узнаете и вполѣдствіи, когда все будетъ уступать и повиноваться вамъ.

3. И мы, если захотимъ, можемъ побѣждать, взирая на Начальника вѣры нашей и идя тѣмъ путемъ, какой Онъ проложилъ намъ. Въ этомъ случаѣ и смерть не одолѣетъ насъ. Что же, скажешь, ужели мы не умремъ? Вѣдь изъ этого было бы видно, что она не одолѣетъ насъ. Но ратоборець не тогда бываетъ славенъ, когда не вступаетъ въ борьбу съ врагомъ, а тогда, когда, сразившись съ нимъ, остается непобѣжденнымъ. Такъ и мы еще не смертны. потому что вступаемъ въ борьбу, но безсмертны, потому что ее побѣждаемъ. Тогда мы были бы смертны, если бы навсегда оставались въ ея власти. Потому, какъ не могу я назвать безсмертными самыхъ долговѣчныхъ животныхъ, хотя они и долго не умираютъ, такъ точно и смертнымъ—того, кто, будучи пораженъ смертію, послѣ смерти воскреснетъ. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы кто покраснѣлъ на короткое время, ужели бы мы, поэтому, стали всегда называть его краснымъ? Нѣтъ, потому что это не есть обыкновенное его состояніе. И если бы кто поблѣднѣлъ,—ужели бы мы сказали, что онъ одержимъ желтухою? Нѣтъ, потому что это состояніе минутное. Такъ не называй же и смертнымъ того, кто на короткое время подвергся смерти. Иначе мы должны будемъ сказать тоже и о спящихъ, потому что и они, такъ сказать, умираютъ и становятся бездѣйственными. Но (смерть) разрушаетъ тѣла? Что же изъ этого? Разрушаетъ, но не для того, чтобы они оставались въ тлѣніи, но чтобы содѣлались лучшими. Будемъ же побѣждать міръ, будемъ стремиться къ безсмертію! Послѣдуемъ за Царемъ, поставимъ побѣдный знакъ, будетъ презирать мірскія удовольствія! И не нужно трудовъ. Перенесемъ душу на небо, и побѣденъ весь міръ. Если ты не будешь пристрастенъ къ нему,—онъ побѣжденъ. Если будешь смѣяться надъ нимъ,—онъ посрамленъ. Мы — странники и пришельцы: не будемъ же огорчаться ничѣмъ печальнымъ. Вѣдь если бы ты, происходя изъ славнаго отечества и отъ знаменитыхъ предковъ, отправился въ какую-нибудь далекую землю, не будучи тамъ никому знакомъ, не имѣя ни слугъ, ни богатства, и если бы тамъ кто-нибудь обидѣлъ тебя,—ты, конечно, не огорчился бы такъ, какъ еслибы потерпѣлъ это дома. Ясное сознаніе, что ты находишься не въ своей, а въ чужой странѣ, помогло бы тебѣ легко перенести все — и презрѣніе, и голодъ, и жажду, и все, что бы ни случи-

лось. Такъ думай и теперъ, что ты странникъ и пришлецъ, и пусть ничто не смущаетъ тебя въ этой чужой странѣ. Ты имѣешь городъ, художникъ и строитель котораго — Богъ, а пребываніе твое здѣсь кратковременно и непродолжительно. Пусть, кто хочетъ, бьетъ, обижаютъ, поносятъ: мы — въ чужой странѣ и живемъ въ бѣдѣ. Тяжело потерпѣть это въ отечествѣ, между согражданами: тогда — это величайшее безечіе и несчастье. Но если кто будетъ тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни одного знакомаго, то ему все легко перенести. Обида бываетъ особенно тяжела тогда, когда обижаютъ съ намѣреніемъ. Напримѣръ, если кто оскорбитъ начальника, зная, что онъ начальникъ, тогда оскорбленіе горько; если же оскорбитъ его, принявъ за простаго чело-вѣка, то оскорбленіе не можетъ и коснуться того, кто подвергся ему. Такъ точно будемъ разсуждать и мы. Оскорбляющіе насъ совсѣмъ не знаютъ, кто мы такіе, то есть, что мы — граждане неба, записаны въ горнемъ отечествѣ и принадлежимъ къ лику херувимовъ. Не будемъ же огорчаться и не станемъ оскорбленіе считать оскорбленіемъ. Если бы они знали насъ, то не оскорбили бы. Но насъ считаютъ бѣдными и ничтожными? Не будемъ и это считать оскорбленіемъ. Скажи мнѣ: если бы какой-нибудь путешественникъ, предупредивъ на малое разстояніе своихъ слугъ, остановился, въ ожиданіи ихъ, въ гостинницѣ, и если бы содержатель гостинницы или кто-нибудь изъ путешественниковъ, не зная, кто онъ, сталъ досадовать на него и поносить его, — не посядется ли онъ надъ такимъ невѣдѣніемъ? Это заблужденіе не доставитъ ли ему скорѣе удовольствія? Не станетъ ли онъ забавляться имъ, какъ будто бы оскорбляли кого-нибудь другого? Такъ будемъ поступать и мы; и мы сидимъ въ гостинницѣ, ожидая нашихъ спутниковъ, идущихъ тѣмъ же путемъ. Когда мы всѣ будемъ вмѣстѣ, тогда узнаютъ, кого оскорбляли. Тогда они поникнутъ головою и скажутъ: *сей есть, также мы, безумные, имѣхомъ съ помысла* (Прем. Сол. v, 3).

4. Будемъ же утѣшать себя двумя мыслями: во-первыхъ, — тѣмъ, что насъ не оскорбляютъ, потому что оскорбляющіе не знаютъ, кто мы: во-вторыхъ — тѣмъ, что, если мы захотимъ требовать удовлетворенія, они подвергнутся самому тяжкому наказанію. Но не дай Богъ, чтобы кто-нибудь имѣлъ столь жестоку и безчеловѣчную душу. Чтожъ, если насъ оскорбляютъ единоплеменники? Вѣдь это уже тяжело? Напротивъ, это-то и легко. Почему такъ? Потому, что не одинаково переносимъ мы обиды отъ тѣхъ, кого любимъ, и отъ тѣхъ, кого не знаемъ. Поэтому, утѣшая обиженныхъ, мы часто говоримъ такія слова: тебя обидѣлъ братъ, — перенеси великодушно; обидѣлъ отецъ, обидѣлъ

дядя. Если же имя брата и отца имѣть такую силу,—что же, если я назову имя еще болѣе родное? Мы не только братья другъ другу, но и члены, и одно тѣло. Если мы цѣнимъ имя брата,—тѣмъ болѣе имя члена. Не слыхалъ ли ты мірской пословицы, которая говоритъ, что въ друзьяхъ надобно терпѣть и недостатки? Не слыхалъ ли, что и Павелъ говоритъ: *другъ друга тѣлоты носите* (Гал. vi, 2)? Не видишь ли любовниковъ? Между вами я не могу найти другого примѣра, и потому принужденъ обратить рѣчь на этотъ предметъ. Тоже, впрочемъ, дѣлаетъ и Павелъ, говоря такъ: *къ симъ плоти нашей отцы имѣхомъ наказаніе, и ерамляхомъ* (Евр. xii, 9); особенно же прилично сказать здѣсь то, что онъ пишетъ римлянамъ: *якоже, говоритъ, представисте уды ваша рабы нечистоты и беззаконію въ беззаконіе, тако представисте уды ваша рабы правды* (vi, 19). Потому и мы смѣло будемъ держаться этого примѣра. Итакъ, не видишь ли любовниковъ? Околько они переносятъ бѣдствій, пылая страстію къ блуднымъ женщинамъ! Ихъ бьютъ по щекамъ, колотятъ, надъ ними смѣются; они терпятъ блудницу развратную, которая отвращается отъ нихъ и наноситъ имъ тысячу оскорбленій. И при всемъ томъ, если хотя однажды они увидятъ что-нибудь пріятное и ласковое, все имъ кажется благополучнымъ, все прежнее исчезаетъ и все переносится легко, будетъ ли то бѣдность, или болѣзнь, или другое что подобное. Жизнь свою они считаютъ бѣдственною или блаженною, смотря по тому, какъ расположена къ нимъ ихъ любовница. Не знаютъ они ни человѣческой славы, ни безчестія; но, хотя бы кто и оскорбилъ ихъ,—отъ великаго удовольствія и за ея благосклонность они все переносятъ легко. А она сама хотя бы ругала ихъ, хотя бы плевала имъ въ лицо,—они терпятъ это и думаютъ, что въ нихъ бросаютъ розами. И что удивительнаго, если они такъ расположены къ ней! Они домъ ея считаютъ великолѣпнѣе всѣхъ домовъ, хотя бы онъ былъ глиняный, хотя бы клонился къ паденію. И что я говорю о стѣнахъ? Они воодушевляются даже при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они бывають вечеромъ. Но здѣсь дайте мнѣ, наконецъ, сказать апостольское слово. Какъ онъ сказалъ: *якоже представисте уды ваша рабы нечистоты, тако представисте уды ваша правды*,—такъ точно и я говорю: какъ возлюбили вы этихъ (женщинъ), такъ любите другъ друга, и ничто не будетъ казаться вамъ тяжкимъ. И что я говорю—другъ друга? Такъ будемъ любить Бога.

Вы ужаснулись, услышавъ, что я требую такой же мѣры любви къ Богу, какую показываютъ иные къ орудіямъ своихъ страстей. А я ужасаюсь, что мы не показываемъ и такой любви. Если хотите, рассмотримъ это подробнѣе, хотя говорить объ

этомъ и очень тяжело. Любовница не общается любовнику ничего добраго, но — безчестіе, стыдъ и поношеніе. Знакомство съ блудною женщиною именно это и производитъ, — дѣлаетъ чловѣка смѣшнымъ, позорнымъ, безчестнымъ. Богъ же общается намъ небо и небесныя блага; Онъ сдѣлалъ насъ сынами Своими, братьями Единороднаго; Онъ и въ этой жизни представилъ тебѣ безчисленныя блага, и по смерти общается даровать воскресеніе и столько благъ, сколько и представить невозможно; Онъ дѣлаетъ насъ достойными чести и уваженія. И опять, та заставляетъ расточить все имѣніе въ пропасть и на пагубу, а Богъ повелѣваетъ сѣять для неба, воздаетъ сторицею и даруетъ вѣчную жизнь. Та поступаетъ съ любовникомъ, какъ съ невольникомъ, распоряжаясь хуже всякаго тирана; а Богъ говоритъ: *не потому васъ глаголю рабы, но други* (Іоан. хv, 15).

5. Видѣли, какъ много золъ — тамъ, и сколько благъ — здѣсь? И что же послѣ этого? Для любовницы многіе проводятъ ночи безъ сна и, что бы она ни приказала, все исполняютъ съ усердіемъ — оставляютъ и домъ, и отца, и мать, и друзей, и богатство, и почести, и все свое имѣніе подвергаютъ разстройству и запустѣнію. Для Бога же или, лучше, для себя самихъ мы не хотимъ истратить и третьей части нашего имущества. Видя алчущаго, мы отвращаемъ отъ него взоръ; проходимъ мимо нагого и не удостоиваемъ его даже слова. А любовники, если увидятъ даже служанку любовницы, женщину грубую, останавливаются съ нею среди площади и, какъ бы красуясь и величаясь тѣмъ, разговариваютъ съ нею, разливаясь въ длинныхъ рѣчахъ. Для любовницы за ничто считаютъ жизнь, начальниковъ, царство (какъ это извѣстно тѣмъ, которые испытали эту болѣзнь), и бывають болѣе благодарны ей за ея приказанія, чѣмъ другимъ за услуги. Не справедливо ли послѣ этого быть гееннѣ? Не справедливы ли безчисленныя наказанія? Отрезвимся же и предоставимъ на служеніе Богу хотя столько же, хотя половинную часть того, что иные отдають блудницѣ, хотя даже третью долю. Можетъ быть, вы опять ужаснетесь? Да, и я ужасаюсь. Но я хотѣлъ бы, чтобы вы ужасались не словъ только, но и самаго дѣла. Между тѣмъ, здѣсь сердце у насъ сжимается; а лишь выйдемъ, — все бросаемъ. Что же изъ того пользы?

Тамъ, если надобно тратить деньги, никто не жалуется на бѣдность, но часто, плѣнившись, и занимають, и даютъ; здѣсь же, если мы вспомнимъ о милостынѣ, намъ представляютъ дѣтей, и женъ, и домъ, и начальство, и тысячи извиненій. Но тамъ, скажешь, много удовольствія? Объ этомъ-то я и плачу, и рыдаю. А что если я покажу, что здѣсь больше удовольствія?

Тамъ отнимаютъ не мало удовольствія стыдъ, поношеніе, трата денегъ, наконецъ—ссоры и вражда; а здѣсь нѣтъ ничего такого. Да и что, скажи мнѣ, можетъ сравниться съ этимъ удовольствіемъ—жить въ ожиданіи неба и небеснаго царства, свѣтлости святыхъ и нескончаемой жизни? Но это, скажешь, въ ожиданіи, а то—въ дѣйствительности. Въ какой дѣйствительности? Хочешь ли, я скажу, что и здѣсь въ дѣйствительности? Подумай, какою ты наслаждаешься свободою: живя добродѣтельно, ты никого не боишься и не страшишься—ни врага, ни навѣтника, ни клеветника, ни соперника, ни соискателя въ любви, ни завистника, ни бѣдности, ни болѣзни, ни другого чего-нибудь человѣческаго. Тамъ, напротивъ, хотя бы и весьма много сбывалось по желанію, хотя бы и богатство стекалось, какъ изъ источника,—ссора съ соперниками въ любви, навѣты и козни сдѣлаютъ самую несчастною жизнь того, кто связывается съ ними. Изъ угожденія той презрѣнной, развратной и сластолюбивой женщинѣ, дѣйствительно, неизбѣжно возникаютъ ссоры; а это хуже тысячи смертей и несноснѣе всякаго наказанія. Здѣсь же нѣтъ ничего такого. *Плодъ же духовный*, говоритъ (апостолъ), *любь, радость, миръ* (Гал. v, 22). Нѣтъ здѣсь ни ссоръ, ни безвременной траты денегъ, ни досады послѣ траты. Хотя бы ты далъ оволь, хотя бы хлѣба, хотя бы чашу холодной воды,—за все будетъ тебѣ великая благодарность и ничто не заставитъ тебя огорчаться и печалиться, но все послужитъ къ тому, чтобы сдѣлать тебя славнымъ и избавить отъ всякаго стыда. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, когда, оставляя это, предаемся противному и добровольно ввергаемъ самихъ себя въ печь, огнемъ горящую? Потому умоляю страдающихъ такою болѣзнію—вновь собрать свои силы, возвратиться къ здоровью и не позволять себѣ впасть въ отчаяніе. Блудный сынъ потерпѣлъ бѣдствія еще болѣе жестокія; но такъ какъ возвратился въ отеческій домъ, то сталъ въ прежней чести и явился славнѣе того, кто всегда поступалъ хорошо. Поревнуемъ ему и мы, и возвратившись ко Отцу, избавимъ себя, хотя поздно, отъ этого плѣна и перейдемъ къ свободѣ, чтобы сподобиться и царства небеснаго, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

483

484

БЕСѢДА LXXX.

Сія глагола Іисусъ, и возведе очи Свои на небо, и рече: Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя (Іоан. хvii, 1).

433 1. *Иже сотворитъ и научитъ*, сказано, *сей вселій наречется въ царствѣи небесныхъ* (Матѣ. v, 19), — и весьма справедливо. Вѣдь любомудрствовать на словахъ легко, а показывать на дѣлѣ — свойственно лишь душѣ доблестной и великой. Потому-то и Христосъ, бесѣдуя о неалобіи, представляетъ въ образецъ самого Себя, повелѣвая брать съ Себя примѣры. Поэтому же и теперь, послѣ увѣщанія, Онъ обращается къ молитвѣ, научая насъ въ искушеніяхъ оставлять все и прибѣгать къ Богу. Такъ какъ словами: *въ мѣръ скорби будете* Онъ поколебаль души учениковъ, то молитвою опять ободряетъ ихъ. Они все еще смотрѣли на Него, какъ на человѣка, и для нихъ-то Онъ и молится, подобно тому, какъ и о Лазарѣ, когда высказываетъ и причину: *народъ ради столицаго грѣхъ, да оуи имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. xi, 42). Такъ, скажешь, при іудеяхъ этому и слѣдовало быть: но къ чему же это при ученикахъ? Этому слѣдовало быть и при ученикахъ; тѣ, которые послѣ столь многого говорятъ: *мынѣ вѣры, яко тѣси еси*, больше всѣхъ нуждались въ утврѣжденіи. А впрочемъ, евангелистъ и не называетъ этого дѣйствія молитвою, но какъ говоритъ? *Возведе очи Свои на небо*. Значить, по его словамъ, это скорѣе была бесѣда съ Отцемъ. Если же въ другихъ мѣстахъ онъ и говоритъ о молитвѣ, и представляетъ Христа то преклоняющимъ колѣна, то возводящимъ очи на небо, — не смущайся. Изъ этого мы научаемся, съ какимъ усердіемъ должно приносить молитвы, научаемся, и стоя, взирать очами не только тѣлесными, но и душевными, и преклонять колѣна съ сокрушеніемъ сердца. Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ пришелъ не для того только, чтобы явить Себя, но и для того, чтобы научить неизреченной добродѣтели; а учитель долженъ учить не словами только, но и дѣлами. Итакъ послушаемъ, что Онъ говоритъ здѣсь. *Отче, прииде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сына Твой прославитъ Тя*. Снова показываетъ намъ, что Онъ не волею идетъ на крестъ. Иначе, какъ бы Онъ сталъ молиться о томъ, чтобы это сбылось, и называть крестъ славю не только для самаго Распинаемаго, но и для Отца? Такъ дѣйствительно и было: не Сынъ только прославился, но и Отецъ. До креста даже и іудеи не знали Его: *Исраимъ же*, сказано, *Мене не позна* (Ис. i, 3); а послѣ креста притекла вся вселенная. Затѣмъ

Христось говорить и о самомъ образѣ славы, и какъ Онъ прославить Отца. *Якоже даъ еси ему власть всякія плоти, да всяко еже даъ еси ему не погибнетъ* (ст. 2). Слава Божія въ томъ, дѣйствительно, и состоитъ, чтобы всегда благодѣтельствовать. Что же значить: *якоже даъ еси Ему власть всякія плоти*? Этимъ показываетъ, что дѣло проповѣди не ограничится одними іудеями, но прострется на всю вселенную, и полагаетъ начало призванію язычниковъ. Такъ какъ Онъ сказалъ: *на путь языкъ не идите* (Матѣ. х, 5), а впослѣдствіи скажетъ: *шедше научите вся языки* (Матѣ. ххviii, 19), 434 то теперь показываетъ, что это угодно и Отцу. Въ самомъ дѣлѣ, проповѣдь язычникамъ весьма соблазняла іудеевъ и даже учениковъ. Ученики и впослѣдствіи не легко позволяли себѣ входить въ общеніе съ язычниками, пока не получили наставленія отъ Духа,—такъ какъ отсюда происходилъ не малый соблазнъ для іудеевъ. Оттого-то даже послѣ столь великаго явленія Духа, Петръ, пришедши въ Іерусалимъ, едва могъ набѣгнуть порицаній, рассказавъ о плащаницѣ (Дѣян. xi, 1—19). Что же значить: *даъ еси Ему власть всякія плоти*?

А когда,—спрошу я еретиковъ,—Онъ получилъ эту власть? Прежде ли созданія людей, или послѣ созданія? Самъ Онъ говоритъ: послѣ распятія и воскресенія, такъ какъ тогда сказалъ: *дадеса Ми всяка власть. Шедше научите вся языки* (Матѣ. ххviii, 18, 19). Чтожъ? Ужели Онъ не имѣлъ власти надъ дѣломъ Своимъ? Ужели Онъ только сотворилъ людей, а власти надъ ними послѣ сотворенія не имѣлъ? Но и въ предшествующія времена Онъ, какъ видно, все дѣлаетъ Самъ: однихъ наказываетъ, какъ грѣшниковъ; другихъ, обращающихся, исправляетъ: *еда утаю*, говоритъ, *отъ Авраама раба Моего, лже азъ творю* (Быт. хviii, 17); а иныхъ и удостоиваетъ чести, какъ праведниковъ. Или тогда Онъ имѣлъ, а теперь потерялъ и опять получилъ? Но какой демонъ можетъ сказать это? Если же одна и та же власть и тогда, и теперь: *якоже*, говоритъ, *Отець воскрешаетъ мертвыхъ и живитъ, тако и Сынъ, ижеже хочетъ, живитъ* (Іоан. v, 21), — то что значить сказанное? Онъ намѣренъ былъ послать апостоловъ къ язычникамъ; а чтобы они не почли этого нововведеніемъ,—такъ какъ Онъ говорилъ: *тѣсмъ посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѣ. хv, 24),—Онъ показываетъ, что это угодно и Отцу. А что Онъ говоритъ объ этомъ съ великимъ уничиженіемъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: такимъ образомъ Онъ и ихъ (апостоловъ) тогда назидаль, и тѣхъ, которые будутъ послѣ, и, какъ я уже говорилъ, такою чрезмѣрностію уничиженія всегда ясно внушалъ, что Онъ говорить приспособительно.

2. Что же значить: *всякія плоти*? Вѣдь извѣстно, что не всѣ

увѣровали. Сколько отъ Него зависѣло, — всѣ увѣровали. Если же не внимали словамъ Его, то въ этомъ вина не учащаго, но не принимающихъ (ученія). *Да всяко, еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вечный* (ст. 2). Не удивляйся, что и здѣсь Онъ говоритъ человѣкообразно. Онъ поступаетъ такъ и по вышесказаннымъ причинамъ, и потому, что всегда остерегался говорить самъ о Себѣ что-нибудь великое, такъ какъ это непріятно было слушающимъ, которые все еще не думали о Немъ ничего великаго. Оттого-то Іоаннъ, когда говоритъ отъ своего лица, поступаетъ не такъ, но возводитъ слово до высокаго, говоря такимъ образомъ: *вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3), и: *животъ бы* (1, 4), и: *світъ бы* (1, 9), и: *во своя прииде* (1, 11); не то, что Онъ не имѣлъ бы власти, если бы не получилъ ея, но что Онъ и другимъ далъ власть *чадомъ Божіимъ быти* (1, 12). Подобнымъ 435 образомъ и Павелъ называетъ Его равнымъ Богу. Самъ же Онъ проситъ, какъ обыкновенный человѣкъ, говоря такъ: *да всяко еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вечный. Се же есть животъ вечный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и Еюже послалъ еси Иисусъ Христа* (Іоан. хvп. 8). *Единого истиннаго Бога*: говоритъ такъ для отличія отъ ложныхъ боговъ, такъ какъ хотѣлъ послать апостоловъ къ язычникамъ. Если же не согласятся съ этимъ, но на одномъ этомъ основаніи стануть отвергать, что Сынъ есть истинный Богъ, то, идя такимъ образомъ дальше, они отвергнутъ и то, что Онъ есть Богъ. Въ самомъ дѣлѣ, (Христосъ) говоритъ: *славы яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. v, 44). Что же? Ужели поѣтому Сынъ уже не Богъ? Если же Сынъ — Богъ, хотя Отецъ и называется единымъ, то явно, что Онъ и истинный, хотя (Отецъ) и именуется единымъ истиннымъ. Притомъ, когда Павелъ говоритъ: *или единъ азъ и Варнава* (1 Кор. ix, 6), — ужели онъ исключаетъ Варнаву? Совсѣмъ нѣтъ; слово: *единъ* употреблено только для различенія отъ другихъ. И если—не истинный Богъ, то какимъ образомъ Онъ есть истина? Истина отъ истиннаго различается весьма не много. Чѣмъ назовемъ мы, скажи мнѣ, не истиннаго человѣка? Конечно уже и не человѣкомъ? Такъ точно, если Сынъ не есть истинный Богъ, то какъ Онъ можетъ быть Богомъ? Да какъ Онъ и насъ можетъ дѣлать богами и сынами, не будучи Самъ истиннымъ? Но объ этомъ подробнѣе сказано нами въ другомъ мѣстѣ. Потому пойдемъ далѣе. *Азъ прославляю Тя на земли* (ст. 4). Хорошо сказано: *на земли*, потому что на небѣ Отецъ уже прославленъ, имѣя славу и по естеству, и будучи поклоняемъ отъ ангеловъ. Слѣдовательно, не о той славѣ говорить, которая нераздѣльна съ существомъ Его, — такъ какъ эту славу Онъ всегда имѣетъ вполне, хотя бы и никто не прослав-

лять Его,—но о славѣ, происходящей отъ служенія людей. Поэтому и выраженіе: *прослави Мя* нужно разумѣть точно также. И чтобы убѣдиться, что Онъ говорить объ этомъ родѣ славы. послушай далѣе. *Дѣло совершивъ, еще дамъ еси Мнѣ, да сотворю его* (ст. 4). Но вѣдь дѣло только было еще начато или даже еще и не начато: какъ же Онъ говорить: *совершивъ*? Это—или потому, что Онъ съ Своей стороны сдѣлалъ все, или потому, что о будущемъ говорить, какъ уже о совершившемся, или—что всего лучше сказать—потому, что все, дѣйствительно, было уже совершено, когда положенъ былъ корень благъ, изъ котораго непременно должны были произрасти плоды и Онъ уже соприсутствуетъ, соприкасается тому, что должно было совершиться впоследствии. При этомъ Онъ опять выражается приспособительно: *еще дамъ еси Мнѣ*. Если бы, дѣйствительно, Онъ ожидалъ, пока не услышитъ и не узнаетъ,—это было бы гораздо ниже Его славы. Но что Онъ пришелъ на это по Своему произволенію, явно изъ многихъ мѣстъ. Такъ, напримѣръ, Павелъ говоритъ: Онъ такъ возлюбилъ насъ, что предалъ Себя самого за насъ (Еф. v. 2), и: *Себе унизилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. ii, 7). И опять: *яко же возлюбилъ Мя Отецъ, и Азъ возлюбилъ васъ* (Іоан. xv, 9). *Прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самую славою, юже имѣлъ у Тебе прежде міръ не бысть* (ст. 5). Гдѣ же слава? Пусть у людей Онъ, дѣйствительно, былъ не славенъ, облекшись въ одежду (плоти); но какимъ образомъ Онъ ищетъ прославленія и у Бога? О чемъ же Онъ здѣсь говорить? Рѣчь—о воплощеніи. Естество плоти, дѣйствительно, не было еще прославлено; оно не сподобилось еще нетлѣнія и не приобщилось царскаго престола; поэтому Онъ не сказалъ: *на земли*; но: *у Тебе*.

8. Этой славы сподобимся и мы въ свою мѣру, если будемъ бодрствовать. Потому и Павелъ говоритъ: *поможе съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся* (Рим. viii, 17). Итакъ, безчисленныхъ 486 слезъ достойны тѣ, которые, не смотря на предстоящую имъ такую славу, лѣнностію и сонливостію вредятъ самимъ себѣ. Если бы и геенны не было, и тогда несчастіе всѣхъ были бы тѣ, которые, имѣя возможность царствовать и прославляться вмѣстѣ съ Сыномъ Божиимъ, сами себя лишаютъ столь великихъ благъ. Подлинно, если бы надобно было подвергнуться растерзанію и умереть тысячею смертей, и отдать каждый день тысячу душъ и столько же тѣлъ,—не слѣдовало ли бы перенести все это за столь великую славу? А между тѣмъ, мы не пренебрегаемъ и богатствомъ, которое впоследствии и по неволѣ оставимъ,—не пренебрегаемъ богатствомъ, которое навлекаетъ на васъ тысячу золъ, останется здѣсь и не принадлежитъ намъ, потому что мы

не своимъ распоряжаемся, хотя бы получили его и отъ отцевъ. А когда есть еще и геенна, и червь нескончаемый, и огонь неугасимый, и скрежетъ зубовъ, — то какъ, скажи мнѣ, мы будемъ терпѣть это? Докопѣ не откроемъ глазъ и будемъ тратить все время на ежедневныя распри, ссоры и пустыя слова? Докопѣ будемъ питать землю, утучнять тѣло и нерадѣть о душѣ, не обращающая никакого вниманія на необходимое, и прилагая великую заботу объ излишнемъ и пустомъ? Мы строимъ себѣ блистательныя гробницы, покупаемъ дорогіе дома, владимъ за собою толпы всякаго рода слугъ и выдумываемъ разныхъ распорядителей, поставляя начальниковъ надъ домами, деньгами; и начальниковъ надъ начальниками; а о заустѣвшей душѣ нѣтъ у насъ никакой заботы. И гдѣ этому будетъ конецъ? Не одно ли чрево наполняемъ мы? Не одно ли тѣло одѣваемъ? Къ чему же это множество хлопотъ? Зачѣмъ и для чего душу, которую получили, мы разрываемъ и раздраемъ на столь разнообразныя службы, вымышляя сами для себя жестокое рабство? Кто нуждается во многомъ, тотъ, дѣйствительно, рабъ многого, хотя, по видимому, и владѣетъ всѣмъ этимъ. Такъ и господинъ есть рабъ своихъ слугъ и вводитъ новый болѣе тяжкій родъ рабства. Но онъ рабъ еще и въ томъ отношеніи, что безъ нихъ не смѣетъ выйти ни на площадь, ни въ баню, ни въ поле. Слуги и безъ него часто ходятъ повсюду, а онъ, считающійся господиномъ, если нѣтъ при немъ рабовъ, не смѣетъ выйти изъ дома одинъ, а если и выступитъ изъ дома одинъ, считаетъ себя смѣшнымъ. Можетъ быть, нѣкоторые станутъ смѣяться надъ нами за эти слова, но поэтому-то самому они и достойны безчисленныхъ слезъ. А чтобы показать, что это, дѣйствительно, рабство, я охотно спрошу тебя: захотѣлъ ли бы ты нуждаться въ томъ, чтобы кто-нибудь клалъ кусокъ хлѣба въ твой ротъ или подставлялъ чашу къ твоимъ устамъ? Не считалъ ли бы ты такого рода услугу достойною слезъ? Или, если бы для того, чтобы пойти куда-нибудь, ты всегда имѣлъ нужду въ какихъ-нибудь носильщикахъ, — не считалъ ли бы ты себя поэтому самымъ несчастнымъ и жалкимъ изъ людей? Такъ точно тебѣ слѣдовало бы разсуждать и теперь, — потому что нѣтъ никакого различія въ томъ, носятъ ли кого безсловесныя животныя, или люди. И не тѣмъ ли, между прочимъ, скажи мнѣ, отличаются отъ насъ ангелы, что они не нуждаются въ столь многомъ, какъ мы? Слѣдовательно, чѣмъ меньше мы имѣемъ нужды, тѣмъ болѣе приближаемся къ нимъ, а чѣмъ больше, тѣмъ глубже низпадаемъ въ эту тлѣнную жизнь. И чтобы убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, спроси у стариковъ, какою жизнью они счи-

тають счастливою, ту ли, когда они были подъ властію этихъ суетныхъ вещей, или ту, когда они уже сами владѣють ими? Мы потому обратились къ старикамъ, что люди, упоенные молодостію, не чувствуютъ даже чрезмѣрности этого рабства. А одержимые лихорадкою? Тогда ли они считаютъ себя счастливыми, когда, томясь сильною жаждою, много пьютъ и многого просятъ, 137 или тогда, когда, выздоровѣвъ, избавляются отъ этой потребности? Видишь, что во всѣхъ случаяхъ нуждаться во многомъ—дѣло жалкое и не свойственное любу мудрію, и что чрезъ это усиливается рабство и пожеланіе. Зачѣмъ же мы добровольно увеличиваемъ для самихъ себя бѣдственность нашего положенія? Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы тебѣ можно было безъ всякаго вреда жить безъ кровли и стѣнъ,—не согласился ли бы ты лучше на это? Для чего же ты умножаешь знаки своей немощи? Не зато ли мы называемъ блаженнымъ Адама, что онъ не пуждался ни въ чемъ, ни въ жилищахъ, ни въ одеждахъ? Такъ, скажешь; но теперь мы уже имѣемъ нужды. Зачѣмъ же мы умножаемъ эти нужды? Если многіе отказываютъ себѣ и во многомъ нужномъ, на примѣръ: въ рабахъ, жилищахъ, деньгахъ—то какое мы будемъ имѣть оправданіе, преступая предѣлы нужды? Чѣмъ больше ты окружишь себя нуждами, тѣмъ большому подвергнешься рабству, потому что, чѣмъ въ большемъ будешь нуждаться, тѣмъ болѣе сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоитъ въ томъ, чтобы вовсе ни въ чемъ не нуждаться, а слѣдующая за нею—нуждаться въ немногомъ, и эту-то свободу имѣють преимущественно ангелы и ихъ подражатели. А достигнуть этого, пребывая въ смертномъ тѣлѣ,—подумай, сколько въ этомъ славы! Это выразилъ и Павелъ, пиша Коринтеянамъ: *азъ же въ щажду, и: да не скорбь плоти имѣти буду, въ таковѣмъ* (1 Кор. vii, 28). Деньги потому и называются деньгами ¹⁾; что ихъ слѣдуетъ употреблять ¹⁾ на нужды, а не хранить и не зарывать въ землю; это значить уже не владѣть, но быть во владѣніи. Если мы станемъ только то имѣть въ виду, какъ бы ихъ побольше приобрѣсть, а не то, чтобы пользоваться ими на нужды, то порядокъ уже извращается, и онѣ владѣють нами, а не мы ими. Освободимся же отъ этого жестокаго рабства и содѣлаемся, наконецъ, свободными. Зачѣмъ мы сами для себя выдумываемъ множество разнообразныхъ узъ? Не довольно ли для тебя узъ естественныхъ, житейскихъ потребностей и скопленія безчисленныхъ дѣлъ? А ты сплетаешь для себя еще

¹⁾ Въ греч. подлинникѣ *хрѣмата*—*хрѣмаѳа*, что даетъ совершенно ясный смыслъ, утрачивающійся при переводѣ.

другія сѣти и связываешь себя ими по ногамъ! Когда ты достигнешь неба и будешь имѣть силу стоять на такой высотѣ? Вожделѣнно, истинно вожделѣнно, чтобы ты, разорвавъ всѣ эти связи, могъ достигнуть высшаго града. Препятствій такъ много и другихъ. Чтобы побѣдить ихъ, будемъ соблюдать увѣренность. Черезъ это мы достигнемъ и вѣчной жизни, по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXI.

Явихъ имя Твое человекомъ, иже далъ еси Мнѣ отъ міра. Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси, и слово Твое сохраниша (Іоан. xvi, 6).

487

1. Сынъ Божій называется ангеломъ великаго совѣта, какъ по причинѣ другихъ (истинъ), которыя Онъ открылъ, такъ особенно потому, что Онъ возвѣстилъ людямъ объ Отцѣ. Вотъ объ этомъ-то Онъ и теперь говоритъ: *явихъ имя Твое человекомъ*. Сказавъ: Я совершилъ Твое дѣло, Онъ снова подробнѣе говоритъ о томъ же, объясняя, какое это дѣло. Но вѣдь имя было уже извѣстно? Исаія, напримѣръ, говоритъ: *клялися будутъ Богу истинныма* (Ис. lxv, 16). На это я и теперь скажу тоже, что много разъ говорилъ, то есть: оно было извѣстно, но только іудеямъ, и то не всѣмъ; а теперь говоритъ о язычникахъ. Притомъ Онъ показываетъ не только это, но и то, что они познали Бога, какъ Отца; а не одно и тоже значить, что (Богъ) есть Творецъ, и — что Онъ имѣетъ Сына. Явилъ же Христосъ имя Его и словами, и дѣлами. *Иже далъ еси Мнѣ отъ міра*. Какъ прежде сказалъ: *никтоже придетъ ко Мнѣ, аще не будетъ дано ему, и: аще не привлечетъ его Отецъ Мой* (Іоан. vi, 65, 44), такъ и здѣсь говоритъ: *иже далъ еси Мнѣ*. Но такъ какъ Онъ же говоритъ, что Онъ самъ есть путь, то отсюда явно, что въ этихъ словахъ Онъ высказываетъ двѣ (мысли), именно, что Онъ не противенъ Отцу, и — что такова воля Отца, чтобы люди вѣровали Сыну, *Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси*. Этимъ Онъ хочетъ научить, что Отецъ весьма любить Его. А что Ему, дѣйствительно, не нужно было принимать ихъ, это видно изъ того, что самъ Онъ и сотворилъ ихъ, самъ постоянно и размышляетъ о нихъ. Какъ же возможно, чтобы Онъ принялъ ихъ? Нѣтъ; это, какъ я сказалъ, означаетъ только единомысліе Его съ Отцемъ. Если же кто захочетъ понимать это по-человѣчески и такъ, какъ сказано, то (люди) не будутъ уже принадлежать Отцу. Въ самомъ дѣлѣ,

если въ то время, какъ Отецъ имѣлъ ихъ, Сынъ ихъ не имѣлъ, то очевидно, что, когда Онъ отдалъ ихъ Сыну, самъ пересталъ ими владычествовать. А отсюда опять выйдетъ еще большая нелѣпость, именно: доколѣ они были у Отца, они были несовершенны; а какъ скоро перешли къ Сыну, стали совершенными. Но смѣшно это и сказать! Итакъ, что же Онъ выражаетъ этимъ? 438 То, что и Отцу угодно, чтобы они вѣровали Сыну. *И слово Твое сохраниша, и нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть* (ст. 7). Какимъ образомъ они слово Твое сохранили? Они увѣровали въ Меня и не внимали іудеямъ, потому что кто вѣруетъ въ Него, тотъ *утверди*, какъ онъ говоритъ, *яко Богъ истиненъ есть* (Іоан. III, 33). Нѣкоторые, правда, читаютъ такъ: *нынѣ разумѣхъ, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть*; но этого нельзя допустить. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, возможно, чтобы Сынъ не зналъ того, что принадлежитъ Отцу? Нѣтъ, это сказано объ ученикахъ. Какъ скоро, говоритъ, Я сказалъ,—они уразумѣли, что все, что Ты далъ Мнѣ, отъ Тебя есть; что нѣтъ у Меня ничего чуждаго, ничего особеннаго отъ Тебя,—потому что особенное какъ бы предполагаетъ уже много чуждаго. Итакъ, они уразумѣли, что все, чему Я училъ,—Твое,—и наставленія, и догматы. Но откуда они узнали? Изъ Моихъ словъ, потому что Я такъ и училъ. И не только это, но и то, что Я отъ Тебя пришелъ (ст. 8),—какъ это, дѣйствительно, Онъ и старался внушить во всемъ евангеліи. *Азъ о снѣзъ молю* (ст. 9). Что Ты говоришь? Ты учишь Отца, какъ бы невѣдущаго, Ты бесѣдуешь, какъ будто съ человѣкомъ незнающимъ? Что, въ самомъ дѣлѣ, значить это раздѣленіе? Видишь ли, что не для чего иного Онъ молится, какъ только для того, чтобы показать, какую любовь Онъ имѣетъ къ нимъ? Кто не только подаетъ свое, но и другого умоляетъ о томъ же, тотъ, дѣйствительно, высказываетъ великую любовь. Итакъ, что же значить: *о снѣзъ молю*? Не о *осетъ*, то есть, *мирѣ*, но о *тѣлѣ*, *иже далъ еси Мнѣ*. Онъ часто повторяетъ слово: *далъ еси*, чтобы показать, что это угодно Отцу. Потомъ, такъ какъ Онъ многократно говорилъ: *Твои суть, и Ты Мнѣ ихъ далъ еси*, то чтобы не подумалъ кто-нибудь, что сласть Его недавняя и что Онъ только теперь принялъ ихъ,—Онъ, устрояя ту неправую мысль, говоритъ: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя, и прославишя еъ нѣзъ* (ст. 10).

Видишь ли равночестіе? Чтобы ты, слыша: *далъ еси Мнѣ*, не подумалъ, что они отчуждаются теперь отъ власти Отца или — еще прежде—Сына, Онъ уничтожилъ и то и другое, сказавъ тѣ 439 слова. Онъ какъ бы такъ говоритъ: когда ты слышишь: *Мнѣ ихъ далъ еси*,—не думай, что они становятся уже чуждыми Отцу (потому что все Мое принадлежитъ Ему); равнымъ образомъ, когда

слышишь слова: *Твои бытия*, — не думай, что они были чужды Мнѣ, потому что все, принадлежащее Ему, есть Мое. Такимъ образомъ *даждь еси* сказано только по одному приспособленію; все, что имѣеть Отецъ, принадлежитъ Сыну, и все, что имѣеть Сынъ, принадлежитъ Отцу. Этого пельзѧ сказать даже о Сынѣ по человѣчеству; но (говорится о Немъ), такъ какъ Онъ больше (человѣка). Всякому извѣстно, что принадлежащее меньшему принадлежитъ и большому, но — не наоборотъ; а здѣсь говорится и наоборотъ, что и показываетъ равенство. Это же Христосъ показалъ и въ другомъ мѣстѣ, когда, бесѣдуя о вѣдѣніи, сказалъ: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. хvi, 15). А выраженія: *даждь еси Мнѣ*, и всѣ подобныя, — чтобы показать, что Онъ, не какъ чуждый, пришелъ и привлекъ ихъ къ Себѣ, но принявъ ихъ, какъ своихъ. Затѣмъ Онъ представляетъ причину и доказательство, говоря: *и прославился есѧ нѣмъ*, то есть, что Я имѣю власть надъ ними, или что они прославятъ Меня, вѣруя Тебѣ и Мнѣ, и прославятъ одинаково. Если же Онъ прославился въ нихъ не одинаково, то принадлежащее Отцу не принадлежитъ уже Ему. А никто не прославляется тѣмъ, надъ чѣмъ не имѣеть власти.

2. Какъ же Онъ прославился одинаково (съ Отцемъ)? Всѣ одинаково умираютъ за Него, какъ и за Отца, проповѣдуютъ Его, какъ и Отца, и какъ говорятъ, что все совершается именемъ Отца, такъ — и именемъ Сына. *И потому нѣсмѧ есѧ мѣрѣ, и сѣмъ есѧ мѣрѣ суть* (ст. 11), то есть: хотя Я и не буду видимъ во плоти, однако чрезъ нихъ буду прославляться. Но почему Онъ непрестанно говоритъ: *есѧ мѣрѣ нѣсмѧ*, — и: такъ какъ Я оставляю ихъ, то поручаю ихъ Тебѣ, — и: *егда быхѧ есѧ мѣрѣ, азъ соблюдаѧ ихѧ* (ст. 12)? Кто станетъ понимать эти слова просто, тотъ придетъ ко многимъ нелѣпостямъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы Его дѣйствительно не было въ мѣрѣ и чтобы, отходя, Онъ поручалъ ихъ другому? А тѣ слова сказаны какъ бы простымъ человѣкомъ, который навсегда разлучается съ ними. Видишь ли, что Онъ говоритъ весьма многое по-человѣчески и приспособляясь къ ихъ понятіямъ, такъ какъ они думали, будто въ Его присутствіи они будутъ безопаснѣе? Потому-то Онъ и говоритъ: *егда быхѧ, азъ соблюдаѧ ихѧ*. Но вѣдь Онъ же сказалъ: *прииду къ вамъ* (Іоан. хiv, 18), и: *съ вами есмѧ до скончанія* (Мате. ххviii, 20). Почему же теперь говоритъ такъ, какъ бы дѣйствительно намѣревался разлучиться? Это, какъ я уже сказалъ, приспособленіе къ ихъ мнѣнію, — для того, чтобы они нѣсколько успокоились, слыша, что Онъ говоритъ такъ и поручаетъ ихъ Отцу. Такъ какъ они, послѣ многихъ съ Его стороны утѣшеній, не убѣж-

дались, то Онъ, наконецъ, обращается съ бесѣдою къ Отцу, выказывая сильную любовь къ нимъ. Онъ какъ бы такъ говорилъ: такъ какъ Ты призываешь Меня къ Себѣ, то утверди ихъ въ безопасности, потому что Я къ Тебѣ иду. Что Ты говоришь? Развѣ самъ не можешь хранить ихъ? Конечно, могу. Для чего же говоришь это? *Да имутъ радость Мою исполнену* (ст. 18), то есть, чтобы они не смущались, будучи еще несовершенно. Этими словами Онъ показалъ, что все это говорилъ такъ для ихъ успокоенія и радости: иначе слова Его представляются противорѣчащими. Нынѣ же *тѣмъ въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть*. Такъ, дѣйствительно, думали ученики; а Онъ приспосабливается къ нимъ. Если бы Онъ 440 сказалъ: Я соблюду ихъ,—они не столько повѣрили бы; поэтому говорить: *Отче, святой соблюди ихъ во имя Твое* (ст. 11), то есть Твоею помощію. *Егда бѣхъ въ мірѣ, Азъ соблюдалъ ихъ во имя Твое* (ст. 12). Опять бесѣдуетъ, какъ человѣкъ и какъ пророкъ, потому что нигдѣ не видно, чтобы Онъ дѣлалъ что-нибудь именемъ Божиимъ. *Ихъже далъ еси Мнѣ, сохрани ихъ, и никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется писаніе* (ст. 12). И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *все, еже даде Ми, не погублю отъ него* (Іоан. vi, 89). Но вѣдь не одинъ только тотъ (Іуда) погибъ, но и многіе вполнѣдствіи. Какъ же Онъ говоритъ: *не погублю*? Сколько отъ Меня зависить,—не погублю. Въ другомъ мѣстѣ Онъ показываетъ это еще яснѣе, говоря: *не изгону его вонъ* (Іоан. vi, 87). Не Моя вина; Я не отгоняю и не оставляю; если же кто самъ собою отпадаетъ, Я насильно не влеку. *Нинѣ же къ Тебѣ ирѣду* (ст. 18). Видишь, какъ по-человѣчески составлена эта бесѣда? Потому, если кто захочетъ на этомъ основаніи унижать Сына, тотъ унижитъ и Отца. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, какъ Онъ съ самаго начала то какъ бы учитъ Его и поясняетъ Ему, то какъ бы заповѣдуетъ. Какъ бы учитъ, когда говоритъ: *не о мірѣ молю*; а какъ бы заповѣдуетъ, когда говоритъ: *Азъ соблюдалъ ихъ досель, и никтоже погибе*, и: такъ и Ты *соблуди ихъ*. И опять: *Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси*, и: *егда бѣхъ въ мірѣ, Азъ соблюдалъ ихъ*. Но разрѣшеніе на все въ томъ, что всѣ эти слова сказаны были приспособительно къ ихъ немощи. Сказавъ, что *никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный*, Онъ прибавилъ: *да сбудется писаніе*. О какомъ Онъ говоритъ Писаніи? О томъ, которое многое о Немъ предсказываетъ. Но (Іуда) погибъ не потому, чтобы чрезъ это исполнилось Писаніе. Касательно этого я уже много и прежде говорилъ, что это особенный оборотъ, свойственный Писанію—представлять какъ бы причиною то, что сбывается вполнѣдствіи. И если мы не хотимъ ошибаться, то должны все тщательно изслѣдовать—и свойство говорящаго, и предметъ (рѣчи), и законы,

свойственныя Писанію. *Братіе, не дѣти бывайте умы* (1 Кор. xiv, 20).

8. Но это надобно прилагать не къ разумѣнію только Писанія, но и къ жизни. Малыя дѣти не ищутъ, дѣйствительно, великаго, а обыкновенно удивляются ничего не стоящему. Такъ, они съ радостію смотрятъ на колесницы, коней, возничаго и колеса, когда все это сдѣлано изъ глины; а если видятъ дѣйствительно царя, сидящаго на золотой колесницѣ, и запряженныхъ бѣлыхъ лошаковъ, и великую пышность,—не обращаютъ и вниманія. Или еще: получивъ куклу, сдѣланную изъ того же вещества и представляющую невѣсту, они наряжаютъ ее; а на невѣстѣ настоящихъ и блистающихъ красотою и не взглянуть. Такъ поступаютъ они и во многихъ другихъ случаяхъ. Этому же нынѣ подвержены многіе и изъ взрослыхъ. Слыша о небесномъ, они не обращаютъ и вниманія, а ко всему брѣнному пристрастны, какъ дѣти,—изумляются земному богатству, высоко цѣнятъ и славу, и наслажденіе въ настоящей жизни, хотя все это—такія же дѣтскія (игрушки), какъ и тѣ, а небесное доставляетъ жизнь, и славу, и успокоеніе. И какъ дѣти, лишаясь игрушекъ, плачутъ, а небснаго и пожелать не умѣютъ, такъ точно и многіе изъ тѣхъ, которыхъ считаютъ мужами. Поэтому-то сказано: *не дѣти бывайте умы*. Ты любишь, скажи мнѣ, богатство? Зачѣмъ же ты любишь не богатство пребывающее, а дѣтскія игрушки? Вѣдь, еслибы ты увидѣлъ, что кто-нибудь дорожитъ свинцовой монетою и наклоняется, чтобы поднять ее,—не заключилъ ли бы ты о его большой бѣдности? А ты собираешь вещи еще болѣе ничтожныя, и считаешь себя въ числѣ богатыхъ! Есть ли въ этомъ какой-нибудь смыслъ?

Нѣтъ, богатымъ мы назовемъ того, кто презираетъ все настоящее, потому что никто, поистинѣ никто не рѣшится пренебречь этими ничтожными вещами—серебромъ, золотомъ и и другими призрачными благами, если не имѣетъ любви къ большому, точно такъ же, какъ — и свинцовой монетою, если не имѣетъ золотыхъ монетъ. Потому и ты, когда видишь человека, оставляющаго безъ вниманія весь міръ, будь увѣренъ, что онъ это дѣлаетъ не по чему-нибудь другому, а именно потому, что имѣетъ въ виду міръ лучшій. Такъ и земледѣлецъ пренебрегаетъ небольшимъ количествомъ пшеницы, потому что надѣется на большую жатву. Если же, при невѣрной еще надеждѣ, мы пренебрегаемъ тѣмъ, что имѣемъ, то тѣмъ болѣе должны поступать такъ при ожиданіи несомнѣнномъ. Потому-то я прошу и умоляю—не вредите самимъ себѣ и, владѣя грязью, не лишайте себя сокровищъ горнихъ, не ведите въ пристань корабля

сць соломой і мякiнiою. Пусть, што хотятъ, гаворятъ обо мнѣ, пусть сердятъ на мяня за частое повторенiе этого увѣщанiя, пусть называють мяня пустословомъ, докучливымъ, несноснымъ: я никогда не перестану увѣщевать въ этомъ и постоянно буду повторять всѣмъ вамъ эти пророческія слова: *гнѣхъ твой милостынями испусти, и неправды твои щедротами убогихъ* (Дан. iv, 24). *И обѣси тыя на своей вѣтѣ, да не днесь убо сотвориши, утрѣ же оставиши*. Какъ это тѣло требуетъ ежедневной пищи, такъ—или еще гораздо болѣе—и душа. И если мы не будемъ питать ея, она становится слабѣе и постыднѣе. Не станемъ же презирать 412 ее, когда она гибнетъ и томится голодомъ. Много ранъ она получаетъ каждый депъ—отъ пожеланiй, отъ гнѣва, отъ нерадѣнiя, отъ злословія, мщенiя и зависти: надобно, слѣдовательно, приготавливать для ней и лѣкарства. А не маловажно лѣкарство милостыни: его можно прилагать ко всѣмъ ранамъ. *Дадите*, сказалъ (Господь), *милостыню, и се вся чиста вамъ будетъ* (Лук. xi, 41),—милостыню, но не то, что прибрѣтено любостыжанiемъ, потому что удѣляемое отъ прибрѣтеннаго любостыжанiемъ не имѣетъ значенiя, хотя бы ты подавалъ и нуждающимся. Такъ, истинная милостыня свободна отъ всякой неправды, и она-то все дѣлаетъ чистымъ. Такая милостыня лучше и поста, и лежапья на землѣ. Хотя эти подвиги тяжелѣе и труднѣе, но она—плодотворнѣе. Она просвѣщаетъ душу, утучняетъ ее и дѣлаетъ благообразною и прекрасною. Не столько плодъ маслины оживляетъ силы борцевъ, сколько этотъ елей укрѣпляетъ подвижниковъ благочестiя. Будемъ же умащать имъ свои руки, чтобы успѣшно поднимать ихъ на противника. Кто старается быть милосерднымъ къ нуждающемуся, тотъ скоро отстанетъ и отъ любостыжанiя. Кто постоянно подаетъ бѣднымъ, тотъ легко и отъ гнѣва отстанетъ, и никогда не будетъ высоко думать о себѣ. Какъ врачъ, постоянно пользующій раненыхъ, легко смиряется, вглядываясь въ чело-вѣческую природу при несчастныхъ случаяхъ съ другими, такъ и мы, если рѣшимся помогать бѣднымъ, удобно научимся лбомудрствовать, не будемъ дивиться богатству и не станемъ считать настоящаго чѣмъ нибудь великимъ; но будемъ пренебрегать всѣмъ и, воспаривъ къ небу, удобно достигнемъ вѣчныхъ благъ, по благодати и чело-вѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА LXXXII.

Азъ дахъ имъ слово Твое, и міръ возненавидѣ ихъ,
яко не суть отъ міра, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь
(Іоан. xvii, 14).

- 441 1. Когда мы, живя добродѣтельно, подвергаемся преслѣдованію людей злыхъ и за привязанность къ добродѣтели терпимъ отъ нихъ осмѣяніе, — не будемъ печалиться и скорбѣть. Таково уже свойство добродѣтели, что она, обыкновенно, въ людяхъ злыхъ возбуждаетъ къ себѣ ненависть. Завидуя тѣмъ, кто хочетъ жить праведно, и думая самимъ себѣ приготовить оправданіе, если очерняютъ добрую славу другихъ, злые люди ненавидятъ (добрыхъ), какъ идущихъ противоположнымъ путемъ, и всячески стараются обезславить ихъ жизнь. Но не будемъ сокрушаться, потому что ненависть злыхъ служитъ знакомъ добродѣтели. Поэтому-то и Христосъ говоритъ: *аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы* (Іоан. xv, 19), и опять въ другомъ мѣстѣ: *юрѣ вамъ, елико добръ рекуть вамъ вси челоустыи* (Лук. vi, 26). Поэтому же и здѣсь Онъ говоритъ: *дахъ имъ слово Твое, и міръ возненавидѣ ихъ*. Этимъ опять высказываетъ причину, по которой они достойны великаго попеченія Отца. За Тебя, говоритъ, и за слово твое они подверглись ненависти; поэтому достойны всего промышленія. *Не могу, да возмещу ихъ отъ міра, но да соблюдеши ихъ отъ неприятели* (ст. 15). Снова поясняетъ Свою рѣчь, снова дѣлаетъ ее вразумительнѣе, — чѣмъ не иное что показываетъ, какъ только
- 442 то, что Онъ много заботится объ ученикахъ, такъ какъ молится за нихъ съ такимъ тщаніемъ. Но вѣдь Онъ сказалъ, что Отецъ все сдѣлаетъ, чего бы они ни попросили. Почему же здѣсь самъ молится за нихъ? Это, какъ я сказалъ, только для того, чтобы выразить любовь къ нимъ. *Отъ міра не суть, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь* (ст. 16). Какъ же Онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *изже дахъ еси Мнѣ отъ міра, Твои быша* (ст. 6)? Тамъ Онъ разумѣетъ природу, а здѣсь — злая дѣла. Такимъ образомъ многое говорить въ похвалу учениковъ, и во-первыхъ, что они *не суть отъ міра*, потомъ, что самъ Отецъ далъ ихъ, что они соблюли слово Его и что за это ихъ ненавидятъ. А что Онъ говоритъ: *якоже и Азъ отъ міра нѣсмь*, — этимъ не смущайся. Слово: *якоже* не означаетъ здѣсь совершеннаго сходства. Какъ въ такомъ случаѣ, когда говорится о Христѣ и объ Отцѣ, словомъ: *якоже* выражается полное равенство, по сродству Ихъ естества, такъ и тогда, когда говорится о насъ и о Христѣ, оно допускаетъ великое различіе, по причинѣ великой и безпредѣльной разности между

Его и нашимъ естествомъ. И если Христосъ *беззаконіа не сотвори,* *ниже обрѣтется лѣсть во истинѣхъ Его* (Ис. лш, 9), то какъ могутъ быть сравниваемы съ Нимъ апостолы? Что же значать слова Его: *отъ міра не суть?* Они имѣютъ въ виду другой (міръ),—у нихъ ничего нѣтъ общаго съ землею,—они сдѣлались небесными гражданами. И этимъ также Онъ показываетъ Свою любовь,—такъ какъ хвалить ихъ предъ Отцемъ и поручаетъ ихъ Родившему. Сказавъ же: *соблюди ихъ,* Онъ сказалъ не только объ избавленіи ихъ отъ опасностей, но и объ утвержденіи въ вѣрѣ. 448 Потому и прибавилъ: *святѣ ихъ во истину твою* (ст. 17),—сдѣлай святыми преподаніемъ Св. Духа и правыхъ догматовъ. Какъ прежде сказалъ: *чисти есте за словъ, еже мѣлахъ вамъ* (ху, 3), такъ и теперь говоритъ тоже самое: наставъ ихъ, научи истинѣ. Но вѣдь Онъ сказалъ, что это дѣлаетъ Духъ: какъ же теперь просить объ этомъ Отца? Это опять для того, чтобы ты позналъ равночестіе. А исповѣданіе правыхъ догматовъ о Богѣ, дѣйствительно, освящаетъ душу. Не удивляйся и тому, что Онъ приписываетъ освященіе слову. А что Онъ говоритъ о догматахъ, это видно изъ того, что Онъ прибавилъ: *слово Твоѣ истина есть,* то есть, нѣтъ въ немъ ничего ложнаго, но все сказанное должно непременно исполниться; нѣтъ также ничего образнаго, ничего тѣлеснаго. Такъ и Павелъ говоритъ о Церкви, что Христосъ освятить ее — *въ мѣлохъ* (Ефес. у, 26). Значить, и глаголъ Божій можетъ очищать. Впрочемъ, мнѣ кажется, что выраженіе: *святѣ ихъ* значить и нѣчто другое, именно: отдѣли ихъ для слова и проповѣди. И это опять видно изъ дальнѣйшихъ словъ. *Якоже Мене,* говоритъ Христосъ, *послалъ еси въ міръ, и Азъ послалъ ихъ въ міръ* (ст. 18). Тоже говоритъ и Павелъ: *положивъ въ насъ слово приженія* (2 Кор. у, 19). Дѣйствительно, для чего пришелъ Христосъ, для того и апостолы обошли вселенную. Но слово: *якоже* опять и здѣсь не означаетъ равенства между Имъ и апостолами: иначе какимъ бы образомъ люди могли быть посланы? А говорить о будущемъ, какъ о прошедшемъ,—дѣло Ему обыкновенное. *И за нихъ Азъ свящу Себе, да и ти будете священи во истину* (ст. 19). Что значить: *свящу Себе?* Приношу Тебѣ жертву. Жертвы же всѣ называются святыми, какъ и дѣйствительно свято все, принесенное Богу. Но такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ освященіе было въ прообразѣ, подъ видомъ овцы, а теперь оно уже не въ прообразѣ, но въ самой истинѣ, то Онъ говоритъ: *да и ти священи будете во истину Твою.* И ихъ самихъ Я посвящаю Тебѣ, и дѣлаю приношеніемъ. Это Онъ говоритъ или потому, что Глава ихъ дѣлается жертвою, или потому, что они и сами будутъ жертвою. *Представьте,* сказано, *уды ваши жертву живу, святу* (Римл.

хп, 1), и еще: *вѣнчаюся, яко овцы заколенія* (Пс. хлш, 23). Такимъ образомъ и безъ смерти Онъ дѣлаетъ ихъ жертвою и приношеніемъ. А что словомъ: *свящу* Онъ намекалъ на Свою жертву, это видно изъ того, что слѣдуетъ далѣе. *Не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словеса ихъ ради въ Мнѣ* (ст. 20). Такъ какъ Онъ умеръ за вѣрующихъ, а между тѣмъ сказалъ: *за нихъ Азъ свящу Себе*, то, чтобы кто не подумалъ, что Онъ умеръ только за апостоловъ, Онъ прибавилъ: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словеса ихъ ради въ Мнѣ* (ст. 20).

2. Черезъ это Онъ опять ободрилъ ихъ души, показавъ, что будетъ много учениковъ. Такъ какъ Онъ сдѣлалъ общимъ достояніемъ то, что имъ принадлежало по преимуществу, то опять утѣшаетъ ихъ, объявляя, что они же будутъ виновниками и спасенія другихъ. А сказавъ и о спасеніи ихъ, и объ освященіи вѣрою и жертвою, Онъ говоритъ, наконецъ, о единомысліи и тѣмъ заключаетъ Свое слово. Этимъ Онъ началъ, этимъ и оканчиваетъ. Въ началѣ Онъ сказалъ: *заповѣдь новую даю вамъ* (хп, 34), а теперь: *да едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ* (ст. 21). Слово: *якоже* опять не означаетъ, по отношенію къ ученикамъ, точнаго равенства, потому что для нихъ таковое и возможно было. Оно значитъ: сколько возможно для людей, — подобно тому, какъ и въ словахъ: *будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ* (Лук. vi, 36). А что значитъ: *въ мнѣ*? По вѣрѣ въ Насъ. Такъ какъ ничто столько не соблазняетъ всѣхъ, какъ раздоръ, то онъ старается, чтобы были едино. Что же, скажешь, — достигъ ли Онъ этого? И очень достигъ, — потому что всѣ, увѣровавшіе чрезъ апостоловъ, суть едино, хотя нѣкоторые изъ нихъ и отдѣлились. Впрочемъ, и это, (отдѣленіе) не укрылось отъ Него; напротивъ, Онъ предсказалъ и о немъ, и показалъ, что оно происходитъ отъ человѣческаго нерадѣнія. *Да и міръ стру имѣетъ, яко Ты Мнѣ послалъ еси* (ст. 21). Это же самое Онъ говоритъ и въ началѣ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (хv, 35). Но какимъ образомъ другіе могли чрезъ это увѣровать? Увѣруютъ, говоритъ, потому что Ты — Богъ міра. Итакъ, если они будутъ соблюдать все то, чему научились, то слушающіе ихъ узнаютъ Учителя по ученикамъ. Если же они будутъ въ несогласіи, то никто не скажетъ, что они — ученики Бога міра; а не признавая Меня миротворцемъ, никто не будетъ исповѣдывать и того, что Я посланъ Тобою. Видишь ли, какъ до самаго конца Онъ старается утвердить Свое единомысліе съ Отцемъ? *И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ* (ст. 22), то есть, славу чудесъ, славу ученія и славу — да будутъ единомысленны, потому что и въ томъ слава *да будутъ едино* и слава — больше

чудесь. Какъ по отношенію къ Богу мы изумляемся, что въ естествѣ Его нѣтъ ни несогласія, ни борьбы, и это — величайшая слава. такъ, говорить, и они да прославятся тѣмъ же. Но почему же, скажешь, Онъ проситъ Отца даровать имъ это, тогда какъ, по Его же словамъ, даетъ самъ? Говоритъ ли Онъ, дѣйствительно, о чудесахъ, или о единомысліи, или о мирѣ,—вездѣ видно, что Онъ самъ преподавалъ имъ это. Все это показываетъ, что Онъ проситъ для утѣшенія ихъ. *Азъ съ нихъ, и Ты со Мною* (ст. 23). Какимъ образомъ Онъ далъ славу? Тѣмъ, что Онъ пребывалъ въ нихъ самъ, имѣя съ Собою и Отца, чтобы тѣснѣе соединить ихъ. А въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ не такъ: не чрезъ Него Отецъ придетъ, но самъ Онъ и Отецъ придутъ, и обитель у него сотворятъ (Іоан. xiv, 13). Такимъ образомъ тамъ Онъ уничтожаетъ мнѣніе Савеллія, а здѣсь — Арія. *Ди будутъ совершени во едино, и да разумѣтъ міръ, яко Ты Ми поглалъ еси* (ст. 23). Часто повторяетъ это, чтобы показать, что миръ можетъ привлекать больше, чѣмъ чудеса. И дѣйствительно, какъ вражда имѣетъ силу раздѣлять, такъ согласіе—соединять. *И Я возлюбилъ ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси* (ст. 23). Опять и здѣсь слово: *якоже* означаетъ—столько, сколько человѣкъ можетъ быть любимъ. А доказательство этой любви то, что Онъ Себя самого предалъ за нихъ. Сказавъ такимъ образомъ, что будутъ въ безопасности, что они не совратятся, что они будутъ святы, что многіе увѣруютъ чрезъ нихъ, что они сподобятся великой славы, что не только самъ Онъ возлюбилъ ихъ, но и Отецъ,—Христосъ говоритъ, наконецъ, и о томъ, что будетъ (съ ними) по отшествіи отсюда, о наградахъ и вѣнцахъ, имъ уготованныхъ. *Отче, говоритъ Онъ, иже далъ еси Мною, хочу, да иже есмь Азъ, и тии будете со Мною* (ст. 24). А этого они всегда и домогались, говоря: *камо идиши* (Іоан. xiv, 5)? Но что Ты говоришь? Ты просишь, чтобы получить это, а самъ еще не имѣешь? Какъ же Ты сказалъ имъ: *сидите на двюнадесяте престолу* (Мате. xix, 28)? Какъ обѣщалъ много и другого, еще большаго? Видишь ли, что Онъ говоритъ все это приспособительно? Иначе, какъ бы Онъ могъ сказать: *послѣди же идиши* (Іоан. xiii, 86)? Очевидно, 445 Онъ говоритъ такъ для большаго удостовѣренія въ любви. *Да видѣтъ славу Мою, юже далъ еси Мною* (ст. 24). Это опять доказательство единомыслія съ Отцемъ. Оно, конечно, выше прежнихъ, потому что Онъ сказалъ: *прежде сложенія міра*; но и въ немъ есть нѣкоторое приспособленіе, такъ какъ Онъ говоритъ: *далъ еси Мною*. Если же это не такъ, то я очень желалъ бы спросить противниковъ: тотъ, кто даетъ,—даетъ, конечно, кому-либо существующему? Итакъ, неужели Отецъ прежде родилъ Сына, и уже послѣ далъ Ему славу, а сначала оставилъ Его безъ славы? Но какъ можно

допустить это? Видишь ли, что слово: *дамъ* значить тоже, что родиль?

3. Почему же Христосъ не сказалъ: да будутъ причастниками славы, но: *да видятъ славу*? Этимъ Онъ намекаетъ на то, что все блаженство состоитъ именно въ созерцаніи Сына Божія; а отсюда происходитъ уже и слава. Такъ и Павелъ говоритъ: *откровеннымъ лицомъ славу Господню взирающе* (2 Кор. ш, 18). Въ самомъ дѣлѣ, какъ тѣ, которые смотрятъ на солнечные лучи и наслаждаются прозрачнѣйшимъ воздухомъ, получаютъ удовольствіе чрезъ зрѣніе, такъ и тогда, но гораздо въ высшей степени, созерцаніе доставить намъ наслажденіе. Въ то же время Христосъ здѣсь показываетъ, что предметомъ созерцанія будетъ не то, что подлежитъ обыкновенному зрѣнію, но нѣкая поразительная сущность. *Отче праведный, и міръ Тебе не познъ* (ст. 25). Что это значить? Какая здѣсь послѣдовательность? Этимъ показывать, что никто не знаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, которые познали Сына. Смыслъ словъ Его слѣдующій: Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ были въ этомъ состояніи; но не (всѣ) познали Тебя, хотя и ничего не могутъ сказать въ свое оправданіе. Вотъ это именно и значать слова: *Отче праведный*. Въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, Онъ выражаетъ и негодованіе на то, что не хотѣли познать столь Благого и Праведнаго. Такъ какъ іудеи говорили, что Бога они знаютъ, а Его не знаютъ, то противъ этого Онъ говоритъ: *яко возлюбилъ Мѧ еси прежде сложенія міра* (ст. 24), и тѣмъ защищаетъ Себя отъ іудейски хъ обвиненій. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, Кто пріялъ славу, Кто волюбленъ прежде сложенія міра, Кто желаетъ ихъ самихъ имѣть свидѣтелями этой славы,—какъ могъ быть Онъ противникомъ Отцу? Несправедливо, значить, то, что говорятъ іудеи, будто они знаютъ Тебя, а Я не знаю; напротивъ, Я знаю Тебя, другіе же Тебя не познали. *И сіи познаша, яко Ты Мѧ послалъ еси* (ст. 25). Видишь ли, что Онъ намекаетъ на тѣхъ, которые говорили, будто Онъ не отъ Бога, и къ этому направляетъ все слово? *И скажехъ имъ имѧ Того, и скажу* (ст. 26). Но вѣдь Ты сказалъ, что совершенное знаніе даруется Духомъ? Такъ; но что принадлежитъ Духу, то—Мое. *Да любви, съюже Мѧ еси возлюбилъ, въ нѣхъ будетъ, и Азъ въ нѣхъ* (ст. 26). Когда они уразумѣютъ, кто Ты, тогда узнаютъ, что Я не чуждъ, но весьма любимъ, что Я истинный Сынъ и соединенъ съ Тобою. Убѣдившись же въ этомъ, какъ должно, они соблюдутъ и вѣру въ Меня, и твердую любовь. А когда они будутъ любить, какъ должно, тогда Я буду пребывать въ нихъ. Видишь ли, къ какому прекрасному Онъ пришелъ концу, заключивъ рѣчь словомъ о любви, матери всѣхъ благъ? Будемъ же вѣровать и лю-

бить Бога, чтобы и о насъ не было сказано: *Богъ исповѣдуютъ отънати, а діавлы отъмещуются Его* (Тим. I, 16), и еще: *отры отвергся есть, и нестынно гортіи есть* (1 Тим. v, 8). Въ самомъ дѣлѣ, если невѣрный оказываетъ пособіе и рабамъ, и сродникамъ, и чужимъ, а ты не заботишься и о принадлежащихъ къ твоему роду, то какое, наконецъ, будетъ тебѣ оправданіе, когда чрезъ тебя Богъ подвергается хулѣ и поношенію? Посмотри, сколько Богъ 446 далъ намъ поводовъ къ благотворительности. Одного, говорить Онъ, милуй, какъ сродника, другого—какъ друга, третьяго—какъ сосѣда, того—какъ согражданина, этого—какъ человѣка. Если же ничто это не трогаетъ тебя, но ты разрываешь всѣ узы, то узнай отъ Павла, что ты хуже невѣрнаго. Тотъ, ничего не слышавшій о милостынѣ, ничего о томъ, что на небѣ, превзошелъ тебя человѣколюбіемъ; а ты, обязанный любить самихъ враговъ, смотришь на своихъ, какъ на враговъ, и деньги бережешь больше, чѣмъ людей. Между тѣмъ деньги, будучи истрачены, не потерпятъ никакого вреда; а человѣкъ, оставленный безъ призорѣнія, погибнетъ. Что это за безуміе—беречь деньги и не беречь родныхъ! Откуда вселилась эта страсть? Откуда это безчеловѣчіе и жестокость?

4. Если бы кто, сѣвши какъ бы на вершинѣ алѣища, взглянулъ на весь міръ,—или лучше, ограничимся пока, если хотите, однимъ нашимъ городомъ.—такъ, еслибы кто, сѣвши на высокомъ мѣстѣ, могъ разглядѣть все человѣческое,—подумай, сколько увидѣлъ бы онъ безразсудства, сколько пролилъ бы слезъ, какимъ посмѣялся бы смѣхомъ, сколько почувствовалъ бы ненависти! Мы, дѣйствительно, поступаемъ такъ, что наши дѣла и смѣшны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вотъ одинъ кормитъ собакъ, чтобы ловить дикихъ звѣрей, а самъ впадаетъ въ звѣрство; другой—ословъ и воловъ, чтобы возить камни, а презираетъ людей, истаевающихъ отъ голода: тратитъ бездну золота, чтобы соорудить каменныхъ людей, а людей настоящихъ, которые отъ бѣдствій сдѣлались каменными, оставляетъ въ небреженіи. Иной собираетъ драгоцѣнные камешки и съ большимъ трудомъ убираетъ ими стѣны, а видя нагіе члены нищихъ, ни сколько не трогается. Одни къ своимъ одеждамъ придумываютъ еще одежды, а между тѣмъ, другіе не имѣютъ, чѣмъ покрыть и нагого тѣла. Въ судахъ, опять, одинъ пожираетъ другого. Иной расточаетъ все на блудницъ и тунеядцевъ; другой—на комедіантовъ и плясуновъ; иной—на пышныя постройки, на поуху селъ и домовъ. Опять, одинъ вычисляетъ проценты, другой—проценты на проценты; иной сочиняетъ бумаги, наполненныя многими убійствами. и даже ночью не имѣетъ отдыха, не-

усыпно бодрствуя на пагубу другимъ. Едва насталь депъ, одинъ бѣжитъ на прибыль неправедную, другой — на трату безпутную, а иные — на казнокрадство. Вообще, объ излишнемъ и запрещенномъ много заботы, а о необходимомъ нѣтъ и мысли. Судящіе носятъ, дѣйствительно, имя судей, а поступаютъ, какъ разбойники и челоуѣкоубійцы. Если кто разсмотритъ тяжбы или завѣщанія, тотъ опять и здѣсь найдетъ множество зла, — коварство, воровство, злые умыслы. И объ этомъ все попеченіе, а о духовномъ нѣтъ и мысли. Въ церковь всѣ приходятъ только для того, чтобы поглазѣть; но отъ насъ требуется не это, — намъ нужны дѣла и чистая душа. Если же ты весь день истратишь на любостыжаніе, и потомъ, придя (въ церковь), скажешь нѣсколько словъ, то не только не умилиши Бога, но еще болѣе раздразиши Его. Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дѣла: познай множество всякаго рода бѣдствій, призи нагихъ, алчущихъ, обижаемыхъ. Богъ открылъ тебѣ тысячи путей къ челоуѣколюбію. Итакъ, не будемъ обманывать самихъ себя, живя напрасно и даромъ, и не будемъ небрежны потому, что теперь здоровы. Мы уже не разъ подвергались болѣзни и, дойдя до крайней степени изнеможенія, умирали отъ страха и ожиданія будущаго. Помышляя объ этомъ,

447 будемъ думать, что опять можемъ подвергнуться тому же; пріобрѣтемъ тотъ же самый страхъ и сдѣлаемся лучшими, — такъ какъ настоящія наши дѣла достойны тысячи осужденій. Засѣдающіе въ судахъ подобны лвамъ и псамъ, а торгующіе на рынкахъ — лисицамъ. Да и тѣ, которые живутъ, не занимаясь никакими дѣлами, — и тѣ пользуются свободою отъ дѣлъ не какъ должно, но губятъ весь досугъ на театры и происходящія оттуда дурныя дѣла. И нѣтъ никого, кто обличалъ бы за все это; а соревнующихъ и сокрушающихся, что сами не могутъ дѣлать наравнѣ съ другими, — много. Но и эти послѣдніе также подвергнутся наказанію, хотя они и не дѣлаютъ худого, потому что *не точію сія творять, но и соизволяютъ творити* (Римл. 1, 32).

Наклонности ихъ одинаково растлѣнны, а изъ словъ апостола

448 видно, что будетъ наказаніе и за сердечное расположеніе. Каждый день я говорю это и не перестану говорить. Если кто послушаетъ, — хорошо; а если и никто не обратитъ вниманія, то все же вы услышите это тогда, когда вамъ не будетъ отъ того никакой пользы, и вы станете укорять самихъ себя, а я буду чистъ отъ вины. Но не дай Богъ, чтобы я имѣлъ только это оправданіе; нѣтъ, я желаю бы, чтобы вы были и похвалою для меня предъ судилищемъ Христовымъ, чтобы вмѣстѣ насладиться небесными благами, по благодати и челоуѣколюбію Господа на-

шего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬДА LXXXIII.

И сія рекъ Іисусъ, изыде со ученики Своими на онъ полъ потока кедрска, идѣже бѣ вертоградъ. въ онъ же вниде самъ и ученицы Его (Іоан. хvш, 2).

1. Страшна смерть и великаго исполнена ужаса, но — 447
 для тѣхъ, кому извѣстно высшее любомудріе. Кто ничего ясно не знаетъ о будущемъ, но считаетъ смерть разрушеніемъ и окончаніемъ жизни, тому естественно страшиться и ужасаться ея, потому что онъ какъ бы отходить въ небытіе. А мы, по благодати Божіей, познавшіе безвѣстная и тайная премудрости Его, и считающіе смерть переселеніемъ, мы были бы неправы, если бы стали трепетать ея; напротивъ, мы должны радоваться и благодушествовать, потому что, оставляя эту временную жизнь, мы отходимъ къ другой, гораздо лучшей, блистательнѣйшей и не имѣющей конца. Вотъ этому-то и Христосъ научаетъ насъ самымъ дѣломъ, идя на страданіе не по насилію и необходимости, но добровольно. Сія рекъ Іисусъ, сказано, *изыде со ученики Своими на онъ полъ потока кедрска, идѣже бѣ вертоградъ, въ онъ же вниде самъ и ученицы Его. Видѣше же и Іуда, предавъ Его, мѣсто, гдѣ мнозицею собирашеся ту Іисусъ со ученики Своими* (Іоан. хvш, 1—2). Идетъ среди ночи, переходитъ потокъ, спѣшитъ достигнуть мѣста, извѣстнаго предателю, и чрезъ то избавляя злоумышленниковъ отъ труда и освобождая ихъ отъ всякаго безпокойства, показываетъ ученикамъ, что идетъ на страданіе добровольно, — а это въ особенности могло утѣшить ихъ, — и заключаетъ Себя въ садъ, какъ бы въ темницѣ. Сія рекъ имъ. Что ты говоришь? Вѣдь Онъ бесѣдовалъ съ Отцемъ, вѣдь Онъ молился? Почему же ты не говоришь, что Онъ пришелъ туда, окончивъ молитву? Потому, что то была не молитва, но рѣчь — ради учениковъ. Съ Нимъ вошли и ученики Его въ садъ. До такой степени Онъ избавилъ ихъ отъ боязни, что они не только уже не противорѣчатъ, но и вошли въ садъ. Но какимъ образомъ пришелъ туда Іуда? Какое онъ имѣлъ побужденіе идти туда? Изъ этого видно, что Христосъ часто проводилъ ночи внѣ дома. Иначе, если бы Онъ всегда проводилъ ночь дома, — Іуда не пришелъ бы въ пустое мѣсто, но пошелъ бы въ домъ. въ надеждѣ найти Его тамъ спящимъ. А чтобы ты, услышавъ о садѣ, не подумалъ, что Христосъ скрывался, евангелистъ присовокупилъ: *видѣше Іуда мѣсто*, — и не

только это, но еще и то, что *множищею собираешся ту со ученики Своими*. Дѣйствительно, Онъ часто бывалъ съ ними наединѣ и бесѣдовалъ о предметахъ необходимыхъ, о которыхъ другимъ не слѣдовало слышать. Это Онъ дѣлалъ по преимуществу въ горахъ и въ садахъ, всегда изыскивая мѣстность, удаленную отъ шума, чтобы вниманіе не отклонялось отъ слушанія. *Иуда убо, пріемъ спіру и отъ архіерей и фарисей слыи, прииде тамо* (ст. 3). Тѣ неоднократно и прежде посылали схватить Его, но не могли. Изъ этого видно, что Онъ и теперь предалъ Себя добровольно. Но какимъ образомъ уговорили спіру? Это были солдаты, готовые дѣлать все за деньги. *Исусъ же, отъидъ вся грядущая на нѣ, изшедъ рече имъ: кого ищите* (ст. 4)? То есть, не теперь только и не изъ того, что они пришли, Онъ узналъ объ этомъ, но уже напередъ зналъ все это и потому безъ смущенія говорилъ и дѣйствовалъ. Почему же они приходятъ съ оружіемъ, намѣреваясь схватить Его? Они боялись Его послѣдователей. По этой же причинѣ они и напали на него поздно ночью. *Изшедъ рече имъ: кого ищите? Отвѣщаши Ему: Исуса Назореа* (ст. 4. 5). Видишь ли непреодолимую силу, — какъ Онъ, находясь среди ихъ, ослѣпилъ глаза ихъ? А что не темнота была причиною — это показалъ евангелистъ, сказавши, что они имѣли и свѣтильники. Да если бы и не было свѣтильниковъ, все же они должны были бы узнать Его по голосу. Если же они и не знали Его, то какъ могъ не узнать Иуда, который неразлучно находился съ Нимъ? Вѣдь и онъ стоялъ вмѣстѣ съ ними, и однакожъ, не только, подобно имъ, не узналъ Его, но и повергся вмѣстѣ съ ними на землю. Это сдѣлалъ Исусъ для того, чтобы показать, что безъ Его соизволенія они не только не могли бы ваять Его, но и увидѣть Его, хотя Онъ находился среди ихъ. *Паки вопросы ихъ: кого ищите* (ст. 7)? О, безуміе! Слово Его повергло ихъ на землю; а они и послѣ того, какъ испытали столь великую силу, не обратились, но опять устремляются на то же. Потому, исполнивъ съ Своей стороны все. Онъ, наконецъ, предаетъ Себя и говоритъ имъ: *рѣкъ вамъ, яко Азъ есмь* (ст. 8). *Стояше же и Иуда, иже предаше Его* (ст. 5). Замѣть незлобіе евангелиста: онъ не поноситъ предателя, но рассказываетъ событіе, стараясь одно лишь показать, что все произошло по Его соизволенію. А чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ самъ расположилъ ихъ къ тому, — такъ какъ самъ Себя отдалъ имъ и объявилъ Себя предъ ними, — Христосъ сначала сдѣлалъ все, что могло отклонить ихъ отъ предпріятія, и уже тогда, какъ они остались упорными въ злобѣ и не имѣли никакого оправданія, предалъ имъ Себя, говоря: *иже убо Мене ищите, оставите снѣгъ ити* (ст. 8). Такъ до послѣдней минуты выказываетъ Свою

любовь къ ученикамъ! Если, говорить, вы во Мнѣ имѣете нужду, то не трогайте ихъ. Вотъ Я самъ Себя предаю вамъ. *Да сбудется слово, еже рече, яко не погублю отъ нихъ никогоже* (ст. 9). Подъ именемъ погибели разумѣтъ здѣсь не эту смерть, но ту — вѣчную; а евангелистъ принялъ эти слова и въ смыслъ настоящей смерти. Можетъ быть, кто-нибудь удивится, какъ не взяли вмѣстѣ съ Нимъ и не умертвили апостоловъ, особенно, когда Петръ раздражилъ ихъ своимъ поступкомъ съ рабомъ. Кто же удержалъ ихъ? Не другой кто, а та же сила, которая повергла ихъ на землю. Потому-то и евангелистъ, желая показать, что это произошло не по ихъ волѣ, но по силѣ и волѣ Того, Кто былъ взять ими, и присовокупилъ: *да сбудется слово, еже рече, яко никтоже отъ нихъ поиме*.

2. Ободренный этими словами, равно какъ и тѣмъ, что уже 449 совершилось, Петръ поднимаетъ въ это время оружіе противъ пришедшихъ. Но какъ же, скажешь, былъ ножъ у того, кому заповѣдано было не имѣть ни дорожной суммы, ни двухъ одеждъ (Мате. х, 9)? Мнѣ кажется, Петръ боялся именно этого, и потому заранѣе приготовилъ. Если же ты спросишь: какимъ образомъ тотъ, кому дано повелѣніе не ударять въ ланиту, дѣлается человѣкоубійцею, — (я отвѣчу), что, дѣйствительно, ему заповѣдано было не мстить за себя; но здѣсь онъ мстилъ не за себя самого, а за своего Учителя. Притомъ же ученики не были еще вполне совершенны. Если ты хочешь видѣть Петра любомудрствующимъ, то посмотри на него впоследствии, когда онъ подвергается ранамъ и переноситъ ихъ съ кротостію, терпитъ безчисленное множество бѣдствій и не раздражается. А Христосъ и здѣсь совершаетъ чудо и тѣмъ въ одно и тоже время и научать насъ благодѣлывать зло творящимъ, и обнаруживаетъ Свою силу. Рабу Онъ возвращаетъ ухо, а Петру говоритъ: *оси приѣмшии ножъ, ножемъ погубиють* (Мате, xxvi, 52). Какъ поступилъ при умовеніи (ногъ), смиривъ горячность Петра угрозою, такъ поступаетъ и здѣсь. А о имени раба евангелистъ упоминаетъ по той причинѣ, что это событіе было весьма важно не потому только, что Христосъ исцѣлилъ, но и потому что исцѣлилъ человѣка, который пришелъ взять Его и немного послѣ имѣлъ ударить Его въ ланиту, что этимъ Онъ отстранилъ долженствовавшую возникнуть отсюда брань на Его учениковъ. Поэтому-то евангелистъ сказать и имя, чтобы тогдашніе читатели могли изыскать и изслѣдовать, дѣйствительно ли это такъ было. Не безъ намѣренія также онъ говоритъ и о правомъ ухѣ; этимъ, какъ мнѣ кажется, онъ хотѣлъ показать горячность апостола, такъ какъ онъ устремился почти на самую голову. Но Иисусъ не только Петра

останавливаетъ угрозою, но и другихъ утѣшаетъ слѣдующими словами: *чашу, юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити ея* (ст. 11)? Этимъ Онъ показываетъ, что все, что теперь совершается, зависитъ не отъ силы враговъ, но отъ Его соизволенія, а виѣстъ съ тѣмъ обнаруживается, что Онъ не противникъ Божій, но послушенъ Отцу даже до смерти. Тогда-то уже *яша Иисуса, и связаша Ею, и ведоша Ею ко Аннѣ персѣе* (ст. 12, 13). Для чего же къ Аннѣ? Отъ полноты удовольствія они хвалились этимъ событіемъ, какъ бы одержали побѣду. Анна *бѣ тещѣ Каиафи*. *Бѣ же Каиафа давалъ советъ Иудеомъ, яко уне есть единому человеку умерти за люди* (ст. 13, 14). Для чего евангелистъ опять напомнилъ намъ это пророчество? Для того, чтобы показать, что все это совершилось для нашего спасенія, и что таково величіе этой истины, что и сами враги предвозвѣщали о томъ. Итакъ, чтобы слушатель не смутился, услышавъ объ узахъ, напоминаетъ объ этомъ пророчествѣ, то есть—что смерть Его была спасеніемъ для вселенной. *По Иисусъ же идяше Симонъ Петръ и другіи ученики* (ст. 15). Кто этотъ другой ученикъ? Тотъ, кто написалъ объ этомъ. Почему же онъ не называетъ себя по имени? Когда онъ возлежалъ на персяхъ Иисусовыхъ, тогда была у него причина скрыть Свое имя: но почему онъ это дѣлаетъ теперь? По той же самой причинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и здѣсь онъ повѣствуетъ о великомъ подвигѣ, то есть, что въ то время, когда всѣ разбѣжались, онъ послѣдовалъ. Поэтому-то онъ скрываетъ свое имя и о Петрѣ упоминаетъ прежде, чѣмъ о себѣ. О себѣ же онъ былъ вынужденъ упомянуть здѣсь, чтобы показать, что онъ обстоятельнѣе всѣхъ другихъ рассказываетъ о происшествіяхъ во дворѣ, потому что онъ самъ былъ внутри двора. И смотри, какъ онъ отстраняетъ отъ себя похвалу! Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ въ то время, какъ всѣ удалились, прошелъ даже далѣе Симона, онъ говоритъ: *знаемъ бѣ архіереомъ* (ст. 15),—чтобы никто не удивлялся тому, что онъ послѣдовалъ, и никто не превозносилъ его за мужество.

Напротивъ, поведение Петра точно, удивительно: онъ былъ весьма боязливъ, и однакожь дошелъ до самаго двора, тогда какъ всѣ другіе удалились. Что онъ пришелъ туда, это показываетъ его любовь; а что онъ не вошелъ во дворъ, это зависѣло отъ его страха и боязни. Для того именно евангелистъ и описалъ это, чтобы напередъ приготовить извиненіе его отреченію. О себѣ же самомъ онъ, не какъ что-нибудь важное, замѣчаетъ, что онъ *знаемъ бѣ архіереомъ*; но такъ какъ сказалъ, что онъ одинъ вошелъ съ Иисусомъ, то, чтобы ты не подумалъ, что это было дѣломъ его великой души, онъ выставляетъ на видъ и причину

этого поступка. А что и Петръ вошелъ бы, еслибы ему было дозволено, показалъ это въ послѣдующемъ повѣствованіи. Дѣйствительно, когда (Іоаннъ) вышелъ и приказалъ привратницѣ ввести его. Петръ тотчасъ вошелъ. Почему же онъ самъ не ввелъ его? Онъ не отставалъ отъ Христа, но слѣдовалъ за Нимъ, и потому приказалъ женщинѣ ввести Петра. Чтожъ эта женщина? *Еда и ты ученикъ еси челоутка сею?* А онъ отвѣчаетъ: *нѣтъ* (ст. 17). Что ты говоришь, Петръ? Не сказалъ ли ты недавно, что, если надобно будетъ мнѣ и душу свою положить за Тебя, я положу? Итакъ, что же случилось, что ты не въ состояніи перепести даже вопроса привратницы? Развѣ воинъ спрашивалъ тебя? Развѣ одинъ изъ тѣхъ, которые взяли? То была простая и ничтожная привратница, да и вопросъ былъ не рѣзкій. Въ самомъ дѣлѣ, она не сказала: и ты ученикъ этого обманщика и губителя, но — *челоутка сею*; а это, скорѣе, были слова сострадающей и соболѣзвующей. Но Петръ и этого не вытерпѣлъ. А слова: *еда и ты* — сказаны потому, что Іоаннъ былъ уже во дворѣ. Такъ кротко говорила эта женщина! Но ничего этого не замѣтилъ и не обратилъ на это вниманія ни въ первый разъ, ни во второй, ни даже въ третій, доколѣ алекторъ не возгласилъ; да и это не образумило его, пока Іисусъ не взглянулъ на него съ горестію. Онъ стоялъ съ слугами архіерейскими и грѣлся (ст. 18) а Христосъ, связанный, содержался въ домѣ. Впрочемъ, это говоримъ мы не съ тѣмъ, чтобы осудить Петра, но чтобы показать истину словъ Христовыхъ. *Архіерей же вопросы Іисуси о ученицѣхъ Его, и о ученіи Его* (ст. 19).

8. Какое лукавство! Теперь онъ хочетъ узнать, между тѣмъ какъ постоянно слышалъ Христа, когда Онъ проповѣдывалъ во храмѣ и училъ открыто! Не имѣя возможности ни въ чемъ обвинить Его, стали спрашивать объ ученикахъ, вѣроятно, о томъ — гдѣ они, для чего Онъ ихъ собралъ, съ какимъ намѣреніемъ и съ какою цѣлю. Все же это говорилъ съ желаніемъ обличить Его, какъ возмутителя и нововводителя, какъ будто никто другой не внималъ Ему, кромѣ ихъ однихъ, какъ будто то было какое-нибудь злое скопище. Что же Христосъ? Опровергая это, Онъ говоритъ: *Азъ не обинулся млаглатъ міру* (ст. 20), — а не ученикамъ наединѣ; Я открыто училъ въ церкви. Что же? Развѣ Онъ ничего не говорилъ тайнѣ? Говорилъ, но не потому, какъ думали они, — не изъ боязни и не съ намѣреніемъ произвести возмущеніе, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда преподаваемое Имъ ученіе превышало понятіе простого народа. *Что Мѧ вопрошати? Вопросы слышатихъ* (ст. 21). Это слова не челоутка надменнаго и упрямаго, но твердо увѣреннаго въ истинѣ своихъ

словъ. Что Онъ вначалѣ говорилъ: *еще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое истинно* (Іоан. v, 81), то же самое выражаетъ и теперь, желая представить свидѣтельство вполне достоверное. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ архіерей спрашивалъ Его объ ученикахъ, какъ ученикахъ, то Онъ отвѣчаетъ: Меня ты спрашиваешь о Моихъ? Спроси враговъ, навѣтчиковъ, тѣхъ, которые связали Меня: пусть они говорятъ. Вѣдь самое несомнѣнное доказательство истины, когда кто призываетъ враговъ въ свидѣтели своихъ словъ. Что же архіерей? Ему надобно было бы произвести такое изслѣдованіе, но онъ этого не сдѣлалъ, а между тѣмъ за то, что Христосъ сказалъ такъ, *единаго отъ предстоящихъ служъ удари Ею въ ланиту* (ст. 22). Что можетъ быть наглѣе этого? Ужаснись небо, вострепещи земля при такомъ долготерпѣніи Владыки и при такой несправедливости рабовъ! И что же было Имъ сказано? Вѣдь Онъ сказалъ: *что Мя вопрошаеши*—не потому, чтобы отказывался отвѣчать, но потому, что хотѣлъ устранить всякій поводъ къ несправедливости. И между тѣмъ, какъ за такой отвѣтъ Его ударили въ ланиту, Онъ, несмотря на то, что могъ все поколебать и истребить и ниспровергнуть,—ничего такого не дѣлаетъ, а напротивъ, произноситъ слова, могущія укротить всякое звѣрство. *Аще змъ, говорить, маюлазъ, свидѣтельствуй о змъ*, т. е., если ты можешь порицать Мои слова, докажи это, если же не можешь, *что Мя биеши* (ст. 23)? Видишь ли судилище, исполненное шума, смятенія, ярости и безчинства? Архіерей спрашивалъ злонамѣренно и коварно; Христосъ отвѣчалъ прямо и какъ должно. Что же затѣмъ слѣдовало сдѣлать? Опровергнуть или принять слово Его. Но этого не дѣлаютъ; а рабъ ударяетъ Его въ ланиту. Значить, это уже не судилище, а заговоръ и насиліе. Потомъ, такъ какъ и при всемъ этомъ не нашли ничего, то отсылаютъ *Ею связаннаго къ Каіафѣ* (ст. 24).

Еъ же Симона Петръ стоя и зряся (ст. 25). О, въ какую безчувственность погруженъ былъ этотъ горячій и пламенный человѣкъ въ то время, какъ отводили Иисуса! И послѣ всего этого, онъ даже не трогается съ мѣста, но все еще грѣется,—чтобы ты зналъ, какъ велика слабость нашей природы, когда ее оставитъ Богъ. И когда спросили его, — онъ опять отпирается. Затѣмъ родственникъ раба, *ему же Петръ урзѣа ухо*, негодуя на этотъ поступокъ, говорить: *не азъ ли ты видѣлъ въ вертоградѣ* (ст. 26)? Но ни садъ, ни пламенная любовь, которую тамъ выказалъ (Христосъ) въ бесѣдѣ съ учениками, не привели ему на память то, что было: онъ все это забылъ отъ страха. Но для чего всѣ евангелисты согласно написали объ этомъ? Не для того, чтобы осудить ученика, но чтобы насъ научить, какъ худо не возла-

гать всего упованія на Бога, а надѣяться на себя. Ты же, съ своей стороны, подивись попечительности Учителя: и въ то время, какъ самъ находился во власти (враговъ) и былъ связанъ. Онъ оказываетъ великое промышленіе объ ученикѣ, — возстановляетъ своимъ взглядомъ падшаго и приводитъ его въ слезы. *Ведоша же Іисуса отъ Каіафы въ преторъ* (ст. 28). Такъ было для того, чтобы множество судей, даже противъ воли, засвидѣтельствовало, что истину изслѣдовали съ точностію. *Во же утро* (ст. 28). Къ Каіафѣ ведутъ прежде, нежели алекторъ возгласилъ, а къ Пилату — утромъ. Такимъ обозначеніемъ времени евангелистъ показываетъ, что Каіафа цѣлую половину ночи допрашивалъ Его, но ни въ чемъ не обличилъ, а потому и отослалъ къ Пилату. Предоставивъ другимъ повѣствовать о томъ, самъ Іоаннъ говоритъ о дальнѣйшемъ. И смотри, какъ смѣшны іудеи! Схватили невиннаго, ваялись за оружіе, а въ преторію не входятъ, *да не осквернятся* (ст. 28). Между тѣмъ, какое, скажи мнѣ, оскверненіе — войти въ судилище, гдѣ преступники получаютъ законное возмездіе? Но тѣ, которые одесѣствовали мяту и анисъ (Мате. ххш, 23), не думали, что они оскверняются, когда убиваютъ несправедливо; а войти въ судилище считали для себя оскверненіемъ. Но почему они сами не убили Его, а привели къ Пилату? Главнымъ образомъ потому, что ихъ начальство и власть въ то время были уже весьма ограниченны, такъ какъ они находились подъ владычествомъ у римлянъ; а съ другой стороны, они опасались, чтобы впослѣдствіи времени не быть обвиненными отъ Пилата и не подвергнуться наказанію. А что значать слова: *да ядятъ пасху* (ст. 28)? Вѣдь и самъ Христосъ 452 совершилъ пасху *въ первый день отпѣсочный* (Мате. ххvi, 17)? Или евангелистъ называетъ здѣсь пасхою весь праздникъ, или іудеи, дѣйствительно, тогда совершали пасху, а Христосъ совершилъ ее однимъ днемъ прежде, чтобы Его закланіе было въ пятокъ, когда совершалась и ветхозавѣтная пасха. Такимъ-то образомъ іудеи, ваявшись за оружіе, что было непозволительно, и проливая кровь, выказываютъ особенную разборчивость въ отношеніи къ мѣсту и вызываютъ къ себѣ Пилата. Пилатъ вышелъ и говорить: *кую выну приносите на челоука сего* (Іоан. хvш, 29)?

4. Видишь ли, насколько онъ былъ чуждъ ихъ властолюбія и зависти? Хотя Христосъ былъ связанъ и приведенъ такимъ множествомъ людей, — не почелъ этого за несомнѣнное доказательство вины, но спрашиваетъ, признавая несправедливымъ то, что судъ они присвоили себѣ, а ему предоставили наказаніе безъ суда. Что же они? *Аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ* (ст. 30). О, безуміе! Почему же вы не высказываете

самого злодѣянія, а прикрываете его? Почему не обличаете ала? Видишь ли, какъ они вездѣ отказываются отъ прямого обвиненія и ничего не могутъ сказать? Анна спросилъ объ ученіи и, выслушавъ отвѣтъ, отослалъ къ Каиафѣ. Этотъ, съ своей стороны, снова спросилъ Его и, не найдя ничего, препроводилъ къ Пилату. Пилатъ говоритъ: *кую вину приносите на Него?* Но и тутъ они ничего не могутъ сказать, а опять прибѣгаютъ къ однимъ предположеніямъ. Потому-то Пилатъ въ недоумѣніи говоритъ: *помните Его вы, и по закону вашему судите Ему. Рѣша же Іудее: намъ не достоинъ убити никогоже.* Это они сказали, да слово Иисусово сбудется, *какъ рече, назнаменуя, кою смертію хотѣше умерети* (ст. 81, 82). Но какимъ образомъ на это указывали слова: *не достоинъ убити никогоже?* Евангелистъ говоритъ такъ или потому, что Христосъ долженъ былъ умереть не за нихъ только однихъ, но и за язычниковъ, или потому, что имъ нельзя было никого распинать. Если же они говорятъ: *намъ не достоинъ убити никогоже*, то этимъ указываютъ на обстоятельства того времени. А что они убивали, и убивали другимъ способомъ, это показываетъ примѣръ Стефана, побитого камнями. Но Христа они хотѣли распять, чтобы и самый образъ смерти Его сдѣлать позорнымъ. Пилатъ, желая избавитися отъ безпокойства, не входитъ въ продолжительное изслѣдованіе дѣла; но, войдя, спрашиваетъ Иисуса и говоритъ: *Ты ли еси царь іудейскъ?* Иисусъ отвѣчалъ: *о себѣ ли ты сіе глаголеши, или инымъ тебе речеши о Мнѣ* (ст. 83, 84)? Для чего Христосъ спрашиваетъ объ этомъ? Чтобы обнаружить злой умыселъ іудеевъ. Пилатъ слышалъ уже объ этомъ отъ многихъ; но такъ какъ іудеи ничего не могли сказать, то, во избѣжаніе продолжительнаго изслѣдованія, онъ рѣшается выставить на видъ то самое, что всегда на Него зводили. Притомъ, когда онъ сказалъ имъ: *по закону вашему судите Ему*,—они, желая показать, что преступленіе Его не іудейское, отвѣчаютъ: *намъ не достоинъ*, т. е., Онъ виновенъ не противъ нашего закона, но вина его государственная. Пилатъ уразумѣлъ это и потому, какъ будто ему самому угрожала опасность, говоритъ: *Ты ли еси царь іудейскъ?* Слѣдовательно Христосъ спрашиваетъ его не по незнанію, но говоритъ: *инымъ тебе речеши*—для того, чтобы и онъ обвинилъ іудеевъ. Это самое высказываетъ и Пилатъ, когда говоритъ: *еда азъ жидоуинъ есмь? Родъ мой и царство мое предаша Тя мнѣ: что еси сотворилъ* (ст. 85)? Этимъ онъ хотѣлъ оправдать себя. Но такъ какъ онъ сказалъ: *Ты ли еси царь іудейскъ?*—то Иисусъ, обличая Его, говоритъ: ты, конечно, слышалъ объ этомъ отъ іудеевъ; почему же не дѣлаешь точнѣйшаго изслѣдованія? Они сказали, что Я—злодѣй; спроси же: какое Я зло сотворилъ? Но ты этого не дѣлаешь, а просто высказываешь вину.

О себѣ ли ты сіе моголши, или по внушенію другихъ? Пилать не могъ тотчасъ сказать, что слышалъ объ этомъ, но просто ссылается на народъ и говоритъ: *предаша Тя мнѣ*, и потому надобно спросить Тебя, что Ты сдѣлалъ. Что же Христосъ? *Царство Мое нѣсть отъ міра сего* (ст. 38). Онъ возводитъ Пилата, который былъ не очень золъ и не похожъ на іудеевъ, и хочетъ показать, что Онъ не простой человѣкъ, но Богъ и Сынъ Божій. И чтожъ Онъ говоритъ? *Аще отъ міра сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвижались быша, да не предавъ быхъ быхъ Іудеомъ* (ст. 36). Этимъ Онъ уничтожилъ то, чего именно доселѣ страшился Пилать, — уничтожилъ подозрѣніе въ похищеніи Имъ царской власти. Ужели же царство Его не *отъ міра сего*? Конечно, отъ міра. Какъ же Онъ говоритъ: *нѣсть*? Это не то означаетъ, будто Онъ здѣсь не владычествуетъ, но то, что Онъ имѣетъ начальство и на небѣ, и что власть Его не есть человѣческая, но гораздо выше и славнѣе человѣческой. Но если Его власть выше, то какимъ образомъ Онъ взять этою послѣднею? Онъ предалъ самъ Себя добровольно. Но Онъ пока не открываетъ этого, а что говоритъ? Если бы Я былъ отъ міра сего, *слуги Мои убо подвижались быша, да не предавъ быхъ быхъ Іудеомъ*. Этимъ показываетъ слабость царства земного, такъ какъ оно получаетъ свою силу отъ слугъ; а горнее царство сильно само по себѣ и не нуждается ни въ комъ. Еретики въ этихъ словахъ находятъ предлогъ утверждать, что Христосъ отличенъ отъ Создателя. Но какъ же о Немъ сказано: *во своя прииде* (Іоан. 1, 11)? И что, съ другой стороны, значатъ слова Его: *отъ міра не суть, якоже и Азъ отъ міра нѣсмь* (Іоан. xvii, 16)? Въ такомъ же смыслѣ Онъ говоритъ и о царствѣ, что оно не отъ міра. Этимъ Онъ не отнимаетъ у Себя власти надъ міромъ и промышленія о немъ, но показываетъ, что царство Его, какъ я уже сказалъ, не есть человѣческое и скоропреходящее. Что же Пилать? *Убо царь ли Ты? Отвѣща Іисусъ: ты моголши, яко царь Азъ есмь: Азъ на сіе родился* (ст. 37). Если же Онъ родился царемъ, то отъ рожденія же имѣетъ и все прочее, и нѣтъ у Него ничего, что бы Онъ приобрѣлъ впоследствии. Слѣдовательно, когда ты слышишь: *якоже Отецъ имать животъ въ себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ себѣ* (Іоан. v, 26), то не представляй здѣсь ничего другого, кромѣ рожденія. Такимъ же образомъ разумѣй и другія подобныя мѣста. *И на сіе приидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (ст. 37), т. е., чтобы это самое всѣмъ возвѣстить, всѣхъ этому научить и всѣхъ въ этомъ убѣдить.

5. Ты же, человѣкъ, когда слышишь это и видишь своего Владыку связаннымъ и водимымъ туда и сюда, почитай за ничто все настоящее. А то съ чѣмъ сообразно, что тогда какъ

Христосъ претерпѣлъ за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже словъ! Онъ подвергается оплеванію, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не отъ всѣхъ слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не въ жизнь. Онъ терпитъ поношеніе, переноситъ насмѣшки и позорные удары по ланитамъ; а ты хочешь, чтобы тебя всѣ почитали, и не переносишь поношенія Христова. Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1)? Итакъ, если кто станетъ осмѣивать тебя, — ты вспомни о твоёмъ Владыкѣ: Ему поклонялись съ насмѣшкою, Его безчестили и словами и дѣлами, надъ Нимъ много смѣялись; а Онъ не только не мстилъ тѣмъ же, но за все воздавалъ противнымъ, — кротостію и терпѣніемъ. Ему-то станемъ и мы подражать. Чрезъ это мы въ состояніи будемъ избавиться и отъ всякаго оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, не тотъ, кто оскорбляетъ, но кто малодушествуетъ и огорчается оскорбленіемъ, — бываетъ причиною оскорбленія, такъ какъ придаетъ ему язвительность. Вѣдь если бы ты не огорчился, — оскорбленіе не было бы для тебя и оскорбленіемъ. А чувствовать огорченіе отъ оскорбленій, — это зависитъ не отъ тѣхъ, которые причиняютъ ихъ, но отъ тѣхъ, которые имъ подвергаются. Да изъ-за чего тебѣ и огорчаться? Если тебя оскорбили несправедливо, въ такомъ случаѣ приличнѣе всего не негодовать, а жалѣть о томъ (оскорбителѣ); если же справедливо, то тѣмъ болѣе надобно быть спокойнымъ. Какъ въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь назоветъ тебя богатымъ, между тѣмъ, какъ ты бѣденъ, — такая похвала нисколько не относится къ тебѣ, а скорѣе служить для тебя насмѣшкой, такъ и тогда, когда оскорбляющій тебя скажетъ что-нибудь такое, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, — его порицаніе также нисколько не относится къ тебѣ. Но если совѣсть укоряетъ тебя въ томъ, что сказано (обидчикомъ), въ такомъ случаѣ не огорчайся его словами, но исправься въ своихъ дѣлахъ. Это я говорю объ оскорбленіяхъ дѣйствительныхъ. Если же кто станетъ укорять тебя за бѣдность и незнатное происхожденіе, — ты посмѣйся надъ нимъ. Это служить безчестіемъ не для того, кто слышитъ, но для того, кто говоритъ, такъ какъ онъ не умѣетъ любомудрствовать. Но когда это говорится, скажешь, въ присутствіи многихъ, которые не знаютъ истины, тогда рана бываетъ невыносима? Напротивъ, тогда-то особенно это и выносимо. когда предстоитъ предъ тобой множество свидѣтелей, которые тебя хвалятъ и одобряютъ, а того укоряютъ и осмѣиваютъ. Вѣдь у людей разсудительныхъ не тотъ пользуется почтеніемъ, кто мститъ, но тотъ, кто ничего не говоритъ въ отвѣтъ на обиду. Если же между присутствующими не найдется ни одного рассу-

дѣтельнаго, въ такомъ случаѣ еще болѣе посмѣйся надъ своимъ обидчикомъ и порадуйся зрѣлищу небесному, потому что тамъ всѣ тебя похвалятъ, будутъ рукоплескать тебѣ и одобрять тебя. А между тѣмъ, достаточно и одного ангела, въ сравненіи съ цѣлою вселенною. И что я говорю объ ангелахъ, когда и самъ Господь прославить тебя? Въ такихъ-то помышленіяхъ будемъ упражнять себя. Нѣтъ никакого вреда въ томъ, когда мы промолчимъ въ случаѣ оскорбленія, а напротивъ, вредно мстить за оскорбленіе. Если бы, дѣйствительно, было вредно въ молчаніи переносить оскорбительныя слова, то Христосъ не сказалъ бы: *аще ты кто ударишь въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мате. v, 39). Потому, если кто скажетъ о насъ неправду, — будемъ жалѣть о немъ, потому что онъ навлекаетъ на себя наказаніе и мученіе, назначенное за злорѣчіе, и становится даже недостойнымъ читать Свящ. Писаніе. *Грѣшнику бо рече Богъ: ескую ты поспѣеши оправданія моя, и воспріемлеми заступъ мой усты твоими? Судя на брата твоего клеветалъ еси* (Пс. xlix, 16, 20). А если бы онъ сказалъ и правду, — и въ этомъ случаѣ онъ достоинъ сожалѣнія. Вѣдь и фарисей говорилъ правду; но тѣмъ нисколько не повредилъ тому, кто слушалъ его, а напротивъ, еще припесъ ему пользу, а себя самого лишилъ безчисленныхъ благъ. потерпѣвъ кораблекрушеніе отъ этого осужденія. Такимъ образомъ, въ томъ и другомъ случаѣ, кто оскорбляетъ тебя, терпитъ вредъ, а не ты. Ты, напротивъ, если будешь внимателенъ, приобрѣтешь сугубую пользу: съ одной стороны, ты умилоставишь Бога своимъ молчаніемъ, а съ другой — сдѣлаешься гораздо скромнѣе, найдешь въ сказанныхъ о тебѣ словахъ поводъ къ исправленію своихъ поступковъ и научишься пренебрегать славой человѣческой. А вѣдь и отъ того происходило для насъ огорченіе, что многіе крайне пристрастны къ мнѣнію людскому. Вотъ если такъ мы захотимъ любомудрствовать, то ясно упадемъ, что все человѣческое — ничтожно. Научимся же этому и, сообразивъ свои недостатки, станемъ мало-по-малу исправлять ихъ; опредѣлимъ для себя исправить въ настоящій мѣсяцъ одинъ недостатокъ, въ слѣдующій затѣмъ — другой, а еще въ слѣдующій — третій. Такимъ образомъ, восходя какъ бы по нѣкотораго рода ступенямъ, мы достигнемъ неба по лѣствицѣ Іаковлевой; мнѣ кажется, эта лѣствица, вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлищемъ, какое видѣлъ Іаковъ, между прочимъ, указываетъ и на постепенное восхожденіе по лѣствицѣ добродѣтели, по которой можно взойти отъ земли на небо, — не по ступенямъ чувственнымъ, но чрезъ исправленіе и улучшеніе нравовъ. Приступимъ же къ этому путешествію и къ этому восхожденію, чтобы достигнуть неба и насладиться тамъ

всѣми благами, по благодати и челоувѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXIV.

Азъ на сіе родихся, и на сіе приидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину. Всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего (Іоан. хviii, 37).

455 1. Чудесная вещь—долготерпѣніе! Оно поставляетъ душу какъ бы въ тихое пристанище, избавляя ее отъ волнъ и зловредныхъ вѣтровъ. Христось и всегда насъ училъ терпѣнію, но въ особенности теперь, когда Его судятъ и водятъ по разнымъ мѣстамъ. Такъ, когда Его привели къ Аннѣ, Онъ отвѣчалъ съ великою кротостію и слугѣ, который ударилъ Его въ ланиту, сказалъ такія слова, которыя могутъ уничтожить всякую гордость. Отсюда Онъ перешелъ къ Каіафѣ, потомъ къ Пилату и, проводя такимъ образомъ цѣлую ночь, Онъ вездѣ и во всемъ обнаруживалъ великую кротость. Въ то время, какъ о Немъ говорили, что Онъ—злодѣй, хотя доказать того не могли,—Онъ стоялъ молча; а когда былъ спрошенъ о царствѣ, тогда отвѣчалъ Пилату, чтобы научить его и возвести къ высшимъ понятіямъ. Но почему Пилать производитъ допросъ не въ присутствіи іудеевъ, но наединѣ, вошедши въ преторію? Онъ имѣлъ о Христѣ довольно высокое понятіе, и потому хотѣлъ, вдали отъ смятенія іудейскаго, узнать все въ точности. Когда же онъ спросилъ: *что сотвориши еси*,—Христось въ Своемъ отвѣтѣ объ этомъ ничего не сказалъ; а о чемъ преимущественно желалъ Пилать услышать, именно о царствѣ Его, о томъ сказалъ слѣдующее: *царство Мое несть отъ міра сего*, т. е., Я, дѣйствительно, царь, но не такой, какого ты себѣ представляешь, а гораздо славнѣе. Этими и дальнѣйшими словами Онъ уже даетъ замѣтить, что Онъ не сдѣлалъ никакого зла. Въ самомъ дѣлѣ, Кто говоритъ о Себѣ: *Азъ на сіе родихся, и на сіе приидохъ, да свидѣтельствую истину*, Тотъ показываетъ, что Имъ не сдѣлано никакого зла. Потомъ, сказавши: *всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего*,—Онъ привлекаетъ вниманіе Пилата и склоняетъ его сдѣлаться слушателемъ Своихъ словъ. Если кто, говоритъ, истиненъ и любитъ истину, тотъ непременно будетъ слушать Меня. И этими немногими словами до того, дѣйствительно, плѣнилъ Пилата, что тотъ сказалъ: *что есть истина* (ст. 38)? Впрочемъ, (Пилать) продолжалъ пока заниматься дѣломъ, которое не терпѣло отлагательства. Онъ понималъ, что этотъ вопросъ требовалъ времени, а между тѣмъ хотѣлъ набавить И-

суса отъ неистовства іудеевъ. Потому-то онъ вышелъ и—что говорить? *Азъ ни единый вини обрѣтаю въ Немъ* (ст. 38). Смотри, какое благоауміе! Не сказалъ: такъ какъ Онъ погрѣшилъ и достоинъ смерти, то простите Его для праздника; но сначала оправдалъ Его отъ всякой вины, и потомъ уже съ полнымъ правомъ просить, чтобы они, если не хотятъ отпустить Его, какъ невиннаго,—по крайней мѣрѣ, пощадили бы Его, какъ виновнаго, ради праздника. Поэтому и присовокупилъ: *есть обычай вамъ, да единого вини отпустиу на пашу*, и потомъ, желая преклонить ихъ: *хочете ли убо, да отпустиу вамъ царя іудейска? Возомиша же вси: не сего, но Варавву* (ст. 39. 40). Какое гнусное желаніе! За подобныхъ себѣ просить и виновныхъ отпускають, а невиннаго повелѣвають предать казни! Таковъ уже издавна ихъ обычай! Но ты во всемъ этомъ замѣчай челоуѣколюбіе Господа. *Бы еси Пилатъ* (xix, 1).—быть можетъ, желая чрезъ то утишить и укротить ярость іудеевъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ прежними средствами Онъ не могъ освободить Христа, то, желая этимъ, по крайней мѣрѣ, ограничить зло, приказалъ бить Его и позволилъ дѣлать съ Нимъ все, что было сдѣлано,—возложить на Него *ризу багряну и епанчу* (ст. 2), 456 чтобы только утишить ихъ гнѣвъ. Для того онъ и вывелъ Его къ Нимъ въ вѣнцѣ, чтобы они, увидѣвши позоръ, какому Его подвергли, нѣсколько успокоились отъ страсти и извергли изъ себя ядъ. Но почему войны дѣлали это, если, дѣйствительно, не было приказанія отъ начальника? Изъ угожденія іудеямъ. Такъ они и вначалѣ, не по его приказанію, пошли ночью, но отважились на все изъ-за денегъ, въ угожденіе іудеямъ. Между тѣмъ, Христосъ и при столь многихъ и столь великихъ поруганіяхъ стоялъ молча, какъ поступилъ и при допросѣ, и ничего не отвѣчалъ. А ты не только слушай это, но и непрестанно содержи въ своемъ умѣ; и когда видишь, что Владыка вселенной и всѣхъ ангеловъ, подвергаясь отъ воиновъ поруганію словами и дѣлами, все переноситъ молчаливо,—поступай также и самъ. Пилатъ назвалъ Христа царемъ іудейскимъ; поэтому и возлагають на Него одежду посмѣянія. Затѣмъ онъ вывелъ Его и говорить: *ни единый вини не обрѣтаю въ Немъ* (ст. 4). И вотъ вышелъ *носей епанчу*,—но и это не погасило ярости іудеевъ; они кричали: *распни, распни Ею* (ст. 5, 6). Тогда Пилатъ, видя, что всѣ его усилія напрасны, говорит: *поимите Ею вы и распните* (ст. 6). Отсюда видно, что и прежнія (поруганія) онъ дозволилъ для укрощенія ихъ неистовства: *азъ бо, говорить, не обрѣтаю въ Немъ вины* (ст. 6).

2. Смотри, сколько средствъ употребляетъ судія, чтобы защитить Его, постоянно объявляя Его невиннымъ; но тѣхъ псовъ ничто уже не могло преклонить. Вѣдь и эти слова: *поимите и*

распните—показываютъ, что онъ отрекается и не хочетъ имѣть съ ними участія въ беззаконномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ они привели Христа съ тѣмъ, чтобы умертвить Его по приговору начальника; но случилось противное: по приговору пачальника скорѣе слѣдовало отпустить Его. Будучи посрамлены этимъ, они говорятъ: *мы законъ имамъ, и по закону нашему долженъ есть умереть, яко себе Сына Божія сотвори* (ст. 7). Но какъ же, когда судія сказалъ вамъ: *поймите Его вы и по закону вашему судите Ему*,—вы говорили: *намъ не достойтъ убить никоюже*, а теперь прибѣгаете къ закону? И замѣтъ обвиненіе: *яко себе Сына Божія сотвори*! Но, скажи мнѣ, развѣ это преступленіе, когда тотъ, кто совершаетъ дѣла, свойственныя Сыну Божію, называетъ себя Сыномъ Божіимъ? Что же Христосъ? И въ это время, когда они такъ разговаривали между собой, Онъ молчалъ, исполняя пророческое изреченіе: *не отверзаетъ устъ своихъ: во смиреніи его судъ его взятъ* (Ис. лш, 7, 8). Между тѣмъ, Пилать, услышавъ отъ нихъ, что Онъ себе *Сына Божія сотвори*, испугался, боясь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не было справедливо то, что они сказали, и какъ бы ему не показаться законопреступникомъ. А они, хотя знали это какъ изъ словъ, такъ и изъ дѣлъ,—не ужасаются, но умерщвляютъ Его за то самое, за что подобало бы поклоняться Ему. По этой причинѣ Пилать уже не спрашиваетъ Его: *что еси сотворилъ?*—но, колеблемый страхомъ, опять сначала производитъ допросъ, говоря: *еще Ты еси Христосъ?* Но Онъ не отвѣчалъ (ст. 9), потому что (Пилать) уже слышалъ: *Азъ на сіе родился, и на сіе приидохъ, и: царство Мое нѣсть отъ міра сего, и поэтому долженъ былъ воспротивиться іудеямъ, и освободить Христа, но онъ этого не сдѣлалъ, а напротивъ, уступилъ неистовству іудейскому. За-*

457 *тѣмъ іудеи, опровергнутые во всемъ, обращаются къ обвиненію въ преступленіи государственномъ и говорятъ: всякъ, какъ царя себе творитъ, противится кесарю* (ст. 12). Поэтому надобно было бы тщательно изслѣдовать, дѣйствительно ли онъ домогался власти и замышлялъ низвергнуть кесаря съ царства; но Пилать такого тщательнаго изслѣдованія не дѣлаетъ. Потому и Христосъ ничего не отвѣчалъ ему, такъ какъ зналъ, что онъ обо всемъ спрашиваетъ напрасно. Съ другой стороны, о Немъ свидѣльствовали дѣла, и потому Онъ не хотѣлъ опровергать и защищаться словами, показывая тѣмъ, что Онъ добровольно идетъ на смерть. А такъ какъ Онъ молчалъ, то Пилать говоритъ: *не хочешь ли, яко власть имамъ распяти Тя* (ст. 10)? Видишь ли, какъ онъ уже напередъ осудилъ самъ себя? И подлинно, если все отъ тебя зависитъ, то почему же ты, не найдя въ Немъ никакой вины, не отпускаешь Его? Когда такимъ образомъ Пилать самъ на

себя проізанесь осужденіе,—(Іисусъ) говорить: *предавый Мѧ тебѧ болій грѣхъ имать* (ст. 11), показывая тѣмъ, что и онъ также повинень грѣху. А чтобы низложить его высокоуміе и гордость,—говорить: *не имаша власти ни единыи на Мнѧ, аще не бы ти дано было* (ст. 11),—чѣмъ показывають, что все это совершается не случайно и не по обыкновенному порядку, но таинственно. А чтобы, услывавъ слова: *аще не бы ти дано было*, не подумалъ, что онъ свободень отъ всякой вины,—присовокупилъ: *предавый Мѧ тебѧ болій грѣхъ имать*. Но вѣдь если въ самомъ дѣлѣ дано было, то, очевидно, ни онъ (Пилать), ни они (іудеи) не подлежатъ обвиненію? Напрасно ты будешь говорить это. Выраженіе: *дано здѣсь значить*—допущено. Христосъ какъ бы такъ сказалъ: (Богъ) допустилъ быть этому; однакожъ поѣтому вы не чужды преступленія. Этими словами Онъ устрасилъ Пилата и представилъ ясное Себѣ оправданіе, почему Пилать и *искаше пустити Е.о.* Но іудеи снова стали кричать: *аще сею пуститиши, нѣси друзъ кесаревъ* (ст. 12). Такъ какъ, представивши обвиненія отъ своего закона, они нисколько не успѣли, то теперь злонамѣренно обращаются къ чужимъ законамъ, говоря: *всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю*. Но гдѣ же Онъ являлся похитителемъ царской власти? И чѣмъ вы можете доказать это? Порфирию? Діадемоу? Одѣяніемъ? Воиннами? Но не всегда ли Онъ ходилъ одинъ съ двѣнадцатью учениками, употребляя все простое—и пищу, и одежду, и жилище? Но какое малодушіе и какая неуважительная робость! Пилать, подумавъ, что онъ дѣйствительно подвергнется опасности, если пренебрежетъ этимъ, выходитъ какъ бы съ намѣреніемъ изслѣдовать дѣло (это именно значить выраженіе: *сидѣ на судищи*); а между тѣмъ, не сдѣлавъ никакого изслѣдованія, предаеть Его, думая тѣмъ преклонить ихъ. А что онъ съ такимъ намѣреніемъ дѣлалъ это, послушай, что онъ говорить: *се царь есмь* (ст. 15). Когда же они сказали: *растни Его* (ст. 14),—онъ опять присовокупилъ слѣдующія слова: *царя ли вашего растну* (ст. 15)? Но они вопіяли: *не имамъ царя, токмо кесаря* (ст. 15), и тѣмъ добровольно сами себя подвергли наказанію. Потому и Богъ предавъ ихъ, что они уже напередъ сами отвергли отъ себя Его промышленіе и покровительство. И такъ какъ они единогласно отреклись отъ Его царства, то Онъ и попустилъ имъ подвергнуться ихъ собственному приговору. То, что было сказано, конечно, могло уже 'укротить ихъ гнѣвъ; но они боялись, чтобы Христосъ, будучи отпущень, не собралъ опять вокругъ Себя народъ, и потому всячески старались не допустить этого. Великое, поистинѣ, зло—властолюбіе, великое это зло, и можетъ погубить душу. Поѣтому-то они никогда Его и не

слушали. Пилать, вслѣдствіе однихъ Его словъ, хотѣль Его отпустить; а они не перестаютъ говорить: *распи!* Но почему они настоятельно желаютъ подвергнуть Его такого рода смерти? Поэтому, что это была смерть самая позорная. Опасаясь, чтобы въ послѣдствіи не осталось какой-нибудь памяти о Немъ, они стараются подвергнуть Его и казни позорной, не разумѣя того, что препятствіями возвышается истина. А что они это предполагали, послушай, что говорятъ они: *памянухомъ, яко мѣстець Онъ рече, яко по триєхъ дняхъ возстану* (Матѣ. ххѳ, 68). Поэтому они все привели въ движеніе и употребили всѣ мѣры, чтобы очернить послѣдующія событія; поэтому непрестанно кричали: *распи*,—т. е, кричала безпорядочная толпа, подкупленная начальниками.

8. Мы же не только станемъ читать объ этомъ, но и будемъ все это содержать въ своемъ умѣ,—терновый вѣнецъ, одежду, трость, побои, удары по ланитамъ, заплеванія, посмѣянія. Постоянное памятованіе объ этомъ въ состояніи уничтожить какой бы то ни было гнѣвъ. Будутъ ли насъ осмѣивать, или будемъ мы терпѣть что-либо несправедливо,—постоянно станемъ говорить: *тыся рабъ болій господа моего* (Іоан. хѳ, 20), и будемъ представлять себѣ слова іудеевъ, которыя они въ неистовствѣ говорили Христу: *бгса имамъ; самирянинъ еси Ты* (Іоан. вѳ, 48); *о осальзевуат изюмътъ бгси* (Матѣ. хп, 24). Для того Христосъ и потерпѣлъ все это, чтобы мы шли по стопамъ Его и терпѣливо переносили насмѣшки. Насмѣшки раздражаютъ несравненно болѣе, чѣмъ ругательства, и однакожь Онъ не только перенесъ ихъ, но и все сдѣлалъ для того, чтобы издѣвавшихся надъ Нимъ избавить и освободить отъ предстоящаго имъ наказанія. Такъ и апостоловъ Онъ послалъ для ихъ спасенія, и потому-то ты слышишь, какъ они говорятъ: *тыми, яко по нещѣднѣю сіа сотвориште* (Дѣян. ш, 17), и такими словами привлекаютъ ихъ къ покаянію. Этому станемъ и мы подражать; ничто такъ не умилоствуетъ Бога, какъ любовь ко врагамъ и благотвореніе обижающимъ насъ. Когда кто-нибудь обидитъ тебя, ты смотри не на него, но на діавола, который побуждаетъ его къ тому; на діавола наливай весь свой гнѣвъ, а о немъ даже жалѣй, такъ какъ онъ находится подъ вліяніемъ діавола. Если ложь—отъ діавола (Іоан. вѳ, 44), то тѣмъ болѣе отъ него же—безразсудный гнѣвъ. Равнымъ образомъ, когда увидишь издѣвающагося надъ тобою, помышляй, что это діаволь побуждаетъ его, потому что насмѣшки—не христіанское дѣло. И если тотъ, кому заповѣдано плакать (Матѣ. в, 4), кто слышалъ слова: *горе смѣющимся* (Лук. вѳ, 25),—если тотъ поноситъ другихъ, осмѣиваетъ и раздражается, то онъ заслуживаетъ съ нашей стороны не порицанія, а слезъ. Вѣдь и Христосъ

возмущился духомъ, когда помыслилъ объ Іудѣ. Итакъ, будемъ стараться осуществлять все это на дѣлѣ. Если же мы не будемъ такъ поступать, то мы напрасно и безъ пользы, или—лучше сказать—на зло себѣ пришли въ этотъ міръ. Одна вѣра не можетъ ввести насъ въ царство небесное; напротивъ, изъ-за ней-то особенно и будутъ осуждены тѣ, которые ведутъ жизнь порочную, потому что *отдѣли въ себѣ волю господина своего, и не сотворишь, бжеъ будетъ мною* (Лук. хп, 47), и опять: *еще не быхъ пришелъ и славоу имъ, ирхъ не быша имамъ* (Іоан. ху, 24). Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, когда мы находимся внутри царскихъ чертоговъ, удостоились проникнуть въ самое святилище, сдѣлались причастниками очистительныхъ таинствъ, и, между тѣмъ, живемъ хуже язычниковъ, которые не сподобились ни одного изъ этихъ даровъ. Если они, ради суетной славы, обнаружили столько любомудрія, то тѣмъ болѣе надлежитъ намъ, для угожденія Богу, упражняться во всякой добродѣтели. А между тѣмъ, мы не пренебрегаемъ даже богатствомъ. Они неоднократно пренебрегали даже собственною жизнію и во время войны жертвовали своими дѣтьми неистовству демоновъ, и презирали собственную природу ради угожденія демонамъ; а мы не хотимъ пренебречь даже серебромъ ради Христа и гнѣвомъ для угожденія Богу, но воспламеняемся и бываемъ ничѣмъ не лучше страдающихъ горячкой. И какъ эти послѣдніе, будучи одержимы болѣзнію, горятъ какъ бы въ огнѣ, такъ и мы, точно мучимые нѣкоторымъ огнемъ, никогда не бываемъ въ состояніи удержаться отъ пожеланія, а напротивъ, усиливаемъ гнѣвъ и любостыжаніе. Потому-то я стыжусь и изумляюсь, когда вижу между язычниками людей, пренебрегающихъ богатствомъ, а у насъ—всѣхъ, безумно преданныхъ ему. Если же и найдутся такіе, которые презираютъ богатство,—за то они бываютъ одержимы другою какою-нибудь страстію, напр., гнѣвомъ и завистію, такъ что трудное дѣло — найти чистое любомудріе. А причина этого въ томъ, что мы не стараемся получить врачество отъ Св. Писанія и слушаемъ его не съ умиленіемъ, скорбію и стенаніемъ, но безъ всякаго вниманія, когда случится свободное время. Оттого-то, когда бѣжить стремительный потокъ житейскихъ дѣлъ, онъ все потопляетъ и губить всякую пользу, какая и была, можетъ быть, приобрѣтена. Вѣдь если бы кто, имѣя рану, приложилъ къ ней лѣкарство, но не привязалъ бы его тѣтательно; а позволилъ ему отпасть, и допустилъ въ свою язву попасть водѣ и пыли, и жару, и безчисленному множеству другихъ вещей, которыя могутъ растравлять его рану,—въ такомъ случаѣ, конечно, онъ не получилъ бы никакой пользы, но не отъ слабости медицинскихъ средствъ, а отъ собственной безпечно-

460 сти. Такъ обыкновенно случается и съ нами, когда мы божественнымъ словамъ внимаемъ мало, а житейскимъ заботамъ предаемся всецѣло и непрерывно. Въ этомъ случаѣ всякое сѣмя подавляется и все дѣлается безплоднымъ. Итакъ, чтобы этого не было, откроемъ, хотя немного, глаза, воззримъ на небо, посмотримъ на гробницы и могилы отошедшихъ людей. И насъ ожидаетъ тотъ же конецъ, и эта необходимость переселенія часто настаетъ для насъ прежде наступленія вечера. Станемъ же готовиться къ этому отшествію. Намъ нужно многое запасти на этотъ путь, потому что тамъ великій жаръ, большой зной, совершенная пустыня. Нельзя уже тамъ остановиться въ гостинницѣ; нельзя ничего купить; но все надобно взять съ собою отсюда. Послушай, что говорятъ дѣвы: *идите къ продающимъ* (Мате. хѳ, 9); но тѣ, которыя пошли, ничего не приобрѣли. Послушай, что говоритъ Авраамъ: *пропасть велика между нами и вами* (Лук. хѳ, 26). Послушай, что говоритъ Іезекіль о томъ днѣ: *Ное, и Лозе, и Даниилъ не избавятъ синовъ своихъ* (Іез. хѳ, 14, 18). Но не дай Богъ намъ услышать эти слова! Дай Богъ, напротивъ, чтобы мы запаслись здѣсь всѣмъ нужнымъ для вѣчной жизни и съ дерзновеніемъ узрѣли Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЪДА LXXXV.

Тогда убо предаде Его имъ, да распнется. Поемше Іисуса и ведоша, и нося крестъ Свой изыде на глаголемое лобное мѣсто, еже глаголется еврейски Голгоа, идѣже пропяша Его (Іоан. хѳ, 16—18).

459 1. Счастіе легко можетъ обольстить и развратить людей невнимательныхъ. Вотъ, напримѣръ, іудеи еще въ началѣ, пользуясь покровительствомъ Божиимъ, помогались закона, по которому управляются царства языческія, и въ пустынѣ послѣ манны вспоминали о лукѣ. Такъ точно и теперь, отказываясь отъ царства Христова, они провозглашаютъ надъ собою царство кесарево. Потому-то (Господь) и поставилъ надъ ними царя, согласно съ ихъ приговоромъ. А что Пилатъ, услышавъ это, *предаде Его имъ, да распнется*,—крайне несправедливо! Ему слѣдовало бы допросить, дѣйствительно ли Христосъ домогался присвоить Себѣ царскую власть, а онъ произнесъ приговоръ единственно по страху. Чтобы онъ не подвергся ему, Христосъ напередъ уже сказалъ: *царство Мое несть отъ міра сего*; но онъ, всецѣло пре-

давъ себя настоящему, не хотѣлъ любомудрствовать ни о чемъ великомъ. Равнымъ образомъ, и сонъ жены его долженъ былъ поразить его; но опъ ни отъ чего этого не образумился и не воззрѣлъ на небо, но предаль Христа. Тогда (іудей) возложили на Него крестъ, уже какъ на осужденнаго: они такъ гнушались этимъ древомъ, что не позволяли себѣ даже прикоснуться къ нему. Такъ было и въ прообразѣ: и Исаакъ несъ дрова. Только тогда все дѣло ограничилось намѣреніемъ отца, такъ какъ то было прообразованіе; а теперь все исполнилось самымъ дѣломъ, потому что это была истина. *И изиде на лобное мѣсто.* Нѣкоторые говорятъ, что здѣсь умеръ и погребенъ Адамъ, и что Іисусъ воздрузилъ знаменіе побѣды на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ царствовала смерть. Дѣйствительно, Онъ вышелъ, неся крестъ, какъ знакъ побѣды надъ державою смерти, и, подобно побѣдителямъ, несъ знаменіе побѣды на Своихъ раменахъ. Что за важность, если іудей и съ другимъ намѣреніемъ опредѣлили Ему нести крестъ? Они распинаютъ Его даже вмѣстѣ съ разбойниками, но и въ этомъ случаѣ противъ воли исполняютъ пророчество: такъ все, что они дѣлали въ поношеніе, служило къ подтвержденію истины, чтобы ты позналъ, какъ велика ея сила. Вѣдь и объ этомъ издревле предсказалъ пророкъ: *яко со беззаконными ятнися* (Ис. ѥш, 11). Итакъ, діаволъ хотѣлъ помрачить это событіе, но не могъ: распяты были трое, но просіялъ одинъ Іисусъ, чтобы ты позналъ, что все совершилось Его силою. И хотя чудеса совершались въ то время, когда трое пригвождены были ко крестамъ, однакожъ никто и ни одного изъ нихъ не приписалъ никому другому, кромѣ одного Іисуса. Такъ безсильны оказались козни діавола, и все обратилось на главу его! Вѣдь даже изъ тѣхъ двухъ (разбойниковъ) одинъ спасся. Такимъ образомъ діаволъ не только не повредилъ славы креста, но и не мало содѣйствовалъ ей, потому что обратитъ разбойника на крестъ и ввести его въ рай—не меньше значить, чѣмъ потрясти камни. *Написа же и титла Пилатъ* (ст. 19)—для того, чтобы съ одной стороны, отомститъ іудеямъ, а съ другой—защититъ Христа. Такъ какъ они предали Его, какъ преступника, и старались подтвердить это мнѣніе распятіемъ Его вмѣстѣ съ разбойниками, то, чтобы никто уже впослѣдствіи не имѣлъ права вносить на Него злобныхъ обвиненій и осуждать Его, какъ какого-нибудь преступника и злодѣя, Пилатъ, заграждая уста какъ іудеямъ, такъ и всѣмъ, кто захотѣлъ бы осуждать Его, и показывая, что они возстали противъ своего собственнаго царя, положилъ, какъ бы на побѣдномъ памятникѣ, надпись, которая издаетъ величественный голосъ и возвѣщаетъ Его побѣду, и провозглашаетъ царство, хотя и не всецѣлое. И это Пилатъ

объявилъ не на одномъ, но на трехъ языкахъ. Такъ какъ естественно было предполагать, что между іудеями, по случаю праздника, много было иноплеменниковъ, то, чтобы ни одинъ изъ нихъ не оставался въ невѣдѣніи объ оправданіи Его, Пилать возвѣстилъ о неистовствѣ іудеевъ на всѣхъ языкахъ. Между тѣмъ, іудеи завидовали и тогда, какъ Онъ былъ распятъ. Но 461 какой могъ произойти для васъ вредъ отъ этой надписи? Никакого. Вѣдь если (Христосъ) былъ смертенъ и немощенъ, и долженъ былъ исчезнуть, то чего вы боитесь надписи, которая говоритъ, что Онъ—царь іудейскій? И что они говорятъ? Скажи, что Онъ самъ (это) сказалъ (ст. 21), потому что теперь (эта надпись выражаетъ судебный) приговоръ и общее мнѣніе, а если прибавлено будетъ: *яко самъ рече*, въ такомъ случаѣ это припишется Его собственной дерзости и наглости. Однако же Пилать не перемѣнилъ своего рѣшенія, но остался при прежнемъ мнѣніи. А чрезъ это опять устроится не малое какое-либо дѣло, но событіе весьма важное. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ древо креста зарыто было въ землю,—потому что никто не позаботился убрать его, частію отъ страха, а частію оттого, что вѣрующіе заняты были другими, крайне необходимыми дѣлами; такъ какъ, съ другой стороны, это древо въ послѣдствіи имѣли отыскивать, а между тѣмъ естественно, что три креста лежали вмѣстѣ, то, чтобы крестъ Господень не остался неузнаннымъ, Господь допустилъ быть на немъ надписи, и такимъ образомъ этотъ крестъ сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ, во-первыхъ, оттого, что онъ лежалъ посреди другихъ, а потомъ и по бывшей на немъ надписи, потому что кресты разбойниковъ не имѣли надписей. Воины раздѣлили между собою ризы, а хитона не раздѣлили (ст. 23). Смотри, какъ чрезъ всѣ ихъ худыя дѣла исполняются пророчества! И это вѣдь издревле было предсказано (Пс. xxi, 19). Хотя распяты были трое, но предсказанія пророковъ исполнились только на Немъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не поступили такъ и съ одеждами другихъ, а только—съ одеждами Его одного? Но ты замѣть точность пророчества. Пророкъ сказалъ не о томъ только, что они раздѣлили, но и о томъ, что не раздѣлили. И дѣйствительно, одежды они раздѣлили, а хитона не раздѣлили, но дѣло о немъ предоставили жребію (ст. 24). Не безъ значенія также употреблено выраженіе: *сѣмше истканъ* (ст. 23); но одни говорятъ, что оно имѣетъ смыслъ иносказательный и означаетъ то, что Распятый былъ не простой челоуѣкъ, но имѣлъ и *сѣмше* божество.

2. Другіе утверждаютъ, что евангелистъ въ этомъ случаѣ описываетъ самый видъ хитона. Дѣйствительно, такъ какъ въ

Палестинѣ ткуть одежды, сложивъ вѣсть два куска матеріи, то Іоаннѣ, чтобы показать, что таковъ именно былъ хитонъ, говорить: *свище истканъ*. А говорить онъ объ этомъ, мнѣ кажется, для того, чтобы указать на бѣдность одежды и на то, что Христосъ, какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ одеждѣ наблюдалъ простоту. Въ то время, какъ воины раздѣляли между собою одежды, самъ Распятый поручаетъ Матерь Свою ученику, научая насъ всячески заботиться до послѣдняго издыханія о нашихъ родителяхъ. Такимъ образомъ, когда она неблаговременно безпокоила Его, Онъ говорилъ: *что есть Мнѣ и тебѣ, жено* (Іоан. п, 4)? — и: *что есть мати Моя* (Матѣ. хп, 48)? А теперь выражаетъ величайшую любовь къ ней и поручаетъ ее попеченію ученика, *своего любящаго* (ст. 26). Іоаннѣ опять скрываетъ свое имя по скромности; еслибы онъ хотѣлъ хвалиться, то непременно представилъ бы и причину, по которой былъ любимъ, такъ какъ этою причиною, конечно, было что-нибудь великое и дивное. Но почему Христосъ ни о чемъ другомъ не бесѣдуетъ съ Іоанномъ и не утѣшаетъ его въ скорби? Потому, что не было времени для словъ утѣшенія. А съ другой стороны, не маловажно было уже и то, что онъ почтенъ былъ столь великою честію и получалъ такую награду за свое постоянство. Но ты замѣть, съ какимъ душевнымъ спокойствіемъ Христосъ все дѣлалъ въ то время, когда распятый висѣлъ на крестѣ,—съ ученикомъ бесѣдовалъ о Своей Матери, исполнялъ пророчества, разбойнику подавалъ добрыя надежды, между тѣмъ какъ прежде распятія мы видимъ Его въ потѣ, душевномъ томленіи и страхѣ. Что же это значить? Тутъ нѣтъ ничего непонятнаго, ничего неяснаго: тамъ обнаруживалась немощь естества, а здѣсь открывалось величіе силы. Съ другой стороны, тѣмъ и другимъ Христосъ научаетъ насъ, что и мы, хотя и смущаемся предъ наступленіемъ бѣдствій, тѣмъ не менѣе не должны уклоняться отъ нихъ, и что, выступивъ на подвигъ, мы должны все считать легкимъ и удобнымъ. Итакъ, не будемъ трепетать смерти. Правда, душа по самой природѣ имѣетъ любовь къ жизни; однакожъ отъ насъ зависить или разрѣшить эти узы души и ослабить это стремленіе къ жизни, или скрѣпить и усилить. Какъ мы, хотя имѣемъ вождѣлѣніе къ плотскому совокупленію, тѣмъ не менѣе, когда любуемъ, ослабляемъ силу похоти, такъ точно бываетъ и съ любовію къ жизни. Какъ вождѣлѣніе плотское Богъ вложилъ въ насъ для дѣторожденія, съ тѣмъ, чтобы сохранить преемство въ нашемъ родѣ, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованію высшимъ путемъ воздержанія, такъ и любовь къ жизни Онъ всѣялъ въ насъ для того, чтобы отвратить насъ отъ самоубійства, а не

для того, чтобы воспретить намъ презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать мѣру и, съ одной стороны, никогда не должны сами собою идти на смерть, хотя бы насъ угнетали безчисленныя бѣдствія, а съ другой—не должны уклоняться и отказываться отъ ней, когда насъ влекутъ на смерть за богоугодныя дѣла, но смѣло идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей.

Стоящу же при крестѣ жены (ст. 25). Немоощнѣйшій полтъ явился тогда наиболѣе мужественнымъ: такъ все перемѣнилось! Христось, поручая Матерь Свою ученику, говоритъ: *се сынъ твой* (ст. 26). О, какою великою честію Онъ почтилъ Своего ученика! Такъ какъ самъ уже отходилъ, то и поручилъ на попеченіе ученику. Какъ мать, она, естественно, скорбѣла и искала покровительства; а потому Онъ справедливо вручаетъ ее возлюбленному ученику и говоритъ ему: *се мати твоя* (ст. 27). Это Онъ сазалъ съ тѣмъ, чтобы соединить ихъ взаимною любовію. Ученикъ такъ и понялъ и потому *полатъ ю во свояси* (ст. 27). Но почему Христось не упомянулъ ни о какой другой женѣ, хотя и другія стояли при крестѣ? Чтобы научить насъ оказывать предпочтеніе своимъ матерямъ. Дѣйствительно, какъ въ томъ случаѣ, когда родители препятствуютъ въ дѣлахъ духовныхъ, не должно и знать ихъ, такъ, напротивъ, когда они нисколько въ томъ не препятствуютъ, — имъ надобно воздавать все должное и предпочитать ихъ всѣмъ другимъ людямъ, за то, что они насъ родили, за то, что воспитали, за то, что понесли изъ-за насъ множество трудовъ и горя. Этимъ Христось заграждаетъ уста и безстыдству Маркіонову. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не родился по плоти и не имѣлъ матери, то почему Онъ только о ней одной показываетъ столь великое попеченіе? *Посемъ тогда Исусъ, яко вся совершишася* (ст. 28), — т. е., что не остается уже ничего не исполненаго въ планѣ домостроительства Божія. Такъ во всѣхъ случаяхъ Онъ старался показать, что смерть Его—необыкновенная, потому что все зависѣло отъ власти Умиравшаго, и смерть приступила къ тѣлу Его не прежде того, какъ самъ Онъ восхотѣлъ; а Онъ восхотѣлъ тогда, какъ все уже исполнилось. Потому-то Онъ и говорилъ: *область имамъ положить душу Мою, и область имамъ пакы пріяти ю* (Іоан. х, 18). Итакъ, зная, что все уже исполнилось, Христось говоритъ: *жежду* (ст. 28), — и въ этомъ случаѣ опять исполняетъ пророчество. Но ты помысли о злодѣйствѣ стоящихъ при крестѣ. Вѣдь мы, хотя бы имѣли безчисленное множество враговъ, хотя бы испытали отъ нихъ нестерпимыя обиды, — мы плачемъ отъ жалости, когда видимъ, что ихъ умерщвляютъ; а враги Христа и при этомъ не примирились съ

Нимъ, и не смягчилісь, смотря на Его страдапія, но еще болѣе ожесточались и увеличивали насмѣшки, и, подневши укусъ губою, напоили Его такъ, какъ обыкновенно напояють преступниковъ, — для чего и была при нихъ трость. *Егда же пріятъ оцетъ, рече: совершишася* (ст. 30). Видишь, какъ Онъ все дѣлалъ безъ смущенія и со властію? Это же видно и изъ дальнѣйшаго. Когда все уже совершилось, — Христось, *преклонъ главу*, такъ какъ она не была пригвождена, *предаде духъ* (ст. 30), — то есть, испустилъ дыханіе. Обыкновенно выпускають духъ не послѣ преклоненія головы; но адѣсь было напротивъ: Христось пре- 468 клонилъ главу не тогда, когда уже испустилъ духъ, какъ обыкновенно бываетъ съ нами, но тогда испустилъ духъ, когда преклонилъ главу. Всѣмъ этимъ евангелистъ показаль, что Онъ — Господь всего міра.

8. Между тѣмъ, іудеи, пожирающіе верблюда и оцѣживающіе комаровъ (Матѣ. xxii, 24), совершивъ столь великое злодѣяніе, опять выказываютъ особенную заботливость о днѣ. *Понеже пѣтокъ бѣ, да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ субботу, молиши Пилата, да пребіють іолени ихъ* (ст. 31). Видишь, какъ могущественна истина? О чемъ они такъ ревностно стараются, чрезъ то самое исполняется пророчество и сбывается новое, бывшее имъ, предсказаніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда воины пришли, то у другихъ перебили голени, а у Христа не перебили; но въ угожденіе іудеямъ пронзили копіемъ ребра Его и такимъ образомъ поругались даже надъ мертвымъ Его тѣломъ. Какое гнусное и отвратительное злодѣяніе! Но не смущайся, возлюбленный, и не унывай! Что они дѣлали съ злымъ намѣреніемъ, то самое содѣйствовало къ утвержденію истины; объ этомъ именно было пророчество, которое говоритъ: *воззрѣтъ намъ, сегоже прободоша* (ст. 37). Кромѣ того, это злодѣяніе послужило основаніемъ вѣры для тѣхъ, которые впослѣдствіи имѣли не вѣровать, напримѣръ, для Ѳомы и подобныхъ ему. А вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ совершилось и неизреченное таинство: *абіе изиде крови и вода* (ст. 34). Не безъ запаченія и не случайно истекли эти источники, но — потому, что изъ того и другого составлена Церковь. Это знаютъ посвященные въ таинства: водою они возраждаются, а кровію и плотію питаются. Такъ, отсюда получаютъ свое начало таинства; и потому, когда ты приступаешь къ страшной чашѣ, приступай такъ, какъ бы ты пилъ отъ самаго ребра. *И видѣный это свидѣтельство, и истинно есть свидѣтельство ево* (ст. 35), т. е.: я не отъ другихъ слышалъ, но самъ былъ при томъ и видѣлъ, и свидѣтельство истинно. И это справедливо, потому что онъ повѣствуетъ о поношеніи, какому подвергся Христось, а не о чемъ-нибудь

великомъ и чудномъ, изъ-за чего бы ты могъ заподозрить его слово. Онъ подробно рассказываетъ о случившемся, чтобы заградить уста еретикамъ и предвозвѣстить будущія таинства, — созерцающаеся въ нихъ сокровище. При этомъ исполняется и другое пророчество, именно: *кость не сокрушится отъ нею* (ст. 36). Хотя это сказано было объ ангцѣ иудейскомъ, но въ прообразѣ такъ было напередъ ради истины, и совершеннѣе это исполнилось въ настоящемъ случаѣ. Потому-то евангелистъ и представилъ на видъ слова пророка. Такъ какъ, непрестанно указывая на собственное свое свидѣтельство, онъ могъ показаться недостойнымъ вѣры, то онъ представляетъ во свидѣтели Моисея, говоря, что и это совершилось не случайно, но уже издревле было преднаписано. Вотъ это именно и значать слова: *кость не сокрушится отъ нею*. Съ другой стороны, своимъ свидѣтельствомъ онъ подтверждаетъ слова пророка. Я, говорить, сказалъ объ этомъ для того, чтобы вы узнали, что между прообразомъ и истиною находится большое сходство. Видишь, сколько онъ употребляетъ старанія, чтобы увѣрить въ томъ, что кажется позорнымъ и, повидимому, наносить безчестіе? Подлинно, то обстоятельство, что воинъ поругался даже надъ мертвымъ тѣломъ, было гораздо хуже самого распятія; однакожъ я, говорить, и объ этомъ сказалъ, и сказалъ съ великимъ тщаніемъ, *да вы стру имете* (ст. 35). Итакъ, пусть никто не отказывается вѣровать, пусть никто не стыдится и не причиняетъ чрезъ то вреда нашимъ дѣламъ. То, что кажется особенно позорнымъ, то именно и составляетъ наше драгоценнѣйшее благо. *По снѣ* пришедъ *Іосифъ, изже отъ Аримафеа, снѣ ученикѣ* (ст. 38), не изъ числа двѣнадцати, но, можетъ быть, изъ числа семидесяти. Полагая, что наконецъ крестъ укротилъ неистовство (іудеевъ), послѣдователи Христовы безбоянно приходятъ и заботятся о погребеніи. Іосифъ, представъ предъ Пилата, проситъ у него позволенія — и тотъ позволяетъ. Да и почему бы онъ могъ не позволить? Въ дѣлѣ Іосифа принимаетъ участіе и Никодимъ, и они совершаютъ великолѣпное погребеніе, потому что все еще думали о Христѣ, какъ о простомъ человѣкѣ. Они приносятъ такіе ароматы, которые преимущественно имѣли силу надолго сохранять тѣло и не давать ему скоро предаться тлѣнію. Это показываетъ, что они не представляли о Христѣ ничего великаго; тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ этомъ видна ихъ великая любовь къ Нему. Но почему не пришелъ никто изъ двѣнадцати — ни Іоаннъ, ни Петръ, ни другой кто изъ значительныхъ? Евангелистъ не скрываетъ и этого. Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ, они боялись іудеевъ; но и тѣ (Іосифъ и Никодимъ) также одержимы были страхомъ.

Объ Іосифѣ именно сказано, что онъ былъ *потомъ стража ради іудейска* (ст. 88). Итакъ, нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ это потому, что совершенно пренебрегалъ іудеями; нѣтъ, и онъ боялся, и однакожъ пришелъ. А Іоаннъ, хотя присутствовалъ при крестѣ и видѣлъ кончину Христову, — не сдѣлалъ ничего подобнаго. Чтожъ это значить? Мнѣ кажется, что Іосифъ былъ изъ числа людей весьма знаменитыхъ, какъ это видно и изъ самаго погребенія, и что онъ былъ извѣстенъ Пилату. Потому-то онъ и получилъ дозволеніе. И онъ погребаетъ Его, ужъ не какъ преступника, но, — по обычаю іудейскому, — великолѣпно, какъ чловѣка великаго и славнаго.

4. Но какъ у нихъ не много оставалось времени (смерть Христова послѣдовала въ девятомъ часу, и потому, естественно, что, пока они ходили къ Пилату, и пока снимали тѣло со креста, наступилъ уже вечеръ, когда нельзя было заниматься работою), то они полагаютъ Его въ ближайшую гробницу. Устроилось такъ, что Христосъ положенъ былъ въ новомъ гробѣ, въ которомъ никто прежде не былъ положенъ, чтобы воскресеніе не могло быть приписано кому-нибудь другому, вмѣстѣ съ Нимъ лежащему, чтобы ученики, по близости этого мѣста, легко могли придти и быть зрителями случившагося, и чтобы свидѣтелями погребенія были не только они, но и враги. То, что положены были печати на гробъ и приставлена стража изъ воиновъ, это, дѣйствительно, съ ихъ стороны было свидѣтельствомъ погребенія, такъ какъ Христосъ хотѣлъ, чтобы и погребеніе Его было не менѣе достовѣрно, чѣмъ воскресеніе. Потому-то и ученики ревностно стараются доказать, что Онъ дѣйствительно умеръ. Воскресеніе Его имѣло быть подтверждаемо всѣмъ послѣдующимъ временемъ; между тѣмъ, если бы смерть Его въ то время была сокрыта и не сдѣлалась совершенно извѣстною, то это могло бы повредить слову о воскресеніи. Впрочемъ, не поэтому только совершилось то, что Христосъ былъ близко положенъ, но и для того, чтобы обнаружилась лживость молвы о похищеніи Его тѣла. *Во едину же отъ субботы, т. е., въ день воскресный, Марія Магдалина придетъ завтра, еще сущей тѣмъ, на гробъ, и видѣтъ камень взятъ отъ гроба* (xx, 1). Христосъ воскресъ въ то время, какъ лежали печати и камень. Но такъ какъ надобно было, чтобы и другіе совершенно убѣдились, то гробъ, послѣ Его воскресенія, отверзается, и такимъ образомъ это событіе становится достовѣрнымъ.

Это именно привело въ волненіе и Марію. Пламенѣя самою нѣжною любовію къ Учителю, она, какъ только минула суббота, не могла оставаться въ покоѣ, но пошла въ глубокое утро, желая

отъ мѣста получить какое-нибудь утѣшеніе. Когда она увидѣла это мѣсто и камень отваленный, то не вошла и не посмотрѣла въ гробъ но, побужденная сильною любовію, побѣждала къ ученикамъ. Она заботилась о томъ, чтобы какъ можно скорѣе узнать, что случилось съ тѣломъ. На это именно указываетъ и бѣгство ея; это же означаютъ и ея слова: *взяша*, говоритъ она, *Господа моего, и не вѣдаю, гдѣ положиша Его* (ст. 2). Видишь, что она еще ничего ясно не знала о воскресеніи, но думала, что перенесено тѣло, и безъ всякаго притворства о всемъ объявляетъ ученикамъ? Но евангелистъ не отнялъ у этой жены принадлежащей ей великой похвалы и не счелъ для себя стыдомъ того, что ученики отъ нея первой узнали о воскресеніи, такъ какъ она бодрствовала цѣлую ночь. Такъ во всѣхъ случаяхъ блистаетъ истиннолюбивый его нравъ! Когда же она пришла и сказала объ этомъ, — ученики, выслушавъ ее, посѣбно приходятъ ко гробу и видятъ лежащія пелены; а это было знакомъ воскресенія. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто перенесъ тѣло, то сдѣлалъ бы это, не обнажая его; равно какъ если бы кто укралъ его, то не сталъ бы заботиться о томъ, чтобы снять сударь, свить его и положить *на единомъ мѣстѣ*, но—какъ? Взялъ бы тѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно лежало. Потому-то евангелистъ предварительно и сказалъ, что при погребеніи Христа употреблено было много смирны, которая не хуже свинца приклеиваетъ пелены къ тѣлу. Итакъ, когда ты слышишь, что головныя повязки лежали отдѣльно, — не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, будто украдено. Воръ не былъ бы такъ глупъ, чтобы сталъ столько заботиться о предметѣ совершенно излишнемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ему было оставлять погребальныя пелены? Да и какъ бы онъ могъ скрыться, если бы сталъ дѣлать это? Естественно, ему нужно было истратить на это много времени, а если бы онъ замедлилъ, то былъ бы пойманъ. Но для чего отдѣльно лежатъ пелены, и отдѣльно—платъ свитый? Для того, чтобы ты зналъ, что это сдѣлано безъ торопливости и безъ смущенія, такъ какъ отдѣльно положено одно, и отдѣльно положено и свито другое. Поэтому-то ученики и повѣрили воскресенію. И когда впоследствии Христосъ является имъ,—они уже убѣждены были тѣмъ, что видѣли. Замѣть и здѣсь, какъ далеко евангелистъ отъ хвастовства и какъ онъ свидѣтельствуетъ о тщательности изслѣдованія Петрова! Самъ онъ, предваривъ Петра и увидѣвъ лежащія пелены, ничего болѣе не изслѣдуетъ, но удаляется; а пламенный Петръ вошелъ внутрь гроба, рассмотрѣлъ все съ тщательностію и, увидѣвъ нѣчто болѣе, пригласилъ и его посмотреть. Войдя во гробъ послѣ Петра, Іоаннъ увидѣлъ погребальныя пелены

лежащими отдѣльно однѣ отъ другихъ. А то, что онѣ были раздѣлены, и однѣ положены въ одномъ мѣстѣ, а другія, свитыя, въ другомъ, показывало, что это сдѣлано кѣмъ-то съ заботливостію, а не какъ-нибудь, не въ смущеніи.

5. И ты, когда слышишь, что Христосъ воскресъ нагимъ, перестань безумно тратиться на погребеніе. Что, въ самомъ дѣлѣ, значать эти излишнія и бесполезныя издержки? Погребаящимъ онѣ причиняютъ большой убытокъ, а умершему не приносятъ никакой пользы и, если сказать правду, даже вредны. Роскошныя похороны неоднократно бывали причиною разграбленія могилъ и производили то, что погребенный нѣкогда со всею изысканностію лежалъ потомъ нагой и безъ погребенія. Но, о, тщеславіе! Какую великую власть оно обнаруживаетъ среди самаго плача! До какого безумія доводитъ оно! Многіе, въ отвращеніе грабежа, раздираютъ тонкія погребальныя пелены и наполняютъ ихъ множествомъ ароматовъ, чтобы вдвойнѣ сдѣлать ихъ бесполезными для похитителей, и такимъ образомъ предають землѣ. Не безуміе ли это? Не помѣшательство ли это ума—выказывать великолѣпіе и въ то же время уничтожать его? Нѣтъ, скажешь, мы придумываемъ все это для того, чтобы безопасно лежали на мертвецѣ. Что же? Если не возьмутъ ихъ воры, то не съѣдятъ ли ихъ моль и черви? А если не съѣдятъ моль и черви, то не истребятъ ли время и тлѣніе? Но положимъ, что ни воры, ни моль, ни черви, ни время, ни другое что не истребятъ вещей, положенныхъ въ могилу; положимъ, что и тѣло останется не поврежденнымъ до самаго воскресенія, и всѣ тѣ вещи сохранятся новыми, прочными и тонкими: какая отъ этого польза для отшедшихъ, когда тѣло возстанетъ нагимъ, а всѣ эти вещи останутся здѣсь и не принесутъ намъ никакой пользы во время будущихъ истязаній? Но почему же, скажешь, такъ было при погребеніи Христовомъ? Тебѣ вовсе не слѣдуетъ сравнивать погребенія Христова съ погребеніями человѣческими. Тамъ было и то, что блудница изліяла миро на святыя ноги Его. Впрочемъ, если и объ этомъ надобно сказать что-нибудь, то, во-первыхъ, это было сдѣлано людьми, которые не знали ученія о воскресеніи. Потому-то и говорится: *якоже обычай есть Іудеомъ погребати* (хх, 40). Вѣдь не изъ числа двѣнадцати были тѣ, которые почитили Іисуса погребеніемъ; но то были тѣ, которые не весьма высоко цѣнили Его. Двѣнадцать не такъ Его почитили, но—своею смертію, преданіемъ себя на закланіе и перенесеніемъ за Него разныхъ напастей. Правда, и то была честь, но гораздо ниже этой, о которой я сейчасъ сказалъ. Съ другой стороны, у насъ, какъ я уже сказалъ, теперь рѣчь о людяхъ; а тогда все это

сдѣлано было для Господа. А чтобы ты зналъ, что Христосъ насколько не желалъ этого,—(послушай), что Онъ сказалъ: вы видѣли Меня алчущимъ, и напитали; жаждущимъ, и напоили; пагимъ, и одѣли (Матѣ. ххv, 35—39); но нигдѣ не сказалъ: умершимъ, и погребли. Я это говорю не съ тѣмъ, чтобы истребить обычай погребенія,—нѣтъ,—но съ тѣмъ, чтобы пресѣчь роскошь и неумѣстное великолѣпіе. Къ этому, скажешь, располагаетъ скорбь и печаль, и состраданіе къ умершему? Нѣтъ,—это происходитъ не отъ состраданія къ умершему, но отъ тщеславія.

Если же ты хочешь оказать соболѣзнованіе умершему,—я укажу тебѣ иной способъ погребенія и научу тебя облекать его въ такія одежды, которыя возстанутъ съ нимъ и представлятъ эго въ блистательномъ видѣ. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временемъ не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какія же это одежды? Это — одѣяніе милостыни. Эта одежда возрастаетъ вмѣстѣ съ умершихъ, потому что печать милостыни навсегда остается съ нимъ. Этими-то одеждami будутъ блистать тѣ, которые тогда услышатъ: вы напитали Меня, когда Я алкалъ. Эти одежды дѣлаютъ умершихъ славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынѣшнія—не что иное, какъ пища моли и трапеза червей. И это я говорю не потому, чтобы запрещалъ имѣть попеченіе объ умершихъ; но для того, чтобы вы дѣлали это съ умѣренностію, прикрывали лишь тѣло и не предавали его землѣ нагимъ. Если и живымъ не слѣдуетъ имѣть ничего больше, какъ только покровъ тѣла, то тѣмъ болѣе — умершимъ, потому что мертвое тѣло не столько нуждается въ одеждахъ, сколько живое и дышущее. Пока мы живемъ, намъ нужно одѣяніе и по причинѣ холода, и для благоприличія; а коль скоро мы умерли.—у насъ нѣтъ этихъ нуждъ, и только для того, чтобы тѣло не лежало нагимъ, намъ нужны погребальныя пелены. Самыя же лучшія у насъ погребальныя пелены, это — земля, покрывало прекраснѣйшее и самое приличное нашему земному тѣлу. Итакъ, если теперь, когда у насъ столько нуждъ, не надобно искать ничего излишняго, то тѣмъ болѣе неумѣстна пышность тогда, когда нѣтъ такихъ нуждъ.

6. Но люди, скажешь, которые увидятъ это, станутъ смѣяться. Если бы и сталъ кто смѣяться, на того, очевидно, не слѣдуетъ обращать большого вниманія, какъ на человѣка совершенно глупаго. Многіе, напротивъ, скорѣе будутъ удивляться намъ и восхвалять наше любомудріе. Не это достойно смѣха, но—то, что мы теперь дѣлаемъ, когда плачемъ, рыдаемъ и какъ бы погребаемъ себя съ умершими. Вотъ что достойно и смѣха, и наказа-

нія; а любомудріе во всемъ этомъ, равно какъ и соблюденіе умѣренности въ одеждахъ, доставляетъ намъ вѣнцы и похвалы. Въ этомъ случаѣ всѣ насъ восхваляютъ, подивятся силѣ Христовой и скажутъ: о, какъ велика сила Распятаго! Онъ убѣдилъ смертныхъ и тлѣнныхъ, что смерть не есть смерть, и вотъ они поступаютъ такъ, какъ будто они не умираютъ, но переселяются въ лучшую страну. Онъ убѣдилъ ихъ, что это тлѣнное и земное тѣло облечется въ одежду гораздо блистательнѣйшую шелковыхъ и алатотканыхъ одеждъ,—облечется въ нетлѣніе; и потому они не много заботятся о похоронахъ, но считаютъ самымъ лучшимъ погребальнымъ украшеніемъ добродѣтельную жизнь.

Такъ всѣ будутъ говорить о насъ, когда увидятъ насъ любомудрствующими. Если же увидятъ, что мы терзаемся скорбію, малодушествуемъ и окружаемъ себя хоромъ рыдающихъ женщинъ, то будутъ смѣяться и издѣваться надъ нами, и тысячу разъ осудятъ насъ, укоряя за безразсудную трату и напрасный трудъ. И мы слышимъ, что за это, дѣйствительно, всѣ осуждаютъ насъ; и—весьма справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, какое мы будемъ имѣть извиненіе, когда тѣло наше, истребляемое тлѣніемъ и червями, украшаемъ, а Христа, жаждущаго, нагого и странника, презираемъ? Отстанемъ же отъ этой суетной заботы. Будемъ погребать умершихъ такъ, чтобы это полезно было и намъ, и имъ. къ славѣ Божіей. Будемъ раздавать за нихъ обильную милостыню и препровождать ихъ съ этимъ прекраснѣйшимъ напутствіемъ. Если память скончавшихся знаменитыхъ мужей защищала живыхъ (какъ говоритъ Господь: *защиту граду сей Мене ради, и Давида ради раба Моего*—4 Цар. xix, 34), то тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это милостыня. Она, именно она и мертвыхъ воскрешала,—когда окружили (Петра) *вдовицы, показующа, елика творили съ ними души Серна* (Дѣян. ix, 36). Итакъ, когда кто будетъ умирать, пусть родственники умирающаго готовятъ для него погребальное одѣяніе и пусть убѣждаютъ его предъ кончиною оставить что-нибудь бѣднымъ. Пусть съ этою одеждою онъ отойдетъ, пусть и Христа оставитъ своимъ наслѣдникомъ. Если тѣ, которые назначаютъ по себѣ наслѣдниками царей, оставляютъ чрезъ то въ величайшей безопасности своихъ родныхъ, то представь себѣ, какое приобрѣтетъ благоволеніе и себѣ, и всѣмъ своимъ тотъ, кто вмѣстѣ съ дѣтьми оставитъ своимъ наслѣдникомъ и Христа! Вотъ прекрасное одѣяніе для умершихъ. Оно полезно, какъ остающимся въ живыхъ, такъ и отходящимъ. Если въ такомъ видѣ мы будемъ погребены, то явимся блистательными во время воскресенія. А если, заботясь о тѣлѣ, пренебрежемъ душу, то потерпимъ тогда много бѣдъ и подвергнемся

великому осмѣянію. Не малый стыдъ—отойти отсюда безъ добродѣтели; не столько позорно для тѣла быть поверженнымъ безъ погребенія, сколько для души—явиться тогда безъ добрыхъ дѣлъ. Итакъ, станемъ одѣвать душу, станемъ убирать ее въ продолженіе всей нашей жизни. Если же при жизни мы нерадѣли о ней,—образумимся, по крайней мѣрѣ, при смерти и завѣщаемъ сродникамъ нашимъ помочь намъ, по смерти, милостынею. При такомъ взаимномъ содѣйствіи другъ другу, мы получимъ великое дерзновеніе, по благодати и человеколюбію Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXVI.

Идоста же паки въ себѣ ученика. Марія же стояше у гроба внѣ плачущи (Іоан. хх, 10, 11).

1. Женскій полъ какъ-то особенно чувствителенъ и весьма склоненъ къ состраданію. Говорю это для того, чтобы для тебя не было удивительнымъ, отчего Марія горько плакала при гробѣ, а Петръ не обнаружилъ ничего подобнаго. Ученики, говоритъ евангелистъ, *идоста къ себѣ*, а Марія *стояше плачущи*. Она, по самой своей природѣ, легко трогалась, а притомъ она еще не знала ясно ученія о воскресеніи; напротивъ, ученики, увидѣвъ пелены, увѣровали и отправились домой въ изумленіи. Почему же они не пошли прямо въ Галилею, какъ было имъ заповѣдано предъ страданіемъ? Можетъ быть, они ожидали прочихъ (учениковъ); а съ другой стороны, они еще находились въ крайнемъ изумленіи. Итакъ, они пошли домой, а Марія стояла у гроба. Великое, поистинѣ, утѣшеніе, какъ я уже сказалъ, доставляетъ намъ самый видъ гроба. Видишь ли поэтому, какъ она, для большаго утѣшенія, приникаетъ взоромъ во гробъ и хочетъ видѣть мѣсто, *идѣже бы лежало тѣло* (ст. 12)? Оттого не малую получила она и награду за столь великое усердіе. Чего не видѣли ученики, то первая увидѣла жена, именно—ангеловъ въ бѣлыхъ ризахъ, сидящихъ—одного у ногъ, а другого у главы (ст. 12); самая одежда ихъ показывала уже великую радость и веселіе. Такъ какъ умъ жены не былъ столько возвышенъ, чтобы отъ гробныхъ пеленъ придти къ вѣрѣ въ воскресеніе, то вотъ совершается нѣчто большее: она видитъ ангеловъ, сидящихъ въ свѣтлыхъ одеждахъ, чтобы чрезъ это могла уже воспрянуть отъ скорби и утѣшиться. Впрочемъ, ангелы ничего не говорятъ ей о воскресеніи: она воз-

водится къ этому догмату мало-по-малу. Она видитъ лица, болѣе обыкновеннаго свѣтлыя; видитъ одежды блестящія; слышитъ голосъ участія, такъ какъ ангелы говорятъ ей: *жено, что плачешися* (ст. 13)? Чрезъ все это, какъ чрезъ отверстую дверь, она мало-по-малу приводима была къ слову о воскресеніи. Да и самый образъ сидѣнія ангеловъ располагалъ ее къ вопросу: изъ него видно было, что они знаютъ о случившемся, и потому-то сидятъ не вмѣстѣ, а отдѣльно другъ отъ друга. Но такъ какъ невѣроятно было, чтобы она сама прямо осмѣлилась спросить, то они и вопросомъ и образомъ сидѣнія располагаютъ ее къ разговору. Что же она? Она съ жаромъ и вмѣстѣ съ любовію говоритъ: *взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его* (ст. 13). Что ты говоришь? Такъ ты еще ничего не знаешь о воскресеніи, а все еще воображаешь, что тѣло Христово переложено? Видишь ли, какъ она еще не разумѣла этого высокаго догмата? *И сія рече, обратися вспять* (ст. 14). Что адѣсь за послѣдовательность? Марія вступаетъ въ разговоръ съ ангелами и, еще ничего не услышавъ отъ нихъ, обращается назадъ. Мнѣ кажется, что въ то время, какъ она говорила, Христосъ внезапнымъ своимъ явленіемъ позади ея привелъ въ изумленіе ангеловъ, и они, узнѣвши Владыку, и видомъ, и взоромъ, и движеніемъ тотчасъ обнаружили, что увидѣли Господа; а это и заставило жену оглянуться и обратиться назадъ. Такъ явился Христосъ ангеламъ; а Маріи—не такъ, чтобы не поразить ее изумленіемъ съ перваго взгляда, но—въ видѣ болѣе смиренномъ и обыкновенномъ. Это видно уже изъ того, что она приняла Его за садовника. Женщину съ такими уничиженными понятіями, очевидно, надобно было возводить къ высшимъ понятіямъ не вдругъ, но постепенно. Поэтому и Христосъ спрашиваетъ ее: *жено, что плачешь, кого ищешь* (ст. 15)? Этими Онъ показалъ, что Ему извѣстно, о чемъ она хочетъ спросить, и расположилъ ее къ отвѣту. Такъ поняла это и Марія, и потому не произноситъ имени Іисуса, но, полагая, что вопрошающій уже знаетъ, о комъ она освѣдомляется, говоритъ: *еще ты еси взялъ Его, не вѣдаю, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возму Его* (ст. 15). Опять говорить о положеніи, ваятіи и переложеніи, бесѣдуя о Немъ, какъ о мертвомъ. Смыслъ словъ ея такой: если вы, боясь іудеевъ, взяли Его отсюда, то скажите мнѣ, и я возьму Его. Велико усердіе, велика любовь жены; но высокаго въ ней еще нѣтъ ничего. Потому-то, наконецъ, Христосъ открываетъ ей высокую тайну, не видомъ Своимъ, а голосомъ. Какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ находился среди іудеевъ, иногда они узнавали Его, а иногда не узнавали, такъ и въ то время, какъ Онъ говорилъ, Его узнавали лишь тогда, когда Онъ

хотѣлъ. Такъ, когда Онъ говорилъ іудеямъ: *кого ищете?*—они не узнавали Его ни по виду, ни по голосу, до тѣхъ поръ, пока Онъ хотѣлъ. Тоже самое случилось и здѣсь. Христосъ произнесъ теперь только имя Маріи, укоряя ее и упрекая за то, что она такъ думаетъ о Немъ, тогда, какъ Онъ живъ. Но какъ же она отвѣвѣчаетъ *обращаясь*, между тѣмъ, какъ Христосъ съ нею бесѣдовалъ? Мнѣ кажется, что она, сказавъ: *иди еси положиши Его*, обратилась къ ангеламъ, съ намѣреніемъ спросить ихъ, чему они изумились, и что Христосъ, назвавъ ее по имени, снова заставилъ ее обернуться отъ ангеловъ въ Его сторону и по голосу далъ узнать Себя. Дѣйствительно, она узнала Его тогда, когда онъ назвалъ ее, сказавъ: *Маріе* (ст. 16), и значить, узнала не по виду, но по голосу. Можетъ быть, кто-нибудь спросить: откуда извѣстно, что ангелы пришли въ изумленіе и что поѣтому Марія обратилась назадъ? Но въ такомъ случаѣ нужно будетъ также спросить: откуда извѣстно, что Марія прикоснулась ко Христу и пала къ ногамъ Его? И какъ это послѣднее открывается изъ словъ: *не прикасайся Мнѣ* (ст. 17), такъ и первое видно изъ того, что сказано: *обратися*. Но почему Христосъ сказалъ: *не прикасайся Мнѣ*? Нѣкоторые говорятъ, что Марія просила у Него духовной благодати, такъ какъ слышала, что Онъ говорилъ ученикамъ: *еще пойду ко Отцу, умолю Его, и много Утѣшителя дастъ вамъ* (Іоан. xiv, 3, 16).

2. Но какъ она, не бывшая тогда съ учениками, могла слышать эти слова? Съ другой стороны, и по своимъ понятіямъ она далека была отъ подобнаго желанія. Да и какъ она могла просить объ этомъ, когда Онъ еще не отошелъ къ Отцу? Что же это значить? Мнѣ кажется, что она и теперь желала обращаться съ Нимъ, какъ прежде, и отъ радости не представляла себѣ ничего великаго, хотя Онъ и сдѣлался по плоти гораздо совершеннѣйшимъ. Поѣтому Христосъ, чтобы отклонить ее отъ такого мнѣнія и внушить ей не говорить съ нимъ безъ всякой осторожности (потому что и съ учениками, какъ видно. Онъ уже не обращался по прежнему),—возвышаетъ ея помышленія и чрезъ то научаетъ ее болѣе благоговѣйному съ Нимъ обращенію. Если бы Онъ сказалъ: не подходи ко Мнѣ, какъ прежде; теперь обстоятельства измѣнились, и Я уже не буду обращаться съ вами по прежнему,—то это было бы непріятно и отзывалось бы похвальбой и тщеславіемъ. Но слова: *не убо езидохъ ко Отцу* были не тягостны и, между тѣмъ, выражали тоже самое. Сказавъ: *не убо езидохъ ко Отцу*, Христосъ даетъ разумѣть, что Онъ спѣшитъ туда и стремится. А кто готовъ уже отойти на небо и не будетъ болѣе обращаться съ людьми, на того уже не слѣдовало смотрѣть

съ такими же мыслями, съ какими смотрѣли прежде. Что такое объясненіе справедливо, видно изъ слѣдующихъ словъ: *иди и рчи братіи Моей, яко иду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (ст. 17). Но вѣдь Онъ намѣренъ былъ слѣ-
 лать это не тотчасъ, но спустя сорокъ дней: для чего же гово-
 рить такъ? Для того, чтобы возвысить помыслы Маріи и увѣрить
 ее, что Онъ восходитъ на небо. А слова: *ко Отцу Моему и Отцу*
вашему, Богу Моему и Богу вашему — относятся къ воплощенію, такъ
 какъ и восшествіе свойственно только плоти. Христосъ выра- 470
 жается такъ потому, что говоритъ съ женою, которая не пред-
 ставляла себѣ ничего великаго. Значить, Богъ въ иномъ смы-
 слѣ Отецъ Его и въ иномъ — нашъ? Именно такъ. Если Богъ не
 въ одинаковомъ смыслѣ — Богъ праведныхъ и Богъ прочихъ лю-
 дей, то тѣмъ болѣе — Сына и нашъ. А такъ какъ Христосъ ска-
 залъ: *рчи братіи*, то, чтобы на основаніи этихъ словъ не стали
 предполагать какого-либо равенства (между Нимъ и учениками), —
 Онъ показываетъ и различіе: самъ Онъ будетъ возсѣдять
 на престолѣ Отчемъ, а они будутъ предстоять этому престолу.
 Слѣдовательно, хотя Христосъ, по человѣческому естеству Сво-
 ему, и содѣлался братомъ нашимъ, однакожъ по славѣ — весьма
 отличенъ отъ насъ, отличенъ настолько, что и выразить нельзя.
 Между тѣмъ, Марія уходитъ, чтобы возвѣстить объ этомъ уче-
 никамъ (ст. 18). Вотъ какъ хорошо усердіе и постоянство! Но от-
 чего ученики теперь не скорбятъ о томъ, что Христосъ намѣ-
 ренъ отойти отъ нихъ, и не говорятъ того, что говорили прежде?
 Тогда они скорбѣли потому, что Онъ шелъ на смерть; а теперь,
 когда Онъ воскресъ, изъ-за чего имъ было печалиться? Марія
 возвѣстила имъ и о своемъ видѣніи, и о словахъ, которыя могли
 утѣшить ихъ. Но легко могло случиться, что ученики, слушая
 это, или не повѣрятъ женѣ, или, повѣривъ, будутъ скорбѣть о
 томъ, что Христосъ не удостоилъ ихъ своего явленія, хотя и
 общалъ явиться имъ въ Галилеѣ. Поэтому, чтобы они не тре-
 возились такими мыслями, Христосъ не далъ миновать и од-
 ному дню, но, возбудивъ въ нихъ желаніе видѣть Его, — какъ тѣмъ,
 что они уже знали о Его воскресеніи, такъ и расскажемъ жены, —
 въ тотъ же день по наступленіи вечера, когда они горѣли же-
 ланіемъ видѣть Его и были одержимы страхомъ, — отчего еще
 болѣе усиливалось ихъ желаніе, — предсталъ предъ ними, и
 притомъ чудеснымъ образомъ.

Почему же Онъ явился вечеромъ? Потому, что особенно
 въ это время, по всей вѣроятности, они находились въ наиболь-
 шемъ страхѣ. Но вотъ что удивительно: какъ они не сочли Его
 за призракъ, когда Онъ вошелъ чрезъ затворенныя двери

и внезапно? Это, безъ сомнѣнія, потому, что Марія успѣла уже произвести въ нихъ сильную вѣру, а притомъ Онъ и явился къ нимъ въ свѣтломъ и кроткомъ видѣ. Днемъ же Онъ не явился для того, чтобы ученики собрались всѣ вмѣстѣ,—такъ какъ они были въ великомъ страхѣ. Поэтому Онъ даже не стучалъ въ дверь, но внезапно сталъ посреди ихъ, показалъ имъ ребра и руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и голосомъ успокоилъ волновавшіяся мысли ихъ, сказавъ: *миръ вамъ* (ст. 20), т. е., не смущайтесь. Этимъ Онъ напомнилъ имъ слова, сказанныя предъ страданіемъ: *миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. xiv, 27), и еще: *во Мнѣ миръ имѣйте: въ мирѣ скорби будете* (Іоан. xvi, 33). *Возрадовашася же ученики, видѣвши Господа* (ст. 20). Видишь ли, какъ слова Его оправдались на дѣлѣ? Что сказалъ Онъ предъ страданіемъ: *наки урю вы и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. xvi, 22),—то исполнилъ теперь самымъ дѣломъ. Все же это привело учениковъ къ совершенной вѣрѣ. А такъ какъ они имѣли непримиримую брань съ іудеями, то Онъ часто повторяетъ: *миръ вамъ*,—предлагая такимъ образомъ равносильное брани утѣшеніе.

8. Вотъ какое первое слово сказалъ Христосъ по воскресеніи. Потому-то и Павелъ повсюду говоритъ: *благодать вамъ и миръ*. Женамъ Господь благовѣствуетъ радость, такъ какъ женскій полъ былъ въ печали и на печаль осужденъ былъ первымъ проклятіемъ. Такимъ образомъ Онъ, совершенно прилично, мужамъ благовѣствуетъ миръ—по причинѣ брани, а женамъ радость—по причинѣ печали. Уничтоживъ все, что было поводомъ къ скорби, Христосъ далѣе говоритъ о благотворныхъ слѣдствіяхъ креста. Такимъ слѣдствіемъ былъ миръ. Значить всѣ препятствія теперь отстранены, Христосъ одержалъ блистательную побѣду, и все приведено къ вождѣлѣнному концу. Поэтому Онъ, наконецъ, говоритъ: *якоже посла Мѣ Отецъ и Азъ посылаю въ* (ст. 21). Для 471 васъ не будетъ никакой трудности, какъ по причинѣ совершившихся уже событій, такъ и по достоинству моего лица,—такъ какъ Я посылаю васъ. Этимъ онъ возвышаетъ души учениковъ и показываетъ, что ихъ слова будутъ вполне достовѣрны, такъ какъ они примутъ на себя Его дѣло. И теперь Онъ уже не умоляетъ Отца, но собственною властію даруетъ ученикамъ силу. *Духу и глагола имъ: примите Духъ Святъ; имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (ст. 22, 23). Какъ царь, посылая правителей, даетъ имъ власть и заключать въ темницу, и освобождать изъ темницы, такъ и Христосъ, посылая учениковъ, облакаетъ ихъ такою же властію. Какъ же Онъ прежде сказалъ: *еще не иду Азъ, Утѣшитель не придетъ* (Іоан. xvi, 7), а

теперь даетъ Духа? Нѣкоторые говорятъ, что Христось не сообщилъ ученикамъ Духа, а только посредствомъ дуновенія сдѣлалъ ихъ способными къ Его принятію. Вѣдь если Давидъ, при видѣ ангела, пришелъ въ ужасъ (Дан. vii, 17), то чего не испытали бы и ученики, если бы приняли эту неизреченную благодать, не будучи напередъ къ тому приготовлены? Потому-то, говорятъ, Христось не сказалъ: вы пріяли Духа Святого, но—*пріимите Духъ Святъ*. Но не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что и тогда ученики получили нѣкоторую духовную власть и благодать, только — не воскрешать мертвыхъ и совершать чудеса, а отпускать грѣхи,—такъ какъ различны дарованія Духа. Потому-то Христось и присовокупилъ: *имже отпустите, отпустятся*, — показывая, какой родъ благодатной силы даруется имъ. А впоследствии, спустя сорокъ дней, они получили силу чудотвореній, почему Христось и говоритъ: *пріимите силу нашедшу Сятому Духу на вы, и будете Мы свидѣтели во Иерусалимѣ же и во всей Иудеи* (Дѣян. i, 8); а свидѣтелями они сдѣлались посредствомъ чудесъ. Неизреченна, поистинѣ, благодать Духа и многоразличны дары Его! Сообщаетъ же Христось дары Духа, чтобы ты зналъ, что у Отца и Сына и Святого Духа одинъ даръ и одна власть. Въ самомъ дѣлѣ, что присвоается, повидимому, Отцу, тоже самое оказывается принадлежащимъ и Сыну, и Святому Духу. Какъ же сказано, что никто не приходитъ къ Сыну, *аще не Отецъ привлечетъ его* (Іоан. vi, 64)? Но это же самое, очевидно, принадлежитъ и Сыну: *Азъ есмь, говорить Онъ, путь: никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. xiv, 6). А вотъ, смотри, это же приписывается и Духу: *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святимъ* (1 Кор. xii, 8). Такъ точно и апостолы представляются дарованными Церкви то отъ Отца, то отъ Сына, то отъ Духа Святого. И раздѣленіе дарованій, какъ видимъ, усвоается и Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

4. Употребимъ же всѣ мѣры къ тому, чтобы имѣть въ себѣ Духа, и будемъ со всею почтительностію обращаться съ тѣми, кому ввѣрена власть дѣйствовать благодатными дарами. Подлинно, велико достоинство священниковъ! *Имже, сказано, отпустите грѣхи, отпустятся*. Потому - то и Павелъ говоритъ: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь* (Евр. xiii, 17), и: *имайте ихъ по презлѣхъ въ любви* (1 Сол. v, 13). Въ самомъ дѣлѣ, ты заботишься только о своихъ дѣлахъ, и, если ихъ устроишь хорошо,—не будешь отвѣчать за другихъ людей. А священникъ, хотя бы и хорошо устроилъ свою собственную жизнь, но если не будетъ съ должнымъ усердіемъ заботиться о жизни твоей и всѣхъ другихъ, ввѣренныхъ его попеченію, то вмѣстѣ съ порочными пой-

дѣтъ въ геенну, и часто, невинный по своимъ дѣламъ, онъ погибаетъ за ваши беззаконія, если не исполнить надлежащимъ образомъ всего, что до него касается. Итакъ, зная, какая великая угрожаетъ опасность священникамъ, оказывайте имъ великую любовь. На это указалъ и Павелъ, когда сказалъ: *тѣмъ бо бдѣть о душахъ вашихъ*, и—не просто, но *яко слово воздати хотяще* (Евр. хш, 17). Потому имъ надобно оказывать великое уваженіе. Если же и вы вмѣстѣ съ другими станете оскорблять ихъ, то и ваши дѣла не будутъ благоуспѣшны. Доколѣ кормчіи благодушествуетъ, до тѣхъ поръ и плывущіе на кораблѣ безопасны; а коль скоро онъ, отъ оскорбленій и враждебныхъ дѣйствій со стороны спутниковъ, находится въ горѣ, то уже не можетъ ни быть бдительнымъ попрежнему, ни дѣйствовать съ обычнымъ своимъ искусствомъ, и нехотя подвергаетъ ихъ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Такъ и священники, если будутъ пользоваться у васъ надлежащею честію, въ состояніи будутъ устроить и ваши дѣла, какъ слѣдуетъ; а если вы будете печаливать ихъ, то ослабите ихъ руки и сдѣлаете то, что они вмѣстѣ съ вами легко будутъ увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны. Помысли о томъ, что сказалъ Христосъ объ іудеяхъ: *на Моисеевъ сѣдалищи сѣдоша книжники и фарисеи: вся убо, елика аще рекуть вамъ блюсти, творите* (Матѣ. ххш, 23). Теперь же нельзя сказать, что священники возсѣли на сѣдалищѣ Моисеевомъ; нѣтъ, они возсѣли на сѣдалищѣ Христовомъ, потому что приняли Христово ученіе. Потому и Павелъ говоритъ: *по Христѣ посольствуемъ, яко Богу молящю нами* (1 Кор. v, 20). Не видите ли, какъ всѣ подчиняются властямъ мірскимъ? Хотя подчиненные часто превосходятъ начальствующихъ и знатностію рода, и жизнію, и мудростію, однакожь, изъ уваженія къ тому, кто ихъ поставилъ, они не думаютъ ни о чемъ этомъ, но чтутъ опредѣленіе царя, каковъ бы ни былъ тотъ, кто получилъ надъ ними начальство. Таковъ-то у насъ страхъ, когда поставляетъ начальника человекъ! Но когда рукополагаетъ Богъ,—мы и презираемъ рукоположеннаго, и оскорбляемъ его, и преслѣдуемъ безчисленными поношеніями, и, тогда какъ намъ запрещено судить и своихъ братьяхъ, изощряемъ языкъ на священниковъ. И какое найдемъ мы себѣ оправданіе, когда въ своемъ глазѣ не видимъ бревна, а у другого съ злобнымъ стараніемъ замѣчаемъ и сучекъ? Ужели не знаешь, что, когда судишь такимъ образомъ другихъ, приготавлишь и себѣ самому тягчайшее осужденіе? Говорю это не потому, чтобы я одобрялъ недостойно проходящихъ служеніе священства; нѣтъ,—я крайне жалѣю о нихъ и плачу; тѣмъ не менѣе однакожь утверждаю, что и въ этомъ случаѣ подчиненные,

и особенно люди самые простые, не имѣютъ права судить ихъ. Пусть жизнь священника будетъ самая порочная; но, если ты внимателенъ къ самому себѣ, то не потерпишь никакого вреда въ томъ, что ему ввѣрено отъ Бога. Если Господь заставилъ говорить ослицу и чрезъ волхва даровалъ духовныя благословенія; если, такимъ образомъ, и чрезъ безсловесныя уста ослицы, и чрезъ нечистый языкъ Валаама Онъ дѣйствовалъ для неблагодарныхъ іудеевъ, то тѣмъ болѣе для васъ если вы будете признательны. Онъ сдѣлаетъ съ своей стороны все, что нужно, и ниспослетъ Духа Святого, — хотя бы и крайне порочны были священники. Вѣдь и чистый (священникъ) не своею собственною чистотою привлекаетъ Духа Святого; но все совершаетъ благодать. *Вся бо саша суть*, говорится, *аще Павелъ или Аполлосъ, или Кифа* (1 Кор. III, 22). Все, что ввѣрено священнику, есть единственно Божій даръ; и, сколько бы ни преуспѣвало человѣческое любомудріе, оно всегда будетъ ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы безопасно располагали своею жизнію, но для того, чтобы вы, подчиненные, видя нерадѣіе кого-либо изъ предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самихъ себя ала. Но что я говорю о священникахъ? Ни ангелъ, ни архангелъ не можетъ оказать никакого дѣйствія на то, что даруется отъ Бога: здѣсь все устрояетъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, а священникъ только сужаетъ свой языкъ и простираетъ свою руку. Да и несправедливо было бы, если бы, по причинѣ порочности 473 другого лица терпѣли вредъ тѣ, которые съ вѣрою приступаютъ къ символамъ нашего спасенія. Итакъ, зная все это, будемъ и Бога бояться, и уважать Его священниковъ, оказывая имъ всякую честь, чтобы и за свои добрыя дѣла и за уваженіе къ нимъ получить отъ Бога великую награду, по благодати и человѣколюбію 474 Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

Θома же, единъ отъ обоуднадесяте, глаголемый близнецъ, не бѣ съ ними, огда прииде Іисусъ. Глаголаху же ему друзіи ученицы: видѣхомъ Господа. Онъ же рече имъ: аще не вижу, не иму вѣры, и пр. (Іоан. XX, 24, 25).

1. Какъ вѣровать просто и безъ разбора—дѣло легкомыслія, 478 такъ и сверхъ мѣры испытывать и больше, чѣмъ нужно, изслѣдовать—дѣло ума крайне упрямаго. Поэтому-то и Θома подвергается порицанію. Когда апостолы сказали ему: *видѣхомъ Господа*,—

онъ не повѣрилъ, не столько по недовѣрію къ нимъ, сколько потому, что считалъ невозможнымъ это дѣло, то есть воскресеніе изъ мертвыхъ. Онъ не сказалъ: я не вѣрю вамъ, но: *еще не вложу руку мою, не иму тѣри*. Но отчего въ то время, какъ всѣ были собраны, не было его одного? Вѣроятно, онъ тогда не возвратился еще изъ прежде бывшаго разсѣянiя. А ты, когда видишь этого ученика невѣрующимъ, подумай о челоуѣколюбіи Господа, который и ради одной души показываетъ Себя въ ранахъ, приходитъ и для спасенiя одного, хотя и болѣе другихъ упорнаго. Въ самомъ дѣлѣ, (Θома) искалъ себѣ удостовѣренiя посредствомъ самаго грубаго чувства и не вѣрилъ даже глазамъ. Онъ не сказалъ: если не увижу, но: если не осяжу, чтобы узнать, не призракъ ли то, что я вижу. Безъ сомнѣнiя, и возвѣстившіе ученики были уже достойны вѣры, равно какъ и Самъ, общавшій это; тѣмъ не менѣе однакожъ, поелику Θома искалъ себѣ большаго, то Христосъ не отказалъ ему и въ этомъ.

Для чего же Онъ является ему не тотчасъ, а спустя восемь дней? Для того, чтобы Θома, внимая въ теченіе этого времени убѣжденiямъ учениковъ и слыша одно и то же, воспламенился большимъ желанiемъ и сдѣлался болѣе твердымъ въ вѣрѣ на будущее время. Но откуда онъ зналъ, что и ребра прободены? Слышалъ это отъ учениковъ. Отчего же этому онъ повѣрилъ, а тому не повѣрилъ? Оттого, что то было событіе совершенно необыкновенное и чудесное. Но ты замѣть правдолюбiе апостоловъ: они не скрываютъ недостатковъ ни своихъ, ни чужихъ, но описываютъ ихъ со всею истиною. Итакъ, снова является Іисусъ и не ожидаетъ, пока (Θома) станетъ просить Его или скажетъ что-нибудь подобное, но еще прежде, чѣмъ тотъ сказалъ что-нибудь, исполняетъ его желаніе, показывая тѣмъ, что Онъ былъ съ учениками и въ то время какъ (Θома) говорилъ съ ними. Онъ употребилъ тѣ же самыя слова, сильно укоряя его и вразумляя на будущее время. Сказавъ: *принеси перстъ твой сюда, и снѣдь руку Мою, и вложи руку твою въ ребра Моя*,—прибавилъ: *и не буди нетеренъ, но теренъ* (ст. 27). Видишь ли, что сомнѣніе происходило отъ не-
 474 вѣрія? Но такъ было прежде, чѣмъ получили Духа Святого; а послѣ—не такъ: они уже были совершенны. И не этими только словами Христосъ укорилъ, но и дальнѣйшими. Когда Θома, удостовѣрившись, успокоился и воскликнулъ: *Господи мой и Богъ мой*,—Христосъ сказалъ: *кто видѣлъ Мѧ стравалъ еси: блаженъ не видѣвшій и страваше* (ст. 28, 29). Вѣра въ томъ, дѣйствительно,
 474 и состоятъ, чтобы принимать невидимое: *естъ стра умъ емоу не видѣнiе, ащеи обличеніе невидимыхъ* (Евр. xi, 1). А блаженными Онъ называетъ здѣсь не однихъ только учениковъ, но и тѣхъ,

которые увѣруютъ послѣ нихъ. Но вѣдь ученики, скажешь, увидѣли и увѣровали? Однакожь, они ничего подобнаго не требовали, но отъ погребальныхъ пеленъ тотчасъ приняли слово о воскресеніи и прежде, чѣмъ увидѣли самого Христа, уже показали полную вѣру. Итакъ, если кто въ настоящее время скажетъ: какъ бы я желалъ жить въ тѣ времена и видѣть Христа чудодѣйствующаго!—тотъ пусть подумаетъ, что *блаженни не видѣвши и отъровавши*. При этомъ случаѣ справедливо можно придти въ недоумѣніе, какимъ образомъ тѣло нетлѣнное имѣло на себѣ язвы гвоздинныя, и какъ возможно было касаться его смертною рукою? Но не смущайся: это было дѣломъ снисхожденія. Тѣло столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенныя двери (ст. 26), очевидно, чуждо было всякой дебелости; но (Христось) показываетъ его такимъ для того, чтобы увѣрить въ воскресеніи и научить, что именно Онъ былъ распятъ, и не другой воскресъ вмѣсто Его. Поэтому-то Онъ воскресъ, имѣя на Себѣ знаки креста; поэтому же Онъ вкушаетъ и пищу. И апостолы очень часто представляли это, какъ свидѣтельство воскресенія, говоря: *иже съ нимъ ѣдохомъ и пихомъ* (Дѣян. х, 41). Потому какъ до распятія мы видимъ Его ходящимъ по волнамъ и однако же не говоримъ, что тѣло Его было другого естества, а не нашего, такъ и послѣ воскресенія, видя на Немъ язвы, не станемъ называть Его тлѣннымъ,—потому что Онъ показывалъ ихъ для ученика. *Многа же и ина знаменія сотвори Исусъ* (ст. 30). Такъ какъ этотъ евангелистъ сказалъ меньше другихъ, то говорить, что и всѣ прочіе сказали не все, но столько, сколько нужно было для привлеченія слушающихъ къ вѣрѣ. А если бы, говорить, все было описано, то думаю, что и міръ не вмѣстилъ бы книгъ (ххi, 25).

2. Отсюда явно, что не изъ хвастовства говорили о чудесахъ, которыя они описали, но единственно—для пользы. Да и какъ возможно, чтобы они описали изъ хвастовства, когда большую часть ихъ опустили? Но почему же они не о всѣхъ рассказали? Преимущественно—по ихъ множеству; потомъ они думали и то, что кто не повѣритъ сказанному, тотъ не повѣритъ и большому, а кто приметъ это, тому ничего больше не нужно будетъ для утвержденія въ вѣрѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что здѣсь (евангелистъ) говорить только о знаменіяхъ, бывшихъ послѣ воскресенія, почему и замѣчаетъ: *предъ ученики своими* (ст. 30). Какъ до воскресенія нужны были многія (чудеса) для того, чтобы увѣровали, что Христось есть Сынъ Божій, такъ послѣ воскресенія—для того, чтобы убѣдились, что Онъ воскресъ. Поэтому и присовокупилъ: *предъ ученики своими*, такъ какъ послѣ

воскресенія обращался только съ ними, почему и говорилъ: *миръ этому не увидитъ Мене* (Іоан. хiv, 19). Потомъ, чтобы ты зналъ, что все это было сдѣлано только ради учениковъ, прибавляетъ: *и да трудяще живутъ вѣчный имате во имя Его* (ст. 31). Здѣсь Онъ обращаетъ рѣчь вообще къ людямъ и показываетъ, что сказалъ объ этомъ не ради Того, въ кого мы вѣруемъ, но преимущественно для нашей собственной пользы. *Во имя Его*, то есть, чрезъ Него. — потому что Онъ есть *животъ* (Іоан. хiv, 6). *Посемъ явится ученикомъ на мори Тиверіадстѣмъ* (Іоан. хxi, 1). Видишь, что Онъ не постоянно обращается съ ними и не такъ, какъ прежде? Явился вечеромъ, и скрылся; потомъ—еще однажды, спустя восемь дней, и опять скрылся; затѣмъ теперь—на морѣ, и опять при великомъ страхѣ. Но что значить: *явится*? Изъ этого видно, что, если бы Онъ не снизошелъ, то не былъ бы видимъ, такъ какъ тѣло Его было уже нетлѣнно и безсмертно. А для чего упомянулъ о мѣстѣ? Чтобы показать, что Христосъ избавилъ ихъ отъ чрезмѣрнаго страха, такъ что они выходили уже изъ дома и ходили повсюду. Они уже не сидѣли, запершись въ домѣ, но, избѣгая опасности отъ іудеевъ, отправились въ Галилею. И вотъ Симонъ идетъ ловить рыбу. Такъ какъ Христосъ не постоянно находился съ ними, а Духъ Святой еще не былъ имъ дарованъ, и они оставались тогда безъ всякаго порученія, то, не имѣя никакого дѣла, они обратились къ своему промыслу. *Бяху окупъ Симонъ и Тома и Нафанаилъ, призванный Филиппомъ, и сими Заведеевы и ити двѣ* (ст. 2). Такъ какъ, говорю, у нихъ не было никакого дѣла, то они пошли ловить рыбу и занимались этимъ ночью, потому что боялись. О ловлѣ же рыбы говоритъ и Лука (v, 1—10), но разумѣетъ не это событіе, а другое. Прочіе ученики пошли (за Петромъ), такъ какъ они уже не разлучались другъ отъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли посмотрѣть на ловлю и съ пользою употребить свободное время. Итакъ они трудятся, и когда утомились, имъ предстаетъ Иисусъ, но не тотчасъ обнаруживаетъ Себя, а сначала входитъ съ ними въ разговоръ. Онъ говоритъ имъ: *еда что смѣдно имате* (ст. 5)? — Вступаетъ въ разговоръ совершенно по-человѣчески, какъ бы намѣреваясь что-нибудь купить у нихъ. Когда же они отозвались, что у нихъ нѣтъ ничего, Онъ повелѣлъ имъ бросить направо: они бросили и получили уловъ. А когда они узнали Его, то ученики Петръ и Іоаннъ опять обнаруживаютъ особенности своихъ характеровъ. Тотъ былъ пламеннѣе, а этотъ возвышеннѣе; тотъ стремительнѣе, а этотъ проницательнѣе. Поэтому Іоаннъ первый узналъ Иисуса, а Петръ первый пошелъ къ Нему,—такъ какъ не малыя были при этомъ и знаменія. Какія же именно? Во-первыхъ, пой-

мано было множество рыбы; потомъ, мрежа не разорвалась; да-
лѣе, они нашли готовыми уголья и рыбу лежащую и хлѣбъ (ст. 9)
прежде, чѣмъ достигли (берега). Теперь Христось творилъ уже
не изъ готоваго вещества, какъ по нѣкоторому смотрѣнію тво-
рилъ прежде креста. Итакъ Петръ, какъ только узналъ Его, бро-
силъ все—и рыбу, и мрежи, и препоясался. Видишь и почти-
тельность, и любовь? Хотя ученики были въ разстояніи двухъ
сотъ локтей, но Петръ, несмотря и на это, не захотѣлъ ожидать,
пока придетъ на суднѣ, но поспѣшилъ вплавь. Что же Іисусъ?
Приидите, говоритъ, обѣдуйте. Ни единыя же смѣлие истязати Его
(ст. 12). Теперь они уже не имѣли своей обычной смѣлости, по-
держали, какъ прежде, и не обращались къ Нему съ рѣчью, но
въ молчаніи, съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ сидѣли
и смотрѣли на Него. Они знали, *яко Господь есть* (ст. 12), и по-
тому не спрашивали: *кто еси?* Видя измѣнившееся лице, испол-
ненное необычайнаго величія, они были очень изумлены и хо-
тѣли бы что-нибудь спросить объ этомъ; но страхъ и сознаніе,
что это былъ не другой кто, а именно Онъ, удерживали ихъ отъ
вопроса, и они лишь вкушали то, что Онъ создалъ Своею высо-
кою властію. Здѣсь Онъ уже не взираетъ на небо и не дѣлаетъ
ничего человѣческаго, какъ это было прежде, показывая, что и 476
тогда это дѣлалось по снисхожденію. А что Онъ не постоянно
и не такъ, какъ прежде, обращался съ учениками, объ этомъ
говорить (евангелистъ): *се уже трістѣ явися имъ, воставъ отъ мерт-
выхъ* (ст. 14). Христось повелѣваетъ принести и часть рыбы,
чтобы показать, что видимое ими—не призракъ. Впрочемъ, здѣсь
не говорится, чтобы Онъ самъ ѣлъ съ ними, но Лука въ дру-
гомъ мѣстѣ говоритъ объ Немъ: *съ ними же и ядый* (Дѣян. 1, 4).
Какъ это было, мы не можемъ сказать. Безъ сомнѣнія, это проис-
ходило какъ-нибудь чудесно, не потому, чтобы естество еще
пуждалось въ пищу, но — по снисхожденію, для доказательства
воскресенія.

8. Слушая объ этомъ, вы, можетъ быть, воспламенились и
назвали блаженными тѣхъ, которые обращались съ Нимъ, равно
какъ и тѣхъ, которые будутъ въ общеніи съ Нимъ въ день об-
щаго воскресенія. Употребимъ же всѣ мѣры къ тому, чтобы
узнать Его чудное лице. Если теперь, когда только слышимъ
объ этомъ, мы такъ воспламеняемся и желали бы жить въ тѣ
дни, когда и Онъ жилъ на землѣ, слышать Его голосъ, видѣть
лице, приходить къ Нему, касаться Его и служить Ему, то по-
думай, что значить — видѣть Его, когда Онъ уже не въ смерт-
номъ тѣлѣ и дѣйствуетъ не по-человѣчески, но дориносится ан-
гелами, когда и мы сами будемъ въ безсмертномъ тѣлѣ и, со-

зерцаля Его, будемъ наслаждаться и прочимъ блаженствомъ, превосходящимъ всякое слово. Поэтому-то, умоляю васъ, будемъ всѣчески стараться о томъ, чтобы не лишиться такой славы. И въ этомъ нѣтъ ничего труднаго, если только мы захотимъ,—ничего тягостнаго, если будемъ внимательны: *еще бо терпимъ, и воцаримся* (2 Тим. п, 12). Что же значитъ: *терпимъ*? Если будемъ переносить скорби, гоненія, если будемъ идти тѣснымъ путемъ. Тѣсный путь самъ по себѣ труденъ, но отъ нашей рѣшимости и надежды на будущее дѣлается легкимъ. *Еже бо нѣтъ легкое печаль по преумноженію въ преслѣніе плѣту отъ чина славы содѣлываетъ намъ, не смотрящимъ намъ видимымъ, но не видимымъ* (2 Кор. iv, 17, 18). Итакъ возведемъ очи наши на небо и будемъ постоянно представлять и созерцать тамошнее. Если мы всегда будемъ имѣть это въ мысляхъ, то и здѣшнія удовольствія не будутъ для насъ привлекательны, и горести не будутъ тягостны. И надъ этимъ, и надъ подобнымъ мы будемъ смѣяться, и уже ничто не въ состояніи будетъ ни поработить, ни надмѣть насъ, если только мы желаніемъ своимъ устремимся туда и будемъ взирать на ту любовь. И что я говорю: не будемъ скорбѣть при настоящихъ бѣдствіяхъ? Мы не будемъ даже замѣчать ихъ: таково уже свойство любви ¹⁾. Кого мы любимъ и кто находится не вмѣстѣ съ нами, но вдали отъ насъ, того-то именно мы и представляемъ себѣ каждый день. Велика, поистинѣ, сила любви ²⁾: она устраняетъ душу отъ всего и привязываетъ къ любимому предмету. Если мы такъ возлюбимъ Христа, то все здѣшнее будетъ казаться намъ тѣнью, все—только призракомъ и сномъ. Тогда и мы скажемъ: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы? Скорбь ли или тѣснота* (Рим. viii, 35)? Не сказалъ: имущество, богатство, красота, такъ какъ все это крайне ничтожно и презрѣнно, но указалъ на то, что почитается тяжкимъ,—на голодъ, гоненія, смерть. Онъ и это презрѣлъ, какъ ничего незначущее, а мы изъ-за денегъ разлучаемся съ нашею жизнію и устраняемся отъ свѣта. Павелъ предпочитаетъ любовь къ Нему и смерти, и жизни, и настоящему, и будущему, и всякой вообще твари; а мы, лишь только увидимъ немного золота, тотчасъ воспламеняемся и попираемъ 477 законы Христовы. Если непріятно слышать объ этомъ, то тѣмъ менѣе надобно терпѣть это на дѣлѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что мы, когда слышимъ это,—ужасаемся, а когда дѣлаемъ,—не ужасаемся, напротивъ, мы и легкомысленно клянемся, и преступаемъ клятвы, и хищничаемъ, и требуемъ лихвенныхъ

¹⁾ ὁ ἔρως.

²⁾ ἀγάπη.

процентовъ, и нерадимъ о цѣломудріи, и оставляемъ прилежную молитву, и престопаемъ большую часть заповѣдей, и ради денегъ не обращаемъ никакого вниманія на своихъ собратій. Да, кто пристрастенъ къ богатству, тотъ причиняетъ тысячу золъ ближнему, а вмѣстѣ съ нимъ и себѣ самому. Онъ легко раздражается, поноситъ, называетъ уродомъ, клянется, престопаеъ клятву и не соблюдаетъ даже и того, что предписываетъ ветхозавѣтныи законъ. Кто любитъ богатство, тотъ не будетъ любить даже ближняго, а между тѣмъ, намъ заповѣдано ради царствія любить самихъ враговъ. И если мы, исполняя древнія заповѣди, не можемъ достигнуть царства небеснаго, *аще не избудетъ правда наша паче тѣхъ* (Мат. ѳ. v, 20, то, престопающа ихъ, какъ получимъ оправданіе? Пристрастный къ богатству не только не станетъ любить враговъ, но и на самихъ друзей будетъ смотрѣть, какъ на враговъ.

4. Да что я говорю о друзьяхъ? Пристрастные къ богатству часто не признають самой природы. Такой человекъ ни родства не знаетъ, ни знакомства не помнитъ, ни возраста не почитаетъ, никого не имѣетъ другомъ, но ко всѣмъ проявляетъ враждебное расположеніе, больше же всѣхъ — къ самому себѣ, — не потому только, что губить душу свою, но и потому, что обременяетъ себя безчисленными заботами, трудами, печалами. Онъ рѣшается на путешествія, подвергается непріятностямъ, опасностямъ, кознямъ и всему подобному, лишь бы только имѣть у себя корень золъ и насчитать много золота. Что можетъ быть ужаснѣе такой болѣзни! Человекъ, одержимый ею, отказывается и отъ роскоши и отъ всякаго удовольствія, изъ-за которыхъ такъ много грѣшатъ люди, и лишаетъ себя славы и чести. Любящій богатство всѣхъ подозрѣваетъ и имѣетъ множество обвинителей, завистниковъ, клеветниковъ и злоумышленниковъ. Тѣ, которые обижены имъ, ненавидятъ его, потому что потерпѣли отъ него зло; тѣ, которые еще ничего не потерпѣли, вооружаются противъ него, изъ опасенія потерпѣть и изъ соболѣзнованія къ потерпѣвшимъ; а наконецъ, и люди великіе и могущественные, частію по негодованію на него изъ состраданія къ низшимъ; а частію и по зависти, также становятся его врагами и ненавидятъ его. Но что я говорю о людяхъ? Противъ кого самъ Богъ вооруженъ, — какая остается тому надежда, какое утѣшеніе, какая отрада? Пристрастный къ богатству никогда не будетъ въ состояніи пользоваться имъ; онъ будетъ рабомъ и стражемъ его, но не господиномъ. Стараясь всегда увеличить, онъ никогда не захочетъ тратить его, но будетъ изнурять себя, будетъ бѣднѣе всѣхъ нищихъ, потому что никогда не удовлетворитъ своей стра-

сти. А вѣдь деньги существуютъ не для того, чтобы беречь ихъ, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станемъ зарывать ихъ отъ другихъ, то можетъ ли быть что жалче насъ, когда мы всюду бѣгаемъ и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя въ дому и изъять изъ общаго употребленія? Есть, впрочемъ, и другой недугъ, не меньше этого. Одни зарываютъ деньги въ землю, а другіе расточаютъ для чрева, на роскошь и пьянство, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ наказаніемъ за неправду навлекаютъ на себя наказаніе за сластолюбіе. Одни употребляютъ ихъ на тунеядцевъ и лъстецовъ, другіе на игру и блудницъ, а третьи на другія подобныя надобности, и такимъ образомъ пролагаютъ себѣ безчисленные пути, ведущіе въ геенну, и оставляютъ прямой и законный путь, ведущій къ небу, между тѣмъ какъ этотъ путь не только доставляетъ выгоду, но и пріятнѣе тѣхъ путей. Кто даетъ блудницамъ, тотъ дѣлается смѣшнымъ и ззорнымъ; онъ будетъ имѣть много ссоръ, а удовольствіе краткое, лучше же сказать—даже и краткаго не получить. Сколько бы ни давалъ онъ отверженнымъ женщинамъ, онѣ ничуть не будутъ благодарны ему: *сосудъ бо сокрушенъ чуждѣй домъ* (Прит. ххш, 27). Притомъ же этотъ родъ безстыденъ, и Соломонъ любовь такой женщины уподобилъ аду. Она тогда только успокоивается, когда увидитъ своего любовника ничего уже не имѣющимъ. Лучше же сказать,—она и тогда не успокоивается, но еще больше величается, попираетъ лежащаго, предаетъ его великому осмѣянію и столько дѣлаетъ ему зла, что и описать нельзя. Не таково удовольствіе спасаемыхъ. Здѣсь никто не имѣетъ соперника въ любви, но всѣ радуются и веселятся—какъ тѣ, которые благоденствуютъ, такъ и тѣ, которые смотрятъ на нихъ. Ни гнѣвъ, ни печаль, ни стыдъ, ни поношеніе не смущаютъ души такого человѣка; напротивъ, тамъ великое спокойствіе совѣсти и великая надежда на будущее, свѣтлая слава и великая честь, полное благоволеніе Божіе и безопасность. Нѣтъ тамъ ни едиаго утеса и никакой опасности, напротивъ—недопуступное для воли пристанище и тишина. Представляя себѣ все это и сравнивая одно удовольствіе съ другимъ, выберемъ для себя лучшее, чтобы сподобиться и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LXXXVIII.

Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Иисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола Ему: ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя (Іоан. ххi, 15).

1. Многое и другое можетъ доставить намъ дерзновение 477 предъ Богомъ и сдѣлать насъ славными и достопочтенными; но преимущественно предъ всѣмъ, мы пріобрѣтаемъ благоволеніе свыше попеченіемъ о ближнихъ. Вотъ этого и Христосъ требуетъ отъ Петра. Когда трапеза учениковъ приходила къ концу, глагола Симону Петру Иисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче 478 сихъ? Глагола ему: ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя (ст. 15, 16). Почему же, помимо другихъ учениковъ, бесѣдуетъ объ этомъ съ Петромъ? Потому, что онъ былъ избранный изъ апостоловъ, уста учениковъ, верховный въ ихъ ликѣ. почему и Павелъ приходилъ нѣкогда видѣть его преимущественно предъ другими. Въмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ поручаетъ ему попеченіе о братіи и для того, чтобы показать, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновение, такъ какъ отреченіе его предано забвенію. Не воспоминаетъ объ его отреченіи и не порицаетъ его за то, что было; но говоритъ: если ты любишь Меня, то заботься о братіи; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда 479 обнаруживалъ и которою утѣшался; душу свою, которую ты обѣщаль положить за Меня, предай за овецъ Моихъ. Будучи спрошенъ въ первый и во второй разъ. Петръ призвалъ въ свѣдѣтели самага Вѣдущаго сокровенныя тайны сердца. Когда же потомъ спрошенъ былъ и въ третій разъ, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде, потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли его. Поэтому снова прибѣгаетъ ко Христу и говоритъ: Ты вѣси вся, то есть, и настоящее, и будущее. Видишь, какъ онъ исправился и сталъ благоразумнѣе? Уже не упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и не противорѣчитъ. Поэтому-то онъ и смутился. Можетъ быть, я думаю только, будто люблю, а на самомъ дѣлѣ не люблю, какъ и прежде я много думалъ о себѣ и говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли меня. А троекратно Христосъ спрашиваетъ его и троекратно заповѣдуетъ ему одно и тоже, чтобы показать, какъ высоко Онъ цѣнитъ попеченіе о Своихъ овцахъ, и что это въ особенности служить знакомъ любви къ Нему. Сказавъ ему о любви къ Себѣ, Христосъ предрекаетъ ему и мученичество, которому онъ подвергнется, и тѣмъ пока-

зываетъ, что то, что Онъ говорилъ ему, говорилъ не по недовѣрію къ нему, а напротивъ, по совершенной увѣренности въ немъ, желая показать образецъ любви къ Себѣ и научить насъ, какимъ образомъ преимущественно мы должны любить Его. Вотъ почему говорить: *егда былъ еси юнъ, появился еси самъ, и ходилъ еси, аможе хотѣлъ еси. Егда же состарѣешися, воздѣжеши ружь твои, и инѣ ты пояшутъ и ведутъ, аможе не хоцещи* (ст. 18). Несомнѣнно, что Петръ самъ этого хотѣлъ и желалъ, потому Христосъ и возвѣстилъ ему это. Онъ неоднократно говорилъ: *душу мою за Тя положу* (Іоан. хш, 37), и: *еще ми есть и умерети съ Тобою, не отвернуся Тебе* (Матѣ. ххvi, 33); поэтому Христосъ и устроилъ по его желанію. Что же значить: *аможе не хоцещи*? Христосъ говоритъ здѣсь о свойствѣ природы, о необходимомъ законѣ плоти, о томъ, что душа неохотно разрѣшается отъ тѣла, такъ что, хотя бы намѣреніе было и твердое, но и при этомъ природа обнаруживаетъ себя. Никто безъ страданія не разстается съ тѣломъ, и это Богъ устроилъ, какъ я и прежде говорилъ, для пользы, чтобы немного было насильственныхъ смертей. Въдъ если и при этомъ діаволъ успѣваетъ побуждать къ самоубійству и весьма многихъ доводитъ до стремнинъ и пропастей, то, еслибы не такова была любовь души къ тѣлу, многіе тотчасъ устремлялись бы къ этому даже отъ самой ничтожной печали. Итакъ слова: *аможе не хоцещи* означаютъ естественную любовь. Почему Христосъ, сказавъ: *егда былъ еси юнъ*, говоритъ потомъ: *егда же состарѣешися*? Этимъ показываетъ, что Петръ тогда былъ уже не молодъ, какъ это и справедливо, но и не старъ, а въ совершенномъ возрастѣ. Для чего же онъ напомнилъ ему о прежней жизни? Чтобы показать, что таковы Его дѣла. Въ житейскихъ дѣлахъ человекъ молодой бываетъ полезенъ, а состарѣвшійся бесполезенъ; а въ Моихъ дѣлахъ, говорить, не такъ: напротивъ, съ наступленіемъ старости доблесть блистательнѣе и мужество славнѣе, не встрѣчая никакихъ препятствій отъ возраста. И это онъ говорилъ не съ тѣмъ, чтобы устрашить, но для того, чтобы воодушевить, потому что Онъ зналъ его желаніе, зналъ, что онъ издавна пламенно стремился къ этому благу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ указываетъ здѣсь и на образъ его смерти. Такъ какъ Петръ всегда хотѣлъ быть въ опасностяхъ за Него, то Онъ говоритъ: будь оплохоенъ; Я исполню твое желаніе, такъ что, чего ты не потерпѣлъ въ юности, то потерпишь въ старости. Далѣе, евангелистъ, возбуждая слушателя, прибавилъ: *сіе же рече, назнаменуя, кою смертию прославитъ Бога* (ст. 19). Не сказалъ: умереть, но: *прославитъ Бога*, чтобы ты зналъ, что страданія за Христа составляютъ славу и честь для страждущаго. *И сіа речъ, глагола ему: иди по Мнѣ.*

Здѣсь Христось опять указываетъ на Свое попеченіе о немъ и на Свое великое расположеніе къ нему. Если же кто спроситъ: почему же престоль іерусалимскій получилъ Іаковъ?—то я отвѣчу, что Петра Христось поставилъ учителемъ не для этого престола, но для вселенной. *Обращая же Петръ, видѣ ученика, егоже любяще Іисусъ, во слѣдъ идуща, иже и возлежавъ на вечера на перси его, и глагола: Господи, сей же что* (ст. 20, 21)?

2. Для чего напомнилъ намъ о бывшемъ тогда возлежаніи? Не просто и не безъ причины, но—чтобы показать, какое Петръ имѣлъ дерзновеніе послѣ своего отреченія. Прежде онъ не смѣлъ спросить, но поручилъ это другому, а теперь ему ввѣрено даже попеченіе о братіи. Теперь онъ не только не поручаетъ другому того, что до него касается, но уже и самъ за другого спрашиваетъ Учителя: Іоаннъ молчитъ, а онъ говоритъ. Здѣсь же евангелистъ показываетъ и любовь къ нему (Петра). Дѣйствительно, Петръ очень любилъ Іоанна; это видно и изъ послѣдующихъ событій, да и вообще во всемъ евангеліи и въ Дѣяніяхъ обнаруживается ихъ взаимная любовь. И вотъ, поелику Христось предсказалъ Петру величіе, вручилъ ему вселенную, предвозвѣстивъ мученичество и засвидѣтельствовавъ, что его любовь больше любви другихъ, то Петръ желая имѣть его своимъ общникомъ, говоритъ: *сей же что?* Не пойдетъ ли и онъ однимъ съ нами путемъ? Какъ прежде, не дерзая самъ спросить, поручилъ это Іоанну, такъ теперь, платя ему тѣмъ же и думая, что онъ хотѣлъ бы спросить о себѣ, но не смѣетъ, самъ беретъ на себя предложить о немъ вопросъ. Что же Христось? *Аще хочу, да той пребываетъ, дондеже прииду, что къ тебѣ* (ст. 22)? Такъ какъ Петръ говорилъ по крайней заботливости и не желая разлучиться съ Іоанномъ, то Христось, показывая, что сколько бы онъ ни любилъ его, но любовь его не сравняется съ любовью самого Христа, — говоритъ: *аще хочу, да той пребываетъ, что къ тебѣ?* Этимъ Онъ научаетъ насъ не сокрушаться и не любопытствовать больше, чѣмъ сколько Ему угодно. Петръ всегда былъ пылокъ и скоръ на такіе вопросы, а потому Христось этими словами снова обуздываетъ его горячность и научаетъ не быть сверхъ мѣры любопытнымъ. *Изиде же слово се къ братіи*, то есть, къ ученикамъ, *яко той не умретъ. И не рече Іисусъ, яко не умретъ, но: аще хочу тому пребывать, дондеже прииду, что къ тебѣ* (ст. 23)? Не думай, говорить, что Я одинаково устрою вашу судьбу. А это онъ сдѣлалъ потому, что теперь неблаговременна была ихъ взаимная любовь. Такъ какъ они должны были принять на себя попеченіе о вселенной, то имъ уже не слѣдовало быть вмѣстѣ другъ съ другомъ: это было бы весьма вредно для вселенной. Поэтому-то

Христось и говоритъ Петру: тебѣ поручено дѣло; заботься о немъ, совершай его, терпи и подвизайся. Что, если Я хочу, чтобы Іоаннъ здѣсь пребывалъ? Ты смотри за своимъ дѣломъ и о немъ заботься.

Замѣть и здѣсь скромность евангелиста. Сказавъ о мнѣніи учениковъ, онъ исправляетъ его, такъ какъ они не уразумѣли того, что Христось сказалъ. *Не рече, говоритъ, Іисусъ, яко не умреть, но: аще хошу тому пребывати* (ст. 23). *Сей есть ученикъ свидѣтельствующий о сихъ, иже и написа сія, и вѣмы, яко истинно есть свидѣтельство его* (ст. 24). Почему онъ одинъ такъ говоритъ, тогда какъ никто другой этого не дѣлаетъ, и уже въ другой разъ самъ свидѣлствуетъ о себѣ, между тѣмъ какъ это непріятно слушателямъ? Какая тому причина? Говорятъ, что онъ послѣ всѣхъ приступилъ къ написанію (евангелія), будучи на то подвигнутъ и возбужденъ Богомъ. Поэтому онъ постоянно указываетъ на любовь Его къ себѣ, намекая тѣмъ на причину, по которой рѣшился писать. Поэтому же часто упоминаетъ и о томъ (что его свидѣтельство истинно), придавая чрезъ то достовѣрность своему слову и показывая, что онъ приступилъ къ этому по побужденію свыше: *и ѿмъ, говоритъ, яко истинно есть то, о чемъ онъ повѣствуетъ*. Если же многихъ это не увѣритъ, то имъ можно увѣриться изъ слѣдующаго. Изъ чего же? Изъ того, что сказано далѣе. *Суть же, говоритъ, ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мноу мірови вмѣстити пишемъ книгъ* (ст. 25). Отсюда видно, что я писалъ безъ пристрастія. Если при такомъ множествѣ я не сказалъ даже и столько сколько другіе, но, опустивъ большую часть ихъ, выставилъ на видъ козни іудеевъ и рассказалъ, какъ они бросали въ Него камнями, какъ ненавидѣли Его, оскорбляли и поносили, какъ именовали Его даже бѣсноватымъ и обманщикомъ, то явно, что я писалъ безъ лести. Кто льститъ, тотъ обыкновенно поступаетъ какъ разъ напротивъ, все позорное скрываетъ, а дѣла блистательныя излагаетъ. И вотъ почему онъ съ совершенною увѣренностію написавъ то, что написалъ, не отказывается выставить свое собственное свидѣтельство, вызывая разсмотрѣть и изслѣдовать каждое событіе въ отдѣльности. Вѣдь и у насъ есть обыкновеніе, когда мы считаемъ что-нибудь несомнѣнно вѣрнымъ, не отказываться отъ собственнаго о томъ свидѣтельства. Если же это дѣлаемъ мы, то тѣмъ болѣе онъ, писавшій по внушенію Духа. Такъ говорили, проповѣдая, и другіе апостолы: *мы есмь свидѣтели тому, что проповѣдуемъ, и Духъ, его же даде повинующимся ему* (Дѣян. п, 82). Притомъ Іоаннъ присутствовалъ при всѣхъ (событіяхъ), не оставлялъ Христа и во время распятія, и ему поручена была Матерь:

все это знакъ, что (Христось) любилъ его и что онъ зналъ все въ точности. Если же онъ сказалъ, что знаменій было совершенно такъ много,—ты этому не удивляйся, но подумай о неизреченной силѣ Творящаго и прими съ вѣрою сказанное. Какъ для насъ легко говорить, такъ, или еще гораздо легче, для Него дѣлать то, что Ему угодно. Ему довольно было восхотѣть и—все исполнилось.

8. Будемъ же тщательно внимать сказанному и не перестанемъ читать и изъяснять. Отъ частаго чтенія мы получимъ много пользы; чрезъ это мы въ состояніи будемъ очистить жизнь свою и истребить въ себѣ терніе. Таковы именно грѣхи и житейскія заботы,—безплодны они и болѣзненны. Какъ терніе, съ какой бы стороны не коснулись его, уязвляетъ касающагося, такъ и житейскія дѣла, съ какой стороны ни приступишь къ нимъ, всегда наводятъ печаль на того, кто связываетъ себя ими и заботится о нихъ. Но духовныя дѣла не таковы; напротивъ, они похожи на драгоценный камень, который, какъ ни повернешь его,—отсюду увеселяетъ зрѣніе. Напримѣръ, сотворилъ ли кто милостыню? Онъ не только питается надеждою на будущее, но наслаждается и здѣшними благами: онъ ничего не опасается и все дѣлаетъ съ великимъ дерзновеніемъ. Преодолѣлъ ли кто злое вожделѣніе? Еще прежде наступленія царствія, онъ уже здѣсь получаетъ плодъ, слыша похвалу и одобреніе отъ всѣхъ, а прежде всего отъ собственной совѣсти. Да таково и каждое доброе дѣло, между тѣмъ какъ дѣла злыя, еще прежде геенны, уже здѣсь мучатъ совѣсть. Если ты грѣшишь, то, подумаешь ли о будущемъ,—поражаешься страхомъ и трепетомъ, хотя никто не наказываетъ тебя; подумаешь ли о настоящемъ,—имѣешь много враговъ и живешь въ подозрѣніи, и не можешь даже прямо и посмотрѣть на обидѣвшихъ тебя, лучше же сказать, и на тѣхъ, которые не обидѣли. Отъ грѣха не столько получаемъ мы удовольствія, сколько скорби: тутъ и совѣсть вопіетъ, и посторонніе люди осуждаютъ, и Богъ прогнѣвается, и геенна угрожаетъ поглотить насъ, и мысли не могутъ успокоиться.

Тяжелъ, поистинѣ тяжелъ и невыносимъ грѣхъ, —тяжелѣ всякаго свинца. Кто сознаетъ его за собою, тотъ отнюдь не можетъ смотрѣть прямо, хотя бы былъ и очень нечувствителенъ. Такъ Ахаавъ, хотя былъ крайне нечестивъ, но, почувствовавъ грѣхъ, ходилъ съ поникшею главою, сокрушался и скорбѣлъ. Потому-то онъ и вретище возложилъ на себя, и проливалъ источки слезъ. Если и мы будемъ это дѣлать, если будемъ плакать, какъ Ахаавъ, и сложимъ съ себя грѣхи, какъ Закхей, то

и мы получимъ прощенье. Какъ при опухоляхъ и язвахъ, сколько бы кто ни прилагалъ къ нимъ лѣкарствъ, не остановимъ па-передъ притекающей и растрavляющей рану материн, все бываетъ напрасно, потому что не останавливъ источникъ зла,—такъ бы-ваетъ и съ нами: если мы не удержимъ рукъ отъ любостыжанія и не прервемъ этого нечистаго потока, то, хотя бы стали давать и милостыню, все будетъ напрасно. Что уврачуесть милостыня, то затопить, испортить и сдѣлаеъ еще худшимъ любостыжаніе. Перестанемъ же сначала хищничать, и тогда уже станемъ по-давать милостыню. Если же мы сами будемъ стремиться въ про-пасть, то гдѣ у насъ будетъ возможность остановиться? Когда человѣка падающаго одинъ станетъ тянуть вверхъ (что дѣлаеъ милостыня), а другой будетъ увлекать внизъ, то отъ такой борь-бы не произойдетъ ничего болѣе, кромѣ того, что этотъ чело-вѣкъ будетъ разорванъ. Итакъ, чтобы намъ не потерпѣть этого и чтобы милостыня не оставила и не покинула насъ въ то вре-мя, какъ любостыжаніе влечетъ насъ долу,—облегчимъ себя и вос-паримъ горѣ. Тогда, освободившись отъ дѣлъ злыхъ и сдѣлав-шись совершенными чрезъ упражненіе въ дѣлахъ добрыхъ, мы сподобимся вѣчныхъ благъ, по благодати и человеколюбію Гос-пода нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ
И
ОТНОСЕННЫЯ ВЪ ИЗДАНІИ МІНІА КЪ РАЗРЯДУ
SPURIA.

СВЯТАГО ОУДА НАШЕГО ІОАННА ЗДАТОУСТАГО, АРХІЕПІСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

На уськновеніе главы Предтечи и Крестителя Іоанна и обѣ Иродіадѣ.

1. Опять Иродіада бѣснуется, опять неистовствуютъ, опять пляшеть, опять требуетъ у Ирода главы Іоанна Крестителя! Опять Іезавель хочетъ захватить виноградникъ Навуея и изгнать святого Ілію въ горы. Не одинъ я, думаю, волнуясь при воспоминаніи обѣ этихъ событіяхъ, но и всѣ вы, слышавшіе гласъ евангелія, вмѣстѣ со мною удивляетесь и мужеству Іоанна, и слабости Ирода, и звѣрской ярости нечестивыхъ женщинъ. Что же возвѣстило намъ евангеліе? Оно возвѣстило о томъ, какъ Иродъ, схвативъ Іоанна, заключилъ его подъ стражу. По какому поводу? *Иродіады ради, жены Филиппа брата своего* (Мѣ. хiv, 3). Кто не обвинитъ Ирода, уступившаго безумнымъ женщинамъ, въ слабости? Но, съ другой стороны, какъ изобразить, какъ описать необузданную злобу этихъ женщинъ? Кажется, нѣтъ на свѣтѣ звѣря безпощаднѣе злой жены! По крайней мѣрѣ, о такой именно женщинѣ приходится говорить мнѣ сейчасъ, а не о доброй и цѣломудренной, хотя, конечно, я знаю немало и честныхъ и добрыхъ женщинъ и считаю долгомъ своей совѣсти поговорить въ свое время о ихъ преданности добру и богоугодной жизни. Нѣтъ на свѣтѣ звѣря, съ кото-

рымъ можно бы сравнить злую жену. Между четвероногими кто страшнѣ льва? Никто, конечно. Изъ гадовъ кто ужаснѣ дракона? Опять никто. Однако, и левъ и драконъ не такъ злы, какъ жена. Ссылаюсь на слова мудрѣйшаго Соломона: *лучше жити со львомъ и зміємъ, неже жити съ женою лукавою и злоязычною* (не Солом., а Сирах. ххv, 18). Можетъ быть, ты видишь въ этихъ словахъ простую иронию? Но вѣдь они вполнѣ подтверждаются дѣлами. Львы устыдились Данила, брошеннаго въ ровъ, а Іезавель убила праведнаго Навуея. Кить сохранилъ Іону въ своемъ чревѣ, а Далила, остригши и связавши Сампсона, предала его иноплеменикамъ. Драконы, скорпионы и зміи боялись Іоанна въ пустынѣ, а Иродіада обезглавила его во время пира. Илію вороны питали въ горахъ, а Іезавель послѣ ниспослання по его молитвѣ благодѣтельнаго дождя жаждала его смерти. Вотъ что она говорила: *аще ты еси Ілія, азъ же Іезавель: сія да сотворитъ ми бози, и сія да приложатъ ми, яко въ сей же часъ утро положу душу твою, яко душу единого отъ умерщвленныхъ* (8 Цар. хіх, 2). Илія убоился и пошелъ, спасая свою душу, и удался въ пустыню на сорокъ дней пути. И пришелъ къ Раему 1) и просилъ смерти душѣ своей, говоря: *Господи Боже, дозвѣтъ ми нынѣ, возьми отъ мене душу мою, яко тѣмъ азъ лучший отецъ моихъ* (ст. 4). Увы! Пророкъ Илія убоился женщины? Онъ, словомъ своимъ заключившій дождь для вселенной, низведшій огонь съ неба, молитвою воскресившій мертвыхъ, убоился женщины? Да, убоился. Ничья вѣдь злоба не сравнится съ злобою злой женщины. Мои слова подтверждаются свидѣтельствомъ Премудрости: *нѣсть славы зміимъ, и нѣсть ярости паче ярости женскія* 2) (Сирах. ххv, 17). О, злое и острѣйшее орудіе діавола! Черезъ женщину нѣкогда ранилъ онъ Адама въ раю; черезъ женщину вовлекъ онъ кротчайшаго Давида въ коварное убійство Уріи; черезъ женщину увлекъ къ паденію мудрѣйшаго Соломона; черезъ женщину ослѣпилъ, лишивъ волосъ, храбрѣйшаго Сампсона; черезъ женщину погубилъ сыновей первосвященника Ілія; черезъ женщину заключилъ въ узахъ въ темницу благороднѣйшаго Іосифа; черезъ женщину обезглавилъ свѣтильника вселенной Іоанна. Да что я говорю о людяхъ? При помощи женщины онъ даже ангеловъ ниспровергъ съ неба. Черезъ женщину онъ губить всѣхъ, всѣхъ убиваетъ, всѣхъ безчеститъ, всѣхъ унижаетъ. Безстыдная женщина не щадитъ никого: ни левита не почитаетъ, ни священника не уважаетъ, ни пророка не стыдится. О, нѣтъ всѣхъ золь злѣйшее—злая жена! Если она бѣдна, злоба ея доставитъ ей богатство. А если богатство уже въ ея распоряженіи, оно удваиваетъ ея злобу; нестерпимое животное, неизлѣчимая болѣзнь, неукротимый звѣрь—вотъ что она тогда. Я знаю, что аспидовъ можно приручить лаской, а львы,

1) Слав. текстъ: *и пріиде и сяде подъ смерчїемъ и проси...*

2) Въ слав.: *ерекїя*.

тигры и леопарды укрощаются и дѣлаются ручными. А злая жена поукротима; притѣсняемая она менствовуетъ, ласкаемая надмевается. Если ея мужъ—начальникъ, она день и ночь нашептываетъ ему про убійства и козни, какъ Иродіада Ироду; если мужъ ея бѣдонъ, она возбуждаетъ его къ зависти и ссорамъ; наконецъ, если она сдѣлается вдовою, тогда ужъ сама принимается всѣхъ безчестить. Страхъ Господень не обуздываетъ ея языка; она не боится ни Бога, ни будущего суда,—законовъ любви не признаетъ. Даже предать на смерть собственного мужа для злой жены ничего не значить. Въ самомъ дѣлѣ, праведнаго Іова его жена побуждала ускорить свою кончину богохульствомъ. *Римъ малолюбіи къ Господу*, говорила она, *и умри* (Іов. II, 9). О, злое существо! О, нечестивое желаніе! Не тронулась жалостью при видѣ страданій чловека, у котораго все тѣло кишѣло червями и, словно горячими углями, было осыпано гнойными струпами; не смягчилась при видѣ мукъ и предсмертнаго томленія, съ конвульсіями и прерывающимся дыханіемъ; не прониклась состраданіемъ, видя обнаженнымъ и лежащимъ въ навозѣ того, кто нѣкогда выступалъ въ царской багряницѣ; не вспомнила ни своихъ прежнихъ отношеній къ нему, ни того, сколько добра и славы получила она чрезъ него. А вмѣсто всего этого—*римъ малолюбіи къ Господу, и умри*. Вотъ благодарность жены! Вотъ пластырь, смягчающій боли! Вотъ законъ супружеской любви! Говорилъ ли онъ когда-нибудь, когда тебѣ случалось болѣть, такія слова? Не старался ли, напротивъ, молитвами и благодѣяніями смягчить твою болѣзнь? А ты, не довольствуясь постигшимъ его временнымъ наказаніемъ, хочешь навлечь на него и вѣчное, побуждая его къ богохульству? Не знаешь развѣ, что *всякъ грѣхъ и худъ отпустится чловекомъ, а же на Духа Святаго худъ не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* (Мат. XII, 31—32)? Хочешь видѣть и другую зупругу такой же злобы? Вспомни Далилу. Сильнѣйшаго Сампсона она остригла, связала и предала иноплеменикамъ. Своего собственного мужа, раздѣлявшаго съ нею ложе, она обольщала, обманывала, усыпляла своими ласками и своимъ лицемѣріемъ. Вчера любила, а сегодня обманула; вчера ублажала любовью, а сегодня погубила обманомъ. А развѣ онъ не былъ красивъ? Да кто въ то время былъ красивѣе его, носившаго на головѣ семь завитковъ, образъ седмичной благодати? Или развѣ онъ не былъ силенъ? Но кто же былъ сильнѣе его, когда онъ и страшнаго льва задушилъ на пути своими руками, и тысячу иноплемениковъ избилъ одною ослиною челюстью? Или онъ не былъ святъ? Настолько былъ святъ, что когда однажды, томясь жаждою и не находя воды для ея утоленія, помолился Богу, то по его молитвѣ изъ мертвой ослиной челюсти, бывшей въ рукахъ у него, истекла вода, и утолена была его жажда. И столь прекраснаго, столь сильнаго и столь святаго мужа его собственная жена, связавъ какъ врага, пре-

488

дала иноплеменикамъ. Но какъ же женщина могла одолѣть столь сильнаго мужа? Она воспользовалась его добротою, ночью вывѣдала отъ него его силы и затѣмъ нагого связала его крѣпкими ремнями. Не даромъ Премудрость возвѣщаетъ тебѣ: *отъ сожигательницы твоею хранися, еже сказати ей что* (Мих. vii, 5). Какой, скажи мнѣ, звѣрь и когда замышляетъ что-либо подобное на своего самца? Какая змѣя ищетъ погубить своего супруга? Какая львица готовитъ смерть своему самцу? Видишь, какъ истинны слова Премудрости: *нѣсть главы паче главы змѣи и нѣсть ярости паче ярости* женскія (Сирах. xiv, 17)? Однимъ словомъ, кто имѣетъ злую жену, пусть такъ и знаетъ, что это ему награда за беззаконія. Это опять подтверждается Премудростью: жена злая мужу беззаконному дана будетъ за его злыя дѣла. Закончимъ же этимъ свою рѣчь о злой женѣ.

2. Мы должны вспомнить и о добрыхъ женахъ, особенно ради присутствующихъ здѣсь. Вѣдь добрыя женщины смотрятъ на добродѣтели добрыхъ, какъ на свои, и труды ихъ почитаютъ достойными увѣщанія наравнѣ съ собственными. Какъ на образецъ доброй и страннолюбивой женщины укажемъ на блаженную Сунамитянку. Она, съ согласія мужа своего, устроила въ своемъ домѣ пріютъ для Елисея, гдѣ онъ могъ безпрепятственно отдыхать послѣ своихъ странствованій (4 Цар. xv); здѣсь для него была приготовлена постель, поставлены свѣтильникъ и столъ: постель не безъ покрывала, но съ приличнымъ для пророка одѣяніемъ; свѣтильникъ не безъ свѣта, но съ елеемъ, поддерживавшимъ свѣтъ; столъ не безъ хлѣба, но съ обильнымъ угощеніемъ. А что сказать о той блаженной вдовицѣ, которая пріютила у себя пророка Ілію? Ничто не помѣшало ей оказать гостепримство пророку, такъ какъ при своей бѣдности она была богата добрымъ расположеніемъ. А она была столь бѣдна, что у ней не было ни хлѣба, ни вина, ни похлебки, ничего рѣшительно изъ произведеній земныхъ: ни плодоносное поле не приносило ей сѣмянъ хлѣбныхъ, ни виноградникъ не производилъ для нея своихъ сладкихъ гроздій, ни плодовое дерево не доставляло ей осенью своихъ сочныхъ плодовъ; да и чего же можно было ожидать, когда у нея не было ни пяди воздѣланной земли, ни локтя почвы, годной для произрастанія винограда? Всѣ средства для пропитанія заключались у нея въ томъ, что во время жатвы она ходила по слѣдамъ жнецовъ и подбирала оброшенные ими колосья; такъ заготавливала она себѣ пропитаніе на цѣлый годъ! Къ ней-то пришелъ Ілія, и притомъ во время ужаснаго голода, когда вся земля высохла отъ бездождія, когда небо пылало огнемъ, воздухъ былъ раскаленъ какъ мѣдъ и облака взнузданы; когда не было ни травы, ни цвѣтовъ, ни утренней росы, деревья не давали побѣговъ, колосья не колебали своихъ верхушекъ; когда рѣки обмелѣли, и источники едва питались изъ иждры земли, а море огустѣло отъ соли, такъ какъ не было при-

тока прѣсной воды и не падало дожди. Тогда-то именно пришелъ Илія къ этой бѣдной вдовѣ. А какъ даже и въ обыкновенное время ея жизнь была полна лишеній, можете судить. Тѣмъ не менѣе пророкъ, сойдя съ горы, направился къ ней, минуя богатыхъ, имѣвшихъ хлѣба въ изобиліи. Но почему онъ, словомъ низводившій огонь съ неба, не низвелъ себѣ хлѣба? Вѣдь могъ же онъ сдѣлать это? Конечно, могъ; однако, не сдѣлалъ этого. Почему? Чтобы не лишить вдову награды за страннопріимство, а также, чтобы оставшуюся у нея горсть муки и немного масла умножить своимъ благословіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, пророкъ пришелъ сюда не столько для собственнаго пропитанія, сколько для пропитанія вдовы и для обнаруженія того, каково расположеніе ея духа и сердца. Это совершилось по устроенію Божію. Всѣхъ находящихся въ мірѣ святыхъ Богъ можетъ пропитать самъ, но иногда Онъ удерживаетъ Свои дары, чтобы посредствомъ страннопріимства испы- 480 тать благорасположенныя сердца и дать имъ возможность привести плоды. И только когда ужъ совсѣмъ некому принять и оказать страннопріимство, тогда Онъ или посылаетъ пищу чрезъ птицъ, какъ Иліи на горѣ, или чрезъ невѣдомаго пророка, какъ Даніилу во рвѣ, или чрезъ морского звѣря, какъ, напримѣръ, Іонѣ, или, наконецъ, самъ непосредственно посылаетъ пищу съ неба, какъ отцамъ нашимъ въ пустынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда не было никого, кто могъ бы принять странноствовавшихъ по пустынѣ сыновъ Израилевыхъ, Богъ съ неба одождилъ имъ манну и изъ скалы низвелъ для нихъ воду. Точно также, когда Онъ видитъ, что Его вѣрные терпятъ притѣсненія, Онъ не спѣшитъ со Своєю помощью, чтобы дать людямъ возможность благодареніями притѣсняемымъ устроить свое спасеніе. Итакъ, пришелъ Илія къ вдовѣ, у которой ничего не было, кромѣ горсти муки. Съ трудомъ достало бы этой горсти ей съ дѣтьми на обѣдъ. Что же говоритъ ей пророкъ? *Принеси мнѣ мало воды въ сосудъ, и испію* (3 Цар. хvii, 10). А когда она пошла за водой, онъ вслѣдъ ей закричалъ: *прими убо мнѣ и укружь хлѣба въ руки своей, да ямъ* (ст. 11). Въ отвѣтъ на это она съ полною откровенностью призналась, что у нея есть и чего нѣтъ. Что же именно? *Жизнь Господь, аще есть у мене хлѣбъ, но токмо горсть муки и мало елеа въ чашницъ* (3 Цар. хvii, 12). Удивительно то, что при такой бѣдности она не скрыла, что именно у нея оставалось. А сколько нынѣ людей, у которыхъ золото и серебро чуть не валяются, гдѣ пошло, на приглашенія оказать помощь ближнимъ отвѣчаютъ отказомъ, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ ничего; если же при неотступныхъ просьбахъ и согласятся дать, то предварительно составляютъ записи крѣпче желѣза и берутъ съ должника обязательства съ отвѣтственностью поручителей и свидѣтелей? А вотъ дова съ съ перваго же слова не отказалась, что есть у нея горсть муки. Что же затѣмъ пророкъ? Поскорѣе, говоритъ онъ ей, сдѣлай изъ этой муки

хлѣбъ, но сначала для меня, а для себя съ дѣтьми сдѣлаешь уже потомъ. Испытаніемъ было для нея это слово, испытаніемъ для ея сердца, пробнымъ камнемъ для ея воли. Какъ будто самое сердце этой блаженной женщины было положено на вѣсы и взвѣшивалось. Куда склонится чашка вѣсовъ? Любовь ли къ собственнымъ дѣтямъ возьметъ въ ней верхъ, или долгъ гостепріимства по отношенію къ пророку? И она предпочла стѣснить себя и своихъ дѣтей, но принять пророка. Какъ будто знала она, что *пріемляй пророка во имя пророче, меду пророку приметь. И иже аще напоитъ чашею студени воды во имя ученика, не погубитъ мзды своея* (Мѣ. х, 41, 42). Но что означаетъ то обстоятельство, что пророкъ просилъ ее поспѣшить, сдѣлать для него хлѣбъ поскорѣе? Неужели онъ былъ настолько голоденъ, что нуждался въ поспѣшности? Нѣтъ, конечно. А эта поспѣшность должна была свидѣлствовать объ ея усердіи, о доброхотности и теплотѣ ея гостепріимства, объ отсутствіи огорченія или принужденія. *Доброхотна бо дателья любитъ Богъ* (2 Кор. ix, 7). Поскорѣ сдѣлай — сначала мнѣ, а потомъ себѣ и дѣтямъ своимъ. Поспѣши, какъ Авраамъ при посѣщеніи ангеловъ поспѣшилъ къ стадамъ своимъ, чтобы выбрать ягненка для ихъ угощенія, и какъ Сарра поспѣшила къ своимъ запасамъ, чтобы получить (за то) хлѣбъ, скрывавшійся въ небесахъ. Поспѣши и прикеси, какъ Авраамъ, жертву Богу, не себѣ прежде, а потомъ — мнѣ, какъ Каинъ и Офнъ и Финеесъ, сыновья первосвященника Илія, которые святотатственно забирали себѣ начатки изъ приносимыхъ Богу даровъ. Съ усердіемъ исполнила вдова приказаніе пророка. А онъ, созерцая духовными очами ея внутреннее богатство, принялъ изъ рукъ ея хлѣбъ и своимъ восклицаніемъ исполнилъ домъ ея благъ. Не оскудѣетъ, воскликнулъ онъ, горсть муки въ водоносъ и елей въ сосудѣ, пока не пошлетъ Господь дождя на землю (3 Цар. xiv, 14)! Почему же назначаетъ пророкъ такой срокъ? Необходимо было сдѣлать это: въ этомъ заключалось указаніе, что новая благодать, подобно ниспадшему дождю, должна положить конецъ ветхому закону. За словомъ пророка послѣдовало дѣло. Видишь, какъ добрыя получаютъ плоды страннопріимства? Такъ славны плоды добрыхъ трудовъ, такъ неискоренимъ корень благоразумія! Теперь вы слышали, жены, и о злыхъ дѣлахъ дурныхъ женъ, и о добродѣтеляхъ добрыхъ. Возлюбите же этихъ и не подражайте тѣмъ: однимъ соревнуйте, а другихъ отвращайтесь, — чтобы послѣдовавши столамъ тѣхъ — я разумію добрыхъ — и вамъ сподобиться сопричисленія къ тому же самому лику святыхъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Предтечѣ.

Цвѣтущіе луга, испещренные золотистыми цвѣтами, украшенные 489
 прекрасными деревьями и оглашаемые пѣніемъ птицъ, одновременно
 улаживаютъ и чаруютъ и зрѣніе и слухъ людей. Вотъ солнце бросаетъ
 сюда свои золотые лучи, и они разсыпаются въ цвѣтахъ безчислен-
 нымъ множествомъ блескокъ. Голоса неумолчно щебечущихъ птицъ
 сливаются здѣсь въ пріятной мелодіи подобно свирѣли; съ хоромъ пер-
 натыхъ соперничаютъ зефиры, обвѣвающіе долины и ласкающіе слухъ
 подобно цитрамъ; а за ними и постоянные обитатели полей и луговъ—
 пастухи, у которыхъ въ ушахъ звучатъ лирическія мелодіи пѣвчихъ
 птицъ, принимаютъ воспроизводить ихъ на своихъ многозвучныхъ
 свирѣляхъ, заботливо отыскивая для своихъ стадъ лучшія мѣста и
 лучшія травы. Но тамъ—въ лугахъ—источникъ катитъ свои быстрые
 волны, а здѣсь—у насъ—сілетъ сладостное ученіе божественной муд-
 рости; тамъ щебетаніе пѣвчихъ птичекъ, а здѣсь мелодіи священныхъ
 псалмовъ; тамъ любительница уединенія—горлица, гнѣздясь на де-
 ревяхъ, кѣжнимъ воркованьемъ возвѣщаетъ прекрасную весну, а здѣсь
 Іоаннъ, питающійся акридами и дикимъ медомъ, своею пустынною, а
 лучше сказать духовною проповѣдью, возбуждаетъ церкви и подобно
 трубѣ возглашаетъ явленіе міру небесной весны. *Во дни же оны,* го-
 воритъ евангелистъ, *прииде Іоаннъ Креститель, проповѣдая въ пустыни* 490
и малолѣ: покаятесь, приблизитсѣя царствіе небесное (Мѣ. III, 1—2).
Во дни оны—во дни явленія Іисуса Бога, во дни пришествія Царя
 небеснаго, во дни возблистанія превѣчнаго Свѣта. *Во дни оны прииде*
Іоаннъ Креститель, проповѣдая въ пустыни. Не въ обитаемой странѣ,—
 потому что родъ человѣческій еще представлялъ собою пустыню, еще
 не сдѣлался жилищемъ Отца, Сына и Святаго Духа. Что же онъ про-
 повѣдывалъ? *Покайтесь, приблизитсѣя царство небесное!* О, покаяніе,
 въ самыхъ слезахъ пожидающее жизнь и вмѣстѣ съ брачнымъ уборомъ
 получающее брачный свѣтильникъ! О, покаяніе, обличитель діавола,
 покровитель обращенныхъ! *Самъ же Іоаннъ имѣше ризу свою отъ власъ*
велблуждъ и полъхъ усмехъ о чреслахъ своихъ (ст. 4). Облачитесь, воз-
 любленные, въ одѣяніе Іоанново! Можетъ быть, въ немъ заключается
 загадка нашего спасенія. Оно—это одѣяніе—служитъ образомъ людей,
 обращающихся изъ язычества. *Имѣше ризу свою отъ власъ велблуждъ.*
 Верблюду Писаніе часто уподобляетъ діавола, по причинѣ его гор-
 дости, коварства и ярости. Такъ, у прор. Ісаіи наблюдающій съ сто-
 роженой башни говоритъ: *узрѣхъ всадника на осли и всадника на*
велблуждѣ (Ис. XIX, 7). Всадникъ на ослѣ изображаетъ Христа, такъ
 какъ Онъ вошелъ въ Іерусалимъ, возсѣдая на ослѣ, всадникъ на вер- 491

блжѣ изображаетъ антихриста, грядущаго въ міръ въ послѣдніе дни по дѣйствію діавола. *Имѣше же ризу свою отъ власъ велблуждѣ Іоаннѣ*. Проповѣдью благочестія обративъ къ себѣ язычниковъ, подобно волосамъ покрывавшихъ діавола, и обнаживъ его такимъ образомъ, онъ сплотивъ ихъ въ Церковь и, единствомъ вѣры истгавъ тѣло Церкви, себѣ устроилъ покровъ спасенія. *Имѣше же поясъ усменъ о чреслахъ своихъ* (ст. 4). Писаніе упоминаетъ о чреслахъ и поясѣ, чтобы показать, что естественная страсть (противная) цѣломудрію была умерщвлена охватывающимъ совнѣ (ея вмѣстилище—чресла) поясомъ изъ мертвой кожи. Этотъ поясъ являлся неложнымъ свидѣтелемъ скрытаго внутри дѣвства. Ълъ, говорится, онъ акриды и дикій медъ. Это указываетъ на іудеевъ, отступившихъ отъ закона и заповѣдей, какъ говорить Писаніе: *воззвочи аки пругъ смѣсникъ твой, аки акрида восходящая на ограду въ день студеной: солнце възде, и отыстѣ, и не познаша уже мѣсто ея* (Наум. iii, 17). А медъ дикій означаетъ, что іудеи преступленіемъ заповѣдей превратили сладость закона для себя въ горечь. *Тогда приходитъ къ нему, говорить евангеліе, Іисусъ на Іорданѣ креститися отъ него. Іоаннѣ же возбраняше Ему глаголя: азъ требую тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ? Отвѣщае же Іисусъ, рече къ нему: остави мнѣ; ты долженъ быть свидѣтелемъ ниспосылаемаго сегодня на Меня гласа: тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѣ. iii, 13—15). Мнѣ должно научить, что *еще кто не рождается водою и духомъ, не можетъ внити во царствоіе небесное* (Іоан. iii, 5). Поэтому я долженъ сперва самъ исполнить то, чему потомъ буду учить другихъ, чтобы іудеи не имѣли предлога говорить: *научая другихъ, себе* 492 *ли не учиши* (Рим. ii, 21)? *Остави мнѣ*. Должно оправдаться слово мужественнаго страдальца Іова: *никтоже чистъ будетъ отъ скверны, аще и единъ день житіе его* (Іов. xiv, 4); должно Мнѣ очистить древній грѣхъ плоти; должно обновить душу Духомъ и тѣло—водою. *Остави мнѣ*. Для меня перваго должна раскрыться эта утроба (воды и Духа), чтобы Мнѣ сдѣлаться первороднымъ изъ всѣхъ братьевъ. Эта утроба послужила соблазномъ для іудеевъ, коихъ и обличаетъ пророкъ такими словами: *отчуждишася ирѣшники отъ ложеснъ* (Іс. lvi, 4). *Тогда остави Ею*. Когда же сошелъ Іисусъ во Іорданъ, великое чудо, возлюбленные, представилось очамъ зрителей: они увидѣли источникъ, омывающійся въ рѣкѣ, и рѣку, погружающуюся въ воду. Вѣдь Христосъ—источникъ, какъ говорить Онъ самъ: *Мене оставиша источника воды живы* (Іер. ii, 13), и какъ говорить Ему невѣста—Церковь: *источникъ запечатлѣнъ мѣлорасли твоя* (П. П. iv, 12—18). Онъ же самъ и рѣка, согласно словамъ пророка: *рѣка Божія наполнися водою* (Іс. xiv, 10). Сошелъ на воды—и онѣ освятились, Онъ освятилъ ихъ. Если кто изъ васъ, возлюбленные, еще не очищенъ крещеніемъ, пусть онъ придетъ и созерцаетъ, какъ Отецъ съ неба провозглашаетъ: *Сей*

есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ (ст. 17). *Того послушайте* (Лук. ix, 85). Иорданъ взываетъ, Духъ очищаетъ воздухъ, Отецъ именуетъ Сына, Сынъ очищаетъ небо, Духъ украшаетъ землю, облісаетъ воздухъ. Нынѣ исполняется древнее пророческое слово: *день дни отрыгаетъ глаголъ* (Пс. xvi, 2). День—Отецъ, день—Сынъ. Отецъ Сыну отрыгаетъ слово, какъ говоритъ Павелъ: *воспріимите мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій* (Ефес. vi, 17). Этимъ глаголомъ да соединить всѣхъ насъ во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О первоверховныхъ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, и ихъ славнѣйшемъ мученическомъ подвигѣ.

1. Небо и земля состязаются между собою въ настоящемъ торжествѣ, (посвященномъ) памяти апостоловъ. Съ одной стороны, небесныя силы почтительными голосами прославляютъ возвращенное апостольскими трудами ученіе, такъ какъ чрезъ апостоловъ же стало извѣстно имъ таинство домостроительства, какъ восклицаетъ Павелъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковью многообразная прѣмудрость Божія* (Ефес. iii, 10). Съ другой—и люди на землѣ усиливаются сложить достойную хвалу въ честь первоверховныхъ, трудами которыхъ устроилось ихъ спасеніе. Что выше Петра? Что равно Павлу? Они и словомъ и дѣломъ превзошли всякое созданіе небесное и земное. Облеченные браннымъ тѣломъ, они оказались выше ангеловъ. Что же скажемъ мы въ похвалу этимъ наставникамъ земныхъ и небесныхъ? Не найдемъ для похвалы словъ, достойныхъ тѣхъ, которые составляютъ похвалу рода нашего, которые обошли всю землю и море, истребили самые корни грѣха и въ сердцахъ невѣрныхъ людей насадили сѣмена благочестія. Петръ—вождь апостоловъ; Павелъ—учитель вселенной и соучастникъ небесныхъ силъ. Петръ — уда ослѣпленныхъ иудеевъ; Павелъ—наставникъ язычниковъ. И замѣть превосходящую все мудрость Владыки. Петра избралъ Онъ изъ рыбаковъ, Павла—изъ дѣлателей палатокъ. И это сдѣлано было на пользу: чрезъ это возвышалась слава иудеевъ. И вотъ что поручилъ Господь этому рыбаку: *иди на море, возьми удищу, и юже прежде имѣши рыбу, возьми и отверзи уста ей обрящещи статиръ* (Мѣ. xii, 27). Море здѣсь въ словахъ Спасителя означаетъ непостоянство беззаконныхъ иудеевъ, удища—искусное слово ученія, подъ рыбой же разумѣется законъ; отверсть уста его—значить истолковать его, а найти въ немъ статиръ—значить духовно осудить его. Павлу, какъ дѣлателью палатокъ, Господь

498

поручилъ язычниковъ, чтобы ихъ, лишенныхъ покровъ закона и благодати, онъ облекъ въ одежду, окрашенную водою и кровью Господнею: *иди, говорить ему самъ Господь, яко азъ во языки далече послю тя* (Дѣян. ххп, 21). О, блаженная двойца, вѣрно уловившая души всего міра! Петръ—начало правой вѣры, великій священнодѣлатель Церкви, наставникъ христіанъ, сокровище вышнихъ силъ, апостолъ, облеченный честью отъ самого Христа. Павелъ — великій проповѣдникъ истины, похвала вселенной, небесный человѣкъ и земной ангелъ, слава Церкви, орелъ воспарившій къ небесамъ, лира Духа, ласточка и кузнечикъ, органъ Владычній, неусыпный работникъ Христовъ. Павелъ и Петръ—упряжные воли Церкви, воздѣлавшіе во вселенной прекрасную ниву, подъявшіе вмѣсто ярма крестъ, вмѣсто погонщика—Спасителя, вмѣсто ремней ярма—завѣты писаній, вмѣсто рожна—благодать Святого Духа. Павелъ и Петръ—свѣтила церковныя, ежедневно просвѣщающія Церкви, сокровищницы Духа, просвѣтители вселенной, сосуды благодати, истолкователи Святой Троицы, изъяснители божественнаго слова. Петръ—моя духовная любовь, Павелъ—сосудъ избранный, мой жезлъ. Петръ—храмъ Божій, Павелъ—уста Христовы, лира Духа, человѣкъ, при трехъ локтяхъ росту, достигавшій третьяго неба, тѣломъ привязанный къ мѣсту и весь міръ привязавшій къ Господу, всѣ страны отъ Іерусалима и его окрестностей до Иллирика наполнившій благовѣстіемъ Христовымъ (Римл. хv, 19); быстротечный гонецъ, орелъ, взлетѣвшій къ небу, сосудъ божественной благодати, посланный самимъ Господомъ пронести имя Его по всей вселенной, проникшій до третьяго неба и вошедшій въ рай, достигшій неописуемаго престола Христова и услышавшій неизреченные *глаголы, иже не мѣтъ естъ человеку глаголати* (2 Кор. хп, 4). А о Петрѣ что скажемъ? Сладостное зрѣлище Церкви, свѣтильникъ вселенной, чистая голубица, вождь апостоловъ, пламенный апостолъ, горящій духомъ, ангелъ и человѣкъ, посредникъ благодати, неподвижная скала вѣры, маститая мудрость Церкви, своей чистотой отъ самого Господа заслужившій наименованіе блаженнаго и сына голубицы, отъ самого Христа пріявшій ключи царства небеснаго. Лики ангеловъ во многомъ превзойдены вами. Въ чемъ же именно? Самъ Господь восхваляетъ васъ: *вы есте сѣмь міра* (Мѡ. v, 14). Вы—могущественнѣе царей, величественнѣе богатыхъ, сильнѣе воиновъ, мудрѣе мудрецовъ и философовъ, краснорѣчивѣе ораторовъ; на васъ вполне оправдались слова: *ничтоже мнѣше, а еси содержиши* (2 Кор. vi, 10). Вы—терпѣніе мучениковъ, исповѣданіе патріарховъ, воздержаніе подвижниковъ, увѣнчаніе дѣвственныхъ, упротвореніе супружествъ, уда хищныхъ богачей, вразумленіе невоцерковленныхъ, опора царей, покровъ христіанъ, отпоръ варварамъ. Вы укрощаете еретиковъ, умерщвляете неразумныя страсти тѣла; вы низложили легіоны бѣсовъ, раззорили алтари язычниковъ, наслѣдовали обѣ-

тованія небесныя и земныя. Вамъ вручены были и самыя ключи царства небеснаго, а на землѣ вы получили власть вязать и рѣшить грѣхи. О, чудо простецовъ! О, премудрость невѣждъ! Тѣнью своею Петръ исцѣлялъ разслабленныхъ и разрѣшалъ узы смерти. Одежды Павла врачевали недуги и изгоняли бѣсовъ. Какъ же сильны вы могуществомъ праваго Духа нынѣ, когда предстоите рядомъ съ Матерью Господа нашего! О, Павелъ—желанная ласточка Церкви! О, Петръ—соловей, непрестанно улаждающій всю вселенную! Столпы Церкви, великіе свѣтильники вселенной, не уступающіе въ добродѣтели другъ другу и превосходящіе всю тварь въ совокупности! Радуйся же, Петръ—скала вѣры! Радуйся, Павелъ—похвала Церкви! Радуйся, Петръ—основаніе правой вѣры! Радуйся, Павелъ—попеченіе о Церкви! Радуйся, Петръ—украшеніе вселенной! Радуйся, Павелъ—дверь райская! Радуйся, Петръ—вождь въ царство небесное! Радуйся, Павелъ—тихое пристанище обураваемыхъ! Радуйся, Петръ, удостоенный многихъ похвалъ отъ Господа! Радуйся, Павелъ, одаренный изобильной благодатью! Радуйся, Петръ, горящій и пламенѣющій Духомъ Святымъ! Радуйся, Павелъ, ревностный подвижникъ евангельской проповѣди! Всю подсолнечную вы просвѣтили своею проповѣдью и безчисленные страданія потерпѣли за Церковь. Вы подвергались заключенію въ темницахъ, терпѣли оскорбленія отъ варваровъ и поношенія отъ іудеевъ, были презираемы царями. Не имѣя возможности свободно вздохнуть, вы не искали отдыха отъ трудовъ проповѣди; отъ тяжести узъ не въ состояніи будучи двинуть членомъ тѣла, вы всю вселенную, связанную грѣхомъ, разрѣшили своими писаніями. Полчища бѣсовъ вы обратили въ бѣгство и всю вселенную наполнили благодатью Святого Духа. Вы разсѣяли мракъ заблужденія, низложили дерзость бѣсовъ, обратили въ прахъ всякое лжеименное служеніе, исторгли плевелы изъ пшеницы и своими ежедневными наставленіями сдѣлали чистою церковную ниву.

2. Чѣмъ же возблагодарить намъ васъ, столь для насъ потрудившихся? Вспоминаю о тебѣ, Петръ—и поражаюсь. Въ изумленіи проливаю слезы при созерцаніи твоихъ подвиговъ, Павелъ. Что сказать, какъ изобразить ваши страданія—я не нахожу словъ. Сколько темницъ вы освятили! Сколько узъ просвѣтили! Сколько стражей послѣдовало вашему ученію! Сколько цѣпей вами расторгнуто! Сколько искушеній вы претерпѣли! Сколько мѣстъ освятили своими стопами! Сколько оскорбленій перенесли! Какъ носили въ себѣ Христа! Какъ уладили Церковь своею проповѣдью! Уста ваши благословенны; члены ваши обогреты кровью, пролитой за Церковь. Неуклонно во всемъ вы подражали Христу. *Во всю землю изиде ѣщаніе ваше и въ концы вселенныя глаголюмъ ваши* (Псал. хviii, 5). Непоколебимою Христосъ сохраняетъ Свою Церковь, увѣщенную Ему вами. Подобнаго вамъ не было ни раньше васъ, ни послѣ васъ. Кто осмѣлится возвѣщать что-нибудь по-

мимо вашего преданія и усвоить себѣ учительное достоинство помимо васъ? Всѣхъ наставниковъ вы умудрили, всѣхъ богослововъ вдохновили, всѣхъ непросвѣщенныхъ просвѣтили. Ваше терпѣніе превозмогло даже косность нашихъ сердецъ; оно такъ было велико, что вы сами желали быть отлученными, чтобы приобрѣсти (Христу) весь міръ. Итакъ, что воздадимъ мы вамъ за всѣ тѣ блага, которыя мы отъ васъ получили? Сегодня память вашихъ подвиговъ, сегодня празднованіе вашего мученичества за Христа, сегодня всѣ мы торжественно почитаемъ ваши мощи. Радуйся, Петръ, вкусившій древа крестнаго и распятый внизъ головою, въ самомъ распятіи какъ бы восходяшій отъ земли на небо! Благословенны гвозди, произившіе тѣ святые члены, которые вожделѣнны для меня превыше небесной славы! Съ дерзновеніемъ предалъ въ руки Владыки свою душу благій и вѣрный рабъ, поработавшій Господу и увѣщенной Ему Церкви со всѣмъ усердіемъ и постоянствомъ, горящій духомъ, вѣрный Владыкѣ всяческихъ апостолъ. Усѣченъ мечемъ былъ преблаженный Павелъ, котораго нельзя восхвалять по достоинству. Какой мечъ расторгъ эту гортань, органъ Владыки, предметъ удивленія для поднебесной и ужаса для подземныхъ? Какое мѣсто восприняло твою кровь, капли которой подобно молоку оросили одежду твоего палача и даже его варварскую душу уследили паче меда, обративъ его вмѣстѣ съ его товарищами къ вѣрѣ. Да будетъ же мечъ тотъ для меня вмѣсто вѣнца! Тридцать пять лѣтъ поработалъ апостолъ Господу со всѣмъ усердіемъ и, совершивъ теченіе свое во благочестіи, почилъ лѣтъ шестидесяти восьми. Ваши собственныя воззванія обра-
495 щаемъ къ вамъ мы, грѣшные. Вы наставляете насъ: *радуйтесь всегда о Господѣ* (Филип. IV, 4); *непрестанно о насъ молитесь* (1 Сол. V, 17); исполните же эти свои обѣщанія! Не ты ли самъ вопіешь, блаженный Петръ: *потщуся же и всегда имѣти васъ по моему исходу памятью о сѣхъ творити* (2 Петр. I, 15)? Итакъ, блаженный апостолъ Христовъ Петръ былъ изъ Внесанды Галилейской, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сотворилъ весьма многія чудеса, откуда и Филиппъ родомъ, а блаженный Павелъ—
496 изъ Тарса въ Киликіи, почилъ же они оба въ великомъ градѣ—древнемъ Римѣ, мѣсяца іюня въ двадцать девятый день, будучи умерщвлены при жесточайшемъ изъ царей—Неронѣ и отошедши къ Учителю своему и Владыкѣ всѣхъ послѣ многихъ подвиговъ. Итакъ, мы должны, возлюбленные, со всѣмъ усердіемъ молиться Царю всѣхъ Христу Богу нашему, чтобы Онъ по Своему человеколюбію сподобилъ насъ соблюсти вѣрно преданія и наставленія славнѣйшихъ апостоловъ, чтобы намъ получить милость предъ престоломъ Его. Черезъ Него же и съ Нимъ слава Богу и Отцу со всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СВЯТЫХЪ ДВѢНАДЦАТИ АПОСТОЛАХЪ.

Весьма знаменательно, что сегодня эта рыбацья сѣть, которою 495 мы уловляемъ словесныхъ рыбъ, посѣщеніемъ Святого Духа наполнилась добычею. Вѣдь именно мудрость Слова умудрила немудрыхъ и огненными языками отвергла уста медленноречивыхъ, вѣдь именно по ея велѣнію они оставили свое прежнее ремесло для болѣе возвышеннаго. *Грядица по Мнѣ, и сотворю вы ловцы человекомъ* (Мф. iv, 19)—вотъ что было имъ сказано. Сказалъ Господь: идите за Мною,—и все тотчасъ измѣнилось къ лучшему. Двѣнадцать борцовъ было набрано и изъ нихъ никто не остался неуѣнчаннымъ. Одна и та же благодать содѣйствовала всѣмъ имъ и дѣлала славную побѣду каждого изъ нихъ. Только несчастный Іуда сорвался съ этого якоря, цѣлованіемъ указавъ волкамъ Агнца и за тридцать сребренниковъ предавъ Господа, кровь Котораго искупила міръ. Вы же, — о, блаженная и славная дружина апостольская, — по благодати были *всѣмъ* *всѣ*; не тростью, но словомъ вы мудро уловили стада людей. Вы — непоколебимые столпы правой вѣры, скала Церкви, скипетры царства, неуспянные предстоятели въ особенности этой паствы, безмездные врачеватели недугующаго чело- вѣчества и сострадательные поручители нашего покаянія предъ Богомъ. Вы — какъ одушевленные наковальни: подвергаясь ударамъ, вы вразумляете самихъ поражающихъ васъ.

Здѣсь Петръ наставляетъ Римъ; тамъ Павелъ благовѣствуетъ міру. Андрей вразумляетъ мудрецовъ Эллады; Симонъ приводитъ варваровъ къ Богу. Тома убѣляетъ еѳіоповъ крещеніемъ. Іудея чтитъ сѣдалище Іакова, Александрія на Нилѣ припадаетъ къ престолу Марка. Лука и Матвей пишутъ евангелія, Іоаннъ тайнозритель, какъ бы живой, и послѣ кончины своей не оставляетъ своими попеченіями Ефеса. Вареоомей научаетъ ликаонійцевъ воздержанію, Филиппъ чудомъ спасаетъ Іераполь. Всѣ не перестаютъ оказывать всѣмъ и повсюду благотворенія. Самый прахъ ихъ и въ гробницахъ безсмертенъ. Теперь они слуги, а потомъ воссядутъ какъ судіи міра. Прикосновеніемъ одного хромымъ получилъ способность ходить; другому встрѣтился разслабленный — и получилъ приказаніе носить постель; иной возглашаетъ мертвыхъ — и они тотчасъ ему повинуются; того одна тѣнь прогоняетъ болѣзни; имени этого трепещутъ бѣсы, и головныя повязки его приносятъ исцѣленіе. И не удивительно: вѣдь они ученики Того, Котораго край одежды, когда къ нему украдкой прикоснулась кровоточивая женщина, тотчасъ изсушила красное море кровей ея. Возвратимся, впрочемъ, къ верховнымъ апостоламъ и припомнимъ этотъ пророческій голосъ: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи окупъ* (Пс. cxxxii, 1).

И такъ какъ Петръ прежде всѣхъ нанялся въ виноградникъ Господень, то ему первому пусть и будетъ посвящено наше слово. Петръ—первородная овца изъ стада добраго Пастыря. Отъ озера взошелъ онъ на небо; оставилъ моряковъ и удостоился бесѣдовать съ ангелами; покинулъ лодку и получилъ въ управленіе корабль Церкви, пріялъ ключи царства небеснаго и власть вязать и рѣшать. Скорый на зовъ, онъ непоколебимъ въ вѣрѣ. Именно онъ, пламенный во всемъ сподвижникъ Учителя, провозгласилъ это исповѣданіе: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѣ. хvi, 16). Готовый умереть вмѣстѣ съ Господомъ, онъ неотступно слѣдовалъ за божественнымъ Узникомъ до двора Каіаэмъ. Самое отреченіе его достойно извиненія, раскаяніе же достойно удивленія; даже болѣе: не столько заслуживаетъ порицанія его отреченіе, сколько ублаженія его покаяніе. И паденіе его намъ на пользу: скорымъ покаяніемъ и слезами онъ искупилъ свой грѣхъ, за то послѣ этого мимолетнаго колебанія сдѣлался на вѣки непоколебимымъ основаніемъ вѣрныхъ. Вѣдь если, возлюбленный слушатель, ты вступишь, насколько то время было благоприятно для робости, ты вовсе не найдешь, чтобы Петръ очень заслуживалъ обвиненія. Солнце померкло, небо содрогнулось, земля потряслась, камни разсѣлись—отъ нестерпимости оскорбленія, нанесеннаго Совдателью: вотъ при какихъ обстоятельствахъ поколебался Петръ, вотъ когда отрекся верховный апостолъ. И удивительно: тотчасъ же нашелъ онъ обвинителя себя въ безсловесномъ вѣстникѣ дѣя по слову Господа: *прежде даже алекторъ не возгласитъ, трижды ты отречешися Мене* (Мѣ. ххvi, 84). Но первый отречшись, онъ первый же побѣждалъ на гробѣ, первый увидѣлъ воскресшаго изъ мертвыхъ Жизнодавца, отъ Маріи узнавъ то, чего не дернулъ сообщить ему ангелъ, сидѣвшій на гробѣ. Вотъ рядомъ съ Петромъ—Павелъ, премудрый вселенскій ораторъ. Онъ былъ волкомъ—и сдѣлался агнцемъ, былъ терніемъ—и сдѣлался гроздіемъ; изъ врага сдѣлался другомъ, изъ плевела—хлѣбомъ; былъ евреемъ—и остался евреемъ, но у нихъ былъ Савломъ, дышавшимъ угрозами и убійствомъ, у насъ же сдѣлался Павломъ, званымъ апостоломъ Іисуса Христа; хулителъ сдѣлался богословомъ, гонитель—благовѣстникомъ, мучитель—кормчимъ, предатель—сподвижникомъ. Вмѣстѣ съ Петромъ онъ нашелъ себя гробницу въ Римѣ, но вмѣстѣ съ нимъ не презрѣлъ и Сихема; по образу Веніамина братъ Іосифа, и по образу Ѳеклы отецъ дѣтей и наставникъ. Слѣпой предъ Дамаскомъ—и въ каждомъ городѣ око проповѣди, званный съ неба—и восхищенный на небо, онъ созерцалъ рай прежде отшествія отсюда и уже во время борьбы получилъ вѣнецъ побѣды, притомъ заслуженный имъ, какъ онъ самъ говорить. Что именно говорить? *Егоже создастъ ти Господь въ день оны* (2 Тим. iv, 8). Таковъ Павелъ—изъ послѣднихъ первый, изъ „изверговъ“—„мужъ совершенный“, и гонитель пріятный, и гонимый сладостный,

римлянинъ и фарисей, по вѣрѣ бывшій всѣмъ для всѣхъ. Христосъ, предсказавшій Петру страданія, сказалъ и Павлу, что подобаетъ ему пострадать за имя Его (Дѣян. ix, 16). Господу угодно было, чтобы оба верховные апостола, одну вѣру проповѣдавшіе, одно теченіе совершившіе, чрезъ свои страданія — одинъ притвожденный ко кресту, другой обезглавленный — были истинными свидѣтелями Того, Кто пострадалъ, былъ погребенъ и воскресъ, какъ и предрекъ, и возвратился въ лоно Отчее, изъ коего никогда не отлучался. И вотъ что говорить имъ самъ Господь чрезъ пророка: *обидите новый этотъ Сіонъ и обымите его* (Ис. xlvii, 18), то есть: сохраните, укрѣпите, оградите своими молитвами, и тогда, если я въ гнѣвъ захочу потристи вселенную, то, видя вашъ нетлѣнный гробъ и язвы, которыя вы за Меня добровольно приняли, Я побѣжду гнѣвъ благоутробіемъ и зарпѣе приму ваше ходатайство за него. Вѣдь когда Я вижу священство и царство плачущими, Я тотчасъ преклоняюсь къ жалости и состраданію, тотчасъ вспоминаю эти Свои слова: *защити градъ сей Давидъ ради раба Моего и Аарона святого Моего* (4 Цар. xix, 34). Какъ бы соединившись въ вѣрѣ и прикрывши свое достоинство добровольнымъ смиреніемъ, самымъ одѣяніемъ своимъ свидѣтельствуя о смиреніи души, они привели предъ Меня многія тысячи учениковъ, ублажающихъ Меня и просящихъ отъ Меня умиловленія міру. А вѣдь Я самъ сказалъ: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете* (Мат. vii, 7). Ему слава и держава, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ апостолѣ Θομᾶ, и противъ аріанъ, и о томъ, что во Θракии захватилъ власть и былъ схваченъ, и что онъ былъ аріанинъ

Повинуясь закону Церкви, я собрался съ силами и взошелъ на это сѣдалище. Но меня подавляетъ величіе предмета: я недоумѣваю и совершенно затрудняюсь, какъ мнѣ взяться за дѣло и въ какомъ родѣ повести рѣчь. Проповѣдывать ли о Θομᾶ какъ о живомъ? Но гробница его возвѣщаетъ объ его смерти. Говорить ли о немъ какъ о мертвомъ? Но тогда противъ меня свидѣлствуютъ дѣла его. Онъ и мертвъ, и безсмертенъ; онъ умеръ какъ человѣкъ, и обтекаетъ міръ какъ ангелъ; и страданія потерпѣлъ, и со страстями борется; и лежитъ внизу, и радуется вверху. Ничто не могло его скрыть, никакое мѣсто его не утаило: онъ просвѣщаетъ вселенную. Онъ принялъ погребеніе, но повсюду сіяетъ, какъ солнце; останки праведнаго побѣдили землю и оказались пространіе созданія; благодать посѣяла его во всемъ мірѣ. Всѣ

племени причастны Ѡмѣ: онъ наполнилъ весь міръ и вездѣ остается
 499 цѣлымъ; на всю землю распространилась слава его и въ концахъ все-
 ленной воздвигнуты имъ побѣдныя знаки. Какъ мнѣ назвать его? Соли-
 цемъ? Но для него нѣтъ ночи. Звѣздой? Но онъ не меркнетъ и днемъ.
 Во всякое время онъ озаряетъ созданіе, всякій мракъ побѣждаетъ во
 вселенной. Съ нимъ нѣтъ уже ночи, тьма имъ не овладѣваетъ, рѣка
 не удерживаетъ, море поглотить его не можетъ, океанъ его знаетъ,
 варвары чтутъ Ѡму. Всѣ народы сегодня празднуютъ и его слова,
 какъ бы какой даръ, приносятъ Владыкѣ. *Господь мой и Богъ мой*
 (Іоан. хх, 28)! Родичъ мой и Творецъ мой, Избавитель мой и Царь
 мой! Вотъ чему научилъ насъ Ѡма, вотъ что оставилъ онъ намъ въ
 наслѣдство, какъ дѣтямъ! Человѣческій родъ дорожитъ его словами,
 какъ сокровищемъ, всѣ люди за нихъ держатся крѣпко. Извѣстны эти
 слова и ангеламъ: и для нихъ это исповѣданіе служить какъ бы якоремъ.
 Вся тварь украшается его ученіемъ, какъ вѣнцомъ. Только одинъ
 Аріій чуждается этого слова, одинъ онъ лишентъ этого наслѣдія, одинъ
 не раздѣляетъ съ Ѡмой вѣры во Христа какъ Господа, не признаетъ
 Его виѣстѣ съ нимъ Богомъ, называетъ рабомъ Владыку, тварью—
 сіяніе, незаконнымъ—законнаго, созданіемъ—Создателя; не называетъ
 Владыку Господомъ и Богомъ, не переноситъ истины, не соглашается
 съ Ѡмой, не послѣдуетъ праведнику. А между тѣмъ и онъ почтаетъ
 настоящий его день и празднуетъ его виѣстѣ со всею вселенной, при-
 числя самого себя къ друзьямъ Ѡмы. Но не обманываетъ порокъ
 добродѣтели, не соглашается съ путеводителемъ истины тотъ, кто заблуждается.
 Знаетъ пастухъ звѣря, знаетъ охотникъ волка, знаетъ кормчій волну,
 знаетъ пристань бурю, знаетъ полководецъ врага, знаетъ Ѡма Арія, знаетъ—и преслѣдуетъ его. Не принимаетъ апо-
 столъ чести отъ богохульника, не входитъ въ вертепъ убійць, не соглашается
 съ ними, отвращается отъ собранія беззаконныхъ, гнушается
 голоса, ему противоборствующаго, ненавидитъ уста, говорящія противъ
 Бога неправду (Іс. лххiv, 6), отвергаетъ языкъ, не именующій Христа
 Господомъ, и взываетъ къ нему отъ всей вселенной: Аріій, зачѣмъ мени
 прославляешь? Зачѣмъ утучняешь масломъ мою голову? Зачѣмъ празд-
 нуешь мой день, беззаконникъ? Я не принимаю твоей похвалы, не
 соглашаюсь съ твоей суетной вѣрой, не признаю твоего беззаконнаго
 ученія. Не почитай меня, нанося безчестіе Создателю; не принимаю
 я чести, порождающей безчестіе. Если ты Владыку оскорбляешь, за-
 чѣмъ почитаешь меня, раба? Если моею вѣрой не раздѣляешь, зачѣмъ
 празднуешь мою память? Если не соглашаешься со мною, зачѣмъ вхо-
 дишь въ общеніе съ моимъ гробомъ? Я наученъ (исповѣдывать) Христа
 Господомъ и Богомъ; я осязалъ рукой, и нашелъ истину, я удосто-
 вѣрился собственными перстами; не съ чужихъ словъ я проповѣдую, не
 по слуху а говорю о чудѣ, не повѣрилъ я тѣмъ, которые мнѣ сказали:

оудѣхомъ Господа (Іоан. хх, 25); я не соглашался съ апостолами, отстранилъ Петра, пытавшагося научить меня; я сказалъ ему: чловѣкъ, что смущаешь ты меня, къ чему мнѣ слово, когда нѣтъ дѣла, зачѣмъ требуешь, чтобы я вѣрилъ на слово? Если не увижу, не повѣрю. Ты увидѣлъ, пусть увижу и я; ты убѣжденъ, дай убѣдиться и мнѣ; ты научился, хочу научиться и я. Пусть увижу то, что мнѣ предстоитъ проповѣдывать—и я буду проповѣдывать. Никто не проповѣдуетъ по слуху, никто не предлагаетъ ученія, почерпнутаго изъ молвы, никто не захочетъ слушать меня, говорящаго съ твоихъ словъ. Если меня спросятъ: правда ли, что Христосъ воскресъ?—что мнѣ сказать? Если я скажу: Петръ говорить, что воскресъ,—кто мнѣ повѣритъ? Пусть я увижу, и тогда буду проповѣдывать; пусть научусь, и буду учить; пусть удостовѣрюсь, и тогда повѣрю. Тогда и я могъ бы сказать о себѣ: *Θома* апостолъ не отъ людей и не чрезъ людей. И воть, когда я говорилъ это, явился Господь, и тотчасъ разрѣшилъ споръ. Онъ сказалъ мнѣ: что съ тобою, *Θома*? Что ты споришь съ Петромъ? Что препираешься съ друзьями? Поди сюда, познай чудо опытомъ, научись воскресенію самымъ дѣломъ; подай руку твою и осмотри тѣло. Если вмѣстишь, держи; если имѣешь чистые персты, осяжи раны; если вѣришь, будешь имѣть успѣхъ, если же только противорѣчишь, не найдешь; если не вѣришь, не узнаешь; если сомнѣваешься, не воспримешь того, что страдало; если водишься страстью, не уразумѣешь безстрастнаго. Услышавъ это, я очистилъ свою душу отъ невѣрія, разрѣшилъ сомнѣніе мысли, воспринялъ убѣжденный умъ. Я осязалъ тѣло съ радостью и трепетомъ, вмѣстѣ съ перстами удовлетворилъ и внутреннее сердце и почувствовалъ двойную силу. Я прикасался и видѣлъ, осязалъ рукою тѣло, а душою видѣлъ Бога, и виѣшнее я нашелъ удивительнымъ, а внутреннее страшнымъ, видимое великимъ, а постигаемое умомъ—чудеснымъ. Тогда-то, пораженный всѣмъ тѣмъ, что воспринялъ, воскликнулъ я: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. хх, 28). Дѣйствительно, я ничего не находилъ въ немъ рабскаго, ни въ чемъ не видѣлъ уничиженія; и то, что одной природы съ нами, у Него блистало, и божественное сверкало; и носимое было возвышено, и носящее прославлено; и тогда какъ мыслимы были два предмета, лицо покланяемое было одно. Это я постигъ опытомъ, это добылъ перстомъ, это уразумѣлъ душою. Ты же, Аріѳ, откуда научился своей хулѣ, откуда позналъ то, что проповѣдуешь? Осязалъ ли ты Христа, какъ осязалъ я? Простирали ли къ Нему свою руку? Исклѣдовали ли Его раны? Можешь ли сослаться въ подтвержденіе на свои персты? Обнималъ ли ты Господа? Какою рукою? Не тою ли, которой ограбилъ апостоловъ? Не тою ли, которой принялъ добычу варвара? Не тою ли, которой получилъ мзду нечестія? Не тою ли, которой расплавлялъ сосуды? Ею ли ты осязалъ Христа? Да не будетъ! Не

такъ несправѣдливѣ Владыка, не такъ неблагоразумнѣ Христосъ, чтобы тебѣ вѣрить собственную плоть. Ты не обнималъ Того, Кого отвергъ; не осязалъ Того, Кого возненавидѣлъ; не изслѣдовалъ Того, Кого умалилъ. Если бы ты изслѣдовалъ, ты бы не унижилъ; если бы хорошо разсмотрѣлъ, не истолковалъ бы такъ дурно. Прочъ со своимъ нечестіемъ, низвергнись со своими союзниками! Вотъ я уже и ниспровергъ одинъ твой оплотъ, вотъ я освободилъ Фракію отъ твоей власти; еще немного, и я уничтожу тебя вездѣ, еще немного, и я изгоню тебя изъ всей вселенной. Теперь я поразилъ тебя во главу, а вотъ и западъ освобожу отъ твоего безумія. О, блаженный Тома! Исполни же свои слова на дѣлѣ, оправдай ихъ доброе начало, подкрѣпи такимъ же концомъ. Освободи и западъ, какъ ты освободилъ Фракію. Пусть и разбойникъ будетъ обезглавленъ подобно мятежнику. Увѣнчай царя побѣдой, даруй міру миръ, вознагради усердіе молящихся, прими мольбы всего города: вѣдь всѣ возрасты городского населенія имѣютъ предъ тобой своихъ представителей. Старики и юноши припадаютъ къ твоему гробу, дѣвицы и отроки обвиняютъ твое тѣло, младенцы подобно птенцамъ обращаютъ къ тебѣ раскрытые рты. Не пренебреги этимъ зрѣлищемъ, не оставь нашъ трудъ тщетнымъ, дай намъ награду, достойную нашихъ усилій! Ничего особеннаго мы отъ тебя и не требуемъ; просимъ того, что ты имѣешь; ищемъ того, что ты даешь; желаемъ того, что желательно и тебѣ самому. Желаемъ, чтобы врагъ былъ пораженъ, Аріій былъ низложенъ, царь увѣнчанъ, и міръ обращенъ ко Христу; чтобы Христосъ былъ прославленъ и отъ всей въ совокупности вселенной Ему возглашалось: *Господь мой и Богъ мой!* Ему слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ первомученикѣ Стефанѣ.

- 501 1. Увѣнчаемъ цвѣтами похвалъ Стефана и осыплемъ его розами хвалебныхъ пѣсень. Самъ онъ уже увѣнчалъ себя побѣдными наградами вѣры. Не смотря на то, что написано: *не убойтесь отъ убивающихъ* (Мѡ. х, 28), привязанность къ тѣлу преодолевается съ трудомъ. Но когда этотъ юноша рѣшилъ воспринять вѣнецъ мученичества, всякая трудность исчезла; робость и страхъ онъ совершенно уничтожилъ. Онъ не боялся ярости первосвященниковъ, не страшился дерзости священниковъ, не ужасался словами старѣйшинъ и не смущался угрозами книжниковъ; не лишали его бодрости рѣчи лжесвидѣтелей: съ какою-то благородною рѣшимостью сѣвшилъ онъ на борьбу за Христа. Кто же изъ смертныхъ воздастъ достойныя похвалы подвижнику? Кто изъ людей сплететь

вѣнокъ соотвѣтствующій его подвигу? Какой языкъ сможетъ изъяснить славу побѣдителя? Какія уста отверзутся на восхваленіе подвиговъ Стефана? Какія—смогутъ высказать доблесть первомученика? На землѣ подвизался онъ, а устремлялъ свой взоръ въ небесному; обращался въ жизни, а прилежалъ къ горнему; бесѣдовалъ со смертными, а сопричислялся къ безсмертнымъ; боролся съ людьми, а ликовалъ съ ангелами. Всякій возрастъ пусть теперь будетъ твердъ. Стефанъ побѣдилъ, а начальникъ злобы палъ. Теперь и въ сѣдой старости подвизающійся пусть имѣетъ надежду, такъ какъ и въ старости правильно поступающій получаетъ вѣнцы, и юноша, выдержавшій борьбу увѣнчивается и отрокъ состязавшійся, приносить съ собою дары, и малыя дѣти, подвергшіяся борьбѣ, приносятъ съ собою вѣнцы, и женщины, принимавшія участіе въ борьбѣ, увѣнчиваются славою, и дѣвицы состязавшіяся приносятъ съ собою побѣды. Теперь, когда Стефанъ отверзъ двери мученичества, всякій возрастъ пусть спѣшитъ на подвигъ мученичества. Первый противусталъ Стефанъ тирану, первый одержалъ надъ нимъ побѣду, первый положилъ начало этому добропобѣдному подвигу, первый за Христа претерпѣлъ страсти Христовы, показалъ смертнымъ, какъ поражается смерть, показалъ смертнымъ, какъ умерщвленіе вмѣняется въ посмѣяніе, указалъ вращающимся въ жизни путь восхожденія къ небу. *Стефанъ же исполнь вѣры и силы творяше знаменія и чудеса въ людехъ* (Дѣян. vi, 8). Благодать Духа увлекала Стефана все къ большому и большому преуспѣянію, потому что безпредѣльность его вѣры возбуждала въ немъ ревность. Поставленный діакономъ, онъ явилъ себя мученикомъ; назначенный для нуждъ вдовицъ, онъ употребилъ благодать на чудеса; былъ назначенъ служителемъ трапезы, и сдѣлался совершителемъ чудесъ. *Стефанъ же исполнь вѣры и силы.* Пусть, говоритъ, Стефанъ по имени своему будетъ вѣнкомъ побѣды, именно Стефанъ, опытомъ изслѣдовавшій борьбу, никому неизвѣстную, показавшій міру сраженіе безпримѣрное. Это не свойственно человеческой природѣ, и Стефанъ одинъ противусталъ безтѣлесному воинству. Вѣра возбудила его къ такимъ подвигамъ, надежда дала ему силы бороться до конца. *Стефанъ исполнь вѣры и силы.* Стефанъ показалъ начальника злобы плѣнникомъ, доблестною рѣшительностью 502 воздвигъ надъ нимъ трофей, приготовилъ слезы демонамъ, а людямъ радость, явился вождемъ сражающихся за Христа. Кто бы ни предпринялъ теперь борьбу за Христа, въ Стефанѣ онъ имѣетъ учителя, кто бы ни выступилъ на подвиги мученичества, Онъ будетъ подражать Стефану. Стефанъ—начальникъ подвизающихся за Христа, Стефанъ—основаніе умирающихъ за Него. *Стефанъ исполнь вѣры и силы.* Отовсюду укрѣпленъ этотъ воинъ Христовъ, отовсюду защищенъ броней благочестивый военачальникъ. Достаточно, говорятъ, этого для побѣды, довольно для того, чтобы воздвигнуть трофей! Вѣра и сила и началь-

ника злобы побѣдили, и іудеевъ изумили. *Исполнь силы и силы, творяше знаменія и чудеса великія въ людехъ.* Множество чудесъ явилъ избранныкъ, великія знаменія совершилъ воинъ Христовъ. *Творяше знаменія и чудеса въ людехъ;* хромымъ давалъ онъ способность ходить, разслабленнымъ дарилъ здравье, чтобы возбудить къ зависти первосвященниковъ: до такой степени страстно онъ желалъ вкусить смерть за Христа! Тогда-то вооружается противъ него пятиградіе нечестивѣйшихъ людей.

Восташа же, говорятъ, тѣми отъ сонма малолемаго Ливертинска и Киринейска и Александрска и иже отъ Киликіи и Асіи, сплзающеся со Стефаномъ (Дѣян. vi, 9). О, какое множество собрала злоба! О, сколько народу соединила зависть! Либертинцевъ, киринейцевъ, александрійцевъ, пришельцевъ изъ Киликіи и Асіи. Безчисленное, говорятъ, множество возстало противъ одного воина, необозримая толпа устремилаcь противъ одного героя, изъ пяти городовъ люди накупились на одного юношу. О, нещастная злоба іудеевъ! Самымъ видомъ хотѣли они испугать борца, чрезмѣрною многочисленностью подавить его духъ. Къ этой цѣли направляются всѣ усилія презрѣнныхъ людей, и прежде всего они сплетаютъ для Стефана слова искушенія. *Восташа, сказано, тѣми отъ сонма малолемаго Ливертинска и Киринейска и Александрска и иже отъ Киликіи и Асіи, сплзающеся со Стефаномъ.* Зачѣмъ, — говорятъ они, — юноша, неосмотрительно оскорбляешь Божество? Зачѣмъ ухищренными рѣчами убѣждаешь людей? Зачѣмъ волнуешь народъ обольщеніемъ чудесъ? Тайный же смыслъ подобныхъ вопросовъ былъ таковъ: по твоему, тотъ, кто рожденъ Маріей, Богъ? Сынъ плотника — Создатель міра? Не Внелеемъ ли Его родпна, а Назаретъ мѣсто воспитанія? Твой Богъ родился на землѣ, твой Богъ, какъ слабый младенецъ, былъ завернуть пеленой и лежалъ въ ясляхъ, бѣжалъ отъ разгнѣваннаго Ирода, принялъ крещеніе отъ Іоанна, страдалъ отъ голода и жажды, 503 чувствовалъ усталость и сонъ, былъ схваченъ и не могъ бѣжать, подвергался бичеванію и не могъ себя оправдать, былъ пригвожденъ ко кресту и не могъ сойти; самая кончина Его была позоромъ и проклятіемъ. Онъ былъ погребенъ во гробѣ, а вѣдь мечталъ быть въ небесахъ? Во всемъ подобенъ смертнымъ, хотя и проповѣдывалъ, что есть загробная жизнь. Итакъ, Богъ — по твоему — снисволилъ претерпѣть все это? Богъ не повелѣлъ умертвить и не умертвилъ самъ тѣхъ, кто наложилъ на Него руки? Не поразилъ ихъ внезапною смертію? Выбери же одно изъ двухъ: или оставь всѣ эти заблужденія, или умри одинаковою съ Нимъ смертію.

2. Это и подобное говорили вопрошатели Стефана. Затѣмъ Стефанъ отвѣчалъ имъ: не вы ли хранители пророческихъ писаній? Не вы ли почиваете на книгахъ ветхаго завета? Не говорили ли вы другъ другу: *мы тѣми, яко Моисеови глагола Богъ: сего же не тѣми, откуда есть: мы Моисеови есмы ученици* (Іоан. ix, 29, 28). Но развѣ не Моис-

сей говорилъ: *пророка отъ братій вашихъ, якоже мене, возставитъ вамъ Господь Богъ: того послушайте* (Втор. хviii, 15)? Развѣ Михей давнымъ давно не написалъ: *и ты Виллеме, земле Иудова, ничимже менши еси во владыкахъ Иудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь* (Мих. v, 2; Мф. ii, 6)? Развѣ Исаія не предвозвѣстилъ рожденіе Его отъ неискусобной: *се Дѣла во чревь приметь* (Мф. i, 23; Ис. vii, 14)? Развѣ не предсказалъ пророкъ Аввакумъ возлежаніе въ ясляхъ животныхъ: *посредь двою животну познанъ будши* (Авв. iii, 2)? Не говорилъ ли Исаія о бѣгствѣ въ Египетъ отъ Ирода: *се Господь на облацѣхъ ити придетъ въ Египетъ* (Ис. xix, 1)? Не предрекъ ли Давидъ бѣгство водъ Иордана: *видѣша Тя воды, Боже, видѣша Тя воды, и убояхуся* (Пс. lxxvi, 17)? Не предсказывалъ ли Исаія конца болѣзней и труда: *той недуги наши пріять и болѣзнь понесе* (Мф. viii, 17; Ис. liii, 4)? Не предсказалъ ли пророкъ Давидъ силу гвоздей: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои* (Пс. xxi, 17)? Не пригвожденіе ли къ древу предвозвѣстилъ Моисей: *и узрите животъ вашъ осыпъ на дрѣвѣ* (Втор. xviii, 66)? Не погребеніе ли во гробѣ предначерталъ Іаковъ: *возлеги, уснуль яко леопардъ* (Быт. xlix, 9)? Не о воскресеніи ли зывалъ нѣкогда Давидъ: *воскреси, Боже, суди земли* (Пс. lxxxi, 8)? Не онъ же ли предсказалъ и вознесеніе: *взиде Богъ въ воскликновеніи* (Пс. xlvii, 6)? Покажите же на другомъ комъ-нибудь исполненіе этихъ пророчествъ, или поклонитесь распятому, какъ Богу! Безумные! Невѣдая пророчества Моисеева, вы думали распять простого человѣка. О васъ вѣдь, или лучше—въ обличеніе ваше вопіетъ Павелъ, сосудъ избранный: *аще бо быша разумны, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. ii, 8). Въ томъ же обличаетъ васъ верховный изъ апостоловъ, говоря: *вы же святая и праведная отвергостесь и испросите мужа убійцу дати вамъ, начальника же жизни убисте* (Дѣян. iii, 14, 15). Этотъ вопль вашъ издавна предвидя, говорилъ Исаія: *горе малоумнымъ юрькое сладкое и сладкое юрькое* (Ис. v, 20)! Когда такимъ-то образомъ бесѣдовалъ съ ними Стефанъ, *не можашу противу стати премудрости и Духу, имже глаголаше* (Дѣян. vi, 10). И хорошо сказано: *противу стати*. Какъ выше сказано: *восташа нѣцыи отъ сонма* (9), такъ здѣсь не *можашу противу стати*. Значить къ молчанію принуждены были ихъ языки, заграждены были ихъ уста, припрятаны были стрѣлы словъ, ослаблены луки рѣчей, подъ языкомъ скрыто копье злобы. *Не можашу противу стати премудрости и Духу, имже глаголаше*. О, дивное дѣло! И какъ хорошо изображено все это у славнаго Луки, съ какою полнотою осуществлены здѣсь обѣтованія Христовы! Вѣдь Христосъ сказалъ: *Азъ бо дамъ вамъ уста и премудрость, ей же не возмощу противитися вси противляющіися вамъ* (Лук. xxi, 15). А здѣсь какъ разъ и говорится: *не можашу противустати премудрости и Духу, имже глаголаше*. Какой премудрости? Самому Христу, глаголавшему въ немъ.

Что Христосъ—мудрость, это подтверждаетъ и Павелъ: *Христосъ Божія слава и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24). А что Онъ самъ говорить въ тѣхъ, которые Ему воздаютъ благодарность, объ этомъ тотъ же апостолъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ: *понеже искушенія нищете ималоюшаю во мнѣ Христа, имже въ васъ не изнемогаетъ, но можеть въ васъ* (2 Кор. хш, 3). *И не можашу противустати премудрости, т. е.*

501 *Христу. Да и кто могъ бы противостати Ему съ успѣхомъ? И не можашу противустати премудрости и Духу, имже ималомаше.* Какому Духу? Утѣшителю, о которомъ и раньше говорилъ дѣеписатель. *Стефанъ же исполнь стры и силы, и въ другомъ мѣстѣ: сый исполнь Духа Свята, воззрѣвъ на небо, видѣ славу Божию* (Дѣян. vii, 55). *Тогда подустиниши мужи ималомущия, яко слышашомъ ео ималомуща ималом хульнымъ на Моисея и на Бга* (ст. 11). Лжесвидѣтельство смѣняло зависть. *Подустиниши мужи.* Серебромъ купили ложь, говоря: идите, почтенные мужи, послужите намъ вашимъ трудомъ, нашимъ планамъ пусть посодѣйствуетъ вашъ языкъ, нашимъ совѣтамъ пусть поработаютъ ваши уста. Тамъ какой-то возсталъ мститель за Галилеянину, явился защитникъ Его и поборникъ. Онъ почитаетъ Богомъ лежащаго во гробѣ, проповѣдуетъ, какъ о Творцѣ, о Томъ, Кто заключенъ въ могилѣ. Сумасбродствуетъ, что положенный въ гробѣ находится теперь на небѣ. Распространяетъ молву, что принявшій бичеваніе отъ вояновъ теперь пребываетъ среди воинствъ небесныхъ; что Тотъ, Который и самого Себя оправдать не могъ, явится судіей всего созданія. Іосифъ положилъ тѣло Его во гробѣ, а этотъ вотъ мечтаетъ, что Онъ одесную Бога. Ученики отказались отъ Него какъ обманщика, а этотъ говорить, что всякій языкъ будетъ его исповѣдывать; съ креста не могъ сойти Галилеянинъ, а тутъ человѣкъ хвалится, что Онъ вторично придетъ съ неба. Злодѣи хулили Іисуса за то, что Онъ не могъ спасти ни Себя, ни ихъ, а онъ во всеуслышаніе провозглашаетъ, что Іисусъ-то и есть Спаситель міра. Видали ли вы когда-нибудь такую дерзость? Слышали ли слова столь безумныя и хульныя? Итакъ, посодѣйствуйте теперь разслѣдованію дѣла, и вы приобрѣтете у современниковъ блестящую славу. На такія-то предложенія потомки предателей Навуея отвѣчаютъ имъ такими словами: *слышашомъ Ею ималомуща ималом хульнымъ на Моисея и на Бога.* Противъ самого законодателя, говорятъ, онъ дерзнулъ сказать. Тотъ заповѣдалъ намъ, говоря: *отемните, модѣ моему, закону моему* (Пс. lxxvii, 1), а этотъ провозглашаетъ, что Іисусъ нѣмѣнитъ обычаи, которые предалъ намъ Моисей. Онъ похулялъ Моисея, чтимаго всѣмъ народомъ, въ союзъ со всею тварью освобожденнаго народъ отъ тяжкаго рабства, жезломъ раздѣлившаго воды моря, молитвою потопившаго полчища египетскія, молитвою водвигншаго среди ночи небесный столбъ, питавшаго народъ небеснымъ неводѣланнымъ хлѣбомъ, жезломъ источившаго потокъ изъ бесплоднаго камня. *На Моисея.*

Да что говорить о Моисей? *И на Бога!* На самое небо изострилъ онъ стрѣлы, противъ самого Творца воздвигъ языкъ, мертвеца проповѣдуетъ богоподобнымъ Творцу. *На Моисея и на Бога! Сподвижника же люди и старцы и книжники, и нападе возститиши его и приведоша на сомнѣше* (ст. 12). Они раздразжили народъ и тогда схватили Стефана; авѣры схватили овцу и привели въ синагору, исполненный лицемѣрія и зависти, въ синагору, чуждый истины и лишенный правды. Привели его въ синагору, о которомъ давно уже взывалъ Іеремія: *не сидѣхъ въ сомнѣніи и въ суетномъ* (ху, 17). *Поставиша же свидѣтели ложныя и злолющія, яко челоука сей не престаеи злѣхъ злыхъ злѣхъ на мѣсто святое сіе и законъ* (ст. 13). Святилище, говорятъ, не постыдился онъ безчестить,—такое мѣсто, гдѣ читаются священныя слова, гдѣ Писанія пророковъ оглашаютъ слоды, гдѣ скрижали и небесная манна, гдѣ кивотъ и жезлъ Аароновъ, гдѣ сѣдина архіереевъ и достоинство священниковъ, и честь книжниковъ. О такомъ-то мѣстѣ говорить онъ легкомысленно, храмъ представляетъ ничтожнымъ! И не только о святилищѣ осмѣлился онъ говорить такъ, но и о законѣ. Заблуждается, что законъ былъ тѣню; о ветхомъ заветѣ съ дерзостью проповѣдуетъ, какъ о прообразѣ; Галилеянина ставитъ выше Моисея; сына Маріина почитаетъ больше законодателя. Не постыдился достоинства пресвитеровъ, не удержался множества книжниковъ, но извергнувъ хулы на мѣсто святое и на законъ.

3. Что же именно говорить онъ? *Слышахомъ бо сіи злѣхъ злыхъ, яко Іисусъ Назорей сей разоритъ мѣсто сіе и измѣнитъ обычаи, яже предаде Моисей* (ст. 14). Угрожаетъ намъ мертвымъ какъ Владыкой, въ покойникѣ указываетъ намъ Господа. Іисусъ Назорей воскреснетъ и разоритъ мѣсто сіе. Обезумѣвъ, говорятъ, этотъ юноша. Онъ не знаетъ цѣны этому храму; забылъ, сколько трудовъ пошло на его построение. Мудрость Соломона возсоздала этотъ храмъ; помощницей въ этомъ дѣлѣ для мудраго Соломона была благодать свыше; немало трудностей пришлось преодолевать въ этой работѣ. Восемьдесятъ тысячъ ломали камни въ горахъ; семьдесятъ тысячъ рубили деревья; тридцать тысячъ занимались переноской камня; однихъ надсмотрщиковъ за работами было три тысячи шестьсотъ. Щедрой рукой сыпались издержки на постройку и несмотря на это едва въ сорокъ шесть лѣтъ оказалось возможнымъ завершить это дѣло. А этотъ челоукъ утверждаетъ, что *Іисусъ Назорей разоритъ мѣсто сіе*; мало этого: Онъ будто бы *измѣнитъ и обычаи, яже предаде намъ Моисей*. Святѣйшая суббота будетъ будто бы упразднена Имъ; обрѣзаніе по закону будетъ отмѣнено Назореемъ; заповѣсчія наши, какъ суетныя, осуждены имъ на уничтоженіе; для Сына Маріина будто бы нѣтъ ничего святого въ праздникъ кушечъ; Его проповѣдникъ бредитъ, что жертвы наши не принимаются Богомъ; онъ утверждаетъ, что окрошеніе и законное очищеніе упразднено расхи-

тымъ. Но кто не знаетъ, какова была судьба Назарянина? Когда же мертвый можетъ мстить живымъ? Исаія былъ распялъ, и развѣ кто мститъ за него? Іеремія задушенъ, и не могъ отомстить; Навуооъ побить камнями, и кто явился мстителемъ за него? Захарія заколотъ, и мы до сихъ поръ остаемся безнаказанными. И вдругъ выступаетъ поборникъ за распятаго Назорея! Мертвецъ является нашимъ обвинителемъ, намъ угрожаютъ какъ судей лежащимъ во гробѣ! Послѣ всѣхъ этихъ ложныхъ обвиненій, *воззръши на ны вси сѣдѣщи въ сомнѣніи*: они метали на него грозные взоры, съ гнѣвомъ насунили противъ него брови, желая самымъ видомъ своимъ поразить противника и тѣмъ самымъ въ злобѣ своей оправдывая пророческое слово: *смотрѣтъ грѣшникъ праведнаго и ищетъ еже умертвити его* (Псал. ххvi, 32). *Воззръши на ны вси сѣдѣщи въ сомнѣніи, видѣши лице его яко лице ангела* (ст. 15). Радость о мученичествѣ, выступивши на лице его, озарила янголу ангельской благодатью. Но почему же *яко лице ангела*? Чтобы исполнилось слово Христа, которое Онъ сказалъ: *въ воскресеніи ны жесятъ ны послають, но яко ангели Божіи на небеси суть* (Мѣ. хп, 30). Такъ просіяли Мойсей и Ілія на горѣ, когда бесѣдовали съ Іисусомъ, такъ что ученики, увидѣвши ихъ, упали на лица свои (Мѣ. хvii, 6); такъ просіяютъ всѣ праведники въ царствіи Отца ихъ (Мѣ. хш, 43). *Видѣши лице его яко лице ангела*. Тогда сказалъ архіерей: *аще убо сія тако суть* (Дѣян. vii, 1)? О, слова, исполненные лицемѣрія! О, рѣчи, внушенные завистью и ложью! *Аще убо сія тако суть?* Ты осмѣлился—о, человекъ—унизить законодателя Мойсея? Можетъ быть, ты и Богу противопоставляешь какого-нибудь противника? Ты безчестилъ, поносилъ это святое мѣсто? Не воображаешь ли ты, что данный Богомъ законъ не прочтенъ? Не думаешь ли ты Назореємъ замѣнить все то, что ведетъ свое начало отъ Мойсея? Великія бѣдствія ты приготовляешь самъ для себя. На это первомученикъ отвѣчалъ: *мужіе братіе и отцы, послушайте* (ст. 2)! Пусть, говоритъ, теперь всякій возрастъ приметъ подобающую ему честь. *Мужіе братіе и отцы, послушайте! Послушайте*,—не говорю: убѣдитесь,—потому что не ожидаю, чтобы вы убѣдились. *Послушайте* только. *Богъ словесъ явился отцу нашему Аврааму сущу въ Месопотаміи* (ст. 2). Не въ Іерусалимѣ, не въ этомъ прославленномъ храмѣ, но *въ Месопотаміи*, гдѣ процвѣтало идолопоклонство; гдѣ земля попиралась безбожниками; *въ Месопотаміи*, гдѣ водавалось поклоненіе истуканамъ, гдѣ божеская честь усвоилась камню и дереву,—тамъ явился Богъ нашему праотцу. Вѣдь Онъ зналъ, что среди терній рождается роза, и среди волчцевъ возникаетъ благородный хлѣбный злакъ. Такъ, именно, розой между терніями, лиліей между бурьяномъ явился многострадальный Іовъ въ распутной странѣ Авсѣтійской; какъ свѣтильникъ сіялъ онъ во тмѣ невѣдѣнія своими добродѣтелями, какъ башня въ сраженіи былъ виденъ всѣмъ небеснымъ

сплавъ, отъ земли до неба возышавшяя своими подвигами, отъ глубины въ высоту возрастилъ онъ плоды правды. А Богъ, обонявъ ихъ [какъ было и съ Ноемъ послѣ потопа: и *обоня Господь воню благоуханія* (Быт. viii, 21)], засвидѣтельствовалъ о Своемъ слугѣ: воть человекъ праведный, истинный, богочестивый, удаляющійся отъ всякаго зла, прежде закона исполняющій требованія закона, имѣя природный законъ, онъ не нуждается въ писанномъ законѣ; и Богу извѣстны отъ вѣка всѣ дѣла его. Итакъ, говорить Аврааму: *изиди отъ земли твоея и отъ рода твоего, и прииди въ землю, юже азъ ти покажу* (ст. 3). *Изиди отъ земли твоея*. Зачѣмъ, говорить, многобожная земля удерживаетъ отца народовъ? Зачѣмъ идольское отечество привязываетъ къ себѣ праотца народа Моего? *Изиди отъ земли твоея и отъ рода твоего*. Тяжелы, судя по-человѣчески, эти повелѣнія патриарху. Покинь, говорить, отечество, оставь весь народъ, брось землю, въ которой ты родился, откажись отъ отца и матери. Но ничто подобное не поколебало патриарха, не размышлялъ онъ самъ съ собой какъ обыкновенный смертный: неизвестно вѣдь то, что обѣщаетъ мнѣ явившійся; надежны ли Его обѣщанія? Что же? Пожалуй, я оставляю то, что у меня въ рукахъ, и устремлюсь за невиданнымъ; оставлю почву, на которой стою, и буду искать неизвестной? Ни о чемъ подобномъ не размышлялъ отецъ народовъ, но получилъ приказаніе—и тотчасъ отправился въ путь; услышалъ заповѣдь—и устремился на поиски неизвестнаго. Вѣрою зажжена была у него такая любовь. Представляя себѣ уже совершившимся то, что было обѣтовано, онъ тѣмъ болѣе спѣшилъ выйти изъ отечества. *Изиди*, говорить, *отъ земли твоея*. Отъ бедръ твоихъ, отъ тебя по плоти хочу Я родиться. Ничего тебѣ Я не обѣщаю, довольно съ тебя и того, что ты назовешься Моимъ отцемъ: *книа родства Исуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (Мѣ. i, 1). Затѣмъ, изобразивъ то, какъ Авраамъ повинновался одному голосу божественнаго призванія, какъ Богъ предсказалъ ему порабощеніе его потомства, осужденнаго на четыреста лѣтъ тяжелой работы въ Египтѣ, и то, какъ десницею Божіею они будутъ освобождены отъ ига, и какъ заключилъ съ нимъ Богъ вѣчные обрѣзанія, (св. Стефанъ) говорить наконецъ о необычайномъ рожденіи Исаака, и о томъ, что на восьмой день обрѣзалъ его отецъ, какъ было ему заповѣдано. Точно также сказалъ онъ и о рожденіи Іакова отъ Исаака и о томъ, что Іаковъ сдѣлался отцемъ двѣнадцати патриарховъ. Сказалъ даже и о зависти къ Іосифу его братьевъ и о продажѣ его братьями въ Египетъ и о томъ, какъ нашелъ онъ благоволеніе своей мудростью у царя египетскаго и какъ послѣ рабства сдѣлался господиномъ и мудрецомъ. Сказалъ и о томъ, какъ случился голодъ почти во всемъ мірѣ и какъ жители Ханаана отъ недостатка пищи продавали все самое дорогое для себя, и какъ Іосифъ въ славѣ открылся братьямъ своимъ, и какъ переселилъ къ себѣ въ Египетъ

патріарха Іакова, какъ въ числѣ восьмидесяти пяти душъ Іаковъ переселился туда, и какъ безмѣрно умножился Израиль въ Египтъ, и какъ возсталъ другой царь, не знавшій Іосифа, и какими ухищреніями озлобилъ онъ народъ Израильскій, и какъ поворожденныхъ младенцевъ мужескаго пола бросалъ въ рѣку Нилъ. Сказалъ затѣмъ и о рожденіи законодателя Моисея и о томъ, какъ онъ былъ брошенъ родителями въ корзинѣ, и какъ взяла его къ себѣ дочь фараона, царя египетскаго, и какъ онъ былъ обученъ всей мудрости египетской, и какъ показался сильнымъ въ словахъ и дѣлахъ, и какъ, по достиженіи сорокалѣтняго возраста, пошелъ онъ посмотрѣть народъ свой и увидѣлъ израильтянина обижаемаго и, вступившись за него, убилъ египтянина, и какъ сталъ мирить дравшихся израильтянъ и соплеменникъ укорилъ его въ совершенномъ имъ убійствѣ, и какъ изъ-за этого укора онъ бѣжалъ въ землю Мадіамскую и тамъ сдѣлался отцомъ двухъ сыновей, и какъ явился ему ангелъ въ горѣ Синайской и онъ увидѣлъ мирное соединеніе огня и терновника и услышалъ божественный голосъ съ неба, и какъ онъ трепеталъ не смѣя созерцать чудо, и какъ получилъ приказаніе иззуть сапоги отъ ногъ своихъ и услышалъ, что мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, есть земля святая, и какъ при помощи чудесъ вывелъ народъ изъ земли египетской и перевелъ Израиля чрезъ Красное море, какъ по суху. Сказалъ и объ идолослуженіи беззаконныхъ подъ горою и о томъ, какъ сразу же послѣ перехода чрезъ море они промѣняли Бога на тельца и идола приписали свою побѣду надъ египтянами. Напомнилъ имъ и о плѣненіи народа въ Вавилонъ и о томъ, какъ угоденъ былъ Богу Давидъ, обрѣтшій благодать предъ лицемъ Божиимъ и удостоенный наименованіи отцемъ Христа. Сказалъ, наконецъ, и о храмѣ, создавшемъ Соломономъ, и о томъ, что Богъ не заключается въ рукотворенныхъ мѣстахъ. Пройдя, такимъ образомъ, всю исторію отцовъ, Стефанъ, при помощи Святаго Духа, переходитъ наконецъ къ ихъ проступкамъ и говорить: жестоковѣрные, непреклонные, необузданные! Какая сила, какое испытаніе могло сломить ваше упорство? Развѣ не рабствовали вы фараону въ Египтѣ четыреста лѣтъ? Развѣ не были поработаны въ теченіе восемнадцати лѣтъ Хусарсаеомъ, царемъ сирійскимъ? Развѣ не изнывали вы подъ владычествомъ моавитинъ цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ? Развѣ не были поработаны опять на двадцать лѣтъ хананеями? Развѣ не томились новыхъ восемьдесятъ лѣтъ подъ игомъ маданитянъ? Развѣ не были восемнадцать другихъ лѣтъ обладаемы аммонитянами? Развѣ не подпали затѣмъ подъ власть филистимлянъ на сорокъ лѣтъ? Не семьдесятъ ли лѣтъ длилось рабство вавилонянъ? Не переселялъ ли васъ Салманасаръ въ горы халдейскія? И никакое принужденіе не смѣнило однако вашего расположенія! Жестоковѣрные! Васъ не обуздало дѣланіе корзины въ Египтѣ, не смягчило собираиіе соломѣ, не сломили труды дѣланія киричней.

До сихъ поръ выслушали они рѣчь Стефана, а затѣмъ, *изведше его онъ 508*
трада, каменіемъ побиваху его (ст. 58). Гдѣ царя распяли, тамъ и
 вонна побиваютъ камнями. *И изведше его онъ трада, каменіемъ побиваху.* Но и подъ ударами камней борецъ торжествовалъ побѣду, съ
 такимъ возгласомъ обратившись къ Создателю: *Господи Іисусе, пріими*
духъ мой (59)! *Господи Іисусе,* по волѣ Отчей воспріявшій страсть, по
 рѣшенію Родившаго претерпѣвшій смерть, *пріими духъ мой!* Возьми
 изъ тѣла мою душу, вынеси отсюда безтѣлесную, *пріими духъ мой,*
 увѣнчанный всѣми добродѣтелями, *пріими духъ мой! Теченіе*
 скончахъ, отру соблюдохъ (2 Тим. iv, 7), и теперь прошу: *пріими духъ*
мой! Поскольку я облеченъ тлѣннымъ тѣломъ, я страшусь; поскольку
 я ношу земную плоть, я боюсь—не погубить бы трудовъ своихъ послѣ
 всѣхъ трудовъ. Тренещу—по остаться бы послѣ борьбы неувѣнчаннымъ,
 послѣ подвиговъ не поторять бы награды. *Пріими же духъ мой!* Діа-
 вола будетъ огорченъ, что лишился побѣды, начальникъ злобы будетъ
 плакать, что не одолѣлъ смертнаго. Безтѣлесные будутъ скорбѣть, что
 находящіеся въ плоти смѣются надъ страданіями. *Пріими духъ мой!*
Преклонь же колѣна возопи гласомъ велиимъ: Господи, не постави имъ
тѣла сего (60)! И чтобы ты видѣлъ, что онъ молится съ усордіемъ, не
 просто молится, стоя и кланаясь, но *преклонь колѣна,* сказалъ съ глубокимъ
 чувствомъ, съ великимъ состраданіемъ: *Господи, не постави имъ тѣла сего!*
И сія рече усне (60)! Для праведныхъ смерть есть сонъ, копочина для муд-
 рыхъ есть упокоеніе. И потому смерть есть сонъ, что, какъ бы изъ
 какого оцѣпнѣнія пробудившись отъ смерти къ воскресенію, они бу-
 дутъ затѣмъ наслаждаться вѣчными благами. Но да будемъ и всѣ мы
 участниками (этихъ благъ), благодатію и предстательствомъ Христа,
 чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу во Святомъ Духѣ-Утѣши-
 телѣ, изначала, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА:

**Довлѣть ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи
 совершается (2 Кор. xii, 9).**

1. Когда Богъ созидалъ въ началѣ этотъ прекрасный міръ, Онъ 507
 творилъ чудо за чудомъ, не рабствуя закону природы, но устроивъ все
 силой Своего могущества. Такъ, *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*
 (Быт. i 1). Видишь порядокъ и послѣдовательность? Сначала — покровъ,
 а потомъ уже основаніе. Онъ. именно какъ я сказалъ, не подчинялся

закону природи, на требованіяхъ искусства, но (творилъ) силою Своего могущества. Созидается крыша, а основанія—нѣтъ: все держится силою Творца. Спроси еретика: скажи мнѣ, какъ явилась крыша, когда не было еще основанія? Укажи мнѣ причину, объясни способъ. Ты молчишь и прикрываешься вѣрою? Но не достойна ли осужденія такая уловка съ твоей стороны? Когда рѣчь идетъ о земномъ и мірскомъ, ты ссылаешься на вѣру, а между тѣмъ стараешься до всего допытаться и донскиваться, когда коснется дѣло божественнаго и небеснаго? *Сотвори небо и землю.* Въ качествѣ основанія сотворилъ землю, а ее въ свою очередь утвердилъ на водахъ. Видишь, что въ основаніи зданія? Сверху земля, а внизу—вода. Строители обыкновенно поступаютъ наоборотъ. Они совершаютъ закладку зданія не прежде какъ удаливъ съ мѣста закладки воду, а Богъ самое основаніе утвердилъ на водахъ, научая

508 тебя удивляться не крѣпости основанія, а могуществу Создателя. Постарайтесь же быть внимательнѣе къ моимъ словамъ: посредствомъ нихъ я хочу возбудить васъ къ любомудрію. Итакъ, когда (Богъ) творилъ этотъ прекрасный міръ, все прочее Онъ создалъ такъ, что каждое изъ Его твореній состоитъ изъ единой сущности. Если мои слова для васъ неясны, я сдѣлаю ихъ яснѣе, если вы выслушаете внимательно. Все остальное въ совокупности сотворилъ Онъ изъ одной сущности—и то, что вверху, и то, что внизу (потому что и то—міръ и это—міръ: вѣдь это два міра), но каждое изъ явленій того и другого міра—отъ одной сущности. Поясню примѣромъ: небесныя существа—всѣ безплотны, земныя—всѣ тѣлесны, небесныя—духовны, земныя—чувственны, небесныя—невидимы, земныя—видимы. Земное все тѣлесно: и небо, и солнце, и луна, и земля, и море, и деревья, и растенія, и быки, и овцы, и лошади; все видимо, все чувственно, все тѣлесно, все доступно осязанію и зрѣнію. Небесное все невидимо, духовно: ангелы, архангелы, престолы, господства, начала, власти, силы, херувимы, серафимы. Ни то невидимое, ни это не невидимое; ни то нетѣлесно, ни это не безтѣлесно, но какъ то тѣлесно, такъ это безтѣлесно: каждое

509 отъ одной сущности—и небесное и земное. И первыя изъ тѣхъ, вторыя изъ безтѣлесныхъ, одни тѣлесны, другія безтѣлесны. Одинъ только человѣкъ созданъ изъ двойной сущности, высшей и низшей, души и тѣла. Одна невидимая и мыслимая—душа, тѣло же чувственное и видимое. Итакъ, почему цѣлые два міра эти созданы каждый изъ единой сущности и нѣтъ ни вверху—тѣхъ, ни внизу—безтѣлесныхъ, и одинъ только человѣкъ по природѣ своей и тѣлесенъ и безтѣлесенъ? Узнайте причину и убѣдитесь въ мудрости Творца. Такъ какъ эти два міра по природѣ своей различны, одинъ—тѣлесный, другой—безтѣлесный, одинъ—невидимый, а другой—видимый, одинъ—духовный, небесный, а другой—чувственный, земной, то чтобы различіе произведеній не внушило мысли о различныхъ творцахъ и чтобы нельзя было сказать, что

одинъ сотворилъ небесное, а другой земное, Богъ на границахъ этихъ двухъ міровъ поставилъ двойственное животное—возвѣщать о твореніи и земныхъ и небесныхъ. Человѣкъ является существомъ двухъ міровъ: тому, что вверху, у него родственна душа, а тому, что внизу, тѣло. Онъ связываетъ собою эти два міра, служить какъ бы мостомъ между ними, имѣя одного общаго съ ними Творца, создавшаго и небесное и земное; какъ дѣва, душа его заключена въ его тѣлѣ. И такъ какъ природа его двойственна, то двойкаго рода и ея требованія. Внимательно слѣдите за словомъ. Есть тѣло и есть душа. Тѣлу опредѣлили (Творецъ) пищу, а душѣ слово, тѣло питается хлѣбомъ, а душа—ученіемъ; тѣло имѣетъ одѣяніе—платья, имѣетъ одежду и душа—добродѣтель. *Предста царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна престоуплена* (Пс. xlv, 10): не о чувственныхъ, конечно, одеждахъ говорить здѣсь Писаніе, но объ облаченіи добродѣтелью, потому что *ея слава дщери царей внутрь ризы златыя* (ст. 14). Итакъ, что же? Двойствененъ человѣкъ и двойственна его природа, и душа его нуждается въ разумѣ учащемъ, вразумляющемъ, побѣждающемъ страсти, исправляющемъ поврежденія. Отсюда намъ урокъ: заботиться не о чувственной только трапезѣ, но и о духовной. Имѣя это въ виду, я и приготовилъ для васъ угощеніе изъ словъ апостола Павла и приглашаю васъ воспользоваться имъ. Вотъ предъ нами этотъ дѣлатель палатокъ, учитель вселенной, страшный для демоновъ, прогоняющій недуги, подвизающійся и на небѣ и на землѣ, входящій въ рай, восходящій на третьѣ небо, неистощимый и неудержимый въ своемъ искусствѣ и въ его примѣненіи, блистающій подвигами. Вотъ онъ предъ нами. Я не знаю мѣры въ его восхваленіи. Я любитель его красоты: она, конечно, не тѣлесная, чтобы подлежать тлѣнію, но духовная, которая никогда не увянетъ. Тѣло разрушилось, а его образъ въ сіяніи своемъ не уступаетъ и солнцу. Солнце совершаетъ теченіе по небесному кругу, а землю вмѣсто него обтекаетъ Павелъ; оно приноситъ чувственный свѣтъ; а онъ изливаетъ въ души свѣтъ; оно ночью удаляется, а онъ и ночью сіяетъ. Ваялъ онъ царей—и научилъ ихъ благочестію; взялъ женщинъ и сдѣлалъ ихъ мужественнѣе мужчинъ; ваялъ юношей—и воспиталъ ихъ разумнѣе старцевъ; всякое существо, всякій возрастъ исправилъ тотъ, кто владѣлъ сапожнымъ ножомъ и сшивалъ кожи: объ его ремеслѣ я никогда не забуду. Онъ—прекраснѣе невѣсты во всемъ ея блескѣ, славнѣе царей, щедрѣе богатыхъ, сильнѣе воиновъ, надежнѣе стѣнъ; языкъ его лира, онъ слаще меда, глубже моря, выше небесъ, теплѣе огня, острѣе желѣза; сосудъ божественной благодати, храмъ Божій, уста Христовы, лира Духа, наставникъ оглашенныхъ, руководитель вѣрныхъ, всюду успѣвающій, стѣна, никогда не падающая, своими посланіями онъ побѣдилъ вселенную и (древній) ковчегъ.

2. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Ной, сколотивъ доски, построилъ ковчегъ, такъ и Павелъ своими писаніями соорудилъ ковчегъ духовный, и притомъ лучше прежняго. Въ ковчегъ Ноевъ безсловесныя вошли, безсловесными и остались, а этотъ припимаетъ безсловесныхъ и перерождаетъ ихъ. Напримѣръ: въ ковчегъ вошелъ волкъ—и вышелъ волкъ; въ ковчегъ Павловыхъ писаній входитъ волкъ, а изъ него выходитъ овца; входитъ волхвъ—и исправляется; входитъ воевода—и дѣлается лучшимъ. И тотъ ковчегъ спасъ одного только Ноя съ двумя или тремя именами, а этотъ ковчегъ въ свои сѣти уловилъ вселенную. Всюду плаваетъ онъ каждый день и доски его не разрушаются, потому что не смолоу, а Духомъ онъ смазаны. Вышелъ (новый) Ной изъ ковчега, а онъ продолжаетъ плавать; умеръ Павелъ, а ковчегъ живъ; каждый день закидываетъ онъ сѣти и не потопляется, потому что отъ Кормчаго вселенной имѣетъ онъ благодать, которая имъ и управляетъ. Такъ вотъ каковы эти посланія, эти спасительныя доски! Обуздаемъ же теперь наконецъ свой языкъ и сосредоточимся на объясненіи одного чтенія, употребивъ на это всю бесѣду: таково вѣдь изобиліе Писаній. Сидя и слушая рассказъ Павла о томъ, какъ онъ восхищенъ былъ на третье небо и слышалъ неизреченныя глаголы, которыхъ нельзя и передать человѣку, и вслѣдъ затѣмъ его слова: *и за премолая откровенія да не превозношуся, дадеся ми пакостники плоти, аи лъ сатинны, да ми пакости днеть* (2 Кор. хп, 7), я боялся, что кто-нибудь изъ слушателей, не зная смысла, въ простотѣ соблазнится, и рѣшилъ, что необходимо обратить общее вниманіе на это выраженіе и изслѣдовать его подробно. Кто не знаетъ, для того дѣло разъяснится, а кто знаетъ, для того будетъ еще вразумительнѣе и удобопонятнѣе: знающій вспомнить, а незнающій научится. Отъ многихъ, не знающихъ настоящаго смысла этихъ словъ апостола, я слышалъ, что, по ихъ мнѣнію, тутъ рѣчь о томъ, что апостолъ былъ проданъ во власть сатаны. Возможно ли это? Преданъ, говорятъ, апостолъ сатанѣ, чтобы поразилъ его въ голову: вотъ почему апостолъ и страдалъ головою болью. Что же это значить? Учитель вселенной, гражданинъ рая, корабль Христовъ, какъ я сказалъ, лира Духа, сосудъ избранія, обтекшій вселенною, исторгшій терпѣніи грѣховъ, посѣявшій сѣмена благочестія, подвизавшійся и на землѣ и на морѣ, день и ночь пребывшій въ глубинѣ моря, увѣичанный въ томниці, торжествовавшій побѣду въ судилищѣ, протекшій всю вселенную, неусыпный подвижникъ и борецъ, чьи одежды прогоняли болѣзни, чья жизнь обращала въ бѣгство смерть, онъ-то и былъ проданъ во власть сатаны? Но противъ подобнаго предположенія свидѣтельствуютъ все его поведеніе. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Среди коринѳянь появился блудникъ. Услышалъ о немъ Павелъ и—что говорить? *И вы разорѣдѣте и не паче плакаете, да изменѣте отъ среды васъ содѣлный дѣло сіе. Зане азъ, аще не у вѣстъ смѣи тѣломъ,*

туже живый духомъ, уже судитъ яко тамо сый, содѣвашаго сие сие, о имени Господа собравшимся вамъ и моему духу, съ силою Господа Иисуса Христа, предати таковою сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа Иисуса (1 Кор. v. 2—5). Теперь представь себѣ власть, съ какою дѣйствовалъ Павелъ: блудника онъ предалъ сатанѣ, чтобы сатана поразилъ его, чтобы это наказаніе послужило ему къ очищенію грѣха. Что это такъ и случилось, объ этомъ апостолъ пишетъ во второмъ посланіи: *утвердите къ нему любовь, да не обидими будемъ отъ сатаны (2 Кор. ii, 8, 11).* Ты предалъ сатанѣ—и ты же говоришь, *да не обидими будемъ отъ сатаны?* Видь сатана, говорить, не знаетъ мѣры. Я предалъ, когда было нужно, отберу, когда найду потребнымъ; я предалъ сатанѣ какъ палачу, чтобы только исправился нашъ человѣкъ; а теперь возьмемъ его назадъ. Если оставимъ его на дальнѣйшее время, сатана повредитъ и ему и намъ чрезъ него, потому что не знаетъ сатана мѣры. Я предалъ ему грѣшника, чтобы исправить его, если же оставимъ его еще, сатана убьетъ его, какъ убилъ Іуду. Поэтому говорить: *утвердите къ Нему любовь, да не обидими будемъ отъ сатаны.* Какъ прекрасно сказано: теперь брать нашъ уже не долженъ принадлежать сатанѣ, потому что очистился отъ блуда покаяніемъ; будемъ же смотрѣть, чтобы врагъ не похитилъ того, что принадлежитъ намъ. Когда онъ принадлежалъ сатанѣ, я далъ его ему, чтобы сдѣлать нашимъ то, что было его. О, мудрость Павла! При помощи волка онъ спасъ овцу! При помощи морского разбойника оказалъ помощь моряку, потерпѣвшему кораблекрушеніе; при содѣйствіи, непріятеля возвратилъ въ строй воина! Да, въ качествѣ горькаго лекарства я пользуюсь бичемъ діавола. Но какъ только онъ исправитъ, я у него отнимаю. Пусть онъ накажетъ блудника, чтобы тотъ почувствовалъ, что онъ сдѣлалъ. Когда же очистится грѣхъ его; когда отмоется грязь и изгладится рапа,—тогда пусть покажетъ себя твердою душа его. Что касается меня, я не оставляю золото въ огнѣ, вытаску его, чтобы оно не расплавилось совсѣмъ. Дѣло мудраго—знать мѣру, насколько положить въ огонь золото и когда его вынуть оттуда. *Да не обидими будемъ отъ сатаны: не не разумѣемъ бо умышленій ея (ст. 11).* А кто знаетъ его умышленія, тотъ имѣетъ и власть дер-

осмѣлился нарушить. А, конечно, нарушилъ бы, если бы могъ одолѣть Павла. Нѣчто подобное хотѣлъ устроить діаволъ, когда Павелъ былъ въ темницѣ. Когда темница поколебалась и оковы узниковъ распались, тогда сторожъ проспавшись схватилъ мечъ, чтобы убить себя, по внушенію діавола (Дѣян. хvi, 27). Воспользовавшись тѣмъ, что пастухъ былъ внутри и не могъ защитить овцу, волкъ хотѣлъ уловить ее. Но пастухъ, хотя и былъ въ узахъ, одолѣлъ его, удержавъ сторожа восклицаніемъ: *ничтоже сотвори себѣ зла*. О, человѣколюбіе пастыря! Связавъ—и милуетъ связавшаго! Оставилъ свое и заботится объ его благѣ! *Ничтоже сотвори себѣ зла* (28)! Ты видишь открытыя двери, но я благонамѣренный обитатель: двери открыты, но я остаюсь внутри; и пока не спасу тебя, не выйду отсюда. Для того я и пришелъ сюда, чтобы, разрѣшивъ себя отъ цѣпей, тебя освободить отъ грѣховъ. Ты связалъ, я разрѣшаю. *Ничтоже сотвори себѣ зла: еси бо еси здѣ*. Итакъ, что же? Волкъ стоялъ, готовый убить, толкая къ мечу темничнаго сторожа; пастухъ закричалъ; волкъ услышалъ и оставилъ овцу. А пастухъ взял то, что уже готово было сдѣлаться добычей волка. И говорить сторожъ: *что ми подобаетъ творити, да спасуся* (ст. 30)? Крестись во имя Христа. О, какъ легко крещеніе! Какъ несказанно человѣколюбіе! Темничнаго стража спасъ узникъ, темница сдѣлалась церковью! Когда мѣѣ, говорить, креститься, чтобы спастись? Темница не препятствуетъ, мѣсто не затрудняетъ. Благодать не связывается мѣстомъ, не стѣсняется временемъ. Пусть же и темница будетъ церковью.

3. Нигдѣ не забывалъ своего ремесла апостолъ Христовъ, но всюду уловлялъ въ свои сѣти: и въ судѣ, и на морѣ, и на островахъ, и на сушѣ, и въ пустынѣ, и во всей вселенной. Вѣдь обыкновенный рыбакъ, если не видитъ моря, не раскидываетъ своихъ сѣтей. А этотъ былъ не чувственнымъ, но духовнымъ ловцомъ, и потому ловилъ и на суднѣ, и на горѣ, и въ источникахъ, и на дорогахъ, и въ лугахъ, и на рѣкахъ, и никакое мѣсто не препятствовало его ремеслу. Но что бы я ни говорилъ, я все клоню къ одному и тому же. Къ чему же именно? А къ тому, что имѣвшій такую власть, чтобы приказывать діаволу и показывать ему границы и предписывать мѣру—какъ онъ самъ продается діаволу? Не слышалъ ты развѣ, что сказалъ Христосъ: *наступайте на змій и на скорпіи и на всю силу вражію* (Лук. x, 19)? Что же послѣ этого означаютъ слова апостола: *дадеся ми пакости плоти, ангель сатанинъ, да ми пакости дѣтъ* (2 Кор. xii, 7)? Непониманіе многихъ мѣстъ Свящ. Писанія по большей части происходитъ оттого именно, что не знаютъ идиотизмовъ языка, ни ихъ толкованій. Выраженіе—*дѣтъ пакости* (κολαφίζω = давать пощечину) нѣкоторые относятъ только къ головѣ, между тѣмъ «пакость» (κολαφισμός) означаетъ вообще озлобленіе, униженіе. Удручилъ его врагъ, его унижилъ: въ

этомъ смыслѣ «пакости дѣяль», вмѣсто унижалъ; значить, рѣчь не только о головѣ. Самъ же онъ употребляетъ это изреченіе въ другомъ мѣстѣ въ такомъ именно смыслѣ. Какъ человѣкъ простой, онъ и обороты употребляетъ для выраженія своихъ мыслей народныя. *До нынѣшнюю часу и алчемъ и жаждемъ и наготумъ и страждемъ* (1 Кор. iv, 11) и укоряемся отъ враговъ, терпимъ козни, помѣху, препятствія, обиды, т. е., удручаемся, злословимся, бичуемся, терпимъ бѣды, ввергаемся въ темницы, осуждаемся на смерть, изгоняемся, предаемся голоду. Вотъ все это озлобленіе онъ и называлъ пакостью (пощечиною) и уничиженіемъ. Смотри, не проходи мимо безъ вниманія: именно здѣсь требуется толкованіе. Итакъ, что же? Скажемъ яснѣе. Держись толкованія, которое я далъ тебѣ, слѣди за сказаннымъ. Итакъ, пакость означаетъ всякаго рода угнетеніе, огорченіе, чѣмъ бы оно ни причинялось: темницей ли, или судебнымъ преслѣдованіемъ, голодомъ, или какимъ бы то ни было образомъ. Теперь, что же означаютъ слова: *за премноган откровения да не превозношися, дадся ми пакостникъ плоти, ангель сатанинъ, да ми пакости дѣетъ. О семъ три крѣти Господа молихъ и рече ми: довлѣтъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (ст. 7, 8, 9)? Обрати вниманіе, кто этотъ ангель сатаны. Не сказалъ вѣдь: дасть мнѣ ангель сатана, но: ангель сатаны. У Священнаго Писанія есть обычай,—объ этомъ много разъ было уже говорено, но должно быть сказано и теперь: *также бо говорить мнѣ убо неслышнѣно, вамъ же твердо* (Фил. iii, i). Я вѣдь учу, а не занимаюсь словоизверженіемъ, насаждаю, а не просто прохожу мимо. Я не прохожій, а сѣятель. Прохожій идетъ, чтобы совершить дорогу, а сѣятель вскапываетъ почву, потомъ раскидываетъ сѣмена, потомъ забрасываетъ ихъ землею, чтобы они были поглубже, и чтобы обнаженное сѣмя не сдѣлалось добычей птицъ небесныхъ. Итакъ, что дѣлаетъ земледѣлецъ для сѣмянъ, то самое я дѣлаю для мыслей. Какъ для сѣмянъ опасны вороны, такъ для мыслей опасны демоны и діаволы и заботы житейскія. Поэтому я и стараюсь свои наставленія вѣдрить въ ваши сердца поглубже, чтобы, выйдя отсюда, ты подъ вліяніемъ житейскихъ заботъ не уступилъ ихъ діаволу. Вѣдь что я оставляю открытымъ, то будетъ, конечно, похищено; а что закопано поглубже, то сохранится. Тутъ дѣло не во времени, а въ волѣ; не нуженъ дождь, но нужно усердіе. Выслушай же съ усердіемъ, тщательно укрой въ сердцѣ своемъ то, что будетъ сказано, и тогда никто не будетъ въ состояніи у тебя его похитить. Итакъ, какой же обычай Писанія имѣлъ я въ виду выше? Тотъ, что оно часто даетъ имена сообразно съ характеромъ и называетъ человѣка не тѣмъ именемъ, какое изначала дали ему родители, но тѣмъ, какого онъ самъ заслуживаетъ своей порочною или добродѣтельною. Наприм., того, кто обнаруживаетъ безстыдство, оно называетъ псомъ, не въ качествѣ собственного имени, но для обозначенія его порока; хищника оно назыв-

ваетъ волкомъ, не по племни, дающему отъ родителѣй, но по злобѣ; и вообще тѣхъ, кто дѣлаетъ дѣла, свойственныя дурному человѣку, оно и называется соотвѣтственнымъ именами. Но чтобы вы не могли упрекнуть меня въ поверхностности сужденія и чтобы подтвердить эти свои слова, я хочу представить вамъ и свидѣтелей. *Видѣніе, еже видѣ Исаія сынъ Амосовъ, на Іудею и на Іерусалимъ.* Обратите вниманіе: *на Іудею и на Іерусалимъ. Слыши небо, и внуши земли, яко Господь возглагола: сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвержошася мене. Позна волю стяжавшаго, и осея ясли господина своего: Израиль же мене не позна, и людие мои не разумѣша. Увы; языкъ грѣшный* (Ис. 1, 1—4). Кому это говорить Господь? Іудеямъ. Народъ—полный грѣха. Говорить объ ихъ беззаконіяхъ, грѣхахъ, несправимости, жестокости, мстительности. Сначала скавалъ: *на Іудею и на Іерусалимъ*, а ниже говорить: *услышите слово Господне, князи содомстѣи; внемлите закону Божию, людие зоморрстѣи. Что Ми множество жертвъ вашихъ, и многолетъ Господь? Исполненъ есмь всесожженій овнихъ, и тука агнецовъ, и крове юнцовъ и козловъ не хочу* (Ис. 1, 10—11). *Аще принесете Ми седмица, всуе: кадило, мерзость Ми есть. Новомѣсячій вашихъ и суббота ненавидитъ душа моя* (13—14). Какія субботы ненавистны Ему? Какіе новомѣсячія? Какія жертвы? Какіе быки? Какіе агнцы? Содомляне ничего этого не знали: жители Содома жили раньше Моисея. Содомляне жили до Авраама, они жили во времена Лота. Содомляне погибли, о нихъ разсказывается, что они истреблены огнемъ. Сначала сказалъ: *на Іудею и Іерусалимъ*, а потомъ перешелъ къ содомлянамъ, и тѣмъ произнесъ осужденіе. Къ кому обращены эти слова? Прослѣди его рѣчь и тебѣ будетъ ясенъ смыслъ его словъ; а если поймешь, найдешь и послѣдовательность. Не къ содомлянамъ обращается онъ съ рѣчью, но къ іудеямъ, только называя ихъ содомлянами. Такъ какъ они унаслѣдовали права содомлянъ, то примѣняетъ къ нимъ и имя тѣхъ. Содомляне—это тѣ, которые подражаютъ дѣламъ ихъ. Подобно этому въ другомъ случаѣ сказано: *пси нѣмѣи іудеи, не могущи лаяти* (Ис. lvi, 10), не потому, чтобы они по природѣ были псами, но потому, что усвоили себѣ ихъ расположеніе. Іоаннъ—обитатель пустыни, возвышенная душа, неукротимый духъ, шествующій по землѣ и касающійся небеснаго свода, плодъ неплодной, разрѣшеніе нѣмоты отчей гласъ безгласнаго, вопіющій въ пустынь—въ утробѣ матери (утроба была пустыней, потому что она была неплодна), двойственный вѣстникъ, презирающій дѣтей, 518 попирающій все преходящее, пришелъ къ іудеямъ и говоритъ имъ: *змѣя, порожденіа егидінова* (Мѣ. ххш, 33 и ш, 7), не потому, что они по природѣ были змѣями, но потому, что по душѣ были коварны. Оупяť другой пророкъ: *кони же нечестивѣи сотворишася, кійждо къ жемлю искренню своего ржааше* (Іер. v, 8). Къ конямъ ли обращены эти слова? Конечно, нѣтъ; но къ людямъ невоздержимымъ и распутнымъ. Самъ Хри-

стосъ говорилъ іудеямъ: *вы сыны діавола есте* (Іоан. viii, 44). Итакъ, они были дѣти діавола и природу діавола имѣли? Нѣтъ, конечно; они только подражали его нраву и тѣмъ заслужили его имя. Въ объясненіе опъ и прибавляетъ: *вы сыны діавола есте и похоти отца вашего хотите творити; той челоукоубійца есть искони*. Итакъ, держитесь, какъ правила, что собаками (въ Писаніи называются) безстыдные, волками—хищники, змѣями—коварные, аспидами—обманчивые, ослами—неразумные, ковыми жеполюбивыми—невоздержные и распутные, воронами—нечистые, содомитинами—подражатели ихъ дѣлъ и нравовъ. Конечно, не самая природа ихъ зла, но ихъ нравъ развращенъ. Замѣьте хорошенько: имена даются сообразно съ характеромъ, названія производятся отъ расположенія. И это не въ Священномъ Писаніи только, но и въ обыденномъ употребленіи. При видѣ челоука кроткаго, мы говоримъ: это—овца; при знакомствѣ съ безстыднымъ, мы говоримъ: это не челоукъ, а собака; при видѣ коварства, скажемъ: этотъ челоукъ—змѣя. Видишь, и народный обычай слѣдуетъ тому же самому правилу. Если мы видимъ челоука, исполненнаго многихъ пороковъ, мы говоримъ: это діаволъ,—не потому, что опъ дѣйствительно діаволъ, и не потому, что у него общаа съ діаволомъ природа, но сообразно съ его направленіемъ, въ силу котораго опъ подражаетъ діаволу въ его дѣлахъ, насколько это доступно челоуку. Итакъ, имена отъ характеровъ. Поэтому, когда ты слышишь слова Павла: *дадеся ми пакостникъ плоти, ателъ сатанинъ*, разумѣй не діавола, но работающихъ діаволу—эллиновъ, іудеевъ, демоновъ, какъ напр. тогда такимъ демономъ-ангеломъ сатаны былъ для него Александръ ковачъ: *Александръ ковачъ мною ми зли соитори* (2 Тим. iv, 14). *Ателъ сатанинъ*—всякій, кто дѣлаетъ дѣла діавола. Таковы были свергнувшіе его въ темницу, таковы были бичевавшіе его. Итакъ, люди для него—ангелы сатаны, разъ они дѣлають дѣла діавола, вредить евангелію, препятствуютъ проповѣди, бичевали его, преслѣдовали. Замѣте теперь, вся трудность устраняется.

4. Обратите вниманіе, что и тотъ, кто говоритъ это, страдалъ: и Павелъ былъ подверженъ челоуческому. Послѣ того какъ Христосъ вознесся, Онъ поручилъ апостоламъ и Свою проповѣдь и Своё дѣло. Христосъ вѣдь пришолъ къ намъ посредникомъ отъ Отца, посланнымъ для устроенія мира. Вѣдь у людей была война противъ Бога и Онъ послалъ посланника—не раба, а Сына. О, попечительность Посланнаго! О, челоуколюбіе Пославшаго! Когда ты слышишь о Пославшемъ и Посланномъ, имѣй въ виду не переимъ мѣста, но списхождение домоустроительства, потому что хотя Онъ и былъ съ нами, но былъ и съ Отцемъ. Такъ Павелъ и говоритъ: *по Христъ убо молимъ, яко Богу моляшу нами, примиритесь съ Богомъ* (2 Кор. v, 20). Ты являешься посланникомъ вмѣсто Христа? Да. А гдѣ же самъ Посланникъ? Ушелъ. Куда ушелъ? Къ Отцу. Зачѣмъ? Вотъ изумительное дѣло! Въ челоу-

ческихъ отношеніяхъ, когда одинъ народъ посылаетъ посольство къ другому, посланникъ по международному праву пользуется неприкосновенностью; если же съ нимъ что-либо случится, между народами возникаетъ великая война. У Бога—наоборотъ. Пришелъ отъ Отца къ людямъ Посланникъ и былъ убитъ: тогда-то миръ и состоялся. Но послы приходя приносятъ дары и получаютъ дары. Что же? Какой даръ принесъ Онъ мнѣ, даръ необычайный? Какъ Посланникъ былъ чрезвычайный, такъ и даръ чрезвычайный. Свою кровь Онъ принесъ какъ даръ, Свое тѣло Онъ принесъ въ даръ мнѣ. И что взялъ Онъ въ даръ отъ меня? Вѣру. И кто далъ мнѣ благодать ея? Я увѣровалъ, Онъ даровалъ благодать, вражда разрѣшилась. Видишь, съ какою легкостью совершилось все это? Видишь скорость примиренія? Посланникъ, когда приходитъ въ какое-нибудь государство, не вступаетъ въ разговоры на рынкахъ или съ кѣмъ-нибудь изъ бѣдняковъ, но идетъ прямо къ царю. А этотъ Посланникъ пришелъ и тотчасъ вступилъ въ бесѣду съ блудницей, разбойникомъ, волхвомъ, мытаремъ. Вотъ каково Его человеколюбіе! Конечно, Онъ пришелъ не къ тому или другому, но ко всему роду нашему, и пришелъ, облеченный въ мою одежду; если бы Онъ пришелъ неприкрыто и открыто, какъ Богъ, тогда Онъ спугнулъ бы добычу; потому-то Онъ и пришелъ къ человѣку, какъ человѣкъ. А когда пришелъ, взялъ первенцевъ нашихъ и, призвавъ апостоловъ, поручилъ имъ вѣсольство: будьте Мои посланниками. Въ силахъ ли мы будемъ быть ими? *Примите Духъ Святъ* (Іоан. хх, 22). Ты былъ распятъ, а насъ что же ожидаетъ? *Примите Духъ Святъ*—и: *Азъ съ вами есмь*. (Мф. ххviii, 20). Съ вами, такъ какъ Я самъ правлю посольство: вѣдь Я не оставляю васъ. Послѣ этого Онъ вознесся и поручилъ имъ посольство. И нечего этому удивляться, если даже самъ Царь-Отецъ проситъ. *По Христу молимъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. v, 20). Самъ оскорбленный проситъ. О чемъ же? *Примиритесь съ Богомъ*. О, человеколюбіе! О, благодать неизреченная! Итакъ, когда Онъ вознесся, Онъ поручилъ Свое служеніе апостоламъ. А положеніе дѣла было трудное, вселенная была полна терній, нечестіе царило, ало преслѣдовало, алтари нылали, тутъ осквернять, кровь лилась, природа извращалась, муки рожденія преизрались, законы и обычаи разрушались, дочерей своихъ и смновой приносили въ жертву, и всѣ прочія празднества; хоръ риториковъ, собранія философовъ, оргіи бѣсовъ, сила діавола, и изощренные мечи, всюду стремнины, всюду утесы, господство привычки, скорби, отцовъ, нечестіе и безпутство предковъ, развращенные законы царей, рабы и господа, начальники и частные люди, богачи и бѣдняки—всѣ сплелись въ нечестіи и имѣли въ своемъ распоряженіи много ухищреній. Апостоловъ же всего было двѣнадцать, или вѣрнѣе—одиннадцать, потому, что одинъ изъ нихъ сдѣлался добычей врага. И вотъ Павелъ—не обладавшій силою слова, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи ни богатства, ни

изощреннаго языка, ни великаго отечества, ни знатности рода, ни ерщности гласной, нагой, одинокой, безгласной рыбы, неизвѣстный изъ неизвѣстныхъ, простоць, неученый—обходилъ вселенную, разсѣивая всюду сѣмена благочестія, и всѣ ему противились: одинъ нападаль, и бичеваль, другой хваталь и даяль въ темницу, третій хваталь и бросаль на оговороду, иной поносилъ, и такъ безчисленное множество враговъ. *Вытуду, брани, вытуду болзни* (2. Кор. vii, 5). *Служители Христовы суть? Не въ мудрости славою, нче азъ. Въ трудѣхъ множае, въ данахъ прѣболъ, въ темницѣхъ излика, въ смертєхъ множаши: чємъ-редєлѣтъ рѣзєтъ єдинѣ прѣлѣтъ, трици палицами бѣєтъ бѣзєтъ, трикраты карабѣ: отпервержєся со мною, дєнь и нощь во глубинѣ сотворилєтъ, въ путнѣхъ шєстєнлѣхъ множащєю, бѣдѣ въ рѣкахъ; бѣдѣ отъ разбойникѣхъ, бѣдѣ отъ сродникѣхъ, бѣдѣ отъ языкѣхъ, бѣдѣ во градѣхъ, бѣдѣ въ пустыни, бѣдѣ въ мори, бѣдѣ во лжебратѣхъ, въ трудѣхъ и подвижѣхъ, во бѣднѣхъ множащєю, во оубѣхъ и жєлєбѣхъ, въ пощеннѣхъ множаши, въ зимѣ и лѣтѣхъ, кромѣ отпущєннѣхъ; нападеніє єже по оєхъ днѣхъ, потечєніє вєсєлѣ чернєхъ. Кто цєномєнєлєтъ, и не-цєномєнєлєтъ? Кто соблазнєлєтъ, и азъ не-разжєсєнєлєтъ* (2. Кор. xi, 28—29)? Братъ нападаль, онъ скорбѣль; врагъ злоумышляль, онъ страдалъ. *Вєнє сѣ, яко отєратѣшєся отъ мєнє вєси; иже отъ Асїи* (2. Тим. i, 15). Въ другомъ мѣстѣ: *чадца мои, имѣєє пакы болєзную, дєндєжє вєобразѣтєи Христєсъ въ вєсє* (Гал. iv, 19). Откуда взялъ онъ слєзы перенєсти бѣдствїя и внѣшнїя и внѣреннїя: бичи, скорби, потопленїє, бѣды, темнїцу, судѣ, сковородѣ, вознѣ? Противостать топлѣ, царємъ, домашнѣмъ, чужнѣмъ, злоумышляющей лжебратѣ, вєнємогєнєщнѣмъ братїямъ, недєвѣрїю чужнѣхъ, ожєстєченїю близкнѣхъ? Какъ выдержало все это єго тѣло? Какъ вынесла душа? Онъ послѣлъ узы, жилъ въ темницѣ, исполнѣ посланїя; отєюда нєгонєдєся, тамъ подвергєлся навѣтамъ. Здѣсь ангєлы сєсєны, тамъ ангєлѣ сєтєны, много ангєловъ сєтєны, однѣ (влєкутъ) въ судѣ, другїє—въ темницу. Не хватало силъ у него,—онъ погибаль, душа истомлєлась. Собакъ онъ не видѣль—и терпѣль укушенїя, подвергєлся вознѣмъ оговєрєду. Принадєєтъ къ Богу и говорѣть єму: прошу Тебѣ, дай мнѣ отдохнуть нємнєго. Какъ я снесу все это? Ангєлѣ сєтєны нападєєтъ на мєнє, врагѣ, заговорщїкѣ, языкнїкѣ, іудєи, лжебратѣ, немощнѣе братѣя. Я мучаюсь мукамъ рождєнїя, и не могу родѣть. А. другїє! злоумышляють: сєгєднѣ въ темницѣ, завтєра въ морѣ; потємъ въ бєзднѣ, потємъ въ голодѣ, въ жєждѣ, въ наготѣ, на жарєвнѣ, въ печѣ, въ дорогѣ. Какъ я снесу все это? У мєнє одна душа, 515 одно у мєнє тѣло. Я прошу Тебѣ: нєзєбєвъ мєнє, чтєбы мѣѣ не терпѣть нємнєстєѣ! Нїчєго не отвѣчалъ єму Богъ. Вторично припєлъ онъ къ Нєму: нєзєбєвъ мєнє; прошу Тебѣ, дай мнѣ отдохнуть нємнєго. Я чєлєвѣкъ и прѣтємъ однѣтъ,—а Ты поручѣль мнѣ всєлєннєю; я однѣтъ, и вєѣ отєвєрєду бросєють въ мєнє стрѣлы. Итєкъ, однѣтъ разъ умоляль онъ Бога: прошу Тебѣ, нєзєбєвъ мєнє отъ нємнєстєѣ; нє нїчєго не отвѣ-

тилъ ему Богъ. Приступилъ къ Нему вторично, съ тою же просьбой, почувствовалъ уже тошноту, какъ боецъ-панкратіастъ, котораго множество противниковъ кусаетъ и бьетъ по головѣ. Не отвѣтилъ Богъ ему и на вторичную просьбу. Приступилъ къ Нему въ третій разъ, — и тогда-то наконецъ услышалъ отъ Него отвѣтъ.

Почему такая отсрочка? Чтобы ты научился не отступать послѣ первой (просьбы), чтобы ты научился, если просишь чего-либо полезнаго и получаешь противное, не огорчаться. Ты часто просишь того, что считаешь полезнымъ, между тѣмъ какъ это не полезно. Богъ обращаетъ вниманіе не на твои слезы, но на несчастіе. Такъ и дитя часто проситъ отъ матери хлѣба, но если (оно проситъ) чего-нибудь вреднаго, чего не должно просить, то мать не даетъ ему, не обращая вниманія на его печаль, а только на пользу. Такъ и страдающій лихорадкой постоянно досаждастъ врачу, чтобы далъ ему холоднаго, но врачъ не даетъ ему, потому что не обращаетъ вниманія на его желаніе, вредное въ его настоящемъ положеніи, но на пользу для его здоровья въ будущемъ. Такъ и Павелъ не умѣлъ просить полезнаго. Какого свисхожденія заслуживаемъ мы, если и славный апостолъ въ отчаяніи приступалъ къ Богу и говорилъ ему: дай мнѣ отдохнуть немного, избавь меня отъ бѣдствій, дай мнѣ нѣкоторую слабость, я одинъ, а ты поручилъ мнѣ вселенную. Одинъ разъ припалъ онъ къ Богу и Тотъ ничего не отвѣтилъ ему, еще разъ просилъ, и наконецъ третій разъ сталъ просить: *о семъ трикратно Господа молихъ* (2 Кор. xii, 8). О чемъ? *Да отступитъ отъ мене ангелъ сатанинъ* — противники мои. Зачѣмъ? Чтобы безпрепятственно я могъ заниматься проповѣдью, чтобы не было у меня клеветниковъ и враговъ, чтобы не было бичей, ни бѣдъ, ни темницъ, ни суда, ни наготы. Съ этимъ я прихожу къ Тебѣ, объ этомъ прошу. Я утрудился, измученъ, страдаю, отовсюду поражаемый. Итакъ, что говорить ему Богъ, скажи мнѣ? Богъ не смягчился его просьбой, не далъ ему того, чего онъ просилъ, но сказалъ: *довлѣтъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (ст. 9). *Довлѣтъ ти благодать моя*. Ты обращаешь вниманіе на то, что ты терпишь, а на то, что дѣлаешь, не обращаешь? Что дѣлаютъ противъ тебя враги, на это ты обращаешь вниманіе, а что Я дѣлаю для тебя, на это ты не обращаешь вниманія? Они бичуютъ тебя, а Я даю благодать. Былъ ты въ темницѣ или нѣтъ? Былъ — и просилъ Твоей помощи. Видѣлъ ты тамъ ангела сатаны или нѣтъ? Видѣлъ: онъ нападалъ на меня. Связалъ онъ тебя или нѣтъ? Что сдѣлалъ Я тогда? Не потрясъ ли Я стѣны? Не открылъ ли двери? Не разрышишь ли узы? Не привелъ ли къ тебѣ какъ плѣнника темничнаго сторожа? Чѣмъ же повредилъ тебѣ ангелъ сатаны? Не принесла ли тебѣ напротивъ пользу Моя благодать? Не сдѣлало ли это чудо тебя болѣе славнымъ? *Довлѣтъ ти благодать моя*. Ты хочешь и того и

другого? Ты не хочешь бичей? Какъ же ищешь чудесъ? Не хочешь бѣдъ, а ищешь знаменій? Когда бичуютъ, ты видишь, а когда ты воскрешаешь мертвого, не видишь? Когда были разорваны твои одежды, ты видѣлъ, а когда твое слово обратило въ бѣгство болѣзнь, ты не видѣлъ? Когда ты связанный предсталъ на судъ, ты видѣлъ это, а когда Фестъ сказалъ тебѣ: *малѣ ли препираеши христіанина бити* (Дѣян. ххvi, 28) *)—ты этого не замѣтилъ? Ты получилъ великое оружіе—силу Духа, побѣждающую козни, прославляющую тебя. Чего еще хочешь? Чтобы тебѣ не страдать? Но въ чемъ обнаружилась бы тогда Моя сила? Обнаружилась бы, но не такъ, какъ теперь. Какъ? Со скорбью говорить Павлу: *увы миѣ!* Я вѣстникъ царства, ученикъ Христовъ, возвѣщаю бессмертія дѣла—и я бичуюсь, оскорбляюсь, ведуся на судъ! Но не приходи въ уныніе отъ этого, это дѣлаетъ тебя болѣе славнымъ. Если бы не потерпѣлъ этого, не сдѣлался бы столь знаменитымъ. Былъ ты въ темницѣ. Если бы ты не былъ связанъ, но вошелъ бы просто, тебя поддерживали бы и отпустили; а теперь ты былъ связанъ и она связаннаго тебя развѣшила. Ноги твои были забиты въ колодку, а благодать поколебала стѣны. Я говорю это, чтобы никто не смущался кознями противъ насъ. Мы говоримъ это не приравнивая себя Павлу (мы не столь безумны), но чтобы показать, что и смиренныхъ Богъ обрекаетъ на тоже самое. *Довлѣтъ ти благодать моя.* Не лишены ея и мы. Гдѣ же благодать? Похвалы тѣмъ больше, (что) тысячи враговъ не успѣли въ своихъ козняхъ. Еще больше ревнителей вооружилось, но имъ не удалось разлучить меня съ вами. Гдѣ благодать? Подняли противъ меня даже іудеи. *Довлѣтъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается.* Никогда не чуждайся скорби; она наследуется вмѣстѣ съ евангеліемъ. *Довлѣтъ ти благодать моя: сила бо въ немощи совершается.* Не ты ли бичуешься—и перерождаешь бичующихъ? Не ты ли терпишь козни—и вразумляешь злоумышляющихъ. *Сила бо моя въ немощи совершается.* Итакъ, ты желаешь (услышать) то, что услышалъ Павелъ? Достаточно будетъ этого съ тебя? Въ такомъ случаѣ я желаю быть бичуемымъ, терпѣть безчестія и оскорбленія. *Тѣмъ же благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, во изманихъ* (2 Кор. хii, 10). О, благопослушный рабъ! Принимай къ Богу, желая избавиться отъ скорбей, а когда узнаешь, что Владыка не только этого не желаетъ, но и желаетъ противнаго, то сказалъ: тебѣ угодно, чтобы я терпѣлъ скорби, и я этого хочу и за это благодарю. Не сказалъ просто—хочу, но—мнѣ нравится, страстно я желаю терпѣть бичеванія, изгнанія, притѣсненія. *Тѣмъ же благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ изманихъ, въ тѣснотѣхъ* (ст. 10). Для чего? *Да вселится въ мнѣ слава Христова* (ст. 9), Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) Не Фестъ, а царь Агриппа сказалъ эти слова.

На притчу о блудномъ сынѣ.

- 515 1. Всегда, конечно, братіе, должны мы проповѣдывать о человеколюбіи Божіемъ (имъ вѣдь мы *живемъ и движемся и есмы*—Дѣян. хѳи, 28); но въ особенности въ настоящее время обязаны мы дѣлать это, какъ по общему долгу, такъ и ради благодаренія (Его) къ тѣмъ заблудшимъ, которыя имѣють взойти изъ купели (крещенія). Вѣдь и они воскресаютъ благодаря Его человеколюбію, и мы имъ спасены и спасаемся: оно дано намъ въ качествѣ наслѣдія Создателемъ Богомъ и Отцомъ нашимъ. Скажемъ же о немъ то, что сказалъ Владыка Христосъ, человеколюбивый
- 516 Сынъ человеколюбиваго Отца, единственный достойный Источникъ Отческаго существа. Раскроемъ всю притчу о блудномъ сынѣ, чтобы изъ нея научиться, какъ должно приближаться въ недостигаемому и какъ просить Его о прощеніи грѣховъ. *Человѣкъ нѣкій имѣлъ два сына* (Лк. хѳ, в). Спаситель говоритъ приточно, а не положительно. Поэтому о Своемъ Отцѣ Онъ выражается какъ о нѣкомъ человѣкѣ, а о рабахъ говоритъ какъ о дѣтяхъ, давая тѣмъ самымъ понятіе о любви Божіей къ людямъ. *Человѣкъ нѣкій, говоритъ, имѣлъ два сына*. Кто этотъ
- 517 человекъ? *Отца щедротъ и Богъ всякіи утѣхи* (2 Кор. i, 3). Какія же это у Него два сына? Праведники и грѣшники,—пробывающіе въ Его божественныхъ повелѣніяхъ и преступающіе заповѣди Владыки. *И рече юнѣйшій ея сѣицу* (Лк. хѳ, 12). Кто этотъ „юнѣйшій“ сынъ? Человекъ, не имѣющій устойчивости въ душѣ и колеблющійся вѣтрами юности. Природа признала Отцомъ своего Создателя, хотя воля и не воздавая чести своему Творцу. *Отче, даждь ми достойную часть имѣнія*. Хорошо, что онъ попросилъ у Бога то, что Ему принадлежитъ, но худо то, что онъ растратилъ то, что получилъ. *И раздѣли имѣ имѣніе отецъ*. Далъ имъ весь міръ, какъ свой домъ; далъ имъ, какъ Творецъ, всю тварь; далъ имъ вмѣстѣ съ тѣлами и души разумныя, чтобы, руководясь разумомъ, они не дѣлали ничего неразумнаго; даровалъ имъ Свой законъ, естественный и писанный, какъ божественнаго пѣстунъ, чтобы воспитываемые имъ они исполнили волю Законодателя. *И не помняще онехъ собрать все мній сынъ* (какъ и можно было ожидать отъ юпоши) *отиде на страну далече* (Лук. хѳ, 13). Оставилъ Бога, и Бога его оставилъ, потому что Онъ не наслауетъ того, кто не хочетъ слушать Ему. Вѣдь и всѣ добродѣтели—дѣло свободной воли, а не необходимости. *И ту расточи имѣніе свое живши блудно*. Тамъ онъ потратилъ все богатство души своей; тамъ, утопая въ наслажденіяхъ, онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе; тамъ, въ быстрой снѣжѣ увеселеній, онъ сдѣлался бѣднякомъ; тамъ, покупая душепагубныя удовольствія и торгуя вселениемъ, онъ нажилъ себѣ потоки слезъ; добродѣтели, какія имѣлъ онъ, утратилъ, а вмѣсто нихъ обогатился пороками, каковыхъ не зналъ

раньше. *Изжигишу же ему все* (неестественно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы у человѣка, проводящаго постыдную жизнь, оставалось богатство благодати), *бистъ гладъ крѣпокъ на странѣ той* (ст. 14). Гдѣ не воздѣлывается хлѣбъ цѣломудрія, тамъ долженъ быть сильный голодъ; гдѣ не проиврастаетъ лоза воздержанія, тамъ является голодъ; гдѣ не выжимаются грозды непорочности, тамъ свирѣпствуетъ голодъ; гдѣ нѣтъ небеснаго вина, тамъ ужасный голодъ; гдѣ обильно рождается зло, тамъ совсѣмъ не родится добра; гдѣ процвѣтають дурныя дѣла, тамъ совершенный недостатокъ добродѣтели; гдѣ елей челоуѣколюбія не источается, тамъ сильный голодъ. Тогда-то и *той начать лишатися*. Ничего ему не оставалось болѣе, кромѣ дѣлъ неводержанія, послѣ того, какъ онъ передѣлалъ всѣ постыдныя дѣла. *И шедъ прилѣпился единому отъ жителей той страны* (ст. 15). Жители же той страны, гдѣ оказался переселенецъ, были бѣсы. И *посла ея тотъ, къ кому онъ прилѣпился, на села своя пасти свинимъ*. Такъ-то почитаютъ бѣсы тѣхъ, кто служить имъ; такъ любятъ они тѣхъ, кто любить ихъ; такъ благодѣтельствуютъ своимъ приверженцамъ! *И желаше насытити чрево свое отъ рожцеи, лже ядлу свинія* (ст. 16). Что это значить—отъ рожцеи? Рожцы—сладки на вкусъ и вѣстѣ съ тѣмъ грубы и тяжелы. Но таковъ и грѣхъ по своей природѣ: онъ веселитъ немного, а наказываетъ много; наслажденіе доставляетъ минутное, а мученіе вѣчное. *Въ себе же пришедъ*: сравнилъ свое прежнее блаженство и послѣдующее жалкое положеніе, сообразилъ, кѣмъ онъ былъ, когда находился въ послушаніи у Бога и Отца, и кѣмъ сталъ, подчинившись демонамъ. *Въ себе же пришедъ, рече: каково насмѣихомъ отца моего избывають хлѣбы, азъ же голодомъ ѣмлю?* Сколько оглашаемыхъ наслаждается теперь священными писаніями, а я изнываю отъ глада божественныхъ словъ? Сколькохъ благъ лишилъ я самого себя? Сколькомъ бѣдствіямъ я себя подвергъ? Зачѣмъ оставилъ я то блаженное состояніе? Зачѣмъ бросился въ эту пагубную жизнь? Все то, что я потерпѣлъ,—урокъ мнѣ: не оставлять Бога; теперь я научился держаться Того, Кто всегда хранитъ тѣхъ, которые держатся Его; я научился не вѣрить нечистымъ демонамъ, внушающимъ всякую нечистоту и пагубу. Итакъ, что говорить онъ? *Воставъ иду ко отцу моему*. Возвращусь добрымъ туда, откуда ушелъ на зло; вернусь къ Отцу моему, Творцу, Владыкѣ, Попечителю и Промыслителю; возвращусь къ Тому, Который давно ждетъ и готовъ принять возвращающихся къ Нему. *Воставъ иду ко отцу моему и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмѣ достоинъ наречися сынъ твой: сотвори мя яко единого отъ насмѣихъ твоихъ* (ст. 19). Для моего спасенія достаточно этихъ словъ; надежнымъ ходатайствомъ за меня послужитъ имя Отца моего: не можетъ вѣдь Отецъ мой, изъ моихъ устъ слыша это имя, не показать себя Отцемъ на дѣлѣ; не можетъ не подвигнуться сердцемъ, будучи благоутробнымъ, не можетъ, услы-

шавъ: *согрѣшихъ*, не оказать снисхожденія моему раскаянію; услышавъ мой голосъ, не можетъ Онъ не забыть Своего справедливаго гнѣва. Я знаю, какую силу имѣть предъ нимъ раскаяніе; знаю, что могутъ сдѣлать у Него слезы; знаю, какъ каждый грѣшникъ, припадая къ Нему съ теплыми слезами, подобно Петру, получаетъ прощеніе своихъ грѣховъ; знаю благодать моего Бога; знаю кротость моего Отца. Онъ помируетъ меня кающагося, какъ не наказалъ согрѣшившаго.

2. *И воставъ иде ко отцу своему.* За добрымъ рѣшеніемъ послѣдовало доброе дѣло. И справедливо: недостаточно стремиться къ полезному только на словахъ, необходимо и дѣломъ подтверждать свои добрыя намѣренія. Находясь еще вдали отъ Отца, но стремясь къ Нему сердцемъ, онъ то ломаетъ себѣ руки, то поражаетъ ударами свою грудь, какъ источникъ дурныхъ желаній, то лицомъ припадаетъ къ землѣ, то изъ очей проливаетъ потоки слезъ въ подкрѣпленіе своей просьбы, то изыскиваетъ оправданіе себѣ; наконецъ, сквозь слезы онъ громко взываетъ: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою!* Знаю, согрѣшилъ я, Христе Владыко и Господи; мои грѣхи Ты одинъ знаешь; согрѣшилъ я, помилуй меня, какъ Богъ и Владыка. Я недостойнъ очей поднять на небо и умолять Тебя, моего добраго Владыку; велика и нестерпима моя вина; нѣтъ числа моимъ грѣхамъ! Но помилуй меня, такъ какъ Ты благъ всегда. *Нѣсмь достоинъ нарециши сынъ твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ* (ст. 19). Такъ просящаго изъ глубины сердца увидѣлъ его Тотъ, Кто болѣзнуетъ о заблудшихъ, призираетъ согрѣшающихъ и ожидаетъ ихъ раскаянія,—увидѣлъ его Отецъ его и милосердовалъ о немъ. Конечно, Онъ былъ Отцомъ по благодати, по природѣ будучи Богомъ. *И текъ нападе на емю его и облобыза его* (ст. 20). Не дождался, когда тотъ подошелъ и сталъ умолять его, но съ готовностью устремился ему навстрѣчу. И не погнушавшись его, оскверненной и запачканной грязью порока, но чистыми Своими руками обнявъ его, цѣловалъ безъ счету того, кого давно уже ожидалъ. О, неизреченное и безмѣрное благоутробіе! О, необычайное человеколюбіе! О, примиреніе чудное! Тотчасъ убѣдилъ онъ Бога въ одно мгновеніе и къ слезамъ снывойти и столь великое множество (грѣховъ) побѣдить. Ты удивляешься, вида, что Богъ съ любовью принялъ грѣшника? О, какая отеческая любовь! Грѣшникъ на землѣ заплакалъ, и Единный безгрѣшный съ неба преклонился къ человеколюбію. Кто видѣлъ когда, чтобы грѣшникъ былъ ублажаемъ Богомъ? Кто видѣлъ когда, чтобы судія служивалъ подсудимому? Кто видѣлъ когда, чтобы обвиненный былъ ласкаемъ? А между тѣмъ Богъ призываетъ, какъ нѣкогда Израиля: *людіе мои, чѣмъ оскорбихъ васъ, или чѣмъ стужахъ вамъ* (Мих. vi, 8)? И теперь бываетъ тоже самое, и было, такъ какъ обычно быть побѣждаемымъ самимъ Собой Отцу щедротъ и Богу всякія утѣхи. Но этотъ блудный сынъ не удовольвовался такой встрѣчей со

стороны Отца, но и въ добрыхъ (дѣлахъ) покаянія будучи блуднымъ, при множествѣ грѣховъ своихъ не считалъ такое человеколюбіе достаточнымъ для спасенія; поэтому, что именно придумалъ онъ сказать Отцу, то при встрѣчѣ съ нимъ и выразилъ приличнымъ образомъ: Отче! Если только позволительно мнѣ называть тебя Отцомъ, если, называя Тебя Отцомъ, я тѣмъ не увеличиваю своей вины предъ Тобой, если не оскорбляю этимъ зовомъ имени недосягаемаго, если не замыкаетъ устъ моихъ совѣсть, если не связываетъ языка тяжесть моихъ грѣховъ, если не воспрепятствуетъ мнѣ моя прежняя жизнь: прими, Отче святыи, изъ нечистыхъ устъ нечистую мольбу! Отче по благодати и Создатель по природѣ, *созрѣвшимъ на небо и предъ тобою и уже тѣмъ достоинъ нарецишься сынъ твой* (ст. 21)! Созрѣвши я, исповѣдаю прегрѣшенія мои, не скрываю того, что ты видишь, не отрицаюсь того, что ты знаешь; какъ подсудимый я предстою Тебѣ, какъ беззаконникъ самъ себя осуждаю; но Ты, какъ Судія, помилуй меня. *Созрѣвшимъ на небо и предъ тобою!* Боюсь поднять къ небу глаза свои, боюсь самаго вида тверди небесной, какъ голоса обвинителя, боюсь обратить взоры къ сіянію Божества, имѣя нечистыя очи сердца. *Созрѣвшимъ на небо и предъ тобою, и уже тѣмъ достоинъ нарецишься сынъ твой.* Вотъ я самъ предаю себя, самъ осуждаю себя, самъ произношу надъ собою приговоръ. Нѣтъ нужды ни въ судѣ для постановки приговора, ни въ свидѣтеляхъ для улики, ни въ обвинителяхъ для обличенія. Внутри себя имѣю воссѣдающую совѣсть, неумолимаго судію въ душѣ ношу, страшное судилище; въ совѣсти ношу свидѣтелей, въ очахъ моихъ обвинители; зрѣлица меня обвиняютъ, конскія ристалища вопіютъ противъ меня, поиски охотниковъ за дикими звѣрями взываютъ противъ меня. Распутство торжествуетъ надо мной, мои дѣла увѣковѣчены какъ бы на поворномъ столбѣ, моя настоящая нагота обличаетъ меня, самыя рубища, въ которыя я облеченъ теперь, посрамляютъ меня и я уже недостойнъ называться сыномъ Твоимъ, *сотвори мнѣ, яко единого отъ насмнѣхъ твоихъ.* Не прогоняй меня изъ Твоего дома, Господи, чтобы опять врагъ, найдя меня заблудившимся, не увлекъ къ себѣ какъ военнопленнаго, но и не привлекай меня близко къ страшной Твоей и таинственной трапезѣ, потому что я не дерзаю нечистыми глазами смотрѣть на святая святыхъ. Оставь меня съ оглашаемыми въ притворѣ церкви, чтобы, совершая совершающіяся въ ней таинства, я возжелалъ понемногу опять получить ихъ; чтобы, подхваченный волнами божественными, я омылъ поворъ постыдныхъ пѣсень, стеръ эту грязь, лежащую на моемъ слухѣ, чтобы, совершая Твой сокровища, похищаемыя благочестивыми мужами, я и самъ пожелалъ имѣть руки, достойныя принять ихъ. Когда такія просьбы излилъ блудный и такъ со слезами умолялъ, *рече отецъ къ рабамъ своимъ.* Къ какимъ рабамъ? Слушай: къ іереямъ и служителямъ Его повелѣній. *Изнесите одежду перзую и облеците ея* (ст. 22). Принесите одежду, истланную свыше, обновленную ду-

ховнымъ огнемъ, принесите одежду, которая таетъ въ водахъ купели. Принесите одежду, приготовленную изъ духовнаго огня, и одѣньте его. Одѣньте его, который самъ себя раздѣлъ, одѣньте новаго Адама, котораго обнажилъ діаволъ, одѣньте царя созданія; украсьте того, ради котораго Я украсилъ міръ. Украсьте дорогіе для Меня члены Моего сына. Мнѣ невыносимо видѣть его лишеннымъ благообразія, нестерпимо оставить Мой образъ обнаженнымъ; поворъ Моего сына я считаю поворомъ Себѣ; Мою честь полагаю въ его чести.

8. *Дадите перстень на руку его, чтобы онъ носилъ залогъ Духа и нося его былъ хранимъ Духомъ, чтобы, имѣя Мою печать, онъ былъ страшенъ всѣмъ врагамъ и противникамъ, чтобы издали было видно, какого отца онъ сынъ. Дадите и сапоги на ногу его, чтобы опять змѣй не нашелъ обнаженной пяту его и не уязвилъ его своимъ жаломъ, но чтобы лучше онъ поправилъ главу змѣя, уничтожилъ жало врага и въ безопасности шествовалъ по пути Божію. И приведше тельца упитанный заколите* (от. 23). Какого тельца Онъ называетъ упитаннымъ? Какого? Котораго телица Марія Дѣва родила. Принесите тельца неукротеннаго, не подъявшаго ярма грѣха, дѣвственнаго и отъ Дѣвы (рожденнаго), слѣдующаго за тѣми, кто слѣдуетъ за Нимъ, не по принужденію, но добровольно; не прибѣгающаго ни къ силѣ, ни къ рогамъ, но съ готовностью склоняющаго Свою шею желающимъ заклать Его. Итакъ, заколите Того, Кто добровольно заколается; заколите Того, Кто животворитъ закаланныхъ; заколите закалаемаго и не умирающаго, заколите Того, Кто разнимается на части, и разнимающихъ Его освящаетъ; заколите вкушаемаго знающими Его и никогда не истребляемаго; заколите Того, Кто вкушающихъ Его дѣлаетъ блаженными. И вкусивъ Его, всѣ будемъ радоваться, *яко сынъ мой сей жертвъ бѣ и оживе, и изиѣлъ и обрѣтется. И начаша веселитися* (ст. 24). Вамъ знакома эта духовная радость, вы вкусили ея и помните, какъ во время страшныхъ тайнъ служители божественнаго священнодѣйствія, подражая крыльямъ ангеловъ узкими кусками полотна, лежащими на гѣвомъ плени, обходятъ и взываютъ: „да никто отъ оглашенныхъ“, да никто изъ не ядущихъ, да никто изъ соглядатеѣвъ, да никто изъ немогущихъ видѣть вкушаемаго Агнца, да никто изъ немогущихъ соверщать небесную кровь, изливаемую во оставленіе грѣховъ, да никто недостойный живой жертвы, да никто нечистый, да никто немогущій нечистыми устами прикоснуться страшныхъ тайнъ (не смѣетъ приступитъ сюда). Потомъ присоединяются и голоса ангеловъ съ неба, говорящихъ: святъ Отецъ, давший въ жертву Тельца упитаннаго, не познавшаго грѣха, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *иже беззаконія не сотворѣ, ниже обрѣтется лѣсть въ устѣхъ его* (лпн, 9); святъ Сынъ, Агнецъ, всегда приносимый въ жертву волею и всегда живой; святъ Утѣшитель, Духъ Святой, совершающій жертву. Когда все это совершалось,

старшій сынъ, возвратившись изъ отлучки, услышалъ пѣніе и лики, и подозревалъ одного изъ рабовъ, спрашивалъ его, что такое происходить, какой шумъ оглашаетъ мои уши. Онъ говоритъ, а Давидъ пророкъ внутри дома воспѣваетъ: *тогда вознесутъ на алтарь твой тельца* (Пс. I, 21). Онъ же опять предлагаетъ присутствующимъ угощеніе и говоритъ: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (xxxiii, 9). Тамъ же и Павелъ, изъяснитель божественныхъ тайнъ, вызываетъ и говоритъ: *Пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ* (1 Кор. v, 7). Радостію торжествуетъ Церковь и лакуетъ. А онъ говоритъ рабу: да, пока я былъ внѣ дома, другіе въ мое отсутствіе раздѣляютъ мои таинства въ моемъ домѣ. Да, отвѣчаетъ тотъ, пришелъ братъ твой и отецъ твой закололъ тельца упитаннаго, радуясь, что онъ возвратился живымъ и здоровымъ. Разгнѣвался тогда праведникъ и не пожелалъ войти. Разгнѣвался праведникъ и впалъ въ рабство зависти; поправъ удовольствія жизни, онъ самъ былъ охваченъ завистью. Но какъ же говоритъ Павелъ: *моллиблхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моеи, сродниимъ мнѣ по плоти* (Римл. ix, 3)? Не съ тою, конечно, цѣлю, чтобы представить праведника завистливымъ, употребилъ Спаситель такой оборотъ рѣчи, но чтобы возвѣститъ чрезмѣрное богатство милости Отца Своего. Это ясно обнаруживается изъ дальнѣйшаго. *Отцы же его изиде молниѣ ею* (от. 28). О, неизреченная мудрость! О, боголюбивый промыслъ: и грѣшника помиловалъ, и праведника ублажилъ; и стоявшему не позволилъ пасть, и падшаго возбудилъ, и бѣдняка обогатилъ, и богатому не допустилъ отъ зависти впасть въ бѣдность. *Онъ же отъицавъ рече отцу: се только работашъ тебѣ, и николиже запоща твоя преступникъ; и мнѣ николиже даждъ еси козляте, да со друзи своими возселимъ быхъ* (ст. 29); я хожу въ милотяхъ, козьихъ кожахъ, терпя лишенія, скорби, озлобленія (Евр. xi, 87). Когда же пришелъ этотъ сынъ твой, презрѣвшій тебя и прожившій твое имѣніе съ блудниками, ты тотчасъ закололъ для него упитаннаго тельца, и ни словомъ не упрекнулъ его, ни видомъ не показавъ ему своего неудовольствія; ты тотчасъ принялъ его гостепріимно: украсилъ всего твоею одеждою, обилстаетъ золотымъ перстнемъ, укрѣпилъ сапогами, ввелъ его въ домъ свой, и устроилъ для него трапезу, и чаши наполнялъ, и тельца упитаннаго закололъ, и вѣрныхъ созвалъ на пиръ, и ангеловъ заставилъ ликовать, и устроилъ странное сопиршество неба и земли. И также дары ты расточаешь тому, кто презрѣлъ Твою доброту и обещанія Твое святое имѣ. Что сказать о глубинѣ и безднѣ Твоихъ щедротъ? Какъ удивляться морю Твоего благодушія? Ты мыслешь, Господи, возмъ, потому что все можешь и пренебрегаешь грѣхи людей: ради нихъ покаяніи. Отецъ же его рече ему: *чудо, что всегда со мною еси* (ст. 31). Ты никогда не отлучался отъ Моехъ нѣдръ, ты не покидалъ Моей Церкви, ты всегда внималъ псалмамъ и гимнамъ, ты не-

разлучно перебуваєшь съ ангелами, ты предстоишь жертвеннику и съ дерзновеніємъ взываєшь: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ, да святится имя твое* (Мѣ. vi, 9). А твой братъ пришелъ ко Мнѣ осужденный, пристыженный, съ лицомъ, поникшимъ къ землѣ, и сокрушеннымъ и печальнымъ голосомъ взывалъ: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою и уже нѣмъ достоинъ нарециши сына твоего: сотвори ми яко единому отъ наемниковъ твоихъ!* Что Я могъ сдѣлать въ отвѣтъ на эти слова? Могъ ли Я не помиловать Моего сына, пришедшаго ко Мнѣ? Осуждай Меня, если гнѣваешься. Я же, будучи человѣколюбивъ, не могъ допустить, чтобы сдѣлано было что-либо безчеловѣчное. Не могу не помиловать Я того, кому далъ жизнь, не могу не пожалѣть того, кого породилъ изъ своихъ нѣдръ. *Чадо, ты всегда со мною еси, и еси моя твоя суть* (ст. 81). Небо—твое, твердь—твоя, солнце—твой факелосвѣтъ, луна—твоя приспѣшница, звѣзды—твои свѣчи, воздухъ—твой питатель и все, что въ немъ, твое, земля и все, что на ней, твое, море и все, что въ немъ, твое, вселенная—твоя, Церковь—твоя, жертвенникъ—твой, телець упитанный—твой, жертва—твоя, ангелы—твои, апостолы—твои, мученики—твои, настоящее—твое, будущее—твое, воскресеніе—твое, безсмертіе—твое, вѣчнѣіе—твое, царство небесное—твое, все видимое и умопостигаемое—все твое. Я ничего не отнялъ у тебя, чтобы отдать ему; не раздѣлъ тебя, чтобы одѣть его. Не своимъ ли добромъ я былъ щедръ для него? Не одинаково ли Я отецъ и твой и его? И тебя почитаю за добродѣтель, и его милую за прекрасное возвращеніе; и тебя 522 люблю за твою жизнь, и его за исправленіе; и тебя милую за поведеніе, и его за раскаяніе; и тебя за твоє терпѣніе, и его за возвращеніе ко мнѣ. *Возвеселились же и возрадовались подобаше, яко братъ твой сей мертвъ бы и оживе, и изнибѣ бы и обрѣтеся* (ст. 82). Кто, видя мертваго воскресшимъ, не обрадуется, и кто, найдя то, что потерялъ, не будетъ торжествовать. Поди и ты, сынъ мой, возвеселись съ нами, и возликуй съ ангелами и обними со мной брата твоего и воспой вѣсть съ Давидомъ эту духовную пѣснь, приличную настоящему торжеству: *благосенъ иже оставишиа беззаконія и иже прикришиа грѣхъ. Благосенъ мужъ, емоужъ не вѣршитъ Господь грѣха* (Пс. xxi, 1—2). Вы слышали божественную притчу, узнали ея смыслъ и видѣли ея значеніе. Поняли, насколько человѣколюбивъ Господь вашъ, насколько Онъ неалобивъ. Итакъ, прибѣгаемъ къ Нему съ чистымъ сердцемъ, воспоемъ Ему единогласно: Владыко, Господи Человѣколюбче, Единородный Сыне Божій, согрѣшили мы на небо и предъ Тобою, уже не достойны называться сынами Твоими, но уповаемъ на Твои щедроты, имѣемъ залогомъ Твоего человѣколюбія Твой честный вѣстъ, который Ты претерпѣлъ ради насъ, имѣемъ посредниковъ Твоего благоутробія, прежнюю блудницу и бывшаго разбойника. Черезъ нихъ и мы и всѣ грѣшники поспѣшимъ прибѣгнуть къ Твоему человѣколюбію. Какъ ихъ

Ты сдѣлалъ славными и блаженными, Господи, такъ и насъ припадающихъ къ Тебѣ помилуй. Какъ мертвыхъ Ты воскресилъ, будучи распятъ на крестѣ, такъ и насъ умерщвленныхъ грѣхомъ воскреси по многому Твоему человеколюбію, чтобы намъ быть вмѣстѣ съ искупленными цѣною Твоего воскресенія. Говоря это, будемъ ожидать, чтобы и намъ сказалъ Владыка нашъ Христосъ: *по стрпъ вашей буди вамъ* (Мѣ. ix, 29). А вы, имѣющіе сподобиться даровъ крещенія, отбросивши всякое чуждое помышленіе, и души ваши устремивши къ Небесному Жениху, вкусите благодать Святого Духа. *Господь близъ*, ни о чемъ же печетесь (Филип. iv, 5, 6). При дверяхъ Искупитель, Врачъ близъ вѣрующихъ, лечебница открыта, лѣкарства готовы, купель всѣхъ ожидаетъ, благодать раскрылась, духовная одежда изготавляется Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Блаженны удостоиваемые носить эту одежду! Вамъ остается теперь затеплить свѣтильники вашей вѣры, и щедро влить елей благочестія, чтобы ночью, когда раздастся голосъ: *се Женихъ иредетъ* (Мѣ. xxv, 6), вамъ можно было выйти на встрѣчу Ему съ сіяющими свѣтильниками, ликуя и радуясь и зывая: *благословенъ иредый во имя Господне* (ЛхІ, 9)! Ему слава и держава, нынѣ и присно и во вѣки. Аминь.

О пласкѣ Иродіады и объ отсѣченіи главы Предтечи и Крестителя Іоанна.

1. Любитель уединенія,—въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ 521
лѣса, въ тѣни деревьевъ, наслаждаясь прелестной музыкой журчащаго источника и пѣніемъ сладкогласныхъ птицъ,—умиляется душою и сердцемъ и въ такомъ настроеніи производить на всѣхъ приятное впечатлѣніе. Подобно этому и мы въ предшествующіе дни, призываемые кроткимъ дыханіемъ Духа, бесѣдовали съ вами о различныхъ дѣлахъ милосердія. Но теперь, когда Евангеліе только что возвѣстиво намъ о безуміи Ирода и о распутствѣ женщинъ, о пиршествѣ безумныхъ мужей и о проклятой трапезѣ, о незаконномъ дарѣ и несправедливомъ дѣлѣ, и о погребеніи честнѣйшаго тѣла, теперь я настроенъ совершенно иначе. Нѣмѣютъ уста мои, возлюбленные, когда предъ мной взоромъ проходятъ эти Иродовы дѣянія: языкъ не поворачивается говорить объ этихъ дѣлахъ или вѣрнѣе о ранахъ содѣявшаго такіа дѣла. *Въ то время, сказано, услыша Иродъ четвертовластникъ слухъ Иисусовъ и рече отрокомъ своимъ: сей есть Іоаннъ, его же азъ устыкнухъ. Сей*

воста отъ мертвыхъ и сего ради силы дѣются о немъ (Мѣ. хiv, 1, 2). Сознается Иродъ, что онъ убилъ пророка, котораго не могъ обмануть; сознается, что зналъ о томъ, котораго убилъ, что онъ пророкъ и мушъ праведный. Вѣдь если бы онъ тогда не зналъ этого; не сталъ бы говорить теперь, что это Іоаннъ воскресъ изъ мертвыхъ и потому творить такіа чудеса. О, злая совѣсть! Въ какомъ преступленіи ты сама себя облачаешь! О, злая совѣсть, обитающая въ грязной душѣ, при жизни казнящая и послѣ смерти неумолимо осуждающая! И за что убилъ онъ пророка? За то, что тотъ возвѣщалъ истину и беззаконный поступокъ его хотѣлъ исправить посредствомъ обличенія. Тотъ, кому надлежало быть блюстителемъ заповѣдей Божіихъ, самъ нарушалъ законы безпорядочной неводержанности въ удовольствіяхъ. Вѣдь царь, издавая справедливые законы, самъ первый долженъ исполнять ихъ; а не почитать. Да и какъ могъ бы онъ поддерживать добрый порядокъ среди своихъ подданныхъ, если бы справедливыми законами не удерживалъ необузданный родъ людской какъ бы вожами въ послушаніи? А Иродъ, царствуя не надъ народомъ, а надъ удовольствіями, нѣмъ вѣрнѣе сказать: «будущи рабомъ удовольствій (имѣе кто подобна быванію; сему и рабствока есть—2 Петр. ii, 19), не только преступалъ законъ Божій, но и дерзнулъ на неправоубійство. И кого убилъ? Человѣка праведнаго, большій котораго не возставалъ среди рожденныхъ женами, по свидѣтельству самого Господа,—человѣка, обитавшаго въ пустынь необитаемой, безводной, бесплодной, недоступной, гдѣ не было ни деревца, ни былинки, ни цвѣточка. Обиталъ въ пустынь Іоаннъ, не убѣгая отъ соплеменныхъ и родственниковъ людей, но избѣгая видѣть и слышать о скверныхъ дѣлахъ человѣческихъ. Онъ ни сѣялъ, ни жалъ; у него не было ни хлѣба, ни вина, ни трапезы, ни ложа, доставляющаго людямъ столько удовольствій, ни мягкихъ пуховыхъ перинъ, разслабляющихъ и изнѣживающихъ тѣла женоподобныхъ мужчинъ; не нѣлъ онъ ни свѣчи, ни подсвѣчника, ни стола, ни подложной скамейки, ни чашы, ни блюда. Одинокъ, словомъ, удалившись отъ жизни мірской, онъ ничѣмъ мірскимъ не пользовался. Обиталъ онъ не подъ кровомъ дома съ замоченнымъ потопкомъ, но подъ кровомъ скалы, нетронутыхъ человѣческой рукой. И столонъ, и подножіе, и ложемъ для него была земля; имъ ему замѣняли акриды, а пирожное—дикій медъ; чашей у него служила горсть собственной руки, а вмѣсто вина онъ пилъ чистѣйшую ключевую воду. Такого-то человѣка схватилъ Иродъ и держалъ въ узакъ: *Иродъ бо естъ Іоанна, сжевъ сго и есави еъ тѣмъину, Иродіады ради жени Филиппа брата своею* (Мѣ. хiv, 8). О, всегосетвенное дѣло! Іоаннъ его душу, связанную узами грѣха, хотѣлъ развѣршить обличеніемъ, а онъ наложилъ узы на своего развѣршителя! Но и въ узакъ Іоаннъ вѣщалъ, и содержимый подъ стражей обличалъ. *Глаголаше предъ царю и не стыдѣлся* (Пс. cxviii, 46). Смерти Іоаннъ не боялся; а

боялся молчать объ истинѣ. Его-то убилъ Иродъ, и, убивъ, совершилъ убійство не одно, но многія. Умертвивъ учителя и исцѣлителя душъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ умертвилъ и всѣхъ тѣхъ, кого тотъ при жизни могъ бы оживить своимъ словомъ. И когда онъ убилъ его? Стыдно сказать, не для говорящаго стыдно, а для едѣлавшаго убійство. Когда праздновался день рожденія Ирода, дочь Иродіады плясала предъ пирующими и угодила ему, до такой степени, что онъ съ клятвой обѣщалъ ей дать все, чего бы она ни попросила. А та, по наущенію матери своей, сказала: *даждь ми на блюди главу Іоанна*. О, злое празднество, дышущее убійствомъ пророка! О, если бы за той трапезой угощались люди праведныя! Общенье съ ними послужило бы на пользу и развращенной душѣ Ирода: можетъ онъ и исправился бы. *Съ преподабленимъ преподабена будещи*—сказано—и *со строптенимъ разсуптенимъ* (Пс. хviii, 26, 27). Но онъ вмѣсто того, чтобы имѣть попеченіе о вдовицахъ и состраданіе къ сиротѣ, чтобы при помощи ихъ усердныхъ и неотступныхъ молитвъ предъ Богомъ сохранить свою жизнь непоколебимою, благодумствовалъ съ распутными людьми и безчестными женщинами, и въ позорномъ обществѣ, отягощенный обильной выпивкой и обольщенный невоадержными женщинами, отнялъ жизнь у Іоанна. Предтечу дня, чудный свѣтильникъ, лампаду вѣры, свѣтильникъ всего міра—Іоанна онъ посягнулъ уничтожить убійствомъ. И вѣдь, разрушивъ этотъ свѣтильникъ, Иродъ только самого себя погрузилъ во тьму. Конечно, внѣшнюю его—скудельную—оболочку онъ уничтожилъ, но душа Іоаннова продолжала свѣтити и отъ нея возсіяла вѣсть вѣры находящимся во адѣ. (Еще при жизни своей), какъ пророкъ, зная, что ему должно предупредить Господа своего во адѣ, Іоаннъ посылаетъ къ Нему нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ съ вопросомъ: *Ты ли еси грядый или иного чаемъ* (Мѣ. xi, 3)? Не цѣваніемъ вызванъ этотъ вопросъ. Какъ могъ онъ не знать Господа, когда, указывая на Него, говорилъ: *се, агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. i, 29)? Какъ могъ не знать Господа онъ—зритель нисхожденія Духа съ небесъ и слышатель гласа Отцаго о Немъ, говорящаго: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мѣ. iii, 17)? Что же означаетъ въ такомъ случаѣ его вопросъ: *Ты ли еси грядый или иного чаемъ* (Мѣ. xi, 3)? Не сказали: Ты ли тотъ, кто придетъ?—потому что на землю уже Онъ пришелъ, но спрашивалъ: *Ты ли еси грядый* (очевидно, рѣчь идетъ объ адѣ), или намъ ждать другого?

2. Іоаннъ могъ такъ разсуждать самъ съ собою: можетъ быть, Господь пошлетъ въ адъ вмѣсто себя ангела, облечши его силой? Или, быть можетъ, Онъ всѣхъ воскреситъ однимъ своимъ словомъ, какъ сдѣлалъ это съ Лазаремъ? Въ виду этого, не зная воли своего Владыки, онъ и посылаетъ спросить у Него: *Ты ли еси грядый или иного чаемъ* въ адъ? Его-то убилъ Иродъ! И какъ убилъ? Праздновался день рожде-

нія Ирода и дочь Иродіады плясала. Самая подходящая забава для подобной трапезы! Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ сплелись другъ съ другомъ пьянство и разгулъ, тамъ нѣтъ ничего твердаго, но все шатается, колыблется, подобно безумію Ирода. Слушайте, любители плясовыхъ зрѣлищъ, слѣдшіе своими взорами за гибкими ногами расслабленныхъ юношей и распускающіе свои сердца вмѣстѣ съ ихъ изгнѣженными тѣлами; послушайте, къ какому убійству привело это утонченное удовольствіе. Наученная матерью своею, дочь сказала: *даждь ми здѣ на блюди главу Іоанна* (Мѣ. xiv, 8). О, ехидное порожденіе нечестивой лъвицы! Не золота она попросила, не серебра, не драгоценныхъ камней, но главу Іоанна! И если бы вѣра внушала ей эту просьбу, тогда, конечно, глава Іоанна была бы для нея драгоценнѣе всякаго золота и серебра и дорогихъ каменьевъ. Но она просила не по вѣрѣ, чтобы воздать ему честь, но чтобы умертвить этотъ живой укоръ, избавить мать свою отъ посрамленія, какое навлекалъ на нее ея грѣхъ. Услышавъ такую просьбу, *царь печаленъ бысть* (ст. 9). Однако, не убійство пророка смущало его, но страхъ предъ народомъ, почитавшимъ Іоанна какъ пророка. Вотъ что смущало его, а вовсе не чувство благоговѣнія: будь у него это послѣднее, онъ и раньше не посадилъ бы Іоанна въ темницу. Душа Ирода была тогда подобна судну, захваченному въ морѣ волненіемъ и колеблему на оба борта: совершить убійство—онъ боялся народа, а не совершить—не рѣшался *клятвой ради и за возлежащихъ съ нимъ* (ст. 9). Но въ концѣ концовъ постыдная страсть къ женщинамъ взяла въ немъ верхъ и, прикрываясь святостью клятвы, какъ благодѣиымъ предлогомъ, несчастный, *пославъ, ускнну Іоанна* (ст. 10). Какое зло—клясться—вспомнителетеперь вы, которые всегда готовы клясться! Вспомните, что говоритъ Господь: *не клятися оскот* (Мѣ. v, 34)! Вѣдь, если бы не клялся тогда несчастный Иродъ, онъ не рѣшился бы совершить убійство. Лучше бы ему совѣмъ не клясться, а разъ клятва была произнесена, ее слѣдовало нарушить, потому что при выборѣ изъ двухъ золъ должно было предпочесть меньшее. *Пославъ, ускнну Іоанна*. Какая рука дерзнула, возлюбленные, поднять мечъ на святую шею Іоанна, котораго звѣри въ пустыни боялись, котораго львы трепетали, котораго змѣи и драконы и скорпіоны страшались, котораго дикія пчелы питали своими сотами, какъ человѣка святого? Съ разнообразныхъ цвѣтовъ и травъ извлекая медъ, какъ бы собирая въ пустынѣ златовидныя капли росы, онъ приносилъ ему плоды трудовъ своихъ. Его-то ускнула рука палача, не дрогнувшая предъ его ангелоподобнымъ лицомъ, не устыдившаяся лица, на которомъ отражалось божественное сіяніе. Остается думать, что у посланнаго Иродомъ палача помутилось въ головѣ отъ выпятаго на пиру вина, и онъ, держа мечъ въ рукахъ, ничего не видѣлъ глазами. Ускнута была глава Іоанна (не источившая крови, потому что онъ никогда не пилъ

вина) и принесена была на блюдѣ на пиръ,—и тутъ она взывала къ Ироду: *не достоинъ ты имѣти жены брата своего* (xiv, 4—3)! Вѣдь и послѣ смерти праведникъ жить, и голосъ его звучать, когда уже глава его была отсѣчена. О, жестокость человѣка. На чемъ ѣлъ мясо, на томъ самомъ блюдѣ положилъ голову человѣка. О, беззаконный тиранъ! Мало тебѣ было истребленія младенцевъ, провзведеннаго тѣмъ прежнимъ Иродомъ въ Вифлеемѣ, когда вопли отцовъ и матерей, сливаясь вмѣстѣ, казались острѣе ножей, когда потоки слезъ, изливаемые очами, были обильнѣе источниковъ, когда отцы поражали себя въ грудь, когда отъ скорби захватывало у всѣхъ дыханіе, матери оплакивали безвременную гибель своихъ младенцевъ, этихъ нѣжныхъ побѣговъ ихъ собственныхъ чреслъ, когда у матерей молоко, переполняя сосцы, изливалось на землю, и убѣждало ее, такъ какъ питавшіеся имъ младенцы неожиданно были истреблены, когда дѣти вырывались изъ объятій отцевъ и сосцы матерей тщетно жаждали нѣжнаго щекотанія отъ младенческихъ зубковъ. Какой звѣрь тогда не прослезился бы при видѣ избиваемыхъ несправедливо невинныхъ младенцевъ, души которыхъ чужды были всякаго коварства, которыхъ душевное незлобіе вполнѣ соответствовало нѣжности ихъ членовъ, свойственной младенцамъ? Развѣ обличали твоего предшественника Ирода тѣ невинныя дѣти, которыя еще не владѣли своимъ языкомъ и не имѣли еще зубовъ во рту, чтобы изъ ихъ устъ можно было опасаться словъ обличеній? Такъ нѣтъ, мало показалось тѣхъ младенцевъ: такова свирѣпость Ирода! И вотъ теперь ты, состязаясь съ тѣмъ Иродомъ въ безчеловѣчности, усѣкнулъ Іоанна, котораго и одного волоса ты не былъ достоинъ. Тотъ истребилъ дѣтей Рахили, а ты усѣкнулъ Іоанна, наставника церкви. Къ кому изъ нихъ Мнѣ быть милостивѣе?—говорить Господь. О, городъ кровей, въ которомъ царствовалъ Иродъ и соименный ему потомокъ, подобный ему и нравомъ. Увы, тѣ, которые должны бы быть блюстителями порядка, они-то и являются вождями безпорядковъ! По ихъ слѣдамъ, пользуясь ихъ уроками, дошли іудеи до христоубійства: Исаію распяли, Іеремію убили, Навуеюя побили камнями, Захарію умертвили, Христа распяли. Но оставимъ ихъ оплакивать совершенное ими зло, и поспѣшимъ къ святому сіянію таинства во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА:

собраша іудеи ¹⁾ сонмъ и глаголаху: что сотворимъ (Іоан. хі, 47)?

Во святый и великій вторникъ.

- 525 Груднымъ младенцамъ подобны возлюбленные чада Церкви, младенцамъ, которые каждый день питаются отъ материнской груди и каждый день не перестаютъ стремиться къ ней. А насъ самихъ мы можемъ сравнить съ бѣдною матерью, у которой отъ истощенія голодомъ пропало молоко. И какъ бываетъ, что любящая мать, не имѣя молока, но тронутая плачемъ своего ребенка, дать ему свою грудь, не съ тѣмъ, чтобы накормить ребенка, но только чтобы успокоить его, такъ и мы, какъ видито, то же самое испытываемъ и подобнымъ образомъ поступаемъ. Вѣдь и мы, видя это новое для насъ собраніе чадъ Церкви, окружающихъ насъ и ожидающихъ отъ насъ словеснаго молока, простираемъ къ нимъ свое слово — не съ тѣмъ, чтобы напѣтать ихъ (вѣдь мы бѣдны и неискусны въ словѣ), но чтобы утолить ихъ пылъ и жажду. Идите же, возлюбленные, послушаемъ вѣстника Солнца, чтобы видѣть, какую лукавую засаду устроили для Господа іудеи. *Собраша*, говоритъ, іудеи *сонмъ и глаголаху: что сотворимъ?* Объ этомъ вѣщалъ намъ сейчасъ евангелистъ Іоаннъ. Хотя и не усты къ устамъ бесѣдуетъ онъ теперь съ нами, но тѣмъ не менѣе духомъ онъ говорилъ во уши предстоящихъ. *Собраша*, говоритъ онъ, *сонмъ и глаголаху: что сотворимъ?* Хорошо это—*собраша*, но худо—*сонмъ*: не на любовь, а на распрю, не къ миру призывая, но къ враждѣ возбуждая (собрались они). Собрали сонмъ не для того, чтобы прославить Бога, но чтобы обезчестить Христа. Собрали сонмъ не съ тѣмъ, чтобы утвердить вѣру, но чтобы камень краеугольный отвергнуть. Собрали сонмъ не для того, чтобы заблудшихъ овецъ собрать въ ограду, но чтобы поразить Пастыря и разсѣять овецъ паствы Его. Собрали сонмъ не съ тѣмъ, чтобы съ вѣрою принять бѣлоснѣжный жемчугъ, но чтобы свѣтоварный камень скрыть, какъ они рассчитывали, во тѣмъ своего невѣрія. Собрали сонмъ не для того, чтобы скрытое въ полѣ сокровище
- 526 благоразумно извлечь, но чтобы храмъ Божій неразумно разрушить. Собрали сонмъ не съ тѣмъ, чтобы собрать сладкія кисти винограда, но чтобы вознести на древо крестное Истинную Лозу, самимъ себѣ приготовить гибель, а намъ спасеніе. О, сонмъ, діаволомъ собранный

¹⁾ Въ слав.: архіерее и фарисее.

противъ Христа! О, совѣщаніе, исполненное злобы! О, собраніе—скорѣе волковъ кровожадныхъ, чѣмъ людей богоносныхъ! Да что я говорю—лютыхъ волковъ? Они хуже свирѣпыхъ львовъ! Вѣдь львы, не вида отъ Даніила никакого знаменія, но принимая его какъ обыкновеннаго человѣка, воздали ему почтеніе и сомкнули предъ нимъ уста свои. А іуден, бывшіе очевидцами такихъ и столькихъ знаменій, тѣмъ съ большей завистью стремились къ убійству и говорили: *что сотворимъ?* О, разсужденія, внушенные злобой! О, стenanіе и вопль, порожденные завистью! О, плачь и рыданія надъ злымъ замысломъ! Сама Рахиль, оплакивавшая чадъ своихъ, такъ не стonала. *Что сотворимъ?* Имъ бы нужно было радоваться о несчастныхъ, установить всенародный праздникъ по поводу того, что мертвые воскресаютъ, жизнь торжествуетъ, смерть разрушается, діаволъ посрамляется, полчище демоновъ разсѣвается, человѣчество освобождается, воскресеніе мертвыхъ всѣмъ возвѣщается. А ихъ—наоборотъ—такія блага не радуютъ, но опечаливаютъ, и Виновника всѣхъ этихъ благъ они совѣщаются убить. И что говорить? *Что сотворимъ?* Обратимся съ покаяніемъ я, припадши къ Нему, увѣруемъ—вотъ единственное, что могли бы они сказать. Что иное, въ самомъ дѣлѣ, могли бы они сказать, какъ не это? *Что сотворимъ*—послѣ того, какъ нарушили заповѣдь Божию, не сохранили законъ Божій, данный намъ и гласящій: *пророка отъ братіи вашей, якоже мене, возмашитъ вамъ Господь Богъ: того послушайте* (Второзак. xvi, 15) во всемъ, что онъ заповѣдуетъ вамъ? Но не покаяніе они разумѣли, когда говорили: *что сотворимъ?* Нѣтъ, совсѣмъ другое. *Что сотворимъ?* Какъ умертвимъ этого Праведника? Помрачился разумъ твой, Израиль! Развѣ не слышалъ ты заповѣди: *неповинна и праведна да не убиши* (Исх. xxi, 7; Дан. xiii, 58)? Или недостаточно тебѣ было уже пролитой крови пророковъ? Вѣдь до нынѣшняго дня вопіетъ она къ Богу, ожидая отъ Него возмездія. Но, чтобы превзойти все сдѣланное, ты готовишься пролить святую и невинную кровь и говоришь: *что сотворимъ?* О, безумная мысль и совѣтъ безразсудный! Четверодневный (мертвецъ) у нихъ ожилъ, узы грѣховъ расторгнуты, а они замышляютъ противъ Него коварство! Совсѣмъ не то слѣдовало бы сказать имъ: что намъ дѣлать? Мы оскорбили Святого, мы не вѣрили Сыну Божию. Что намъ дѣлать? Язвы прокаженныхъ исцѣлилъ Онъ однимъ словомъ, и мы не увѣровали въ Него. Что намъ дѣлать? Слѣпыми отъ рожденія отверзалъ Онъ очи, и это насъ не убѣдило. Что намъ дѣлать? Мы знали, что пятью хлѣбами напѣталъ Онъ въ пустынѣ пять тысячъ, и не вѣрили въ Него. Что намъ дѣлать? Разслабленнаго, лежащаго на одрѣ, въ теченіе тридцати восьми лѣтъ его жизни одержимаго болѣзнію, Своимъ словомъ Онъ поставилъ на ноги, и мы не увѣровали въ Него. Что намъ дѣлать? Мы видѣли Его ходящаго по морю, какъ по сушѣ, знали, что однимъ мановеніемъ руки утишаетъ Онъ

ужасныя волненія и порывы необузданныхъ вѣтровъ, и всетаки оставались въ своемъ невѣріи. Но они произносили эти слова: *что сотвори мѣ?*—вовсе не въ покаянномъ расположеніи, но изыскивая способъ совершенія злого дѣла. Земля безъ труда произвела ихъ мертвыхъ живыми, подобно стѣлымъ колосьямъ, а они стонали. Развѣ вы, іудеи, не пожали то, что постѣяли? Развѣ кто-нибудь изъ васъ, принявъ Господа, былъ отягощенъ? Чѣмъ именно вы были отягощены, будучи наказаны? Какую несправедливость потерпѣли вы отъ Бога? Почему мертвыхъ устраняете отъ жизни, смущаемые завистью? Почему вы стремитесь уничтожить невинныя потоки сладкаго источника, пьющіе отъ котораго не почувствовали бы болѣе жажды? Зачѣмъ немощихъ вашихъ вы убиваете, собираясь погубить Врача ихъ? Впрочемъ, виновникомъ всего этого была злѣйшая зависть. О, зависть, родительница убійства, изобрѣтеніе діавола, виновница смерти! О, зависть, не дающая жить и тѣмъ, на кого ты нападаешь, и еще больше наказывающая тѣхъ, которыми ты овладѣваешь! О, зависть, сожигательница діавола! О, зависть, врагъ дружбы, противница мира, соперница любви, порожденіе діавола, цвѣтъ мрачной бездны! Кто тобой владѣетъ, тотъ доходитъ до христоубійства. Ты и Адама въ раю изначала узавила и вкусившаго сладкихъ удовольствій предала горьчайшей смерти: смерти вѣдь не было въ мірѣ, пока ты, зависть, ее не породила. Это засвидѣтельствовано и божественнымъ словомъ, гласящимъ: *Богъ смерти не сотвори, ни веселится о пошибѣи живыхъ* (Прем. Сол. 1, 18). *Завистію же діаволомъ смерть оуди въ мірѣ* (II, 24). Ты и Каина лишила бѣлой одежды братолюбія и вооружила его ножомъ коварства; ты научила его убійству и тотчасъ же заставила несчастнаго трестись и дрожать. Ты, вселившись въ фараона, губила новорожденныхъ дѣтей еврейскихъ безвременной смертію. О, зависть, и благодѣтельствуемая, ты еще болѣе возстаешь противъ своихъ благодѣтелей! Такъ именно Саулъ, пользуясь услугами Давида, но возбуждаемый тобою, еще болѣе вооружался на убійство. По твоему внушенію сыновья Іакова послали прекраснаго Іосифа въ головокружительный Египетъ и свободнаго продали камъ раба. Не устрашили ихъ и его сны. Между тѣмъ божественное видѣніе указывало, что онъ образъ Христа: именно одиннадцать звѣздъ кланялись ему въ видѣніи, одиннадцать, потому что предатель Іуда удавился, послуживъ зависти. А мы, избѣжавъ зависти, этой родоначальницы смерти, воскресши, будемъ прославлять Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, потому что Ему подобають держава, честь, слава и великолѣпіе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На причту о десяти дѣвахъ, и о милостынѣ (Мѣ. ххv, 1).

Во святую и великую среду.

1. Когда я представляю себѣ кратковременность жизни нашей и 527
 круговращеніе времени, и тяготы человѣческаго существованія, и
 призрачность судьбы, и мимолетность настоящаго вѣка, и пре-
 вратность вещей, и скоропреходящій характеръ славы, и неустой-
 чивость могущества, и ненадежность благоденствія, и призрачность
 богатства; затѣмъ, когда я воображу себѣ день конца, и неумолимую
 скорость развязки, и срокъ отчета, и неумытность Судн, и ужасъ
 суда,—какъ Судн въ блескѣ молній является съ неба, какъ силы
 небесныя въ смятеніи притекаютъ, какъ готовится страшный
 престолъ, какъ небо свертывается подобно свѣтку книжному, какъ
 пламеніютъ стихіи, въ страхѣ разрушаясь, какъ мятется земля, ожи-
 дая снисхожденія Судн, какъ ужасно звучать трубы, какъ открываются
 могилы, какъ освобождаются гробы, какъ мертвые пробуждаются отъ
 сна, какъ персть земная во мгновеніе ока возвращается къ своему
 мѣсту, какъ души возвращаются въ тѣла, какъ праведные выходятъ
 въ срътеніе, какъ Женихъ является въ глубокую полночь, какъ пра-
 ведные удостоиваются входа, какъ нерадивые остаются предъ затво-
 ренной дверью брачнаго чертога: когда все это воспроизведу я въ
 душѣ своей, я ублажаю тѣхъ мудрыхъ дѣвъ, о которыхъ намъ только
 что напомнило Евангеліе. Ублажаю ихъ за то, что онѣ побороли въ
 себѣ склонность ко сну и, гнушаясь непостоянствомъ и страстностью
 этой тѣнной жизни, достойно позаботились о нетѣнной и божествен-
 ной жизни,—что, зная неотвратимость конца временъ, онѣ устерегли
 часть пришествія и не забыли страха представленія своему нетѣнному
 Жениху,—что предусмотрѣли, наконецъ, ночную тьму и въ виду ея 528
 позаботились о своихъ свѣтильникахъ. Впрочемъ, ничто не препят-
 ствуетъ намъ разсмотрѣть все содержаніе сегоднешняго чтенія нѣ
 божественнаго Евангелія. *Уподобися, говорится, царствіе небесное де-
 сяти девамъ, какѣ пріяла свѣтильнички свои и изыдоша во срътеніе
 Жениху* (Мѣ. ххv, 1). Когда вышли? Тогда ли, когда застигъ ихъ ко-
 нецъ жизни? Когда раздалось повелѣніе? Когда наступилъ часъ смерти?
 Когда уже посланы были ускоряющіе конецъ ангелы, тогда ли вышли
 онѣ на встрѣчу Жениху? Конечно, нѣтъ. Когда же, въ такомъ случаѣ,
 онѣ вышли? Когда отказались отъ житейскихъ привязанностей, когда
 предпочли идти узкимъ и тѣснымъ путемъ, когда возлюбили добро-
 вольную строгость жизни, когда отказались отъ узъ брака, когда пре-
 зрѣли удовольствія жизни, когда избрали благую часть нетѣнныя, когда

возлюбили истинную радость, когда возгнушались тины грѣха, когда облеклись въ цѣломудріе, когда возлюбили чистаго Жениха, когда возжелали красоты царства, когда отбросили всякую житейскую заботу, — вотъ когда вышелъ онѣ въ срѣтеніе Жениха! *Пять же бѣ отъ нѣхъ мудры, и пять юродивы* (ст. 2). Но чѣмъ же мудрыя отличались отъ юродивыхъ? Тѣмъ, что у нихъ съ цѣломудріемъ соединялась милостыня, дѣвство украшалось добрыми дѣлами: онѣ знали, что вѣра безъ дѣлъ жертва, онѣ понимали, что одной только добродѣтели для спасенія недостаточно, потому что однимъ крыломъ и орелъ не взлетитъ на высоту. Помнили онѣ голосъ Жениха, гласящій: *милости хочу, а не жертвы* (Ос. vi, 6), и въ другомъ мѣстѣ: *хвалится милость на судъ* (Іак. ii, 18). Хорошо сообразивши все это, онѣ наполнили сосуды своимъ елеемъ. Какіе сосуды? Утробы голодныхъ. Посредниками духовнаго брака онѣ сдѣлали бѣдныхъ, снарядились въ дорогу при помощи своего милосердія. Голодные питались, и свѣтильники просвѣтлялись; бѣдные благодарили, и Женихъ умнялся; милостыня посѣвалась, и ожидаемая награда уготовлялась. Послѣ такого приготовленія могли взывать мудрыя словами Давида: *мы приготовились, и не смутимся* (Пс. cxviii, 60)! Юродивыя же, имѣя свѣтильники безъ масла, лишились возможности встрѣтить Жениха. Вотъ что значить — ограничиться одною добродѣтелью! Вотъ что значить — усвоить себѣ непорочность, а человеколюбіе оттолкнуть! Развѣ не достигли онѣ безстрастія по тѣмъ? А состраданія къ нуждающимся не обнаружили. Развѣ не возлюбили цѣломудрія? А страннолобіе отвергли. Итакъ, чѣмъ кончилось дѣло? *Космату же жениху, воздремашася всѣ и спазу* (ст. 5). Но одні, заранѣе припасши елей, твердо были увѣрены, что свѣтильники ихъ не погаснутъ, юродивыя же должны были опасаться этого. Впрочемъ, почему бы не говорить прямо? Насталъ часъ, исполнилось время, раздались громы, заавучали трубы, стихіи дрогнули, воздухъ колебался, небо преклонилось, твердь потряслась, звѣзды распались, силы смутились, ангелы устремились, молніи заблестали, великое смятеніе объяло всю тварь. Не днемъ вѣдь, а въ полночь Судія приходитъ. Дальше что? Раздаются клики, вызывающіе на встрѣчу: *се женихъ идетъ, исходите съ смятеніемъ ево* (ст. 6)! Что же произошло? Встали всѣ дѣвы, пробудились отъ сна, взяли свѣтильники. Но у однихъ они горѣли, у другихъ нѣтъ. У мудрыхъ они были обильно снабжены елеемъ: добрыхъ дѣлъ, у неразумныхъ же погасали. Жалости достойно было это дѣло. Неутолимая нужда застигла этихъ дѣвъ и въ ихъ неудачѣ не оставалось мѣста утѣшенію. Тогда, обратившись къ мудрымъ, онѣ просили у нихъ того, чего взять не могли: *дадите намъ отъ елей вашего, яко свѣтильники наши угасаютъ* (ст. 8). Нужно было въ свое время подражать имъ, а не просить теперѣ: нужно было, конечно, запастись масломъ отъ продавцовъ. *Дадите намъ, говорятъ, отъ елей вашего*. Напрасно просите у

мудрыхъ, неразумныя! Теперь уже кончено житейское торжище, миновало поприще жизни. Теперь уже не время для сдѣлокъ; теперь требуется обнаруженіе дѣлъ. Нужно было предусмотрѣть заранее опасность настоящаго вѣка, нужно было позаботиться объ этой встрѣчѣ, нужно было помнить, что свѣтильники безъ елей свѣтить не могутъ. Вы говорите: *дадите намъ отъ елей вашего*. Никто не украшается чужими дѣлами; каждый пожинаетъ то, что посѣялъ. Дайте намъ масла! Что же отвѣчаютъ имъ мудрыя? *Еда како не достанетъ намъ и вамъ: идите же паче къ продающимъ и купите себѣ* (ст. 9). Пока еще хотя сколько-нибудь остается времени, идите, спѣшите. Еще женихъ не пришелъ. Поспѣшите до заключенія дверей, пойдите къ торговцамъ. Но кто,—о, мудрыя,—эти торговцы? Укажите ихъ: вѣдь эти дѣвы, не имѣя привычки покупать, не знаютъ, гдѣ искать торговцевъ? Это—бѣдныя, сидящія при дверяхъ церковныхъ, духовныя ласточки, возвѣщающія для душъ духовную весну, уважаемые ходатаи предъ Богомъ, непобѣдимые защитники въ день искушенія. *Идущимъ же имъ купити елей, прииде женихъ, и затворены быша двери* (ст. 10). О, пагубная нерадивость! О, неисцѣльная скорбь! О, безмѣрное горе! О, жалость неутѣшная! Когда онѣ пошли покупать, въ это время пришелъ женихъ. Пришла желанная радость, пришла похвала праведныхъ, пришелъ свѣтъ въ полночь. Встрѣтили его разумныя дѣвы, вмѣстѣ съ нимъ вошли въ чертогъ и двери чертога затворились.

2. Я ужасаюсь, когда представляю себѣ происшедшее, трепещу, вспоминая постигшую этихъ дѣвъ неудачу. Онѣ желали видѣть брачный чертогъ. Ради него вѣдь отвергли онѣ радости міра, презрѣли роскошь, пренебрегли славой, ради него избрали тѣсный путь, побѣдили бжс страсти, боролись съ удовольствіями, и вотъ изъ-за того, что не окзалось у нихъ елей, онѣ нашли входъ въ царствіе уже закрытымъ. Возвратившись, онѣ стучали, *мнозиже: Господи, Господи, отверзи намъ* (11)! Но Судія изнутри чертога возвѣстилъ имъ ужасную вѣсть: *аминь глаголю вамъ: не стѣмъ васъ* (12)! О, крайнее отверженіе! Даже не чрезъ ангела, но самъ далъ этотъ прискорбный отвѣтъ, чтобы, слыша гласъ Его, но не будучи въ состояніи видѣть Его лица, онѣ тѣмъ болѣе испытали мученіе. *Аминь глаголю вамъ: не стѣмъ васъ*. Ты не знаешь насъ, Господи? Отъ чрева матери мы были привержены къ Тебѣ, мы послѣдовали Тебѣ отъ юности нашей, мы соблюдали невинность, тѣло, которое Ты создалъ намъ, мы сохранили непорочнымъ, не предали члены наши страстямъ, ожидая принять отъ руки Твоей вѣдцы. А нынѣ Ты затворилъ предъ нами двери и говоришь: *не стѣмъ васъ*? Да, говорить, дѣйствительно. Я не знаю васъ. Почему, о, Господи? Господь отвѣчаетъ—почему. *Взвѣхася бо, и не дасте Ми ясти, возжадахся, и не напоисте Мене, страненъ быхъ, и не введосте Мене, нѣтъ, и не одѣясте Мене, болѣнъ и въ темницѣ, и не посетисте Мене*

(Мѣ. XXV, 42—43). Въ писаніяхъ возвѣщены были вамъ Мои слова: *понеже не сотвориште единому снхъ меншихъ, ни Мнѣ сотвориште* (ст. 45). Онѣ сказали: напрасно, значить, претерпѣли мы, Господи, труды и изнуреніе тѣлесное? Напрасно умерщвляли себя бдѣніемъ и пощеніемъ? Напрасно, всецѣло предаваясь небесному Жениху, мы сохранили ненарушимымъ свое дѣвство? Да, говорить, вы—дѣвы, но нѣтъ у васъ приданого; вы—дѣвы, но не имѣете украшенія, свойственнаго невѣстамъ; вы устояли въ тѣлесной чистотѣ, но безчеловѣчностью обезцѣнили свою чистоту; ваше тѣло безпорочно, но душа немилостива,—не отъ природы, но отъ безчеловѣчія. Мой брачный чертогъ принадлежитъ тѣмъ, которыя приобрѣли елей добродѣланія. Тѣ, которыя дѣлаются моими невѣстами, должны вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣшиться отъ нравовъ, свойственныхъ міру. Я не могу ввести въ Мой чертогъ невѣсту, которая идетъ противъ Меня, не могу внести раздора въ мирныя обители. Идите отъ Меня прочь, не осаждайте напрасно Моихъ дверей: Мое царство—удѣлъ милостивыхъ. Тотъ раздѣлитъ его со Мною, кто подражалъ Мнѣ въ Моёмъ милосердіи къ бѣднымъ, кто общалъ духомъ, кто не закрывалъ слуха своего для нуждающихся, кто страданія ближнихъ почиталъ собственными, кто оплакивалъ чужія несчастія, исполнялъ благъ душу алчущаго, согрѣвалъ тѣла обнаженныхъ, не оставался глухимъ къ голосу больного, не скупился для малодушнаго на слова утѣшенія, принималъ странника подъ свой кровъ, отиралъ слезы вдовъ, заступничествомъ своимъ облегчалъ тяжесть сиротства. Зная это, братіе, не восхваляйте (Господа) языкомъ, но подражайте (Его) дѣламъ. Рука есть печать языка и, дѣйствуя рукой соотвѣтственно словамъ, ты подтверждаешь свои слова. Итакъ, умоляю васъ, будемъ ставить (любовь) къ бѣднымъ выше всего, не будемъ шадить денегъ для бѣдныхъ. Послѣдуемъ словамъ Господа; переживъ въ душѣ то, что пережили несчастныя дѣвы, постараемся избѣгнуть подобной участи; въ лицѣ бѣдныхъ позаботимся о самихъ себѣ. Дѣвы, не почтившія чело-
вѣколюбія, лишаются брачнаго чертога. Какая же надежда остается грѣшникамъ, гордящимся своимъ милосердіемъ? Обращаясь съ такими словами ко всѣмъ вамъ, я ободряю совѣсть болѣе слабыхъ, безъ всякаго ущерба для благоразумныхъ, напротивъ и ихъ поощряю къ пруспѣянію въ благочестіи. Итакъ, не разсѣвайся, братъ, пока еще продолжается поприще жизни. Позаботься о томъ, что послужить къ твоему оправданію. Начни плачъ (о грѣхахъ своихъ) прежде, чѣмъ поставлены будутъ престолы; будь готовъ къ пришествію жениха; бѣги грѣха поскорѣе; предупреди грядущее испытаніе; умилостиви Судію, чтобы не пришлось тебѣ предстать безпомощнымъ предъ судилищемъ. Расточай теперь имѣніе свое, чтобы тогда разсѣять обвиненія; ищи случаевъ говорить съ Судіей наединѣ, чтобы Онъ не осудилъ тебя предъ всѣми; возьми ходатаемъ за себя бѣднаго, чрезъ него задари

Судію. Ему одному довѣрь свою тайну; чрезъ него приобрѣти себѣ оправданіе. Нищій беретъ деньги,—и Судія подписываетъ прощеніе: принимаетъ безъ письма и приноситъ рукописаніе. *Милуяй нища взаимъ даетъ Богови* (Преп. хіх, 18). То, что теперь ты бросаешь въ руку нищаго, потомъ найдешь въ рукѣ Судіи. Если хотите избѣжать суда, постарайтесь теперь же расположить къ себѣ Судію при помощи бѣдныхъ. Когда ты дѣлаешь послѣднія распоряженія, не забудь на ряду съ друзьями и родными и твою расстающуюся съ жизнью душу; дай ей хотя немного необходимыхъ на дорогу средствъ. Пусть въ твоёмъ завѣщаніи будетъ упомянуто имя Судіи, пусть на бумагѣ запечатлѣтся твое памятованіе о бѣдномъ. Виновицей радости, а не слезъ достойной сдѣлай свою кончину; безъ заступниковъ не являйся къ страшному судилищу. Насыть утробы тѣхъ, языки которыхъ должны будутъ держать за тебя рѣчь предъ Господомъ. Чрезъ ихъ посредство сдѣлаемъ 582 своимъ должникомъ Создателя, чтобы въ тотъ день не понести осужденія; при помощи денегъ приобрѣтемъ себѣ надежныхъ защитниковъ. Ты въ лицѣ бѣднаго имѣешь, скажетъ Господь, свидѣтеля твоей любви ко Мнѣ; ты знаешь, что Я усвою Себѣ то, что дѣлается бѣднымъ. Я посылаю траву скотамъ и всѣмъ даю пищу, но когда ты даешь милостыню, Я вмѣстѣ съ бѣднымъ протягиваю руку и принимаю подаяніе. Я одѣваюсь *сѣтломъ яко ризою* (Пс. сш, 2), но какъ только ты одѣнешь нищаго, Я почувствую тепло. Ты знаешь, что Я восседаю на небѣ съ Отцемъ, но всякій разъ, когда ты отправляешься въ темницу навѣстить заключенныхъ, ты находишь Меня тамъ заключеннымъ въ узы; какъ только ты пойдешь къ больному, Я не оставляю одра. Я веаждѣ, но въ особенности заступаюсь за того, кто въ нуждѣ. Что ты дашь бѣдному, то у Меня найдешь умноженнымъ. Если введешь въ домъ твой безпріютнаго, вмѣстѣ съ нимъ и Меня примешь въ домъ твой, и за это тройкую награду получишь отъ Меня: и богатство твое Я умножу, и домъ твой сохраню, и на небесахъ приготовлю для тебя обитель, отъ которой удалены болѣзнь, печаль и воядыханіе. въ Богъ Отца, со Св. Духомъ, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О блудницѣ и о фарисеѣ (Лк. vii, 37).

Во святый и великій четвергъ.

1. Богъ, какъ человеколюбецъ, всегда даетъ грѣшникамъ время 58: для покаянія, но беззаботный человекъ нерадѣніемъ своимъ губитъ свою душу. Изъ-за любви къ суетному, земному и временному, онъ лишается наслажденія небесныхъ благъ; поставленный отъ Творца и Бога царемъ

и господиномъ всего, онъ дѣлается рабомъ грѣха нѣ-за мірскихъ страстей. *Не познаша ниже уразумѣша, во тмѣхъ дѣлаѣтѣ*, говоритъ Давидъ о дѣлащихъ подобное (Пс. lxxxi, 5). А Христось, имѣя въ виду подобныхъ грѣшниковъ, говоритъ: *не приходятъ къ сѣтѣ, да не обличатся дѣла ихъ: всѣмъ бо дѣлаи злая невидимѣ свѣта* (Іоан. iii, 20). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *дондеже сѣтѣ имате, ходите во свѣтѣ, да тма васъ не имать* (Іоан. xii, 35). И опять: *Азъ придохъ въ міръ не да погибнуть но да живють имуть* (x, 10). И опять: *не придохъ да сужду мірови, но да спасу міръ* (xii, 47). И опять: *душу мою полагаю за овецъ* (x, 15). Услышавъ эти слова, подобно аромату всюду распространяющися и всѣмъ достойнымъ доставляющія благоуханіе жизни, блудница тотчасъ пришла къ сознанию своихъ дурныхъ дѣлъ, задумалась надъ ними, оплакивая тотъ позоръ, какой надъ нею изъ-за нихъ тяготѣетъ, и представляя себѣ, какія бѣдствія готовятся ей за нихъ въ будущемъ: великое вѣдъ мученіе и скорбь ожидаютъ тамъ блудницъ. Убоявшись этого, блудница исправилась и уже не оставалась болѣе блудницей, но тотчасъ сдѣлалась честнѣе дѣвы. Сама надъ собой произнесла она судъ и, осуждая себя, говорила: *увы грѣшницѣ, увы блудной!* Доколі не отстану я отъ злыхъ дѣлъ? Почему не подумаю о милосердіи Божиємъ? Вѣдъ ради меня—заблудшей какъ овца—Владыка обходитъ всѣ пути. Ради меня преклонилъ Онъ небеса и сошелъ; ради меня обѣдаетъ вѣстѣ съ грѣшнымъ фарисеемъ Тотъ, кто даетъ пищу всей твари. Къ грѣшнику приближается безгрѣшный, раздѣляетъ съ людьми трапезу питающій всѣхъ, возлечь на землѣ Тотъ, кто носится на херувимахъ, и охотно уступаетъ всѣмъ грѣшникамъ рукописаніе грѣховъ ихъ. Что же ты медлишь? Будь смѣлѣе, душа, припади къ Нему: Онъ пришелъ не праведныхъ спасти, а грѣшниковъ. И когда она сказала это, тотчасъ отъ трапезы, за которой возлежалъ Христось, донеслось до нея благоуханіе прощенія,— до нея, бывшей блудницы, а теперь цѣломудренной, нѣкогда звѣря, а теперь овцы, нѣкогда рабы грѣха, а теперь свободной благодаря покаянію, нѣкогда блудницы, а нынѣ честной. Всей душой отдаваясь Его заступничеству, она приходитъ теперь къ Нему. Увидѣвъ Господа за трапезой, не проситъ она, подобно хананеянкѣ, крупицъ, падающихъ со стола. но самый Хлѣбъ жизни весь обхватываетъ своими руками. Вѣдъ хананеянка просила о бѣсновавшейся дочери и, услышавъ, что ее называютъ собакой, просила хоть крохъ, а у этой — не дочь бѣсновалась, но все тѣло ея было одержимо пороками. Хананеянка кричала во всеуслышаніе: помилуй меня, сынъ Давидовъ! Блудница же не кричала, но видя, что Господь какъ Богъ все знаетъ, сохраняя молчаніе устами, сердцемъ говорила Вѣдущему сердца, съ плачемъ цѣловала ноги Его и такимъ образомъ подвигла Господа на состраданіе. Я хотѣлъ бы, братіе, изслѣдовать душевныя движенія этой мудрой жены и показать вамъ, какъ принялъ ее Христось и какъ воссіалъ свѣтъ омра-

ченной душѣ. Давидъ предрекъ о Господѣ, что Онъ *красенъ добротою* *и не имѣетъ челоуѣческихъ* (Пс. хliv, 8); дѣйствительно, Онъ—прекрасенъ, и не только прекрасенъ, но и любитель прекрасныхъ. И о блудницѣ этой, еще прежде тѣмъ она пришла къ Нему, Онъ зналъ, конечно, что она имѣетъ благое расположеніе души. Впрочемъ, если угодно, выслушаемъ слова самого Евангелія. Когда возлежалъ Иисусъ въ домѣ фарисея, услышала объ этомъ въ городѣ одна грѣшница. И взявши драгоценное муро, она пришла въ домъ фарисея и помазала ноги Иисуса муромъ, омѣла ихъ слезами и отерла волосами. Велико усердіе женщины, велико стремленіе ея къ спасенію, велика рѣшимость души, желающей освободиться отъ опасностей: услышала и поспѣшила, обратила мысль свою къ покаянію, говоря сама себѣ: о, душа грѣшная и жалкая, что медлишь? Чего ожидаешь? *Се нынѣ время благодѣтельно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. vi, 2). Настало время, какого ты ищешь; здѣсь Тотъ, Кто разрѣшаетъ и очищаетъ и изглаждаетъ грѣхи; вотъ муро: докогда тебѣ оставаться въ грязи и зловоніи. Пойди къ Нему: вѣдь Онъ ради тебя и пришелъ. Оставь прежнюю суетность и возжелай того, что нынѣ прекрасно; то мерзко, а это возжелѣнно и вѣчно. Отвергни свое прежнее душевное расположеніе, умасти муромъ Сотворившаго муро, ублажи Его, хотѣющаго тебя спасти. Ты найдешь въ Немъ возлюбленнаго, превосходящаго всѣхъ любовниковъ, которыхъ ты прежде имѣла. Лобызая тѣхъ, ты все глубже и глубже погружала во грѣхахъ. А лобызая этого, ты и за прежніе грѣхи твои, которые нажила съ тѣми, получишь отъ Него прощеніе. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей она входила въ домъ, продолжая разсуждать сама съ собою: я отвергаюсь прежнихъ золъ, потому что нашла новыя блага и стремлюсь къ нимъ. Я отрицаюсь зла и сочетаюсь съ добромъ. Слышала я слова Давида: *приступите къ Нему и проститесь* (Пс. ххiii, 6), а самъ Господь говорить: *и приблизитесь ко Мнѣ и Я приближусь къ вамъ* (Іак. iv, 8). Вотъ я и приближаюсь къ Богу, съ трепетомъ, какъ грѣшная къ безгрѣшному, нечистота къ мурѣ. Но порукой Его благоутробія служатъ Его 533 собственные слова: *приидите ко Мнѣ* всѣ грѣшники, *и Азъ упокою вы* (Мѣ. xi, 28). Вотъ я и прихожу. И Онъ не отвергаетъ меня, не говоритъ мнѣ: пооди прочь отъ Меня, грѣшница! До сихъ поръ ты проводила время во тьмѣ, а теперь пришла смотрѣть на Меня—Солнце правды? Впрочемъ, что же мнѣ смотрѣть? Возьму муро и подойду къ Нему, сдѣлаю домъ фарисея мѣстомъ просвѣщенія и въ потокахъ слезъ приготовлю себѣ купель, изъ алавестра мѣра приму печать вѣрныхъ на челѣ, покаяніемъ очищусь отъ грѣховъ моихъ и испѣляющимъ словомъ Его избѣгну и сѣтей діавола. Мнѣ нѣтъ повода отчаиваться въ своемъ спасеніи. И въ ветхомъ завѣтѣ Раавъ блудница имѣла грѣховное жилище при городскихъ воротахъ, но, оказавъ гостепріимство соглядатаямъ израильскимъ, она въ награду за гостепріимство получила жизнь (Іис.

Нав. п). Спасій єе Ісусъ Навинъ былъ образомъ истиннаго Ісуса. Прекрасную награду воздасть Ісусъ Н. блудницѣ за соглядатаевъ! И, если тогда яма Ісуса доставляла блудницѣ спасеніе и прощеніе грѣховъ, то теперѣ истинный Ісусъ, Дѣвственникъ и отъ Дѣвы, блудницу, исполнившую долгъ гостепріимства и помазавшую ноги Его мвромъ, можетъ ли оттолкнуть и не дать ей прощенія грѣховъ? Но такъ Раавъ отпустила соглядатаевъ, а же держу Того, Кого возлюбіла, не какъ соглядатая (κατάσκοπον) города, по примѣру той, но какъ Посѣтителя (ἐπισκόπου) всѣхъ душъ человѣческихъ (Пс. п, 25). Вотъ когда, какъ я сказала раньше, настало время, котораго я желала видѣть: воссиялъ мнѣ день и солнце правды, и лѣто пріятное отъ Господа, и великое нощеніе отъ Бога! Понстинѣ посѣтитъ насъ Востокъ свыше, воссиятъ сияющимъ во тмѣ и сѣни смертнои! Въ домѣ Симона находится Господь въ настоящее время: пойду къ Нему. И что сдѣлаю? Буду рыдать какъ Анна нѣкогда рыдала о своемъ безплодіи? Но не сочтеть ли и Симонъ меня пьяной, какъ нѣкогда Анну первосвященникъ Ілій? Нѣтъ, лучше я буду проливать слезы у ногъ Христа и молиться въ сердцѣ. Такъ и сдѣлаю.

2. Вѣра блудницы соотвѣтствовала ея чистому порыву. Она пошла къ торговцу благовонными маслами и стала говорить ему: такъ какъ здѣсь находится великій другъ мой—преимущественно передъ всѣми сынами человѣческими. то дай мнѣ мвра, если имѣешь достойное. Его, чтобы я могла достойно воздать достойно возлюбленному мною, воспламенившему сердце мое и утробу. Что касается цѣны, я ничего не пожалѣю для уплаты тебѣ; если понадобится, я готова продать и отдать себя и съ тѣломъ и съ костями, чтобы хотя малое, что я имѣю, принести тому, Кто хочетъ меня очистить. А торговецъ, видя теплоту ея вѣры и расположеніе души, говоритъ ей: скажи мнѣ, кто тотъ, котораго ты любишь, что любовь твоя столь пламенна? Что можетъ дать тебѣ Онъ за такое мвро? Она же отвѣчаетъ ему: что говоришь ты, о, человѣкъ? Не знаешь—не вѣдаешь, что ты сказалъ! Онъ можетъ дать мнѣ взаимѣнъ мвра то, чему равнаго по цѣнѣ никто не можетъ дать.. Ни небо, ни земля,—ничто, ничто въ этомъ мірѣ не сравнится съ тѣмъ, что получу. Ты считаешь меня ничтожною, а Онъ, какъ человѣколюбецъ, удостоилъ освободить меня отъ грѣховъ. Онъ—Сынъ Давидовъ по плоти,—вотъ почему Онъ такъ и прекрасенъ, и о немъ говоритъ (Давидъ): *красенъ добротойъ паче сыновъ человеческихъ* (Пс. хliv, 8). Онъ—Сынъ Божій. Я не видѣла Его, но, услышавъ о Немъ, была увлечена любовью къ Нему. Мелхола, дочь Саула, полюбивъ Давида, оставила царскій дворецъ и послѣдовала за нимъ—бѣднымъ. А я собственное богатство продаю, хотя и приобрѣла его дурнымъ путемъ, и покупаю мвро, и прихожу къ Сыну Давидову, ради меня обвинявшему. И взявши мвро, вѣрная блудница побѣжала въ домъ фарисея какъ на зовъ. А

фарисей, видя блудницу, обвинявшую ноги Ісуса и помазывающую Его мромъ, и весь домъ свой, наполнившійся благовоиѣмъ мвра, разсуждалъ самъ съ собой и говорилъ: *Сей аще бы былъ пророкъ, тогда бы какова жена прикасается ему, яко грѣшница естъ* (ст. 39). И дерзновѣніе блудницы онъ порицалъ, что она безстыдно приблизилась и прикасается къ Нему, и на самого Господа негодовалъ, что Онъ безъ всякаго сомнѣнія принимаетъ всѣхъ приходящихъ къ Нему. Убѣдившись чрезъ это въ Его невѣдѣніи, Онъ говорилъ самъ себѣ: вотъ такъ дѣла! Я пригласилъ Его на обѣдъ какъ одного изъ пророковъ; а Онъ этой блудницы, которая извѣстна всѣмъ обитателямъ города, которую всякій знаетъ, не узналъ: *аще бы былъ пророкъ, тогда бы какова жена сія*. Но Господь, испытующій сердца и утробы, видѣлъ мысли фарисея, и такъ какъ мысли его были въ смятеніи, то Господь, умиротворяя его, говоритъ ему: *Симоне, имамъ ти нѣчто рещи. Онъ же рече: Учителю, рчи* (ст. 40). Тогда Господь говоритъ ему: ты негодуешь, что Я не оттолкнулъ блудницу, но оказываю ей вниманіе; тебѣ досадно, что Я не отвергъ грѣшницы, но принялъ; тебѣ досадно, что Я не прогналъ, но оправдалъ; тебѣ досадно, что Я не разгнѣвался, но смягчился; тебѣ непріятно, что ея, желающую убѣжать отъ своихъ грѣховъ, Я допустилъ къ Себѣ: радоваться пужно было тебѣ, что она, падшая, возстала, а ты печалишься о хорошемъ исходѣ дѣла. Но твой гнѣвъ неоснователенъ. Разсуди то, что Я тебѣ скажу. *Два должника бѣста заимодавцу нѣкому: одинъ бы доласенъ пѣтиосотъ динарій, другій же пѣтиодесѣтъ*. Такъ какъ оба они не имѣли чѣмъ отдать, заимодавецъ возвратилъ имъ ихъ росписки. Итакъ, который долженъ былъ болѣе любить? Симонъ отвѣчалъ: *мню, яко еуже вѣщше отда*. *Право судилъ еси*, подтвердилъ Господь и затѣмъ, обращая къ женѣ, *Симонови рече: видѣши ли сію жену*, отъ которой ты совершенно отказываешься? Когда я вошелъ въ домъ твой, ты не хотѣлъ омыть Мои ноги, *сія же слезами облія ми нозъ. Лобзанія любви Ми не даде еси; сія же не преста обლობизаючи Ми нозъ. Маслою глави Моея не помазалъ еси, сія же мвромъ помаза Ми нозъ* (41—46). Научись же, фарисей, кто заимодавецъ и кто должники! Я заимодавецъ для васъ обоихъ—тебя и ея, и не только для васъ, но и всѣхъ людей. Я всѣмъ даровалъ то, что они имѣютъ отъ Меня—и душу, и дыханіе, тѣло, чувства, разумъ, движеніе. Итакъ, проси простить тебѣ долгъ у заимодавца, не требующаго возвратить сполна то, что ты получилъ, чего ты и не могъ бы отдать. Если же и отдать не можешь, и просить не хочешь о прощеніи, а не стыдишься при этомъ осуждать и суесловить, то молчи по крайней мѣрѣ теперь, когда эта блудница, которая видитъ себя въ большомъ долгу, сказала себѣ самой: что мнѣ сказать или чѣмъ оправдаться? Если захочу сказать: я не должна, Онъ Самъ все знаетъ—и сколько я должна, и съ какого времени въ долгу. Поэтому, зная, что онъ знаетъ все и что ни одно изъ сдѣланныхъ ею

золѣ не скрыто отъ Него, она молча пришла со слезами и, въ сердцѣ исповѣдуя всѣ долги свои, умилила Бога. Итакъ, молчи и ты, фарисей, чтобы тебѣ Господь отпустилъ долгъ твой: Не суди, будучи самъ подсудимымъ, ту, которая уже осудила сама себя; будучи самъ ничтожнымъ, не уничижай униженную уже. Успокойся: ни въ твоихъ долгахъ, ни въ ея Я не имѣю нужды, но обоимъ Я принесъ оставленіе долговъ. Для обоихъ васъ Я—заимодавецъ человеколюбивый, и не только для васъ, но и для всѣхъ, которымъ нечѣмъ отдать; Я ожидаю только, чтобы они сознали свой долгъ и попросили Меня разрѣшить имъ рукописаніе долговъ ради ихъ покаянія. И кто изъ моихъ должниковъ приходитъ къ благодати крещенія, тому ради нея отпускаются долги. И такъ, вотъ вы получили (въ святомъ крещеніи) прощеніе долговъ и 555 благодатью освобождены отъ всякаго обязательства: не связывайте же себя опять новымъ рукописаніемъ, разъ уничтожено первое. А Ты, Господи Владыко Іисусе Христе, такъ какъ отдать Тебѣ то, что я долженъ, я не въ состояніи (во множествѣ своихъ беззаконій я растратилъ и основной капиталъ и проценты), не требуй съ меня того, что Ты мнѣ далъ—ни основного капитала—души, ни процентовъ—тѣла, но 586 обложи мнѣ тягость долговъ моихъ, какъ человеколюбецъ, скажи и мнѣ тоже, что сказалъ блудницѣ: отпускаются грѣхи твои многіе. Ты одинъ вѣдь безгрѣшенъ и благъ и человеколюбецъ и прощающій грѣхи; и Тебѣ подобаеъ всякая слава, честь и поклоненіе со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и со всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О самарянкѣ и на слова: прииде Іисусъ во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь (Іоан. iv, 5).

585 1. Сегодня возвѣстилъ намъ Христосъ о подвигахъ самарянки, — и нашему скудному слову приходится пуститься въ море ея добродѣтелей. Взирая на ея вѣру, я хочу посвятить ей похвальное слово и вмѣстѣ съ вами восхвалять ее—бѣдную и вмѣстѣ богатую, блудницу и апостола, погибшую и вѣрную, имѣвшую многихъ мужей и получившую много снѣгъ, многихъ осквернившую и Единородному Слову Божию послужившую, оскверненную и очищенную, возжаждавшую и возжелавшую живой воды и унаслѣдовавшую благодать небесныхъ источниковъ. Что же говоритъ евангелистъ Іоаннъ, возглаголюшій объ этихъ пензреченныхъ тайнахъ? *Прииде Іисусъ во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь, близъ веси, юже даде Іаковъ Іосифу, сину своему. Бѣ же ту источникъ Іаковъ. Іисусъ же утруждаеъ отъ пути, сидише*

такъ на источникъ: *бѣ же яко часъ шестый. Прииде жена отъ Самаріи почерпнати воду. Глагола ей Иисусъ: даждь Ми пити. Ученици же Ею отпили близу во градѣ, да брашно купятъ* (Іоан. іv, 5—8). Иисусъ же утруждается. Какъ же говорить пророкъ Исаія: *Богъ великій не взалчетъ, ни возжаждетъ, ниже утрудится, ниже есть избортненіе премудрости Ею* (Ис. xl, 28)? Между тѣмъ и евангелистъ Маттеей въ своемъ Евангеліи о Немъ пишетъ: *и постився дній чотырдесятъ и ноцій чотырдесятъ, послѣди взалка* (Мѣ. іv, 2), и евангелистъ Іоаннѣ, какъ ты только что слышалъ, говорить: *Иисусъ же утруждается отъ пути, сидѣше тако на источникъ: бѣ же часъ шестый. Прииде жена отъ Самаріи почерпнати воду. Глагола ей Иисусъ: даждь Ми пити. Ученици бо Ею отпили близу во градѣ, да брашно купятъ. Глагола Ему жена самаряныня: како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены самаряныни сущей* (6—9)? Здѣсь необходимо, возлюбленные, изслѣдовать, 594 почему евангелистъ указалъ и мѣсто, гдѣ это происходило, и часъ,—и отсутствіе учениковъ: мѣсто—въ словахъ: *сидѣше на источникъ, часъ: бѣ яко часъ шестый*, а отсутствіе учениковъ—замѣчаніемъ, что *ученици бо Ею отпили близу во градѣ, да брашно купятъ*. Почему же указалъ онъ мѣсто? Сейчасъ объясню. Христосъ имѣлъ въ виду духовную ловлю; съ этой цѣлью Онъ и пришелъ туда, гдѣ Ему предстала добыча. Знаешь, какъ дѣлаютъ рыбаки? Не на всякомъ мѣстѣ въ морѣ закидываютъ они сѣти, а на такомъ, о которомъ они уже знаютъ, что тамъ водится рыба. Вѣдь въ морѣ есть много мѣстъ, которыя преимущественно предъ другими доставляютъ нищу рыбъ. Такъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ, великій Богъ—по пророчеству, зналъ какъ Богъ, что здѣсь можетъ Онъ встрѣтить добычу, т. е. эту женщину самарянку. Именно какъ рыбаки выбираютъ тѣ мѣста, гдѣ надѣются поймать рыбу, такъ и Христосъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ могъ Онъ поймать самарянку и чрезъ нее сдѣлать великій уловъ людей. Вотъ, какъ объясняется причина, почему евангелистомъ указано мѣсто. Почему же указалъ онъ и часъ? Вѣдь

онъ говоритъ: *Исусъ же утрудился отъ пути, съдѣлавъ тако на источникѣ: бы же яко часъ шестый*. А вотъ, слушай теперь и о времени. Самарянка была, очевидно, изъ бѣдныхъ и снискивала себѣ пропитаніе постояннымъ трудомъ,—изъ бѣдныхъ по тѣлу и по имуществу, но не по благочестію души. Стоя у станка, она усердно занималась работой, которой и кормилась. Въ шестомъ же часу, когда всѣ предавались отдыху, она, ваявши водоносъ, носила воду. Всевѣдущій Господь зналъ, конечно, что то время, которымъ всѣ пользуются для отдыха, она употребляетъ на ношеніе воды, отказываясь отъ отдыха. Поэтому въ шестой именно часъ пришелъ Онъ сюда, зная, что въ это именно время она приходитъ за водой и можетъ для него послужить духовной добычей. Для чего, наконецъ, отослалъ Господь Своихъ учениковъ? *Ученицы бо Ею*, говоритъ Евангеліе, *отили блязу во градѣ, да брашно купятъ*. Эта бѣдная, какъ мы уже объяснила, женщина была робка, и не рѣшилась бы поднять взоры при многочисленномъ собраніи. Если бы она увидѣла учителя, окруженнаго учениками, учениковъ, толпу народа, вообще увидѣла что-нибудь особенное, важное, внушительное, блестящее, она тотчасъ бы убѣжала и, такимъ образомъ, добыча была бы потеряна. Не рѣшилась бы она подойти—значить, рыба убѣжала бы изъ сѣтей, не была бы поймана, а выскочила бы. Вотъ почему и отослалъ Онъ учениковъ въ городъ. Подите, говорятъ, купите пищи: вы—подите и купите себѣ, а Я имѣю другой обѣдъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Ею* (iv, 34). У васъ—плотская пища, а у Меня—духовная; вамъ нужно купить, а Мнѣ—выкупить,—*Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. ш, 13), говорятъ сосудъ избранія—Павелъ,—Я желаю водою уловить эту духовную добычу. Теперь ты знаешь, почему обращено здѣсь вниманіе и на мѣсто, и на часъ, и на отсутствіе учениковъ; пора уже перейти и къ дальнѣйшему. *Прииде жена отъ Самаріи почерпнати воду*. Приходить самарянка за водой въ шестомъ часу, оставивши работу у станка, чтобы въ часъ отдыха запастиись водой; это было, какъ не разъ уже говорилось, въ шестомъ часу. Когда Ева въ радъ преступила заповѣдь, былъ часъ шестой; а вотъ теперь самарянка получила спасеніе при источникѣ въ томъ же самомъ шестомъ часу. Пришла самарянка за водою и видитъ Иисуса. Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе простого странника, обыкновеннаго путника, искавшаго отдыха и нашедшаго для него мѣсто у источника. При видѣ столь ничтожнаго человѣка она не обратила на него вниманія. Но Онъ—Богъ, вѣдущій всяческая прежде бытія ихъ,—усмотрѣвъ сокровище вѣры, говоритъ ей: *даждь Ми пити*. Источникъ жизни, сидя у источника, просить пить! Не пить Онъ хочетъ, но хочетъ самъ дать пить. Дай Мнѣ пить, и Я тебѣ дамъ пить воду безсмертія. Я жажду спасенія людей, жажду не пить, но напоить. Я подражаю Своему Отцу. Онъ говорилъ Аврааму: дай Мнѣ сына Тво-

его, вознеси Мнѣ Исаака, сына твоего возлюбленнаго, единороднаго, во всесовершенство на одной изъ горъ, которую Я тебѣ укажу (Быт. ххп, 2). Не его сына, конечно, желая взять, сказалъ это Богъ, а Своего Сына желая пожертвовать для вселенной.

2. Это самое говорить сынъ громовъ, божественный Іоаннъ: *такъ бо возлюби Богъ міръ, яко и Сыны своего единороднаго далъ есть, да всякъ струши азъ онъ не погибнетъ, но имать животъ вечный* (Іоан. пп, 16). Дай мнѣ единороднаго твоего, чтобы я даровалъ міру Своего Единороднаго; принеси Мнѣ въ жертву сына твоего не для того, чтобы тебѣ принести, но чтобы Мнѣ принести въ жертву Сына Моего Единороднаго за спасеніе міра, жертву живую, угодную, святую. Такъ и здѣсь: *даждь Ми пити*, не для того, чтобы напиться Мнѣ, но чтобы тебѣ отъ Меня получить питье. Глазола Ему жена: *како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены самарянкины сущей? Не прикасаются жидове самаряномаъ* (ст. 9). Строгая женщина! Вотъ чѣмъ тщеславится блудница! Вотъ какъ соблюдаетъ она законъ! Таковъ вообще родъ самарянъ: валяются въ грязи блуда и хотятъ очиститься омовеніями: *како ты, жидовинъ сый, отъ мене пити просиши, жены самарянкины сущей? Не прикасаются бо жидове самаряномаъ*. Душу наполняютъ скверной, а тѣло думаютъ очистить. Такъ и самарянка: душа ея осквернена, а она препирается о питьѣ воды. Что же Іисусъ? Не поразилъ ее? Не сказалъ ей: Я—Богъ отъ Бога; Я основалъ и утвердилъ небо и землю,—о водѣ ли и питьѣ споришь со Мною ты, женщина, смердящая грѣхами? Но что (сказалъ Онъ ей)? *Аще бы ѣдала еси даръ Божій и кто есть глаголюй ти: даждь Ми пити, ты бы просила у Него, и далъ бы ти воду живу* (ст 10). Видишь, какъ понемногу возбуждалъ Онъ любовь ея до страсти, сказавъ: *аще ѣдала бы еси даръ Божій и кто есть глаголюй ти: даждь Ми пити, ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу*. Что же отвѣчаетъ ему на это женщина? *Господи, ты почерпала имамъ, и студенецъ есть глубока: откуда убо имамъ воду живу? Еда ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студенецъ сей, и той изъ него питъ, и сынове его, и скоти его* (п, 12). Великое представленіе имѣла эта женщина о патріархѣ Іаковѣ (слушайте, прошу васъ, со всѣмъ вниманіемъ), великое мнѣніе имѣла объ Іаковѣ женщина самарянская и великую славу усвоила ему какъ патріарху, какъ праведнику, такъ какъ онъ былъ отцомъ двѣнадцати патріарховъ: двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ ведутъ свое происхожденіе отъ Іакова. Знала она, конечно, и то, что онъ боролся съ Богомъ и оказался столь сильнымъ, что Богъ сказалъ ему: *пусти Мя, азъ иде бо заря* (Быт. хххп, 26). Даже Богъ, борясь съ человѣкомъ, говорилъ: отпусти Меня, потому что ты другъ мой, и вошла заря. А онъ отвѣчаетъ: *не пушу Тебе, аще не благословиши мене*. Что это за борьба у Бога съ человѣкомъ и что она обозначаетъ, какъ не то, что Богъ имѣлъ облечься ради насъ нашею

плотью? Что же Богъ сказалъ ему? Ты не будешь больше называться Іаковомъ, но будетъ имя твое Израиль: *понеже укрѣпился еси съ Богомъ и съ челоуки силенъ будещи* (ст. 28). Вотъ почему самарянка нѣла объ этомъ патріархѣ высокое мнѣніе, вотъ почему она и сказала Господу: *еда ты болій еси отца нашего Іакова, иже даде намъ студеницъ сей, и той изъ него питъ, и сынове его, и скоти его?* Что же на это Христосъ? Замѣть мудрость Господа, замѣть снисходительность наставника. Не сказалъ ей: да, Я—больше отца вашего Іакова. Не сказалъ ей и такъ, какъ сказалъ іудеямъ: *прежде дже Авраамъ не бысть, азъ есмь* (Іоан. viii, 58), или еще такъ: *аминъ глаголю вамъ, яко мнози цари и праведници возжелѣша видѣти, яже видѣте, и не видѣша* (Мѣ. xiii, 17). Ничего подобнаго не сказалъ Онъ ей, но ведетъ борьбу съ патріархомъ и нагляднымъ способомъ борется весьма сильно. Конечно, если бы Онъ сказалъ ей: да, Я—больше Іакова: онъ вѣдь отъ Меня принялъ благословеніе, а Я преподалъ ему его,—то она не могла бы такъ скоро возвести своего взора на такую высоту откровенія и ей оставалось бы убѣжать. Ничего подобнаго не сказалъ Онъ ей, но изъ явленій видимыхъ представляетъ ей доказательство ясное и безспорное. Что именно говорить Онъ ей? *Всякъ пійи отъ воды сѣя, всажается пакы. А иже пійетъ отъ воды, юже азъ дамъ ему, не всажается во отки, но вода, юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущій въ животъ вечный* (13, 14). Были лица, посредствующія между Іаковомъ и Христомъ, но Онъ оставляетъ преніе о лицахъ и обращается къ сравненію между водой видимою и невидимою—благодатью. Вѣдь если бы Онъ сказалъ: да, Я—больше Іакова,—она тотчасъ же удалилась бы, убѣжала бы въ городъ, уклонилась бы отъ отвѣта и, не выслушавъ объясненія, стала бы говорить въ городѣ: безумный Онъ, что ли, или помѣшанный? Не то бѣснуется, не то бредитъ; странный и ничтожный челоукъ, и вдругъ говорить, что Онъ больше отца нашего или—лучше сказать—того, кто былъ отцомъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, получилъ благословеніе отъ Бога, ушелъ изъ своей страны бѣднымъ, а возвратился—по особому промышленію о немъ Божию—богатымъ. Но Господь снисходилъ къ женщинѣ и, примѣняясь къ ея слабости, мало-по-малу возродилъ Свою собесѣдницу на высшую высоту. Рыболовы (какъ они поступаютъ, слушай внимательно) бросаютъ крючекъ въ море, и когда замѣтятъ, что рыба ввѣла, не тотчасъ вытаскиваютъ ее, но понемногу спускаютъ ей, чтобы безъ помѣхи она проглотила приманку какъ слѣдуетъ, и когда почувствуютъ, что крючекъ проникъ въ самую внутренности ея, тогда быстро безъ всякаго колебанія вытаскиваютъ рыбу. Такъ и Христосъ поступилъ съ женщиной. Не открылъ ей съ самаго начала красоту Божества и не далъ ей обѣщаній великихъ благъ, ни возвѣстилъ о Себѣ, какъ Творцѣ Іакова, но постепенно подготавливаетъ ея душу къ воспріятію истины слѣдующими словами: *всякъ пійи отъ*

воды сая, всажается паки; а уже нѣтъ отъ воды, уже азъ дамъ ему, не всажается во стѣки, но вода, уже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущій въ жизнь вѣчный (18, 14). Не вдаваясь въ сравненіе лицъ, Онъ указываетъ на обиліе благодатныхъ даровъ и такимъ образомъ на дѣлѣ показываетъ Свое преимущество предъ тѣми, т. е. Іаковымъ и его сыновьями. Что же на это женщина? *Господи, говоритъ она, даждь ми сію воду, да ми жажду, ни прихожду стмо почерпнати* (15). Видишь, какъ скоро она повѣрила, что данная Христомъ вода уже не оставляетъ послѣ себя мѣста жаждѣ? *Господи, даждь ми сію воду, да ми жажду, ни прихожду стмо почерпнати*. Постепенно Христосъ возбудилъ въ ней сильное желаніе Его духовной воды. Она повѣрила, что есть вода, послѣ питья который уже не чувствуется болѣе жажды, употребленіе которой уничтожаетъ рукописаніе грѣховъ. *Господи, даждь ми сію воду, да ми жажду, ни прихожду стмо почерпнати. Глагола ей Исусъ: иди, приласи мужа твоего, и прииди стмо* (16). Если имѣешь, 539 говоритъ, общника по сожитію, пусть онъ раздѣлитъ съ тобою и вѣру; не одна прими даръ духовной благодати, но *иди, приласи мужа твоего и прииди стмо*. Не одну Еву пришелъ Я спасти чрезъ Приснодѣву и Богородицу Марію, но и мужа хочу я воззвать опять въ рай, ставши Самъ мужемъ. *Иди, приласи мужа твоего и прииди стмо*. Хорошо, возлюбленные, учитель вселенной Павелъ съ тою же самою цѣлью писалъ коринѣянамъ: *что бо въси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. vii, 16)? Но не будемъ уклоняться въ сторону. *Иди, приласи мужа твоего и прииди стмо. Отецѣна жена и рече ему: не имамъ мужа*. Начала уже жена открывать грѣхи свои, начала исповѣдываться и говорить прежде всего: *не имамъ мужа*. Я погружена въ бездну блуда и невоздержанія, и мужа не имѣю. *Глагола ей Исусъ: добръ рекла еси, яко мужа не имамъ* (17). *Пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ, ео же имаша, нѣсть ти мужъ: се воистину рекла еси* (18). Что это значить: *нѣтъ бо мужей имѣла еси, и нынѣ, ео же имаша, нѣсть ти мужъ*? Необходимо объяснить. Пять мужей имѣла эта женщина и всѣ они умерли; послѣ этого она впала въ блудъ, и тогда никто уже не хотѣлъ вступить съ нею въ законный бракъ. Она же, не будучи въ состояніи обуздать своихъ страстей, имѣла тайную связь. Такимъ образомъ, она не была ни явной блудницей, ни законной женой, имѣла мужа тайно; а Христа думала обмануть какъ человѣка, сказавъ Ему: *не имамъ мужа*. На это Христосъ, знающій сокровенныя тайны сердець и вѣдущій все прежде его совершенія, говоритъ ей: *добръ рекла еси, яко мужа не имамъ: пять бо мужей имѣла еси, и нынѣ, ео же имаша, нѣсть ти мужъ: се воистину рекла еси. Глагола Ему жена: Господи, вижду, яко пророкъ еси Ты. Отцы наши въ юрѣ сей поклонилися; и въ іуден глаголетъ, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланяются подобаетъ* (19, 20). Какого пророка видишь ты въ Немъ, женщина? Того ли, о которомъ писалъ Моисей:

пророка отъ братіи вашей, якоже мене, возставитъ вамъ Господь Богъ вашъ (Второв. xvi, 15), или другого какого? Его ли видишь ты въ Томъ, Кому вѣдомы всѣ тайны твоего сердца? Вѣдь именно указаніе Господа на ея тайный грѣхъ побудило ее къ признанію Его пророкомъ: *Господи, вижду, яко пророкъ еси Ты!* Вмѣстѣ съ Давидомъ должна была она воскликнуть теперь: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. xlv, 18)!

8. Такъ сядѣлъ Богъ, бесѣдуя съ женщиной. О, великое человеколюбіе! Сидящій на херувимахъ бесѣдуетъ съ блудною женою. *Вижду, яко пророкъ еси Ты. Отци нашимъ въ гортъ сей поклонишася, и мы млао-лете, яко въ Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ* (19, 20). Блудница ведетъ рѣчь о предметахъ вѣры; убѣдившись, что она бесѣдуетъ съ пророкомъ, она не спрашиваетъ Его ни о чемъ житейскомъ. Исповѣдала Его Господомъ, но не проситъ у Него богатства. *Господи, вижду, яко пророкъ еси Ты.* Исповѣдала Господомъ, но не спрашиваетъ ни о чемъ, кромѣ ученія отеческаго. *Отци нашимъ въ гортъ сей поклонишася, и мы млао-лете, яко въ Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ.* [На этой горѣ Соморъ Авраамъ собственнаго сына Исаака принесъ въ жертву Богу, а въ Іерусалимѣ Іаковъ, на пути въ Месопотамію къ Лавану сиріянину, видѣлъ во снѣ лѣстницу, восходящую отъ земли до неба, и боролся съ Богомъ, почему и говорилъ: *Богъ Мой явился мнѣ въ Лузѣ* (Быт. xlviii, 8). Поэтому самарянка касается ученія и говоритъ: *Господи, вижду, яко пророкъ еси Ты. Отци нашимъ въ гортъ сей поклонишася, и мы млао-лете, яко въ Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идѣже кланятися подобаетъ*]. Что же Господь? Опять Онъ отвѣчаетъ съ подобающе Ему мудростью. Такъ какъ она видѣла въ Немъ іудея, а сама была самарянка, то Господь не пожелалъ дать прямого отвѣта на ея вопросъ, не желая ни огорчить ее, ни вводить въ заблужденіе. Вѣдь Онъ искалъ только одного—направить эту женщину на путь спасенія, и ничто другое не входило въ Его цѣли. Поэтому Онъ избѣгаетъ всего, что могло бы ввести ее въ заблужденіе или пристыдить. Между тѣмъ, если бы Онъ сказалъ ей, что въ Іерусалимѣ мѣсто, гдѣ должно поклоняться, какъ заповѣдалъ Моисей сынамъ Израилевымъ, то, конечно, возбудилъ бы въ ней большое недовольство; тѣмъ болѣе, что,—какъ мы уже сказали,—она имѣла за себя древнее преданіе о горѣ Сихемской, согласно которому на этой именно горѣ Авраамъ по повелѣнію Божию долженъ былъ принести въ жертву Исаака. Съ другой стороны, если бы Онъ, снисходя къ ней, сказалъ, что эта именно гора, и что самаряне, кланяясь на ней, хорошо дѣлаютъ, то такіе слова были бы, конечно, не истинны. Поэтому, возводя Свою собесѣдницу къ мысли о духовномъ поклоненіи и говоритъ: *жене, вѣру Ми ими, млао-лету тебѣ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мы въ гортъ сей, мы въ Іерусалимѣхъ поклонитесь Отцу* (21); но истинни поклонники поклонятся Отцу

духомъ и истинною. Ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему (28). Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему духомъ и истинною достоинъ кланяться (24). Видишь лучшее наставленіе, видишь мудрость искуснаго Учителя? *Жено, вѣру Ми ими, славоююу.* Смотри, какъ возбуждаетъ Онъ вѣру женщины. Смотри, какъ душу ея поемногу возводитъ къ небесамъ, не пристыжая ее за наружность блудницы, но служа спасенію души ея. Почему? Потому что Онъ и пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (Лк. v, 32), потому что за погибшей овцой, не отлучаясь отъ нѣдръ отеческихъ, снисшелъ Онъ къ намъ, преклонивъ небеса, и сдѣлался совершеннымъ челоуѣкомъ, пребывъ тѣмъ, кѣмъ былъ. *Жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истиннии поклонники поклонятся Отцу Духомъ и истинною. Ибо Отецъ таковыхъ ищетъ, поклоняющихся Ему. Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему духомъ и истинною достоинъ кланяться (28, 24).* Поклоненіе Богу не ограничивается мѣстомъ, но повсюду распространяется познаніе божественной благодати; уже болѣе не присвояютъ себѣ іудеи и самаряне символовъ закона. Кто кланяется Богу духомъ и истинною, достойно кланяется. Отнынѣ богопочтеніе не заключается уже въ чужихъ всесоженіяхъ, въ тельцахъ и баранахъ; нѣтъ болѣе обрѣзаніи и соблюденія субботы; нѣтъ ни храма, ни жертвенника, ни козла отпущенія, ни святаго святыхъ; упразднена тѣнь и служеніе и извращенныя субботы. *Новомѣсячій вашихъ и субботъ,* говоритъ Богъ чрезъ пророка, *и дне великаго не потерплю; поста и праздниости и праздникоуъ вашихъ ненавиждѣтъ душа моя (Ис. i, 18, 14).* *Иже кланяется Ему духомъ и истинною достоинъ кланяться.* Все это прошло какъ тѣнь; древнее миновало; все стало новое. Благодать отвернулась отъ писменъ. Я не требую уже, чтобы поклоняющіеся Богу собирались по закону въ одно мѣсто; на всю вселенную хочу я распространить благодатные дары спасенія. *Во всю землю изыде вѣщаніе иже и въ концѣ вселенныя славою иже (Римл. x, 18).* *Духъ есть Богъ и иже кланяется Ему духомъ и истинною достоинъ кланяться (24).* Глагола Ему жена: *вѣла, яко Мессія прійдетъ славоуемый Христосъ: егда той прійдетъ возвеститѣ намъ вся (25).* Вотъ блудница, любомудрствующая о духовномъ! Вотъ блудница, у которой Писаніе не сходитъ съ языка! И хотя тѣломъ она была погружена въ нечистоту блуда, но душа ея была очищена усерднымъ чтеніемъ божественныхъ писаній. *Вѣла, яко Мессія прійдетъ.* Мессія въ переводѣ значить помазанникъ. Поэтому самарянка и говоритъ: *ожидаю помазанника, котораго плоть будетъ помазана Божествомъ. Егда той прійдетъ, возвеститѣ намъ вся.* О, духовная высота! О, женщина—блудница и все знающая! Смотри, какъ она устремлена отъ земнаго къ небесному. Мессіей называетъ посланника, ожидаемаго Христа, приходящаго для спасенія всего міра. Опять про- 541

допытывается о дарованіи воды, не говоритъ уже Ему: *како Ты, живодущій сый, отъ мене нити просиши, жены самарянами сущій? Не прикасаются жидове самаряномъ* (ст. 9). Но что? *Господи, вижу яко пророкъ еси Ты* (19),—и тотчасъ же о вѣрѣ: *отцы наши въ гору сей поклонилися, и вы глаголете, яко во Іерусалимѣхъ есть мѣсто, идоже кланяться подобаетъ* (20). Замѣть, какъ восхищаетъ она добро духовныхъ дарованій. Замѣть, какъ все у ней основано на Писаніи. *Вѣмъ, яко Мессія приидеть глаголемый Христосъ: егда той приидеть, возстѣтитъ намъ вся* (25). Его я ищу, Его ожидаю, къ Нему стремлюсь. *Глагола ей Іисусъ: Азъ есмь, глаголюй съ тобою* (26). О, великое и необычайное чудо! Столь ясно открылъ Господь блудницѣ то, что многимъ изъ апостоловъ еще не было открыто.

4. Апостоламъ—Клеопѣ со спутникомъ—не открылся Онъ сразу, а когда отверзъ очи ихъ, тогда сталъ невидимъ для нихъ, такъ что они потомъ уже говорили: *не сердце ли наше горя бы въ насъ, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама писанія* (Лк. xxiv, 32)? Имъ не открылся, а самарянкѣ говорить: *Азъ есмь, глаголюй съ тобою* (ст. 26). Что сдѣлалъ Онъ для одного только Павла, взошедшаго на третье небо, восхищеннаго въ рай и слышавшаго неизреченные глаголы, уловившаго вселенную, это самое гораздо раньше сдѣлалъ для самарянки. Павлу Господь ясно открылся въ словахъ, сказанныхъ съ неба: *Савле, Савле, что Мя юниши? Жестоко ты еси противу рожна прати*. Савлъ же рече: *кто еси Господи? Онъ же рече: азъ есмь Іисусъ Христосъ, еюже ты юниши* (Дѣян. xvi, 14, 15; ср. ix, 4, 5). Тоже самое теперь говоритъ Господь самарянкѣ: *Азъ есмь, глаголюй съ тобою*. Въ это время приходятъ ученики и находятъ его бесѣдующимъ съ женщиной: *и чудяшуся, яко съ женою глаголаше* (Іоан. iv, 27). Покланяемый ангелами бесѣдовалъ съ блудницею; раздѣляющій съ Отцемъ безконечное царство наединѣ бесѣдовалъ съ женщиной. А она, оставивъ водоносъ, поспѣшила въ городъ. Оставила водоносъ, такъ какъ насытилась водою живою, и придя къ горожанамъ, громко восклицала: *приидите и видите челоука, иже рече ми вся, елика сотвори хъ: еди той естъ Христосъ* (Іоан. iv, 29)? *Приидите и видите челоука*. Не сказала: идите, смотрите Бога среди людей,—чтобы не приняли ее за безумную, чтобы не сказали люди: она въ изступленіи. Въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ ли когда-нибудь кто Бога ходящимъ по землѣ? Видѣлъ ли кто когда-нибудь Бога среди людей? *Приидите и видите челоука, иже рече ми вся, елика сотвори хъ*. Она возбуждала въ нихъ желаніе пойти и сдѣлаться Его добычей; какъ сама онъ была уловлена, такъ улавляла другихъ. Сама начала съ „іудея“ и дошла до „Господа“, а ихъ отъ челоука руководить къ познанію Бога. О, блудница-проповѣдница! О, блудница, превзошедшая апостоловъ! Вѣдь только по исполненіи всего домостроительства, только

тогда апостолы начали апостольскую проповѣдь, а блудница и прежде страданій и искупленія и воскресенія благовѣствуетъ Христа. *Приидите и видите челоѣка, иже рече ми вся, елика сотвориѣхъ* (29). Для вашей пользы я всенародно объявляю свои грѣхи; я разглашаю свои пороки, чтобы вы увидѣли Бога, пришедшаго къ людямъ, и поклонились Христу, не гнушающемуся грѣшниковъ. *Приидите и видите челоѣка иже рече ми вся, елика сотвориѣхъ: еда той естъ Христосъ?* Видишь мудрость женщины? Видишь благомысліе блудницы? Объ одномъ только грѣхѣ—именно о блудѣ—сказала ей Христосъ, и она оставила водоносъ, побѣжала въ городъ, говоря: *приидите и видите челоѣка, иже рече ми вся, елика сотвориѣхъ*. Проповѣдуетъ объ Его всевѣдѣніи, и ея проповѣдь превосходитъ проповѣдь апостоловъ. Она не видѣла Его воскресшимъ изъ мертвыхъ, не видѣла, какъ Лазарь четверодневнаго возгласилъ Онъ изъ гроба, не видѣла его побѣды надъ смертію, не видѣла моря, укрощаемаго словомъ, не видѣла, какъ создавшій Адама брениемъ восполнялъ недостатокъ творенія у слѣпного,—и проповѣдывала о томъ, Кто въ раю словомъ творилъ изъ глины. *Приидите и видите челоѣка, иже рече ми вся, елика сотвориѣхъ. Отъ града же того мнози отъроушиѣ отъ онъ отъ Самарянъ, за слово жены, свидѣтельствующія, яко рече ми вся, елика сотвориѣхъ* (39). Будемъ и мы подражать этой женщинѣ—самарянкѣ въ томъ, чтобы не стыдился своихъ грѣховъ, но бояться Бога. А то нынѣ бываетъ, какъ я вижу, напротивъ: Грядущаго судить насъ мы не боимся, а тѣхъ, которые нисколько не могутъ повредить намъ, мы боимся и стыдимся. И за то, чего стыдимся, за это несемъ наказаніе. Вѣдь тотъ, кто стыдится открыть челоѣку грѣхи, а не стыдится грѣшить предъ очами Божиими, и затѣмъ не желаетъ ни сознаться въ своихъ грѣхахъ, ни покаяться, будетъ посрамленъ въ тотъ день не предъ однимъ или двумя, а предъ всей вселенной. Итакъ, побесѣдуемъ со Христомъ: Онъ вѣдь и теперь стоитъ среди насъ и бесѣдуетъ съ нами чрезъ пророковъ и апостоловъ. Будемъ же слушать Его и повиноваться Ему. Доколы будемъ мы жить суетно и напрасно? Если адѣсь данное намъ время мы проведемъ безъ пользы, то отшедши отсюда подвергнемся тяжкому наказанію за неосмотрительную трату. Богъ даровалъ намъ эту настоящую жизнь и вдохнулъ въ насъ разумную душу не для того, чтобы мы пользовались только этой временной жизнью, но чтобы всѣ получили и будущую жизнь. Неразумнымъ животнымъ предоставлена только настоящая жизнь, а мы для того и имѣемъ безсмертную душу, чтобы готовиться къ тамошней жизни, чтобы просіять тамъ, чтобы ликовать съ ангелами, чтобы Царю предстоять всегда—въ безконечные вѣки. Для того и душа наша бевсмертна, и тѣло будетъ возвращено намъ. Если же ты, когда предъ тобой небесное, привязанъ къ землѣ,—подумай какую обиду наносишь ты своему Благодѣтелю. Онъ предлагаетъ тебѣ небесное, а ты,

не обращая на это вниманія, предпочитаешь землю? Пренебрегаемый. Онъ угрожалъ тебѣ и гееной, чтобы ты узналъ отсюда, какихъ ты лишаешься благъ. Но да избавитъ насъ Богъ отъ опасности испытать это наказаніе на дѣлѣ! Благоугодившихъ же Ему да удостоятъ вѣчныхъ благъ благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцомъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ревности и благочестіи, и о слѣдспорожденномъ.

548

1. Источникъ свѣта — слово Божіе; будучи исполнено свѣта и источая свѣтъ, оно просвѣщаетъ и оваряетъ души вѣрныхъ. Само изъ себя и само по себѣ оно свѣтитъ и пользующихся имъ просвѣтляетъ; и не просто души вѣрныхъ просвѣщаетъ, но и сообщаетъ имъ нмъ свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, божественное Писаніе по справедливости именуетъ тьмою людей, погруженныхъ въ невѣдѣніе и упорствующихъ въ невѣріи, не принимающихъ свѣтильника истины, чтобы сдѣлаться сынами свѣта. Поэтому и божественный апостолъ Павелъ говоритъ: *мысли сынове ночи ниже тмы, но сынове сѣта и дне* (1 Сол. v, 5). И дѣйствительно, мы сыны свѣта, т. е. слова евангельскаго, глаголаннаго устами Божіими: *Азъ есмь сѣтъ міру, ходи по Мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать сѣтъ животный* (Іоан. viii, 12). То слово есть слово свѣта, которое, если мы увѣруемъ въ него, дѣлаетъ насъ сынами свѣта. Потому и Спаситель говоритъ: *дондеже сѣтъ имате, стругите во сѣтъ, ди сынове сѣта будете* (Іоан. xii, 36). Вѣдъ что для тѣла этотъ чувственный свѣтъ, то самое для душъ свѣтъ духовный — слово Божіе; и что ночью — тма, то самое для душъ заблуждающихся невѣдѣніе. Поэтому и блаженный Давидъ о таковыхъ пашеть: *не познаша ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Пс. lxxxi, 4). Такъ и синагогу, погруженную въ невѣдѣніе и не желающую проникнуть къ познанію духовнаго ученія, Богъ называетъ тьмою, по причинѣ обитающаго въ ней невѣдѣнія. Когда Богъ говорилъ іудеямъ чрезъ пророка: *нощи уподобишъ матеръ вашу, то поясняя, что разумѣть ночь, подобную тмѣ, прибавилъ: уподобишася людѣ мои акы людѣ не имуще умнѣя* (Ос. iv, 5, 6). Потому-то они и *не познаша ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Пс. lxxxi, 5). Но они такъ, а принявшіе свѣтъ Христова ученія — тѣ совершенствуются во свѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ нашъ есть свѣтъ; и слово Его, изъ Себя самого рожденное Имъ прежде вѣковъ безстрастно, называется свѣтомъ; и святыи и единосущный и живоначальный Духъ — свѣтъ. Свѣтъ, и свѣтъ, и свѣтъ, но одинъ свѣтъ. И душа, принявшая слово, называется свѣтомъ. Но Богъ тріпостасный —

свѣтъ по природѣ, а мы — въ силу общенія съ Нимъ. Затѣмъ, самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ—свѣтъ, какъ говорить о Немъ евангелистъ Іоаннъ: *бъ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго челоука, ирлдушаю въ мѣръ* (Іоан. 1, 9). Но свѣтъ, сущій отъ свѣта неизреченнаго, и законъ даруетъ полный свѣта, по слову пророка: *свѣтъ иже въ нощи моимъ законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ* (Пс. 105, 105). Далѣе, душа, воспринявшая свѣтлое слово истины, и сама становится свѣтомъ и слышитъ отъ Павла: *бyste иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (Еф. 5, 8). А когда душа проникается словомъ евангельскихъ, тогда и по вѣрѣ она называется свѣтомъ, точно также и по дѣламъ. *Да просвѣтитсѣя*, говоритъ Господь, *свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего иже на небесахъ* (Мѣ. 5, 16). Необходимо, чтобы принявшій свѣтъ вѣры дѣлалъ и дѣла свѣта. Не только душа вѣрнаго должна быть свѣтомъ, но и дѣлами своими онъ долженъ блистать предъ людьми. Поэтому и говоритъ Спаситель: *да просвѣтитсѣя свѣтъ вашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего иже на небесахъ* (Мѣ. 5, 16). И вотъ удивительно: свѣтъ, исходящій отъ Бога, простъ, а лучи его различны — не по природѣ, конечно, а по дѣйствию. И просвѣщающее ученіе Божіе посылается всякой душѣ вѣрной, по сказанному: *и буде свѣтлость Господа Бога нашего на насъ* (Пс. 133, 17), чтобы предъ Нимъ исправились дѣла наши. Свѣтлость эта сама по себѣ — одна, но проявляясь въ насъ она производитъ многія свѣтлости: свѣтлость милостыни, свѣтлость цѣломудрія, свѣтлость страннопріимства, свѣтлость любви. У Бога свѣтлость—одна, но въ насъ она какъ бы сверкаетъ и переливается разнообразными оттѣнками, одного озаряя даромъ пророчества, въ другомъ воспламеняя огонь апостольства, иному даруя 544 блескъ мученичества. Тамъ — одна свѣтлость, а въ насъ многія, какъ сказано: *съ тобою начало въ день силы твоея во свѣтлостяхъ святыихъ твоихъ* (Пс. 84, 8). Въ самомъ дѣлѣ, что иное хотѣлъ выразить и ап. Павелъ въ этомъ рядѣ вопросовъ: *еда вси апостолы? Еда вси пророцы? Еда вси учителя* (1 Кор. 12, 29)? Конечно, не безъ основанія онъ допускаетъ такое дѣленіе, но сообразуясь съ душевнымъ настроеніемъ людей, не по своему произволу, но по силѣ исповѣданія вѣры каждымъ изъ нихъ; не по своему желанію раздаетъ онъ такіа наименованія, — потому что его желаніе не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, — но по обилію даровъ. Солнечные лучи, скользя по роскошнымъ украшеніямъ великолѣпной царской багряницы и отражаясь въ нихъ, рассыпаются безчисленнымъ множествомъ блесковъ всевозможныхъ цвѣтовъ; и чѣмъ богаче и лучше украшенія, тѣмъ разнообразнѣе и красивѣе отражаются ими лучи, — самый воздухъ какъ будто переливается то золотомъ, то пурпуромъ, то зеленымъ цвѣтомъ, то еще какими-нибудь другимъ. И все это не потому, конечно, чтобы самѣ лучи были различны по своей природѣ,

но исключительно потому, что они преломляются въ украшеніяхъ одежды и, отражаясь въ нихъ, становятся разнообразными. Такъ же точно объясняется и то разнообразіе лучей, какимъ всегда сіяетъ церковь и которое составляетъ ея красоту. Въ царскую одежду облечена церковь, небеснымъ и разнообразнымъ нарядомъ она разубрана, какъ это изображаетъ псалмопѣвецъ: *дщери царей въ чести твоей: предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна пренепещрена* (Пс. хлѣ, 10). Какъ „пренепещрена“? Даромъ Святого Духа, по словамъ Павла: *дѣйствующу Богу знаменни же и чудеса и различными силами и Духа святого раздѣленни* (Евр. п, 4). Какъ назвать мнѣ церковь Христову? Невѣстой въ уборѣ, царицей въ украшеніяхъ, садомъ воздѣланнымъ, лугомъ плодоноснымъ? Но какія бы эти или другія названія я ни употребилъ, ни одно изъ нихъ не можетъ выразить какъ слѣдуетъ ея достоинствъ. Отъ лица церкви, какъ бы ея устами, говоритъ пророкъ Ісаія: *да возрадуется душа моя о Господѣ: облече бо мя въ ризу спасенія* (Ис. лхѣ, 10). Но чувствуя, что этотъ образъ не даетъ достаточнаго познанія о красотѣ церкви, пророкъ тутъ же дополняетъ его другими подобными же образами, прибавляя: какъ невѣсту украсилъ меня красотою, и какъ на жениха возложилъ на меня вѣнецъ, и какъ землю, растящую плодъ свой, и какъ виноградникъ, прозябающій сѣмена свои (ст. 11). Дѣйствительно, виноградникомъ запечатлѣннымъ (Пѣсн. Пѣсн. iv, 12) и садомъ можно назвать церковь Бога живого,—но садомъ не въ смыслѣ того древняго рая; нѣтъ, она гораздо выше его. Тамъ вѣдь воцарился змѣй, здѣсь же царствуетъ Христосъ.

2. Судите не по имени, а по существу дѣла. Самъ по себѣ рай ничего удивительнаго не представлялъ бы, если бы не было тамъ соблюденія заповѣди Божіей; наоборотъ, самыя низкія мѣста начуть не были бы низкими, если бы въ нихъ царствовалъ законъ Божій. Что лучше, что выше—рай или навозная куча? И однако для Адама рай оказался бесполезнымъ вслѣдствіе его грѣхопаденія, а Іову и навозная куча не повредила благодаря его терпѣнію. Адамъ въ раю посрамляется за преслушаніе, а Іовъ на кучѣ увѣнчивается за терпѣніе. Никакого значенія не имѣетъ достоинство мѣста, если ему не соответствуетъ доброе расположеніе. Небо и рай выше, но оттуда падаетъ діаволъ. Земля внизу, а небо надъ нею возвышается (Притч. ххѣ, 8), но съ неба падаетъ впадшій въ грѣхъ, какъ видно изъ словъ: *видѣвъ сатану яко молнію съ небесе спадша* (Лук. х, 18), а отъ земли возвышаются нищіе, по изреченію: *воздвизай отъ земли нища и отъ мюнища возвышай убога* (Пс. сѣп, 7). Видишь, какъ различіе мѣста нисколько не содѣйствуетъ намъ въ преуспѣяніи, но повсюду вѣра, терпѣніе и надежда сплетаютъ вѣнцы достойнымъ? Что скромнѣе лежа? Что безстыднѣе цирка? Но какую пользу принесло необузданной египтянкѣ прелюбодѣяніе на ложѣ? Повредило ли сколько-нибудь первомученицѣ Феклѣ

то, что она въ църкѣ выведена была обнаженной? Обнаженная не погрѣшила, святая не была поругана, но увѣнчана. И вотъ эта въ църкѣ увѣнчивается, а та въ брачной комнатѣ приобретаетъ вѣчный позоръ. 545. Какую пользу получили идолы съ ихъ ложнымъ почитаніемъ отъ обширности ихъ храмовъ? И что теряютъ мученики отъ несовершенства ихъ гробницъ? Не посрамилось ли заблужденіе и въ великолѣпныхъ храмахъ, а гробы мучениковъ не прославились ли въ смиреніи? Итакъ, Церковь Бога живого смѣнила собою рай сладости. Въ томъ раю змѣй извивался и обольстилъ, въ новомъ раю говорить Спаситель: *се даю вамъ власть наступати на змію, и на скорпію, и на всю силу вражію: и ничтоже васъ вредитъ* (Лук. х, 19). Въ рай совершилось преступленіе, изъ-за котораго Адаму закрытъ былъ путь жизни, но душѣ, преданной добродѣтели, это нисколько не препятствуетъ, что видно изъ того, что внѣ рая (человѣкъ) получаетъ больше, чѣмъ было въ раю. Адаму преграждается рай, а Петру ввѣряются ключи неба; Адамъ извергается изъ рая, а Павелъ восхищается до третьяго неба. Адамъ устраняется отъ древа жизни, чтобы какъ-нибудь, по словамъ Бога, не прикоснулся онъ къ древу жизни. Тамъ жизнь подавляется и древо жизни удаляется отъ преступника заповѣди; здѣсь воздвигается древо крестное и всѣ желающіе пожинаютъ жизнь вѣчную. Въ рай послѣ паденія Адамъ, угрызаемый совѣстью, скрывается отъ Бога, а Тотъ, кто все испытуетъ, призываетъ его и говоритъ: *Адаме, гдѣ еси* (ст. 9)? Ты не знаешь, гдѣ онъ? Ты спрашиваешь: *Адаме, гдѣ еси?* Нѣтъ, очевидно, въ обличеніе его беззаконія говорить Богъ: гдѣ ты?—вмѣсто того, чтобы сказать: каково твое состояніе? Доставилъ ли тебѣ равенство съ Богомъ обманъ змія? Видишь ли ты, что ты нагъ? „Богъ ты“? Голосъ Твой услышалъ я, и скрылся, отвѣчаетъ Адамъ (ст. 10). Онъ въ рай скрывается отъ Бога, а апостолы говорятъ: *мы же вси откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, отъ славы въ славу* (2 Кор. ш, 18). Видишь, какое дерзновеніе внѣ рая? Видишь, какое посрамленіе въ раю? Въ рай послѣ грѣхопаденія Богъ одѣлъ Адама въ кожанныя одежды. Сравнимъ теперь и одежды. Адамъ тамъ облачился въ одежды, а здѣсь: *глаголю во Христа крестившася, во Христа облекохася* (Гал. ш, 27). Тамъ по заключеніи рая херувимъ и обращающееся оружіе, заграждающее доступъ въ рай; оно было какъ бы стѣной и преградой для Адама, не позволявшей ему за преслушаніе войти въ рай послѣ грѣхопаденія. Не въ порицаніе раю говорю я это, но въ поясненіе, что то богоприличное мѣсто нисколько не принесло пользы тому, кто не пожелалъ пребывать въ добрѣ. И послѣдствіемъ явилась какъ бы огненная стѣна, окружавшая рай и не позволявшая преступнику войти туда. Но чтобы показать, что не огонь самъ по себѣ, а исключительно преступленіе препятствовало Адаму чрезъ огненную стѣну, огненная колесница вознесла Илию на небо. Не обманывается Церковь Божія, говоря: *облече*

ма Богъ *въ ризу спасенія*, какъ невѣсту украсилъ красотою, какъ землю, растящую плодъ свой, и какъ великій вертоградъ истины (Ис. lxi, 10—11). Этотъ великій вертоградъ—Церковь вселенская. Христосъ царствуетъ въ ней и въ Него вѣрять Церковь, какъ въ своего законоположника. А если окажется въ ней кто-либо зараженный болѣзнію еретичества, ученіемъ змѣинымъ,—я разумѣю еретическое заблужденіе,—тотъ извергается отсюда, какъ Адамъ изъ рая. Какъ именно тамъ послушавшійся наученія змѣя былъ изринутъ изъ рая, такъ и въ Церкви не повиновущіеся Павлу, не научаемые Петромъ, но слѣдующіе внушеніямъ змѣя, изгоняются изъ этого рая. Откуда это видно? А вотъ что говорить Павелъ: *ревную по васъ Божіею ревностію: обручить бо васъ единому мужу дщю чисту представить Христови. Боюсь же, да не како, якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разуми ваша* (2 Кор. xi, 2, 3). Но сюда не имѣетъ доступа ученіе змѣя, такъ какъ великій пастырь жезломъ вѣры стираетъ главы змѣевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пастырь, дивный отецъ нашъ стираетъ главы драконовъ евангельскою вѣрою и упованіемъ на Христа, и какъ отличный садовникъ, питаетъ произрастенія Церкви, всякое же сорное растеніе или сѣмя искореняетъ, всякій недугъ нечестія, языческое заблужденіе, какъ тернія, онъ предастъ огню, еретическое же заблужденіе какъ траву выпалываетъ и 546 выбрасываетъ. Онъ облеченъ ревностію Божіею, какъ немногіе. Люди, имѣющіе обыкновеніе измышлять софизмы противъ Церкви и ея святыхъ пастырей, не оставляютъ въ покоѣ и нашего дивнаго отца, и многіе подъ видомъ кротости проповѣдуютъ нерадѣніе, порицаютъ ревность и пытаются остановить преуспѣвающее слово Божіе. Случается слышать, какъ подъ личиною кротости говорятъ они: какое намъ дѣло до язычниковъ? Хочетъ человѣкъ спастись, и пусть спасается. Такъ говорить можетъ только тотъ, кто совершенно не чувствуетъ ревности къ благочестію. Кто видитъ погибающаго и не печалится объ его гибели, не думаетъ и о своемъ наказаніи, тотъ не вѣдаетъ ревности по благочестію, не уязвленъ стрѣлами истины.

3. Въ самомъ дѣлѣ, кто видитъ погибающаго и не чувствуетъ ревности о немъ подобно Павлу: *кто не изнемогаетъ, и не изнемогаю* (2 Кор. xi, 29)?—тотъ не ученикъ Павла. Сопоставь съ этимъ добродѣтели нашего отца и ты найдешь, что на немъ осуществляются эти апостольскія слова: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизняюсь?* Люди подобнаго образа мыслей—братья апостоловъ. Праведникъ вѣдь скорбитъ не только о своихъ собственныхъ грѣхахъ, но и о тѣхъ грѣхахъ, которые совершаются на его глазахъ, какъ говорятъ Давидъ: *печаль пріятъ мнѣ отъ грѣшниковъ оставляющихъ законъ твой* (Пс. cxviii, 58). Кого грѣхи другихъ опечаливаютъ, тотъ имѣетъ ревность о благочестіи. Праведникъ, когда его собственная жизнь нуждается въ исправленіи, плачетъ и печалится о томъ, чтобы свой

грѣхъ совершенно загладить; но когда видитъ грѣхи другихъ, тогда, оставивъ свой грѣхъ, начинаетъ уже оплакивать грѣхи другихъ, подобно Павлу: *да не паки пришедши восплачуся мнози прежде согрѣшившихъ и не покающихся* (2 Кор. хп, 21). Павелъ скорбитъ о согрѣшившихъ и не покающихся; Самуилъ скорбитъ о Саулѣ до такой степени, что самъ Богъ говоритъ ему: *доколы ты плачещи о Спудѣ* (1 Цар. хvi, 1)? А ты видишь погибающую душу и не пожалѣешь? Вѣдь, если кто при видѣ покойника, несомато къ мѣсту упокоенія, не прослезится, тотъ осуждается какъ безжалостный, суровый и звѣроправный; а ты видишь душу, погрязающую въ нечестіи, навлекающую на себя вѣчное осужденіе и коснѣющую въ невѣріи, и не скорбишь? Тебя это нисколько не печаливаетъ? Свойственно ли это благочестивой душѣ? Человѣкъ благомыслящій долженъ печалиться о всякихъ чужихъ грѣхахъ, въ особенности же когда видитъ душу, погрязающую въ нечестіи явчества. О таковой душѣ должно не только печалиться, но горѣть и пламенѣть ревностью всякому, кто считаетъ себя ученикомъ Павла. Когда Павелъ пребывалъ въ Аѳинахъ, духъ его, по словамъ дѣписателя, пламенѣлъ при видѣ города, наполненнаго идолами. Но что побуждаетъ святыхъ мужей питать такую ревность? Что и нашего дивнаго отца побуждаетъ быть такимъ блюстителемъ благочестія? Какъ царь земной, имѣя подъ своею властью вселенную, въ каждомъ судилищѣ имѣетъ вершителей правосудія, такъ и Богъ имѣетъ вѣрныхъ пастырей—блюстителей благочестія. Многіе изъ язычниковъ часто бранью отвѣчаютъ на замѣчанія христіанъ; имъ говорятъ, наприм.: зачѣмъ богохульствуете? Зачѣмъ упорствуете въ нечестіи? А они тотчасъ съ бранью возражаютъ: вотъ заступники Бога! Развѣ не можетъ Богъ заступиться самъ за Себя? Но вѣдь, дѣйствительно, Онъ самъ за Себя не заступается (потому что Божество не терпитъ обиды), а наказываетъ неблагодарныхъ рабовъ чрезъ вѣрныхъ слугъ. Имѣетъ ли Богъ нужду въ заступникахъ? Да, не потому, конечно, чтобы Онъ не въ силахъ былъ защитить Себя, но чтобы ты могъ обнаружить свою ревность. Вѣдь если бы все Онъ дѣлалъ самъ Собою, тогда закрылся бы путь жизни для ревнителя. Не богоборствовалъ ли нѣкогда фараонъ, погрязая въ нечестіи? И не было на него никакого бича, пока не явился вѣрный Моисей. Не процвѣтала ли ложь многобожія съ его ложными священниками и лжепророками не поражаемая Богомъ, пока не выступилъ ревнителемъ благочестія Ілія? Безъ сомнѣнія, заступниками за Бога являются мужи святые. Потому и Павелъ говоритъ: *съ готовностію имѣемъ отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится ваше послушаніе* (2 Кор. х, 6). А что говоритъ удивительная между женщинами Деворра, при свойственной женщинѣ слабости пророчествовавшая съ мужествомъ добродѣтели, о которой сказано въ Писаніи: *воста Деворра, мати во Израили* (Суд. v, 7)? Она была матерью народа въ благоче-

стія и настолько была сильна, что при началѣ войны полководцы вмѣстѣ съ Варакомъ говорили ей: если не пойдешь съ нами на войну, и мы не пойдѣмъ (ср. Суд. iv, 8). Не на храбрость женщины они полагались, но на силу пророчества. Многіе соратники совѣта Божія вышли и уничтожили иноплемениковъ. Итакъ, эта блаженная Деворра, возвѣщая истину, говорятъ: Господи, любящіе Тебя какъ востокъ солнца, 547 враги же Твои какъ изгарь на свѣтильникѣ да погибнуть (Суд. v, 31). Господи, любящіе Тебя какъ востокъ солнца,—потому, конечно, что солнце никогда не гаснетъ; враги же Твои какъ изгарь на свѣтильникѣ: свѣтильникъ вѣдь имѣетъ свѣтъ только на время и опять погашается. Восхваливъ потомъ военачальника, исполнившаго волю Божію, она приказываетъ проклясть жителей Мавора, потому что они *не приидоша съ помощю Господню* (Суд. v, 23). Развѣ Богъ нуждался въ помощи? Конечно, нѣтъ. Но это послужило бы къ проявленію благочестія помогающихъ. Такъ именно и этотъ удивительный отецъ защищаетъ благочестіе, не какъ помощникъ Богу, будто бы нуждающемуся въ помощи, а какъ поставленный Имъ блюститель закона: на тѣла онъ налагаетъ наказанія, а души наставляетъ къ спасенію. Да, *стрѣлы сильно изощрены* (Пс. cxix, 4). И не удивляйся, что пастыри Христовы и учителя благочестія ратуютъ за истину. Даже и тотъ, кто не состоитъ учителемъ и не занимаетъ учительскаго мѣста, а просто принявъ Христово ученіе и ставъ въ ряду его учениковъ, и тотъ уже долженъ имѣть ревность по Богѣ и воздавать благодарность благодѣтелю, смѣло отвержая уста въ защиту истины и противъ нечестія, по завіту Св. Писанія: чадо, *подвизайся о истинѣ, и Господь Богъ поборетъ по тебѣ* (Прем. Ис. Сирах. iv, 32). Нѣтъ ничего удивительнаго, если святые ратуютъ о благочестіи. Нерѣдко выходитъ даже такъ, что, при благодати Божіей, только пророки и не допускаютъ, чтобы благочестіе страдало отъ снисходительности Божіей. Напримѣръ, Богъ говоритъ Моисею: скажи фараону: *отпусти люди моя* (Исх. viii, 1) Если же не сдѣлаешь этого, вотъ я пошлю знаменія и поражу тебя. Но Моисею пришла мысль, что подобныя слова могутъ внушить фараону, что онъ имѣетъ надъ народомъ такія же права, какъ и Богъ. И заботясь о томъ, чтобы безмѣрная благодѣтельность Божія не повредила какъ-нибудь его дѣлу, патолкнувъ фараона на противодѣйствіе Богу—этими выраженіями: „народъ твой“ и „народъ мой“, Моисей обращается къ фараону съ другими словами: *сія злаютъ Господь Богъ Еврейскій: отпусти люди моя* (ix, 1) а если не отпустишь, я пошлю знаменія и поражу тебя и слугъ твоихъ, *да утѣси яко Господня земля* (ix, 29) и *исполненіе ея* (Пс. xxiii, 1). Земля услышала (бы) „народъ“ и „народъ“, и не послѣдовала бы слову,—вотъ онъ и говоритъ: „вся земля Господня“. Богъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ снисходительность, но пророкъ не чередаетъ Господней воли. И конечно, говорилъ такъ Богъ для того, чтобы

могла обнаружиться ревность благочестиваго. Вообще вѣрные всегда любятъ превосходить слова Божіи. Такъ, Спаситель говоритъ ученикамъ Своимъ: *кого мя малоумѣе человецы быти, Сына человеческого?* Изъ учениковъ же одинъ отвѣчаетъ: *ты еси Христосъ сынъ Бога живаго* (Мѣ. хvi, 13, 16)! Ревность Святого Духа да научить и васъ быть ревнителями и страдать за благочестіе и подвизаться за правду подвигомъ добрымъ.

4. Вполнѣ справедливо, чтобы добрые ученики были подражателями учителя, какъ и Павелъ говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Можетъ быть, вамъ нужны доказательства, что какъ обыкновенный ученикъ, такъ и тотъ, кто находится въ положеніи ученика, долженъ имѣть ревность о благочестіи? Тогда послушайте, какъ Христосъ исцѣлилъ слѣпота отъ рожденія, или лучше прослушаемъ это повѣствованіе съ самаго начала. Послѣ повѣствованій о другихъ дѣлахъ Христа, евангелистъ такъ начинается свой рассказъ объ этомъ событіи: *мимоиди Иисусъ видѣ человека слѣпота отъ рождества. И вопросиша Его ученицы Его малоумѣе: равви, кто соотрѣши, сей ли или родителя его* (Іоан. ix, 1, 2)?—и такъ далѣе. А онъ, плюнувъ на землю и сдѣлавъ брѣніе, *помаза очи слѣпотому и рече ему: иди, умыйся въ купити Силоамстѣ*; умывшись, слѣпорожжденный прозрѣлъ (6, 7.). Іудеи узнали его и говорятъ: *не сей ли естъ слѣпый и прослы*, бывши слѣпымъ (8)? Одни говорили: „да, это онъ“, а другіе: „нѣтъ, только похожъ на него“. *Онъ же малоумѣе: яко азъ есмь* (9). Фарисеи же и старѣйшины іудейскіе, видя, что чудо это многихъ привлечетъ ко Христу, снѣдаемые ревностью нечестія и поражаемые жаломъ истины, призываютъ къ себѣ того, который былъ раньше слѣпымъ. Прискорбное было зрѣлище—этотъ судъ надъ благочестіемъ, притомъ судъ, производимый злыми судьями; за то утѣшительно то, что подсудимый имѣлъ великаго защитника и самъ Богъ руководилъ состязаніемъ и наблюдалъ. Іудеи призываютъ бывшего слѣпца — прозрѣвшаго, ставятъ его предъ лицемъ синедріона и говорятъ ему: скажи, 548 какъ ты прозрѣлъ, и кто отверзъ тебѣ очи, и какъ это онъ сдѣлалъ? Все это спрашивали они не для того, чтобы узнать отъ него истину. но чтобы своимъ допросомъ устрашить вопрошаемаго. Часто вѣдь самымъ способомъ спрашиванія учитель наставляетъ спрашиваемаго отвѣчать или молчать; тоже самое бываетъ и на судѣ: если тому, кто долженъ свидѣтельствовать о дѣлѣ, начать говорить: да знаешь ли ты дѣло по существу? присутствовалъ ли ты при немъ? откуда ты получилъ о немъ свѣдѣнія?—то самая форма вопроса покажетъ ему, что онъ долженъ дать отвѣтъ отрицательный. Такъ и они: кто отверзъ тебѣ очи? Какъ ты прозрѣлъ? А тотъ, думая не столько объ угрозахъ ихъ, сколько о томъ, чтобы соблюсти истину, отвѣчаетъ: *человекъ нѣкій, нарицаемый Иисусъ, брѣніе сотвори и помаза очи мои и рече ми: иди въ купити*

Силоаму и умийся. Шедъ же и умився, прозрѣхъ (11). Не зналъ истины, но признавалъ благодѣланіе; достоинства же благодѣтеля еще не зналъ. Человѣкъ нѣкій, сдѣлавъ брвеніе, помазалъ мнѣ очи, и—я вижу. *Не лиша убо тыри Іудее о немъ, яко слышъ бы и прозрѣ, дондеже возласиша родителей того прозрѣвшаго* (18). Неподатливость злобы подвергаетъ сомнѣнію истину. Призываютъ родителей слѣпого; злоба сама противъ себя собираетъ свидѣтелей. Явились родители слѣпца. Опять тотъ же способъ допрашиванія: *сей ли есть сынъ вашъ, елика вы глаголете, яко слышъ родиса? Како убо нынѣ видитъ* (19)? Тѣ, по угрозамъ догадавшись о той злобѣ, какая ихъ внушила, отвѣчаютъ имъ: *отмы, яко сей есть сынъ нашъ, и яко слышъ родиса, вѣмъ; како же нынѣ видитъ, или кто отверже ему очи, мы не отмы. Самъ возрастъ имать: самого спросите. Самъ о себѣ да глаголетъ* (20, 21). И замѣтъ мудрость Божию. Чтобы не было отстранено показаніе самого прозрѣвшаго, какъ несовершеннолѣтняго или не умѣющаго, какъ слѣдуетъ, отвѣчать въ общественномъ мѣстѣ, Богъ устроилъ такъ, чтобы прежде всего былъ засвидѣтельствованъ его законный возрастъ. *Самъ возрастъ имать, говорятъ родители: самого спросите.* Несовершеннолѣтніе нуждаются въ защитникахъ, а достигшіе совершеннаго возраста сами за себя отвѣчаютъ. Потому-то *отвѣщающа родителя его и рече: яко сей есть сынъ нашъ и яко слышъ родиса, отмы* (20). Они торжественно заявили объ этомъ, чтобы не могло быть сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ слѣпъ. *Самъ возрастъ имать, самого спросите: самъ о себѣ да глаголетъ* (21). *Возласиша же вторично челоука, иже бы слышъ, и рече ему: что сдѣлалъ Онъ тебѣ? Какъ отвержъ твои очи? Тотъ, воспламенившись наконецъ ревностью Божіей, пренебрегаетъ ихъ вопросомъ и оставляетъ его безъ отвѣта, но что говорить имъ? Рекохъ вамъ уже и не слышите: что наки хотите слышати мене? Еда и вы ученицы Его хотите быти* (ст. 27)? Онъ, вѣкогда не бывшій слушателемъ Христовой проповѣди, подражаетъ ученію Христову. Іудеи въ праздникъ обновленія храма, окруживши Спасителя въ притворѣ Соломоновомъ, говорили Ему: *доколы души наша возмемъ? Аще ты еси Христосъ, рчи намъ не обинулся. Отвѣща имъ Іисусъ: рчатъ вамъ* (Іоан. х, 24, 25), *и не слышите: что наки хотите слышати? И замѣтъ благочестіе этого защитника. Онъ замѣтилъ злобу іудеевъ, что они на все готовы и не скупятся на угрозы, чтобы вынудить его страхомъ не исповѣдывать Христа своимъ учителемъ, но тѣмъ не менѣе говоритъ имъ: рекохъ вамъ уже и не слышите: что наки хотите слышати? Еда и вы ученицы Его хотите быти? Своимъ выраженіемъ: еда и вы онъ показалъ, что въ отношеніи его самого это уже безспорно. Вотъ слова, которыя должны быть на устахъ всякаго христіанина при столкновеніи съ язычествомъ. Если бы съ тобою встрѣтился язычникъ, держашійся стараго заблужденія, и сказалъ бы тебѣ: ты христіанинъ?—отвѣтъ ему: да, не хочешь ли ты сдѣлаться христіа-*

янно? Такъ именно поступилъ этотъ проврѣшій и тѣлесно и духовно. *Рекоеъ вамъ уже и не слышите: что паки хотите слышати мене? Гда и вы хотите ученицы. Его быти? Т. е., вы такъ далеки отъ того, чтобы убѣдить меня, что я ожидаю, что вы скорѣ измѣнитесь и исповѣдуете Его Христомъ. Что же на это ему іудей? Они же укориша его и ръша ему: ты ученикъ еси тою, мы же Моисеевы есмы ученицы. Мы въмы, яко Моисеови глагола Богъ, сего же не въмы, откуда есть* (ст. 28, 29). Сопоставъ многочисленность противниковъ и силу одного, противостоявшаго имъ. И тутъ не смолчалъ поборникъ истины, но продолжалъ такими словами: *о семъ бо дивно есть, яко вы не въсте, откуда есть, и отверзе очи мои* (80). *Аще не бы былъ сей отъ Бога, не могъ бы творити ничесоже* (83). Устоялъ онъ въ борьбѣ, за которой наблюдателемъ и судіей былъ Богъ; многіе сильные противъ одного крѣпкаго, туча невѣрія противъ одной капли вѣры! *Отъ епка, говорить онъ, нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену. Аще не бы былъ сей отъ Бога, не могъ бы творити ничесоже* (ст. 82, 83). Вы тщеславитесь, говорить, ученіемъ Моисеа? Впрочемъ онъ не упоминаетъ о Моисеѣ, чтобы не раздражить ихъ, но говорить: *отъ епка нѣсть слышано, яко кто отверзе очи слѣпу рождену*. Т. е, кто, какой другой пророкъ отверзъ? Никто не превзошелъ Его, никто не сравнялся съ Нимъ. Но сколько онъ ратовалъ за истину, столько они упорствовали въ безстыдствѣ. Такъ какъ отрицать случившагося они были болѣе уже не въ состояніи, то они стараются обойти это событіе и говорятъ ему: *даждь славу Богу: мы въмы, яко человекъ сей грѣшенъ есть* (ст. 24). Слава Отца и есть слава Сына, и слава ихъ нераздѣлима. Продолжается подвигъ борца противъ іудеевъ. Говорятъ ему: *даждь славу Богу*. Какому? Богу нашего закона? Но развѣ справедливо получить благодѣяніе отъ одного, а прославлять другого? *Даждь славу Богу*. Одинъ меня благодѣлательствовалъ, а я воздамъ славу другому? Они сами признали, что Іисусъ сдѣлалъ брѣніе и помазалъ глаза его; исцѣлителемъ признается Онъ, а прославить нужно другого? За что же воздавать славу Богу? За то, что дѣло это есть дѣло Божіе? Итакъ противъ воли вы признаете Христа Богомъ? *Даждь славу Богу*. Если дѣло это—дѣло Божіе и Ему должна быть воздана слава, то самъ совершитель этого дѣла Богъ. *Даждь славу Богу: мы въмы яко человекъ сей грѣшенъ есть. Отецъ убо онъ, може бѣ слѣпъ и рече: аще грѣшенъ есть, не въмъ. Едино въмъ, яко слѣпъ быахъ, нынѣ же вижу* (25).

5. Когда онъ дошелъ до столь смѣлыхъ выраженій, они приказали выгнать его вонъ. *И изнаша его, говорить евангелистъ, вонъ* (34). Блаженъ потерпѣвшій изгнаніе изъ сѣборища лукавнующихъ! Но вотъ что происходитъ далѣе. Такъ какъ онъ подвизался добрымъ подвигомъ и ратовалъ за славу Божію и со всею смѣлостью исповѣдалъ Спасителя, а между тѣмъ, когда вся арена была наполнена его подвигами, самъ

подвижникъ былъ изгнанъ вонъ, не получивъ вѣнца, то распорядитель борьбы отыскиваетъ его вѣ поприща. *Услыша Іисусъ, яко изгнаша єго вонъ, и обрати єго, рече єму.* Вотъ замѣчательныя слова: „находить его“! Кого заблужденіе хочетъ погубить, того находитъ Истина. Затѣмъ же Онъ нашелъ его? Спаситель видѣлъ, что душа его исполнена благодарности, видѣлъ, что, еще ничего не зная и считая Его только за какого-нибудь пророка, онъ говорилъ о немъ какъ о Богѣ, — потому что рѣчь шла о Христѣ. И что Онъ говорилъ о Немъ? Что Онъ пророкъ. Спаситель сказалъ Себѣ такъ: если теперь, когда онъ считаетъ Меня пророкомъ и предполагаетъ во Мнѣ обыкновеннаго человѣка, онъ такъ подвизается, то чего не сдѣлаетъ онъ, когда узнаетъ славу Божества? Если теперь, когда видитъ во Мнѣ человѣка и называетъ Меня пророкомъ, такъ защищалъ истину и такую борьбу предпринималъ еще вовсе не посвященный, а только просвѣщенный однимъ благодѣяніемъ, — если защищая человѣка онъ не отступилъ отъ истины, то подумай, что будетъ, когда онъ научится говорить по-евангельски: *єъ началъ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово* (Іоан. 1, 1)? И вотъ Спаситель, принявъ его подвигъ и запечатлѣвъ его вѣру, усовершенствуетъ его знаніе. Встрѣчаетъ Спаситель слѣпца, а тотъ и не зналъ Его по наружности. Вѣдь когда Онъ послалъ его въ купель Силоамскую умыться, то послалъ слѣпого, а когда онъ возвратился зрячимъ, то Спасителя, вошедшаго въ толпу, ему не удалось видѣть, и къ тому же тотчасъ, прежде чѣмъ увидѣлъ Господа, онъ былъ призванъ въ синагогѣ, гдѣ и долженъ былъ выдержать борьбу. А брѣніе Господь сдѣлалъ прежде, чѣмъ онъ умылся, и помазалъ ему глаза именно съ тѣмъ, чтобы восполнить его природный недостатокъ. И вотъ, когда исцѣленнаго изгнали вонъ, Христосъ, найдя его, сказалъ ему: *ты струеши ли єъ Сына Божія* (35)? Не слѣдуетъ, чтобы ты вѣрнулъ въ того, за кого ты подвизаешься, какъ въ пророка, но какъ въ Сына Божія. Тотъ, не зная лица, узналъ Его голосъ. *Ты струеши ли єъ Сына Божія?* Узналъ онъ голосъ и съ радостью воскликнулъ: *и кто есть, Господи, да струю єъ Него* (36)? Почему вѣруешь ты тому, кто говоритъ тебѣ: *ты струеши ли єъ Сына Божія?* Я знаю, что Твое слово истинно, и если отъ Тебя узнаю о чемъ, не усомнюсь повѣрить Тебѣ. *И кто есть, Господи, да струю єъ Него?* И вѣдущій будущее отвѣчаетъ: *и видѣлъ єси Его, и глаголаи сѣ тобою Той есть* (37). Тотъ, кого защищалъ онъ внутри, вѣ спрашиваетъ: *ты струеши ли єъ Сына Божія?* А просвѣщенный и тѣломъ и душой отвѣчаетъ: *и кто есть, Господи, да струю єъ Него?* На это Господь сказалъ ему: *и видѣлъ єси Его, и глаголаи сѣ тобою Той есть.* Онъ же сказалъ: *струю, Господи, и поклонися Ему* (38). Я разсказалъ вамъ это, чтобы вы всѣ научались слѣдовать хорошему наставнику и подражать доброму пастырю, подвизаясь за истину. Вѣдь вашъ подвигъ совершается при содѣйствіи великаго пастыря. Вы удивляетесь, что облаго-

дѣлствовавший слѣпецъ одѣлся защитникомъ истины. Вы удивляетесь, что разбойникъ, еще не получивъ благодѣянія, ратовалъ за Христа. Но всегда видѣ божественная душа, ревнующая объ истинѣ, своимъ собственнымъ вліяніемъ отвергаетъ многія уста въ защиту истины. Христосъ висѣлъ на крестѣ и два разбойника—по правую и по лѣвую сторону его; іудеи поносили Его, архіереи хулили: *сей есть царь іудейскъ* (Лук. ххш, 38); и далѣе: *еще царь Израилевъ есть, да смидетъ нынѣ со креста, да видимъ и тыру имемъ Ему* (Мѣ. ххѳ, 42; Мрк. хѳ, 32); и: *ими спасе, Себе ли не можетъ спасти* (Мрк. хѳ, 31; Мѣ. ххѳ, 42)? Точно также и распятый съ Нимъ разбойникъ поносилъ Его, говоря: *еще Сыиъ еси Божій, спаси себе и наю* (Лук. ххш, 39)! Другой же разбойникъ не говорилъ ничего, молчаніемъ своимъ укоряя осужденныхъ. Когда же архіереи и книжники, знавшіе законъ, или вѣрнѣе—не знавшіе его, хотя и должны были отъ пророческихъ писаній исповѣдать Христа,—не исповѣдали Его, тогда Богъ сверхъ ожиданія отвергаетъ на крестѣ уста, свидѣтельствующія объ истинѣ. И смотри, что дѣлаетъ. Не было бы ничего удивительнаго, если бы разбойникъ прежде всего услышалъ слова Христовы, заступился за Него и за это былъ увѣчанъ. Но здѣсь произошло обратное. *Тогда распяша съ Нимъ два разбойника, единого одесную и единого ошуюю* (Мѣ. ххѳ, 38), а Спаситель былъ въ срединѣ, какъ бы коромысло на вѣсахъ истины, облегчая судьбу исповѣдавашаго Его и осуждая хулившаго. И вотъ удивительно: когда книжники и первосвященники хулили Христа и говорили: *еще царь Израилевъ есть, да смидетъ нынѣ со креста, да видимъ и тыруемъ въ Него*, а разбойникъ говорилъ: *еще Сыиъ еси Божій, спаси себе и наю*, другой изъ разбойниковъ—благоразумный—не произнесъ ни одного слова. Два эти разбойника были образами народа іудейскаго и нашего. Одинъ богохульствуетъ и осуждается, другой вѣруетъ, кается и спасается. Итакъ, говорить братъ неблагодарнаго сборища іудейскаго (поистинѣ разбойничьимъ народомъ были неблагодарные іудеи, какъ свидѣлствуетъ Спаситель: *храмъ Мой храмъ молитвъ наречется, вы же сотвористе и вертепъ разбойниковъ* (Мѣ. ххі, 18),—и расположеніе перваго разбойника было іудейское, а втораго—христіанское, такъ какъ онъ стремился очиститься отъ злыхъ посредствомъ покаянія и похитить спасеніе),—итакъ, говорить неблагоразумный—іудейски настроенный разбойникъ: *еще Сыиъ еси Божій, смиди со креста, спаси себе и наю* (Лк. ххш, 39); а другой оказывается благоразумнымъ: осужденный на судъ—онъ на крестѣ является судьей и учитъ страху Божію. Прежде всего онъ говоритъ своему товарищу: *ны ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И ны убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю восприимлева: сей же ны единого зла сотвори* (40, 41). Что ты говоришь? Тамъ ты воровалъ, а здѣсь судишь? Тамъ убивалъ, а здѣсь учишь страху? *Ни ли ты боишися Бога?* Повный крестъ Христовъ, чтобы голосъ этотъ научилъ тебя благоче-

стію. Вотъ удивительное дѣло: разбойникъ укоряетъ своего сподвижника: *ми* 551 *ли ты боишися Бога? Богомъ проповѣдуетъ того, кто добровольно распялся вмѣстѣ съ ними и великодушно страдалъ за людей. И что именно о Спасителяхъ говорилъ онъ въ этихъ словахъ: ли ми ты боишися Бога? убѣдись въ этомъ изъ дальнѣйшаго: ли ми ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И ми убо въ правду, достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева; сей же ни единого зла сотвори* (ст. 40, 41). Я такъ долго останавливаюсь на этомъ исповѣданіи разбойника, чтобы научить васъ подвизаться за благочестіе, и дома и предъ народомъ обнаруживать ревность и ратовать за Христа, чтобы и отъ Него получить вѣнецъ правды, подобно этому благоразумному разбойнику. Вникните же въ то, что говорить онъ своему сотоварищу-хулителю. *Ли ми ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И ми убо въ правду, достойная бо по дѣламъ наю воспріемлева; сей же ни единого зла сотвори. И мало-мало Иисусови: помни мя Господи, егда прійдеши во царствіи си* (42)! Вотъ истинная защита! Вотъ какъ самого Христа исповѣдалъ онъ истиннымъ Богомъ: *помни мя Господи, егда прійдеши во царствіи си!* Сознается въ своихъ грѣхахъ и вступаетъ за Владыку. Сколько усилій употребилъ судія, чтобы вырвать у тебя сознаніе въ разбоѣ и убійствѣхъ и грабѣжѣхъ, которые ты сдѣлалъ, а сознался ли ты? Здѣсь же говоришь безъ всякаго принужденія: *достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева*. Безчисленные мученія едва вынудили у тебя сознаніе предъ игемономъ, а здѣсь ты безъ всякаго принужденія такъ легко сознаешься? Да, говорить, но тамъ сознаніе сопровождается смертію, здѣсь же за сознаніемъ слѣдуетъ раскаяніе и жизнь. *Достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева; сей же ни единого зла сотвори*. Мы-то, говорить, справедливо, а Онъ вѣдь несправедливо. Мы живыхъ убивали, а Онъ мертвыхъ воскрешалъ; мы чужое расхищали, а Онъ Свое богатство расточилъ для міра. Сражается разбойникъ съ своимъ сотоварищемъ и говоритъ ему: до того момента, когда мы съ тобою оказались на крестѣ, мы шли одною дорогою, а теперь отъ креста наша дорога раздѣляется: если хочешь вмѣстѣ со мною идти къ жизни—иди, а если нѣтъ—ступай своей дорогою. До сихъ поръ, когда я шелъ съ тобой, наша дорога была одна, а теперь крестъ раздѣлилъ дальнѣйшую дорогу на двѣ. Покаяніемъ раздѣляется дорога разбойниковъ. Такъ исполнился псаломъ, собственно конецъ псалма: *ѣсть Господь путь праведныхъ и путь нечестивыхъ погибнетъ* (Пс. 1, 6). Итакъ, защитивъ истину, разбойникъ обращается къ Царю славы и говоритъ: *помни мя Господи, егда прійдеши во царствіи си!*

6. Да устыдятся наконецъ аріане и да услышать, что говорятъ разбойникъ! *Помни мя Господи, егда прійдеши во царствіи си* (Лук. XXIII, 42)! Разбойникъ видитъ Распятаго и исповѣдуетъ Его Господомъ; еретикъ исповѣдуетъ сопредельнымъ Отцу и унижаетъ: какъ тварь.

Помни мя Господи, егда приидеши во царствѣи си! Кто-нибудь, пожалуй, спросилъ бы разбойника: какъ помянетъ тебя Христосъ? За какія заслуги? За то, что ты убивалъ? За то, что грабилъ? Ты говоришь, вѣдь: *помни мя, егда приидеши во царствѣи си!* Пусть никто, однако, не думаетъ, что спасеніе разбойника было дѣломъ только милости Христовой: онъ получилъ спасеніе, какъ должное по заслугѣ. Какая же заслуга, скажетъ иной? Какіи дѣла справедливости совершены имъ? Или дѣла милосердія творилъ онъ? Роздалъ свое имѣніе, изнурилъ себя постомъ и бдѣніемъ? Никто другой не сдѣлалъ того, что сдѣлалъ онъ. Да, онъ увѣровалъ въ Бога. Конечно, и пророки вѣровали въ Бога, и патріархи вѣровали, и пѣснописцы вѣровали, апостолы, проповѣдники, мученики вѣровали; но всѣ они вѣровали, узрѣвъ Бога во славѣ, а онъ увѣровалъ, видя Христа въ уничиженіи. Представъ себѣ тысячу рабовъ, служащихъ господину, когда онъ въ славѣ и благополучіи, и одного раба, не покидающаго своего господина въ годину испытанія, лишенія и изгнанія, тогда какъ та тысяча рабовъ во дни испытанія и изгнанія оставляетъ господина: неужели эти рабы, вѣрные въ благополучіи и покидающіе господина въ несчастіи, могутъ быть 552 сравниваемы съ тѣмъ рабомъ, который и въ несчастіи остается вѣрнымъ своему господину? Конечно, ни въ какомъ случаѣ. Увѣровалъ Петръ, но увѣровалъ, увидѣвъ Его воскрешающимъ мертвыхъ, узрѣвъ славу Его. Увѣровалъ Павелъ, но увѣровалъ, увидѣвъ свѣтъ съ неба, ослѣпившій его тѣлесныя очи и просвѣтившій очи духовныя; увѣровалъ Авраамъ, но узрѣвъ божественное видѣніе; увѣровалъ Исаія, но увидѣвъ Его сидящимъ на престолѣ *высоцѣ* и херувимовъ окрестъ Его (Ис. vi, 1, 2). Всѣ они видѣли Господа, но видѣли въ славѣ, а этотъ въ уничиженіи,—почему и воскликнулъ: *помни мя Господи, егда приидеши во царствѣи си!* Въ виду моего положенія вы можете спросить меня: зачѣмъ ты говоришь это? Затѣмъ, что я грѣшникъ и убійца, до сего часа разбойникъ; мои преступленія велики, я исповѣдаю это; но въ сердцѣ моемъ скрыта вѣра, которой никто не знаетъ, только одинъ Господь, страдающій со мною. Совѣтъ и Господь имѣетъ видимые знаки страданій, но я не обратилъ вниманія на видимое Его уничиженіе, а прославляю скрытое ото всѣхъ Его царство. Такъ и ты говори: Господи, не возри на мои видимыя неправды, но на мою сокровенную вѣру и *помни мя, егда приидеши во царствѣи си!* Все это время Христосъ совершенно ничего не говорилъ, но хранилъ молчаніе, не отвѣчая ни Пилату, ни одной изъ неблагодарныхъ іудейскихъ душъ, а теперь отвѣчаетъ; такъ какъ теперь молчаніе было слишкомъ тяжело и совершенно не уместно, то Господь и не оставилъ безъ отвѣта обращеніе къ Нему разбойника. *Аминь, аминь глаголю тебѣ, сказалъ Онъ, днесь со Мною будеши въ раи* (ст. 48)! О, милость благодѣтеля! Ты не ожидаешь скорой помощи и говоришь: *помни мя Господи, егда при-*

идеши во царствіи си! Ты просилъ о милости въ будущемъ, а Я дарую тебѣ ее тотчасъ же: *днесь со Мною будеши въ рай!* Видишь спасеніе Божіе? Видишь благодѣяніе Владыки? Видишь великаго Судію истины? *Днесь со Мною будеши въ рай!* До сихъ поръ никто изъ іудеевъ или патріарховъ не слыхалъ обѣтованія рая, откуда Адамъ палъ и былъ изгнанъ. И хотя безчисленные обѣтованія давалъ Богъ людямъ вѣрнымъ, но никому не обѣщалъ рая кромѣ разбойника, и никогда со времени изгнанія изъ рая Адама не напоминалъ Богъ людямъ о раѣ раньше этого бывшего разбойника. Почему же прежде не говорилъ Богъ о раѣ никому изъ патріарховъ, никому изъ пророковъ, никому изъ апостоловъ? Древнимъ Онъ обѣщалъ: *дамъ вамъ землю, точащую млеко и медъ* (Исх. хш, 5), а апостоламъ говорить: *блаженіи нищии духомъ, яко тѣмъ есть царствіе небесное* (Мф. v, 3). О раѣ—ни слова: обѣтованіе о немъ какъ бы сберегается для того, чтобы его первымъ услышалъ разбойникъ. Вѣдь если Павелъ сказалъ: я восхищенъ былъ въ рай (2 Кор. хп, 2), такъ это было уже послѣ разбойника. Но почему же первымъ вошелъ въ рай человѣкъ, произнесшій всего только одно восклицаніе? Что же? Онъ усердно пѣлъ псалмы, что ли? Усердно подвизался? Часто ли, по крайней мѣрѣ, вспоминалъ о Богѣ? Оказывается—всего одинъ разъ. Справедливъ Богъ мой, совершитель спасенія! Какъ праявляющаго нашего Адама изгналъ Онъ изъ рая не за многія прегрѣшенія, но за одно преслушаніе, такъ на вѣсахъ правды Его было положено обѣтованіе разбойнику—войти въ рай не за многія какія-нибудь исповѣданія, но за одно исповѣданіе вѣры. Я сказалъ, что грѣхъ Адама состоялъ въ томъ, что онъ вопреки заповѣди прикоснулся къ древу; въ чемъ же заключалось оправданіе разбойника? Онъ вошелъ въ рай за то, что съ вѣрою коснулся креста. Что же послѣдовало дальше? Разбойнику было обѣщано Спасителемъ спасеніе; между тѣмъ ему времени не было и не удалось осуществить свою вѣру и просвѣтитися (крещеніемъ), а вѣдь было сказано: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити во царствіе Божіе* (Іоан. ш, 5). Не было ни случая; ни возможности, не было для разбойника и времени креститься, потому что онъ висѣлъ тогда на крестѣ. Спаситель однако нашелъ выходъ изъ этого безвыходнаго положенія. Такъ какъ увѣровалъ въ Спасителя человѣкъ, оскверненный грѣхами, и нужно было ему очиститься, то Христосъ устроилъ такъ, что послѣ страданій одинъ изъ воиновъ копьемъ пронзилъ ребро Господа и изъ него истекла кровь и вода; изъ ребра Его, говоритъ евангелистъ, *изыде кровь и вода* (Іоан. хіх, 34), въ подтвержденіе истинности Его смерти и въ прообразованіе таинствъ. И вышла кровь и вода—не просто вытекла, но съ шумомъ, такъ что брызнула на тѣло разбойника; вѣдь, когда вода выходитъ съ шумомъ, она производитъ брызги, а когда вытекаетъ медленно, то идетъ тихо и спокойно. Но изъ ребра кровь и вода вышли съ шумомъ, такъ что брызнула на

разбойника и этимъ окропленіемъ онъ былъ крещенъ, какъ говорить и апостолъ: мы приступили къ *Сіонстѣй горѣ и крови кропленія, лучше малолющей, нежели Авелева* (Евр. хп, 22, 24). Почему же кровь Христа 554
говоришь лучше Авелевой? Тогда какъ кровь Авеля падала на главу убійцы его, кровь Христа очищаетъ и убійцъ покаявшихся. Научись отсюда ревности къ истинѣ и возлюби дерзновеніе за Христа; послѣдуй истинному Учителю, подвизавшемуся за истину, чтобы, слыша отъ апостола Павла: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. хі, 1), ты и самъ удостоился вѣнцовъ правды и тѣхъ вѣчныхъ благъ, которыя уготовалъ Христосъ Богъ нашъ всѣмъ возлюбившимъ Его. Да сподобимся ихъ и мы всѣ, милостью и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и приспо, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О

о лжепророкахъ, и лжеучителяхъ, и объ еретикахъ, и о знаменіяхъ кончины вѣка сего. Было сказано въ ожиданіи близкой смерти.

1. Прискорбно это мое слово, какъ послѣднее, въ чемъ я увѣренъ, 553
но въ то же время и радостно. Прискорбно потому, что мнѣ не придется уже больше говорить съ вами, а радостно потому, что наступаетъ для меня время *разрѣшиться и со Христомъ быти* (Филип. і, 23). Ктому немного глаголю съ вами (Іоан. хiv, 30), какъ сказалъ Господь. Со скорбью сердечною побесѣдую съ вами и о лжепророкахъ, лжеучителяхъ и безбожныхъ еретикахъ, о которыхъ говоритъ апостолъ: *лукавіи челоуци и чародѣи преустѣютъ на юрше, прелѣщающе и прелѣцаеми* (2 Тим. ш, 18), о которыхъ и я часто напоминалъ вамъ. Много бесѣдовалъ я съ вами, по милости Христовой, — какъ вы и сами знаете, боголюбезные, — и почти въ каждой бесѣдѣ мы вспоминали о нихъ, если разумѣется, вы помните, напримѣръ, то, что говорилось вчера; а конечно, вы, — я знаю, — помните, особенно же тѣ изъ васъ, которые любить трудъ, любить книги, любить Христа. Книголюбецъ, по справедливости, можетъ быть названъ христолюбивымъ, на основаніи слова Господа: *аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ* (Іоан. хiv, 23), и: *любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ* (ст. 21). „Любящій Меня“ поучается въ законѣ день и ночь, очевидно — въ Евангеліи и прочихъ священныя писаніяхъ. А такой человекъ неизгладимо хранитъ въ сердцѣ своемъ память о Богѣ; ожидая Его съ небесъ, всегда блюдетъ чась пришествія Его. Постоянно имѣя въ рукахъ эти священныя книги,

онъ никогда не забудетъ о тѣхъ страшныхъ книгахъ, о которыхъ написано: *судби судъ и книги отверзошася* (Дан. vii, 10). Вотъ какая польза отъ занятій Священнымъ Писаніемъ, какъ вы много разъ ужъ слышали. И что я постоянно говорю? Изъ того, что для насъ полезно, божественное Писаніе ни объ чемъ не умолчало, ничего не забыло, но постоянно возглашаетъ — и чрезъ пророковъ и чрезъ апостоловъ — и, какъ чадолюбивая мать своихъ дѣтей, каждаго изъ насъ наставляетъ, 551 утверждаетъ и предупреждаетъ; напоминаетъ оно намъ и о минувшемъ, и о настоящемъ, и о будущемъ, ничего не пропуская, какъ сказано, изъ того, что намъ полезно; и притомъ говорить обо всемъ этомъ не тайно, не вполголоса, но повсюду, во всеуслышаніе провозглашаетъ и чрезъ законъ, и чрезъ пророковъ, и чрезъ апостоловъ, и даже устами Самого Господа, — какъ само оно объ этомъ свидѣтельствуетъ чрезъ пророка Исаію: *воззвѣи крѣпостію и не пощади, яко трубу воззвѣси гласъ твой* (Ис. lvi, 1), а въ другомъ мѣстѣ: *на гору высокую взыди, благовѣстующій Сиону, и не много спуста: возвыситесь, не бойтесь* (xl, 9). Или Давидъ говоритъ: *утрудились зовый, измолче гортань моя* (Пс. xlviii, 4). Іоаннъ Богословъ въ своемъ соборномъ посланіи наставляетъ: *блюдите себе* (2 Іоан. 8). А что внушаетъ Павелъ? *Блюдите како хотите* (Ефес. v, 15). А Господь? *Азъ не обинуюся глаголахъ міру, и тай не глаголахъ ничеюже* (Іоан. xvi, 20), а въ другомъ мѣстѣ евангелистъ свидѣтельствуетъ о Немъ, что Онъ *стояше и зваше: аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ и піетъ* (vii, 37). Видишь, сколько успій, сколько старанія, сколько ревности въ призываніи, и никто не вынимаетъ? И опять блаженный Павелъ говоритъ: *блюдитесь отъ псовъ, блюдитесь отъ злыхъ дѣлателей, блюдитесь отъ стеченія* (Филип. iii, 2). *Блюдитесь како ходите, яко днѣ лукави суть* (Ефес. v, 15, 16). И Іоаннъ: *блюдите себе, да не погубите, яко дѣласте добрая, зане мнози лестцы сподошася въ міръ* (2 Іоан. i, 8, 7). И много подобныхъ наставленій въ божественныхъ Писаніяхъ ветхаго и новаго завіта, призывающихъ насъ пробудиться и бодрствовать. А мы поступаемъ наоборотъ, подобно тѣмъ людямъ, о которыхъ сказалъ Исаія пророкъ: *ушима своими тяжко слышаша и очи свои смежишася* (Ис. vi, 10). О, сколько и какіхъ Писаній мы, слыша, оставляемъ безъ вниманія! За то и безотвѣтными останемся мы въ день исчитанія, когда придетъ 555 просвѣщающій тайны тьмы и раскрывающій всѣ движенія сердець, когда раскроются книги, когда возсѣдетъ судъ (Дан. vii, 10), — книги, о которыхъ мы нынѣ слушаемъ съ улыбкой, не желая придавать имъ значенія. Всѣ мы сбились съ прямого пути и каждый блуждаетъ по своей дорогѣ; съ нами опять тоже, что было прежде, когда Ты не владѣлъ нами, Господи (Ис. lxiii, 19). И поистинѣ, исполнилось на насъ пророчество Давидово: *и смѣшишася во языцехъ и навикоши дѣломъ ихъ* (Пс. cv, 35). Потому-то мы и уничижены по всей землѣ за грѣхи наши и концы отъ насъ *достоинши*, какъ написано (1 Кор. x, 11): и пастыри — волки, и овцы —

расхищены, и голодъ—при дверяхъ: не голодъ хлѣба и жажда воды, но голодъ слышанія слова Божія (Ам. viii, 11). Однако, никто изъ надѣющихся на Господа да не отчаивается. Не унывайте, но постоянно помните о томъ, Кто сказалъ: *се Азъ съ вами есмь* (Мо. xlviii, 20).

2. Будьте спокойны: души праведныхъ Господь не погубить голодомъ (Притч. x, 3). Объ этомъ голодѣ говорятъ Господь чрезъ пророка: *се днѣ грядутъ и послѣ гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Божіа. И отъ восходъ до западъ обтекутъ ищущє словеса Господня* (Ам. viii, 11, 12). Видишь, о хлѣбѣ ли здѣсь говорится? Богъ о хлѣбѣ не говорилъ. О, голодъ ужасный, душевредный и гибельный! О, голодъ, навлекающій вѣчное наказаніе! Этотъ голодъ—виновникъ всякаго дурного дѣла; этотъ голодъ—корень всякаго зла. Этого-то голода наступленіе провидя, пророкъ Давидъ умолялъ Бога, говоря: *Богже мой, да не премолчиши отъ мене* (Пс. cxvii, 1). И о благовѣрныхъ онъ пророчествовалъ, говоря: *избавиши отъ смерти души ихъ и препиташи я въ гладъ* (Пс. cxlii, 19). А въ другомъ мѣстѣ онъ говорить: *и во днѣхъ глада насытятся* (Пс. cxvii, 19), или: *милостию и щедръ Господь: пищу даде болящимся Ею* (Пс. cx, 4, 5). Эти слова Давида относятся къ тѣмъ, которые усердны въ изученіи Писаній: они голода не будутъ испытывать. Будемъ же изслѣдовать Писанія, чтобы не коснулся насъ грядущій душепагубный голодъ; будемъ усердны къ Писаніямъ, чтобы не заблуждаться и не увлекаться всякимъ вѣтромъ. Нерадивымъ къ Писаніямъ говорить Спаситель: *прельщается, не видущє Писаній* (Мо. xxi, 29). Подлинно, таковые и заблуждаются. И откуда произошелъ этотъ душепагубный голодъ? Разнѣ не оттого, что не изслѣдовали Писаній? О, сколько благодѣйствъ лишаемъ мы, оставили божественныя Писанія! Недаромъ Господь повелѣлъ изучать ихъ? Изучай тщательно, изучай и ищи, и найдешь великое неоцѣнимое богатство, найдешь сокровище, зарытое въ полѣ: уразумѣешь божественное Писаніе. Изучай—и найдешь, а нашедши, продай все, что имѣешь, и купи то поле—прекрасное познаніе святыхъ Писаній, въ которыхъ скрытъ Смыслъ, истинная Мудрость Отца; а нашедши Его, блаженъ будешь, какъ написано: *блаженъ человекъ, иже обрѣте премудрость* (Притч. ш, 13). Изучай Писанія, возлюбленный, богатъ ли ты или бѣденъ, рабъ или свободный, мужъ или жена: *испытайте Писаній*. Вѣдь божественное Писаніе есть сокровищница всякаго добра. Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды: у насъ рѣчь о кончинѣ міра, о ложныхъ пророкахъ и ложныхъ учителяхъ, о безбожныхъ еретикахъ, подобно бурному потоку затопившихъ все и причинившихъ многіе соблазны. И почему все это произошло? Очевидно, потому, что предстоятели оказались недостаточно свѣдущи и опыты: вѣдь неопытность пастырей—гибель для овецъ. Но съ чего теперь начать нашъ рѣчь? Говорить ли сначала о близости кончины, или бичевать ложныя ученія нечестивыхъ еретиковъ?

Если бы время позволяло, я разоблачилъ бы ихъ ложныя ученія и беззаконныя дѣла; но это большое дѣло и много рѣчей нужно, чтобы разоблачить ихъ несостоятельность. Впрочемъ, для настоящаго случая достаточно только—на основаніи Священнаго Писанія—указать на нихъ, какъ на враговъ Христа и волковъ, угрожающихъ Его стаду, но повсюду удаляемыхъ и отстраняемыхъ отъ овецъ Христовыхъ. И пророки, и самъ Господь, и блаженные апостолы вполне справедливо называли ихъ волками, и не только волками, но и заразой, и нечестивыми, и противниками, врагами, коварными, хулителями, лицемерами, ворами, разбойниками, гнусными, лжепророками и лжеучителями, вождами слѣпыми, бродягами, злыми, антихристами, соблазномъ, сынами лукаваго, плеведами, безбожными, духовборцами, хулителями Духа благодати, конимъ не отпустится ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. *Ихже ради путь истинный похулится* (2 Петр. II, 2). Въ довершеніе всего они—дѣти лукаваго діавола, какъ говоритъ Богословъ: *явлена суть чада діавола* (1 Иоан. III, 10). Итакъ, нужно сперва имъ посвятить нѣсколько словъ, а потомъ поговорить и о кончинѣ. Мы наблюдаемъ кругомъ себя немало такихъ явленій, которыя указываютъ на близость „конца вѣковъ“, по выраженію апостола (1 Кор. X, 11): настали трудныя времена, умножилось беззаконіе, всякая любовь многихъ, появилось множество обольстителей и еще больше обольщаемыхъ. Раскроемъ же священныя книги, отыщемъ въ нихъ путь истины, пойдемъ по нему, поспѣшимъ къ святымъ горамъ—я разумѣю пророковъ и апостоловъ,—чтобы не заблудиться и не носиться всякимъ *отрогъ ученія, бо лжи челоуцестей, въ коварствѣ лозней лщенія* (Ефес. IV, 14). Не будемъ оставаться внизу, но вмѣстѣ со святыми учениками Христовыми взойдемъ на блаженную гору и услышимъ Пастыря нашего, говорящаго: *блюдите, да не прелщены будете* (Лук. XXI, 8); *блюдите, да никтоже васъ прелститъ* (Мѣ. XXIV, 4); берегитесь всюду. И Іоаннъ говоритъ подобное: *блюдите себе, да не потубите, яже дѣласте добрая* (2 Иоан. I, 8); и Павелъ: *блюдитесь отъ псовъ* (Филип. III, 2), *блюдите, како ходите* (Ефес. V, 15). Эти увѣщанія: *блюдите, блюдите*—повторяются не съ иною какою-нибудь цѣлью, какъ съ тою, чтобы предупредить и обезопасить насъ отъ тѣхъ, которые подъ овечьей шерстью скрываютъ въ себѣ волковъ и обольщаютъ безнечныхъ. Очевидно, настоятельная нужда была въ томъ, чтобы повсюду въ Писаніи повторять: *блюдите, смотрите, бодрствуйте, будьте внимательны*—не только къ себѣ самимъ, но и ко всему стаду. Ни о чемъ, вѣдь, не умолчало божественное Писаніе изъ того, что намъ полезно.

8. Я не могу удержаться отъ слезъ, когда слышу, какъ нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ нашей церкви говорятъ, что этого не сказано въ божественныхъ Писаніяхъ. И это высказывается не только пасомыми, но и тѣми, которые мнятъ себя пастырями и считаются преемниками

апостоловъ и пророковъ—по служенію, но не по правамъ. Вполнѣ справедливо обратиться къ нимъ съ словами: горе вамъ, вожди слѣпые, невѣжественные и слабые, украшающіеся одеждами, а не книгами, забывшіе слово Божіе и служащіе чреву, какъ сказано: *имже Богъ чрево и слава въ студъ ихъ* (Филип. ш, 19); молокомъ, шерстью и мясомъ паствы вы пользуетесь, а объ овцахъ не заботитесь. Какъ избѣжите вы (гнѣва Божія) за такое нерадѣніе о спасеніи? Вооружившись смѣлостью, я предложу вашему вниманію болѣе обильныя свидѣтельства, чтобы показать изъ Священнаго Писанія—евангелій, пророковъ и апостоловъ, подъ водительство Христовымъ, какъ заграждаются уста говорящихъ неправду, и чтобы просвѣтить сердца желающихъ слова. Откуда начать намъ, какъ не отъ Того, Кто сказалъ о Себѣ: *Азъ есмь начатокъ и конецъ* (Апок. ххi, 6)? Пусть же каждый изъ васъ сосредоточитъ все свое вниманіе, оставивъ всякія житейскія заботы. Господь сказалъ: *блудите, да никтоже васъ прелститъ: мнози бо придуть во имя Моє, ллѣлююще: азъ есмь Христосъ: и мнози прелстятъ* (Мѣ. ххiv, 4, 5; ср. Лук. хxi, 8). И опытъ: *внемлите отъ живыхъ пророкъ, имже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутри же суть волци хищници*. Но, говорить, *отъ плодъ ихъ узнаете ихъ* (Мѣ. vii, 15, 16). То есть: по ихъ рѣчамъ, по ложнымъ пророчествамъ, по лицемѣрію ихъ, по худой славі, по ихъ ругательствамъ—вы ихъ узнаете. *Не можетъ древо зло плоды добры творити* (Мѣ. vii, 18). Вѣдь всякое дерево узнается по своему плоду. Такъ и вы узнаете таковыхъ людей по ихъ плодамъ. И узнавши, не принимайте ихъ въ свои дома, не входите съ ними въ общеніе, не ведите съ ними бесѣдъ, не повергайте бисера вашего предъ ними, но берегитесь ихъ закваски, то есть, ихъ ереси. Никто изъ васъ да не пренебрегаетъ сказаннымъ: вѣдь это говоритъ самъ Богъ. Слушайте, пастыри, голосъ верховнаго Пастыря; слушайте, какъ разоблачаетъ и отгоняетъ Онъ тайныхъ волковъ; слушайте и будьте внимательны и къ себѣ самимъ и ко всему стаду. *Блудитесь отъ псовъ* (Фил. ш, 2), берегитесь хищниковъ,—потому что *не входятъ двери во дворъ овчій, но прелазятъ инуду, той тать есть и разбойникъ* (Іоан. х, 1). Въ другомъ мѣстѣ о нихъ говоритъ Господь: *имже нѣсть со Мною, на Мя есть* (Мѣ. хii, 30), а имъ говоритъ Онъ: *вы отца вашего діаволъ есте* (Іоан. viii, 44). *Горе вамъ, яко затворяете царствіе небесное предъ чадомъ: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Мѣ. ххiii, 13). 567

А въ другомъ мѣстѣ заявляетъ имъ: *вы нѣсте отъ овецъ Моихъ* (Іоан. х, 26). Видите, какъ Господь повсюду изоблачаетъ и посрамляетъ нечестивыхъ, чтобы насъ предохранить отъ заблужденія? О, неизяснимое снисхожденіе! О, неисчерпаемая благость! Что воздадимъ мы Господу за все это? Чѣмъ оправдаемся предъ верховнымъ Пастыремъ? Вотъ, о, пастыри и сопастыри, немного изъ многого! Видите, какъ повсюду Господь, утверждая насъ, взываетъ въ святыхъ Своихъ Евангеліяхъ: смотрите,

бодрствуйте, будьте внимательны, будьте усердны, боритесь? И не только въ Евангеліяхъ взываетъ такъ, но и устами богоносныхъ пророковъ и богослововъ-учениковъ вѣщаетъ тоже самое,—потому что во всѣхъ говоритъ Онъ, какъ Ему угодно, что подтверждаетъ и Павелъ, заявляя, что въ немъ говоритъ Христосъ (2 Кор. хш, 3). Итакъ, вызовемъ теперь сюда богослововъ и послушаемъ, что они возвѣщаютъ намъ объ еретикахъ. Скажи ты, блаженный Петръ, котораго блаженнымъ нарекъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Мѣ. хvi, 17). Скажи намъ объ обольщающихъ и желающихъ обольстить Христово стадо, которое тебѣ вручено и вѣрено Пастыреначальникомъ и Блюстителемъ душъ нашихъ; скажи, что внушено тебѣ Духомъ Святымъ, и утверди свою паству, укажи намъ тайныхъ полковъ, какъ сдѣлалъ это твой учитель Христосъ Господь. Вотъ что говоритъ Петръ: *сѣ прежде вѣдѣе, яко приидуть въ послѣдніа дни ругатели, по своимъ похотехъ ходяще* (2 Петр. ш, 8). И опять: *и въ васъ будутъ живиѣи учителя, иже внесуть ереси похвѣли и искушаша ихъ Владыки отмѣтающеся. И мнози послѣдствуютъ ихъ нечистотамъ; иже сѣ судъ искони не коснѣтъ и похвѣли ихъ не дремлетъ* (ц, 1—3). Они—чада клятвы, оставившіе правый путь (ст. 14, 15). Вотъ что возвѣстиялъ Петръ, вѣстину блаженный Петръ, Петръ—камень вѣры, на которомъ создалъ Христосъ Свою церковь, Петръ—распорядитель ключей царствія небеснаго, Петръ—ходившій по волнамъ, какъ по сушѣ, горячо любившій Владыку Христа, поразившій въ Римѣ Симеона волхва, какъ глава и первый защитникъ вѣры, перваго разбойника и ученика діавола въ ересь. Апостолъ Іоаннъ сказалъ: *явися суть чада діавола* (1 Іоан. ш, 10). Видите, какъ во всѣхъ ихъ говоритъ Христосъ? Вѣдь и самъ Онъ въ Евангеліи сказалъ подобное же: *онъ отца вашего діавола есте* (Іоан. viш, 44). Знаю я многихъ, говорящихъ въ защиту еретиковъ, что и ихъ создалъ Богъ (помнимъ Бога; говорятъ, ничто не можетъ быть): не разумѣютъ они ни того, что говорятъ, ни того, на чемъ утверждаютъ. Что каждого изъ насъ создалъ Богъ—этого не отвергаю вмѣстѣ съ ними и я, но Онъ создалъ насъ на дѣла благія, чтобы мы въ нихъ совершенствовались и дѣлались чадами Божиими по правой вѣрѣ.

4. Но возвратимся къ предмету (нашей бесѣды). Іоаннъ говоритъ: и имѣе антихристи мнози быша (1 Іоан. п, 18), и опять: *блюдите себе, да не погубите, яже дѣласте добрая, зане мнози лестиши внидоша въ міръ* (2 Іоан. i, 8, 7). *Возлюбленнымъ, не всякому духу вѣруйте, но испытайте духи, аще отъ Бога суть, яко мнози лжепророци изидоша въ міръ* (1 Іоан. iv, 1). Въ другомъ мѣстѣ: *аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не пріимайте его въ домъ и радоватися ему не имайте. Глаголюй бо ему радоватися, сообщается діаволъ его змѣль* (2 Іоан. i, 10, 11). И опять: *всякъ преступающъ и не пребывающъ во учении Христови, Бога не имать* (ст. 9). Такъ наставляетъ насъ Іоаннъ,—

Иоаннъ—сынъ грома, возлюбленный болѣе всѣхъ святыхъ, утвердившій
 церковь отъ конца до конца вселенной и заградившій уста еретиковъ
 своимъ богословіемъ. А Іаковъ сказалъ: *имже восхождеть друзъ бити*
имъ, врагъ Божій биваетъ (Іак. iv, 4). Слушайте всѣ вы, раздѣляющіе 558
 отъ еретиками трапезу, этотъ горькій для васъ приговоръ: вы враги
 Христу. Въ самомъ дѣлѣ, кто дружить съ врагами царя, тотъ не можетъ
 уже быть другомъ царя. Онъ не заслуживаетъ даже и жизни и осуж-
 дается на все худшее. Іуда Іаковлевъ сказалъ: *принидоша бо нѣкимъ*
человѣкомъ, дровле предуставленнии на сіе осужденіе, нечестивии, Бога
нашего благодать прелатающе въ скверну и единаго Владыки Бога Гос-
пода нашего Іисуса Христа отмечающеиися (Іуд. i, 4). И далѣе: *въ*
последнее время будутъ ругатели, по своимъ похотѣхъ ходяще и не-
честивыи (ст. 18). *Сии суть безъ боязни себе насущи, облаци безводни,*
всякимъ вѣтромъ тремосими (ст. 12); *звѣзды прелестныя, имже мракъ*
тмы во тьмѣ блюдется (13). Такъ—и еще сильнѣе—поучаетъ насъ
 славный Іуда. Остается теперь, наконецъ, Павелъ, сосудъ избранія:
 скажи намъ и ты по благодати, данной тебѣ отъ Бога, скажи намъ о
 настоящемъ вѣкѣ лукавомъ, разоблачи тайныхъ волковъ, обличи и по-
 срами расхитителей святаго стада Божія. Вотъ что говоритъ Павелъ:
оплачься, яко по отишествіи моемъ оидутъ въ васъ волци тлѣщи, не щадящии
стада (Дѣян. xx, 29). Видите, повсюду богословы согласно съ Учите-
 лемъ своимъ именуютъ безбожныхъ еретиковъ собаками и волками?
 Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Павелъ: *блудитесь отъ псовъ, блу-*
дитесь отъ злыхъ дѣлателей, блудитесь отъ съченія (Филип. iii, 2).
Блудитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною
лестію (Кол. ii, 8). *Блудите опасно како ходите, яко днѣ лукави сущи*
(Ефес. v, 15, 16). Послѣ такихъ увѣщаній кто можетъ оправдаться въ
своемъ нерадѣніи? И опять въ другомъ мѣстѣ: еретика человекъ по
первому и второму наказанію отрицайся (Тит. iii, 10). И еще: *въ на-*
ученіи странна и различна не прилажайтеся (Евр. xiii, 9); еще: еретицы
человѣкомъ преусыплютъ на горшее, прелчающе и прелчаеми (2 Тим. iii, 18);
 еще: *оскверненными и нечистыми ничтоже чисто* (Тит. i, 15). Слушайте же
 вы, раздѣляющіе съ ними вечери любви: какъ избѣжите вы гѣтва,
 грядущаго на васъ, вы, оскверняющіеся съ ними въ пищѣ и питъѣ?
 Какъ осмѣлитесь приступить къ божественнымъ и страшнымъ тайнамъ?
 Развѣ не слышали вы блаженнаго Павла, взывающего: *не можете чашу*
Господню пити и чашу бисовскую, не можете трапезъ Господней при-
чащатися и трапезъ бисовскыи (1 Кор. x, 21). *Изыдите отъ среды*
ихъ и нечистоты не прикасайтеся (2 Кор. vi, 17). Убѣдѣлъ ли я васъ?
 Или труды мои были напрасны и я говорилъ на вѣтеръ? Впрочемъ,
 ради тѣхъ, которые охотно и усердно слушаютъ наставленія и ихъ
 исполняютъ, я не останавлиюсь и буду продолжать словами Павла; скажу
 опять тоже самое, слушайте: *не бывайте преложни ко яму невѣрныхъ.*

Кое общеніе съему ко тмъ (2 Кор. vi, 14, 15)? Гдѣ деракіе, утверждающіе, что не говорится этого въ божественныхъ Писаніяхъ, гдѣ они, *имже Богъ чрево и слава въ студи изъ, имже земная мудрствуютъ* (Фил. ш, 19)? Такъ поучаетъ, наставляетъ и увѣщаетъ насъ Павелъ, сосудъ избранія, ограда церкви, побѣдоносный борець,—Павелъ, боговѣщанная лира, вѣстникъ Христовъ, писатель догматовъ, труба слова, ораторъ благочестія, свѣтъ уловлявшая язычниковъ. Вотъ что и еще большее говорили о безбожныхъ и невѣрныхъ блаженные богословы—апостолы. А гораздо раньше ихъ тоже самое говорили пророки: необходимо выслушать и этихъ послѣднихъ. Такъ, пророкъ Давидъ говорилъ: *кътъ во устѣхъ изъ истины* (Пс. v, 10); еще: *не ненавидящая ли Тя, Господи, возненавидѣла и о врагѣхъ твоихъ истязала? Совершенною ненавистію возненавидѣла я, во враги быша ми* (Пс. сxxxviii, 21, 22). Соломонъ говоритъ, что нечестивые лицемерно прикидываются благочестивыми, а въ другомъ мѣстѣ наставляетъ: *сими мой, да не прельстятъ тебе мужи нечестивыи, не иди съ путъ съ ними* (Притч. i, 10, 15). Исаія же пророкъ—вѣрнѣе Господь чрезъ пророка—говоритъ: *сими родихъ и возвысилъ, тѣмъ же отвергшася Мене* (Ис. i, 2); а въ другомъ мѣстѣ: *кътъ радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь* (Ис. xlviii, 22).

5. Не достаточно ли этого? Нужно ли приводить свидѣтельства еще и другихъ пророковъ? Для расположенныхъ слушателей, я думаю, достаточно и этого. А кто теперь не оказалъ вниманія слову, того не убѣдить и болѣе подробное изложеніе. Остановимся немного еще только на словахъ пророка Давида и посмотримъ, какъ онъ обличаетъ и посрамляетъ ихъ скрытое коварство, говоря: *кътъ во устѣхъ изъ истины, сердце изъ суетно*, и такъ далѣе (Пс. v, 10). Замѣйте мудрость пророка, какъ онъ обличаетъ и посрамляетъ заблуждающихся, чтобы предохранить насъ отъ заблужденія. Послушайте, православные, и не потворствуйте еретикамъ; послушайте, пастыри, и уstraшитесь, и не молчите, но проповѣдуйте слово; не давайте мѣста діаволу, не открывайте двери волкамъ. Подражайте блаженному апостолу Петру, какъ онъ въ Римѣ, когда треклятый Симонъ богохульствовалъ и утверждалъ про себя, что онъ есть сила Божія, не промолчалъ и не пропустилъ, но тотчасъ же обличилъ его и, показавъ, что онъ обманщикъ, разбойникъ и противникъ Богу, низвергнулъ его съ высоты, предавъ его гибели. Подобнымъ образомъ и сына его, или вѣрнѣе—сына діавола, Монтана, сквернаго, нечистаго и безбожнаго, съ его двумя блудодѣйцами, апостолъ рѣшительно обличилъ и привелъ къ молчанію, доказавъ, что онъ противникъ Богу, лжехристосъ и лжепророкъ, заградилъ его нечистыя уста именемъ Христовымъ, не великодушествуя и не потворствуя его богохульству ¹⁾. Такъ поступайте и вы, пастыри, и не только

¹⁾ Вольшую ошибку допустить здѣсь авторъ—кто бы онъ ни былъ—утверждая, что Монтанъ былъ обличенъ апостоломъ—Петра ли или Павла онъ

не принимайте участія въ скверныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте, какъ это дѣлали и апостолы. И богоотецъ Давидъ много трудовъ и много борьбы перенесъ изъ-за нечестивыхъ людей, обличая и запрещаая ихъ, посрамляя ихъ и докучая о нихъ Богу такими мольбами: *доколе ирѣшница, Господи, доколе ирѣшница восхвалятся* (Пс. хсш, 8). *Расточи и силою твоею* (лѹш, 12). *Дждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ, яко не разумѣша въ дѣла Господня* (ххѹп, 4, 5). *Господи, во градъ Твоемъ образъ нашъ уничижиши* (лххп, 20). Или, возсылая моленія свои къ Господу, Давидъ умоляетъ Его, чтобы Онъ, самъ сойдя съ небесъ, исполнилъ просьбу его: *Господи, преклони небеса и снуди* (схлш, 5); *Господи, не закосни* (лххх, 6). *Скоро да предварятъ ны щедроты твои, Господи* (лххѹш, 8). И что же человеколюбецъ Богъ, хотящій всѣмъ человѣкамъ спастись и въ познаніе истины прийти, близкій ко всѣмъ, призывающимъ Его въ истинѣ? Онъ не презрѣлъ и не оставилъ тщетными мольбы святыхъ, но *приклони небеса и снуди* (Пс. хѹп, 10) и все устроилъ для спасенія рода нашего, всему научилъ насъ и словомъ и дѣломъ. Такъ, желая научить, какъ будущіе предстоятели церкви должны относиться къ еретикамъ, Онъ сдѣлалъ бичъ изъ веревокъ и, войдя въ храмъ, изгналъ всѣхъ оттуда, вытолкалъ и преслѣдовалъ ихъ со словами: *храмъ мой храмъ молитвы наречется, вы же созаористе и вертепъ разбойниковъ* (Мѣ. ххі, 13). Слушайте же, предстоятели церкви! Прекрасный образецъ для подражанія далъ вамъ Спаситель: послѣдуйте стопамъ Его, неусыпно и бдительно охраняйте свое стадо и отгоняйте отъ него волковъ. Затѣмъ, изгоняя вонъ всѣхъ, очевидно—противомыслящихъ, и предвѣщая конецъ, истребленіе и уничтоженіе всѣхъ противомыслящихъ въ будущихъ родахъ, Онъ сказалъ: *се остается вамъ домъ вашъ пустъ* (Мѣ. ххш, 38). Видишь, какъ оправдались Его слова? Враги и недоброжелатели Церкви, т. е. еретики, въ каждомъ поколѣніи предавались гибели, по слову Господа, сказанному Имъ: *всякъ садъ, его же не насади Отецъ Мой небесный, искоренится* (Мѣ. хѹ, 13),—что и сбылось. И именно Онъ самъ первый сдѣлалъ это и показалъ примѣръ, а послѣ Его вознесенія на небеса блаженные апостолы, по Его примѣру, вели борьбу съ противниками Церкви. Послѣ же нихъ и учителя Церкви, и святые соборы, бывавшіе по временамъ, утверждая ихъ божественное ученіе, всѣхъ упорствующихъ въ ересяхъ искореняли и предавали гибели, по написанному: *погубиши вся малолющия лжу* (Пс. в, 7). Такъ, всѣ они и погибли за беззаконія ихъ. 560

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь тѣ, которые нѣкогда ратовали противъ

разумѣлъ. На цѣлое почти столѣтіе послѣ мученичества апп. Петра и Павла Монтанъ началъ проповѣдывать свою ересь, въ 19 году Антонина Піа (по словамъ Епифанія, подробно рассказывающаго и однихъ „блудодѣйцахъ“—Прискилла и Максимилла).

Церкви, — цари, властители и мудрецы? Они разсѣяны, истреблены, отъ нихъ не осталось и слѣда.

6. Гдѣ гордость и дерзость іудеевъ? Гдѣ Симопъ волхвъ, первый еретикъ, ученикъ и предтеча антихриста? Гдѣ злое его порожденіе, наслѣдникъ его безумія и нечестія, Монтанъ, вождь злыхъ, съ его двумя блудодѣйцами? Гдѣ ихъ пресловутыя таинства, о которыхъ говорить противно, гнусныя и мерзкія, о которыхъ и апостолъ говорилъ: *бываемая бо отай отъ нихъ, срамно есть и глаголати* (Ефес. v, 12)? Гдѣ Маркіонъ, гдѣ Валентъ, гдѣ Маетъ, гдѣ Василидъ, гдѣ Неронъ, гдѣ Юліанъ, гдѣ Аріѣ, гдѣ Несторій? Гдѣ всѣ противоборствовавшіе истинѣ, о которыхъ Церковь восклицала: *обидоша мя пси мнози* (Пс. xxi, 17)? Не погибли ли всѣ они? Разсѣяны они всѣ за свои хуленія и отовсюду изгнаны какъ волки, потому что встрѣтили себѣ противниковъ и мужественныхъ противъ нихъ борцовъ въ лицѣ блаженныхъ мужей—тогдашнихъ предстоятелей Церквей: то были истинные пастыри! Но я вижу большое различіе между тогдашними пастырями и современными. Тѣ были борцы, а эти бѣглецы; тѣ совершенствовались въ книгахъ и ученіи, а эти изощряются въ нарядахъ и украшеніяхъ. Эти какъ наемники оставляютъ овецъ и бѣгутъ, а тѣ душу свою полагали за овецъ по примѣру добраго Пастыря. О, блаженные мужи, имена коихъ въ книгѣ жизни! Ихъ устрашали бѣсы, имъ угрожали еретики, но *заградишася уста глаголющихъ неправедная* (Пс. lxi, 12). Воскликну и я подобно Давиду, который съ плачемъ вызвалъ: *гдѣ суть милости твоя древнія, Господи* (Пс. lxxviii, 50)? Скажу и я со слезами: гдѣ тотъ блаженный ликъ святителей и учителей, которые какъ свѣточи просіяли въ мірѣ, соблюдая слово жизни? Впрочемъ, что мѣшаетъ намъ возобновить сейчасъ въ памяти ихъ имена, хотя бы изъ многихъ немногія? Видѣ самое это воспоминаніе о нихъ послужить къ освященію душъ нашихъ. Гдѣ Еводій—благоуханіе Церкви, преемникъ и подражатель святыхъ апостоловъ? Гдѣ Игнатій—жилище Божіе? Гдѣ Діонисій—лица небесная? Гдѣ Ипполитъ, сладчайшій и благостнѣйшій? Гдѣ Василій Великій, почти равный апостоламъ? Гдѣ Аванасій святой, необильный добродѣтелями? Гдѣ Григорій, второй богословъ, непобдимый воинъ Христовъ и ему сомненный? Гдѣ великій Ефремъ, утѣшитель малодушныхъ, наставникъ юныхъ, руководитель кающихся, гроза еретиковъ, сокровищница Духа, сосудъ добродѣтелей? Видите, какой соборъ? И какъ разнятся эти святые и блаженные пастыри отъ нынѣшнихъ? Я знаю еще и другихъ богоносныхъ учителей, но на этотъ разъ уже достаточно перечисленныхъ. Они душу свою, какъ я уже сказалъ, полагали за овецъ своихъ, а эти—современные—оставляя овецъ, бѣгутъ; тѣ сильны были въ словѣ и въ дѣлѣ, а эти—въ деньгахъ и въ стяжаніи лошадей, муловъ, полей, стадъ, поваровъ и роскошнаго стола. О подобныхъ вещахъ они готовы бесѣдовать безъ конца и днемъ и ночью,

а для словесной паствы, за которую предстоить имъ дать отвѣтъ въ страшный день суда, у нихъ не находится и слова. Если кто спроситъ ихъ о книгахъ, они отвѣчаютъ: я бѣденъ и не въ состояніи купить книгъ. Между тѣмъ предъ народомъ они являются вовсе не бѣдными, но одѣтыми въ изысканныя одежды, съ туго набитыми кошельками; шемъ у нихъ какъ у откормленныхъ быковъ, за собою они волочатъ толпу учениковъ, или вѣрнѣ поваровъ; отъ избытка роскоши они—стыдно даже и говорить—завели у себя, подъ видомъ работы, выкупленныхъ изъ плѣна наложницъ. О, великій срамъ! О, постыдная роскошь! О, жалкое сребролюбіе! О, несытое чрево! Откуда-то соблазны, откуда сплетни, дурная молва, упреки, безпорядки. На всѣ упреки они отвѣчаютъ: я не обижаю никого, а своимъ имуществомъ могу располагать. Если же кто изъ нечестивыхъ еретиковъ начинаеть распространять свое безумное ученіе, отвѣчать некому, бороться нѣтъ охотниковъ: всѣ оказываются бѣдными, безсловесными, всѣ убѣгаютъ. О, сребролюбіе—злой корень всѣхъ золъ! При помощи богатства вы надѣетесь спастись? 861
Но удобнѣе есть вѣлбуду сквозь илины уши проити, неже боити въ царствіе Божіе (Мѣ. хіх, 24). Утопая въ роскоши и пьянствѣ, превозносясь гордостью, вы хотите побѣдить ереси? Но горе вамъ, изнѣженные и сластолюбивые, щеголяющіе въ золотѣ и изысканныхъ нарядахъ! Какъ другимъ вы покажете прекрасную бѣдность Христа, ради насъ обнищавшаго и заповѣдаващаго ученикамъ Своимъ не имѣть и мѣди въ поясахъ (Мѣ. х, 9)? Вотъ именно прельщаетесь вы, не разумѣя Писаній! Не слышите развѣ вы Господа, говорящаго: *блаженнѣишии* (Мѣ. v, 3), и еще: *горе вамъ богатымъ* (Лук. vi, 24), и: *не скушайте себя сокровищъ на земли* (Мѣ. vi, 19)? Богатство ваше умножилось, а слово оскудѣло; одежды ваши тлѣны, о нихъ ли дадите вы отвѣтъ Пастыреначальнику Христу? Вѣдь вы знаете, что каждый изъ паст. дастъ отвѣтъ Богу о себѣ самомъ, а вамъ—архіереямъ, іереямъ и діаконамъ—предстоить отвѣтъ и о себѣ и объ овцахъ, сколько каждому ввѣрено. Смотрите же, не забудьте ввѣренныхъ вамъ талантовъ! *Внимайте себѣ и всему стаду* (Дѣян. хх, 28); смотрите, чтобы не потерялась овца изъ вашего стада. Вѣдь вы знаете, что если одна овца погибнетъ, сдѣлавшись добычей врага,—по вашей безпечности,—тогда всей своей жизнью вы не загладите этой потери: крови ея Судія взыщетъ отъ руки вашей.

7. Опомнитесь же наконецъ, примитесь за проповѣдь слова, отбросьте всякую житейскую заботу, будьте строго внимательны къ своему дѣлу. *Блюдитесь отъ псовъ* (Филип. ш, 2). Опять говорю: блюдитесь, берегитесь,—и не перестану говорить. Берегитесь хищниковъ, берегитесь, потому что много обманщиковъ дѣйствуетъ нынѣ въ мірѣ. Бодрствуйте неусыпно вы, которымъ ввѣрены дары благодати Господней, бодрствуйте, чтобы не засталъ васъ спящими часъ страшнаго пришествія Господа,

когда придетъ Онъ потребовать отъ васъ отчета въ тѣхъ талантахъ, которые вамъ были ввѣрены. Имѣя это въ умѣ, возлюбленные, *насите еже въ васъ стадо Божіе*, какъ говорить апостолъ, *посыщающе не нуждсю, но волею, ниже неправедными прибытки, но усердно, ни яко обладающе причту, но образи бывайте стаду. И явишуся Пастыреначальнику примете неуыдаемый славы ѿнѣсъ* (1 Петр. v, 2—4). Опять повторю тоже самое: слушайте, іереи Господня, *царіе земстѣи и вси людѣе, князи и вси судїи земстѣи, юноши и дѣвы, старши съ юнотами* (Пс. xlviii, 11, 12): *внушите вси живущїи по вселеннѣй* (Пс. xlviii, 2), великіе и малые, мужи и жены, *вкупѣ богатѣи и убогѣи* (ст. 3): умоляю васъ, выслушайте внимательно мои слова. Я хочу вамъ показать и доказать на основаніи Священнаго Писанія, что не всѣ, именующіеся христіанами, христіане на самомъ дѣлѣ, что по отношенію ко многимъ это наименованіе пустой звукъ, вводящій лишь другихъ въ заблужденіе. По названію христіанъ много, а на дѣлѣ — очень немного. Иные по виду какъ будто и христіане и ученики Христа, а по характеру — предатели; на словахъ благочестивы и милостивы, а на дѣлѣ немилосердны и нечестивы; по названію христіане, а по убѣжденіямъ язычники, потому что, какъ предрекъ еще пророкъ Давидъ, *смѣсишася во языцѣхъ и навѣюша ѿложитѣ* (Пс. cv, 35). И дѣйствительно, на насъ исполнилось пророчество это. Сколько христіанъ занимается іудейскими и греческими баснями, родословіями, гаданіями, звѣздохетствомъ, волшебствомъ и талисманами? Сколько христіанъ наблюдаетъ несчастные дни и годы, примѣты и сновидѣнія и крики птицъ? Затѣмъ, не христіане ли купаются въ источникахъ, погружая предварительно въ нихъ свѣтильники? Не христіане ли вѣрятъ во встрѣчи, ѣдятъ идоложертвенное и удавленнику, ѣдятъ кровь задавленныхъ звѣрями и растерзанныхъ птицами и многое другое тому подобное? Какъ могутъ быть христіанами тѣ, которые допускаютъ все это? По какому праву осмѣливаются они называть себя христіанами? Какъ дерзаютъ приступать къ божественнымъ таинствамъ, будучи хуже язычниковъ? Точно также сколько христіанъ держится языческихъ обычаевъ, въ родѣ прикрашиванія лицъ, привѣтствій, плясокъ, рукоплесканій, употребленія мужчинами женскихъ одеждъ? При такихъ обычаяхъ какая польза человѣку отъ того, что онъ именуется христіаниномъ? Вѣдь какъ дѣвица, пока сохраняетъ свое дѣвство, достойно и благоприлично называется дѣвою и на самомъ дѣлѣ дѣва, но если обольститъ ее кто-нибудь и растлѣитъ и она утратитъ свое дѣвство, тогда она уже болѣе не дѣва, — такъ и глаголемый христіанинъ, если онъ преступилъ завѣтъ и поправъ свои обѣты и слово евангельское отвергъ и живетъ по-язычески, тогда ему бесполезно и называться христіаниномъ, какъ уже сказано. Поймите же, возлюбленные, всѣ, что отъ всего языческаго отреклись мы въ этихъ немногихъ словахъ, каждымъ изъ насъ въ свое время произнесенныхъ: отрицаюсь сатаны и

всѣхъ дѣлъ его. Подумай, что ты сказалъ: „всѣхъ дѣлъ его“. Смотри, кому ты обѣщался: не ангелу, не царю земному, не князю міра сего, но царю царствующихъ и Господу господствующихъ. Ему ты обѣщался, съ Нимъ вступилъ въ завѣтъ и сочетался при многихъ свидѣтеляхъ. Въ рукахъ Его и ты, и слова твои. И настанетъ время—Онъ придетъ съ небесъ съ твоимъ рукописаніемъ, съ твоими словами, произнесенными тобою при ангелахъ и людяхъ. Помните это, братіе, и блюдитесь впредь отъ дѣлъ языческихъ! Послушайте, что говорятъ апостолы: *сіе убо глаголю и послушествоую в Господѣ, ктому не ходити вамъ якоже и прочіи языци ходятъ въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ. Вы же не тако познасте Христа* (Еф. iv, 17, 18, 20. Примите къ сердцу, возлюбленные, мои слова и не сообщайтесь съ тѣми, которые такъ поступаютъ. Много вѣдь нынѣ сыновъ погибли и они еще умножаются. Берегитесь, время нынѣшнее лукаво, такія же и слугъ оно себѣ избираетъ.

8. Не удивляйтесь, если и пастыри оказываются волками. Вѣдь именно въ бесѣдѣ съ епископами и пресвитерами апостолъ Павелъ говорилъ: *отъ васъ самихъ встанутъ мужіе глаголющии развращеніемъ* (Дѣян. xx, 30). Итакъ, не давайтесь въ обманъ никому, хотя бы кто и имѣлъ снаружи видъ ангела, будучи внутри діаволомъ. Поэтому Іисусъ и говоритъ: *блюдите, да никто же васъ прелститъ* (Мѣ. xiv, 4). И я опять повторю тоже самое. Берегитесь отъ соблазна, откуда бы онъ ни шелъ—отъ чужихъ ли, или отъ своихъ, и кто бы ни былъ тотъ, кто говорить „развращенная“—епископъ ли, пресвитеръ ли, діаконъ ли, или чтецъ—изъ тѣхъ, *иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овечьихъ, внутри же суть волки хищницы* (Мѣ. vii, 15), которые имѣютъ образъ благочестія, силы же его отверглись. Вы же, возлюбленные, не вдавайтесь въ заблужденіе, но какъ приняли Господа нашего Іисуса Христа, въ Немъ пребывайте, и Богъ міра будетъ съ вами. Но объ этомъ я уже говорилъ довольно; побесѣдую еще немного о признакахъ кончины міра и тѣмъ заключу свое слово. Какъ только начинаю я говорить о кончинѣ міра, ужасъ объемлетъ меня и я теряюсь. Конечно, всѣ дѣла Господни удивительны, велики, страшны и славны, но конецъ міра и таинство второго пришествія Господня превосходятъ всякое слово, всякій умъ, всякую мысль, не поддаются изображенію и поражаютъ всякій слухъ. Велико было желаніе учениковъ—услышать отъ своего Учителя о признакахъ кончины міра и немало усилій было ими сдѣлано съ этою цѣлью. Вы не одинъ разъ слышали евангельское повѣствованіе о томъ, какъ *сидящу Іисусу на горѣ Елеонской приступиша къ Нему ученици наединѣ глаголюще: рече намъ, что есть знаменіе твоего пришествія и кончины зѣла* (Мѣ. xiv, 8)? Замѣть благоразуміе учениковъ. Когда они хотятъ спросить Господа о чемъ-нибудь важномъ, они не всѣ вдругъ обращаются къ Нему, но поодиночкѣ, и говорятъ:

одипъ: скажи намъ, Господи, другой: скажи намъ, Благій, иной: скажи намъ, Сердцевѣдецъ, иной: скажи намъ, Вѣдущій начало и конецъ, скажи намъ, Вѣдущій все прежде его осуществленія, скажи намъ, Творецъ вѣковъ, скажи намъ, Отецъ будущаго вѣка, скажи намъ, *что есть знаменіе Твоего пришествія и кончины вѣка*, когда Ты придеши судить живыхъ и мертвыхъ всей вселенной, когда упраздниши всякое начало, всякую власть и силу, когда преклонится предъ Тобою всякое колено небесныхъ и земныхъ и пренеподняхъ? *Римъ намъ, что есть знаменіе твоего пришествія*, чтобы и мы могли повѣдать людямъ о Твоемъ поразительномъ явленіи. Господь же отвѣчалъ имъ: *блюдите, да не прелстени будете: мнози бо придуть во имя Мое, исполнюще, яко азъ есмь Христосъ; блюдите, да никто же васъ прелститъ, яко время приближися* (Лк. ххі, 8; Мѣ. ххiv, 4, 5). То, что теперь совершается на глазахъ у насъ, было тогда Имъ предсказано; тогда *время приближися*; нынѣ оно уже настало, какъ для всѣхъ очевидно. Видите, какъ Господь позаботился разоблачить еретиковъ и лжеучителей и показать намъ скрытое въ нихъ коварство? Отвѣчая на вопросъ учениковъ о признакахъ Его пришествія, Онъ первымъ изъ всѣхъ признаковъ поставилъ появленіе ложныхъ учителей, этихъ волковъ, расхищающихъ стадо Христово, и предтечъ антихриста. Потомъ указалъ сопутствующія явленія—войны и возстанія: *возстанетъ народъ на народъ и царство на царство. Всѣ эти явленія совершаются теперь предъ нами, только значенія ихъ мы не хотимъ понять. Войны въ различныхъ мѣстахъ, голодъ, землетрясенія, знаменія небесныя и прочее, что Онъ предсказалъ, все это въ большихъ размѣрахъ теперь совершается предъ нами, только смыслъ всего этого намъ остается непонятнымъ. Тогда, говоритъ Господь, соблазнятся мнози и другъ друга предадутъ* (ст. 10). А гдѣ теперь нѣтъ предательства? Не возстаютъ ли почти всѣ другъ противъ друга и не ненавидятъ ли другъ друга? Очевидно, это исполнилось. Не всѣ ли возстаютъ другъ противъ друга: народъ на народъ, царство на царство, начальники на начальниковъ, епископы на епископовъ, пресвитеры на пресвитеровъ, діаконы на діаконівъ, чтецы враждуютъ между собою, міряне между собою? *И за умноженіе беззаконій изсклестъ любви многихъ* (ст. 12). Поэтому и предрекъ Господь: *испытайте тысящій* (Іоан. v, 39), *и: да не прелстени будете* (Лк. ххі, 8). Потомъ указалъ Онъ еще одинъ признакъ: *и проповется сіе евангеліе по всей вселенной во свидѣтельство всему языку* (ст. 14). И тогда ожидайте конца, приготовьтесь увидѣть мерзость запустѣнія, сына погибели, который произведетъ скорбь великую, какой не было отъ начала міра. И опять говоритъ: *возстанутъ лжехристи и лжепророцы и дадутъ знаменія великія и чудеса, якоже прелстити, аще возможно, и избранныя* (ст. 24). Замѣтьте это: и тамъ, и тутъ лжепророки и лжеучители и лжеапостолы антихриста, сына погибели, которые, возбуждаемые и вдохно-

вляемые нечистыми духами, являются предтечами антихриста и противника и своею проповѣдью обольстить и приготовить народъ къ принятію сына погибели.

9. Поэтому, братіе, божественное Писаніе и тутъ и тамъ повторяетъ, что многіе обольстители появились въ міръ. Поэтому и Господь присоединилъ къ Своимъ словамъ: *се прежде рѣчь вамъ* (ст. 25). Должно возникнуть въ смыслъ этого изреченія. *Се прежде рѣчь вамъ*,—теперь вы не имѣете отговорок. *Се прежде рѣчь вамъ*: если кого-нибудь изъ васъ соблазнять, теперь онъ будетъ безответенъ. *Се прежде рѣчь вамъ*: теперь ни у кого нѣтъ повода оправдываться незнаніемъ. *Се прежде рѣчь вамъ* все: *блюдите, да не прелщены будете* (Лук. ххi, 8). Смотрите, не примите вмѣсто Меня—истиннаго Христа—какого-нибудь лжехриста. *Мнози бо приидутъ во имя Мое, малоюще: азъ есмь Христосъ, и мнозихъ прелстятъ* (ст. 5), и: *время близъ есть* (Мѡ. ххvi, 18). Не слѣдуйте за ними. Видите, какъ много говорится въ святыхъ книгахъ о подобныхъ вещахъ? Потому-то я и часто напоминалъ вамъ о безбожныхъ еретикахъ и теперь умоляю васъ: не имѣйте общенія съ ними ни въ чемъ рѣшительно—ни въ пищѣ, ни въ питіи, не ведите съ ними ни дружбы, ни знакомства, ни любви, ни мира. Вѣдь если кто въ чемъ-либо подобномъ сходится съ еретиками, тотъ отчуждается отъ католической церкви. Истинный же и искренній ученикъ Божій смѣло и громко возглашаетъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріясте: анаѡема да будетъ* (Гал. i, 9), и вмѣстѣ съ Давидомъ воспѣваетъ: *не ненавидѣши ли тя, Господи, возненавидѣхъ и о врагѣхъ твоихъ истязѣхъ? Совершеною ненавистію возненавидѣхъ я* (Пс. оххviii, 21, 22). Страшиться и трепещите вы, раздѣляющіе съ ними братскія трапезы, поспѣшите исправиться, чтобы нечестіе ваше не погубило васъ. Вы уже слышали слова предупрежденія: *се прежде рѣчь вамъ*. Но возвратимся въ прерванному, чтобы докончить рѣчь о кончинѣ міра. Скажу кратко: предсказанныя Спасителемъ явленія совершились; теперь намъ остается въ полной готовности ожидать дальнѣйшаго и не требовать большаго, чѣмъ указано намъ въ Писаніи. Многіе невѣжды и неутвержденные извращаютъ божественное Писаніе; смотрите, не вѣрьте имъ. Зло и пороки мощной волей разливаются по землѣ, соблазны обильны. Но смотрите, не обольщайтесь: не уклоняйтесь ни направо, ни налѣво, шествуйте царскимъ путемъ. Оставаясь твердыми въ вѣрѣ, вы, возлюбленные, никогда не будете одиноки: если не на землѣ, то на небѣ много вѣрныхъ, къ постоянному общенію съ которыми вы должны стремиться. Тамъ лежи ангеловъ, тамъ патріархи, пророки, апостолы, 664 евангелисты, тамъ мученики, святые исповѣдники, тамъ преподобные, просіявшіе отшельническою жизнью, однимъ словомъ—великое множество тѣхъ, имена коихъ въ книгѣ жизни. Ихъ возлюбите, имъ поревнуйте, отъ нихъ не отлучайтесь, память о нихъ имѣйте въ сер-

цахъ своихъ днемъ и ночью, ихъ книги постоянно держите въ рукахъ и читайте, чтобы получить отъ нихъ великую пользу. Обогащайтесь словомъ правды, чтобы имѣть возможность и противниковъ обличать, и суетловящихся посрамлять, и еретикамъ заграждать уста, и падающихъ вразумлять и обращать. Вникайте въ божественныя Писанія, чтобы въ случаяхъ смущенія и замѣшательства вамъ не теряться, но въ божественномъ Писаніи находить твердую опору. Никакой слабости, никакого колебанія въ своихъ мысляхъ не допускайте ни по какому поводу. Если вы увидите многихъ неразумныхъ,—не удивляйтесь: такъ должно быть. Если появится много лже пророковъ,—вспомните слова Господа, что *останутъ лжехристи и лжепророцы* (Мѡ. ххiv, 24). Появятся обманщики,—вспомните, что говорилъ пророкъ: *горе пишущимъ лукавство* (Исх. x, 1). Если увидите, что честные, вѣрные и разумные уничижаются, а порочные и гордые, предатели и блудники пользуются успѣхомъ и благоденствуютъ, то вспомните сказанное апостоломъ: *люкавіи челоуцы и чародѣи преуспѣвають на горее, прелщающе и прелщаеми* (2 Тим. iii, 13). Если увидите, что нѣкоторые мнимые христіане гнушаются божественнымъ Писаніемъ, а тѣхъ, которые проповѣдуютъ слово Божіе, ненавидятъ,—вспомните, что сказалъ Господь: *аще мѣръ васъ ненавидитъ, отдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще Мене изнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. xv, 18, 20). Если увидите, что народъ сбѣгается къ обманщикамъ, тайновѣщателямъ, гадателямъ, что распространяется ученіе бѣсовское и вопрошаніе нечистыхъ духовъ,—не смущайтесь, не впадайте въ уныніе. Даже при видѣ того, что кто-нибудь изъ мнимыхъ пастырей занимается подобными дѣлами, не отчаивайтесь; но хотя сквозь слезы вспомните слова апостола, что *въ послѣдняя времена отступитъ нѣкии отъ веры, овлающе духовомъ лстчимъ и учениамъ бѣсовъ нечистыхъ* (1 Тим. iv, 1), и другія слова его же: *будетъ время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотямъ изберутъ себѣ учителя, чешими слухомъ, и отъ истинны слугъ отератныи и къ баснямъ уклонятся* (2 Тим. iv, 3, 4).

10. Когда увидите роскошные пиры со всѣми ихъ наслажденіями, ложью, шумомъ и безпорядочными кликами,—вспомните слова Господа: *горе вамъ, насыщеннии мѣтѣ, яко взалчете; горе вамъ, сѣтиющимъ мѣтѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лк. vi, 25). Когда увидите пляшущихъ и играющихъ и поющихъ бѣсовскія пѣсни,—съ плачемъ и рыданіемъ вспомните слова Давида: *не познаша, ниже уразумѣша, во тмѣ ходятъ* (Пс. lxxxi, 5), и пророка Исаіи: *горе востающимъ завтра и сикеръ юнящимъ, ждущимъ вечера: съ туслыми бо и тѣницами и тмѣтми и сѣртьями вино пѣютъ, на дѣла же Господня не взираютъ и дѣла руку Его не помышляютъ* (Исх. v, 11, 12). И вообще при видѣ всякаго совершающагося соблазна помните слова Господа: *горе міру отъ соблазна! Невозможно есть не приити соблазнамъ, обаче горе челоуку тому, и тмѣ*

сблзнь приходитъ (Мф. хviii, 7; Лук. хviii, 1). Но что говорятъ эти люди, жестокіе сердцемъ, преданные жи? Нѣтъ, говорятъ, ала въ развлеченіяхъ. Что вреднаго въ игрѣ на цитрѣ или на чемъ-либо подобномъ? О, крайнее безуміе! О, лукавое внушеніе діавола! Родъ лукавый и прелюбодѣйный, такъ-то вы воздаете Господу? Пречистый Господи повсюду заповѣдае, чтобы христіане совѣмъ не касались развлеченій, а ты говоришь: какой вредъ отъ развлеченій? *Горе малоюущимъ горькое сладкое и полааюущимъ тму свѣтъ* (Ис. v, 20)! Пусть скажутъ намъ эти необузданные, изъ какой священнои книги могутъ они представить доказательства, что христіанину можно предаваться развлеченіямъ? Какіе святые, какое Евангеліе научило христіанъ такъ непристойничать? Вотъ вселенская и апостольская Церковь отъ восхода солнца до запада и отъ концовъ вселенной вопіетъ и учить и увѣщавать и чрезъ законъ, и чрезъ пророковъ, и чрезъ апостоловъ, и устами самого Господа, и положительно нигдѣ вы не найдете, чтобы 563 христіанину позволено было заниматься такими дѣлами. Сколько царей и властителей, и мудрецовъ, и благородныхъ, и славныхъ, и законниковъ, и рабовъ, и свободныхъ, и бѣдныхъ, и богатыхъ, и старцевъ, и юношей! Кто изъ нихъ всѣхъ можетъ показать или доказать относительно того, что христіанину позволено играть на цитрѣ или плясать или что-либо другое дѣлать изъ того, что мы указали выше? Никто не въ состояніи доказать это. Пусть же никто не вводитъ васъ въ заблужденіе: нельзя дѣлать этого христіанину, все это чуждо католической Церкви, все это—дѣла, свойственныя язычникамъ. Никто, братіе мои, васъ да не обольщаетъ: насколько вы предадитесь удовольствіямъ, настолько отпадете отъ благодати: тогда и Христосъ не принесетъ вамъ никакой пользы. Возвратимся опять къ тому первому и прекрасному исповѣданію, которое мы произнесли предъ лицомъ многихъ свидѣтелей—предъ ангелами, людьми и Творцомъ всяческихъ: вѣдь рукописаніе исповѣданія нашего у Него на небѣ, и Онъ воздастъ каждому по мѣрѣ того, насколько онъ исполнилъ и соблюлъ исповѣданіе. Тамъ начертаны и обѣты каждаго изъ насъ, и отреченіе отъ сатаны и сочетаніе съ Христомъ, и дѣла наши, и поступки, и слова, и помышленія, и развлеченія, и забавы; и все это принесетъ съ Собою Христосъ, когда придетъ судить насъ. Итакъ, чего же вы хотите? Солгать Ему? Но это невозможно: и ты, и дѣла твоя въ Его рукъ. Скрыться отъ Него? Но и это невозможно, такъ какъ въ Его рукъ всѣ концы земли и *нѣтъ тварь наалена предъ Нимъ, вся же наа и обьяалена предъ очима Его* (Евр. iv, 13); укрыться отъ лица Его нѣтъ никакой возможности. Если вы взойдете на небо, Онъ тамъ, если вы сойдете въ бездну, и тамъ Онъ (Пс. cxlviii, 8). Написано вѣдь, что *всѣ, елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во истгъ безднахъ* (Пс. cxlvi, 6). Что же намъ дѣлать, братіе? Никакого выхода намъ не остается. Той

бо *вънѣ тайная сердца* (Пс. хлп, 22) и утробы. Бѣжать невозможно и нѣтъ никого, кто избавилъ бы изъ руки Его (Пс. хлп, 13). Невозможно и скрыться, такъ какъ Онъ держитъ кругъ земли, и всѣ живущіе на ней предъ Нимъ не болѣе, какъ саранча. Противиться Ему невозможно, какъ написано: *Ты страшнѣ сси, и кто противостанетъ Тебѣ* (Пс. lxxv, 8)? Онъ вѣдь Владыка и небеснѣхъ, и земныхъ и прееподнихъ, Онъ имѣетъ упразднить всякое начало и власть и могущество. Оправдаться предъ Нимъ чѣмъ-нибудь, найти какую-нибудь отговорку или извиненіе—невозможно, потому что отъ конца земли и до конца божественное Писаніе и воиоетъ, и убѣждаетъ, и обличаетъ, и вразумляетъ, и свидѣтельствуется, и угрожаетъ. Потому и говорить Господь нашъ: *отметайся Мене и не приѣмляй глаголъ Моихъ, Азъ не сужду ему, но слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день* (Іоан. хп, 48. 47). А также: *еще не быхъ пришехъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли, нынѣже вини не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. хv, 22). Вотъ вы слышали, что никто не имѣетъ извиненія. Дѣйствительно, братіе, намъ нѣтъ выхода.

11. Но, можетъ быть, кто-нибудь возразитъ мнѣ: ты уже достаточно побранилъ насъ въ своей бесѣдѣ, и печаль на насъ навелъ, и о наказаніяхъ напоминалъ, и возмездіе изобразилъ, и вообще устрашалъ и запугалъ насъ чрезмерно. Согласенъ, что это такъ, и знаю, что каждый изъ васъ самъ дастъ за себя отвѣтъ Богу, каждый пожнетъ то, что посѣялъ, и каждый понесетъ свою ношу. Но разъ ты завелъ объ этомъ рѣчь и устрашилъ и запугалъ насъ, то покажи намъ наконецъ и путь ко спасенію, дай средство для излѣченія нашихъ недуговъ; послѣ такихъ ужасовъ порадуй насъ чѣмъ-нибудь. Вотъ я, хочу спастись: что мнѣ дѣлать? Какъ достигнуть спасенія? Къ кому прибѣгнуть? Вѣдь я много согрѣшилъ—и словомъ, дѣломъ, и вольно, и неволью, и днемъ, и ночью, и ежечасно. Что же мнѣ дѣлать? Гдѣ искать спасенія? Къ кому прибѣгнуть? Я скажу тебѣ, къ кому прибѣгнуть. Блаженный Давидъ указалъ, гдѣ должно искать прибѣжища, сказавъ: *Богъ нашъ прибѣжище и сила* (Пс. хlv, 2). Это показалъ и Іоаннъ, большій всѣхъ пророковъ, говоря: *се ащеиъ Божій, вземлюй грѣхи міра* (Іоан. i, 29). Это же возвѣстилъ и ангелъ: *Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѣ. i, 21). И опять пророкъ Давидъ говоритъ: *Господи, къ тебѣ прибѣгохъ* (Пс. сxlп, 9). У Него и ты ищи прибѣжища,—у Того, Кто сказалъ: *не придохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѣ. ix, 13), Кто сказалъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящій* (Лук. v, 31), Кто сказалъ: *покайтесь, приблизися бо царство небесное* (Мѣ. iv, 17), Кто сказалъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѣ. xi, 28), Кто сказалъ: *власть имать Сынъ челоуѣчскій на земли отпуцати грѣси* (Мѣ. ix, 6), Кто сказалъ: *приидуцаша ко Мнѣ не изжему оны* (Іоан. vi, 87), Кто чрезъ пророка

сказалъ: *живу Азъ, не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. xxxш, 11). Кто сказалъ, что Онъ *сотворитъ отмщеніе вопиющимъ къ Нему день и ночь* (Іак. хуш, 7, 8), Кто сказалъ: *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. хv, 10, 7). Къ Нему прибѣгай съ покаяніемъ и слезами. Покайся—и не сомнѣвайся. покайся—и не унывай болѣе, не отчаивайся въ своемъ спасеніи. На небѣ радость, когда ты каешься, а ты медлишь? Ангелы ликуютъ, а ты понурилъ голову? Ради тебя пришелъ врачъ душъ, а ты скрываешь рану? Онъ громко зоветъ: обратитесь ко Мнѣ, сыны человѣческіе, придите ко Мнѣ,—и ты не слышишь на Его призывъ? Онъ восклицаетъ: *не придохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѣ. ix, 18). О, неизмѣримое человеколюбіе Владыки! *Не придохъ призвати праведники, говорить, но грѣшники*. Итакъ, дерзай, грѣшникъ, и не отчаивайся! Тебя пришелъ призвать добрый Пастырь, ради тебя преклонилъ Онъ небеса и сошелъ, со словами: *придите ко мнѣ вси труждающіися* (Мѣ. xi, 28), *не придохъ бо призвати праведники, но грѣшники* (Мѣ. ix, 18). Но смотри, не возмни о себѣ слышкомъ, слыша о неизреченномъ Его человеколюбіи: не съ простымъ вѣдь призывомъ Онъ къ тебѣ обращается, но прибавляетъ: *не придохъ бо, говорить, призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*: не на забавы, а на слезы, не на пиръ и возліянія, а на постъ, бдѣніе и слезы, не на пляски, увеселенія и услажденіе музыкой, а на трудъ, скорбь и тѣсноту. *Блаженъ, говоритъ Онъ, плачущій и рыдающій* (Мѣ. v, 4), очевидно, о грѣхахъ своихъ. Итакъ, начинь каяться. Положи только начало, и Богъ кающихся будетъ тебѣ содѣйствовать и укрѣпить тебя; ты получишь отъ Него обильную благодать и она будетъ для тебя слаще меда и сота. Пути жизни разнообразны, какъ написано, и способовъ спасенія много. Какимъ хочешь способомъ, тѣмъ и воспользуйся, только спасайся. Если можешь, раздавай милостыню; не можешь—Богъ не взыщетъ. Нѣтъ у тебя ни хлѣба, ни одежды? Стань на колѣна, ударяй себя въ грудь, плачь, рыдай, скорби, простирай руки къ небу, возведи очи твои къ Господу, постысь, бодрствуй. Это—у всякаго въ распоряженіи и тутъ ты ужъ ничѣмъ отговориться не можешь. Постарайся же всегда этии средствами угождать Богу. Впрочемъ, и ими нужно пользоваться осмотрительно и благоразумно; въ противномъ случаѣ они окажутся безполевыми, а трудъ твой тщетнымъ.

12. Итакъ, упряжняясь въ этихъ добродѣтеляхъ и припадая къ Богу съ покаяніемъ, особенно тщательно наблюдай, чтобы ни съ кѣмъ не имѣть вражды,—этого главнаго препятствія къ достиженію твоей цѣли,—но, какъ сказалъ апостолъ Павелъ, *со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвая* (Филип. п, 2) и соблюдая заповѣдь Христа, глаголющую: *аще отпущае челоуѣкъ согрѣшенія нѣа, отпусти и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваши* (Мѣ. vi, 14). Если молишься

Богу отъ всего сердца, безъ суеты и разсѣянности, соблюдай эту его заповѣдь и оставь, если что имѣешь противъ кого-либо. Ты хочешь, чтобы тебѣ отпущены были твои грѣхи? Прости и ты ближнему своему его грѣхи противъ тебя. Если не отпустишь грѣховъ брата твоего, и твоихъ не отпуститъ Господь, потому что Онъ сказалъ: *аще не отпустите челоуѣкомъ соупришенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ соупришенія вашихъ* (Мѣ. vi, 15). И мы знаемъ всѣ, что Онъ не обманетъ, потому что Онъ неложенъ и вѣренъ во всѣхъ словахъ Своихъ. Затѣмъ, будь готовъ къ тому, что Господь каждый день можетъ потребовать твою душу. Не дѣлай такъ, чтобы сегодня покаяться, а завтра забыть объ этомъ, сегодня плакать, а завтра плясать, сегодня поститься, а завтра упиться виномъ до такой степени, что и ноги не держать сегодня бодрствовать, а завтра пасть; но заботься о своемъ спасеніи такъ, чтобы быть увѣнчаннымъ. Будь вѣренъ добродѣтели, не уклоняйся отъ подвига, чтобы не лишиться вѣнца. Всѣ удовольствія міра сего, его славу—отвергни съ ненавистью и скажи выѣсть съ Давидомъ: *567 неправду возненавиждѣхъ и омерзихъ. законъ же Твой возлюбихъ; отъ всякаго пути лукава возбранихъ ногамъ моимъ. Кляхся и поставихъ сохранити заповѣди Твоя* (Пс. cxviii, 163, 101, 106). Постарайся же всегда быть готовымъ, чтобы когда ни придетъ Тотъ, кто потребуетъ душу твою, всегда нашелъ бы тебя готовымъ въ покаяніи,—и я ручаюсь тебѣ, что тогда Онъ не отлучитъ тебя отъ части спасаемыхъ. Соблюдай всегда заповѣдь Господню: *будьте и молитесь да не внидете въ напасть* (Мѣ. xxvi, 41), и еще: *будьте готовы, яко въ оноеже часъ не мните Сынъ челоуѣческій придетъ* Мѣ. xxiv, 44). Тоже внушаетъ и апостолъ: *непрестанно молитесь* (1 Сол. v, 17). Вдумайтесь, что это значить: *непрестанно*. Это значить: всегда, во всякое время, и днемъ, и ночью, и вечеромъ, и утромъ, и въ полдень, и во всякій часъ, и за работой, и въ пути, и въ полѣ, и за сохой, и ложась спать, и вставая отъ сна. Не откладывай молитву на воскресенье или на праздникъ, не выбирай для нея мѣста. Божество не ограничивается мѣстомъ: *въ рукахъ Его вси концы земли* (Пс. cxiv, 4). Поэтому и пророкъ Давидъ, молясь каждый день и каждую ночь, не разбиралъ ни дня, ни мѣста, но со слезами говорилъ и побуждалъ самъ себя: *на всякомъ мѣстѣ сладчайшаго Благоуспѣха душе моя Господа* (Пс. оп, 22). Такъ и вы, возлюбленные, не ждите извѣстнаго часа или дня, не стѣсняйте мѣстомъ, но, какъ было уже сказано, на всякомъ мѣстѣ—и дома молитесь, и въ церковь придя молитесь, и гдѣ бы ни пришлось молитесь, на всякомъ мѣстѣ владычества Божія. *Внушите вси живущи по вселенной* (Пс. xlviii, 2), *скупъ богатъ и убогъ* (ст. 3), мужчины и женщины, толпы народа, юности и дѣвицы, старые и молодые, цари земные и всѣ судии земли, послушайте написанное: *время прекращено есть, да и живущіи живы, также немущіи будутъ* (1 Кор. vii, 29). Отвергнемся нечестія и мѣр-

скихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждущемъ въ будущемъ блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Тит. II, 12, 13). Поминайте меня всегда, братіе, и держитесь преданій, которыя получили вы отъ блаженныхъ мужей-пророковъ и апостоловъ—и отъ Самого Господа всяческихъ. Примѣромъ злостраданія и великодушія да послужать вамъ пророки, терпѣнія—Іовъ, цѣломудрія—Іосифъ, благоразумія—Даніилъ, любви—самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который Себя за насъ предалъ, покаянію—богоотецъ Давидъ. Вотъ вамъ образецъ покаянія, призывающій и убѣждающій васъ такими словами: *пріидите, чада, послушайте мене* (Пс. XXXIII, 12), и я научу васъ покаянію: вѣдь я самъ нѣкогда поддавался соблазну, но возсталъ посредствомъ покаянія и знаю по опыту человѣколюбіе Владыки, знаю, какъ съ распростертыми объятіями принимаетъ Онъ тѣхъ, кто искренно кается. Невозможно вѣдь, чтобы Господь солгалъ, а я слышалъ, какъ говорилъ Онъ: *исходящихъ отъ устъ Моихъ не отвергнуся* (Пс. LXXXVIII, 85). *Небо и земля мимо идетъ, словеса же Мои не мимо идутъ* (Мф. XXIV, 35). *Единою клянуся о святыхъ Моихъ* (Пс. LXXXVIII, 36). *Живу Азъ, не хочу смерти зрѣлища* (Іезек. XXXIII, 11). Слышали вы, что самимъ Собою поклялся Человѣколюбецъ? Поэтому всѣхъ умоляю: *пріидите, чада, послушайте мене*, и пока есть еще время, поспѣшимъ, прежде, чѣмъ наступитъ день Господень великій: *предваримъ лице Его во исповданіи: пріидите, поклонимся и припадемъ предъ Господомъ, сотворившимъ насъ* (Пс. XCIV, 2, 6). Такъ какъ Онъ сотворилъ насъ, то самъ же, Боже, *ущери ны, и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны* (Пс. LXVI, 2). Онъ есть Богъ кающихся, Онъ принимаетъ насъ кающихся, Онъ и пасетъ насъ. Ему слава и держава и всякое благодареніе, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о циркѣ.

Сегодня у насъ открыты духовное поприще и небесное состязаніе для готовыхъ къ духовному соверпанію, не по мерсто-тлѣнному чело-вѣку отъ земли, но по духовному и небесному, и состязаніе происходитъ на землѣ, а цѣль его на небѣ. Это я долженъ напередъ сказать для обвиненія любителей зрѣлищъ, пренебрегающихъ духовнымъ зрѣлищемъ спасенія и предпочитающихъ тѣлесное и порочное зрѣлище—ковскаго ристалища, а вѣрїе—ристалища сатанинскаго. Смотри же прилежно, возлюбленный, лучше несуетливое состязаніе Церкви, гдѣ под-

визається Павелъ, не по аренѣ кружась, но отъ Іерусалима кругомъ до Иллирика наполняя всѣ страны благовѣстіемъ Христовымъ (Римл. хv 19.); тамъ управляетъ колесницею Ілія, о которомъ сказано: „колесница, колесница, возница Израїля и всадникъ его“ (4 Цар. II, 12), совершая бѣгъ, не отъ начального до конечнаго флага, но отъ земли до неба на огненной колесницѣ; тамъ ликъ небожителей присутствуетъ на зрѣлищѣ, и Судія духовный позсѣдаетъ, и Царь смотритъ, и побѣдный даръ небесный предлагается, и бичи страшнаго суда предъ глазами. Богъ хочетъ, чтобы ты боролся самъ съ собою, поэтому и далъ тебѣ колесницу, запряженную четырьмя евангельскими животными, въ которой бѣлыя кони — по пророчеству Захарїя (Зах. iv): коренные—свѣтъ и безсмертіе, а пристяжные—правда и истина. Съ ними соперничаетъ въ бѣгѣ колесница идущаго на землю сѣвернаго вѣтра, о которомъ сказано Премудростію: *сѣверъ жестоко стѣснѣ* (Притч. ххvii, 16). Этогъ—жестокій и злой вѣтеръ—дїаволъ. Въ колесницѣ его черныя кони—въ корнѣ адъ и смерть, а на пристяжѣхъ—мракъ и гибель,—и направляется она на переکورъ колесницѣ Христовой, о которой сказано: *колесница Божїя тмами темъ, тысяща побѣдоущихъ* (Пс. lxxvii, 18). Богъ кони, которыми ты долженъ управлять въ тревоженіяхъ жизни, какъ въ морѣ. Навелъ Господь на море коней Своихъ, смущающихъ воды многія (Авв. ш, 15) и низлагающихъ колесницы мысленнаго фараона и силу его въ Красномъ морѣ. Есть у него и ангелъ—погонщикъ, преслѣдующій и уничтожающій коней врага твоего. *Да будетъ, говорить псалмопѣвецъ, путь изъ тма и ползокъ, и ангелъ Господень погоняя изъ* (Пс. xxxiv, 6). Твоими противниками въ этомъ бѣгѣ являются хананен, фарисен, саддукеи, возвѣщающіе дары дїавола, а на своей сторонѣ ты имѣешь Моисея, Самуила и Давида, которые уже ранѣе возвѣстили о пришествїи Праведнаго. Тотъ имѣетъ у себя подручными демоновъ—Вїла, Дагона, Ваала и Хамоса, которые служили къ соблазну Израїльтянъ и погубили ихъ въ пустынѣ, а тебѣ—отворяютъ двери и помогаютъ Павелъ, Силуанъ и Тимофей, которые о себѣ говорили, что *дверь отверзѣся имъ велика и постыжна и сопротивленіи мнози* (1 Кор. хvi, 9), которые просили, чтобы дано было слово во отверженіи: *устъ ихъ* (Ефес. vi, 19). У него Филиппъ, Іуда, Димасъ, Гермогенъ, Именей и Александръ ковачъ, полные лицемѣрія, а твою сторону среди зрителей держатъ—чины ангеловъ и лики праведныхъ, принимающихъ съ неба посмотри́тъ, какъ *вси убо текутъ, единъ же приѣмлетъ почеть* (1 Кор. ix, 24). Одинъ—это поистинѣ народъ Христовъ, одинъ—крещенный во Христа и облечшійся во Христа; здѣсь нѣтъ ни іудея, ни эллина, ни мужского пола, ни женскаго, ни раба, ни свободнаго, ни скіеа, ни Арія, ни Евномія, ни Марасонца, но одинъ народъ во Христа. Подвизайся и проводи жизнь, достойную Бога, народъ Божій, въ созерцаціи Святого Духа! Пусть не улаживаютъ тебя конскія состязанія, чтобы не подвергнуться тебѣ опасно-

стѣмъ прежде суда. Если хочешь участвовать въ состязаніи, лучше дѣлай это на попрѣищѣ духовнаго созерцанія. Противъ похотливыхъ коней діавола впряги свои благочестивыя размышленія, противъ сильныхъ долготерпѣніе,—вѣдь ты знаешь, что *лучше мужъ долготерпѣливъ чѣмъ крѣпко* (Притч. xvi, 32),—противъ іудейства хрстіанство, противъ язычества богопочтеніе, противъ блуда цѣломудріе, противъ жадности милостыню, противъ лжи правду, противъ гнѣва кротость и мягкость. Съ быстрыми конями діавола состязайся точно также на противоположныхъ имъ, т. е. противъ гнѣва и печали поставь кротость (*кроткій мужъ*, сказано, *сердцу врачъ*—Прит. xiv, 30); итакъ, противопоставь быстрымъ—кротость, враждѣ—дружбу, ненависти—любовь, притѣсненію—благодарность, превозношенію—смиреномудріе, злобѣ—благодарушіе; однимъ словомъ противопоставь всякому злѣму дѣлу правую и спасительную вѣру. Но само собою разумѣется, что ведя состязаніе на такихъ коняхъ, ты и самъ долженъ отличаться воздержаніемъ духовнымъ, чтобы тебѣ не остаться безпризорнымъ, подвергнувшись морской болѣзни. *Всякъ бо подвизавшійся*, говоритъ апостолъ, *отъ вѣсты воздержится: и они убо да истлѣныи отъ нецыи примуть, мы же неистлѣныи* 570 (1 Кор. ix, 25). Возьми и шлемъ спасенія, и бичъ въ руку твою, подобный тому, какой сдѣлалъ изъ веревокъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, чтобы изгнать изъ храма торговцевъ діавола. Держись ближе къ сосуду избранія; взойди, о, Филиппъ, на колесницу евнуха, освобожденнаго отъ всякой нечистоты, взойди на эту колесницу и все свое вниманіе направь на махальщика, приставленнаго къ чтенію евангелія. Никто пусть не думаетъ, что я говорю смѣшное: вѣдь какъ на ристалищѣ глаза всѣхъ устремляются на махальщика, когда онъ выходитъ съ сигнальнымъ флагомъ, и всѣ ожидаютъ открытія бѣга по его знаку, такъ тоже самое происходитъ и въ церковномъ собраніи, когда діаконъ долженъ открыть четвероевангеліе: всѣ мы устремляемъ взоры на него, наблюдая тишину и какъ только онъ готовъ начать чтеніе, всѣ мы тотчасъ возбуждаемся, воспѣвая: слава Тебѣ, Господи. Взойди на эту колесницу состязанія, бѣги, побѣждай, опрокидывай соперника, обгони и порази его; провозгласи устами твоими прекрасное исповѣданіе и устремись на противника: *уже ходитъ просто, ходитъ надъяся* (Притч. x, 9). Порази его какъ Давидъ Голиафа, прогони его какъ Елисей Гіезія, постигни какъ Ілія Ахава въ виноградникѣ Навуея, низвергни его во тьму кромѣшную, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ (Мѣ. viii, 12); будь только внимателенъ къ самому себѣ. *Внемлите же себѣ*, говоритъ Господь въ Евангеліи, *да не когда отъмчатъ сердца ваша обьяденіемъ и плѣнствомъ* (Лук. xxi, 34). Все переноси: *другъ друга тѣлоти носите* (Гал. vi, 2). Идя по трудной дорогѣ, будь остороженъ, *да не когда преткнешь о камень ногу твою* (Пс. xc, 12); не оборачивайся назадъ, помня участь жены Лотовой. Идя по пути правды, не уклоняйся ни

направо, ни налѣво. Внутрь стремись изъ рая, стремись внутрь. *Отъ сердца бо исходящъ помыслии злая, убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, тѣлѣбы, лжесвидѣтельства, клеветы, хулы* (Мѣ. хѵ, 19), вообще все оскверняющее челоѵка. Не давай ему снисхожденія, какъ и Богъ Израилю, потому что онъ жестоковѣнъ; не дѣлай ему уступки; онъ влечетъ тебя во грѣху. Но ты будь. впереди врага твоего и скажи ему: *иди за мною, сатано, яко не мыслиши, яже суть Божія, но яже челоѵческа* (Мр. ѵш, 33). Удаляйся отъ него, какъ Илія убѣгалъ отъ Іезавели: спѣши къ почести вышняго эванія. Не допускай его догнати тебя, какъ слуги Авессалома не могли догнати Іонаана и Ахимааса, священниковъ Господа, бѣжавшихъ (къ Давиду). не допускай схватити тебя, какъ слуги царя іерихонскаго не могли схватити соглядатаевъ, но если возможно, обмани его какъ Раавъ блудница обманула сыщиковъ. Пусть не удастся ему подчинить тебя себѣ, какъ фараонъ не могъ подчинить себѣ Моисея и Аарона, но ты перехитри его, какъ волхвы—Ирода. Не ослабѣвай въ борьбѣ съ нимъ: вѣдь ты имѣешь распорядителемъ Бога, а врачомъ Христа. Не бойся: имѣешь вѣдь умягчителемъ Духа Святого, помазавшаго тебя мвромъ изъ таинственнаго рога Самуилова. Не бойся жажды: у тебя есть при себѣ въ тыквѣ вода упокоенія—крещенія, чтобы, подвигаясь впередъ, т. е. проповѣдью Іониною, ты могъ возстановити свои силы. Опрокинь его тиранническую колесницу. Брось его въ яму, которую онъ самъ вырылъ; брось его туда на самое дно. Воскликни словами псалма: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи, Господи, услыши гласъ мой* (Пс. сѣхѣх, 1)! Сбрось его въ глубину, уцѣлѣвъ самъ отъ его пагубы. Воздѣнь въ высоту преподобныя твои руки къ Царю, прими отъ Него пальмовый вѣнокъ, какъ нѣкогда отроки, и потрясши имъ, поклонись Ему, потому что палъ Вилъ, сокрушился Дагонъ (Ис. хлѵі, 1). *Богъ же благодареніе дающему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (1 Кор. хѵ, 57). Такою вотъ побѣдою ты могъ бы открытъ себѣ доступъ въ рай, какъ во всенародную купальню, гдѣ четыре источника съ обильною точно въ купальнѣ водою, и почить въ мѣстѣ злачиѣ, гдѣ такъ встать были бы слова: *на мѣстѣ злачиѣ тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя* (Пс. ххп, 2). И похваляясь всѣмъ этимъ, ты могъ бы сказать: *подвизомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, тру соблюдахъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вънеи правды, во Христѣ Іисусѣ* Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

НА СЛОВА:

внемлите милостыни вашае не творити предъ челоуѣки
(Мѣ. iv, 1).

1. Разумные и опытные земледѣльцы, окружая свои насаждения самымъ заботливымъ уходомъ, прежде всего самыя растенія выгоняють въ ростъ, а затѣмъ искусно удаляютъ отъ нихъ всѣ заглушающіи ихъ поросли. Также точно поступилъ и законодатель Моисей: сначала онъ насадилъ въ сердцахъ людей единобожіе, а потомъ стремился искоренить въ людяхъ наклонность къ многобожію. Какъ же насадилъ онъ единобожіе? Послушай, что говоритъ онъ: *Господу Богу твоему поклоннися и тому единому послужими* (Второзак. vi, 18; x, 20), и еще: *слыши, Израиль: Господь Богъ твой Господь единъ есть* (Второз. vi 4). А вотъ какъ посѣвъ онъ сорныя травы многобожія: *богоу сліяныхъ не сотворите себѣ* и богамъ чуждымъ не кланяйтесь: *Азъ Господь Богъ вашъ* (Лев. xix, 4; Исх. xxxiv, 17). Подобное этому самъ Богъ и Спаситель нащѣ дѣлаетъ сегодня. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ недавно насадилъ Онъ въ душахъ нашихъ добрую маслину милосердія и увѣнчалъ плодъ ея, то есть милосердныхъ, и ублажилъ ихъ, говоря: *блаженъ милостивіи, яко тѣмъ помиловани будутъ* (Мѣ. v, 7), сегодня, какъ и подобало, Онъ посѣваетъ и истребляетъ въ насъ все суетное, что могло бы вредить милосердію. Вчера, всѣхъ одинаково возбуждая къ милосердію, Онъ и бѣдныхъ научилъ — на примѣрѣ бѣдной вдовы изъ Саренты Сидонской, — чтобы у нихъ бѣдность не служила предлогомъ къ безчелоуѣчности, а съ другой стороны ихъ же — примѣромъ бѣдной вдовы евангельской, положившей въ церковную сокровищницу двѣ лепты, — возбуждалъ, чтобы они съ усердіемъ собирали богатство милостыни; и тѣхъ, чье богатство совпадаетъ на волнахъ морскихъ, Онъ обуздывалъ, внушая имъ, чтобы они отдавали лучше бѣднымъ, чѣмъ морю, а тѣмъ, кто на сушѣ трудится для своего благосостоянія, Онъ показывалъ, какъ нужно предупреждать нужду доброй волей и какъ прежде пужды лучше воздавать почтеніе Богу, чѣмъ разбойнику. Такимъ образомъ всѣхъ одинаково побудивъ къ милостынѣ и зная, что каждый склоненъ принимать похвалы, какъ цвѣтущее дерево, наклоненное къ милосердію: *азъ же яко маслина плодотива въ дому Божіи* (Пс. lı, 10), Господь сразу же подавляетъ и сопутствующее милостынѣ тщеславіе. Какъ именно? *Внемлите милостыни вашае не творити предъ челоуѣки, да видими будете и ми* (Мѣ. vi, 1). Оговариваюсь, что я не выбираю этого чтенія нарочно: оно именно и слѣдуетъ далѣе по установившемуся по-

рядку чтеній. *Всѣмлите милостыни вашия не творите предъ челоѣтки, да видими будете ими*; въ противномъ случаѣ вы не получите награды. Подаяніе милостыни на показъ уничтожаетъ награду, и тотъ, кто поступаетъ такъ, лишаетъ себя будущей благостыни. Никакая другая страсть не вредна такъ душѣ, какъ страсть тщеславія. Вѣдь этимъ недугомъ челоѣкъ заражается именно тогда, когда онъ сдѣлалъ уже большіе успѣхи въ исполненіи заповѣдей. Вотъ почему Спаситель и спѣшитъ съ корнемъ посѣчь въ насъ эту страсть, научая насъ творить милостыню тайно. Конечно, ты скажешь: что же? Въ такомъ случаѣ совсѣмъ нельзя давать милостыни? Невозможно же, подавая бѣднымъ, или принося священникамъ, или опуская въ церковную кружку, остаться незамѣченнымъ? Вѣдь такимъ образомъ можно совсѣмъ поколебать въ челоѣкѣ расположеніе вообще подавать милостыню? Но вотъ я желаю принести пользу душамъ моихъ друзей и братьевъ, избавить ихъ отъ всякаго

572 недуга по милости Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и привести къ исправленію обычнаго способа совершенія этого дѣла. Конечно, тутъ рѣчь прежде всего о расположеніи души творящихъ милостыню, какъ это и видно въ особенности изъ прибавленныхъ имъ словъ: *егда убо творилимъ милостыню, не востѣуби предъ собою, якоже млицетри* (ст. 2); это не означаетъ, что они имѣли трубы, а что у нихъ была только личина милостыни, душа же ополчалась на людей и выступала на показъ предъ ними. Не ради Бога творили они милостыню, надѣясь на помилованіе отъ него и полученіе обѣщанной награды сторицею, но подавали, чтобы насладиться временною славой предъ людьми. Они нисколько не лучше тѣхъ, которые соперничаютъ на зрѣлищахъ и изъ-за пустой славы растрачиваютъ свое имущество, не ради полезнаго плода души, но ради пустой челоѣческой похвалы. И какъ часто эта похвала обращается въ обиду и много истратившіе много и унижаются! Посмотри, сколько тратятъ денегъ на конскихъ скачкахъ, и когда много истратятъ, тогда въ особенности утѣшаются худыми и потерянными людьми. Вѣдь слабость коней тамъ тотчасъ переносится и на людей: конь собьется, а безчестіе терпитъ честолюбецъ; выходитъ, что безсловесный конь палъ, и выстѣ съ нимъ ниспалъ и разумный челоѣкъ. Нерѣдко эти люди со слезами говорятъ: зачѣмъ напрасно погубилъ я свое состояніе? Столько труда перенесъ и столько наказаній, а въ результатъ лишился имущества, чтобы терпѣть униженіе отъ всякаго сброда. О, сколькихъ бѣдныхъ могли бы обогатить эти деньги, брошенныя на вѣтеръ! Сколькимъ надшимъ помогли бы онѣ подняться на ноги! Но нѣтъ: какъ потокъ неудержима эта суетная щедрость изъ тщеславія, а поношенія неразумныхъ людей въ свою очередь разрастаются въ цѣлую рѣку. Одни презираютъ и губятъ собственныя души, другіе изъ-за лошадей раззоряютъ свои дома.

2. Но пусть они изъ пустого тщеславія и соревнованія тратятся и терпятъ поношенія. А намъ должно научиться тому, какъ устроить нашу жизнь сообразно съ благочестіемъ, какъ тратить имущество, чтобы угодить Богу, и какъ посредствомъ этихъ земныхъ благъ снискать себѣ блага небесныя. Конечно, Христосъ не запрещаетъ тебѣ подавать милостыню, но научаетъ, какъ должно ее дѣлать: *да не унысть шуйца твоя, что творить десница твоя* (Мѡ. vi, 3). Здѣсь, конечно, не руки Онъ имѣлъ въ виду, но образно выразилъ то, что твой дурной разсудокъ не долженъ знать, что дѣлаетъ твои добрая воля, чтобы онъ не могъ бы отвратить тебя отъ добра. Помышленія человѣческія, по божественному свидѣтельству, направлены къ злу. Поэтому Спаситель и говоритъ: пусть это желаніе будетъ у тебя настолько сильнымъ, чтобы и самъ ты не зналъ. Для чего? Чтобы Отецъ твой, выдающій въ тайнѣ твою добрую, усердную готовность подавать бѣднымъ, возлюбилъ тебя и воздалъ тебѣ явно. Для тѣхъ, которые дѣлаютъ милостыню, Онъ учредилъ великое и блистательное зрѣлище, и чего могутъ желать милостивые, это имъ даровано въ наивысшей степени. Пусть хоть тысячи людей видятъ васъ подающими милостыню, только сами вы не обращайтесь вниманія на нихъ и не желайте отъ нихъ временной славы; а если хотите, говорить, имѣть зрителей того, что вы дѣлаете, на то есть ангелы и архангелы, и самъ Создатель и Владыка вселенскихъ. Если хотите людей имѣть свидѣтелями вашихъ поступковъ и на показъ предъ ними творить милостыню, тогда вы будете имѣть сто или тысячу зрителей, одобряющихъ васъ. Если же будете стараться дѣлать ее тайно отъ тѣхъ, которые хвалятъ въ настоящей жизни, и притомъ такъ тайно, что хотя бы нѣкоторые и прославляли васъ, не принимать этихъ похвалъ съ удовольствіемъ и не возноситься ими, по устраняться отъ нихъ и отклонять ихъ, тогда въ тотъ страшный день предъ лицемъ всей вселенной вы примете вѣнцы славы. Если ты творишь милостыню для Бога и ради того богатства, которое тамъ у Него собирается для тебя, а не ради временной славы, тогда Богъ, принимая какъ бы въ собственныя нѣдра ваши подвиги милосердія, въ присутствіи всѣхъ людей, отъ Адама до конца вѣка, въ присутствіи всѣхъ ангеловъ (такъ какъ тогда будутъ предстоять тысячи и міриады ангеловъ), своими пречистыми руками призоветъ васъ со словами: *приидите благословенніи Отца Моего, насладитесь уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѡ. xxv, 34). Придите сюда, Я принялъ ваши труды, Я былъ на вашемъ изживеніи. Когда ты простиралъ руки къ бѣдному, Я открылъ Мои нѣдра; когда ты давалъ хлѣбъ твой бѣднику, Я чрезъ его чрево насыщался. *Взлѣкаемъ бо, и дасте Ми ясти, возжидаемъ, и напоите Мя* (ст. 35). За это вотъ какой радости будете удостоены вы, милостивые! Если же на показъ предъ людьми подавали вы милостыню, тогда отъ нихъ получите и награду. Вѣдь, кажется, это такъ

578

повнятно: если именно на показъ хочешь ты дѣлать, такъ старайся дѣлать на показъ предъ Богомъ: Онъ и увѣнчать имѣетъ больше власти, и на зрѣлище привести ангеловъ. А кто же настолько несчастенъ, чтобы зная, что царь хочетъ прійти посмотрѣть его подвиги, вмѣсто того предпочтетъ раскинуть свое зрѣлище предъ толпою оборванцевъ. и отъ нихъ ожидать себѣ награды? Среди христіанъ такихъ не найдется: да не будетъ! Все, что мы, христіане, дѣлаемъ, все мы дѣлаемъ, имѣя предъ глазами Христа и призывая Его имя. Вѣдь Онъ въ Своемъ евангеліи указалъ намъ путь спасенія, чтобы мы, совершая всякую милостыню и упражняясь во всякой добродѣтели, все это дѣлали во имя Его и при Его помощи. Такъ, если мученики предали свои тѣла незаконнымъ, они предали ихъ собственно Тому, Кто сказалъ: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить: убойтесь же паче могущаго и душу и тѣло погубить въ гееннѣ* (Мѣ х, 28). Затѣмъ, храмы ли или гостиницы устроили нѣкоторые для всей вселенной, они сдѣлали это ради Того, Кто сказалъ: *страненъ бѣхъ и гонимъ Мене* (Мѣ. ххv, 35). Въ смиреніи ли мы упражняемся, ради Него же дѣлаемъ это, такъ какъ Онъ сказалъ: *блаженъ нищій духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѣ. v, 3). Или подаемъ хлѣбъ бѣднымъ, опять подаемъ ради Него, памятуя Его слова: *иже аще напоитъ одного отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо во имя ученика, не погубитъ мзды своея* (Мѣ. х, 42). Посѣщаемъ ли мы темницы, посѣщаемъ ради Него же: *въ темницѣхъ бѣхъ и приидосте ко Мнѣ* (Мѣ. ххv, 36); одѣваемъ ли вдовъ и сиротъ, одѣваемъ Его же—Того, Кто сказалъ: *назъ бѣхъ и одѣясте Мнѣ* (ст. 36). Вообще раздаемъ ли что-либо нищимъ. все это принимаетъ Онъ: *понеже сотвористе единому снхъ братій Моихъ менихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѣ. ххv, 40); переносимъ ли укоризны и насмѣшки язычниковъ по поводу того, что поклоняемся Распятому іудеями и оживотворившему вселенную, и это мы дѣлаемъ ради Него же: *блаженъ есте, егда поносятъ и издегуютъ и рекуть всякъ зломъ глаголю на вы лжущіе Мене ради: радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ* (Мѣ. v, 11, 12). Итакъ, пусть никто не думаетъ, что христіанинъ творить милостыню на показъ предъ людьми, чтобы отъ нихъ получить награду: да не будетъ! Получивъ наставленіе въ евангельскихъ сокровищахъ и утвердившись въ нихъ, мы увѣровали и, увѣровавъ, получили спасеніе. Поэтому и проповѣдь наша занята не изъ евангельскихъ чтеній. А когда читаются святыя евангелія, мы слушаемъ ихъ не между прочимъ и съ разсѣянностью, но внимательно, бодро и со страхомъ воспринимая возвѣщаемое, не смущаясь помыслами, не сидя тѣломъ, не развлекаясь разговорами съ сосѣдами, ничего подобнаго не дерзая позволять себѣ: ни богатый, ни бѣдный, ни рабъ, ни свободный, ни мужчины, ни женщины, ни начальники, ни подчиненные. Даже самъ царственный вѣнценосецъ тотчасъ, какъ только начинается

чтеніе евангелія, стоить со всякимъ страхомъ и съ полнымъ вниманіемъ и головы своей не рѣшается покрывать вѣнцомъ, но поникаетъ ею предъ Богомъ, бесѣдующимъ чрезъ святое евангеліе. Съ какими именно мыслями? Я знаю достоинство Того, Кто даровалъ мнѣ мое достоинство, преклоняюсь предъ Царемъ, давшимъ мнѣ мое царство, и стою со страхомъ, когда читаются Его святые слова, именно такъ, какъ подчиненное мнѣ по Его волѣ начальство стоить при чтеніи царскаго манифеста. И чтобы не посмѣялся еретикъ, говоря, что только на нѣкоторое время цари притворно воздають честь Христу, послушай, что говоритъ пророкъ (за много поколѣній изображая настоящее): *царіе узрятъ Его, и возстанутъ князи и станутъ и поклонятся Ему* всѣ цари земные (Ис. xlix, 7). Итакъ, узнай и убѣдись, еретикъ, что въ безконечные вѣки пребываетъ царство Христа Бога нашего и благодать Его, вѣнчающая всѣхъ христіанъ и руководящая ихъ въ царство небесное. Такъ и всѣ христіане во всѣхъ своихъ поступкахъ взирають на Него, и мы руководствуемся Его словами: *такъ да просѣтитсѣя сѣтъ нашъ предъ челоуки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего иже на небесахъ* (Мѣ. v, 16). Ему слава и держава и власть и поклоненіе съ единороднымъ Его Сыномъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ и всеильнымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На начало новаго года и о мученикахъ, а также о кровоточивой женѣ.

1. Непрерывное и постоянное чудо—этотъ обильный потокъ благъ, 575 изливаемый на насъ отъ Христа Владыки это богатое наслѣдіе, преемственно передаваемое отъ одного къ другому. Вотъ и сегодня насъ угощаютъ добропобѣдные мученики, предлагая свои собственные подвиги для общаго радостнаго пиршества. Нужно было, въ самомъ дѣлѣ, нужно было, чтобы всегда живущіе благодатью мученики и при началѣ года явились для вѣрныхъ источникомъ угощенія; нужно было, чтобы новый годъ начинался торжествамъ; нужно было, чтобы въ предверіи новаго круговорота временъ мы слышали столько благословеній; нужно было, чтобы мы столь торжественно справляли сегодняшній день, при участіи ликовъ святыхъ; нужно было, чтобы годичный кругъ украшался вѣнцомъ мучениковъ; нужно было, чтобы при наступленіи года у насъ было столько веселья и именно въ честь мучениковъ! Они—эти мужественные воины Христовы—виновники всей этой нашей радости. Они и послѣ смерти своей проповѣдуютъ объ Его могуществѣ, они попрали обольстителя змія ногами добродѣтели, заду-

шили руками боголюбія насильника льва и доставили побѣду истинѣ; они возненавидѣли настоящую жизнь, какъ суетную, и возлюбили парство небесное, какъ дѣти—мать; смертию своею отверали они врата безсмертія и виновника смерти умертвили собственною смертию; будучи облечены тѣломъ, они побѣдили безтѣлесныхъ демоновъ, не силою тѣла, но вѣрою души. Все въ мірѣ препобѣдили они вѣрою, дороже которой для христіанина нѣтъ ничего. При содѣйствіи вѣры запечатаѣли они свои слова дѣломъ. Велики поистинѣ ихъ подвиги ради правды; блестяща ихъ добродѣтели цѣломудрія; многоцѣнно ихъ нищелюбіе; прекрасенъ и подвигъ воздержанія; но болѣе всего своею побѣдою они обязаны своей великой вѣрѣ. Нѣкогда вѣра Авраама совершенно безплодной утробѣ Сарриной возвратила плодородіе. Вѣрою Моисей волнуемое море сдѣлалъ пѣшеходнымъ. Ілія повелѣлъ небу и по вѣрѣ своей былъ услышанъ. Тысячи болѣзней изгоняла вѣра во времена Спасителя: прокаженный вѣрой избавился отъ своего страшнаго недуга; слѣпой ею же получилъ себѣ зрѣніе, котораго лишенъ былъ природою; при ея содѣйствіи хананеянка своею настойчивостію исторгла свою дочь изъ-подъ власти демона. Даже и оставаясь тайной, вѣра иссушила потокъ кровей, и тогда какъ въ другихъ случаяхъ дарованію предшествуетъ просьба, здѣсь все произошло при обоюдномъ молчаніи, какъ будто даръ былъ похищенъ. О, несчастная и вѣстѣ блаженная женщина! Несчастная по своему прежнему состоянію, блаженная—по послѣдующему. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ евангеліе: *жена сущи отъ точеніи крове отъ двюнадесяте лѣту* (Лук. viii, 43). Если бы дней столько, сколько лѣтъ продолжался ея недугъ, и тогда онъ могъ совсѣмъ истощить ее; а здѣсь цѣлыхъ 12 лѣтъ! Я думаю, болѣзнь коренилась въ ея природѣ. Она же, потративши все свое имѣніе на врачей, къ тѣлесной немоци присоковопила и оскудѣніе имущественное; но ничто не помогло ей. Еще бы помогло! Вѣдь противникъ ея былъ неумолимъ: чрево женщины было источникомъ, изъ нея какъ бы былъ какой неизсякаемый ключъ крови. И не въ столь продолжительный періодъ времени одно зловоніе могло бы извести человѣка. Ея сердце терзали скорби и забота, какъ расторгнуть узы тяжкаго недуга, какъ избыть двѣнадцатилѣтнюю болѣзнь, какъ утишить несносныя боли, какъ удержать неупержимые потоки, какъ прекратить расстройство организма. У какихъ только врачей не перебивала она, по ночамъ обивая у нихъ пороги! Дневного свѣта она избѣгала, чтобы неупержимо стремящіеся потоки кровей не обнаружили предъ всѣми ея позора, отъ всѣхъ скрываемаго.

576 На уплату тѣмъ, кто брался за ея лѣченіе, она истратила все свое имѣніе, все что у ней было. Она вынуждена была давать и давать, а желаніе быть здоровой, конечно, заставляло ее не щадить денегъ. Но всѣ врачи въ борьбѣ съ ея недугомъ оказались безсильными; самыя разнообразныя пріемы лѣкарствъ не могли укротить ея злого недуга.

Точно какой глухой звѣрь онъ остался безчувственнымъ къ искусству тѣхъ, которые пытались укротить его, какъ бы такъ возражая на ихъ бесполезныя усилія: что вы боретесь противъ сильнѣйшаго звѣря? Я вовсе не расположенъ уступить вамъ эту свою добычу, въ тѣлѣ которой я такъ давно и такъ прочно угнѣздился. Деньгами никто не купить силы; никто изъ живущихъ на землѣ не посѣчетъ моихъ корней. Одинъ только врачъ, рожденный отъ Дѣвы, изгнать меня; и я сохраняюсь для Его славы; вмѣстѣ съ другими и я явлюсь свидѣтелемъ Его славы. Итакъ, что истощаетесь въ напрасныхъ трудахъ—вы, рабы, усиливающіеся предвосхитить побѣду Владыки? Я не пощажу созdanія, пока не увижу Создателя. О, все противъ несчастной женщины: продолжительность времени, неисцѣльность недуга, бесполезныя траты, скорби угнетаемаго тѣла, разсудокъ, помутившійся отъ обманутыхъ надеждъ. Но и такое множество враговъ не похитило оружія подвергавшейся опасности вѣры. И такія волны бѣдствій не причинили женнинѣ кораблекрушенія. И такія нападки искушеній не низложили подвергавшуюся имъ женщину. Увидѣла она, говорить евангеліе. Иисуса. Увидѣла избавляемая Избавителя, связанная Освободителя, увидѣла обуреваемая якорь вселенной, увидѣла грядущаго Царя страстей, увидѣла надежду неизяснимой радости, увидѣла носителя неистощимой силы врачеваній, увидѣла источникъ исцѣленій, безмездно испускающій волны, увидѣла жизнь, посѣтившую мертвыхъ, увидѣла—и такая мысль осѣнила ее: нашла я теперь Исцѣлителя, какой мнѣ и былъ нуженъ; этотъ Врачъ не потребуетъ за труды золота; одного, я думаю, потребуетъ Опъ—искренняго сердца; одной дани потребуетъ отъ меня—вѣры. Но ее я имѣю: одной ее не лишила меня болѣзнь. Вотъ только путаются у меня мысли. Что мнѣ предпринять? Подбѣжать и ухватиться за Него? Подвергнусь опасности отъ толпы. Звать Его къ себѣ? Будутъ преслѣдовать какъ нечистую. Скрыть несчастіе? Но я не въ силахъ больше переносить болѣзнь. Подойти къ Нему, какъ врачу природы? Но боюсь Его, какъ Царя. Онъ приметъ меня какъ просительницу? Но боюсь, что удалится какъ отъ оскверненной. Будетъ милостивъ къ страданію? Но не осудилъ бы за приближеніе къ Нему.

2. Итакъ, что же дѣлать? На чемъ остановиться? Вооружиться смѣлостью? Боюсь, какъ бы опять не остаться безъ исцѣленія. Не утѣшусь толпы, пренебрегу страхомъ, сдѣлаюсь предметомъ зрѣлища, подвергнусь насмѣшкамъ снаружи, зато исцѣлюсь отъ внутренняго недуга. Законъ ненавидитъ меня какъ оскверненную, законодатель жалѣетъ какъ больную. Усердіе и нерѣзультатность женщины боролись въ ее душѣ, но она нашла себѣ помощницу въ вѣрѣ. *И приступши, рассказываетъ въ евангеліи, создади Иисуса, коснуся края ризъ Его* (Лук. viii, 44). *Глаголаше бо въ себѣ: аще токмо прикоснуся ризъ Его, спасена буду* (Мѣ. ix, 21). О, воровство, имѣвшее матерью вѣру! О, воровство, которое похвалилъ

самъ наказующій воровство! О, воровство, пріятное для обокраденнаго! О, хищеніе, увѣнчиваемое Судією! И вотъ что удивительно: ея воровство побуждаетъ насъ удивляться ей не менѣе, чѣмъ мы удивляемся щедрости. *Глаголаше бо себѣ*. Богъ, говоритъ она, есть Владыка, отъ Котораго ничто не утается. Онъ не нуждается въ тѣлесныхъ очахъ, Онъ—врачъ, исцѣляющій души; Онъ—око, проникающее мысли; Онъ видитъ меня, хотя я и скрывалась, слышитъ меня и безъ словъ, касается меня и издали; Онъ знаетъ, что конечно я, какъ недостойная, не перенесла бы

577 Его взора. Итакъ, что же? Подойду незамѣтно, и въ одно и тоже время—почитая мыслью, но не оскорбляя своимъ видомъ, коснусь свади Его одежды. Для моего исцѣленія достаточно будетъ и одного прикосновенія къ Его одеждѣ, если только удастся коснуться ея, потому что, конечно, и она исполнена Его силы: не можетъ вѣдь одежда, облекающая жизнь, не испускать сама лучей спасительныхъ! Великъ былъ между пророками Моисей, исправитель безпокойнаго народа, но все-таки человѣкъ. А этотъ—Владыка того и притомъ человѣколюбецъ. Итакъ, если жезлъ раба разсѣкъ Красное море, воздвигши стѣны изъ воды, неужели край Владычней одежды не окаменитъ тока кровей? Ревностный Ілія, горячій слуга Божій, подобострастный намъ былъ человѣкъ, но его милоть была орудіемъ чудесъ. Точно также и Елисей, въ презбытѣхъ унаслѣдовавшій благодать своего наставника, милотью обуздаль волны Іордана. Итакъ, если столько благодати было у пророковъ, каково должно быть могущество Того, Кто былъ ими предсказанъ? Отчего не сказать короче? Тѣнь Петра исцѣляетъ, а одежда Христа не исцѣлитъ? Я уже чувствую, насколько во мнѣ и простая рѣшимость обуздала болѣзнь. О, вѣра, побѣждающая приступы болѣзни! Повѣрила она только—и злой недугъ бѣжалъ, повѣрила—и любопрительный звѣрь ничего не могъ возразить, повѣрила—и престалъ непрерывный потокъ кровей, какъ бы изсушенный какимъ-нибудь невидимымъ пламенемъ. Она прикоснулась къ Его одеждѣ и приблизилась къ Нему совѣтъ, а Онъ проникъ и внутреннія ея мысли. Она незамѣтно получила тѣлесное исцѣленіе, а Спаситель—предъ всѣми раскрылъ ея душевную красоту. Онъ не допустилъ, чтобы такая красота благочестія осталась неуувѣчанной, не позволялъ, чтобы искра правды потухла во мракѣ забвенія. Евангельскій рассказъ возвѣстилъ всему міру о вѣрѣ женщины, прекрасно совершившей доброе хищеніе у Бога непреклоннымъ разумомъ. Кто та, которая за воровство почитается какъ бы за вѣру? Предупредила разбойника вѣра жены; прежде его устъ восхваляется ея рука; прежде чѣмъ онъ своимъ возгласомъ восхитилъ рай, она своимъ молчаніемъ ограбила главу царства. И разумъ, сказано, *Иисусъ въ Себѣ силу исшедшую отъ Него* (Мрк. v, 30), и вопросы учениковъ: *кто есть коснувшийся Мня* (Лук. viii, 45)? Какъ вы не замѣтили воровства? Какъ не усмотрѣли грабежа? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Кто въ болѣзни изъ моей сокро-

578

вишницы обогатился здоровьем? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Что говоришь ты, Владыка? Ты далъ, и принявшей не знаешь? Увидѣлъ вѣру, а увѣровавшую не замѣтилъ? Оцѣнилъ тайное настроеніе души, а явной видимости не различилъ? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Кто къ Тебѣ прикоснулся? Кому лѣкарствомъ Ты даровалъ силу? Кому послалъ Владыка исцѣленіе? Ты прогналъ болѣзнь, и не знаешь исцѣленной? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Кто осязалъ Меня мыслью прежде, чѣмъ рукою? Кто постигъ Мое божество? Кто этотъ праведный грабитель Моей силы? Кто зажегъ отъ Моей лампы потухшій свѣтильникъ своего спасенія? Кто прикоснулся ко Мнѣ? Я хочу не столько узнать отъ васъ, сколько научить васъ. Здѣсь мнѣ хотѣлось бы заключить свое слово, да и пора уже. А на то, чтобы въ этого чуда извлечь надлежащее назиданіе, мы посвятимъ другой день. Вѣдь если эта женщина въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, одоливаемая своимъ недугомъ, не поколебалась въ своемъ терпѣніи, то неужели мы не захотимъ уступить столь продолжительнымъ подвигамъ ея еще одинъ день? Ея вѣрѣ поревновалъ ликъ мучениковъ, уже не касаясь края одежды Господней, но овладѣвая самымъ тѣломъ Христовымъ. И мы, конечно, возлюбленные, возбудимъ наши мысли къ соревнованію съ такой вѣрою, чтобы не оказаться намъ хуже одной женщины, если намъ и дѣлъ вѣры дано болѣе, чѣмъ ей. Ей только однажды удалось прикоснуться къ одеждѣ Христовой, а мы каждый день, какъ вамъ извѣстно, обнимаемъ тѣло Спасителя—и питаемся членами Владыки, какъ только приступаемъ къ Евхаристіи. Ему подобающа слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Огласительное слово на слова Евангелія: Подобно есть царствіе небесное челоуѣку домовиту, иже изыде купно утро натыи дѣлатели въ виноградъ свой, и далъ. (Мѡ. хх, 1—16).

1. Вижу я среди моей вѣрной паствы необычныхъ овецъ, къ челу 577
 конкъ небесный Пастырь только что прикоснулся Своєю печатью. И
 хочется мнѣ найти траву ученія, которую я одинаково могъ бы пред-
 ложить и вкусившимъ уже благодати, и тѣмъ, которымъ еще только
 предстоитъ вкусить духовной пищи, чтобы на одномъ и томъ же паст- 578
 бищѣ поученія одни—просвѣщенные уже—нашли напоминаніе о дарахъ
 Божіихъ, а другіе—готовящіеся къ просвѣщенію—большее поощреніе
 къ воспріятію крещенія. Очевидно, и бесѣда должна быть смѣшаннаго 579
 характера соотвѣтственно смѣшанному составу собранія, состоящаго изъ
 людей уже наставленныхъ въ истинахъ вѣры и только еще наставляе-

мыхъ. И вотъ я придумалъ, что могу я и предложить вамъ всѣмъ—старымъ домочадцамъ Христовымъ, и чѣмъ вновь купленныхъ рабовъ привлечь къ свободѣ званія: я побесѣдую съ моими братьями о такихъ словахъ Господа, которыя и давно принявшихъ виноградникъ Господень побуждать къ болѣе усердному его воздѣлыванію, и только что заглянувшихъ въ него возбуждать къ соревнованію съ тѣми. *Подобно есть царствіе небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро няти дѣлатели въ виноградъ свой* (Мѣ. хх, 1). Человекомъ домовитымъ—домохозяниномъ Господь называетъ самого Себя; дѣлателями же, призванными въ третій, шестой, девятый и одиннадцатый часъ, называетъ всѣхъ вообще вѣрующихъ, въ различныхъ возрастахъ жизни принявшихъ крещеніе; подъ виноградникомъ разумѣтъ Онъ спасительныя заповѣди, исполненіе которыхъ сопряжено съ малымъ трудомъ, но съ большою пользою. *Подобно есть царствіе небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро няти дѣлатели въ виноградъ свой.* Уговорившись съ ними, т. е. дѣлателями, Онъ отослалъ ихъ въ свой виноградникъ. Домохозяинъ—это Я. Какъ домохозяинъ распоряжается въ своемъ домѣ, какъ хочетъ, такъ и Я располагаю всѣмъ міромъ, какъ Мнѣ угодно. Я, Солнце правды, облекшись облакомъ человѣческаго естества, снисшелъ къ человѣчеству и хожу среди него, разыскивая дѣлателей въ Свой виноградникъ. Конечно, Я не нуждаюсь въ людяхъ для воздѣлыванія виноградника: у Меня есть ангелы и архангелы, исполнители Моей воли. Но Я хочу и земныхъ своихъ рабовъ видѣть въ числѣ обитателей Моихъ владѣній. И вотъ повсюду хожу Я и присматриваюсь, не найду ли кого, не найму ли кого, не съ тѣмъ, чтобы обогатиться чужими трудами, но чтобы обогатить тѣхъ, которые послѣдуютъ Моему зову. Взявъ Я Себѣ Петра, Іоанна и другихъ учениковъ, неутомимыхъ воздѣлывателей вселенной; Я уговорился съ ними по динарію на день, нанявъ ихъ на всю жизнь и обѣщалъ имъ въ награду за всю ихъ работу царство небесное. Но ими одними не можетъ удовлетвориться душа Моя. Я не могу спокойно видѣть, что на Моей нивѣ такъ немного дѣлателей; Меня удручаетъ созерцаніе этихъ—столь немногихъ—работниковъ. Я жажду еще другихъ работниковъ, хочу еще новыхъ наемниковъ, еще новыхъ посвященныхъ. Великъ и обширенъ садъ Моихъ заповѣдей, всѣмъ увѣровавшимъ въ Меня найдется въ немъ мѣсто и, по мѣрѣ наполненія его любителями добродѣтели, онъ дѣлается еще обширнѣе. Что Мнѣ предпринять? Какъ наполнить Мою ограду? Откуда еще взять охотниковъ работать? Пойти опять на перекрестки, пойти къ тѣмъ, которые добровольно блуждаютъ, пойти къ нерадивымъ? Пойти Мнѣ, богатому, къ бѣднымъ, чтобы ихъ бѣдныхъ сдѣлать богатыми? Пойти опять туда, гдѣ собираются работники? Сдѣлаю то, что должно сдѣлать: позову еще разъ бѣдныхъ. Мое дѣло—пригласить, а послѣдовать приглашенію—ихъ дѣло: Мое дѣло—пожелать дать награду, а по-

желать получить ее—ихъ дѣло. Если они откликнутся на Мой призывъ, то сдѣлаютъ этимъ пріятное и Мнѣ и себѣ; если оставятъ его безъ вниманія, то повредятъ самимъ себѣ. У Меня вѣдь нѣтъ недостатка въ работникахъ, чтобы окопать деревья, удобрить почву и обрѣзать молодые побѣги; Мой виноградникъ не можетъ остаться невоздѣланнымъ или безплоднымъ. *И изшедъ въ третій часъ, видѣ иныя, споконъ на торжищи праздны, и тѣмъ рече: идите и вы въ виноградъ Мой* (ст. 3, 4). Гдѣ же вы были раньше? Гдѣ были вчера и третьяго дня? Какъ разошлись со Мною, когда Я приходилъ искать васъ? Отчего рано утромъ не постѣшили ко Мнѣ для своей же пользы? Неужели вы настолько невнимательны къ лучамъ благочестія, что и день считаете ночью, и когда сіяетъ свѣтъ истины, остаетесь во мракѣ и дремлете? По крайней мѣрѣ теперь проснитесь, теперь пободраствуйте, теперь образумесь и одумайтесь! *Идите и вы въ виноградъ Мой*. Видите, какъ Я люблю васъ? Я не ограничилъ Своей проповѣди утромъ, не закрылъ доступа новымъ 560 работникамъ, не пересталъ заботиться о вашемъ обращеніи послѣ перваго зова: всякій часъ Я готовъ удѣлать на ваше покаяніе, Мои объятія открыты для васъ въ какомъ бы вы ни были возрастѣ. Младенцевъ ли принесутъ ко Мнѣ, Я принимаю съ радостью: вѣдь Я—Творецъ младенцевъ, Я для нихъ и отецъ, и мать, и кормилецъ, и пища. Дѣти ли лепечущія прибѣгутъ ко Мнѣ, Я радуюсь; юноши ли приходятъ, Мнѣ еще пріятнѣе; мужи ли зрѣлые припадаютъ, Я принимаю: всѣхъ съ вѣрою прибѣгающихъ ко Мнѣ Я встрѣчаю съ объятіями, какъ братьевъ. *Идите и вы въ виноградъ Мой*. Я не взыскиваю за пропущенные часы, если вижу, что усердіе заглаживаетъ прежнее нерадѣніе; не уменьшаю дневную плату, если вы стараетесь сравняться съ тѣми, которые взяли за работу раньше васъ. Оставьте виноградникъ іудеевъ, суровый и неблагодарный, способный производить одинъ только укусъ, оставьте эту лозу, пересаженную изъ Египта, отдающую горечью египетскаго идолослуженія и привыкшую приносить своему насадителю горькіе грозы; перейдите въ Мой виноградникъ и *еже будетъ правда, дамъ вамъ* (ст. 4). Я не обижаю никого, Я справедливъ по природѣ; Я не своекорыстенъ, да и законы противъ своекорыстія изданы Мною; Я не суровъ по отношенію къ благоразумнымъ рабамъ, не мелоченъ и не придирчивъ къ тѣмъ, которые преданы Мнѣ: Я дамъ вамъ плату, соответствующую вашей работѣ, Я щедро награжу васъ за всѣ ваши труды. *Паки же изшедъ въ шестой и девятый часъ, сотвори такоже* (ст. 5). Я не теряю времени даромъ: уловляю желающихъ и не устаю призывать къ правдѣ угнетаемыхъ грѣхами. Вышелъ Я одинъ разъ, и возвратился съ добычей; вышелъ вторично, и вернулся съ уловомъ; вышелъ въ третій разъ, и ловля была богатая; вышелъ четвертый разъ—около девятаго часа—и вотъ нѣкоторыхъ веду. Чѣмъ больше Я гоняюсь за добычей, тѣмъ сильнѣе разгораются Мои желанія: сколькохъ

Я приведу съ Собою, столькихъ же желаю приобрѣсти еще, а найдя этихъ, ищу опять другихъ. Чтобы всѣ люди спаслись и пришли къ познанію истины—вотъ чего Я хочу!

2. *Во единый же десятокъ часъ изидеъ, обрѣте другія, стояща прайдны* (ст. 6). Я не перестану обирать діавола, пока продолжается эта жизнь; не перестану отнимать добычу у смерти, этого ужаснаго хищника человѣческаго рода; не могу утерпѣть чтобы не возвращать къ безсмертію людей, по своей собственной волѣ ставшихъ смертными,—до самаго ихъ послѣдняго вздоха. Поэтому Я не пренебрегаю даже и одиннадцатымъ часомъ, сажусь при самыхъ вратахъ ада, чтобы успѣть обратить кого-нибудь отъ смерти къ жизни. *Во единый же десятокъ часъ изидеъ, обрѣте другія стояща прайдны, и глагола имъ: что здѣ стоите весь день прайдны* (ст. 6)? Развѣ у васъ нѣтъ Церкви? Нѣтъ пророковъ? Нѣтъ апостоловъ? Нѣтъ мучениковъ? Нѣтъ Священнаго Писанія? Нѣтъ никакихъ духовныхъ средствъ? *Что же здѣ стоите весь день прайдны?* Развѣ вы не видите солнца, совершающаго свой установленный бѣгъ? Не видите луны, служащей Создателя? Не видите созданія, послушнаго Творцу? Не видите, что каждая изъ стихій исполняетъ то дѣло, какое ей предназначено? Почему же вы одни наносите безчестіе природѣ своимъ бездѣйствіемъ? Зачѣмъ уподобляетесь столбамъ безжизненнымъ? Развѣ нѣтъ у васъ глазъ, чтобы, видя красоту міра, воздать славу его Творцу? Развѣ нѣтъ у васъ устъ для того, чтобы языкомъ своимъ воспѣть хвалу Богу? Развѣ нѣтъ рукъ для того, чтобы подавать милостыню? Или нѣтъ ногъ, чтобы совершить душеполезный бѣгъ? *Что здѣ стоите весь день прайдны?* Доколѣ вамъ отвергать Мое владычество? *Что здѣ стоите весь день прайдны?* Они же говорятъ ему: *никтоже насъ наятъ*. Вотъ обычная у людей отговорка, когда нужно оправдаться въ своихъ грѣхахъ. Отдѣлываясь отъ настоящаго и откладывая на будущее, они говорятъ: оставь теперь; когда велитъ мнѣ Богъ, тогда я крещусь; уступи мнѣ эту Пасху, а къ будущей я просвѣщусь. Такіе-то люди и говорятъ: *никтоже насъ наятъ*. Что же имъ въ отвѣтъ Тотъ, Кто Своєю благостью превозмогъ всякія отговорки людей, вoadвигающихъ преграды дѣйствию благодати. *Идите и вы въ виноградъ Мой*. Не обличилъ ихъ живаго оправданія, не вывелъ наружу ихъ нехорошей увертки, не сказалъ имъ: что вы говорите, что *никтоже насъ наятъ*? Зачѣмъ вину нерадѣнія увеличиваете ложью, что васъ никто не нанялъ? Не призывали ли васъ пророки? Не убѣждали ли васъ апостолы? Не приходилъ ли Я самъ за вами? Не призывалъ ли Я васъ много разъ, и вы не послушались? Развѣ не видѣли вы, какъ занималъ Я вашихъ товарищей и уговаривался съ ними? Почему же не пожелали послѣдовать примѣру тѣхъ, которые уговорились со Мною, и до старости остались прайдными зрителями? Вмѣсто всего этого Спаситель сказалъ имъ просто: *идите и вы въ виноградъ Мой*. Я принимаю и стариковъ, желающихъ поработать,

принимаю и сѣданы, убѣленные благочестіемъ, принимаю и дрожащія члены, укрѣпляемые вѣрою; съ удовольствіемъ смотрю я на старцевъ, которые вмѣстѣ съ старческимъ посохомъ держатъ въ рукахъ крестъ. *Идите и вы въ виноградъ Мой.* Діаволу отдали вы юность, Мнѣ посвятите хоть старость; врагу пожертвовали вы свои силы, Мнѣ отдайте хоть бесполезный возрастъ; мучителю вы послужили все время, сколько опъ захотѣлъ, Мнѣ поработайте хоть остатокъ дней своихъ. Будьте вѣрными, прежде чѣмъ сдѣлаться мертвыми, предъ смертію облекшись въ одежду безсмертія, до кончины устройте себѣ нетлѣнное погребеніе по благодати. Поторопитесь, поспѣшите до наступленія вечера оказаться внутри виноградника; употребите всѣ усилія, чтобы заходящее солнце не застало васъ внѣ его. Если до солнечнаго заката вы сопричислитесь къ Моимъ вѣрнымъ, то, какъ любители свѣта, узрите славу Моего божества; если выйдете изъ виноградника вмѣстѣ съ призванными, то и не работавшихъ Я приму васъ какъ поработавшихъ. Если же внѣ Моего двора застигнетъ васъ ночь смерти, тогда Я не могу уже принять васъ какъ друзей: мертвый вѣдь не вѣруетъ, мертвый не принесетъ исповѣданія, мертвый не работаетъ и не удостоивается таинства, у мертваго нѣтъ воздержанія, мертвый не можетъ требовать платы, мертвый не запечатлѣнъ и прежде суда осужденъ. Только живой и здоровый восхвалитъ Господа: такой и послѣ смерти будетъ жить, такой и послѣ погребенія снова цвѣтеть. Идите и вы въ Мой виноградникъ. Пока остается еще небольшое поприще жизни, позаботьтесь; не дожидайтесь, пока неизбѣжная болѣзнь завладѣетъ вѣнцомъ вашей воли. Не желайте въ самый моментъ смерти запастись напутствіемъ безсмертія; приобретайте жизнь во время, въ здоровомъ и бодрственномъ состояніи получайте талантъ, чтобы приумножить его трудомъ. *Идите и вы въ виноградъ Мой, и еже будетъ праведно, примете* (ст. 7). И даже больше, чѣмъ слѣдуетъ по правдѣ, получите: только покайтесь, только придите, только будьте со Мною. Не оставляйте безъ вниманія Моихъ увѣщаній: никто еще, повѣривъ Мнѣ, не ушелъ безъ благодарности, никто изъ послужившихъ Мнѣ не остался бѣднымъ. Такихъ-то способомъ этотъ домохозяинъ наполнял свой виноградникъ. *Вечеру же бышу.* Уже день настоящей жизни угасалъ, уже наступала долгая ночь смерти, уже загоралась заря воскресенія мертвыхъ, этого утра, послѣ котораго не остается мѣста вечеру, — и вотъ хозяинъ виноградника говоритъ своему управляющему: *призови отплатеи.* Призови всѣхъ потомковъ Адама; призови Авеля, взъ-за жертвы ставшаго жертвою; призови Еноха, угодившаго (Богу) и премѣннаго; призови Ноя, прекраснаго кормчаго среди всеобщаго крушенія природы; призови вѣрнѣйшаго Авраама, болѣе боголюбиваго, чѣмъ чадолюбиваго, возставшаго противъ собственныхъ нѣдръ и сохранившаго вѣру; призови Іосифа, подвижника цѣломудрія; призови патриарховъ; призови пророковъ; при-

зови Илію, со славою состязавшагося въ бѣгѣ и сдѣлавшагося возни-
чимъ огненной колесницы; призови апостоловъ, свѣтильниковъ новаго
завѣта; призови мучениковъ, поревновавшихъ Моей смерти за нихъ;
призови Стефана, за Меня побіеннаго камнями; призови Варлаама, ко-
торому за сохраненіе виноградника сожжена была правая рука; при-
зови всѣхъ, хорошо потрудившихся, призови всѣхъ, честно воздѣлывав-
шихъ Мои владѣнія—и *даждь имъ мзду*. Открой Мои сокровищницы,
открой Мои кладовыя, открой Мои прекрасныя царскіе дворцы; принеси
царскіе вѣнцы, принеси божественныя награды, не жалѣй ничего *въ*
582 *Моихъ драгоценностей*. Они вѣдь не пощадили для Меня своей души.
Увѣнчай головы подвизавшихся для Меня, наполни платой руки потру-
дившихся. Никто пусть не выйдетъ отсюда неувѣнчаннымъ, никто пусть
не останется неодареннымъ, никто пусть не лишится награды. Пусть
всѣ обогатятся, пусть всѣ ликуютъ, пусть увидятъ какъ Я расплатился
съ ними. Пусть увидятъ, какихъ благъ удостоиваются послѣдовавшіе
Мнѣ; пусть увидятъ, какихъ даровъ лишаются призываемые Мною, но
не желающіе прійти ко Мнѣ. *Даждь имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ
до первыхъ* (ст. 8). Прежде всѣхъ порадуй дарами послѣднихъ: они-то
особенно и нуждаются въ Моей благодати. Вѣдь тѣ, которые трудились
съ самаго начала, съ ранняго утра, имѣютъ на своей сторонѣ и самый
день, и часы, и добродѣтели, и подвиги, и уговоръ—все свидѣтельствуєтъ
въ ихъ пользу; а послѣдніе, будучи лишены всего этого, возлагаютъ
свое упованіе единственно на Мое человеколюбіе. Итакъ, эти послѣдніе
пусть получаютъ дары первыми, а затѣмъ уже получаютъ свои награды
первые. *И прішедше иже во единый надесять часъ, пріѣхша по пѣнзю*
(ст. 9). Съ большою радостью повертывая въ рукахъ своихъ этотъ
цѣнзъ, они говорили: мы ужъ готовы были не вѣрить этому. Они вѣдь
знали, что ничѣмъ не заслужили того, что получили. Но видя этотъ
даръ собственными глазами, имѣя такую благодать въ своихъ рукахъ,
они ликовали и торжествовали, радуясь благамъ, полученнымъ сверхъ
ожиданія. *Прішедше же первѣи, мняху, яко вѣщше пріимутъ, и пріѣхша
и тѣи по пѣнзю* (ст. 10). *Пріемше же роптаху на господина, мало-
люще: сѣи послѣдніи* (ст. 11, 12). Этотъ ропотъ не означаетъ однако
того, чтобы они завидовали тѣмъ, кому воздается честь (потому что
святые не огорчаются, но радуются общему спасенію): Господь хотѣлъ
только показать этимъ, что Его человеколюбіе такъ безмѣрно, что даже
у чуждыхъ зависти, если бы было возможно, родилась бы зависть.

3. *Пріемше же роптаху на господина, малолюще: сѣи послѣдніи*,—
эти престарѣлые, эти едва познавшіе Твою власть, едва согнувшіе ко-
лѣна для преклоненія предъ Тобою, едва дрожащими перстами начер-
тавшіе на челѣ своемъ знаменіе Твоего спасительнаго креста, не по-
несшіе тяжести испытаній, не устоявшіе подъ ударами несчастій,—*сѣи
послѣдніе едины часъ сотвориша*. Они только увидѣли Твоей виноград-

никъ, только глазами участвовали въ нашей работѣ, только видѣ показали, а дѣла никакого не сдѣлали, они были только зрителями наших трудовъ, а не участниками—и *равныхъ намъ сотворилъ изъ еси, понесшимъ тѣготу дне и варъ* (ст. 12)? Мы сгорали въ борьбѣ съ искушеніями, но не допустили потухнуть добродѣтелямъ; мы были гонимы за Тебя, мы потрудились безъ счету для того, чтобы увеличить Твое богатство—и уходимъ отсюда, получивши равную плату съ тѣми, которые наравнѣ съ нами не трудились: труды различны, а награда одна, тягота несравнима, а слава одинакова. *Сіи послѣдніи единъ часъ сотворишиа*. Одинъ часъ поплакала близъ Тебя блудная жена, распустила свои волосы, которые раньше заплетены были ею для служенія пороку, цѣловала Твои пречистыя ноги нечистыми губами и принесла Тебѣ, Небесному, земное муро—и Ты сравнивалъ ее съ дѣвою и дочерью. Въ одинъ часъ распятый на крестѣ разбойникъ обратился къ Тебѣ и воскликнулъ: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи си* (Лук. xxiii, 42),—и за одинъ этотъ возгласъ Ты открылъ ему райскія врата. Въ одинъ часъ покаялся Павелъ, гонитель, врагъ—и Ты сдѣлалъ его благовѣстникомъ. *Сіи послѣдніи единъ часъ сотворишиа и равныхъ намъ сотворилъ изъ еси, понесшимъ тѣготу дне и варъ*. Итакъ, что же отвѣтилъ на ихъ упреки челоуколюбецъ Господь? *Онъ же отъицѣвъ рече единому изъ: друже, не обижу тебе*. О, крайнее челоуколюбіе! Господь за рабовъ судится съ рабомъ, Судья у обвинителя ищетъ оправданія для обвиняемыхъ. *Друже, не обижу тебе*. Суди Меня разумно, другъ, а не огорчай несправедливостью; побесѣдуй на законномъ основаніи, а не упрекай въ беззаконіи; скажи, чѣмъ обиженъ ты, когда воздана честь твоему сорабу? Скажи, что потерялъ ты оттого, что вмѣстѣ съ тобою унаслѣдовалъ царство твой братъ? Развѣ ты не получилъ того, ради чего трудишься? Развѣ ты не получилъ полной платы за весь день? Развѣ ты не достигъ того, чего желалъ? Чего же еще тебѣ нужно? *Не по тѣнзю ли съобщалъ еси со Мною* (ст. 18)? Вспомни, что общалъ Я тебѣ, когда нанималъ тебя. Если Я нарушилъ чѣмъ-либо уговоръ, тогда ты негодуешь справедливо, а если всѣ условія исполнены, тогда ты напрасно обвиняешь невиннаго. *Не по тѣнзю ли съобщалъ еси со Мною?* Развѣ Я убавилъ что-либо изъ твоей награды? Развѣ Я, взявши твое, отдалъ другимъ? Развѣ воздалъ другимъ твою славу? Не Своимъ ли добромъ Я надѣлилъ, кого хотѣлъ? Что же ты ропщешь? Ты былъ рабомъ, а почтенъ какъ свободный: столь облагодѣтельствованный, что же ты ропщешь? Зачѣмъ завидуешь братьямъ, имѣя Владыку, чуждаго зависти? *Возми твое и иди*. Будь доволенъ настоящимъ; не желай царствовать одинъ, будучи призванъ вмѣстѣ со многими; въ царствіи небесномъ будетъ мѣсто и тебѣ и всѣмъ достойнымъ его. *Хочу же и сему послѣднему дати якоже и тѣбѣ* (ст. 14). Кто противопоставитъ Моей волѣ? *Богъ оправдай и кто осуждай* (Римл. viii, 33)?

Богъ одаряетъ, кто требуетъ отчета? Богъ обогащаетъ, кто можетъ отнять? Судія дѣлается защитникомъ, гдѣ обвинитель? Гдѣ истецъ? *Хочу же и сему послѣднему дати якоже и тебѣ* (ст. 14). Я не хочу Мое подобіе оставить лишеннымъ славы, не хочу Мой образъ видѣть обвинявшимся: Я хочу, чтобы со Мною воцарились тѣ, ради кого Я сошелъ съ небесъ. *Хочу же и сему послѣднему дати якоже и тебѣ*. Послѣднимъ пришелъ онъ,—знаю и Я; но онъ принесъ Мнѣ вѣру, оправдывающую бывшую медлительность; послѣднимъ пришелъ онъ, но обнаружилъ любовь, какой Я желаю; онъ блуждалъ долгое время какъ овца, но овца эта не забыла Пастыря (Ис. схвщ, 176). Моимъ онъ былъ и тогда, когда блуждалъ. Послѣднимъ пришелъ, но пришелъ чрезъ Мое крещеніе, какъ и ты; послѣднимъ пришелъ, но вкусилъ Моей трапезы, какъ и ты; послѣднимъ пришелъ, но увидѣлъ всю красоту Моего виноградника, увидѣлъ возросшее адъсь древо жизни, облобызалъ терніи, которыми Я былъ увѣнчанъ ради него, прииалъ къ кресту, который Я претерпѣлъ за него. Не могу же Я ему, столь возлюбившему Меня, столь увѣровавшему Мнѣ, не воздать всей чести и славы. Какъ ты увѣровалъ, такъ и онъ; что ты приобрѣлъ, то и онъ; какъ поклонился ты, такъ и онъ; какъ ты воцарился, такъ и онъ; не потрудился онъ столько, сколько ты, но Я благодатью Своею восполнилъ этотъ недостатокъ. *Или ты съ Мнѣ мѣсто сотвориши, еже хочу во сномъ Мнѣ* (ст. 15)? Вѣдь не твое же Я растратилъ? Я роздаю свое. Развѣ Я распоряжаюсь тѣмъ, что принадлежитъ тебѣ? А въ своемъ я воленъ. Развѣ Я поручилъ тебѣ требовать отъ Меня отчета? Съ самаго начала Я ваялъ тебя какъ наемника. Вѣдь Я не уполномочивалъ тебя распоряжаться Моимъ имуществомъ? Какъ Человѣколюбецъ, Я только допустилъ тебя къ участию въ немъ. *Аще око твоє лукаво есть*, оно не можетъ видѣть благъ, *иже око не видѣ и ухо не слыша* (1 Кор. II, 9). Совершенно чистый нуженъ взоръ для созерцанія таинствъ, чистая душа нужна, чтобы понять чистое. Вы видѣли, какъ благъ Господинъ вашъ? Видѣли, какъ пришедшихъ въ различное время, но обнаружившихъ одну вѣру и усердіе и одно направленіе, Онъ удостоилъ одинаковыхъ даровъ и почестей? Видѣли, какъ и послѣднихъ Онъ сдѣлалъ равными съ первыми по Своей безпредѣльной щедрости? Идите же къ столь великому Человѣколюбцу, Онъ и васъ теперь нанялъ, Онъ и вамъ говорить: *идите и вы въ виноградъ Мой*. Наниматель—Богъ, награда—небо, работа—спасеніе; виноградникъ хорошо воздѣланъ; дверью въ виноградникъ служитъ купель крещенія. Божественная благодать, какъ бы какой свѣтлый привратникъ, стоящій въ дверяхъ у купели, ко всѣмъ входящимъ чрезъ нее вызываетъ: вотъ — дверь Господня, новопросвѣщенные войдутъ чрезъ нее. Мы не завидуемъ вамъ, какъ пришедшимъ въ самомъ концѣ и раздѣлившимъ съ нами нашу славу, но принимаемъ васъ какъ братьевъ и радуемся вмѣстѣ съ вами, ваше спа-

сеи́е почита́я свое́й славою. Возлюбите же Призвавшаго вас; для входа въ виноградникъ возьмите себѣ надежнаго путевода́теля—вѣру. 584 Вѣдь вѣра является добрымъ руководи́телемъ на пути къ купели, вѣра есть якорь обуреваемой природы, вѣра есть тихая пристань челове́чества, вѣра есть ясное зеркало невидимаго, вѣра есть лучшій учи́тель объ единосущной Троицѣ, вѣра научила насъ говорить эти спаси́тельные слова: вѣрую во еди́наго Бога Отца Вседержи́теля. Вѣрую, не испытую; вѣрую, не посягаю на непостижимое; вѣрую, не наи́мѣряю неизмѣ́римаго. Если вѣрую, просвѣщаю душу; если испытую, омрачаю свои мысли; если вѣрую право, возношусь къ нему; если испытую излишне, погрязаю въ безднѣ. Вѣрую во еди́наго и одного то́лько истиннаго Бога и Отца Вседержи́теля. Отвергаю ложныхъ языческихъ боговъ: на небѣ не можетъ быть многихъ боговъ. Еди́наго и единственнаго Бога воспе́ваю; ненавижу а́рианство. Не говорю: было нѣкогда время, когда (Богъ) не былъ Отцомъ, но проповѣдую, что Богъ всегда. Богъ, что Онъ всегда Отецъ, и Отецъ такъ, какъ Ему самому вѣдомо, Вѣрую въ Господа нашего Иису́са Христа, Сы́на Во́лѣи еди́нороднаго; отъ Бога ро́жденнаго пре́жде всѣхъ вѣковъ, какъ вѣдаетъ то́лько самъ Ро́жденный; ро́жденнаго, не сотвореннаго; ро́жденнаго, не созданнаго ро́жденнаго, не приоб́рѣтеннаго; изъ самаго оте́ческаго существа безъ времени возсія́вшаго, не совнѣ́ привзошедшаго откуда-либо, не подкину́таго или́ незаконнаго сына, но истинное си́лнѣе истиннаго Отца, неизмѣ́нное отобра́женіе невидимаго образа. Знаю Христа, Сы́на Бога Отца, какъ Бога; знаю Христа, сына рабы Его и Матери, явившагося какъ челове́ка; знаю Христа, еди́носущнаго лю́дямъ, какъ челове́ка отъ челове́ка; зваю Христа невидимаго и ви́димаго; знаю Христа недо́ступнаго осяза́нію и осяза́емаго О́мою; знаю Христа, тысячи́ словомъ напита́вшаго, и по волнамъ ходившаго, и демонамъ повелѣ́вавшего, и мертвыхъ воскрешавшаго, и безчи́сленныя чудеса совершившаго силою Своего божества; знаю Христа, ощущавшаго голо́дь и жа́жду, усталость и безпо́койство, потѣ́вшаго по Его челове́ческой природѣ; знаю Христа какъ Бога безстра́ннаго; знаю Христа умершаго и по тѣ́лу потерпѣ́вшаго страда́нія; знаю Христа, восприя́вшаго, насколько́ это возможно, кончи́ну; знаю Христа, воздви́гшаго хра́мъ тѣ́ла Своего. Понимаю разлі́чіе двухъ Его приро́дъ: не раздѣ́ляю еди́наго Сы́на на двухъ Сыно́въ. Вѣрую и въ Ду́ха Свята́го, Ду́ха истины, отъ Отца исходя́щаго, нераздѣ́льнаго отъ Святой Трои́цы: Ему вѣ́ряю мое о́священіе, на Него уповаю о своемъ воскресе́ніи изъ мертвыхъ.

4. Этому́ постоянно́ поучайтесь и ду́шой и языкомъ; это́ непрестанно держите и въ мы́сляхъ и на устахъ. Вы имѣ́ете апосто́льское правило вѣры и боголю́биво́й жизни: вѣдь безъ вѣры дѣ́ла мертвы. *Человѣ́чески сла́голю за немо́щъ плоти́ вашей: ꙗ́коже бо предста́вите уды́ ваша ору́жія неправды грѣ́ху, тако́ мы́тъ предста́вите уды́ ваша ору́жія правды*

Богу (Римл. vi, 19). Блудникъ пусть будетъ цѣломудреннымъ, несправедливый пусть будетъ справедливымъ, хищникъ — щедрымъ, корыстолюбивый — нищелюбивымъ, безчеловѣчный и златолюбивый прежде — пусть теперь явится христолюбивымъ, хульникъ — пѣснотворцемъ, спѣшившій въ театры пусть теперь спѣшитъ во дворъ Божій, увлекавшійся конскими ристалищами пусть посвятитъ свое вниманіе апостоламъ, подвиги которыхъ для подражающихъ имъ спасительны. Какъ будущія невѣсты Христа украсьте свои души и тѣла. Пусть будутъ взоры ваши отраженіемъ душевной тишины; лица ваши пусть будутъ яснымъ отпечаткомъ внутренняго благочестія; изъ устъ вашихъ пусть исходить благоуханіе псалмовъ и гимновъ скромныхъ, цѣломудренныхъ, приличныхъ дѣвицъ, готовящихся къ браку; пусть души ваши будутъ чистыми, бѣлыми, чтобы они могли принять окраску, подобную царской багрянницѣ. Когда вы войдете въ чертогъ духа, когда проникните въ покои благодати, когда приблизитесь къ страшной и въ то же время вожделѣнной купели, какъ плѣнные рабы повергнитесь ницъ предъ царемъ, преклоните всѣ вмѣстѣ колѣна и, простерши руки къ небу, гдѣ царственно воссѣдаетъ Царь всѣхъ насъ, и очи устремляя къ неусыпающему оку, съ такими словами обратитесь къ человѣколюбцу: отверзи намъ виноградникъ Твой, Господи, хотя мы и дождались одиннадцатаго часа; не гнѣвайся на насъ, Владыка, за нашу медлительность, не закрывай предъ нами дверей Твоего человѣколюбія; мы сознали свою прежнюю лѣность, осудили свое нерадѣніе; мы потерпѣли за преслушаніе, мы наказаны за сонливость, среди удовольствій потерпѣли крушеніе, среди забавъ были ограблены, погибли, предаваясь душой суетѣ. Едва, наконецъ, мы пробудились, едва ободрились, едва нашли полезное, едва избѣжали вражды. Мы отрекаемся отъ лукаваго совершенно, отрекаемся отъ пагубныхъ и порочныхъ увлеченій. Мы сочетаемся отнынѣ Спасителю, единому Богу. Прими рукописаніе нашего исповѣданія, чтобы, боясь наказанія, мы сохранили то, въ чемъ здѣсь обѣщались; прими символъ нашего завѣта съ Тобю, чтобы стыдись символа, мы сохранили нравы свои непоколебимыми и неизмѣнными. Будь милостивъ къ рабамъ своимъ — плѣннымъ, обнаженнымъ и мертвымъ; возврати намъ прежнее родство; одѣнь тѣхъ, которыхъ обнажилъ дьяволъ; помажь насъ елеемъ Твоего святого помазанія, чтобы не причинило намъ опять вреда укушеніе змѣя. Мы хотимъ соблюсти Твою заповѣдь, хотимъ быть въ Твоемъ виноградникѣ, хотимъ вблизи Тебя трудиться въ качествѣ работниковъ. Всѣ дни жизни нашей мы прожили порочно; остальное время жизни хотимъ провести въ добрѣ. Хочешь помиловать какъ блудныхъ, — помилуй; хочешь спасти какъ мытарей, явить человѣколюбіе свое какъ разбойникамъ, спасти какъ гонителей, — спаси какъ хочешь. Помилуй кающихся, какъ былъ долготерпѣливъ къ согрѣшающимъ; помилуй припадающихъ, какъ былъ милостивъ къ отвер-

гавшимъ Тебя; помилуй умоляющихъ, какъ сносилъ оскорбляющихъ. Открой намъ, буруемаымъ, пристаю крещенія; открой намъ, изр-
пеннымъ, безболѣзненную врачевницу; открой намъ, одрахѣвшимъ,
безпечальное горнило; открой намъ, повиннымъ смерти, спасительный
гробъ; открой намъ Твоего тридневнаго умерщвленія живоносный образъ;
открой намъ возрожденія дѣвственную утробу; открой намъ усыновленія
непорочную мать; открой намъ врата безсмертія; открой намъ дверь
небесную, потому что Ты самъ сказалъ: *попыте и отысрезетъ вамъ*
(Мѡ. vii, 7). Подтверди на дѣлѣ то, что ты сказалъ; что обѣщалъ, исполни,
какъ неложный. Мы вѣруемъ, что Ты можешь сдѣлать все; мы вѣруемъ,
что Ты можешь очистить насъ отъ грѣховной грязи; мы вѣруемъ, что
Ты можешь Духомъ и водою возродитъ закоснѣвшихъ въ грѣхѣ; мы
вѣруемъ, что Ты можешь совершить это чудное рожденіе; мы вѣруемъ,
что и женщины, и дѣти, и юноши, и мужи, и старцы по Твоей волѣ
выйдутъ изъ этихъ водъ новою тварью, какъ новорожденные дѣти; мы
вѣруемъ, что Ты можешь въ водахъ этихъ потопить наши грѣхи, какъ
потопилъ фараона со всѣмъ воинствомъ его; мы вѣруемъ, что Ты мо-
жешь вывести насъ на путь спасенія, какъ нѣкогда израильтянамъ
устроилъ путь посреди моря; мы вѣруемъ, что можешь все, что хочешь.
Говоря такъ, ожидайте, что и Господь вамъ скажетъ: вѣруете ли, *яко*
могу сіе сотворити? По *спѣхъ* вашей *буди* вамъ (Мѡ. ix, 28, 29). Ему
слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на притчу о смоковницѣ.

1. При видѣ цвѣтущаго дерева или быстротечнаго источника мы 585
не только обращаемъ къ нимъ наши взоры, но и устремляемъ на нихъ
свое вниманіе, какъ бы переносясь мыслью къ самымъ этимъ пред-
метамъ. Точно также разсказъ о дѣлахъ и событіяхъ ипогда настолько
овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, что мы уносимся мыслью на мѣсто
дѣйствія разсказа, оставаясь тѣломъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Подоб-
ное случилось сейчасъ и со мною, возлюбленные. Выслушавъ разсказъ
евангелиста о томъ, что произошло въ Виваніи со смоковницей, тѣломъ
я здѣсь, а воображеніемъ представляю себя тамъ; вотъ я мысленно
слѣдую за Владыкою Иисусомъ и вижу смоковницу, вижу ее до Гос-
подняго повелѣнія—цвѣтущей и зеленѣющей, а послѣ Господняго по-
велѣнія—иссохшей и унылой. *Утру же*, разсказываетъ евангелистъ,
возвращая Иисусъ *во градъ*, *взалка*. *И узрѣвъ смоковницу едину при*
пути, *прииде къ ней и ничтоже обрѣте на ней токмо листіе едино; и*
иголаа ей: да никомже отъ тебе плода будетъ во вѣки, и абіе изсше
(Мѡ. xxi, 18, 19). Вотъ что было сейчасъ прочитано намъ. Поражаетъ

меня это чудо; мои мысли разбѣгаются. Всякій разъ, когда я хочу изобразить это событіе въ словѣ, тотчасъ вслѣдъ за разсказомъ предо мною встаетъ это чудо. Представьте себѣ человѣка, который увидѣлъ золотой сосудъ, наполненный драгоцѣнными камнями, а на этихъ камняхъ надписи таинственнаго содержанія; его вниманіе съ одной стороны привлекаетъ самый сосудъ своимъ изящнымъ видомъ, а съ другой—и камни, лежащіе въ сосудѣ; онъ спѣшитъ и красоту камней посмотреть, и таинственныя надписи прочесть. Въ такомъ же точно положеніи оказываюсь и я; съ одной стороны самое это событіе, какъ оно записано въ евангеліи, привлекаетъ мое вниманіе своимъ блескомъ и красотой, а съ другой стороны влечетъ меня къ себѣ и духовный смыслъ его, общающій еще болѣе чудеснаго. *Утру же, говоритъ, возвращая* Иисусъ *во градъ, взалка*. О, непонятное и невыразимое таинство! Взалкалъ Питатель вселенной; взалкалъ Тотъ, Кто пятью 587 хлѣбами напиталъ до сытости пять тысячъ; взалкалъ Тотъ, Кто изъ брѣня создалъ живые глаза; взалкалъ Тотъ, Кто ходилъ по волнамъ морскимъ сухими ногами; взалкалъ Тотъ, Кто одною мыслью воду превратилъ въ вино; взалкалъ Тотъ, Кто души изъ тѣлъ исторгалъ и опять словомъ Своимъ возвращалъ ихъ въ тѣла! Но какъ же говорить Исаія: *Богъ стѣнный не взалчетъ, ниже утрудится* (Ис. xl, 28)? А что Христосъ -Богъ, это очевидно для всякаго сколько-нибудь вѣрующаго словамъ Писанія: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* (Іоан. i, 1). Какъ же, слѣдовательно, Богъ взалкалъ? Взалкалъ рабій зракъ, напитала же пять тысячъ Владычняя воля. Къ смоковницѣ приблизился видимый человѣкъ, мыслимое же въ немъ божество было повсюду. Увидѣлъ безплодность смоковницы человѣкъ, иссушилъ ее словомъ Богъ. Онъ сказалъ: *да никоимъже отъ тебе плода будетъ во тѣхъ*,—и за словомъ послѣдовало дѣло, и тотчасъ смоковница засохла. Слово человѣческое, а дѣло божеское. Вообще много вопросовъ возбуждаетъ у насъ это событіе со смоковницей по своему внутреннему смыслу; и мнѣ кажется, что съ этой именно стороны многими оно было толкуемо не совсѣмъ основательно. Впрочемъ, я укажу вамъ и взгляды на этотъ предметъ нашихъ предшественниковъ, и то, что явилось плодомъ нашихъ собственныхъ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, смыслъ этого событія, если придерживаться буквы разсказа, трудно разрѣшить, а просвѣчивающая въ немъ таинственность глубоко скрыта. Прежде всего, почему было нужно иссушить смоковницу словомъ, а не сдѣлать ее тѣмъ же словомъ плодоносной? Вѣдь Кто иссушилъ ее словомъ, Тотъ могъ словомъ сдѣлать ее плодоносной. Затѣмъ, чѣмъ была виновна смоковница, скажетъ кто-нибудь, если ей не время было плодоносить, по словамъ евангелиста Марка (xi, 13), такъ какъ тогда была зима? И если то, что совершилъ Господь надъ смоковницей, не заключаетъ въ себѣ таинственнаго смысла, тогда должно оказаться, что это

дѣло, съ одной стороны, заслуживаетъ похвалы, а съ другой—можетъ подвергнуться порицанію. Должно восхвалять за это Господа, потому что Онъ изсушилъ ее однимъ словомъ, но можно и упрекать за то, что проклялъ ее несправедливо. Затѣмъ должно подумать, возлюбленные, образомъ чего была смоковница,—потому что Христосъ ничего не совершалъ, что бы не имѣло таинственнаго значенія. Ни одного изъ Его дѣлъ нѣтъ такого, которое бы не было весьма полезно; ни одного нѣтъ такого, которое бы не свидѣтельствовало громко объ истинѣ; ни одного нѣтъ такого, которое бы не двигало умъ къ воспріятію небеснаго. Такъ и относительно этой смоковницы многіе говорили, что она подобна синагогѣ, къ которой пришелъ, говорятъ, Господь, нища отъ нея плода вѣры, и не нашель,—только ученіемъ пророковъ и закона она была украшена какъ бы листьями,—поэтому и изсушилъ ее, сказавъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ во отки*. Но я пытаюсь оспорить это толкованіе, потому что его мысль не совсѣмъ основательна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ проклясть Господь, говорившій: *благословите, а не клените* (Римл. хі, 14)? Даже и синагогу какъ могъ Онъ проклясть и изсушить, когда говоритъ: *Сынъ человеческій не приде дуизъ человеческихъ поубити, но възискати и спасти погибшаго* (Лук. ix, 56 и хіх, 10)? Если же кто еще хочетъ противорѣчить и оспаривать мои слова, утверждая, что смоковница имѣетъ несомнѣнное сходство съ іудейскою синагогою, то пусть онъ объяснитъ, какимъ образомъ синагога, изсушенная до самаго корня, произрастила такую плодovitую вѣтвь, какъ сладчайшій Павелъ? И многихъ другихъ мы знаемъ, обратившихся ко Христу изъ этой самой синагоги: вѣдъ и Стефанъ, котораго іудеи побилъ камнями, изъ этой синагоги, и Аккла и Прискилла, и многіе другіе, отъ перечисленія именъ которыхъ мы въ настоящее время по ихъ многочисленности отказываемся. Что не совершенно отвергъ Богъ народъ іудейскій, пусть слова мои подтвердитъ и ап. Павелъ: *глазю убо, еда отирну Богъ люди своя? Да не будетъ, ибо и азъ Израилтянинъ есмь, отъ стѣмене Авраамля, колѣна Веніаминова. Не отирну Богъ людскі свои* (Римл. хі, 1, 2). И даже спасеніе этому народу обѣщаетъ апостолъ въ послѣдніе дни, говоря: *когда исполненіе языковъ стидетъ, тогда весь Израиль спасется* (ст. 25, 26). Вѣдъ если іудеи и сдѣлались врагами Богу, то сдѣлались ради насъ, чтобы благодаря ихъ непослушанію мы были помплованы, какъ свидѣтельствуєтъ Павелъ, говоря: *по благовѣствованію убо грази васъ ради, по избранію же возлюблени отецъ ради. Нераскайна бо дарованія и званіе* (ст. 28, 29). Итакъ, возлюбленные, намъ еще предстоитъ опредѣлить относительно смоковницы, образомъ чего она является. Вотъ если бы ты, Адамъ, вспомнилъ, какого дерева листья послужили тебѣ для изготовленія одежды, когда ты въ раю оказался обнаженнымъ, тогда ты увидѣлъ бы, какъ справедливо Богъ изсушилъ смоковницу: не ея ли

588

листья взялъ ты тогда для того, чтобы прикрыть свой стыдъ? И вотъ пришелъ Христосъ и все еще процвѣтавшую на тебѣ смоковницу—покровь стыда—изсушилъ словомъ; Онъ взялъ твою бѣдность и далъ тебѣ богатство; взялъ у тебя прикрытіе твоего стыда и далъ тебѣ бѣлоснѣжную одежду, истканную изъ воды и духа; Онъ изсушилъ листья смоковницы и возвратилъ тебѣ утраченное тобою одѣяніе души. Какое утраченное одѣяніе? Все то, что похитилъ у тебя въ рай змѣй: равно-ангельскую жизнь, райское наслажденіе, одежду безсмертія.

2. Но возвратимся къ началу разсказа. *Утру же*, говоритъ евангелистъ, *возвращая Іисусъ во градъ, взалка*. Утромъ—послѣ того, какъ прошла ночь заблужденія и Христосъ—утро—вовблисталъ міру свѣтъ воскресенія; вѣдь Христосъ и есть утро, по словамъ пророка: *яко утро готово обрисуемъ Ею* (Ос. vi, 3). *Утру возвращая Іисусъ*. Утромъ—послѣ того, какъ мракообразная смерть была уничтожена свѣтомъ славы Христовой и въ сердца омраченныхъ людей проникли золотые лучи Солнца правды; утромъ—послѣ того, какъ темные лучи Божества разлились повсюду и согрѣли умерщвленные діаволомъ души,—потому что *плоть ихъ укрыется теплоты сію* (Іс. xlviii, 7). Сильнѣйшимъ холодомъ грѣха умертвилъ діаволъ сердца людей, почему пророкъ и молится такими словами: *разжжи утробы моя и сердце мое* (Іс. xxv, 2). Холодомъ нечестія оковано было все человѣчество. Поэтому всѣ пророки единодушно молились Богу, говоря: *возврати, Господи, плыніе наше, яко потоки югомъ* (Іс. oxxv, 4), т. е., какъ теплый южный вѣтеръ, пахнувъ, возвращаетъ замерзшую воду въ ея прежнее обычное состояніе, такъ точно и нѣсь, умерщвленныхъ грѣхомъ отъ діавола, теплый южный вѣтеръ пусть обновитъ своимъ дуновеніемъ въ прежнее состояніи нетлѣнія. Это теплое дуновеніе юга призываетъ и невіста Христова—Церковь въ Пѣсни Пѣсней, говоря: *востани, спящее, и гряди, юже, и повѣй въ вертоградъ моему, и да потекутъ ароматы моя* (П. П. iv, 16). *Утру*, говоритъ евангелистъ, *возвращая*. Хорошо сказано—*возвращая*, чтобы показать, что удаленнаго изъ рая Адама Господь нашъ опять возвращаетъ въ то же самое мѣсто. *Утру возвращая Іисусъ во градъ, взалка*. При упоминаніи о городѣ не смотри внизъ, но—взираи къ горному Іерусалиму, къ небесной странѣ. *Наше бо житіе на небесахъ есть* (Фил. iii, 20). *Утру же Іисусъ возвращая во градъ, взалка*: не пища людской захотѣлъ Онъ, но жизни людей: *Мое брашно есть, да сотворю волю пославшаю Мя* (Іоан. iv, 84) Отца,—чтобы люди увѣровали въ Того, Котораго Онъ послалъ, потому что *всѣхъ струилъ въ Него не умереть во вѣки* (Іоан. xi, 26). *Утру же Іисусъ возвращая во градъ, взалка, и узрѣвъ смоковницу, прииде къ ней*. Вѣдь если бы онъ прошелъ мимо смоковницы, тогда діаволъ имѣлъ бы въ ней вѣчное для себя жилище; но Онъ подошелъ къ ней и изсушилъ ее. Подъ такою смоковницею видѣлъ Господь Нааванаила: *прежде даже возлази тебе*

Филиппъ, сказалъ Онъ ему, *гуца подѣ смоковницею видѣхъ ты* (Іоан. 1, 48). Эту смоковницу, осужденную на безплодіе, провидя, говорилъ пророкъ: *взыду въ люди пришествія моего, зане смоковъ не плодотрикссетъ* (Авв. ш, 16, 17). На такую смоковницу влѣзъ Закхеѣ, чтобы увидѣти Іисуса, и ему говорилъ Господь: *потщався, слѣзи* (Лк. хіх, 5). [Тамъ змѣй раскидываетъ сѣти, тамъ гнѣздится онъ, тамъ скрывается. *Потщався, слѣзи* оттуда]. Евангелистъ, рассказывая о Закхеѣ, кстати назвалъ 589 смоковницу, чтобы показать, что широкій и удобный путь, соединяясь съ неразуміемъ, приводитъ къ злѣйшей участи. Пришелъ Господь къ смоковницѣ. Эта смоковница была образомъ пространнаго и удобнаго пути: вѣдь и дерево смоковницы имѣетъ широкія листья, и грѣхъ обольстителемъ тѣмъ, что ведетъ широкимъ и удобнымъ путемъ къ погибели. Плодъ смоковницы весьма приятенъ; приятно и удовольствіе, увлекающее въ грѣховное паденіе тѣхъ, кто ему предается. Избѣгай внушенія его, возлюбленный: оно сладко только при вкушеніи, а на дѣлѣ оказывается горькимъ. *Медъ каплетъ отъ устны жены блудницы, на время наслаждаетъ твой гортанъ, послѣди же юрчае желчи обрящеши, и изощрѣнку паче меча обоюду остра* (Притч. v, 8, 4). Удовольствіе дѣйствуетъ какъ блудница: оно вступаетъ съ тобою въ приятную бесѣду, а во время бесѣды тайно посѣваетъ горечь смерти. Таковъ былъ и змѣй, сладкій на словахъ и горькій въ коварствѣ; вкушеніе было сладко, а паденіе горько. Итакъ, избѣгай, возлюбленный, блудницы, сладко съ тобою бесѣдующей и наносящей горькія раны; избѣгай удовольствія, какъ Ілія Іезавели. Вотъ пришелъ Господь съ небесъ; взалкалъ обрѣсти жпзнь людей; предъ Нимъ открылся широкій и удобный путь жизни; пришелъ Онъ къ нему и нашелъ его покрытымъ листьями, т. е. онъ цвѣлъ ученіемъ грѣха, но не имѣлъ самаго плода смерти. Почему? Такъ какъ было не время, какъ это и пояснилъ евангелистъ: не имѣла смоковница плода, *не убо бѣ время* (Мрк. хі, 13). Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла она плодоносить смерть, когда пришелъ Іисусъ и проповѣдывалъ міру воскресеніе? Уже не время было ей плодоносить смерть: *царствова смерть отъ Адама до Моисея* (Римл. v, 14), т. е. до закона,—Писаніе обыкновенно называетъ законъ Моисеемъ, какъ, напримѣръ, въ евангеліи: *имуть Моисея и пророки* (Лк. хvi, 29). И Господь сказалъ ей: не дальше, и *да николиже отъ тебе плоди будетъ во тѣхъ*, т. е.: до Моего пришествія ты плодоносила смерть; вотъ Я пришелъ, это—воскресеніе. Съ Моимъ пришествіемъ *да николиже отъ тебе плоди будетъ во тѣхъ. И абіе изше смоковница. И исполнилось написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерти, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда* (1 Кор. хv, 54, 55)? Въ словахъ евангелиста, что смоковница была покрыта листьями, такъ какъ въ то время была зима, заключается намекъ, что грѣхъ процвѣталъ среди той зимы и непогоды, которыя навелъ діаволъ на все человѣчество. До пришествія Умиро-

творителя родъ человѣческій испытывалъ всякія бури и непогоды, увлекаемый въ идолопоклонство, кровопролитіе, распутство и похоти; 590 Господь же нашъ Іисусъ Христосъ, миръ міра, пришествіемъ Своимъ разрушилъ силы противныхъ вѣтровъ, возмущавшихъ горькосолоеное море этой жизни, и усмирилъ пѣнистыя волны удовольствій. Иисушивъ смоковницу, Онъ насадилъ цвѣтущую вѣру креста, блистающую для всѣхъ живнью; корни этого креста насаждены въ землѣ, а вѣтви простерты въ небеса; его листья не увѣдаютъ, цвѣтъ не отпадаетъ и плодъ безсмертенъ; объ этомъ древѣ воспоминаетъ Давидъ, говоря: *и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водахъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ* (Пс. 1, 8). Объ этомъ деревѣ, прозвѣвъ пророческимъ окомъ, что оно будетъ приготовлено іудеями для Христа, съ обличеніемъ вознѣхалъ на нѣмъ Іеремія: *приидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его и истребимъ его отъ земли живущихъ* (Іер. xi, 19). Древо—это крестъ, хлѣбъ—тѣло Христово. Въ самомъ дѣлѣ, Господь, взявъ хлѣбъ, сказалъ: *сіе есть тѣло Мое, еже за вы ложимое во оставленіе грѣховъ* (1 Кор. xi, 24; Мѣ. xxvi, 28). Взойдя на это древо креста, Господь нашъ Іисусъ Христосъ распростеръ руки Свои и, прогнавъ летающія въ воздухѣ силы, сдѣлалъ для насъ безпрепятственнымъ доступъ на небо, а въ вѣрѣ указалъ намъ и лѣстницу, возводящую отъ земли на небо. Невѣроятнымъ—не правда ли—кажется вамъ все это, возлюбленные? Стоитъ древо креста, на немъ распространяется истинная виноградная лоза, говорящая: *Азъ есмь лоза истинная* (Іоан. xv, 1); для діавола эта лоза была смертоносною, для насъ же живоносною, защищающей насъ отъ зноя грѣховъ и доставляющей намъ успокоительную тѣнь. Сидящій подъ тѣнью ея повторяетъ сказанное Соломономъ: *подъ стнѣ Ею восстомазъ и спдомазъ, и плодъ ея сладокъ въ юртани моемазъ* (Пѣсн. П. п, 8). Въ этой тѣни блаженный Давидъ почерпалъ мужество: *и на стнѣ крилу твоею надѣюся*. До чего? *Дондеже преидеть беззаконіе мое* (Пс. lvi, 2). О, дивное дѣло и необычайное таинство! Источникъ лежалъ на деревѣ и напоилъ Собою крестъ; проивенный копьемъ въ ребро Свое, Онъ испустилъ кровь и воду, кровью Своею одѣвъ крестъ какъ багрянницею, а водою напоивъ его корни, чтобы на немъ всегда прозябали для вѣрныхъ безсмертныя плоды. О, блаженное древо, которое цари почитаютъ и влстители ублажаютъ! Въ тебѣ и мужи, и жены, и всякое созданіе и естество человѣческое имѣютъ орудіе сохраненія и спасенія, тебя демоны трепещутъ и діаволъ страшится, ангелы воспѣваютъ и силы небесныя благословляютъ, церкви же почитаютъ распявшагося на тебѣ Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда о фарисеѣ.

Когда чадолюбивый отецъ чувствуетъ сильное влеченіе побесѣдовать съ своими дорогими дѣтьми, а между тѣмъ они по своему младенческому возрасту не въ состояніи слышать и понимать совершенныхъ рѣчей, тогда отецъ, измѣнивъ голосъ и оставивъ чистоту правильной рѣчи, начинаетъ лепетать съ ними, такимъ способомъ бесѣды подготавливая своихъ любимцевъ къ болѣе разумному употребленію словъ. Точно такимъ же образомъ Господь нашъ по великой любви Своей къ Своему созданію, будучи Богомъ—Словомъ, усвоилъ Себѣ человѣческое слово и пришелъ къ намъ, чтобы Своей бесѣдою и пребываніемъ между нами научить насъ и, давъ намъ небесное откровеніе, возвести насъ по небесной лѣстницѣ, т. е. по лѣстницѣ упованія. Вотъ, приглашаетъ Его фарисей къ себѣ на вечерю, какъ сейчасъ слышали мы въ читанномъ евангеліи, и Онъ не уклоняется отъ этого приглашенія, потому что и пришелъ Онъ не для того, чтобы показать достоинство Своего божества, но чтобы падшее человѣчество избавить изъ пренеподней. Приглашается на вечерю къ фарисею и не отказывается, чтобы и богатыхъ научить не презирать трапезы бѣдныхъ, и праведныхъ вразумить не гнушаться трапезы грѣшниковъ. Многіе вѣдь, считая сами себя праведными, гнушаются трапезы грѣшниковъ, какъ въ свою очередь богатые пренебрегаютъ угощеніемъ бѣдныхъ. И вотъ Господь, желая, чтобы всѣ были дружелюбны, братолюбивы, любвеобильны и смиренны, первый показываетъ примѣръ, чтобы этимъ Своимъ поступкомъ научить всѣхъ. Поэтому Онъ и говоритъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѣ. хі, 29). Такъ и ты, ревнитель благочестія, не отказывайся, если тебя будетъ приглашать къ себѣ какой-нибудь грѣшникъ. А если кто-либо станетъ упрекать тебя, вѣдь ты ѣшь и пьешь съ грѣшниками, то отвѣчай такъ: *не требуютъ здравію очей, но болици* (Мѣ. ix, 12); я праведенъ—не для того, чтобы спасти праведныхъ, но для того, чтобы грѣшниковъ обратить. Приглашается Господь на вечерю и не отказывается,—Онъ, пятью хлѣбами до сытости напитавшій въ пустыни пять тысячъ, иссушившій непроходимое море и проводшій чрезъ него Израиля какъ бы по зеленому лугу, съ небезъ одождившій имъ манну, блиставшую цѣлый день бѣлоснѣжнымъ блескомъ. Приглашается Господь на вечерю и не отказывается, на вечерѣ преподавая Свои лучшія наставленія тѣмъ, которые Его угощали; конечно, Онъ и пришелъ на вечерю не для того, чтобы насытиться угощеніемъ фарисея, но чтобы самого фарисея напитать божественнымъ ученіемъ. Приглашается на вечерю—и идетъ въ домъ фарисея, прикрывая божество человѣчествомъ, чтобы, узрѣвъ вдругъ блиставшій лучъ божества, не бѣжалъ изъ дома самъ Его приглашавшій.

Входитъ въ домъ фарисея — небесный Царь къ рабу — и прикрываетъ Свое царское достоинство тѣлесной оболочкой словно доспѣхами, чтобы не содрогнулся рабъ, увидавъ небеснаго Царя, и не зарылся въ землю. Входитъ въ домъ фарисея Солнце правды, прикрывая облакомъ тѣла золотистый блескъ Своихъ лучей, чтобы не ослѣпить человѣка, устроившаго на Него глаза. Входитъ въ домъ фарисея небесный Пастырь: оставивъ въ горахъ девяносто девять овецъ, Онъ приходитъ за потерянной; входитъ въ Свой дворъ, скрывая Пастыря въ тѣлѣ агнца. Онъ несетъ съ Собою не посохъ, не жезлъ, угрожающій за прежнее заблужденіе, чтобы и безъ того робкую и испуганную овцу не заставить опить бѣжать отъ своего Пастыря. Однимъ словомъ, Онъ входитъ въ домъ фарисея не какъ Богъ, не какъ Царь, не какъ Солнце правды, но какъ человѣкъ къ человѣку, какъ овца къ овцѣ. Находится подъ однимъ кровомъ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ пасется, вмѣстѣ возсѣдаетъ, входитъ, совозлежитъ съ падшимъ уже по причинѣ грѣха, чтобы совмѣстнымъ возлежаніемъ возставить падшаго. И Онъ вошелъ безъ омовенія, требуемаго обычаями фарисеевъ. Сдѣлавъ же это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы дать овцѣ поводъ говорить противъ Пастыря, а во-вторыхъ, чтобы показать несостоятельность ученія іудейскаго и утвердить духовное. Увидѣвъ это фарисей, говоритъ евангелистъ, т. е., что Господь безъ омовенія приступилъ къ вечерѣ, и удивился, не одобряя Учителя, но сомнѣвался о случившемся, не одобряя, но осуждая. И нужно было видѣть, возлюбленные, Создателя, осуждаемаго Его созданиемъ, горшечника, поучаемаго глиною. Это испытывалъ фарисей, не видя тайными очами сердца въ своемъ гостѣ верховнаго Владыку ангеловъ. А если бы усмотрѣлъ Его, тогда припалъ бы къ Его ногамъ, слезами омылъ бы Его ноги и говорилъ бы: *милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лк. хviii, 13). Конечно, онъ сказалъ бы тогда: Ты все воззвалъ отъ небытія къ бытію; словомъ Твоимъ утверждены небеса и духомъ устъ Твоихъ устроена вся сила ихъ. Ты собралъ какъ бы въ мѣшокъ воды морскія, заключивъ ихъ въ сокровищницахъ бездны; Тебя трепещетъ вся вселенная (Ис. xlii, 6—8). Но ничего подобнаго и не подумавъ, и не высказавъ, онъ осудилъ Владыку. Господь самъ далъ ему поводъ къ такому осужденію, какъ самаряникъ тѣмъ, что попросилъ у нея воды, далъ поводъ просить у Него самого воды небесной (Іоан. iv, 9). Итакъ, постепенно Господь начинаетъ обращать овцу и отъ заблужденія руководить ее къ истинѣ. *Нинѣ вы, фарисее, говорите Онъ, внѣшнія сткляницы и блюда очищаете, внутреннее же ваше полно грѣбмнѣи и лукавства* (Лк. xi, 39). То есть: теперь вы очищаете тѣло, а души скверните. Но какое удовольствіе можетъ доставить золотой сосудъ, если внутри онъ наполненъ смертоноснымъ питьемъ? Не таковы ли блудницы, которыя лица свои расписываютъ красками, а души погружаютъ во мракъ? Но окрашивая пурпуромъ свои лица, не при-

готовляютъ ли онѣ собственными перстами изображенія ожидающаго ихъ огня? Слѣдовало бы имъ окропить свои сердца кровью Іисуса, или лучше—окрасить въ розовый цвѣтъ, и убѣлить сердца свои духомъ, чтобы цвѣтъ души ихъ своимъ блескомъ отличался какъ роза среди лилій. А онѣ вмѣсто того воспламеняютъ свои лица, чтобы разжигать до безумія сердца юношей. *Нимъ вы, фарисее, вышнняя сткляницю и блюди очищаете, внутреннее же ваше полно грабленія есть и неправды.* Какъ бы такъ говорилъ Онъ: зачѣмъ вы оmyваете тѣло водою, а недостатковъ души не исправляете? Осмѣюсь и я сказать, возлюбленные, что никакой пользы не будетъ человѣку отъ тѣлеснаго омовенія, если чистотѣ тѣла не отвѣчаетъ чистота его души, если она не сопровождается милостыней. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сосудъ, вымытый и изнутри и снаружи, но не наполненный питьемъ, не можетъ утолить жажды жажущаго, равно какъ и блюдо,—такъ точно и человѣкъ, хотя бы онъ былъ совершенно чистъ и внутри и снаружи, не будетъ приятенъ Господу, если не напѣкаетъ подобнаго себѣ. Поэтому Господь и прибавилъ: *обаце отъ сущихъ, дадите милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* (ст. 41). *Обаце отъ сущихъ*, потому что не столь пріятны Ему богатія припошенія, сколько нелицемѣрная и искренняя жертва. Не печалься же бѣднякъ, что нѣтъ у тебя ни золота, ни грудъ серебра; бросай въ сокровищницу то, что имѣешь: и двѣ лепты оправдываютъ. Вспомни жертву той вдовицы, которая была оправдана больше, чѣмъ богатые жертвователи. Вѣдь Богъ, конечно, не за вѣсомъ денегъ сѣдѣтъ, но совѣсть испытываетъ. Милостыня очищаетъ нечистоты души и уготовляетъ блага въ награду; милостыня—насушная необходимость души, милостыня убѣляетъ души, милостыня—ободреніе души, лучшее вооруженіе для нея. Бросьте золото—и получите Господа; дайте серебро—и получите освященіе; расточите мѣдъ—и вмѣстѣ съ нею утратите ядъ грѣха; обратите огонь въ росу и раздайте одежды, чтобы облечься во Христа Іисуса Господа нашего, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Лазарѣ и богачѣ, бесѣда шестая.

1. Церковь является для насъ величайшимъ училищемъ: здѣсь 591 богатые вразумляются и исправляются, а бѣдные находятъ себѣ успокоеніе и утѣшеніе. Вотъ и сейчасъ, возлюбленные, намъ предстоитъ заняться дѣломъ ученія. Послѣдую наставленіямъ предъидущаго евангелія, воспользуемся нынѣ читаннымъ и постараемся извлечь изъ него полезное для всѣхъ васъ. Сегодневное евангельское чтеніе изображало 592 намъ жизнь богача и бѣдняка: богачъ утопалъ въ нѣгѣ и наслажденіи, а бѣднякъ проводилъ жизнь въ нищетѣ. *Человѣкъ нѣкій бы богатъ и*

598 облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни светло. Ницъ же бѣ никто именемъ Лазарь, иже лежаще предъ вратами его носилъ и желалъ насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго, и никто же далъше ему, но и пси приходилше облизати ной еб (Лук. хvi, 19—21). Этотъ разсказъ необходимо, возлюбленные, разобрать обстоятельно, чтобы, какъ моряки—изъ опыта своихъ предшественниковъ, могли и мы научиться изъ него избѣгать подводныхъ скалъ, причиняющихъ кораблекрушеніе, чтобы съ одной стороны богатые вразумились, видя, какое наказаніе понесъ изображаемый адѣсь богачъ, а съ другой стороны бѣдныя, видя на примѣрѣ Лазаря, какъ блестяще оправдываются ихъ надежды, охотнѣе проходили путь жизни среди выпадающихъ на ихъ долю скорбей. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ. Человѣкъ нѣкій.* Онъ не названъ по имени, не удостоился такой чести, какъ Іовъ, о которомъ было написано: *человѣкъ нѣкій ближе во странѣ Асситидійстѣй, емуже имя Іовъ* (Іов. i, 1). Объ его имени умолчано: какъ безплодный, онъ лишентъ и имени (вѣдь праведныхъ имена въ книгѣ жизни, а имена грѣшниковъ изгладятся безслѣдно), ему оставлено только общее родовое имя—человѣкъ: это имя ужъ конечно для всѣхъ людей является общимъ. Не имѣя отличительнаго собственнаго имени, онъ отличался за то особенною суровостью своего злого нрава. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ.* Сродный бѣдному Лазарю по тѣлесной природѣ, онъ былъ чуждъ ему по наслѣдію Христову по причинѣ озлобленной своей воли. *Человѣкъ нѣкій бѣ.* Человѣкомъ онъ былъ по вѣншности, а по праву это было животное, питающееся въ одиночку. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ.* Богатъ стяжаніями, богатъ преступленіями, богатъ мѣдью, богатъ грѣховнымъ ядомъ; озаренъ блескомъ серебра, но омраченъ грѣхами; богатъ золотомъ, но бѣденъ Христомъ; много одеждъ имѣлъ онъ, но душа его не имѣла покрова; драгоценныя одежды хранились у него, но лишь множество тли питалось ими. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ.* Цвѣтя богатствомъ, онъ не имѣлъ цвѣта правды: дерево осеннее, безплодное, вдвойнѣ мертвое. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ и облачашеся въ порфиру и виссонъ.* Онъ облачался въ порфиру, но отъ царства Божія былъ отверженъ; не кровію Христовою обогрена была его порфира, она была окрашена кровью морскихъ раковинъ; не залогомъ царства небснаго служила она для него, но предзнаменовала его страшный огонь геенскій. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ и облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни светло.* Не о Господѣ веселился онъ, какъ праведные (вѣдь для праведныхъ радость—память о Богѣ, какъ свидѣтельствуеть, напримѣръ, Давидъ: *помянухъ Бога и возвеселихся*—Пс. lxxvi, 4); его увеселенія заключались въ пьянствѣ, распутствѣ, объяденіи, пресыщеніи; однимъ словомъ онъ былъ ничѣмъ не лучше свиней, валяющихся въ грязи. *Ницъ же бѣ никто именемъ Лазарь.* Бѣднаго Господь назвалъ по имени, обозначеніемъ имени воз-

давая ему честь. *Никто же бы никто именемъ Лазарь, нже лежаще предъ брати ею*, почти потопляемый волнами нищеты, а немного спустя съ честью несомый ангелами на лоно Авраамово. *Никто же бы никто именемъ Лазарь, нже лежаще предъ брати богатаго иноемъ* (ст. 20). О, какимъ бѣдствіямъ подвергался бѣдный! Тячайшей бѣдностью онъ былъ пригнетенъ какъ (колосъ) сильнымъ градомъ; палящими нарывами какъ искрометными угольями разѣдалось его тѣло; отовсюду устремлялись на него потоки горя, разрушая тѣло и разрывая сердце; никакого ослабленія, никакого облегченія онъ не находилъ себѣ ни въ чемъ *Внуду брани, внутрѣду болзни* (2 Кор. vii, 5). Совнѣ тѣло истощалось нарывами, а внутри сердце грызали неотступныя заботы. На плодоносная нива не доставляла ему сѣмянъ хлѣба, ни виноградъ не приносилъ ему сладкихъ гроздьевъ, ни дерево осенью не давало ему своихъ сочныхъ плодовъ, ни другое какое нѣзъ произведеній земли не служило для него утѣшеніемъ въ его бѣдности. И вотъ этотъ-то человекъ, у котораго не было ни пяди обработанной земли, ни локтя кровли для жилья, выброшенъ былъ подѣ открытое небо на навозную кучу! Навозъ и днемъ и ночью служилъ для него покровомъ, зимою нѣсколько согрѣвая его, а лѣтомъ немилосердно обжигая. Сплошными ранами покрыто было его тѣло. Трудъ земледѣльца былъ для него непосиленъ, путешествія и торговныя предпріятія для него были невозможны, да и ни къ какимъ другимъ способамъ борьбы съ нуждою онъ не былъ способенъ. Во всемъ у него былъ недостатокъ, во всемъ лишеніе. Стоны прежде слезъ 594 рождались въ его сердцѣ, подобно терніямъ; потоки слезъ стремились по его щекамъ, такъ что отъ постоянного теченія слезъ его щеки покрылись бородами. Во снѣ искалъ онъ смерти и на яву призывалъ ее,—но она не являлась. Онъ ждалъ смерти какъ избавленія отъ всѣхъ трудовъ и заботъ, подобно многострадальному Іову. Вѣдь и тотъ, потерявъ богатства, стада, имущества, совершенно обнаженный, снѣдаемый червями, лежалъ на гноищѣ и желалъ смерти. Вотъ что говорилъ онъ: *почто данъ есть сущимъ въ горести сътъзъ и сущимъ въ болѣзняхъ дуцамъ животъ? Нже желаютъ смерти и не получаютъ, ищущи якоже сокровища, обрѣдѣвани же бывають, аще улучать: смерть бо мужу покой* (Іов. iii, 20—23). *И жслаше, говорится, насытитися отъ крутиизъ, падающихъ отъ трапезы богатаго и никто же далше ему* (Лук. xvi, 21). О, противорѣчіе жизни! Богатый утопалъ въ бурномъ потокѣ наслажденій, а бѣдный манимогалъ подѣ игомъ бѣдности, не имѣя ни одной капли влаги для освѣженія. Отчего въ самомъ длѣ теченіе жизни не привело ихъ къ взаимному общенію? Отчего? Чтобы бѣдный воспринялъ свѣтлыя вѣицы за свое терпѣніе, а богатому за то, что онъ довелъ свою душу до озвѣрѣнія, своими зубами пришлось грызть невѣрный виноградъ. Но и пси, говорится, *приходиле облизаву инѣ ею*. Псы оказались человѣчнѣе богатаго и добрѣе его. Онъ никогда капли масла

не удѣлили бѣдному, а псы, остроту зубовъ укрощая челоуѣколюбіемъ, мягкимъ языкомъ своимъ врачевали его, удаляя съ его ранъ всякую нечистоту и запекшуюся кровь; гладкостью языка заглаживая его лютыя нарывы, они незамѣтно облегчали тяжесть его ранъ. Богатый же никогда не удостоилъ бѣдника милостивымъ взглядомъ или словомъ, хотя бы бесполезнымъ; не бросилъ ему ни рубища, ни остатковъ ѣды, ни одного гроша, покрытаго ржавчиной, ни хлѣба, ни даже корки хлѣбной, тронутой плѣсенью. но все это отправлялъ чрезъ горло въ свою утробу, какъ будто она была всеобъемлющей.

2. И что же? Каковы заслуги каждаго, таково и воздаяніе. *Бысть же, говорится, умерти нищему и несену быти ангелы на лоно Аврааме* (ст. 22). Едва избѣгнувъ тягостей и тревоженій бѣдности, онъ прибылъ въ тихую пристань Авраама. *Бысть же, говорится, умерти нищему и несену быти ангелы на лоно Аврааме*. Видишь, какъ за порогомъ этой жизни бѣдность окружается попеченіемъ ангеловъ? *Умре же и богатый и погребомъ его* (ст. 22). Относительно богатаго тотчасъ упоминается и гробъ, согласно съ словами Давида: *и гроби изъ земли изъ во оукъ* (Пс. xlviii, 12). Поэтому и говорится тебѣ: бѣдный, не бойся, *егда разбогатѣетъ челоуекъ, яко, егда умерти ему, не возметъ вся, ниже скидетъ съ нимъ слава его* (Пс. xlviii, 17, 18). Все оставить онъ здѣсь—рабовъ, прислужниковъ, угодниковъ, прихлебателей, льстецовъ, колесницы, златоуздыхъ коней, бани, помѣстья, дома съ раззолоченными потолками и мозаичными полами, царство, могущество, власть,—все это оставить онъ здѣсь и уйдетъ отсюда нагимъ. И находясь въ аду, *возведъ очи свои,—замѣтъ, на какой глубинѣ находился богатый и на какой высотѣ бѣдный,—и возведъ, говорится, очи свои, богатый узрѣ Авраама и Лазаря на лонѣ его* (ст. 38). Почему, однако, не Лазарь увидѣлъ богатаго? Потому, конечно, что кто находится среди свѣта, тотъ не видитъ находящагося во тьмѣ, а кто во тьмѣ находится, тому видно находящагося въ свѣтѣ. И сказалъ: *отче Аврааме, помилуй мя!* Говоришь: „помилуй“ теперь, когда уже прошло время милости. Развѣ ты не слышалъ говорящаго: *судъ безъ милости не сотворишему милости* (Іак. ii, 13)? Каешься теперь, когда нѣтъ мѣста для исповѣданія; не слышалъ развѣ, что сказалъ Давидъ: *во адъ же кто исповѣстася Тебѣ* (Пс. vi, 6)? *Помилуй мя и помил Лазаря*. Ты знаешь Лазаря? Ты узналъ того, кто лежалъ въ навозной кучѣ, и кого ты не желалъ нѣкогда удостоить равной чести съ собаками? Но вѣдь ты—во дни благоденствія твоего—затворилъ предъ нимъ свои нѣдра; такъ и я теперь—въ день наказанія—затворяю предъ тобою нѣдра милости. Развѣ ты не слышалъ, какъ Богъ чрезъ всѣхъ пророковъ зывалъ къ тебѣ, говоря: *милость и судъ снабди и приближайся къ Богу своему присно* (Ос. xii, 6), потому что *милости хочу, а не жертвы* (Ос. vi, 6); *блажени милостивии, яко тѣмъ помиловани будутъ* (Мѣ. v, 7), и еще:

милуй нища взаимъ даетъ Богови (Притч. xix, 17)? Итакъ, гдѣ ты сѣялъ, тамъ ищи и пожни; гдѣ расточилъ, тамъ и собирай. Ты никогда не разбрасывалъ сѣмянъ милостыни, ничего не давалъ взаимъ Богу посредствомъ милостыни бѣдному, но все собиралъ и употреблялъ для своего чрева. А гдѣ было сокровище твое, тамъ пусть будетъ и сердце твое. *Помилуй мя и пошли Лазаря, да омочитъ концы перста своего въ воду и устудитъ языкъ мой, яко вѣло стражду въ пламени семъ* (ст. 24). Терпѣть наказаніе языкъ, который служилъ ему для наслажденія пищею; ояъ просить каплю воды, между тѣмъ какъ при жизни никогда не подалъ жаждущему хотя бы чашу холодной воды во имя ученика. Если бы при жизни ты подѣлился съ Лазаремъ своимъ добромъ, то теперь раздѣлилъ бы съ нимъ царство; если бы тогда былъ сострадательнъ къ бѣднымъ, то теперь избѣжалъ бы тяжкаго осужденія,—потому что *блаженъ разумѣющій на нища и убога: въ день люта избавитъ его Господь* (Пс. xl, 2). Щедро бросай богатствомъ твоимъ въ бѣдныхъ, чтобы заровнять имъ ту огненную бездну; обильнымъ потокомъ пусть струится твое милосердіе, чтобы потушить тотъ пламень; поддержи жизнь сиротъ—и вотъ ты убилъ уже неусыпающихъ червей: отри слезу вдовы—и ты освободилъ душу свою отъ гнета грѣховъ. Для того вѣдь тебѣ и прочтено это, чтобы ты, идя по слѣдамъ немилосерднаго богача, не подвергся тому же самому наказанію въ гееннѣ. А ты, бѣдный, не унывай и не падай духомъ, какъ бы волны бѣдности тебя ни стѣснили. Взирай на славнѣйшаго Лазаря, сюда устремляя свой взоръ и днемъ и ночью, чтобы, управляя свою жизнь рулемъ терпѣнія, ты достигъ той же самой спасительной пристани, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о мытарѣ и фарисеѣ.

1. При взглядѣ на лугъ, уже надали бросается въ глаза прелестное разнообразіе цвѣтовъ,—красоту которыхъ, впрочемъ, возможно рассмотреть лишь тогда, когда подойдешь къ нимъ настолько, что можно брать руками. То же самое можно наблюдать, влюбленный, и въ отхоженіи церкви, только здѣсь въ качествѣ цвѣтовъ предлагаются желающимъ чтенія изъ боговдохновенныхъ Писаній. Удивительныя явленія можно бы наблюдать въ этихъ духовныхъ садахъ; здѣсь можно видѣть ликующихъ пророковъ, начальствующихъ апостоловъ, торжествующихъ мучениковъ, ангеловъ, содѣйствующихъ людямъ, учителей, подвижалъ

щихся въ борьбѣ за благочестіе; здѣсь можно видѣть изобильную благодать Духа, словесныя стада, запечатлѣнныя Владычней кровью, и наконецъ то, что выше всего сказаннаго,—вершину благъ, утвержденіе надеждъ, главу наслажденія, совершенство радости,—я разумѣю евангелія Христовы, въ которыхъ предлагается совершенствованіе нашей жизни. Итакъ, обратимъ взоры свои сюда—къ Владыкѣ Христу, дарующему всякое наслажденіе рабамъ Своимъ. Здѣсь мы увидимъ, какъ отъ нихъ отгоняются недуги, море утишается, вѣтры прекращаются, смерть запрещается, адъ лишается добычи, демоны изгоняются, грѣшники обращаются къ своему Владыкѣ. Эти дары предложилъ Христосъ въ божественныхъ евангеліяхъ, въ которыхъ намъ возвѣщено и то, какъ праведники сіяютъ больше солнца, и то, какъ члены больныхъ укрѣпляются, разслабленные, носимые на постеляхъ, начинаютъ ходить, мытари становятся евангелистами, прокажа отряхивается по волѣ Его какъ пыль, горячка изгоняется словомъ Владыки, мертвые оживаютъ, гробы возвращаютъ къ жизни заключенныхъ; въ нихъ гордость фарисея смиряется, смиреніе мытаря возвышается. При обиліи такихъ благъ не трудно на-
596 питаться и крошками. И я увѣренъ, что и въ этотъ разъ вы съ обычнымъ снисхожденіемъ выслушаете мои слова, наполнивъ сокровищницы душъ вашихъ насыщеніемъ проповѣдуемыхъ благъ. А если вы, съ Божіей помощью, примете участіе въ этой скудной трапезѣ, то и я, ободренный вашей любовью, готовъ принять на себя трудъ учительства. Итакъ, напомнимъ вамъ недавно читанное: для всѣхъ васъ, богатыхъ, я—бѣдный угоститель, явившійся для того, чтобы устроить для васъ это духовное пиршество. *Человѣчка два*, говоритъ евангелистъ, *отидоста отъ церковъ помолитися: единъ фарисей, а другій мытарь* (Лк. хviii, 10). Фарисей—хвастливый ревнитель праведности, пожавшій раньше времени плоды добродѣтели, обогатившійся болѣе гордостью, чѣмъ деньгами, пустой надменностью отрясшій плодъ добродѣтелей, обладатель высокомерія, обвинитель всей природы, нечеловѣколюбивый обличитель, беспощадный поноситель, волненіе, угрожающее молитвѣ мытаря. И пусть никто не принимаетъ моихъ словъ за простое злословіе: выслушавъ самъ рѣчи фарисея, всякій убѣдится въ истинности сказаннаго мною. *Боже*, говоритъ онъ, *хвалю тебѣ воздаю, яко нѣсмъ якоже прочіи человеци!* Самого себя ты считаешь праведнѣе всѣхъ? *Нѣсмъ якоже прочіи человеци.* Что дѣлаешь, фарисей? Пусть твоего вниманія не заслуживаютъ подобныя тебѣ люди; но Невзмѣняемый и Человѣколюбецъ сдѣлался человекомъ: хотя о Немъ подумай—и отступись отъ своихъ высокомерныхъ рѣчей! Скажи хотя бы такъ: *якоже прочіи человеци, хищники, неправедники, прелюбодни.* Всѣ хищники кромѣ тебя, фарисей? Всѣ неправедные, ты одинъ только праведникъ? Всѣ блудники, и добродѣтель цѣломудрія свойственна только тебѣ? *Нѣсмъ якоже прочіи человеци, хищники, неправедники, прелюбодни, или якоже сей мытарь* (ст. 11). Только что начала опе-

ряться мысль этого человѣка, только что началъ онъ расправлять крылья души своей, чтобы устремиться къ небу, а ты отягчаешь его тяжестью своихъ рычей, препятствуешь его исповѣданію влетѣть къ Человѣколюбцу. Зачѣмъ попираешь ты лежачаго? Зачѣмъ подкладываешь дрова на его огонь (Сирах. viii, 4)? Зачѣмъ обвиняешь того, кого и безъ тебя неослабно поражаетъ совѣсть? Или *якоже сей мытарь*. Но какія дѣянія мытаря тебѣ извѣстны? Занимается ли онъ разбоемъ? Присволяетъ ли себѣ чужіе труды? Похищаетъ ли чужое? Жнетъ, гдѣ не сѣялъ? Собираетъ, гдѣ не терялъ? Ставить сѣти путникамъ? Ничего подобнаго ты, фарисей, за нимъ не наблюдалъ, но видишь его предъ собою жалкимъ, достойнымъ жалости и помощи. Онъ лежитъ ницъ, ударяетъ себя въ грудь, какъ вмѣстилище зла, глазъ не смѣетъ поднять на небо; можетъ быть и отъ зѣвадь онъ ожидаетъ обвиненія или—скорѣе—думаетъ, что множество грѣховъ его написано на тверди небесной; какъ подудимый, онъ и становится вдали отъ святилища. *Милостивъ буди ми*, восклицаетъ онъ, какъ уже осужденный. Развѣ ты не читалъ написаннаго: *не ругайся человеку въ юрести его* (Сир. vii, 11)? Онъ въ горѣ; вмѣсто множества обвинителей его отовсюду окружаютъ мрачныя мысли; укоры совѣсти побуждаютъ его бить себя въ грудь; онъ самъ для себя сдѣлался палачемъ. Его угнетенность тебя не трогаетъ? Не возбуждаетъ въ тебѣ состраданія эго поникшее долу лице? Не смягчаетъ твоего безсердечія видъ этого человѣка, не смѣющаго очей возвести къ небу? Когда онъ былъ мытаремъ, тогда тебѣ нужно было упрекать его подобнымъ образомъ, а ему слѣдовало тогда стыдиться не только предъ тобою, но и предъ всякимъ человѣкомъ. А теперь, когда онъ созналъ свои грѣхи, когда, увидѣвъ раны души своей, прибѣгъ къ Врачу, безмолвно врачующему, когда, вспомнивъ о своихъ прегрѣшеніяхъ, онъ припалъ къ непамятовлобному Владыкѣ, теперь напрасно, о, фарисей, ты его унижаешь. Или *якоже сей мытарь*. Развѣ нѣтъ другихъ мытарей, еще не полюбившихъ сладостный плачъ покаянія? Если ужъ у тебя такъ сильно желаніе обвинять грѣшниковъ, обрати твой языкъ противъ нихъ, до сихъ поръ еще увязающихъ въ сѣтяхъ корыстолюбія. А противъ этого твоя непріязнь излишня и напрасна. Не только ему ты не повредишь, но и еще болѣе побудишь Владыку поспѣшить съ прощеніемъ ему.

2. *Мытарь же, говорится, издавеча стоя, не хотѣше ни очю возвести на небо* (Лук. xvi, 18). Совершенно такъ, какъ будто онъ самъ произнесъ эти слова Манассія: *нѣсмъ достоинъ воззрѣти и видѣти высоту небесную отъ множества неправдъ моихъ* (Псалм. cxxvi). Много вѣдь пороковъ было собрано тогда въ душѣ мытаря: неутоимая страсть къ деньгамъ, безпредѣльная любовь къ неправдѣ, ненасытное хищеніе; мытарь—общее зло для человѣческой природы, законный обидчикъ, хищникъ, не подлежащій обвиненію, безстрашный воръ, неули-

чуждый разбойникъ, неустраняемый вредъ, волкъ разумныхъ овецъ, звѣрь въ образѣ чловѣка. Съ такими пороками вошелъ мытарь въ храмъ. Натворивъ всѣхъ этихъ бѣдъ и вваливъ на свою душу тяжкое бремя грѣховъ, онъ почувствовалъ невыносимую тяжесть своей ноши и тогда-то сталъ искать облегченія себѣ, но нигдѣ не находилъ его. Послѣ страшныхъ усилій онъ нашелъ наконецъ способъ облегченія: онъ вспомнилъ обращенный къ грѣшникамъ призывъ Господа: *приидите к Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы* (Мѡ. хі, 28). Вспомнивъ объ этихъ словахъ, онъ поспѣшилъ къ храму Божию съ тяготѣвшимъ надъ нимъ бременемъ; изнемогая подъ его тяжестью, но въ силахъ будучи сносить его болѣе, онъ палъ на лице свое и говорилъ Владыкѣ: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* За мною нѣтъ никакого добраго дѣла, я отягощенъ одними пороками, мои беззаконія превзошли число песка морского, умножились больше, чѣмъ волосы на моей головѣ. Я вижу уже, какъ обиженные мною призываютъ на меня судъ Твой; слышу, что предъ престоломъ Твоимъ будутъ положены отверстыя книги, въ которыхъ конечно и вопли путниковъ записаны. Никакая неправда не укроется отъ Твоего неподкупнаго ока; для оправданія время прошло, для бѣгства не остается мѣста. Я не смѣю поднять глазъ къ небу, но и на землю, свидѣтельница моихъ преступленій, боюсь посмотрѣть. Даже бездушная природа обличаетъ великаго грѣшника. Поэтому, прибѣгая къ Тебѣ, Владыкѣ всѣхъ, одну только эту нахожу мольбу о помощи: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* Велика груда моихъ волъ, но что она предъ бездною Твоей благости? Для чловѣческихъ силъ мое спасеніе невозможно, но для Тебя, Владыко, все возможно. Конечно, если Ты сошелъ на землю ради праведныхъ, тогда я напрасно пришелъ въ храмъ Твой, возгнушавшись своимъ ремесломъ: но если и на грѣшниковъ Ты обращаешь вниманіе, или—лучше сказать—ради нихъ Ты и снизошелъ къ Своему созданію, тогда не оставь неоправдавшагося моею надежды на Тебя, но уврачуи мое сокрушенное сердце, оживотвори меня, помертвѣвшаго отъ грѣховъ. Прикоснулася къ Тебѣ блудница, и грязь пороковъ своихъ омыла; краемъ одежды Своей прикоснулся Ты къ вѣрной женѣ, и иссушилъ теченіе кровей ея; приблизился къ разслабленному, лежащему на одрѣ, и онъ всталъ и понесъ одръ свой; проходя мимо, увидѣлъ Ты слѣпца, и возвратилъ ему даръ зрѣнія; помазавъ брѣніемъ сосудъ, сдѣланный изъ брѣнія, Ты исправилъ тѣлесный изъянъ, открылъ доступъ свѣту и показалъ чловѣку красоту созданія; Ты увидѣлъ плачущую женщину, и, поразивъ адъ прежде воскресенія Своего, извелъ оттуда Лазаря, исторгнувъ чловѣка отъ смерти, какъ бы изъ устъ льва. Увидѣвъ чловѣка, въ горѣ припадающаго къ Тебѣ, ужасно пораженнаго бѣдствіемъ утраты ребенка, Ты тотчасъ преклонился къ его мольбамъ и позвалъ дѣвцу; на Твой зовъ дѣвица встала, а смерть убѣжала. Возопила къ Тебѣ

жѣла ханаанянка, видя свою дочь мучимую бѣсомъ, и возопиши: *помилуй* (Мѣ. хv, 22), не обманулась въ своей надеждѣ, потому что, принявъ вѣру ея, Ты отогналъ отъ овцы волка и удалилъ бѣшеннаго обитателя, дѣвицѣ даровалъ исцѣленіе и утишилъ печаль матери. Немногими хлѣбами Ты напиталъ народъ въ пустынѣ. И я голодаю голодомъ правды и прошу небольшой крошки Твоего человеколюбія: и меня, какъ одного изъ тѣхъ, облагодѣтельствованныхъ Тобою, помилуй! Моя душа изранена, какъ у блудницы прежде покаянія; мною все гнушаются, какъ кровоточивой до исцѣленія, считавшейся по закону нечистой; я разслабленъ душою больше, чѣмъ разслабленный—тѣломъ; я страдаю очами души, какъ слѣпой отъ рожденія—очами тѣла; я мертвъ отъ постоянныхъ паденій, моя душа заключена въ тѣлѣ, какъ Лазарь былъ заключенъ въ гробу. На мнѣ одномъ отяготѣли чуть ли не все тѣ бѣдствія, которыми угнетены были—каждый въ отдельности—тѣ, которые Тобою помилованы. Но Ты, всехъ помиловавшій, помилуй и меня: *Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшнику!* Что же на это человеколюбивый Судія, щедрый наградитель совершающихъ путь покаянія? И похвалѣбу фарисея Онъ обуздаль, и покаяніемъ мытаря былъ тронутъ. 599

Послѣ того какъ первый изъ нихъ словами своими какъ бы сильными вѣтрами отрясъ плодъ души, а второй, уничиживъ самого себя, не встрѣтилъ другого обвинителя, каждый изъ нихъ получалъ по достоинству свое. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавшагося своимъ собственнымъ обвинителемъ Господь отпустилъ свободнымъ отъ осужденія, а фарисей, выставившій на видъ свои добродѣтели, оказался бѣднѣе мытаря. Съ обоими совершился поворотъ: у одного бѣдность смѣнилась богатствомъ, другой отъ богатства ниспалъ къ бѣдности. Въ самомъ дѣлѣ, что говорятъ Господь? *Аминь глаголю вамъ: яко снуде сей оправданъ въ домъ свой нате оного* (ст. 14). О, какое зло—недугъ гордости! Фарисей вошелъ въ храмъ богатымъ, какъ бы увѣнчаннымъ цвѣтами добродѣтелей; вмѣстѣ съ нимъ вошелъ мытарь, лишенный всякаго оправданія. Но послѣдній, благо- 600

временно смирилъ себя, былъ возвышенъ, а тотъ, возвысившій себя на неодообающую высоту, претерпѣлъ постыдное разоблаченіе. Какъ полезно было бы ему вспомнить забытыя имъ наставленія! Какъ полезно было бы прислушаться къ этому пророческому голосу: *смиритесь предъ Господомъ и вознесетъ вы* (Іак. iv, 10)! Какъ полезно было бы для него во время удержать языкъ и сохранить богатство, приобрѣтенное многими трудами! Въ одно мѣдъ несчастное мгновеніе утратилъ онъ тѣ добродѣтели, на стяжаніе которыхъ потребовалось не мало времени. Можетъ быть не слышалъ фарисей написаннаго, что *нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Притч. xvi, 5)? Не зналъ этихъ прекрасныхъ словъ: *да не устытъ шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѣ. vi, 3)? Навѣрное зналъ онъ и то и другое, по сила тщеславія взяла къ немъ верхъ. Постараемся же приобрѣсти смиреніе мытаря и облегчимъ себѣ бремя

тяготѣющихъ на насъ грѣховъ; возненавидимъ гордость, которою фарисей погубилъ богатство добродѣтелей. Будемъ помнить, что *Господь юродимъ противится, смиренныя же дасть благодать* (Іак. іv, 6; 1 Петр. v, 5). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о слѣпомъ, испѣлennomъ Христомъ, и о Закхее, и о судѣ,
и о милостынѣ.

599 1. Многочисленны и разнообразны ученія святыхъ писаній, но блистаетъ во всѣхъ ихъ одна благодать, одинъ источникъ наученія—Духъ истины. И то, что написано въ законѣ, и то, что возвышено пророками, и то, что проповѣдано апостолами, и то, чему наставляетъ евангеліе благочестія, все это какъ бы истекаетъ изъ одного плодотворнаго и питательнаго источника, будучи внушено Духомъ Святымъ. Даже болѣе того: всякое разумное слово, всякая справедливая мысль, всякое достойное дѣло—все это восходитъ своимъ началомъ къ тому же источнику и имѣетъ значеніе постольку, поскольку находятъ себѣ основаніе въ Духѣ Святомъ. Въ виду этого, еслибы кто сталъ провозноситься человѣческою мудростью, утверждаясь исключительно на человѣческихъ разсужденіяхъ, а Божіе отвергнулъ, такого оставалось бы признать человѣкомъ ничтожнымъ и незаслуживающимъ никакого довѣрія. Слово *Господне твердоша*, говоритъ пророкъ о подобныхъ людяхъ, *какая мудрость есть въ нихъ* (Іер. viii, 9)? Вопреки имъ для насъ писанія благочестія суть цвѣты истины. И замѣчательно—цвѣтовъ этихъ много, но питаетъ ихъ одинъ лугъ; свѣтильниковъ ученія много, но истинное свѣтило—одно; звѣздъ много, но одно небо содержитъ ихъ; вѣтвей много, но корень одинъ; перстовъ много, но пишетъ ими одна рука; струнъ много, но одна цитра Духа; много паставленій, но одинъ источникъ благочестія. Но особенно меня удивляетъ то, какъ этотъ слѣпецъ, не изучившій закона, не знавшій пророковъ, не читавшій евангелій, не наставленный апостолами, могъ призывать Спасителя міра такими словами: *Иисусе, сынне Давидовъ, помилуй мя* (Лк. xvi, 38)! Откуда взялъ ты такое обращеніе, не зная даже того, что оно обозначаетъ? Вѣдь ты не читалъ книгъ, не имѣя зрѣнія, и не учился; твоимъ единственнымъ занятіемъ было просить, лучше сказать—выпрашивать подаваніе; какъ же узналъ ты Свѣтило міра, Котораго по слѣпотѣ своей ни на небесахъ не созерцалъ, ни на землѣ? Поистинѣ исполнились на немъ слова Давида: *Господь умудряетъ смиренныя* (Пс. cxlv, 8)! Боль-

шой толпой былъ окруженъ Иисусъ, но слѣпецъ, не зная Свѣтила истины, ощутилъ Его силу; сердце подсказало ему то, чего не могло дать зрѣніе. Отчего такъ много народа?—спрашиваетъ онъ. Иисусъ Назарянинъ проходитъ здѣсь, отвѣчаютъ ему. И что удивительно—ему говорятъ такъ, а онъ восклицаетъ иначе. Слышите: Иисусъ Назарянинъ, а взываетъ не къ Иисусу Назарянину, но къ Иисусу, сыну Давидову. Зрячіе судили по внѣшности, а слѣпецъ возвѣстилъ самую истину. *Иисусе, сыне Давидовъ, помилуй мя!* Теперь, конечно, всякій усвоить собѣ эти слова, всякій отъ всего сердца произнесетъ это исповѣданіе и скажетъ о себѣ: *сыне Давидовъ, помилуй мя!* Вы знаете, братіе, что бываетъ иногда на похоронахъ при большомъ стеченіи народа. Тамъ, при видѣ оплакиваемого родными покойника, плачутъ всѣ, одни изъ сочувствія чужому горю, другіе по своимъ чисто личнымъ побужденіямъ; иная женщина рыдаетъ и обливается слезами, но вовсе не о томъ, чье тѣло предъ нею лежитъ (онъ для нея чужой), а о своей собственной уtratѣ: въ подобныхъ случаяхъ чужое несчастье для cadaго является напоминаніемъ объ его собственныхъ несчастіяхъ. Такъ точно, братіе, когда вы слышите что-либо назидательное изъ священныхъ писаній, пусть каждый изъ васъ вспоминаетъ о своихъ собственныхъ недугахъ и повторяетъ про себя это изреченіе: *сыне Давидовъ, помилуй мя!* Пусть и сейчасъ каждый говорить это, ища избавленія отъ своихъ недуговъ. Вѣдь у cadaго изъ васъ найдутся такіе недуги: одинъ слѣпъ умомъ, другой глухъ душою, иной хромаетъ разсудкомъ, а тотъ пораженъ проказою души. Въ самомъ дѣлѣ, тѣми же недугами, отъ которыхъ Христосъ исцѣлялъ тѣла людей, страдаютъ нерѣдко и души ихъ, точно также нуждаясь въ помощи свыше. Такъ, слѣпая душа нуждается въ прозрѣніи. Слепа, конечно, та душа, которая не видитъ чудеснаго въ вѣрѣ, слѣпа та душа, которая не зритъ будущаго вѣка, слѣпа та душа, которая, видя тѣло Христово, не усматриваетъ Его божества. А что, дѣйствительно, слѣпа душа, невѣдущая божественнаго, свидѣтельствуеетъ пророкъ Исаія, говоря: *и ослѣпиша раби Божии*. Какъ ослѣпиша? Видите, говорятъ, многажды и не сохранисте, отверзсти уши и не слышасте. И кто слѣпъ, разетъ раби Мои? И кто глухъ, разетъ младѣющихъ ими (Ис. хлп, 19, 20)? На ослѣпленіе ума указываетъ и Спаситель, обличая фарисеевъ, слѣпотствующихъ предъ истиной, такими словами: *оставите ихъ: вожди суть слѣпи слѣпцамъ; слѣпецъ же слѣпца аще водить, оба въ яму упадутъ* (Мѡ. ху, 14). А глуха душа, не слушающаяся закона, непокорная Владычнему гласу, глуха—не въ смыслѣ естественномъ, но въ смыслѣ расположенія воли. Спаситель говоритъ: *имѣй уши слышати да слышитъ* (Мѡ. ху, 11), не потому, конечно, будто бы нѣкоторые изъ предстоящихъ не имѣли ушей (зачѣмъ же они слѣдовали бы за Нимъ въ качествѣ слушателей, не имѣя естественнаго органа слуха?), но чтобы показать, что обладанію внѣш-

нимъ органомъ слуха не у всѣхъ Его слушателей соотвѣтствуетъ внутреннее расположеніе къ слушанію божественнаго закона. Никакой, конечно, пользы дѣтъ отъ виѣшняго слышанія, когда внутри духъ остается глухимъ. Страдаетъ душа и проказой, не такой, которою покрывается тѣло, но такой, которою омрачается душа. Въ самомъ дѣлѣ, что такое проказа на тѣлѣ, какъ не двойственный цвѣтъ кожи? Теперь, что такое проказа души? Двойственность мыслей. *Горе зрѣливику, ходящу на дѣть тьмы* (Прем. Сир. II, 12)! Если кто-нибудь то вѣруетъ, то не вѣруетъ, склоняется то къ милосердію, то къ жестокосердію, это значить—его душа въ проказѣ, она не находится въ здоровомъ состояніи, но раздвоится въ мысляхъ; какъ проказа нарушаетъ единство тѣлеснаго покрова, такъ порочныя мысли нарушаютъ единство сознанія въ душѣ. Пусть же каждый вопіетъ о своихъ ранахъ и призываетъ Іисуса, цѣлителя душъ и тѣлесъ, подобно тому, какъ взывалъ слѣпецъ: *сыне Давидовъ, помилуй мя!* И хотя шедшіе впереди запрещали ему кричать такъ, но это не задержало его въ его стремленіи къ Іисусу: вѣра умѣетъ противъ всего сражаться и все побѣждать. Люди запрещаютъ, но вѣрный не отступаетъ и слѣдуетъ за Владыкою, зная, что ради благочестія и дерзость похвальна.

2. Вѣдь если ради денегъ многіе доходятъ до безстыдства, то не гораздо ли лучше позволить себѣ нѣкоторое безстыдство ради спасенія души? Повелѣваетъ Іисусъ привести его къ себѣ. Достигъ Господа Іисуса голосъ призывавшаго Его съ вѣрою, и Онъ повелѣлъ привести къ себѣ, приблизить и тѣломъ того, кто уже раньше приблизился къ Нему вѣрою. *Повелѣи привести его къ себѣ и вопросы его: что хочещи, да ти сотворю* (Лк. XVIII, 40, 41)? Не напрасно спрашиваетъ Онъ такъ: Онъ могъ бы и сидящему послать исцѣленіе, но тогда іудеи, клеветавшіе на истину, могли бы сказать, какъ это и было со слѣпорожденнымъ, что это не тотъ, а только похожъ на него. Итакъ, призываетъ исцѣляемаго къ Себѣ, чтобы онъ былъ на виду у всѣхъ, какъ бы призывая всѣхъ засвидѣтельствовать прежде всего его природный недостатокъ, а потомъ—могущество благодати. *Что хочещи, да ти сотворю?* Спрашиваетъ его, а присутствующимъ даетъ урокъ. А тотъ отвѣчаетъ: *Господи, да прозрю* (ст. 41). Замѣть, сколько удостовѣреній потребовалось отъ исцѣляемаго, и все это для того, чтобы предупредить извращеніе истины клеветниками. Тогда говоритъ ему Іисусъ: *иди, твоя твоя спасе тѣя* (Мрк. X, 52; ср. Лк. XVII, 42). Видишь, какъ то, что нами сказано было вчера, подтверждается самими дѣлами? Мы именно говорили, что благодѣянія не продаются, а пріобрѣтаются только вѣрою. И Іисусъ не продаетъ благодѣяній за деньги, но отдаетъ ихъ только за вѣру. Если не представишь вѣры, не получишь благодѣянія; благодать дѣйствуетъ, но ей предшествуетъ вѣра. Представимъ себѣ такой примѣръ: источникъ одинъ, но черпаютъ изъ источника воду

одни малыми сосудами, а другіе большими; при этомъ, конечно, одинъ зачерпнетъ воды меньше, а другой больше; но вѣдь разница эта не отъ источника, какъ будто онъ устанавливаетъ мѣру, а оттого, что каждый беретъ воду своимъ сосудомъ. Такъ и благодать распространяется подобно источнику, расположеніе же приступающихъ къ ней является для нея сосудомъ, опредѣляетъ мѣру, въ какой каждый ее получаетъ. Если сосудъ твоей вѣры невеликъ, немного благодати ты почерпнешь; если же обнаружишь великую ревность, то и благодѣіе получишь великое. Поэтому Спаситель спрашиваетъ: *въруши ми, яко могу сіе сотворити?* И на увѣреніе: *ей Господи!* отвѣчаетъ: *по ептр твоей буди тебѣ.* Потому апостолъ увѣщаетъ коринѳяны такими словами: *распространитесь и вы* (2 Кор. vi, 18), показывая этимъ, что чѣмъ болѣе распространяется вѣра, тѣмъ обильнѣе сообщается благодать. А пророкъ говоритъ: *разшири уста твоя, и исполню я* (Пс. lxxx, 11). Само по себѣ благодѣіе ничѣмъ не удерживается, кромѣ нашего нерадѣнія. Возсіяло Солнце правды—Иисусъ, и повсюду распространяются лучи этого мысленнаго свѣтила. При этомъ одинъ получаетъ больше благодати, другой меньше, не потому, что благодать отпускается мѣрою, но по соответствію мѣрѣ вѣры того или другого человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, солнце одно для всей земли, и лучъ одинъ, и сіяніе одно, однако не весь міръ одинаково просвѣщенъ, но въ одномъ мѣстѣ свѣтъ ярче, въ другомъ слабѣе, въ третьемъ сильнѣе, тамъ ярче, а здѣсь тусклѣе, не потому, конечно, чтобы солнце удѣляло этому дому больше свѣта, а этому меньше, но въ зависимости отъ размѣра оконъ: чѣмъ больше мѣста отвелъ строитель дома окнамъ, тѣмъ свободнѣе для лучей солнца доступъ въ домъ и тѣмъ обильнѣе они туда проникаютъ. Окнами для нашей души служатъ мысли: если ты шире раскроешь свои мысли, болѣеешь получишь благодѣіе; если стѣснишь доступъ къ твоей душѣ, скуднѣе будутъ для тебя дары благодати. Открой же свою душу, чтобы оварилась она полнымъ сіяніемъ благодати. *Ми еси,* говоритъ о себѣ апостолъ Павелъ, *откровеннымъ лицомъ славу Господню взирающе, преобразуемъ отъ славы въ славу* (2 Кор. iii, 18). По евангельскому разсказу одинъ слѣпой былъ исцѣленъ, но это событіе должно служить урокомъ, благодаря которому у многихъ откроются духовныя очи. *По ептр твоей буди тебѣ.* Слепой, говоритъ дальше евангелистъ, *во слѣдъ Его идяше, славя Бога* (Мѣ. xvi, 48), и Иисусъ не препятствовалъ ему. Это послѣднее обстоятельство требуетъ объясненія. Когда Господь исцѣлилъ бѣсноватаго, то исцѣленный умолилъ Его позволить ему слѣдовать за Нимъ, потому что хотѣлъ быть съ Нимъ. Но Спаситель отклонилъ его просьбу и сказалъ ему: *иди въ домъ твой и возглаголю, елика ти Богъ сотвори* (Мрк. v, 19). Ради чего же Господь одного, пожелавшаго слѣдовать за Нимъ, отклоняетъ, а другого допускаетъ? Почему этому позволяетъ слѣдовать, а тому не позволяетъ? И то и другое было полезно. Первому Опъ не

позволилъ слѣдовать за Собою по той именно причинѣ, что онъ былъ бѣсноватымъ. Вѣдь у бѣсноватаго и языкъ и рѣчь бываютъ разстроены; вотъ Господь и посылаетъ его въ качествѣ вѣстника, чтобы самымъ возстановленіемъ своей рѣчи онъ проповѣдывалъ о своемъ Благодѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли безъ удивленія тѣ, кто знали этого человѣка ранѣе еще бѣсноватымъ, слышать его теперь, когда онъ владѣлъ здоровою рѣчью? И вотъ самый языкъ исцѣленнаго Господь дѣлаетъ вѣстникомъ объ Исцѣлителѣ. И еще что замѣчательно: съ одной стороны тутъ обнаружилось смиреніе Спасителя, а съ другой—благодарность бѣсноватаго. Спаситель говоритъ: *иди и возвѣсти, елика ти Богъ сотвори*. Не сказалъ: что Я тебѣ сдѣлалъ; но смиренно умалчивая о Себѣ, приписываетъ все имени Божію. А исцѣленный пошелъ и проповѣдывалъ о томъ, что сдѣлалъ ему Богъ Іисусъ. Итакъ, его Господь посылаетъ проповѣдывать, чтобы самое его возвращеніе къ здоровому состоянію свидѣтельствовало о великомъ благодѣяннѣ, а слѣпому позволяетъ слѣдовать за Собою. Почему? Потому, что въ этотъ разъ Онъ восходилъ въ Іерусалимъ, гдѣ предстояло Ему совершить спасеніе міра, гдѣ готовилось для него уничиженіе, крестъ и вообще все, что замыслили противъ Него богоборцы люди; поэтому Онъ допускаетъ слѣпого слѣдовать за Нимъ, въ качествѣ живого памятникѣ недавняго чуда, чтобы воспоминаніе объ этомъ исцѣленнѣ утвердило души тѣхъ, которые могли поколебаться; однимъ словомъ, допускаетъ слѣпого слѣдовать за Собою, чтобы кто не вздумалъ отрицать Его чудотворной силы. Апостоламъ предстояло претерпѣть сильное испытаніе, обрушившееся на нихъ подобно бурѣ, при видѣ единороднаго Сына Божія на крестѣ. И вотъ, чтобы они не растерялись, пораженные Его страданіями, Господь позволяетъ слѣпому слѣдовать за Нимъ, чтобы имѣя предъ глазами этотъ живой памятникъ чуда, они устояли непоколебимо въ истинѣ.

3. Съ подобною цѣлью совершилъ Христосъ немало чудесъ, и именно въ то время, когда приближались Его страданія. Такъ, чтобы кто не подумалъ, что Онъ подвергается страданіямъ не по человѣколюбію, а по безсилію отвратить ихъ; Онъ предъ вступленіемъ Своимъ въ Іерусалимъ увидѣлъ смоковницу и подошелъ—говорится въ евангеліи—къ ней, ища на ней плодовъ, и не нашелъ (Мрк. xi, 13). И послѣ того, какъ не нашелъ, проклялъ ее, сказавъ: *да никомже отъ тебе плода будетъ во тѣки* (Мѣ. xxi, 19)! Чѣмъ согрѣшила смоковница? Вѣдь никакой разумной силой она не одарена въ дѣлѣ плодоношенія? Развѣ не самъ Творецъ даетъ ей силу производить плоды въ удобное ЕМУ время? Къ тому же и не время тогда было смоковницѣ имѣть плоды, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ евангеліе. Кто же изъ обыкновенныхъ людей—кромя Бога—потребовалъ бы плодовъ не во время? Не Ты ли, Создатель, утверждалъ времена? Не Ты ли назначилъ времена и сроки плодоношенія? Зачѣмъ же требуешь не въ то

время, когда Ты самъ назначилъ? Да хотя бы и, въ обычное для плодовъ время, ихъ на смоковницѣ не оказалось, развѣ это была бы вина природы? Развѣ дерево приносить плоды, когда хочетъ? Развѣ не тогда оно начинаетъ плодоносить, когда ему будетъ повелѣно? Итакъ, что же означаетъ это проклятiе смоковницы? То и означаетъ, что Господь, идя на страданiя, хотѣлъ предупредить мысль, что Онъ не въ сплахъ былъ устранить ихъ, и поэтому на бездушномъ деревѣ проявилъ Свою силу, чтобы показать, что Онъ могъ бы засушить всѣхъ противниковъ, уничтожить всѣхъ богоборцовъ. А такъ какъ Онъ пришелъ не судить мiръ, но спасти, какъ самъ сказалъ (Иоан. хп, 47), то могущество Свое обнаруживаетъ и на неодушевленномъ предметѣ, на людей же изливаетъ богатство своего человѣколюбiя. Такъ и въ этомъ случаѣ: Онъ позволяетъ слѣпому слѣдовать за Собою, чтобы Его чудотворная сила представлялась ученикамъ во всемъ блескѣ, чтобы, подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ отъ чуда, они крѣпче держались противъ соблазна. Между тѣмъ за этимъ чудомъ послѣдовало другое: вслѣдъ за прозрѣнiемъ слѣпца прозрѣлъ другой — слѣпой душою. Кто именно? Начальникъ сборщиковъ податей, слѣпой ко всему кромѣ денегъ, съ душою, ослѣпленною жадностью. Ничто такъ не ослѣпляетъ душу, какъ деньги; это засвидѣтельствовалъ Моисей: *дары бо ослѣпляютъ очи видящихъ и погубляютъ слова праведна* (Исх. ххш, 8; Второз. хvi, 19). Начальникъ мытарей находился среди народа, когда мимо проходилъ Иисусъ, разрѣшающiй всякiй грѣхъ, уничтожающiй всякое зло, предлагающiй тьму въ свѣтъ и лукавое въ правое. Закхей былъ малъ ростомъ, но великъ желанiемъ, малъ тѣломъ, но великъ духомъ: онъ искалъ увидѣть Иисуса, но это ему не удавалось изъ-за его незначительнаго роста. Тогда, забѣжавъ впередъ, онъ хитростью восполняетъ недостатокъ роста: влѣзъ на смоковницу и оттуда сталъ смотрѣть на проходившаго мимо Иисуса. Господь же нашъ Иисусъ Христосъ, могущiй, какъ говорить ап. Павелъ, *всѣ творити по преизбыточеству, иже присилъ или разумѣмъ* (Ефес. ш, 20), не только доставилъ ему то, чего онъ хотѣлъ, но сдѣлалъ даже больше, чѣмъ сколько онъ могъ ожидать. Закхей желалъ только увидѣть Иисуса, а Господь удостоилъ его даже Своего посѣщенiя. И говоритъ Закхею видѣвшiй его сердце (конечно, прежде чѣмъ онъ влѣзъ на смоковницу, Господь уже зналъ его мысли): *Закхее, потщався слѣзти* (Лк. хix, 5)! Прекрасный охотникъ Спаситель, на деревѣ уловляющiй душу! *Закхее, потщався слѣзти*. Простеръ къ нему свирѣль, окружилъ его приманкой любви, взялъ его за крылья мысли, и привелъ его въ Свою церковь. И смотри, что дѣлаетъ. Не нужно думать, что слово Христово было принудительно для Закхея. Конечно, слово Христово подѣйствовало на Закхея безъ всякаго принужденiя; но что вообще слово Божiе есть какъ бы охотникъ, объ этомъ говорить блаженный Захарiя: *показа ми*

*Господь сосудъ птицеловца, рече ко мнѣ: не пройду мимо народа Моего, пока не уловлю его (не Захарія, а Ам. вш, 1, 2). Такимъ образомъ, засвидѣтельствована истина, что слово Божіе есть сѣтъ: любовью какъ сѣтью ослѣпаетъ оно души. И какъ эта сѣть не можетъ уже отпустить добычу изъ рукъ охотника, такъ и души, вошедшія въ общеніе со Спасителемъ, уже не могутъ отстать отъ Него. Уловленный такимъ способомъ прекрасный плетень Давидъ говоритъ: *приплне душа моя по Тебѣ* (Пс. лхп, 9), а Павелъ съ своей стороны свидѣтельствуєтъ: *приплняясь Господесви единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. vi, 17. Уловляетъ Господь Закхея, сводитъ его съ дерева и входитъ съ нимъ въ его домъ, который до сихъ поръ омраченъ былъ грѣхами своего обитателя, а сегодня озаренъ Свѣтиломъ благочестія. Мытарь съ радостью принялъ вошедшаго въ его домъ Спасителя. О великая благодѣтельность Владыки! Безгрѣшный приходитъ къ грѣшникамъ, источникъ правды входитъ въ самую твердыню неправды; твердыня неправды, конечно, корыстолюбіе. Входитъ въ домъ мытаря, не подчиняясь мраку царившаго тамъ корыстолюбію, но уничтожая корыстолюбіе силою свѣта правды. И удивительная вещь: тотчасъ Закхей, ставъ предъ дверьми дома, говоритъ: *се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ* (Лк. хіх, 8)! Ты еще не наученъ, и повинуюшься? Еще не наставленъ, и исполняешь? Ничего не сказалъ Спаситель, ничему не училъ тогда, ни о милостынѣ не бесѣдовалъ, ни нищелюбію не внушалъ, но молчалъ и спокойно свѣтилъ. Какъ солнце, когда лучи его проникаютъ въ домъ, просвѣщаетъ не словомъ, но самымъ дѣйствіемъ лучей, такъ и Спаситель, войдя въ домъ грѣшника, лучами правды Своей пресѣкъ теченіе неправды. *Свѣтъ во тьмѣ свѣтитси*, какъ говоритъ евангелистъ (Іоан. i, 5). *Господи, се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ*. Хорошо онъ дѣлитъ корыстолюбіе, разсѣкаетъ неправду. *Полъ имѣнія моего*. Все въ цѣломъ сильно, а раздѣленное обезсильвается. *Полъ имѣнія моего*. Прекрасныя слова, побѣждающія природу, вѣрнѣе—привычку, потому что привычка—вторая природа. Онъ отбросилъ жадность, признавъ истину. *Полъ имѣнія моего дамъ нищимъ и аще кого чимъ обидѣлъ или кому повредилъ ложнымъ доносомъ, возвращу четверницею* (Лк. хіх, 8). Здѣсь нужно замѣтить, что богатство Закхея не исключительно неправдѣ было обязано своимъ существованіемъ, но часть его была наслѣдственнаго происхожденія; вѣдь если бы все оно было приобрѣтено неправдою, то какъ бы могъ онъ возвратить вчетверо противъ того, что взялъ? Почему говоритъ онъ: *аще кого чимъ обидѣлъ, возвращу четверницею*? Хотя онъ и пребывалъ въ беззаконіи, но и законъ зналъ: именно законъ это и повелѣваетъ, чтобы воръ возвратилъ украденное вчетверо. *Аще кто, гласитъ законъ, украдетъ овицу и будетъ уличенъ, да воздастъ четыре овицы за овицу* (Исх. ххп, 1). Учетверяетъ Богъ возмездіе, или—лучше—наказаніе, чтобы, если кого не устрашитъ законъ, того по крайней мѣрѣ удер-*

жало бы наказаніе, потому что многіе закона перѣдко не уважають, а наказанія страшатся. Итакъ, Закхей осуждаетъ самъ себя, не ожидая приговора по закону, но самъ для себя являясь закономъ,—потому что *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9). Въ отвѣтъ на заявленіе мытаря Христосъ сказалъ: *днесь спасеніе дому сему бысть*. Самъ себя оправдалъ Закхей, не тѣмъ, конечно, что просто увидѣлъ Христа, но тѣмъ, что исполнилъ законъ Христовъ. *Днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамъ есть* (ст. 9). Пока онъ не сдѣлалъ дѣлъ Авраамовыхъ, не называется и сыномъ Авраамовымъ, но просто по имени—Закхеемъ; когда же онъ заявилъ себя дѣлами патріарха, обнаруживъ любовь къ бѣднымъ и отчужденіе отъ неправды, тогда Господь говоритъ: *и сей сынъ Авраамъ есть*.

4. И мы, братіе, если мы христіане и именуемся христіанами, то должны помнить, что ничто такъ не показываетъ насъ христіанами, какъ дѣла истины. Итакъ, не будемъ унижать дѣлами своего имени, но украсимъ ими свою вѣру. Мы называемся сынами Авраама по вѣрѣ, стараемся же заслужить это названіе и своими дѣлами. Я уже сказалъ раньше, что для этого не благородство тѣла требуется, но послѣдованіе праву. Потому-то Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и всѣ патріархи и отреклися отъ синагоги, что принадлежавшіе къ ней не унаслѣдовали вѣры отцовъ: отказался Авраамъ отъ своихъ чадъ, потому что они не послѣдовали его вѣрѣ; отказались отъ нихъ Исаакъ и Іаковъ и всѣ патріархи, потому что кто отъ Бога отрекся, отъ того и вся природа отрекается. Но чѣмъ подтвердить, что Авраамъ отрекся отъ іудеевъ,—чтобы не показалось, что мы только по враждѣ къ нимъ говоримъ такую дерзость, а не съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно обличить согрѣшившихъ? Блаженный Іеремія говоритъ отъ лица народа: Господи, помилуй насъ; гора и городъ, который благословили отцы наши, огнемъ пожжены; Ты же, Господи, помилуй насъ, *потенже Авраамъ не утѣдъ насъ и Израиль не позна насъ. Но Ты, Господи, избави ны* (не Іеремія, а Иа. lxiii, 16; lxiiv, 10, 11). Такъ какъ,—говорятъ іудеи,—тѣ, которыми мы величались, отчуждились отъ насъ и отвергли родъ нашъ, то помилуй насъ Ты, всѣхъ побѣждающій Своимъ человеколюбіемъ. Помилуй насъ, *потенже Авраамъ не утѣдъ насъ*. Если бы онъ считалъ насъ своими, развѣ бы онъ не ходатайствовалъ за своихъ дѣтей. Онъ ходатайствовалъ за содомлянъ и его ходатайство было принято: неужели его ходатайство за своихъ не было бы услышано? *Авраамъ не утѣдъ насъ*. Отказывается Авраамъ отъ чуждыхъ ему по праву, а усвоить себя, какъ я сказалъ, тѣхъ, которые чужды ему по племени, но родственны по благочестію. Соотвѣственно этому и Писаніе, желая показать іудеямъ, что чьихъ кто держится нравовъ, того и имя принимаетъ, говоритъ: *отецъ твой Амореаминъ и мати твоя Хеттаняныя, сестра твоя Содома* (Іезек. xvi, 3, 45, 46). Смотри, какъ родство

опредѣляется правами. Такъ какъ ты держалась содомскихъ мыслей, то и услышала названія: сестра содомлянъ, дочь хананеевъ; этииъ Богъ показалъ, что не родъ оправдываетъ, но вся честь воздается праву. Но
 605 я думаю, что и хананей и аморрей отказались бы отъ такого родства; при видѣ богоборцевъ, чуждыхъ благочестія, и они отреклись бы отъ нихъ, и хананей не считъ бы честью для себя называться отцомъ нечестивыхъ. Почему такъ? Если въ присутствіи хананея ты сказалъ бы іудею: отецъ твой—хананей, онъ могъ бы отвѣтить тебѣ: я не невѣрный, хотя и хананей; свидѣтельницей моею вѣры является хананейка, взывавшая: *помилуй мя, Господи, сине Давидовъ* (Мф. хv, 22). Пусть же не называются сынами хананеянъ тѣ, которые не сохранили вѣру хананейки! Остается назвать сынами камня и дерева тѣхъ, которые говорятъ камню: *отецъ мой еси ты*, и дереву: *ты мя родилъ еси* (Іерем. п. 27). Но я думаю, что и камень отказался бы и дерево отреклось бы отъ свойства съ невѣрными. Можетъ вѣдь и камень отказаться и сказать: не мое дитя—сынъ нечестія, не мое рожденіе—сынъ неправды; я хоть и камень, но знаю, что въ Писаніи сказано: *можетъ Богъ отъ камня сею воздвигнути чада Аврааму* (Мф. ш, 9). И то сказать, не олицетворяются ли самые камни и не говорятъ ли они? Послушай, что говоритъ пророкъ: *камень изъ стѣны возопіетъ и хрущъ отъ древа возлазлетъ* (Авв. п, 11). Если вы замолчите, камни возопіютъ (Лк. хix, 40). Какъ же назвать родъ невѣрныхъ, если они ни сыны Авраама, ни хананей,—потому что хананейка посрамляетъ ихъ невѣріе блескомъ своей вѣры,—ни сыны камней? Вѣдь и камни отрицаются отъ родства съ ними. Какое же имя остается невѣрнымъ? Іеремія далъ имъ такое имя. *Сребро отриновано*, говоритъ онъ, *нарцйте ихъ, яко Господь отверже ихъ* (Іер. vi, 80). Убоямся же и мы, братіе! Ты украшаешься родствомъ со Христомъ? Пусть же внушаетъ тебѣ страхъ правый судъ Христовъ. О милостынѣ вчера проповѣдовалось, что выше всего должно ставитъ милостыню, что всему должно предпочитать душу. Всегда удивлялся я и другому роду неблагодарности. Бездѣтные люди берутъ себя для усыновленія чужихъ дѣтей: одинъ въ этомъ случаѣ дѣлается отцомъ, другой братомъ. Но какъ ты усыновляешь чужого и избѣгаешь Владыки? Усынови Того, Кто воздастъ тебѣ награду: пусть Христосъ будетъ твоимъ сыномъ. Страшно, скажете, это слово? Но вдумайся въ то, что ты говоришь: подъ предлогомъ слова не отвергаешь ли ты и самой мысли, съ нимъ соединяемой, и не впадаешь ли чрезъ то въ неразуміе? Вѣдь ты называешь Христа сыномъ человѣка? А я называю Его не только сыномъ, но и братомъ, и не по своему измышленію, но руководясь Его собственными словами. Однажды Ему сказали: *се Мати Твоя и братія Твоя ищутъ Тебе*. Спаситель отвѣчаетъ на это: *кто есть Мати Моя и кто суть братія Мои? Иже аще сотворитъ волю Отца Моего, той братъ Мой и сестра и мати*

есть (Мѡ. хп, 47--49). Если же это—мать Его, то развѣ не сынъ матеря Онъ, почтившій правду этимъ наименованіемъ? Значить, всякая душа можетъ быть матерью Христа по своему нравственному настроенію. Что это значить—матерью Христа? Всякая душа рождаетъ въ себѣ Христа; и пока она не преобразится благочестіемъ, не можетъ называться матерью Христа. Когда ты воспринимаешь слово Христово, переживаешь его въ сердцѣ своемъ и какъ бы въ утробѣ преобразуешь его своею мыслью, тогда ты по справедливости являешься матерью его. А чтобы ты убѣдился, что въ каждомъ изъ насъ воображается Христосъ и что матерью Христа—я разумѣю, конечно, слово Христово—дѣлается душа каждого изъ насъ, вотъ слова ап. Павла: *чадоца моя, имжеже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. iv, 19). Ты соблюдаешь справедливость? Значить, вообразилъ въ душѣ своей Христа. Подаль милостыню? Значить, начерталъ образъ истины. По мысли апостола, не въ каждомъ изъ насъ въ отдѣльности воображается Христосъ: подъ Христомъ онъ разумѣетъ слово благочестія, чрезъ которое въ насъ отпечатлѣвается истина. Итакъ, подаль ты милостыню? Вообразилъ въ себѣ Христа. Исполнилъ справедливость? Запечатлѣлъ въ себѣ истину. Такимъ-то способомъ мы и можемъ сдѣлать Христа своимъ братомъ. Пусть Онъ будетъ участникомъ въ твоихъ дѣлахъ. Не хочешь раздѣлить съ Нимъ всего? Дай Ему хотя половину, какъ Закхей. Но Закхей, скажешь ты, далъ Ему самому, а 606 не бѣднымъ? А послушай, что сказано: *милуй нища взаимъ дастъ Богови* (Притч. xix, 17). Давая бѣднымъ, ты и даешь Христу. Не знаешь развѣ, что поданное нищему Онъ принимаетъ какъ поданное Ему самому? Не знаешь развѣ, какъ изобразилъ Онъ страшный для тебя судъ, какими словами? *Егда придетъ Сынъ человеческій*, сказалъ Онъ, *въ накибытіе* (Мѡ. xix, 28) *и поставитъ ови одесную Себе, а козлища ошуюю, тогда речетъ сущимъ одесную Его: прїидите благословеннїи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствїе: взыскахъ бо и дасте Ми ясти* (Мѡ. xxv, 31, 33, 35).

5. Смотри, какъ Онъ признаетъ Себя должникомъ предъ тѣми, кто былъ милостивъ къ Нему въ лицѣ бѣдныхъ? *Возжадахся, и напоисте Мя, нагъ, и одѣясте мя* (ст. 35, 36). Итакъ, если по внѣшности ты одѣваешь бѣднаго, на самомъ дѣлѣ ты одѣваешь Христа. Одѣнь же Христа, чтобы Онъ одѣлъ тебя въ день суда; введи Его подъ свой кровъ, чтобы Онъ укрылъ тебя въ день гнѣва. Помнишь, что сказано у Давида: *покры мя въ тайнѣ селенія своею* (Пс. xxvi, 5)? И тамъ нуженъ кровъ, и тамъ угрожаетъ тотъ страшный огонь—неумолимая геенна: кого не прикроетъ рука Христова, тому придется испытать на себѣ чуждый огонь, который всѣмъ, кто чуждъ (Христу), овладѣваетъ: святыхъ онъ почитаетъ, благочестія боится, но нечестіе становится его добычей. Тамъ не имѣютъ значенія ни богатство, ни деньги, ни власть,

ни могущество, — все это одинаково предстанетъ предъ судищемъ Христовымъ. Хотя бы и была здѣсь разница между людьми, но предъ Владыкою всё становятся равночестными, всякая разница изглаждается. Каково различіе между ангеломъ и человѣкомъ? Велико и необыкновенно. Каково различіе между солнцемъ, луною и звѣздами? Но законъ поклоненія для всѣхъ одинаково обязательнъ. Какъ велико различіе между травою, ангелами и животными? Одни — безсмертны, другіе смертны. Но каждый признаетъ надъ собою владычество и несетъ иго рабства. Поэтому и Давидъ различныхъ по чину соединяетъ въ одномъ лѣтѣ, въ одномъ согласіи: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его, хвалите Его солнце и луны* (Пс. сѣлѹш, 1—3). Хотя и возвышается одно надъ другимъ по чину, но рабствомъ уравнено все. И какъ, братіе, въ мірѣ достоинства различаются между собою, но уравниваются игомъ рабства (потому что всё преклоняется предъ царемъ, всё боится власти, и различаясь между собою по достоинству, всё единодушны между собою какъ рабы), такъ и тамъ всё люди равны, — за исключеніемъ однихъ только преуспѣвшихъ, просіявшихъ благочестіемъ. Хорошо говорилъ объ этомъ Давидъ: *азъ видѣхъ въ видѣніи моемъ ноцію, и вотъ какъ бы Вѣтхій дѣлми спѣхъ* (Дан. vii, 2, 9). Здѣсь особенно замѣть, прошу тебя, какъ пророкъ Судію истины представляетъ какъ бы въ тѣлесномъ образѣ. Тогда какъ Богъ по природѣ бестѣлесенъ, пророкъ духовное описываетъ чувственными чертами, какъ будто рисуетъ картину. Онъ говоритъ: какъ бы *Вѣтхій дѣлми*, т. е. не обветшавшій временемъ, но почтенный древностью. *Одежда Его бѣла яко снѣгъ и власи главы Его аки волна чиста престолъ Его пламень огненный, колеса Его отъ палицъ. Рака огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысяща тысящъ служашу Ему и тмы тмъ предстояху Ему* (Дан. vii, 9, 10). О, страшное судилище! О, видѣніе, способное утратить неразумныхъ! Если то, о чемъ мы только слышимъ, такъ ужасно, то во сколько разъ ужаснѣе совершать это на дѣлѣ? *И видѣхъ во снѣ ноцію, се книи отверзошася и престолъ поставишася* (Дан. vii, 13, 10, 9). [Престолы? Для кого? Что это означаетъ — необходимо вникнуть. Если Судія истины уже возсѣдаетъ и престолъ Его *пламень огненный*, то о какихъ же еще престолахъ говорить Давидъ? Видѣхъ, яко *престолъ поставишася и книи отверзошася*. Чьи престолы? Очевидно, святыхъ апостоловъ, которымъ говорилъ Спаситель: *егда придетъ Сынъ человѣческій въ славу Свою, сядете и вы на двѣнадцате престолу, судяще объмадесяте колынома Израилевома* (Мѣ. xxv, 38 и xix, 28). *Книи отверзошася*. Книги, въ которыхъ написаны злыя дѣла, въ которыхъ написаны добрыя дѣла, въ которыхъ описана жизнь каждаго. Книги не въ томъ, конечно, смыслѣ, что у Бога кожа и буквы, но какъ у тебя книга служитъ средствомъ, пособіемъ для памяти, такъ и память Божія представляется въ видѣ книгъ;

въ книгѣ — лѣ нашемъ смыслѣ — Богъ, конечно, не нуждается: Его память есть книга. Мы, люди, читая пророка, апостоловъ, евангелія, въ сердцахъ безъ книги не удерживаемъ воспоминанія о прочитанномъ, а Богъ не такъ: Онъ въ книгѣ не нуждается: источнику памяти не нужна книга. Тамъ описываются добрыя дѣла, тамъ описываются и злыя. Не бойся, однако, что твоя участь уже предрѣшена. Если записаны въ тѣхъ книгахъ твои дурныя дѣла, то они могутъ быть заглажены добрыми дѣлами. И наоборотъ: если чье-либо имя записано въ книги ради благочестія, а затѣмъ дѣла его будутъ свидѣтельствовать о противномъ, то писанное не послужитъ препятствіемъ для его осужденія: въ такомъ случаѣ имя его изглажается изъ книги. А чтобы ты убѣдился, что вписанный за благочестіе и изверженный за нерадѣніе изглажается, вотъ что говоритъ Давидъ объ іудеяхъ, нѣкогда вписанныхъ, но въ послѣдствіи изглаженныхъ: *да потребятся отъ книги живыхъ и съ праведными да не напишутся* (Пс. lxxviii, 29). Какъ изглажаются невѣрные, такъ напротивъ — вписываются вѣрные. Помнишь, что говоритъ апостолъ Павелъ: *привѣтствуйте любезныхъ намъ братьевъ и сотоварищей съ Климентомъ и съ прочими споспѣшниками моими, имже имена въ книгахъ живыхъ* (Филип. iv, 8)? Да убоямся этихъ книгъ! Да не напишутся въ нихъ ваши грѣхи! Представь себѣ, въ какомъ положеніи ты оказываешься предъ судьей, когда открываются памятыя записи о тебѣ, обличающія тебя въ неправдѣ, свидѣтельствующія о твоемъ безуміи: вспомни, какой страхъ, какой трепетъ объемлетъ тебя, какъ содрогаются члены, какъ потрясаются всѣ внутренности, — и это на судъ человѣческому! Если же судъ человѣческій наводитъ такой ужасъ, то кто можетъ описать тотъ ужасъ, среди котораго совершить Свой судъ надъ вселенной Владыка всѣхъ? Говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы утратить, но чтобы внушить вамъ благоразуміе. Не цѣни денегъ выше Христа, не предпочитай неправды и корыстолюбія Богу. Изъ прежнихъ бесѣдъ вы уже знаете, что въ вашемъ распоряженіи только время до гроба; объ этомъ говорилося вамъ и вчера. Въ концѣ твоей жизни тебя неизбежно ожидаетъ могила. Стремись же къ тому, чтобы въ ожиданіи ея приготовить себѣ переходъ отъ настоящей жизни къ будущей. Возлюби дѣла справедливости: въ гробу мы получимъ разрѣшеніе, въ гробу уничтожится наша бременная оболочка. Постараемся же избѣжать грядущаго суда, умоляю васъ, братіе! Не съ иными чувствами должно говорить и слушать объ этомъ предметѣ, какъ съ рѣшимостью приобрести жажду правды. Смотри, какъ вываетъ пророкъ: *увы мнѣ въ день Господень, яко близъ есть день Господень* (Іонъ, i, 15! Если пророкъ, при воспоминаніи объ этомъ днѣ, трепещетъ, то намъ ли, повиннымъ въ безчисленномъ множествѣ грѣховъ, вспоминать о немъ безъ страха? Умилосердимъ же Судію покаяніемъ, загладимъ наши грѣхи, утѣшимся этой дѣйствительно страшной Его угрозы: *всѣмъ, имже отвержется Мене предъ челоутки, отвергуся*

ни и мущество. — все это одинаково представитъ грѣхъ судящихъ Христѣмъ. Хотя бы и была здѣсь разница между людьми, во грѣхъ Владыки всѣ становятся равногрѣшными, в томъ разнѣжѣ изглаживается. Какое различіе между ангеломъ и человѣкомъ? Велико и необыкновенно. Каково различіе между солнцемъ, луною и звездами? Но законъ покаянія для всѣхъ одинаково обязательенъ. Какъ велико различіе между травой, ангелами и животными? Одни — безсмертны, другіе смертны. Но каждый признаетъ надъ собою владычество и несетъ его работу. Поэтому и Давидъ различныхъ по чину соединяетъ въ одномъ лицѣ въ одномъ согласіи: *хвалите Господа съ небеса, хвалите Его въ свѣтилахъ, хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вси силы Его, хвалите Его солнце и луна* (Пс. свѣт., 1—3). Хотя и возникаетъ одно какъ другинѣ по чину, во работѣ уравниво все. И какъ, братіе, въ мірѣ достоинства различаются между собой, но уравниваются втомъ работѣ потому что всѣ преклоняются предъ царемъ, всѣ боятся власти, и различаясь между собой по достоинству, всѣ единѣны между собой какъ рабы), такъ и такъ всѣ люди разны, — за исключеніемъ оныхъ только преуспѣвшихъ, просіявшихъ благочестіемъ. Хорошо говорить объ этомъ Давидъ: *изъ отчужденія въ отчужденіе послѣ помяну, и вотъ какъ бы Великій о немъ сдѣлалъ* (Дан. vii, 2, 9). Здѣсь особенно замѣть, проку тебѣ какъ пророкъ Судія истинны представляеть какъ бы въ тѣлесномъ образѣ. Тогда какъ Богъ во природѣ безтѣлесенъ, пророкъ духовное описываетъ чувственными чертами, какъ будто рисуетъ картину. Онъ говоритъ какъ бы *Великій дѣлалъ*, т. е. не отвѣтавшій времени, но вѣчный древнѣйшій. *О ежеда Его была яко сила и власта лавомъ Его акти омычана престави* Его *пламени омычаны, колеса Его оми палача. Рамки омычана течаніе негодности предъ Нимъ; имѣнныя омычана служнику Ему и явилъ тогда предъ нимъ Емъ* (Дан. vii, 9, 10). О, страшно о сужденіи! О, видѣніе, способное устрашить нечестивыхъ! Если то, о чемъ мы только слышимъ, такъ ужасно, то во сколько разъ ужаснѣе омычана это на дѣлѣ? *И отчужденія во силѣ помяну, се явилъ тогда предъ нимъ Емъ и престави помянушася* (Дан. vii, 13, 10, 9). [Престоли? Для кого? Что это означаетъ — необходимо вникнуть. Если Судія истинны уже воссѣдаетъ на престолѣ Его *пламени омычаны*, то о какихъ же еще престолахъ говорить Давидъ? Видѣхъ, яко *престоли поставишася и книги омычаны*. Чѣмъ престоли? Очевидно — ангелы апостоловъ, которыхъ говорилъ Спаситель: *егда приидеши на облацѣхъ сыновъ Человѣкъ, сядеши на облацѣхъ сѣдѣти десяти престолахъ, сужающе обличающе колѣны Имъ* (Мѣ. xiv, 33 и xix, 28). Книги омычаны. Книги, въ которыхъ описана жизнь каждаго. Книги не въ томъ, конечно, смыслѣ, въ которомъ Богъ кола и буквы, но какъ у тебя книги служатъ божь для памяти, такъ и тамъ Божіе дѣла

сго и Азъ (а отвергается не только тотъ, кто отвергается на словахъ, но и тотъ, кто отвергается на дѣлѣ) *предъ Отцемъ Моимъ. А иже исповѣсть Мя предъ человеки исповѣсть сго и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Мѣ. х, 38, 32). Если эти слова—только произносимыя—уже внушаютъ страхъ, то что придется испытать намъ при созерцаніи самыхъ дѣлъ, имъ соотвѣствующихъ. Представьте себѣ, братіе, эту картину: вотъ Судія вселенной возсѣдаетъ, Ему предстоятъ ангелы и архангелы, Его прославляютъ херувимы, премірныя силы, пренебесныя воинства, и среди нихъ патріархи, пророки, апостолы, евангелисты, мученики; тутъ же и тѣ, которые здѣсь были царями, правителями, судьями, вельможами, богатыми, бѣдными, мудрецами, простецами—всѣ они стоятъ предъ престоломъ Царя, и при столькихъ-то свидѣтеляхъ—небесныхъ и земныхъ—Судія произноситъ приговоръ и отрицается чуждыхъ ему предъ Отцемъ небеснымъ! *Отвергуся*, сказалъ Онъ, *того, кто отвергается Мене предъ человеки, предъ Отцемъ Моимъ* (Мѣ. х, 33).

608 6. Вообрази себѣ Его говорящимъ, напримѣръ, такъ: Отче, этотъ унижалъ Мою вѣру, этотъ преслѣдовалъ Моихъ вѣрныхъ, этотъ гналъ Мою церковь, этотъ оскорблялъ Моихъ, этотъ попралъ Мое слово, этотъ посягнулся Моей проповѣди. Говорить все это Судія не для того, чтобы научить Отца, Которому и безъ того все это извѣстно, но чтобы обвиненіемъ посрамить врага. Представь себѣ, что Судія говорить такъ, а предъ Нимъ стоятъ славныя земли—связанные и окованные *[связати—говорится—цари ихъ пути и славныя ихъ ручными оковами желѣзными]* (Пс. сѣлх, 8). Или представь себѣ, что въ качествѣ подсудимыхъ предъ престоломъ Владыки стоятъ и трепещутъ земныя вельможи,—и Судія говорить о нихъ: они презрѣли слово истины Моей, они нарушили Мой законъ, они подавили Мое ученіе, они гнали Моихъ апостоловъ, они истязали Моихъ мучениковъ. Такъ говорить Царь,—и какими движеніями отзываются на Его слова предстоящіе ангелы! Какъ ужасно киваютъ они главами, какъ страшно угрожаютъ, готовые однимъ взоромъ своимъ истребить грѣшника! Представь себѣ, далѣе, что ангелы негодуютъ, архангелы волнуются, силы потрясаются, Отецъ негодуетъ, Духъ Святый гнѣвается, а подсудимый съ великимъ стыдомъ извергается, и не только извергается отъ части спасаемыхъ, но и подвергается осужденію. Вѣдь намъ угрожаетъ не только то, что не спасемся, не будемъ царствовать, но и то, что будемъ преданы огню. *Иже исповѣсть Мя, исповѣсть сго и Азъ* (Мѣ. х, 32; Лк. хп, 9). Представь себѣ, какая слава, какая похвала, сколько вѣнцовъ, когда Судія скажетъ: этотъ соблюлъ Мое слово, этотъ проповѣдалъ Мою вѣру, этотъ утвердилъ Мое ученіе, этотъ не презрѣлъ Моего нищаго, этотъ поборолъ корыстолюбіе и предпочелъ справедливость, этотъ пренебрегъ ничтожествомъ міра и возлюбилъ грядущій міръ, этотъ царство Мое распространить, этотъ слово Мое почтилъ: почти его, Отче! Необходимо огово-

рится здѣсь, что начертывая картину суда въ такомъ видѣ, мы не вносимъ раздѣленія въ Божество, не унижаемъ власти, но самымъ способомъ обвиненія показываемъ негодованіе Судіи и то, какъ здѣсь все направлено къ спасенію исповѣдующихъ и къ осужденію невѣрующихъ. Но что всего ужаснѣе, такъ это представить себѣ, что съ одной стороны стоятъ Михаилъ и Гавріилъ, и всѣ ангельскія воинства, а съ другой сидятъ изъ людей — сыны Зеведеевы, сидятъ Павелъ и Петръ; ангелы со страхомъ предстоятъ, а люди съ дерзновеніемъ сидятъ! Только представь себѣ—ангеловъ стоящими, а рыбаковъ и мытарей сидящими, и тогда невольно воскликнешь вмѣстѣ съ ними: *коль многое множество блаости твоея Господи* (Псал. ххх, 20)! Возсѣдаетъ Закхей, возсѣдаетъ Павелъ и Петръ, и предстоитъ Михаилъ: не чужды имена называемъ, но основываемся на томъ, что написано; именъ ангеловъ мы не знаемъ, слѣдуемъ только написанному. Нѣтъ зависти, нѣтъ ревности,—это вѣдь не земныя дѣла,—не огорчаются ангелы тѣмъ, что они стоятъ, а люди сидятъ; они раздѣляютъ со священными ихъ славу. Слушай, что говорить Господи: *аминь валою вамъ, радость бываетъ предъ всеми ангелы о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лк. хv, 10). Итакъ, возлюбимъ же славу Божию, а славу, переходящую какъ сонное видѣніе, отвергнемъ. Вчера намъ было уже сказано, какъ пророкъ славу мірскую называлъ сномъ. И будетъ, говорить Исаія, богатство нечестивыхъ *акъ сонъ* (Ис. хлх, 7). Настоящее положеніе наше ничѣмъ не отличается отъ соннаго мечтанія. Вчера здорovie, а сегодня болѣзнь; вчера власть, а сегодня униженіе; вчера богатство, а сегодня бѣдность; вчера вершина славы, а сегодня полное ничтожество. Все колеблется, все измѣняется; и не только человѣческія дѣла, но и *небо и земля мимоидетъ*, только *слова* *Моя*— 609 *говоритъ* Господь—*не мимоидутъ* (Мѡ. ххiv, 35). Потому-то и блаженны христіане, смиренномудрствующіе и тогда, когда они облечены высокимъ достоинствомъ. Ты смиренномудрствуешь, имѣя высокія заслуги? Смирненіе нисколько тебѣ не вредитъ: въ очахъ Божіихъ ты остаешься такимъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ. Если ты смиряешь себя, не ожидая удара судьбы, тогда и униженіе,—откуда бы оно тебя ни постигло,—не будетъ для тебя неожиданностью: ты выступишь на борьбу готовымъ. Хорошо говорилъ объ этомъ Давидъ: *уготовился и не смутился* (Пс. схviii, 60). Итакъ, будемъ избѣгать высокомерія, будемъ избѣгать тщеславія, возлюбимъ Христа и ради Христа бѣдныхъ, чтобы обогащающій всѣхъ, милующій всѣхъ по Своимъ щедротамъ даровалъ церковной 610 паствѣ всегда цвѣсти благочестіемъ подъ водительствомъ земледѣльца правды, недавно оставившаго насъ ради другого назначенія, но всегда пребывающаго съ нами по силѣ духовнаго предстательства. Вѣдь здѣсь не народъ іудейскій, который — приходится сказать — былъ народомъ разсѣяннымъ, какъ овцы, не имѣющія пастыря, но народъ апостольскій, имѣющій евангельскаго пастыря, говорящаго: *аще бо и плотию*

отстою, но духомъ съ вами есмь, радуюсь и видя утверждение вашей вѣры, яже во Христа (Кол. II, 5). Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о святомъ Іоаннѣ Богословѣ.

609 1. Іоаннъ въ Ефесѣ Асійскомъ, Іоаннъ — похвала Асіи и столпъ вселенной, Іоаннъ — возлюбленный ученикъ Христовъ и труба Слова Божія, слава ефесянъ и проповѣдникъ концовъ земли, цитра богословія, достойно называемый Богословомъ, херувимскія уста и серафимское тайноводство, и не усомнюсь сказать даже больше этого. Это онъ — Іоаннъ — велегласно и дерзновенно проповѣдалъ о Томъ, Котораго небесныя силы ангеловъ прославляютъ съ трепетомъ, это онъ изрекъ: *ѡ началъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Блаженъ ты, городъ ефесянъ, потому что въ тебѣ первомъ прогремѣлъ этотъ божественный громъ; блаженъ ты, городъ ефесянъ, потому что въ тебѣ написана такая книга; блаженъ ты, потому что въ тебѣ (пребывалъ) такой Іоаннъ. Есть, конечно, и другіе Іоанны, какъ во вселенной, такъ и у тебя, но ни у тебя, ни во всей вселенной нѣтъ другого такого Іоанна. Поэтому и Вѣдущій умъ человѣческій и Знающій тайны сердечныя, найдя его такимъ, каковъ онъ есть, — святымъ и непорочнымъ, высокимъ по жизни, чистымъ сердцемъ, украшеннымъ цѣломудріемъ, совершеннымъ въ любви, — ему, какъ вѣрному изъ вѣрныхъ, поручилъ Матерь Свою, чистую голубицу, непорочную агницу, пречистую юницу, несравненную среди людей, высшую всѣхъ твореній Божіихъ: такого довѣрія никто другой изъ святыхъ не удостоился. Блаженъ ты, городъ ефесянъ, что тебя попирали стопы такого мужа, котораго чистой жизни и самымъ слѣдамъ удивлялись ангелы; блаженъ ты, городъ ефесянъ, что чрезъ возлюбленнаго Іоанна ты первый возвысился надъ всѣми другими городами; блаженъ ты, потому что всѣ церкви вселенной стали твоими ученицами, будучи тобою научены богословію: *ѡ началъ бѣ Слово*. Представимъ себѣ, что гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ горитъ свѣтильникъ, — и вотъ всѣ приходятъ сюда, чтобы здѣсь возжечь свои свѣтильники, и достигнувъ этого, всѣ расходятся отсюда, съ свѣтильниками въ рукахъ, не спотыкаясь и не заблуждаясь; это самое и произошло въ Ефесѣ. Когда ты первый зажегъ у себя свѣтильникъ богословія, всѣ церкви отъ концовъ земли поспѣшили къ тебѣ, каждая зажигала свой свѣтильникъ богословія и возвращалась съ радостью. *Въ началъ бѣ Слово*. И въ Ефесѣ свѣтъ богословія не уменьшился, и вселенная, имѣя тоже количество свѣта, проповѣдуетъ: *ѡ началъ бѣ Слово*. Необходимо однако вспомнить и подвиги достославнаго апостола, насколько возможно, изъ многихъ немногіе, потому что изобразить всѣ его добродѣтели неостанетъ ника-

61

кого времени. О многихъ изъ нихъ мы слышали изъ книги Дѣяній, насколько онъ доблестно подвизался вмѣстѣ съ другими апостолами. Впослѣдствіи, подвергшись изгнанію отъ Домиціана, римскаго императора, онъ пришелъ для проповѣди слова Божія и ученія благочестія на островъ, называемый Патмосъ, и здѣсь описалъ церковь, какъ ее показалъ ему Богъ, и написалъ откровеніе тайнъ страшныхъ и неизреченныхъ, а также три свои святыя посланія. Замѣть неописуемую благодать Божию, — какъ Богъ вездѣ неразлученъ съ любящими Его; содержатся ли они въ темницѣ, находятся ли въ изгнаніи, или въ безднѣ моря, заключены ли въ ямѣ, или гдѣ бы то ни было подвергаются опасности, Богъ не оставляетъ ихъ, содѣйствуя имъ и укрѣпая ихъ и облегчая ихъ труды. Возвратившись изъ изгнанія, Іоаннъ поселился въ Ефесѣ и во время своего пребыванія здѣсь написалъ Евангеліе; тогда ему было сто лѣтъ; всего же онъ прожилъ сто двадцать лѣтъ. Здѣсь-то занимался онъ богословіемъ, или лучше сказать — на небесахъ, откуда и принесъ его съ собою; вѣдь такіе люди жителство свое имѣютъ на небесахъ. Пребывая по плоти въ Ефесѣ, онъ до концовъ вселенной раскинулъ сѣть богословія, возглашая: *въ началѣ бѣ Слово*. Поистинѣ *велиій Господь нашъ и велия крѣпость Его и разума Его нѣсть числа* (Пс. сѣхл, 5)! (Великъ Господь), сказавшій апостоламъ: *Азъ дамъ вамъ уста и премудрость* (Лк. ххi, 15)! Сколько царей, властителей и мудрецовъ провозглашали свои слова и нерѣдко въ великую силу, но голосъ ихъ не достигалъ даже стѣнъ города, а бѣдный рыбакъ возвѣстилъ въ Ефесѣ: *въ началѣ бѣ Слово* — и всю землю покрылъ его голосъ. Видѣлъ ты уста, громогласнѣйшія изъ всѣхъ? Видѣлъ языкъ, острѣйшій молніи? Видѣлъ голосъ, звучаще всякаго грома? Видѣлъ такую силу учителя изъ Ефеса, поучающаго всѣ народы и наставляющаго ихъ богословствовать: *въ началѣ бѣ Слово*? Этотъ голосъ уловилъ всю вселенную и — потрясенную утвердилъ; этотъ голосъ просвѣтилъ міръ и укрѣпилъ его противъ врага; этотъ голосъ — для многихъ воскресеніе и причина спасенія, а для нѣкоторыхъ — паденіе и отверженіе, какъ знаменіе пререкаемое: именно, для вѣрующихъ, что въ началѣ было (Слово), воскресеніе, для 611 утверждающихъ же, что Оно произошло изъ несущаго, паденіе и молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, великое множество еретиковъ, возставши тогда, потрясало церковь, возводя неправду на Вышняго и утверждая, что было нѣкогда время, когда не было (Сына), что до рожденія Его не было и что Онъ произошелъ изъ несущаго. О, несчастныя уста! О, скверный языкъ! О губы, исполненныя яда аспидовъ! Есть ли хула злѣе этой хулы? Можетъ ли нечестіе простирается далѣе этого? Тогда-то апостолъ Іоаннъ, не споса болѣе слушать ихъ нечестивые голоса, составляетъ свое Евангеліе, завѣщая церкви великое сокровище, четвертую рѣку, драгоценную жемчужину. Возвратившись, какъ сказано выше, послѣ изгнанія въ Ефесъ и подумавъ, что уже составлены книги про-

чихъ евангелистовъ и все почти боговдохновенное Писаніе для назиданія церкви, а между тѣмъ недостаетъ четвертаго основанія вселенной, безъ котораго и вселенная не можетъ быть утверждена, Іоаннъ размыслилъ самъ съ собою такимъ образомъ: что я медлю? Чего жду еще? Отчего не раскрываю тайну, скрытую отъ вѣка? Что скрываю у себя вѣчную мудрость, которую извлекъ я изъ бессмертнаго источника, припавъ къ нему? Что не возвѣщаю того, чего не знаютъ ангелы? Что не открываю концамъ земли Того, Кого никто не знаетъ, кромѣ Отца? Отчего не описываю того, о чемъ Маттеей, Маркъ и Лука умолчали изъ похвальной робости, не простираясь далѣе того, что было повелѣно имъ? Долженъ и я возвѣстити то, что мнѣ даровано свыше. Маттеей, сколько вмѣстилъ, написалъ по своей силѣ; равнымъ образомъ Маркъ и Лука подъ руководствомъ Святого Духа богоприлично наложили свои книги. Напишу и я, и къ прежнимъ присоединю четвертый источникъ жизни. Въ боговдохновенномъ хорѣ недостаетъ вѣдь голоса о богословіи и міръ подвергается съ этой стороны опасности. Напишу книгу, которая заградитъ всѣ уста, дерзающія говорить неправду на Бога; напишу книгу, превосходящую всякую мудрость въ мірѣ; напишу книгу, говорящую не о человѣкѣ. Для церкви достаточно, конечно, того, что о предметахъ видимаго міра написалъ Моисей—о небѣ и землѣ, о моряхъ, рыбахъ, птицахъ и четвероногихъ, о пресмыкающихся, растеніяхъ и сѣменахъ, о свѣтилахъ, о пищѣ и прочемъ твореніи; я же, оставивъ все, отъ времени и во времени бывающее, буду говорить о безвременномъ и несозданномъ, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Отца неизреченно рожденномъ Богѣ Словѣ. О Немъ Моисей и говорить не могъ, я же *все могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Филип. iv, 13). Такъ разсуждая самъ съ собою, апостолъ Іоаннъ, съ тростью для письма въ рукахъ и съ мыслью о томъ, какъ начать богословіе, радуясь душою и трепеща рукою, вдохновился и, находясь тѣломъ въ Ефесѣ, чистымъ сердцемъ и духомъ возвысился надъ землею. И вотъ, оставивъ всю землю, онъ прошелъ облетающій ее воздухъ, миновалъ созвѣздія свѣтилъ, миновалъ воинства ангеловъ, лики архангеловъ и всѣ небесныя силы, чины херувимовъ и серафимовъ, и все, что создано изъ небытія, прошелъ всѣ небеса, сколько ихъ ни было, и проникъ за предѣлы ихъ. Онъ приблизился къ предѣламъ непостижимаго и никто не препятствовалъ ему, никто не удерживалъ его. Такъ и всякому неоскверненному тѣломъ, чистому сердцемъ, незлобному душою и смиренному духомъ ни воздушные духи не попрепятствуютъ, ни небесныя силы не помѣшаютъ возвыситься въ горній Іерусалимъ, гдѣ собраны всѣ блаженные, какъ и этотъ блаженный апостолъ Іоаннъ, меньшій, и въ то же время большій великаго святого Іоанна. Итакъ, все это онъ миновалъ и нигдѣ не встрѣтилъ препятствія. Ангелы при видѣ земного человѣка, славнѣйшаго ангеловъ, умолкали; лики анге-

ловъ не дерзнули задержать другого ангела—земного, блиставшаго дѣвствомъ, полнаго святости, чистаго сердцемъ, исполненнаго благоуханія. Врата небесныя, опять видя новое прославленное лице, болѣе солнца блещущее божественными лучами, и думая, что это тотъ, котораго любилъ Іисусъ, который на груди Его возлежалъ съ величайшею чистотою, почему и облекся такою славой, поспѣшно растворившись открыли ему входъ. Затѣмъ онъ приблизился уже къ недоступному, достигъ самой глубины горней. Что сказать объ этомъ? Истиненъ божественный гласъ, возвышающій чрезъ пророка: *только прославляющая Мя прославлю* (1 Пар. ii, 80), какъ объ этомъ и богоотецъ Давидъ предрекъ: *яко Божіи де, жавни земли тло вознесошася* (Пс. xlvii, 10), и еще: *святѣмъ, иже суть на земли Его, удиви Господь вся хотѣнія своя въ нѣхъ* (Пс. xv, 8). Что же выше такого чуда—на такую высоту взойти перстному челоуѣку? Съ великимъ дерзновеніемъ и сколько возможно было видѣть, онъ созерцалъ тамъ Того, *Его же никтоже видѣлъ есть отъ челоуѣка ниже видѣти можетъ* (1 Тим. vi, 16), какъ пишетъ апостолъ Павелъ, согласно съ собственными словами Іоанна, что *Бога никтоже видѣлъ ни доушею* (Іоан. i, 18). Итакъ, что скажемъ по поводу этого? Справедливо ли утверждалъ Павелъ: *Егоже никтоже видѣлъ есть отъ челоуѣка ниже видѣти можетъ*, если Іоаннъ Его видѣлъ? Конечно, справедливо: видъ въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о томъ, что свойственно людямъ или коренится въ природѣ, но о томъ, что выше природы; то, чего Іоаннъ удостоился, есть дѣло не рабства, но всынновленія и дружбы [*вы друзи Мои есте, не ктому васъ глаголю раби* (Іоан. xv, 14, 15)]; здѣсь не было ничего нечистаго,—было только чистое и омытое, какъ и говорилъ апостоламъ божественный голосъ: *вы чисти есте* (Іоан. xiii, 10), а чистые сердцемъ *узрятъ Бога* (Мѣ. v, 8). Итакъ, обладая этими величайшими божественными дарами, Іоаннъ съ дерзновеніемъ вступилъ на высоту; и достигъ безпредѣльнаго моря и здѣсь чистыми очами своего сердца созерцалъ въ нѣдрахъ безначальнаго Отца собезначальное Слово, прежде всѣхъ вѣковъ неизреченно рожденное отъ Отца; и будучи не въ состояніи сдерживать въ себѣ плодъ этого созерцанія—неизглаголанную радость, онъ открылъ святѣя свои и серафимскія уста и великимъ гласомъ возопилъ: *въ началъ бѣ Слово!* Замѣть разумніе рыбака; обрати вниманіе на мудрость некнижнаго мужа; постарайся оцѣнить неизобразимую высоту учителя, сидящаго въ Ефесѣ и созерцающаго то, что выше небесъ. Духомъ вознесся онъ превыше всего и, изъ отеческихъ нѣдръ уловивъ сѣтью богословіе, тѣломъ былъ внизу и написалъ: *въ началъ бѣ Слово*. Услышьте, вѣрныя, и утвердитесь: *въ началъ бѣ Слово*. Услышьте, языкоенстовые противники, и устыдитесь: *въ началъ бѣ Слово*. Не немствовуйте болѣе, хулители, не враждайте противъ Церкви, антихристы; не беззаконуйте, не возвышайте рога: *не воздвизайте на высоту рога вашего и не глаголите на Бога неправду*

(Пс. lxxiv, 5, 6), говоря, что было нѣкогда время, когда не было Сына, что прежде рожденія Онъ не существовалъ и что произошелъ Онъ изъ небытія. *Удержи языкъ свой отъ зла и устыи твои еже не глаголаши лъсти* (Пс. xxxiii, 14). Конечно, былъ Онъ, и прежде былъ, былъ и всегда, не начиная и не прекращая Своего бытія; конечно, не подчиненъ времени Безвременный, не созданіе Онъ или тварь: Онъ самъ Творецъ и Создатель всего и видимаго, и невидимаго. *Вся Тьма быша* (Іоан. i, 8). Какъ благовременно вспомнить теперь это пророческое изреченіе: *сей* 613 *Богъ нашъ: не вѣннѣтся инъ къ Пему. Изобрѣте всѣмъ путь хитрости и даде ю* Іоанну, *возлюбленному отъ Него* (Вар. iii, 36, 37). Въ самомъ дѣлѣ, замѣть, какъ богословъ однимъ словомъ *исправи вселенную, яже не подвижится* (Пс. xcv, 10). Одинъ человѣкъ сидитъ въ Ефесѣ и весь міръ учитъ богословію. Посмотри на востокъ: сколько странъ тамъ, сколько областей, сколько церквей; обрати затѣмъ вниманіе на западъ: и тамъ сколько странъ и городовъ, въ томъ числѣ и великій Римъ; окинь взоромъ и другія страны: и югъ, и страны каппадокійцевъ, и все, что находится въ этихъ предѣлахъ — острова, пустыни и горы; представь себѣ церковное мнѣство — клиръ и толпы народа, мужей и женщинъ, если можешь ихъ исчислить, — но вѣдь легче песокъ морской исчислить, чѣмъ это множество! — и все это — ученики Іоанна, отъ него научившіеся богословію: *въ началѣ бы Слово*. И на площади воспѣваютъ это: *въ началѣ бы Слово*; и путешественники, и торговцы, и моряки держатся этой мелодіи: *въ началѣ бы Слово*; и въ пустыняхъ, и въ горахъ, и простецы, и мудрецы, и малые, и старые, и всякій, кому только доступно это, такъ богословствуетъ: *въ началѣ бы Слово*. И между тѣмъ какъ повсюду число непрестанно восклицающихъ: „былъ“ и „былъ“ умножилось, говорящихъ: „не былъ“ стало меньше. Богословствующихъ стало больше, а суетловящихъ — меньше; благочестивые преуспѣли, а нечестивые ослабли; вѣрные восторжествовали, а невѣрные истаяли. *Дукъ сильныхъ изнеможе, и немощствующи препенасиши силою* (1 Цар. ii, 4). Безуміе міра обличено и мудрецы міра низвергнуты. Но не пора ли мнѣ окончить рѣчь о нихъ? Вѣдь все равно, какъ бы далеко ни продолжалъ я эту рѣчь, до изображенія ихъ славы я не возвышусь. Имъ дана та слава, какую получилъ отъ Отца ихъ Учитель. Что же еще пытаться говорить о томъ, чего охватить словомъ невозможно? Ни одинъ человѣкъ не въ силахъ восхвалять ихъ по достоинству, а все то, что мы осмѣлялись сказать о нихъ, можетъ дать понятіе только о слабости нашихъ силъ, а отнюдь не о достоинствѣ лика святыхъ апостоловъ. И я все время не перестаю страшиться, что, дерзая говорить о нихъ, я своею неспособностью, ничтожествомъ и скудостью своего слова только уменьшаю заслуженныя ими похвалы и возбуждаю противъ себя негодованіе съ ихъ стороны. Если что и ободряетъ меня, такъ это надежда, что, снисходительные ко всѣмъ, и въ настоящемъ случаѣ они окажутъ снисхо-

женіе къ нашей слабости. Если поносимые они благословляютъ, гонимые терпятъ, хулимые умоляютъ, то тѣмъ болѣе восхваляемые по силѣ нашей не будутъ негодовать, зная немощь природы, хотя сами теперь и возвышены возлюбившимъ ихъ Богомъ выше природы. Изъ бѣдныхъ стали они богатыми, изъ безславныхъ славными, изъ некиныхъ мудрыми, изъ рыболововъ ловцами людей; и такимъ образомъ, окончивъ свое поприще, перешли къ жизни безконечной, къ Учителю 614 и Господу Іисусу Христу, Ему же слава. Аминь.

2. Своими преемникамъ они передали свои невода и сѣти и власть, которую они получили отъ Того, Кто имѣетъ всякую власть на небѣхъ и на землѣ. *Се, сказалъ Онъ, даю вамъ власть наступати на змѣю и на скорпію и на всю силу вражію, и ниче соже васъ вредитъ* (Лук. х, 19). Эту-то ихъ власть, какъ сказано, и старѣйшинство и ревность наследуютъ отъ нихъ достославные учителя, іерархи и пастыри Христова стада, шествующіе по слѣдамъ апостоловъ, мужественные поборники за Святую Троицу, возвысившіеся надъ закономъ и получившіе Святого Духа. Подобно плугу глубоко вскопали они и раскрыли нѣдра божественныхъ Писаній и всѣмъ ихъ уяснили, вѣру прославили и зловѣріе изгнали, православныхъ утвердили въ божественныхъ догматахъ и инославныхъ поразили божественными стрѣлами; они нашли скрытое вино печали, напоили жаждущую паству, приняли дворъ овчій и вострубили божественныя пѣсни; служители и стражи и дѣлатели божественнаго виноградника, проповѣдники божественныхъ догматовъ и мечъ противъ еретиковъ, отъ Святого Духа поставленные епископами, какъ сказалъ святой Павелъ: *пасите Церковь Бога* (Дѣян. хх, 28), они не уклонялись отъ постигшихъ ихъ скорбей и воспріяли обѣщанный вѣнецъ жизни; юношескихъ страстей убѣгая, наследовали божественное упованіе; полководцы великаго царя, богатые въ словѣ Божіемъ и нищіе духомъ, подражатели апостоловъ и образцы для вѣрныхъ, правители города и вѣстники вселенной, они души свои положили за паству и кровь свою пролили за вѣру; древнему Аврааму они подражали и въ нѣдрахъ его почиваютъ. Они-то выступили защитниками Господа и разоблачили ненавистныхъ и злословныхъ, когда тѣ, искажая божественное Писаніе, затемняя истину и сбывая съ прямого пути слабыхъ, стали уловлять души, увлекая ихъ въ вѣчную тьму ереси. Тогда-то собранные всѣ виѣстѣ, единодушно вѣрные, подражая Давиду, подобно камнямъ изъ потока взяли божественныя изреченія, т. е. евангелія, и несокрушимую вѣру во Святую Троицу, и возстали войной противъ безчисленныхъ и безбожныхъ еретиковъ, единодушно и единомысленно говоря съ апостолами: *едино Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единого Богъ и Отецъ всѣхъ, единъ Духъ Святой, просвѣщеніе всѣхъ, единое Божество, единъ Богъ*. Ему всегда слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСѢДА

объ отреченіи Петра, и о крестѣ, и о томъ, какъ Іосифъ послужилъ прообразомъ Христа.

- 313 1. Настоящимъ случаемъ мы должны воспользоваться, чтобы, съ одной стороны, заплатить долгъ Іосифу, съ другой — возвести славу креста. Сегодня и Іосифъ увѣнчивается, и крестъ пронарастаетъ; сегодня
614 и Петръ отрекается, и разбойникъ услаждается; сегодня и законъ исполняется, и предсказанный пророками Христосъ славословится; сегодня въ полномъ смыслѣ исполняется слово, сказанное о смерти Господней: въ своей сѣти запутался грѣшникъ (Пс. ix, 16). И какой грѣшникъ? Изобрѣтатель грѣха—дьяволъ. И какая это сѣть была приготовлена имъ?
616 Крестъ—не что иное. Онъ именно побудилъ іудеевъ устроить крестъ, думая хитростью уловить Того, Кого нельзя перехитрить, и предать смерти Того, Кто и между мертвыми остался свободнымъ. Не уразумѣлъ того лукавый, что крестъ притупить жало грѣха, сотреть главу его гордости, заградить его хульные уста, оборветъ крылья его противленія и сдѣлаетъ его слабымъ и безсильнымъ. Сегодня же оправдывается и слово пророка Давида: *свидѣніе во Іосифѣ* (Пс. lxxx, 6),—т. е., въ Іосифѣ Господь образно предначерталъ то, что хотѣлъ осуществить на Себѣ самомъ въ послѣдніе дни. Въ Іосифѣ оказывается много сходнаго съ Господомъ. Напримѣръ: на Іосифа злоумышляли его родные ¹⁾)... Съ Іосифа былъ снятъ разноцвѣтный хитонъ, и тотъ хитонъ — *свище истканъ* (Іоан. xix, 23), который нѣмѣлъ Господь, взяли воины и дѣлили между собою. *Раздѣлиша*—говоритъ евангелистъ—*ризы Моя събои и о иматисты Моей меташа жребія* (Іоан. xix, 24). Іосифъ былъ оклеветанъ предъ отцомъ; равнымъ образомъ и на Господа клеветали предъ Отцомъ—іудеи, называя Его сыномъ плотника, а ихъ подражатели, дѣти еретиковъ, уча о Немъ какъ объ иносущномъ. Іосифъ былъ проданъ измаильтянамъ, а Господь Іудею фарисеямъ. Іосифъ, брошенный въ пустой ровъ, вышелъ оттуда невредимымъ; и Господь, погребенный въ новомъ гробѣ, воскресъ тридневю. Да что говорить много? Іосифъ посрамилъ египтянку, Господь унижилъ синагогу; Іосифъ открылся братьямъ, Господь по воскресеніи явился ученикамъ. Іосифъ, заключенный въ темницу двумя свѣухами, истолковалъ имъ сны, послѣ чего одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ итицами, а другой возвратился въ свое отечество; Господь, распятый посреди двухъ разбойниковъ, вѣрнаго предалъ въ нищу гееннѣ, а вѣрнаго сдѣлалъ первымъ гражданиномъ

¹⁾ Второю части сравненія въ текстѣ недостаетъ.

рая. [Иосифъ послалъ отцу своему колесницы], Господь показалъ Отцу своему евангельскую колесницу, запряженную четырьмя животными; Иосифъ былъ объявленъ съдѣннымъ звѣремъ, а потомъ провозглашенъ почти царемъ, и Господь былъ распятъ какъ человекъ и прославленъ какъ Богъ. А вотъ еще другое пророчество, относящееся къ кресту: *восхедъ на высоту плъниль еси плънъ, и даде даннѣя челоуѣкомъ* (Ефес. iv, 8). Какая высота? Кто восшедшій? Какой плѣнъ? Что это такое—*даннѣя челоуѣкомъ*? Высота—честный крестъ, какъ непостижимое таинство; восшедшій—это Владыка Христось, потому что *сшедый той естъ и восхедый* (Ефес. iv, 10). Что же значить—*плъниль еси плънъ*? Это значить: поработенныхъ грѣху Господь въ пришествіе Свое возсоздалъ благодатью, давъ людямъ дары. Какіе дары? Отпущеніе грѣховъ, благодать усыновленія, наслѣдіе царства, залогъ безсмертія и обѣтованіе сидѣнія одесную. И кто свидѣтель этого? Самъ Господь, говорящій: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. xii, 32), т. е., когда Я буду распятъ, тогда всѣ увѣруютъ въ Меня. Еще болѣе ясное свидѣтельство о крестѣ ты только что слышалъ, именно Исаія пророкъ восклицаетъ: *яко овца на заколеніе ведеси и яко агнецъ предъ стригущимъ ео безлисенъ* (Ис. lш, 7). Какое это *овца*? Какой агнецъ? Какое закланіе? Какое стригеніе? Кто это закалывающіе и стригущіе? Овца и агнецъ—Владыка Христось, прообразовательно: овца—въ виду волны крещенія, агнецъ—въ виду жертвоприношенія по плоти; заколеніе—это прободеніе ребра, испѣляющее ребро. Кто же закалывающіе и стригущіе? Саддукеи и фарисеи: сначала они остригли Его хулами, а потомъ убили посредствомъ клеветы. Вѣдь какъ въ обыденной жизни человекъ остригаемый не терпитъ при этомъ боли и становится благообразнымъ, такъ и Христось, получая удары, принялъ ихъ какъ остриженіе, не потерпѣвъ боли и воспринявъ вслѣдъ затѣмъ красоту воскресенія. О Немъ написано: *красенъ добротою нѣче синовъ челоуѣческихъ* (Пс. xliii, 3). Согласно съ Исаіей и Іереміа провѣщали такъ: *азъ же яко нѣя незлобное* шелъ на заколеніе (Іер. xi, 19). Его должно назвать агнцемъ, потому что Онъ не противился страданіямъ, не вставалъ противъ 616 закланія. Іудеи убили Спасителя, но и мы причастны этому убійству: вина лежитъ на нихъ, а успѣхъ достался намъ; удары ихъ, а свобода наша; наказаніе имъ, а благословеніе намъ. Свѣтъ приходитъ, Христось прославляется. Исполняется сегодня, и Давидово пророческое слово, относящееся къ воспоминаемому кресту. *Даша еъ сиудъ Мою желчъ и еъ жажду Мою напоиша Мѧ оцта* (Пс. lxxviii, 22). Вспомни, возлюбленный, какъ Господь, вися на крестѣ, вопиалъ: *жажду* (Іоан. xix, 28)!—и тотчасъ одинъ изъ воиновъ подбѣжалъ и, напивавъ губку уксусомъ, смѣшаннымъ съ желчью, поднесъ ее Господу. Почему однако почувствовалъ жажду Господь, источившій нѣкогда воду изъ разсѣченнаго камня? Конечно, что написано было, то должно было исполниться: *даша еъ*

спѣдь Мою желчь и въ жажду Мою напоиша Мя оцта. Вотъ какое вино произвелъ іудейскій виноградъ! Отъ виноградовъ бо содомскихъ виноградъ ихъ и роза ихъ отъ Гоморры (Второзак. ххп, 32). Ихъ — то чило, укусъ и горечь, а плоды, наслажденіе и безсмертіе — наши. Къ намъ-то и относится увѣщаніе пророка: *вкусите и видите, яко благъ Господъ* (Ис. хххш, 9).

2. Что еще остается сказать намъ? Господь, призвавъ учениковъ Своихъ, сказалъ имъ прямо: *еси вы соблазнитесь о Мнѣ въ ночь сію; писано бо есть: поражу пастыря, и разидутся овцы стада* (Мѣ. ххvi, 31). Видишь, какъ все засвидѣльствовано, какъ все точно? Ничего лишняго, ничего не оправдываемаго дѣломъ? *Вси соблазнитесь о Мнѣ; писано бо есть: поражу пастыря, и разидутся овцы стада.* Вотъ точность Святого Духа! Пророкъ возопилъ, и Духъ Святый отвѣтилъ дѣломъ. Не сказалъ пророкъ: поражу пастыря, и погибнуть овцы, но сказалъ: *и разидутся*, разсѣются, т. е. на время соблазнятся, а немного спустя утвердятся въ вѣрѣ. Называетъ Господа Пастыремъ, такъ какъ Онъ есть Пастырь добрый, оставившій девятисто девять овецъ, чтобы отыскать одну заблудшую, т. е. оставившій небесныя силы и пришедшій къ падшему Адаму. Овцами же названы апостолы, какъ послушныя спасительному жезлу, пасущіеся на Его тѣлѣ и имѣющіе стояла въ обителяхъ царства небеснаго. Вѣдь какъ и въ настоящей жизни, когда волкъ врывается въ стадо и похищаетъ овцу, остальные овцы пугаются, отскакиваютъ и бѣгутъ, но какъ только услышатъ свирѣль пастуха, тотчасъ бѣгутъ и собираются вмѣстѣ, такъ и ученики Господа, увидѣвши крестъ, отступили, бѣжали какъ отъ волка, но только слышали о воскресеніи Господа, тотчасъ собрались около Него, узнали Его и не отлучались отъ небесныхъ обителей. Итакъ, вотъ что говоритъ Господь Своимъ ученикамъ: *еси вы соблазнитесь о Мнѣ въ ночь сію* (Мѣ. ххvi, 31). Петръ же, желая показать, до какой степени онъ готовъ защищать учителя, и выставить себя болѣе другихъ учениковъ преданнымъ Господу, а на самомъ дѣлѣ — какъ бы съ тѣмъ, чтобы подчеркнуть свое отреченіе, сталъ говорить Господу: что говоришь Ты, Господи? Мы всѣ соблазнимся о Тебѣ? Ты и меня ко всѣмъ причисляешь? Такъ-то довернешь моей твердости! И я отрекусь отъ Тебя, — я, ходившій по морю (Мѣ. хiv, 29)? Я, удостоившійся быть свидѣтелемъ Твоего преображенія на горѣ (Мѣ. хvп, 1)? Я, обратившій въ бѣгство стадо бѣсовъ? Я, исцѣляющій всякую болѣзнь? Не я ли раньше всѣхъ узналъ Тебя и исповѣдалъ, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго (Мѣ. хvi, 16)? И Ты принявъ это мое свидѣтельство, ублажилъ меня и назвалъ камнемъ Церкви, сказавъ: *ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей* (Мѣ. хvi, 18). Итакъ, я-то отрекусь отъ Тебя, верховный изъ апостоловъ, столпъ церкви! Нѣтъ, я увѣренъ въ себѣ и громко заявляю: *аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогдаже со-*

блажнѣюся (Мѣ. ххvi, 33)! Господь говоритъ ему: что говоришь и возражаешь, Петръ? Что на словахъ возстаешь противъ Бога? Ты находишь, что Я говорю ложь? Ты не ищешь подкрѣпленія себѣ, по увѣряешь въ своей непоколебимости? Развѣ эта твоя горячность не дѣлаетъ тебя худшимъ? Такое же безразсудство обнаружилъ ты тогда, когда пошелъ по морю,—а что случилось бы, если бы Я не посиѣвшиа протянуть тебѣ руку? Развѣ и на горѣ Преображенія ты не ошибся во Мнѣ, желая построить три палатки, уравнивая Меня—Владыку съ Моими друзьями (Мѣ. хvii, 4)? Развѣ ты не умолялъ Меня не ходить въ Іерусалимъ изъ-за угрозы іудеевъ (Мѣ. хvi, 22)? Я не хотѣлъ обличать тебя, Петръ, но ты отнесся съ недоувѣріемъ къ Моему божественному предвѣдѣнію. Смотри же, Я предрекаю тебѣ, что съ тобою случится: пусть эти событія вразумятъ тебя, каковъ ты. Аминь, *аминь малою тебѣ, прежде даже алекторъ не возгласитъ, три крѣпости отвержешися Мене* (Мѣ. ххvi, 34)! Петръ же опять, въ самообольщеніи пренебрегая измѣнчивостью человѣческаго духа, отвѣчалъ Господу: что устрашаешь меня? Я не боюсь смерти и не отрекусь отъ Тебя. На это Господь сказалъ ему: хорошо, что ты такъ готовъ стоять за Меня, но немного спустя ты узнаешь: время при дверяхъ—когда обнаружится и твое содѣйствіе. и Мое предвѣдѣніе. Однако, когда же конецъ нашей бесѣды: уже наступилъ вѣдь вечеръ? Когда Господь былъ взятъ и введенъ на дворъ архіерейскій и всѣ ученики разбѣжались, одинъ только Петръ послѣдовалъ за Нимъ во дворъ архіереевъ, какъ бы намѣреваясь привести свое общаніе въ исполненіе. Когда Господь внутри двора содержался въ узахъ, Петръ на вѣншнемъ дворѣ сидѣлъ твердый и непреклонный, какъ бы уже одержавшій побѣду. Что же случилось? Когда онъ довольно времени посидѣлъ здѣсь, не увидѣвъ ни меча обнажаемаго, ни скалы для низверженія, не слыша ни угрозы лишенія имущества, ни предстоящаго изгнанія,—маленькая служанка, ничтожная рабыня, приблизившись къ нему, спросила его: что ты тутъ дѣлаешь, человѣкъ? Гдѣ сила твоего Учителя? Вотъ Онъ въ узахъ, а скоро будетъ и на крестѣ. Петръ, забывъ о своей рѣшимости, отвѣтилъ ей: что такое говоришь ты, дѣвица? Я не знаю Его. О, какое дѣло! Тотъ, кто только что говорилъ: *аще ми есть и умерти съ Тобою* (Мѣ. ххvi, 35), теперь уже отрекается. Когда же совершилось это первое отреченіе, смущенный имъ Петръ какъ бы отскочилъ отъ огня, разложеннаго на дворѣ, и отошелъ къ воротамъ. И что же? Другая опять служанка встрѣтила его тамъ. Удивительное дѣло! Ни вонна, ни меча нигдѣ нѣтъ, но слабая служанка встрѣтила Петра и стала говорить ему: что ты волнуешься? Чего хочешь? Что мучаешь себя? Развѣ тебя не видѣли всегда вмѣстѣ съ этимъ Галилеяниномъ? Что же ты причешься у воротъ? На это Петръ уже не просто, но съ клятвою отвѣчаетъ: *не вѣмъ человека сего* (Мрк. хiv, 71)! Какъ предсказалъ Господь, такъ и случилось. За вторымъ отреченіемъ

послѣдовало третье; произошло оно такъ: *по малѣ же приступивше стоящій рѣша Петрови: востану и ты отъ нѣхъ еси: ибо и бесѣда твоя лъѣ тѣ творитъ*. Петръ же началъ ротитися и клятися, яко не знаю челоука (Мѣ. ххvi, 73, 74). Гдѣ столь рѣшительное общаніе Петра? Ты, сказавшій прежде: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѣ. хvi, 16), теперь говоришь: *не знаю челоука сего* (Мрк. хiv, 71)? Можетъ быть Петръ невольно былъ на-сторожѣ при этихъ словахъ и не сказалъ: я не знаю Бога Слова, но произнесъ: я не знаю этого челоука. Онъ отнесъ это къ тому, что видѣлъ, а не къ тому, о чемъ онъ думалъ. Почему и Господь въ предвѣдѣніи сказалъ: *всѣхъ може речетъ слово на сына челоуческаго, оставится ему* (Лук. хii, 10). Что же Петръ? *Не знаю челоука*, сказалъ онъ, *и абіе птѣль возлѣси* (Мѣ. ххvi, 74),—этотъ неумолимый обвинитель Петра, заранѣе приглашенный свидѣтель Владычняго приговора, обличитель отреченія, доказатель предвѣдѣнія и напоминатель о покаянныхъ слезахъ.

618

8. Но ограничимся сказаннымъ объ этомъ, займемся лучше бесѣдой о милостынѣ, убѣждая вашу любовь вотъ этими евангельскими словами: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да егда оскудѣте, пріимуть вы еѣ отъ чѣхъ кровѣ* (Лук. хvi, 9). Хорошо сказалъ Онъ: *отъ чѣхъ кровѣ*. Здѣсь, какъ бы ни былъ великолѣпенъ твой домъ, онъ обветшаетъ отъ времени и непременно разрушится, а не то и прежде его разрушенія смерть изгонитъ тебя изъ твоего великолѣпнаго жилища; затѣмъ, и помимо смерти, превратности судьбы, злоумышленія и клеветы легко могутъ лишить тебя этого крова. Иное дѣло тамъ—въ вѣчныхъ кровахъ: тамъ не нужно опасаться ни тлѣнія, ни смерти, ни разрушенія, ни угрозъ клеветниковъ и ничего подобнаго. Вотъ почему и назвалъ Господь вѣчнымъ это неизблемое и нетлѣнное жилище. *Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды*. Вотъ каковы челоуколюбіе Владыки, Его доброта и снисходительность! Не безъ цѣли сдѣлалъ Онъ такую прибавку, но такъ какъ у многихъ богачей богатство собрано грабежомъ и жадностью, то Онъ говоритъ: это дурно, и не слѣдовало тебѣ такъ собирать деньги; но такъ какъ ты уже собралъ, то отстань отъ грабежа и жадности и воспользуйся для должнаго своимъи деньгами. Не то я говорю, чтобы ты грабя омазывалъ милостыню, но чтобы ты, прекративъ жадность, воспользовался богатствомъ для милостыни и челоуколюбія. Кто не удерживается отъ грабежа, тотъ не можетъ совершать и милостыни; но, хотя бы онъ отдавалъ множество денегъ въ руки нуждающихся, грабя деньги другихъ и жадничая, онъ будетъ сочтенъ Богомъ наравнѣ съ челоукоубійцами. Поэтому нужно напередъ ототать отъ жадности и тогда подавать милостыню бѣднымъ. Велика сила милостыни! Впрочемъ пусть никто не принимаетъ частаго напоминанія объ этомъ за укоризну слушателямъ. И въ составленіяхъ зрителей поощряють тѣхъ изъ бѣгущихъ, которыхъ видятъ находящимися

ближе къ награждѣ и имѣющихъ больше надежды на побѣду. Такъ и я, видя, что вы всегда съ великимъ усердіемъ принимаете слова о милостынѣ, и самъ также предлагаю увѣщаніе объ этомъ. Бѣдные—врачи нашихъ душъ, благодѣтели и предостатели, потому что ты не столько даешь имъ, сколько получаешь; даешь серебро, а получаешь царство небесное; облегчаешь бѣдность, и примиряешь себя съ Владыкою. Видишь ли, какъ неравномѣрно воздаяніе? То—на землѣ, а это—на небѣ; то гибнетъ, а это остается; то—тѣлесное, а это—выше всякаго тѣлеснаго. Для того отцы наши и поставили бѣдныхъ предъ дверями молитвенныхъ домовъ, чтобы одинъ видъ бѣдныхъ могъ даже въ самомъ нерадивомъ и безчеловѣчномъ пробудить воспоминаніе о милостынѣ. Когда здѣсь стоятъ сонмъ стариковъ, согбенныхъ, одѣтыхъ въ рубища, изсохшихъ, загрязненныхъ, съ палками, съ трудомъ могущихъ держаться, часто слѣпыхъ и изувѣченныхъ всѣмъ тѣломъ, то кто будетъ такимъ каменнымъ, чтобы устоять противъ этой старости, немощи, увѣчья, бѣдности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющаго его къ состраданію, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоятъ предъ нашими дверями, видомъ своимъ сильнѣе всякаго слова склоняя и призывая входящихъ къ челоуѣколюбію. Какъ въ преддверіяхъ молитвенныхъ домовъ обыкновенно устроятся умывальницы, чтобы идущіе молиться Богу сначала омыли руки и тогда уже простирали ихъ на молитву, такъ и бѣдныхъ отцы поставили предъ дверями, подобно источникамъ и умывальницамъ, чтобы мы, какъ умываемъ руки водою, такъ, очистивъ напередъ душу челоуѣколюбіемъ, потомъ приступали къ молитвѣ. Подлинно, не такъ вода по природѣ своей оmyваетъ нечистоты тѣла, какъ милостыня силою своею стираетъ нечистоту души. Поэтому, какъ не осмѣливаешься ты пойти на молитву съ неумытыми руками,—хотя и меньшая то вина,—такъ не входи никогда на молитву безъ милостыни. Притомъ часто, имѣя и чистыя руки, мы не простираемъ ихъ на молитву, не омывъ ихъ напередъ водою: такова привычка. Тоже 619 будемъ дѣлать и съ милостынею. Хотя бы мы и не сознавали за собою никакого значительнаго грѣха, однако будемъ очищать свою совѣсть милостынею. Ты на торжищѣ приобретаешь себѣ много дурного: врагъ огорчилъ тебя; судья принудилъ тебя сдѣлать что-нибудь неаппасжащее; ты извергалъ неумѣстныя слова; другъ склонилъ тебя сдѣлать что-нибудь грѣховное, и ты во многомъ другомъ провинился, въ чемъ легко провиниться челоуѣку, вращающемуся на торжищѣ, засядающему въ судилищахъ, участвующему въ городскихъ дѣлахъ; во всемъ этомъ ты приходишь просить у Бога прощенья и защиты. Брось же серебро въ руки бѣдныхъ и оботри эти нечистоты, чтобы съ дерзованиемъ ты воззвалъ къ Тому, Кто можетъ отпустить тебѣ грѣхи. Если ты не оставишь себѣ въ обычаи никогда не приступать къ этому священному преддверію безъ милостыни, то волею или неволею никогда

не опустишь этого добраго дѣла: такова привычка. И какъ ты никогда—допустимъ это—не позволяешь себѣ молиться съ немытыми руками, потому что однажды навсегда поставилъ это себѣ въ привычку, такъ и въ отношеніи къ милостынѣ, если ты точно также поставишь ее себѣ закономъ, то волею или неволею будешь исполнять его ежедневно, побуждаясь привычкою. Молитва есть огонь, особенно когда она возсылается трезвенною и бодрствующею душою; но этотъ огонь нуждается и въ елей, чтобы достигнуть до самыхъ небесныхъ сводовъ. а елей для этого огня есть не что иное, какъ милостыня. Подливай же этотъ елей щедро, чтобы, ободряясь правымъ дѣломъ, ты могъ совершать молитвы съ большимъ дерзновеніемъ и большимъ усердіемъ. Какъ незнающіе за собою ничего добраго не могутъ и молиться съ дерзновеніемъ, такъ сдѣлавшіе что-нибудь правое и послѣ праведнаго дѣла приступающіе къ молитвѣ, ободряясь воспоминаніемъ о сдѣланномъ добрѣ, возносятъ молитву съ большимъ усердіемъ. Поэтому, чтобы наша молитва сдѣлалась сильнѣе, благодаря тому, что наша душа во время молитвы будетъ ободряться воспоминаніемъ о добрыхъ дѣлахъ, будемъ приходить на молитву съ милостынею и тщательно помнить все сказанное; а больше всего другого соблюдайте въ памяти то мое сравненіе, по которому я сказалъ, что бѣдные, стоя предъ дверями молитвенныхъ домовъ, выполняютъ такое же назначеніе въ отношеніи къ душѣ, какое умывальница въ отношеніи къ тѣлу. Если мы будемъ всегда помнить это, очищая такимъ образомъ свой умъ, то будемъ въ состояніи возносить чистыя молитвы, приобрѣсть великое дерзновеніе предъ Богомъ и достигнуть царства небеснаго, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и на слова: вси бо предстаномъ судищу Христову, и кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу (Римл. xiv, 10, 12).

619 1. Я полагалъ, что вчера я сказалъ вамъ нѣчто великое и значительное: по существу дѣла оно и дѣйствительно было велико и превосходило всякое слово. Тѣмъ не менѣе сегодняшнее чтеніе настолько же превосходитъ его, насколько само оно превосходитъ наши слова. Хотя я не думалъ, чтобы что-нибудь превзошло его, однако приходящееся на сегодняшний день чтеніе оказалось гораздо сильнѣе. Что же именно было прочитано сегодня? *Вси бо предстанемъ судищу Христову, писано бо*

есть: живу азъ, глаголетъ Господь, яко мнѣ поклонится всяко колѣно и
 всякъ языкъ исповѣтся Богу (Рим. xiv, 10, 11). Итакъ, неужели
 каждый изъ насъ воздастъ о себѣ слово, слово Богу? Замѣть, не сказалъ 620
 просто: всякій поклонится, но и: всякій исповѣтся, то есть: дасть отчетъ
 въ сдѣланномъ имъ. Итакъ, представляя себѣ Владыку всѣхъ сидящимъ
 на престолѣ, будь внимателенъ къ себѣ, о, человекъ, и не производи
 раздора и раздѣленія въ церкви, отторгавшись отъ благодати; вѣдь, Хри-
 стосъ и тебя, и весь родъ человѣческій потребуетъ къ отвѣту. Потомъ,
 чтобы не показалось, что это сказано только для нашего устрашенія,
 онъ, пользуясь тѣмъ, что слѣдовало объ этомъ говорить по ходу рѣчи, и
 далѣе касается того же предмета: не тому убо другъ друга осуждаемъ, но 621
 сіе паче судите, еже не полатати претыканія брату или соблазна (ст. 13).
 Это относится къ одному не больше, чѣмъ къ другому, а потому
 можетъ быть приложено къ обоимъ: и къ совершенному, который, соб-
 лазняется разборчивостію въ пищу, и къ несовершенному, для кото-
 раго служить преткновеніемъ слишкомъ рѣзкія укоризны. Разсуди же,
 какому подвергаемся мы наказанію, если соблазняемъ ближнихъ безъ
 всякой доброй цѣли. Если адѣсь, гдѣ вся ошибка состояла въ неблаго-
 временности упрековъ, апостолъ ихъ запрещаетъ, чтобы не соблазнялся
 и не претыкался братъ, то чего будемъ достойны мы, когда соблазняемъ
 брата, совсѣмъ не имѣя намѣренія исправить его? Если не сберечь есть
 проступокъ, какъ показываетъ примѣръ закопавшаго въ землю талантъ,
 то чего не навлечемъ мы на себя, соблазняя другого? Ты скажешь:
 что же мнѣ дѣлать, если онъ соблазняется самъ по себѣ, по своей сла-
 бости? Именно эта слабость его и должна побуждать тебя сдерживаться.
 Если бы онъ былъ крѣпокъ, не имѣлъ бы нужды въ такой попечитель-
 ности. А теперь, чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ большаго требуетъ вниманія.
 Итакъ, будемъ заботиться о немощномъ братѣ и поддерживать его во
 всѣхъ случаяхъ. Вѣдь мы дадимъ отвѣтъ не за свои только грѣхи, но
 и за все то, въ чемъ соблазняемъ другихъ. Но если трудно отвѣчать
 и за свои грѣхи, то какъ намъ спастись, когда присоединится сюда еще
 и отвѣтственность за соблазны? Да не подумаемъ оправдываться тѣмъ,
 что мы не одни, что найдутся сообщники въ нашихъ грѣхахъ. Это
 только увеличить наше наказаніе. Змій наказанъ былъ строже жены,
 а жена строже мужа. Іезавель понесла болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ
 Ахавъ, отнявшій виноградникъ. Такъ, конечно, и ты, если окажешься
 виновнымъ въ гибели другихъ, подпадешь болѣе тяжкому наказанію,
 чѣмъ тѣ, которымъ послужилъ ты соблазномъ. Не такъ пагубно самому
 согрѣшить, какъ ввести въ грѣхъ другихъ, почему апостолъ и гово-
 ритъ: не точію сіа творятъ, но сонзволютъ творящимъ (Рим. i, 32).
 Поэтому, видя, что другіе грѣшатъ, не только не будемъ подталкивать
 ихъ на грѣхъ, но постараемся извлечь ихъ изъ бездны порока, чтобы
 за гибель другихъ намъ самимъ не подвергнуться казни. Впрочемъ.

возвратимся къ тому, о чемъ была у насъ рѣчь. *Вси бо*, говоритъ апостолъ, *представимъ судишу Христову* и дадимъ отчетъ Богу. Что тогда будемъ дѣлать мы, добровольно погрязавшіе во грѣхахъ? Гдѣ найдемъ поддержку? Въ чемъ почерпнемъ утѣшеніе? Чѣмъ умилюемъ грознаго Судію? Куда скроемся отъ стыда, когда обнажится предъ нами наше собственное нечестіе? (Другое дѣло теперь): если теперь пожелаемъ мы исправиться и творить угодное Богу, то можемъ и всѣ свои грѣхи омыть, и избѣгнуть ужасовъ грядущаго суда. А это возможно, конечно, если постоянно будемъ помнить о своемъ отшествіи отсюда, о бренности тѣла: *поминай*, говоритъ премудрый, *послѣдняя твоя и ео отъ не согрѣшиши* (Сирах. vii, 39); затѣмъ, будемъ представлять себѣ въ своей мысли страшный судъ Христовъ, на которомъ все будетъ разоблачено и обнажено предъ Его очами—и слова, и дѣла, и мысли; будемъ, далѣе, напоминать себѣ объ огненной рѣкѣ, о неразрѣшимыхъ узахъ, о тмѣ непроницаемой, о скрежетѣ зубовъ, о червѣ ядовитомъ, о томъ днѣ, ужасномъ для грѣшника, свѣтломъ и радостномъ для усовершившихся въ дѣлахъ правды.

2. Но находятся люди, настолько исполненные безумія, что боговдохновенныя Писанія считаютъ ложными, а судъ Божій представляютъ аллегоріей. Я слышалъ о нѣкоторыхъ, преданныхъ грѣху и погрязавшихъ въ безднѣ страстей, что они распространяють подобныя мысли, утверждая, что Богъ угрожаетъ наказаніями за гробомъ только для того, чтобы утратить людей; что, конечно, на самомъ дѣлѣ Онъ этого не сдѣлаетъ, но, будучи, человеколюбивымъ, ограничится незначительнымъ наказаніемъ, да и то главнымъ образомъ по отношенію къ тѣмъ, которые совсѣмъ Его отвергаютъ. Но послушайте же, развращенные сердцемъ люди, работающіе коварству діавола, радующагося о вашей 622 гибели! Вѣдь это онъ, конечно, внушаетъ намъ такое безстрашіе, чтобы подъ вліяніемъ страха мы не поспѣшили исправить свою жизнь и чрезъ то не избѣгли тяжести наказанія, разсчитывая, что такая беззаботность въ настоящей жизни приведетъ тамъ насъ на самое дно ада. Итакъ, скажите же мнѣ вы, безумные, выставляющіе Бога лжецомъ, считающіе слова Священныхъ Писаній лишь пустыми угрозами, а не истиной,—какъ полагаете вы: тотъ богатъ, презрѣвшій Лазаря, не мучится (Лук. xvi)? Юродивыя дѣвы не изгоняются изъ брачнаго чертога? Отказавшіеся напѣтать Христа не пойдуть въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его? Одѣтый въ нечистую одежду не будетъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и осужденъ на гибель? Требовавшій ста динаріевъ не будетъ преданъ истязателямъ? Развѣ неправда то, что сказано о прелюбодѣлахъ: *червь ихъ не умираетъ, и огонь ихъ не уасаетъ* (Мар. ix, 48)? Или все это только одни угрозы? Да, говоришь ты. Но скажите мнѣ, несчастные, на какомъ основаніи осмѣливаетесь вы утверждать такія вещи и провозносить отъ себя столь несправедливый приговоръ? А я могу доказать

вамъ противное и словами и дѣлами Христовыми. Если не вѣрятъ словамъ Писанія о будущемъ наказаніи, то, по крайней мѣрѣ, тому, что уже совершилось, всё, конечно, должны повѣрять. Вѣдь то, что уже было, что исполнилось на самомъ дѣлѣ, не пустякъ, конечно, угрозы и слова. Итакъ, кто при Ноѣ навелъ потопъ на всю вселенную, произвелъ столь ужасное истребленіе и гибель всего нашего рода? Кто, затѣмъ, низвелъ молнію и огнь съ неба на землю Содомскую? Кто потопилъ въ морѣ всю силу египетскую? Кто истребилъ шесть сотъ тысячъ человѣкъ въ пустынѣ? Кто погналъ огнемъ сонмъ Авироновъ? Кто повелѣлъ землѣ разверсть уста свои, и поглотить Корея, Даазана и бывшихъ съ ними? Кто при Давидѣ въ одно мгновеніе поразилъ семьдесятъ тысячъ? Кто 185 тысячъ въ одну ночь умертвилъ во дни пророка Исаіи? Упомянуть ли еще о наказаніяхъ частныхъ? О Каинѣ, преданномъ на непрестанное мученіе, о сынѣ Харминѣ, который побить камнями со всѣмъ его родомъ, о собиравшемъ дрова въ субботу и подвергшемся той же казни, о сорока двухъ отрокахъ, которые при Елисеѣ съѣдены звѣрями и которымъ не послужилъ извиненіемъ юный ихъ возрастъ? А если хочешь видѣть подобные примѣры и во времена благодати, представь себѣ, какія наказанія претерпѣли іудеи, когда жены ихъ ѣли собственныхъ дѣтей, и зажаривая, и въ другихъ видахъ употребляя; какъ они поражены были ужаснымъ голодомъ, и многочисленными и тяжкими бѣдствіями войны до такой степени, что всё прежнія несчастія кажутся ничтожными при сопоставленіи съ этими ужасами. А что именно Христосъ навелъ на нихъ все это, послушай, какъ самъ Онъ предсказываетъ эти несчастія то въ притчахъ, то ясно и опредѣленно. Напримѣръ, въ притчѣ Онъ говоритъ: *враги Моя оны, иже не восхотѣша Мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изстѣпите предо Мною* (Лк. xix, 27); о томъ же говорятъ притчи о виноградникѣ и о бракѣ. Такія же угрозы выражаются и ясно и опредѣленно, когда Онъ говоритъ: *падутъ во остріи меча, и будетъ на земли туга языкомъ отъ печальнїа, шума морского и возмущенїа, издыхающимъ челоукомъ отъ страха* (Лк. xxi, 24; 25). *И будетъ скорбь велия, якоже не была отъ начала міра доселѣ, иже имать быти* (Мате. xxiv, 21). Всѣмъ извѣстно также, какой казни подверглись Аниѣ и Салфира за утайку нѣсколькихъ монетъ. А ежедневныя несчастія, какія мы терпимъ за грѣхи, кто ихъ не видитъ? Или скажешь, что ихъ не бываетъ? Но развѣ и въ наши дни не погибаютъ люди отъ голода? Не страдаютъ проказой и другими тѣлесными болѣзнями? Не живутъ въ безысходной нищетѣ? Не терпятъ тысячи несносныхъ и тяжкихъ бѣдствій? Теперь—справедливо ли было бы однихъ наказывать, а другихъ нѣтъ? Если Богъ не несправедливъ, — что и несомнѣнно, — то конечно и ты будешь наказанъ за грѣхи свои. Если же ты думаешь, что Богъ тебя не накажетъ, такъ какъ Онъ человеколю-

бывъ, то и тѣхъ не нужно было наказывать. Но вотъ,—ради этихъ вашихъ жалкихъ словъ,—Богъ и здѣсь многихъ наказываетъ, чтобы вы, невѣрующіе словеснымъ угрозамъ, повѣрили хотя бы дѣйствительнымъ казнямъ. И такъ какъ давно минувшее насъ мало устрашаетъ, то Онъ вразумляетъ безпечныхъ современными событіями, которыя совершаются въ каждомъ поколѣніи

3. Почему же, скажутъ, Богъ не наказываетъ всѣхъ здѣсь? Чтобы явнымъ дать предопредѣленное отъ Него время на покаяніе. А почему не ограничивается по отношенію ко всѣмъ только тамошними наказаніями? Чтобы не умножилось число невѣрующихъ Божію промыслу. Почему изъ разбойниковъ одни пойманы, а другіе ушли отъ наказанія? Гдѣ тутъ Божіе человеколюбіе и правосудіе? Если бы вовсе никто не былъ наказываемъ, тогда можно бы было прибѣгнуть къ этому доводу. Но когда одни наказаны, другіе нѣтъ, хотя бы и больше грѣшили, то какъ это понять, что за одни и тѣ же преступленія не одинаковы наказанія? Не придется ли признать, что наказаніе въ этомъ случаѣ является несправедливымъ? Итакъ, почему же не всѣ наказываются здѣсь? Послушай, какъ отвѣчаетъ тебѣ на это самъ Христосъ. Когда нѣкоторые погибли отъ паденія башни, то Христосъ на возникшее по поводу ихъ смерти недоумѣніе говорилъ: *мысли ли, яко сѣи зрѣишайшии паче всѣхъ блху? Ни, глаголю вамъ: но аще не покается, вси такожде погибнуте* (Лук. хiii, 2—5). Этимъ Онъ научаетъ насъ не полагаться на то, что при множествѣ нашихъ преступленій остаемся безъ наказанія, когда другіе терпятъ его, потому что, если не покаемся, непременно будемъ наказаны. За что же, спросишь, терпѣть вѣчное наказаніе паче, которые здѣсь грѣшили недолгое время? А за что здѣсь человекъ, въ одну минуту сдѣлавшій одно смертоубійство, осуждается на всю жизнь на работу въ рудникахъ? Скажешь: Богъ такъ не долженъ поступать? А какъ же Онъ разслабленнаго тридцать восемь лѣтъ держалъ въ столь тяжкомъ недугѣ? А что за грѣхи наказанъ былъ тотъ болѣзнію, послушай, что говоритъ ему (Христосъ): *се здравъ еси: ктому не сохраниши, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14). Впрочемъ, разслабленный, говоришь ты, получилъ все-таки освобожденіе отъ наказанія; а тамъ этого не будетъ. Дѣйствительно, тамошнимъ наказаніямъ конца не будетъ; послушай, какъ говоритъ объ этомъ самъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ, и они ихъ не угасаетъ* (Матѣ. ххv, 46). Такъ и должно быть: если жизнь вѣчная, то и наказаніе вѣчное. Или не знаешь, какъ Онъ угрожалъ іудеямъ? Исполнились ли эти угрозы, или остались только на словахъ? Сказано: *не останется камень на камени* (Лук. хxi, 6); и дѣйствительно, остался ли камень на камнѣ? Христосъ сказалъ: *будетъ скорбь велия, я-ова же не была* (Мѣ. ххiv, 21). Развѣ не сбылось и это? Прочитай исторію Іосифа: у тебя займется духъ при одномъ разсказѣ о бѣдствіяхъ, какія претерпѣли іудеи на

самомъ дѣлѣ. Говорятъ, что эти ужасы не имѣютъ себѣ примѣра въ исторіи, что никогда не разражалось надъ народомъ такой войны. Напоминаю объ нихъ не съ тѣмъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы обезпечить вамъ безопасность въ будущемъ; вѣдь, утѣшая васъ напрасными надеждами, я могъ бы подвергнуть васъ тягостнѣйшимъ наказаніямъ. И скажи мнѣ: почему бы ты не заслуживалъ быть наказаннымъ за грѣхи твои? Не предупредилъ ли тебя Богъ обо всемъ? Не угрожалъ ли Онъ тебѣ? Не устрашалъ ли? Не употреблялъ ли тысячи средствъ для твоего спасенія? Не даровалъ ли тебѣ баню возрожденія, и не простилъ ли всѣхъ прежнихъ грѣховъ твоихъ? И послѣ этого возрожденія, послѣ отпущенія грѣховъ, не далъ ли тебѣ, когда ты опять сталъ грѣшить, новаго пособія—въ покаяніи? Не облегчилъ ли тебѣ способъ получать прощеніе въ грѣхахъ, содѣланныхъ и послѣ этого? Итакъ, выслушай, что заповѣдалъ Богъ. Если будешь прощать грѣхи ближнему, то и Я, говорить Онъ, прощу тебѣ. Развѣ это неудобно? *Судите сирѣ, сказано, оправдате вдовицу, и приидите, и испытаемъся, глаголетъ Господь: и еще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. i, 18). Развѣ это трудно? *Глаголи ты беззаконія твоя, да оправдишися* (Ис. xliii, 26). Какая въ этомъ тягость? *Грѣхи твоя милостынями искупи* (Дан. iv, 24). Какой въ томъ трудъ? Мытарь сказалъ: *милостию буди мнѣ грѣшному, и снѣде оправданъ* (Лук. xviii, 13 и 14). Трудно ли подражать мытарю? Но и послѣ всего этого ты не хочешь убѣдиться, что есть и казнь, и мученіе. Можетъ быть ты скажешь, что и диаволъ не наказывается? Сказано: *идите въ огнь уготованный диаволу и ангеломъ его* (Мате. xxv, 41). Но если нѣтъ геенны, то и онъ не наказывается. Если же диаволъ наказывается, очевидно, что будемъ наказаны и мы, которые дѣлаемъ дѣла его. И мы преступаемъ волю Божию, хотя не въ томъ самомъ, съ чѣмъ онъ. Какъ же не боишься ты говорить дерзко о Богѣ, утверждая, что Богъ человеколюбивъ, а потому не накажетъ? А если накажетъ, то—по твоему—выйдетъ, что Онъ уже не человеколюбивъ? Видишь, какія рѣчи внушаетъ вамъ диаволъ?

Что же? По вашему монахи, поселившіеся въ горахъ и подъявшіе множество подвиговъ въ горахъ и вертепахъ и пропастьхъ земныхъ, останутся не увѣнчанными? Вѣдь если злые не наказываются, и нѣтъ никакого воздаянія, то отчего не сказать,—и съ такимъ же основаніемъ,—что и добрые не увѣнчиваются? Ты скажешь: нѣтъ. Богу прилично имѣть одно лишь царство, а не геенну. Слѣдовательно, и блудникъ, и прелюбодѣй, и совершившій тысячи преступленій будутъ наслаждаться тѣми же благами, какими отличившійся и цѣломудріемъ и святостію и воздержаніемъ, словомъ—уподобившійся по жизни ангеламъ? Если нѣтъ геенны, а воскресеніе все-таки будетъ, то и злые удостоятся тѣхъ же благъ, какихъ праведники. Но какой безумецъ станетъ утверждать это? Или лучше сказать, кто изъ демоновъ осмѣ-

лится выговорить это? Даже и бѣсы признають геенну. Потому и *возопиша плачущи: прииде еси само прежде времени мучити насъ* (Матѣ. viii, 29)! Какъ же ты не боишься, не ужасасясь отрицать то, что признають даже бѣсы? Какъ не поймешь, какой учитель внушаетъ тебѣ столь злыя наставленія? Тотъ, кто обольстилъ челоуѣка въ началѣ, и предложеніемъ большихъ надеждъ исторгъ у него блага, бывшія уже въ рукахъ, тотъ же и нынѣ наущаетъ такъ говорить и думать. Діаволъ для того и *убѣждаетъ нѣкоторыхъ думать, что нѣтъ геенны*, чтобы ввергнуть въ геенну. Напротивъ, Богъ угрожаетъ геенною и ее приготовлять, чтобы мы, зная о ней, такъ жили, чтобы не впасть въ геенну. Если діаволъ теперь, когда есть геенна, утѣряетъ тебя, что ея нѣтъ, то, если бы не было геенны, какая была бы нужда свидѣтельствовать о ней бѣсамъ, которые всего болѣе стараются о томъ, чтобы мы и не подозрѣвали ничего подобнаго, чтобы, не страшась ея, стали безпечнѣе, и впали съ ними въ геенскій огонь? Но почему же, спросишь, они свидѣтельствовали тогда о гееннѣ? Потому что не могли сопротивляться принуждавшей ихъ къ тому необходимости. Взявъ во вниманіе все это, да представятъ умишляющіе такъ своими рѣчами обольщать себя и другихъ! *Богъ, говорилъ пророкъ, явъ пріидетъ, Богъ нашъ и не премолчитъ. Огнь предъ Нимъ возгорится, и окрестъ Его буря злыя* (Ис. xlix, 3). *Огнь предъ Нимъ предидетъ и поалитъ окрестъ врагъ Его* (Ис. xlvii, 3). А кто враги Божіи, если не блудники, прелюбодѣи, мужеложники, похотники, идолослужители, ворыстолюбцы, пьяницы, клятвопреступники, ропотники, гнѣвливые, злопамятные, гордые, высокоумные, непослушные родителямъ, немилосердные? Имъ всѣмъ въ страшный день общаго воскресенія повелитъ Судія: *идите отъ Мене проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мѣ. xxv, 41).

4. Если за все исчисленное сейчасъ мы понесемъ наказаніе, то не гораздо ли строже на страшномъ судѣ отвѣтять за свои слова тѣ, которые высмѣиваютъ страшныя и наводящія трепеть угрозы Христовы и приводятъ къ безпечности многихъ, готовыхъ позаботиться о своемъ спасеніи, и оказываются хуже даже лзычниковъ—ниневитянъ? Тѣ, хотя и вовсе не знали истины, но какъ скоро услышали, что городъ ихъ будетъ истребленъ, не только не отнеслись съ невѣріемъ къ проповѣди пророка, но возстепали, облеклись въ рубища и смирились, и не оставляли всего этого до тѣхъ поръ, пока не умилили Бога и не отвратили Его гнѣва. А ты, христіанинъ, послѣ столькихъ уроковъ и на словахъ и на дѣлѣ, уничижаешь то, что сказалъ Христосъ? Смотри, 625 участь твоя будетъ противоположна участи ниневитянъ. Тѣ, убоявшись словъ, не подверглись наказанію на самомъ дѣлѣ; а ты, презирающій словесныя угрозы, понесешь казнь на самомъ дѣлѣ. Развѣ не видишь, что сдѣлалъ Христосъ и здѣсь на землѣ? Не одинаковаго жребія удостоилъ. Онъ двухъ разбойниковъ, но одного ввелъ въ царство, а другого послалъ въ геенну. Но что говорить о разбойникѣ и челоуѣкоубійцѣ!

Христосъ не пощадилъ и апостола, который сдѣлался предателемъ, но, предвидя, что онъ повѣсится, удавится и разсѣдется, какъ сказано: *просидѣвъ посреди, и изліяся вся утроба его* (Дѣян. 1, 18),—предвидя все это, попустилъ однакожъ ему преторить, чтобы чрезъ настоящее удостовѣрить тебя во всемъ будущемъ. Итакъ, не обманывайте, люди, сами себя, довѣряя діаволу: вѣдь это его внушенія. Если судьи, господа, учителя, если и образованные народы, и варвары награждаютъ добрыхъ и наказываютъ злыхъ, то возможно ли, чтобы Богъ поступилъ иначе, и добраго сравнивалъ съ порочнымъ? До чего дойдетъ тогда порокъ? Если нынѣ порочные, ожидая наказанія, окруженные отовсюду страхомъ, и отъ судей, и отъ законовъ, несмотря на все это не отстаютъ отъ дурныхъ дѣлъ, то когда же перестанутъ они быть злыми, если будутъ знать, что по отшествіи въ вѣчность избавятся отъ всякаго страха, и не только не впадутъ въ геенну, но еще получатъ царство? Скажи мнѣ, будетъ человѣколюбиво уравнивать путь пороку, награждать зло, удостовѣять одной чести цѣломудреннаго и распутнаго, вѣрнаго и нечестиваго, милостиваго и безчеловѣчнаго? Если бы Богу никакого дѣла не было до насъ, грѣшнымъ ли мы или подвижаемся въ добръ, то можетъ быть было бы нѣкоторое основаніе сказать, что наказаній нѣтъ. А если Онъ такъ заботится о томъ, чтобы мы не грѣшили, и такіа употребляетъ мѣры, чтобы мы соблюдали заповѣди, то очевидно, что Онъ и согрѣшающихъ наказываетъ, и дѣлающихъ добро увѣнчиваетъ. И замѣть при этомъ, какая нецѣльность. Съ одной стороны, жалуются на Бога, что Онъ часто бываетъ долготерпѣливъ, и равнодушно взираетъ на то, что многіе злодѣи, плотоугодники, притѣснители остаются безъ наказанія, а съ другой—горько и сильно ропщутъ на то, что Богъ угрожаетъ имъ наказаніемъ. Но если послѣднее огорчаетъ ихъ, то первое они должны бы одобрить и восхвалять? О, безуміе! О, нецѣльное и безстыдное разсужденіе! О, грѣхолюбивая и преданная пороку душа! Вѣдь любовь къ удовольствіямъ и рождаетъ всѣ эти ученія. А если бы разсуждающіе такимъ образомъ возлюбили добродѣтель, то скоро увѣрились бы въ гееннѣ, и не стали бы болѣе сомнѣваться. Спрашиваешь, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? Но что тебѣ до этого за дѣло? Нужно знать, что она есть, а не то, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ скрывается. Нѣкоторые, примѣняя къ гееннѣ то, что разсказывается о какой-то войнѣ въ древности, пустословятъ, что она находится въ долинѣ Іосафатовой. Дѣйствительно, былъ такой случай, что Богъ, наказывая противниковъ своимъ праведнымъ судомъ, совершенно истребилъ ихъ—именно въ долинѣ Іосафатовой,—такъ что обитателямъ Іерусалима на семь лѣтъ хватило оружія истребленныхъ на топливо (Іоиль ш, 2; Іезек. xxxix, 9). И вотъ адъсь-то хотятъ теперь помѣстить геенну. Но Писаніе этого не говоритъ. Ты хочешь все таки знать: въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? По моему мнѣнію, гдѣ-нибудь въѣ всего этого

міра. Какъ царскія темницы и рудокопни бывають въ мѣстахъ отдаленныхъ, такъ и геенна будетъ гдѣ-нибудь внѣ этой вселенной. Но будемъ допытываться не о томъ, гдѣ она, но какъ избѣжать ея. И потому, что Богъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, не должны мы не вѣрить будущимъ наказаніямъ. Онъ чловѣколюбивъ и долготерпѣливъ, и потому угрожаетъ, а не вдругъ ввергаетъ въ геенну. *Не хочу смерти грѣшника*, говоритъ Онъ, *но еже обратится и живу быти ему* (Іезек. xlviii, 32). А если нѣтъ смерти для грѣшника, то это напрасно сказано.

626 5. Я знаю, что для васъ нѣтъ ничего непріятнѣе подобныхъ словъ; а для меня они всего пріятнѣе. О, если бы вы и за обѣдомъ и за ужиномъ и въ банѣ—вездѣ бесѣдовали о гееннѣ! Тогда мы не сѣтовали бы на настоящія бѣдствія и не улаждались бы земными благами. Да и какія бы тогда могли огорчать насъ несчастія? Нищета? Болѣзнь? Пленъ? Недугъ тѣлесный? Все это достойно смѣха въ сравненіи съ будущимъ наказаніемъ. Укажешь ли мнѣ на томящихся всегда голодомъ, на слѣпыхъ съ младенчества, на выпрашивающихъ себѣ каждый кусокъ хлѣба? И подобное испытать—ничего не значить въ сравненіи съ будущимъ мученіемъ. Итакъ, будемъ постоянно обращаться къ гееннѣ и умомъ и языкомъ. Память о ней не допуститъ насъ впасть въ геенну. Или не слышишь, что говоритъ Павелъ: *иже муку пріимутьъ отъ лица Господня* (2 Сол. i, 9)? Или не слышишь, каковъ былъ Неронъ, котораго Павелъ называетъ антихристовою тайною. *Тайна бо уже явилася беззаконіи* (п. 7), говоритъ онъ. Итакъ что же? Ужели ничего не потерпитъ Неронъ, ничего не потерпитъ антихристъ, ничего діаволъ? А слѣдовательно антихристъ и діаволъ всегда будутъ, потому что, оставшись безъ наказанія, они не оставляютъ злобы своей? Нѣтъ,—говоришь ты; всякому извѣстно, что есть наказаніе и геенна; но впадутъ въ геенну одни невѣрные. Почему же, скажи? Потому, отвѣтишь, что вѣрные познали своего Владыку? Что же изъ того? Когда жизнь нечиста, они понесутъ за это еще большее наказаніе въ сравненіи съ невѣрными. *Елицы бо безъ закона согрѣшиша, безъ закона и пошлутъ, и слышавъ законъ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (Рим. ii, 12). И еще: *раба отдалъ волю господина своего, и не сотворивъ, бѣсъ будетъ женою* (Лук. xii, 47). Но если это сказано безъ всякой мысли, и памъ не должно давать отчета въ жизни, то и діаволъ не будетъ наказанъ, потому что онъ знаетъ Бога лучше многихъ изъ людей. Вѣдь и бѣсы знаютъ Бога, трепещутъ Его и признаютъ (Іак. ii, 19) Судію. Итакъ, если не потребуется у насъ отчета въ жизни и въ злыхъ дѣлахъ, то и бѣсы избѣгнутъ наказанія? Нѣтъ, нѣтъ; не обманывайте сами себя, возлюбленные! Если нѣтъ геенны, то какъ же апостолы будутъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ? Какъ Павелъ говоритъ: *не отъ насъ, яко ангеловъ судити имамъ, и не точію житийскихъ* (Кор. vi, 3)? Зачѣмъ Христосъ сказалъ: *мужіе Ниневитстѣмъ возстанутъ на судъ съ*

родомъ силъ и осудитъ ея (Мѣ. хц, 41); и еще: *земли Содомскій и Гоморрскій отраднѣ будетъ въ день судный* (Мѣ. х, 15)? Какъ же ты, человѣкъ, шутишь, чѣмъ шутить не должно? Самъ себя обманываешь и вводишь въ заблужденіе душу свою? Зачѣмъ возстаешь противъ человеколюбія Божія? Для того именно Богъ и создалъ геенну, и угрожаетъ ея, чтобы мы изъ страха ея старались быть лучшими и въ нее не впадали. Поэтому, кто запрещаетъ говорить о гееннѣ, тотъ не достигаетъ ничего другого, какъ незамѣтно приготовляетъ самому себѣ, самого же себя обманывая, гибель въ гееннѣ. Не связывая же рукъ, подвижающихся въ добродѣтели, не усиливая нерадѣнія въ людяхъ, погруженныхъ въ сонъ. Если бы увѣрить людей, что нѣтъ геенны, то отстали ли бы они когда-нибудь отъ порока? И гдѣ же будетъ правда? Не говорю уже о грѣшникахъ и праведникахъ, но исключительно о грѣшникахъ. Почему одинъ наказывается здѣсь, а другой не наказывается, за тотъ же самый, а то и тягчайшій грѣхъ? Если нѣтъ геенны, ничего нельзя сказать на такую жалобу. А потому прошу васъ всѣхъ оставить такую смѣшную, прямо сатанинскую мысль,—и тѣмъ заградить уста возражающимъ противъ этого. Въ самыхъ малыхъ дѣлахъ, какъ худыхъ, такъ и добрыхъ, будетъ строгое испытаніе. И за нескромный взглядъ подворгнемся мы наказанію, и въ праздномъ словѣ дадимъ отчетъ, и въ смѣхѣ, и въ злорѣчій, и въ дурномъ помыслѣ, и въ пьянствѣ; а равно и въ добрыхъ дѣлахъ—за чашу студеной воды, за ласковое слово, за одинъ вздохъ получимъ награду. Сказано вѣдь: *даждь знаменій на лица стѣнящихъ и болѣзнующихъ* (Іез. іх, 4). Какъ же смѣешь ты говорить, что Богъ съ такою строгостію испытующій нашу жизнь, напрасно и попусту угрожалъ геенной? Прошу васъ, умоляю, не губите такими суетными надеждами себя и тѣхъ, которые вамъ довѣряются. Если не вѣрите нашимъ словамъ, спросите іудеевъ, эллиновъ, всѣхъ еретиковъ,—и всѣ они какъ бы одними устами отвѣтятъ, что будетъ судъ и воздаяніе. А кто не довольствуется человѣческимъ свидѣтельствомъ, пусть спроситъ самихъ бѣсовъ,—и услышитъ, какъ вопіють они: *что пришелъ еси тѣмъ прежде времени мучити насъ* (Мѣ. viii, 29)! Представьте же себѣ все это и убѣдите самихъ себя не болтать пустыхъ словъ, чтобы на опытъ не извѣдать геенны, а напротивъ, уцѣломудрившись помышленіемъ о гееннѣ, быть въ состояніи не только избѣжать будущихъ мученій, но даже получить будущія блага по благодати и человеколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому съ Отцомъ и Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Объясненіе молитвы Отче нашъ (Мѡ. vi, 9 — 13).

627 *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ.* Отцомъ называешь, человекъ, Бога? Справедливо: конечно, Онъ—всѣмъ Отецъ. Но въ такомъ случаѣ старайся, чтобы дѣла твои были угодны Отцу твоему. Если же дѣла твои злы, тогда, конечно, отцомъ твоимъ является диаволъ: онъ источникъ всякаго зла. Поэтому старайся удалиться отъ него и угодить благому Отцу и Создателю твоему. *Да святится имя Твое.* Что это? Развѣ Богъ не святъ? Нѣтъ, Онъ святъ, а эти слова твои означаютъ: во мнѣ да святится имя Твое, чтобы увидѣли люди мои добрыя дѣла и прославили Отца и Творца моего. *Да придетъ царство Твое.* Что это? Развѣ Богъ не царствуетъ теперь, что Его царство должно еще наступить? Конечно, Онъ—царь. Но какъ городъ, осажденный врагами, просить, чтобы пришло царское войско и освободило его, такъ и мы, будучи окружены противными силами и своими собственными грѣхами и злыми помыслами, просимъ, чтобы наступило царство Божіе, чтобы принесло намъ избавленіе. Можно объяснить и другимъ способомъ. Пророкъ говоритъ: *воцарися Богъ надъ языки* (Ис. xlvі, 9), употребляя прошедшее время вмѣсто будущаго; подобно ему и мы восклицаемъ: *да придетъ царство Твое, Господи!*—то ость: пусть придутъ на насъ милости Твоя. *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Это значитъ: Господи! какъ совершилась воля Твоя на небѣхъ, гдѣ всѣ ангелы въ мирѣ и нѣтъ среди нихъ ни притѣснителей, ни притѣсняемыхъ, ни обидчиковъ, ни обиженныхъ, но полный миръ царствуетъ между ними, такъ и среди насъ—обитателей земли—*да будетъ воля Твоя*, чтобы всѣ народы одними устами и однимъ сердцемъ, всѣ мы прославили Творца и Спасителя нашего. 628 *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Мы просимъ о насущномъ хлѣбѣ. Хлѣбъ же для души есть слово Божіе, какъ сказалъ нѣкто изъ святыхъ: *сыне, отверзай уста твоя слову Божію* (Притч. xxxi, 8). Поэтому хорошо вспоминать о Богѣ чаще, чѣмъ дышать. *И остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Смыслъ такой: прости намъ долги наши, то есть грѣхи и проступки наши, какъ и мы прощаемъ всѣмъ погрѣшающимъ противъ насъ братьямъ нашимъ, какъ свободнымъ, такъ и рабамъ и всѣмъ зависящимъ отъ насъ. Говоря такъ, человекъ, наблюдай, чтобы и дѣла твои соотвѣтствовали словамъ; а если нѣтъ этого, вспомни, какъ страшно впасть намъ въ руки Бога живого, и исправившись, обратись къ Творцу и Господу. *Но избави насъ отъ лукаваго.* Еслибы сатана просилъ сѣять насъ какъ пшеницу, какъ онъ просилъ уже апостоловъ, но справедливо получилъ отказъ на свою просьбу, и еслибы случилось такъ, какъ было съ древнимъ Іовомъ,—не давай ему власти надъ нами; даже

еслибы и человекъ лукавый захотѣлъ искусить насъ или обидѣть, не давай ему воли надъ нами, но огради насъ кровомъ крылъ Твоихъ. *Ико Твое есть царство и сила.* Господи! такъ какъ Твое есть царство, не допускай, чтобы насъ устрашало другое царство или иное владычество, даже еслибы мы и достойны были наказанія за грѣхи наши. Ты самъ накажи насъ, какъ Тебѣ угодно, только не передавай насъ въ руки людей: пусть впадемъ мы въ руки Твои, потому что каково величіе Твое, такова и милость Твоя, Отче Вседержителю, во вѣки. Аминь.

О блудномъ сынѣ, о покаяніи, о древѣ познанія добра и зла, и о разбойникѣ.

1. Недавно великое и славное Божоявленіе Спасителя доставило намъ богатую трапезу и полную чашу божественнаго назиданія, отъ которой въ состояніи былъ опьянѣть весь народъ или даже—можно сказать—вся вселенная. *Упійются отъ тука дому Твоею,* говорятъ пророкъ, *и потокомъ сладости Твоея напоиши я* (Пс. xxxv, 9). Конечно, когда божественное Писаніе говоритъ объ опьяненіи, оно разумѣетъ не опьяненіе, производимое виномъ, но умудряющее дѣйствіе слова. Естественнымъ слѣдствіемъ явленія Спасителя было, какъ это и понятно, покаяніе съ его плодами. Вотъ почему наше вчерашнее слово и было посвящено покаянію; при этомъ въ соотвѣтствіе не столько достоинству предмета, сколько нашимъ собственнымъ силамъ мы старались показать, что покаяніе есть вѣрное средство для спасенія; указывался и Врачъ душъ и тѣлъ, Который не прибѣгаетъ къ помощи лѣкарствъ, но врачуетъ духомъ человеколюбія. А такъ какъ, по свойственной намъ разсѣянности, впечатлѣніе отъ евангельскаго чтенія уже изгладилось у васъ, то необходимо сегодня вкратцѣ напомнить вамъ прошлое и затѣмъ докончить слово. Спаситель, и словомъ уча благочестію, и притчами, загадками и другими способами наставленія внушая полезное вѣрнымъ, сказалъ однажды притчу, прекрасно изображающую образъ покаянія. *Человѣкъ нѣкій,* сказалъ Онъ, *имѣлъ два сына* (Лк. xv, 11). Младшій изъ нихъ приступилъ къ отцу съ просьбою раздѣлить между ними имѣніе. Отецъ исполнилъ его просьбу, а онъ, получивъ слѣдовавшую ему часть отцовскаго имѣнія, растратилъ и прожилъ ее. Вотъ содержаніе притчи, извѣстное вамъ, конечно. Остается сдѣлать изъ него нѣкоторые выводы. Хотя въ этомъ отношеніи встрѣчается разногласіе во мнѣніяхъ, но для благомыслящихъ истина уясняется безъ труда. Посмотримъ же, что предлагаетъ адъсь этотъ источникъ мудрости? Есть два рода людей: во-первыхъ, люди праведные, и во-вторыхъ, люди, достигающіе оправданія

при помощи покаянія; первые изначала сохраняютъ праведность, а вторые приобретаютъ ее путемъ покаянія. *Человѣкъ имѣ два сына*. Хотя наклонности и образъ жизни раздѣлили ихъ, и нечестиваго удалили отъ благочестиваго, но истина признаетъ всѣхъ единымъ созданиемъ Творца; всѣ—сыны Божіи, хотя по своей злой волѣ и очень далеко теперь отъ этого своего достоинства. И самъ Богъ, когда мы предаемся дурнымъ страстямъ и отступаемъ отъ благочестія, не отрекается отъ родства съ нами, но даже къ возстающимъ противъ Него обращается съ отеческимъ увѣщаніемъ: *обратитесь ко Мнѣ*, отступившія отъ Меня дѣти, и *обращусь къ вамъ* (Зах. 1, 3). Видишь, что какъ бы ни отпадалъ грѣшникъ, Богъ и отступившихъ отъ Него не отказывается называть Своими сынами? Конечно, Онъ всегда помнитъ Свое созданіе и не отказываетъ ему въ Своемъ благодѣяніи. Теперь, почему именно младшій сынъ дурно распорядился доставшейся ему частью имѣнія? Тутъ скрывается особый смыслъ и вотъ въ чемъ онъ заключается. Праведность и существовала и проявлялась и сіяла изначала; а грѣхъ вошелъ въ міръ повдѣе, онъ моложе ея. Поэтому первый сынъ и занимаетъ первое мѣсто въ отличіе отъ того, который растратилъ свое имѣніе. Творенію изначала была свойственна совершенная красота: міръ—тотчасъ по созданіи—сіялъ новою благодатью, новымъ благолѣпіемъ. И Моисей свидѣтельствуетъ о красотѣ созданія: *и была вся добра зело* (Быт. 1, 31); не просто *добра*, но: *добра зело*. Значитъ, правда была первою и добро изначальнымъ. А грѣхъ былъ моложе: онъ явился какъ отступленіе отъ правды и нарушение благолѣпія. Итакъ, отецъ раздѣлплъ свое имѣніе поровну—между сыновьями. Почему же поровну? Потому, что праведники въ настоящей жизни не имѣютъ никакихъ преимуществъ: *солнце свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мф. v, 45). Однако, тотъ сынъ, который является олицетвореніемъ праведныхъ, не пожелалъ воспользоваться раздѣломъ отцовскаго имѣнія, но остался подъ властью отца. Праведный вѣдь всегда повинуется Богу и ничего себѣ не присвоитъ. Желаетъ убѣдиться въ этомъ,—именно, что праведникъ ничего не требуетъ себѣ отъ Бога, но всецѣло предаетъ себя волѣ и промысленію своего Отца? Вотъ Давидъ отъ лица праведныхъ восклицаетъ: *что бо ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Пс. lxxii, 25)? Видишь, что ликъ праведныхъ не стремится присвоить себѣ власть надъ созданиемъ, но желаетъ, чтобы все пребывало въ попеченіи и промысленіи Отца? Младшій, получивъ отцовское наслѣдство, отправился въ дальнюю страну, отдаленную не въ пространственномъ отношеніи, но въ нравственномъ. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, грѣшникъ удаленъ отъ Бога не мѣстомъ, но своимъ нравомъ, согласно со словами, что *се удаляющіи себе отъ Тебе погибнутъ* (Пс. lxxii, 27). Получивъ наслѣдство, онъ растратилъ его, живя распутно: тѣ дары созданія, которыя даны были ему, онъ осквернилъ грѣхомъ. Солнце было создано

для его пользы, а онъ этому дару покланялся какъ Богу; источники были даны ему для питанія, а онъ этотъ даръ обоготворилъ. Даровавшій 630 былъ пренебреженъ, а вся честь воздана дарамъ, какъ съ негодованіемъ восклицаетъ Павелъ: *и послуживша твари паче Творца* (Римл. 1, 25). Одно и тоже твореніе, одно и тоже отеческое имѣніе; но одинъ хорошо имъ воспользовался, а другой дурно. Двухъ родовъ бываютъ, и люди: одни относятся къ дарамъ. Владыки правильно, а другіе впадаютъ въ заблужденія. Благочестивый видитъ красоту неба и отъ красоты его возвышается мыслью къ ея Виновнику: *узрю небеса*, говоритъ онъ, *дѣла прста Твоихъ* (Пс. viш, 4). Увидѣлъ красоту и воздалъ хвалу Тому, кто создалъ такую красоту; увидѣлъ міръ, и благословилъ Творца міра. Благочестивый хвалитъ и созданіе, но поклоняется Создателю. Не безчестятъ благочестивые твореніе тѣмъ, что избѣгаютъ поклоненія твари, но возвышаютъ честь Творца. Не по ненависти къ солнцу вѣрный не воздастъ ему поклоненія вмѣстѣ съ нечестивыми, но потому, что въ почтеніи къ нему соблюдаетъ мѣру, почитаетъ и любитъ видимую природу какъ даръ Божій. Хочешь убѣдиться, что благочестивый совершаетъ твореніе и удивляется красотѣ его, хотя поклоненіе воздастъ исключительно Творцу? Одинъ изъ мудрыхъ—я разумѣю мудрыхъ по благочестію—говоритъ такъ: *солнце, восходящее на высокіихъ Господнихъ, сосудъ дивенъ, дѣло Вышняго, огненная издышущее и простирающее лучи, освѣщаетъ небо* (Сирах. xxi, 18; xliш, 2, 4)—и тотчасъ же прибавляетъ: *великій Господь, сотворившій е* (Сирах. xliш, 5). Такъ, и о красотѣ творенія возвѣстилъ Премудрый, и о Виновникѣ ея не забывъ. Нечестивый же и небеса, возвѣщающія славу Божию—не словами, конечно, но красотой созданія (Пс. xviш, 1), созерцалъ себѣ на пагубу. Небо, конечно, никогда не издавало звуковъ, но всякихъ словъ громче свидѣлствуетъ оно своимъ великолѣпіемъ. И безмолвное небо возвѣщаетъ славу Божию? Конечно! Твои писанія говорятъ безъ словъ, а твореніе Божіе не можетъ возвѣщать безъ словъ? Отвѣдалъ ты благочестія? Тогда по отвѣданному суди и объ истинѣ во всемъ ея объемѣ. Представь же теперь себѣ, насколько нечестивый преуспѣваетъ въ томъ самомъ, что служитъ къ оправданію благочестиваго. Видитъ онъ дуну и покланяется ей; видитъ звѣзды и почитаетъ ихъ; видитъ море и боготворитъ его. Отроки, вверженные въ вавилонскую печь, находясь въ ней, прославляли Бога спасительнымъ и прекраснымъ славословіемъ, призывая всю тварь: *благословите вся дѣла Господня, Господа* (Дан. ш, 57). Не достаточно ли было, однако, произнеши эти слова, прекратить затѣмъ пѣснь? Вѣдь Богъ услаждается не продолжительностью пѣнія, но расположеніемъ поющихъ. А разъ сказано: *вся дѣла*, значитъ обнято все и въ дальнѣйшихъ прибавленіяхъ не было нужды. Правда; но такъ какъ они не самимъ себѣ проповѣдывали, но восхваляли Бога и своимъ славословіемъ вразумляли окружавшихъ халдеевъ, то необхо-

димо было, чтобы всѣ творенія заняли свое мѣсто въ ихъ славословіи, чтобы заблуждавшіеся халдеи поняли, кто восифвуетъ и что восифвается.

Впрочемъ, это разсужденіе отвлекло насъ далеко въ сторону; оставимъ же наконецъ его и возвратимся къ порядку слова. Въ далекую страну отправился младшій сынъ, истратилъ тамъ богатство свое и началъ терпѣть лишенія. Не даромъ сказано: *богатіи обнищаша и възакнѣша, възскающіи же Господа не лишатся всякаго блага* (Пс. lxxxi, 11). И понятно: *Господь не лишитъ блага ходящихъ не злобіемъ* (Пс. lxxxix, 12). Итакъ, онъ началъ терпѣть лишенія. *И шедъ ко единому отъ старѣвшихъ тѣхъ странъ: и сей посла его пасти свиней* (Лук. xv, 15). Видите, какова высота древняго благородства, и каково униженіе, послѣдовавшее за отпаденіемъ отъ благочестія? Ему поручено пасти свиней, т. е. предоставлено погрязать въ наслажденіяхъ и грѣхахъ. Чтѣ для свиней грязь, то грѣхъ для погрязающихъ въ немъ. Поэтому Спаситель, намекая на живущихъ въ нечистотѣ и погрязающихъ въ грѣхахъ подобно грязи, говорилъ: *не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашимъ предъ свинями* (Мѣ. vii, 6). Пасъ онъ свиней и желалъ насытити чрево свое отъ рожка, *аже ядоху свини, и никто же далше сму* (Лук. xv, 16). Запомни это твердо: тотъ, кто отвергся благочестія, не получаетъ наслажденія отъ удовольствій, но обрекается на бѣдность и испытываетъ недостатки, не находитъ себѣ удовольствія даже и въ тѣхъ порокахъ, каковымъ предается. *Безумный, говоритъ Премудрый, въ скудости окончатся* (Притч. x, 21). Въ притчѣ удовольствія мира уподобляются рожкамъ: рожокъ отличается большой жесткостью, но малой пріятностью; такъ точно то, чтѣ въ мірѣ блестяще и заманчиво, сопряжено со многими трудами, а наслажденіе доставляетъ малое. И вообще въ нашей жизни больше трудовъ, чѣмъ удовольствій. Вѣдь и *днѣ тѣхъ нашихъ въ нѣхъ же седмидесятъ лѣтъ, и множае изъ трудъ и болѣтъ* (Пс. lxxxix, 10). Наконецъ, бѣдствія вразумили его, и лишенія обратили. *Накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя обличитъ тя* (Іер. ii, 19). *Въ себе же пришедъ* (Лук. xv, 17). Хорошо сказано: *въ себе*. Когда мы грѣшимъ, мы внѣ себя, безумствуемъ, сбиваемся со своихъ мыслей; когда же начинаемъ вести себя по правдѣ, возвращаемся въ себя. *Въ себе же пришедъ, рече*. Здѣсь замѣть тщательно, какъ оправдывается давно сказанное слово, что врачи употребляютъ лѣкарства чуждыя и странныя, а между тѣмъ мы въ самихъ себѣ носимъ запасъ цѣлебныхъ средствъ. *Въ себе пришедъ*. Не постороннее какое-либо лѣкарство подѣйствовало на него, но его собственная природа заявила свои требованія и толкнула его на путь спасенія. *Колѣно наемникомъ отци моею избиваютъ глѣбы, азъ же глаголю глѣбю* (ст. 17). Сыновьями называетъ божественное Писаніе тѣхъ, кто совершенно предаждъ праведности и благочестію, наемниками же тѣхъ, кто не имѣетъ всецѣлой

предавности добродѣтели и не руководствуется въ устройствѣ своей жизни волей Божіей,—кто хотя и разумѣетъ благо, любить ученіе, но не отдается ему всецѣло сердцемъ. Такихъ-то людей, не пѣющихъ всецѣлой любви, но вообще расположенныхъ къ благочестію, Богъ даетъ плату, сообразно съ ихъ расположеніемъ. Поэтому вполне справедливо сказалъ онъ: *коликѣ наемникомъ отца моего избывають хлѣбы, азъ же гладомъ ѣмлю?* Возвращусь къ Отцу моему, возвращусь къ Тому, Кто сказалъ: *обратися, душе моя, въ покой Твой* (Ис. сѣх, 6). *И рече ему: отче, соизршиши на небо и предъ тобою. И уже нѣмъ достоинъ нарецися сынъ твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ* (ст. 18, 19). Но какъ различны слова кающагося и дары пріемлющаго покаяніе! Пришедшій отъ грѣховъ въ покаяніе не мечтаетъ о царствѣ небесномъ; не считаетъ себя достойнымъ жизни вѣчной, но одну только имѣетъ мольбу—объ избавленіи отъ геенны. Онъ ожидаетъ немногаго, а Богъ даруетъ ему неизсякаемое богатство благодѣянія. Но вотъ чудо! Тотъ еще только думалъ о покаяніи, а отецъ уже поспѣшилъ къ нему со своимъ человеколюбіемъ: не сталъ дожидаться словъ исповѣданія, но предупредилъ его просьбу, согласно со сказаннымъ: прежде чѣмъ ты призовешь Меня, я скажу: *се приидохъ* (Ис. лѣх, 9). Издалека увидѣлъ онъ идущаго сына и устремился навстрѣчу ему. Видишь, насколько человеколюбіе Его предупреждаетъ покаяніе? Потому-то и Давидъ, уврачевавъ недугъ грѣха покаяніемъ и зная, какъ Господь, по человеколюбію Своему, спѣшитъ встрѣтить приближающихся къ Нему, умоляетъ Бога, говоря: *возстави во скупіиіе мое и виждь* (Ис. лѣх, 5), что я искренно приближаюсь къ Тебѣ, что мое покаяніе нелицемѣрно. Встрѣтилъ отецъ сына, и тотъ говоритъ ему: *соизршиши и уже нѣмъ. достоинъ нарецися сынъ твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ твоихъ* (Лк. хѣ, 21, 19). А отецъ ничего не говоритъ ему, не отвѣчаетъ на его слова, но приказываетъ своимъ рабамъ: *принесите одежду первую и облеците его* (ст. 22). Не указываетъ ли это на то, что кающійся, усиленно умоляя Бога, не получаетъ отъ него отвѣта на словахъ, а видитъ Его человеколюбіе на дѣлѣ? Вѣдь это такъ и бываетъ. Покаяніе наше на словахъ, а человеколюбіе Божіе обнаруживается самымъ дѣломъ. *Изнесите ему одежду первую*, которую утратилъ онъ преслупаніемъ. *Дадите и сапоги на нозъ* (ст. 22). Почему же сапоги? Потому, очевидно, что согрѣшающіе подвергаются нападеніямъ змій, какъ сказано: *той твою блюсти будетъ змѣю, и ты блюсти будещи его пѣту* (Быт. ш, 15). И вотъ, чтобы обнаженная нога не подверглась гибельному уязвленію змій, чтобы освобожденнаго отъ грѣха не заразилъ онъ опять ядомъ грѣха, и показавшійся грѣшникъ для безопасности обувается въ сапоги. Вѣдь если бы не получалъ онъ сапогъ, не могъ бы наступать на змѣй и скорпіоновъ и на всю силу вражію (Лк. х, 19). Такихъ-то образомъ огражденный отъ укушенія змій, Павелъ возвѣ-

332 щаль сегодня: *боюсь, да не како, якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разуми ваши отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. xi, 3). Но вѣдь какъ будто возникаетъ новое недоумѣніе, возстаєтъ предъ нами то пресловутое изслѣдованіе, по поводу котораго божественное Провидѣніе подвергается многимъ нападкамъ. Зачѣмъ это, говорятъ, змій въ рай? Зачѣмъ дерево послужило причиною столь великаго зла? Зачѣмъ Творецъ произрастилъ такое дерево? Развѣ, говорятъ не нелѣпо это: человѣкъ—садовникъ старается очистить свои сѣмена отъ сорныхъ травъ и постороннихъ примѣсей и сохранить свою землю чистою отъ всего ненужнаго, а Богъ, устроивши столь великій и прекрасный садъ, самъ посадилъ въ немъ дерево, которое должно было послужить источникомъ столь великихъ бѣдствій? На такіе вопросы наталкиваетъ насъ божественный Павелъ своими словами: *боюсь, да не како, якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разуми ваши отъ простоты, яже о Христѣ*. Что сказать на это, братіе? Не вдаваясь въ излишнее и многословное изысканіе, скажемъ вкратцѣ. Богъ сотворилъ все прекраснымъ, и не просто прекраснымъ, но и весьма прекраснымъ: *всѣ добра змѣ* (Быт. i, 31).¹ Эта прибавка—*добра змѣ*—указываетъ на высшую степень красоты всего сотвореннаго. Затѣмъ даетъ Богъ Адаму изобиліе во всемъ, наслажденіе, власть, обладаніе раемъ и господство надъ всѣмъ видимымъ. *Сотворимъ человека по образу нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и звѣрьми, и скотами, и всею землею* (Быт. i. 26). Въ этихъ словахъ дана была человѣку власть надъ раемъ, дано было право пользоваться имъ и наслаждаться въ немъ. Однимъ словомъ, онъ былъ поставленъ царемъ, имѣя, съ одной стороны, власть надъ видимою тварью, а съ другой—рай въ своемъ обладаніи. Нужно было, однако, дать Адаму заповѣдь для упражненія его души въ послушаніи. Противъ этого многіе возражаютъ: развѣ Богъ не зналъ, что Адамъ нарушитъ заповѣдь? Зачѣмъ же давалъ ее человѣку, который долженъ былъ ее нарушать? Я прошу вашу любовь содѣйствовать мнѣ въ предстоящей мнѣ трудной задачѣ: я вѣдь защищаю божественное творчество и промышленіе. Сотворилъ Богъ человека, далъ ему изобиліе во всемъ, предоставилъ ему употреблять въ пищу все, что онъ пожелаетъ. Другое дѣло, если бы заповѣдь была стѣснительна, позволяла касаться немногаго, а требовала воздерживаться отъ многаго,—тогда преслушаніе еще могло бы находить себѣ благовидное объясненіе въ томъ, что воля не выдержала столь тягостнаго испытанія. Но когда во всемъ было полное изобиліе, а запрещеніе ограничивалось немногимъ, то почему Адамъ не оказалъ послушанія Благодѣтелю? Можно, конечно, сказать, что, при изобиліи во всемъ, человѣкъ не находилъ въ другихъ деревьяхъ такой красоты: это дерево было *добро въ видѣ и угодно очима видѣти* (Быт. iii, 6). Но и это благовидное оправданіе устраняется тѣмъ, что

Богъ, какую красоту далъ этому дереву, такую же падѣлялъ и всѣ другія деревья райскія. Въ самомъ дѣлѣ, Моисей говоритъ: *и прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе въ смѣдѣ* (Быт. II, 9). Итакъ, зачѣмъ же была дана заповѣдь? Чтобы человѣкъ зналъ, что онъ подчиненъ закону и Владыкѣ. И почему такую именно заповѣдь далъ Богъ, а не какую-либо иную? Потому, что другого средства для испытанія послушанія не было. Въ самомъ дѣлѣ, что Богъ могъ сказать Адаму? Не воруй? У кого? Какой законъ могъ Онъ дать? Не убивай? Кого? Не прелюбодѣйствуй? Съ кѣмъ? Не завидуй? Кому и въ чемъ? Не было почвы для заповѣди, не было міра, не было того склада жизни, какой въ настоящее время существуетъ въ мірѣ. Можетъ быть слѣдовало бы сказать: не яблочки? Но гдѣ былъ судъ? Гдѣ обвинители? Гдѣ обвиняемые? И вотъ Богъ даетъ человѣку заповѣдь въ области доступнаго ему употребленія плодовъ: всѣми пользоваться въ изобиліи, а отъ одного воздерживаться, чтобы, пользуясь всѣмъ, онъ въ тоже время чувствовалъ надъ собою власть, воспрещающую вкушеніе отъ дерева, не потому, чтобы самое дерево было зло, но потому, что нарушеніе заповѣди было грѣховно. Такъ, законъ природы требуетъ, чтобы дѣвица вступала въ законный бракъ, но если какаа-либо дѣвица, помимо воли отца или не дожидаясь времени брака, допустить обольстить себя, она по закону подвергается строгому наказанію, не потому, конечно, что она сдѣлала нѣчто сравнительно съ другими дѣвицами неестественное, но потому, что вопреки закону и волѣ отца сама себя предала грѣху,—наказывается не за существо дѣла, но за характеръ преступленія. Точно также Адамъ подпадаетъ наказанію не за совершеніе чего-нибудь противнаго самой природѣ, но за покушеніе на то, что было запрещено заповѣдью.

2. Требуя объясненія, но не оспаривая того, чего не знаешь. 638 Когда тебѣ нужно изслѣдовать повѣствованіе о событіяхъ древности или судебное дѣло, не обращаешься ли ты тогда къ стариннымъ записямъ, чтобы изъ нихъ узнать, что говорили обвиняемые и что защитники и какой приговоръ постановилъ судья, и такимъ образомъ возстановливаешь въ памяти то, что уже было поглощено забвеніемъ? Такъ и теперь прислушайся къ тому, что свидѣлствуетъ древняя исторія. Когда возсѣдалъ Судія истины, или вѣрнѣе сказать, когда къ подсудимому пришелъ въ образѣ друга Врачъ нашихъ недуговъ грѣховныхъ, что сказалъ Онъ ему? *Адаме, іоу еси* (Быт. III, 9)? И что отвѣтилъ Ему Адамъ? *Гласъ твой слышахъ и скривихся, яко нагъ есмь* (Быт. III, 10). Что же тогда Всевѣдущій? Подъ видомъ невѣдѣнія онъ говоритъ: *кто возвысти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, елиже заповѣдахъ тебѣ сего сдиная не ясти, отъ него лъ еси* (ст. 11)? Этими словами указываетъ Богъ на то, что Адамъ во всемъ, такъ сказать, имѣлъ изобиліе и что, слѣдовательно, не трудность въ удовлетвореніи

своихъ потребностей привела его къ грѣху. Что же на это обвиняемый? *Жена, юже далъ еси со мною, та ми даде* (ст. 12). Адамъ приписываетъ свой грѣхъ женѣ; а ты возлагаешь вину на дерево? Обвиняемый былъ не въ состояніи придумать что-либо въ свое оправданіе, и не нашелъ другого какого-нибудь убѣжища кромѣ истины, не отнесъ причину къ Создателю, но обвинилъ жену; а ты возлагаешь вину на вещь, которыхъ силы не знаешь? Теперь, что Богъ сказалъ Евѣ? *Что сіе сотворила еси* (ст. 13)? Она въ отвѣтъ на этотъ вопросъ указываетъ причину: *змій прельсти мя* (ст. 13). И она не затронула созданія, не оклеветала Создателя, не сказала: зачѣмъ Ты сотворилъ насъ, зачѣмъ запретилъ вкушать отъ этого дерева? Въ качествѣ обвиняемой она не прибѣгаетъ ко лжи, между тѣмъ какъ обыкновенно обвиняемые, чтобы избѣжать обвиненія, охотно пользуются даже тѣмъ, чего не было. Итакъ, она въ отвѣтъ на обвиненіи не нашла никакого другого прикрытія себѣ; а ты возводишь на Бога такое обвиненіе, какого не высказали и подсудимые? Возвратимся нѣсколько назадъ. *Адаме, идъ еси?* Такъ какъ Богъ видѣлъ, что уста грѣшниковъ заграждены и робость не позволяетъ имъ говорить, то вопросомъ Своимъ облегчаетъ имъ способъ оправданія. Преступивъ заповѣдь, я скрылся. Услышавъ о Твоемъ чловѣколюбіи, Владыка, я рѣшаюсь оправдываться. И такова справедливость Судіи: онъ не начинается допроса прямо съ виновной, но съ обольщеннаго. И справедливо: вѣдь судъ былъ бы гораздо суровѣе, если бы сразу обрушился на виновнаго. Начинаетъ съ того, кто могъ найти для себя хотя небольшое оправданіе въ томъ, что былъ введенъ въ заблужденіе другимъ. Затѣмъ уже отъ мужа переходитъ къ женѣ и говорить ей: *что сіе сотворила еси?* Она же отвѣчаетъ: *змій прельсти мя*. Змій прельстилъ? Обманъ былъ бы возможенъ, если бы въ предупрежденіе его не была дана заповѣдь; если бы Я не предупредилъ васъ: *въ онъ же аще дѣе съесте отъ этого дерева, смертію умрете* (Быт. п, 17), — тогда возможенъ былъ бы обманъ. А теперь почему слова Божіи не соблюдены, слова же обманщика приняты? Такимъ образомъ, вся вина, падаетъ на преступника заповѣди: никакой доли ея нельзя приписать Богу. Но не будемъ уклоняться отъ порядка слова. Исслѣдованіе преступленія съ обольщеннаго переходитъ на обольстившую, а рѣшеніе дѣла начинается съ виновника зла. Прежде всего противъ него изрекаетъ приговоръ божественное правосудіе: не противъ мужа, не противъ жены, но именно противъ змія. Притомъ, не призываетъ Богъ змія къ допросу, потому что не желаетъ искать причины въ другомъ, не желаетъ слышать дальнѣйшихъ отговорокъ. Что же говоритъ ему? *Проклятъ ты отъ всѣхъ зѣмлей земныхъ* (Быт. ш, 14). Змій былъ видимымъ орудіемъ, а чрезъ него невидимо дѣйствовалъ діаволъ. Почему же божественный судъ налагаетъ наказаніе на орудіе, а не на дѣйствительнаго виновника зла? Наказанію подвергается и грѣхъ, и орудіе грѣха.

Даже неразумнаго быка, если онъ забодаетъ человѣка, Богъ въ законѣ осуждаетъ на смерть; наказывається, такимъ образомъ, дѣло само по себѣ. Такъ, конечно, и здѣсь: объявленіе приговора змѣю должно было показать, что если орудіе грѣха такъ наказывається, то тѣмъ болѣе наказаніе угрожаетъ тому, кто чрезъ него дѣйствовалъ. Въ чемъ заклю- 634
чается угрожающее змѣю наказаніе, это хорошо выражено у блаженнаго Ісаіи: и будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ онъ, *наведетъ Господь мечъ святый и великій и крѣпкій на драконта зміа бѣжаша, на драконта зміа лукаваго, и убьетъ драконта въ той день* (Ис. ххvii, 1). Дракономъ называетъ пророкъ діавола и змѣемъ лукавымъ самого начальника демоновъ. Такъ и Спаситель сказалъ: *се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію*, а чтобы ты не понялъ это въ буквальный смыслъ и не отнесъ къ упоминаемымъ животнымъ, прибавилъ: *и на всю силу вражію* (Мѣ. x, 19). Только, когда ты слышишь имена змѣя и дракона, не думай, что въ нихъ и заключается корень зла, какъ говорятъ манихеи. Змѣй не былъ виновникомъ зла, не былъ злымъ по природѣ; здѣсь идетъ рѣчь только о злой волѣ. Видишь, говорятъ они, Писаніе назвало его змѣемъ и дракономъ, какъ бы выдѣляя особую какую-то природу, порождающую зло? Но эти слова нечестивыхъ тщетны и пусты, лишены всякаго смысла. Вѣдь, когда Господь говоритъ людямъ: *змія, порожденія ехиднова* (Мѣ. ххiii, 33), развѣ природу обличаетъ Онъ, а не расположеніе воли? Конечно, не природу! А это показываетъ, что и вообще въ подобныхъ случаяхъ нужно сообразоваться съ мыслью, а не привязываться къ словамъ.

8. Но они опять возражаютъ и предлагаютъ другой вопросъ. Почему, говорятъ, дерево названо древомъ познанія добра и зла? Очевидно, божественное Писаніе имѣло въ виду обозначить какую-то особенную природу дерева? О, человѣкъ, не извращай такъ безразсудно истину! Вѣдь это дерево не природу добра и зла породило, но обнаружило только расположеніе человѣка; и называлось оно такимъ именемъ не потому, что добро или зло было связано съ его природой, но потому, что послужило къ обнаруженію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое познаніе принесло Адаму вкушеніе отъ древа? Онъ узналъ, что послушаніе Богу—добро, а непослушаніе—зло. Вотъ это и есть—познаніе добра и зла, и болѣе ничего. Какое познаніе добра могъ онъ получить тотчасъ, когда отверзались очи его? Какое другое увидѣлъ добро? Милостыню? Но откуда было тамъ взять нищихъ? Что онъ увидѣлъ? Что челоуѣколюбіе—добро? Но въ чемъ могло обнаружиться его челоуѣколюбіе? Что же открылось ему? Что повиноваться—добро, а не повиноваться благодѣтелю—зло. Откуда это видно? Писаніе говорить: *возьмется бо тебѣ, челоуѣче, что добро или честию Господь ищетъ отъ тебе, точію еже боятися Господа Бога твоего* (Мих. vi, 8 и Второз. x, 12). Видишь, что страхъ Божій—добро, а преслушаніе

Бога—зло? Ужаснулось небо, говорить пророкъ, и вострепетала земля, *два бо зла сотвориша людѣ Мои: Мене ослѣпивша источника воды живыи*, и дальнѣйшее (Іер. п, 12, 13). Почему же, говорятъ, сказалъ: не прикасайся къ этому дереву; если же вкусишь отъ него, то чрезъ преслушаніе узнаешь добро и зло? Почему! Я объясню тебѣ и дамъ отвѣтъ вкратцѣ. Писаніе всегда охотно даетъ предметамъ такія имена, какія соответствуютъ обстоятельствамъ. Напримѣръ: Исаакъ выкопалъ колодець; пришли филистимляне и стали враждовать изъ-за колодца и присвоить его себѣ, пользуясь чужими трудами. Что же Исаакъ? Онъ далъ этому колодцу имя: *вражда* (Быт. ххvi, 21). Не колодець породилъ вражду, но по поводу его возникла вражда, и поэтому колодець сдѣлался колодцемъ вражды. Устроилъ онъ другой колодець; и тотъ отняли у него; и назвалъ онъ его колодцемъ обиды (ст. 20),—не потому, что онъ былъ колодцемъ обиды, но такъ какъ онъ послужилъ поводомъ къ обидѣ. Точно также слуги Іоава и Авенира, какъ знаютъ свѣдущіе въ Писаніи, сойдясь при источникѣ, коварно умертвили другъ друга, и назвалось имя мѣсту тому: *часть наветниковъ* (2 Цар. п, 13, 16). Опять и здѣсь не мѣсто породило коварство, но обнаруженіе коварства сообщило имя мѣсту. Такъ было и съ Адамомъ. Такъ какъ отъ вкушенія онъ долженъ былъ получить опытъ, что повиноваться Богу—добро, а не повиноваться—зло, то отъ этого случая дерево и получило свое названіе. Но достаточно объ этомъ. И да упасетъ насъ Господь подальше отъ этого дерева! Поспѣшимъ же къ дереву жизни, дереву креста, процвѣтшему плодами правды, прозябшему дѣвствомъ, источившему святыню и различные плоды, принесшему многочисленныя и разнообразныя дары людямъ. Это именно дерево и въ чувственномъ своемъ видѣ породило великое и чудное спасеніе,—не то, которое Спаситель таинственно домостроительствовалъ, но которое благоразумный разбойникъ явно восхитилъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Адамъ изъ-за дерева былъ изгнанъ изъ рая (*праведенъ еси, Господи, и прави пути твои* (Пс. охш, 137), какъ Адамъ за одинъ грѣхъ изгоняется изъ рая, такъ за одно вѣрное исповѣданіе вводится въ рай разбойникъ. Вмѣстѣ съ беззаконными Ты восходишь на крестъ, и спасаешь беззаконныхъ. Говоритъ Ему разбойникъ: *помяни мя, Господи, сѣда приидеши во царствіи си* (Лук. ххш, 42)! Подлинно, разбойникъ этотъ не пересталъ разбойничать до тѣхъ поръ, пока наконецъ вмѣстѣ съ другими не овладѣлъ и самымъ царствомъ небеснымъ. Другой же разбойникъ насмѣхается надъ Господомъ: *аще сынъ еси Божій, спаси себе и насъ* (ст. 39). Слова разбойника были близки къ словамъ іудеевъ: они вѣдъ тоже говорили: *аще Сынъ еси Божій, спиди со креста* (Мѣ. ххvп, 40) и *спруемъ* Тебѣ (ст. 42). Видишь, какъ дѣти діавола согласны между собою въ ученіи нечестія? Спаси, говорятъ, Себя и насъ! Что же блаженный разбойникъ? Онъ говоритъ въ защиту Господа, осужденный выступаетъ

въ качествѣ судьи и начинаетъ судить по истинѣ: *ни ли ты боишися Бога, яко въ томъже осуждены мы? И мы убо въ правду: достойныя бо по дѣломъ наю воспріемлева; Сей же ни единого зла сотвори* (Лк. ххш, 40, 41). Скажи мнѣ, разбойникъ, почему ты предъ Пилатомъ не сознался такъ прямо? Почему послѣ безчисленныхъ пытокъ ты не сказалъ тогда о томъ, что сдѣлалъ? Иное дѣло—судъ человѣческій, иное дѣло—судъ Божій. Предъ тѣмъ я старался скрыть свои дѣла, такъ какъ онъ не проникаетъ въ сердца, предъ этимъ же не скрываю, потому что предъ нимъ открыты сердца. Почему не сознался ты сразу у Пилата? Потому что тамъ за сознаниемъ слѣдовало наказаніе, здѣсь за сознаниемъ слѣдуетъ спасеніе. *Глаголю ти беззаконіа твоя прежде, да оправдишися* (Ис. хлш, 26). Спаситель между двумя разбойниками являлся какъ бы вѣсами правды, на которыхъ взвѣшивались вѣра и невѣріе, правда и неправда. Началось взвѣшиваніе, и вотъ одинъ, отягощаемый невѣріемъ, повлекся внизъ, а другой, облегчаемый вѣрою, поднялся вверхъ. *И мы убо достойная по дѣламъ наю воспріемлева, Сей же что? Предъ нами совершается неправда и притомъ ужасная: праведникъ распинается вмѣстѣ съ неправедными, святость наказывается вмѣстѣ съ беззаконіемъ. И мы убо достойная по дѣламъ наю воспріемлева, Сей же что сотвори?* Мы совершали убійства и живыхъ лишали жизни, а Онъ мертвыхъ воскрешалъ и силу смерти сокрушилъ; мы похищали чужое, а Онъ и свое научаетъ раздавать; мы убивали совершенно безобидныхъ людей, а Онъ повелѣлъ любить даже и враговъ. Несправедливъ этотъ 636 судъ. Развѣ Его дѣла заслуживаютъ наказанія, а наши прощенія? Судите согласно съ истиною! Пусть зло будетъ наказано, а правда почтена. Все это совершилось по злобѣ іудеевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилось пророчество, ясно говорившее о Спасителѣ: *и со беззаконными житиися* (Ис. лш, 12; Мрк. ху, 28). Такъ любомудрствовалъ этотъ блаженный разбойникъ, такъ вразумлялъ онъ окружающихъ, упрекая своего сотоварища. Когда же увидѣлъ онъ, что окружающіе глухи къ его словамъ, тогда обращается уже прямо къ Сердцевѣдцу и говоритъ Господу: *помяни мя, Господи, егда прійдеши во царствіи си!* Распятого ты исповѣдуешь Господомъ? Осужденному приписываешь достоинство царя? Что удивительнаго, братіе, если Павелъ послѣ событій, полныхъ таинственного значенія, послѣ такого обилія чудесъ, говоритъ: *аще быша разумѣти, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. и, 8)? Это говорятъ Павелъ послѣ столь великихъ дѣлъ, послѣ чудесъ, послѣ знаменій, послѣ безчисленныхъ проявленій силы, послѣ воскресенія, послѣ вознесенія. А разбойникъ, при видѣ крайняго уничиженія, при видѣ крестныхъ мученій, называетъ Господомъ распятого и говоритъ ему: *помяни мя, Господи, егда прійдеши во царствіи си!* Что сдѣлалъ ты достойнаго памяти? Напротивъ, чего не сдѣлалъ ты достойнаго наказанія? Не ты ли убивалъ? Не ты ли кралъ? Не ты ли

разбойничать? Погрязая въ безчисленныхъ преступленіяхъ, ты хочешь, чтобы источникъ правды помнилъ о твоей неправдѣ? О, *справеденъ еси Господи и прави суди Твои* (Пс. сѣхш, 137)! Воздай мнѣ по правдѣ Твоей. Я увидѣлъ Твое видимое уничиженіе, и крестъ, и поношеніе незаконныхъ, но смотрю не на это видимое уничиженіе, но на скрывающееся подъ нимъ Твое царство. Я оставляю безъ вниманія то, что вижу; и Ты не обращай вниманія на мои видимыя преступленія, но прими вѣру моего сердца. *Помыли мя, Господи!* О, судъ справедливости! Помыли меня во царствіи Твоемъ! Не есть ли дѣло справедливости, когда діаволъ одного изъ учениковъ Твоихъ сдѣлалъ предателемъ, — Тебѣ одного изъ учениковъ діавола сдѣлать евангелистомъ? Ученика неправды развѣ не можетъ взять себѣ истина? Не Ты ли — Владыка, прелагающій тьму въ свѣтъ и лукавое въ правое? Преложи и разбойника въ евангелиста, побѣди порочность благостію, потуши правдой неправду и прославь Свое человеколюбіе. Тебѣ подобаешь слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

О женахъ мѣроносицахъ, и о томъ, что нѣтъ никакого несогласія или противорѣчія между евангелистами въ разсказѣ о воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа.

- 635 1. Теперь я хочу нѣсколько побесѣдовать съ вами, возлюбленные, по поводу евангельскаго повѣствованія о святомъ воскресеніи Христа и показать, что въ этомъ отношеніи между евангелистами нѣтъ никакого разногласія или противорѣчія. Такъ какъ въ изображеніи этого событія у каждаго изъ евангелистовъ встрѣчаются нѣкоторыя особенности, то люди неразумные готовы уже видѣть противорѣчіе въ Писаніи и даже ложь. Но спятые отцы наши въ немногихъ словахъ отра-
- 636 зили ихъ безуміе, установивъ, что каждый изъ евангелистовъ описываетъ особый приходъ женъ и апостоловъ къ божественному гробу, что этихъ посѣщеній было нѣсколько въ различное время и что никто изъ евангелистовъ не касается уже разсказаннаго другимъ. Такъ устроилъ Всесвятый Духъ, вдохновлявшій евангелистовъ, чтобы, съ одной стороны, ничто изъ тогдашнихъ событій не было предано забвенію, а съ другой, чтобы устранить всякій поводъ къ разногласіямъ, благодаря тому, что каждый разсказываетъ объ особомъ событіи. Итакъ, мы при-
- 637 нимаемъ различіе во времени и въ самыхъ посѣщеніяхъ женами гроба, согласно указанія отцовъ. Но такъ какъ нѣкоторые, одержимые демономъ, утверждаютъ, что въ Писаніи относительно женъ допущено разногласіе и противорѣчіе, то мы попытаемся, съ помощію Всесвятаго

Духа, разъяснить, насколько въ силахъ, эти событія. Я увѣренъ, съ Божіею помощію, что, такъ какъ при различіи во времени и въ посѣщеніяхъ лицъ согласіе между евангелистами дѣйствительно существуетъ, наше слово не будетъ безуспѣшно. Итакъ, прежде всего, вспомнимъ вкратцѣ о страданіяхъ Господнихъ. Мы читали, какъ Господь преданъ былъ Пилату, какъ затѣмъ, будучи распятъ, Онъ вкусилъ смерть по человечеству и былъ погребенъ, какъ былъ приваленъ къ гробу большой камень, какъ іудеи запечатали гробъ и приставили къ нему стражу изъ воиновъ. Когда это было? Въ вечеръ пятницы: *суббота съѣхаше*, какъ говоритъ евангелистъ (Лк. ххш, 54). Многія добрыя и прекрасныя женщины, сопутствовавшія Господу изъ Галилеи, наблюдали все происходившее, видѣли гробъ и присутствовали при положеніи тѣла. Затѣмъ субботу, какъ написано, онѣ провели въ покоѣ согласно заповѣди, но купили ароматы и миро, чтобы помазать Иисуса (Лк. ххш, 56). Замѣть въ этомъ случаѣ, возлюбленный, какъ согласны обстоятельства дѣла. Приготовили благовонія въ субботу Марія Магдалина и Іоанна и Саломія и остальныя жены, чтобы уже въ первый день послѣ субботы, то есть въ день Господень, помазать Его. А Марія Іаковлева—это была Богородица (такъ называлась она тогда, какъ мачиха Іакова, называемаго братомъ Господнимъ)—отъ скорби не могла переждать всю ночь послѣ субботы, но тотчасъ въ поздній вечеръ субботы пришла ко гробу, то есть поздно послѣ субботы. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ евангелистовъ употребляютъ выраженіе—*въ вечеръ субботный* (Мѣ. ххvш, 1) въ смыслѣ обыкновенныхъ выраженій: въ поздній часъ, въ позднее время. Это не былъ вечеръ субботы въ прямомъ смыслѣ, но поздніе часы субботы, поздно въ субботу. А это означаетъ полночь, или немного спустя. Откуда это видно? Изъ того, что Господь по Его обѣтованію долженъ былъ воскреснуть въ третій день, т. е. въ день Господень. Это и будетъ третій день, считая съ пятницы, когда Онъ былъ распятъ. День же Господень начинается съ седьмого часа ночи и продолжается до шестого часа слѣдующей ночи. И такимъ именно способомъ, считая всякій день, ты не будешь противорѣчить словамъ бытописателя о міротвореніи: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день одинъ* (Быт. 1, 5). Видь какъ только минуетъ полночь, солнце, обтекая землю, тотчасъ освѣщаетъ обращенныя къ востоку страны, хотя еще не показывается само, и производитъ для живущихъ тамъ такъ называемое раннее утро. Такъ и у насъ наступаетъ разсвѣтъ въ различныя часы, по мѣрѣ приближенія солнца, а не у всѣхъ одинаково въ одно и то же время. Послѣ же полуночи до разсвѣта Господняго дня воскресъ Господь изъ мертвыхъ, именно, въ третій день по писаніямъ. Итакъ, Пресвятая Дѣва Богородица, удрученная скорбью болѣе всѣхъ, найдя споспѣшницу себѣ въ лицѣ Маріи Магдалины [это была ревностѣйшая женщина, почему она и воспоминается всѣми четырьмя

евангелистами (Мѣ. ххvш, 1; Мрк. хvi, 1; Лк. ххiv, 10; Іоан. хх, 1)), пришла тотчасъ послѣ полуночи, т. е. въ поздній часъ субботы, ко гробу—не съ благовоініямъ (для этого еще не настало время), но только посмотреть гробъ. Вотъ первый приходъ святыхъ и достойныхъ женъ, о которомъ рассказываетъ евангелистъ Матѣей. Когда онѣ пришли ко гробу, вдругъ произошло землетрясеніе—въ то именно время, когда ангелъ отвалилъ камень отъ гроба и сѣлъ на немъ. Господь уже воскресъ въ то время. Въ самомъ дѣлѣ, евангелистъ не сказалъ, что когда отваленъ былъ камень, тогда Спаситель вышелъ изъ гроба, но что ангелъ отвалилъ камень и сидѣлъ на немъ. Вѣдь тѣло Господа уже просіяло тогда нетлѣніемъ и Онъ, какъ Богъ, выпелъ изъ гроба, еще когда на немъ лежалъ камень, точно такъ же, какъ въ вечеръ дня Господня вошелъ къ ученикамъ Своимъ при закрытыхъ дверяхъ (Іоан. хх, 19). Двѣ эти женщины, именно Пресвятая Дѣва Богородица и Марія Магдалина, со страхомъ и радостью великою пошли возвѣститъ апостоламъ, что Господь воскресъ, какъ сказалъ имъ ангелъ, и чтобы они шли въ Галилею, гдѣ увидать Его. На пути встрѣтились онѣ съ самимъ воплощеннымъ Богомъ Словомъ. И когда Онъ сказалъ имъ: *радуйтесь!*—онѣ упавши обхватили ноги Его и поклонились Ему Господь не запретилъ имъ прикасаться къ Нему (потому что онѣ видѣли Его въ первый разъ), но, напротивъ, ободрилъ ихъ словами: *не бойтесь, идите, возвѣстите братіи Моей, да идутъ въ Галилею и ту Мя видятъ* (Мѣ. ххvш, 10).

2. Этотъ рассказъ о женахъ мироносицахъ принадлежитъ евангелисту Матѣю. Женщины пошли къ ученикамъ и передали имъ и бывшимъ съ ними слова ангела и слова Господа и то, что онѣ Его видѣли; и не только это, но и рассказали, что онѣ поклонились Ему. Но ученики Господа отъ сильной и невыразимой скорби, овладѣвшей ими послѣ Его крестныхъ страданій, не могли даже и слушать ихъ. Относительно Маріи Магдалины я думаю, что они даже и вниманія не обратили на ея слова, относительно же Матери Господа, въ виду уваженія къ ней и благоговѣнія предъ ней, они рѣшили между собою, что чрезвычайная скорбь помутила ея умъ и породила у нея расстройство и зрѣнія, и слуха, и осязанія. Чистая и просвѣщенная душа Дѣвы, твердо убѣжденная въ томъ, что она видѣла и осязала, замкнулась въ себѣ, не вступая ни въ какія пререканія съ учениками; къ гробу она уже болѣе не пошла, непоколебимо увѣренная въ томъ, что она тамъ видѣла. Марія же Магдалина, сперва уступивъ апостоламъ, потомъ нѣсколько собралась съ мыслями и, не полагаясь на свои впечатлѣнія, но подумавъ, что ей было видѣніе, беретъ съ собою нѣкую Іоанну и другую Марію и другихъ женщинъ съ благовоініямъ (Лук. ххiv, 10) и ночью же опять отправляется къ гробу. Самымъ раннимъ утромъ, то есть задолго до разсвѣта, когда надъ землею только что занималась утренняя заря, Марія со своими спутницами приходитъ ко гробу. Ка-

меня уже быть отваленъ — и тѣла Господа онѣ не нашли (гдѣ же его было и найти?). Пока онѣ недоумѣвали между собою, предъ ними явились два мужа (это были святые ангелы) въ блистающихъ одеждахъ. Тѣ испугались — не только оттого, что ангелы внушили имъ страхъ, но и оттого, что съ порицаніемъ обратились къ нимъ: *что ищите живаго съ мертвыми? Нысть здѣ, но воста* (Лук. xxiv, 5, 6). Обрати вниманіе, возлюбленный, какъ подтверждается, что этотъ приходъ женщинъ ко гробу не былъ первымъ: не имѣло бы смысла, если бы женщины ничего не видѣли и не слышали о воскресеніи Господнемъ, ангеламъ упрекать ихъ въ словахъ: *что ищите живаго съ мертвыми?* Очевидно, что всѣ онѣ уже слышали отъ самолично видѣвшихъ Господа и слышали отъ Него отвѣтъ ученикамъ и не повѣрили, потому и упрекаютъ ихъ теперь ангелы; были съ перечисленными женщинами и нѣкоторые мужчины. Кто говорить это? Евангелистъ Лука. *Во едину отъ субботы, говоритъ онъ, зело рано приидоша на гробъ жены, носяще лже уготоваша ароматы, и другія съ ними* ¹⁾. Затѣмъ ангелы не только упрекнули ихъ, но и пристыдили, говоря: *помяните, якоже глагола вамъ, сие сий въ Галилеи, глаголю, яко подобаетъ Сыну чело-вѣческому предану быти въ руцѣ челоуцкы грѣшникы, и проплету быти, и въ третій день воскреснути. И помянуша*, говоритъ евангелистъ, *глаголю Ею* (Лук. xxiv, 6—8). Потомъ, вернувшись опять, и эти мужчины и женщины вмѣстѣ съ Маріей Магдалиной возвѣстили ученикамъ о всемъ происшедшемъ, причемъ Магдалина видѣла гробъ дважды, а остальные—однажды. *И лежиася*, говоритъ евангелистъ, *предъ учениками яко лжа глаголю ихъ, и не стравашу ихъ* (ст. 11). Если у кого явится недоумѣніе, почему не упомянулъ евангелистъ поименно тѣхъ мужчинъ, которые вмѣстѣ съ женщинами принимали участіе во второмъ посѣщеніи, то я относительно ихъ полагаю, что они не были изъ числа извѣстныхъ, но или рабы тѣхъ женщинъ, или вообще кто-нибудь изъ подчиненныхъ имъ. Конечно, когда Петръ, возбужденный тѣмъ, что вторично слышалъ уже и притомъ отъ многихъ свидѣтелей, что Господь воскресъ, тотчасъ пошелъ одинъ ко гробу, евангелистъ опредѣленно упомянулъ о немъ, присоединивъ и указаніе на ния въ такихъ словахъ: *Петръ же востаъ тече ко гробу, и прииди, видѣ ризы едины лежащія, и отъиде, въ себѣ думая бывшему* (ст. 12). Забѣтъ, возлюбленный, что прйдя въ числѣ первыхъ сразу и одинъ онъ не дерзнулъ войти во гробъ, но только заглянулъ туда и увидѣлъ лежащія одежды. Точнаго осмотра всего мѣста онъ, такимъ образомъ, не произвелъ. Впрочемъ, я еще напому вамъ объ этомъ.

3. Такъ описываетъ евангелистъ Лука вторичный приходъ ко гробу женщинъ. Что же послѣдовало дальше? Душа Маріи Магдалины

¹⁾ καὶ τινες αὐτῶν—можно понимать и въ смыслѣ: καὶ τινες ὑποτακῶν.

возгорѣлась, что ученики даже и теперь не повѣрили ни ей, ни бывшимъ съ нею, но сочли слова ихъ ложными. И вотъ, съ наступленіемъ утра, то есть, когда начиналъ разсвѣтать день и разсвѣтъ уже насталъ, но сумерки еще держались, она одна приходитъ ко гробу,—это уже въ третій разъ,—и *видѣ камень взятъ отъ дверей гроба* (Іоан. хх, 1). *Тече убо и прииде къ Симону Петру и Іоанну* (ст. 2). И замѣтъ благоразуміе этой женщины. Она скорбѣла въ душѣ, что ей не повѣрили, когда въ первое возвращеніе она вмѣстѣ съ Богородицею возвѣстила ученикамъ о воскресеніи Господа, и что опять, когда рано утромъ съ прочими женами и мужами возвѣстила о томъ же, и тогда слова ея сочли ложью. Она скорбѣла не только о томъ, что ей не повѣрили, а и о томъ, что даже никто изъ нихъ не захотѣлъ пойти ко гробу и посмотрѣть, но или изъ-за страха предъ іудеями, или подавленные сильною и невыразимою скорбью, они почти всѣ сидѣли какъ жертвы; одинъ только Петръ какъ бы пробудился послѣ второго сообщенія женщины и пошелъ ко гробу, но и онъ ограничился тѣмъ, что только заглянулъ въ гробницу, не осмѣлившись хотя бы войти туда, какъ мы сказали. Все это именно воспламеняло ея духъ и вотъ, полная божественнаго воодушевленія, она опять пошла, какъ сказано, утромъ въ третій разъ одна и, найдя камень взятымъ отъ гроба, поспѣшила возвратиться къ ученикамъ. По пути она разсуждала сама съ собою въ такомъ родѣ: если я скажу всѣмъ, опять подниму шумъ и на себя же навлеку подозрѣніе, въ здоровомъ ли я умѣ. Вѣдь если не повѣрили мнѣ вмѣстѣ съ другими, какъ повѣрять теперь одной? Лучше я поговорю отдѣльно съ ближайшими и самыми горячими Его друзьями -- Петромъ и Іоанномъ. Но и они слышали уже о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа и отнеслись къ такому чудесному дѣлу съ полнымъ недоувѣріемъ, какъ будто ничего и не слышали. Какъ же мнѣ побудить ихъ, по крайней мѣрѣ, просто придти ко гробу и посмотрѣть, что тамъ есть? Вотъ что я сдѣлаю: я не скажу имъ, что Господь воскресъ, а то опять ничего не выйдетъ; я сообщу имъ самую вѣроятную и правдоподобную вѣсть. И вотъ приходитъ Магдалина Марія, какъ сказано, къ Петру и Іоанну и говоритъ имъ: *взяла Господа моего отъ гроба, и не нашла, гдѣ положили Его* (Іоан. хх, 2). Она какъ бы такъ говорила: послушайте меня, рабы Божіи: воскресъ Господь изъ мертвыхъ или нѣтъ, я этого вамъ доказывать не буду; но одно говорю вамъ съ достовѣрностію, что тѣла Его нѣтъ во гробѣ; итакъ, вы должны постараться узнать, кто *взялъ* тѣло Его изъ гроба и куда положилъ Его. Видишь мудрость женщины? Вѣдь если бы мы не предположили, что она руководилась такими соображеніями, тогда мы впали бы въ бессмыслицу. Какъ на самомъ дѣлѣ она, осмывавшая ноги Господа вмѣстѣ со святою Богородицею Марією и дважды слышавшая отъ ангеловъ вѣсть объ Его воскресеніи, могла бы опять говорить о Немъ, какъ будто о мертвомъ, что *взяла*

Господа моего отъ гроба и не смѣ, идѣ положиши Ею? Напротивъ, теперь должно признать, какъ искусно и умно поступила она въ этомъ случаѣ. Ея слова сразу подѣйствовали: въ томъ, что тѣло украдено изъ гроба, не было ничего повѣроятнаго. И вотъ оба эти ученика тотчасъ поспѣшили ко гробу. За ними послѣдовала и эта удивительная женщина. Вдвоемъ ученики вошли во гробъ и *видѣша ризы едины лежащія и сударь, иже бы на главу Ею, особѣ свѣтъ* (Іоан. хх, 6, 7), тѣла же не было нигдѣ. Тогда, говорить евангелистъ, они увидѣли и повѣрили, что Господь взятъ изъ гроба. До этого тамъ былъ одинъ Петръ, притомъ, со страха и по причинѣ бывшей еще тогда тьмы, онъ не могъ 640 рассмотреть мѣста такъ ясно, какъ теперь — утромъ. Теперь же они оба увидѣли и увѣрились, что тѣло Господа взято изъ гроба, согласно словамъ Маріи Магдалины. Но въ воскресеніе Его они еще не повѣрили. Откуда это видно? Евангелистъ самъ указываетъ на это: сказавъ о томъ, какъ Петръ вошелъ въ гробъ, онъ прибавляетъ о себѣ: *и видѣ, и трона. Не убо видѣху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути* (Іоан. хх, 9). *Идоста же паки къ себѣ ученика, не повѣривъ воскресенію.* Даже и эту Марію, несмотря на то, что она столько видѣла и слышала, они привели въ сомнѣніе; въ большомъ смятеніи она размышляла такъ: до сихъ поръ я была въ полной увѣренности, что апостолы не видѣли гроба и потому не вѣрятъ воскресенію; а теперь и увидѣвши, что адѣсь нѣтъ тѣла, они остаются при томъ же самомъ убѣжденіи; очевидно, я, какъ женщина, фантазирую и ничего положительнаго ни вижу, ни слышу, а они, просвѣщенные свыше, не поддаются заблужденію и не обманываются такъ легко, какъ мы, женщины. Потрясенная этою мыслью, Марія Магдалина осталась у гроба и плакала. По удаленіи Петра и Іоанна она опять заглянула во гробъ *и видѣ два ангела въ бѣлыхъ ризахъ сидящихъ* (ст. 12). На ихъ вопросъ: *жене, что плачешиса? Кого ищеша?*—она отвѣчала имъ: *яко возниа Господа моего и не смѣ, идѣ положиши Ею* (ст. 13). Затѣмъ обернувшись, такъ какъ ангелы встали при входѣ туда Господа и, увидѣвъ Его, она не узнала Его. Почему не узнала? Потому, что Господь послѣ воскресенія уже былъ облеченъ нетлѣннымъ тѣломъ и не былъ узнаваемъ, кромѣ тѣхъ, кому Онъ хотѣлъ открыться и когда хотѣлъ. И на Его вопросъ: *жене, что плачеша? Кого ищеша?*—она отвѣчала такъ же, какъ и ангеламъ. Подумавъ, что это садовникъ того сада, въ которомъ былъ гробъ, она говоритъ Ему: *Господи, аще ты еси взялъ Ею, повѣждай ми, идѣ еси положиши Ею, и азъ возму Ею* (ст. 15). Это Марія, очевидно, говорила уже безъ задней цѣли и какого-либо лицемерія, какъ то было по отношенію къ ученикамъ: дѣтъ она отвѣчала такъ потому, что они дѣйствительно не знали, и чтобы побудить ихъ всѣхъ идти ко гробу; а потомъ, когда они пришли и увидѣли, что тѣла, дѣйствительно, нѣтъ, но воскресенію всетаки не повѣрили, тогда она и сама колебалась

въ своемъ убѣжденіи, и признала мѣнѣе апостоловъ болѣе основательнымъ, чѣмъ свое. Подъ вліяніемъ этой, совершившейся въ ней, перемѣны, она и отвѣчала Господу и ангеламъ, дѣйствительно убѣжденная въ томъ, что тѣло кѣмъ-либо взято изъ гроба. Конечно, Іисусъ, видѣвшій сердце ея, какъ Богъ, съ упрекомъ воскликнулъ къ ней: *Маріе!* Когда же, наконецъ, она узнала Его голосъ (вѣдь это уже второй разъ видѣла она Его) и упала опять, какъ и въ первый разъ, къ Его ногамъ, то не была уже принята имъ такъ благосклонно, какъ тогда, но отстранена Имъ со словами: *не прикасайся Мнѣ!* Въ тотъ разъ двѣ женщины обнимали и цѣловали Его честныя и пречистыя ноги и ничего такого отъ Него не слышали. Видишь, что справедливо Спаситель отстраняетъ ее невѣровавшую отъ Себя, говоря: *не прикасайся Мнѣ!* При первомъ своемъ явленіи Онъ безпрепятственно позволилъ имъ касаться Его ногъ и цѣловать ихъ, чтобы посредствомъ осязанія еще болѣе, чѣмъ зрѣніемъ и слухомъ, удостовѣрить ихъ, что Онъ—распятый и погребенный—воскресъ. А теперь Онъ уже отстраняетъ отъ Себя Магдалину; послѣ столь сильнаго удостовѣренія отступившись отъ своего убѣжденія, она слышитъ: *не прикасайся Мнѣ, не убо взыхожу ко Отцу Моему.* Въ этихъ словахъ содержится и упрекъ ей за ея невѣріе, и возбужденіе ума ея напоминаніемъ о небесномъ Отцѣ и убѣжденіемъ не думать, что Онъ есть только то, что она видитъ, т. е. человѣкъ, воскресшій изъ мертвыхъ, но что Онъ есть и Богъ, какъ истинный Сынъ Божій, ради насъ вочеловѣчившійся. Римъ, говоритъ, *братіи моѣ: взохажу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (ст. 17). Услышавши и увидѣвши это, Магдалина идетъ ко всѣмъ ученикамъ. Теперь она уже не говоритъ имъ, что *взяша Господа моего отъ гроба*, но съ полною увѣренностью и рѣшительностью объявляетъ имъ, что видѣла Господа, и вотъ что Онъ сказалъ ей.

641

4. Вотъ изображеніе третьяго посѣщенія женщинами гроба, посѣщенія, бывшаго утромъ, когда еще была тьма. Это изображеніе принадлежитъ евангелисту Іоанну Богослову, который справедливо и богоприлично пользовался любовью Іисуса по многимъ причинамъ. Остается еще четвертое путешествіе ко гробу женщинъ, которое по устроенію Духа Святаго описалъ евангелистъ Маркъ. Откуда видно, что описанное Маркомъ путешествіе есть именно четвертое? Это показываетъ время. Вѣдь одинъ только Маркъ пишетъ, что женщины пришли къ гробу, когда возсіяло солнце. Что же именно онъ говоритъ? *Маріа Магдалина* (всѣ четыре евангелиста, какъ уже было сказано, воспоминаютъ о ней) съ другими женщинами, имѣвшими приготовленные благовонія, *живушей субботою, завтра во единому отъ субботы приидоша на гробъ возсияти солнцу* (Марк. хvi, 1, 2). Посмотримъ теперь, ради чего Магдалина, уже три раза побывавши на гробѣ, опять идетъ туда

съ другими женщинами, причѣмъ тѣ несутъ муро и благовонія и думаютъ, что найдутъ тѣло во гробѣ. Слушай, возлюбленный, внимательно. Послѣ третьяго боговидѣнія будучи совершенно увѣрена въ воскресеніи Господа и громко засвидѣтельствовавши предъ учениками, что она видѣла Господа и что Онъ сказалъ ей то-то, Марія Магдалина, какъ мы раньше сказали, болѣе уже не сомнѣвалась. Но когда она увидѣла Марію, мать Іакова младшаго и Іосіа, и Саломію и другихъ женщинъ, идущихъ ко гробу и имѣющихъ благовонія, и узнала, что онѣ желаютъ идти на восходѣ солнца, пошла и она вмѣстѣ съ ними, не какъ сомнѣвающаяся, но какъ руководительница, и съ радостью о томъ, что много разъ видѣть гробъ пустымъ и адъ—лишеннымъ добычи. Другія же жены или не слышали, или если и слышали, то въ видѣ простыхъ слуховъ, а обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣли. Конечно, онѣ-то и *глаголаху къ себѣ*, какъ говорить евангелистъ, т. е. не съ Маріей Магдалиной говорили, а между собою: *кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба? И возрече, видѣши, яко отваленъ бы камень: бы бо велий тѣло* (ст. 3, 4). Видишь, что относительно камня онѣ еще ничего не знали, тогда какъ женщины, о которыхъ говорили евангелисты Матѳеи и Лука, равно какъ и апостолы Петръ и Іоаннъ—видѣли отваленный камень своими глазами. Затѣмъ, *исшедше*, говоритъ евангелистъ, *во гробъ видѣши юношу сидяща въ десницѣ, одѣянна во одеждѣ бѣлой, и ужасошася* (ст. 5). А онъ не упрекалъ ихъ, какъ у евангелиста Луки ангелъ, а у Іоанна самъ Господь, потому что онъ зналъ, что онѣ пришли въ первый разъ. Не упрекнулъ онъ и Магдалины, такъ какъ по ея радостному лицу онъ видѣлъ, что не сомнѣніе о воскресеніи Господа побудило ее опять придти во гробу, но радость и восхищеніе о случившемся. Потому не только не упрекнулъ ихъ, какъ я сказалъ, но и ободрилъ ихъ отъ страха, какъ и первый ангелъ у еванг. Матѳея. Что же сказалъ онъ? *Не ужасайтесь! Іисуса ищите Назарянина распятаго? Госта, нѣсть здѣ: се нѣсть, идѣте положивша Ею. Но идите рече ученикомъ Ею и Петрови, яко варлетъ вы въ Галилею: тамо Ею видите, якоже рече вамъ* (ст. 6, 7). Хорошо прибавлено здѣсь: *и Петрови*. Вѣдь если бы не было объявлено прямо о томъ, чтобы и ему идти въ Галилею вмѣстѣ съ прочими учениками, онъ, я думаю, не повѣрилъ бы, что Господь протѣлъ ему его отреченіе. *И исшедше женщины бѣжаша отъ гроба, кланяя же ихъ трепетъ и ужасъ, и никому же ничтоже рече: блгу-беса* (ст. 8). Вотъ опять и отсюда,—изъ того, что онѣ никому ничего не сказали, видно, что за исключеніемъ Маріи Магдалины это были другія женщины, отличныя отъ первыхъ, и что это посѣщеніе гроба нужно отличать отъ трехъ описанныхъ другими евангелистами, а не такъ, какъ говорятъ безбожники и многобожники, бывшіе тираны и преступники—будто бы было только одно путешествіе женщинъ ко гробу и будто бы въ описаніи его евангелисты очень противорѣчатъ другъ

другу. Между тѣмъ, и по времени, и по лицамъ, и по характеру объясненіи ученикамъ или умолчанія, очевидно, что различны и женщины, и путешествія ко гробу. Итакъ, соединимъ вмѣстѣ все сказанное. Прежде всего—по разсказу ев. Маттея—Марія Магдалина и Марія, называемая Іаковлею, которую я принимаю за Богородицу, одні пришли ко гробу поздно въ субботу, до разсвѣта дня Господня, то есть при окончаніи субботы, какъ мы сказали. По сказанію же Луки, Марія Магдалина опять пошла вмѣстѣ съ Іоанной и Маріей Іаковлевою и нѣкоторыми другими. Эту Марію Іаковлеву я отапчаю отъ Богородицы, хотя и эту послѣднюю евангел. Матеемъ называетъ такъ же (конечно, при томъ глубокомъ почтеніи, которое всѣ питали къ Богородицѣ, евангелистъ не поставилъ бы ее здѣсь на третьемъ мѣстѣ, т. е. послѣ Маріи Магдалины и послѣ даже какой-то Іоанны); эта Марія или какого-нибудь другого Іакова, или дѣйствительно была матерью Іакова младшаго и Іосіа, — такъ вѣдь и упомянулъ о ней ев. Маркъ. Итакъ, эти, упоминаемыя Лукою, женщины уже не поздно въ субботу, но раннимъ утромъ пришли ко гробу. У Іоанна же изображено путешествіе одной Маріи Магдалины, и не поздно въ субботу, и не раннимъ утромъ, — но когда? Утромъ, — впрочемъ, когда была еще тьма: такъ именно понимали это нѣкоторые. Съ нею были и апостолы Петръ и Іоаннъ, которые, вѣдѣмъ, своимъ невѣріемъ заставили и ее не вѣрить вмѣстѣ съ собою. По Марку же опять (ходила) Магдалина, — эта мужественная, четыре раза подвизавшаяся женщина, — и Марія, мать Іакова младшаго и Іосіа. Замѣть, возлюбленный, ... Іакова младшаго. Вѣдь, Богородица именовалась матерью, т. е. мачихою Іакова старшаго. Была съ ними и Саломія и нѣкоторые другія въ это четвертое путешествіе. Онѣ пришли ко гробу не поздно въ субботу, но рано утромъ, и даже не утромъ, когда была еще тьма, но уже утромъ — на восходѣ солнца, какъ сказалъ евангелистъ. Отсюда видно, что такъ называемое утро болѣе приближается къ восходу солнца, не такъ какъ раннее утро. Это я говорю, возлюбленные, потому, что нѣкоторые раньше говорили, что вторымъ путешествіемъ должно считать описываемое евангелистомъ Іоанномъ и бывшее утромъ (трімъ), когда еще была тьма, а третьимъ является описанное Лукою, раннимъ утромъ, какъ будто прежде бываетъ такъ называемое утро и съ нимъ уже соединяется раннее утро. Это уже съ перваго взгляда кажется мнѣ великимъ, да и опровергается тѣмъ, что евангелистъ Марію говоритъ, что просто завтра *во едину отъ субботы* пришли женщины ко гробу, *возсіяшу солнцу* (Лук. хvi, 12). Если же бы раннее утро было послѣ простого утра, тогда, конечно, первое и соединялось бы съ восходомъ солнца, а не послѣднее. И Данилъ, говоря о Даріѣ, такъ выразился: *тогда царь востаетъ завтра не стѣны и со тщаніемъ придетъ ко рву* (Дан. vi, 19). Но самое главное, если бы описанное у Іоанна посѣщеніе было вторымъ, а у Луки третьимъ, тогда

и кромѣ этого обнаружилось бы много другихъ нелѣпостей. Если Петръ и Іоаннъ уже ходили ко гробу и своими глазами видѣли, что было внутри гроба, какъ говорить самъ Іоаннъ, то какъ могли они потомъ, когда женщины — по словамъ Луки — возвѣщали нѣ слова ангеловъ, счесть за ложь рассказываемое тѣми? Или зачѣмъ было Петру одному ходить ко гробу, и притомъ какъ бы въ изумленіи и страхѣ, и ограничиваться однимъ наружнымъ осмотромъ гроба, если онъ уже ходилъ туда съ Іоанномъ, проникать въ самый гробъ и все обстоятельно разсматрѣлъ? Итакъ, я считаю совершенно нелѣпнымъ—ставить рассказанное Іоанномъ впереди того, что передается Лукою. Остается теперь разяснить, сколько же именно Марій, о которыхъ упоминають евангелисты? Объ этомъ было немало споровъ. Я думаю, что ихъ пять. Впрочемъ вникните въ мои слова со всею тщательностію. Есть, конечно, Марія Магдалина, изъ которой Господь изгналъ семь бѣсовъ,—почему она и была столь ровностной, въ благодарности за такое благодѣяніе. Затѣмъ, Марія Іаковля: подъ такимъ наименованіемъ извѣстна Богородица, какъ мы уже сказали. Такъ какъ по причинѣ величія и невѣроятности чуда истина божественнаго рожденія не могла сразу обнаружиться (иначе Дѣва подвергалась бы опасности 648 быть побитой камнями, если бы только распространился слухъ, что Христосъ не былъ сыномъ Іосифа), ради этого въ глазахъ всѣхъ она считалась женою Іосифа и, слѣдовательно, была мачихою Іакова, сына Іосифа. Если же кто вдумалъ бы возражать, почему она называлась не по имени Іосифа какъ мужа, но по имени Іакова въ качествѣ его мачихи, то отвѣтить на это нетрудно. Іаковъ пользовался большою извѣстностію, какъ человекъ богобоязненный, воздержный и праведный,—недаромъ всѣ его называли праведнымъ. Кромѣ того, я полагаю, что въ то время, когда Господу Іисусу Христу исполнилось тридцать лѣтъ отъ рожденія и Онъ выступилъ на проповѣдь евангелія, Іосифа уже не было въ живыхъ. Видѣ когда Господь былъ младенцемъ, и даже когда Онъ достигъ двѣнадцати лѣтъ, Іосифъ упоминается въ евангеліяхъ; а во время чудотворенія и честныхъ страданій Спасителя нигдѣ уже не упоминается объ Іосифѣ. Безъ сомнѣнія, когда Іисусу было сказано: *се мати твоя и братія твоя онѣ стоятъ и ищутъ тебе* (Мѡ. хп, 47; Мрк. ш, 82), безъ упоминанія объ Іосифѣ, то это очевидно показываетъ, что Іосифа тогда въ живыхъ уже не было. Вотъ почему Пресвятая Дѣва Господомъ на крестѣ и вручается Іоанну. Тогда вполне и то, почему она была извѣстна подъ именемъ Маріи Іаковлевою, а не Іосифовою. Третья же Марія есть мать Іакова младшаго и Іосим, о которой упоминаетъ ев. Маркъ, отличная отъ нея. Она же, я думаю, есть и Марія Іаковлева, указываемая еванг. Лукою, потому что указаніе еванг. Луки, конечно нельзя относить къ Богородицѣ, въ виду сказаннаго раньше. И евангелистъ Маркъ, упомянувъ о ней выше въ

614 такихъ словахъ: *Марія Магдалина и Марія Іакова малаго и Іосіа мати* (Мрк. хv, 40), ниже опять эту самую Марію Іаковлеву называетъ просто Іаковлевою: *и минушей субботѣ Марія Магдалина и Марія Іакова и Саломія купили ароматы, да пришедше помажутъ Іисуса* (Мрк. хvi, 1). Если же она была матерью кого-нибудь другого, а не Іакова младшаго и даже не Іакова, называемаго братомъ Господнимъ, очевидно тогда ее нужно отличать отъ трехъ указанныхъ. Между тѣмъ есть еще Марія Клеопова, сестра Богородицы, которую упоминаетъ Іоаннъ Богословъ при крестѣ (Іоан. хix, 25). Есть и еще Марія, сестра Маремъ и Лазаря (Іоан. xi, 2). Зная все это, всалюбленные, и держась твердо, не допускайте тѣмъ, кто захотѣлъ бы клеветать на Писаніе, дѣлать это. Въ немъ, какъ глаголанномъ Св. Духомъ, заключается полная правдивость и истина. И только слабость человѣческаго ума и нежеланіе изъ тщеславія сознаться въ ней—свое собственное несовершенство приписываетъ Писанію въ качествѣ разногласій. Вы же, честная и святая паства Христова, принимайте пищу душъ вашихъ,—разумію божественное Писаніе,—какъ истинную и непорочную. Истина вѣдь питаетъ васъ, потому что истина и воскресеніе и жизнь есть Христосъ Богъ нашъ. А если что-нибудь изъ Св. Писанія мы не понимаемъ, какъ слѣдуетъ, то будемъ имѣть терпѣніе до будущаго вѣка, когда будемъ удостоены созерцать Бога лицомъ къ лицу и просвѣщены будемъ вѣдѣніемъ всего сущаго, когда и Бога познаемъ уже не отчасти, но какъ и сами мы познаны были отъ Него (1 Кор. хш, 12). А въ этомъ для всякаго разумнаго созданія и заключается высочайшее блаженство, устроенное любовью и почерпаемое во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со безначальнымъ Его Отцомъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На сказанное въ Евангеліи, что іудеи говорили о Спасителѣ: како Сей книги вѣсть не учився (Іоан. vii, 15)? И на слова Спасителя: о дни же томъ никтоже вѣсть (Мѣ. ххiv, 36).

618 1. Вотъ опять я приглашаю васъ къ наслажденію евангельскими струями, вотъ опять призываю почерпать вмѣстѣ со мною эту чистую и свѣтлую влагу, слѣдуя словамъ пророка: *почерпните воду съ веселіемъ отъ источниковъ спасенія* (Ис. хii, 3)! Источниковъ много, но спасеніе одно, одинъ источникъ всѣхъ благъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, источившій всякую мудрость и всякое вѣдѣніе. И удивительно, что собственно страннаго находили іудеи въ томъ, что Онъ знаетъ книги не

учившись? Объ этомъ именно прочитано было намъ сегодня,—что когда Спаситель предлагалъ Свое божественное ученіе, іудеи удивлялись и говорили: *како Сей книги вѣсть не учився?* О книгахъ спрашиваютъ они, когда рѣчь идетъ объ источникѣ слова, или лучше сказать о самомъ Богѣ—Словѣ; допытываются, откуда знаетъ книги Христосъ, Который даровалъ законъ и вдохновилъ пророковъ, отъ Котораго истекаетъ всякое вѣдѣніе, и ученіе, и законъ, и совѣтъ, и разумѣніе, потому что *всяка прсмудрость отъ Господа* (Сирах., 1, 1). Спрашиваютъ о книгахъ у (Источника) слова, изъ котораго черпали вдохновеніе всѣ пророки и отъ котораго всѣ богословы получили все то, что стало достояніемъ ихъ душъ. Его воспринялъ Моисей, отъ Него почерпали всѣ пророки, этимъ источникомъ пользовались всѣ апостолы, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ и Іоаннъ: *отъ исполненія Его мы вси прияхомъ* (Іоан. 1, 16). Требуешь (изученія) книгъ отъ Бога, какъ будто книги породили разумъ, а не разумомъ изобрѣтено искусство письма? Развѣ разумъ отъ книгъ? Напротивъ разуму обязаны книги своимъ происхожденіемъ: какъ не искусство произвело вещество, но вещество послужило поводомъ къ 644 развитію искусства, такъ не книги породили разумъ, но разумъ создалъ самое искусство письма. Не книги сначала, а потомъ разумъ, но сначала разумъ, а благодаря ему появились и книги. Прже всего то, что есть даръ Божій, а потомъ уже то, что является плодомъ искусства. Не глазъ произвелъ предметы видимые, но глазъ служить къ познанію того, что имъ созерцается; не ремесла дали руки, но руки трудились надъ развитіемъ ремеслъ; не бѣгъ выработалъ ноги, но ногамъ обязаны люди способностью бѣгать. Такъ и не книги одарили человѣка разумомъ, но разумъ изобрѣлъ книжное искусство. Итакъ, почему требуешь ты плода отъ Того, кому принадлежитъ и самый корень? Что *Онъ книги вѣсть не учився?* Тебя не удивляетъ то, что Онъ воскрешаетъ мертвыхъ, но поражаетъ то, что Онъ знаетъ книги не учившись, отъ природы? Первые изобрѣтатели письма ни отъ кого не учились своему изобрѣтенію, а сдѣлали его сами, но и они были тѣмъ не менѣе просто люди; а воскресить мертвыхъ—это превышаетъ силы человѣка. Что же? На великое ты не обращаешь вниманія, а о маломъ сомнѣваешься? Конечно, Христосъ есть источникъ всякой мудрости и всякаго разума: отъ Него ничто не скрыто. Онъ изобрѣтатель всего, именно изобрѣтатель: не то, что другой кто-нибудь сдѣлалъ, а Онъ только открылъ, но самъ Онъ и виновникъ мудрости, и изобрѣтатель всего того, чѣмъ мы обязаны мудрости. Ничто отъ Него не скрыто—ни прошедшее, ни настоящее, ни будущее: Онъ—источникъ всего.

2. Но если, говорить еретикъ (вѣдь и среди пшеницы появляются 645 плевелъ),—если Онъ источникъ мудрости и, конечно, знанія, то какъ о томъ послѣднемъ днѣ, когда совершится воскресеніе мертвыхъ и прішествіе Спасителя, Онъ говорить, что о немъ *никтоже вѣсть, ни*

амели, ни Сынъ, токмо Отецъ (Мѣ. ххiv, 86)? Какой же это источникъ мудрости, если будущее отъ него сокрыто? Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты не извращалъ смысла рѣчи и не вдавался въ извѣтія словесъ, но вникъ въ прямой смыслъ того, что сказано. Зачѣмъ говоришь: если Онъ источникъ и сокровищница мудрости, то какъ Ему не извѣстно? Я знаю, что это изреченіе заключаетъ въ себѣ весьма глубокую мысль, но постараюсь раскрыть его вкратцѣ. Нужно вѣдь сообразоваться не съ силой слова, но съ способностью слушателей. Апостолъ говоритъ о Христѣ: мы руководствуемся въ познаніе тайны Бога и Отца и Христа, въ немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна (Кол. п, 2, 8). Если все въ Немъ, то какъ можетъ что-нибудь отъ Него утаиться? Но скажутъ, что же означаетъ тогда отвѣтъ Спасителя, что о дни же томъ никтоже вѣсть, ни Сынъ, токмо Отецъ? Но спросимъ еретика: что больше — день тотъ или Отецъ? Тотъ, кто знаетъ Отца, можетъ ли не знать того дня? Никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ (Мѣ. xi, 27). Итакъ, Отца Онъ знаетъ, источникъ мудрости — у него, а послѣдняго дня не знаетъ? Но можетъ быть, говорятъ, Отца Онъ знаетъ, а того, что въ Отцѣ, не знаетъ? Но если въ Отцѣ есть что-нибудь такое, что неизвѣстно Сыну, то и въ Сынѣ, въ свою очередь, было бы что-нибудь сокрытое отъ Отца? Откуда это видно? Это прямой выводъ изъ словъ самого Спасителя: *якоже знаетъ Мѣ Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. x, 15). А по отношенію къ людямъ Онъ выразился просто: *Азъ знаю моя, и знаютъ Мѣ моя* (Іоан. x, 14). Тутъ нѣтъ равенства познанія: гдѣ неравна природа, тамъ неравно и познаніе. Человѣкъ можетъ знать Бога, но не то, что въ Богѣ; мы всѣ знаемъ Отца, но не такъ, какъ знаетъ Его Сынъ. *Да знаютъ Тебе единую истинную Бога* (Іоан. хvii, 3). Всѣ мы и знаемъ, но не такъ, какъ Онъ. Иное дѣло — плоду знать корень, иное — корню знать плодъ, и со всѣмъ иное понятіе получаютъ о плодѣ тѣ, кто его употребляютъ. Въ вышеприведенныхъ словахъ Спасителя указывается между тѣмъ именно полное и совершенное равенство взаимнаго познанія Отца и Сына: *якоже знаетъ Мѣ Отецъ, и Азъ знаю Отца*. Значить, если въ Сынѣ есть что-нибудь скрытое отъ Отца, тогда и въ Отцѣ можно допустить что-нибудь скрытое отъ Сына. Неужели и тутъ не устыдился ты, еретикъ, и будешь настаивать на томъ, что Сынъ не знаетъ? Въ такомъ случаѣ Святого Духа, Котораго ты отрицаешь, самъ же ты выкупаешь надъ Сыномъ въ отношеніи познанія. Вѣдь вотъ что говоритъ Павелъ о Святомъ Духѣ: *Духъ Святый вся испытуетъ, и глубины Божіи* (1 Кор. п, 10). Духъ Святый знаетъ глубины, а Сынъ не знаетъ дня? Но если знаетъ, тогда почему Онъ сказалъ: не знаю? И выводы разума и свидѣтельства Писанія подтверждаютъ, что Онъ есть источникъ вѣдѣній и мудрости. Ради чего же отказывается Онъ отъ того, чѣмъ владѣетъ, и о познаніи, которому самъ служитъ источникомъ, заявляетъ,

что его не имѣть? Вѣдь Онъ сказалъ, что того дня никто не знаетъ. Должно, братіе, обратить вниманіе на то, въ какомъ смыслѣ употребилъ Спаситель эти слова, и изслѣдовать: что именно хотѣлъ Онъ сказать, о чемъ, кому и когда? Недостаточно взять слово, какъ оно есть, и объяснять въ такомъ его видѣ: нужно значеніе его сообразовать съ намѣреніемъ говорящаго. Не все, что говорилъ Спаситель, соответствовало Его достоинству, но иное объясняется нашей слабостью. Иначе говорилъ Онъ съ вѣрующими, иначе съ невѣрующими. Я помню, что эту мысль Я уже проводилъ въ бесѣдѣ съ вами, но ничто не мѣшаетъ воспользоваться ею и теперь и пойти той же дорогой въ раскрытіи истиннаго смысла занимающаго насъ изреченія. Къ іудеямъ обращены были эти слова Спасителя,—къ іудеямъ, столь далеко отстоявшимъ отъ высоты богопознанія, сколько земля отстоитъ отъ неба. по слову Божию. *якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ, и помысленія ваша отъ мысли Моєю* (Ис. lv, 9). Итакъ, Онъ имѣлъ дѣло съ невѣрующими, и такъ какъ они считали Его за какого-то противника Богѣ, ратующаго противъ божественной мудрости и закона Моисеева, то Онъ повсюду собственное достоинство оставляетъ въ тѣни, а все приписываетъ Отцу, чтобы показать іудеямъ, что они не Ему противятся, но возстаютъ на самого Бога. И вотъ, обращаясь къ іудеямъ, Онъ считался съ ихъ предубѣжденіями и приспособлялъ Свои слова къ ихъ пониманію,—не въ томъ смыслѣ, чтобы божественное слово измѣнялось въ соответствии нашимъ нравамъ, но въ томъ, что Онъ какъ врачъ выбиралъ лѣкарства соответствующія болѣзни. А вѣдь іудеи доходили до того, что отрицали не только Его божество, но и Его человѣчество. Подумай только, какъ далеки были они отъ мысли, что Онъ—Сынъ Божій, если и за человѣка-то настоящаго они не хотѣли Его считать! Они именно говорили: *бгса имать* (Іоан. x, 20), и Сына Божія считали бѣсиующимся. И вотъ, съ одной стороны, іудеи были враждебно настроены противъ Него, а съ другой—Его собственные ученики, какъ люди, любопытствовали о будущемъ: вѣдь людямъ всегда доставляетъ удовольствіе гадать о будущемъ и къ нему стремиться. Наблюдается это и въ обыкновенной жизни: если кому-нибудь случится однимъ днемъ раньше узнать то, что на слѣдующій же день будетъ извѣстно всѣмъ людямъ, то Онъ радуется, какъ будто сдѣлалъ какое-нибудь важное открытіе и какъ будто превзошелъ всѣхъ въ познаніи. Итакъ, люди съ удовольствіемъ занимаются гаданіемъ о будущемъ. И Спаситель, конечно, видѣлъ, какъ разгоралась въ апостолахъ эта страсть и до какой степени сдѣдало ихъ любопытство о будущемъ, и потому рѣшительно отказывается отъ того, что имѣлъ, чтобы показать это праздное любопытство. Когда *устроивши царствіе Израилево* (Дѣян. i, 6)? спрашиваютъ Его апостолы. А Онъ, обуздывая человѣческое легкомысліе, желающее проникнуть въ будущее и суетловить о

божественноу, отвѣчать: *нѣсть вамъ разумити времена и лета* (Дѣян. 1, 7); познаніе этого—не по силамъ человѣку. Не допытывайся о будущемъ заранѣ въ подробностяхъ, но просто ожидай и вѣрь въ грядущее; самого себя приготовь къ будущему пришествію Судіи; не заботься здѣсь не о томъ, чтобы узнать, когда этотъ день наступитъ, но о томъ, что онъ тебѣ готовитъ. Въ отвѣтъ на подобные вопросы, свойственныя праздному любопытству: когда наступитъ этотъ день? когда будетъ воскресеніе?—пророкъ съ негодованіемъ отвѣчалъ: *умъ ваше желаети зѣдати днѣ Господни! Вскую вамъ сей день Господень* (Ам. v, 18). Т. е.: зачѣмъ вы стремитесь видѣть этотъ день Господень? *День Господень горекъ и жестокъ учинися; силею день тмава, день той, день скорби и нужды* (Соф. 1, 14, 15). Возбуждаетъ въ нихъ страхъ, чтобы обуздать ихъ слабость. Такъ какъ они стремились знать будущее, выходящее за предѣлы доступнаго человѣку познанія, то Спаситель и отвѣчалъ имъ: *нѣсть вамъ разумити времена и лета*. Но чтобы не подумали, что дѣлаетъ то изъ зависти, Онъ и самого Себя причисляетъ къ незнающимъ, чтобы тѣмъ до нѣкоторой степени смягчить человѣческое вѣдѣніе. И ангелы, говоритъ Онъ, не знаютъ. А что выше ангеловъ? И Сынъ не знаетъ. А выше Сына? Когда слышишь о Сынѣ, обращай вниманіе на то, въ какомъ смыслѣ употреблено это названіе, потому что Онъ называется Сыномъ и по божеству, и по человечеству. А убѣдиться въ томъ, что Писаніе называетъ Спасителя Сыномъ и въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь объ Его плоти, и объ Его домостроительствѣ, ты можешь, если вспомнишь, что сказано въ другомъ мѣстѣ: *и кровь Іисуса Сына Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. 1, 7). Кровь,—значитъ не божество, а человечество; значитъ, и Сыномъ называется здѣсь Его человечество. Когда мы говоримъ: Сынъ Божій пострадалъ, мы имѣемъ въ виду и то, что подвергалось въ немъ страданіямъ, и то, что оставалось безстрастнымъ. А когда скажемъ такъ: Сынъ Божій едиnorodный былъ распятъ на крестѣ, мы должны раздѣлять безстрастное отъ испытывавшаго страданія. Вѣдь и у насъ, людей, это очень распространено, что касающееся вообще личности человѣка понимается нами въ томъ или другомъ частномъ смыслѣ. Если мы скажемъ, что такой-то умеръ, то мы, конечно, представляемъ себѣ, что именно мѣртвотѣло его, конечно,—и что безсмертно—душа; и хотя, очевидно, понятіе о смерти неприменимо къ человѣку въ полномъ смыслѣ слова, мы выражаемся, однако, что умираетъ человѣкъ. Мы не чувствуемъ необходимости въ оговоркѣ, что умерло, собственно говоря, только его тѣло. Въ рѣчи мы употребляемъ названіе смерти безъ строгаго разбора, точнѣйшее опредѣленіе его смысла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляемъ нашей мысли. Такъ и Спаситель, говоря о святыхъ, слѣдуетъ этому общему словоупотребленію: *предатьъ вы на сомнѣніи и предъ владыки и цари ведени будете Мене ради* (Мѣ. x, 17, 18) и бу-

дуть убивать васъ. Здѣсь Онъ говоритъ о смерти вообще, но въ Своемъ 647
ученіи опредѣляетъ это понятіе точнѣе: *не убойтеся, говоритъ Онъ, отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить* (ст. 28). Такъ поступаетъ Спаситель и въ другихъ случаяхъ. Такъ именно выразился Онъ и въ томъ случаѣ, когда сказалъ, что *о дни же томъ никтоже отъстѣ*, ни даже Сынъ, обладающій всевѣдѣніемъ: по человѣчеству и Я не знаю,—вотъ какъ нужно понимать эти Его слова. Конечно, не можетъ не знать послѣдняго дня Сынъ, въ Которомъ сокрыты всѣ сокровища мудрости и разумѣнія; не можетъ не знать чего-нибудь Тотъ, кто знаетъ Отца въ той же мѣрѣ, какъ Отецъ знаетъ Его. Вотъ, значитъ, гдѣ разрѣшеніе вопроса,—въ томъ, что названіе Сынъ относится и къ Его божественному достоинству, и къ принятому Имъ на Себя служенію. Въ этомъ случаѣ, конечно, Онъ, вѣдущій все по силѣ божества, по человѣчеству оказывается незнающимъ.

3. Вотъ Его собственныя слова: *аще: Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое истинно* (Іоан. v, 31). Но самому же Ему принадлежатъ и эти слова: *аще Азъ свидѣтельствую о Себѣ, истинно есть свидѣтельство Мое* (Іоан. viii, 14). Что-нибудь одно: если истинно, то какъ можетъ быть не истиннымъ? Если неистинно, то какъ назвать истиннымъ? Въ словахъ—полное противорѣчіе, но мысли согласуются. Иисусъ вошелъ въ храмъ и училъ,—вошелъ въ храмъ Создатель храма, Владыка служенія; Онъ училъ въ храмѣ, чтобы исполнилось пророчество, гласившее: *и внезапно придетъ въ церковь Свою Господь, Еюже вы ищите, и Ангелъ запыта, Еюже вы хотите* (Мал. iii, 1). И Господомъ называетъ Его, и ангеломъ. О, тайна божественная! О, славное пророческое тайноводство! *Внезапу придетъ въ церковь Свою*, т. е. въ храмъ Божій. Храмъ называется своимъ для Него, чтобы не подумали, что владычество Отца—одно, а царство Сына—другое. Храмъ Отца, который воздвигъ Богу Соломонъ, этотъ самый храмъ пророкъ называетъ храмомъ Спасителя: *внезапу придетъ въ храмъ Свой Господь*. Храмъ Отца есть и храмъ Сына; храмъ Сына—храмъ Отца. Поэтому и самъ Спаситель, когда изгонялъ іудеевъ изъ храма бычомъ, сдѣланнымъ Имъ изъ веревокъ, говорилъ: *возмите сія отсюда, и не творите дому Отца Моего домомъ купленаю* (Іоан. ii, 16). А въ другой разъ самъ же сказалъ: *возьмите это отсюда: домъ Мой—домъ молитвы* наречется (Лк. xix, 46). Домъ Отца Моего—и домъ Мой. Или, напр., евангелистъ говоритъ: *во свои придетъ и свои Его не приима* (Іоан. i, 11). Сказано это объ іудеяхъ; такъ какъ Онъ просвѣтилъ ихъ закономъ и руководилъ чрезъ пророковъ, то они и были своими для Спасителя. А когда мать искала Его и спрашивала: *чадо, что сотвори нама тако* (Лук. ii, 48), зачѣмъ заставляешь насъ искать Тебя?—Онъ отвѣтилъ: *не отъстѣ ли, яко отъ тѣхъ, аже Отца Моего, достойно быти Ми* (49)? Итакъ, вошелъ Онъ въ храмъ и сталъ учить, и исполнилось другое

пророчество: *Азъ есмь самъ младолай* (Ис. лп, 6). Онъ училъ, и это не служило къ униженію Его достоинства, потому что училъ Онъ по чело-вѣколюбію. Когда слышишь, что Онъ училъ, не представляй Его себѣ однимъ изъ обыкновенныхъ учителей. А если это слово—училъ—соблазняетъ тебя, то значить ты не знаешь Его достоинства и не удивляешься Его ученію, хотя и слышалъ, конечно, эти слова: *благословенъ еси, Господи, ниучи мя оправданіемъ Твоимъ* (Пс. сѣш, 12). *Взиде Іисуса во храмъ*. Нигдѣ не найдешь ты Его нисходящимъ. Восходилъ Онъ отъ Іерихона въ Іерусалимъ, восходилъ на гору. Гдѣ Богъ, тамъ и восхожденіе. *Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его у Тебе, Господи: восхожденія твоя въ сердце его* (Пс. лхххш, 6). Гдѣ добродѣтель, тамъ восхожденіе; гдѣ порокъ, тамъ нисхожденіе: *избави мя отъ нисходящихъ въ ровъ* (Пс. ххix, 4). *Дивляхуся Іудее, многомоще: како Сей книжи отъстъ не учивси?* Самый способъ выраженія—*Сей*—обнаруживаетъ ихъ злобу, желаніе унижить Его, выказать Ему презрѣніе. *Како Сей?* Ты говоришь, іудей, съ цѣлю унижить: *како Сей?* А я принимаю твои слова въ смыслъ прославленія. Можно сказать въ униженіе: *сей*, но можно сказать и со славой: *Сей*. Ты говоришь: *како Сей отъстъ?* А я вмѣстѣ съ Моисеемъ отвѣчаю: *Сей мой Богъ, и прославаю Его* (Ис. ххv, 2)! Обличаетъ невѣріе іудеевъ, разоблачаетъ непослушаніе народа, показываетъ Себя источникомъ мудрости и всякаго вѣдѣнія и говоритъ: *Мое ученіе нѣсть Мое, но пославшаю Мя Отца* (Іон. vii, 16), всюду показывая, что они противятся имъ же исповѣдуемому Богу, не принимая Того, Кто является для нихъ камнемъ преткновенія. Такъ какъ 648 Богу они вѣрили, а Іисуса съ сомнѣніемъ отвергали, то Онъ умалчиваетъ о собственномъ достоинствѣ и противопоставляетъ имъ авторитетъ Отца, показывая, что кто борется противъ Христа, тотъ возстаетъ и противъ Бога. Ты считаешь это притворствомъ съ Его стороны и пустыми словами, а не доказательствомъ? Но самыя дѣла тебя опровергаютъ. По твоему—о, іудей—разсужденію, унижающему Христа и умаляющему Его дѣла, Онъ—не отъ Бога, разрушаетъ законъ и побораешь противъ благочестія во имя Своего нечестиваго ученія; а ты самъ побораешь по законѣ, отстаиваешь божественное ученіе и защищаешь Бога? По твоему собственному сознанию, ты мнишься службу приносить Богу, отталкивая славу Христову и охраняя царство закона. Посмотримъ же, что говоритъ самое дѣло,—куда склоняется судъ Божій—въ вашу или въ нашу пользу? Ты утверждаешь, что защищаешь Бога и борешься съ Его противникомъ, разрушающимъ ученіе Божіе. Посмотри же, какъ относится Богъ къ тѣмъ, кто выдаетъ себя за защитниковъ закона, и къ послѣдователямъ челоуѣка, попирающаго законъ. Я буду говорить о событіяхъ, всѣмъ извѣстныхъ. Если какой-нибудь городъ приметъ самозванца вмѣсто царя, онъ подвергаетъ себя опасности, хотя бы и не поддерживалъ его притязаній: разъ самозванецъ

имъ принять, онъ долженъ разделить съ нимъ и жару, угрожающую самозванцу. А если какой-нибудь городъ закроетъ предъ самозванцемъ свои ворота, онъ считается достойнымъ удивленія и приобретаетъ благоволеніе царя за то, что во время опасности остался вѣрнымъ царю, съ твердостью выдержалъ испытаніе и не промѣнялъ законнаго государя на самозванца. Это самое сдѣлалъ ты, іудей, по твоимъ собственнымъ словамъ: ты не принялъ самозванца, — какъ ты нечестиво называешь Христа, — возставшаго противъ закона Моисеева, но отвергъ его, соблюдая неприкосновенность царства Божія; а Церковь открыла врата Спасителю, по твоему мнѣнію — самозванцу, а по ея исповѣданію — Царю славы. Что же, какой судъ произнесла Истина надъ тѣми, которые не приняли Царя? Одинъ городъ Іерусалимъ не принялъ его, и остался ли въ немъ камень на камнѣ? Одинъ этотъ городъ закрылъ свои ворота предъ Царемъ славы и, не принявши — будто бы — самозванца, подвергся разрушенію; а церкви Божія, повсюду принявши спасеніе, цвѣтутъ и ширятся и восходятъ отъ славы въ славу. И даже пока живъ самозванецъ, друзья его, оказавшіе ему поддержку въ опасности, благоденствуютъ, а враги его живутъ подъ страхомъ опасности; но когда самозванецъ умираетъ, положеніе мѣняется: его враги ободряются, а друзьями угрожаетъ опасность. Что же послѣдовало за осужденіемъ Спасителя на смерть и за отшествіемъ Его ко Отцу? Къ какимъ послѣдствіямъ привела Его смерть, какъ ты утверждаешь, или Его воскресеніе, какъ я вѣрую? Если враги царя — или враги этого самозванца, иначе говоря, — благоденствуютъ, Онъ дѣйствительно самозванецъ; если же враги въ стыдѣ и изгнаніи, а друзья на свободѣ и въ славіи, — дѣло говорить само за себя, когда для тебя неубѣдительны слова: вотъ какъ возвысилъ Богъ царство Христово, вотъ какъ разсѣялъ тѣхъ, которые противились Его царству! Могу, конечно, Богъ истребить тѣхъ, которые отвергли Его Сына; могу уничтожить враговъ Царя, ослабившихъ самозванцемъ Царя славы; но не истреблялъ ихъ, а только разсѣялъ. Если бы истребилъ, у нихъ было бы такое оправданіе: когда бы мы остались на землѣ, и мы могли бы увѣровать; когда бы распространилась по землѣ вѣра въ Него, и мы обратились бы къ Нему виѣсть со всей вселенной. Его враги могли бы говорить тогда: мы видѣли около Него, всего на всего двѣнадцать учениковъ и потому не обратили на Него вниманія; а если бы увидѣли, что предъ Нимъ преклоняются цари, тогда мы увѣровали бы въ Него безъ всякихъ отговорокъ. Зачѣмъ Ты посѣпшилъ истребить насъ прежде покаянія и Своимъ наказаніемъ предупредилъ наше исправленіе? Вотъ, чтобы никто не виѣлъ основанія сказать: Распятаго мы знаемъ, а Поклоняемаго не видали, — Онъ и не истреблялъ ихъ, а только разсѣялъ. Объ этомъ просилъ за нихъ еще пророкъ Давидъ: *не убій ихъ, да не когда забуду законъ твой: расточи и силою твоею* (Пс. lxxv, 12). Смотри, вотъ

они у дверей Христа торгують платками и полотенцами. У дверей поставилъ ихъ Господь, чтобы они были свидѣтелями воздаваемого Ему поклоненія; у церковнаго крыльца стоятъ они точно братья Іосифа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ братья Іосифа, видя высокое достоинство своего брата, не рѣшались приблизиться къ нему, какъ къ родному, но боялись его, такъ и эти теперь—посмотри—трепещутъ достоинства Церкви, которымъ облечена она отъ Бога и отъ Владыки и Спасителя всѣхъ; посмотри, какъ они смущены и растеряны при видѣ распятаго въ славу. Сравни страданіе и славу. На крестѣ Онъ провелъ три часа, отъ шестого до девятого; а время славы продолжается во вѣки вѣковъ—безъ конца. Посмотри, какъ уничиженіе миновало точно тѣнь; посмотри, съ какою славою процвѣла истина: отъ шестого часа до девятого—уничиженіе, отъ вѣка и до вѣка—слава, и нѣтъ конца прославленію Христа, безгранична Его слава. Всѣ напрягаютъ свои голоса—пророки, евангелисты, пастыри, учителя, епископы—и не могутъ исчерпать моря Его божества. Море принимаетъ въ себя рѣки и поглощаетъ ихъ, но не поглощается ими; такъ и всѣ восхваляющіе Христа—осѣняются Его славою, но возвыситься до нея не могутъ. Ужасна дерзость богоборцовъ, но велика за то и честь уничиженнаго за дѣло спасенія и прославляемаго по своему божественному достоинству. Подумай: только три мучительныхъ часа нужно было пережить, за то вѣки вѣчные не истощится Его божественная слава. Обрати вниманіе и на мѣсто креста. Не одну ли только пядь земли занимало древо крестное? Да, его основаніе измѣрялось мѣрою ноги. Такова была мѣра уничиженія. Сопоставь же съ нею широту поднебесной,—вѣдь проповѣдь о Христѣ разлилась по ней и буквально затопила ее всю, какъ нѣз морскихъ хлябей. Стояли іудеи у креста и смѣялись надъ Его страстями; а вѣрнѣе сказать—сами были осмѣяны ими: они видѣли распятаго и не догадывались о прославляемомъ. Это и имѣлъ въ виду пророкъ Захарія, когда говорилъ: тогда придетъ Господь Богъ и возвеличится плачевностью во Иерусалимѣ (Зах. хп, 11). И воззрѣтъ на него же пребодоша (ст. 10; Іоан. хіх, 37), т. е., на того, котораго пробили гвоздями. Не сказали: будутъ смотрѣть Того, Кого пригвоздили, но—того, на котораго пригвоздили. Что значить: на котораго? Очевидно, разумѣется крестъ, на которомъ былъ пригвожденъ Спаситель. (Второе славное) пришествіе Спасителя предварено будетъ явленіемъ прославляемаго ангелами царскаго знака,—знамени, какъ обыкновенно говорятъ: явится надъ землею крестъ Его, вѣнчающій солнце, помрачающій луну, какъ говорилъ Спаситель: *тогда явится знаменіе Сына Божія на небесахъ* (Мѣ. хііі, 30). И чтобы исполнилось сказанное Захаріею, Спаситель его собственныя слова примѣнялъ къ тому, что совершилось: *воззрѣтъ на него же пребодоша*. Явится знаменіе Сына Божія на небесахъ; и тогда восплачутся народы: *колымо дому Давидова о себѣ, и жены ихъ о себѣ; колымо дому*

Нааанова о себѣ, и жены ихъ о себѣ (Зах. хп, 12, 18). Почему употребилъ онъ здѣсь не имя колѣна, а имя царства? Почему плачетъ именно Давидово колѣно? Вѣдь оно называлось не Давидовымъ, а Іудинымъ. Такъ какъ Сына Давидова по плоти не признали въ Его божественномъ достоинствѣ Его ближніе по плотскому происхожденію, то прежде всего несчастіе и падаетъ на тѣхъ, которые были ближе всѣхъ по родству, но отчуждились на дѣлѣ. *Колѣно дому Нааанова* (2 Цар. v, 14). Кто такой Нааанъ? Былъ Нааанъ пророкъ, былъ Нааанъ сынъ Давидовъ. Пророкъ Нааанъ обличилъ Давида въ его грѣхѣ, а другой Нааанъ родился отъ него самого. Читай повѣствованіе о сыновьяхъ Давида и найдешь тамъ, что одинъ изъ сыновей Давида назывался Наааномъ. Отъ этого-то Нааана евангелистъ Лука, излагающій родословную Маріи, производитъ Іосифа (Лук. ш, 81). Вотъ какой глубокой смыслъ и вотъ какъ тщательно нужно выискивать. Читай Евангелія,—какъ говорилъ Спаситель: *испытайте Писаній* (Іоан. v, 39). И не сказалъ Онъ просто—читайте, но—*испытайте*, выискивайте,—потому что простое чтеніе не даетъ надлежащаго знанія: большое тщаніе требуется для того, чтобы выискивать въ Писаніи надлежащимъ образомъ.

4. Итакъ, *лежитъ знаменіе Сына Божія на небеси*. Явится въ образѣ древа крестнаго, но будетъ сіять лучами свѣта. Когда явится крестъ, солнце померкнетъ и скроется,—не исчезнетъ, но потонетъ въ сіяніи Его славы; луна помрачится и звѣзды погаснутъ, или лучше сказать—ниспадутъ, какъ написана: *солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего и звѣзды спадутъ съ небесе* (Мк. ххiv, 29), и тогда явится это страшное и славное знаменіе. При видѣ Его іудеи будутъ ругаться, а вѣрные прославлять. Тогда каждый изъ вѣрныхъ въ отдалѣнности бу- 650
детъ отвѣчать невѣрнымъ. Тогда скажетъ намъ Ісаія: *се Богъ нашъ, нѣмѣе уповахомъ и возрадовахомся* (Ис. ххv, 9); тогда явленіе креста обличитъ дерзкое невѣріе и укрѣпитъ Церковь; тогда посрамлены будутъ противники и прославлены послѣдователи; тогда вся тварь поклонится Сыну Божію—и увѣровавшіе, и не увѣровавшіе, но первые съ торжествомъ, вторые со стыдомъ. Такъ, на царскихъ картинахъ изображаются царскіе тѣлохранители во славу и рядомъ съ ними плѣнные варвары, поверженные у ногъ царя; простирается предъ царемъ ницъ варваръ, простирается и подданный, но затѣмъ одинъ смѣло стоитъ предъ царемъ, прославляя своего владыку, а другой, силою повергнутый подъ ноги, преклоняется предъ царемъ, но награды за свое поклоненіе не получаетъ, потому что не по доброй волѣ пришелъ сюда, а по принужденію; и получается, такимъ образомъ, что верхній рядъ кланяется царю, а нижній падаетъ предъ нимъ,—а это двѣ вещи различныя: одно дѣло кланяться, другое дѣло падать предъ кѣмъ-либо. Тоже самое будетъ происходить и въ пришествіе великаго Царя: на картинѣ славы Его явится ликъ вѣрующихъ, торжествуя вмѣстѣ съ ликомъ ангель-

скимъ; съ пѣніемъ и словословіемъ; а тутъ же невѣрующіе будутъ разпростерты у ногъ великаго Царя; тѣ будутъ свободны и смѣлы, а эти связаны и удручены. Для вѣрныхъ не нужны узы, потому что они и безъ того уже привязаны любовью: любовь для нихъ и замѣняетъ узы; а кого не связала любовь, на того наложено оковы принужденіе. И вѣрные смѣло приближаются къ Царю славы, а невѣрные и противники слова истины будутъ привлечены къ Его престолу къ желѣзныхъ оковахъ; тѣ будутъ въ ликѣ поклоняющихся—вверху, а эти въ ликѣ повергнутыхъ—во прахѣ. Именно какъ на картинѣ: сверху изображены поклоняющіеся, а въ нижней части плѣнные, падающіе ницъ; такъ точно и въ царствѣ Христовомъ вѣрные встрѣтятъ Его на облакахъ, а невѣрные будутъ предъ Нимъ повергнуты во прахъ. Такъ и въ псалмѣ поклоняющіеся различаются отъ припадающихъ. *Помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли и поклонятся предъ Нимъ вся отечества языкъ, яко Господне есть царство; и Той обладаетъ языки* (Пс. ххi, 28, 29), говоритъ псалмопѣвецъ, когда рѣчь идетъ о тѣхъ, кто кланяется Богу; а о повергаемыхъ предъ Нимъ прибавилъ: *предъ Нимъ припадутъ вси нисходящии съ земли* (ст. 30). Но почему же ликъ вѣрныхъ оказывается наверху? Потому, очевидно, что вѣрные не будутъ стоять на землѣ, но въ воздухѣ будутъ окружать великаго Судю, какъ Его приближенные. Вѣдь и престолъ Воий не на землѣ утвердится; земля будетъ только подножіемъ ногъ Его; такъ что всѣ подсудимые будутъ внизу, а наверху только Судя и виждѣ съ Нимъ Его друзья. Именно это желая показать,—что вѣрные будутъ стоять не на землѣ, а въ высотѣ,—апостолъ говоритъ: *мы же восхищени будемъ на облацехъ съ срьтєніє Господне на воздустъ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. iv, 17)).

5. Это пришло мнѣ на память по поводу дерзости богоборцовъ, осмѣлившихся сказать о Спасителѣ: *бгса имать* (Іоан. x, 20). Какъ не воскликнуть по этому поводу виждѣ съ Давидомъ: *моль многое множество блаости твоея, Господи* (Пс. ххх, 20)! Какъ Ты сносишь такіа слова изъ устъ раба? Какъ допускаешь землѣ носить его? Какъ не наказываешь возстающихъ противъ Тебя богоборцовъ; не уничтожишь ихъ однимъ мановеніемъ, не истребишь повелѣніемъ, не произнесешь даже противъ нихъ угрозы? Развѣ не о Тебѣ сказано было это пророческое слово: *запрещай морю и иссушай е* (Наум. i, 4)? Такое богоборство, такіа хулы! Отвѣчаетъ на это Спаситель: *не придождѣ да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. xii, 47). Потому и Давидъ, призывая Его не для суда во время второго пришествія, а для спасенія, говоритъ: *спди на херувимѣхъ явися, воздвигни силу Твою и приди во еже спасти насъ* (Пс. lxxix, 2. 3),—спасти, а не судить. Первое Его пришествіе было для спасенія, а второе—для суда. Если хочешь, найдешь въ Немъ Спасителя, а не хочешь—узнаешь въ Немъ Судю. Поспѣши и постарайся

спискать дружбу Царя. Воспользуемся урокомъ житейской мудрости. 651 Не приходилось ли тебѣ наблюдать, какъ радуются и торжествуютъ люди, когда кто-нибудь изъ ихъ друзей возвышается и получаетъ власть въ свои руки? Не радуется ли всякій, когда его знакомый занимаетъ высокій постъ, и не рассчитываетъ ли уже пользоваться плодами дружбы? Но люди часто обманываютъ такіе расчеты, нарушаютъ дружбу и, достигнувъ власти, пренебрегаютъ прежними друзьями. А Христосъ не скрываетъ истины: будь Его другомъ—и ты всегда останешься таковымъ. Нерѣдко вѣдь, братіе, случается, что высокое званіе надмеваетъ людей, измѣняетъ образъ ихъ мыслей, портитъ отношенія и—можно сказать—прямо перерождаетъ человѣка. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Саулъ. Богъ, зная, что онъ, сдѣлавшись царемъ, измѣнится, прямо говоритъ ему: Я помазалъ тебя, и тебя будутъ просить (царствовать надъ народомъ), и вручать тебѣ власть, и ты сдѣлаешься царемъ. *И сѣда приидутьъ вся сія на тя, обратишися въ мужа иного* (1 Цар. х, 1, 7, 6), т. е. подъ вліяніемъ власти ты измѣнишься. Конечно, не всѣ люди измѣняются: вѣрный останется такимъ, какимъ онъ былъ, и только пустой человѣкъ обнаруживаетъ въ подобныхъ случаяхъ свой истинный характеръ. Поэтому вѣрному и дается такое наставленіе: если поставятъ тебя начальникомъ, будь какъ одинъ изъ подчиненныхъ. Тѣмъ не менѣе дружба земная, человѣческая, ненадежна; иногда она выдерживаетъ испытаніе, иногда обманывается тѣхъ, кто возлагалъ на нее надежды. А дружба Христа неизмѣнна и непоколебима: и въ полномъ блескѣ Своей славы Онъ не отвергнетъ тебя, поклонявшагося Ему на землѣ, но какъ сегодня Онъ принимаетъ твою дружбу, такъ и тогда засвидѣтельствуетъ о ней словами: *приидитъ, благословеніи Отца Моего* (Мѡ. ххv, 34)! Здѣсь нерѣдко случается, что человѣкъ, получившій отъ кого-нибудь благодѣяніе и затѣмъ возвысившійся, забываетъ о томъ, кому онъ обязанъ; а если и не забываетъ, то старается скрыть прежнее благодѣяніе, потому что не желаетъ унизиться предъ благодѣтелемъ; дружбѣ остается вѣрнымъ, а о благодѣяннѣ умалчиваетъ. Не такъ поступаетъ Спаситель: Онъ и дружбу сохраняетъ, и благодѣяннѣ не скрываетъ. *Взмахнѣа бо и дасте Ми ясти*, — говоритъ Онъ (Мѡ. ххv, 35, и д.). Вотъ съ какимъ блескомъ проявляется дружба со Спасителемъ; вотъ какъ оправдывается сдѣланное Ему благодѣяніе: Онъ не отрицается прежней дружбы съ тобой, прославляетъ твою любовь, исповѣдуетъ расположеніе, увѣнчиваетъ твое усердіе. Постараемся же имѣть Его своимъ другомъ, а не Судьей. Конечно, Онъ—Судія, и Судія нелицепріятный; но ты заблаговременно постарайся приобрѣсти Его расположеніе, сдѣлать Его своимъ другомъ, а не Судьей. Ты знаешь, конечно, что мірскіе начальники съ близкими людьми бесѣдуютъ иначе, чѣмъ съ посторонними? Прибѣгни и ты къ посредничеству; побесѣдуй предвари- тельно съ мучениками, попроси апостоловъ: умоляю васъ, расположите

ко мнѣ Судію; пусть окажетъ Онъ мнѣ милость на судѣ, когда будетъ изслѣдовать мои дѣла; убѣдите Его: вѣдь васъ Онъ послушаетъ. Я знаю, что васъ Онъ уважаетъ; самъ я не имѣю доступа къ Царю, а вы пользуетесь Его расположеніемъ. Но апостолы и мученики отвѣтятъ тебѣ на это: развѣ ты не знаешь нашего Бога? Онъ, хотя и милуетъ даромъ, но желаетъ и отъ насъ получить что-нибудь. Дай бѣднымъ, и Онъ самъ ихъ устами будетъ благодарить тебя; дай въ руки бѣдныхъ—и получишь воздаяніе; дай Христу: Онъ беретъ не изъ жадности, но по человѣколюбію, для помощи бѣднымъ. Затѣмъ, Богъ получаетъ твои деньги не самъ непосредственно, а чрезъ посредство бѣдныхъ, и беретъ ихъ не торгуя правдою, но покаяніемъ исправляя наши грѣхи. Въ самомъ дѣлѣ, Онъ беретъ отъ тебя деньги не съ тѣмъ, чтобы продать тебѣ правду и другого осудить несправедливо, но чтобы тебя подаяніемъ освободить отъ тяготящаго на тебѣ обвиненія, какъ говорилъ Даніилъ: *грѣхи твои милостынями искупи и неправды твои щедротами убоишь* (Дан. iv, 24). Принеси деньги твои за душу твою: вѣдь выкупъ за чело-вѣка—его собственное богатство. Это говорю я, возвеличивая достоинство Христа и Владыки нашего, Котораго принимаетъ вся вселенная, Котораго нынѣ удостоена Церковь, и только одна синагога лишена, потому что она разсѣяна. Пустой звукъ—это имя (синагога); вѣришь сказать—отсѣченіе, потому что она невѣріемъ отсѣкается отъ Христа. Такъ называетъ синагогу и Павелъ, говоря: *блудитесь отъ стеченія* (Фил. ш, 2). А мы, конечно—обрѣзаніе. Тѣ, которые называли Спасителя бласиующимся, отсѣкаются отъ славы, а исповѣдавшіе Его царемъ облачаются славой. Еще предложу вамъ одинъ примѣръ изъ древней исторіи и окончу бесѣду. Былъ нѣкогда праведный мужъ—Гедеонъ, засвидѣтельствованный въ Писаніи, котораго и Павелъ поименовалъ въ числѣ праведныхъ мужей, сказавъ: *о Гедеонѣ, Сампсонѣ и Иефоемѣ* (Евр. xi, 32). Онъ, въ своей жизни украшавшійся всѣми добродѣтелями, во время войны оказавшійся въ крайней нуждѣ, собралъ колосьевъ и выколачивалъ ихъ въ каменъ-то корытѣ, чтобы приготовить себѣ пищи для подкрѣпленія. Вдругъ явился ему ангелъ и сказалъ: *крѣпись и мужайся, Господь съ тобою* (Суд. vi, 11, 12)! Голодъ не ослабляетъ вѣдь добродѣтели, напротивъ, подъ давленіемъ бѣдствій она приобрѣтаетъ больше блеска. *Господь съ тобою!* Миръ тебѣ! И говоритъ ему Гедеонъ: *еще есть Господь съ нами, ескую обрѣтоша мы вса злая сія* (ст. 13)? Говоритъ это не въ видѣ ропота на Бога, но считая себя недостойнымъ того, чтобы былъ съ нимъ Богъ. Если бы, говоритъ, мы были достойны Бога, тогда не постигли бы насъ такіа бѣдствія. Иногда невѣрные, т. е. на словахъ выдающіе себя за вѣрныхъ, но въ душѣ настроенные въ противную сторону, говорятъ: гдѣ Богъ христіанъ? Почему не слышитъ Онъ монаховъ? Какъ Онъ допускаетъ войны? Отчего не отвращаетъ смятенія? Не то хотѣлъ сказать Гедеонъ, но: еслибы Господь былъ съ нами, то какъ постигли бы насъ

такія бѣдствія? Конечно, Его нѣтъ съ нами: вѣдь мы его недостойны. Отвѣчаетъ ангелъ: Господь съ тобою; въ твои руки даруетъ Богъ побѣду; начинай войну. На это Гедеонъ говоритъ: я увѣрюсь, что Господь со мною, если дашь мнѣ знаменіе истинное. Вотъ, говоритъ, я положу овечій мѣхъ, и если падетъ роса на этотъ мѣхъ, а вся земля останется сухою, тогда я буду знать, что Богъ со мною. Такого знаменія просилъ онъ. Положенъ былъ мѣхъ. Ночью—по волѣ Божіей и Его промыслу—пала на мѣхъ роса, а на всей землѣ вокругъ было сухо. Раню утромъ Гедеонъ всталъ мѣхъ и выжалъ его: въ немъ оказалась цѣлая мѣра воды. Тогда опять говоритъ Гедеонъ: я увѣрюсь, что Господь со мною, если Онъ исполнитъ мое желаніе и дастъ знаменіе. Я положу этотъ мѣхъ, и если на всей землѣ будетъ роса, а этотъ мѣхъ останется сухимъ, тогда я получу полную увѣренность, что Господь со мною. Мало тебѣ было одного знаменія, ты просишь еще новаго? Развѣ ты не читалъ: *не искушай Господа Бога твоего* (Второз. vi, 16)? Не двухъ знаменій, говоритъ онъ, я прошу: я прошу одного; оба эти знаменія составляютъ одно. При этомъ онъ выразился такъ: если дастъ мнѣ Господь *истинное* знаменіе, т. е., совершаніе будущей истины. Затѣмъ вторично положилъ мѣхъ: и пала роса на всю землю, а мѣхъ не былъ смоченъ. Послѣ этого опыта онъ смѣло началъ войну и одолѣлъ противниковъ. Что означаетъ это таинственное явленіе съ орошеніемъ? Мѣхъ этотъ является прообразомъ пришествія Спасителя—перваго и второго. Первое касалось одного Іерусалима и прошло незамѣченнымъ для всей земли. Конечно, какъ мѣхъ ничто въ сравненіи со всей землею, такъ и Іерусалимъ ничто въ сравненіи со всѣми народами—жалкая величина. Вотъ почему Спаситель и говорилъ: *я посланъ только къ овцамъ погибшимъ дому Израилево* (Мѣ. xv, 24), только къ одному народу. А вслѣдъ затѣмъ благодать Господня распространилась и синагога и народъ тотъ должны были отвергнуться ея, тогда какъ вся земля ее приняла, что и было прообразовано вторымъ явленіемъ: сначала вѣдь мѣхъ былъ орошенъ, земля же суха, а потомъ земля оказалась влажною, мѣхъ же остался сухимъ. Такъ нѣкогда народъ еврейскій какъ бы впиталъ въ себя все благочестіе и не подѣлился имъ съ другими народами, а затѣмъ, когда всѣ народы воспользовались благодѣяніемъ спасенія, Израиль остался чуждымъ его, сухимъ. Но чтобы сказанное мною не показалось измышленіемъ человѣческимъ, необходимо подтвердить это объясненіе пророческимъ свидѣтельствомъ. Пророчествуя о Спасителѣ, Давидъ говорилъ такъ: *Божіе, судъ твой царице даждь и правду твою сыну царицу; судити будетъ людямъ твоимъ въ правду и нищимъ твоимъ въ судъ* (Пс. lxxi, 1). И немного ниже продолжаетъ: прежде солнца *пребудетъ* имя его и *прежде луны рода родовъ* (ст. 5). Затѣмъ указывая на пришествіе Его, говоритъ: *сидеть яко дождь на руно и яко капля, каплющая на землю* (ст. 6); и тотчасъ прибавляетъ: *и обладастъ отъ моря до моря и отъ*

тѣхъ до конецъ вселенныя (ст. 8). Да дасть же Господь намъ быть увлажненными вмѣстѣ со всей землею и приносить плоды, молитвами и предстательствомъ отца нашего и наставника, который можетъ запечатлѣть и наше настоящее слово и вашу любовь, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ Аминь.

О хананеянкѣ (Мѡ. хv), и о фараонѣ, и на слова: ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога (Римл. ix, 16).

663

1. Хотя вчерашній шумъ и огорчилъ насъ, за то обрадовало ваше общее усердіе. Я не обращаю вниманія на этотъ случайный безпорядокъ, но цѣню расположеніе слушателей. Смятеніе это я склоненъ считать обычнымъ явленіемъ рыночнаго происхожденія, а ваше усердіе отличается возвышеннымъ характеромъ, какъ бы внушено вамъ свыше. Это похоже на то, что—*ручь, ручь Исавоотъ, а гласъ, гласъ Іакобъ* (Быт. хvii, 22). Шумъ-то, конечно, былъ адѣсь неумѣстенъ, но ревность ваша весьма почтенна. И конечно, во всякомъ случаѣ не должно смущаться крикомъ усердствующихъ, а нужно обращать вниманіе на то, съ какими усердіемъ слушаютъ. Вѣдь и хананеянка кричала Спасителю, а Онъ не обращалъ вниманія на ея усиленные крики и оцѣнилъ только ея душевную настойчивость. Итакъ, она зывала, какъ вы сейчасъ только что слышали, слѣдуя по стопамъ Спасителя: *симе Давидовъ, помилуй мя* (Мѡ. хv, 22)! О, вѣра язычницы! О, неблагодарность іудеевъ! Хананеянка, чуждая народу израильскому, не наученная закону, не вѣдавшая пророковъ, проповѣдуетъ истину, восклицая: *симе Давидовъ, помилуй мя!* А воспитанные на законѣ, наслушавшіеся пророковъ, въ явное отрицаніе истины утверждаютъ ложь: не знаемъ, кто Онъ такой,—самарянинъ, должно быть, и *бѣса имать*. О, вѣра язычницы! О, неблагодарность израильтянъ! Посмотри, какъ Богъ и Владыка всяческихъ дорожитъ Своимъ народомъ. *Нѣсть добро*, говоритъ Онъ, *отъяти хлѣба чадомъ и повреди нсомъ* (Мѡ. хv, 26). Язычниковъ называетъ нсами, а израильтянъ—сынами. Но какая совершается затѣмъ перестановка: почитаемые отвѣчаютъ безчестіемъ, а отвергаемые воздаютъ поклоненіе; именуемые сынами не принимаютъ благодѣянія, а хананеянка, названная собакой, не отстаётъ отъ Благодѣтеля. Конечно, Спаситель и собакой называлъ ее не съ тѣмъ, чтобы обидѣть, но чтобы обнаружить ея усердіе и тѣмъ показать, что язычники и оскорбляемые не отстаютъ отъ Благодѣтеля, а Израиль и благодѣтельствуемый отрекся отъ Спасителя. *Симе Давидовъ, помилуй мя!* Онъ,

слышащій все и всѣхъ, молчитъ, не отвергая просьбы, но ожидая дальнѣйшаго проявленія вѣры. Хананейка — по происхожденію, и дочь Авраама — по вѣрѣ. *Сине Давидовъ, помилуй мя!* Онъ, преклоняющійся къ молениямъ душевнымъ, прежде чѣмъ они появятся на устахъ, молчитъ и удерживается; даже апостоламъ показалось, что Онъ слишкомъ жестокъ, оставляя безъ вниманія такіе вопли, и они стали просить Его: *отпусти ю, яко вопіетъ въ смѣхъ насъ* (ст. 23). Неужели ты, Петръ, или ты, Андрей, или Филиппъ, неужели вы человеколюбивѣе Спасителя, и васъ тронули ея просьбы, а Онъ остается безчувственнымъ къ ея мольбамъ? Но вы судите по вѣншности, а Я цѣню расположение души; Я удерживаю и замедляю благодать, чтобы вѣра ея проявилась съ большимъ блескомъ. *Нѣмъ посланъ, только къ овцамъ похищеннымъ дому Израилева.* Значитъ, Ты — пастырь израильянъ, а не Владыка всей земли, и Пастырь, и Управитель, и Промыслитель? Нѣтъ, не сказалъ Онъ: Я не пастырь для остальныхъ, но: Я не на то посланъ. Однако, и эти слова содержали истину только прикровенно, направляясь все къ той же цѣли — обнаруженію вѣры жены. Вѣдь если Ты не посланъ ко всѣмъ, то какъ посылаешь апостоловъ въ концы вселенной, говоря: *идите, научите вся языки, крестяще* (Мф. ххviii, 19)? 654 Если не посланъ къ другимъ овцамъ, а только къ этимъ — дома Израилева, — то какъ говорилъ апостоламъ: *и имъ овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, тѣмъ Ми подобаетъ привести, да будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. х, 16)? Ясно, что Спаситель, говоря: *нѣмъ посланъ*, не имѣлъ въ виду высказать истину въ полномъ объемѣ, — Онъ хотѣлъ только испытать душу ищущей Его помощи. Отказывается помочь ей, но она не уходитъ; отвергаетъ ея просьбу, но не можетъ отвергнуть ея поклоненія. Поистинѣ, образомъ Церкви является эта хананейка; такъ и Церковь не отрицается Христа, какимъ бы опасностямъ ни подвергалась; тысячи невзгодъ переживаетъ, но не перестаетъ устремлять очи въ пристань вѣры; безчисленными еретическими тревоженіями обуреваемая, но въ основаніи вѣры своей не колеблется. Сравни теперь — какова вѣра Церкви и какова неблагодарность иудеевъ. Иудеи, манной питаются, ропщутъ, а Церковь, постясь, приноситъ благодареніе Владыкѣ; тѣ, будучи почитаемы, платятъ неблагодарностью; а христіане, будучи преслѣдуемы, благодарятъ. Какого слугу выбралъ бы ты, если бы былъ господиномъ? Котораго изъ двухъ пожелалъ бы ты имѣть — того ли, который на благодаренія отвѣчаетъ неблагодарностью, или того, который благодаритъ за наказанія? Конечно, этой именно Церкви образомъ служить хананейка, отталкиваемая, но не оставляющая Владыку. Кланяется Ему и говоритъ: *Господи, помози ми!* Сначала она сказала: *Сине Давидовъ, помилуй мя!* а потомъ, подумавъ, что это наименованіе не вполне соответствуетъ Его достоинству, оставляетъ его и замѣняетъ другимъ, болѣе высокимъ. Не называетъ уже

Его Сыномъ Давидовымъ, но Господомъ, умолая: *Господи, помози ми* (ст. 25)! Однако и на это она не получаетъ отвѣта. Но тутъ уже вступаются апостолы и просятъ за нее, потому что она *востигла въ слезы* насъ. Богъ продолжаетъ испытывать вѣру ея и говорить ей: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадамъ и пощещи псомъ* (ст. 26). Дѣтми называетъ израильтянъ, не столько къ чести ихъ, сколько въ обличеніе ихъ неблагодарности. Вѣдь Тотъ, Кто сейчасъ называетъ израильтянъ дѣтми, есть Сынъ сказавшаго: *сыны родихъ и возмисихъ, тѣмъ же отвергущася Мене* (Ис. 1, 2). Называется хананеянка собакой—и съ благодарностью сноситъ обиду. Впрочемъ, я думаю и вѣрю, что въ этомъ обидномъ прозвищѣ сказывается отчасти и чувство благоволенія, если понимать его въ смыслѣ указанія на вѣрность, преданность этого животного. Собака, что ни перетерпитъ, хозяйскаго дома не оставитъ; при видѣ хозяина—она спокойна, проходятъ рабы—она молчитъ, а когда видятъ чужихъ—поднимаетъ тревогу, лаетъ и не хочетъ успокоиться, не признавая никого изъ постороннихъ. Иудеи, сколько бы хуленій на Бога ни слышали, не трогаются. А христіанинъ, слыша хулы еретиковъ или вообще какую-нибудь ложь на Бога, тотчасъ приходитъ въ возбужденіе, лаетъ, кричитъ на противниковъ. Не терпитъ христіанинъ видѣть вражеское лицо, но какъ собака стережетъ хозяйскій дворъ. Чуждые вѣрѣ философы сами усвоили себѣ названіе собакъ, цѣня нравъ этого животного, и не стыдились такого наименованія, обращая вниманіе лишь на природныя качества. А что и Богъ одобряетъ тѣхъ, кто лаетъ въ защиту благочестія, и негодуетъ на тѣхъ, кто молчитъ и не лаетъ въ пользу истины, это видно изъ сказаннаго объ израильтянахъ, что они—*еси пси нѣмѣи, не могуции лалти* (Ис. lvi, 10). Псомъ называется душа, преданная Владыкѣ и лающая за Владыку, и такое 656 наименованіе ее не унижаетъ. Когда собака вѣбъсится, вѣрнымъ признакомъ ея бѣшенства является то, что она огрызается на своего господина: въ здоровомъ состояніи собака этого никогда не сдѣлаетъ. И безуміе іудеевъ ничѣмъ другимъ не обличается въ такой степени, какъ тѣмъ, что они лаютъ на Спасителя: Бога, въ Которомъ они должны были признать своего Владыку, они отвергли какъ чужого. Въ этомъ и заключается ихъ вина. *Обидоша ми пси мнози*, говоритъ псалмопѣвецъ отъ лица Спасителя. Кто эти пси? *Сонмъ лукавыхъ одержаша мя* (Пс. xxi, 17). Обида не отталкиваетъ однако хананеянки, но принимается ею съ благодарностью. *Нѣсть добро отъяти хлѣба чадамъ и пощещи псомъ*. И оскорбленіемъ пользуясь, чтобы только расположить къ челоуѣколюбію, она говоритъ ей: *Господи: ибо и пси ядѣтъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (ст. 27). Ты не хочешь пожалѣть меня какъ одну изъ твоихъ дѣтей, такъ окажи мнѣ состраданіе какъ собакѣ: я согласна быть для Тебя и собакой. Твоя обида для меня лучше всякой чести, выше всякой славы. Тогда, наконецъ,

Спаситель, чтобы показать, что Онъ не имѣлъ намѣренія нанести ей обиду, и въ виду обнаруженія ея вѣры говорить ей: *о, жено, велия твоя твоя: буди тебѣ якоже хочешь* (ст. 28)! Я не знаю, какъ восхвалять эту вѣру, которую Спаситель назвалъ великою. Какую въ самомъ дѣлѣ могу я придумать похвалу выше той, что изрекъ Спаситель? Ею и ограничимся, не будемъ портить ее нашими похвалами, не будемъ мѣнять великое на малое: вѣдъ человѣческая похвала унижаетъ дѣло, а слова Божіи удостовѣряютъ его достоинство. Ихже *похвала не отъ челоуѣкъ, но отъ Бога* (Римл. II, 29), говорятъ апостолъ. А почему вообще бѣснующіеся, взывая къ Спасителю о помощи, называли Его сыномъ Давидовымъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя?* Развѣ родство съ Давидомъ давало какую-нибудь власть надъ нечистыми духами? Почему и прозорливецъ восклицалъ: *Сыне Давидовъ, помилуй мя*, и хананеянка, прося о своей бѣсноватой дочери, умоляла: *Сыне Давидовъ, помилуй мя?* Въ исторіи рассказывается, что Давидъ игрой на гусляхъ отгонялъ отъ Саула нечистаго духа. А такъ какъ Давидъ отгонялъ нечистыхъ духовъ силою музыки,—силою, конечно, не человѣческой, а божественной, и по вдохновенію отъ Святого Духа, то это и послужило поводомъ къ упоминанію о Давидѣ при подобныхъ обращеніяхъ къ Спасителю: *Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Впрочемъ, конечно, нельзя было ограничиться тѣмъ, что этими словами выражалось: они были хороши, какъ начало, руководясь которымъ можно было возвыситься и до наименованія, соотвѣтствующаго Его достоинству. *Исплъ дщи ея отъ того часа* (ст. 28). По слову Божію дѣвица исцѣлѣла: слово Спасителя изгоняетъ нечистыхъ духовъ, низвергаетъ всякую нечистую силу.

2. Вотъ что могли мы сказать объ этой евангельской благодати,—конечно, не столько, сколько должно было сказать, но сколько было намъ по силамъ. А такъ какъ мы не въ состояніи были сказать всего, что слѣдовало бы, то воспользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исполнить одно изъ своихъ прежнихъ обѣщаній. Пора ужъ и мнѣ исполнить это обѣщаніе,—чтобы постоянное откладываніе со дня на день не охладило окончательно ревности слушателей,—да и вамъ пора уплатить мнѣ долгъ слушанія. О фараонѣ начата была у насъ рѣчь,—о томъ, какъ ожесточилъ Богъ сердце фараона, и о томъ, что сказано было по этому поводу: *егоже хочетъ милуетъ, и егоже хочетъ ожесточаетъ. Речешъ убо ми: чесо ради еще укоряетъ? Воли бо Ело кто противитися можетъ* (Римл. IX, 18, 19)? Когда мы имѣемъ дѣло съ божественными Писаніями, не должно спѣшить изъяснять ихъ, едва услышимъ, чтобы не было стѣсненія мысли, но предварительно увѣрившись въ благодатиномъ содѣйствіи свыше, тогда уже только слѣдуетъ приступать къ спокойному и неторопливому разсмотрѣнію въ должномъ порядкѣ. Однимъ словомъ, вотъ какъ я имѣю въ виду начать рѣчь о занимающемъ насъ изреченіи. Находится оно въ посланіи къ римля-

намъ. Пишетъ апостолъ Павелъ римлянамъ и предлагаетъ имъ много различныхъ наставленій, въ особенности же желаетъ исправить и устранить, то, изъ-за чего произошло среди нихъ большое смущеніе и нестроеніе. Въ чемъ было дѣло, послушай. Въ Римѣ много было увѣровавшихъ во Христа изъ іудеевъ, но и изъ язычниковъ многіе увѣровали. И вотъ между тѣми и другими возникли пренія и несогласія—не изъ-за ревности по вѣрѣ, но изъ-за спора о первенствѣ. Христіане изъ язычниковъ стояли за то, чтобы имъ считаться первыми, но іудеи имъ не уступали и желали сохранить первенство за собою. Христіане-евреи ссылались на свое отеческое благородство и говорили христіанамъ изъ язычниковъ: мы васъ выше; наша вѣра древнѣе; наши и патриархи, нашъ Авраамъ, нашъ Исаакъ, нашъ Іаковъ, наши всѣ патриархи, всѣ пророки; за насъ древность и благородство происхожденія, а вы только что приобщились къ этой благодати. А христіане изъ язычниковъ имъ возражали: невозможно первенствовать тѣмъ, которые отреклись отъ Христа; немыслимо удержать за собою первенство тѣмъ, которые воедвигли крестъ и вооружились на Бога; вы теперь отвержены, а призваны всѣ народы; мы воспользовались дарованнымъ людямъ спасеніемъ, а вы имъ пренебрегли. Апостолъ, усмотрѣвъ, что эти споры производятъ въ Римѣ большое смущеніе, и что безпорядокъ все возрастаетъ, и опасаясь, что зло, умножившееся въ столицѣ, можетъ легко разлиться по всей вселенной, съ корнемъ вырываетъ эту склонность къ спорамъ, чтобы предупредить ея распространеніе по всей землѣ; онъ становится между противниками,—становится не какъ судья, но какъ миротворецъ, зная, что благочестіе устранить всякій споръ. Кто хочетъ прекратить раздоръ и распрю, тотъ не останавливаетъ одной какой-нибудь стороны, чтобы не дать перевѣса другой, но удерживаетъ и ту и другую одновременно, потому что такъ легче привести ихъ къ соглашенію; такъ и божественный апостолъ становится между спорящими и удерживаетъ горячность какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Осуждаетъ же онъ прежде всего ту сторону, которая дѣйствовала съ большимъ безстыдствомъ, т. е. іудеевъ. Всѣ вѣдь они безстыдные псы, не могущіе лаять (Ис. lvi. 10). Безстыдно это племя,—безстыдно не по природѣ, а по праву, потому что безстыдство коренится не въ неволости происхожденія, а въ характерѣ. Итакъ, обвиняетъ эту сторону, или лучше сказать—ихъ первыхъ вразумляетъ, какъ болѣе безстыдныхъ,—ихъ, которыхъ Исаія находилъ столь безстыдными, что сказалъ о домѣ Израилевѣ: *жили желѣзна былъ твой и лице твое медью* (Ис. xlviii, 4); ему же Іеремія говорилъ: *лице жены блудницы бысть тебѣ, Израиль, не хотѣла еси постыдиться ко есмь* (Іер. ш, 3). Итакъ, осуждаетъ божественный апостолъ прежде всего сторону безстыдную, т. е. іудеевъ, и такъ какъ они ссылались на древность своего происхожденія—отъ Авраама, Исаака и Іакова, то онъ и показываетъ

имъ, что цѣнится не происхожденіе, но нравъ. Начиная свою рѣчь объ этомъ, онъ говоритъ: *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль* (Римл. ix, 6). Ты, указывая на происхожденіе, не обращаешь вниманія на нравы: *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль* есть,—это прямо противъ іудеевъ,—*ни зане суть стѣмя Авраамле, вси чада*, потому что написано: *во Исаацѣ наречется ти стѣмя* (ст. 7). Если благочестіе отавить въ зависимость отъ происхожденія, то ничто не препятствуетъ Измаилу предпочитать Исааку, потому что онъ былъ сынъ Авраама и притомъ сынъ старшій. Итакъ, *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль суть, ни зане суть стѣмя Авраамле, вси чада, но во Исаацѣ наречется ти стѣмя*. И въ объясненіе прибавляетъ, что *не чада плотская* счисляются по вѣрѣ, *но чада обитованія, сіи чада Божія* (ст. 8). Но такъ какъ онъ ожидаетъ, что іудей возстанетъ противъ этихъ словъ и—въ довершеніе своего безстыдства по отношенію къ божественной проповѣди скажетъ, что Измаилъ отвергнуть потому, что онъ былъ сыномъ рабыни, а Исааку оказано предпочтеніе въ силу его происхожденія отъ свободной, то онъ оставляетъ наконецъ примѣръ Измаила и продолжаетъ: *и не точію Исаакъ (предпочтенъ былъ Измаилу), но и Ревекка отъ единого ложа Исаака отца нашего имущи, еще бо не рождшимся имъ, ни сотворившимъ, что благо или зло, да по избранію предложеніе Божіе пребудетъ, не отъ дѣлъ, но отъ призывающаго речеся ей: яко болій поработаетъ меньшему* (ст. 10—12). Такъ какъ тамъ ты объясняешь отверженіе Измаила низкимъ его происхожденіемъ, то вотъ смотри: отъ одного корня два побѣга и какъ они различны! Тотъ, о которомъ можно было сомнѣваться, принять, а тотъ, который былъ внѣ сомнѣнія, не принять. А чтобы ты убѣдился, что природа не унижаетъ того, кого не унижаетъ душевное расположеніе, и было сказано, что *болій поработаетъ меньшему, якоже есть писано: Иакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (ст. 18). Здѣсь Павелъ опирается на слово Божіе, потому что вотъ что сказано Богомъ чрезъ пророка: *не братъ ли бы Исааъ Иакову? И возлюбихъ Иакова, Исава же возненавидѣхъ* (Мал. i, 2). Такъ какъ ты ссылаешься, говорить, на происхожденіе, то вотъ—что пользы было Исаву отъ его происхожденія? Если благородство предковъ служить къ чести человѣка, то объясни, какую услугу оказало Исаву благородство его отца? Развѣ онъ не былъ потомкомъ Авраама? Развѣ онъ не былъ сыномъ Исаака и даже отъ одной и той же матери, и притомъ свободной? Развѣ его происхожденіе помогло ему получить то, чего линалъ его его нравъ? И тотчасъ прибавляетъ: *что убо речемъ: еда неправда у Бога? Да* 657 *не будетъ!* Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, вопросъ исторически, апостолъ вооружается затѣмъ противъ тѣхъ возраженій, какиъ по этому поводу предъявляются. Такъ какъ многіе, послѣ того какъ извѣстный вопросъ разрѣшенъ, злоупотребляютъ сдѣланными отсюда

выводами, то апостолъ не ограничивается тѣмъ, что въ его время было предметомъ спора, но предусматриваетъ и тѣ возраженія, которыя впоследствии имѣли возникнуть со стороны ли манихеевъ, или со стороны другихъ какихъ еретиковъ. или со стороны язычниковъ по поводу этихъ его словъ, и заблаговременно приготовляетъ стрѣлы, которыя пригодятся тебѣ въ случаѣ войны. Вѣдь Богъ не смотритъ только на настоящее, но еще болѣе вниманія обращаетъ на будущее. Поэтому и слово Божіе называется стрѣлою и мечемъ. Исаія говорилъ: *положи мя яко мечъ остръ и подѣ кровомъ руки своей скри ми; положи мя яко стрѣлу избранну и въ тулу своей скри ми* (Ис. xlix, 2). Почему же мечъ и стрѣла? Мечомъ сражаются съ близъ стоящими, а стрѣла посылается и къ тѣмъ, которые находятся на далекомъ разстояніи. Такъ какъ слово Божіе истребляло и существовавшія уже разногласія, и посѣкало и тѣ раздоры, которые впоследствии имѣли возникнуть, то оно и называется мечомъ, какъ дѣйствующее на близкомъ разстояніи, и стрѣлою, какъ поражающее противниковъ вдали. Но чтобы не нарушать послѣдовательности изложенія, мы сначала покончимъ съ тѣмъ, а потомъ уже перейдемъ и къ этому. Доказавъ іудеямъ, что не должно превозноситься своимъ происхожденіемъ, апостолъ переходитъ затѣмъ къ обратившимся изъ язычниковъ и говорить имъ: *не хвалися предъ корнемъ; ты бо дивія маслины сий* (Римл. xi. 18, 17), отломился отъ дикой по природѣ маслины и прицѣпился къ доброй маслинѣ. Кто прочтетъ внимательно посланіе, найдетъ тамъ подробное разъясненіе вопроса, мы же ограничимся краткими указаніями. Народъ еврейскій называетъ апостолъ доброй маслиной, а христіанъ изъ язычниковъ сравниваетъ съ побѣгами дикой маслины, привившимися къ доброй маслинѣ. Называетъ потомство Авраама доброй маслиной, и тѣмъ самымъ внушаетъ пришельцамъ изъ язычниковъ, приобщившимся сладости Авраама и пророковъ, не превозноситься. Развѣ Израиль, говоритъ. къ тебѣ привился? Развѣ ты привился къ себѣ Израиль? Не Израиль ли принялъ тебя къ себѣ? Апостолы развѣ отъ тебя? Развѣ Спаситель не отъ іудеевъ, а отъ язычниковъ? Конечно, отъ іудеевъ. Такъ почему же не признаешь корни благъ и не считаешь? Развѣ ты не знаешь, что, будучи дичкомъ, ты привился къ доброй маслинѣ? Ты, конечно, скажешь мнѣ: ты заступаешься за противниковъ, но вѣдь они невѣріемъ отломилась отъ корня, а я вѣрою привился. Хорошо. *Не высокоумствуей* однако, *но бойся. Аще бо Богъ естественныхъ отцевъ не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ* (ст. 20, 21). Вотъ апостольская рѣчь! Вотъ апостольская сила! Смотри, какъ посѣкаетъ онъ возникшее препирательство, и тѣмъ заграждая уста, и этихъ дѣлая безотвѣтными. Не превозносишься. *Аще ли хвалишися, не ты корень носимъ, но корень тебе* (ст. 18). Такъ какъ увѣровавшіе изъ язычниковъ хвалились надъ израильтянами, что тѣ отломилась отъ корня невѣріемъ во Христа, а они вмѣсто нихъ

прицѣпились по вѣрѣ въ Него, то апостолъ противъ такой похвалы возражаетъ: *не ты корень носиши, но корень тебе. Речеши убо: отломишися отътея, да азъ прицѣплюся* (ст. 19). Соглашаюсь: твои слова справедливы, объясненіе правильное. Хорошо. *Не высокоумствууй* однако. *Аще Богъ естественныхъ тѣлесей не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ.* Тотъ, на чьей сторонѣ благородство происхожденія, отвергнуть за невѣріе; а тебя, превозносящагося, онъ отвергнетъ за эту твою неблагодарность. Смотри, какъ притязательность уничтожаетъ онъ страхомъ. *Видѣй убо благодѣи и непощадніе Божіе: на отпадшихъ убо непощадніе, а на тебе благодѣи Божіи, аще пребудеши въ благодѣи; аще ли же ни, то и ты отъщечъ будеши* (ст. 22). Видишь, какъ страхомъ онъ пощадаетъ притязательность и побуждаетъ вѣрнаго не къ превозношенію, а къ соревнованію. Какое тебѣ дѣло до чьего бы то ни было происхожденія? Позаботься о своей жизни, постарайся угодить Благодѣтелю, чтобы твои нравы не повредили твоему происхожденію,—вотъ куда направь свою ревность. Затѣмъ обращается къ пришельцамъ изъ язычниковъ. Увѣровавшіе язычники говорили: Павелъ посланъ къ намъ; не для васъ, іудеевъ, онъ проповѣдуетъ, а для язычниковъ. И на это находить Павелъ спасительное лѣкарство благочестія и говорить: *вы хвалитесь мною? Конечно, я—вашъ учитель, а не іудеевъ.* 658 Но твердо помните вотъ что. Я не хочу оставлять васъ, братіе, въ невѣдѣніи, что *понеже есмь азъ языкомъ апостола, службу мою прославляю* (Римл. хі, 18). Какъ это—*прославляю*? Отставая (достоинство христіанъ изъ) язычниковъ, я отставляю свое собственное служеніе, свое апостолство. И съ какою цѣлью? *Аще како раздражу мою плоть и спасу нынѣшнѣе отъ нихъ* (ст. 14). Я восхваляю васъ, чтобы возбудить ревность у тѣхъ. Таковыми-то доводами разсѣваетъ Павелъ возгорѣвшіеся препирательства и восстанавливаетъ истину во всемъ ея блескѣ,—уничтожаетъ притязательность и водворяетъ согласіе. Но возвратимся къ тому, о чемъ рѣчь.

3. *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога? Да не будетъ. Моисеови бо милоуе: помилую, еликоже аще помилую, и ущедрю, еликоже аще ущедрю* (Римл. ix, 14, 15). Эти слова Павелъ говорить не отъ собственного лица: они являются какъ противоположеніе. Павелъ какъ бы олицетворяетъ возраженіе, идущее со стороны противниковъ. *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога (да не будетъ),* когда Онъ говоритъ: *помилую, еликоже аще помилую, и ущедрю, еликоже аще ущедрю?* Въ этомъ возраженіи апостолъ дѣлаетъ однако отъ себя вставку: *да не будетъ.* Еще не вступая въ споръ по существу, онъ тотчасъ же и съ рѣшительностью устраняетъ хулу. Чтобы кто-нибудь, пока не вникнетъ въ мысль, не поспѣшилъ согласиться съ этимъ сужденіемъ о Богѣ, онъ, какъ искусный врачъ, въ самую средину возраженія вставляетъ свое—*да не будетъ,* чтобы отраженіемъ хулы утвердить похуляемую истину. Противникъ

разсуждаетъ такъ: объ Іаковѣ Богъ сказалъ: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ*, и Моисею сказалъ: *помилю, еликоже аще помилю, и ущедрю, еликоже аще ущедрю* (Римл. ix, 13, 15). Если же, кого хочеть, Онъ помилюеть, а кого хочеть, ожесточаетъ, то *чесо ради еще укоряетъ* (ст. 19)? Если Онъ самъ дѣлаеть это и самъ такъ устраиваетъ, то зачѣмъ отъ меня требуетъ отвѣта въ томъ, что самъ устроилъ? Вотъ въ чемъ сила этого возраженія: *Моисею бо глаголетъ: помилю, еликоже аще помилю, и ущедрю, еликоже аще ущедрю*. Къ противоположенію: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ*, какъ бы для построенія умозаключенія, присоединяются слова: *еликоже хочеть, милуетъ, и еликоже хочеть ожесточаетъ* (ст. 18). Дѣлая отсюда выводъ, противникъ говоритъ: итакъ, спасеніе есть дѣло *ни текущаго, ни хотящаго, но милующаго Бога* (ст. 16). Если Онъ кого хочеть, милуетъ, кого хочеть, ожесточаетъ, кого хочеть, любитъ, кого хочеть, ненавидитъ, то чего ты требуешь отъ меня? Напрасно я держусь благочестія, напрасно стремлюсь къ истинѣ! Вѣдь, спасеніе есть дѣло *всецѣло ни текущаго, ни хотящаго, но милующаго Бога*. Все это—отъ лица противника. Но теперь апостолъ не медлитъ уже болѣе съ силою противостать ему, чтобы не дать укрѣпиться противорѣчію, и разсвѣять подозрительность (новообращенныхъ) язычниковъ. Итакъ: *еликоже хочеть милуетъ, и еликоже хочеть ожесточаетъ*. Скажи же мнѣ: *чесо ради еще укоряетъ? Воли бо Ею кто противитися можетъ?* Свой отвѣтъ на это возраженіе Павелъ предваряетъ словами: *ты же убо, человѣче, ты кто еси противъ отъщавъ Богови* (ст. 20)? Это еще не отвѣтъ, но прежде всего негодованіе на дерзающихъ требовать отчета отъ Бога. Конечно, подобнымъ образомъ заградить уста противнику не значило бы разрѣшить вопросъ,—это, скорѣе, усилило бы недоразумѣніе. Если ты запрещаешь говорить мнѣ правду (можетъ сказать онъ), я замолчу, но останусь при своемъ убѣжденіи. Отчего ты обвиняешь, а не убѣждаешь? Но апостолу необходимо было прежде всего обуздать дерзость человѣческаго легкомыслія, столь рѣшительно требующаго у Бога отчета въ Его дѣлахъ; съ этого онъ начинается: *ты же убо, человѣче, ты кто еси противъ отъщавъ Богови?* Возьмемъ примѣръ всѣмъ близкій (вѣдь и въ обыденной жизни можно почерпнуть подтвержденіе своимъ мыслямъ). Если кто-нибудь увидитъ господина, бьющаго своего раба, и приступивъ къ нему, начнемъ говорить: зачѣмъ бьешь?—тотъ съ сознаниемъ своего права отвѣтитъ ему: а тебѣ что? Развѣ я не имѣю власти надъ своимъ слугой? Развѣ онъ не принадлежитъ мнѣ? Не въ моей развѣ онъ власти (говоря такъ въ защиту своей власти, а не въ оправданіе поступка)? Такъ вотъ сначала онъ съ негодованіемъ говоритъ противнику: тебѣ что за дѣло? А когда минуетъ вспышка гнѣва и утихнетъ негодованіе, онъ успокоивается и тогда начинаетъ уже оправдываться предъ обвинителемъ: напрасно думаешь, что я бью безъ толку: ты посмотри, только, какова его дерзость! Такъ

точно поступаетъ апостолъ. Когда противники требовали отъ него отвѣта, что если Богъ *еюже хочетъ, милуетъ, еюже хочетъ, ожесточаетъ*, то за что еще укоряются люди, *воли бо Ею кто противитися можетъ?*—возмущенный этими словами, онъ говоритъ: *тѣмже убо, человекче, ты кто еси противъ отъщай Богови?* Бреніе указываетъ Создателю? Тварь осуждаетъ Творца? Рабъ требуетъ отчета у Господина? Вразумился бы хоть тѣмъ, что и въ обыденной жизни, слуга, защищая свою свободу, когда его влекутъ въ рабство, не дерзаетъ вести свое дѣло самъ, чтобы не стать лицомъ къ лицу съ господиномъ и тѣмъ не нанести ему оскорбленія, но беретъ себѣ защитника со стороны, а ты, будучи смертнымъ человекомъ, съ безсмертнымъ хочешь говорить какъ равный? *Ты кто еси противъ отъщай Богови?* Ты, чья жизнь мимолетна, допрашиваешь вѣчнаго? Смертный—безсмертнаго? Нисходящій въ гробъ—обитающаго на небесахъ? Отъ земли питающійся и въ землю обращающійся, ты требуешь отчета отъ Того, Кто пребываетъ во вѣки? *Тѣмже убо, человекче, ты кто еси противъ отъщай Богови?* Или не имать власти *скудельникъ*, отъ тогоже бренія *сотворити оъ убо сосудъ въ честь, оъ же не въ честь* (ст. 21)? Все это такъ. Возразить на это ничего нельзя,—но вѣдь вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Ты только подтверждаешь, только усиливаешь обвиненіе, заграждая подобнымъ образомъ уста противнику. *Или не имать власти скудельникъ сотворити оъ убо сосудъ въ честь, оъ же не въ честь?* Не значить ли это, что самъ же Онъ дѣлаетъ и безчестныхъ? За что же упрекаешь меня? Для меня нестерпимы эти твои слова; вмѣсто того, чтобы разрѣшить вопросъ, ты еще болѣе запутываешь ими дѣло. Поэтому апостолъ, упрекнувъ за легкомысліе, тотчасъ переходитъ къ исправленію ошибки. Съ негодованіемъ сказалъ онъ: *тѣмже убо, человекче, ты кто еси противъ отъщай Богови? Или не имать власти скудельникъ отъ тогоже бренія сотворити оъ убо сосудъ въ честь, оъ же не въ честь?* Но когда замѣтилъ, что оборотомъ дѣла еще болѣе усиливаетъ возраженіе, тотчасъ прибавляетъ: *аще же хотя Богъ показати имъ и лѣтити силу свою, пренесе во мнозѣ долготерпѣніи* (ст. 22). Нужно обстоятельно вникнуть въ эти слова: истина дается не сразу. Апостолъ показалъ и вразумилъ, что не должно требовать у Бога отчета, пользуясь въ этомъ случаѣ словами Божиими, сказанными чрезъ пророка Исаію. Именно, Богъ говорилъ ветхозавѣтнымъ людямъ: *еда речетъ зданіе создавшему: почто мя сотворилъ еси* (Римл. ix, 20)? *Еда речетъ бреніе скудельнику: что твориши* (Ис. xlv, 9)? Можетъ ли созданіе спрашивать Создателя: какъ ты меня сотворилъ? А вы хотите учить Меня, что Мнѣ дѣлать съ своими созданіями и съ своими дѣтьми! Воспользовавшись этими словами пророка Исаіи, заградивъ ими уста противниковъ, апостолъ исправляетъ затѣмъ допущенную ими ошибку. Покончивъ съ порицаніемъ, Павелъ переходитъ къ разясненіямъ,

чтобы ты убѣдился, братъ, что не въ подкрѣпленіе противниковъ произнесъ онъ эти слова: *ты кто еси противъ отъицаи Божіи*, но въ порывѣ негодованія. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ все приписываетъ Создателю, говоря: *или не имать власти скудельника отъ тогожде брѣня сотворити сосуди, ови въ честь, ови же не въ честь?* Здѣсь онъ говоритъ въ полемическомъ духѣ, не задаваясь цѣлью дать точное изложеніе ученія. А въ другомъ мѣстѣ, желая показать, что сосудомъ чести или сосудомъ безчестія человѣкъ дѣлается не по волѣ Божіей, но въ зависимости отъ собственнаго своего расположенія, отъ того, что беретъ въ немъ верхъ—влеченіе къ добродѣтели или склонность къ пороку, тотъ же апостолъ пишетъ Тимофею: *сія тишу тебѣ, да утѣши, како подобаетъ въ дому Божіи жити* (1 Тим. ш, 14, 15). *Въ величїимъ домѣ не точїю сосуди злати и сребрїни суть, но и древяни, и глиняни* (2 Тим. п, 20). Это пишетъ самъ же Павелъ. Я нарочно не обращаюсь къ какимъ-нибудь другимъ мѣстамъ, чтобы ты не сказалъ: вотъ онъ, не найдя отвѣта у одного апостола, перескакиваетъ къ другимъ Писанїямъ. Тотъ же самый Павелъ, осуждавшій тѣхъ съ негодованїемъ, когда говоритъ спокойно, выражается съ болѣею точностью. Павелъ именно говоритъ: *въ величїимъ домѣ не точїю сосуди злати и сребрїни суть, но и древяни, и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь*. И что прибавляетъ? *Аще убо кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь, освященъ*. Тамъ приписавъ Создателю опредѣленіе сосудовъ *въ честь* или *не въ честь*, здѣсь онъ все поставляетъ въ зависимость отъ воли человѣка. *Аще кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь, освященъ и благодотребенъ* 660 *Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. п, 26). Смотри, одно говоритъ онъ въ порицаніе, другое—съ цѣлью наученія. И какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ господинъ, бывшій своего раба, сначала съ рѣзкостью отвѣтилъ на чужое вмѣшательство, а потомъ самъ же одумался и понялъ справедливость сдѣланнаго ему упрека, такъ точно и апостолъ теперь признаетъ, что не Богъ опредѣляетъ сосуди—одни къ честному употребленію, другіе къ низкому, что Онъ создалъ общую для всѣхъ природу, а уже свободное произволеніе самихъ тварей вносить различіе въ судьбу созданія. Твердо знай, что не по природѣ созданы мы въ сосуди чести или безчестія. Это внушаетъ намъ Писаніе. Въ самомъ дѣлѣ, если я созданъ сосудомъ безчестія, зачѣмъ Писаніе научаетъ меня быть добрымъ? Разъ мнѣ дана та или другая природа, измѣнить ее я не въ состоянїи. Зачѣмъ требуетъ оно отъ меня добра, если я золъ по природѣ? Зачѣмъ добраго старается поддерживать, говоря: *стоящїй да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. х, 12)? Если онъ добръ по природѣ, зачѣмъ утверждать твердаго? И зачѣмъ, какой выводъ изъ словъ: *ни топящую, ни текущую*? Если мое желаніе совершенно не при чемъ, то какой смыслъ въ твоей проповѣди? Если и теченіе не имѣетъ значенія, зачѣмъ ты трудишься? Если мое жела-

ніе—ничто, зачѣмъ самъ Богъ говорилъ: *еще хотите и послушаете Мене, благая земли стѣте* (Ис. i, 19)? Если желаніе человѣческое—ничто, зачѣмъ Христосъ говорилъ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣте* (Мѣ. xxiii, 37)? *Ни хотѣщаго, ни текущаго*. Если текущій не при чемъ, зачѣмъ апостолъ говорилъ Галатамъ: *те-частье добръ; кто вамъ возбрани* (Гал. v, 7)? Если и желающій, и текущій безсильны, зачѣмъ Павелъ говоритъ: *такъ теку, не яко безсѣстно* (1 Кор. ix, 26): *задняя забыван, въ предняя же простираяся, со усердіемъ юню* (1 Фил. iii, 13)? Зачѣмъ трудишься, зачѣмъ бѣжишь? Вѣдь ты же сказалъ: *ни хотѣщаго, ни текущаго*? Но всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются Писаніемъ. Не отъ желанія Исаака (вѣдь онъ хотѣлъ дать благословеніе первенцу), ни отъ трудовъ Исава (охотившагося въ полѣ для отпа своего), но отъ милующаго Бога зависѣло (оказать милость) Іакову. Не желанію Исава, не усердію Исаака обизанъ Іаковъ оказанною ему милостью, но исключительно милующему Богу. Итакъ, *ни хотѣщаго*—объяснено. Но этимъ не устраняются однако всѣ затрудненія: остается еще — *милующаго Бога*, — сохраняетъ свою силу возраженіе, опирающееся на слова: *егоже хочеть милуетъ, а егоже хочеть ожесточаетъ* (Римл. ix, 18). Вникни, братъ, тщательно въ мои слова. Богъ знаетъ все напередъ, именно знаетъ: не самъ опредѣляетъ будущее, но по предвѣднію знаетъ то, что должно быть и будетъ. Иное вѣдѣло—что устрояетъ Онъ Своимъ промысломъ, иное—что предусматриваетъ Онъ относительно нашихъ поступковъ; иное — предопредѣлять, иное — знать по предвѣднію. Если я предусматриваю зло, имѣющее совершиться, — мое предвѣдніе не провозводитъ самаго зла. Объясню примѣромъ. Мнѣ случается нерѣдко наблюдать, что юноша получаетъ послѣ родителей богатое наслѣдство и тотчасъ торопится воспользоваться своею свободою, утопаетъ въ наслажденіяхъ, увлекается зрѣлищами, скачками. О такомъ я тотчасъ же напередъ рѣшаю, что онъ въ короткое время пуститъ на вѣтеръ отцовское богатство и промотаетъ наслѣдство. Но вѣдь, конечно, предвѣдніе мое не предрѣшаетъ будущаго, оно является лишь выводомъ изъ ряда подобныхъ случаевъ; если оно оправдывается на дѣлѣ, такъ это обусловливается отнюдь не волею того, кто предусмотрѣлъ событіе, но исключительно образомъ жизни виновника растраты. А какъ часто наблюдается подобное и въ другихъ дѣлахъ! Идетъ ли путникъ по скользкой дорогѣ, безъ посоха въ рукахъ, мы тотчасъ при видѣ его говоримъ: онъ поскользнется; онъ не знаетъ, что дорога опасна, и непременно упадетъ. Но неужели онъ упадетъ именно потому, что ты предсказалъ это?

4. Я вовсе не хочу сказать, что мое предвѣдніе и божественное—одинаковы. Но по тому, что бываетъ съ нами, ты можешь судить о томъ, что выше насъ. И это не все: возражатели идутъ дальше. Они говорятъ: Богъ самъ подтверждаетъ, что Онъ дѣлаетъ людей добрыми

или злымъ; какъ иначе поймешь ты Его слова Іереміи: *прежде неже Мнѣ создати тя во чревь, познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложесны осятихъ тя* (Іер. 1, 5)? Вѣдь самъ же Онъ говоритъ: *отчуждишися вѣтшиницы отъ ложесны*—прежде рожденія, *зблудиши отъ чрева, млаулаша ложу* (Пс. lvp, 4). Видишь, какъ отъ чрева матери одинъ призывается праведнымъ, а другой злымъ? Не по природѣ ли, значить? Хорошо говорилъ, утверждаютъ они, Спаситель іудеямъ: *зблуждаетесь, не вѣдуце Писанія, ни силы Божіей* (Мѡ. ххп, 29). Но читай, какъ слѣдуетъ, и не извращай написаннаго. *Прежде неже Мнѣ создати тя во чревь познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложесны осятихъ тя*. Не прежде всего *осятихъ тя*, но прежде *познахъ тя*, а потомъ уже *осятихъ тя*. Сначала поставлено здѣсь предвѣдѣніе, а затѣмъ послѣ него—опредѣленіе. *И прежде неже Мнѣ создати тя познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложесны осятихъ тя*.

661 Послѣ того какъ я узналъ тебя, я осятилъ тебя. Такъ и апостолъ говоритъ: *ихже предуведѣ, тыхъ и предустави* (Римл. viii, 29). Не сказалъ прежде: *предустави*, но сначала: *предуведѣ*—и тогда уже: *предустави*. Прошу васъ, содѣйствуйте труждающемуся въ словѣ—своимъ усердіемъ, а не кликами. Богъ—свидѣтель, я не ищу ихъ. Я ищу только общей пользы. А вы порадуите меня своимъ вниманіемъ. Сказанное у пророка: *прежде неже изыти тебѣ отъ ложесны, осятихъ тя*, въ повднѣйшее время повторяется у апостола. Развѣ не говоритъ апостолъ подобно Іереміи: *ихже предуведѣ, и избра насъ прежде сложенія міра* (Римл. viii, 29; Ефес. i, 4)? Іеремію узналъ Богъ во чревѣ матери, а объ апостолахъ предузналъ прежде сложенія міра, и не просто предузналъ только тогда, но и предизбралъ. Итакъ, посмотримъ, вoadѣйствуетъ ли предвѣдѣніе на природу. Если апостолы избраны прежде сложенія міра, и этимъ опредѣлены были къ праведности по природѣ, а не по свободному влеченію къ добродѣтели, то почему были призваны тѣ, которымъ предвѣдѣніе предназначило быть мытарями? Почему Павелъ преслѣдуетъ? Почему блудницы спѣшать въ царство небесное? Вѣдь если о блудницѣ было извѣстно, что она достойна царства небеснаго,—какъ она сдѣлалась блудницей? Если о Павлѣ Богъ зналъ все,—почему предвѣдѣніе не отразилось на его природѣ? Почему тотъ, кто былъ въ числѣ предувѣдѣнныхъ отъ сложенія міра, оказался хульникомъ, гонителемъ и мучителемъ? Видишь, предвѣдѣніе не соадаетъ природы, а только предусматриваетъ расположеніе воли? Если предвѣдѣніе дѣлало апостоломъ, почему Матеей дѣлается мытаремъ? Вѣдь мытаремъ быть тоже самое, что идолопоклонникомъ, какъ видно изъ сдѣланнаго Спасителемъ сопоставленія: *буди тебѣ якоже лзычникъ и мытарь* (Мѡ. хviii, 17). Значить, мытарство онъ поставилъ наравнѣ съ идолопоклонствомъ. Итакъ, если Матеей былъ предувѣдѣнъ, почему не предвѣдѣніе сдѣлало его апостоломъ, но воля расположила къ послуша-

нію? Раавъ была спасена и причтена къ вѣрнымъ. Очевидно, и о ней было предвѣдѣніе Божіе. Зачѣмъ же она сдѣлалась блудницей? Зачѣмъ жемчужина, уже извѣстная своей цѣнностью, брошена была въ грязь? Повсюду видишь ты, что природа безразлична, а дѣйствуетъ свободная воля,—согласная съ божественнымъ предвѣдѣніемъ, но вполне самостоятельная въ своихъ проявленіяхъ. И предвѣдѣніе Божіе оправдывается, и вліяніе человѣка на свою судьбу сказывается осязательно. Слова Павла помогутъ тебѣ разъяснить дѣло. *Ихже предуесть, и предустави, а ихже предустави, тѣхъ и призва. а ихже призва, сихъ и оправда* (Римл. ix, 29, 30). Почему Іуда призванъ, но не оправданъ? *Ихже предуесть, и предустави, тѣхъ и призва.* Значить, быть избраннымъ отъ чрева матери не даетъ еще никакого преимущества пророку, если даже въ избранныхъ отъ вѣка природа не подчиняется предвѣдѣнію, но остается свободной на ряду съ нимъ. Итакъ, можно считать доказаннымъ, что предвѣдѣніе не стѣсняетъ природы,—если, конечно, не найдется охотника спорить во что бы то ни стало, до полного безстыдства предъ истиной. Почему же однако сказаны были фараону извѣстные слова: *яко на истое сіе воздѣюхъ тя, яко да покажу тобою силу Мою и да возвестится имя Мое по всей землѣ* (Римл. ix, 17)? Чтобы показать Свою силу, ты наказываешь человѣка? Чтобы прославить Свое могущество, ты губишь невиннаго? Если онъ виновенъ, упрекай его; а если невиненъ, не обвиняй. Итакъ, что же значить: *да покажу тобою силу Мою*? Я воспользуюсь тутъ однимъ подходящимъ примѣромъ изъ древности, а вы послушайте внимательно. Врачебное искусство съ глубокой древности старалось постигнуть природу человѣка, его внутреннее строеніе и отправления; средствомъ для этого служила анатомія, причемъ вскрытію подвергались—для общей пользы въ смыслѣ лѣченія—живые люди. Но, конечно, было бы крайне несправедливо—для спасенія однихъ приносить въ жертву другихъ—живыхъ людей. Что же дѣлали древніе? Они брали осужденныхъ на смерть за разбой, или за прелюбодѣяніе, или за чародѣйство, и ихъ-то живыми подвергали вскрытію. По отношенію къ такимъ преступникамъ это не было несправедливостью, а между тѣмъ человѣчеству отъ этого была польза. Человѣку, все равно уже осужденному на казнь за преступленія, при жизни вскрывались внутренности для наблюденій за ихъ еще не прекратившимися отправлениями. Вотъ и Богъ, какъ искуснѣйшій Врачъ (вѣдь Врачъ и есть Тотъ, Кто сказалъ: *не придохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе, и не требуютъ здравіи врача, но болящии*—Мѡ. ix, 13, 12), беретъ фараона, уже подлежащаго безчисленнымъ казнямъ за его собственные грѣхи. А дѣйствительно тотъ былъ виновенъ во многихъ преступленіяхъ. Во-первыхъ, съ его стороны было худой говорить: *не съмъ Господа* (Исх. vi, 2); а худа есть начало золь. Во-вторыхъ, Онъ несправедливо притѣснялъ народъ, свободныхъ людей

662 осудивъ на рабство и тяжкія работы. Въ-третьихъ, невинныхъ младенцевъ онъ топилъ въ рѣкѣ. Въ-четвертыхъ, проповѣданнаго ему Господа онъ отвергъ. Въ-пятыхъ, при видѣ чудесъ проявлялъ крайнее безстыдство по отношенію къ благочестію. Иго-то, подлежавшаго тяжелой карѣ, Богъ взялъ и, какъ отличный врачъ, подвергъ разсѣченію чудесами, не наказывая его сразу до смерти. Такъ и врачи, производящіе вскрытіе, не сразу казнятъ человѣка, но постепенно разсѣкаютъ члены, производя между тѣмъ нужныя имъ наблюденія надъ отправлениями органовъ. Наводитъ на него жабъ, вооружаетъ противъ него необычайныя полчища—полчища жабъ, саранчи, чтобы показать всю силу Своего могущества. Не послалъ, ангела съ неба, ни полки херувимовъ, не посылаетъ на противоборствующихъ ему серафимовъ, но, показывая Свое могущество, выставяетъ полчища жабъ. Выступили воинства саранчи, не имѣвшія никакого видимаго предводителя, но руководимыя повелѣніемъ Божиимъ. Жабы изъ рѣки повели войну противъ богоборца, явилась саранча, не одаренная разумомъ, но послушная божественной волѣ. За ними послѣдовали песьи мухи. И, однимъ словомъ, много различныхъ чудесъ, новыхъ и неслыханныхъ, творить противъ него Богъ, казними разсѣкая его душу и пытая его, разнообразными казнями преслѣдуя разнообразныя проявленія его нечестія. А что именно съ этою цѣлью—показать на немъ Свою силу—Богъ наказывалъ фараона постепенно, а не вдругъ,—убѣдиться въ этомъ ты можешь изъ словъ Премудрости: *не можаше бо всесильная рука Твоя, яже сотвори міръ, и неизслѣдимая премудрость послати на нихъ множество медвѣдей или лютыхъ львовъ, или новосозданныхъ ярости исполненныхъ змѣей незнаемыхъ* (Прем. Сол. xi, 18, 19). Но Богъ дѣлалъ все, показывая Свое долготерпѣніе, поэтому и говоритъ Онъ: *да потыте чадомъ чадъ вашихъ, слико нарушатся египтяномъ* (Исх. x, 2). Итакъ, этого фараона, заслуживающаго своими дѣлами безчисленное множество наказаній, Богъ казнить, и говоритъ ему: *на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою и да возвестится имя Мое по всей землѣ*,—чтобы чрезъ тебя другихъ исправить, чтобы чрезъ тебя другихъ вразумить, чтобы чрезъ тебя другихъ научить. А что, дѣйствительно, казнь фараона оказалась полезною для другихъ, имѣемъ доказательство въ Священномъ Писаніи. Нѣкогда кивотъ Божій былъ въ рукахъ филистимлянъ, и собрались лежпророки и прорицатели и говорили царямъ иноплемениковъ: *отпустимъ кивотъ Боги Израилевы отъ насъ, руку Ею сильную* (1 Цар. v, 7, 8). Не знаете развѣ, что сотворилъ Господь египтянамъ? Зачѣмъ намъ ожесточать сердца свои, какъ ожесточилъ свое фараонъ (vi, 6)? О, благомысліе язычниковъ! Пусть эти слова иноплемениковъ пристыдятъ любителей противорѣчить! Не сказали иноплеменики: не будемъ ожесточать сердца своихъ, какъ ожесточилъ Богъ сердце фараона. Самому фараону они приписали безчувственность: зачѣмъ намъ оже-

сточать свои сердца, какъ ожесточилъ свое фараонъ? Развѣ не отпустили египтяне народъ Израильскій, когда Богъ поругался имъ? Будемъ же теперь просить Бога о милости. И опять въ другомъ случаѣ, во время войны, при видѣ ковчега, филистимляне восклицали: *горе намъ, это Богъ крѣпкій, поразившій Египетъ! Горе намъ, изми ны, Господи! Мы и безъ опыта знаемъ, какъ вразумилъ Онъ фараона* (1 Цар. iv, 7, 8). Вотъ что говорили иноплеменики—филистимляне. И другая иноплеменица—Раавъ, нѣкогда блудница, а нынѣ цѣломудренная,—эта достойная женщина говоритъ согладаямъ: *мы знаемъ, что сдѣлалъ Господь египтянамъ, и слышахомъ, и ужасохомся сердцемъ нашимъ, и не ста ктому духъ въ насъ, яко Богъ вашъ великъ: Онъ—на небеси юртъ, и на земли долу* (Ис. Н. п, 10, 11). Видишь, не ложно говорить Богъ: *въ истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою и да извѣстится имя Мое по всей землѣ?* Заключение апостольскаго наставленія да послужить заключеніемъ и нашихъ словъ. Говоритъ Павелъ: *аще хотя Богъ показати имѣя Свой, и явити силу Свою, пренесе гнѣвъ свой на сосуды имѣва во мнозѣ долготерпѣніи* (ст. 22). Не сказалъ просто: навелъ гнѣвъ, но: на достойнаго гнѣва. Что именно говорить? *Пренесе во мнозѣ долготерпѣніи гнѣвъ на сосуды имѣва.* Вамъ извѣстны, конечно, прекрасныя наставленія апостола: *прочее, братіе моя, возможайте во Господѣ, укрѣпляйтесь, совершайтесь (хатартѣеѡѡ)* (Ефес. vi, 10; 2 Кор. xш, 11). Если мы совершенны по природѣ, что намъ еще усовершеняться? Вѣдъ «усовершеняться», конечно, значитъ: дѣлать самихъ себя лучшими по нраву. Возьми въ свидѣтели самую природу. Природа производитъ шерсть, женщины ее усовершеняютъ. Извѣстно, что усовершеніемъ (хатартѡѡѡ) называютъ самую ткань, въ обработанномъ видѣ. 668 Итакъ, значитъ: природа производитъ шерсть, искусство же обрабатываетъ это произведеніе природы; такъ Богъ, сотворивъ природу, предоставилъ ее въ распоряженіе волѣ человека. Для насъ природа является шерстью и въ твоихъ уже рукахъ обратитъ ее въ сосудъ чести или въ сосудъ безчестія. Ты—красильщикъ: тебѣ дана природа—шерсть, дана воля, какъ бы какая краска. Хочешь окрасить шерсть въ царскую багряницу? Тогда ты будешь сыномъ царя. Или ты окрасилъ ее темными дѣлами? Тогда ты будешь сыномъ тмы и ночи, не потому, что это произвела въ тебѣ природа, но потому, что воля твоя дѣйствовала въ различныхъ направленіяхъ. Принужденія, необходимости какой-либо для тебя тутъ нѣтъ, какъ бы ни оспаривали это люди, склонные къ спорливости. При помощи Божіей, сколько было въ нашихъ силахъ, мы дали отвѣтъ на вопросъ. Постарайтесь удержать его въ своей памяти. И если кто-нибудь нападетъ на тебя, такъ ему противостоянь, чтобы ниваложить его его собственнымъ оружіемъ. И въ домѣ у тебя есть сосуды, и ты не пользуешься ими безразлично, но знаешь, въ какомъ сосудѣ содержится вино, въ какомъ уксусъ; такъ и Богъ знаетъ, какая

душа пригодна для помилованія, какая достойна наказанія, не потому, что она такъ именно создана, но потому, что къ этому она приготовила себя своими привычками. Поэтому, брать, сосудами называются и наказываемые, сосудами же и получающіе милость (*аще же хотя Богъ показати гнѣвъ Свой и жити силу Свою, пренесе во мнозѣ домотерпѣннѣи гнѣвъ на сосуды гнѣва совершенны въ погибель, да покажетъ богатство милости Своея на сосудахъ милости*); и того сдѣлалъ Онъ сосудомъ гнѣва, на кого излить гнѣвъ, и того сдѣлалъ сосудомъ милости, на кого излить человеколюбіе,—чтобы показать, что каждый самъ призываетъ на себя гнѣвъ и милость. Но можетъ быть кто ухватится за эту мысль, вѣрнѣе за это слово: *сосуды гнѣва совершенны въ погибель*? Итакъ, скажетъ онъ, не по заслугамъ, а самъ Онъ совершилъ. Но должно имѣть въ виду, что усовершенствованіе есть дѣло воли, а не природы. Подтверждается же это тѣмъ, что усовершеншаться—значитъ—по волѣ совершать достойное наказанія или милости. Можетъ быть, и теперь ты скажешь: всетаки я еще не убѣжденъ, что Писанія гласятъ такъ? Но вопросъ въ томъ, чтобы ты былъ излѣченъ. Вѣдь тотъ, кто лѣчится у врача, не допытывается о природѣ лѣкарствъ, но заботится о томъ, какъ ему излѣчиться. Если противникъ спроситъ тебя: какъ ты узналъ? Какъ научился?—отвѣтъ: какъ я узналъ, я знаю, а какъ объяснить, не знаю. Я вѣдь не лѣчилъ самъ, но излѣченъ,—чтобы имѣть душу твердую. Если онъ будетъ еще противорѣчить тебѣ, ты скажи: такъ какъ не я былъ врачомъ, и въ тайну врачеванія не посвященъ, то иди къ самымъ врачамъ, и они объяснятъ тебѣ дѣйствіе лѣкарствъ. А намъ, исцѣляемымъ, да дастъ Господь воздавать славу единому мудрому Врачу—Богу. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова апостола: не еже хочу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣловаю (Римл. vii, 15); и о томъ, какъ Іаковъ былъ прообразомъ Христа; а въ началѣ слова — противъ любителей театральныхъ зрѣлищъ.

668 1. Хвалю вашу любовь, удивляюсь вашему усердію и принимаю это прекрасное состязаніе. Мѣсто смятенія, рождающаго шумъ, теперь заступило сокрушеніе, сплетающее вѣнецъ правды. Я ублажаю вашу любовь, по внушенію которой вы всѣ усиліи употребили, чтобы удержаться въ этой божественной твердынѣ. Но чѣмъ болѣе удивляюсь я этой вашей ревности, тѣмъ сильнѣе отвращаюсь я отъ вашего влеченія

къ суетнымъ удовольствіямъ. Вчера это наше священное собраніе подверглось ограбленію и конское ристалище увлекло къ себѣ народъ съ этого блаженного и божественнаго состязанія. Надивиться не могъ я тому, съ какою охотою поприще божественнаго слова промѣняли вы на конскія скачки. Тамъ вы могли посмотрѣть бѣгъ лошадей, а вѣдь здѣсь колесница Божія въ неисчетное число разъ превосходитѣ (Пс. lхvii, 18) и на ней тысячи ликующихъ; тамъ могли вы видѣть состязаніе, погоню и споръ, здѣсь любовь, ревность и усердіе. Тысячи колесницъ ниспровергаетъ одна колесница. Одна колесница у Бога, а колесницъ нечестія много. Но та совершаетъ бѣгъ благочестія, а эти божественной колесницей низвергаются. *Сии*, говоритъ псалмопѣвецъ, *на колесницахъ и сии на конехъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ; тии спяты быша и падоша, мы же востанемъ и исправимся* (Пс. xix, 8, 9). Колесница эта не коней побѣждаетъ и не людей попираетъ, но низлагаетъ демоновъ и во прахъ сокрушаетъ насильство діавола. Не четырьмя конями запрягается колесница Божія, но ее влечетъ безчисленное множество душъ. *Колесница Божія*, говоритъ псалмопѣвецъ, *тмами темъ, тысяща побужающихъ* (Пс. lхvii, 18). Конями Божиими служатъ святые души,—души апостоловъ, обтекшія всю землю и несущія спасеніе всему міру. Апостольская ѣзда—спасеніе вселенной. Объ этомъ предсказывалъ 664 пророкъ: *навелъ еси на море кони твои, смущающыя воды мнози* (Авв. iii, 15). Проповѣдь апостоловъ смутила весь языческій міръ; царя смущены, властители огорчены: нестерпимъ для нихъ бѣгъ апостольской благодати. Поэтому возмущенные проповѣдью апостоловъ и говорили: *иже развратиша вселенную, сии и здѣ придоша* (Дѣян. xvii, 6). Вотъ колесница Божія, вотъ кони, взнузданные благочестіемъ. Не противься же слову истины, не подражай прыжкамъ неразумныхъ, отталкивая отъ себя божественный законъ, чтобы и тебя не остановилъ божественный голосъ: *что Мя юниши? Жестко ти есть противу рожну прати* (Дѣян. ix, 4, 5). Обуздаемъ себя благочестіемъ обратимъ свои взоры къ цѣломудренному зрѣлищу; будемъ смотрѣть возникшихъ благочестія—пророковъ и апостоловъ. Пророки—возникшіе истины, руководители добраго бѣга. Таковъ былъ Ілія, къ которому Елисей взывалъ: *отче, отче, возникій Израилевъ и конь ево* (4 Цар. ii, 12)! Всему должно предпочитать благочестіе. Не отставай отъ ученія, какъ только слышишь ты божественное слово; а что слышишь помимо его—для того будь наравнѣ съ безсловесными. Не только душой, но и очами твоими пусть управляетъ любовь къ Богу; пусть не дwoятся твои взоры между безстыдными зрѣлищами и святою ревностью. Приучи глазъ твой не видѣть ничего кромѣ небесныхъ красоть, такъ чтобы ты могъ говорить: *къ Тебѣ возведухъ очи мои, живущему на небеси* (Пс. cxii, 1)! Слухъ твой приучи не къ шуму, не къ крику, но къ божественному закону, говоря: *приклони въ притчу ухо мое и услышу, что речетъ о*

665

мнѣ Господь Богъ (Пс. xlviii, 5; iv, 9). Не лестью и угодливостью внушены мои слова, но сознаниѣмъ долга: мой долгъ—учить и вразумлять васъ. Угодливость не приноситъ никакой пользы, а вразумленіе весьма полезно. Не плѣняйтесь безпорядочными зрѣлищами, не оскверняйте своихъ мыслей чуждыми пѣснями. Ты можешь обуздывать свои мысли, хотя бы привычка и увлекала тебя въ ту сторону. Ты не рабъ, а свободный, и не насильно берутъ тебя въ плѣнъ и порабощаютъ, но ты самъ по своей волѣ продаешь себя грѣху. Не оправдывайся словами апостола; когда укоръ истины дойдетъ до твоего сердца и обличить его тайны, не вадумай сказать въ отвѣтъ: развѣ я выше Павла, говорящаго: *не ежѣ хочу, сіѣ творю, но ежѣ ненавижду, то содѣлываю?* Не извращай божественныхъ словъ, что тебѣ такъ привычно дѣлать; не клевети на славу апостола, въ угоду своей страсти. Многіе, стараясь прикрыть свои грѣхи, нерѣдко ссылаются на только что приведенныя нами слова апостола. Павель, говорятъ, сосудъ избранія, всегда управляемый Духомъ Святымъ, сказалъ: *не ежѣ хочу, сіѣ творю, но ежѣ ненавижду злое, то содѣлываю. Соуслаждаюся закону Божию по внутреннему челоуѣку: вижду же инъ законъ во утѣхъ моихъ, противу всякому закону ума моего, и плынующъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во утѣхъ моихъ* (Римл. vii, 22, 23). Всякій грѣхолюбецъ непремѣнно хочетъ найти лицо, всѣмъ уважаемое, которое могло бы раздѣлять съ нимъ его грѣхъ; охотно прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ къ апостоламъ, не въ укоръ имъ, но въ оправданіе самимъ себѣ. Сказалъ, говорятъ, Павель: *яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь во плоти моей, доброе* (Римл. vii, 18). Если даже въ Павлѣ не живетъ доброе, то какъ, говорятъ, требовать, чтобы обитало добро во мнѣ? Какъ я могу быть участникомъ добра? Можетъ ли во мнѣ быть добрый корень? Если такой великій мужъ былъ плѣняемъ закономъ грѣховнымъ, какъ онъ самъ заявилъ, что же остается мнѣ, жалкому рабу грѣха? И вотъ, во избѣжаніе двухъ золъ—оклеветанія апостольскаго слова и притушенія въ самихъ себѣ стыда за грѣхъ, намъ необходимо раскрыть заключающуюся въ словахъ апостола мысль во всей ея полнотѣ, вникнуть въ ея развитіе. При всякомъ сомнѣніи относительно пониманія Священнаго Писанія нужно обращаться къ контексту рѣчи, къ общему смыслу даннаго мѣста. Когда извѣстно, къ кому обращена рѣчь, о чемъ и съ какими намѣреніемъ говорится,—тогда не трудно уже бываетъ установить и точное, безошибочное пониманіе даннаго мѣста.

2. Апостолъ (постараюсь говорить кратко и ясно) живописуетъ образъ вообще челоуѣка, какъ онъ былъ созданъ въ началѣ, какъ былъ подъ закономъ и какъ былъ освобожденъ благодатью,—живописуетъ словомъ, какъ бы на картинѣ. Итакъ, чѣмъ былъ Адамъ до заповѣди, и чѣмъ онъ сталъ послѣ заповѣди? Какимъ онъ былъ въ подзаконномъ состояніи, и какая произошла въ немъ перемѣна подъ благодатью? И

какъ если я сегодня скажу: Богъ сотворилъ насъ по образу и подобию своему, но преступивъ заповѣдь мы были изгнаны изъ рая,—не о себѣ самомъ говорю я это, но только отношу къ себѣ то древнее повѣствованіе (вѣдь ни рая я не видалъ, ни изгнанію изъ него не подвергался, а только для живѣйшаго представленія того, что испыталъ нашъ праотецъ и первовиновникъ нашего несчастья, я употребляю такіа выраженія, какъ: я былъ созданъ, я палъ, я изгнанъ изъ рая, я былъ подѣ законамъ, я призванъ вновь),—такъ и Павелъ разсуждаетъ объ Адамѣ, какимъ онъ былъ до заповѣди закона (подразумѣвая законъ, данный въ раю), и говоритъ отъ лица Адама: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда; пришедшей же заповѣди, оживе грѣхъ* (ст. 9). Развѣ Павелъ былъ древнѣе закона? Нѣтъ, онъ процвѣлъ послѣ всѣхъ, воспитанныхъ подѣ закономъ, онъ жилъ послѣ явленія Спасителя. Въ такомъ случаѣ какъ же онъ полагаетъ себя раньше закона, если онъ жилъ послѣ? Вѣдь изъ его словъ выходитъ, что онъ древнѣе закона: *азъ живяхъ кромѣ закона иногда; пришедшій же заповѣди, грѣхъ оживе*? Неужели заповѣдь появилась позже Павла? И если кто подумаетъ, что хотя законъ былъ и до Павла, но самъ онъ жилъ безъ закона, проводя жизнь языческую, и только потомъ уже подчинился закону, то и такое предположеніе не оправдывается исторіей. Павелъ никогда не жилъ внѣ закона: онъ былъ, по его собственнымъ словамъ, *евреинъ отъ еврей, обрѣзанъ осмодневою, отъ роду Израилева* (Фил. ш, 5). Такъ когда же онъ жилъ безъ закона? *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда; но пришедшей заповѣди...* Какой заповѣди? Гласящей: *отъ всякаго древа, еже въ раю, съядю стysi* (Быт. п, 17). *Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ*. Смотри, какъ на вѣсы полагаетъ онъ грѣхъ и праведность: когда соблюдается заповѣдь, грѣхъ умерщвляется; напротивъ когда грѣхъ распространяется, человекъ умираетъ. Словами: *пришедшей заповѣди, грѣхъ оживе* апостолъ показываетъ, что до паденія грѣхъ былъ мертвъ. А подѣ грѣхомъ у апостола разумѣется не грѣхъ въ собственномъ смыслѣ, но діаволъ. Почему же называетъ онъ грѣхомъ діавола? Потому, что тотъ былъ наставникомъ грѣха. Мы неизбѣжно впади бы въ заблужденіе и погрѣшили бы противъ истины, если бы не обратили вниманія на особенность словоупотребленія, свойственнаго Священному Писанію. А Писаніе именно имѣетъ обыкновеніе прилагать къ діаволу наименованіе грѣха. Почему? Потому что онъ наставникъ, виновникъ и посредникъ грѣха. Равнымъ образомъ и Спасителя Господа нашего Іисуса Христа называетъ Писаніе правдой, не какъ дѣло правды, но какъ Учителя правды, почему и говоритъ о Немъ Павелъ: *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, и правди, и осмысленіе, и избавленіе* (1 Кор. і, 30). Итакъ, какъ Христосъ наименованъ правдой, поскольку Онъ былъ источникомъ правды, такъ и діаволъ, бывшій причиной и виновникомъ грѣха, отъ грѣха же и получаетъ

названіє. *Грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ. И обрѣтешя ми заповѣдь, яже въ животѣ, сія въ смертѣ* (ст. 10). Богъ далъ Адаму заповѣдь не для того, чтобы онъ умеръ, но для того, чтобы онъ жилъ. Итакъ, заповѣдь, данная мнѣ для жизни, обратилась нынѣ въ смерть, не потому, что она измѣнилась сама въ себѣ, но потому, что я своимъ преслушаніемъ нарушилъ ея животворность. Должно тщательно вникнуть во всѣ стороны этого вопроса. Необходимо это въ виду того, что врагъ Писанія, не воспитанный въ духѣ благочестія, тотчасъ выступаетъ съ возраженіями. Что же, говоритъ онъ, Богъ не зналъ, что Адаму предстоитъ паденіе? Не предвидѣлъ, что онъ не соблюдетъ заповѣди? Не предвидѣлъ, что онъ будетъ обольщенъ змѣею? Для чего же далъ Онъ заповѣдь тому, кто ее не сохранилъ? Должно знать, что Богъ знаетъ все, и даетъ законы, имѣя въ виду не только того, кто ихъ преступитъ, но и того, кто будетъ ихъ исполнять. Почему же ты относишься къ божественному предвѣдѣнію такъ враждебно и толкуешь его такъ односторонне? Зачѣмъ говоришь только о томъ, будто бы Богъ не предвидѣлъ, что Адамъ согрѣшитъ? Почему обходишь молчаніемъ то, что послѣдовало дальше? Конечно, ты умалчиваешь объ этомъ недобросовѣстно; а я съ вѣрою проповѣдую, что какъ предвидѣлъ Богъ паденіе Адама, такъ точно предвидѣлъ Онъ оправданіе Авеля, преложеніе Еноха, составленіе лика святыхъ; предвидѣлъ Онъ и то, какъ Ной переживетъ всемірный потопъ, какъ процвѣтетъ Авраамъ, корень вѣры, какъ возсіяютъ патріархи, процвѣтутъ пророки, прогремятъ апостолы, и что красота созданія, которую разрушитъ паденіе, возродится въ полномъ блескѣ въ преславномъ домостроительствѣ Спасителя. Предвидѣлъ Онъ дѣянія апостоловъ, предвидѣлъ славу мучениковъ, подвиги исповѣдниковъ, соборы монаховъ, предвидѣлъ процвѣтаніе церквей, предвидѣлъ соборъ пастырей, предвидѣлъ всѣхъ, во истинѣ предстоящихъ этому жертвеннику. Итакъ, что же? Слѣдовало ли—въ предвѣдѣніи столькихъ благъ—давать жизнь созданію? *Грѣхъ бо вину приѣмъ, заповѣдію прелестьи мя и тою умертви мя* (ст. 11). Грѣхъ, то есть дьяволъ. *Вину приѣмъ*. Какъ именно? Богъ сказалъ: *отъ всякаго древа еже въ рай стѣдію съѣси; отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не съѣси: азъ оныяже бо день съѣси, смертію умрешь* (Быт. II, 16—17). Дьяволъ, воспользовавшись этою заповѣдію какъ предлогомъ, измышляетъ клевету и говоритъ человѣку: *отдѣли бо Богъ, яко азъ оныяже аще дѣт съѣсте, будете яко боги* (ш, 5), и потому запретилъ вамъ. Клеветаетъ на Бога изъ зависти и самого Бога представляетъ завистникомъ. Богъ, говоритъ, не хочетъ, чтобы вы сдѣлались равными Ему, и потому запретилъ вамъ касаться дерева, плоды котораго могутъ дать вамъ богоподобіе. *Вину бо приѣмъ грѣхъ, заповѣдію прелестьи*. Хорошо сказано: *прелестьи*, потому что не истину возвѣстилъ, но обманулъ, и чрезъ то умертвилъ. Обманъ породилъ смерть, потому что созданіе не было

смертнымъ. Многіе держались и такого мѣтнія, что Богъ сотворилъ чловѣка смертнымъ; но это неправда: созданіе не было смертнымъ. Хотя оно и было перстнымъ, но создано было безсмертнымъ. Если бы чловѣкъ созданъ былъ не безсмертнымъ, а смертнымъ, то какъ бы получилъ онъ по суду Божию то, что имѣлъ по природѣ? Если онъ былъ смертнымъ, почему Богъ наказаніемъ за преслушаніе полагаетъ ему смерть? *Въ онъже еще день съѣси, смертію укрепиши.* Очевидно, до вкушенія онъ былъ безсмертнымъ. А если онъ былъ смертнымъ и до вкушенія, то въ этихъ словахъ не было бы истины, они были бы обманомъ; да и какой смыслъ—угрожать тѣмъ, что я уже имѣю? Никто не станетъ угрожать чловѣку сномъ, который данъ ему по природѣ, никто не угрожаетъ пищей, потому что вкушеніе ея свойственно чловѣку по природѣ; а Богъ сталъ бы угрожать смертію? Очевидно, за грѣхъ постигло созданіе то, чего оно не имѣло по природѣ. Если бы Адамъ соблюлъ заповѣдь, пребылъ вѣренъ божественному закону, не было бы и смерти. Это подтверждается и тѣмъ изреченіемъ Премудрости, что *Богъ смерти не сотвори, иже вселится о погибелѣ живыхъ. Завистию же діаволоу смерть вниде въ міръ* (Премудр. Сол. 1, 13 и п. 24). Потому будетъ вполнѣ согласно съ истинною утверждать, что смертнымъ наше естество стало вопреки природѣ, и что воскресеніемъ намъ возвращается то, что свойственно нашей природѣ. Потому-то оно и есть воскресеніе, возстановленіе, что поврежденное грѣхомъ и падшее созданіе возстановляетъ оправданіемъ. Если бы Адамъ соблюлъ заповѣдь, онъ остался бы живымъ. И что ручается за то, что эти слова не простая догадка, болѣе или менѣе вѣроятная? А вотъ, братіе, чтобы вы не возводили напраслины на истину, но руководясь послѣдовательностью понимали дѣйствительное значеніе того, что говоритъ божественное Писаніе,—смотрите, какъ изначальное безсмертіе чловѣка подтверждается послѣдующими событіями. Если созданіе было смертнымъ по природѣ, если не по причинѣ грѣха оно подверглось смерти, а по самой своей природѣ, то какъ Ілія и Енохъ побѣдили природу? Какъ Ілія вознесся, не вкусивъ смерти? Какъ Енохъ взять на небо, не испытавъ смерти? Вотъ залогъ изначальнаго творенія. Значить, могъ бы чловѣкъ жить постоянно, если бы пребывалъ въ божественномъ законѣ. Взявъ начатки нашего рода, Богъ преложилъ ихъ въ безсмертіе. И займѣть, какъ мудро это устроено: между преложеніемъ Еноха и взятіемъ на небо Іліи прошелъ большой промежутокъ времени и много поколѣвій смѣнилось,—и это не безъ пользы. Такъ какъ два народа должны были явиться представителями благочестія—народъ необрѣзанныхъ и народъ обрѣзанія, то Богъ и беретъ не одного только Ілію, чтобы іудей не сталъ хвалиться, приписывая все себѣ, но задолго раньше беретъ Еноха, не знавшаго закона, но соблюдавшаго церковное благочестіе. Вѣдь все, что до закона, было образомъ Церкви.

Спроси предъ нимъ до Авраама и закона, кто они были! Тремя названіями все исчерпывается: язычествомъ, которое характеризуется невѣріемъ, іудействомъ съ его подзаконнымъ строемъ жизни, и христіанствомъ, съ его евангельскою благодатью. Пусть же теперь спросятъ противники объ Адамѣ, Авелѣ, Енохѣ, Сноѣ, Ноѣ и тѣхъ, которые послѣ него до Авраама украшались благочестіемъ,—кто они были? Язычники? Но этого признать не допускаетъ ихъ вѣра: они не были язычниками. Вѣдь они не водились невѣріемъ, не служили демонамъ, не кланялись истуканамъ, противились бѣсовскому заблужденію: нельзя, значитъ, назвать ихъ язычниками. Кто же они? Іудеи? Но они не знали закона, не соблюдали субботы, не держались разборчивости по отношенію къ пищѣ, не имѣли обрѣзанія. Итакъ, если древніе не были ни іудеями, ни язычниками, то куда же еще остается ихъ причислить? Если они, жившіе до закона, не могутъ быть названы ни іудеями, ни язычниками, то какое же дать имъ названіе? Что остается? Очевидно, ихъ нужно причислить къ христіанамъ,—не по имени, но по существу дѣла. Всѣ они просіяли какъ образы Церкви. Не обрѣзанъ Енохъ, не имѣетъ обрѣзанія и Церковь; не рабствуетъ закону, не рабствуетъ ему и народъ Христовъ; не знаетъ запрещенной пищи, не знаетъ этого и Церковь, жительствующая по слову Божію. Древнѣйшей является Церковь, поскольку она предваряется благочестіемъ праотцевъ. Самая вѣра Авраама была образомъ Церкви, а не іудеевъ. Поэтому апостолъ, изслѣдуя вопросъ о вѣрѣ и желая показать, что Авраамъ—образъ Церкви, а не іудеевъ, говорятъ: *писано, братіе, яко вѣрова Авраамъ Богови и вѣтнися ему въ правду. Како убо вѣтнися ему: въ обрѣзаніи ли сущи, или въ необрѣзаніи* (Римл. iv, 3, 10)? Это говоритъ Павелъ, іудей по происхожденію, знавшій законъ и искусный во всемъ, что касается закона. *Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи. И знаменіе пріять обрѣзаніе, печать правды, яже въ необрѣзаніи* (ст. 10, 11). Замѣчаешь ли, каковъ здѣсь строй мыслей? Какъ апостолъ отдаляетъ отъ Авраама Израиля, какъ не имѣющаго съ нимъ сродства по вѣрѣ, и сближаетъ съ праотцемъ язычниковъ, какъ унаслѣдовавшихъ его благочестіе? *И знаменіе пріять обрѣзаніе, печать правды, яко быти ему отцу втрующаго въ необрѣзаніи* (ст. 11). Видишь, какъ образъ Церкви былъ начертанъ въ Авраамѣ? И Спаситель, желая показать, что евангельской проповѣдью восстанавливаются черты первобытнаго состоянія людей, въ отвѣтъ на слова іудеевъ, что Моисей написалъ: если кто хочетъ отпустить жену свою, пусть дастъ ей разводное письмо (Мѡ. xix, 7), сказалъ: *Моисей по жестокосердію вашему рече: изъ начала же не бысть тако* (ст. 8). Значитъ, Онъ не перемѣняетъ содержащееся въ законѣ, не разрушаетъ его, но предпочтеніе отдаетъ истинному ученію. Вотъ какъ Онъ возводитъ насъ къ древности.

3. Повторю сказанное. Но прошу васъ оказать мнѣ поддержку

своимъ молчаніемъ, чтобы возникшій шумъ не нарушилъ теченія моихъ мыслей. Спаситель нашъ, желая показать, что евангельское ученіе возводитъ насъ въ древнее, первобытное состояніе, когда ученики, — а лучше сказать фарисеи, — стали говорить: *что убо Моисей заповѣда: иже нищѣ пуститъ жену свою, да дастъ ей книгу распутную* (Мѡ. хіх, 7; в, 81; Втор. ххiv, 1)? — не только не обвиняетъ законъ, но вступаетъ за него: *Моисей рече сіе по жестокосердію вишему, изъ начала же не бысть тако* (смотри, какъ возстановляетъ насъ въ древнемъ состояніи), но — *сътвориши чловека, мужескій полъ и женскій сътвориши я есть. Еже убо Богъ сочета, чловекъ да не разлучаетъ* (Мѡ. хіх, 4, 6). И во многихъ другихъ случаяхъ можно видѣть, что Спаситель возводилъ жизнь Церкви къ древнему доброду порядку. Итакъ, образъ Церкви осуществлялся до обрѣзанія. И замѣть: такъ какъ отъ начала существовалъ образъ Церкви, а впоследствии выступаетъ сама Церковь, средину же занимаетъ законъ, то апостолъ, желая показать послѣдовательное на пространствѣ вѣковъ существованіе церковныхъ установленій, говорить о законѣ, что онъ привходитъ: *законъ же прииде* (Римл. в, 20). Не сказалъ: законъ вошелъ, — но: привзошелъ. Совершенно различный получается смыслъ: одно — вошелъ законъ, другое — привзошелъ. Изначала вошелъ законъ евангельскій, не наблюдающій дней, не принимающій обрѣзанія, не устанавливающій запрета на пищу. Этотъ законъ изначально существовалъ у праотцевъ и возстановленъ вѣтъ у отдаленныхъ потомковъ. Въ срединѣ же вошелъ, а лучше сказать — привзошелъ законъ, что и высказалъ съ совершенною ясностью апостолъ въ приведенныхъ уже словахъ: *законъ же прииде*. Ты хочешь объясненія, какъ именно привзошелъ законъ? Вспомни исторію: какъ Іаковъ работалъ на Лавана ради Рахили, но не получилъ ее въ жены, и какъ для патріарха предметомъ его желаній была Рахиль, а тестъ обманомъ замѣнилъ ее другою дочерью, его женою стала та, которой онъ не хотѣлъ, — такъ и въ намѣреніяхъ Божіихъ всегда было — создать Церковь, но на время Онъ допустилъ синагогу, не по дѣйствию насилія или обмана съ чьей-либо стороны, конечно, но тѣмъ не менѣе въ соотвѣтствіи съ указанной древней исторіей. И далѣе: какъ Іаковъ, получивъ Лію, продолжалъ стремиться къ Рахили, но дѣлалъ уступку силѣ обмана, — такъ и Богъ за все время существованія синагоги ненавидѣлъ ее и любилъ другую. Чѣмъ подтвердить такое сопоставленіе? Кто поручится, что таковъ смыслъ исторіи? Самъ Богъ, сожительствова съ ветхозавѣтной подзаконной синагогой, нерѣдко говорилъ въ такомъ именно родѣ: *новомыслии чашихъ и праздниковъ чашихъ ненавидитъ душа моя* (Ис. i, 14). И какъ Іаковъ любилъ лице Рахили, а отъ лица страдавшей глазами Ліи отвращался (потому что Лія, говорится, была слаба глазами (Быт. ххix, 17), такъ и Богъ питалъ отвращеніе къ

синагогѣ, пораженной не болѣзнью тѣла, но ослѣпленіемъ души. Объ этомъ такъ говорилъ пророкъ: *и кто спитъ, развѣ рабы мои, и кто спитъ, развѣ властвующіи ими? И ослѣпоша рабы Божіи* (Ис. хлп, 14). И какъ тамъ изъ-за слабости глазъ, такъ здѣсь по причинѣ душевнаго ослѣпленія отвергается синагога. Намекая на это ихъ ослѣпленіе, Спаситель и говорилъ: *оставите ихъ: вожди суть слѣпцы; слѣпецъ же слѣпца еще водитъ, оба въ яму упадутъ* (Мѣ. хv, 14). А что во все время существованія подзаконной синагоги Богъ постоянно хотѣлъ отвергнуть тотъ неблагодарный народъ, объ этомъ свидѣтельствуется пророкъ: отъ дне, въ онѣже изведохъ отцы ваши отъ земли египетскія, и даже до дне сего бысть предъ очима Моима еже потребити градъ сей. И что, съ другой стороны, и въ то время, когда синагога хранила законъ, Богъ обращалъ взоры къ Церкви, это ясно изъ Его словъ Монсею: *остави Мя, и потреблю ихъ, и сотворю ты языкъ великъ* (Исх. хххп, 10), и гораздо болѣе. Но если ты согласишься, что въ примѣненіи къ Церкви повторилась та древняя исторія, то какъ же все-таки привзошелъ законъ? Такъ же, какъ Лія заняла мѣсто Рахили. И что, братіе, это не умозрѣніе и не искусственная аллегорія, но что дѣйствительно эта исторія заключала въ себѣ таинственный смыслъ, а самъ Іаковъ былъ прообразомъ Бога, Который нѣкогда имѣлъ синагогу, нынѣ же имѣетъ Церковь, объ этомъ самъ Богъ взываетъ чрезъ пророка: *Азъ видѣнія умножилъ и въ рукахъ пророческихъ уподобился. И работа Іаковъ о женѣ, и о женѣ снабдь Мя* (Ос. хп, 10, 12). Почему снабдилъ (сохранилъ)? И какъ сохранилъ? Если ты, братъ, обратишь вниманіе еще на другую сторону въ той же исторіи Іакова, ты замѣтишь, что самый бракъ Іакова былъ заключенъ совершенно иначе, чѣмъ бракъ его отца, Исаака. Исаакъ не самъ приходилъ за женою въ Месопотамію, чтобы взять ее оттуда, но послалъ раба своего и чрезъ него заключилъ брачный договоръ; Іаковъ же заключаетъ бракъ самъ, а не при посредствѣ раба. Это опять таки имѣло значеніе прообраза по отношенію къ ветхому и новому завѣту. Ветхозавѣтную синагогу Богъ уневѣчиваетъ себѣ чрезъ раба Своего Монсея, какъ и Исаакъ чрезъ раба устраиваетъ свое обрученіе и затѣмъ, обручившись, при посредствѣ раба же приводитъ къ себѣ свою жену. Между тѣмъ Іаковъ не посылаетъ раба — хотя рабы у него и были, — но самъ идетъ въ Месопотамію. Самъ одинъ пришелъ онъ, имѣвшій многихъ рабовъ. одинъ пришелъ, имѣвшій стада вьючнаго скота. А Богъ благословилъ домъ Авраама и скотомъ, и серебромъ, и золотомъ, и рабами, и лошадьми, и всѣмъ прочимъ. И наследникъ такого-то богатства отправляется въ путь съ одною только дорожною палкою, какъ онъ самъ говоритъ: *асеяломо моимъ приидохъ Иорданъ сей* (Быт. хххп, 10), т. е., когда отправился я въ дорогу, все мое достояніе заключалось въ этой дорожной палкѣ, хотя

я и былъ господиномъ большого богатства. Пошелъ Іаковъ одинъ, пришелъ въ Веѳилъ, вечеромъ легъ спать и положилъ себѣ подъ голову камень. Ни дома, ни пристанища онъ не нашелъ себѣ. Не прообразовалъ ли Онъ и въ этомъ случаѣ Того, Который говорилъ о Себѣ: *Сынъ Человѣческій не имать, гдѣ главы поклонити* (Мѡ. viii, 20)? Затѣмъ, братіе, уснувъ онъ видитъ небо отверстымъ. Именно, какъ для Христа не находилось на землѣ мѣста, гдѣ преклонить главу, а небо со всѣми его тайнами было для него открыто, такъ точно Іаковъ не имѣетъ крова и видитъ во снѣ небо отверстымъ и лѣстницу, утвержденную на землѣ и достигающую до неба. Въ другомъ смыслѣ Іаковъ можетъ служить прообразомъ и вообще гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Избѣгая преслѣдованія со стороны Исава, онъ уходитъ въ Месопотамію, а Богъ, желая показать, что для всякаго, преслѣдуемаго на землѣ, открывается небо, устраиваетъ такъ, что онъ видитъ небо и лѣстницу, утвержденную отъ земли до неба, и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по ней. И *Господь*, говорится, *утверждаешся* (Быт. xxviii, 13); не сказалъ просто: сидѣлъ, но: утверждался на лѣстницѣ. Что же такое эта лѣстница? Опять—образъ креста. Черезъ него открылась намъ возможность взойти на небо. И одни черезъ него вошли на небо, другіе черезъ него же ниспали. Іудеи крестомъ отверглись небесъ, а язычники крестомъ возводятся на небо.

4. Чтобы не показалось кому-нибудь, что я насильственно навязываю объясняемымъ словамъ аллегорическій смыслъ, я спѣшу подтвердить свое пониманіе свидѣтельствомъ Священнаго Писанія. Спаситель—по Евангелію—показывая, что тѣ ангелы, восходящіе и нисходящіе, были образомъ евангельской благодати, говоритъ Наанану: *заче рече ти, яко видѣхъ тя подъ смоковницею, втрүеши: боляща сихъ узрими. Аминь глаголю вамъ: отселе узрите небо отверсто, и ангели Божіи восходящія и нисходящія надъ Сына Человѣческаго* (Іоан. i, 50, 51). Увидѣвъ на пути въ Месопотамію видѣніе, Іаковъ тутъ же сказалъ: *тѣсть сіе, но домъ Божій* (Быт. xxviii, 17). И вѣдь видѣлъ онъ только лѣстницу,—никакого дома не видѣлъ,—но такъ какъ зналъ, что лѣстница прообразуетъ собою Церковь, то и говоритъ: это—домъ Божій, это—Церковь. А что Церковь—домъ Божій, откуда это видно? Это утверждаетъ Павелъ, такъ писавшій Тимоѳею: *уповаю приити къ тебѣ скоро; аще же замедлю, да утѣши, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. iii, 14, 15). А затѣмъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовать образу Христа, нестяжательнаго, пренебрегающаго богатствомъ и ни во что вмѣнявшаго всѣ прелести міра,—Іаковъ говоритъ: *аще будетъ Господь Богъ со мною, и дастъ ми хлебъ ясти и ризы облечися*. Замѣть, какимъ воздержаніемъ блещетъ эта любомудрственная душа! *Аще будетъ Господь Богъ мой со мною и*

путеводить мѣ въ пути, и дастъ ми хлѣбъ ясти и ризы облещисѣ. Задолго до евангелія звучить въ устахъ его апостольская рѣчь! *И аще дастъ ми хлѣбъ ясти и ризы облещисѣ.* Но вѣдь за Іаковомъ и Павломъ говорятъ: *имѣюще пищу и одежаніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. vi, 8). *И будетъ ми мѣсто сіе—домъ Божій* (Быт. xxviii, 20, 22). Это именно и выражается въ названіи «Вееиль». Вее—значить—домъ, а ил—Божій. Пришелъ онъ въ Месопотамію и прежде всего встрѣтился ему колодець; приблизился онъ къ колодцу,—колодець былъ закрытъ,—и нашелъ тамъ пастуховъ. Опять—по всему образъ Христа. Первое явленіе Христа было то, когда Онъ пришелъ принять крещеніе, т. е. къ колодцу, къ источнику воды, текущей въ жизнь вѣчную (Іоан. iv, 14). Находить колодець закрытымъ: такъ и благодать до Христова явленія была скрыта. Говорятъ Іаковъ пастухамъ: что вы стоите? Времени еще много: напоите стада и ступайте пасти ихъ. А тѣ отвѣчаютъ: не можемъ отвалить камня, пока не соберутся всѣ пастухи. Что же Іаковъ? Онъ одинъ дѣлаетъ то, что должны были сдѣлать многіе и даже всѣ пастухи: онъ беретъ камень и отваливаетъ его отъ колодца. Какъ же одинъ онъ могъ сдѣлать то, что едва могли сдѣлать многіе? Очевидно, и это совершенно имъ потому, что онъ былъ образомъ Христа, и Писаніе показываетъ на немъ силу Владыки: дѣйствительно то, достигнуть чего оказались не въ силахъ многіе, совершила евангельская благодать. У колодца встрѣтился Іаковъ съ Рахилью, пришедшею туда. Чуть ли не всѣ ветхозавѣтные праведники находятъ своихъ невѣстъ у колодцовъ. Моисей у колодца встрѣтилъ свою жену, дочь Іоѳора, Іаковъ—у колодца, рабъ Авраама у колодца встрѣтился съ Ревеккой. Повсюду браки ветхозавѣтныхъ людей завязываются у колодца, такъ какъ и Христосъ не иначе уневѣщиваетъ Себѣ Церковь, какъ отъ воды. Говоря кратко, пришелъ Іаковъ, хотѣлъ взять Рахиль, но вмѣсто Рахили привзошла Лія. Этимъ самымъ мы возвращаемся къ тому, что сказано было выше и что необходимо теперь воспроизвести здѣсь. Итакъ, законъ не просто вошелъ, но привзошелъ; точно такъ же и Лія не просто пришла, но привзошла. Прийти—это значить явиться прямо и открыто, а привзойти—это значить пробраться, проникнуть вмѣстѣ съ другимъ при помощи обмана. Такимъ именно образомъ привзошелъ и грѣхъ, привзошелъ діаволъ, воспользовавшись закономъ. *Грѣхъ бо вину пріемъ, заподѣлю прелести мѣ, и тою умертви мѣ* (Римл. vii, 11). Но чтобы кто не подумалъ, что самая заповѣдь была смертоносна, апостолъ тотчасъ прибавляетъ: *тѣмъже убо законъ святъ и заповѣдь святѣ и праведна и блага. Благое ли убо бысть мнѣ смерть? Да не будетъ! Но грѣхъ, да явится грѣхъ, близимъ ми содѣвая смерть* (Римл. vii, 12, 18). Повсюду подъ грѣшникомъ разумѣется грѣхъ, т. е. діаволъ. *Да будетъ, говорить, по премногу грѣшенъ* діаволъ, заповѣдью причиняющій смерть. *Вѣдѣмы яко законъ духовенъ есть, азъ же плотникъ есмь* (ст. 14). Ты,

Павелъ, *плотязь*, ты, вдохновляемый Духомъ Святымъ, ты, въ комъ глаголетъ Христосъ? Если ты *плотязь*, зачѣмъ же обманывалъ учениковъ своихъ, говоря: *вы нѣсте во плоти, но въ душѣ* (vш, 9)? Ученики твои не *во плоти*, а ты самъ—*плотязь*? *Азъ же плотязь есмь. Азъ*—кто? Тотъ, кто жилъ до закона и подъ закономъ. тотъ, кто *проданъ подѣ грѣхъ*. Не сказалъ: тотъ, кто былъ *проданъ* грѣхомъ, но проданный, продавшійся грѣху, потому что не другой кто-нибудь изъ людей продалъ, но самъ себя продалъ. Вѣдь какъ среди людей бываетъ, что одни продаются въ рабство силою, другіе же, располагая собою свободно, сами себя отдаютъ въ рабство, чрезъ бракъ съ рабынями или по какой-нибудь другой нуждѣ, такъ точно и человѣкъ, будучи свободнымъ по природѣ и располагая свободою природою, добровольно самъ себя продалъ въ рабство. Хочешь знать, какъ человѣкъ продаетъ себя въ рабство? Послушай, что говоритъ Іилія Ахааву, когда Богъ послалъ его обличить царя за отнятіе виноградника Навуея. Говоритъ Ахаавъ пророку: *обртѣзъ ми еси, враже мой? И рече Іилія: обртѣзъ ты, понеже ты проданъ еси сотворити лукавое предѣ Господемъ* (3 Цар. xxi, 20). Продаемъ мы себя тѣмъ, что творимъ злыя дѣла. *Азъ же плотязь есмь, проданъ подѣ грѣхъ*. Вѣдь человѣкъ, попавшій во власть дурной привычки, даже и тогда, когда захочетъ, не легко можетъ освободиться изъ рабства. Привычка—вторая природа, и притомъ природа, съ которой человѣку приходится бороться. Поэтому апостолъ и продолжаетъ: *не еже бо хочу, сіе творю*; какъ однажды проданный, дѣлаю не то, что хочу. Такія слова естественны въ устахъ раба. Какъ всякій рабъ дѣлаетъ не то, что хочетъ, но то, что ему приказываютъ, такъ и человѣкъ не имѣлъ власти дѣлать, что хотѣлъ, но дѣлалъ то, что ему повелѣвалъ грѣхъ. Иначе и быть не могло: грѣхъ царствовалъ, а царю противорѣчить невозможно. Итакъ, проданъ былъ человѣкъ,—не Павелъ, а человѣкъ вообще, образъ человѣка, существо свободное. И говоря кратко, апостолъ указалъ и существеннѣйшій признакъ того, что человѣкъ находится въ принудительномъ рабствѣ, когда сказалъ: *окаяненъ азъ челоуѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (ст. 24)? Видишь, какъ онъ представляетъ дѣло? Человѣкъ томится въ горькомъ рабствѣ и насиліи, стремится освободиться изъ него, жаждетъ свободы и молить о благодѣянніи. *Окаяненъ азъ челоуѣкъ! Кто мя избавитъ? Кто явится моимъ спасителемъ? Благодарю Бога моею Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ* (ст. 25)! Чтобы показать, что когда идетъ рѣчь о продажѣ грѣху, то разумѣется человѣкъ подзаконный, а когда говорится о свободѣ, но это относится къ тѣмъ изъ проданныхъ подѣ грѣхъ, которые искуплены евангельскою благодатью, онъ говоритъ: *окаяненъ азъ челоуѣкъ! Кто мя избавитъ? Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ*, потому что Онъ освободилъ меня отъ закона грѣховнаго. *Законъ бо Духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя естъ*.

(ш, 2). Видишь, какъ онъ изображаетъ здѣсь человѣка освобождаемаго, и человѣка рабствующаго грѣху? И не о себѣ лично говоритъ онъ это, но вообще о всемъ человечествѣ. Законъ бо Духа жизни о Христѣ *Иисусъ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти*. И какъ совершилось твое освобожденіе? *Неможное бо закона, въ немже немогствоваше плотию*. Такъ какъ законъ требовалъ добраго, а плоть не повиновалась, какъ проданная въ рабство грѣху, то чего не могъ законъ достигнуть по причинѣ слабости плоти, то совершилось силою плоти Христовой. *Неможное бо закона, въ немже немогствоваше плотию* (не самъ по себѣ слабъ былъ законъ, но по причинѣ слабости плоти). *Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣху, осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по Духу* (ст. 3, 4). Вотъ, по благодати Божіей, мы и пришли къ разъясненію вопроса. Теперь вполне ясно, что не о себѣ самомъ говоритъ это Павелъ, не на свою свободу клеветаетъ, не себя самого ставитъ подъ власть грѣха и не представляетъ себя плотскимъ и духовнымъ въ одно и тоже время, но что онъ изобразилъ словомъ, какъ бы на картинѣ, различныя состоянія человѣка: до закона, подъ закономъ и подъ благодатью. Затѣмъ онъ выяснилъ, каковъ былъ человѣкъ до закона, каковъ человѣкъ подзаконный, каковъ человѣкъ освобожденный благодатью во Христѣ. *Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣху*.

5. Здѣсь разрѣшается и другой вопросъ. Говорятъ—и не только аполлинаріане, но и аріане и евноміане, что Спаситель воспринялъ только плоть, но души не воспринялъ. И одни—послѣ взаимныхъ споровъ—пришли къ тому, что допускаютъ еще душу, но безъ ума, другіе же утверждаютъ, что Спаситель воспринялъ только плоть. Но намъ изъ сказаннаго раньше—въ предшествующей бесѣдѣ—ясно, что Писанію свойственно обыкновеніе, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, употреблять названіе части вмѣсто цѣлаго. Иногда „плоть“ употребляетъ оно въ смыслѣ всего человѣка [въ *Тебѣ всякая плоть приидетъ* (Пс. lхiv, 3), вмѣсто всякій человѣкъ]; иногда—наименованіе души, когда, напримѣръ, говоритъ: въ семидесяти пяти душахъ *спиде Іаковъ во Египетъ* (Дѣян. vп, 14, 15); иногда—дыханіе, напримѣръ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (Пс. сл, 6). Покажи теперь, гдѣ Писаніе разумѣетъ плоть бездушную? Вѣдь, когда человѣкъ умретъ, онъ не называется уже плотью, но мертвымъ тѣломъ. Никто никогда не скажетъ о мертвомъ—„плоть“, но—„мертвое тѣло“. Плоть—пока есть въ ней жизненная сила, пока она живетъ; когда же наступаетъ смерть, тогда плоти уже нѣтъ, тогда можно говорить только о тѣлѣ. Тѣло—это все бездушное: и камень—тѣло, и дерево—тѣло, и живое существо, не имѣющее души, называется тѣломъ. Скажи же мнѣ, почему не воспринялъ онъ души? Онъ пришелъ, скажешь, спасти самъ Собой, а въ нашей душѣ не нуждался? Но почему въ такомъ случаѣ воспринялъ плоть? Таки

какъ Онъ не могъ явиться непосредственно въ Своемъ божескомъ ествѣ, то и воспринялъ плоть, чтобы жить между нами. Но развѣ плоть у Него была безъ души? Какъ же Онъ чувствовалъ голодъ и жажду? Какъ утомлялся? Если ты утверждаешь, что душу у Него замѣняло Божество, то тогда и жажду и голодъ ты—значить—приписываешь Божеству? Съ другой стороны, братіе, если и Богъ Слово и одушевленный человѣкъ въ полномъ составѣ не были въ Немъ соединены въ единомъ лицѣ, но было только Божество во плоти, то о какой душѣ говорилъ Спаситель въ этихъ словахъ: *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой* (Лук. ххш, 46)? Если было только Божество, а души не было, то кто здѣсь предаетъ и что предается? *Отче, въ руцѣ Твои предаю духъ Мой*, т. е. душу. Если ты признаешь только Божество въ тѣлѣ, а душу отвергаешь, то что предается и кто предаетъ? Но цѣль еретиковъ очевидна. Для того и говорятъ они, что Господь не воспринялъ души, чтобы приписать Его божеству всѣ тѣ черты, которыя относятся къ Его уничиженному состоянію, чтобы, читая: *Азъ о себѣ не глаголахъ, но послалъ мѣ Отецъ, Той мнѣ заповѣдь даде, что рску и что возглаголю* (Іоан. хп, 49), относить это не къ человѣчеству Его, но къ божеству. Видишь, въ какую бездну нечестія они стремятся! Но сколько бы ихъ ни спрашивать: какой духъ разумѣется въ словахъ: *въ руцѣ Твои предаю духъ Мой*,—объяснить этого они не могутъ. Между тѣмъ, при сопоставленіи съ другими мѣстами Священнаго Писанія, не остается никакого сомнѣнія, что духомъ здѣсь именуется душа. Вспомни, что сказавъ Стефанъ предъ своей мученической кончиной. *Господи Іисусе, приими духъ мой* (Дѣян. хп, 59)! Слова Стефана вполнѣ подтверждаютъ, что духъ есть душа. Итакъ, кто предаетъ духъ и кому духъ предается? О какой говорится здѣсь сущности? О той, къ которой апостолы относили пророчество: *яко не оставиши души моея во адѣ, ниже даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Дѣян. п, 27; Пс. хв, 10). *Яко не оставиши души моея во адѣ*. О Богѣ здѣсь рѣчь? Богъ не оставляется во адѣ? Держалъ ли адъ Бога въ своей власти? Могло ли угрожать тлѣніе животворящей Силѣ? Не слышалъ ты развѣ, что говоритъ Павелъ, что невозможно было тлѣнію удержатъ жизнь? Подъ жизнью разумѣется тѣло. Если же тѣло есть жизнь, то удерживалась ли жизнь смертью? *Не оставиши души моея во адѣ*. Какъ паденіе коснулось всей человѣческой природы, такъ и возстановленіе: всецѣло падшій человѣкъ всецѣло и возрожденъ. Но если скажешь, возражаютъ, что Онъ возродилъ совершеннаго человѣка, то какая же остается разница между Нимъ и апостолами? Вѣдь и въ тѣхъ былъ Богъ? Но иное—обитать, иное—воспринять на себя, воспринять въ единство. О насъ сказано: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. vi, 16; Лев. ххvi, 12). Здѣсь указывается чистота души, предполагается добродѣтельность души, въ которой вселяется и обитаетъ Богъ, тогда какъ у Христа самое

тѣло Его, отъ утробы воспринятое въ единство, сдѣлалось храмомъ, не преуспѣяніемъ въ добродѣтели достигло того, что вселился въ него Богъ, но одновременно и храмъ былъ приготовленъ, и Богъ сталъ обитать. Итакъ, храмомъ было тѣло единого Христа, поэтому Онъ и говоритъ: *разорите церковь сію и тремя деними воздвигну ю* (Іоан. ii, 19). О, безуміе людей, не знающихъ границъ своей дерзости и безстыдству! Вотъ что нужно сказать о тѣхъ еретикахъ, которые говорятъ о душѣ, духѣ и тѣлѣ и извращаютъ апостольское слово, гласящее: Богъ сохранить тѣло и душу и духъ ваши (1 Сол. v, 23). Прибавимъ въ поясненіе, что духомъ они называютъ умъ. Но если духъ есть умъ, то почему апостолъ говоритъ: *воспою духомъ, воспою же и умомъ* (1 Кор. xiv, 15)? Вѣдь если духъ и умъ одно и то же, то почему ихъ раздѣляетъ Павелъ: *воспою духомъ, воспою же и умомъ*? Если духъ есть умъ, то почему на ряду съ умомъ отдѣльно упоминаетъ о духѣ? Впрочемъ, если ты, говорятъ, не принимаешь нашего толкованія, объясни, какъ ты самъ понимаешь? Что означаютъ слова Павла: Богъ сохранить душу и духъ ваши? Духомъ Писаніе обыкновенно именуетъ дарованія Святого Духа. Прошу васъ содѣйствовать мнѣ въ моемъ трудѣ: вѣдь нелегкое дѣло—посѣчь еретическія тернія. Итакъ, Писанію обычно называть духомъ дарованія Святого Духа; говорится, напримѣръ, что тотъ или другой принялъ духъ мудрости или духъ разума: самый даръ Духа называется духомъ. Такъ, Павелъ говоритъ: *понеже ревнители есте духовомъ* (1 Кор. xiv, 12), вмѣсто того, чтобы сказать—„духовныхъ дарованій“. Духъ-то вѣдь одинъ, а не много духовъ. Я указываю, говорить, вамъ, какихъ дарованій должны вы искать. Значить, духомъ называется благодать Духа, не самая сущность Духа, но сила, дѣйствіе Духа. *Вся же сія дѣйствуетъ единыи и тойжеде дугою* (1 Кор. xii, 11). Дѣйствіе Духа—духъ, то есть дарованіе, а не самая сущность Духа. Ты называешься духовнымъ, и дарованіе, тобою полученное, называется

678 духомъ. Значить, апостолъ говоритъ: Богъ сохранить тѣло и душу и дарованіе, которое вы получили отъ Духа. Это дарованіе онъ называетъ здѣсь духомъ. А такъ какъ дарованіе отъ нашего усердія приумножается, а отъ нерадѣнія утрачивается, то вполнѣ понятнымъ въ устахъ апостола является и то наставленіе, какое онъ даетъ вѣрующимъ въ другомъ мѣстѣ: *духа не угашайте* (1 Сол. v, 19). Ни сущности Духа, конечно, нельзя угасить, ни ума, дарованнаго человѣку по

674 природѣ. Но благодать своимъ усердіемъ мы умножаемъ, а нерадѣніемъ заглушаемъ; вотъ почему онъ и наставляетъ: дарованія, вами полученнаго, не заглушайте. Духомъ, очевидно, называетъ дѣйствіе Духа, котораго да сподобимся получить всѣ мы во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На начало индикта.

Удивительны праздники православныхъ, торжественны памяти 678
мучениковъ, благоприлично веселіе вѣрныхъ! Не времени, измѣни-
вому и непостоянному, мы празднуемъ; не годъ почитаемъ,—это сокра-
щеніе жизни человѣческой; не поклоняемся движенію, приближающему
насъ къ тлѣнію; не служимъ твари, потому что все существующее
рабствуетъ вмѣстѣ съ нами; не чтимъ вещества, потому что міръ
созданъ изъ ничего. Все это какъ имѣло начало бытія, такъ подле-
жить и конечному тлѣнію. Не почитаемъ мы неба: знаемъ, что оно
только отвердѣвшій паръ; не почитаемъ тверди: мы видимъ въ ней
лишь стуженіе (воздуха); не почитаемъ свѣта, потому что онъ созданъ
словомъ; не почитаемъ луны, потому что она украшена образомъ;
не почитаемъ землю, потому что она возникла изъ-подъ воды; не
почитаемъ огня, потому что онъ есть вещественная стихія; не покло-
няемся водѣ, потому что она есть текущая природа; не служимъ
времени, потому что оно непостоянно; не чтимъ дня, потому что онъ
подчиненъ порядку. Все старѣется отъ времени, и время вмѣстѣ
со всѣмъ старѣется; только Богъ не подлежитъ времени, какъ это и
покажетъ послѣдній день. Язычники и іудеи—эти братья беззаконія,
добыча діавола, потомки грѣха, питомцы заблужденія, тьма безбожія,
вожди къ гееннѣ, змѣи нечестія, сыны погибели—пусть они празднуютъ
нечестиво, потому что и мыслятъ безбожно. Одни пусть служатъ
заблужденію, другіе пусть попираютъ законъ, и тѣ и другіе вмѣстѣ
пусть поучаются во злѣ—во взаимномъ согласіи. Іудеи отъ язычниковъ
научились идолослуженію, а язычники отъ іудеевъ пророкоубійству;
вѣдь іудеи—при законѣ—усвоили себѣ всѣ языческія заблужденія.
Ты негодуешь, іудей, слыша это? Вспомни дѣла, и не почитай
тяжкимъ это порицаніе. Гдѣ ты не поклонялся идоламъ, скажи мнѣ?
Въ пустынѣ ты слилъ себѣ мѣднаго тельца, послѣ побѣды ты празд-
новалъ Веедфегору, въ землѣ моавитянъ поклонялся Фаматпу, въ
Палестинѣ приносилъ жертву Дагону, въ Финикии служилъ Астартѣ,
въ плѣненіи чтилъ Хамоса. Недоставало скорѣ мѣста, чѣмъ языческой
мерзости, на которую вы не были бы способны. Потому-то и праздники
ваши ненавистны Владыкѣ. Послушай, что говоритъ пророкъ: Мнѣ нена-
вистны, отвратительны праздники ваши, и ваши торжества Меня не
радуютъ (Ис. 1, 14). И не удивительно: вѣдь всякій праздникъ іудей-
скій сопрягается убійствомъ. Постяся, ты побилъ Навуея камнями;
празднуя, распилѣлъ Исаію; лякуя, низвергнулъ Іеремію въ ровъ.
Готовяся къ суду и битвамъ, ты нечестиво постился; спяна ты пре- 674
далъ при Іліи ковчегъ завета въ руки иноплеменниковъ; обезглавилъ
Іоанна. Плакать тебѣ скорѣ было нужно, чѣмъ такъ праздновать!

А мы празднуемъ божественныя и необычныя событія—подвиги мучениковъ, побѣды погребенныхъ, сѣти невидимыхъ, исцѣленія отшедшихъ, прежде же всего чудеса Христа и Бога моего, которыя совершилъ Онъ, ради моего спасенія сдѣлавшись человѣкомъ, а затѣмъ и страданія Его рабовъ: составленный изъ камней вѣнецъ Стефана, побѣду надъ смертію славнаго Лаврентія, не потерпѣвшее крушенія дѣвство Анны. О, троица проповѣдниковъ Троицы! О, останки, врачеваніе страждущихъ! О, прахъ, источникъ исцѣленій! О, храмъ, вмѣщающій красоту неба! Даже и море—бездущная стихія—безъ словъ взываетъ противъ васъ (еретиковъ). Въ обличеніе сорабовъ [говорить оно] буду проповѣдывать и я о Владыкѣ. Не отягощаетъ меня стопа Создателя, освящаютъ меня ноги Христовы. Моисей меня раздѣлилъ, а Онъ освятилъ; Іону я потопляю, а Его трепещу; Ною я угрожаю потопомъ, но и взглянуть не дерзаю на Того, Кто руками Своими создалъ человѣка. Ногами Онъ освятилъ море, небо прославилъ Своимъ престоломъ, землю осіялъ яслими, адъ просвѣтилъ своимъ гробомъ. Я не безчувственно и неблагодарно; какъ стихія я признаю Создателя; не говорю я вмѣстѣ съ іудеями: *нѣсть Сей отъ Бога человекъ* (Іоан. ix, 16), но съ благоговѣніемъ взываю: *Сей Мой Богъ, и прославлю Его* (Исх. xv, 2). Я покажу свойства своей природы, обличу мнѣнія оскверненныхъ убійствомъ, явлю силу Того, чьи ноги меня попирали. Они—сорабы мнѣ, а Онъ—Владыка; Его страхомъ я привожу ихъ въ смущеніе; Владыка шествовалъ по морю немокрыми стопами, а они плывя на суднѣ испытывали смущеніе; страхъ опасности вынудилъ ихъ кричать, а Человѣколюбецъ повелѣвалъ не страшиться: *держайте: Азъ есмь! Не бойтесь* (Мрк. vi, 50)! Держайте имѣющіе якорь вѣры: васъ не осквернила грязь идолослуженія! Держайте: буря іудейская васъ не потопила! Мужайтесь: еретическое волненіе васъ не поколебало! Я—созбездначальное Слово Отчее, отрасль несозданнаго Пачала, Агнецъ, вземлющій грѣхи міра, Кормчій, сохраняющій города отъ крушенія, сокровище православной вѣры, увѣнчивающій подвиги мучениковъ. *Азъ есмь! Не бойтесь!* Гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ опасности—по благодати Божіей. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О честномъ крестѣ.

1. Мы въ предверіи праздника креста¹⁾—да ликуетъ ликъ ангеловъ! Приближается зрѣлище креста—родъ смертныхъ да поклоняется! Креста божественная держава возвышается—полчища бѣсовъ да обратятся въ

¹⁾ Бѣсѣда произвела за пять дней до праздника Креста, при началѣ предварявшаго этотъ праздникъ (пятидесятнаго) поста.

бѣгство! О, божественный крестъ, ангеловъ неизреченное созерцаніе, смертныхъ похвала, царей держава! Какъ съ живымъ, я хочу бесѣдовать съ тобою, виновникомъ радости и побѣднымъ оружіемъ нашего спасенія. Тобою отверзаются заключенныя двери рая, тобою сокрушается держава смерти, тобою адъ лишается добычи, тобою мертвые удостоиваются жизни, тобою разбойникъ ликуеть въ раю, тобою сочетаются небесныя съ земными, тобою — познание истины, тобою даровано крещеніе возрожденія, тобою людямъ снискано оставленіе грѣховъ, тобою запечатлѣвъ даръ Святого Духа, ознаменованныя тобою церкви именуются домами Божиими, тобою мы сподобляемся тѣла и крови Христовыхъ, тобою удостоиваемся быть сынами Божиими и наслѣдниками царства небеснаго, тобою праздники и торжества наши просвѣтляются и облистаются. Никакой языкъ не могъ бы изобразить все то, что Христосъ Богъ даровалъ чрезъ тебя роду человѣческому. Зная и помня это, о, освященное и чтущее праздники собраніе, съ чистыми сердцами приступимъ облобызывать чистыми устами чтимое и животворящее древо, на которомъ былъ вознесенъ Христосъ Богъ нашъ, на которомъ распростеръ Онъ Свои, пробитыя гвоздями, длани, на которомъ копьемъ пронзили христоубійцы Его божественныя ребра, на которомъ напоили Его уксусомъ, смѣшаннымъ съ желчью, при чемъ мимоидущіе кивали главами своими и съ насмѣшкой говорили: *уа, имъ спасе, Себе не можетъ спасти* (Мрк. хv, 29, 31). *Аще Сынъ есть Божій, да спидетъ нынѣ со креста, и трудемъ въ Него* (Мѣ. ххvп, 40, 42). Вотъ на что дерзнуло неблагоприятное и ослѣвленное іудейское соборище, насладившееся благодѣянїями Его божественныхъ чудесъ! Мы же будемъ съ вѣрою поклоняться животворящимъ страстямъ Христовымъ, Его распятію, Его гробу, Его тридневному изъ мертвыхъ возстанію, чтобы вмѣстѣ съ Нимъ воскреснуть и прославиться, если и пострадаемъ, какъ предрекъ сосудъ избранія — божественный Павелъ (Римл. vп, 17). Къ этому именно призываетъ насъ празднуемый сегодня всесвятой крестъ; эту нетлѣнную и вѣчно живую пищу всѣмъ намъ одинаково онъ предлагаетъ — и въ домахъ, и на рынкахъ, и днемъ, и ночью, и въ городахъ, и въ пустыняхъ. И вотъ въ благодарность за столь великія блага, намъ приносимыя, съ радостью примемъ и понесемъ этотъ [постъ], не помрачая лицъ своихъ подобно лицемѣрамъ, по слову Господню (Мѣ. vi, 16), но съ свѣтлой и радостной душой. И будьте увѣрены, что не столько труда стоитъ мнѣ расположить васъ къ соблюденію поста, сколько предупредить, чтобы не предавались сегодня пьянству съ его печальными послѣдствіями. Постъ вѣдь еще соблюдаетъ большинство, и по привычкѣ, и изъ за стыда другъ предъ другомъ; но я боюсь пьянства, которое любители вина отстаиваютъ какъ какое-то отеческое завѣщаніе. Подобно отправляющимся въ далекое путешествіе, и нѣкоторые изъ неразумныхъ предъ этими пятью днями поста предаются сегодня пьян-

678 ству. Кто настолько безуменъ, чтобы, еще не начавъ пить, говорить безсмысленныя вещи, подобно пьяному? Развѣ ты не знаешь, что чрево не сохраняетъ того, чѣмъ оно наполняется? Чрево есть самый ненадежный хранитель, сокровищница безъ запора; и именно тогда, когда много въ него влагается, оно терпѣть разстройство, а не только не оберегаетъ врученнаго ему. Смотри, не услышать бы и тебѣ завтра на похмѣльи то, что читалось сегодня: *не таковаго поста Азъ избралъ, малоютея Господь* (Ис. LVIII, 5). Зачѣмъ смѣшиваешь несовмѣстимое? Что общаго между постомъ и пьянствомъ, между попойками и воздержаніемъ? *Кое сложеніе церкви Божіей со идолы* (2 Кор. VI, 16)? Храмъ Божій—это тѣ, въ комъ обитаетъ Духъ Божій; храмомъ идоловъ являются тѣ, которые оскверняютъ себя пьянствомъ и невоздержаніемъ. Сегодня мы въ преддверіи поста; кто здѣсь же въ преддверіи окажется уже оскверненнымъ, тотъ не можетъ быть удостоенъ входа во святое. Никакой слуга, желая снискать благосклонность своего господина, не станетъ обращаться къ предстательству и содѣйствію его врага. Пьянство—врагъ Божій; постъ же—начало покаянія. Итакъ, если хочешь покаяніемъ примириться съ Богомъ, бѣги пьянства, чтобы оно не сдѣлало тебя еще болѣе чуждымъ Богу. Ошибается, конечно, тотъ, кто полагаетъ постъ лишь въ воздержаніи отъ пищи. Нѣтъ, мы должны поститься постомъ пріятнымъ, угоднымъ для Господа. Истинный постъ есть удаленіе отъ зла, обузданіе языка, отложеніе гнѣва, укрощеніе похотей, прекращеніе клеветы, лжи и клятвопреступленія: оскуднѣніе всего этого и составляетъ истинный постъ. Вотъ это—добрый постъ. Возвеселимся о Господѣ прилежнымъ вниманіемъ къ словамъ Духа, исполненіемъ спасительныхъ законовъ и всѣмъ тѣмъ, что клонится къ нашей духовной пользѣ. Но, конечно, будемъ остерегаться поста тайнаго, о которомъ и пророкъ говоритъ: *не убіетъ младомъ Господь душу праведную* (Притч. X, 3), и *не видѣтъ праведника оставлена, ниже стѣне ея, просяща хлѣба* (Ис. XXXVI, 25). Не о чувственномъ хлѣбѣ сказалъ онъ это, зная, что сыновья патріарха Іакова изъ-за голода вынуждены были идти въ Египетъ, но о хлѣбѣ духовномъ, необходимомъ для духовнаго роста человѣка. Да минуетъ насъ тотъ постъ, которымъ Господь угрожалъ іудеямъ: *се днѣ трыдцатѣ, малоютея Господь, и пошлю гладъ на землю, не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Божія* (Ам. VIII, 11). Господь видѣлъ, что ихъ умъ томится безъ пищи истиннаго ученія, а ихъ внѣшній человѣкъ утучняется и упитывается, и потому навелъ на нихъ праведнымъ судомъ Своимъ такой голодъ. Вотъ во всѣ эти ближайшіе дни Святой Духъ будетъ радовать васъ утренними и вечерними угощеніями. Пусть же никто не оставляетъ добровольно духовнаго собранія, пусть всѣ мы будемъ участниками этого трезвеннаго угощенія. Позаботимся и изъ домовъ нашихъ удалить на это время всякій шумъ, весь этотъ дымъ и чадъ, всю эту суету, вызывающую

служеніемъ чреву, какъ будто какой неумолимой богинѣ. Вѣдь и сборщики податей дѣлають иногда нѣкоторыя послабленія подыластнымъ имъ. Пусть же и чрево дастъ на время отдыхъ устамъ, пусть дастъ. Заключимъ съ нимъ перемиріе хотя на эти пять дней. Будетъ съ него и того, что оно всегда требуетъ и никогда не утоляется; беретъ сегодня, а на другой день не помнить. Сытое чрево еще готово, пожалуй, разсуждать и о воздержаніи; но облегчаясь, забываетъ о мысляхъ. Постъ не имѣетъ понятія о долгахъ, трапеза постящагося не напоминаетъ о лихвѣ, дѣти того, кто соблюдаетъ посты, не душать сиротъ и не сплетаютъ имъ сѣтей какъ пауки. Съ другой стороны, постъ является источникомъ удовольствія. Вѣдь какъ томящійся жаждой находитъ всякое питье пріятнымъ, и съ голоду кажется вкуснымъ и самый простой обѣдъ, такъ и постъ заставляетъ цѣнить послѣдующее разрѣшеніе на пищу. Завинмая средину и прерывая сплошное наслажденіе пищею, онъ является для тебя пріятной переменной, подобно тому, какъ для путешественника перерывъ пути.

677

2. Итакъ, если хочешь сдѣлать свою трапезу пріятною для себя, воспользуйся услугами поста. Дѣйствительно, постоянное пользованіе какимъ-нибудь видомъ удовольствія притупляетъ его пріятность и злоупотребленіе наслажденіемъ дѣлаетъ его со временемъ нечувствительнымъ. Такимъ образомъ, нужно подумать и о томъ, чтобы слишкомъ большая доступность не обезцѣнивала удовольствія: вдвойнѣ пріятно наслаждаться тѣмъ, что дается съ трудомъ и не часто. Такъ и Создатель нашъ устроилъ, что непостоянство жизни заставляетъ насъ цѣнить Его дары, пребывающіе постоянно. Не замѣчаешь ли, что и солнце послѣ ночи является болѣе свѣтлымъ, и бодрствованіе пріятнѣе послѣ сна, и здоровьемъ мы дорожимъ въ особенности тогда, когда испытываемъ противоположное ему состояніе? Конечно, и трапеза послѣ поста доставитъ всѣмъ намъ больше удовольствія, и притомъ—тѣмъ, кто довольствуется пищею, приготовленной просто и безъ затѣй, не менѣе, чѣмъ тѣмъ, кто держитъ столъ богатый и утонченный. Пусть устрашаетъ насъ примѣръ богача: наслажденіе жизнью привело его въ вѣчный огонь. Въ неправдахъ онъ не обвиняется, а именно за роскошь ввергается въ печь огненную. Чтобы потушить этотъ огонь, нужна вода. Впрочемъ, не для будущей только жизни полезенъ постъ: его польза ощутительна и для самой плоти. И самое цвѣтущее здоровье подвержено случайностямъ и переменамъ, вслѣдствіе того, что природа слабѣетъ и становится не въ силахъ поддерживать его въ прежнемъ состояніи. Берегись же, чтобы той самой воды, которую ты теперь презираешь, тебѣ не пришлось впослѣдствіи желать хотя бы одной капли, какъ богачу. Отъ воды никто не пьянѣетъ, никогда ни у кого не болѣла голова, отягченная водою; никому изъ употребляющихъ воду не приходилось вальтаться у чужихъ ногъ; ничьи руки не сдѣлались негодными къ ра-

богѣ вслѣдствіе злоупотребленія водою. Разстройство пищеваренія есть неизбѣжное слѣдствіе удовольствій чрева: оно причиняетъ тѣлу сильныя болѣзни. Самый цвѣтъ лица у человѣка постащагося естественный: его не обличаетъ безстыднаа красота, но украшаетъ цѣломудренная блѣдность; взглядъ у него скромный, поступь степенная, лицо осмысленное, не обезображенное невоздержнымъ смѣхомъ, въ рѣчахъ умѣренность, въ сердцѣ чистота. Вспомни святыхъ отъ начала вѣка, *ихже не бы достоинъ весь міръ, какъ они проидоша въ милотехъ и козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени* (Евр. xi, 38, 37): ихъ жизни подражай, если хочешь раздѣлить съ ними блаженство. Что Лазаря привело на лоно Авраамово? Не постъ ли? А жизнь Іоанна вся была однимъ постомъ: онъ не имѣлъ ни постели, ни стола, ни клочка воздѣланной земли, ни упряжнаго вола, ни хлѣба, ни хлѣбника, однимъ словомъ—ничего изъ обыкновенныхъ удобствъ жизни. Поэтому-то среди рожденныхъ женщинами и не возставало большаго, чѣмъ Іоаннъ Креститель (Мѡ. xi, 11). Павла, между прочимъ, и постъ, который онъ упоминаетъ въ числѣ тѣхъ скорбей, которыми хвалится (2 Кор. xi, 27), возвелъ на третье небо (хп, 1—4). Но *глава о глаголемыхъ*: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, постомъ укрѣпивъ плоть, которую ради насъ воспринялъ, въ такомъ именно состояніи отразилъ искушенія діавола, и насъ научая постомъ изнурять и вразумлять самихъ себя для борьбы съ искушеніями, и этимъ лишеніемъ какъ бы давая противнику поводъ къ нападенію. Конечно, по причинѣ высоты Божества онъ былъ бы для его нападеній недоступенъ, если бы этимъ лишеніемъ не проявилъ своей человѣческой природы. И восходя уже на небеса, Онъ коснулся пищи, чтобы тѣмъ удостовѣрить свою тѣлесную природу. Ты же не перестаешь утучнять и ушатывать самого себя, и ни о чѣмъ не заботишься, заставляя истаевать свою душу отъ недостатка спасительнаго и животворящаго ученія. Развѣ не знаешь, что какъ при состязаніи поддержка, оказанная одному, клонится къ пораженію другого, такъ точно и тотъ, кто принимаетъ сторону тѣла, тѣмъ самымъ борется противъ духа, а поддерживающій духъ поработачаетъ себѣ свое тѣло. Вѣдь они (духъ и тѣло) постоянно между собой враждуютъ,—такъ что, если хочешь сдѣлать свой духъ сильнымъ, обуздай плоть постомъ. Это самое говоритъ апостолъ въ словахъ: *аще внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вси дни* (2 Кор. iv, 16), и: *егда бо немоществою, тогда силенъ есмь* (2 Кор. xii, 10). Неужели ты не въ силахъ окажешься отнестись съ презрѣніемъ къ этой тлѣнной пищѣ? Неужели и не желаешь трапезы въ царствѣ небесномъ, которая во всякомъ случаѣ подготавливается здѣшнимъ постомъ? Или ты не знаешь, что чѣмъ болѣе насыщаешь ты свое тѣло, тѣмъ болѣе обильную пищу приготавливаешь для твоего мучителя—червя? А проводя жизнь въ роскоши и пресыщеніи пищей, какъ можешь ты поддерживать общеніе съ благодатью

Духа? Моисей для того, чтобы получить вторыя скрижали, долженъ былъ вторично поститься. Ниневитяне, если бы они не распространили постъ даже и на неразумныхъ животныхъ, не избѣгли бы угрожавшаго имъ несчастія. Кто сложилъ свои кости въ пустынѣ? Не похотливые ли любители мяса? Пока довольствовались евреи манной и водою изъ скалы, они побѣдили египтянъ, перешли море, среди нихъ не было больныхъ; а когда вспомнили о мясахъ и котлахъ, и обратили свои желанія къ Египту, не увидѣли и земли обѣтованной. Неужели не устрашаетъ тебя ихъ примѣръ? Неужели не убоишься того, что обьяденіе угрожаетъ заключить тебя внѣ обѣщанныхъ намъ благъ? И мудрый Даниилъ не удостоился бы откровеній, если бы постъ не сдѣлалъ душу его болѣе воспримчивой и просвѣтленной. Отъ обильной пищи какъ бы поднимаются какія-то грязныя испаренія и подобно густому облаку пресѣкаютъ къ нашей душѣ доступъ лучамъ, исходящимъ отъ Святого Духа. Если у ангеловъ есть какал-нибудь пища, то конечно хлѣбъ [какъ говорить пророкъ: *хлѣбъ ангельскій иде челоуѣкъ* (Пс. lxxvii, 25)], а не мясо, не вино, не то, надъ чѣмъ изощряютъ свою изобрѣтательность чревоугодники. Постъ есть оружіе для борьбы съ демонами: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (Мѣ. xvi, 21). Столько-то благъ приносить намъ постъ! Пресыщеніе же есть начало гордости. За роскошью и пьянствомъ и другими лакомствами тотчасъ и неразрывно слѣдуютъ всякіе виды скотоподобнаго невозддержанія. Отсюда люди становятся женопестовыми конями. по причинѣ возбужденія въ душѣ преданныхъ вину сильной страсти; отсюда извращеніе природы, побуждающее искать въ мужескомъ полѣ женскаго и въ женскомъ мужского. Между тѣмъ постъ даже и въ томъ, что позволено закономъ, внушаетъ умѣренность и ограждаетъ добрый порядокъ брачной жизни¹⁾. Ты ищешь челоуѣка, который долженъ бы судиться предъ царемъ съ кѣмъ-нибудь другимъ и совершенно не находишь. Многихъ вѣдъ погубилъ онъ изъ тѣхъ, которые были несправедливо истреблены. Потому-то всеблагой Богъ и не презрѣлъ слезъ и стenanій своихъ іереевъ и святыхъ, умолавшихъ Его за того,—не презрѣлъ Онъ, сказавшій чрезъ пророка Исаію: *судите сиру, и оправдите вдовицу, и приидите, и истязались* (Ис. i, 17, 18). Но и ихъ молитвы услышалъ, и тому оказалъ снисхожденіе за его беззаконія, превышающія челоуѣка, и Церкви ея собственную красоту и благолѣпіе святыхъ и честныхъ иконъ возвратилъ, и намъ, имъ поклоняющимся и любящимъ ихъ, и божественныя заповѣди Его хранящимъ, прочный миръ и прощеніе грѣховъ ежедневно даруетъ. Ему слава и держава и честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ Дальнѣйшее—по всей вѣроятности изъ другой бесѣды и связи съ предшестующимъ не имѣетъ. Во всякомъ случаѣ, мѣсто испорченное.

На Воздвиженіе честнаго Креста.

679

Всякая переѣзна, всякій переходъ отъ худшаго къ лучшему доставляютъ людямъ великую радость и удовольствіе. Стремленіе къ совершенству прирождено человѣческой природѣ и потому она, естественно, ищетъ лучшаго и, когда представляется къ тому возможность, спѣшитъ воспользоваться. Такъ именно для людей, совершившихъ плаваніе по бурному морю, пріятно войти въ тихую и спокойную пристань; для путниковъ пріятенъ отдыхъ на привалѣ послѣ тяжелаго перехода; для людей, удрученныхъ печалью, пріятна смѣна печальнаго настроенія веселымъ; еще пріятнѣе для больныхъ выздоровленіе отъ болѣзни и возвращеніе силъ; враждующимъ съ кѣмъ-либо доставляетъ удовольствіе прекращеніе вражды и примиреніе; съ большимъ удовольствіемъ встрѣчается всѣмъ наступленіе дня послѣ предшествовавшаго ему мрака ночи. И можно сказать, всякая переѣзна доставляетъ тѣмъ большее удовольствіе, чѣмъ больше соотвѣтствуетъ она пользѣ и желаніямъ людей. Это относится, между прочимъ, и къ тѣмъ наслажденіямъ, какія даны намъ Богомъ. И здѣсь, какъ нетрудно убѣдиться, наслажденіе обуславливается тѣми пріятными впечатлѣніями, какія возникаютъ въ насъ при всякой наблюдаемой нами переѣзнѣ, совпадающей съ нашими желаніями. Пшеница, конечно, пріятна сама по себѣ; но еще пріятнѣе становится она, когда брошенная въ землю, съ трудомъ для нея обработанную, она потомъ сторицею и съ большою радостью собирается, обеспечивая довольство въ пищѣ. А вѣдь во время сѣва бросается на произволъ судьбы одно зерно! Такъ и сокъ виноградной лозы доставляетъ намъ тѣмъ большее удовольствіе, что здѣсь питье получается отъ дерева путемъ переѣзны.—переработки плода. Въ самомъ дѣлѣ, вѣтви и листья ея весьма горьки и терпки на вкусъ, такъ что противно и въ ротъ взять, а грозды, произрастающія съ вѣтвями и листьями на одномъ деревѣ, имѣютъ столь пріятный вкусъ, что добываемое изъ нихъ питье услаждаетъ всякое горе, разгоняетъ всякую печаль. Тоже самое можно сказать и о маслинѣ, этомъ вѣчно зеленѣющимъ и вѣчно юномъ деревѣ. Въ извѣстное время появляется на немъ плодъ, но не такъ, какъ обыкновенно на другихъ деревьяхъ, а по своему—особеннымъ образомъ. Прежде всего бросается въ глаза почка, какъ бы осыпанная мельчайшей пылью, а въ срединѣ ея заключается, подобно зерну, и самый плодъ, причѣмъ подобно винограднымъ кистямъ плодъ появляется сначала въ безчисленномъ множествѣ, но по мѣрѣ роста все излишнее отпадаетъ какъ бесполезное; затѣмъ—до самаго конца этотъ плодъ остается горькимъ на вкусъ, да и попробовать его бываетъ нельзя, потому что нельзя взять въ руки. Благодаря этому,

онъ сохраняетъ свою сочность и за то ужъ по минованіи горечи приобрѣтаетъ такой пріятный вкусъ, что въ качествѣ приправы прибавляется во всякія лакомства и въ житейскомъ обиходѣ безъ него не обходится ни одно угощеніе. Такимъ-то образомъ всевозможныя растенія и сѣмена тѣми измѣненіями, какія претерпѣваютъ ихъ плоды, доставляютъ всѣмъ удовольствіе. Если же перемѣна отъ худшаго къ лучшему столь пріятна, то перейдемъ и мы сейчасъ же къ предмету несравненно болѣе возвышенному, и посмотримъ, сколькихъ благъ виновникомъ сдѣлался для насъ крестъ Христовъ, силою Распятаго на немъ произведшій столь много перемѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, если о крестѣ Господнемъ (какъ орудіи страданій) слышать печально и тягостно, то тотъ же крестъ исполненъ для насъ свѣтлой радости, разъ онъ сдѣлался для насъ причиною не страданій, но освобожденія отъ страданій. Если одно имя его служить соблазномъ для іудеевъ, а проповѣдь о немъ оказывается для язычниковъ безумною, то намъ вѣрующимъ онъ напоминаетъ о нашемъ спасеніи. И если въ церкви, при чтеніи о крестѣ и воспоминаніи о крестныхъ страданіяхъ, въ народѣ, вѣрующемъ кресту, возбуждается негодованіе, соединенное съ сожалѣніемъ, и возникаетъ ропотъ, то эти чувства относятся не къ самому кресту, а къ тѣмъ, которыхъ невѣріе сдѣлало распинателями. Крестъ есть спасеніе Церкви, крестъ есть похвала возложившихъ на него упованіе, крестъ—избавленіе наше отъ одержавшихъ насъ золь и начатокъ дарованныхъ намъ благъ, крестъ—примиреніе съ Богомъ его враговъ и обращеніе ко Христу грѣшниковъ. Крестомъ избавились мы отъ вражды и крестомъ утвердились въ дружбѣ съ Богомъ; крестомъ освобождены мы отъ насилія діавола и крестомъ избавлены отъ смерти и гибели. Потому-то и народъ сначала, слыша о крестѣ, ропталъ, а потомъ, слушая о воскресеніи, отъ ропота перешелъ къ радости, громогласно возглашая славу. Крестъ сочеталъ людей съ ликомъ ангеловъ, сдѣлавъ ихъ природу чуждою всякаго тлѣннаго дѣла и доставивъ имъ возможность проводить нетлѣнную жизнь. Вѣдь уже не людьми, но богами называются они послѣ креста: *азъ рече: божи есте, и сынове Вышняго вси* (Пс. lxxxi, 6),—не рабами, но друзьями и братьями они именуется: *поплъкъ имѣ твое братіи моеи* (Пс. xxi, 23). Видишь, какую перемѣну произвелъ крестъ? Но чтобы еще яснѣе уразумѣть силу креста, представь себѣ, что было до креста и что послѣ креста,—и тогда ты оцѣнишь его силу и дѣйствіе. До креста Сынъ былъ въ неизвѣстности, а сегодня, когда проповѣдуется о крестѣ, и Сынъ именуется, и Отецъ чрезъ Сына познавается; до креста совершалось поклоненіе діаволу, а нынѣ съ проповѣдью о крестѣ діаволъ низложенъ и демоны обращаются въ бѣгство; до креста мы погрязали въ блудѣ и распутствѣ, а нынѣ послѣ проповѣди о крестѣ не только отстали отъ блуда, но и надъ бракомъ превозносимся, а дѣвство, котораго раньше не

знали, усвоимъ себѣ и соблюдаемъ. Когда не раздавалось еще проповѣди о крестѣ, диаволъ собралъ іудеевъ противъ Христа; нынѣ проповѣдуется крестъ—и апостолы тѣхъ же іудеевъ приводятъ ко Христу вѣрою. До проповѣди о крестѣ смерть властвовала надъ нами; нынѣ крестъ проповѣдуется—и смерть презирается, какъ бы ея и не существуетъ, а вѣчную жизнь мы возлюбили. До креста мы были чуждымъ рабъ, а съ явленіемъ креста тотчасъ же разбойникъ удостоенъ раба. О, великая сила креста! Какія перемѣны произвела она въ родѣ человѣческомъ! Отъ такой тьмы привелъ насъ крестъ къ свѣту незаходимому, отъ смерти воззвалъ къ жизни вѣчной, отъ тлѣнія возродилъ къ нетлѣнію. Очи сердца нашего уже не покрываются тьмою невѣданія, но крестомъ открыты свѣту разумнія; уши глухихъ уже не затворены болѣе невѣріемъ, потому что глухіе услышали слово Господне, и слѣпые прозрѣли, чтобы видѣть славу Божию. Вотъ что совершенно крестомъ, вотъ что даровано намъ ради креста! Въ самомъ дѣлѣ, какое добро получено нами помимо креста, какое изъ благъ даровано намъ не чрезъ крестъ? Чрезъ крестъ научились мы благочестію и познали силу божественной природы; чрезъ крестъ уразумѣли мы правду Божию и постигаемъ добродѣтель цѣломудрія; чрезъ крестъ познали мы другъ друга и, будучи прежде далекими, сочетались Христу и приобщились благодати Святого Духа; чрезъ крестъ познали мы силу любви и не отказываемся умереть другъ за друга; благодаря кресту презрѣли мы всѣ блага міра и вмѣнили ихъ ни во что, ожидая будущихъ благъ и невидимое принимая какъ видимое. Крестъ проповѣдуется, и вѣра въ Бога исповѣдуется и истина по всей вселенной распространяется: крестъ проповѣдуется, и мученики подвизаются и исповѣдничество за Христа утверждается; крестъ проповѣдуется, и воскресеніе даруется, и жизнь является, и царство небесное удостовѣряется, и невѣрные вѣрують кресту,—достигаютъ спасенія даже и тѣ, которымъ крестъ казался непримиримымъ съ жизнью. Виновникомъ всего этого для насъ является крестъ и благодаря ему же мы научились воспѣвать Бога. Итакъ, что выше креста? Что полезнѣе его для нашихъ душъ? Не будемъ же стыдиться имени креста, но со всею смѣлостью будемъ исповѣдывать его, такъ какъ чрезъ него призваны ко спасенію и приводимся къ жизни вѣчной. Видишь, какія перемѣны произвелъ этотъ крестъ въ мірѣ, для его спасенія? Онъ положилъ конецъ его незаконнымъ дѣламъ, пресѣкъ его безбожныя ученія—и міръ не угождаетъ уже болѣе диавольскимъ законамъ и не связывается узами смерти. Богъ пришелъ на землю и посѣлъ неистовство страстей; установилъ Свои законы и научилъ насъ полезному и нужному; утвердилъ заповѣдь цѣломудрія и искоренилъ сладострастіе; начерталъ границы святости, оградилъ невинность закономъ и незаконный блудъ осудилъ на поправленіе; освятилъ правила воздержанія и ниспровергъ господство похоти; божественнымъ ученіемъ ниспровергъ силу страстей и

умалилъ всякій грѣхъ, порождавшійся похотью. Такъ какъ блудъ есть 661
изобрѣтеніе идоловъ, и ихъ коварствомъ порождается всякая порча,
то Онъ и посягаетъ самый корень беззаконія, чтобы положить ко-
нецъ потоку нечестія. Онъ упразднилъ меркое служеніе идоламъ,
уничтожилъ беззаконные обычаи, разсѣялъ всѣ ухищренія, примани
и прикрасы нечестія; Онъ разоблачилъ обманъ и неправду и пре-
градилъ потоки погибели; Онъ очистилъ души отъ укоренившихся
въ нихъ терній нечестія и подобно зернамъ пшеницы принесть сѣмена
богочестія, чтобы заставить души наши плодоносить плоды правды;
Онъ даровалъ намъ изобиліе въ духовной пищѣ и наполнилъ наши
духовныя житницы божественными плодами небесной мудрости; Онъ
пріобщилъ вѣрныхъ святынь Духа и благодаря ему каждый изъ насъ
сдѣлался сосудомъ божественнаго освященія и источникомъ боже-
ственной красоты. Все это пріобрѣли мы благодаря кресту. всѣхъ
этихъ благъ удостоились ради креста. Все это познали мы чрезъ
крестъ и всему этому научились благодаря ему. Но чтобы исполнѣ
оцѣнить силу креста и тѣ послѣдствія, которыхъ онъ былъ причиной,
обрати вниманіе на то, что совершилось у его подножія, и ты убѣ-
дишься, что дѣйствительно это были дѣла, совершенныя божественной
силою. Крестъ водружается противъ Жизни, но чрезъ крестъ даруется
жизнь міру и смерть имъ умерщвляется; крестъ воздвигается противъ
Истины, но благодаря кресту міръ весь наполняется истиною; крестъ
приготавливается для уничтоженія Владыки, но Владыка распростеръ
на немъ Свои руки и всѣхъ привлекъ къ Себѣ. Христосъ виситъ
на крестѣ—и дьяволъ умерщвленъ; Христосъ распростертъ на крестѣ—
и спасительное знаменіе даровано всему міру; Христосъ пригвожденъ
ко кресту—и всякая душа разрѣшена отъ узъ; Христосъ томится
на крестѣ—и все созданіе освобождено отъ работы истлѣнія; Христосъ
на крестѣ испустилъ духъ—и новое чудо явлено міру: свѣтъ солнца
помираетъ. Для не вѣрныхъ въ этомъ знаменіе, что на день суда 662
имъ уготовляется тьма, а для вѣрныхъ этимъ знаменуется то, что
для нихъ тьма смѣняется дневнымъ свѣтомъ. Эта мысль выражается
и въ одномъ пророческомъ изреченіи, которое гласитъ: *и будетъ въ той
день, глаголетъ Господь, зайдетъ солнце въ полудне и померкнетъ въ день
свѣтъ: и прегращу праздники ваша въ жалость и вся тѣси ваша
въ плачъ* (Ам. viii, 9, 10). Видишь, возлюбленный, какой глубочайшій
таинственный смыслъ содержитъ въ себѣ это пророческое слово? Оно
равно примѣнимо и къ тѣмъ и другимъ, т. е. какъ къ подзаконнымъ
іудеямъ, такъ и къ язычникамъ, виѣ закона творившимъ свои беззаконія.
Первые, праздноу по закону, будутъ проводить свои праздники въ плачѣ
и мѣсто всякихъ нѣсень у нихъ заступитъ вопль объ Іерусалимѣ.
Служеніе Богу въ Іерусалимѣ упразднится и совершеніе праздниковъ
въ немъ прекратится, когда наступитъ конецъ всему, послѣ прише-

ствія Христа и Его искупительныхъ страданій. Потому-то и говоритъ Богъ чрезъ пророка: *обращу праздники ваша въ жалость и вся пѣсни ваша въ плачъ*. Іудеи лишатся своего законнаго достоянія и предадутся въ рабство всякому народу за то, что не повѣрили божественной и необычайной проповѣди креста. Будутъ плакать и язычники, исповѣдую свои грѣхи, но будутъ плакать плачемъ, достойнымъ ублаженія. Сказано: *блаженн плачущіи, яко тѣи утѣшатся* (Мѡ. v, 4). И вотъ они будутъ оплакивать тѣ суетные праздники и нечестивыя пѣсни, въ которыхъ выражалось ихъ служеніе нечистымъ демонамъ. Замѣть же, какъ показавшійся язычникъ, прежде праздновавшій идоламъ, нынѣ обращаетъ свой праздникъ въ плачъ и въ покаяніе о томъ злѣ, какое онъ творилъ, и со слезами повторяетъ это пророческое слово: *уснухомъ въ постыждѣніи нашемъ, и покры насъ безчестіе наше*, потому что мы умножили нечестіе наше (Іер. ш, 25). *Познахомъ беззаконіа отецъ нашихъ* (xiv, 20). Такъ-то вотъ и мы, съ добрымъ плачемъ и сожалѣніемъ объ изображенныхъ выше нашихъ порокахъ, припадемъ ко кресту, на него возлагая свои надежды, чтобы при руководствѣ креста и съ устремленною къ небу мыслью приблизившись ко Христу Спасителю нашему, мы удостоены были пребыванія вблизи Бога, въ царствѣ небесномъ, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святомъ апостолѣ Ѳомѣ.

- 681 1. Я пришелъ уплатить вамъ, друзья, долгъ. Мой долгъ такого рода, что и меня, отдающего, онъ обогащаетъ, и вамъ, получающимъ, приносить пользу. Вотъ я и хочу, исполняя свое обѣщаніе, опять побесѣдовать съ вами о Ѳомѣ, о томъ, какъ сначала онъ не повѣрилъ вокресенію Спасителя, а потомъ, послѣ того какъ увидѣлъ и осязалъ, увѣровалъ во Христа и назвалъ Его Господомъ и Богомъ. Итакъ, я призываю васъ къ вниманію. И прошу васъ умолить святого Ѳому, чтобы онъ, положивъ на мои уста свою святую десницу, осязавшую ребра Владыки, укрѣпилъ мой языкъ къ изъясненію того, что вамъ такъ желательно. Примите мои слабыя слова въ тишинѣ и спокойствіи, чтобы извлечь изъ нихъ хотя бы небольшую какую-нибудь пользу. Когда Спаситель нашъ расторгъ всепожирающую утробу ада и сдѣлался первенцомъ изъ мертвыхъ и чрезъ закрытыя двери явился ученикамъ Своимъ, тогда *Ѳома, младеиый близнецъ, не бы ту съ ними* (Іоан. xx, 24). О, какое чудо! Предметъ желанія явился, а самого желающаго не оказалось; Пастырь добрый предсталъ Своей паствѣ, а овца блуждала внѣ

стада, или лучше сказать—въ ограды; Царь небесный пришелъ лично, а воинъ находился вдали отъ божественнаго стана. Случилось же то, что Тимома тогда отсутствовалъ, по таинственному божественному устрой- 682
 нію. Если бы онъ присутствовалъ, онъ не усомнился бы; а если бы не усомнился, не осязалъ бы его; если бы не осязалъ, не увѣровалъ бы такъ; если бы не увѣровалъ такъ, и насъ не могъ бы научить вѣро-
 вать. Такъ, и невѣріе ученика дѣлается матерью нашей вѣры. Вѣдь и мы, не видѣвшіе Христа, поклоняемся Ему, именно потому, что Тимома видѣлъ Его и поклонился Ему; не осязавшіе неосязаемаго, мы воспѣ-
 ваемъ Его, потому что тотъ, собственными руками обнявъ Владыку, воспѣлъ Ему: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. хх, 28, 25). Итакъ, осталь-
 ные ученики говорили Тимоѣ, опоздавшему явиться во время: *видѣхомъ Господа*,—видѣли Того, Кто сказалъ: *по трѣхъ дняхъ востану* (Мф. ххviii, 63), и мы—свидѣтели того, что Его слова оправдались на дѣлѣ; мы видѣли Того, Кто сказалъ: *Азъ есмь воскресеніе, и истина, и жизнь* (Іоан. xi, 25, xiv, 6), и мы приняли Его, какъ воскресеніе, и истину, и жизнь отъ
 жизни; мы видѣли Того, Кто сказалъ: *власть имамъ положить душу Мою и власть имамъ пакы пріяти ю* (Іоан. х, 18, 17), и эту власть Его мы познали на дѣлѣ. Вдругъ посреди насъ сталъ Спаситель, не раскрывая дверей комнаты, а мы, какъ и легко себѣ представить, пора-
 женные Его чудеснымъ явленіемъ, не могли опомниться отъ этого новаго чуда. Но вотъ слышимъ,—Онъ говоритъ намъ: *миръ вамъ* (Іоан. хх, 21)! и бури печали смѣнилась въ сердцахъ нашихъ тихою радостью. Затѣмъ, мы увидѣли Его руки, пронзенныя острыми гвоздями и изгла-
 дившія грѣхи людей; увидѣли Его руки, которыми сокрушилъ Онъ смерть и всѣмъ людямъ даровалъ воскресеніе; увидѣли и святое ребро 683
 Его, прободенное за насъ и источившее кровь и воду, эти два источ-
 ника нашего спасенія; а изъ Его божественныхъ устъ восприняли бо-
 жественное дуновеніе, дуновеніе Духа, дуновеніе, ниспосылающее вся-
 кую благодать. Отъ Владыки нашего мы облечены властью отпускать грѣхи и вершить судъ надъ грѣшниками, получивъ отъ Него такой за-
 вѣтъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся* (Іоан. хх, 23). Вотъ какими словами мы насладились, вотъ
 какихъ даровъ отъ Спасителя удостоились (вѣдь и невозможно было намъ не обогатиться въ общеніи съ Владыкою всѣхъ)! Ты одинъ только
 опоздалъ—и вотъ теперь остался нищимъ. И тотчасъ въ отвѣтъ имъ Тимома сталъ говорить: вы видѣли Господа? Только я недостойный былъ
 узрѣть Его? Я призванъ не такъ, какъ призваны вы? Я почтенъ отъ Него не такъ, какъ почтены вы? Развѣ не вмѣстѣ съ вами видѣлъ я
 Его распятымъ? Наравнѣ съ вами пережилъ я дни печали, наравнѣ съ
 вами хочу познать и радость. Какъ видѣлъ я кончину Христову, такъ
 хочу узрѣть и Его воскресеніе. *Аще не вижу на руку Его язва воз-*
длинная, и вложу перста моего въ язву воздлинная, и вложу руку мою

съ ребра Его, не иму *отры* (Іоан. хх, 25). Вѣдь и вы не повѣрили бы, если бы сначала не увидѣли Его; такъ и я, если не увижу,—не повѣрю. Держись, Ѳома, держись въ этомъ добромъ невѣріи! Держись твердо, пока не утвердишься на камени вѣры; оставайся при такомъ своемъ желаніи, пока не увидишь желаемаго! Я привѣтствую твою недоувѣрчивость, какъ разсѣивающую всякую недоувѣрчивость; хвалю твою спорливость, родившуюся изъ преданности Христу и поражающую всю спорливость еретиковъ. Не вѣрь, не вѣрь еще и еще, чтобы я могъ повѣрить тѣмъ тверже. Взыскуй Господа и требуй Его присутствія, чтобы, воспользовавшись твоими усиліями и настойчивостью, я могъ обнять своего Искупителя. Будь же настойчивъ въ призваніи Того, Кто сказалъ: *ищите и обрящите* (Мѡ. вѣ, 7)! Не переставай допытываться, пока не найдешь сокровища, которое ищешь. Не переставай стучаться въ дверь чужлаго противорѣчій знанія, пока не откроетъ тебѣ ее Тотъ, Кто сказалъ: *толките и отверзется вамъ* (Мѡ. вѣ, 7)! Съ удовольствіемъ прислушиваюсь я къ частому повторенію твоихъ словъ: *аще не увижу на руку Его язвы гвоздинной, не иму отры*. Твое невѣріе меня научаетъ вѣрѣ; какъ будто плугомъ—твоимъ языкомъ взрываешь ты пашню божественнаго тѣла, а я безъ труда пожинаю плодъ и усвою его себѣ. Если своими собственными глазами не увижу тѣхъ бородъ, какія проложили на Его святыхъ рукахъ нечестивые, ни въ какомъ случаѣ не повѣрю вашимъ словамъ; если своего собственного перста не вложу въ язвы, пробитыя гвоздями, не приму вашего благовѣстія; если этою моею рукою не коснусь Его ребра,—неложнаго свидѣтеля воскресенія,—ваше свидѣтельство меня нисколько не поколеблетъ.

2. Своими собственными глазами я разсмотрю то, что вы проповѣдуете (такъ какъ глаза достовѣрнѣе слуха), и тогда только соглашусь съ вашими заявленіями. Вѣдь всякое заявленіе становится твердымъ и достовѣрнымъ только тогда, когда подтверждается дѣлами; а слова, лишеныя фактическихъ доказательствъ, легковѣсны и попусту сотрясаютъ воздухъ. Мнѣ предстоитъ проповѣдывать людямъ о чудесахъ Учителя: какъ же стану я говорить о томъ, чего не видалъ глазами? Какъ убѣжду невѣрныхъ вѣрить тому, чего самъ не изслѣдовалъ? Какъ скажу я іудеямъ и язычникамъ, что распятымъ моего Владыку я видѣлъ, воскресшимъ же не видѣлъ, но только слышалъ о томъ, что Онъ воскресъ? Кто не осмѣетъ такіа мои рѣчи? Кто не отнесется съ презрѣніемъ къ такой проповѣди? Вѣдь иное дѣло—слышать, и совершенно иное—видѣть; иное—словесная передача, и совершенно иное—наблюденіе и опытъ. Въ то самое время, когда Ѳома въ такомъ духѣ бесѣдовалъ съ соапостолами, опять среди учениковъ,—при закрытыхъ дверяхъ,—явился Іисусъ. Чрезъ закрытыя двери проникла Дверь жизни; какъ проникла—вѣдомо одному только самому Богу Слову. Какъ при рожденіи Своемъ не повредилъ Онъ дверей дѣвства, такъ и внутри

дома появился, не сокрушая затворовъ. И опять: какъ изъ закрытаго и запечатаннаго гроба Онъ вышелъ, такъ точно и здѣсь вошелъ чрезъ закрытыя двери. Вошелъ плотію туда, гдѣ былъ божествомъ, и дверей не растворилъ. Восхотѣлъ—и ничто Его не задержало; восхотѣлъ—и все Ему подчинилось; восхотѣлъ—и тварь повиновалась: все подчинилось единой волѣ Того, Кто былъ и есть истинный Богъ. Такъ и рожденіе Его побѣждаетъ всякій умъ, и возстаніе изъ гроба превосходить всякую мысль, и явленіе Его ученикамъ остается необъяснимымъ и непостижимымъ. Что явился Онъ ученикамъ—этому я наученъ; но какъ явился—этого я уже не знаю, а чего не знаю, о томъ и говорить не дерзаю. Я воспѣваю явившагося, но о способъ Его явленія не допрашиваю; проповѣдую тайну, но необъяснимаго не объясняю; удивляюсь совершившемуся чуду, но какъ оно совершилось, не допытываюсь; вѣрю написанному безъ колебанія—и спасаюсь. Я только слухомъ воспринялъ о чудесахъ Господнихъ, но самъ Его божественныхъ дѣйствій не изслѣдовалъ. А если кто-нибудь изъ іудеевъ скажетъ мнѣ: чрезвычайно странно и просто-таки невѣроятно то, что ты проповѣдуешь! Какъ въ самомъ дѣлѣ могло чрезъ закрытыя двери проникнуть осязаемое тѣло?—то и я спрошу его: какъ могъ ангелъ низвести Аввакума въ ровъ львиный и вывести его оттуда обратно, оставивъ цѣлыми и невредимыми наложенныя на входъ печати (Дан. iv, 32)? Рабъ—что захотѣлъ, то и сдѣлалъ, а Владыка не смогъ того, что благоволилъ? Конечно—какъ то совершилось по волѣ Божіей, такъ и это сдѣлано по волѣ во-человѣчившагося Бога Слова. Итакъ, явился Спаситель, какъ благоволилъ, Своимъ ученикамъ и сталъ посреди ихъ, чтобы всѣмъ одинаково быть видимымъ, и сказалъ имъ: *миръ вамъ* (Іоан. xx, 26)! Я самъ—Миръ, и миръ даю вамъ. Что Я есмь, то и даю. Этотъ миръ преклонить всѣхъ враговъ подъ ваши ноги; этотъ миръ сдѣлаетъ начала и власти вашими слугами; этотъ миръ дастъ вамъ побѣду надъ вселенной. Обрадовались ученики, опять съ наслажденіемъ увидѣвши Господа и услышавъ Его слова. и начали подталкивать Өому и показывать ему взглядами; ихъ глаза только что не говорили ему: не увѣряли ли мы тебя раньше: *видѣхомъ Господа*, и ты нашимъ словамъ не вѣрилъ? Вотъ самъ Онъ, Котораго ты желаешь; дѣлай все, что тебѣ угодно, приступи къ Нему, пришедшему къ намъ ради твоего спасенія и постарайся найти отвѣтъ на свои вопросы. А самъ Өома стоялъ, разглядывая своими глазами всѣ члены Спасителя и тщательно изслѣдуя каждый въ отдельности, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли въ явившемся и воскресшемъ онъ видитъ Того, Который умеръ. И что же говорить ему единый благодѣй, единый благоутробный и человеколюбецъ, *иже хочетъ всякаго челоуѣкомъ спастися и въ разумъ истины приняти* (1 Тим. ii, 4)? *Принеси персть твою стмо и виждь руцѣ Мои* (Іоан. xx, 27). О, недостигаемая высота человеколюбія! О, бездна безмѣрнаго снисхожденія! Онъ

не ожидаетъ приближенія ученика, не ждетъ, когда тотъ обратится къ нему съ просьбой о томъ, чего онъ хотѣлъ; ни на одно мгновеніе не откладываетъ Онъ исполненія его желанія,—напротівъ, самъ привлекаетъ его къ Себѣ, самъ приплекаетъ къ Себѣ его персты и Своимъ Владычнымъ языкомъ воздвигаетъ руку раба, сказавъ ему: *принеси перстъ твой съмо и виждь руцѣ Мои*. Видѣ ради тебя Я пришелъ къ тебѣ; ради тебя опять предсталъ сюда, откуда божествомъ никогда не отступалъ; ради тебя произнесъ гвоздями эти Мои руки, чтобы тебѣ обезпечить вѣрное спасеніе. Приблизься ко Мнѣ и тѣломъ, и духомъ, и вѣрою, и со всею ясностью познай то, что ты хотѣлъ узнать; дѣлай все, что тебѣ угодно—изслѣдуй, разсмотри, осяжи; какъ еще младенчествующій, читай на Моихъ рукахъ эти письма Моихъ добровольныхъ страданій—раны. Всѣ Мои члены я предоставляю тебѣ для изслѣдованія. Не стыжусь покрывающихъ Мое тѣло рубцовъ, не стыжусь ранъ, воспринятыхъ Мною для исцѣленія вашихъ ранъ; не скрываю этихъ знаковъ Моей побѣды и прославленія; Я открываю ихъ предъ всѣми и всею твари дѣлаю извѣстными. Видѣло ихъ и солнце (потому что оно и скрылось и превратило день въ ночь); видѣла ихъ земля (при видѣ ихъ она и поколебалась); знаютъ ихъ скалы (изъ-за нихъ онѣ и распались, оплакивая Мои страданія); знаютъ ихъ мертвые (потому что ради нихъ возстали изъ гробовъ); знаетъ ихъ и церковная завѣса, потому что ради нихъ разодралась она, заранѣе оплакивая гибель іудеевъ. *Виждь руцѣ Мои*, какъ ты хотѣлъ; проникни перстомъ твоимъ въ глубь Моихъ ранъ. И ребро Мос хочешь изслѣдовать? Вотъ Я обнажаю и его. Дай сюда твою любознательную руку и коснись Моего ребра; осяжи тѣло Мое, происшедшее безъ человѣческаго сѣмени; осяжи тѣло Мое, воспріятое отъ Маріи Дѣвы, Дѣвою и бывшей; коснись тѣла Моего, родственнаго тебѣ; коснись тѣла Моего, пострадавшаго по Моей собственной волѣ; коснись тѣла Моего, ради васъ умерщвленнаго. но не подавашагося тлѣнію смерти; коснись тѣла Моего, страшнаго для безплотныхъ силъ; коснись тѣла Моего, предъ которымъ херувимы трепещутъ и серафимы благоговѣютъ,—и научись собственнымъ опытомъ, что у Меня познается осязаніемъ и что не познается, что подвергалось страданію и что безстрастно, что смертно и что бессмертно, что умерщвлено было ради тебя и чему тлѣніе не приразилось, что сейчасъ подъ твоими перстами и что недоступно твоей рукѣ. *И не буди не трепнѣ, но трепнѣ.*

3. Я, Ѳома, отсутствуя какъ человѣкъ, но присутствуя какъ Богъ, слышалъ то, что говорилъ ты твоимъ братьямъ; удаленный отъ васъ по человѣчеству, Я былъ среди васъ по божеству. Хочешь, Я напомню тебѣ, что ты прежде сказалъ? Не говорилъ ли ты: *еще не вижду на руку Его язвы гвоздинныя и вложу руку мою въ ребра Его, не иму трепнѣ*? Не эти ли мысли родились въ твоемъ умѣ? Не эти ли слова сбѣжали

съ твоего языка? И вотъ твое сомнѣніе побудило Меня придти сюда еще разъ; вторично являюсь Я здѣсь, какъ ты того желалъ. Не стыдись же узнать то, чего ты хотѣлъ, не медли изслѣдовать то, чего ты требовалъ, не отказывайся приблизить перстъ твой къ этимъ Моимъ рукамъ. Я стерплю и прикосновеніе перста, какъ стерпѣлъ гвозди; перенесу и любопытство со стороны друга, какъ перенесъ издѣвательство со стороны враговъ во время распятія. Оскорбленія враговъ не возбудили во Мнѣ гнѣва: неужели же просьба друга причинить Мнѣ досаду? Дай сюда твой перстъ и посмотри руки Мои, израненныя ради васъ, чтобы исцѣлить язвы вашихъ душъ; посмотри руки Мои и разсуди самъ съ собою—Тотъ ли Я, вольною волею предавшій Себя на распятіе, или другой кто-нибудь вмѣсто Него? Посмотри Мои руки, на которыхъ—по Моему попущенію—остались эти знаки, какъ бы на память о безуміи іудеевъ, чтобы, когда безстыдные по своей привычкѣ іудеи въ день суда станутъ говорить Мнѣ: мы не распинали Тебя, Господи,—Я могъ показать врагамъ Моимъ эти руки въ такомъ вотъ видѣ и тѣмъ пристыдить богопротивную синагогу,—заставить ихъ взрѣть на Того, *Еюже прободоша* (Іоан. xix, 87), и съ плачемъ поклониться Ему. И вотъ Гома, коснувшись Владычныхъ рукъ и божественнаго ребра и исполнившись одновременно и страха и радости при видѣ того, что представилось его глазамъ, тотчасъ воспѣваетъ Господу и восклицаетъ: *Господь мой и Богъ мой* (ст. 28)! Ты—Господь и Богъ, Ты—человѣкъ и Человѣколюбецъ! Ты—врачъ природы—чудесный и необычайный! Ты не пощажашь страданія желѣзомъ, не прижигаешь раны огнемъ, не составляешь лѣкарствъ изъ травъ, не налагаешь видимыхъ повязокъ на страждущія члены. Ты имѣешь невидимыя узы состраданія, невидимо связывающія все разслабленное. Твоя мысль острѣе желѣза; Твое слово сильнѣе огня; Твое мановеніе дѣйственнѣе всякаго лѣкарства. Какъ Творецъ, Ты безъ труда осыщаешь твореніе; какъ Создатель, безъ усилій преобразуешь созданіе. *Господь мой и Богъ мой!* По Твоей волѣ прокаженные очищались, хромы начинали ходить, разслабленные оказывались въ силахъ носить свои постели, слѣпородженныя прозрѣвали отъ омовенія, демоны убѣгали; но Ты допустилъ, чтобы Тебя схватили Твоя враги и добровольно претерпѣлъ отъ іудеевъ по плоти все ради меня. *Господь мой и Богъ мой!* Ты—Богъ мой и Господь, Ты—предвѣчный и вмѣстѣ временный, Ты—небесный и вмѣстѣ земной, Ты—невидимый и видимый; Ты не имѣешь образа и воспринялъ мой образъ, Ты не имѣешь тѣла и облеченъ этимъ тѣломъ; Ты Богъ воистину и человѣкъ целоюю; Ты въ утробѣ Дѣвы, но Ты же и въ нѣдрахъ Отца; Ты съ Отцомъ на небѣ и ради насъ на крестѣ; Ты прежде вѣковъ воссѣдаешь на царскомъ престолѣ, но Ты же гвоздями пригвождаешься къ древу; Ты безстрастенъ по духу, но претерпѣлъ страсть по плоти; Ты безсмертенъ, какъ единосущный Отцу, но

и смертенъ, какъ единосущный намъ; Ты во гробѣ, но ты и на херувимахъ; Ты и въ смерти явился подателемъ жизни, и съ мертвыми вмѣняясь освобождаешь мертвыхъ; Ты остаешься мертвымъ тридневно и пребываешь совѣчнымъ Рождающему Тебя; Ты возставилъ храмъ тѣла Твоего, и возсталъ самъ Своею силою, какъ Богъ; Ты съ нами по плоти и прежде всѣхъ вѣковъ со Отцомъ; Ты и на небесахъ горѣ, Ты и на землѣ, Ты всю тварь назираешь какъ Богъ; Ты повсюду, Ты наполняешь все; Ты сейчасъ въ моихъ объятіяхъ, но въ Твоей рукѣ содержится все. Я смотрю на Тебя тѣлесными глазами, но созерцаю и очами вѣры; нахожу въ Тебѣ то, что получилъ Ты отъ меня, но познаю и то, что имѣешь ты отъ Отца—Твое неизреченное божество. Исповѣдую Тебя единымъ Господомъ и Богомъ. Я убѣдился, что Ты—единный существуешь такъ и иначе, но не признаю Тебя такимъ и инымъ. Я не раздѣляю нераздѣлимаго, не разлучаю неразлучнаго, не сѣку несѣкомаго; и что вижу, и что обнимаю, и что мыслю—все выражаю я однимъ восклицаніемъ: *Господь мой и Богъ мой!* Ты Своимъ снисхожденіемъ извелъ душу мою изъ бездны невѣрія; Ты рабствовавшихъ людей сдѣлалъ свободными; Ты осудилъ грѣхъ въ безгрѣшной Твоей плоти; Ты поправилъ діавола, когда восхотѣлъ; Ты сокрушилъ всѣ его разящія стрѣлы; Ты смерть умертвилъ смертію; Ты нетлѣніемъ Своимъ истребилъ тлѣніе; Ты воскресеніемъ Своимъ возстановилъ для насъ воскресеніе; Свой тридневный гробъ Ты оставилъ на землѣ залогомъ воскресенія мертвыхъ; Ты людей сдѣлалъ небесными; Ты землю сдѣлалъ свѣтлѣе неба; Ты—однимъ словомъ—все перемѣнилъ къ лучшему; будучи Богомъ, Ты сдѣлался человѣкомъ, чтобы человѣка сдѣлать Богомъ; Ты—*Господь мой и Богъ мой!* Говорить ему Господи: *яко видѣлъ Мя вѣровавъ еси* (ст. 29),—но смотри, чтобы когда Я войду съ плотію туда, откуда пришелъ безъ плоти, снова не пробудилось въ тебѣ невѣріе и ты не сталъ говорить: если не увижу опять на рукахъ Его раны отъ гвоздей, не буду вѣрить. Ты уже заявилъ свое невѣріе, осязалъ и разъ навсегда увѣровалъ: теперь тебѣ только остается проповѣдывать то, въ чемъ ты увѣрился. Блаженны видѣвшіе Меня и увѣровавшіе, но гораздо болѣе блаженны не видѣвшіе Меня и увѣровавшіе. Это ублаженіе, братіе, относится къ намъ,—не удостоившимся Его зрѣть, но увѣровавшимъ въ Него. И дѣйствительно, блаженны вѣрою созерцающіе Невидимаго! Блаженны вы, видящіе Его при каждомъ нашемъ собраніи здѣсь, когда вы и очами усматриваете Его, и устами любуете, и зубами вкушаете, причемъ Тотъ, Кого вы поѣдаете, не съѣдается и не оскудѣваетъ. О. необычайное таинство! О, страшное таинство! Сидящій одесную Отца покоится въ десницахъ грѣшниковъ. Воспѣваемый ангелами объемяется нечистыми руками и попускаетъ носить Себя своимъ грѣшнымъ рабамъ. Онъ не гнушается нашихъ грѣшныхъ дланей, не гнушается достойныхъ осуж-

денія перстовъ. Не поражаетъ насъ, бранныхъ, Творецъ нашъ, но самъ побуждаетъ насъ, самъ говорить: *примите, ядите* (Мѡ. ххvi, 26; хiv, 22); *примите, пейте* (Лук. ххп, 17; Мѡ. ххvi, 27). Приступите ко Мнѣ и осяжите ребро Мое вашими руками, насладитесь всѣ Моиѣ Тѣломъ. Какую бы частицу Мою вы ни взяли, въ ней весь всецѣло Я, Тотъ, Кто былъ осязаемъ Богомъ. Приступимъ же всѣ въ чистотѣ къ чистому, но приступимъ съ должнымъ благоговѣнiемъ, безъ какой-либо поспѣшности, которая была бы здѣсь знакомъ неуваженія нашего къ нашему Владыкѣ. Приближаясь каждый въ отдѣльности и бесѣдуя наединѣ съ Икупителемъ, будемъ говорить Ему: Господи, мы недостойны, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ душъ нашихъ (Мѡ. viii, 8). Но такъ какъ Ты самъ хочешь быть въ насъ, такъ какъ Тебѣ, какъ челоуѣколюбцу, угодно обитать въ насъ, мы съ дерзновѣнiемъ приступаемъ къ Тебѣ и исповѣдуемся Тебѣ; если Ты, Владыко, повелѣваешь, мы отверзаемъ врата устъ нашихъ, которыя Ты, единый, сотворилъ. Войди къ намъ съ обычнымъ Тебѣ челоуѣколюбiемъ, войди и разрѣши узы нашего не- 687
смысла, войди и просвѣти наши помраченные умы. Вѣруемъ, Господи, что ты сдѣлаешь это. Вѣдь ни блудницу, со слезами припавшую къ Тебѣ, Ты не оттолкнулъ отъ Себя, ни покаившагося мытаря не отвергнулъ, ни разбойника, исповѣдаваго Твое царство, не прогналъ, ни покаившагося гонителя не оставилъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ,—но всѣхъ ихъ, покаиѣмъ къ Тебѣ приведенныхъ, Ты сопричислилъ къ лику Твоихъ друзей. Съ такой молитвой и чистой душой да сподобимся мы небесныхъ таинствъ, да оградимъ себя цѣломудренной жизнью и да не изыдетъ постыдное слово изъ устъ нашихъ, принявшихъ въ себя Христа, Господа Бога нашего. Усвойте себѣ это и вы, новопросвѣщенные чада церкви! Почитайте безболѣзненные муки рожденія купели и не отвергайтесь ея божественной утробы, чтобы не сказалъ Богъ и о васъ: *сыны родихъ и возвысихъ, тѣмже отвергуюшася Мене* (Ис. I, 2). Имена 688
ваши написаны на небесахъ. Не оскверняйте же самихъ себя снова грязью наслажденiй, чтобы не навлечь на себя порицанiе апостола Господня Павла: *течаше добръ; кто возбрани вамъ истинъ не покаяться* (Гал. v, 7)? Вы только что сняли съ себя бѣлая одежды, но да не снимется вмѣстѣ съ ними бѣлизна душъ вашихъ! Если вы сами не снимете съ себя этой одежды, никто другой не въ состоянiи будетъ раздѣть васъ. Итакъ, оставайтесь всегда новопросвѣщенными, чтобы удостоиться услышать эти блаженные слова: *приидите, благословеннiи Отца Моего, насладитесь уготованное вамъ царствiе отъ сложенiя мiра* (Мѡ. ххv, 34)! Его да сподобимся всѣ мы благодатью и челоуѣколюбiемъ Господа нашего Иисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, держава, честь и поклоненiе, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На вочеловѣченіе Господа нашего Іисуса Христа, и что у каждой страны есть ангелы.

687

1. Истинно явилась намъ благодать Христова и озарилъ насъ свѣтъ благочестія; истинно возсіяло у насъ солнце правды и просвѣтило концы вселенной. Явился Владыка небесъ и всю землю, какъ восхотѣлъ, обратилъ въ небо, какъ было предсказано; Онъ небесный, явившись среди васъ, дѣлаетъ васъ небесными, и небеснымъ даруется небесное: отъ вѣрнаго вѣрующимъ залогъ вѣрности, отъ святого сватымъ святое, отъ живого живущимъ жизнь. Въ это мы посвящаемъ васъ въ священныхъ и царскихъ палатахъ апостоловъ, когда касаемся ученій пророческихъ, когда небо и земля подѣлили между собою голоса ихъ: земля имѣетъ Іоанна, говорящаго: *гласъ вопіющаго въ пустыни; уготовайте путь Господень, прави творите стези Его* (Мѡ. ш, 3); а небо имѣетъ гласъ Отца, подтверждающаго на дѣлѣ, что *гласъ Господень на водахъ* (Псал. ххviii, 3). Это мы вамъ предложили отъ себя; усерднымъ это послужить къ напominанію, а вѣрующимъ къ утвержденію. Слѣдуетъ знать, что повтореніе хорошаго болѣе укрѣпляетъ ваши души. Какъ землю мы тогда находимъ наилучшимъ образомъ «обработанною, когда она одними и тѣми же плугами разрабатывается и за первой обработкой непосредственно слѣдуетъ вторая, улучшающая видъ первой, такъ и душа, воздѣлываемая словомъ Божиимъ, если напominаніе уже сказаннаго, входя въ умъ, обновляетъ его, дѣлается способище къ произведенію плода добродѣтели. Но время уже намъ обратиться къ тому, о чемъ слѣдуетъ говорить, — что мы сами общали и о чемъ вы думаете. Затѣмъ я прошу всѣхъ любящихъ Христа предоставить мнѣ свои уши и умъ, чтобы слухомъ безъ пропуска воспринимать то, что говорится, а умомъ тщательно обдумывать и усвоить ученіе. Рѣчь будетъ именно о Христѣ; а все, что говорится о Христѣ, не есть простое проповѣдываніе, а таинство благочестія. Все домостроительство Христово называется таинствомъ; а таинство не въ письменахъ показывается, а возвѣщается на самомъ дѣлѣ. Поэтому Св. Писаніе все домостроительство Христа называетъ таинствомъ, какъ, напр., говорить Павелъ: *тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и во Церковь* (Ефес. v, 32), и еще: *испытуюмо велия есть благочестія тайна, еже явися во плоти* (1 Тим. ш, 16), и еще: *по откровенію сказася мнѣ тайна, якоже можете чутливе разумѣти разумъ мой въ тайнѣ Христовѣ* (Ефес. ш, 3, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *мнѣ меншему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія благовѣстити вамъ неизслѣдованное богатство Христово и просвѣтити* (Ефес. ш, 8, 9), это и есть домостроительство тайны сокровенной

отъ вѣковъ и отъ родовъ: нѣмъ же явися святымъ его, иже востанетъ Богъ сказать, кое божество славы тайны сея во языцехъ, иже есть Христосъ въ васъ, упованіе славы (Колос. 1, 26, 27). Ошибаются послѣдователи еретиковъ, подвергая тайну Божію человѣческимъ обсужденіямъ, потому что сказано: тайнство Мое Мнѣ и Моимъ. Кто же Божіи, какъ не вѣрующіе? Когда хочешь что-нибудь узнать или услышать о Христѣ, не спрашивай разсудокъ, не обращай къ мудрецу, но спроси у пророка, спроси у апостола, узнай отъ ангела; если же они не знаютъ, обращай къ Отцу. Если обратишься къ пророкамъ и спросишь: кто это Христосъ?—въ отвѣтъ тебѣ сонмъ пророковъ отвѣчаетъ и говоритъ: *сей Богъ нашъ, не вѣнчнтся инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку своему и Израилю возлюбленному отъ Него. Посемъ на земли явися и съ челоѣчки поживе* (Варух. ш, 87—88). Если спросишь, кто такой Христосъ, и любопытствуя о божественномъ рожденіи, спросишь, какъ Онъ родился, пророки заставляютъ замолчать твое дерзновеніе и начнутъ говорить: чего не вмѣщаетъ нашъ умъ, ты хочешь понять? Если хочешь этому научиться, признай сначала, что Онъ Богъ. Если же любопытствуешь, какъ Онъ родился, научись у насъ: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. лш, 8)? Если спросишь апостола,—я разумѣю, конечно, весь апостольскій сонмъ,—онъ скажетъ тебѣ, что Христосъ есть Богъ, въ началѣ Богъ, и у Бога Богъ, и всегда Богъ: *сіяніе славы и образъ ипостаси, образъ Бога невидимаго, нося всяческая глаголомъ силы своею* (Евр. 1, 8). Если спросишь, какимъ образомъ Сущій родился,—скажутъ тебѣ: „былъ“—мы слышали, и тому, что Онъ былъ, мы научились, а какимъ образомъ Сущій отъ Сущаго происходить, это мы вѣрою принимаемъ, а не знаніемъ. Далѣе, когда спросишь ихъ: если, значить, вы не знаете, какъ Онъ родился, то почему вы знаете, что Онъ есть Сынъ Божій?—отвѣтатъ тебѣ: *Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. 1, 14). Затѣмъ, если, оставивъ пророковъ и апостоловъ, устремись къ ангеламъ и скажешь имъ: кто это возвѣщаемый Христосъ?—отвѣтатъ тебѣ тѣ, которые благовѣствовали пастырямъ: мы научились прославлять, а не любопытствовать: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоѣцехъ благоволеніе* (Лук. п, 14)! Мы такъ возвѣщаемъ о Немъ и благоустраемъ вамъ радость велию, яже будетъ въсѣмъ людемъ, яко родился вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ (Лук. п, 10, 11). Что Онъ—Христосъ, и Спаситель, и Господь, это мы знаемъ. Если же скажешь имъ: скажите намъ, какова природа Его, или какъ родился, или какъ у Него съ Отцемъ нераздѣльная сила,—отвѣтатъ тебѣ: развѣ ты не слышалъ, какъ пророкъ говоритъ: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ, хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его* (Псал. сѣлш, 1, 2),

служу Ею, творящій волю Ею? Намъ повелѣваютъ исполнять волю, а не любопытствовать о природѣ. Но, если ангелы умалчиваютъ, пророки не возвѣщаютъ, апостолы скрываютъ, можетъ быть Отецъ Который родилъ, открываетъ, какъ Онъ родилъ Сына? И самъ Отецъ не открываетъ—не потому, что не знаетъ, а просто потому, что не открываетъ. О томъ, что Онъ родилъ, Онъ говоритъ: *изъ чрева прежде денницы родилъ Тя* (Псал. сѣх, 3),—что родилъ, говорить, но не открываетъ способа того безсмертнаго рожденія, расплѣтнаго отъ вѣчнаго корня, по свидѣтельству самого Отца, гласящему: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Мѣ. ш, 17). Самому говорить: *изъ чрева прежде денницы родилъ Тя*, и міру говорить: родилъ; о рожденіи объявляетъ, а способа не открываетъ. Поэтому, когда намъ предстоитъ необходимость изслѣдовать о Христѣ, то мы не будемъ отступать отъ апостольскихъ и пророческихъ источниковъ, но изъ тѣхъ безсмертныхъ рѣкъ и неиссякаемыхъ источниковъ будемъ черпать священную влагу божественнаго ученія. Когда кто говоритъ о томъ, что относится къ Богу, пусть отъ Бога и черпаетъ живую влагу, согласно съ тѣмъ, что предсказано: *Мене оставиша источника воды живою* (Іерем. п, 18), и еще: *пей воды отъ источниковъ спасенія* (Ис. хп, 3). Конечно, если мы, оставивъ Св. Писаніе, будемъ служить желаніямъ человѣческаго разсудка, обсуждая то, что приходитъ на умъ, тогда ученію наше не будетъ похоже на воду живой рѣки, но будетъ, какъ вода въ пустынѣ, какъ блаженный Іеремія говорилъ Іерусалиму: *пути свои расшири на воды пустыни, и для поясненія сказаннаго представляешь: въ похотѣхъ души своей оттролю попишешся* (Іерем. п, 24), т. е., о томъ говорилъ онъ, чего желала душа его, а не о томъ, чего хотѣлъ Богъ. Точно также и нынѣ исполняющій желанія своихъ собственныхъ измышленій, а не изслѣдующій того, что отъ Бога, блуждаетъ по водамъ пустыни. Ничто такъ не отнимаетъ красоты у Церкви, какъ тѣ, которые отстаиваютъ врывающіяся нмъ човѣческія измышленія. Поэтому Павелъ говорилъ объ еретикахъ: *можехъ похотѣхъ избреть себѣ учителя* (2 Тим. іv, 3). Итакъ, обратися къ чему слѣдуетъ. А это мы по необходимости предпослали вашей любви, чтобы вы искали точный смыслъ всего, что говорится не у насъ, не въ нашихъ разсужденіяхъ, но въ божественномъ Писаніи. Намъ предстояло показать, какимъ образомъ Христосъ обновляетъ міръ; какъ човѣка, одряхлѣвшаго въ раю вслѣдствіе грѣха, Христосъ обновляетъ посредствомъ своего домостроительства.

2. Мы обѣщали заняться этимъ въ священной оградѣ апостоловъ, но тамъ удержались отъ изложенія, потому что не всѣ присутствовали. Началомъ, приличнымъ слову, возьмемъ ученіе о твореніи. *Сотвори Богъ небо и землю* (Быт. і, 1). Это—начало, соответствующее тому, о чемъ намѣреваемся говорить, то есть, первое основаніе міра, первый

фундаментъ творенія. *Сотвори Богъ небо и землю и море и вся яже въ нѣбѣхъ* (Псал. cxlv, 6). Коротко говоря, и все прочее произвелъ, словомъ, не имѣя ни въ чемъ сопротивленія, не испытывая труда, не подвергаясь утомленію, но производя природу вещей согласно Своему слову. Сотворилъ все, а въ концѣ и красоту творенія — человѣка. Какъ все тѣло наше, исключая лица, представляется мертвымъ, такъ все сотворенное, кромѣ человѣка, кажется тоже мертвымъ; а почему именно — выслушай. Блещаетъ солнце, но не можетъ объяснить само себя; свѣтитъ луна, но не сама изучила свои повороты, а слово изъяснило; блеститъ множество звѣздъ, но законѣмъриость въ ихъ движеніи изслѣдуется лишь наукой; величественно море, но о заливахъ его сообщитъ человѣческій языкъ. И нѣтъ ничего изъ того, что существуетъ въ мірѣ, что не нуждалось бы въ объясненіи человѣческимъ голосомъ. Отъ этого происходитъ, что явленіе, не доступное объясненію, считается неважнымъ и само по себѣ, а то, что можетъ быть хорошо выражено, признается хорошимъ и по существу. Зрѣніе во многихъ случаяхъ обманывается и вводитъ умъ въ заблужденіе; а слово, коснувшись, обнаруживаетъ природу, сообщаетъ силу, объясняетъ ученіе. Итакъ, будь внимательнымъ. Сотворилъ Богъ всякое созданіе, а въ концѣ созданія сотворилъ человѣка по образу Своему и по подобію; образъ Свой далъ ему: не тѣлесный видъ, но особенное достоинство, мыслительную способность и уподобленіе по своимъ добродѣтелямъ Создавшему. И вотъ явился человѣкъ въ образѣ и подобіи Бога, причемъ подобіе могло быть развиваемо до безконечности. Не думай, что это не относится къ нашей задачѣ. Корень того, о чемъ мы имѣемъ въ виду говорить, обнаруживается именно теперь. Сотворилъ человѣка по образу Своему и по подобію. Богъ желалъ, чтобы человѣкъ стремился къ уподобленію владычному достоинству, конечно, въ мѣру, послѣдовательно и въ порядкѣ. Я приведу какой-нибудь примѣръ (потому что слѣдуетъ пояснять то, о чемъ говорится, и простыми примѣрами): если у насъ какой-нибудь хозяинъ имѣетъ у себя раба и замѣтитъ, что онъ подражаетъ благоразумію хозяина, то овъ любить и цѣнить его; если рабъ станетъ подражать челоѣколюбію хозяина, тотъ любить свое приобрѣтеніе; если замѣтитъ, что рабъ ходитъ на свободѣ въ церковь, благочестивъ, соблюдаетъ постъ, подаетъ милостыню, — хозяину нравится прекрасное подражаніе слуги. Но, конечно, когда подражаніе переступаетъ мѣру, когда слуга начинаетъ изображать изъ себя хозяина, отдаетъ приказанія другимъ слугамъ, какъ хозяинъ, распредѣляетъ между ними работы, какъ хозяинъ, — то подражаніе болѣе уже не похвально, а достойно порицанія. Нужно, чтобы рабъ подражалъ кротости, умѣренности, благочестію, справедливости, а не свободѣ и владычеству. Вотъ и человѣкъ, получивъ возможность подражать благодѣи Божіей, переступилъ границы въ подражаніи и захотѣлъ наконецъ соревновать съ Богомъ, однако

не въ добродѣтели, а въ достоинствѣ властительства. Въ этомъ именно и обманулъ его змѣй, говоря: *въ оныѣ еще день съѣсте отъ него, будете яко бози, едѣюще доброе и лукавое* (Быт. ш, 5). Хвалить Богъ подражаніе, если въ немъ соблюдается мѣра; если же мѣра переступается, подражатель порицается. Откуда это видно? Вѣдь Онъ самъ сказавъ: *сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію нашему* (Быт. і, 26). И вотъ уподобились Богу апостолы, но не подпали подъ проклятіе; уподобились Богу пророки, но не заслужили порицанія. Они подражали Богу, уподоблялись Ему въ челоуѣколюбіи, милосердіи, справедливости, благочестіи. А кто вдумаетъ равняться съ Богомъ по божественной Его власти, тотъ тотчасъ же наказывается. Вотъ что говоритъ Исаія одному тирану въ Вавилонѣ, въ безуміи считавшему себя равнымъ Богу: *ты же рекъ еси во умѣ своемъ: на небо възду, и сяду на горахъ высокихъ, яко къ стверзю; възду выше облакъ, и выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему: нмѣю же во адъ спидеши, и во основанія земли* (Ис. xiv, 13—15). Видишь, какъ превозносившійся гордостью наказывается? Но какова, однако, зависть—сдѣлаться подобнымъ Творцу, если самъ былъ сотворенъ по образу и подобію Его? Поистинѣ, въ своей безграничной дерзости онъ переступилъ всякія границы и, оставивъ уподобленіе по добродѣтели, стремился восхитить божеское достоинство. Напротивъ, о Давидѣ говорится: *обрътохъ Давида сына Іессеова, мужа по сердцу моему* (Дѣян. xш, 22). Вотъ подобіе по образу. Такъ какъ мысли Давида были обращены къ Богу, будучи полны кротости, смиренія, заботы о правдѣ и челоуѣколюбіи, то *обрътохъ Давида сына Іессеова, мужа по сердцу моему*. Его за то, что правильно подражалъ сердцу Бога, похвалилъ, а того тирана, который подражалъ сердцу Бога не по добродѣтели, а по власти, порицалъ, даже наказавъ. И говоритъ Богъ чрезъ Іезекііля: *и ты, сынъ челоуѣкъ, рыцарю Тирскому: понеже вознесся сердце твое и рекъ еси: азъ есмь Богъ, ты же челоуѣкъ еси, а не Богъ, и положилъ еси сердце твое, яко сердце Божіе: се азъ наведу на тя чуждые губители отъ языка, и извлекутъ мечи своя на тя и на доброту хитрости твоея* (Іезек. xlvш, 2, 7). И, коротко говоря, прибавляетъ: *и умрешъ смертію язвѣнныхъ въ сердцѣхъ морстѣхъ. Еда речеши предъ убивающими тя: Богъ есмь азъ* (ст. 8, 9)? Видишь, какъ подражаніе сверхъ мѣры наказывается? Челоуѣкъ, свернувъ въ сторону, соблазнившись этимъ безмѣрнымъ подражаніемъ, оказался лишеннымъ даже и того, что онъ имѣлъ. Такъ именно вся смерт-

691 ная природа, стремясь вопреки волѣ Божіей къ тому, что выходитъ изъ предѣловъ возможности, не только ничего не получаетъ, но даже теряетъ то, что имѣетъ. И какъ глазъ, пользуясь умѣренными лучами солнца, радуется и видитъ свѣтъ, если же хочетъ взглянуть на самый кругъ, то не только не получаетъ свѣта, но и того, что имѣлъ, лишается въ наказаніе, такъ и смертная природа, стремясь къ невозмож-

ному вопреки волѣ Божіей, теряетъ разумъ. И вотъ палъ человѣкъ, а за паденіемъ появилось множество ранъ: идолослуженіе, блудъ, прелюбодѣяніе, корыстолюбіе и тому подобное. И палъ человѣкъ глубоко, потерявъ печать образа Божія отъ нерадѣнія; палъ до такой степени, что *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. хlvш, 13). Созданіе раздѣлилось на двѣ части: одна вышла изъ повиновенія, а другая оставалась въ рабствѣ, какъ я говорилъ въ предшествующей рѣчи. Львы начали замышлять на того, кто былъ образомъ Божиимъ, змѣи кусали, вся безсловесная природа освирипѣла на Владыку своего. Такъ какъ она увидѣла, что онъ нарушилъ законъ Божій, то хотѣла и сама избѣжать его господства. Солнце вздумало не всходить для преступника, луна захотѣла помрачить свои лучи, звѣзды не захотѣли показываться созданію, источники захотѣли отказать въ потокахъ, рѣки въ теченіи, сады въ прелести, луга въ цвѣтахъ: все захотѣло отказать отъ человѣка, потому что онъ отказался отъ своего Господа. Знаю, что рѣчь глубока и темна, но для вѣрующихъ и сотрапезниковъ Церкви нужно выяснитъ смыслъ Св. Писанія. Все сотворенное было порабощено человѣку, не по достоинству, но потому, что это повелѣлъ Богъ, чтобы образъ не совсѣмъ былъ униженъ, хотя бы и палъ. Поэтому, когда все созданіе возмутилось, Богъ повелѣлъ ему не противиться, но приказалъ, чтобы солнце испускало свои лучи, земля приносила плоды, море рыбъ и торговлю, звѣзды сіяніе. Открывая эту именно мысль, апостолъ говоритъ: *чаяніе бо твари откровеніи сыновъ Божіихъ часть, суетъ бо тварь повинуся не волю, но за повинувшаго на упованіи, яко и сама тварь свободится отъ работъ истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. viii, 19—21). Это значитъ: какъ увидѣлъ Богъ человѣка падшимъ и природу отказывающуюся служить ему, неблагодарному,—тогда надѣлъ на нее узду даже помимо желанія ея и приказалъ, чтобы солнце сіяло, земля приносила плоды свои, а не отказывалась дѣлать это, хотя бы и для неблагодарнаго преступника, и чтобы показать щедрое благодѣяніе общаго всѣмъ Владыки, общалъ созданію и обновленіе вмѣстѣ съ падшимъ человѣкомъ; какъ бы такъ говорилъ Богъ созданію: такъ какъ образъ палъ, и палъ вслѣдствіе преступленія и погибаетъ чрезъ непослушаніе, то ты раздѣли съ нимъ работу истлѣнія, въ какую онъ впалъ; а я, когда обновлю его, Мой образъ, Моего поврежденнаго человѣка, то съ нимъ самимъ и тебя, созданіе, обновлю и сдѣлаю участникомъ въ славѣ его. Ты страдаешь вмѣстѣ съ нимъ при несчастіи его, воскреснешь вмѣстѣ и во время славы его. А почему, братъ, созданіе убѣгаетъ отъ владычества человѣка? Потому, говоритъ, что *суетъ тварь повинуся*. Какой суетъ? Суетой называется то, вслѣдствіе чего человѣкъ отвратился отъ Бога, какъ говоритъ Давидъ: *обаже всяческая суета, всякъ человекъ живый* (Псал.

хххуш, 6). Суетнымъ является всякій человѣкъ, который, оставивъ Бога, преслѣдуетъ суетное.

8. Были, конечно, ангелы по всей землѣ, которымъ были поручены народы, какъ свидѣтельствуемъ Моисей, говоря: *егда раздѣляше Вышній языкъ, яко разсѣя сны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ* (Второз. хххп, 8). Это значитъ: страны вселенной Богъ распредѣлилъ между ангелами; напр., одному ангелу одну страну, другому другую, чтобы на эту неодушевленную природу солнца, луны, звѣздъ, земли и моря надѣть уаду для пользованія ими смертному человѣку. Затѣмъ, ангелы мучились, служа недостойнымъ людямъ, и терзались, видя, какъ, оставивъ достоинство Владыки, люди стали поклоняться идоламъ. Негодовали ангелы, размышляя, что другой признается правителемъ и другимъ существамъ возносится благодарность. Земля приносила вино, и жертвенники принимали возліаніе; земля приносила и изобиліе плодовъ, и они посвящались идоламъ. Не переносили ангелы насилія, видя, какъ почитается несуществующее, вмѣсто Сущаго. Здѣсь является другой вопросъ, который выдвигается у пророка. Пришелъ къ нему, — сказано, — ангелъ Гавріилъ и говоритъ: *Даніилъ рабъ Божій, отъ дне, въ онѣже подаде еси озаобити душу твою предъ Господомъ, услышана молитва твоя, и я посланъ возвѣстити тебѣ эти слова: кмазе же царства перскаго стояше противу мнѣ, и се Михаилъ, князь народа вашего, приде помощи* (Дан. х, 12, 13). Кто же этотъ ангелъ, оказавшій сопротивленіе Гавріилу, и почему онъ ему сталъ сопротивляться? Уже прежде сказано вамъ, братіе, что Богъ отдѣлилъ каждому изъ ангеловъ страну, для охраны всякаго созданія. Поэтому святому Гавріилу, посланному съ неба, сопротивляется ангелъ, покровительствующій царству персовъ, т. е. Персіи. Но вотъ вопросъ: если тотъ былъ посланъ отъ Бога и отъ Бога же былъ посланъ Гавріилъ, то почему онъ сопротивляется ему? Вѣдь если бы посланный ангелъ былъ представителемъ другого владыки, то сопротивленіе съ его стороны было бы вполне естественно; но если одинъ и тотъ же Богъ одного назначилъ къ тому народу, а другого послалъ къ пророку, то почему одинъ сопротивляется другому? Обращи на это особенное вниманіе. Весь міръ былъ исполненъ идолослуженія; ангелы, приставленные къ язычникамъ, мучились и скорбѣли, видя, какъ Богъ презирается, а идолы почитаются. Когда потомъ плѣнный народъ пришелъ въ Вавилонъ, явился Даніилъ, проповѣдующій о Богѣ, явились три отрока, воспѣвающіе Бога въ то время, когда разожжена была печь, — тогда и нечестіе посрамилось, тогда лъвы сомкнули свою пасть и невѣрующіе замолчали. Поэтому ангелъ, начальникъ царства персидскаго, радовался и торжествовалъ по поводу того, что во владѣніяхъ его раздастся проповѣдь о Богѣ. Видѣлъ ангелъ, какъ халдеи, нѣкогда почитавшіе огонь и поклонявшіеся идоламъ, чудеснымъ образомъ научены были почитать Бога

и радовался, видя область свою, нѣкогда полную нечестія, обращающуюся къ благочестію. Видѣлъ ангелъ, какъ Навуходоносоръ царь говорилъ: *Седразъ, Мисакъ, Авдемано, раби Бога отинило* (Дан. ш, 98), и радовался. И вотъ, когда блаженный Даниилъ просилъ Бога, чтобы народъ былъ возвращенъ изъ плѣна по прошествіи тѣхъ опредѣленныхъ семидесяти лѣтъ, а Гавріилъ былъ посланъ объявить ему, что народъ опять возвращается изъ плѣна и получить землю свою, т. е. Іерусалимъ, то Гавріилу сопротивляется ангелъ персидскаго царства, опечалившись тѣмъ, что опять его земля возвратится къ прежнему идолослуженію и наполнится нечестіемъ, и сопротивляется, не сражаясь съ нимъ, но противорѣча ему. Что такъ, говорить, вы стараетесь возвратить народъ? Развѣ плѣнные получили здѣсь вредъ себѣ? Когда они находились въ своей странѣ, они поклонялись идоламъ, когда же пришли сюда, начали прославлять Бога, и сами получили для себя пользу, и другимъ сдѣлались полезными. Что же мѣшаетъ быть имъ здѣсь? Какой вредъ получилъ здѣсь народъ, что вы спѣшите освободить его изъ плѣна? Видишь, Бога чтутъ, язычники просвѣщаются, а ты торопишься уничтожить столь великое благодѣяніе? Зачѣмъ ты посланъ? Я посланъ, говорить, вывести народъ изъ плѣна въ отечество его. Въ какое, говорить, отечество? Въ то, которое они запятнали убійствами, когда были въ Іерусалимѣ? Не въ этомъ ли обличаетъ ихъ Іеремія, говоря: *по числу градоу твоихъ быша бози твои, Іудо, и по числу путей Іерусалимскихъ жралъ еси Впапу* (Іерем. п, 28)? Безчисленными тогда благами пользовались они отъ Бога, но отъ зла не воздерживались, а теперь переносятъ безчисленныя бѣдствія, и не уклоняются отъ Бога. Итакъ, произошло сопротивленіе, однако не такое, какое бываетъ у худого въ отношеніи къ доброму, потому что не сказано: сражался, а: сопротивлялся, такъ какъ часто бываетъ, что и справедливый противится чему-нибудь доброму. Иногда бываетъ, что снисходительность сопротивляется закону и, наоборотъ, законъ не соглашается съ снисходительностью. Законъ согрѣшившаго наказываетъ, а милость царя часто прощаетъ его. Здѣсь происходитъ сраженіе только не врага со врагомъ, но родственника съ родственникомъ, потому что ни справедливость не лежитъ вѣнъ снисходительности, ни снисходительность вѣнъ справедливости. Но это говорилось мимоходомъ; возвратимся къ предмету. И вотъ, когда природа находилась въ такомъ состояніи и негодовала на преступника, когда ангелы мучились неблагодарностью того, кто былъ облагодѣтельствованъ, и когда весь міръ былъ испорченъ вслѣдствіе преступленія (вѣдь что терпитъ дерево или другое какое-либо вещество, то переносить и земля согласно сказанному: *и видѣ Богъ землю, и бѣ раститна ея: яко растли всяка плоть тути своей* (Быт. vi, 12), т. е., увидѣлъ землю и она была испорчена),—тогда пророки возвѣщали міру, что будущій вѣкъ возстановитъ падшій міръ и обновитъ испорченный образъ. И

пусть никто не подумаетъ, что я наговорилъ много лишняго и притомъ безъ всякаго порядка и послѣдовательности. Всѣ мои разсужденія направляются къ одной цѣли. Если бы мы сначала не показали, какимъ образомъ міръ былъ испорченъ, мы не могли бы показать, какъ онъ былъ обновленъ. Итакъ, вся земля была совершенно испорчена, небо потемнѣло, и вся тварь была возмущена. Не такимъ стало созданіе, какимъ сотворилъ его Богъ отъ начала, небо не блистало звѣздами, земля не изобиловала плодами, море не благопріятствовало судоходству. Явился преступникъ и осквернилъ землю, осквернилъ небо, воздухъ, море, источники, рѣки, все осквернилъ богохульствомъ своимъ: небо—богохульствомъ, воздухъ—постыдными звуками, землю—преступными убійствами, море—грабителями и разбойниками, источники и рѣки—нечестивымъ идолослуженіемъ, потому что и источники, и рѣки, и лѣса, и деревья, и всякое созданіе было предметомъ обоготворенія: ничѣмъ тварь онъ такъ не осквернилъ, какъ обоготвореніемъ ея. И вотъ вся тварь была возмущена. Приходитъ Спаситель міра, а лучше сказать—возвѣщается апостолами, что Онъ придетъ и обновитъ все. И не только апостолы проповѣдывали, но и пророки предсказывали, что придетъ Христосъ. Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы кто не подумалъ, что Богъ дѣйствуетъ также, какъ человѣкъ: вѣдь когда человѣкъ сомнѣвается относительно первой помощи, думаетъ о второй, а когда терпитъ неудачу здѣсь, ищетъ третью, а когда и тутъ обманывается, возлагаетъ надежду на четвертую. И вотъ, чтобы кто-нибудь не подумалъ того же о Богѣ, пророки предсказали о Томъ, Кто имѣетъ придти, чтобы показать, что Богъ не послѣ размышленія приходитъ къ тому, что хочетъ сдѣлать, но отъ начала все предвидитъ. Мы, люди, впередъ обдумываемъ и, если не достигаемъ цѣли съ одной стороны, дѣлаемъ попытку съ другой; но Богъ не такъ: Онъ далъ законъ, пророковъ и послѣ этого евангеліе, не временемъ научаясь тому, что нужно, но отъ начала зная, что созданіе нельзя оставить такъ, безъ явленія Христа. Мы, люди, когда увидимъ болѣзни, тогда и начинаемъ думать о помощи, а Богъ еще до появленія ранъ въ нашей природѣ предвидѣлъ лѣкарство спасенія. Многіе говорятъ: развѣ не предвидѣлъ Богъ, что Адамъ согрѣшитъ? Я говорю: не только предвидѣлъ, но уже до паденія зналъ и то, что Христосъ искупитъ и восстановитъ его; и прежде не увидѣлъ бы паденія, если бы не предвидѣлъ воскресенія, но Онъ напередъ самъ предназначилъ врачество воскресенія и тогда допустилъ смерти войти къ человѣку, чтобы онъ научился знать, что вкушаетъ благодаря себѣ самому и что получаетъ отъ Бога. И какъ въ Египтѣ Онъ опредѣлилъ сначала быть годамъ плодородія, предназначивъ этимъ годамъ изобилія быть средствомъ избавленія отъ голода, и затѣмъ уже навелъ самый голодъ, такъ что врачебная помощь предупредила самую болѣзнь; такъ прежде чѣмъ былъ созданъ Адамъ, прежде чѣмъ явились отъ него без-

законные, прежде чѣмъ родились праведные и пророки, Богъ предвидѣлъ невозможность оставить Свой образъ въ чловѣкѣ не возстановленнымъ чрезъ Христа. Въ Адамѣ Богъ видѣлъ Павла, видѣлъ Петра. Того, что Адамъ останется въ раю и избѣжитъ изгнанія, Онъ, конечно, не предполагалъ, но видѣлъ въ немъ Павла, благовѣствующаго благочестіе и восхищеннаго въ рай, и Петра, которому вѣрены ключи отъ небесъ, и все въ этомъ первомъ чловѣкѣ видѣлъ. Въ корнѣ Онъ видѣлъ уже и плоды.

4. Позвольте мнѣ ввести въ бесѣду разговоръ Бога, какъ будто Онъ обращается къ Сыну Своему и говорить съ Нимъ. Пусть никто не думаетъ, что это насильственная рѣчь. Вѣдь какъ при твореніи чловѣка Богъ прибѣгнулъ къ совѣту съ едиnorodнымъ и содѣйствующимъ (*сотворимъ чловѣка по образу нашему и по подобію*), 694 такъ, вѣроятно, и Сынъ говорилъ Отцу. Дай же мнѣ договорить. Не спѣши возражать мнѣ: что-де ты рассказываешь о Богѣ такіа небывицы, какъ будто при тебѣ происходило это; вѣдь ты же тамъ не былъ? Если мнѣ не удастся обосновать своихъ словъ и доказать ихъ сообразность съ истиной, тогда другое дѣло—тогда можешь считать меня и лжецомъ. *Сотворимъ чловѣка по образу нашему и по подобію*. Какъ Творецъ, Онъ говорилъ, а какъ предвидящій, отвѣчалъ: если согрѣшитъ Адамъ (а онъ несомнѣнно согрѣшитъ), то разрушится ли наше твореніе? Представь, что это говорить или Отецъ Сыну, или Сынъ Отцу. Именно такой совѣтъ—безъ противорѣчія—долженъ быть у Тѣхъ, у кого самая природа недѣлима. Но Адамъ грѣшитъ, совершаетъ преступленіе, умираетъ, а чрезъ него всѣ люди погибаютъ, природа наша искажается, какъ будто худо сотворенная. Опять совѣщаніе: нужно прежде всего опредѣлить способъ лѣченія. Должно тебѣ, Единородный мой, Сынъ - Слово, сіяніе Моей славы, должно Тебѣ, если Ты заботишься о созданіи, которое Мы, содѣйствуя другъ другу, образовали, должно Тебѣ облечься въ погибающаго чловѣка, должно Тебѣ ваять апостоловъ, и какъ діаволъ воспользовался содѣйствіемъ змѣи, сдѣлавъ его орудіемъ для обмана, такъ и Ты воспользуешься содѣйствіемъ Твоего же созданія, чтобы обновить падшаго. Но много, говорить, явится изобрѣтателей нечестивыхъ ученій. Явится безбожное заблужденіе эпикурейцевъ, появится ересь, утверждающая, что жизнь идетъ безъ Провидѣнія, выплыветъ другая ересь съ ученіемъ о божественности тѣла, много явится учителей заблужденія: кому же уничтожить такое исчастіе? Это я сказалъ образно для того, чтобы въ концѣ подтвердить разсужденіе апостольскимъ голосомъ. Итакъ чтоже? Это ли—одѣніе, которое принимаетъ Богъ - Слово? Оно ли должно разойтись по всѣмъ странамъ вселенной и просвѣтить всѣхъ? Нѣтъ, говорить, но Ты мнѣ исполнишь божественный планъ, у Тебя будутъ апостолы вѣстниками божественнаго слова, у Тебя будетъ Павелъ благовѣствующій, у Тебя будетъ

Петръ, овладѣвающій Римомъ, у Тебя будутъ апостолы помощниками въ домостроительство Нашемъ. Это говорилось раньше сотворенія Адама. Сначала было опредѣлено то, что относится къ воплощенію Христа и что касается апостоловъ, а потомъ уже былъ созданъ Адамъ. Откуда это? Слушай, что говоритъ Павелъ: *тайну сокровенную отъ вѣка и отъ родовъ* (Колос. 1, 26), и: *благословенъ Богъ, благословившій насъ вслѣдствіе благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ, яко же избра насъ во Христа прежде сложенія міра, прежде нарекъ насъ во усыновленіе* (Ефес. 1, 8, 4). И въ другомъ мѣстѣ о себѣ самомъ и о подобныхъ ему говоритъ: *изже предвидѣ сообразныхъ образу Сына Своего* (Рим. 8, 29). Не только предопредѣленіе и избраніе, но и самую благодать, которую получилъ Павелъ спустя столько поколѣній, относить къ тому же времени, т. е. будто бы получилъ ее прежде вѣковъ. Откуда это видно? Онъ говоритъ Тимоею: *чадо Тимоеее, споспѣшествую на насъ по силѣ Бога, спасающа насъ и призваша званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по своему благоволенію и благодати, данной намъ о Христѣ Иисусѣ прежде вѣчныхъ* (2 Тим. 1, 9). Избралъ самъ прежде устройства міра, предопредѣлилъ прежде вѣковъ, далъ намъ благодать отъ вѣка. И это все находится въ согласіи, потому что домостроительство Спасителя было предвидѣно и предопредѣлено до сотворенія человѣка. Конечно, свои бесѣды о благочестіи я обращаю къ друзьямъ, но знаю, однако, что между друзьями замѣшиваются иногда и соглядатыя, которые обращаютъ вниманіе въ бесѣдѣ не на то, что полезно, но стремятся къ одному, какъ бы уловить бесѣдующаго; поистинѣ такихъ я не столько ненавижу, сколько сожалею о нихъ. Однако согласно съ апостоломъ: *за пришедшую лжебратію, изже привидоша соглядати свободы нашея* (Гал. 2, 4), откроемъ свою мысль. Пожалуй, врагъ вышедши можетъ сказать: хорошо богословіе! Богъ раздумываетъ и говоритъ: что дѣлать, когда явится много учителей заблуждающихся? Отецъ говоритъ Сыну, какъ будто одинъ сомнѣвается, а другой учитъ Его. [На это нужно сказать, что] Священное Писаніе, когда наставляетъ насъ о Богѣ, не столько изыскиваетъ слова, соотвѣтствующія божественной силѣ, сколько примѣняется къ нашей слабости. Развѣ же Богъ, какъ бы передавая Свое дѣло на человѣчeskій судъ, не говоритъ: *и имѣтъ ты, человѣче Іудинъ, и живущій въ Іерусалимѣ судите между мною и виноградою моєю. Что сотворю еще, и не сотворишъ* (Ис. 5, 8, 4)? Развѣ это говорится прямо, а не въ видѣ совѣта? Когда говоритъ къ Исаіи: *кого пошлю и кто пойдетъ къ людямъ симъ* (Ис. 61, 8), развѣ сомнѣваясь говорить, или—не находя служителя? Все, что говорится о Богѣ, должно согласоваться съ церковнымъ ученіемъ и измѣряться согласно не съ силой возвѣщающаго, но со слабостью слушающихъ. Наша цѣль показать то, что было опредѣлено о Христѣ до Адама, предвѣзбраніе апостоловъ и благодать евангелія, предназначенную прежде вѣчныхъ временъ. Обрати

особенное вниманіе. Одно выраженіе, невѣрно понятое, можетъ дать поводъ къ осужденію того, что говорится. Богъ видѣлъ не только Адама, нарушающаго заповѣдь, но и Спасителя, явившагося во плоти Господомъ, приготовляющаго путь къ добродѣтели и всѣхъ привлекающаго къ послушанію. Видѣлъ Богъ ребро, взятое отъ Адама и преобразовавшееся въ жену, и предвидѣлъ также ребро Христа, приносящее намъ таинственные дары, воду и кровь, изъ которыхъ одна есть символъ очищенія, а другая залогъ таинствъ. И не столько Онъ наказалъ самымъ пораженіемъ, сколько осчастливилъ, придумавъ врачество. Тамъ жена изъ мужа ко грѣху, здѣсь мужъ изъ жены ко спасенію. Тамъ ребро, рождающее причину смерти, здѣсь ребро, дающее залогъ нетлѣнія. Тамъ змѣй на деревѣ, а здѣсь Христосъ на крестѣ. Тамъ пища, влекущая за собой смерть, здѣсь пища, уничтожающая ее. Ты знаешь то, что касается вѣрующихъ, узнай и о таинствахъ. Тамъ со стыдомъ прозрѣли и увидѣли, что они нагіе, а мы теперь вираемъ благочестиво и видимъ, что мы одѣты. Тамъ прозрѣніе и нагота, здѣсь одѣяніе и просвѣщеніе. Тамъ кожанная одежда, скрывающія стыдъ, здѣсь одѣяніе славы, покрывающее слабость нашу, тѣло Христа, одежда самого Царя, потому что *емцы во Христа крестистесь, во Христа облечестесь* (Гал. ш, 27). Тамъ земля еси и въ землю отыдеши (Быт. ш, 19), здѣсь обновившій землю дѣлаетъ человека небеснымъ, общая не землю, но царство. Тамъ мечъ пламенный, удерживающій Адама, здѣсь огненные языки съ неба, просвѣщающіе Адама. Тамъ изгоняютъ изъ рая, здѣсь доверяютъ ключи небесъ. Предвидѣлъ Богъ будущее прежде настоящаго. И какъ нынѣ, прежде чѣмъ черпать воду, готовится водопроводъ, и прежде чѣмъ потекутъ воды, устраняется водоемъ, не для текущей уже воды, но для той, которая потечетъ, такъ и Богъ напередъ опредѣлилъ то, что должно быть образовано во Христѣ, и зналъ, что во Христѣ обновится все. И начинается сверху, носится на небѣ, согласно сказанному: *преклони, Господи, небеса и снуди* (Псал. сѣлш, 5); прошелъ по небесамъ, освятивъ ихъ, разсѣкаетъ воздухъ, чтобы освятить его отъ оскверненія позорными плѣнами, обходитъ землю, чтобы освятить ее отъ оскверненія убійствами, ходитъ по водамъ морскимъ, чтобы освятить оскверненные воды, крестится во Иорданѣ, чтобы освятить естество воды, находитъ и Адама, лежащаго въ гробу, и принимаетъ образъ его,—дѣлается Христосъ и потомкомъ Адама, и обновленіемъ Адама; а какимъ образомъ—выслушай. Принимаетъ образъ, который сотворилъ въ раю, и украсилъ его всѣмъ противоположнымъ, давъ ему средства ко спасенію, въ противоположность жизни въ раю. Въ раю Адамъ обольстился роскошью, плоть же Христа увѣнчивается постомъ; въ раю первое состязаніе, а въ пустынь второе—съ дьяволомъ. Итакъ приходитъ Спаситель, обновляя это созданіе, украшая его различными добродѣтелями и являясь посредникомъ между Богомъ и людьми; Онъ пришелъ возвѣстить міру, что

обновляется надшій образъ, что онъ возстановляется, что спасается. Онъ не могъ возвѣстити этого, если бы не былъ посредникомъ. Вѣдь когда лицо, заслуживающее довѣрія, общается что-нибудь тому, кто стоитъ ниже его, то послѣдній не рѣшается требовать исполненія обѣщанія: такъ и здѣсь: такъ какъ Богъ былъ невидимъ, а міръ былъ видимый, то Онъ даетъ надежнаго посредника: *ходатай Бога и человѣкова, чело-вѣкъ Христосъ Іисусъ* (1 Тим. II, 5). Если бы посредникъ не имѣлъ сродства съ тѣми, для кого онъ служить посредникомъ, то онъ не могъ бы быть посредникомъ. Поэтому, такъ какъ Христосъ становится посредникомъ между Богомъ и людьми, то необходимо, чтобы Онъ былъ въ сродствѣ какъ съ Богомъ, такъ и съ людьми, и явился бы какъ бы нѣкоторымъ посредствующимъ домоостроительствомъ, соединяясь съ Богомъ по божеству и находясь въ единеніи съ людьми по человѣчеству. Что же Онъ дѣлаетъ? Сначала учитъ, а потомъ обновляетъ, дѣлается и посредникомъ и поручителемъ, передаетъ то, что отъ Бога, людямъ, а то, что отъ людей, Богу. Человѣческій родъ былъ вѣдь враждебнымъ Богу вслѣдствіе преступленія, ни человѣкъ не вѣрилъ Богу, ни Богъ не вѣрилъ человѣку вслѣдствіе происшедшей перемѣны въ падшемъ. И вотъ Христосъ какъ будто такъ говорилъ людямъ: не сомнѣвайтесь въ томъ, что есть воскресеніе; Я—поручитель этого; Я беру вашу плоть и предаю ее смерти; если Я не возстановлю ее, не вѣрьте мнѣ. Съ другой стороны, и Бога склоняетъ къ примиренію съ людьми, говоря въ такомъ родѣ: Я берусь быть представителемъ человѣка, Я обновлю его, Я устрою такъ, что онъ откажется отъ заблужденія и познаетъ истину; прими Меня посредникомъ за людей для того, чтобы и сами они приняли Меня посредникомъ Твоей силы.

5. О томъ, что Христосъ есть дѣйствительно посредникъ, засвидѣтельствовало Священное Писаніе, а что Онъ и поручитель, принимающій на Себя поруку, чѣмъ подтвердить намъ это, чтобы не показалось, что мы въ Церкви предлагаемъ не церковное ученіе, а свои собственные измышленія? Если я самъ отъ себя говорю, то зачѣмъ говорить? А если я возвѣщаю то, что отъ Бога, изъясняю то, что отъ Духа, то принимай это ученіе. Итакъ, что Іисусъ есть поручитель, говоритъ Павелъ: *нынѣ же лучшее улучи служеніе, поелику и лучшую завѣта сѣтъ ходатай Іисусъ* (Евр. VIII, 6; VII, 22). Вотъ посредникъ между Богомъ и людьми ходатайствуетъ за человѣка предъ Богомъ. Онъ сказалъ, что возстановитъ насъ—и возстановляетъ, сказалъ, что наградитъ насъ безсмертіемъ—и награждаетъ. Когда Онъ сотворилъ Адама, то, не будучи связанъ какими-либо ручательствами, прямо безъ порукъ далъ ему небо и землю: не обѣщалъ вѣдь Онъ ему раньше ни земли, ни рая, ни всего прочаго, но все это, чего не обѣщалъ, далъ ему; неужели же не дастъ Онъ того, что теперь обѣщалъ съ ручательствомъ? Евангеліе въ Священномъ Писаніи называется иногда по-

вымъ (καινόν) завѣтомъ, иногда недавнимъ (νέτερον) завѣтомъ, иногда лучшимъ завѣтомъ, иногда вторымъ, иногда вѣчнымъ. Такъ какъ одно названіе всего значенія выразить не можетъ, то различными названіями лучше всего и указывается сила евангелія; но Павелъ, въ которомъ говоритъ самъ Христосъ, называетъ евангеліе по преимуществу новымъ завѣтомъ, какъ будто обновившимъ ветхій. Значеніе слова новый указываетъ на необыкновенную и поистинѣ неприкосновенную природу, недавній указываетъ на отличіе отъ устарѣвшаго, лучший—въ противоположность худшему, второй—въ отличіе отъ перваго, вѣчный—въ противоположность временному. Новымъ завѣтъ называется согласно блаженному Іереміи, который говоритъ: *и будетъ въ послѣдніи дни, глаголетъ Господь, зыщѣша вамъ завѣтъ новъ* (Іер. xxxi, 31); и Спаситель, передавая таинство, говоритъ: *сія есть кровь моя новаго завѣта* (Мѣ. xvi, 28). Вотъ новый завѣтъ. И въ другомъ мѣстѣ называетъ его недавнимъ, во вниманіе къ молодому, имѣющему полную силу благовѣстію. Павелъ говоритъ: *мы приступили къ Сіонскій горъ и тѣмъ ателогъ, и церкви првородныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго* (вѣтъ) *Исусу* (Евр. xii, 22—24). *Внегда глаголетъ новъ, обвеннии перваго* (Евр. viii, 13). Въ другомъ мѣстѣ называетъ завѣтъ лучшимъ, говоря: *нынѣ лучшее улучи служеніе, поелику и лучшаю завѣта есть ходатай. Аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто* (Евр. viii, 6. 7). Вотъ и первый и второй. А гдѣ онъ называется вѣчнымъ? Слушай, что говоритъ Павелъ: *Богъ же мира, возведый изъ мертвыхъ пастыря овецъ великаго кровію зыщѣта вѣчнаго* (Евр. xiii, 20). Тогда какъ первый завѣтъ былъ временнымъ, этотъ называется вѣчнымъ. И въ другомъ мѣстѣ говорится: *зыщѣша вамъ завѣтъ новъ вѣченъ, преподобная Давидова, вѣрная* (Ис. li, 3). Завѣтъ новый, недавній, первый, второй, лучший, вѣчный. Этихъ завѣтовъ Исусъ былъ посредникомъ. Итакъ, когда человѣкъ долженъ былъ обновиться, небо дѣлается новымъ, не потемнѣвшимъ, но обновленнымъ для новаго созданія: солнце новое, луна новая, звѣзды новыя, получающія помощь и усиленіе, потому что пророкъ говоритъ: *будетъ небо ново и земля нова* (Ис. lxi, 17). Такъ обновляется созданіе и общающій не лжетъ. Какую помощь получаетъ человѣкъ, такую получаютъ и стихіи. Откуда видно это? Исая говоритъ: *и сѣтъ солнечный будетъ седмерицею, и сѣтъ луны, аки солнце* (Ис. xxx, 26). Видѣлъ ты, какъ не отказался Богъ отъ общанія, но обновилъ созданіе? А виновникъ обновленія—Христосъ. Послѣдователи еретиковъ, обсуждая это ученіе, ставятъ возраженіе на основаніи выраженія: *первороденъ вселя твари* (Кол. i, 15), не понимая, что здѣсь рѣчь идетъ не о созданіи творенія, а объ обновленіи его. 697 Какое это твореніе обновляется? Слушай, что говоритъ Павелъ: *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. v, 17). А чтобы показать, что Онъ называется первенцемъ обновляемой природы, онъ прибавляетъ:

первороденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ первенствоу (Кол. 1, 18), среди обновляемыхъ, призываемыхъ къ нетлѣнію, воскрешаемыхъ изъ мертвыхъ: *во всѣхъ первенствоу* не по божеству (потому что для Бога униженіе—называться первымъ, униженіе—эта такъ называемая честь; въ божественной и несозданной природѣ нѣтъ перваго или второго, но все имѣетъ живое начало, начало безначальное, начало вѣчное, необъятное, неизъяснимое; что же касается насъ,—если Христосъ первенствуетъ по сравненію съ Павломъ или Петромъ, то пуста надежда наша, напрасна вѣра наша, когда бы надъ ними первенствовалъ Христосъ по божеству), но первенствуя по человѣчеству, какъ обновившій Адама, какъ оживотворившій вселенную. Поэтому говоритъ: *первороденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ первенствоу*. Приглашаю изслѣдовать, какимъ именно образомъ Отецъ первенецъ изъ мертвыхъ. Вѣдь если я оставляю это выраженіе безъ объясненій, то любопытствующій умъ самъ подставитъ свое объясненіе и будетъ считать его достаточнымъ. Какъ, скажетъ, Христосъ первенецъ изъ мертвыхъ, когда и до пришествія Его Іилія воскресилъ сына вдовы (3 Цар. xiv, 21), Елисей воскресилъ сына соманитянки (4 Цар. iv, 34), и самъ Спаситель воскресилъ Лазаря, дочь Іанра, сына вдовы? Въ самомъ дѣлѣ, если и въ ветхомъ и въ новомъ заветѣ были случаи воскресенія мертвыхъ, то почему же Христосъ называется первенцемъ изъ мертвыхъ? Какъ же такъ? Тѣ, хотя и воскресли прежде Христа, но, воскресши, всѣ опять умерли, какъ будто сдѣлавъ опытъ воскресенія, а Христосъ, воскресши, не подпадаетъ смерти и потому первенецъ, какъ воскресшій и болѣе не умирающій. И Павелъ говоритъ: *Христосъ воста отъ мертвыхъ, тому уже не умираетъ: смерть имъ не обладаетъ* (Рим. vi, 6). Видишь, Кто первенствуетъ среди всѣхъ? Видишь, Кто обновляетъ родъ нашъ по Своему домоостроительству? Такъ наконецъ, извлеки человѣка, привелъ его на небеса и посадилъ по правую сторону Бога. О, злое и глупое сердце наше! Пришелъ Христосъ къ намъ, далъ намъ Своего Духа, и принялъ наше тѣло, и сдѣлался порукою, и за все это наша неблагодарность платить униженіемъ благодаренія? Отецъ принялъ отъ насъ образъ и посадилъ по правую сторону Бога, а мы приняли Духъ отъ Него и оскорбляемъ Его, низводя въ число рабовъ и тварей? О, несчастный и жалкій! Что, если скажетъ тебѣ Христосъ въ тотъ день: Я удостоилъ твое тѣло безсмертія, а ты унижилъ Мой Духъ вровень съ созданной природой? Ты видѣлъ, что смертное возстановлено, видѣлъ, что оно удостоено быть на престолѣ, видѣлъ, что оно выше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и не постыдился? То, что наше, Богъ почитаетъ, а то, что отъ Него, мы не должны почитать?

6. А вотъ и еще возраженіе, которое злоба еретиковъ противопоставляетъ истинѣ: да,—говорятъ они,—тѣло-то было взято на небеса,

но не столько для того, чтобы удостоиться почета, сколько для того, чтобы мы имѣли вверху защитника, умоляющаго за насъ Бога. Въ такомъ родѣ говорили на площади безстыдные языки и ненаученныя души, насмѣхаясь—не знаю ужъ какъ—надъ святыней. Я не привожу, конечно, самыхъ ихъ богохульныхъ словъ, но передаю ихъ смыслъ. Ты,—говорять,—Христосъ, молись за насъ Богу и проси за насъ,—и ссылаются при этомъ на слова апостола, не понимая ихъ смысла. Не сказала ли, говорятъ, апостолъ: *Христосъ умеръ, паче же и воскресъ, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ* (Римл. viii, 34)? Развѣ, говорятъ, сами мы выдумали? Развѣ мы исказили божественное ученіе? Павелъ сказалъ, что Христосъ просить за насъ. Не обращаютъ они вниманія на то, что значить ходатайство (*εὐτοχία*), что между моленіемъ и ходатайствомъ большая разница. Если бы одно и то же было просить и ходатайствовать, тогда не сказалъ бы Павелъ: *молю вы теорити молитвы, моленія, прошенія благодаренія* (1 Тим. ii, 1). Моленіемъ называется, когда кто-нибудь просить Бога о чемъ-нибудь; молитвою называется, когда кто-нибудь прославляетъ Бога въ пѣсняхъ; благодареніемъ называется, когда кто благодаритъ Бога за то, что получилъ отъ Него; прошеніемъ (ходатайствомъ) называется, когда кто обращается къ Богу противъ обижающихъ, прося объ отмщеніи. Что ходатайствовать не значить умолять о помощи, но значить спрашивать и получать отвѣтъ, объ этомъ есть свидѣтельство въ ветхомъ завѣтѣ: и сказалъ Богъ къ Иліѣ пророку: *что ты здѣ Иліе?* Богъ спрашиваетъ пророка; пророкъ же отвѣчаетъ, говоря: *ревнуя поревовахъ по Господу вседержителю: яко оставиша ты сынове Израилеви: олтари твои раскопаша, и пророки твоя избиха оружїемъ, и остахъ азъ единъ, и нищѣ души моея* (3 Цар. xix, 18, 14). Здѣсь не моленіе было, не молитва, но спрашиваніе и отвѣтъ, однимъ словомъ—ходатайство. А каемъ образомъ, слушай, что говоритъ Павелъ: *или не есте о Іліи пророкъ, что глаголетъ Писаніе, яко проповѣдуетъ Богъ о на Израиля* (Римл. xi, 2). Итакъ, ходатайство не есть моленіе, но обращеніе пророка къ Богу [съ жалобой] на преступленія. И вотъ, такъ какъ апостолы среди язычниковъ подвергались опасностямъ, будучи привлекаемы начальниками и правителями, терпя козни отъ іудеевъ, то онъ убѣждаетъ ихъ презирать все, и преслѣдованія, и бичеванія, и смерть, и, какъ бы утѣшая ихъ, говорить: хотя бы вы сами ничего не говорили противъ тѣхъ, которые обижаютъ васъ, у васъ есть ходатай за васъ, принявшій вашъ образъ. *Кто поемлетъ на избранныя Божїи? Богъ оправдалъ. Кто осуждалъ? Христосъ умеръ, паче же и воскресъ, иже есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ* (Римл. viii, 38, 34). Если Онъ просить, то какъ сидитъ? Или, можетъ быть, проситель не стоя просить? Случалось ли тебѣ видѣть когда-нибудь, чтобы проситель, являющійся съ униженной, рабскою просьбой, въ то же время садился по правую сторону начальника.

Потому-то, говорятъ, и выставяетъ на видъ достоинство Его: *имже есть одесную Бога, имже и ходатайствуетъ о насъ*; какъ будто бы такъ говорилъ: нечего намъ самимъ заботиться о томъ, что можетъ съ вами случиться. Будьте, однако, внимательны къ проповѣди о добродѣтели и не отвлекайтесь въ сторону, разсуждая въ такомъ родѣ: Господи, сколько намъ приходится терпѣть: насъ гонять, преслѣдуютъ: а вѣдь есть кому заступиться за насъ предъ Тобой, есть кому ходатайствовать за насъ! Но Сынъ предъ Отцемъ ходатайствуетъ не какъ низшій по порядку, но какъ Сынъ, излагающій предъ Отцемъ обстоятельства: «вѣрующихъ въ насъ обижаютъ, преслѣдуютъ, гонять». Чтобы приготовить за-служивающее довѣрія обвиненіе, Онъ вводитъ Сына ходатаемъ. Такъ и Спаситель говоритъ: *или мните, яко Азъ на вы реку ко Отцу? Есть, имже на вы млаолетъ, Моисей, нѣмже вы упоааете* (Іоан. v, 45). По твоему Сынъ унижается, разъ Онъ ходатайствуетъ предъ Отцемъ? А вотъ, если бы ты увидѣлъ, что Богъ какъ бы ищетъ у чловѣка поддержки противъ невѣрующихъ, что ты сказалъ бы? Послушай, что говоритъ Господь къ Іереміи: *видѣлъ ли еси, яже сотвори Ми несмысленная дщерь Іуды (Іерем. ш, 6)? Оставила меня и ушла вслѣдъ за богами. Вполнѣ естественно, если чловѣкъ призываетъ на помощь Бога; но зачѣмъ Богъ привлекаетъ въ подобномъ случаѣ чловѣка? И въ другомъ мѣстѣ: и нынѣ, чловѣче Іудинъ, и живушіи во Іерусалимѣ, судите между мною и виноградомъ моимъ. Что подобаше ми сотворити, и не сотворихъ* (Ис. v, 3, 4)? Такъ точно и Христосъ, пока во плоти выполнялъ домостроительство и былъ священникомъ, Онъ приносилъ моленія и прославлялъ Отца за домостроительство воплощенія; а когда восшелъ на небеса, то возсѣдаетъ уже только принимая прославленіе, -- но не умолая, не ходатайствуя; если же и обращается, то какъ Сынъ къ Отцу, все равно какъ и Богъ обращается къ пророку. Поэтому, чтобы показать, что Христосъ не предстоить престолу Божію какъ священникъ, возносящій (жертвы) за себя и за народъ, но сидитъ, Павелъ говоритъ: *такогъ бо намъ подобаше архіерей, имже съде одесную престола величе, стѣи на высокихъ превъше всякаго начала и власти, имже не имать по вся дни нужды, якоже первосвященникъ, жертвы приносити о своихъ грѣснхъ и о людскихъ: сіе бо сотвори единою себе принесъ* (Евр. vii-26, 27; viii, 1). Итакъ, зачѣмъ безумствуютъ противъ благочестія, если Онъ не имѣетъ нужды [просить о чемъ-либо]? Ты подчиняешь нуждѣ Того, Кто выше всякой нужды? И далѣе прибавляетъ Павелъ: *не въ рукотворенная бо святая видѣ Христосъ, противообразная истинныхъ, но въ самое небо, нынѣ да явится лицу Божію о насъ* (Евр. ix, 24). Не сказалъ: „являться“, потому что однажды Онъ явился, а не много разъ. И далѣе: *ниже да многжды приносить себе, яко же первосвященникъ единожды въ лѣто входитъ во святая святыхъ: нынѣ же Христосъ единою, во отпѣтаніе грѣховъ, жертвою своею явился* (Евр. ix, 25, 26).

Прочіе священники ежедневно стоятъ, служа Богу и совершая однѣ и тѣ же жертвы, а Христось, принеши одну жертву за грѣхи, навсегда сѣлъ, ожидая, когда враги будутъ покорены подъ ноги Его. Вѣдь не ходатайствуетъ уже Онъ болѣе, а возсѣдаетъ: зачѣмъ же ты унижаешь благодареніе?

7. Знаю, что далеко я зашелъ въ бесѣдѣ: простите же меня 699 за то, что я такъ углубился и при помощи Св. Духа переплылъ море Св. Писанія, сказавъ не столько то, что нужно бы сказать, сколько то, что могъ. Къ тому я прежде всего васъ и приглашаю и о томъ умоляю и умолять не перестану, чтобы вы изслѣдовали Св. Писаніе, искали истину о Христѣ, научались отъ Христа, а на сторону еретическаго нечестія не переходили. Много имѣетъ нынѣ діаволъ змѣевъ вмѣсто древняго змѣя: свѣтъ плевелъ грѣха, чтобы распространить порчу нечестія. Прошу васъ, не слушайте ничего подобнаго; будемъ всячески ограждать себя отъ еретическаго нечестія. Знаю, что объ этомъ я говорилъ уже вамъ, но нынѣ опять повторяю. У каждой ереси извѣстны родоначальники: отъ Арія аріане, отъ Македонія македоніане, отъ Евномія евноміане, отъ Маркіона маркіониты, отъ Савеллія савелліане, отъ Манеса манихеи, отъ Монтана монтанисты и прочія ереси. Теперь, если вѣра Церкви еретическая, какъ утверждаютъ еретики, кто ея родоначальникъ? Скажутъ: отъ такого-то человѣка началась ересь ваша; пусть говорятъ, если знаютъ. Вѣдь это явная милость Божія, что не допустилъ Богъ ученію апостоловъ называться по имени человѣка: мы не называемся македоніанами; и хотя насъ могутъ назвать «единосущниками», но имени не могутъ дать, а лишь укажутъ на согласіе въ ученіи. Если бы ты спросилъ ихъ: а кто первый сказалъ „единосущный“?—они не могутъ отвѣтить: такой-то вотъ или такой-то, но триста восемнадцать отцевъ, согласно выразивъ слово исповѣданія, остановились на этомъ благочестивомъ исповѣданіи. Обрати вниманіе, какъ свѣтитъ это правое исповѣданіе. Слово „единосущный“ не одинъ или другой начали произносить, но весь соборъ востока, запада, юга и сѣвера. Гдѣ обнаруживается истина, тамъ все согласно. Спроси еретика о томъ, что я намѣренъ сказать. Если спросишь православнаго, то хотя бы онъ былъ простой и неученый, скажетъ слѣдующее: я исповѣдую Отца и Сына и Св. Духа, единое царство, единую силу. А скажи еретикамъ, двумъ или тремъ человѣкамъ: какъ вы думаете? Если они отвѣтятъ всѣ согласно, то это будетъ, конечно, истина. Но этого ожидать нельзя: одинъ изъ нихъ называетъ (Сына) несозданнымъ, другой—рожденнымъ, иной—безсмертнымъ, иной—вѣчнымъ. Если одинъ скажетъ: я знаю, что Отецъ сотворилъ Сына, а Сынъ все прочее, то другой исправляетъ его, говоря: нѣтъ, не такъ; Отецъ сотворилъ Сына, а чрезъ Него создалъ все. Не съ истинною имѣемъ мы дѣло въ этомъ случаѣ, но только съ гнилой

700

одеждой,—а вѣдь такая одежда сама собою рвется. Старую одежду, если ее потащишь, безъ труда разорвешь; и если кого-нибудь вадумаешь повести на бесѣду, ухватившись за такую одежду, то сразу обнаружится ея испорченность и она отъ твоего случайнаго усилія разорвется; такъ точно и ереси: одинъ исповѣдуетъ такъ, а другой иначе; ереси чуждыя, имена чуждыя и притомъ позорныя, имена харчевниковъ. Съ еретиками тоже самое случается, что нѣкогда и съ іудеями. Священный подсвѣчникъ по закону стоялъ во Святая Святыхъ, гдѣ была завѣса, гдѣ столъ, гдѣ законъ, гдѣ скрижали; а съ того времени, какъ они отпали отъ истины, гдѣ стоитъ подсвѣчникъ? Въ свѣчахъ у харчевниковъ. Гдѣ рогъ пророковъ? Въ харчевняхъ. И это они дѣлаютъ не изъ любви къ нему, но изъ корыстныхъ разсчетовъ, не для того, чтобы выставить на видъ предметъ почитанія, но чтобы зазвать проходящихъ мимо, чтобы показать, что тутъ іудейское вино. И вотъ, какъ тамъ то, что было священнымъ, изъ священнаго сдѣлалось столь ничтожнымъ, будучи захвачено недостойными, такъ и адѣсъ, послѣ Павла и Петра, послѣ такой высоты (стыдно и выговорить то противное имя—понистинѣ стыдно, но нечего дѣлать—назвать его придется), послѣ этихъ словъ: *Ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Мф. хvi, 18), послѣ того, что сказалъ Павелъ: *понеже искушеніи ищите злагомогаго во мнѣ Христа* (2 Кор. хш, 3)?—послѣ Павла и Петра, послѣ евангелистовъ, проповѣдниковъ, исповѣдниковъ, — они называютъ себя псаеиріанами и другими подобными именами ¹⁾! Когда оставались они въ одеждѣ? Когда не раздиралась эта нашошенная одежда? Примѣнивъ къ нимъ слова пророка, окончу слово. *Раздѣлишися, и не умилишася* (Пс. ххiv, 16¹). А у насъ хитонъ Церкви—изъ цѣльной ткани, не сшитой изъ отдѣльныхъ частей. Онъ вытканъ цѣликомъ, сверху до низу, тогда какъ обыкновенныя одежды сшиваются изъ отдѣльныхъ частей. Не изъ человѣческихъ разсужденій сшита вѣра наша, нѣтъ,—она сплошной цѣльный хитонъ. Мы выполнили наше обѣщаніе, хотя оно и потребовало долгихъ, сложныхъ и въ тоже время утонченныхъ изслѣдованій. Но слушатели согласятся, конечно, что простыя мысли выражаются въ простыхъ словахъ, а глубокія изслѣдованія требуютъ большаго разнообразія. А ты, когда слышишь прикровенное слово, возбуди мысль; когда видишь тонкое разсужденіе, расположи умъ къ разнообразію. Часто ученіе божественное выражено кратко, какъ,

¹⁾ Псаеиріане получили названіе отъ сир. слова *paathugorola*, что значитъ продавецъ пироговъ. Нѣкій Θεоктистъ, пирожникъ, особенно ревностно защищалъ и распространялъ ученіе,—впоследствии названное псаеиріанскимъ,—представлявшееся отпрыскомъ ереси аріана. Отсюда и упоминаніе въ концѣ бесѣды о харчевняхъ, а ранѣе о томъ, что еретики получаютъ названія отъ харчевниковъ.

напримѣръ: *не убій, не прелюбы сотвори, не укради, не лжесвидѣтельствуй*. Но когда оно говорить: *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), и затѣмъ: *на земли явися, и съ челоутки поживе* (Варух. ш, 88),—то здѣсь оно облекается въ пеструю одежду, согласно сказанному: *многообразная премудрость Божія* (Ефес. ш, 10). За все это прославимъ явившагося, поклонимся пришедшему, воспоемъ обновившаго, оживотворившаго, воскресившаго, укѣпившаго, просвѣтившаго, даровавшаго намъ изобиліе всѣхъ благъ Іисуса Христа, Которому слава и держава со Отцемъ и Св. Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святого первомученика Стефана.

Всѣ мученики прославляются, и подвиги праведниковъ повсюду 699
служать предметомъ удивленія, но при воспоминаніи о славнѣйшемъ
подвигѣ первомученика Стефана даже и безмолвный языкъ поднимается
на похвалу. Кого не вызоветъ на похвалу блаженный Стефанъ, однимъ 700
ужъ названіемъ (*стѣфанос*—вѣнокъ) указывающій на свои заслуги, по
самому имени своему уже приобрѣтшій честь побѣды? Здѣсь уже самое 701
имя мученика выражаетъ и борьбу, и побѣду, и честь. Стефанъ—пер-
вый на состязаніи, первый и среди похвалъ, избранникъ, слѣдующій
по стопамъ Господа, сдѣлавшійся начальникомъ подвижниковъ. Его пер-
ваго Спасителя, какъ земледѣлецъ, воздѣлалъ мученикомъ ко спасенію;
его перваго смерть Христа побудила къ презрѣнію самой смерти; ребро
Господа указало ему на то, чтобы пролить свою собственную кровь.
То, что зналъ онъ о страданіи Владыки за рабовъ, онъ и самъ пере-
несъ за Владыку, не выбирая никакого удобнаго случая, не имѣя ни-
какихъ предшественниковъ, не видя и борьбы. Такъ какъ онъ показалъ,
что слѣдуетъ своему обычаю—во всемъ быть сподвижникомъ Господу
и получить подобный Ему конецъ, то, какъ ученикъ, онъ во всемъ
руководится примѣромъ Учителя. И смотри, какъ блаженный въ дѣлахъ
и словахъ подражаетъ самому Господу. Прославила Спасителя сила
знаменій, убажается и въ немъ благодать мученичества. Стефанъ же,
сказано, *исполнь отры и сили творяше знаменія и чудеса велия въ*
людехъ (Дѣян. vi, 8). Вызываетъ удивленіе учащій Господь, восхва-
ляется и говорящій ко всѣмъ мученикѣ. Начавъ съ видѣнія Авраама
и послѣдовательно по порядку касаясь и прочаго, напомнилъ о выдаю-
щихся лицахъ и дѣлахъ, приводитъ пророчество, относящееся ко Христу,
и указываетъ на іудеевъ, всегда прогнѣвляющихъ Бога. Но какъ Хри-
сту всегда противорѣчили фарисеи, такъ и на мученика нападали про-

тивники изъ синагоги. *Восташа же нѣци*, — сказано, — *отъ сомма мла-големаго ливертинска и киринейска и александрійска, и иже отъ Киликіи и Асіи, стязающесе со Стефаномъ: и не можашу противустати премудрости и духу, имже млаголаше* (ст. 9, 10). Обвиняется Господь (за сказанное) о храмѣ, обличается ложно и мученикъ въ томъ же. *Человѣкъ сей*, говорятъ, *не престаеъ млаголы хульния млагола на мѣсто святое сіе и законъ* (ст. 18). Видѣ города Господь распинается на крестѣ, видѣ города и мученикъ побивается камнями. *И изведеше его онъ града каменіемъ побивашу* (Дѣян. vii, 58). Иудеи распинаютъ Христа, иудеи убиваютъ камнями и Стефана. Господь, будучи распинаемъ, выражаетъ прошеніе: *Отче. — говорить, — отпусти имъ грѣхъ сей: не вѣдѣтъ бо, что творять* (Лук. xxi, 34); подобнымъ образомъ просятъ за нихъ и мученикъ: *преклонъ колѣна*, сказано, *моляся, млагола: Господи Іисусе Христе, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. vii, 59). И не въ однихъ словахъ и дѣлахъ мученикъ слѣдовалъ Господу, но обнаружилъ добродѣтель души и въ терпѣніи и перенесеніи обидъ, за что и удостоивается такого видѣнія. *Воззрѣвъ*, сказано, *на небо, видѣ славу Божию, и Іисуса стоюща одесную Отца* (Дѣян. vii, 55). Велико это зрѣлище состязанія! Борець внизу на землѣ состязается, а Судья съ небесъ наблюдаетъ; этотъ здѣсь сражается, а тотъ сверху, стоя, помогаетъ сражающемуся. И не сидящимъ, но стоящимъ видѣть онъ Спасителя. О, сколь великая благодать чести! Стоитъ Владыка, когда мученикъ борется. Видѣ и положеніе Судьи указываетъ на великое значеніе состязаній. Вѣдь судьи встаютъ съ сѣдалища тогда, когда начинается горячая борьба; достоинство борцовъ узнается тогда, когда воздается должная честь. А эта честь отъ Спасителя такова, что мученикъ превзошелъ ею и ангеловъ. *Воззрѣвъ*, говорится, *на небо, видѣ славу Божию, и Іисуса стояща одесную Бога*. Онъ видѣлъ не только невидимое мѣсто и славу, но даже и самого Того, Кого желалъ, на Кого и ангельское воинство страшится смотрѣть. Мученикъ устремляетъ взоръ туда, предъ чѣмъ херувимы закрываютъ свои чистыя лица, куда серафимы не смѣютъ взирать — на ту безпредѣльную высоту. Итакъ, здѣсь былъ предметомъ видѣнія Тотъ, Кто выше ангеловъ, превосходитъ силъ, преимущественнѣе престоловъ и властей. Привлекъ его голосъ Господа, прежде сказавшій: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. xii, 26). Итакъ, первымъ онъ былъ слугой (діакономъ), какъ и первымъ мученикомъ въ состязаніи. И странное дѣло, что не огнемъ, не желѣзомъ, не звѣрами, не иными пытками производится мученіе этого праведника — однимъ избіеніемъ камнями. Надлежало Стефану украситься одними только камнями и получить благодать истины изъ груди камней. Бросаніе камней направлялось какъ въ золотое тѣло, такъ наиболѣе и въ голову, обливавшуюся со всѣхъ сторонъ кровью. При видѣ его подвиги многіе дѣлаются мучениками. Вожделѣннень для борцовъ этотъ Вѣнокъ

(Стефанъ), доставляющій честь и научающій способу борьбы: онъ именно указываетъ путь своими состязаніями и поощряетъ своимъ именемъ. Такъ, своими дѣлами еще раньше Павла онъ взываетъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Я вѣдь послѣдовалъ, говорить, Владыкѣ всего и словомъ, и жизнью, и смертію. Придите, подражайте и вы всему этому, дѣйствуя вмѣстѣ со мною: это возможно и полезно для желающихъ. Я — мученикъ, и притомъ — подвизался первымъ послѣ Владыки, и первому мнѣ открылись тайны неба. Именно, я видѣлъ Иисуса стоящаго по правую сторону Отца, и я созерцалъ на самомъ дѣлѣ то, о чемъ сказано: *рече Господь Господомъ моему: сяди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Псал. cix, 1). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На среднюю седмицу поста.

Благословенъ Богъ, даровавшій подвижникамъ поста свершить по- 701
ловину ихъ побѣднаго подвига! Вотъ мы стоимъ уже на порогѣ средней части поприща; вотъ предъ нами открывается самый разгаръ состязанія. Примемся же мужественно и за дальнѣйшую половину поприща съ твердымъ упованіемъ на подвигоположника Христа. По милости Божіей мы взошли уже на половину лѣстницы, возводящей къ небу: будемъ же истреблять грѣхи не на половину только, но до конца. Мы уже вблизи побѣдныхъ наградъ: постараемся же удержать за собой занятое нами мѣсто. Уже сіяютъ дары, ожидающіе подвижниковъ благочестія, блестятъ вѣнки, уготованные труженикамъ, простираются съ небесъ награды, которыми подвигоположникъ Христосъ увѣнчиваетъ достигшихъ побѣды. 702
Онъ свыше укрѣпляетъ насъ въ усердіи къ посту и свыше общаетъ дать награды подвижникамъ поста. Но чтобы достигнуть города, уготованнаго увѣнчиваемымъ за подвиги поста, мы должны далеко отъ себя прогнать всякое нерадѣніе. Вѣдь питомцамъ поста открывается самое небо, небо принимаетъ въ свои объятія подражателей ангеловъ, такъ какъ и образъ жизни постящихся — небесный. Вѣдь постъ возводитъ людей отъ земли на небо, вводитъ ихъ въ ряды ангеловъ, облегчаетъ имъ путь отъ земли на небо и поставляетъ ихъ предъ лицомъ самого небснаго Царя, даруя наслажденіе вѣчныхъ благъ. Необычайно, братіе, и ни съ чѣмъ несравнимо это зрѣлище нашихъ подвиговъ. Дѣти вы- 703
ступаютъ на борьбу вараветъ со взрослыми, жены соперничаютъ съ мужами, слабый женскій полъ вооружается мужествомъ на подвигъ. Поприще поста открыто для всѣхъ желающихъ, награды за побѣду раздаются щедрою рукою Христа. Поспѣшимъ же къ среднѣй свершаемаго

нами подвига: пусть никто не стыдится этой духовной борьбы, пусть никто не оставляет начатаго поприща. Врагъ уже теряетъ мужество, отступаетъ, побѣждается по суду Божию, порабощается, изгоняется постомъ, со смѣхомъ повергается младенцами на землю, терпя отъ нихъ оскорбленіе какъ бы въ родѣ постыдной надгробной надписи. Пусть же никто не ослабѣваетъ, достигнувъ середины поста; пусть никто не падаетъ духомъ на половинѣ дороги: наше мужество — вѣрный залогъ побѣды надъ врагомъ. Если кто подвизается нерадиво, — ободряетъ врага; если кто изъ васъ борется слабо, — усиливаетъ врага. Итакъ, будемъ же мужественны въ борьбѣ, чтобы довершить паденіе врага. Будемъ избѣгать соблазна пищи, потерпимъ еще немного, чтобы достигнуть безсмертной радости. Вкусилъ Адамъ — и осужденъ на смерть; постился Илія — и ему ввѣрены ключи неба; пилъ Ной — и осмѣянъ сыномъ; подвизался Енохъ — и восхищенъ ангелами; пресыщался фараонъ — и потопленъ въ морѣ со всѣми колесницами; постился Моисей — и перешелъ чрезъ море, изъ влажной стихіи водъ возлвигнувъ чудесныя стѣны, и перевелъ народъ по морю, какъ по суху, приготовивъ для него путь по необычайной землѣ. Прельстилась Ева беззаконнымъ вкушеніемъ — и всѣхъ своихъ потомковъ обрекла на смерть; воздержался и отъ дозволенной пищи родившійся отъ Маріи Господь — и всѣхъ освободилъ отъ осужденія на смерть. Древо райское породило смерть: *въ оныя аще день, говорить (Богъ), съѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. п, 17). Древо крестное побѣдило смерть: отъ его подножія истекъ источникъ жизни вѣчной. Отъ креста въ рай перешелъ разбойникъ, промѣнявъ смерть на жизнь. Плодомъ зависти было вкушеніе отъ древа райскаго; приобщеніе плодовъ креста искореняетъ зависть. Если бы Адамъ воздержался отъ вкушенія, Онъ не былъ бы осужденъ на смерть, не былъ бы лишенъ райской сладости, не подвергся бы тлѣнію. Говоритъ вѣдь божественное Писаніе, что *Богъ созда челоутка въ неистлѣніе, завистію же дозволю смерть ѡниде въ міръ* (Прем. Сол. п, 23, 24). Но пришелъ Христосъ — *миръ нашъ, и средостѣніе ограды разорившій, вражду плотию своею* (Ефес. п, 14), *привоздиль рукописаніе грѣха нашего на крестѣ* (Кол. п, 14), *упразднивъ еже на насъ рукописаніе смертное*. И вызываетъ Павелъ: *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. ш, 13). Итакъ, будемъ, возлюбленные, по мѣрѣ силъ нашихъ воздавать Благодѣтелю: мелкими монетами будемъ служить Тому, Кто богатъ милостію. Владыка нашъ распятъ за насъ, а мы напитаемъ бѣдняка, созданнаго по Его образу. Онъ вкусилъ смерть, чтобы насъ избавить отъ смерти, а мы ради Него мелкимъ подаваніемъ всхитимъ собратьевъ отъ смертнаго голода. Вѣдь самъ Онъ, самъ въ лицѣ бѣдныхъ принимаетъ то, что подается. Не проходи же, челоувѣкъ, мимо бѣдняка съ протянутою рукою, хотя во имя того, что эту руку протягиваетъ въ его лицѣ самъ Господь. Пусть рука бѣднаго будетъ

для тебя какъ бы кадилъницей еиміама, поставленною на площади. Вмѣсто огня въ ней угли, истекающіе отъ голода. Бросимъ же въ нее вмѣсто еиміама два овола, чтобы до неба дошло распространяемое ею благоуханіе и чтобы намъ съ неба услышать: *понеже сотвористе единому силъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мф. xxv, 40),—услышать эти слова Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ.

На ваи.

1. Пойдемъ, братіе, отъ чудесъ къ чудесамъ Господнимъ, устремимся какъ бы отъ силы въ силу. Все равно какъ въ золотой цѣпочкѣ, состоящей изъ колецекъ, каждое колечко держитъ одно другое и каждое изъ соединенныхъ касается одно другого и сопровождаетъ другъ друга, такъ и чудеса святыхъ евангелій направляютъ взаимно отъ однихъ къ другимъ любящую праждества Церковь Божию и улаждають ее не тѣнною пищею, но пребывающею въ жизнь вѣчную. Итакъ, вотъ и мы сегодня, возлюбленные, съ сердечной готовностью и внимательными ушами выслушаемъ то, что скажетъ намъ Господь Богъ чрезъ пророковъ и въ евангеліяхъ о божественности этого праждевика. *Речетъ же, ковечно, миръ на люди своя, и на преподобныя своя, и на обращающыя сердце къ Нему* (Псал. lxxxiv, 9). Нынѣ пророческія трубы пробудили вселенную, и сдѣлали повсюду церкви Господни веселыми и украшенными вѣтвями, и, освободивъ вѣрныхъ отъ упражненія во святыхъ постахъ и въ борьбѣ со страстями, научили востѣвать побѣдную пѣснь и (явили) новое зрѣлище мира въ честь Побѣдителя Христа. Итакъ, прійдите всѣ, возрадуемся о Господѣ; прійдите всѣ народы, возрукоплещемъ и воскликнемъ Богу Спасителю нашему гласомъ радости! Никто не долженъ быть лишеннымъ радости, никто не останется безъ приглашенія, потому что родилось сѣмя на погибелъ невѣрующихъ. Никто пусть не будетъ неразумнымъ при встрѣчѣ царя, чтобы не оказаться запертымъ внѣ брачнаго чертога. Пусть никто не будетъ среди насъ при встрѣчѣ печальнымъ или сердитымъ, чтобы не стать осужденнымъ вмѣстѣ съ злыми гражданами; а злыми я называю гражданъ, не пожелавшихъ принять къ себѣ Господа Царя. Всѣ съ радостью соберемся, съ готовностью встрѣтимъ и самымъ торжественнымъ образомъ проведемъ праждевикъ. Вмѣсто одеждъ (разстилавшихся нѣкогда по пути Его) откроемъ предъ Нимъ сердца наши, устремимся къ Нему съ псалмами, пѣснями и благодареніями и будемъ непрестанно восклицать: *благословенъ грядый во имя Господне!* Вѣдь прославляя Его, мы сами получаемъ благословеніе, и проклиная Его,

сами подпадаемъ проклятію. Опять и опять буду говорить я о томъ же и не перестану внушать вамъ доброе: прійдите, возлюбленные, прославимъ Благословеннаго, чтобы самимъ получить отъ Него благословеніе! Это слово собрало всякій возрастъ и достоинство для одной и той же цѣли—для прославленія Господа: *царіе земстїи и вси людїе, князи и вси судїи земстїи, юноши и дѣти* (Псал. схлѹш, 11). Новизна чуда въ въ томъ, что молодому и невинному возрасту младенцевъ и грудныхъ дѣтей Онъ поручилъ начать прославленіе Господа, подобно тому, какъ въ древности воспѣлъ Моисей съ народомъ, изведеннымъ имъ изъ Египта, внушенную Богомъ пѣснь: *благословенъ грядый во имя Господне!* Нынѣ радостію радуется блаженный Давидъ, лишившись похищенной у него дѣтьми лиры; участвуя вмѣстѣ съ ними духомъ и торжествуя, какъ прежде предъ лицомъ ковчега Божія, онъ вмѣстѣ съ ними поетъ и радостно восклицаетъ: *благословенъ грядый во имя Господне!* У него мы спросимъ: скажи намъ, пророкъ, кто это *грядый во имя Господне?* Не мое, говорить, дѣло учить нынѣ: младенцамъ предоставилъ это Тотъ, Кто изъ устъ младенцевъ и ссушихъ устроилъ похвалу въ уничтоженіе врага и мстителя,—чтобы и посредствомъ этого чуда обратились *сердца отцевъ на чада и противныя въ мудрости праведныхъ* (Лук. 1, 17). Скажите, дѣти, откуда у васъ это прекрасное и прїятное соревнованіе и пѣснь? Кто научилъ? Кто умудрилъ? Кто собралъ? Гдѣ письменныя дощечки? Кто учителя? Примите, отвѣчаютъ они, съ нами участіе въ торжествѣ и пѣніи и вы узнаете то, что было въ желаніяхъ у Моисея и прочихъ пророковъ. И вотъ, послѣ того какъ мы склонились и дѣти дали намъ руку общенія, идяте же, возлюбленные, будемъ и мы подражать хороводу, приличному для Бога, и вмѣстѣ съ апостолами будемъ сопровождать Того, Кто восшелъ на небо неба къ востоку и возимъ былъ по землѣ на подъяремномъ, какъ самъ благоволилъ. Вмѣстѣ съ дѣтьми поднимемъ вѣтви и будемъ имъ привѣтствовать, чтобы Духъ Святыи и насъ вдохновилъ, и мы вознесли стройно эту внушенную Богомъ пѣснь: *благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!* Нынѣ патріархъ Іаковъ духовно празднуетъ праздникъ, видя пророчество свое исполнившимся на дѣлѣ и Привызывающаго къ виноградной лозѣ жеребенка своего возсѣвшимъ на молодого осленка (Быт. хлїх, 11), и духовно преклоняется вмѣстѣ съ вѣрующими. Нынѣ готовится жеребенокъ, отъ безсловесныхъ самое безсловесное животное, во свидѣтельство послушанія новаго народа изъ язычниковъ; а дѣти обозначаютъ младенчество ихъ въ познаніи Бога. Нынѣ Царь славы пророчески прославляется на землѣ и провозглашаетъ сыновъ земли участниками небеснаго торжества, чтобы показать, что Онъ есть Владыка тѣхъ и другихъ, неба и земли, будучи согласно воспѣваемъ обѣими сторонами со Отцемъ и Духомъ. Поэтому вышніе, возвѣщая спасеніе на землѣ, славилъ: *святъ, святъ,*

святъ Господь Саваофъ, исполнь вся земля славы Его (Ис. vi, 3); находящіеся же на землѣ, сопраздную небесному веселію, возглашали: *осанна въ вышнихъ, осанна сыну Давидову* (Мѣ. xxi, 9)! Одни славили: *благословенна слава Господня отъ мѣста Его* (Иезек. ш, 12), другіе же богословствовали: *благословенъ грядый во имя Господне!*

2. Когда все это совершилось въ такомъ порядкѣ и когда ученики торжествовали по поводу видѣнныхъ ими чудесъ и говорили: *благословенъ грядый во имя Господне; въ вышнихъ слава, и на земли миръ* (Лук. п, 14), городъ пришелъ въ движеніе, спрашивая: *кто есть сей* (Мѣ. xxi, 10)?—возбуждая закоренѣлую зависть противъ славы Господа. Когда слышишь о городѣ, подразумевай древнее безпорядочное сборище синагоги. Они, неразумные, спрашиваютъ: *кто есть Сей?*—какъ будто еще не видѣли Благодѣтеля, съ прензбыткомъ прославившагося божественными чудесами. Но тьма не скрыла сіявшаго въ ней незаходимаго свѣта! Поэтому прямо противъ нихъ взывалъ нѣкогда Исаія, говоря: *гласи, услышите, и слышати, прозрите, видѣти. И кто слытъ, разетъ раби мои? И гласи, разетъ властвующи ими? И ослѣпѣша раби Божии. Видѣсте многажды, и не сохранисте: отверсты уши, и не слышасте* (Ис. xlii, 18—20). Видите, возлюбленные, точность предсказаній? Видите, какъ предвидящій божественный Духъ чрезъ святыхъ своихъ напередъ возвѣщаетъ будущее, все равно какъ настоящее? Вѣдь видѣли неблагодарные, и чрезъ чудеса какъ бы руками осязали Бога-Чудотворца, и всетаки остались въ неврѣніи: видѣли какъ слѣпой отъ рожденія получить зрѣніе и громко возвѣщалъ о Господѣ; видѣли, какъ разслабленный, какъ бы скованный недугомъ на всю жизнь, освободился отъ болѣзни однимъ повелѣніемъ; видѣли, какъ Лазарь убѣжалъ отъ смерти; слышали о хожденіи по морю,—о томъ, что Онъ далъ вино, не воздѣлывая винограда,—напиталъ хлѣбомъ, добытымъ безъ труда; слышали, что демоны изгоняются, больные становятся здоровыми; улицы ихъ свидѣтельствовали о чудесахъ, дороги ихъ возвѣщали путешественникамъ объ исцѣленіяхъ; вся Іудея была полна благодарній,—и они теперь спрашиваютъ: *кто есть Сей?* О, неразуміе людей, ложно именующихся учителями! О, непокорные отцы! О, бессмысленные старѣйшины! О, сѣмя безстыднаго Ханаана, а не Іуды богобоязненнаго! Дѣти узнали Создателя, а непокорные отцы спрашивали: *кто есть Сей?* Молодое поколѣніе воспѣвало Бога, а состарѣвшіеся во злѣ спрашивали: *кто есть Сей?* Грудные младенцы говорятъ о Богѣ, а старшіе богохульствуютъ; дѣти благочестиво совершаютъ священную хвалу, а безбожные священники нечестиво негодуютъ? О, жестокіе, мнящіеся быть праведными: обратите сердца свои на дѣтей своихъ, научитесь тайнамъ Божиимъ! Уже одно то, что совершается, свидѣтельствуетъ, что Тотъ, Кто такъ прославляется ненаученными языками, есть Богъ. *Испытайте писани* (Іоан. v, 39), какъ

706 вы слышали отъ Владыки,—вѣдь они свидѣлствуютъ о Немъ,— и вы перестанете недовѣрять чуду. Слушайте, неблагодарные, что благовѣствуетъ вамъ пророкъ Захарія. Онъ говоритъ: *радуйся ты, дщи Сіона: се царь твой грядетъ тебѣ правденъ и встѣдъ на жребца осла* (Захар. ix, 9). Почему вы отвращаетесь отъ веселія? Почему при блескѣ солнца вы любите тьму? Зачѣмъ задумываетъ войну противъ невозмутимаго мира? Если вы сыны Сіона, то веселитесь вмѣстѣ со своими дѣтьми: благочестіе дѣтей пусть будетъ для васъ поводомъ къ радости. Научитесь отъ нихъ, кто научалъ ихъ, кто собралъ, откуда вышло ученіе, каково новое богословіе и древнее пророчество. Если никѣмъ изъ людей не научены они ничему изъ этого, но сами по себѣ воспѣваютъ хвалу, то знайте, что это дѣло Божіе, какъ и въ законѣ написано: *изъ устъ младенцевъ и сосущихъ совершилъ еси хвалу* (Псал. viii, 3). Итакъ, удвойте радость, потому что вы отцы тѣхъ, которые по наученію отъ Бога прославили то, что не было понятно даже и старѣйшимъ. Обратите поэтому сердца свои на дѣтей вашихъ и не закрывайте глазъ вашихъ на истину. Если же вы сами таковы, что слыша не слышите и видя не видите, то напрасно вы запрещаете дѣтямъ,—они сами будутъ судьями вашими по слову Спасителя (Мѣ. xii, 27). И вотъ хорошо и это съ другими предсказалъ о васъ пророкъ Исаія: *не мынъ постыдится Іаковъ, ниже мынъ лице измѣнитъ. Но егда увидятъ чада ихъ дѣла моя, мене ради освятятъ святаго Іакова, и Бога Израилева убоятся. И уразумѣютъ заблуждающіи духомъ смыслъ, и ропщущіи научатся послушати, и языки кѣмъотствующіи научатся глаголати миръ* (Ис. xlii, 22—24). Видишь, неразумный іудей, изъ приведеннаго слова, какъ пророкъ предвозвѣщаетъ вамъ позоръ вслѣдствіе непокорности вашей? Но крайней мѣрѣ изъ его словъ научитесь, что онъ возвѣщаетъ ту же самую, внушенную Богомъ, торжественную пѣснь вашихъ дѣтей, которую и блаженный Давидъ предсказалъ, говоря: *изъ устъ младенцевъ и сосущихъ совершилъ еси хвалу*. Поэтому или радѣйте съ дѣтьми ихъ невинную радость, или, отказываясь отъ благочестія откажитесь и отъ нихъ въ нашу пользу. А мы возвеселимся вмѣстѣ съ ними, будемъ праздновать и новымъ языкомъ воспѣвать внушенную Богомъ пѣснь. И какъ нѣкогда старецъ Симеонъ встрѣтилъ Спасителя, и принявъ въ объятія Владыку вѣковъ, какъ младенца, и объявилъ Его Господомъ и Богомъ, такъ нынѣ вмѣсто непонимающихъ старшихъ дѣти вышли на встрѣчу Спасителя, какъ Симеонъ, и вмѣсто объятій раскрыли вѣтви и благословили Господа и Бога, сидящаго на молодомъ жеребенкѣ, какъ на херувимахъ: *осанна сыну Давидову: благословенъ грядый во имя Господне* (Мѣ. xxi, 9)! Съ ними и мы будемъ возглашать: благословенъ Богъ отъ Бога, Царь славы, ради насъ безбѣдно обнищавшій среди Своихъ, чтобы насъ обогатить благостью Своею; благословенъ пришедшій въ смиреніи и снова имѣющій придти въ

славъ: сперва кроткій на жеребенкѣ и прославляемый дѣтьми, чтобы исполнилось написанное: *видѣна быша шестія твоя Боже, шестія Бога моего царя, иже во святѣхъ* (Псал. lxxvii, 25), а впослѣдствіи—страшный на облакахъ, торжественно сопровождаемый ангелами и силами. О, медоточивая рѣчь дѣтей! О, непорочное ученіе угодныхъ Богу! Давидъ, пророчествуя, подъ буквой скрылъ смыслъ, а дѣти, открывъ сокровищницу, языкомъ своимъ возвѣстили богатство и благодатнымъ словомъ громко призвали всѣхъ къ наслажденію. Будемъ же черпать и мы съ ними отъ этого неистощимаго богатства и съ переполнившимися отъ избытка Его даровъ сердцами будемъ возглашать безпрестанно: *благословенъ грядый во имя Господне*, Богъ истинный, Вседержитель отъ Вседержителя, Сынъ въ имени Отца, Царь истинный отъ истиннаго Царя, имѣющій вѣчное и предвѣчное царство, вмѣстѣ съ Родившимъ Его. У нихъ—общее царство, и не отвнѣ полученную честь Слово назначаетъ Сыну, не такую, которая, начинается или увеличивается или уменьшается,—нѣтъ,—но природную и Его собственную. Одно вѣдь царство Отца и Сына и Святого Духа, подобно тому какъ и одно существо и власть. Поэтому и мы единымъ поклоненіемъ будемъ служить единому тріипостасному Божеству, безначальному, несозданному, неограниченному и необъятному,—потому что ни Отецъ не перестанетъ когда-либо быть Отцомъ, ни Сынъ не перестанетъ быть Сыномъ и Царемъ, также и ни Духъ Святой—быть тѣмъ, чѣмъ Онъ есть по ипостаси. Ничто въ Троицѣ не уменьшится, и не прекратится когда-либо вѣчность, общеніе и царство. Сынъ Божій не потому названъ Царемъ, что сдѣлался ради насъ человѣкомъ и нязложилъ нашего мучителя, во плоти совершивъ эту побѣду надъ постояннымъ врагомъ ея,—но потому Онъ Царь, что Онъ всегда есть Господь и Богъ, какъ и Родившій Его; нынѣ Царь, какъ и прежде былъ, и будетъ вѣчно. Не хули царство Христа, еретикъ, чтобы не обезчестить Родителя. Если ты вѣрующій, приступи ко Христу—истинному Богу нашему, не прикрываясь своею злою свободою. Если ты рабъ, въ страхѣ служи Владыкѣ. Вѣдь, подъ твоею страстью все оспаривать скрывается, конечно, не благорасположеніе, но явная вражда. А написано: *иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца пославшаго Его* (Іоан. v, 23).

707

8. Мы же, возлюбленные, откуда начали, туда опять и возвратимся, возглашая: *благословенъ грядый во имя Господне*, Пастырь добрый и благій—положить добровольно душу Свою за овецъ своихъ! Какъ охотники на волковъ, истребляющихъ овецъ, ловятъ ихъ, выставя въ качествѣ приманки овцу, такъ и Пастыреначальникъ, предложивъ самого Себя, какъ человѣка, духовнымъ и душепагубнымъ волкамъ, уловилъ тѣхъ, которые уловили нѣкогда Адама. *Благословенъ грядый во имя Господне*, Богъ, грядущій противъ діавола, не явно Своей невидимой силой, но въ немощи плоти, чтобы связать нашего крѣпкаго против-

ника! *Благословенъ грядый во имя Господне*, Царь, низлагающій насильника не Своею всемогущею силой и премудростью, но безуміемъ, какъ полагали, креста, чтобы похитить добычу у мудраго во злѣ змія! *Благословенъ грядый во имя Господне*,—истинный противъ лжеца, Спаситель противъ губителя, примиритель противъ виновника вражды, человеколюбецъ противъ человеконенавистника! *Благословенъ грядый во имя Господне*, Господь—спасти заблудившагося человѣка, разрѣшить заблужденіе, привести къ свѣту находящихся во тьмѣ, разрушить ложь идольскую, а взявъ того ввести спасительное богопознаніе, освятить міръ, уничтожить тяжкій грѣхъ и мерзость суетнаго идолослуженія! *Благословенъ грядый во имя Господне*, одинъ за многихъ, чтобы освободить жалкій родъ человѣческой изъ руки насилующихъ его и защитить бѣднаго и несчастнаго отъ расхитителей его! *Благословенъ грядый во имя Господне*—возлечь вино и елей на попавшагося въ руки разбойниковъ и оставленнаго безъ вниманія и помощи! *Благословенъ грядый во имя Господне*, чтобы самому спасти насъ въ оправданіе словъ пророка: *не хидатай, ниже ангелъ, но самъ Господь спие ихъ* (Ис. lxix, 9). Поэтому и мы благословимъ тебя, Господи, съ Отцемъ и Св. Духомъ прежде въковъ и во вѣки въковъ благословеннаго: прежде въковъ и доселѣ безтѣлесно, нынѣ же и во вѣки съ божественнымъ и неизмѣннымъ и недѣлимымъ Твоимъ воплощеніемъ! Обратимся, однако, къ дальнѣйшему. Что говоритъ божественный евангелистъ? Когда, говоритъ, вошелъ Господь въ храмъ, *присутства къ нему хроміи и слѣпціи и исцѣли ихъ. Видѣвши же архіерее и книжники чудеса, яже сотвори, и отроки зовуща и глаголюща: осанна сыну Давидову* (Мѣ. xxi, 14—15), *благословенъ грядый во имя Господне* (ст. 9), не стерпѣли Его прославленія. И вотъ приблизились они къ Нему и сказали: *слышавши ли что сіи глаголютъ?* Ты не смущаешься, что тебя прославляютъ, какъ Бога? Ты не сердишься, слыша отъ незлобивыхъ то, что приличествуетъ одному Богу? Не открылъ ли Богъ въ древности чрезъ пророка: *слава моя иному не дамъ* (Ис. xlii, 8)? Также: *како ты, человѣкъ съи, твориши себе Бога* (Іоан. x, 33)? Что же на это Онъ великодушный, щедрый милостью и медленный на гнѣвъ? Выдерживаетъ натискъ нападающихъ, задерживаетъ защитою раздраженіе, приводитъ съ своей стороны Писаніе, указываетъ относящіеся свидѣтельства и не перестаетъ спрашивать. Поэтому и говоритъ: А вы-то развѣ не слыхали, что Я говорилъ черезъ пророковъ: тогда узнаете, *яко Азъ есмь самъ глаголюй, ту есмь* (Ис. lii, 6)? И этого опять вы не знали: *изъ устъ младенца и ссущихъ совершилъ еси хвалу, врагъ твоихъ ради, еже разрушити врага и мстника* (Псал. viii, 3)? Вы, внимающіе закону, и читающіе пророковъ, отвергаете Меня, о Которомъ проповѣдано въ законѣ? Вы подъ видомъ благочестія думаете прославлять Бога, не понимая, что не признающій Меня и Отца не признаетъ? Я вѣдь отъ Отца вышелъ и пришелъ въ міръ, и Моя слава есть и Отца Моего

слава. Будучи изболжены такъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, безразсудные прекратили споръ, умолкнувъ предъ истинною; но, предпринявъ иное рѣшеніе, составили противъ Него совѣтъ. Мы же воспѣваемъ: *велий Господь нашъ, и велия крѣпость Его, и разума Его нѣсть числа* (Псал. сxlvi, 5)! Все же это было для того, чтобы взявшій грѣхъ міра Агнецъ и Сынъ Божій добровольно пошелъ за насъ на спасительную страсть и предался на судъ, и чтобы пренебрегшіе Имъ, искуцавшими животворящею Своею кровью міръ, согласились на тридцать сребренниковъ, и чтобы Христосъ содѣлался пасхой, принесенной за насъ въ жертву, и чтобы тѣ, которые очищаютъ себя драгоцѣнной кровью Его и ею запечатлѣваютъ уста, какъ нѣкогда косяки дверей, избѣжали стрѣлъ всегубителя. Пострадавшему же такимъ образомъ плотію и воскресшему тридневно Христу вся тварь должна поклоняться съ равною честью и славою, какъ Отцу и Св. Духу, потому что предъ Нимъ поклонится всякое колѣно небесныхъ, и земныхъ, и пренеподнихъ, славу Ему возсылая во вѣки вѣковъ. Аминь.

О святой Дѣвѣ и Богородицѣ Маріи.

Всѣ празднества въ честь мучениковъ (μάρτυραι), приводящія на 707 память сіяніе звѣздъ, достойны вниманія. Какъ звѣзды на небѣ стоятъ непоколебимо на тверди, и по разности разстоянія представляются одна больше другой, и освѣщаютъ весь кругъ земли, причемъ одна и та же звѣзда и у индійцевъ бываетъ видима, и у скиновъ не скрывается, на материкѣ блеститъ, и море освѣщаетъ, и показываетъ путь морепла- 708 вателямъ, именъ ихъ вслѣдствіе многочисленности мы не знаемъ, но красотѣ и блеску ихъ удивляемся,—такъ и каждый изъ святыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя останки ихъ заключены въ гробницахъ, но сила ихъ не ограничивается поднебесными предѣлами. А что сказанное—истинно, ты можешь убѣдиться на дѣлѣ. Палестина имѣетъ останки 709 Авраама, а шатеръ его соперничаетъ съ раемъ, потому что Богъ, который тамъ произнесъ осужденіе Адаму, здѣсь былъ принять патриархомъ въ качествѣ гостя. Одна пещера заключаетъ въ себѣ кости Іосифа, и концы вселенной удивляются его подвигамъ въ Египтѣ. Моисеева могила остается для насъ неизвѣстной, но несмотря на это и послѣ смерти его возвѣщаетъ о томъ, кто жезломъ раздѣлилъ Чермное море. Гдѣ погребенъ Исаія, мы не знаемъ; а вся церковь по пророчеству его возглашаетъ: *се дѣва во чревтѣ зачнетъ и родитъ Сына* (Ис. vii, 14). Давидъ въ Вавилонѣ погребенъ, и на всю землю возгласилъ: *се на облацѣхъ небесныхъ, яко сынъ человѣчъ идый блже* (Дан. vii, 13). Ананія и находившіеся съ нимъ отроки въ Вавилонѣ почилъ; но вся вселенная

по ихъ примѣру вызываетъ ежедневно: *благословите, вся дѣла Господня, Господа* (Дан. ш, 57). Іезекиль въ Персіи преданъ землѣ, но вопіеть съ херувимами: *благословена слава Господня отъ мѣста Его* (Іезек. ш, 12). Такимъ образомъ діаволъ не получилъ никакой пользы, умертвивъ въ раю Адама, потому что Богъ черезъ смерть открылъ праведнымъ дверь полной свободы. Но сколько бы ни были достойны удивленія гробы святыхъ, однако ничто такъ не славно, какъ настоящее празднество. Авель вспоминается ради жертвы, Энохъ почитается, потому что угодилъ Богу, Мельхиседекъ возвыщается какъ образъ Божій, Авраамъ восхваляется за вѣру, Исаакъ превозносится ради своего Первообраза, Іаковъ ублажается за борьбу, Іосифъ почитается за цѣломудріе, Іовъ ублажается за терпѣніе, Моисей благословляется какъ законодатель, Іисусъ Навинъ прославляется какъ военачальникъ, Сампсонъ ублажается какъ собесѣдникъ Божій, Ілія свидѣлствуется какъ ревнитель, Ісаія изображается какъ богословъ, Давидъ почитается какъ мудрецъ, Іезекиль служитъ предметомъ удивленія какъ созерцатель тайнъ, Давидъ прославляется какъ отецъ таинства по плоти, Соломонъ заслуживаетъ удивленія какъ мудрецъ; но ничто не можетъ сравниться съ Богородицей Маріей. Того, Кого всѣ тѣ видѣли лишь въ гаданіяхъ, она сама носила во чревѣ воплотившимся; и ничто не воспрепятствовало неизъяснимому домостроительству Бога Слова. Беременность? Но страданіе матеріально, а Слово чуждо страданія и бремени. Глубина такого уничиженія? Но Божество не ограничено. Скверна? Но, преобразовавъ ее, Оно не приняло нечистоты, и воплотившись въ ней, и родившись отъ нея, не осквернилось; напротивъ, челоуѣколюбіе болѣе приноситъ славы Царю. Рожденіе? Но оно не уменьшило Того, Кто безначаленъ. Связанное съ рожденіемъ воплощеніе? Но божественная природа не потерпѣла измѣненія. У Него была мать по плоти, но Онъ не потерялъ того, чѣмъ Онъ былъ безъ матери по божеству. Ясли? Но Онъ не лишился лона Отца. Пещера? Но Троица никогда не оставила трона. Итакъ, ничего не найдется у людей такого, какъ Богородица Марія. Перебери, челоуѣкъ, мысленно все созданіе и посмотри, есть ли что равное или большее, чѣмъ святая Богородица Марія; обойди землю, осмотри море, полюбопытствуй въ воздухѣ, изслѣдуй мысленно небеса, подумай о всѣхъ невидимыхъ силахъ, и скажи, есть ли другое подобное же чудо во всемъ созданіи? Небеса возвыщаютъ славу Божию, ангелы служатъ со страхомъ, архангелы преклоняются съ трепетомъ, херувимы, не перенося, трепещутъ, серафимы не приступаютъ, но, летая вокругъ съ трепетомъ, вопіютъ: *святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ*: 710 *исполни небо и земля славы Его* (Ис. vi, 3)! Море дрогнуло отъ Его голоса, облака съ трепетомъ послужили Ему колесницею при вознесеніи на небо, солнце, не перенеся Его уничиженія, содрогнулось, адъ въ страхѣ извергнулъ мертвыхъ. Стража отъ страха, увидѣвъ Тебя, пала

ницъ, гора съ пришествіемъ Твоимъ задымлялась, терновый кустъ, не вынося видѣнія, загорѣлся, Іорданъ, испугавшись, обратился назадъ, море, устранившись жезла, раздѣлилось, подчинившись Господнему удару, жезлъ Аароновъ ради образа вопреки природѣ разцвѣлъ, огонь въ Вавилонѣ устыдился числа Троицы. И вотъ перечисли эти необычайныя явленія, и проникни удивленіемъ побѣды Дѣвы: именно, Кого все созданіе со страхомъ и трепетомъ воспѣвало, Того Она одна неизъяснимо зачала въ своей утробѣ. Блаженны черезъ нее всѣ женщины: женскій родъ болѣе не находится подъ проклятіемъ. Она имѣла такую Отрасль, благодаря которой превзошла по славіи и ангеловъ. Уврачевана Ева, обуздана египтянка, погребена Далила, предана забвенію Іезавель, забыта и Иродіада: нынѣ имена совсѣмъ другихъ женъ служатъ предметомъ вниманія. Восхваляется Сарра, какъ воздѣланная нива народовъ, удостоивается чести Ревекка, какъ хитрая посредница благословеній, достойна вниманія и Лія, какъ мать по плоти прародителя, восхваляется Деворра, вопреки полу начальствовавшая войскомъ, ублажается и Елизавета, какъ благодатно воспринявшая бѣніе во чревѣ своемъ Предтечи, достойна поклоненія и Марія, потому что сдѣлалась матерью, и рабынею, и облакомъ, и брачнымъ чертогомъ, и кивотомъ для Господа. Она была матерью,—потому что родила восхотѣвшаго быть рожденнымъ; рабынею —потому что природу ея должно признавать, проповѣдуя о дарованной ей благодати; облакомъ,—потому что отъ Духа Святого зачала Того, Котораго бевстрасно родила; брачнымъ чертогомъ,—потому что въ ней Богъ Слово обиталъ, какъ въ брачномъ чертогѣ; кивотомъ,—потому что не законъ она носила, а виѣщала въ себѣ Законодателя. Поэтому скажемъ ей: *благословена ты въ женахъ*: ты одна испѣлила печаль Евы, одна утерла слезы плачущей, одна принесла цѣну для искупленія міра, тебѣ одной была доверена драгоценная жемчужина, ты одна зачала безъ похоти и родила безъ страданія, одна родила Эммануила, какъ Онъ самъ благоволилъ. *Благословена ты въ женахъ, и благословенъ плодъ* (Лук. 1, 28), а не сѣмя,—цвѣтъ, а не страсть,—сіяніе, а не твореніе,—сопрестольный [Отцу], а не рабъ,—солнце, а не песокъ,—Тотъ, кому поклоняются, а не тварь,—Искупитель, а не должникъ. *Благословена ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего!* За всѣхъ достаточно восхвалялъ тебя пророкъ, восклицавшій: *се дѣла во чреѣ зачнетъ* (Ис. vii, 14). Онъ указалъ на чудо и умолчалъ о томъ, какимъ образомъ оно совершится. *И родитъ Сына*. Указалъ на рожденіе, но не назвалъ его незаконнымъ. *И нарекутъ имя ему Эммануилъ*. Сказалъ о тайнѣ и прогремѣлъ о названіи. *Еже есть сказано: съ нами Богъ*. Предсказалъ рожденнаго Бога и заставилъ замолчать уста іудеевъ. *Съ нами Богъ*, и угасло заблужденіе, съ нами Богъ, и обрѣзаніе ограничено, съ нами Богъ, и демоны обратились въ бѣгство, съ нами Богъ, и діаволъ низвергнутъ, съ нами

Богъ, и купель не перестаетъ возрождать, съ нами Богъ, и цари чтутъ благочестіе, съ нами Богъ, и церкви полны до тѣсноты, съ нами Богъ, и смерть стала сномъ, съ нами Богъ, и мертвые, радуясь свободѣ, восклицаютъ: *не ангелъ, не ходатай, но самъ Господь прииде и спасе насъ* (Ис. хш, 9)! Ему слава во вѣки.

Противъ еретиковъ, и о святой Богородицѣ.

- 709 1. Опять съ дерзновенною надеждою на помощь Св. Духа, желая разорвать цѣпи невѣжества, я занимаю проповѣдническую кафедру, не стыдясь своего убожества: будучи расположены къ бѣднымъ, вы по чувству любви пожалеете меня. Будучи бѣденъ, я обращаюсь къ богатымъ, не одержимый недугомъ попрошайничества, но стремясь насытить желаніе вашей богобоязненной души. Вы услаждаетесь моими словами, а я радуюсь на ваши нравы. Я забываю о своей слабости, о скудости своего слова, при видѣ этихъ прекрасныхъ и любезныхъ зрителей. Вѣдь я знаю, что не какъ цѣнители моихъ рѣчей, или не какъ зрители состязаній, вы собираетесь сюда, но какъ отцы работаете вмѣстѣ съ сыномъ. Я говорю языкомъ, а вы сердцемъ просите у Бога, чтобы мнѣ дано было слово во откровеніе устъ (Ефес. vi, 19): по любви къ дѣтямъ, вы наши труды принимаете за собственную славу. Въ надеждѣ на это я безъ стѣсненія выступаю съ рѣчью: вниманіе съ вашей стороны освобождаетъ меня отъ нерѣшительности, святая молитва ваша превращаетъ мое невѣдѣніе въ ученіе о добродѣтели. Впрочемъ, все это только для вступленія. А сегодня я, препоясавъ чресла истинною, 711 одѣвши на себя панцырь справедливости, обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ, выступаю на состязаніе съ еретиками. Я вступаю въ битву, не словами сражаясь противъ словъ, не риторическимъ краснорѣчіемъ разрушая связь предложеній, но тщательнымъ изслѣдованіемъ божественнаго слова уничтожая искусныя построенія еретиковъ, какъ ткань паутины. Слѣдующее мѣсто читается у апостола: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко не исчислиши судовъ Его и неизслѣдовани путиЕ Его* (Римл. xi, 33). Что говоришь ты, Павелъ? Богатство Бога въ глубинѣ лежитъ и въ высотѣ познается? Да, говорить, и въ глубинѣ, и въ высотѣ: въ глубинѣ по человѣчеству, а въ высотѣ по божеству. Такъ именно говорилъ Богъ черезъ пророка къ Ахазу, открывая домостроительство: *проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего во глубину, или въ высоту* (Ис. vii, 11), въ глубину—по отношенію къ домостроительству (воплощенія), а въ высоту—по отношенію къ ученію о Богѣ. Какъ, именно, глубоко знаменіе—быть рожден-

нымъ Дѣвою, такъ высоко и предсказаніе, что отъ Бога Богъ родится. И вотъ, братъ, если ты станешь заниматься ненужнымъ и любопытствовать, ни высоты не поймешь, ни глубины не найдешь. Священны оба рожденія Христа—и то, и другое: и то, которое по природѣ, и то, которое вопреки природѣ. Именно, вопреки природѣ въ послѣднія времена Онъ родился отъ Дѣвы, а согласно съ природой Онъ прежде вѣковъ былъ рожденъ отъ Отца такъ, какъ зналъ Родившій. И это небесное рожденіе не ложно. Истинно Богъ отъ Бога родился, истинно и отъ Дѣвы человѣкомъ Богъ между людьми родился: вверху одинъ отъ одного Единородный, и внизу одинъ отъ одной Единородный; и какъ по отношенію къ верхнему рожденію нечестиво предполагать мать, такъ и по отношенію къ Дѣвѣ будетъ богохульствомъ предполагать отца. Отецъ родилъ недѣлимо, а Дѣва родила невредимо; ни Отецъ, родивши, не потерпѣлъ истеченія, потому что родилъ такъ, какъ подобаетъ Богу, ни Дѣва по рожденіи не испытала тлѣнія. О, новое чудо! О, священное и неизъяснимое таинство! Осмѣливаюсь сказать и,—утверждая это,—не ошибаюсь: и вверху дѣвственная природа родила (потому что чисто и нетлѣнно существо Божества), и внизу Дѣва нетлѣнная родила Нетлѣннаго,—о Которомъ и сказано: *не даси преподобному твоему видѣти истинна* (Дѣян. II, 27). Когда природа идетъ по обычному порядку, тогда ты, человѣкъ, нищи согласнаго съ природой, а когда Богъ повѣлываетъ что-либо, тогда природа отступаетъ отъ своего порядка и дѣлаетъ то, чего хочетъ законъ Божій. Напримѣръ, Богъ повелѣлъ скалѣ въ пустынѣ выпустить воду, и она выпустила не то, что имѣла въ нѣдрахъ, а то, что вложило повелѣніе. И вотъ, какъ скала сдѣлалась источникомъ по мановенію Божію и произвела быстрый горный потокъ водъ, причеиъ не заняла ихъ изъ лежащей внизу жилы или отъ рѣки, но, будучи сухою, безъ ключа и безъ влаги, сдѣлалась матерью потоковъ, обильно проливъ ту воду, которой у нея не было,—такъ и непознававшая мужа Дѣва по навітю Св. Духа родила плотію Господа нашего, не подчиняясь порядку природы, но силою Вышняго уготовляясь къ рожденію. Не по закону природы она родила, но, получивъ силу отъ Св. Духа, родила такъ, какъ восхотѣла благодать Божія. *Духъ бо,—говорить,—Святый найдетъ на мя, и сила Вышняго осытитъ мя: тѣмже и рождаемое свято наречется Сынъ Божій* (Лук. I, 33). Если хочешь знать, какъ природа отступаетъ отъ своего порядка, чтобы вопреки себѣ самой служить желанію Бога, спроси жезлъ Аароновъ: скажи, жезлъ сухой, какъ ты произрастилъ листья и плодъ въ весьма короткое время вопреки природѣ? Моисей вѣдь не втыкалъ тебя предварительно въ землю, не поливалъ водою, не время вызвало твои корни, ты не переживалъ ни лѣта, ни весны, не испытывалъ ни зимы, ни осени: итакъ, какимъ же образомъ ты далъ листья, и цвѣты, и плодъ? Не измѣненіямъ въ вѣдухъ,—говорить жезлъ,—или переизмѣнамъ вре-

мень года я покорился, но, подчиняясь божественному слову, нарушилъ природу и вопреки ей далъ плодъ, чтобы и по природѣ и вопреки природѣ мы подчинились волѣ самаго лучшаго Художника. Итакъ, человекъ, какъ жезлъ вопреки природѣ далъ плодъ, чтобы Іудея повѣрила, такъ и живой жезлъ—царственная Дѣва родила помимо брачныхъ законовъ, чтобы спаслась вся вселенная.

712 2. Но, можетъ быть, ты скажешь: что за сходство между жезломъ и Дѣвою рождающею? Смотри, какъ много сходства. Этотъ жезлъ былъ образомъ Дѣвы: онъ образъ, а она истина, онъ напередъ взятый образецъ, а она самый предметъ. Какъ тотъ жезлъ далъ плодъ вопреки природѣ, такъ и здѣсь вопреки природѣ Дѣва произрастила цвѣтъ благочестія. *Изидетъ бо,—говорится,—жезлъ изъ корене Иессеова, и цвѣтъ отъ него взидетъ* (Ис. xi, 1). Значить, не напрасно Павелъ удивляется богатству Божію, т. е. домостроительству воплощенія Христа? О, невѣріе еретиковъ! О, неистовый и богопротивный языкъ изъ! Павелъ, гражданинъ небесъ соверцатель рая, пламенный поклонникъ Христа, слушатель неизъяснимыхъ тайнъ и изслѣдователь вселенной, затрепеталъ и смутился, а вы, изслѣдуя Божество, не содрогаетесь? Павелъ называетъ сужденія Божіи неизслѣдимыми, а ты о природѣ Отца разсуждаешь, какъ о легкопостижимой? Удобный случай пригласить тебя къ тому, чтобы ты съ сокрушеніемъ вспомнилъ о своихъ непонятныхъ сужденіяхъ. Ты не понимаешь, какъ родила Дѣва, и желаешь знать, какъ родилъ Богъ? Какъ произошло рожденіе Христа по плоти во дни Ирода ты не знаешь, а осмѣливаешься изслѣдовать и намѣреваешься провѣрять рожденіе отъ Отца, бывшее безначально, неизъяснимо, священно и неизреченно, прежде всякаго пониманія, прежде временъ и вѣковъ, безъ всякаго посредства? Если Ѳома, будучи апостоломъ, осазавъ распятое тѣло Христово, не остался безъ порицанія, то какого же наказанія достойны не рукою касающіеся тѣла Христа, а языкомъ изслѣдующіе вѣчную Его божественную природу? Ѳома, видя тѣло, осазавъ его; а эти стали изслѣдовать Божество, котораго не видѣли, какъ будто бы увидѣвъ его. Скажи же, изумительный и увертливый риторъ Евномій, троакимъ образомъ различающій природу Божества, недалеко отстоящій отъ того, чтобы вымышлять боговъ,—для чего ты называешь Христа сотвореннымъ, а не рожденнымъ? Для того, чтобы,—говоришь,—не приписать несозданной природѣ Бога понятія отдѣленія, такъ какъ рожденному необходимо приписать отдѣленіе. Если такъ, то и творящему необходимо приписать трудъ. Тотъ, кто творить, не безъ труда творить. Поэтому, если ты отказываешься назвать Отца Отцомъ, желая избѣгать мысли объ отдѣленіи, то не называй Его и Творцомъ, чтобы не внушить мысли о трудѣ и утомленіи. Но по отношенію къ Богу,—говоришь,—мы должны имѣть не такое же сужденіе, какое имѣемъ о людяхъ. Люди, созидая, созидаютъ съ трудомъ и потомъ; Богъ же созидающій созидаетъ безъ

труда: природа вѣдь Его не сложная. Если же такъ, о, мудрый и знающій, если Богъ, когда творить, творить безъ труда, то развѣ Онъ не можетъ рождать безъ отдѣленія? Но, можетъ быть, когда творить, безъ труда творить, какъ Богъ, когда же рождаетъ, то, какъ человѣкъ, испытываетъ отдѣленіе? Тогда выходитъ, что, творя, Онъ остается безчувственнымъ, а рождая, испытываетъ человѣческое чувство? Содрогаюсь, и боюсь, и трепещу богохульнаго, безстыднаго и необузданнаго языка еретиковъ, представляя себѣ, какъ они тому, что Дѣва родила невредимо, вѣрять, а въ томъ, что Богъ родилъ, сомнѣваются. Дѣвственная утроба Дѣвы и послѣ рожденія осталась невредимой, а природа Отца по рожденіи не избѣжала отдѣленія? Дѣва и послѣ рожденія осталась Дѣвою и рожденіемъ не нарушила дѣвства, а Отецъ послѣ рожденія не можетъ оставаться тѣмъ же самымъ, такъ чтобы его существо оставалось безъ отдѣленія и измѣненія? Тамъ, гдѣ тѣло, гдѣ стройное согласіе частей, составъ костей, порядокъ въ нервахъ, множество жилъ, связи членовъ,—плодъ во чревѣ матери явился такъ, какъ Онъ зналъ, образовавшись въ дѣвственной утробѣ неизъяснимымъ образомъ; а тамъ, гдѣ нѣтъ ни тѣла, ни членовъ, ни суставовъ, ни нервовъ, ни костей, ни жилъ, но неосознаемая, безтѣлесная и невидимая природа,—ты вводишь понятіе объ отдѣленіи и думаешь объ уменьшеніи? Вышелъ изъ утробы, и утроба осталась дѣвственной, потому что Тотъ, Кто безъ сѣмени устроилъ Себѣ въ Дѣвѣ одушевленный храмъ, самъ и сохранилъ, какъ Богъ, утробу цѣлою. Дѣла божественныя не подлежатъ природѣ вещей, но повинуются повелѣнію Бога Слова. Иногда Богъ созидаетъ согласно съ природою, чтобы ты зналъ благоустройство природы, а иногда творить вопреки природѣ, чтобы научился разумѣть силу Творящаго. Какъ не все совершается согласно съ природою, чтобы природа не прославлялась вмѣсто Бога, такъ и не все бываетъ вопреки природѣ—для того, чтобы тогда безпорядокъ въ природѣ не отождествился съ тѣмъ, что допускается противъ природы. Богъ образуетъ согласно съ природою, но дѣлаетъ и вопреки ей, чтобы ты научился знать, что природа дви- 718
жется и въ согласіи сама съ собою, на подобіе слуги, но бѣжить и вопреки себѣ самой, исполняя повелѣніе Божіе.

3. Скажи же ты, вопрошающій о томъ, какимъ образомъ Христосъ, выйдя изъ дѣвственной утробы, не разрушилъ печати дѣвства,—скажи мнѣ: какимъ образомъ изъ дѣвственнаго Адама произошла Ева? Богородица Марія, не познавши мужа, родила мужчину; первозданный Адамъ, не познавъ жены, произвелъ женщину. Но рожденіе для дѣвицы, хотя и неожиданно, все-таки еще имѣетъ нѣкоторое объясненіе, насколько животъ и утроба представляются естественнымъ путемъ для рождающихся, по отношенію же къ Адаму все это не имѣетъ мѣста. Видѣлъ ли кто человѣка, рождающагося отъ ребра? Приносило ли когда ребро плодъ? Богъ навелъ сонъ на Адама, чтобы онъ не опеча-

лился по случаю отнятія ребра, но вмѣстѣ съ тѣмъ усыпиль и связи въ немъ. Связи—это природныя нервы, какъ свидѣтельствуєтъ объ этомъ Даниїль, говоря: *и видѣхъ явленіе, и бѣхъ сокрушенъ, и союзы чрезъ нѣмъ разслабляхуся* (Дан. х, 8, 9; в, 6). И вотъ ребро, утвержденное по закону природы, съ прикрѣпленными нервами, покрытое плотью съ жилами,—какимъ образомъ Онъ вынулъ? Какъ оторвалъ? Какъ и ребро взято, и Адамъ остался цѣль? Какимъ образомъ? Кто разрѣшилъ, Тотъ знаетъ; Кто развязалъ, Тотъ и связалъ. Вѣдь если бы одинъ связалъ, а другой развязалъ, тогда возникъ бы вопросъ; но когда развязалъ Тотъ же, Кто устроилъ, вынулъ ребро Тотъ же, Кто образовалъ ребро изъ земли, то одинъ Онъ и знаетъ, какъ Онъ развязалъ, одинъ Онъ и понимаетъ, какъ Онъ устроилъ согласное сочетаніе частей. И вотъ, какъ послѣ изыятія ребра Адамъ остался цѣлымъ, такъ послѣ выхода плода и Дѣва осталась невредимою. Ни въ Адамѣ не потерѣло вреда соотношеніе членовъ послѣ того, какъ взято было ребро, ни печать дѣвственности не нарушилась послѣ того, какъ вышелъ Младенецъ. Какъ если бы у насъ кто-нибудь захотѣлъ у другого вынимать жилу, то измучилъ бы и умертвилъ его по неопытности, а кто связалъ, тотъ безъ труда и развязываетъ, потому что знаетъ взаимное соотношеніе связаннаго,—такъ и Богъ, образовавшій, связавшій и опоясавшій тѣло, и связи нервовъ знаетъ, и какъ ребро ребра касается, и суставъ, и членъ: поэтому Онъ и ребро извлекъ изъ того, что связалъ, искусно и премудро, и Адаму не причинилъ этимъ вреда. Образовалъ самого Себя едиnorodный Сынъ Божій въ Дѣвѣ, и, образуя, ни дѣвства не нарушилъ, ни утробы, выйдя черезъ нее, не повредилъ. Еще вотъ что скажи, мудрый и знающій: что легче: дѣвницѣ родить и послѣ рожденія остаться дѣвственницей, или жезлу превратиться въ одушевленное существо и изъ живого опять сдѣлаться жезломъ? Какимъ образомъ жезлъ Моисея сталъ змѣемъ? Какъ неодушевленный предметъ получилъ душу? Какимъ образомъ то, что не можетъ двигаться, поползло по землѣ? Какъ изъ змѣя опять сдѣлался жезлъ, узнавшій свою природу? То изъ жезла змѣй, а то изъ змѣя опять жезлъ. И вотъ,—человѣкъ,—какъ жезлъ Моисея по природѣ своей былъ жезломъ, а по домостроительству змѣемъ, такъ и Марія по природѣ была Дѣвою, а по домостроительству сдѣлалась Матерью, чтобы волхвы халдейскіе увѣровали, все равно какъ жезлъ сдѣлался змѣемъ для того, чтобы устрашить египтянъ. Развѣ ты не хотѣлъ бы, чтобы Дѣва послужила спасенію вселенной? Во время землетрясеній бываетъ, что стѣны трескаются и опять соединяются; а при рожденіи Христа развѣ утроба не открылась и опять соединилась? Во время землетрясеній стѣны такъ трескаются, что угрожаютъ опасностью смерти, и затѣмъ такъ соединяются, что въ наружномъ видѣ не оказывается и слѣда трещины; а при нетлѣнномъ томъ рожденіи ты не хотѣлъ бы, чтобы утроба рас-

крылась въ честь рождаемаго, и затѣмъ сошлась, соединилась и приняла видъ дѣйственной по силѣ дѣйствующаго? И не говори мнѣ: откуда возьмется плоть и кровь, если не заложено сѣмени? Вѣдь изъ того, что бываесть съ нами, мы можемъ научаться понимать то, что лежитъ выше насъ. Вотъ, для примѣра къ сказанному, ученики живописцевъ, которые часто рисуютъ и растенія, и деревья, и дуга, и рѣки, и когда не имѣютъ предъ глазами природы для срисовыванія, искуснымъ соединеніемъ красокъ стараются представить изображенія вещей. Рисуютъ рѣку, ничего не заимствуя отъ теченія рѣкъ; изображаютъ человѣка, ничего не прибавляя къ этому отъ человѣческой природы. Такъ вотъ, какъ живописцы съ помощью красокъ и человѣка, и ручей, и рѣку изображаютъ, ничего не заимствуя ни отъ ручья, ни отъ рѣки, ни отъ человѣка, такимъ же самымъ образомъ и Духъ Святый въ Дѣвѣ не красками, но хотѣніемъ образовалъ одушевленнаго Человѣка, не заимствовавъ отъ человѣческой природы сѣмени для устройства Его. Богъ, взявъ прахъ отъ земли, не руками человѣческими (потому что природа Божества несложная) образовалъ Адама, какъ восхотѣлъ, а Духъ Святый не прахъ взялъ, не по естественному закону допустилъ войти сѣмени, но только озарилъ, и составилъ кости, и натянулъ жилы, и образовалъ носъ и уши, глаза, языкъ, руки и ноги, душу и умъ, и разумокъ и рѣчь, хотя бы этого еретики и не желали. Все равно какъ тѣ, кто смотрится въ зеркало, видятъ глазами отражающееся изображение самихъ себя изъ безформенной матеріи, изображение часто смѣющееся и плачущее, движущееся, принимающее разнообразныя формы и воспроизводящее состоянія живого предмета, такъ и Духъ Святый въ чистомъ зеркалѣ, въ непорочномъ тѣлѣ Дѣвы засіялъ, образовалъ совершеннаго Человѣка не по закону природы, не во времени, не изъ человѣческаго сѣмени, но однимъ видомъ, духовною и святою силою подвинулъ Дѣву къ рожденію, неизъяснимо исткавъ въ ней зародышъ, какъ бы какую ткань, для спасенія людей. Такъ именно это и есть; мы же за то, что сказали, вознесемъ славу вочеловѣчившемуся за насъ Богу, потому что Ему слава и Отцу и Св. Духу, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О предательствѣ (Іудой) Спасителя и проч.

1. Хотѣлъ бы я довести до конца ученіе о крестѣ, не потому, что 713
вполнѣ понимаю его, но потому, что, насколько возможно, желаю изложить его вѣрующимъ. Не бездѣйственно слово при изъясненіи божественнаго ученія, однако то, что говорится, должно соразмѣряться съ человѣческою способностью, не само по себѣ имѣя значеніе для пониманія, но на-

- 714 сколько Богъ дастъ: не то долженъ давать дающій, что Онъ можетъ дать, но то, что можетъ воспринять получающій. Какъ мать можетъ дать простого хлѣба ребенку, питающемуся молокомъ, но ребенокъ не можетъ воспользоваться имъ, такъ и для Бога не было бы невозможнымъ предложить высшую и сверхъестественную мудрость, но мы ею не можемъ воспользоваться. Пока мы живемъ въ смертномъ тѣлѣ, мы
- 715 воспринимаемъ знаніе, соотвѣтствующее смертной природѣ. Поэтому Богъ ничего не говорилъ намъ соотвѣтственно Своему совершенству, но соразмѣрлялъ то, что говорилъ, съ нашей слабостью. Поэтому Спаситель говорилъ: *много ямаи глаголахъ вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. хvi, 12); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Спаситель Никодиму: *аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како аще реку вамъ небесная, увѣруете* (ш, 12)? Итакъ, будемъ говорить при помощи Божіей такъ, какъ можетъ выѣстить человѣческая способность. Сегодня приходится намъ нарушить тотъ порядокъ бесѣды, какого мы хотѣли держаться при изложеніи ученія и нарушить именно изъ-за евангельскаго чтенія. Но о томъ будетъ рѣчь въ свое время; теперь же мы вспомнимъ о томъ, что случилось въ сегодняшний день. Сегодня Христосъ, въ этотъ пятый день за субботой, вечеромъ предъ страданіемъ и ноги учениковъ омылъ, и совершилъ пасху, изображенную въ законѣ, и установилъ спасительное таинство. Да, по правдѣ можно сказать, что въ сущности мы и не отступаемъ отъ принятаго нами порядка: вѣдъ сегодняшнее приведетъ насъ ко кресту же; такимъ образомъ порядокъ будетъ восстановленъ. Итакъ, пойдемъ послѣдовательно, чтобы дать нѣкоторую пищу христіанамъ душамъ вашимъ. Какъ должно понимать намъ священное ученіе о таинствахъ, изъяснимъ въ краткомъ и ясномъ изложеніи. Говоритъ Спаситель ученикамъ: *отте, яко по двю дню пасха будетъ, и Сынъ человеческій предакъ будетъ на промятіе* (Мѣ. ххvi, 2). Часто Спаситель предсказывалъ Своимъ ученикамъ, указывая выѣстъ на то, что и зная Онъ не бѣжитъ, и предвидя не уклоняется, и выѣстъ съ этимъ напередъ успокоивая души апостоловъ, чтобы они, напередъ приготовившись и освѣдомившись, не разбѣжались при смятеніи. Когда обстоятельство предвидится, отъ неожиданности не бываетъ волненія. Это и Давидъ предсказалъ: *утовоишся и не смутишся* (Псал. схvш, 60). Такъ бываетъ во время грозы: блеснувшая молнія подготавливаетъ мысль къ ожиданію грома, чтобы выжиданіе освободило отъ большаго испуга. Такъ точно и Спаситель, чтобы всѣ не смутились страданіемъ (предсказалъ его), такъ что даже упрекалъ апостоловъ и говорилъ имъ по воскресеніи: *сія суть словеса моя, яже глаголахъ вамъ, яко подобаетъ Сыну человеческому пострадати* много (Лук. ххiv, 44, 46). Упрекалъ ихъ за то, что Его предсказаніе не достигло по отношенію къ нимъ своей цѣли. *Глаголахъ вамъ*,—говорить,—*да не соблазнитесь* (Іоан. хvi, 1), и страхъ овладѣлъ вами.

Въстѣ, яко по двою дню пасха будетъ, и Сынъ челоувѣческій преданъ будетъ на пропятіе (Мѡ. XXVI, 2). Нигдѣ не найдешь, чтобы Спаситель воспоминалъ о страданіи, не вводя челоувѣческаго лица, но всегда Онъ говорилъ какъ будто о комъ-то другомъ. Не сказалъ Онъ: Меня предадутъ, но: *Сынъ челоувѣческій будетъ преданъ на пропятіе*. Нигдѣ ты не найдешь, чтобы предавался Спаситель, но предается Сынъ челоувѣческій, и вездѣ какъ будто о другомъ о комъ-то говорить. Однако, по отношенію къ божественности Своей ясно говорить: *Я и Отецъ едино есмы* (Іоан. I, 30); не говорить: Я и Отецъ, пославшій Меня, а: *Я и Отецъ едино есмы*; и: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9). *Въстѣ, яко по двою дню пасха будетъ, и Сынъ челоувѣческій предается на пропятіе*. И какъ вѣрно говорить Іоаннъ? Для того, чтобы кто не подумалъ, что время то пришло по необходимости, смотри, какъ онъ утверждаетъ: *отдыи, яко прииде часъ, да прейдетъ отъ міра сего ко Отцу, возлюбъ своя, до конца возлюби* (Іоан. XIII, 1), т. е., показалъ совершенную любовь. *И вechи бывшей, воставъ положи ризы, и препоясая лентіемъ, и влилъ воду во умывальницу, и начатъ умывати ноги ученикомъ* (ст. 2, 4, 5). Пусть устыдятся еретики! Когда они слышатъ, какъ Спаситель говоритъ: Я творю волю Отца Моего, то тотчасъ говорятъ: видишь, Онъ, какъ рабъ, слушается и подчиняется Отцу? Страшное дѣло можно было видѣть въ тотъ часъ! Зачѣмъ всталъ и снялъ верхнюю одежду Тотъ, Кто облачается свѣтомъ, какъ одеждою? Зачѣмъ опоясалъ Онъ Себя полотенцемъ? Тогда можно было видѣть истинность словъ Павла: *во образъ Божіи сый, зракъ раба пріятъ* (Филип. II, 6, 7). Опоясался полотенцемъ Покрывающій небо облаками, и влилъ воду въ умывальницу Наполнившій водами рѣки, источники и моря. Представъ: ученикъ сидитъ, а Владыка согнулся и глядитъ на колѣна, Владыка, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и пренеподнихъ. Смиреніе Спасителя погасило всякую гордость; эта скромность унизила всякое хвастовство.

2. Когда я вижу Спасителя, омывающего ноги ученикамъ, я признаю слова Исаи о нашей гордости: *почто гордится земля и пепелъ* (Сирах. I, 9, а не Исаи)? Представъ себѣ Владыку, согбеннаго и омывающего ноги рабовъ. Какъ объ этомъ говорить или какъ умолчать? Слово бессильно, а молчаніе обличало бы нашу неблагодарность. Что же намъ дѣлать, когда не можемъ и сказать? *И начатъ умывати ноги ученикомъ и отирати лентіемъ*. Даже ни одного способа услуги не пропустилъ. Не дозволилъ ни того, чтобы вода была налита другими, а Онъ самъ сталъ бы мыть, ни того, чтобы Онъ вымылъ, а другіе вытерли. И кажется, что здѣсь какую-то непонятную тайну открылъ ученикамъ. *Возлюбъ своихъ учениковъ*,—говоритъ Іоаннъ,—*до конца возлюби ихъ. И вechи бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ Симону Искаріотскому, да его предастъ, воставъ положи ризы* (Іоан. XIII, 1—2).

Не просто такъ сказалъ, но чтобы показать, что, когда уже предатель задумалъ предательство, Спаситель не замедлялъ омыть ноги предателя: зналъ уже его коварное намѣреніе, и всетаки омылъ. Что же это? Нѣтъ ли лицемерія у Бога? Да не будетъ! Не всегда бываетъ лицемеріе между обижаящими и обижаемыми. И если обижаемый оказываетъ почетъ обижаящему, это не есть лицемеріе, но смиреніе; если же обижаемый тайно дѣлаетъ зло, а по виду оказываетъ благорасположеніе, вотъ это будетъ лицемеріе. Возьми примѣръ съ этого случая. Зналъ Іуда, предатель Господа, что нечестивое дѣло—давать лобзаніе тому, противъ кого содѣлалъ заговоръ. А Спаситель, испытывая несправедливость, оказывалъ почетъ тому, кто причинялъ ее; это не есть обида, но избытокъ смиренія, заслуживающій похвалы у Бога и удивленія у людей. Хочешь видѣть примѣръ? Посмотри на Іоаву, военачальника Давида. Онъ овладѣлъ Авениромъ, другимъ военачальникомъ; онъ обращался съ нимъ дружелюбно и въ тоже время тайно вонзилъ ему мечъ въ бокъ, называлъ его братомъ и умертвилъ, какъ врага. Такое лицемеріе есть зло. Въ другомъ же случаѣ, когда обижаемый будетъ благодарствовать обижаящему, это будетъ дѣломъ похвальнымъ. Іаковъ боялся родного брата Исава и прзывалъ Бога, говоря: *изми мя отъ руки брата моего, да не когда приидеъ убіеши мя* (Быт. xxxii, 11); но когда увидѣлъ его, оказываетъ почетъ ему и говоритъ: *видѣхъ лице твое, яко бы аще кто видѣлъ лице Божіе* (ст. 10). И за то, что онъ принялъ брата сначала за врага и убійцу, Богъ не осудилъ его, такъ какъ зналъ, что онъ говорилъ такъ не изъ коварства, но изъ опасенія. Такимъ образомъ, если кто-нибудь на словахъ выражаетъ дружбу не съ тѣмъ, чтобы хитрить, но чтобы избѣжать коварства, Богъ не гнѣвается на того, и самъ даже учитъ: *отытъ смиренъ отаращаетъ яръсть* (Прит. xv, 1). И вотъ уже, говоритъ, когда диаволъ вложилъ въ сердце Іуды предать Спасителя, Спаситель, желая побѣдить неблагоприятную душу человеколюбиемъ, и уничтожить обманъ кротостью, омылъ его ноги. Я не столько удивляюсь Владыкѣ, дѣлавшему то, что Ему свойственно (кротость была именно Его свойствомъ), сколько Іудѣ, исполненному обману. Съ какимъ сердцемъ онъ протянулъ ноги? Какъ смотрѣлъ онъ на святыя руки Господа, обращавшіяся вокругъ ногъ его? Какъ онъ не затрещалъ? Какъ не оцѣпнѣлъ? Но та милостивая природа переноситъ великодушно. И, по всей вѣроятности, Іудѣ первому омылъ Господь ноги. Почему? Если бы не раньше всѣхъ омылъ ноги предателя, но, омывая ноги другихъ, его оставилъ бы,—это, конечно, было бы чуждо Владыкѣ, а Іуда получилъ бы благовидный поводъ: самъ меня отдѣлывалъ, самъ меня сдѣлалъ чужимъ, у всѣхъ омылъ ноги, а обо мнѣ забылъ. Съ какой душой я могъ быть съ Нимъ? Видѣлъ Богъ сердце измученное, но не захотѣлъ самъ сокрушить того, кто мучился самъ по себѣ. Это именно и показываетъ, что *трусости сокрушенны*

не преломи (Мѡ. хп, 20). И вотъ ноги учениковъ Онъ омылъ. Дошла очередь наконецъ до Петра. А пока Спаситель омывалъ прочихъ, Петръ размышлялъ о достоинствѣ Господа и о ничтожествѣ чловѣка, о бѣдности людей и о славѣ Прославленнаго, и рѣшилъ не принимать отъ Него омовенія. Подошелъ къ нему Спаситель, и онъ говоритъ: *Господи, Ты ли мои умыеши нозѣ* (Мѡ. хш, 6)? Ты, мертвыхъ воскрешающій, прокаженныхъ очищающій (это—„Ты“ имѣеть большую силу), Ты, о Которомъ я засвидѣтельствовалъ, что *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѡ. хvi, 16)? Если я сказалъ это по невѣдѣнію, тогда это и останется лишь чловѣческимъ предположеніемъ; но если Ты самъ подтвердилъ эти мои слова, говоря что *Отецъ мой, иже на небесахъ, яви тебѣ* (ст. 17), то какъ теперь унижаешься Ты до того, чтобы Господними руками мыть ноги раба? *Не уммешъ ногу моею во тѣхъ*. Что же Спаситель? Прервалъ рѣчь его. *Еже Азъ творю, говоритъ, ты не тси нмѣ, уразу-мѣши же по силѣ* (Мѡ. хш, 7), т. е.: ты не понимаешь цѣли Моего дѣла. Не перенесъ онъ, но, услышавъ это, говоритъ: *не уммешъ ногу моею во тѣхъ*. Обнаружилъ душу тверже адаманта. Спаситель же поднесъ огонь Свой и сдѣлалъ адамантовую душу мягче воска. Нѣтъ,—говоритъ,—хотя ты упорствуешь и противишься, оставь свою настойчивость. *Аще не умью тебѣ, не имашъ части со Мною*. И онъ несогласный и противящійся говоритъ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу*. Готовъ былъ отдать не только капиталъ, но и всю прибыль. Нравъ христіанъ не долженъ быть упрямымъ; не слѣдуетъ христіанину быть себялюбивымъ; неприлично ему строить лукавые замыслы, но слѣдуетъ свободно идти къ добродѣтели; во время радости нужно быть веселымъ, а во время печали мрачнымъ, какъ говоритъ Павелъ, *радоватися съ радующимися*, поститься съ постящимися, *плакати съ плачущими* (Римл. хп, 15). Это значить то, что говоритъ Павелъ: *аще ясте, аще ли пѣете, всѣ во славу Божию творите* (1 Кор. х, 31). Сопротивленіе Петра не принесло ему никакой пользы,—онъ былъ омытъ, какъ и прочіе. Когда пришелъ Христосъ принять крещеніе отъ Іоанна, говоритъ Ему Креститель: *Господи, азъ требую Тобою креститися, и Ты ли ирядеши ко мнѣ* (Мѡ. ш, 14)? Отвѣчаетъ ему Спаситель: *остави нмѣ*. Не препятствуй, не противься, потому что это есть божественное желаніе. Не обнаруживай прежде времени достоинства, дай Мнѣ выполнить порядокъ, и на самомъ дѣлѣ показать, что Я принялъ чловѣчество для того, чтобы чрезъ истиннаго чловѣка открыть истиннаго Бога. Только Онъ сказалъ: *остави нмѣ*,—и евангелистъ замѣчаетъ: *тогда остави Ею креститися*. Противился, какъ благочестивый, а повиновался, какъ преданный Богу. Такимъ же образомъ и Іеремія противился Богу: *о, Сынъ Владико Господи, ты тси, яко отрокъ есмь. И рече Господь ко мнѣ: не глаголи, яко отрокъ азъ есмь, ибо ко оумъ, къ нмѣ же пошлю тя, поидеши* (Іерем. і, 6. 7). Сила побѣдила сопротивленіе. Еще и Мойсей

противился, говоря: *избери иною: худоласенъ и косноязыченъ азъ есмь* (Исх. iv. 13, 10), но (Богъ) не уступилъ.

8. Но обратимся къ предмету. Говорить Спаситель: *аще не умью тебѣ нозѣ, не имаша части со Мною*. Отсюда мы должны знать, что часть вѣрующихъ—Богъ, а часть Бога—вѣрующіе. Конечно, весь міръ—міръ Божій; но вѣрующихъ знаетъ Богъ. Весь міръ, говорятъ, сотворенъ Мною; для Меня все одинаково, кромѣ части вѣрующихъ. Поэтому вѣрующіе возглашаютъ, какъ Давидъ: *часть моя Господь на землѣ живыхъ*, и еще: *Господь часть достояніи моего* (Псал. cxli, 6 и хv, 5). Марія, сидя у ногъ Господа, слушала ученіе; и говоритъ ей Спаситель: *Марія же благу часть избра, яже не отыметъ отъ нея* (Лук. x, 42). Видишь, что часть для вѣрующихъ—Богъ? Нужно далѣе показать, гдѣ вѣрующіе составляютъ часть Бога. Говорить Моисей: *егда раздѣляше Вышній языки, разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ. И бысть часть Господня, родъ Его Іаковъ* (Второвак. xxxii, 8, 9), потому что хотя весь міръ принадлежалъ Ему, но одинъ только народъ Израильскій слушалъ Его. Такимъ же образомъ и пророкъ Амосъ говоритъ: и видѣлъ, *се призва прю во очи Господь Богъ и пояде бездну многу, и пояде часть Господню*, именно народъ. *И рече, — говоритъ, — Господи, пощади Іакова, яко малъ есть* (Амос. vii, 4, 5), то есть, иначе сказать, не погуби насъ. Это приводилось потому, что Спаситель говоритъ: *аще не умью тебѣ, не имаша части со Мною*. Итакъ, часть вѣрующихъ — Богъ, и часть Бога — вѣрующіе. Говорить Петръ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и лаву*. Петръ думалъ, что омовеніе то было отпущеніемъ грѣховъ, и желалъ получить отпущеніе ихъ со всего тѣла. Но омовеніе не было отпущеніемъ грѣховъ, а выраженіемъ предусмотрительности. Затѣмъ говоритъ Спаситель: *омовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти* (Іоан. xiii, 10). *Уже вы чисти есте за слово, еже благолагъ вамъ* (хv, 3). Затѣмъ было такъ. Когда Онъ омылъ ноги и вытеръ, взявъ, одѣлъ одежду, сохранилъ видъ раба, а потомъ возлегъ, какъ Господь. и говоритъ со властію: *есте ли, что сотворихъ вамъ?* — Иначе говоря: вы не понимаете. *Не вы ли глаголете: Господь и Учитель?* *И добръ глаголете: есмь бо*. Этими онъ обнаружилъ неограниченную власть. Снялъ образъ раба и принялъ образъ Бога. *Не вы ли глаголете: Господь и Учитель?* *Аще убо азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, коими наче вы должны есте другъ другу умывать нозѣ?* *Образъ бо дахъ вамъ* (отсюда вижу выраженіе предусмотрительности), *да, якоже азъ сотворихъ вамъ, и вы тако творите другъ другу* (Іоан. xiii, 12—15).

4. Послѣ этого подходятъ къ Нему ученики Его и говорятъ: *Господи, идѣ хощеши уготоваеми ти ясти паску?* Обрати вниманіе на предвѣдѣніе Божіе. Говорить: *идита въ градъ: и срящете васъ челоука въ скудельницѣ воду носи: по немъ идита, и идѣже аще увидѣте, рикита*

господину дома, яко учитель глаголетъ: время мое близъ есть: у тебе сотворю пасху со ученики Моими. И той вама покажетъ горницу по-стлану (Марк. xiv, 12—15; Мѣ. xxvi, 18). Двойную цѣль наблюдаетъ, — указываетъ путь, чтобы они спросили хозяина дома; а чтобы они не подумали, что Онъ самъ не знаетъ мѣста, говорить имъ: *вама покажетъ ирницу велию постлану*. Если Ты предсказываешь мѣсто, зачѣмъ же говоришь ученикамъ: спросите о мѣстѣ? Прежде чѣмъ спросить, мы уже узнали. Да, говорить, Мнѣ прилично напередъ знать, какъ Богу, а вамъ, какъ людямъ, нужно спросить. Нигдѣ Христосъ не передаетъ тайнства въ мѣстахъ низкихъ, но въ гористыхъ или верхнихъ, потому что ничего нѣтъ низменнаго во Христѣ. Поэтому, когда и апостолы получили нантие Св. Духа, они были собраны въ верхней горницѣ. Тогда, говорить, *посла два отъ ученикъ своихъ уготовати пасху*. Кто это были? Петръ и Іоаннъ. Почему же изъ двѣнадцати Петра и Іоанна послалъ? Петръ исповѣдалъ, что *Ты еси Христосъ, Сытъ Бога живаго* (Мѣ. xvi, 17). Іоаннъ имѣлъ возвѣщать: *въ началъ бы Слово, и Слово бы къ Богу, и Богъ бы Слово* (Іоан. i, 1). Посылаетъ основаніе вѣры и сына грома, чтобы на основаніи укрѣпить тайнство благочестія, а въ сынѣ грома заблестѣло ученіе правды. Еще почему Петра и Іоанна посылаетъ? Чтобы было видно, что одинаково досточтимъ даръ честнаго супружества и дѣвства, и участниками пасхи становятся какъ состоящіе въ бракѣ, такъ и подвизающіеся въ дѣвствѣ. Посылаетъ честный бракъ и дѣвство приготовить Ему пасху, какъ на горѣ поставилъ около Себя Моисея и Ілію, изъ которыхъ одинъ блисталъ честной брачною жизнью, а другой дѣвствомъ, такъ что и то и другое явились стоящими рядомъ со Христомъ. *Желаніемъ возжелать сію пасху ясти съ вами* (Лук. xxi, 15). Не нуждою насилуется, не принужденное это желаніе, а добровольное рѣшеніе. Если Владыка, благодѣтельствуя, сказалъ: *желаніемъ возжелать*, то что же намъ сказать? Предупреждаешь Ты, Господи, голось нашъ, напередъ берешь грѣхи наши, и просвѣщаешь благодѣянїями. Мы должны сказать: мы желаемъ видѣть пасху, а ты предупреждаешь? Источникъ жаждетъ ли когда жаждущихъ? Не жаждущіе ли, напротивъ, жаждутъ источника? Трапеза испытываетъ ли когда чувство голода по отношенію къ голодающимъ, а не голодающіе ли алчутъ трапезы? Намъ слѣдуетъ сказать виѣсть съ Давидомъ: *имже образомъ желаетъ елень на источникахъ водныхъ: снѣ желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже* (Псал. xli 1). Но когда предстоить тайноводство Спасителя, само славное страданіе, само ученіе о страданіи, — слово должно уступить времени, чтобы жаждущіе насладились, вѣрующіе утвердились и спаслись, имѣющіе просвѣтѣться получили залогъ. Подъ предлогомъ дара не нарушай теченія поста. Какъ тотъ, кто совершаетъ долгій путь, вслѣдствіе попеченія о тѣлѣ, 719 отдыхаетъ или въ гостинницахъ, или въ другихъ мѣстахъ, не бросая предпринятаго пути, останавливается для поддержанія тѣла, не оставляя

цѣли путешествіи, такъ и намъ Спаситель предоставилъ наслажденію благами Его не для того, чтобы мы изнѣживались, но чтобы имѣли попеченіе о тѣлѣ и трудящейся до усталости душѣ. Поэтому подѣ прѣлогомъ таинствъ не вводи чуждаго чего-либо; получивъ благодать, не думай, что она сестра пьянству. Отъ этого должны оберегаться не одни лишь вѣрующіе, но и оглашаемые. Прежде полученія дара покажи достоинство его. Какая нужда въ словѣ? Упражняй свою совѣсть. Съ какою дерзновеніемъ придетъ нарушившій постъ? Поистинѣ, не далье, какъ завтра, если и никто не обвинитъ тебя, совѣсть будетъ обличать тебя. А видѣть ли ты, чтобы кто носилъ когда-нибудь обличителя вмѣстѣ съ собою? Пусть лучше совѣсть будетъ твоею защитницею.

710 Нынѣшній день, то есть, это священное тайноводство, не требуетъ поста, равно какъ и тайноводство во время святой пасхи; но такъ какъ въ этотъ день бываетъ ученіе о страданіи, а въ тотъ о воскресеніи, то мы бываемъ и сообщниками того, и участниками воскресенія. Нынѣ мы соучаствуемъ въ страданіи, а тогда въ воскресеніи; нынѣ, приобщаясь страданію, не будемъ предаваться роскоши, но слезамъ, а послѣ воскресенія не будетъ уже мѣста печали. Нынѣ Христосъ страдаетъ, а ты роскошествуешь? Развѣ не знаешь, какъ многіе, предавшись излишествамъ во время царскаго траура, заслужили большое порицаніе и подпали наказанію? А ты, видя страданіе Господа, свѣтящееся со креста, предвосхитивъ радость еще не наступившаго воскресенія, предаешься неводержанію? Это я говорю не потому, чтобы самому Спасителю какъ будто должно быть въ печали, но намъ слѣдуетъ обнаружить съ своей стороны благоразуміе, чтобы, приобщившись страданію Его, мы сдѣлались участниками и воскресенія, такъ какъ Ему Господу подобаешь слава, честь и поклоненіе съ Отцемъ и пресвятымъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О разбойникѣ, и о предательствѣ (Іудой) Спасителя нашего Іисуса Христа.

719 1. О, какова сила нашей вѣры! О, какую имѣетъ силу молитва христіолюбиваго народа, возносимая за грѣшнаго священника! И сказанное мною не должно поразить тебя необычайностью: такъ говоритъ вамъ я научился отъ божественнаго Павла, который ясно въ своихъ посланіяхъ проситъ учениковъ: молитесь *о мнѣ, да дастся ми слово во отверзекѣ: устъ моихъ* (Ефес. vi, 19). А если Павелъ, сосудъ избранный, небесный человекъ, проповѣдникъ благодати, имѣлъ нужду въ молитвахъ своихъ учениковъ, насколько болѣе нуждаюсь я, всѣмъ вамъ

извѣстный грѣшникъ! Но однако и мытарь нѣкогда, оставивъ дурное занятіе, сдѣлался ученикомъ Христа; знаю я и блудницу, принесшую слезы покаянія къ стопамъ Спасителя и омывшую всѣмъ извѣстную скверну распутства; знаю также и разбойника того благоразумнаго, захватившаго столь прекрасную и великую добычу: вѣдь на этотъ разъ его добычей сдѣлался рай! Чувствую и я, что я держусь за этотъ самый якорь. Мы вѣдь имѣемъ такого милосерднаго Владыку, Который, лишь только приметъ отъ насъ чистую молитву, тотчасъ посылаетъ Свою милость. Далъ Онъ законъ; но законъ, будучи лишь тѣнью будущихъ благъ, а не самою истинною вещью, не обладалъ силою свѣта. Сонмъ пророковъ, какъ посольство, послалъ, но и они, какъ смертные люди, восклицали, говоря: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. хviii, 27). Ангелъ, оставаясь неизмѣннымъ, не могъ воплотиться. И вотъ *не ангелъ*,—говорить,—не ходатай, *но самъ Господь спасе ихъ* (Ис. lxiii, 9). Смотри: вся вселенная въ безпомощности вызываетъ къ Нему: *Господи, преклони небеса, и снуди* (Псал. cxlvi, 5)! Если Ты, говорить, не сойдешь къ намъ, мы ни черезъ кого другого не можемъ взойти къ Тебѣ. Услышалъ Богъ эту просьбу и не оставилъ ея безъ вниманія, но наклонилъ небеса и сошелъ на землю, не оставивъ и небесъ пустыми. Онъ былъ зачатъ въ дѣвственной утробѣ, болѣе пространной, чѣмъ все созданіе. Кого не могъ вмѣстить шатеръ патріарха, Того заключило въ себѣ дѣвственное чрево. Воплотился Онъ, какъ самъ зналъ, а не какъ толкуютъ еретики, не понимающіе своего собственнаго и измѣряющіе божественное. Родился такъ, какъ благоволилъ. Взошелъ на дерево исправившій древо райское, и вызываетъ: *точило топталъ Я одинъ, и не было никого со Мною* (Ис. lxiii, 3), ни ангела (ни посла, ни архангела), ни пророка, ни царя, никого изъ праведныхъ нѣтъ со Мною; одинъ только со Мною, но и онъ не смерть со Мною сокрушилъ а только со Мною наслѣдовалъ рай; со Мною былъ онъ на деревѣ, но въ борьбѣ со смертью Мыѣ не помогалъ. *Господь, говорить, сокрушавшій брани*, Господь ими Ему (Іудеи. xvi, 3), но одинъ лишь разбойникъ исповѣдалъ. О, необычайное и страшное дѣло! Разбойникъ со Христомъ, а ученикъ Іуда съ діаволомъ; свѣтъ сдѣлался тьмою, а тьма превратилась въ свѣтъ; агнецъ сдѣлался волкомъ, а волкъ агнцемъ! Разбойникъ, вися на рукахъ, пробитыхъ гвоздями, съ вѣрою привѣтствуетъ Владыку, говоря: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. xxiii, 42), а ученикъ, принося устами привѣтствіе, въ сердцѣ приготовилъ мечъ; изъ устъ прозвучала радость, а на сердцѣ было коварство когда онъ говорилъ: *радуясь, Равви!* Затѣмъ онъ и цѣлуетъ Его, и, обратившись, сообщаетъ іудеямъ не словами, а знакомъ: связавъ Его, ведите. О, беззаконный Іуда, куда ты приказываешь вести Того, Который говоритъ: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ* (Ис. lxi, 1)?

2. Но вижу я, что любовь ваша все сильнѣе возгорается, а тѣло

подавляется; я хотѣлъ на этомъ и окончить слово, но, такъ какъ ваше внимательное слушаніе побуждаетъ меня продлить рѣчь, то возвратимся къ тому, что слѣдуетъ по порядку. *Радуйся*, говоритъ, *Равви!* Милосердный Владыка, побѣждая терпѣніемъ несправедливость предателя, прекрасно отвѣтилъ: *друзе, на неже еси пришелъ* (Мѡ. ххvi, 49)! Привѣтствую тебя, Іуда, но не съ тѣмъ, чтобы отвѣтить тебѣ любовью, которую ты отбросилъ, а чтобы лишить тебя благодати, которую далъ тебѣ: вѣдь недостойный сосудъ не можетъ держать въ себѣ небесное мѣро. Что же я говорю объ Іудѣ? Петръ, получившій ключи царства, видя Царя славы распинаемымъ, бросилъ ключи и убѣжалъ, а разбойникъ, привыкшій вскрывать двери человѣческихъ жилищъ, самъ похитилъ ключи отъ рая. Петръ, говоря: *еще ми есть и умерети съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Мѡ. ххvi, 35), трижды отрекся, а разбойникъ не обѣщавшійся на словахъ, но на дѣлѣ умиравшій вмѣстѣ съ воскресеніемъ, говорилъ: *Господи, помни мя, егда приидеши во царствіи твоемъ!* Разбойникъ не побоялся начальниковъ и власти, а Петръ не вынесъ угрозъ служанки. Разбойникъ восклицалъ: *Господи*, а Петръ: *не стѣмъ сего челоуки*, котораго немного раньше называлъ Сыномъ Божиимъ. Петръ, ходившій по морю, отказался отъ Того, Кто пѣшешествовалъ по морю; а разбойникъ, не по морямъ странствовавшій, а около воротъ богачей, говорилъ: *Господи!* Сыновья Зеведея, говорившіе: *можжева пити чашу, юже ты имаше пити* (Мѡ. хх, 22), убѣжали отъ чаши, — вѣдь это и была чаша, — когда пришло время испить ее, а разбойникъ похитилъ изъ ихъ рукъ чашу спасенія, говоря: *чашу спасенія приму, и имя Господне призову* (Псал. сxv, 4), Тома, этотъ пытливый изслѣдователь непостижимаго таинства, говорилъ другимъ ученикамъ: *идемя и мы, да умремъ съ Нимъ* (Іоан. xi, 16), а увидѣвъ Его распинаемымъ, бѣжалъ. Распинаемымъ видѣть — и бѣжить, воскресшимъ видѣть — и съ сомнѣніемъ говорить: *еще не вложу перста моего въ лезеи воздвигнхъ, и руку мою въ ребро Его, не иму три* (Іоан. хх, 25). Но милосердный Богъ, и ради одной овцы пришедшій, не пренебрегъ и одной овцой, но беретъ ее на плеча и говоритъ: *принеси руку твою сѣмо и вложи въ ребро Моє*. Я выдержалъ копье воина, руки ли апостола не перенесу? Но, о, разбойникъ, похититель добраго (къ тебѣ моя рѣчь), разбойничать ты научился, а вѣровать ты не былъ наученъ, къ числу учениковъ не принадлежалъ: какъ же ты призываетъ Творца, говоря: *помни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ?* Прекрасно сказавъ, благочестиво увѣровалъ. Ты часто подвергался опасностямъ, учиня разбой, много сокровищъ похитилъ у богатыхъ, но такого перла, какъ Христосъ, ты нигдѣ не нашелъ. Ты не апостолъ, и не слышалъ, что законодатель говорилъ: увидите жизнь вашу висящую (Второз. ххviii, 66): какъ же отъ древа ты вкусилъ жизнь? Не слышалъ ты и того, что говорилъ Исаія: отъ раны страданія Его страсти людей получать исцѣ-

леніе (Ис. лш, 5): какъ же ты нашелъ уврачеваніе страстей? Поистинѣ, — 722
говорить разбойникъ, — я вижу все созданіе потрясеннымъ и содрогающимся и узнаю въ висящемъ на деревѣ Владыку созданія. Если бы Онъ не былъ Творцомъ вселенной, солнце, видя Его обнаженнымъ, не скрыло бы своихъ лучей изъ благоговѣнія и не покрыло бы мракомъ враговъ Бога. Если бы Онъ не былъ Творцомъ неба и земли, небо не одѣлось бы мракомъ, какъ покровомъ, видя Его распинаемымъ на крестѣ. Если бы Онъ не былъ Владыкой всей земли, то не поколебалась бы она въ основаніяхъ, когда оросила ее кровь изъ ребра Его. Если бы не былъ Онъ Владыкою жизни и смерти, смерть, подступивъ къ Нему, не была бы поражена и гробы святыхъ не открылись бы. Если бы не былъ Онъ Господомъ храма, храмъ, видя Его распинаемымъ, не разорвалъ бы своей завѣсы. Если бы это не былъ Тотъ, Кто не хочетъ смерти грѣшниковъ, Онъ не молился бы за грѣшныхъ, говоря: *Отче, отпусти имъ: не вѣдають бо, что творять* (Лук. ххш, 34). Смерть Его устроила все. Сходить Онъ въ адъ и со всѣми выходить оттуда. Поэтому и восклицаю я, говоря: *помяни мя Господи!* Не какъ раба я прошу: вспомни обо мнѣ, когда тебѣ будетъ хорошо, но: *помяни мя, егда приидеши во царствіи Твоемъ*. И что же ему Владыка? *Аминь глаголю тебѣ, днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. ххш, 43)! Пусть объяснять тѣ усердные совопросники непостижимаго рожденія, какъ Онъ сказалъ разбойнику: *днесь со Мною будеши въ раи*? Сначала пусть это объяснять, а тогда пусть спрашиваютъ и о неизреченномъ рожденіи Его, о которомъ пророкомъ возглаголено: *родъ Его кто исповѣсть, яко вземлетсѣ отъ земли животъ Его* (Ис. лш, 8? Эту вотъ вѣру распространяли отцы, такъ они прославляли Непостижимаго, вѣруя и не занимаясь изъ любопытства тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ. *Днесь со Мною будеши въ раи*. Сказать, — и сбылось. Но, милосердный Владыка, какъ же это — всѣ праведные стоять внѣ рая, а разбойника Ты вводишь въ рай? Да, разбойника сначала ввожу въ рай, чтобы убѣдить міръ въ томъ, что не пришелъ Я призвать праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію. Самому Христу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово огласительное во святую Пасху.

Если кто благочестивъ и любить Бога, пусть насладится этимъ 721
свѣтлымъ торжествомъ. Если кто рабъ благоразумный, пусть исполнится радости Господа своего. Если кто утомился отъ поста, пусть приметъ нынѣ награду. Если кто съ перваго часа работалъ, пусть получить нынѣ должное вознагражденіе. Если кто послѣ шестого часа бѣжалъ, пусть не сомнѣвается, потому что ничего не терять. Если кто

замедлилъ до девятого часа, пусть является безъ всякаго опасенія. Если кто пришелъ только въ одиннадцатый часъ, пусть не страшится замедленія, такъ какъ щедрый Владыка и послѣдняго принимаетъ наравнѣ съ первыми; даетъ отдыхъ въ одиннадцатый часъ пришедшему. 722 равно какъ и работавшему съ перваго часа; и послѣдняго милуетъ, и о первомъ заботится; и тому платить, и этому дарить; и дѣло цѣнить, и расположеніе хвалить. Поэтому войдите всѣ въ радость Господа нашего: и первые и вторые мзду получите, богатые и бѣдные другъ съ другомъ ликуйте, воздержные и нерадивые день почитите! Постившіеся и непостившіеся—возвеселитесь сегодня! Трапеза полна пищи: наслаждайтесь всѣ! Телецъ огромный: пусть никто не уйдетъ голоднымъ! Всѣ пользуйтесь богатствомъ благодати! Никто пусть не плачетъ отъ бѣдности, потому что явилось общее царство. Никто пусть не оплаки- 723 ваетъ согрѣшеній: прощеніе возсіяло изъ гроба! Никто пусть не страшится смерти, потому что освободила насъ смерть Спасителя! Схваченный ею поправъ ее, сошедшій во адъ плѣнилъ адъ, огорчилъ его, вкусившаго отъ плоти Его. Это и Исаія предвидѣлъ, когда взывалъ: *адъ*, говорить, *огорчися* (Ис. xiv, 9). Встрѣтивъ Тебя въ преисподней, онъ огорчился, потому что потерпѣлъ поражение, огорчился, потому что потерпѣлъ посмѣяніе. Взялъ тѣло, а нашелъ Бога, взялъ землю, а встрѣ- 724 тилъ небо, взялъ то, что видѣлъ, а напалъ на то, чего не видѣлъ. *Гдѣ ты, смерти, жало? Гдѣ ты, иде, побѣда* (1 Кор. xv, 55)? Воскресъ Христосъ, и ты низвержена! Воскресъ Христосъ, и пали демоны! Воскресъ Христосъ, и радуются ангелы! Воскресъ Христосъ, и нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ! Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ, сталъ начаткомъ умершихъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Пасху 1-е.

723 Іудеи празднуютъ пасху земную, отвергнувъ небесную, мы же, празднуя пасху небесную, оставили земную. Какъ совершалась она у тѣхъ, она была напоминаніемъ о спасеніи первенцевъ іудейскихъ, когда первенцы іудейскіе не погибли вмѣстѣ съ египетскими, будучи сохранены таинственно кровью жертвы пасхальной; совершающаяся же у насъ пасха есть причина спасенія всѣхъ людей, начиная съ первозданнаго (человѣка), который во всѣхъ (насъ) сохраняется и остается живымъ. Совершившееся и временное, будучи образомъ и подобіемъ вѣчнаго, было приуготовлено для того, чтобы оттѣнить нынѣ возсіявшую истину; когда же явилась истина, образъ сдѣлался неумѣстнымъ,—все

равно какъ, при появленіи царя въ своемъ народѣ, никто не захочетъ, оставивъ самого живого царя, падать ницъ предъ его изображеніемъ. Ясно отсюда, насколько образъ блѣднѣетъ передъ истиной: именно, образъ празднуется [по поводу сохраненія] кратковременной жизни іудейскихъ первенцевъ, истина (по поводу дарованія) вѣчной жизни всѣмъ людямъ. Вѣдь избавиться ненадолго отъ смерти—еще немного значить для того, кто нѣсколько времени спусти все равно умереть, но много значить избѣжать смерти совсѣмъ. Это и случилось съ нами, за которыхъ закланъ былъ Пасха—Христосъ. И даже самое имя праздника, истолкованное согласно съ истиной, имѣетъ большее преимущество. Пасха по переводу значить прохожденіе,—когда губитель, избивая первенцевъ, проходилъ (мимо) дома евреевъ. Мимо насъ губитель дѣйствительно прошелъ, такъ какъ онъ совершенно навсегда оставилъ насъ, воздвигаемыхъ Христомъ къ вѣчной жизни. Такимъ образомъ, установленіе ветхозавѣтной пасхи слѣдуетъ разсматривать духовно и созерцать вѣрою сообразно съ апостольскими толкованіями. Но вѣрному естественно, конечно, стремиться къ тому, чтобы понять этотъ образъ во всемъ его объемѣ и притомъ именно со стороны соответствія его дѣйствительности, чтобы, такимъ путемъ, имѣть возможность какъ бы тѣлесными очами созерцать то, что само по себѣ духовно. Ему хочется, чтобы все относящееся къ закону имѣло близкое отношеніе ко Христу, чтобы чрезъ духовное тѣлесное стало явственнымъ, и невидимое оказалось видимымъ какъ на живописной картинѣ. Итакъ, когда Богъ вознамѣрился навести десятую казнь на египтянъ (а заключалась она въ пораженіи первенцевъ), то Онъ сказалъ Моисею: *мѣсяцъ сей вамъ началъ мѣсяцъ* (Исх. хп, 2); первый мѣсяцъ у васъ изъ мѣсяцевъ года. И установилъ сряду пасхальную жертву и помазаніе кровью на дверяхъ, и отъ помазанія ея обѣщалъ спасеніе первенцевъ. Если обратиться прямо къ дѣйствительности, то какое значеніе должно придавать тому обстоятельству, что начало года пріурочивается ко времени, когда совершилась спасительная пасха? Очевидно, то, что и для насъ истинная пасхальная жертва является началомъ вѣчной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, годъ есть символъ вѣчности, потому что, дѣлая кругъ, онъ всегда возвращается въ самомъ себѣ и не останавливается ни на какомъ концѣ. И Отецъ будущаго вѣка, Христосъ, жертва за насъ принесенная, дѣлая всю нашу прежнюю жизнь стоящею внѣ времени, даетъ чрезъ купель возрожденія начало другой жизни, по подобію своей смерти и воскресенія. Поэтому всякій, зная принесенную за него въ жертву Пасху, долженъ считать началомъ своей жизни то время, съ котораго Христосъ сдѣлался жертвой за него. А жертвой становится Онъ за него тогда, когда онъ познаетъ благодать и пойметъ начавшуюся чрезъ ту жертву жизнь. И познавъ это, долженъ стремиться получить начало новой жизни и болѣе не возвращаться къ прежней, конца которой достигъ. *Иже бо*

724 *умрохомъ*, сказано, *грьху*, како *наки оживемъ о немъ* (Римл. vi, 2)? Таково символическое значеніе начала года. Далѣе, въ десятый день мѣсяца повелѣваетъ Господь взять по агнцу каждому дому и притомъ такъ, чтобы въ каждомъ домѣ собралось столько человекъ, сколько нужно для того, чтобы съѣсть агнца всего безъ остатка; заколать же агнца нужно было въ четырнадцатый день къ вечеру. Итакъ, пять дней жертва находится вмѣстѣ съ тѣмъ, кому она должна доставить спасеніе, на исходѣ же пятого дня жертвенное животное закалывается, смерть проходитъ мимо, спасенный наслаждается непрестаннымъ свѣтомъ и луны, свѣтящей всю ночь, и солнца, смѣняющаго луну; это именно бываетъ въ пятнадцатый и притомъ полнолунный день. Пять этихъ промежутковъ называютъ, что все время міра дѣлится на пять періодовъ: отъ Адама до Ноя, отъ Ноя до Авраама, отъ Авраама до Моисея, отъ Моисея до пришествія Христа и пятый—періодъ самаго пришествія. Въ это время спасеніе чрезъ блаженную жертву уготовлялось для всякаго человека, но еще не совершалось. Въ пятомъ же періодѣ времени приносилась истинная жертва, и спасаемый ею первозданный человекъ достигалъ непрестаннаго свѣта. И то, что пасха совершалась не въ самый вечеръ, а къ вечеру, показывало, что не въ самомъ концѣ настоящаго времени, но къ концу пострадаетъ Христосъ. Такое дѣленіе времени подтверждается и притчей, въ которой день разбивается на пять частей, такъ какъ рассказывается, что въ виноградникъ, т. е. на дѣланіе правды, одни званы были съ перваго часа, другіе съ третьяго, иные съ шестого, иные съ девятого, а иные съ одиннадцатаго. И какъ различно было это призваніе, такъ различно и оправданіе: одно при Адамѣ, другое при Ное, иное при Авраамѣ, и иное при Моисей; послѣднее же и самое совершенное—во время пришествія Христа, когда по притчѣ Спасителя послѣдніе получаютъ награду первыми. Именно мы, за которыхъ Христосъ сдѣлался жертвой, первыми получаемъ возрожденіе въ крещеніи, послѣ того какъ Христосъ воскресъ и Св. Духа послалъ для нашего обновленія. Таково именно таинственно созерцаемое символическое значеніе жертвы, приносимой въ четырнадцатый день, и слѣдующей затѣмъ свѣтоносной ночи и дня. То же, что жертвенное животное въ каждомъ домѣ съѣдалось сплона и мясо не выносилося вонъ, показываетъ, что спасеніе во Христѣ получаетъ одинъ только домъ: этотъ домъ—церковь, сущая по всей вселенной, прежде чуждая Богу, а теперь одна только вступившая съ Нимъ въ родство, чрезъ принятіе посланныхъ Господомъ Иисусомъ, все равно какъ жилище Раави, бывшей блудницы, принявъ къ себѣ соглядатаевъ, посланныхъ Иисусомъ, одно только и сохранилось при разрушеніи Іерихона. И какъ множество еврейскихъ домовъ имѣетъ значеніе одного, такъ и находящіеся по городамъ и странамъ церкви, будучи по счету многочисленными, составляютъ одну только церковь: одинъ въ нихъ Христосъ повсюду, совершенный и недѣлимый.

Потому-то жертвенное животное въ каждомъ домѣ должно было быть совершеннымъ и не дѣлилось на отдѣльныя части. Вѣдь и Павелъ говоритъ, что всѣ мы потому и составляемъ едино во Христѣ, что *едина Господь, и едина вера* (Ефес. iv, 5). Итакъ, необходимо признать, 725 что недѣлимимъ единствомъ жертвеннаго животного законъ прообразовалъ Христа, предъизображая имъ же вмѣстѣ съ тѣмъ и единство Церкви. Во Христѣ, въ жертвѣ Его, мы имѣемъ спасеніе, и все, что было до Его пришествія, мы познаемъ какъ предуготовленіе къ этому пришествію, и дѣло спасенія всего человѣчества съ самаго начала поставлено было такъ, какъ будто предъ глазами всѣхъ все время была совершаема жертва Христова, за всѣхъ приносимая. Но принадлежить это спасеніе, какъ намъ извѣстно, одной лишь Церкви, и никто не можетъ внѣ Церкви и вѣры ни быть сообщникомъ Христу, ни спастись. Зная это, мы понимаемъ, что спасеніе всего міра совершается не отъ дѣла закона, но во Христѣ, и безбожнымъ ересямъ не оставляемъ никакого основанія для надежды, но полагаемъ ихъ внѣ всякой надежды, такъ какъ онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго общенія со Христомъ, но тщетно прикрываются спасительнымъ именемъ ко вреду и обману тѣхъ, кто больше обращаетъ вниманія на названіе и внѣшность, чѣмъ на истину. Итакъ, пусть никто не отрываетъ отъ Христа того, что было издревле, пусть никто не думаетъ, чтобы кто-либо изъ жившихъ прежде могъ спастись безъ Христа; а тѣхъ, кто въ наше время переимчиваетъ и извращаетъ истину, кто устраиваетъ лишь суетное и ложное подобіе Церкви, чуждое Христу и истинѣ, тѣхъ пусть никто не именуетъ и христіанами и не поддерживаетъ общенія съ ними: да это и невозможно, потому что не выносятся изъ священнаго дома жертва и не предлагается для общенія находящимся внѣ его. Посмотримъ теперь на прообразовавшаго славу Господа агнца. Требовалось, чтобы Онъ былъ непороченъ, мужескаго пола, и однолѣтенъ. Прежде всего онъ обладалъ непорочностью и совершенствомъ, потому что одинъ Христосъ исполненъ всякаго совершенства и всецѣло безпороченъ, и ни съ какой стороны, отъ начала и до конца не нуждается ни въ какомъ оправданіи, какъ и самъ говоритъ: *такъ бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѡ. ш, 15). Потому-то для всѣхъ жертвъ и употреблялись всегда животныя совершенныя и безпорочныя, что они служили прообразомъ Христа. И жрецамъ Богъ повелѣлъ быть вполне совершенными и неповрежденными тѣломъ, потому что всѣ они были прообразомъ истиннаго Жреца. Затѣмъ, пасхальный агнецъ долженъ быть мужескаго пола, потому что этому полу по природѣ принадлежитъ главенство и преимущество, какъ и у людей мужчина имѣетъ тѣлесное преимущество предъ женщиной. И Христосъ по природѣ и въ дѣйствительности есть Глава и Царь, такъ какъ, будучи небеснымъ человѣкомъ, соединился съ нами, какъ

726

братъ, по тѣлесной природѣ, но стоитъ выше насъ, какъ Господь, по духовной сторонѣ, по Своей божественности. Поэтому и женихомъ является только Онъ одинъ, если считать невѣстой все человѣчество; даже Іоаннъ, величайшій изъ пророковъ, не былъ женихомъ, какъ видно и изъ его словъ о Христѣ и о себѣ: о Христѣ онъ говорилъ: *имѣй невѣсту женихъ есть, а о себѣ: другъ же жениховъ, стоя и послушая гласъ его, радостію радуется за гласъ жениховъ: сія убо радость моя исполнися* (Іоан. ш, 29). И апостолы всѣ—не женихи Церкви, хотя безъ сомнѣнія они и приняли по благодати подобіе Христу, сдѣлавшись сынами Христа чрезъ Христова Духа. Но что говорить блаженный Павелъ? *Обручить бо васъ единому мужу двукресту представить Христови* (2 Кор. хі, 2). Итакъ, Господь—поистинѣ Глава, Владыка и Царь, не только потому, что былъ Богомъ среди людей, но и по предвѣчному божеству, потому что по природѣ Онъ—Царь всякаго созданія, не по благодати получившій царство, но имѣющій его поистинѣ и по рожденію отъ Отца. Агнецъ, затѣмъ, былъ однолѣтнимъ; это означало, что Господь будетъ новымъ на землѣ и совершенно непричастнымъ той ветхости, какая возобладала въ людяхъ. Поэтому, если кто называетъ Господа простымъ человѣкомъ и полагаетъ, что Христосъ былъ нашей природы, для того Онъ уже не будетъ агнцемъ совершеннымъ и непорочнымъ, потому что никто изъ людей не безпороченъ, не будетъ агнцемъ мужескаго пола, потому что никто изъ людей не имѣетъ прирожденнаго и всецѣлаго тѣлеснаго превосходства въ сравненіи съ одинаковыми по природѣ людьми. И кто причисляетъ Господа къ твари и утверждаетъ, что Онъ имѣлъ не истинное божество, а полученное по благодати, у того и агнецъ, приносившійся за него въ жертву, не мужескаго пола,—тотъ не узналъ Царя по природѣ, а обращаетъ его въ иного, различнаго и по природѣ и по существу. Точно также если кто-нибудь припишетъ Христу что-либо изъ свойственнаго ветхому человѣку, напр., осмѣлится утверждать, что Онъ причастенъ грѣху, или подлежить рабству закона, или подлежить по необходимости смерти, для такого однолѣтній агнецъ не можетъ уже служить прообразомъ Христа,—для того незамѣтнымъ прошло обновленіе, принесенное Христомъ. Остается уразумѣть символическое значеніе агнца и козла. Именно, агнецъ, сообразно съ Исаіей, есть символъ кротости Христа: *яко овца на заколеніе ведется, и яко агнецъ предъ стрѣляющимъ се беззащитенъ* (Ис. лш, 7); козелъ же по закону есть жертва за грѣхъ: *козу, сказано, отъ козъ грѣха ради* (Левит. v, 6). Итакъ, кроткій, какъ агнецъ, Онъ далъ привести Себя и, затѣмъ, былъ принесенъ въ жертву за грѣхъ, какъ козелъ, отдавъ самого Себя по смиренію на спасеніе людей,—какового спасенія и мы да достигнемъ по вѣрѣ и любви къ пострадавшему за насъ Господу Іисусу Христу,

через Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святую Пасху 2-е.

Предполагаемое значеніе прообразовъ въ законѣ подтверждается 725
самой истиной. Такъ, напримѣръ, агнецъ безпороченъ, какъ и пред-
сказалъ законъ о пасхальной жертвѣ, мужескаго пола, однолѣтній, взя-
тый въ десятый день мѣсяца, приносится въ жертву въ четырнадцатый
къ вечеру, причѣмъ счетъ мѣсяцевъ начинается съ того времени, когда
совершалась пасха. Именно, все это относится ко Христу и страданію
Его, и въ Немъ получаетъ оправданіе своей истинности и необходи-
мости; взятое же само по себѣ оно не можетъ имѣть никакого смысла.
Тѣ, которые не знаютъ Христа, не нашли бы оправданія этимъ требо-
ніямъ закона и не могли бы объяснить, зачѣмъ Богъ далъ такіа пове-
лѣнія о ветхозав. пасхѣ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ какого-либо иного
основанія для установленія жертвы за спасеніе первенцевъ и для со-
вершенія помазанія кровью при входахъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, за
сила въ закланіи жертвенныхъ животныхъ для спасенія первородныхъ?
Что за необходимость въ помазаніи кровью знака на домахъ? Безъ со-
мнѣнія, Богъ и безъ знаковъ знаетъ дома евреевъ, такъ что и выра-
женію: *узрю кровь и покрюю вы* (Исх. хп, 13) оставалось бы только
удивляться. Но возводя и эти повелѣнія къ истинѣ, ты узнаешь при-
сущій имъ смыслъ, какъ и было уже показано выше на нѣсколькихъ
примѣрахъ. Когда, именно, безпорочная Жертва пострадала за насъ,
смерть, начавшаяся отъ первозданнаго человѣка, уничтожается, и перво-
зданный человѣкъ, живущій во всѣхъ насъ, спасается, оживотворяемый
воскресеніемъ Христа. И, по справедливости, для всѣхъ причастниковъ
той жертвы жизнь, разрѣшающая узы грѣха и смерти, дѣлается спа-
сительнымъ знакомъ. На нее-то взирая, Богъ спасаетъ спомазавшихся
Ему вѣрою, которые не иначе и могутъ избѣжать справедливо караю-
щаго ангела, какъ только ради пролитой за насъ по человеколюбію
крови. Видишь, какой смыслъ имѣетъ прообразъ, разсматриваемый со- 726
гласно съ истиной? Такимъ образомъ, если кто-нибудь изъ іудеевъ
вадумаетъ говорить: для чего Христосъ пострадалъ, чтобы спасти міръ,
какъ будто бы онъ не могъ быть спасенъ и безъ этого?—на это должно
отвѣтить ему: зачѣмъ приносилась пасха для спасенія іудейскихъ пер-
венцевъ, какъ будто бы они не могли бы быть спасены и безъ этого?
И онъ не въ силахъ будетъ отвѣтить что-нибудь (потому что Богъ,
конечно, не нуждался ни въ жертвѣ, ни въ знакѣ, чтобы узнать домъ).
Въ нашу пользу говорить это дѣло и лишній разъ подтверждать

истинность святой вѣры, показывая, какъ неправедность наша уничтожается праведностью Христа,—другихъ средствъ къ разрѣшенію ея и не было (такъ точно тьма разсѣивается только свѣтомъ),—и какъ наша смерть уничтожается жизнью Христа, точно тьма свѣтомъ. Потому-то и священна та жертва, что она была прообразомъ истинной. А эта истинная,—преданная по невѣдѣнію нечестивыхъ смерти и погребенію, совѣтомъ же Божиимъ принятая въ качествѣ священной жертвы и сдѣлавшаяся по собственной волѣ приношеніемъ для Отца,—священна по существу, какъ истинная жертва. Предалъ, говоритъ, Отецъ Сына за насъ, и Христосъ *принесе себе Отцу за церковь приношеніе и жертву въ волю благоуханія* (Ефес. v, 2). И для однихъ, искавшихъ смерти Христа, совѣтъ этотъ принесъ пагубу, для другихъ же, которые искали спасенія, ради смерти Христовой, вѣра ихъ послужила ко спасенію. Мимо нихъ проходятъ мечь и смерть, потому что смерть теряетъ надъ ними свою пагубную власть, согласно съ словами Спасителя: *аще кто слово Мос соблюдетъ, смерти не имать вѣдѣти во вѣки* (Іоан. viii, 51).

- 727 Ради пролитой за насъ крови мы получаемъ Духа Святого. Если же соединяются вмѣстѣ и кровь и Духъ, то это для того, чтобы мы могли принять чрезъ однородную съ нашею кровь неоднороднаго съ нами Духа Святого и чрезъ это преградили доступъ къ намъ смерти. Доступъ же смерти двоякій, почему и знакъ крови дѣлается тоже двоякій. *На обою*, сказано, *подвою и на прѣзъ* (Исход. xii, 7). Входитъ смерть чрезъ грѣхъ, какъ говоритъ апостолъ. Грѣхъ же въ насъ бываетъ то слѣдствіемъ страсти (а она двоякая: или состоитъ въ чувственномъ расположеніи души къ извѣженности, или въ жестокой грубости), то плодомъ мысли, когда она принимаетъ направленіе неправильное и ненормальное. Разсудокъ, все равно какъ притолка или верхняя перекладина въ дверяхъ, лежитъ выше обонхъ столбовъ страсти, будучи главнымъ и высшимъ по природѣ. Страсть можетъ быть уподоблена столбамъ, находится ниже разсудка, какъ точно и столбы стоятъ подъ притолкою. Какія же страсти ведутъ къ извѣженности? Объяденіе, пьянство и страсть къ плотскому общенію. Какія грубыя страсти души? Гнѣвъ и разные виды себялюбія, перечисляя которыя Павелъ говорилъ: *не козлогласованіи и пѣнствомъ, не любодѣліи и студодѣліи, не ревнею и завистию: но облекусь Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (Римл. xiii, 13, 14). Древнее помазаніе и подобно этому самому облеченію, когда мы, принимая образъ страданія Христа, облакаемся святостью Христа,—не предаваясь удовольствіямъ, и не ожесточаясь гнѣвомъ. А если говорить какъ слѣдуетъ и съ разсужденіемъ, то помазаніе есть именно самая одежда, въ которую мы облакаемся,—мудрость не плотская, но Христова, такъ что по плотскому уму мы умерщвляемся, становимся какъ бы мертвыми, а умомъ украшаемся духовнымъ. Когда мы такимъ образомъ облакаемся, тогда уже ни чрезъ неразумныя стра-

сти, ни чрезъ несмысленные помыслы грѣхъ не можетъ подступить къ намъ и смерть не можетъ возобладать надъ нами. Таковъ безъ сомнѣнія тайный смыслъ помазанія. Вслѣдъ за помазаніемъ наступаетъ яденіе, вселяющее въ насъ божественное тѣло и приводящее къ единенію съ нимъ. *Сндятъ*, говорится, *мяса въ пищи той печена огнемъ* (Исх. хп, 8). Ночь—это настоящій вѣкъ. *Нощь прейде* (Римл. хш, 12), говоритъ Павелъ. Вкушеніе святого тѣла при посредствѣ огня указываетъ на горячую и кипящую ревность. *Духомъ*, говорится, *горяще* (ст. 11), и: *огня приидоша воорещи на землю*, говорится, *и что хощу, иже уже возгорѣхъ* (Лук. хп, 49). Какъ огонь, когда говорится объ употребленіи мяса, указываетъ на горячую поспѣшность, такъ опрѣсноки обозначаютъ простоту, а горькія травы послѣдующія мученія. *И опрѣсноки*, сказано, *съ юрькими зелиемъ сндятъ* (Исх. хп, 8). Простымъ и незлобивымъ становится нравъ человѣка, освободившись, какъ бы отъ закваски, отъ всего ветхаго и лукаваго и воспринявъ новое и нехитрое, чтобы оно квасило. *Пасха бо наша*, говорится, *пожренъ бысть Христосъ, тѣмъ же да празднуемъ не въ квасъ ветсъ, ни въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасныхъ чистоты и истины* (1 Кор. v, 7, 8). А горькое — это скорби: *но и хвалимся*, говорится, *въ скорбехъ, ѡднѣи, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Римл. v, 3—5). *Многими скорбями подобаетъ намъ внити во царствіе* (Дѣян. хiv, 22). Такимъ образомъ мы принимаемъ скорбь въ качествѣ приправы, въ надеждѣ получить чрезъ это царство. Запрещено было ѣсть мясо сырымъ. При буквальному, плотскому пониманію остается совершенно непонятнымъ, почему это Богъ запрещаетъ то, чего никогда не бываетъ, потому что никто не станетъ ѣсть сырого; по отношенію же къ намъ—это запрещеніе имѣетъ величайшее значеніе: не приступать къ принятію божественнаго тѣла безъ подготовки, потому что невоспринятымъ оно остается у тѣхъ, которые верадиво принимаютъ его, не подготовляясь къ такому общенію добрыми дѣлами. *Впра*, говорится, *безъ дѣлъ мертвъ есть* (Іаков. ii, 20). И вслѣдствіе этого на нерадивыхъ посылаются скорби для ихъ пользы,—чтобы они были, какъ говоритъ Павелъ, участниками святости его. Любовь къ плотскимъ удовольствіямъ рождаетъ бездѣятельность относительно духовныхъ дѣлъ. Поэтому, обозначая это другимъ символомъ, законодатель запрещаетъ ѣсть мясо варенымъ въ водѣ, потому что варится мясо для того, чтобы оно было пріятнѣе на вкусъ, при вкушеніи же божественной пищи нельзя думать объ удовольствіи: духовная сила не соединяется съ плотскимъ расположеніемъ. Поэтому, говорить, не вари священнаго мяса, съ разными приправами, но ѣшь его просто печенымъ на огнѣ, съ напряженнымъ стараніемъ, чуждымъ удовольствію. Любовь къ удо- 728

и для тѣхъ, *имже Богъ чрево* (Филип. iii, 19), Богъ не есть Богъ. И тѣхъ, которые превращаютъ евхаристію въ пышные пиры, обращая освящающее приобщеніе въ поводъ къ обильному питанію и разнообразному питью, апостолъ не одобряетъ. Къ нимъ Павелъ говоритъ: *нѣсть Господскую вечерю ясти: кійждо бо свою вечерю предваряетъ въ спяденіе, и овъ убо алчетъ, овъ же утѣвается. Еда бо домогъ не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божіей нерадите, и срамляете не имущія? Что вамъ реку? Похваляю ли вы о семъ? Не похваляю въ семъ* (1 Кор. xi, 20—23). Такимъ небрежнымъ отношеніемъ къ святой пищѣ апостолъ и объясняетъ постигавшія ихъ искушенія, потому что въ нечистотѣ приступали они къ святымъ. *Сего ради въ васъ, говоритъ, мнози немощни и недужливи, и спятъ доволни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. xi, 30, 31). Повинны мы въ нечестіи противъ Господа, когда безъ достаточной готовности тѣла приступаемъ къ соединенію съ Его тѣломъ, которое Онъ далъ намъ для того, чтобы мы, соединившись съ нимъ, могли бы соединиться съ Духомъ Святымъ. Для того Слово Божіе всецѣло и отдало самого себя тѣлу и сдѣлалось плотью, по евангельскому голосу, чтобы мы, не будучи въ состояніи имѣть общевія съ Нимъ, какъ Словомъ, приобщились бы Ему, принявшему плоть, сдѣлавъ, по возможности, сродной свою плоть съ духовной плотью и духъ со Св. Духомъ, чтобы стать подобными Христу, сдѣлавшись храмомъ Духа, какъ говоритъ апостолъ: *храмы Божіи есте, и еще: или не въсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Св. Духа суть, его же имате отъ Бога* (1 Кор. ш, 16 и vi, 19)? И чрезъ соединеніе съ Духомъ касаемся и тѣла Христа, и, пребывая въ святости, становимся членами Христа. *Не въсте ли, говоритъ, яко тѣлеса ваша удове Христовы суть? Възмъ ли убо уди Христовы, сотворю уди блудничіи? Да не будетъ* (1 Кор. xi, 15). Вотъ какими подробностями обставилъ законъ приготовленіе священной пищи, вотъ какими символами, къ нашей пользѣ направляя тогдашніе прообразы. *Главу же, сказано, съ ногами и со утробой* (Исх. xii, 9): голова указываетъ на начало явленія къ людямъ, на первое пришествіе, а ноги указываютъ на конецъ, на второе пришествіе, безъ котораго первому нельзя вѣрить, такъ какъ на немъ не все, предсказанное пророками, исполнилось. Вотъ почему іудеи и не вѣрятъ (пришествію Христову), думая, что пришедшій такъ не есть Христосъ, потому что не исполнилось то, что относится къ славному пришествію. Поэтому, вмѣстѣ соединивъ, сказалъ: *главу съ ногами*, т. е. первое пришествіе со вторымъ, чтобы и съ позоромъ приведеннаго на закланіе Агнца ты принималъ, какъ Господа, и въ немъ могъ увидѣть Царя, являющагося со славою. И то, и другое предсказалъ пророкъ Исаія; и не требуй поэтому избавленія Іерусалима теперь же, но ожидай его впоследствии: *приидетъ Сіона ради избавляяй, и отератитъ нечестіе отъ Іакова*

(Ис. лх, 20), когда Онъ самъ спасетъ остатокъ народа, который долженъ обратиться къ Нему. При первомъ же пришествіи Его исполнилось, какъ можешь видѣть, противоположное: оставилъ домъ мой; расточилъ наслѣдство мое, и еще: *и дамъ лукавыя вмѣсто погребеній ея, и богатія вмѣсто смерти ея* (Ис. лш, 9.). Итакъ, *главу съ ногами*—это предостерегаю іудеевъ, чтобы не отдѣляли безславнаго пришествія Господа отъ славнаго и чтобы по невѣрію не были отдѣлены отъ общенія съ нимъ. *Но и со утробою*,—сказано. Что это значить? То, чтобы вы не соблазнились тѣмъ, что будетъ видимо, но и замѣчали сокровенное; не человѣкомъ считайте Его наравнѣ съ собою, потому что Онъ человѣкъ по тѣлу, но познавайте Его духовно и вы узнаете въ Немъ Отца. Пока ты не видишь того, что находится внутри, и не имѣешь съ нимъ внутренняго общенія, ты еще не увидѣлъ Христа, думая, что Онъ человѣкъ, а не Богъ. А Онъ самъ говорить: *видѣтый Мене видѣ Отца* (Іоан. хiv, 9). Нужно разсмотрѣть и это выраженіе: *не оставите отъ него до утрия* (Исх. хп, 10). И его объясняетъ намъ Павелъ, говоря, что воспоминаніе о страданіи Господа будетъ совершаться, пока Онъ не придетъ (1 Кор. xi, 26). Оно совершается столько времени и спасаетъ совершающихъ, пока не пройдетъ настоящая ночь и не настанетъ утро, и Христосъ живой возсіяетъ намъ съ неба, спасая жизнью Своею, какъ нынѣ спасаетъ смертию: *аще, говорится, ерази бывше примирихомся Богу смертію Сына Ею, множае паче помирившеся спасаемся въ животъ Ею* (Рим. v, 10). Итакъ, уже смертию Христа мы спасаемся, а тогда будемъ спасаться и жизнью Его. Таково символическое значеніе запрещенія оставлять что-либо изъ жертвеннаго мяса до утра. И мы также будемъ тогда живыми, и наша теперешняя смерть проходить; между тѣмъ какъ теперь мы спасаемся не иначе, какъ чрезъ смерть, тогда будемъ имѣть спасеніе жизненное. *Не земная мудрствуйте, говорить, умросте бо, и животъ вамъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ: вѣда же Христосъ живится, животъ ваицъ, тогда и вы съ нимъ живитесь въ славу* (Колос. ii, 2—4). Поэтому, если остается что-либо изъ жертвеннаго мяса, оно сжигается огнемъ, чтобы мы знали, что въ настоящемъ вѣкѣ Христосъ умеръ за грѣхъ однажды, и смерть надъ Нимъ болѣе не господствуетъ, но уничтожена силою Духа, какъ будто огнемъ, когда жизнь овладѣла знаменемъ смерти. *Кость же не сокрушится отъ него* (Ис. хп, 46). Блаженный Іоаннъ относитъ это къ тѣлу Христа, которое было сохра- 730 нено, потому что голени Его не были переломлены; но это имѣетъ также и духовное значеніе,—потому что твердость Его оставалась непобѣдимую, и поэтому тлѣніе не коснулось тѣла Его, такъ какъ оно имѣло самое прочное и несокрушимое основаніе, будучи устроено не тѣлеснымъ, но божественнымъ способомъ, имѣя божественное происхожденіе, не подверженное человѣческому тлѣнію. *Ни плоть Ею видѣ*

истинныя (Дѣян. II, 31). Послѣ такого изслѣдованія о спасительномъ употребленіи священной пищи, мы теперь прекратимъ слово, оставивъ прочее до другого раза, и попросимъ у Господа того, чего просилъ Давидъ: *открой очи мои, и узрю чудеса отъ закона твоего* (Псал. cxviii, 18).—чтобы у насъ чтеніе закона не было такимъ неразумнымъ, какъ у іудеевъ, остановившихся на однихъ образахъ, но чтобы, мысли о божественныхъ символахъ божественно, мы достигли самой святой истины во Христѣ. Иисусъ Господь нашъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Св. Духомъ во вѣки. Аминь.

О томъ же предметѣ (о Пасхѣ) 3-е.

729 Святость Христа предукazyвалась пасхальной жертвой съ безпорочнымъ агнцемъ, спасеніе людей въ страданіи Христовомъ—спасеніемъ первенцевъ, даннымъ чрезъ пасхальную жертву, на освященіе же указывало яденіе (жертвы). И объ этомъ нами уже было раньше сказано. Теперь изъ остального, указаннаго въ законѣ, слѣдуетъ разсмотрѣть то, какъ должно готовить себя тому, кто будетъ принимать освященіе, какъ приступать къ приобщенію святыни, какую жизнь проводить послѣ того, какъ сдѣлаешься причастникомъ и сообщникомъ святого. И вотъ, какимъ образомъ должно готовиться тому, кто намѣревается быть сообщникомъ Христу, законодатель образно указалъ намъ въ обрѣзаніи, говоря: *сей законъ пасхи: всякъ иноплеменикъ да не ястъ отъ нея: и всякаго раба или купленнаго обрѣжеша его, и тогда да ястъ отъ нея* (Исх. x, 43, 44). Обрѣзаніе же тогда было только частичнымъ, не будучи полезнымъ само по себѣ, потому что нисколько не лучше казался человѣкъ отъ обрѣзанія сравнительно съ необрѣзаннымъ. Напротивъ, израильтяне даже порицались по этому поводу отъ Бога: *яко вси языци не обрѣзани плотию, дождь же Израилевъ не обрѣзани суть сердцемъ своимъ* (Іерем. ix, 26). Истинное обрѣзаніе есть обрѣзаніе всей плоти, дѣлающее пріятнымъ и угоднымъ Богу того, кто обрѣзанъ сердцемъ, у кого свято плотское покрывало, которое мы имѣемъ по наслѣдованію отъ родителей и которое должно быть свято у насъ; законъ, повелѣвая обрѣзывать дѣтородные члены, напередъ указалъ въ этомъ символъ рожденія и покровя, сопровождающаго насъ отъ рожденія. Итакъ, тотъ, кто не оставляетъ плотского образа жизни, тотъ не достигнетъ общенія со Христомъ. *Мы есмь обрѣзаны*,—говорятъ соучастники Христа,—*иже душою Богу служимъ, а не въ плоти надѣемся* (Филип. iii, 3). Только сердце, свободное отъ всего плотского, истинно можетъ служить Богу и духомъ соединиться со Христомъ. Началомъ этого обрѣзанія служить страданіе

за насъ Господа, пренебрегшаго (воею) плотію и принявшаго ради насъ самое обрѣзаніе; на насъ же это таинство отпечатывается въ крещеніи, а исполняется въ жизни сообразно Христу. *Обрѣзани бо,—* говоритъ, *— бысте обрѣзаниѣмъ нерукотвореннымъ, въ соудженіи тѣла грѣшного плоти, во обрѣзаніи Христовѣ, съюгнбшеся Ему крещеніемъ* (Колос. и, 11, 12). Итакъ, пока ты не оставилъ плотскихъ привычекъ, ты, какъ инородный и чужестранецъ, и не будешь участникомъ и сообщникомъ со святымъ, пришедшимъ съ неба, Христомъ: тотъ самъ долженъ быть небеснымъ, кто хочетъ подойти къ небесному, небеснымъ же никто не можетъ сдѣлаться, не оставивъ земного. Такимъ образомъ, напередъ умертвивъ въ себѣ ветхаго чловѣка благодатью крещенія, чрезъ усердіе въ духовныхъ дѣлахъ ты подоидешь ко Христу и приобщишься къ Нему. Вторыхъ, нужно видѣть, каковыми были по закону всѣ участвовавшіе (въ яденіи) пасхи, для того чтобы узнать, какими должны быть и мы для участія со Христомъ. *Снѣде, говоритъ, снѣдте съ чреслаишиа препоясана, и синози ваши на нопѣи вашихъ, и жезлы истины въ рукахъ вашихъ* (Исх. хп, 11). Дорожная одежда, надѣтая и хорошо подпоясанная, указываетъ на скорую готовность идти на встрѣчу обѣтованію Божию, какъ и Израиль тогда, готовый въ путь, отправлялся въ землю обѣтованія. Обрати же вниманіе на духовнаго путешественника, какое онъ имѣетъ предъ тѣмъ преимущество. Онъ спѣшитъ не на эту дальнюю землю обѣтованія, не временныя блага преслѣдуетъ, не землю мѣняетъ на землю, не Іудею вмѣсто Египта; но что говоритъ такой путешественникъ о своемъ путешествіи? *Задняя забываю, въ предняя же простираюся, со усердіемъ гоню, къ почести вышнему званія* (Филпп. ш, 13, 14). Вотъ чресла, препоясанныя истиною, по апостолу (Ефес. vi, 14)! Такъ именно ты будешь проворнымъ въ добромъ теченіи, если оставишь все теперешнее—пустое и ложное, по Давиду (Псал. хххviii, 8), станешь искать будущей истины и по ней томиться. Ноги—обутыя, говоритъ, готовностью благовѣстія мира, способныя для всякаго добраго бѣга, какимъ упрочивается для насъ миръ съ Богомъ, какъ говоритъ апостолъ: *миръ имамъ къ Богу Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (Рим. v, 1), и еще: *терпѣніемъ, говоритъ, ди течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. хп, 1), и еще: *такъ теку, да достигну* (1 Кор. ix, 26). Посохи у нихъ въ рукахъ—это надежда или утвержденіе души въ Богѣ, чтобы не поколебаться въ скорбяхъ, какъ и сказалъ Павелъ (1 Фессал. ш, 3), но быть твердыми. *Снѣдте со тѣшаніемъ: пасха есть Господня* (Исх. хп, 11). Не для безпечныхъ эта ѣда, не для удовольствія, не для тѣхъ, кто небреженъ и склоненъ къ бездѣтельности, но для тѣхъ, кто имѣетъ духъ бодрый и напряженный, почему она и доставляетъ намъ минованіе губительнаго мщенія, когда посылаетъ его Господь. Поэтому говорить: *пасха есть Господня*, что одинъ переводчикъ ¹⁾ прямо истол-

¹⁾ Аквилла.

коваль: „перехожденіе Господу“. Въ третьихъ, послѣ такого принятія божественной пищи, мы посмотримъ, какова должна быть и жизнь того, кто принялъ это святое питаніе. На это именно указываютъ опрѣсноки и дни опрѣсноковъ. Іудеи вотъ заботятся объ опрѣсновахъ и думаютъ, что семь опрѣсночныхъ дней доставляютъ имъ что-то особенное, не ѣдятъ квасного хлѣба и не держатъ его у себя, не будучи въ состояніи указать какую бы то ни было пользу отъ этого дѣла, потому что они образъ выполняютъ, а не истину. Ты же понимай опрѣснокъ согласно слову апостола и какъ мы показали, именно, чтобы душа была чиста и не запятнана никакимъ злодѣяніемъ, чтобы былъ новый образъ жизни безъ всякихъ прежнихъ пороковъ. Очевидно, такъ нужно понимать эти слова: даже и слѣда чего-нибудь подобнаго *да не лежитъ въ домахъ вашихъ: всякъ, иже аще съестъ квасно, погубится душа та отъ Израиля* (Исх. хп, 19). Возвращеніе къ прежней порочности есть гибель для того, кто былъ переведенъ въ новую жизнь. *Аще по плоти живете*, сказано, *имате умерети* (Рим. вш, 13). Какое символическое значеніе имѣютъ семь дней (опрѣсночныхъ)? Семь дней, говорить, ѣшьте опрѣсноки. Семь дней, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, обозначаютъ все время, потому что послѣ седьмого дня, который есть покой, начинается возвращеніе перваго, и этотъ кругъ времени идетъ впередъ, обращаясь черезъ семь дней въ самого себя. Во все, конечно, время слѣдуетъ тебѣ жить въ простотѣ и чистотѣ, и это поистинѣ спасительно. *Аще*, сказано, *духомъ дѣлнія плотская умерщвляетъ, живи будете* (Рим. вш, 13). Характеръ того, кто не ищетъ плотского, простъ, незлобивъ, не лукавъ, чуждъ всего худого и ненавистнаго. Почему же первый день и седьмой называетъ святыми, говоря: *первый день наречется святъ, и седьмой день нарочитъ святъ да будетъ вамъ* (Исх. хп, 16)? Потому что какъ первый день показываетъ начало, въ которое мы освящаемся черезъ пріятіе Святого Духа, такъ седьмой день обозначаетъ конецъ, когда именно мы, освободившись отъ тѣла, бываемъ со Христомъ и приходимъ къ Господу, оставивъ странствованіе земное, всецѣло переносимся къ святости. *Яко живущие*, говорить, *въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа* (2 Кор. v, 6). Законъ требуетъ, чтобы эти дни были свободны отъ работъ. *Всякаго дѣла*, говорить, *да не сотворите въ нихъ* (Исх. хп, 16). Это показываетъ, что душа не должна уклоняться въ сторону земныхъ попеченій и оставаться въ рабствѣ, несоотвѣтствующемъ служенію Богу, но что только то одно съ ревностью должна исполнять, только на то употреблять усиліе, въ чемъ для нея есть польза. На это же самое указываетъ и слѣдующее выраженіе: *развъ елика сотворятся всякой души, сія точію да сотворятся вамъ* (Исх. хп, 16). Поэтому Господь, приводя къ объясненію покоя по закону, такъ какъ покой искали въ отдыхѣ отъ суетныхъ дѣлъ, а не въ томъ, что относится къ пользѣ души, предложилъ фарисеямъ: *достойтъ ли*

въ субботу добро творити, или зло творити, душу спасти, или погубити (Марк. ш, 4)? Если правильно и сообразно Христу хочешь соблюдать субботу и праздничный покой, воздерживайся отъ мірскихъ заботъ и занятій, а заботься о томъ и дѣлай то, что относится къ Богу и пользѣ души. И тогда будешь истинно и правильно проводить субботу и праздновать святой праздникъ, образъ того, что у Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О томъ же предметъ 4-е.

Пасху празднуютъ іудеи въ воспоминаніе освобожденія изъ Египта 781 и избавленія первенцевъ отъ смерти. Самое названіе—«пасха»—означаетъ прохождение смерти; такое значеніе оно имѣетъ на языкѣ еврейскомъ. Пасху празднуемъ и мы, но не какъ избавленіе отъ временной смерти, подобно тѣмъ, и не какъ освобожденіе отъ временнаго рабства, но какъ совершенное избавленіе отъ смерти, какъ совершенное освобожденіе отъ рабства диаволу. Смерть первенцевъ миновала тѣхъ, которые принесли въ жертву прообразовательнаго агнца и помазали кровью части дверей, насъ же смерть, начавшаяся отъ первозданнаго (человѣка), минуетъ, не будучи въ силахъ удержать тѣхъ, которые вкусили жертвы божественнаго Агнца и запечатлѣны вѣрою въ спасительную кровь. У тѣхъ земной агнецъ, у насъ же съ неба,—какъ у Авраама, когда онъ имѣлъ посланнаго Богомъ агнца для принесенія вмѣсто сына, — поистиннѣй посланный отъ Бога съ неба Агнецъ, принесенный за насъ, чтобы болѣе мы не оставались во власти смерти чрезъ неоудержимаго ею Христа. Послать, сказано, Богъ Сына Спасителемъ міра (Іоан. iv, 10), и: съ небесе, говоритъ, снисхождетъ (Іоан. vi, 42). И Креститель свидѣтельствуетъ о Немъ, говоря: се Агнецъ Божій, вземлюй грѣхъ міра (i, 29). Безсловесный агнецъ не уничтожаетъ грѣха, а вслѣдствіе этого и происходящей отъ грѣха смерти; разумнѣйшій же Агнецъ освободилъ отъ грѣха, уничтоживъ вмѣстѣ съ нимъ и смерть. Выводитъ насъ не изъ земли египетской въ землю іудейскую, но въ вѣчное владѣніе отъ міра тлѣннаго. Онъ—Агнецъ и вмѣстѣ Пастырь, ведущій овецъ. Впереди, говоритъ, пойду, ведя ихъ къ вѣчной жизни. Начало мѣсяцевъ у іудеевъ—закланіе въ жертву агнца и выходъ изъ Египта; у насъ же начало жизни—страданіе Христа и удаленіе со Христомъ отъ міра,—потому что мы тогда живемъ, когда умираемъ для міра, тогда возрождаемся для Бога, когда оставляемъ земное рожденіе. Агнецъ недѣлимый, сѣдаемый въ одномъ домѣ, въ духовной Церкви, иначе же нигдѣ не получаемый, какъ и плотскимъ іудеямъ заповѣдано не выносить мяса агнца изъ дому. Хлѣбъ прѣсный былъ у тѣхъ, кто

732 тѣлѣ пасху; у насъ же общеніе со Христомъ при новомъ, юномъ и простѣйшемъ духѣ, какъ ново и просто тѣсто опрѣснока. Горькія травы, съ которыми ѣли тогда пасху, указывали на наши скорби, чрезъ которыя мы принимаемъ участіе въ страданіяхъ Христа, потому что горько мученіе, хотя бы плодъ отъ него былъ и сладокъ. Костей агнца не ломали, и это законъ повелѣвалъ, предъизображая Христа, потому что, какъ повѣствуетъ евангеліе, никто не перебилъ святыхъ голеней Господа: *да сбудется Писаніе: кость не сокрушится отъ Него* (Іоан. хш, 33, 36). Мясо ѣли ночью, на день не оставляли, потому что и смерть Христова воспоминается въ настоящемъ вѣкѣ, въ будущемъ же является жизнь. Внѣшній видъ ѣвшихъ пасху—одежда подпоясанная на бедрахъ, сапоги на ногахъ, въ рукахъ палки: вся обстановка путешественниковъ, приготовившихся къ поспѣшному совершенію пути; для насъ же здѣсь указано приготовленіе души къ переходу изъ (этого) міра. Поэтому хорошо приготовленныя и сосредоточенныя души избѣгаютъ житейскихъ заботъ, будучи готовы къ божественному шествію на небо. *Наше бо житіе*, говорятъ апостолъ, *на небесахъ есть* (Филип. іі, 20). Въ качествѣ посоха, чтобы опираться, мы взяли вѣру и надежду на Христа. Зажженъ и для нашихъ душъ свѣтильникъ, какъ для тѣхъ зажженъ былъ вещественный свѣтильникъ. Свѣтильникъ для душъ нашихъ законъ Христовъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ твой, и свѣтъ спсѣяша моима* (Псал. cxviii, 105). И самъ Господь говоритъ объ этомъ: *да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы зорящія; и вы подобни челоуѣкомъ чающимъ Господа своего* (Лук. хп, 35, 36). Остается посмотреть, кто ѣлъ пасху. Никто изъ необрѣзанныхъ не допускался къ вкушенію пасхи; а если были иностранцы или рабы, они должны были обрѣзываться. Такъ и никто не можетъ сдѣлаться участникомъ Христа, не обрѣзавъ у себя челоуѣческихъ излишествъ и не очистившись отъ плотскихъ оскверненій, которыя мы принимаемъ отъ отцовъ по рожденію. Образомъ такого обрѣзанія было плотское обрѣзаніе. Поэтому и пророкомъ Іереміею было сказано, что должно быть обрѣзано жестокосердіе ваше (iv, 4). Итакъ, поспѣвшимъ къ блаженному общенію со Христомъ, сдѣлаемся чрезъ это чистыми отъ мірскихъ золъ, чтобы освятиться духовными добродѣтелями; никто пусть не обращается назадъ въ міръ, но поспѣвшимъ въ... ¹⁾, чтобы не остаться подъ рабствомъ начальника вѣка этого, но перейти въ свободу Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

¹⁾ Здѣсь пропущъ слово.

О томъ же предметѣ. 5-е.

1. У іудеевъ образы, у насъ же истина, потому что сказано: *731*
стнь имъ законъ празднущихъ благъ (Евр. х, 1), и: *законъ Моисеомъ данъ*
бысть, благодать бо и истина Иисусъ Христомъ бысть (Іоан. 1, 17). И *732*
то, что было у іудеевъ, не чуждо было Христу, воотносилось къ Нему,
какъ прообразъ и тѣнь; исполненіе же и ясное созерцаніе вещей сохра-
нилось до личнаго пришествія Его, когда непосредственно увидѣли Его *733*
Царемъ. Все равно какъ кто-нибудь пишущій картину сначала очер-
чиваетъ тѣни, а затѣмъ расписываетъ картину красками; при этомъ тѣ-
невое изображеніе на видъ будто иное, а на самомъ дѣлѣ оно—тоже
самое очертаніе, которое лежитъ подъ красками. Размотри же со мной
съ помощью тѣней то, что истинно, и обрати вниманіе на то, что по-
казываютъ образы, и отъ малаго восходи къ великому, и не тяготѣй
исключительно къ землѣ, когда воспоминаешь объ освобожденіи одного
народа отъ мучителя, о временномъ спасеніи отроковъ и о переселе-
ніи изъ одной земли въ другую. Въдѣ и празднества эллиновъ не мно-
гимъ отличались, если держаться подобныхъ воспоминаній. Празднуютъ
и они избавленіе отъ болѣзней, освобожденіе отъ тираній, переселенія
и основанія городовъ, военныя побѣды и тому подобное, посвящая
празднества свои земному и временному. Въ настоящее же время
должно вспомнить о великомъ, о божественныхъ дарахъ, поистинѣ да-
рахъ Бога,—вспомнить тѣмъ, кто празднуетъ великій вѣчный празд-
никъ, освобожденіе отъ противоѣствующихъ демоновъ, воюющихъ
противъ добра, отвлекающихъ отъ царства Божія, не на короткое ка-
кое-либо время, но на вѣчное, переселеніе отъ земли на небо въ на-
стоящей жизни и въ вѣчное наслѣдіе послѣ будущаго воскресенія. Еги-
петъ угнеталъ іудеевъ, бывшихъ свободными на самомъ дѣлѣ по про-
исхожденію отъ предковъ, возложивъ на нихъ ярмо рабства и при-
нуждая дѣлать кирпичи и строить города. Это символъ мірового муче-
нія, которое одолѣваетъ родъ человѣческій, отпавшій отъ божествен-
наго блаженства и свободы, съ усердіемъ трудящійся надъ земными
дѣлами и приготовляющій тлѣнныя жилища, потому что нѣтъ ничего
у людей твердаго и постояннаго, всѣ дѣла рукъ человѣческихъ тлѣнны,
уничтожаясь отъ времени. Богъ хочетъ освободить отъ этого рабства,
жалѣя изнуряющееся отъ труда свое созданіе, какъ нѣкогда, видя бѣд-
ствіе сыновъ Израилевыхъ, освобождаетъ ихъ чрезъ переселеніе. До-
бровольно должны обратиться къ Богу тѣ, которые добровольно
и отпали отъ Него. Посылаются рабы, имѣющіе законъ, чтобы призы-
вать черезъ законъ къ справедливости, а справедливостью показывать
дорогу къ Богу, и чтобы противнымъ силамъ наносить пока еще не-
значительныя наказанія, не приводя ихъ къ полной гибели, но только

по частямъ, и пока еще не совсѣмъ уничтожая нечестивыхъ изъ своей среды. Такъ именно было до пришествія Господа, явившагося уже послѣ Своихъ рабовъ. Они были образами и символами Его. Моисей былъ посланъ къ іудеямъ съ братомъ Аарономъ, призывая къ служенію Богу, бичуя египтянъ по очереди наславшимися казнями за порабощаемый и угнетаемый народъ. Но когда это происходило, Израиль былъ еще въ Египтѣ, царь египтянъ могъ еще противиться Богу. Девять казней было, но конца дѣла еще не было. Нужно было наслать послѣднюю казнь, смерть первенцевъ, и Израиль вмѣстѣ съ ней выходить. Тогда-то приносится въ жертву агнецъ, входы у домовъ еврейскихъ мажутся кровью и первенцы избѣгаютъ казни отъ смерти чрезъ кровавой знакъ. Ъдятъ агнца іудеи съ опрѣсноками и горькими травами. Выходятъ изъ Египта; ихъ преслѣдуетъ фараонъ съ прочими египтянами; подходятъ къ Красному морю. Оно принимаетъ полчища евреевъ, раздѣлившись божественнымъ чудомъ отъ жезла Моисея, но потопляетъ вошедшую въ него египетскую силу. Агнецъ для тебя есть Христосъ при исходѣ отъ міра, Онъ тебя переселяетъ, возводя на небо, оживляетъ для вѣчной жизни. Переселяя челоѣка, происшедшаго отъ Давида, Онъ вмѣстѣ переселяетъ и тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ послушно и покорно, не боятся болѣе фараона и не остаются въ рабствѣ у земныхъ мірскихъ страданій, чрезъ то незначительное и острое удовольствіе, образъ котораго имѣлъ Израиль при яденіи мяса съ лукомъ и чеснокомъ въ Египтѣ. Таково мірское удовольствіе, состоящее изъ очень остроумно сплетенной игры заботъ и плотского, животнаго пресыщенія. А когда ты выходишь изъ мірской жизни, тогда бываетъ начало истинной жизни, подобно тому какъ у тѣхъ пасха образовала начало мѣсяцевъ. Теперь начало жизни, когда ты расстаешься съ мірской земной жизнью; теперь ты находишь нѣкоторую истинную жизнь, жизнь духовную. Христосъ приносится въ жертву, такъ что ты знаешь, что

784 жертвоприношеніе Его совершилось за тебя. Тогда для тебя сбывается то, что *яко овца на закланіе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безмалася* (Ис. лш, 7). И кротость въ немъ сохраняетъ первообразъ агнца, а стремленіе къ высотѣ и нежеланіе оставаться въ долинахъ даетъ возможность козленку взбираться на высоты; козы прыгаютъ и поднимаются на мѣста трудно проходимыя и очень возвышенныя. Высокимъ же для челоѣка и недоступнымъ мѣстомъ было небо, съ того дня, когда челоѣкъ палъ, нарушивъ заповѣдь божественную, ставши рабомъ плоти и лишившись Св. Духа. Туда теперь возводитъ, возвышаетъ тебя божественная жертва, принесенная за тебя. Съ тобою Онъ умеръ, чтобы ты жилъ въ Немъ. Кровь Агнца спасительна для тебя, если ты приступаешь къ ней съ вѣрою, если чувства свои и помысленія, чрезъ которыя входитъ смерть вслѣдъ за грѣхомъ, помажешь вѣрой, какъ бы кровью, все равно какъ Израиль мазалъ входы кровью.

Вѣдь если страсть не войдетъ въ тебя черезъ глаза, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, а затѣмъ и чрезъ разсудокъ, тогда и смерть не овладѣваетъ тобою, но ты, нося въ тѣлѣ умерщвленіе Іисуса, будешь имѣть и являющуюся въ тѣлѣ твоемъ жизнь, и смерть, ведущая свое начало отъ первозданнаго Адама, пройдетъ мимо тебя, какъ погибель первенцевъ миновала дома евреевъ. Поэтому и названіе этого праздника пасхою означаетъ прохожденіе мимо. *Овца тебѣ непорочно*, потому что непороченъ Іисусъ. *Беззаконіа*, говорить, *не сотвори, ниже обрѣтеша лествицу во устнѣхъ Ею* (Ис. лш, 9). *Совершишь мужескій полъ*. Исполненіе правды есть у одного только истиннаго Царя. Однолѣтній агнецъ есть образъ вѣчнаго Христа,—потому что годъ есть символъ вѣчности; совершая одинъ и тотъ же кругъ въ каждомъ вѣкѣ и имѣя въ себѣ самомъ всѣ повороты, онъ есть образъ новаго человѣка, въ которомъ ветхая наша человѣческая природа замѣнена новой, потому что *облекытеся*, сказано, *въ новаго человека* (Еф. iv, 24). Облекшись совершенствомъ и непорочностью Агнца, ты будешь агнцемъ Бога; и самъ представивъ свое тѣло въ жертву живую, святую, благоугодную Богу, будешь напутствованъ къ вѣчной жизни.

2. Видишь ли, что твою пасху никакимъ образомъ нельзя сравнить съ іудейскою, которая имѣла только нѣкоторое подобіе ея, была лишь тѣнью ея? Младенчествовалъ, конечно, Израиль, совершая такіа жертвы и полагая, что ими онъ угождаетъ Богу, и воображая, что черезъ нихъ получаетъ спасеніе, но совсѣмъ забывалъ о томъ, что это лишь образъ единой дѣйствительно спасающей жертвы. Поэтому Богъ говоритъ имъ чрезъ Іеремію: *не заповѣдаю вамъ о жертвахъ* (Іер. viii, 22). Конечно, *нѣтъ лжи у Бога*, и давъ заповѣдь, Онъ не можетъ сказать, что не давалъ ея. Но дѣло въ томъ, что совершеніе жертвы заключало въ себѣ пророческій смыслъ и предвозвѣщало о Христѣ. Богъ, заповѣдавъ приносить въ жертву агнца, указывалъ на Христа, имѣющаго быть принесеннымъ въ жертву, и все, что относилось къ агнцу, прообразовало Христа. Изъ этого иное ты уже видѣлъ, а иное по возможности размотри по порядку. Въ каждомъ еврейскомъ домѣ (приносятся) одинъ самый лучшій агнецъ, и никакая часть мяса не выносятся изъ того дома, гдѣ былъ заколотъ. Во всякой церкви и во всякой душѣ повсюду Христосъ находится весь, и нигдѣ нѣтъ только части Его. Поэтому, какъ тамъ много было агнцевъ во всѣхъ домахъ поодионокѣ, такъ здѣсь въ каждой душѣ одинъ и тотъ же самый Христосъ. Пять дней держится агнецъ въ домѣ, съ десятаго и по четырнадцатый, затѣмъ приносится въ жертву іудейской синагогой въ четырнадцатый день къ вечеру. Пять промежутковъ времени обозначаются этими пятью днями, отъ Адама до конца: одинъ до Ноя, другой вплоть до Авраама, третій до Моисея, четвертый отъ Моисея до пришествія Христа и пятый—настоящее время послѣ Его пришествія. Къ вечеру приносится жертва,—

потому что въ концѣ вѣка Израиль всею синагогой согласился противъ Христа. Съ самаго начала жертва Христова всегда понималась въ страданіяхъ праведныхъ, начиная отъ праведнаго Авеля, и Христосъ былъ во всѣхъ страдающихъ: совершилась же она тогда, когда пострадалъ самъ по себѣ пришедшій божественный Агнецъ. И даже въ четырнадцатый день того же самаго мѣсяца Онъ пострадалъ, и духъ предалъ къ вечеру; отдѣленіе же агнца для жертвы съ десятаго дня, между тѣмъ какъ закланіе его совершилось въ четырнадцатый день къ вечеру было образомъ того, что сначала было упражненіе въ страданіи, а послѣ конецъ самое страданіе. Затѣмъ, разсмотри со мною новую и странную заповѣдь Божию о яденіи агнца: не ѣсть мяса агнца сырымъ. Кто же ѣсть сырое мясо? Пусть бы сказано было не ѣсть варенаго, чтобы не тратить времени, потому что время было къ спѣху. Что это значить—не есть сырого, но *печена онемъ*? Вѣдь никто не запрещаетъ того, чего никогда не бываетъ. Но образами, какъ я сказалъ, обозначаются вещи. Имѣющій суетную вѣру употребляетъ сырую священную пищу; преданный удовольствіямъ—вареную, разслабляя, какъ вывариваніемъ въ водѣ, твердую вѣру безпечною жизнью; а печеную на огнѣ ѣсть тотъ, кто вмѣстѣ горячій и кипучій духъ. Далѣе, приказано ѣсть голову съ ногами и съ внутренностями. Упомянутіе о головѣ должно напоминать тебѣ о Христѣ,—что Онъ, какъ Богъ, предвѣчно существующій, есть глава невидимой и духовной церкви; ноги должны напомнить тебѣ, что въ послѣднія времена Онъ сошелъ на землю, какъ человекъ; а употребленіе внутренностей агнца въ приложеніи ко Христу имѣло тотъ смыслъ, что Онъ, имѣя сокрытую въ плоти силу и праведность, не внѣшними только и видимыми качествами приносить вкушающимъ Его пользу и спасеніе, но внутренними и сокрытыми. Мясо агнца съѣдается ночью, а на день не оставляется, въ воспоминаніе страданія Христа во время мировой тьмы, послѣ которой засвѣтитъ день и явится жизнь Христова,—какъ (сказано): *день приблизися* (Римл. хііі, 12). Кости агнца не сокрушаются; и у Христа войны не перебили голени, какъ сдѣлали это у распятыхъ съ Нимъ, по свидѣтельству евангелиста (Іоан. ix, 18). Горькія травы, съѣдаемыя съ агнцемъ, указывали на горечь скорбей; опрѣсоки—на простоту и чистоту, какъ говоритъ апостолъ, т. е., на новую добродѣтель, чистую отъ прежней порочности. Остается теперь раскрыть духовное значеніе внѣшняго вида вкушавшихъ пасху—для того, чтобы и вы могли подражать ему, потому что духовный видъ находится въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ тѣлеснымъ. Не простымъ поясомъ, но спасительнымъ дѣломъ долженъ ты препоясать бедра твои, не тѣлесныя бедра—ремнемъ, но духовныя—приготовленіемъ души. Обуть ноги—означаетъ, по апостолу, готовность благовѣствовать миръ (Ефес. vi, 15). Посохъ держи въ рукахъ не деревянный, но утверждающій твою вѣру. Всему внѣшнему виду ихъ, собравшихся

въ путь,—такъ какъ они торопились выйти изъ Египта,—старайся побольше подражать, какъ бы спѣша уйти отъ міра и тлѣнія. Будь усерденъ, но отнюдь не безпеченъ въ духовномъ яденіи пасхи. Усердіе 786 въ этомъ случаѣ—прекрасно, потому что оно свидѣтельствуешь не о чревоугодіи тѣхъ, кто поспѣшно ѣстъ мясо, но о любви къ Богу тѣхъ, кто спѣшитъ отъ міра къ Богу. Употребленіе опрѣсноковъ въ продолженіе семи дней—это есть чистота въ теченіе всей жизни. У кого остается квасный хлѣбъ, тотъ подвергается гибели, потому что порочность ветхаго человѣка пагубна и никакимъ образомъ не можетъ совмѣщаться съ праведностью и святостью новаго человѣка. И ты видишь, что при наличности такой закваски гибель человѣка вполне справедлива; при пониманіи же закваски въ смыслъ обыкновенной хлѣбной закваски, показаться, что Богъ несправедливо обременяетъ людей (запрещая квасный хлѣбъ). Правда въ образахъ открывается, но свѣтитъ и познается въ истинѣ, подобно тому какъ и самое помазаніе кровью, кажущееся недостойнымъ Бога, перестаетъ быть такимъ, когда образъ разсматривается сообразно истинѣ. Неприлично, кажется, Богу пользоваться знакомъ изъ крови для распознаванія домовъ еврейскихъ, но вполне согласно съ Нимъ узнавать насъ и спасать по вѣрѣ въ кровь Христову. А развѣ не столь же неприлично понимать и обрѣзаніе въ томъ простомъ смыслѣ, что будто бы Богъ повелѣлъ обрѣзываться всякому намѣревающемуся ѣсть пасху, если онъ не былъ обрѣзанъ, и затѣмъ приступать къ ѣдѣ? Если же ты будешь понимать обрѣзаніе въ духовномъ смыслѣ, тогда его таинственность для тебя объяснится и ты прославишь Бога. Обрѣзаніе относилось къ дѣтороднымъ членамъ. Отъ рожденія ты, человѣкъ, имѣлъ покрывало; его то именно ты долженъ отбросить, чтобы съ открытымъ лицомъ видѣть истину, а не разсматривать ее изъ подъ земного тѣлеснаго покрыва. А когда ты сдѣлаешься свободнымъ отъ плотскаго тѣла, тогда, какъ духъ, придеши ко Христу, и, прилѣпляясь къ Господу, будешь одинъ духъ, участвуя въ святомъ и спасительномъ общеніи, на которое указывало яденіе мяса. Обрѣжся же и совлеки тѣло вмѣстѣ со Христомъ, согласно словамъ Павла, что вы *обрѣзаны бисте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла плоти, во обрѣзаніи Христовѣ* (Колос. ii, 11). Такимъ образомъ обрѣзывая у себя всякое корыстолюбіе, честолюбіе, любовь къ удовольствіямъ, питайся божественной пищей, ведущей на небо, освобождающей отъ лукавыхъ властей, избавляющей отъ тяжелыхъ трудовъ, дарующей тебѣ славный и блаженный путь къ Богу, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О томъ же 6-е.

785 1. Священные лучи свѣта Христова уже засіяли, и ясныя звѣзды чистаго Духа взошли, небесныя же царскія власти открыли сокровищницы Божества. Ночь долгая и темная поглощена, мрачная смерть сокрыта, жизнь всѣмъ открыта, все полно неизсякаемаго свѣта, востокъ востоковъ господствуетъ надъ всѣмъ, и рожденный прежде денницы, безсмертный, великій Христосъ является предъ всѣми свѣтлѣе солнца. Теперь наступаетъ долгій, вѣчный и неугасающій для насъ, вѣрующихъ, свѣтлый день,—пасха таинственная, образно совершавшаяся во времена господства закона, пасха—достойное удивленія дѣло божественнаго совершенства и силы. Поистинѣ праздникъ и вѣчно живой памятникъ! Изъ страсти безстрастіе, изъ смерти безсмертіе, изъ умерщвленія жизнь, изъ пораженія исцѣленіе, изъ паденія возстаніе, изъ нисхожденія восхожденіе! Такъ Богъ производитъ великое! Такъ изъ невозможнаго творить неожиданное, для того, чтобы можно было узнать, что для Его одной воли все возможно! Итакъ, пусть законъ устанавливаетъ эти образы, пусть ангелъ изъясняетъ, возвѣщая великое пришествіе великаго Царя, пусть предуказываетъ истину тѣми событіями, при которыхъ множество египетскихъ первенцевъ умерло, а Израиль былъ спасенъ таинственной кровью. Это все—тѣнь будущаго; а у насъ—исполненіе уподобленій и осуществленіе образовъ, вмѣсто тѣни—сама истина во всей своей точности и твердости. Тамъ агнецъ изъ стада, здѣсь Агнецъ съ небесъ; тамъ знакъ крови, на время отклонявшій опасность, здѣсь Слово—сосудъ полный божественной крови и Духа; тамъ овца изъ стада, здѣсь вмѣсто овцы самъ Пастырь *яко овца на закланіе ведеса* (Ис. лш, 7). Вотъ, какимъ образомъ тѣ событія предвозвѣстили всецѣлое спасеніе! Одни лишь образы—и тѣ оказались спасительными. Да возрадуются же небеса небесъ, какъ вопіетъ божественный Духъ, возвѣщая славу Божію; да празднуютъ небесные ангелы и архангелы; да торжествуютъ и всѣ небесныя силы, видя верховнаго Вождя вышнихъ воинствъ, тѣлесно приходящаго въ образѣ ходатая; да празднуютъ хоры звѣздъ, показывая Восшедшаго прежде денницы; да празднуетъ и воздухъ, неизмѣримо простирающійся въ глубину и широту; да празднуетъ морская вода, удостоившаяся священныхъ слѣдовъ и хожденія; да празднуетъ и земля, омытая божественной кровью; да празднуетъ и всякая человѣческая душа, возрожденная воскресеніемъ! Это—пасха, общее торжество всѣхъ вслѣдствіе исполненія отеческой воли въ мірѣ, посольство Христа, божественный востокъ надъ землею, ангеловъ и архангеловъ вѣчный праздникъ, жизнь безсмертная для всего міра, смертоносная для смерти, нетлѣнное небесное блаженство для людей, священное

торжество, предвозвѣщеніе древнихъ и новыхъ таинствъ, видимыхъ на землѣ и на небесахъ, созерцаемыхъ тѣми, кто принялъ ихъ новыми и съ священнымъ познаніемъ. Вотъ что можемъ мы вкратцѣ сказать объ этомъ предметѣ. Таковъ всенародный праздникъ пасхи. Для того, чтобы и намъ принять нѣкоторое участіе въ словѣ, какъ бы въ пиршествѣ (не земнымъ, но небеснымъ питаюсь, пусть вкушамъ и мы этой мысленной пасхи съ духовнымъ желаніемъ, какъ и Иисусъ возжелалъ ѣсть съ нами пасху),—вотъ мы вкратцѣ скажемъ сначала о томъ, что гласилъ законъ [о пасхѣ] и какъ онъ осуществлялся, и почему законъ былъ данъ послѣ оставленія Египта; затѣмъ покажемъ и то, какова цѣль установленія пасхи и какое это таинство—пасха,—все и во всѣхъ отношеніяхъ превосходящее. Приведемъ прежде всего самыя слова Св. Писанія, чтобы затѣмъ легче и удобнѣе было рассмотретьъ съ возможною обстоятельностью. Рече же Господь къ Моисею и Аарону въ земли Египетстѣй, глаголя: *мѣсяцъ сей вамъ начало мѣсяцей. первый въ мѣсяцѣхъ лѣта. Римъ ко всему сонму сыновъ Израилевыхъ, глаголя: въ десятый мѣсяца сего да возьметъ кійждо овца по домоу отечества, кійждо овца по дому. Аще же мало ихъ есть въ дому, яко недовольнымъ быти ни овца, да возьметъ съ собою сосѣда ближняго своего по числу душъ: кійждо довольное себѣ сочтетъ на овца. Овца совершенно, мужескъ полъ, непорочно и единолѣтно будетъ вамъ, отъ агнеца и отъ козлицы приимши. И будетъ вамъ соблюдено даже до четвертонадесяти дне мѣсяца сего: и заколютъ то все множество собора сыновъ Израилевыхъ къ вечеру. И приимутъ отъ крове, и помажутъ на обою подвою, и на прѣтъ, и въ домѣхъ, въ низше снѣдятъ тое. И снѣдятъ мяса въ нощи той печена огнемъ, и опрѣсноки съ зорькимъ зелѣмъ снѣдятъ. Не снѣсте отъ нѣхъ сурово, низше варено въ водѣ, но печеное огнемъ, главу съ ногами и со утробою. Не оставите отъ него до утра, огнемъ сожжете. Сыце же снѣсте е: чресла ваша препоясана, и сапози ваши на ногахъ вашихъ, и жезлы ваши въ рукахъ вашихъ: и снѣсте с со тѣщианіемъ: пасха есть Господня. И пройду землю Египетскую сея нощи, и убью всякаго первенца въ земли Египетстѣй, и во всякъ бозѣхъ египетскихъ сотворю отмщеніе: азъ Господь. И будетъ кровь, и покрыву вы, и не будетъ въ васъ язвы, еже побибнути, егда поражу землю Египетскую. И будетъ вамъ день сей въ память вѣчную, празднуйте его. Седмъ дней опрѣсноки ядите (Исх. хп, 1—15). И паки рече Господь къ Моисею и Аарону: сей законъ пасхи: всякъ иноплеменикъ да не ястъ отъ нея: и всякаго раба или купленнаго обрѣжеша его, и тогда да ястъ отъ нея. Въ дому единомъ да снѣстся, и не изнесите мяса вонъ изъ дому, и кости не сокрушите отъ него. Весь сонмъ Израиля сотворитъ сіе. Всякъ необрѣзанный да не ястъ отъ нея. Законъ единъ да будетъ тоя земли жителю, и пришельцу пришедшему въ васъ (ст. 43—44; 46—49). Такими чертами божественное Писаніе*

предобразило таинственно нашъ священный праздникъ. Исследуемъ же тщательно и съ возможною обстоятельностью прочитанное сейчасъ, изъясняя съ помощью вашихъ молитвъ глубокія тайны Писанія, не искажая истины написаннаго, но проникая въ дѣйствительный смыслъ того, что облечено въ предложенные здѣсь образы. Вѣдь и скинію божественный Духъ повелѣлъ устроить Моисею: „какъ покажу Я тебѣ,—сказалъ Онъ,—такъ устрой ее“. То, что усматривается нами чрезъ посредство прообразовъ, таинственно мыслится, какъ первообразъ, какъ подлинникъ совершающагося на нашихъ глазахъ.

2. Скажемъ, во-первыхъ, о томъ, какой это мѣсяцъ—начало мѣсяцевъ, почему этотъ пасхальный мѣсяцъ дѣлается первымъ между мѣсяцами года, во-вторыхъ, что это за агнецъ, отдѣляемый въ десятый день мѣсяца,—агнецъ совершенный, мужескаго пола, однолѣтній; кто это—сосѣдъ и кто ближній, принимаемый [въ домъ для вкушенія пасхи]; почему агнецъ сохраняется до четырнадцатаго дня и закалывается къ вечеру; почему закалываетъ его все множество собранія сыновъ израилевыхъ къ вечеру; что означаетъ кровь на двухъ столбахъ и на притолкѣ; почему ѣдятъ мясо ночью и притомъ печенымъ на огнѣ, а не сырымъ, и не варенымъ въ водѣ; почему ѣдятъ голову съ ногами и внутренностями; почему не ломаются кости; что такое опрѣсноки и горькія травы; для чего это—*со тѣщеніемъ съѣсть пасху*; какія это чресла должны быть подпоясаны, что это за сапоги на ногахъ, и что такое эти посохи въ рукахъ; и вообще, что означаетъ эта пасха Господня, и почему кровь для тѣхъ домовъ, на которыхъ она будетъ, 738 будетъ имѣть такую силу, что *узрю*—говорить Господь—*кровь и покрою вы, и не будетъ въ васъ язвы, еже пошлунути, егда поращу землю египетскую*; для чего повелѣно семь дней ѣсть опрѣсноки; почему ино-племенникъ не долженъ ѣсть пасху; что это значить—*въ дому единому да съѣстся*, и не выносите мяса вонъ изъ дому, и костей не ломайте отъ него; *всякъ необръзанный да не ястъ отъ него; весь сонмъ сотворитъ сіе*; какой это сонмъ? *Законъ единъ да будетъ той земли жителю и пришельцу пришедшему въ васъ*,—одинъ и тотъ же законъ для обоихъ. Вотъ образы, символы и тайны, у израильтянъ зримо бывавшіе, у насъ же духовно совершающіеся. Немного побесѣдовавъ объ этомъ, мы такимъ образомъ дойдемъ до тайнъ истины: какъ понимать пришествіе Іисуса Христа послѣ закона; почему Онъ пришелъ и притомъ съ тѣломъ; что за пасха, которую Онъ желалъ ѣсть съ нами; почему Онъ, словомъ воскрешавшій мертвыхъ, не посрамилъ смертью сошедшій въ живыхъ; почему претерпѣлъ крестъ даже до смерти; что означаетъ терновый вѣнецъ, которымъ Онъ былъ украшенъ, или—укусъ и желчь, которые Онъ пилъ; что означаетъ пронзенное ребро, изъ котораго вытекла кровь и вода; почему молился Онъ о томъ, чтобы миновала Его чаша, которую Онъ долженъ былъ выпить до

конца; кто эти разбойники, распятые вмѣстѣ съ Нимъ, и который изъ нихъ въ раю; почему духъ предается въ руки Отца, а тѣло полагается въ новомъ гробѣ; что означаютъ слова: *со Мною будешь въ раи* (Лук. XXIII, 43), въ примѣненіи къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ; что означаютъ три дня, которые Онъ пробылъ подъ землею; почему первыми видятъ Его женщины, и объявляющій радостную вѣсть говоритъ: жены, *радуйтесь* (Мѣ. XXVIII, 9)? Вотъ наши яства во время священнаго праздника! Вотъ трапеза духовная! Вотъ безсмертная пища и наслажденіе! Вкусивъ хлѣба съ небесъ, испивъ чашу радости, кипящую и огненную, потому что кровь согрѣта свыше горячимъ дыханіемъ, возвратившись къ слову, [покажемъ] сначала, каковъ былъ законъ и каково домостроительство закона. Такимъ-то образомъ изъ сравненія мы узнаемъ, что такое—слово и что—свобода слова. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть совокупность разнообразныхъ и необходимыхъ ученій, общепользное собраніе всего хорошаго въ жизни, таинственное подражаніе порядкамъ небесной жизни, свѣтильники и подсвѣчники, огонь и свѣтъ, отблескъ горняго свѣта. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть прообразъ благочестія, пособіе въ добромъ порядкѣ жизни, сдержка для перваго грѣха, намекъ на будущую истину. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть наказаніе египетскаго заблужденія, написанное перстомъ Божиимъ, потому что иначе бы высокая рука сохранялась. Законъ, данный чрезъ Моисея, наставникъ благочестія, путеводитель къ справедливости, просвѣщеніе слѣпыхъ, воспитатель неразумныхъ младенцевъ, оковы для дурно поступающихъ, узда для жестоковѣрныхъ, принудительное иго для зложелательствующихъ. Законъ, данный чрезъ Моисея, воспитаніе мудрыхъ, упражненіе въ дѣлахъ необходимыхъ, училище для познанія міра, предводительное наставленіе, переходящая тайна. Законъ, данный чрезъ Моисея, есть символическое, состоящее изъ намековъ, сокращеніе будущей благодати, возвыщающее образами исполненіе будущей истины, жертвами—(святую) жертву, кровью—кровь, агнцемъ—Агнца, голубемъ—голубя съ небесъ, жертвенниками—Первосвященника, храмомъ—домъ Божества, огнемъ жертвеннымъ—весь вообще свѣтъ, свыше озаряющій міръ. Раскроемъ же здѣсь таинственный смыслъ закона. Прежде всего необходимо было явиться закону именно послѣ выхода изъ Египта, чтобы искоренить зло въ душѣ, всецѣло отдавшейся вещественному, въ сердцѣ, настроившемся по-египетски; срѣзать, на подобіе плуга, внутреннее густо разросшееся терніе помысловъ, провести боровады въ глубинѣ души, обновить душу для воспріятія божественнаго небеснаго слова. Поэтому справедливо божественный Духъ вопіетъ: *поновите себѣ поля, и не спите на терніи* (Іер. IV, 3). Поэтому и пасха таинственно начинается прежде всего изъ Египта, пасха—этотъ первый ударъ мрачному идолослуженію, таинственное отсѣченіе безбожнаго идольскаго безумія,

739

справедливое ночное пораженіе первородныхъ сѣмянъ заблужденія. Извѣстно, что Египетъ испытывалъ избіеніе первенцевъ, и умирало цѣлое поколѣніе, которое было рождено,—съ тою цѣлью, чтобы жестоковыйный фараонъ, не вразумившись первыми казнями, хотя и поздно вразумился, а Израиль такъ необычайно былъ спасенъ, Богъ же прославился во всемъ. Множество египтянъ казнится, а у Израиля празднуется пасха, которая и называется поэтому пасхой въ празднествѣ Господнемъ и въ которой сокрыты многія священные тайны человеколюбія Божія. А смыслъ всего этого слѣдующій. Египетъ—это большой и мрачный образъ темнаго и глубокаго заблужденія. Здѣсь именно возникли первые зачатки того обмана, въ силу котораго тельцы и рыбы, звѣри и птицы и всѣ подобнаго рода живыя существа были боготворимы и почитаемы за боговъ. Вотъ почему, когда открылся съ небесъ справедливый гнѣвъ и большой ужасъ объялъ всю землю, тогда прежде всего уничтожается суевѣрное и безумное идольское заблужденіе, потому что *во всѣхъ божѣхъ Египетскихъ,—говорить,—сотворю отмщеніе: Азъ Господь* (Исх. хп, 12). Казнь обрушивается на всѣхъ первенцевъ, такъ какъ, усвоивъ себѣ самую отдаленную древность, (египтяне) содержали самое древнее служеніе идоламъ. Казнь совершается среди ночного мрака, потому что мрачны, печальны, непріятны и беззвучны были требища темныхъ дѣлъ и демоновъ. *И дѣла,—говорить,—чудеса на небеси гортъ, и знаменія на земли низу, кровь, и отъ и куреніе дыма: солнце обратится во тьму, и луна въ кровь. прежде неже прійти дню Господню великому и просвѣщенному* (Іоан. п, 30, 31). *Вскую вамъ сей день Господень? Сей бо есть тьма, а не свѣтъ. Якоже аще убѣжитъ человекъ отъ лица лва, и нападетъ на нѣ медвѣдица; и вскочитъ въ домъ и опрется рукою своею о стѣну, и устыжитъ его змѣя: тако будетъ день Господень тьма, и нѣсть свѣтъ въ немъ* (Ам. v, 18—20). Кровь же въ знакъ печати Христовой, это мое таинство; знакъ не означалъ самъ по себѣ истину, а только указывалъ на будущую истину. Всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ знакъ крови на душахъ своихъ, подобно помазанному на домахъ, какъ изображено въ законѣ, всѣхъ ихъ пагубная казнь минуетъ. И на которыхъ, говорить, *домахъ узрю кровь, и покрю вы. и не будетъ въ васъ лзы, еже погибнути, егда поражу землю Египетскую* (Исх. хп, 18). Итакъ, кровь является здѣсь знакомъ предохранительнымъ, какъ для домовъ, такъ и для душъ (вѣдъ и душа божественнымъ Духомъ и вѣрою уготовляется въ священно-приличное жилище). Этотъ-то знакъ и предохраняетъ вѣрующихъ. Таково таинственное значеніе пасхи для всего міра.

3. Послушай, какое значеніе имѣютъ частности, которыя мы и попытаемся объяснить, насколько это намъ по силамъ. Что именно здѣсь истинно, это извѣстно Богу-Слову, устроившему священную пасху въ виду Себя самого и ради Себя самого, а намъ, какъ людямъ, пусть

будетъ дано снисхожденіе, если мы въ чемъ-нибудь и ошибемся. Обратившись къ прежнему, объяснимъ прежде всего это выраженіе: мѣсяцъ начало мѣсяцевъ. Почему мѣсяцъ пасхи есть первый между мѣсяцами года? Тайное еврейское преданіе говоритъ, что это—именно то время, въ которое Господь временъ и Творецъ Богъ нѣкогда все создалъ. И это есть первый цвѣтъ созданія, красота міра, когда самъ Творецъ мысленно видѣлъ всю красивую картину, стройно двигающуюся, украшенную благоустройствомъ небесъ, благопріятнымъ сочетаніемъ временъ (года), правильнымъ движеніемъ солнца, восходомъ еще не ослабѣвшаго свѣта, и уже украшенную рожденіемъ плодовъ, быстрымъ ростомъ растеній, цвѣтистыми побѣгами деревьевъ, уже нарождающимися поколѣніями стадъ, когда вся земля уже зазеленѣла, а цвѣтущія плодовые деревья готовятся принести плодъ, когда земледѣлецъ, отвязавъ ярмо отъ плуга, даетъ отдыхъ скринучей телятѣ и, бросивъ въ землю божественные плоды, ожидаетъ сверху небесныхъ дождей, когда пастухъ уже доить бѣлое молоко, когда пчела дѣлаетъ сладкіе соты, лѣпня изъ воску, когда корабельщикъ, радуясь блестящему морю, смѣло пускается съ корыстолюбивыми замыслами въ синія волны. Этотъ моментъ всеобщаго согласія и полнаго благоустройства, это, такъ сказать, благодатное время, весна во всей своей прелести—и есть первый начатокъ времени. Для меня это несомнѣнно, я такъ думаю и даже увѣренъ, что началомъ, главою и первымъ вождемъ всякаго времени долженъ быть считаемъ именно мѣсяцъ пасхи, во время котораго совершается и священнодѣйствуется это великое таинство, чтобы какъ Господь отъ начала есть первородный первенецъ всего мыслимаго и невидимаго, такъ и этотъ мѣсяцъ, вслѣдствіе значенія священнаго торжества, сдѣлался 740 первымъ мѣсяцемъ года и началомъ всякаго времени. Это тотъ самый годъ (лѣто), о которомъ Св. Писаніе гласитъ: *проповѣдати ято Господне пріятно* (Лук. iv, 19). Овца есть священная жертва. Самъ *яко овца*, говорится, *на заклєніє ведєся, и яко агнецъ прямо стригущему ему безлассєнъ* (Дѣян. viii, 32). И Іоаннъ: *се Агнецъ Божій вземляи грѣхъ міра* (Іоан. i, 29). Совершенный агнецъ и однолѣтній; совершенный, какъ считается на землѣ. Годъ, считаясь мѣрою времени на землѣ, дѣлая кругъ и обращаясь въ самого себя, этимъ круговымъ движеніемъ и обращеніемъ въ самого себя уподобляется неизмѣримой вѣчности. То, что агнецъ берется въ десятый день мѣсяца, имѣетъ большое символическое значеніе. Промежутокъ времени до евангелія былъ заполненъ закономъ; самымъ же главнымъ ученіемъ въ законѣ служить десятословіе; и вотъ именно послѣ десяти заповѣдей закона приходитъ таинственный Агнецъ съ небесъ. Сохраняется (агнецъ) въ продолженіе нѣсколькихъ промежуточныхъ дней, чѣмъ въ Писаніи обозначается время пребыванія (Христа) во плоти до страданія и содержанія Его подъ стражею въ домѣ первосвященника. Допускаемый къ яденію агнца

ближній, сосѣдъ—это я, потому что ты, Израиль, не вмѣстилъ въ себѣ Агнца. Затѣмъ, агнецъ закалывается къ вечеру, потому что также и священный Агнецъ умерщвляется на закатѣ солнца. Закалываетъ агнца все многочисленное собраніе сыновъ Израилевыхъ. И дѣйствительно, весь Израиль въ своемъ невѣріи принялъ на себя вину за ту драгоценную кровь,—весь Израиль, въ то время убивавшій и до нынѣ не вѣрующій. Поэтому противъ нихъ свидѣтельствуетъ Божественный Духъ и гласить, говоря: *руки ваши исполнены кровю* (Ис. 1, 15). Притолка, помазанная кровью, это Церковь, а два столба—это два народа, потому что Спаситель не довольствуется тѣмъ, что сначала послалъ къ тебѣ, Израиль. *Нѣсмь посланъ къ вамъ*,—говорилъ Онъ,—*но ко овцамъ помышимъ дому Израилеву* (Мѣ. хv, 24). Я, какъ собаченка, сидѣлъ у чужого стола, не имѣя еще возможности ѣсть хлѣба, но собирая падающія крошки и питаюсь отъ чужой пищи. Но послѣ того, какъ ты не узналъ манны съ небесъ, хлѣбъ былъ перенесенъ чрезъ вѣру ко мнѣ, и я, вмѣсто собаки сдѣлавшись уже сыномъ, ѣмъ мясо. Померкъ свѣтъ міра предъ великимъ (сіяніемъ) тѣла Христова. *Примите, идите, сіе есть тѣло Мое* (Мѣ. ххvi, 26). *Мяса печени огнемъ*: огненно вѣдъ мысленное тѣло Христа. *Огня приидохъ поверещи на землю, и что хочу, аще уже возгорѣлся* (Лук. хп, 49)? Не сырое мясо, чтобы слово было не трудное, полезное и пріятное; и не сваренное въ водѣ, чтобы слово не было слабымъ, водянистымъ, и раствореннымъ. *Главу съ ногами и со утробою*. Начало и середина, какъ невидимый совѣтъ; ноги, какъ человѣкъ. Голова съ ногами и внутренностями. Начало, середина и конецъ: все содержитъ, заключаетъ и соединяетъ въ Себѣ самымъ неразрѣшимыми связями; сдѣлавшись дѣйствительно посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ. *Глава съ ногами и со утробою*. Высота, глубина и широта суть утвержденія земли. *Глава съ ногами и со утробою*. Законъ и слово, какъ совѣтъ. *Коль красны ноги благовѣствующихъ благая* (Ис. лп, 7). *Кость же не сокрушите отъ него* (Исх. хп, 46),—чтобы удостовѣрить воскресеніе съ тѣломъ. *Принеся*, говорить, *персты твои отъ азевъ возданныхъ* (Іоан. хх, 27, 25), чтобы знать, *яко духъ плоти и кости не имать* (Лук. ххiv, 39). Опрѣсноки ѣшьте съ горькими травами,—потому что горьки они для тебя и знаменуютъ горькія дѣла. *Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжены, страну вашу предъ вами чуждіи поядуютъ, и опустъ низращена отъ людей чуждыхъ* (Ис. 1, 7). *Отъте пастуху со тѣланіемъ* (Исх. хп, 11). И конечно, всякому намѣревающемуся приступить къ такому тѣлу должно быть добрымъ и трезвымъ. *Чресла ваша препоясана*. Должны быть оставлены природныя путы—плотскія стремленія и грязныя удовольствія. *Сапоги ваши на ногахъ вашихъ*,—чтобы пути были правильныя, опоры—не кривыя для утвержденія истины. Сандалинъ ваши, которые Моисей развязалъ, а Христосъ подвязалъ, на ногахъ вашихъ. *Иззуй*, говорится, *сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. ш, 5),—чтобы видно

было временное значеніе закона. *Емуже нѣсмь достоинъ отрштити ремень сапогу Ею* (Лук. ш, 16),—чтобы показать всеобщее значеніе заключеннаго договора. *Жезлъ ваши въ рукахъ вашихъ*. Знакъ божественной силы, опора мыслительной твердости. Жезлъ (для) Моисея, жезлъ (для) Аарона, жезлъ орѣховый, жезлъ, раздѣляющій бѣдны морскія, жезлъ, подслащающій горечь источниковъ, жезлъ, на которомъ покоятся семь святыхъ даровъ Духа божественнаго: *духъ премудрости и разума, духъ соетта и крѣпости, духъ страха Божіа исполнитъ Ею* (Ис. хі, 2). Это—пасха, пасха Господня! возгласилъ Духъ, потому что она не образъ, не вымыселъ, не тѣнь, но пасха истинно Господня. Кровь—знаменіе, знаменіе будущей истины, прообразъ истиннаго Духа, подражаніе великому помазанію. *И узрю кровь, и покрюю вы*. Поистинѣ Ты укрылъ насъ, Іисусе, отъ великой гибели, протянулъ отеческія руки, скрылъ насъ подъ Своими отеческими крыльями, пролилъ божественную кровь на землѣ и совершилъ примиреніе, запечатлѣнное кровію Твоею по человѣколюбію Твоему, удалилъ отъ насъ грозный гѣвъ и возстановилъ для насъ тотъ древній миръ. Итакъ, пусть тѣ ѣдятъ опрѣсноки семь дней, наблюдая седмичное время въ мірѣ и вкушая определенную закономъ на землѣ земную пищу; наша же пасха—жертва Христова, у насъ новое тѣсто для Его священнаго смѣшенія, для того, чтобы, всеѣло заквасившись лучшею силою, намъ соединиться съ Духомъ Его. И самое царство небесное я заквасилъ смѣшанной закваской соответственно тремъ мѣрамъ пшеничной муки. Отсюда и пасха. *Пришлецъ да не яствъ*. Я не бросаю жемчуга предъ свиньями, не даю святого собакамъ. Служащій прежде грѣху пусть обрѣжетъ сердце и, освободившись отъ горькаго рабства, приступить затѣмъ съ достоинствомъ къ таинству; тогда, имѣя независимость, будетъ свободно ѣсть пасху, потому что *Христосъ ны искутилъ естъ отъ клятвы законная, бывъ по насъ клятва* (Гал. ш, 18).

4. *Въ дому единомъ да стѣтся, и не изнесите мясъ вонъ изъ дому* (Исх. хп, 46). Одно есть собраніе и одинъ есть домъ; это—Церковь, въ которой вкушается священное тѣло Христово; поэтому изъ одинаго дома Церкви тѣло не выносятся вонъ. Вкушающій же въ другомъ мѣстѣ, какъ нечестивецъ и воръ, будетъ наказанъ. *Законъ единъ будетъ свободному и пришельцу*. Гдѣ Христосъ, тамъ свобода всѣмъ, равенство, одинъ законъ: всѣ приобрѣтены драгоценной кровью. Поэтому ты болѣе уже не рабъ, болѣе не іудей, но свободный: всѣ мы свободны во Христѣ. Слушай же, слушай послѣ прообразовъ и ветхозавѣтнаго домостроительства, каково домостроительство по пришествіи Христа на землю. Что такое—пришествіе Христа? Избавленіе отъ рабства, освобожденіе отъ прежней нужды, честь усыновленія (Богу), источникъ отпущенія грѣховъ, поистинѣ бѣсмертная жизнь во всѣхъ. Видя выше насъ, мучимыхъ смертію, связанныхъ узами тлѣнія, направляющихся по одному

неизбѣжному и безповоротному пути, пришедши и принявъ первоначальный по совѣту отеческому образъ, Слово не ангеламъ, не архангеламъ поручило служеніе за насъ, но само приняло борьбу за насъ, повинувся отеческимъ заповѣдямъ. Такъ какъ чистый божественный Духъ для всѣхъ былъ недоступенъ и не всѣ могли чувствовать непосредственныя вліянія Его, Онъ самъ, добровольно собравшись, пришелъ такимъ, какимъ пожелалъ, не сдѣлавшись самъ по себѣ ни меньше, ни хуже и не утративъ славы, и вслѣдствіе избытка отеческаго могущества не лишившись того, что имѣлъ, но прибавивъ еще и то, чего не имѣлъ. Пришелъ Онъ такимъ, какимъ могли Его принять. А такъ какъ нужно было какое-либо вмѣстилище для божественнаго Духа, чтобы первые стали участниками человѣческой природы и существа, то, очистивъ и сопричисливъ, отдѣливъ и отбросивъ то, что было грязно и ненужно, чистое же, ясное и свѣтлое оваривъ, освѣтивъ блескомъ, окруживъ сіяніемъ, воспламенивъ, сдѣлавъ небольшимъ храмомъ, воспитавъ въ цѣломудріи и, такъ сказать, возведя до степени ангела, Онъ тѣлесно принялъ на себя человѣческій образъ, происхожденіе имѣя духовное (востокъ), видъ же получивъ человѣческій. Вотъ почему Св. Писаніе весьма таинственно и обрисовало Его, говоря такъ: *се мужъ, востокъ имя Ему* (Зах. vi, 12), востокъ именно какъ бы по духу, а мужъ по тѣлу, потому что *Духъ святой найдетъ на тя, и сила Вышняго осянеть тя, тѣмъ же и рождаемое свято наречется Сынъ Вышняго* (Лук. i, 35). Такъ какъ происхожденіе Его было необычайно и божественно, то естественно и Духъ удивился, говоря: *родъ же Его кто исповѣсть* (Ис. lш, 8)? Четыре существуютъ отличительныя наименованія божественности, которыя болѣе другихъ умѣстны, когда идетъ рѣчь о Духѣ: это—господство, божественность, сыновство и царство вѣчное; смотри же, не удостоился ли Онъ получить эти добродѣтели и славу. Сначала смотри—Онъ Господь. *Рече Господь Господеву моему: сяди одесную Мене* (Псал. сѣх, 1). Видишь ли, что Онъ Господь отъ Господа? Смотри—Онъ и Сынъ Его. *Той призоветъ Мя: Отецъ, и Азъ первенца положу ею* (Псал. lxxxvш, 27, 28), и: *Сынъ Мой еси ты, Азъ днесь родихъ тя. Проси отъ Мене, и дамъ ти язмы достояніе твое* (Псал. п, 7, 8). Видишь ли, что Онъ Сынъ первородный и едиnorodный? Смотри—Онъ и Богъ. *Мужи высоцыи къ тебѣ преидуть, и въ тебѣ помолятся, и въ тебѣ поклонятся, и въ слѣдъ тебѣ пойдутъ связаны узами ручными. Ты бо еси Богъ, зане въ тебѣ Богъ есть* (Ис. xlv. 14—15). Видѣлъ, что Онъ Богъ? Смотри—Онъ и вѣчный Царь. *Престоль твой, Боже, въ отъкъ отъка; жезлъ правости, жезлъ царствія твоего. Возлюбилъ еси правду, и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой елеомъ радости паче причастникъ твоихъ* (Псал. xlv, 7, 8). Видѣлъ, что Онъ Царь? Смотри—Онъ, будучи Царемъ, и Господь силъ. *Возмите врата, князи ваша, и возмיתесь, врата вѣчная, и увидетъ царь славы. Кто есть*

сей царь славы? Господь силъ, той есть царь славы (Псал. ххш, 7, 8, 10). Видишь ли, что Онъ, будучи царемъ, есть и Господь силъ? А изъ дальнѣйшаго ты усмотришь, что Онъ былъ и вѣчнымъ Первосвященникомъ. *Клятся Господь, и не раскается: ты іерей во вѣкъ* (Псал. сѣх, 4). Поэтому, если Онъ и Господь, и Богъ, и Сынъ, и Царь, и Господь силъ, и вѣчный Первосвященникъ, то, когда хочеть, Онъ есть и человѣкъ. Кто познаеть Его? Безъ сомнѣнія, по виду Онъ человѣкъ, а предвѣчно Богъ. А чтобы Онъ не показался, по мнѣнію людей, случайнымъ и не имѣющимъ происхожденія призракомъ или — духомъ, явившимся на землѣ,—слушай, что Онъ былъ и младенцемъ. *Слышите убо доме Давидовѣ: еда мало вамъ есть трудъ даяти человѣкомъ, и како даете Господеву трудъ? Сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе: се дѣва во чревъ зачнетъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Емануилъ* (Ис. вѣ, 13, 14). *И восхотѣтъ, да быша огнемъ сожжени были. Яко отроча родися намъ, ево же начальство на рамы ево: и нарицается имя ево: велика совета ангелъ, чуденъ советникъ, Богъ крѣпкій, князь мира, отецъ будущаго вѣка* (Псал. іх, 5, 6). Безъ сомнѣнія, этотъ великій Иисусъ пришелъ къ намъ, какъ Богъ и человѣкъ: никто не долженъ сомнѣваться. Господственное вмѣстилось въ человѣческомъ тѣлѣ. Также и Адамъ первое таинственное дыханіе Отца получилъ на землѣ, будучи перстью, потому что божественный Духъ не терпитъ вреда, по волѣ Божіей соединяясь съ тѣломъ. И если первая персть вмѣщаетъ священнаго Духа,—одушевленное тѣло вмѣщаетъ безсмертную жизнь Христову. Поэтому, когда бы Духъ только пришелъ въ того, кто былъ поработенъ грѣху и смерти, то великое явленіе тѣла было бы излишне, если бы ни грѣхъ, ни смерть не были побѣждены. Но надлежало и грѣху быть уничтоженнымъ. Поэтому-то Онъ *грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лѣсть во устѣхъ Его*. Поэтому-то Онъ облекся сначала въ это бѣдное и смертное тѣло, какъ говоритъ о Немъ Духъ: *нѣтъ вида Ему, ниже славы: и видѣхомъ Его, и не имаше вида, ниже доброты: но видъ Его безчестенъ, умаленъ паче вѣсѣхъ сыновъ человеческихъ* (Ис. лш, 2). *Въ подобіи бо плоти грѣха безъ грѣха осуди грѣхъ* (Римл. вш, 3), показавъ, что не больные нуждаются во врачѣ, но болящіе. Онъ лѣчилъ наши немощныя тѣла, а особенно исцѣлялъ болѣзнь могущественною силою, чтобы исполнилось сказанное: *Азъ Господь Богъ призвахъ тя въ правдѣ, удержу за руку десную твою, и укрѣплю тя въ заветѣ рода моего, во святѣ языковъ, отверсти очи слѣпыхъ, извести отъ узъ связанныя во тьмѣ. Азъ Господь Богъ, сіе мое есть имя* (Ис. хлп, 6—8). *Услышите, глушіи, словеса кнѣи. И сѣдѣющимъ во тьмѣ свѣтъ возсія. Тогда скопѣтъ хромыи, яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гунимыхъ* (Ис. хлп, 18; ср. ххіх, 18; ххху, 5, 6). Послѣ того какъ зло по частямъ было уничтожено, послѣднимъ врагомъ испровергается смерть. *Гдѣ ты, смерте, жало* (Ос. хш, 14)?

5. Такова была пасха, которую Ісусъ восхотѣлъ принести за насъ. Страданіемъ Онъ освободилъ насъ отъ страданій и смертію побѣдилъ смерть и чрезъ видимую пищу даровалъ Свою безсмертную жизнь. Вотъ спасительное желаніе Ісуса! Вотъ высочайшая духовная любовь: представить образы, какъ образы, а священное тѣло дать ученикамъ Своимъ. *Пріимите, идите, сіе есть тѣло Моє. Пріимите, пійте, сіа есть кровь Моя новаго завета, яже за многія изливается во оставленіе грѣховъ* (Мѡ. ххvi, 26—28). Поэтому Онъ не столько желаетъ вмѣстѣ ѣсть, сколько страдать, чтобы чрезъ вкушеніе освободить насъ отъ страданія, поэтому, водрузивъ вмѣсто того древа древо крестное, пригвоздивъ на немъ руку, послужившую нѣкогда праотцу для грѣха, Онъ показалъ, что вся жизнь поистинѣ виситъ въ Немъ. Ты, Израиль, не могъ ѣсть, мы же съ твердымъ знаніемъ духовно вкусили и, вкусивъ, не умираемъ. Это дерево служить для меня къ вѣчному спасенію; въ немъ моя пища и угощеніе; въ корняхъ его я имѣю опору, вмѣстѣ съ вѣтвями его распространяюсь, его духомъ, какъ воздухомъ, живу. Подъ тѣнью его я устроилъ шатерь и, укрываясь отъ солнечнаго зноя, имѣю здѣсь прохладное убѣжище, цвѣту съ его цвѣтами, вполне наслаждаюсь его плодами и безпрепятственно вкушаю плоды, сбереженные для меня отъ начала. Это пища для утоленія моего голода, источникъ для утоленія моей жажды, покровъ для моего обнаженнаго тѣла; тутъ и листья—духъ жизни, а не листья смоковницы. Когда я страшусь Бога, оно для меня защита, когда колеблюсь, опора, когда веду борьбу, награда, когда побѣдилъ, знакъ побѣды; оно для меня маленькая тропинка, узкая дорога; оно—лѣстница Іакова, по которой восходятъ и нисходятъ ангелы, а на верху утверждается Господь. Это дерево весьма высокое, простирающееся отъ земли до неба, безсмертное насажденіе, утвердившееся въ срединѣ между небомъ и землей, опора и утвержденіе для всего, подпора всей вселенной, оно есть міровая связь, содержащая въ себѣ сущность разнообразнаго и человѣческаго бытія, оно скрѣплено невидимыми духовными связями, чтобы, соединившись съ Божествомъ, болѣе уже не отрѣшаться, оно вершинами касается небесъ, а ногами упирается въ землю, неизмѣримыми же руками обнимаетъ со всѣхъ сторонъ все, что находится въ срединѣ. Весь всецѣло былъ Онъ вездѣ и во всемъ, и единственно по Своей волѣ обнаженнымъ выступилъ противъ воздушныхъ властей. Въ этой борьбѣ, какъ бы подъ вліяніемъ минутной слабости, Онъ умоляетъ, чтобы миновала Его чаша, показывая тѣмъ дѣйствительность Своей человѣческой природы, но затѣмъ, помня ради чего Онъ посланъ, и желая выполнить домостроительство, Онъ снова возглашаетъ: *не моя воля, но твоя воля; духъ бо бодръ, плоть же немощна*. Въ борьбѣ за душу, подобно побѣдителю, Онъ сначала принимаетъ на священную главу вѣнокъ изъ тернія, славъ съ земли все прежнее проклетіе, очистивъ бо-

жественной главою землю отъ тернія, умножившагося подъ влияніемъ грѣха; пьетъ горько-кислую желчь дракона тотъ, кто всѣ источники самъ сдѣлалъ для насъ пріятными. Желая разрѣшить дѣло жены и сохранить ее, сначала явившуюся изъ ребра и принесшую смерть, Онъ самъ отдалъ на прозвеніе Свое священное ребро, изъ котораго вытекла священная кровь и вода, совершенные и священные знаки духовнаго таинственнаго бракосочетанія, усыновленія и возрожденія. *Той вы креститъ Духомъ святымъ и огнемъ* (Лук. ш, 16),—водою, какъ Духомъ, а кровью, какъ огнемъ. Тогда же съ Нимъ вмѣстѣ распинаются два разбойника, знаменующіе собою два народа. Одинъ изъ нихъ послѣ раскаянія становится благомыслящимъ, выражаетъ послѣ примиренія исповѣданіе и дѣлается благочестивымъ по отношенію къ Господу; другой же, будучи жестоковѣрнымъ, волнуется, остается неразумнымъ по отношенію къ Господу и нечестивымъ и охотно остается при прежнихъ заблужденіяхъ. Такъ и въ душѣ борются два теченія мыслей: одно изъ нихъ, отстраняясь отъ прежнихъ заблужденій, направляется къ Господу, почему послѣ покаянія и удостоивается челоуѣколюбія и чести, другое же не можетъ заслужить оправданія, потому что не поддается перемѣнѣ и до конца остается разбойникомъ. Когда мировая борьба приходила къ концу, когда Побѣдитель былъ уже близокъ къ побѣдѣ, и, не превозносясь, какъ Богъ, но и не будучи побѣжденъ, какъ челоуѣкъ, предъ лицомъ всей вселенной воздвигалъ уже Свое побѣдное знамя и самъ въ Себѣ торжествовалъ надъ посрамленіемъ врага, тогда-то все наумилось предъ силою терпѣнія, тогда-то небеса поколебались, силы небесныя, престолы и законы пришли въ смятеніе, видя висящимъ на древѣ верховнаго Вождя великой силы; немногого не доставало, чтобы звѣзды попадали съ неба, видя закатившуюся денницу; на нѣкоторое время померкъ даже огонь солнца, видя великій Свѣтъ міра помрачившимся. Тогда камни на землѣ раскололись, обличая неразуміе Израиля, не узнавашаго того духовнаго Камня, нѣзъ котораго пиетъ, пока былъ послушенъ. Разодралась церковная завѣса, сострадавъ (Христу) и показывая поистинѣ небеснаго Первосвященника. Едва ли не разрушился бы и не уничтожился отъ страха страданія весь міръ, если бы великій Иисусъ не испустилъ божественнаго Духа, сказавъ: *Отче, въ руки твои предаю духъ мой* (Лук. ххш, 46). Когда все было поколеблено и потрясено, когда все отъ страха пришло въ волненіе, затѣмъ, при восхожденіи назадъ божественнаго духа, все стало снова одушевленнымъ, оживотвореннымъ и твердымъ, какъ будто божественное напряженіе почувствовалось во всемъ и вездѣ и какъ будто распятіе на крестѣ коснулось всего. О, единое въ единомъ и все во всемъ! Пусть небеса имѣють духъ твой, а рай—душу: сегодня, говорить, буду съ тобою въ раю; а кровь пусть остается на землѣ. Недѣлимый раздѣляется на части, чтобы все спаслось, чтобы самое низ-

кое мѣсто не оставалось закрытымъ для божественнаго пришествія. Лица Его мы не видѣли, но голосъ Его слышали. Такъ, еще при жизни, пользуясь царской властью, Онъ разрѣшилъ оковы смерти, когда сказалъ: *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. хі, 43), и: *дѣвица, востани* (Мрк. v, 11),—чтобы обнаружилась Его могущественная власть. А теперь и всего Себя Онъ отдалъ смерти, чтобы умертвить ненасытнаго звѣря, уничтожить оковы, которыя нельзя было заполнить. Для безсмертнаго тѣла Онъ повсюду искалъ свойственной ему пищи, которая не связывалась бы какъ-нибудь ни съ удовольствіемъ, ни съ злобою, ни съ непослушаніемъ, ни вообще съ древнимъ грѣхомъ, первой пищей смерти. потому что, говорится, жало смерти грѣхъ (1 Кор. xv, 56). И такъ какъ въ немъ не нашлось ничего, что могло быть пищей для смерти, то она, оставшись сама по себѣ и лишившись пищи, сама для себя сдѣлалась смертію, какъ пророчески и объявляли многіе изъ праведныхъ о воскресеніи первороднаго изъ мертвыхъ. Онъ для того и перенесъ трехдневное пребываніе въ землѣ, чтобы вмѣсто закона самому спасти весь сполна родъ человѣческій. Можетъ быть для того Онъ и сдѣлался тридневнымъ, чтобы въ человѣкѣ возстановить во всей цѣлости—душу, духъ и тѣло. По воскресеніи, Его прежде всѣхъ видятъ женщины; какъ женщина ввела въ міръ первый грѣхъ, такъ первая возвѣщаетъ и жизнь міру. Потому-то и слышатъ женщины священный голосъ: *радуйтесь* (Мѡ. ххviii, 9),—чтобы первая печаль (изгладилась) радостью воскресенія ¹⁾, и чтобы для невѣрующихъ удостовѣрено было Его воскресеніе изъ мертвыхъ вмѣстѣ съ тѣломъ. А какъ Онъ всецѣло облекся внѣшнимъ видомъ ветхаго человѣка и, облекшись нмъ, преобразовалъ его въ небесный, то этотъ видъ, соединившись съ Нимъ, вмѣстѣ съ Нимъ восшелъ и на небеса. Силы же небесныя, видя великое таинство,—человѣка уже въ Богѣ восходящаго,—получивъ повелѣніе, возопили съ радостью вышнимъ воинствамъ: *возьмите врата, князи, ваша, и возъмьтесь, врата отъчная, и онидетъ царь славы*. Эти, видя новое чудо,—человѣка соединеннаго съ Богомъ,—въ свою очередь восклицаютъ и спрашиваютъ: *кто есть сей царь славы?* А тѣ на вопросъ отвѣтили: *Господь силъ, тойъ есть царь славы, крѣпокъ и державенъ и силенъ въ брани* (Пс. ххviii, 7—10). О, таинственная помощь! О, духовное торжество! О, божественная пасха, нисходящая съ неба до земли, и восходящая обратно отъ земли на небо! О, новое празднество всего міра! О, радость всего, и честь. и пища, и наслажденіе, отъ которыхъ мрачная смерть уничтожилась, а жизнь распространилась на всѣхъ, небесныя врата открылись, и Богъ явился человѣкомъ, и человѣкъ восшелъ Богомъ, сокрушивъ врата адовы и расторгнувъ адамантовыя узы! И находившіеся внизу въ землѣ люди воскресли изъ

¹⁾ Здѣсь пропускъ.

мертвыхъ, возвѣщая объ этомъ тѣмъ, которые находились вверху; изъ земли появился хоръ. О, пасха божественная, соединяющая теперь насъ духовно съ Богомъ, въ полнотѣ сходящимъ съ небесъ, чрезъ Котораго великій брачный чертогъ наполнился свадебными пирами, и всѣ несутъ свадебную одежду, и никто не выгоняется, какъ не имѣющій ея! О, пасха, просвѣщеніе новымъ свѣтомъ, украшеніе свѣтлаго свадебнаго шествія! Теперь не гаснутъ уже свѣточи въ душахъ; духовно и боговдохновенно во всѣхъ возжигается въ тѣлѣ и въ духѣ огонь благодати, поддерживаемый елеемъ Христа. Тебя поэтому и призываемъ, Боже Владыко, духовно вѣчный Царю-Христе, прости великія Твоя руки на св. Церковь Твою и на народъ всегда для Тебя святой, защищая, сохраняя, соблюдая, напередъ обороняя и предостерегая, низлагаая всѣхъ враговъ, побѣждая и дѣйствующихъ невидимою силою противниковъ, какъ Ты низложилъ уже нашихъ враговъ. Воздвигни теперь самъ вмѣсто насъ памятникъ побѣды и даруй намъ вмѣстѣ съ Моисеемъ воспѣть побѣдную пѣснь, потому что Твоя есть слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На ту же пасху слово 7-ое и послѣднее.

1. Вчера, братіе, мы сказали кое-что относительно предопредѣ- 745
 леннаго дня святой пасхи, и такъ какъ показалось, что есть какое-то затрудненіе, то мы объявили именемъ Господа нашего Іисуса Христа, что и затрудненіе это, и предназначенное время намъ были извѣстны гораздо раньше. Говорилось объ этомъ уже достаточно, если, конечно, вы удерживаете въ памяти то, что говорится; сегодня же мы пришли сказать о причинѣ отсрочки. А такъ какъ подобное изслѣдованіе требуетъ разсмотрѣнія всего въ цѣлости мѣста касательно пасхи, то мы хотимъ при помощи Божіей взять этотъ предметъ и сообразно съ своими силами изложить ученіе объ этой тайнѣ. Вслѣдствіе того, что здѣсь со стороны противниковъ, далекихъ отъ пониманія существа истины, предъявляются большія притязанія, причемъ и отпадшіе отъ насъ еретики, и іудеи выставляютъ на видъ, что у нихъ совершается пасха, между тѣмъ какъ это таинство есть у однихъ только христіанъ, и только у насъ празднованіе его покоится на неизблемыхъ основаніяхъ,— я хочу, вкратцѣ упомянувъ о всѣхъ подобныхъ притязаніяхъ, разсѣять то, что примѣшивается къ нашему таинству и такимъ образомъ выяс- 746
 нить, какая мысль соединяется съ тѣмъ или другимъ временемъ [празднованія пасхи], насколько поможетъ единородный Сынъ Божій. Нерѣдко приходилось намъ слышать высказывавшіяся нѣкоторыми недоумѣнія: почему это праздникъ Рождества Спасителя совершается въ опредѣ-

ленный день,—онъ бываетъ, какъ всѣ мы знаемъ, именно за восемь дней до январскихъ календъ по счисленію римлянъ; праздникъ Богоявленія—тоже, потому что онъ празднуется въ опредѣленный день, въ тринадцатый четвертаго мѣсяца, по азійскому счету; память мучениковъ празднуется также примѣнительно къ опредѣленному дню; а съ праздникомъ пасхи дѣло обстоитъ иначе? Это потому, что это таинство относится не къ одному и притомъ какому-нибудь случайному дню, но его празднованіе падаетъ на то именно время, которое удовлетворяетъ многимъ заранѣе опредѣленнымъ срокамъ. Такъ, берется прежде всего первый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ дѣйствительно перваго времени, которое опредѣляется весеннимъ равноденствіемъ. Притомъ, принимая первый мѣсяцъ, мы должны обращать вниманіе и на первое время, которое самому мѣсяцу сообщаетъ названіе перваго. И далѣе, кто беретъ первое время, долженъ обращать вниманіе на начало перваго времени; начало же его не иное какое-либо, какъ весеннее равноденствіе, какъ это я далѣе покажу. И вотъ, такъ какъ мы принимаемъ во вниманіе и первое время, и равноденствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ четырнадцатый день луны, и кромѣ того три дня—пятницу, субботу и день Господень, причѣмъ нельзя бываетъ праздновать пасху, если хотя одного изъ этихъ временъ недостаетъ,—то мы и не можемъ поэтому назначить одинъ опредѣленный день для таинства пасхи, но, взявъ вмѣстѣ всѣ эти опредѣленные времена, отдѣльно опредѣляемъ время спасительнаго страданія. Итакъ, прежде чѣмъ налагать ученіе о равноденствіи, которое таинственно, о четырнадцатомъ днѣ луны, совпадающемъ съ самымъ таинствомъ, и затѣмъ о трехъ дняхъ относящихся къ концу таинства, я хочу сказать объ обычѣ чуждыхъ намъ іудеевъ, какъ неразумно они поступаютъ,—благодаря чему тѣмъ съ большимъ блескомъ обнаружится чистота церковнаго таинства. Даже и еретики, хотя тоже ложно поступаютъ, всетаки стоятъ выше ихъ. Іудеи не наблюдаютъ одного опредѣленного срока для празднованія пасхи, мѣсяцъ же держатъ солнечный, какъ они полагаютъ, и луну четырнадцатую. И вотъ, когда у нихъ случится четырнадцатый день луны, но первый мѣсяцъ еще не приходилъ, они отсрочиваютъ этотъ четырнадцатый день и берутъ первый солнечный мѣсяцъ, чтобы этимъ получающимся стеченіемъ перваго времени и четырнадцатаго дня луны достигнуть, повидимому, того, чего хотятъ. Итакъ, братъ, ты видишь, что и іудеи стараются объ этомъ и имѣютъ согласіе съ нами въ томъ, что назначаютъ для празднованія не одинъ опредѣленный день, а разные времена. Есть еретики четырнадцатники, которые празднуютъ пасху съ іудеями и поступаютъ такъ же, какъ и они. Новаціане, кажется, иначе какъ-то подражаютъ намъ, хотя они сами подчиняются іудейскому обычаю въ опредѣленіи времени и наблюдаютъ первый мѣсяцъ, какъ у тѣхъ, равно какъ и четырнадцатый день луны; но не останавливаются на этомъ, а,

дойдя до этого, переходить на три дня, не имѣя на это никакого права и всетаки безъ согласія съ церковью, какъ это будетъ показано. Есть затѣмъ еще ересь монтанистовъ, которая очевидно не хочетъ дѣлать такъ, какъ іудеи, но на бѣду себѣ разногласить и съ церковью. Именно, они наблюдаютъ четырнадцатый день перваго мѣсяца, т. е. седьмого мѣсяца по азійскому счету, а не четырнадцатый день луны; не знаю, откуда взялось это постановленіе. Вѣдь Единородный Сынъ Божій пострадалъ во время пасхи іудеевъ, въ четырнадцатый день луны, въ первомъ мѣсяцѣ, въ этотъ именно четырнадцатый день, совпадавшій съ іудейской пасхой. Итакъ, откуда же эта несчастная ересь взяла четырнадцатый день солнечнаго мѣсяца, а не луннаго? Ясно, конечно, что отъ демона-обольстителя. Впрочемъ, хотя она и отпала отъ церковнаго счисленія, всетаки потомъ вернулась къ тремъ днямъ. Однако пусть погибнетъ она. Послѣ же того, какъ я сказалъ, что всякая ересь стремится очевидно болѣе или менѣе держаться опредѣленнаго времени, я хочу прежде изобличить въ остальномъ іудеевъ, а затѣмъ такимъ образомъ изъяснить основанія, имѣющіяся у христіанъ (для опредѣленія праздника пасхи). Церковь содержитъ опредѣленное время страданія Христа, весеннее равноденствіе, четырнадцатый день луны, трехдневье: пятницу, субботу и Господень день. Ими мы пользуемся въ данномъ случаѣ и вполнѣ законно, не новшеству какому слѣдуя, но соблюдая по преданію отъ самого Моисея именно четырнадцатый день луны послѣ равноденствія. Я имѣю мудрыхъ еврейскихъ свидѣтелей. Не слѣдуетъ внимать неразумію теперешнихъ іудеевъ, потому что они извратили все, что было справедливаго въ законѣ; но слѣдуетъ выслушать мудрыхъ еврейскихъ изслѣдователей и руководиться ихъ мнѣніемъ. Отвергнувъ тѣхъ, какъ отступниковъ, сопоставимъ наше ученіе со взглядами этихъ послѣднихъ: получивъ подтвержденіе съ этой стороны, оно станетъ вполнѣ достовѣрнымъ. Іудеи лишились теперь всѣхъ благъ. Такъ, отвергли они и Писанія семидесяти двухъ мудрыхъ толковниковъ. Таково вѣдь было число іудеевъ, посвятившихъ себя въ древности, до пришествія Спасителя, подобнымъ изслѣдованіямъ, и избранныхъ изъ самыхъ лучшихъ по достоинству для перевода Св. Писаній, пользовавшихся большой извѣстностью еще и тогда на еврейскомъ языкѣ. И тогда же переводъ этотъ былъ одобренъ, и всѣ евреи посылали проклятія на того, кто вздумалъ бы измѣнять его. Поэтому и мы съ полнымъ правомъ можемъ слѣдовать этому переводу. Если по словамъ Моисея: *при устахъ двою и тріеъ свидѣтелей станеть всякъ маюль* (Второз. xix, 15), то тѣмъ спокойнѣе можно принимать переводъ не двухъ, а семидесяти двухъ свидѣтелей. Но пока эти мудрые мужи пользовались вліяніемъ среди іудеевъ, іудеи признавали значеніе сдѣланнаго ими перевода; когда же совершили іудеи беззаконіе надъ Спасителемъ, все доброе у нихъ погасло. Пророкомъ вѣдь былъ тотъ,

кто возвѣстилъ: *се Господь Саваоѣ отыметъ отъ Иерусалима и отъ Іудеи крѣпкаго, и крѣпкую, крѣпость хлѣба и крѣпость воды, исполнина и крѣпкаго и челоука ратника, и судію, и пророка, и смотреливаго, и сторца, и премудраго архитектора, и разумнаго послушателя. И поставлю юноши князи ихъ, и руцатели господствовати будутъ ими* (Ис. ш, 1—4). Это пророческое слово сбылось на большей части іудеевъ: лишенные пониманія, не имѣя никакого пророка, который наставилъ бы ихъ на путь спасенія, они оставили и предавія своихъ ученыхъ мужей, и даже самыя основы закона подвергались у нихъ опасности искаженія. И вотъ. тогда-то они произвели перемѣны въ Священномъ Писаніи и отвергли переводъ тѣхъ мудрыхъ мужей, довѣрившись толкованію одного какого-то прозелита ¹⁾ и позабывъ о трудахъ столькихъ мужей и о своихъ собственныхъ проклятіяхъ; тогда же исказили они и опредѣленіе времени пасхи.

2. Мы имѣемъ мудрыхъ свидѣтелей еврейскихъ, напр., Филона и Іосифа, и нѣкоторыхъ другихъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельствуютъ, что невозможно съ точностью праздновать пасху иначе, какъ послѣ весенняго равноденствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждаютъ, что такой порядокъ относительно четырнадцатаго дня луны соблюдается издавна, какъ и было уже нѣсколько разъ сказано. А эти мужи, какъ знаютъ іудеи, жили спустя много времени послѣ страданія Спасителя, такъ что ясно, что и Спаситель пострадалъ во время іудейской пасхи, слѣдовавшей за равноденствіемъ. Итакъ, ужъ изъ свидѣтельства ученыхъ ты видишь, что іудеи, нынѣ отверженные, съ самаго начала праздновали пасху агнца послѣ равноденствія въ четырнадцатый день луны. Пусть это положеніе стоитъ твердо, и на немъ-то я попытаюсь обосновать высказанное мною ранѣе. Впрочемъ, нужно оговориться, что іудеи безразлично совершаютъ пасху и до равноденствія, исключая вставочнаго мѣсяца, когда они непременно относятъ ее на время послѣ равноденствія. Однако дѣлается это не намѣренно, а является дѣломъ простой случайности. Теперь же, въ настоящее именно время, они совершаютъ пасху прежде равноденствія, въ чемъ и обличаются тѣми мудрыми іудеями, какъ преступники помазанія. А у насъ сила таинства сохраняется въ неприкосновенности, потому что время, въ которое пострадалъ Спаситель, не упускается изъ вниманія. Въ историческихъ свидѣтельствахъ, сохранившихся отъ времени Пилата, дается указаніе на опредѣленный день пасхи; тамъ именно разсказывается, что Спаситель пострадалъ за восемь дней до календъ апрѣльскихъ. А этотъ день приходится послѣ равноденствія, какъ хорошо знаютъ это свѣдущіе. Руководясь этимъ указаніемъ, ты можешь убѣдиться, что Христосъ пострадалъ именно въ это опредѣленное время, и зная это, всегда

¹⁾ Подъ этимъ прозелитомъ нужно разумѣть Акилу.

будемъ соблюдать празднованіе пасхи послѣ равноденствія, подражая Христу; а если ты и безъ того не раздѣлялъ нечестія еретиковъ, то теперь будешь знать и тѣ основанія, которыми опредѣляется такое именно, а не иное время. Вотъ я пытаюсь сдѣлать исчисленіе этого времени, чтобы показать согласіе таинства съ древнимъ установленіемъ. Пострадалъ Христосъ послѣ равноденствія и именно въ пятницу, какъ мы знаемъ и какъ извѣстно изъ Св. Писанія; пятница же тогда приходилась въ четырнадцатый день луны; затѣмъ, пострадалъ Онъ во время іудейской пасхи; а пасха іудейская тогда свела во едино ко времени страданій Христовыхъ всѣ сроки: она предварена была равноденствіемъ, падала на четырнадцатый день луны, и дни тогда были соотвѣтствующіе нашимъ пятницѣ, субботѣ и дню Господню. Почему и зачѣмъ это такъ было, объ этомъ я теперь долженъ сказать, рассматривая предложенное въ отдѣльности; конечно, при этомъ въ моей бесѣдѣ отразятся недостатки моего языка, но за то соблюденъ будетъ вѣрный смыслъ самыхъ вещей. Конечно, все вообще теченіе времени должно вести свое начало отъ равноденствія,—это подтверждается и данными міротворенія. Первый по счету мѣсяцъ долженъ совпадать съ той порой, откуда начинается счетъ времени вообще, а счетъ времени должно начинать, конечно, съ того перваго дня и той первой ночи, которые равны между собою по количеству. И не другое какое-нибудь начало соотвѣтствуетъ первому времени, какъ именно равенство этихъ данныхъ величинъ. Самое время было тогда еще въ будущемъ, но когда только что явились день и ночь, величина ихъ была опредѣлена въ равной мѣрѣ, и только потомъ уже, вслѣдствіе движенія, явилась неравномѣрность 749 между ними. Если же, неравномѣрность произошла отъ движенія, то при твореніи должна была быть соблюдена равномѣрность. И это можетъ быть подтверждено и изъ Св. Писанія. *Въ началѣ*,—говоритъ бытописатель,—*сотвори Богъ небо и землю. Затѣмъ прибавляетъ, что была тьма и свѣта еще не было. И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь* (Быт. 1, 1—5). Такъ явились первый день и первая ночь. Что же? Какъ *разлучи Богъ между свѣтомъ и между тмою*, которую назначилъ быть ночью? Это самое «*между*» (ἀνά μέσον, по срединѣ)—указываетъ на двѣ (равныя) половины. Такъ какъ все, что творилъ Богъ, Онъ творилъ въ опредѣленной природѣ, то естественно, что и первые день и ночь Онъ заключилъ въ опредѣленные и равномѣрные границы и, при наличности такихъ границъ, увидѣлъ, что это весьма хорошо. Неравномѣрность же между днемъ и ночью должна была явиться впоследствии уже, какъ слѣдствіе движенія. И вотъ, если первые день и ночь были равными, то равноденствіе есть начало перваго времени, какъ и было показано. Затѣмъ, послѣ равноденствія (обрати вниманіе на то, что я говорю) въ четвертый

день является солнце и луна. Равенству равноденствія соотвѣтствуетъ (положеніе) свѣтилъ. Въ шестой день создаетъ Богъ человѣка и затѣмъ въ седьмой почиваетъ отъ всѣхъ дѣлъ. Съ слѣдующаго дня, который является опять и первымъ, Онъ предоставилъ всему сотворенному идти своимъ порядкомъ. Это ты сохрани и удержи въ памяти своей, чтобы имѣть возможность изъяснить сказанное. Богъ сотворилъ человѣка, и, будучи благимъ, и человѣка сотворилъ такимъ же. Ты не смотри на теперешняго человѣка, но имѣй въ виду его первое состояніе: вѣдь его Богъ сотворилъ по образу Своему. И чтобы показать, что человѣкъ по природѣ своей не уступаетъ звѣздамъ, Писаніе указываетъ, что Богъ помѣстилъ его въ рай нагимъ, не нуждающимся въ одеждѣ; его взорамъ тогда еще чужда была распущенность и ни въ какомъ прикрытіи онъ не нуждался. Итакъ, Писаніе свидѣтельствуетъ, что Богъ сотворилъ человѣка и первыхъ людей помѣстилъ въ рай, и что они были наги и не стыдились. Но какъ солнце и луна красуются во всемъ блескѣ своей наготы, такъ и они имѣли возможность любоваться своей природной красотой. Явивъ человѣку такое благодѣяніе, помѣстивъ его среди райскихъ наслажденій, и оказывая къ нему въ изобиліи Свое расположеніе, Богъ, какъ это и справедливо было, искалъ чувства со стороны его и научилъ его, чтобы онъ выражалъ благодарность Ему своимъ послушаніемъ. Но такъ какъ Богъ увидѣлъ, что невозможно человѣку соблюсти этотъ даръ, если онъ не будетъ въ общеніи съ Богомъ, наградившимъ его, и не будетъ воздавать Ему честь, то Онъ предписалъ ему законъ въ качествѣ стража природы, чтобы воспоминаніемъ о Законодателѣ и съ помощью его поддерживать себя, какъ какими-нибудь хорошими лѣкарствами; и въ случаѣ соблюденія закона обѣщалъ ему бессмертіе, а при нарушеніи его смерть. Чтò произошло затѣмъ—это всѣмъ извѣстно: именно, человѣкъ, будучи склоненъ завистью діавола къ нарушенію закона, становится тлѣннымъ и изгоняется изъ рая; затѣмъ, размножившись, онъ сталъ вести скотскую жизнь и сдѣлался вмѣсталищемъ нечестія и невоздержности. Поэтому и пророки возглашали о первоначальномъ его достоинствѣ и послѣдующемъ безчестіи: *человѣкъ въ честнѣ смѣи не ра.умъ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. xlviii, 13). При такомъ положеніи дѣла, при такомъ паденіи человѣческой природы, единородный Сынъ Божій, согласно съ отеческимъ намѣреніемъ, желая возстановить человѣка и освободить его отъ грозившаго ему суда, придумалъ время и способъ помощи,—время для того, чтобы благовременно приступить къ врачеванію, а способъ такой, который былъ бы удобенъ для очищенія и возстановленія. Сдѣлавшись человѣкомъ, но оставаясь въ то же время и Богомъ, Онъ пострадалъ за весь міръ. Я часто говорилъ объ этой жертвѣ. Недавно много я говорилъ, приводя доказательства противъ іудеевъ отъ нихъ же самихъ

и противъ эллиновъ отъ самихъ же эллиновъ и показывая дѣйстви-
тельно спасительное значеніе этой жертвы, уничтожившей демоновъ,
опасности, враговъ и все постыдное; теперь, конечно, я не стану во-
оружаться противъ нихъ, чтобы не отвлекаться отъ послѣдовательности
предлагаемаго слова. И вотъ, когда едиnorodный Сынъ Божій восхотѣлъ
даровать воскресеніе падшему человѣку, обновить его, и Своимъ стра-
даніемъ возсоздать по первообразу,—смотри, какъ Онъ поступаетъ. 750
Такъ какъ Онъ самъ былъ Творцомъ перваго человѣка, то вознамѣ-
рился и послѣ паденія его быть слугою въ дѣлѣ исправленія всей
природы; именно, приводить самого Себя къ страданію, и для возста-
новленія избираетъ тоже самое время, какое употребилъ и на созданіе,
чтобы конецъ оказался согласнымъ съ началомъ и способъ у Творца
былъ одинъ и тотъ же. Именно, восхотѣлъ, и точно также, какъ и для
созданія перваго человѣка употребилъ Онъ самое чистое время,—вѣдь
уже потомъ это первое время было осквернено вслѣдствіе преступленія,
испортившись вмѣстѣ съ самимъ преступникомъ, и сдѣлало то, что
непосредственно слѣдовавшіе за нимъ вѣка тоже были осквернены,—
такъ точно и для восстановленія человѣка избралъ Онъ самое первое
время, чтобы вмѣстѣ съ нимъ, очищеніемъ чрезъ страданіе, и послѣ-
дующее время очистить съ начальнаго момента и во всемъ дальнѣй-
шемъ теченіи,—чтобы сразу показать все вмѣстѣ въ одномъ и томъ же—
и обновленіе человѣка, и чистоту времени, и Обновителя и Создателя
природы,—показать съ ясностью при помощи признаковъ времени.

3. Итакъ, какое время первое? Гдѣ начало перваго времени? Равно-
денствіе, братъ,—какъ мы показали,—требующее равенства дня и ночи,
и притомъ равноденствіе именно весеннее, что подтверждается и по-
слѣдовательностью событій. Вѣдь Моисей рассказываетъ, что въ третій
день повелѣлъ Богъ явиться цвѣтамъ, деревьямъ и растеніямъ; а это—
признакъ весны, соотвѣтственно искусству, способу и порядку создаю-
щаго все Бога. Такъ какъ первое созданіе человѣка совершилось послѣ
равноденствія, именно, въ шестой день равноденстія (вѣдь человѣкъ
былъ созданъ въ пятницу), полная же луна была сотворена послѣ
равноденствія въ четвертый день, а потомъ уже произошло паденіе
человѣка черезъ грѣхъ,—то поэтому исправленіе его и обновленіе Богъ
возводитъ къ тому сроку, который соотвѣтствуетъ времени его созданія,
сводя вмѣстѣ и равноденствіе, и четырнадцатый день послѣ равноден-
стія, и шестой день, чтобы стеченіемъ этихъ моментовъ времени наглядно
показать единый источникъ и воскресенія Пострадавшаго, и обновленія
природы, и ея возглавленія. Поэтому апостолъ, указывая на это, совер-
шенное Богомъ, возглавленіе, говорилъ: *во всякой премудрости и ра-
зумъ сказахъ намъ тайну воли своея по благоволенію своему, сже прежде
положи въ немъ, съ смотрѣніемъ исполненія времени, возглавити всяческая
о Христѣ, яже на небесахъ и яже на земли* (Ефес. 1, 8-10). Видишь,

какъ онъ говорить о возглавленіи того, что на землѣ, небеснымъ? Послѣ того какъ произошло паденіе человѣка и отдѣленіе отъ благочестія небесныхъ ангеловъ, Онъ, желая возвратить насъ чрезъ страданіе къ этому единенію, что иное предпринимаетъ, какъ не завершеніе добра? Поэтому и время творенія Онъ избираетъ временемъ обновленія, и дметъ тебѣ возможность слышать о величайшемъ таинствѣ. Такъ какъ эти времена съ трудомъ могутъ совпадать, какъ это случилось въ первые дни творенія, въ одну и ту же седмицу (обрати вниманіе на то, что первая та седмица, — седмица творенія, говорю, — имѣла въ себѣ равноденствіе въ началѣ, затѣмъ полную луну, появившуюся въ четвертый день, и немного спустя шестой день, въ который созданъ былъ человѣкъ: далеко не всегда можетъ это случиться на одной и той же седмицѣ), такъ вотъ, какъ трудно было, чтобы эти опредѣленные времена сошлись въ теченіе одной седмицы, какъ во время перваго творенія, то Спаситель именно и воспользовался стеченіемъ ихъ для домостроительства страданія, чтобы показать предстоящее завершеніе. Поэтому, будучи нерѣдко разыскиваемъ іудеями съ цѣлью умерщвленія, Онъ уклонялся однако изъ ихъ рукъ, пока не послѣдовало совпаденіе временъ. И ты самъ читаешь въ евангеліяхъ, что іудеи хотѣли схватить Его, а Онъ удалился; тѣ, кто не знали тайны, видѣли въ этомъ трусость; но здѣсь былъ не страхъ, а ожиданіе наступленія предопредѣленнаго времени. Когда же Сынъ Божій собралъ вмѣстѣ признаки временъ, когда нашелъ, что данная седмица согласуется съ той первой седмицей творенія, что и равноденствіе, и полнолуніе, и пятница, въ которую должно было Ему пострадать и должно было совершиться обновленіе, сошлись вмѣстѣ, то Онъ тогда же предаетъ себя на страданіе. Поднявъ очи къ небу, Онъ сказалъ: *Отче, прииде часъ: прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ Тя* (Іоан. хvii, 1), и ученикамъ сказалъ: *прииде часъ, да прославится Сынъ человѣческій* (хii, 23). Такъ однородный Сынъ Божій всѣ тѣ первыя времена, въ которыя палъ сотворенный человѣкъ, старался свести въ одно для исправленія его и устроить возобновленіе природы, для чего необходимо было соединеніе опредѣленныхъ временъ. Поэтому во время страданія и наблюдается равноденствіе, какъ бы глава времени. Прежде же этого равноденствія, прежде чѣмъ явился день, была тьма, и не достойно было въ это время мрака совершиться страданію и исправленію паденія, потому что и первый человѣкъ появляется не во тьмѣ, но послѣ свѣта; послѣ же равноденствія день беретъ верхъ надъ ночью. Такъ надлежало и страданію, совершившемуся для исправленія, обнаружиться при такомъ положеніи, когда свѣтъ благочестія долженъ былъ увеличиваться, а мракъ нечестія уменьшался. Но какъ равноденствіе во время страданія наблюдается въ силу возглавленія (завершенія) времени, такъ въ силу того же самого и днемъ страданія является пятница,

потому что въ этотъ день былъ сотворенъ человѣкъ; и необходимо было, чтобы въ какой день палъ созданный человѣкъ, въ тотъ же онъ былъ и восстановленъ. Далѣе, субботу Писаніе посвящаетъ покою, выражаясь именно такъ: *и почи Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, и освяти ея* (Быт. п, 2, 3). Такъ вотъ и Господь, совершивъ теперь обновленіе, пострадавъ въ пятницу и исполнивъ дѣло восстановления падшаго человѣка, въ седьмой день покоится и пребываетъ въ сердцѣ земли, даруя находившимся во адѣ своими страданіями свободу. Какъ нѣкогда Богъ, такъ и Господь покоится теперь отъ всѣхъ дѣлъ. Такъ какъ паденіе человѣка произошло вслѣдствіе преступленія, то опять явилось дѣло для Бога, именно дѣло восстановленія его. Совершивъ это въ страданіи и восстановивъ погибшаго человѣка, котораго Онъ спасъ, въ день пасхальной субботы, Онъ успокоился отъ всѣхъ дѣлъ, такъ какъ не оставалось болѣе никакого дѣла для совершенія нашего спасенія. Такимъ образомъ, соблюдъ во время страданія и равноденствіе, и пятницу, и субботу по соотвѣтствію съ первоначальными, во едину отъ субботъ Онъ являетъ свѣтъ воскресенія; и это по связи времени. Именно, этотъ день былъ опять первымъ изъ всего времени, потому что и тогда въ этотъ день было начало воспринимаемаго чувствомъ свѣта, и нынѣ—начало духовнаго воскресенія. Соблюдъ все это въ соотвѣтствіе съ обстоятельствами перваго творенія, и полнолуніе, какъ мы сказали, Онъ удержалъ,—какъ и тогда,—послѣ равноденствія. И тутъ является новое чудо, ради котораго это и было устроено. Такъ какъ во время страданія Спасителя должна была быть тьма, а эллины затменіе солнца объясняютъ прохожденіемъ между солнцемъ и землею луны, то, чтобы кто-либо не вздумалъ отъ благочестія прикрываться греческой наукой, взять былъ четырнадцатый день луны; такъ что, во время страданія было цѣльное полнолуніе и луна находилась прямо противъ солнца, вслѣдствіе чего никакой рѣшительно тѣни уже нельзя было набросить на чудо, и оно являлось исключительно прещеніемъ за тяжкій грѣхъ, неподдающимся научнымъ объясненіямъ. Вотъ почему Христосъ и припоровилъ Свое необычайное страданіе къ этимъ срокамъ, запечатлѣннымъ древностію; потому-то и мы соблюдаемъ всѣ опредѣленные времена, чтобы показать подражаніе тому таинственному смыслу. Но Спаситель, совершая истинную пасху, чтобы освободить всѣхъ отъ неизбежнаго суда, какъ это естественно по отношенію къ истинной и въ собственномъ смыслѣ пасхѣ, свелъ къ одной седмицѣ съ точностію—согласно съ древностію—всѣ раньше указанные сроки, чтобы въ точности воспроизвести всѣ обстоятельства творенія. А мы, вслѣдствіе того, что опредѣленные времена не могутъ всегда съ такою точностію сходиться вѣстѣ, совершая лишь подражаніе истинной пасхѣ, сводимъ къ одному мѣсту опредѣленные времена только настолько, чтобы достигнуть сходства въ предѣлахъ возмож-

ности, оставляя точное установленіе ихъ первообразу—пасхѣ Спасителя. Такъ именно, если Единородный однажды былъ принесенъ въ жертву и этимъ было исчерпано домостроительство, то болѣе уже никакой человѣкъ не приносится въ жертву, но самъ Спаситель, претерпѣвшій страданіе, для подражанія собственной жертвѣ, даетъ хлѣбъ и чашу, обозначая ихъ неизреченными названіями—одно собственнымъ тѣломъ, другое—кровью, и повелѣвая совершать пасху въ этихъ образахъ.

4. Согласно съ этимъ подражаніемъ, мы и времена соединяемъ подражательно, насколько можемъ, приурочивая и равноденствіе, и четырнадцатый день луны и трехдневье къ одному мѣсту, — четырнадцатый день по необходимости, какъ учить древній обычай, включая въ одну седмицу съ тѣми тремя днями, а равноденствіе полагая около времени пасхи, когда случится. Спаситель, совершивъ пасху въ собственномъ смыслѣ, отвратилъ отъ насъ одолевавшее насъ зло, демоновъ, идолослуженіе и всякую скверну, и сдѣлалъ нашу природу свободной для новаго воспріятія блаженства. Такъ какъ въ это именно время, предъ самымъ страданіемъ, Онъ заповѣдалъ, чтобы мы, въ воспоминаніе о Немъ, употребляли данные Имъ символы, сказавъ: *сѣ творите въ Моё воспоминаніе* (Лук. ххп, 19), то, естественно, мы каждый годъ и совершаемъ пасху, вспоминая всѣ эти событія, слѣдовавшія за равноденствіемъ; при всеобщей радости и въ подражаніе Спасителю, мы совершаемъ пасху во спасеніе всѣхъ насъ, для отвращенія належавшихъ золъ и полученія небесныхъ щедротъ. По этой причинѣ мы и устраняемъ отъ себя ошибки еретиковъ и іудеевъ, принимая всегда для празднованія пасхи равноденствіе, отыскивая четырнадцатый день послѣ него и отсюда отсчитывая пятницу, субботу и день Господень, названный по имени Господа, какъ не разъ было сказано,—точно такъ, какъ и самъ Господь соблюлъ всѣ эти сроки, когда хотѣлъ раскрыть загадку, какою являлся ветхозавѣтный агнецъ, закалавшійся въ установленное закономъ время. Смотри, братъ, какъ необходимо было дѣло это для обнаруженія истины. Моисей повелѣлъ въ первый мѣсяцъ, въ четырнадцатый день луны, закалывать агнца, въ которомъ пророки видѣли образъ Спасителя, почему даже сравнивали его съ самимъ Спасителемъ и говорили: *яко овца на закланіе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безлассенъ. Язвою его мы исцѣлѣхомъ* (Ис. лш, 7 и 5); и Предтеча Іоаннъ поэтому, увидѣвъ Его, возгласилъ: *се Агнецъ Божій, азъ емъ отъ мира* (Іоан. i, 29). И вотъ, такъ какъ было естественно, что образъ потерялъ свою силу, когда пришла сама очевидная Истина, то Христосъ не другого какого-нибудь срока искать, какъ времени закланія агнца, чтобы показать замѣну его другимъ. Поэтому Онъ соединяетъ всѣ времена, и четырнадцатый день совпадаетъ съ пятницей; и какъ законъ повелѣвалъ закалывать агнца къ вечеру среди сумерокъ, такъ и Спаситель наблюдаетъ день и время закланія: день—пятницу,

въ которую созданъ былъ человѣкъ, а часть — девятый: около самаго девятаго часа Онъ испустилъ духъ на крестѣ. Начало вечера полагается обыкновенно послѣ шести въ седьмомъ часу; время же «среди сумерокъ» (середина вечера), если считать отъ начала седьмого часа, приходится какъ разъ на половину девятаго, когда по указаніямъ еврейскихъ ученыхъ закалывался въ жертву агнецъ. И вотъ въ этотъ самый часъ закланія агнца въ пятницу Спаситель, испустивъ духъ, раскрылъ смыслъ загадки и по соотвѣтствію времени сдѣлалъ несомнѣннымъ возглавленіе. И эта замѣна загадки (дѣйствительностью) была столь неизбѣжной, что даже въ виду близости праздника пасхи и при всемъ своемъ уваженіи къ нему, іудеи не могли отсрочить своего преступнаго дѣла, что другіе, конечно, сдѣлали бы; но разъ добровольно рѣшившись на убійство, они добились и приговора, согласнаго съ ихъ желаніемъ, даже и не подозревая, что тѣмъ яснѣе откроется эта замѣна (агнца). Открывается, далѣе, для тебя, и причина полнолунія во время страданія въ томъ, что, такъ какъ солнце, во время совершенія такого тяжкаго грѣха противъ Спасителя, должно было померкнуть съ шестого часа до девятаго и поворотить назадъ лучи свои, какъ будто глаза, чтобы не видѣть столь великаго преступленія,—то страданію и назначено было совершиться при полнолуніи, чтобы затменіе солнца не показалось эллинамъ происшедшимъ вслѣдствіе прохожденія луны, но чтобы необходимо было признать причину его въ Пострадавшемъ, такъ какъ сама луна разошлась съ солнцемъ въ противоположныя стороны. Случилась же тьма по свидѣтельству евангелій съ шестого часа во время страданія Спасителя. Предвидя это, Амосъ восклицалъ: *будетъ въ той день, малолетъ Господь Богъ, зайдетъ солнце въ полудне, и померкнетъ въ день сѣтъ* (Амос. viii, 9). И такъ какъ день тотъ долженъ 758 былъ раздѣлиться на свѣтъ и тьму, то другой пророкъ, Захарія, говорить: *и будетъ, въ день онъ не будетъ сѣтъ, и день той знаемъ Господомъ, и не день, и не ночь, и при вечерѣ будетъ сѣтъ* (Захар. xiv, 6, 7). Чередованіемъ тьмы и свѣта (Богъ) дѣлаетъ весь этотъ день двусмысленнымъ. И какъ пророкъ восклицалъ, что солнце помрачится въ полдень, а нѣкоторые склонны между тѣмъ къ недовѣрію, дѣйствительно ли это произошло ради страданій Спасителя, или же нѣтъ,—ты уже своими глазами только что созерцалъ великое знаменіе для того, чтобы, видя возстановленіе послѣ знаменія прежняго порядка, разрѣшить себѣ искомый вопросъ. Итакъ, оправдались ли эти слова Господа чрезъ пророка послѣдующими событіями? Обличающій іудеевъ Амосъ, указывая на страданіе возлюбленнаго божественнаго Спасителя и противопоставляя ему беззаконіе ихъ, говоритъ: *зайдетъ солнце въ полудне, и померкнетъ въ день сѣтъ; и превращу праздники ваша въ жалость, и вся плѣси ваша въ плачъ, и возложу на всякъ хребетъ вѣтвище, и на всяку главу плѣтъ, и положу ея яко жалость любимого, и сущія съ*

мимъ яко день болѣзни (Амос. viii, 9, 10). Онъ указалъ знаменіе, что солнце зайдетъ въ полдень, дѣла превратятся въ страданіе, пѣсни въ плачь; и все это, сказалъ, Богъ сдѣлаетъ ради Возлюбленнаго Своего. Такова будетъ, говорить, печаль, такова необходимость наказанія, какая именно потребуется соотвѣтствіемъ съ достоинствомъ уничиженнаго Возлюбленнаго. Смотри теперь, развѣ не оттого, что пострадалъ Спаситель, преслѣдуютъ ихъ бѣдствія, развѣ не оттого праздники ихъ превращаются въ печаль, пѣсни ихъ въ плачь, солнце не заходитъ въ полдень? Если ты признаешь великое чудо въ томъ, что Христосъ былъ распятъ на крестѣ во время именно праздника пасхи, то вмѣстѣ съ тѣмъ увидишь, что по возмездію за это праздники ихъ превратились въ плачь, когда напали римляне, и всѣ іудеи обѣжались въ Іерусалимъ, какъ бы въ какую общую для всѣхъ западню, и когда во время самыхъ празднованій, какъ свидѣлствуетъ исторія, они были истреблены огнемъ и мечомъ при безпомощныхъ вопляхъ, такъ что, когда столь великія бѣдствія поразили ихъ самихъ, ясно послѣдовало превращеніе празднованій въ печаль и пѣсней въ плачь, столь же ясно, какъ ясно то,—бывшее на глазахъ,—что солнце зашло въ полдень. Это именно показываетъ все сказанное. На протяженіи двухъ лѣтъ война держала іудеевъ въ печали и довела бѣдствіе всей Іудеи даже до нынѣшняго времени. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ храмъ? Гдѣ священство? Гдѣ царская власть? Гдѣ ихъ сѣдалище? Гдѣ городъ закона? Все прошло, все угасло, все уничтожено до основанія: когда зашло солнце, все превратилось въ печаль. И вотъ, такъ какъ это произошло ради великихъ таинствъ во время страданія Спасителя, поэтому и мы въ каждый праздникъ пасхи, стараясь возобновить значеніе таинства, соединяемъ, насколько можемъ, опредѣленные времена и беремъ четырнадцатый день не только по нѣкоторымъ основаніямъ, какъ указаннымъ, такъ и не указаннымъ, но еще и потому, что солнце зашло въ полдень; пусть ясно будетъ, что тьма была не естественнымъ явленіемъ, согласно съ греческой наукой, но дѣломъ возмездія, какъ не разъ было сказано, потому что она случилась не во время прохожденія луны, но когда луна вошла на сторонѣ прямо противоположной той, гдѣ находилось солнце, и когда, какъ кто-нибудь сказалъ бы, она двигалась такъ, чтобы четырнадцатый день сдѣлался для всѣхъ вѣчнымъ знакомъ случившагося чуда.

5. По вышеуказаннымъ причинамъ мы беремъ также пятницу, субботу и день Господень и, завершая все разсмотрѣніе таинства, по соединенію опредѣленныхъ временъ, устрояемся и отъ неразумія іудеевъ, и отъ безумія несогласныхъ съ ними въ этомъ еретиковъ и представляемъ въ полномъ и нетронутомъ видѣ всю особенность востановленія (возглавленія) всего въ священный праздникъ пасхи. И какъ Христосъ пострадалъ при полномъ сочетаніи всѣхъ этихъ признаковъ

время, такъ и мы должны совершать пасху при такихъ же самыхъ, насколько возможно, условіяхъ; а если чего-нибудь изъ нихъ не доставало бы, то и подражаніе оказалось бы хромающимъ. Такъ какъ о всемъ этомъ ты уже достаточно слышалъ, то необходимо напоследокъ сказать и о томъ, какимъ образомъ теперь дѣлается опредѣленіе времени пасхи, какъ я и обѣщалъ въ началѣ. Мы сказали, братъ, что для времени страданія слѣдуетъ вмѣстѣ брать и весеннее равноденствіе, и четырнадцатый день луны, но не раньше равноденствія, и (пятницу) и субботу и день Господень. И вотъ, если когда-нибудь случится 754
четырнадцатый день луны прежде равноденствія, мы оставляемъ его, а ищемъ другой, который долженъ быть послѣ равноденствія, и тогда случается вставочный мѣсяцъ до появленія четырнадцатаго дня послѣ равноденствія. Какъ разъ нынѣ, братъ, въ эту предстоящую предъ нами пасху четырнадцатый день падаетъ на время дня за два до равноденствія и становится недействительнымъ; поэтому мы ждемъ окончанія луннаго мѣсяца и беремъ слѣдующій четырнадцатый день, чтобы въ немъ совершить мѣсяцъ Спасителя. Итакъ, нынѣ мы пользуемся вставочнымъ мѣсяцемъ. И какъ мы видѣли, что, если четырнадцатый день луны случается прежде равноденствія, то мы пользуемся не этимъ днемъ, а соотвѣтствующимъ ему послѣ равноденствія, такъ въ свою очередь, если четырнадцатый день луны встрѣчается съ днемъ Господнимъ, то мы не празднуемъ этотъ день Господень, какъ день воскресенія, а беремъ слѣдующій день Господень, потому что четырнадцатый день есть день страданія, — въ этотъ день, совпавшій съ пятницею, пострадалъ Христосъ. И какъ пятница у насъ не можетъ быть днемъ воскресенія, такъ все равно и совпадающій съ нею четырнадцатый день. Восресенію долженъ соотвѣтствовать день Господень и не относиться ко дню страданія. Поэтому, если съ этимъ днемъ совпадаетъ четырнадцатое число, относящееся ко дню страданія, то, оставивъ его, мы останавливаемся на слѣдующемъ днѣ свободномъ отъ (воспоминанія) страданія. И когда намъ предстоитъ воспоминаніе страданія и воскресенія Господа, мы, какъ сдѣлалъ и Владыка, всегда соблюдаемъ Господень день, какъ соотвѣтствующій дню воскресенія и свободный отъ (воспоминанія) страданія, относя воспоминаніе страданія къ днямъ предшествующимъ этому. Такъ какъ ты это понялъ, обрати вниманіе далѣе на то, что я говорю. За два дня до равноденствія, какъ я сказалъ, падаетъ нынѣ четырнадцатый день луны; по необходимости мы должны этотъ день оставить, и остановиться на слѣдующемъ послѣ равноденствія. Но этотъ четырнадцатый день опять сходится съ двадцать шестымъ днемъ седьмого мѣсяца и совпадаетъ притомъ съ днемъ Господнимъ. Такъ какъ, слѣдовательно, четырнадцатый день опять сходится съ днемъ Господнимъ, то мы переносимъ празднованіе воскресенія на слѣдующій день Господень, свободный отъ числа (воспоминанія) стра-

данія, и, прибавляя недѣлю къ двадцать шестому числу седьмого мѣсяца, празднуемъ воскресный день во второе число восьмого мѣсяца. Таково основаніе для опредѣленія времени пасхи. Если кто захотѣлъ бы возражать относительно двадцать шестого дня этого седьмого мѣсяца и сказать, что теперь день Господень совпадаетъ съ четырнадцатымъ днемъ луннаго мѣсяца, тотъ пусть отправится, если желаетъ, рассмотреть противоположное, взявъ эллинскихъ ученыхъ во свидѣтели того, что четырнадцатый день обнимаетъ и весь день Господень и эту и слѣдующую ночь почти вплоть до слѣдующаго второго дня. И пусть никто не говоритъ, что никогда не опредѣлялась такимъ образомъ пасха. Мы имѣемъ много свидѣтелей, помнящихъ это. Затѣмъ, то, что не вѣрно, никогда не можетъ соответствовать знанію, а умъ всегда ищетъ знанія; часто дѣло совершается быстро, иногда еще быстрее, и опять медленнѣе, однакожь ни одинъ разумный человѣкъ не будетъ долго останавливаться на этой неравномѣрности времени, но будетъ искать соответствія въ значеніи. Сколько разъ, ты думаешь, въ прежнія времена повторялось это „никогда этого не бываетъ“, и все-таки наука не потеряла силъ? Въ чемъ же тутъ разница? Противники признаютъ, что пасха случается часто въ двадцать девятый день седьмого мѣсяца. Значить, тутъ дѣло идетъ о трехъ или четырехъ дняхъ, которые не рѣшаются предоставить этому знанію. Итакъ, гдѣ наконецъ это неожиданное затрудненіе опредѣленія? Они удивляются тому, что пасха празднуется слишкомъ несогласно по соответствію со временемъ; но для понимающихъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ты видѣлъ, братъ, стихи поэтическія или трагическія? Одни кратки, другіе еще короче, а иные, напротивъ, растянуты. Несвѣдущіе въ этомъ положительно удивляются, что они такъ просто расположены; но конечно художникъ, знающій законъ соразмѣрности, искусно достигаетъ правильности, хотя бы по внѣшности произведеніе и казалось неравномѣрнымъ. Теперь безъ сомнѣнія, братъ, день воскресный будетъ во второе число восьмого мѣсяца, въ слѣдующемъ году въ семнадцатый день седьмого мѣсяца, и еще въ слѣдующій въ девятый день седьмого мѣсяца, и затѣмъ въ третій годъ въ двадцать девятый день этого мѣсяца приходится воскресный день; и никто не терпитъ отъ этого ни вреда, ни печали, но все цѣнятъ соответствіе искусства и радуются успѣху науки. Одно иныя только должно наблюдать, чтобы четырнадцатый день луны не брать раньше весенняго равноденствія и чтобы день Господень, назначаемый для воспоминанія воскресенія, не соединять съ четырнадцатымъ днемъ луны, вслѣдствіе чего и являются затрудненія для тѣхъ, кто не можетъ произвести основательное сужденіе. Необходимо, чтобы четырнадцатый день приходился на недѣлю ранѣе опредѣленнаго воскреснаго дня. Если онъ упадетъ среди недѣли, тогда опредѣлить удобно; если же онъ совпадетъ съ днемъ Господнимъ, въ этомъ случаѣ нужна тщательная пре-

дусмотрительность, потому что тѣ, которые не производятъ точнаго изслѣдованія, могутъ пятнадцатый день луннаго мѣсяца принять за четырнадцатый; это самое и нынѣ случилось. Итакъ, на этомъ мы должны сильно настаивать и объяснять, что и теперь опредѣленіе времени дѣлается правильно. Это мы должны знать; и передъ слѣдующей недѣлей пусть у каждаго будетъ твердое мнѣніе объ этомъ предметѣ, и всѣ должны знать, что это изъ семи недѣль первая, въ которую требуется поститься. Мы же при этомъ исполнили обѣщаніе, если только удержится въ памяти смыслъ всего сказаннаго. Дай же Богъ, чтобы сохранились въ сердцахъ вашихъ всѣ тайны, и вы сами—во Христѣ, съ Которымъ возносится слава Богу и Отцу со Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На соборъ архангеловъ.

Прославлять ангеловъ—нашъ долгъ. Они, воспѣвая Творца, обнаруживаютъ милость Его и благорасположеніе къ людямъ. Я говорю объ ангелахъ, о нашихъ союзникахъ, ведущихъ войну противъ враждебныхъ намъ силъ,—объ ангелахъ, одинъ изъ которыхъ есть архангелъ Михаилъ, состязавшійся съ діаволомъ изъ-за тѣла Моисея и воевавшій противъ вождя персовъ за свободу народа (Дан. х, 13). Изъ числа ихъ и тотъ, который обратилъ назадъ ослицу и удержалъ Валаама отъ страннаго безумія, и когда пророкъ этотъ не понималъ совершавшагося, голосъ безсловеснаго образумилъ одареннаго словомъ (Числ. ххп, 27). Изъ числа ихъ и тотъ, который обнажилъ мечъ и побудилъ Іисуса Навина сразиться съ неприятелями. Изъ нихъ также и тотъ, который въ одну ночь поразилъ сто восемьдесятъ пять тысячъ ассиріянъ и усыпилъ варваровъ безпробуднымъ сномъ смерти (4 Цар. хіх, 35). Изъ нихъ же и тотъ, который перенесъ по воздуху пророка Аввакума, чтобы накормить пищей пророка Даниила среди голодныхъ львовъ (Дан. хіу, 35). Эти вотъ и имъ подобные стоятъ противъ враговъ и имѣютъ силу также и противъ страданій. Таковъ былъ дивный и божественный Рафаилъ, внутренностями одной рыбы освободившій дѣвницу изъ-подъ власти демона и искусно возвратившій зрѣніе слѣпому старику (Тов. х, 1). Нельзя умолчать и о тѣхъ, которые служили въ новомъ заветѣ; изъ нихъ по большей части является архангелъ Гавриилъ, открывшій предсказаніе Захаріи и наказавшій его за недовѣрчивость нѣмотою, такъ какъ онъ не повѣрилъ тому, что безплодная зачнетъ ради будущаго домостроительства; онъ возвѣстилъ святой Маріи безмужное рожденіе, онъ указалъ пастырямъ путь къ пещерѣ и показалъ

Необъятнаго въ ясляхъ, Неописуемаго въ пеленахъ, возсылая съ нини благозвучную пѣснь прославленія: *слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ челоуѣчествѣ благоволеніе* (Лук. п, 14). Другой ангелъ удерживаетъ волхвовъ отъ возвращенія къ Ироду; нѣкоторые служили на землѣ Творцу при твореніи ея; иной увѣщаетъ обручника Дѣвы не отпускать, будто растлѣнную, ту, которая была непорочна; иной внушаетъ ему возвратиться послѣ бѣгства отъ избіенія Иродомъ младенцевъ; хотя и во плоти видѣли Несозданнаго, но по примѣру рабовъ служили Ему. Изумились они силѣ Его, вслѣдствіе которой искуситель былъ пораженъ, и сообразно свидѣтельству Давида, поднявъ Его на рукахъ, носили такъ, чтобы не удариться о камни (Пс. хс, 12), потому что *взяша, сказано, іудеи камми, да вернутъ намъ* (Іоан. viи, 59). Нѣкоторые стекались къ страданію; другіе, сидя въ новомъ гробѣ послѣ воскресенія, говорили върующимъ женщинамъ: *что ищите живаго съ мертвыми* (Лук. xxiv, 5)? Послѣ же вознесенія въ качествѣ тѣлохранителей сопровождали учениковъ, освобождая Петра отъ оковъ, облегчая для Павла опасности на сушѣ и на морѣ, помогая вѣрѣ Корнилія, поражая хвастливаго Ирода, губителя праведныхъ. Не величайшаго ли почета достойны тѣ, которые и нашею жизнью управляютъ? Вѣдь ангелы поставлены не только охранять народы, какъ гласитъ изреченіе: *егда раздѣлише Вышній языкъ, яко разсѣя сими Адамомъ, постави предѣлы языковъ по числу ангелъ Божіихъ* (Второз. xxxii, 8), но и каждому изъ людей назначенъ ангелъ. Не моя это рѣчь, но Св. Писанія. Именно, когда дѣвица Рода возвѣстила апостоламъ, что Петръ, который ушелъ изъ темницы Ирода, стоитъ у дверей, тѣ, не вѣря, говорили: *ангелъ его есть* (Дѣян. xii, 15). И Спаситель также свидѣтельствуешь объ этомъ, говоря о малыхъ въ этой жизни: *блюдите, да не презрите единого малыя сего: глаголю бо вамъ, яко ангелъ ихъ на небесахъ выну видѣтъ лице Отца моего небеснаго* (Мѣ. xviii, 10). На каждую церковь назначилъ Христосъ ангеловъ хранителей, какъ, открывая Іоанну, говоритъ: *ангелу церкви смирискія скажи: елика твоя скорбь и нищета, но богатъ еси* (Апок. ii, 8, 9). Что говоришь Ты, Владыко? Богатъ я бѣдный? Зачѣмъ Ты обогащаешь меня пустынь именемъ? Если я богатъ, то не бѣдѣю, а если бѣденъ, то какъ же я богатъ? Вѣдь большая разниа между богатствомъ и бѣдностью, какъ и самъ Ты свидѣствуешь, опредѣлявъ великую пропасть между богатыми и бѣдными. Богатъ отворачивается отъ бѣдняка, и бѣдникъ смотритъ украдкой на богача. Дѣла противоположны, жизнь неодинакова. Одинъ стонетъ отъ страданій, другой хохочетъ отъ удовольствій. Этотъ съ выпрашиваніемъ достаетъ хлѣба, а тотъ страдаетъ прожорливостію. Этотъ не пьетъ и небольшой чаши вина, а тотъ отъ сильнаго опьяненія изрыгаетъ его вонъ. Одинъ одѣвается въ лохмотья, а другой наряжается въ разнообразныя одежды. Одинъ валяется на землѣ и не

спить, а другой, находясь на ложѣ, храпитъ, мечтая во снѣ о роскоши. Тотъ проситъ какую-нибудь монетку, а тотъ осыпается золотомъ. Тотъ, кто копить, а не раздаетъ, похожъ на бѣдняка, ожидающаго богатой могилы. И неодинаково они относятся и къ временамъ года. Бѣдняку, лишенному тепла, зима тяжела, а для богача, не переносящаго жары отъ пресыщенія, лѣто вредно. Итакъ, какимъ образомъ бѣднякъ въ то же время и богачъ? Справедливо однако это слово и справедливъ Тотъ, Кто говоритъ. Бѣдняки бѣдны отъ недостатка денегъ, но богаты сокровищами вѣры. Лучше быть бѣднымъ въ дѣлахъ житейскихъ, но за то богатымъ въ дѣлахъ духовныхъ, потому что конецъ тѣхъ есть тлѣніе, а этихъ—польза неотъемлемая. Поэтому говоритъ Сынъ: *не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ* (Мф. vi, 19),—приглашая насъ собирать сокровища небесныя, кормить бѣдныхъ, призывать немощныхъ, защищать беззащитныхъ, прощать не имѣющихъ средствъ должникамъ, и ожидать награды отъ Бога, потому что *милуй нищія, взаимъ дастъ Богу* (Притч. xix, 17). Видя это, ангелы докладываютъ Судѣ всѣхъ, а Онъ повелѣваетъ имъ говорить всякому дѣлающему добро: *молитвы твои и милостыни твои взыдоша на память о тебѣ предъ Богомъ* (Дѣян. x, 4). Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О покаяніи, и объ Иродѣ и Іоаннѣ Крестителѣ.

1. Давайте подумаемъ, вмѣсто вашихъ рукоплесканій, о томъ, что вамъ полезно, и, напомнивъ немного собранію кое о чемъ относительно нравственнаго образа жизни, побесѣдуемъ съ вами о томъ, за что проповѣдникъ награждается самыми незначительными рукоплесканіями, но послѣ чего у слушателей рождается сильное желаніе достигнуть спасенія души. Хороша и подходяща для набожныхъ душъ рѣчь о вѣрѣ; и когда мы видимъ ревность вашу, пробуждающуюся во время выслушанія слова о вѣрѣ, мы ясно понимаемъ любовь вашей души къ своему Владыкѣ. Какъ худой рабъ порицаетъ господина, такъ благоразумный слуга радуется, когда господина всѣ хвалятъ; поэтому желаніе похвалы для господина есть доказательство благорасположенія слуги. Хорошо бываетъ мыть сосудъ души, чтобы, очистивъ его нравоученіемъ, подготовить къ воспріятію мѣра (благовонія) богословія, потому что *злосудожну душу не увидитъ премудрость* (Прем. Сол. i, 4). Намъ предстоитъ коснуться въ настоящей бесѣдѣ вопроса о жизни съ той какъ разъ стороны, которая требуетъ весьма тщательной осмотрительности.

Именно, если я буду очень обнадеживать васъ покаяніемъ, то должно опасаться, чтобы кто-нибудь въ расчетѣ на будущее покаяніе не ослабѣлъ и не сдѣлался безпечнѣе въ жизни. Съ другой стороны, если я буду замалчивать надежду на покаяніе, то опасюсь, какъ бы кто не оступилъ духовно и не предался тѣлеснымъ страстямъ. Однакоже, какъ безпечность, когда душа расслабляется отъ удовольствій, такъ и потеря надежды на покаяніе располагають къ извѣженной жизни. Поэтому рѣчь должна быть раздѣлена на двѣ части, — одну для здоровыхъ, а другую для слабыхъ. *Милійся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. х, 12). Кто началъ падать, пусть предупредитъ паденіе покаяніемъ; если кто подвергся опасности паденія, пусть не падаетъ; если кто и послѣ предохраненія упалъ, пусть не теряетъ надежды на чело-вѣколюбіе Того, Кто возстановляетъ падшихъ. Случается иногда испыты-вать незначительное колебаніе: *моя въ малѣ не подожжастся нозѣ* (Псал. lxxii, 2). Бываетъ, что тотъ, кто уже поколебался, получаетъ помощь отъ Господа: *еще млаодахъ: подожжесе нога моя, милость твоа Господи помогаше ми* (Псал. xciii, 18). Случается даже такъ, что и того, кто не только колебался, но уже падалъ и подвергался опасности, прежде чѣмъ совсѣмъ опуститься, Богъ не отвергаетъ: *отриновекъ превратихся пастыи, и Господь пріятъ мя* (Псал. cxvii, 13). А тотъ, кто палъ, неужели погибъ совершенно? Никогда. И для него есть утѣшеніе: *егда, сказано, падетъ, не разбѣется*. Почему же такъ? *Яко Господь подкрѣпляетъ руку ея* (Псал. xxxvi, 24). Случается еще такъ, что чело-вѣкъ падаетъ легко, но дальше по пути паденія не идетъ. Да и тѣ, которые пали глубоко, развѣ они совсѣмъ погибли? И здѣсь мы ви-димъ тоже милосердіе Господне: *утверждаетъ Господь вся низпадающыя, и возставляетъ вся низверженныя* (Псал. cxlv, 14). Псалмы, прекрасно доказывая это, мнѣ кажется, не приводятъ насъ къ отчаянію въ по-каяніи, потому что о Богѣ они говорятъ такъ: *Богъ судитель прав-денъ* (Псал. vii, 12). Не пренебрегай этимъ изреченіемъ: справедливость

768 каждому воздастъ по заслугамъ. Сначала выслушай, что значитъ быть справедливымъ, и приготовься къ защитѣ; часто вѣдь является такое предположеніе: если Богъ справедливъ, то почему Онъ не тотчасъ воз-дастъ грѣшникамъ? Такой-то несправедливъ, и процвѣтаетъ; какой-нибудь грабитъ, и богатѣетъ; иной — наглець, и господствуетъ: какъ же это согласуется съ правдой Божіей? Если Богъ справедливъ, почему Онъ не тотчасъ посылаетъ наказаніе грѣшникамъ? Неужели Онъ спра-ведливъ, но не имѣетъ силы тотчасъ воздать наказаніе грѣшникамъ? Вѣдь бываетъ иногда, что судья справедливо судить, но не можетъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе. И такъ, неужели наказаніе отстро-чивается вслѣдствіе безсилія? Да не будетъ этого! Потому-то и пророкъ тотчасъ прибавляетъ: *Богъ судитель праведенъ и крѣпокъ*. Какъ спра-ведливый, Онъ знаетъ, что справедливо, а какъ крѣпкій, Онъ можетъ

привести въ исполненіе то, что думаетъ. Но гдѣ же причина отсрочки грѣховъ? Для чего эта отсрочка наказанія? Какъ справедливый, Онъ знаетъ согрѣшающаго; какъ крѣпкій, Онъ имѣетъ силу довести рѣшеніе до конца. Итакъ, какая же причина медлительности? *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ и долготерпимъ*. Въ объясненіе же того, что значить—*долготерпимъ*, псаломъ продолжаетъ: *и не имѣя наводни на всякъ день, или при незначительной перестановкѣ словъ: и не на всякъ день имѣя наводни*, чтобы ты зналъ, что, медля съ наказаніемъ, Онъ ожидаетъ твоего раскаянія. *Аще не обратитесь, сказано, оружіе свое очиститъ. Аще не обратитесь* (ст. 13). Поэтому, если обратимся, не тотчасъ испытаемъ ударъ. Хочешь видѣть крайнее Его человеколюбіе? *Оружіе свое очиститъ*. Не сказалъ, что воспользуется остріемъ меча, но *очиститъ*, для того, чтобы ты, видя блескъ меча, своимъ раскаяніемъ предупредилъ ударъ его. Блескомъ устрашаетъ, но не посылаетъ. Пусть дѣйствуетъ сначала страхъ, твое раскаяніе пусть предотвратитъ ударъ. И чтобы тебѣ была вполнѣ ясна цѣль Судии: *лука свой напряже, и уютова и: и въ немъ уютова сосуды смертныя*. Развѣ этотъ образъ не можетъ устрашить? Развѣ эти слова не говорятъ о Божественномъ? *Лука свой напряже, и уютова и: и въ немъ уютова сосуды смертныя, стрѣлы своя стараемымъ содѣла* (ст. 14). Здѣсь какъ будто какой художникъ представилъ предъ взоромъ Судью. Представь себѣ, что лука у меня натянуть, руки наготовѣ: одна отталкиваетъ отъ себя лука впередъ, а другая натянула тетиву, стрѣла удерживается концами пальцевъ Судьи. Лука натянуть, стрѣла положена, Судья наготовѣ. Не пренебрегай лукомъ: онъ натянутъ; но и не теряй надежды на раскаяніе: стрѣла еще не пущена. Не разслабляй себя избыткомъ долготерпѣнія и не имѣй намѣренія навсегда отдаться удовольствіямъ. Не говори: пока еще понаслаждаюсь любовью, пока пользуюсь молодостью, немного спустя придетъ время покаянія, завтра покаюсь, во время старости буду беречь жизнь. Тщетны подобнаго рода разсужденія, дурны рѣшенія твоей воли, плохимъ совѣтникомъ 759 служить для тебя твоя похоть. Ты говоришь: сегодня согрѣшу, а завтра покаюсь. Хозяинъ ли ты завтрашняго дня? Кто тебѣ поручится за завтрашній день? Если ты выкинешь, какъ слѣдуетъ, то окажется, что и сегодняшнимъ днемъ ты вполнѣ располагать не можешь: одна часть сегодняшняго дня прошла, а другая вѣдь еще впереди; та уже не твоя, а эта пока еще не твоя. Ты говоришь: сегодня я воспользуюсь удовольствіемъ, а завтра покаюсь. То, что въ твоихъ рукахъ, ты отдаешь удовольствію; а то, что не твое, покаянію? Воспользуйся лучше моимъ совѣтомъ: сегодняшній день отдай покаянію, а грѣху не оставляй даже и завтрашняго. Какъ хорошо, что божественное Писаніе всѣми способами отвлекаетъ насъ отъ грѣха: *днесь, говорить, аще маетъ ея услышите, не ожесточите сердцеъ вашихъ, яко въ противаніи* (Псал. хлгв, 8),

и: *утѣшайте себе, дондеже днесь нарицается* (Евр. ш, 13). Тутъ часто строятъ свои козни діаволѣ. Когда онъ замѣчаетъ, что душа начинаетъ чувствовать грѣхи и думать о послѣдствіяхъ наказанія, то наводитъ такого рода мысли: я еще очень молодъ, придетъ время для раскаянія, а нынѣ я пока воспользуюсь тѣмъ, что есть, пока еще повладѣю предметомъ спора; отъ этого-то я какъ-нибудь защищусь, но покончу сначала съ наслажденіемъ и удовольствіемъ, а потомъ успѣю покаяться. Приходитъ опять завтрашній день и онъ опять совершенно опутываетъ тебя этими же самыми дьявольскими разсужденіями: опять указываетъ на будущее, а отъ настоящаго отвлекаетъ; и такъ каждый день,—сегодня удерживая тебя въ удовольствіяхъ, а надежды на раскаяніе относя на завтра, онъ заставляетъ тебя безъ пользы тратить свою жизнь день за днемъ на служеніе грѣху.

2. Но ты вооружись противъ удовольствія, послушай Господа вызывающаго: *сегодня буди утѣцавшаяся съ соперникомъ твоимъ, дондеже еси на пути съ нимъ* (Мѣ. v, 25). Это касается всѣхъ, а особенно же тѣхъ, кто любитъ вѣшиваться въ чужія дѣла; для нихъ это прямой урокъ, чтобы они не отдавались съ такою настойчивостію судебнымъ тяжбамъ. Въ самомъ дѣлѣ, и въ тяжбахъ лучше предупредить ненавѣстное рѣшеніе суда мирнымъ соглашеніемъ, чѣмъ надеждой на побѣду вовлекать стороны въ пучину неизвѣстности. Ты увѣренъ въ своихъ документахъ, надѣешься на благоприятный исходъ, защитникъ, протягивая руку за взыткой, обѣщаетъ побѣду, чтобы заключить условіе о платѣ за услугу. Иногда даже и судья, уже подкупленный, напередъ открываетъ тебѣ рѣшеніе суда. Ты успокаиваешься на нетвердой надеждѣ, потому что, если ты, впередъ обратившись, подкупилъ судью, ты открылъ дверь и для другихъ взятокъ; подумай, вѣдь о томъ же самомъ заботится и твой противникъ; и часто, когда судебныя дѣла твои все равно какъ будто шмыли при ясной и спокойной погодѣ, тебя незамѣтно начинаютъ убѣждать опустить паруса. Развѣ ты никогда не видѣлъ, чтобы море было спокойно у морского берега и волновалось въ глубинѣ? Сколько отправившихся въ ясную и тихую погоду, доплывъ до середины моря, потерпѣло кораблекрушеніе вслѣдствіе неожиданныхъ бурь и волненій! Такъ бываетъ и съ судомъ. Иногда начало предвѣщаетъ надежду, а конецъ приводитъ къ исходу противоположному. Поэтому хорошо бы, какъ я сказалъ, предупреждать денежные тяжбы дружескимъ соглашеніемъ, для того, чтобы кромѣ окончанія тяжбы приобрести себѣ и друга; не хорошо не только собирать обвиненія, но и начинать ихъ; въ этомъ случаѣ пощада лучше гнѣва. Однако, мнѣ думается, здѣсь рѣчь идетъ не объ однихъ только деньгахъ. *Буди,—сказано,—утѣцавшаяся съ соперникомъ твоимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ.* Это прибавленіе даетъ мнѣ поводъ видѣть здѣсь нѣчто большее. Если бы рѣчь касалась только денежныхъ дѣлъ, или пустыхъ

обвиненій, зачѣмъ прибавлено еще: *дондеже еси на пути съ нимъ*. Какой соперникъ пойдетъ въ пути вмѣстѣ съ своимъ соперникомъ? Кто во время путешествія сообщается съ тѣмъ, съ кѣмъ не соглашается въ инѣніяхъ? Развѣ онъ не побоятся, что тотъ утащитъ письменные документы, подговоритъ свидѣтелей, устроитъ нападеніе на большой дорогѣ? Итакъ, очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ противникомъ, который намъ всегда сопутствуетъ, сообщества котораго, не смотря на всѣ предосторожности, мы набѣжать не можемъ, и притомъ такимъ противникомъ, къ которому мы сверхъ того относимся съ благорасположеніемъ. Итакъ, кто же этотъ дѣйствительный противникъ? Если поищешь тщательно—ты найдешь, что это—твое собственное тѣло: оно вѣдь противоборствуетъ твоему духу. А чтобы ты не подумалъ, что это—только мои слова, вотъ и Павелъ подтверждаетъ сказанное: *плоть похотствуетъ на духа, духъ на плоть: сія же другъ другу противятся* (Галат. v, 17). И не манихейское ученіе я предлагаю вамъ, не утверждаю того, что тѣло создано другимъ творцомъ, но говорю, что плоть, имѣя совѣтъ 760
 никомъ удовольствіе, желаетъ того, что противно духу, а духъ, опираясь на надежду на будущее, идетъ противъ плоти. Страсть къ мірскому и стремленіе къ царству небесному противоположны другъ другу. Вотъ онъ противникъ, который, хочешь ли ты, или не хочешь, не отстаетъ отъ тебя въ пути; а путь есть жизнь. Душа ревнуетъ о подражаніи своему образу, плоть же тяготѣетъ къ землѣ; а это противоположно одно другому. Къ этому сопернику твоему будь благосклоненъ. И когда? *Дондеже еси на пути съ нимъ*, пока ты вмѣстѣ съ нимъ въ этой жизни, потому что если путь окончится, потомъ не будетъ времени для покаянія, *яко нѣтъ въ смерти поминаній тебе: во адѣ же кто исповѣтся тебѣ* (Псал. vi, 6)? Итакъ, съ этимъ противникомъ твоимъ обходись благосклонно. Не сказалъ: угождай ему, но: будь благосклоненъ. Не пріятное ты долженъ дѣлать противнику своему, но, будучи благоразумнымъ, призывать его отъ удовольствія къ покаянію. Не приказываетъ, чтобы ты, подобно повару, дѣлалъ все для удовольствія тѣла, но хочетъ, чтобы ты былъ для него врачомъ. Вѣдь врачъ часто и горькое примѣшиваетъ, и рѣжетъ, и прижигаетъ, и, увеличивая тягость, беретъ плату. И хотя онъ причиняетъ больному нѣкоторыя непріятности, но дѣлаетъ это съ цѣлью улучшенія его здоровья. *Да не предастъ тебе соперникъ судіи*,—будущему Судіи. Твой соперникъ—таковъ, что если ты теперь ему станешь угождать, то тогда Судія предастъ тебя слугѣ, — разумѣй, мстительнымъ силамъ,—и ты будешь брошенъ въ тюрьму, во тьму кромѣшнюю. Страшно—это мѣсто: *не изыдеши отъ туду, дондеже воздаси послѣдній кодрантъ*. Если до смерти заплатишь долгъ, освободишься, если же умрешь должникомъ, то отъ тебя потребуютъ безъ остатка даже самый незначительный долгъ. Что значить: *послѣдній кодрантъ*? То, что *помышленіе человеческое исповѣтся тебѣ*,

и останокъ помышленіи празднуешь Ты (Псал. lxxv, 11). Зная это, братія, сопоставьте и сравните, съ одной стороны, удовольствія, съ другой—будущій день суда и рѣшеніе Судьи; вы тотчасъ поймете, насколько горько удовольствіе, какъ только узнаете, насколько горьки его плоды. Хотите ли, мы изъ двухъ описанныхъ въ евангеліяхъ пиршествъ извлечемъ нѣсколько назидательныхъ для собранія уроковъ касательно того, каковъ бываетъ конецъ тѣхъ, кто любитъ удовольствія, и каковъ плодъ для тѣхъ, кто приноситъ покаяніе? И ты не удивляйся тому, что Св. Писаніе нерѣдко описываетъ пиры любящихъ удовольствія: оно описываетъ все, отъ чего ты долженъ оберегаться и чему подражать. Описываетъ оно дѣла предающихся удовольствіямъ для того, чтобы постоянно выставлять ихъ самихъ на позоръ и чтобы ты избѣгалъ подражанія имъ; описываетъ оно и дѣла любящихъ Бога, чтобы ты нашелъ въ нихъ примѣръ для покаянія и, сопоставивъ рядомъ того, кто гонится за удовольствіями, и того, кто любитъ Бога, отъ одного бѣжалъ, а другому подражалъ. Пусть это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и урокомъ для благоразумныхъ, чтобы не слишкомъ услаждать глаза свои общественными зрѣлищами, и не спѣшить на конныя ристалища, и не захватывать еще ночью мѣста въ театрѣ: безумна вѣдь эта жажда непристойныхъ зрѣлищъ. И въ самомъ дѣлѣ, люди не могутъ дожидаться дня, сгорая отъ нетерпѣнія, и еще ночью захватываютъ мѣста тьмы, чтобы непристойными зрѣлищами усладить взоры, или посмотрѣть на схватки борцовъ съ дикими звѣрями. И сила тамъ, нерѣдко зрители—люди выражаютъ больше расположенія къ звѣрямъ, чѣмъ къ подобнымъ себѣ людямъ. Неужели тебѣ не жалко того несчастнаго, который изъ-за куска хлѣба добровольно отдаетъ себя на съѣденіе звѣрямъ и въ угоду ненасытимой страсти насыщаетъ собой утробы звѣрей. Но у него желудокъ ненасытенъ, у тебя же ненасытны глаза. Иной выходитъ шуткомъ, на позоръ себѣ самому производить ужимки, за плату выдаетъ себя съ головой на смѣхъ, не стыдится даже, если его бьютъ публично, самъ подставляетъ щеки подъ удары, а волоса сбрасываетъ бритвой, чтобы ни одинъ волосъ не свидѣтельствовалъ противъ его безстыдства. Иной посвящаетъ себя похотливымъ женскимъ пляскамъ, вопреки природѣ и съ досадой на то, что родился у своихъ родителей не женщиной, и такимъ извращеніемъ природы даже гордится. Чего только не дѣлаютъ люди ради своего чрева и корысти и изъ-за тщеславія позорными дѣлами; о такихъ прилично привести свидѣтельство Павла: *имъ же Богъ чрево, и слава въ стыдъ ихъ* (Филип. ш, 19). Не ходите же туда, не спѣшите дѣлать шаги въ томъ направленіи, да и на своихъ пирахъ не допускайте непристойныхъ увеселеній. Иногда ты говоришь: хорошо, я откажусь отъ театра и даже не взойду на ступеньки: можно повеселиться и пощировать [дома]. Но и тутъ у васъ

что ты отказался отъ театра? Не къ камнямъ вѣдь мы чувствуемъ отвращеніе? Вѣдь не камни театровъ осуждаются, а безобразіе того, что тамъ совершается, негодность неприличныхъ зрѣлищъ, которая чрезъ органы зрѣнія и слуха, какъ чрезъ какія-нибудь окошки, вводитъ вора. Итакъ, когда ты отказался отъ театра и къ столу своему допустилъ безчинства представленій, ты самъ не замѣчаешь того, что домъ свой обратилъ въ театръ. Вѣдь не мѣсто театра я ненавижу, но опасуюсь за нравы собирающихся туда.

3. А чтобы ты зналъ, что и допускаемые на пирахъ непристойныя и пагубныя для души зрѣлища заслуживаютъ осужденія, я напомнимъ тебѣ тотъ пиръ у царя, а вѣрнѣе сказать, у тирана, который описанъ въ книгѣ Евангелій. Обѣдъ былъ у царя, или правильнѣе говоря, у тирана, въ день рожденія Ирода, скверной лисицы, хитраго звѣря, запятнаннаго кровью; зная его характеръ, и Господь не сказалъ: скажите этому льву (хотя этотъ звѣрь и представляется царемъ), но—*рите лису* (Лук. хш, 32),—потому что, хотя онъ имѣлъ силу льва, но по характеру былъ похожъ на лисицу. Когда пиръ начался и всѣ собрались, чтобы выпить вина, является на пиръ танцовщица; постыдное зрѣлище и негодное, жалкое, если бы она даже выступала въ театръ и на сценѣ, не говоря уже о царскомъ пирѣ. Хочешь ты знать, насколько постыдно было зрѣлище на этомъ пиру? Танцовщица изъ царскаго рода, дочь Иродіады: родъ царскій и поведеніе танцовщицы! Это та самая Иродіада, которая не удержала себя въ границахъ природы, которая была въ замужествѣ за Филиппомъ, а жила вмѣстѣ съ Иродомъ. Загадка—то, что я говорю, но конецъ необузданности обыкновенно приводитъ къ разрѣшенію загадокъ. И Иродъ, оставивъ память о братѣ и весь сдѣлавшись рабомъ неводержанія, былъ хотя и царемъ іудеевъ, но больше былъ рабомъ удовольствій. Можетъ быть, такъ и должно было быть: каковы подданные, таковы и правители. Изъ-за этого-то сожителства великій, большій чѣмъ пророкъ, Іоаннъ смѣло облачалъ Ирода въ неводержаніи: поистинѣ онъ даже больше пророка! Вѣдь всякій пророкъ только тогда удостоивался пророческаго дара, когда достигалъ зрѣлаго возраста; а нѣкоторые даже и много позднѣе. Одинъ только Іоаннъ, будучи еще шести мѣсяцевъ въ утробѣ матери и питаясь сообразно съ законами природы, при содѣйствіи Бога, во время пріѣзства матери, выигралъ, несовершенный членами, но совершенный вѣрою. Но, можетъ быть, плодъ во чревѣ матери радостно выигралъ, ускоряя, если возможно, определенное время природы. Онъ увидѣлъ присутствующую мать Владыки, но стѣсняется охраною чрева и радостно играетъ; и такъ какъ онъ еще не могъ говорить и, не имѣя языка, не могъ еще и издавать звука, онъ, воспользовавшись языкомъ матери, пророчествуетъ и говоритъ чрезъ Елизавету. Іоаннъ изъ утробы подсказываетъ матери слова. Итакъ,

не справедливо ли называется онъ большимъ, чѣмъ пророкъ? Есть также и другая причина, почему онъ больше пророка. Пророки предсказывали будущее и сильно желали видѣть то, что они предвидѣли духомъ. Поэтому они взывали: *яви намъ Господи милость твою, и спасеніе твое даждь намъ* (Псал. lxxxiv, 8). Поэтому Господь и сказалъ о нихъ: *мнози пророцы и праведници возжелаша видѣти, яже видите, и слышати, яже слышите, и не видѣша, ниже слышаша* (Мѡ. xш, 17). Итакъ, пророки предсказываютъ будущее, а Іоаннъ прямо указываетъ Того, о Комъ предсказываетъ. Будущее онъ предсказываетъ еще во чревѣ матери, а впоследствии говорятъ уже такъ: *Тотъ, Ему же нѣмъ азъ достоинъ, да отрушу ремень сапогу Ею* (Іоан. i, 27), стоитъ посреди васъ. Какъ уваживаетъ? *Се, Агнецъ Божій, взявшій грѣхи міра* (ст. 29)! И вотъ этотъ пророкъ, и болѣе, чѣмъ пророкъ, не потерпѣлъ постыднаго сожительства, но съ дерзновеніемъ выступилъ на защиту попираемаго цѣломудрія. Этотъ прекрасный рассказъ пусть каждого изъ насъ вразумитъ, что даже при отсутствіи явныхъ гоненій, дверь мученичества всегда предъ нами открыта. Развѣ Іоанна кто-нибудь влекъ къ жертвеннику или къ куренію ладана? Или принуждалъ къ совершенію жертвы и возліанія? Вѣдь никто не сказалъ: отрекись отъ Бога? Вѣдь никто не сказалъ: принеси жертву идоламъ? Но во имя цѣломудрія выступивъ со смѣлымъ словомъ обличенія, онъ является мученикомъ цѣломудрія. Чтобы ты зналъ, какъ сильна откровенная пророческая рѣчь, онъ говоритъ царю: *не достоинъ тебѣ имѣти жену брата твоего* (Мрк. vi, 18). Видишь, какъ естественно добродѣтели господствовать надъ порокомъ? Иродъ—царь, имѣющій оруженосцевъ, изобилюющій богатствомъ, правитель, пользующійся царскою властью; Іоаннъ же—бѣднякъ, безъ пристанища, безъ отечества, немущій, голодный, сѣдающій столько, сколько требуетъ природа. А между тѣмъ тотъ, кто одѣтъ въ одежду изъ верблюжьей шерсти, является законодателемъ для того, кто одѣтъ въ пурпуровую мантию; странствовавшій въ пустыняхъ указываетъ правителю многочисленныхъ городовъ; собиравшій саранчу съ травъ и питавшійся дикимъ медомъ властно наставляетъ того, который держалъ роскошную царскую трапезу: *не достоинъ тебѣ!* Хотя казалось бы, что царю все возможно, но *вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу* (1 Кор. vi, 12). И вотъ, когда слѣдовало бы благодарить за это, облагодѣтельствовать, или же почтить учителя цѣломудрія, Иродъ пришелъ въ раздраженіе, а еще болѣе разъярилась Иродіада (потому что близкіе по именамъ, они еще болѣе близки были другъ къ другу по нраву, какъ послушные одному и тому же ярму: и будутъ два—не въ плоть едину, но—въ неводержаніе едино), и за это заключаютъ пророка въ темницу, чтобы показывать свое неразуміе. *Обличай премудра, и возлюбятъ тя* (Притч. ix, 8), а будешь обличать неразумнаго, онъ еще болѣе возненавидитъ тебя.

Заключается въ темницу, но не оставляетъ свободы слова: расторгни, говорить, мои члены; но только разрѣши и незаконное супружество! Но вотъ въ то время, какъ онъ томился въ темницѣ, устраиваетъ Иродъ то горькое, нечестивое и кровожадное пиршество, печальнымъ концомъ котораго было убійство пророка. Входитъ Иродіада, дочь Иродіады, дочь не только по плоти, но и по духу, входитъ въ пыльное собраніе, пляшетъ публично царская дочь, которой не прилично было выходить изъ спальни, не прилично было показываться на глаза мужчинамъ. Но, должно быть, какъ Іоаннъ немного раньше говорилъ языкомъ своей матери, такъ и дѣвица позаимствовалась безстыдствомъ отъ своей матери. Входитъ на пиръ. Мало было одного этого для величайшаго безстыдства: какъ еще входитъ? По-царски ли? Торжественно ли? Не внухама ли сопровождается и служанками? Не съ другимъ ли какимъ почетомъ и пышностью? Нѣтъ; входитъ съ пляской. У худого входа была еще хуже цѣль. Среди пира плясала она, на виду у всѣхъ невоздержныхъ гостей, когда вино еще болѣе возбуждало похоть. И хочешь знать худшее? Не просто только плясала она, но хорошо плясала. Безстыдству свойственна особенная тщательность въ злыхъ дѣлахъ. И вотъ скоро оказывается, что не безъ успѣха дѣлается это постыдное дѣло. Нравится пляска Ироду и возлежавшимъ съ нимъ. И эта лисица не закрываетъ своего лица отъ срама. Видитъ дочь брата и той, съ которой онъ незаконно жилъ, пляшущую среди мужчинъ, и не стыдится, но находитъ даже пріятное въ этомъ, потому что понравилось это и ему и возлежавшимъ вмѣстѣ съ нимъ. *Съ преподобнымъ преподобенъ будещи, и со строптивымъ развратишися* (Псал. хvп, 26, 27). Хотѣлъ бы я, чтобы онъ поучился хоть немного у Павла: *отнюдъ слышитися въ васъ* плясаніе, и такое плясаніе, *яковоеже ни во языцехъ*, потому что пляшетъ царская дочь. *И вы разордѣсте, и не паче плакосте* (1 Кор. v, 1, 2). Но она угождаетъ постыднымъ дѣломъ и получаетъ награду хуже самаго поступка, потому что Иродъ поклялся: *проси у мене егоче аще хощещи, и дамъ ти, до полъ царствія моего* (Мар. vi, 22, 23). Видите, до чего доводятъ человѣка удовольствія? Видите посрамленіе любящихъ зрѣлища? Ты напередъ клянешься: *егоче аще попросиши дамъ ти*, и танцовщицѣ предоставляешь назначить просьбу, клятвой утверждая свое рѣшеніе. Видишь ли, какъ страсть къ удовольствіямъ влечетъ къ землѣ достоинство царей? Видишь, какъ унижаетъ она царство? Чего бы только ты ни попросила, дамъ тебѣ, даже до половины царства. Чего стоитъ по твоему у него царское достоинство? Ужъ не повреждены ли глаза твои? Разъ поплясала дѣвушка, и ты отдалъ половину; а если бы въ другой разъ поплясала, царь тогда остался бы простымъ человѣкомъ. Гдѣ достоинство предающихся удовольствіямъ? Гдѣ пурпуровое платье распутныхъ? Половину царства бросилъ къ ногамъ танцовщицы; молись, чтобы не стала она плясать

768

вторично, или если станетъ плясать, то хоть бы не такъ успѣшно, — въ противномъ случаѣ придется тебѣ пойти нищимъ. Итакъ, награда была назначена ни съ чѣмъ несообразная; чего же требовала эта танцовщица? Она не легкомысленно указываетъ себѣ подарокъ, не тотчасъ требуетъ награды, но, напередъ наученная матерью, уходитъ съ намѣреніемъ посоветоваться относительно награды съ злой наставницей. И какую же требуетъ награду? *Дажь ми стмо абіе на блюдъ главу Іоанна Крестителя* (Мар. vi, 25). Безстыдство ли удивительное мнѣ оплакивать? Позоръ ли самого поступка? Общаніе ли царя? Или требованіе награды? Но не содрагаются ли вы при мысли о томъ, до чего доводить пляска? Не чувствуете ли вы отвращенія въ значенію рукоплесканій? Не презираете ли полуобнаженныхъ? Осмѣлились ли ты ввести въ кругъ своихъ друзей танцовщика? Осмѣлились ли и самъ подружиться съ танцовщикомъ? Неужели не будешь ненавидѣть того занятія, которое вызываетъ небрежный смѣхъ у зрителей? Вызываетъ смѣхъ, а доведенное до крайности — убиваетъ пророка! Ненавидѣть должны мы пляску, изобрѣтеніе демоновъ, упражненіе злыхъ духовъ! Правда, опечалился Иродъ, услышавъ просьбу (Мар. vi, 26); но опечалился, можно сказать, слегка, подражая Пилату, или правильнѣе — Пилатову нраву, потому что рассказываемое событіе случилось раньше (событія съ Пилатомъ). Умываетъ руки тотъ и предаетъ (Христа) на осужденіе; печалится и этотъ — и въ то же время изъ-за клятвы и ради возлежащихъ сдерживаетъ свое общаніе. Не справедливо ли сказать Господь сегодня: не клянись вовсе? Слышишь увѣщаніе Владыки: не клянись вовсе? Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ ты клянешься: затѣмъ ли, чтобы при нарушеніи клятвы поймать въ ловушку самого себя, или — чтобы при соблюденіи клятвы убить пророка? Плохо то, что поклялся, но еще хуже то, что сохранилъ клятву: однако, *клятва ради*, сказано, *и за возлежащихъ съ нимъ* (Мар. vi, 26). Возлежащихъ ты устыдился, а Судьи не устранился? И приказавъ, говорится, и тотчасъ принесена была глава Іоанна Крестителя на блюди, и отдана дѣвицѣ (Мар. vi, 27, 28). Вотъ и горчайшій конецъ горькаго пира: отсѣкается голова пророка, дается дѣвицѣ, и дѣвица принимаетъ; не содрагается при этомъ зрѣлищѣ, не пришла въ ужасъ при видѣ головы, не отвратилась отъ капель крови: поистинѣ кровожадной лъвицы еще болѣе кровожадный дѣтинышъ! На блюди кладется голова пророка, на которомъ обыкновенно носится пища; одинъ и тотъ же сосудъ и для пищи и для убійства! И въ тотъ часъ, когда изъ ран текли еще капли крови и сама голова еще трепетала, она поспѣшно принесена была на пиръ; а языкъ все еще шевелился и говорилъ: „не должно тебѣ имѣть ее“. И, ваявъ, она отнесла матери своей. Наставница въ пляскѣ получила нечестивую плату за злые уроки!

4. Мы вынуждены были съ такою подробностью изложить это со-

бытіе, чтобы открыть глаза охотникамъ до зрѣлищъ и убѣдить васъ отвращаться отъ подобнаго рода представленій. Однако мы не закончимъ бесѣды этимъ печальнымъ разсказомъ, и танцовщицѣ не удастся воздвигнуть преграду на пути церковнаго слова, но противопоставимъ необузданному, тираническому и горькому пиршеству Владычиною вечерю, исполненную челоѡколюбія,—чтобы понять, какъ вы бываютъ плоды покаянія. *Моляше Господа нѣкій отъ фарисей, дабы Онъ вошелъ и ялъ съ нимъ* (Лук. VII, 36). Вошелъ Владыка и возлегъ. Хотя Онъ и зналъ намѣренія приглашавшихъ, но великодушно снисходилъ. А что пригласившій былъ лицемеръ, это откроется изъ дальнѣйшаго. Когда Господь возлежалъ и трапеза еще продолжалась, *жена нѣкая*, говорится, *во градъ бы истиница* (ст. 37); услышавъ, что Иисусъ тамъ возлечь, входитъ, говорится, въ домъ; и, принеши сосудъ мвры, стала выливать на ноги Владыки, и цѣловала ихъ, и вытирала своими волосами. Чтобы убѣдиться, что пригласившій былъ лицемеръ, посмотри, что фарисей думаетъ про себя: *сей аще бы былъ пророкъ, отдалъ бы, кто и какова жена прикасается Ему: яко истиница есть* (Лук. VII, 39). Фарисей не только лицемеръ, но и завистники. У тебя Христосъ возлечь, хотя и знаетъ твое поведеніе, и никто не завидуетъ; но пришла грѣшная женщина искать спасенія, и ты, фарисей, позавидовалъ. Можетъ быть ¹⁾... былъ его родственникъ, а скорѣе родоначальникъ ученій. Итакъ, для того, чтобы убѣдить тебя, что Онъ пророкъ, и притомъ не простой пророкъ, а пророкъ совершенный (прибавка къ слову члена—*ὁ προφήτης*—имѣетъ, конечно, какое-нибудь значеніе),—вѣдь что было бы удивительнаго въ томъ, если Онъ узналъ, что женщина была грѣшницей? Объ этомъ нетрудно было знать и по народной молвѣ; и ты, фарисей, не будучи пророкомъ, зналъ это, — итакъ для этого Онъ обнаруживаетъ, что зналъ гораздо больше. О жизни той (женщины) ходила уже молва, тѣмъ болѣе, что она была великой грѣшницей; а Господь, чтобы показать Свою божественную силу, читаетъ мысли фарисея. Вѣдь разсказъ не показываетъ того, чтобы фарисей обратился съ замѣчаніемъ къ кому-нибудь изъ возлежащихъ, но про себя говорилъ, про себя разсуждалъ. Итакъ, знай, что Онъ не просто пророкъ, но совершенный пророкъ: у тебя въ тайникахъ ума шевельнулась эта мысль, а Владыка ее прочиталъ; ты въ глубинѣ души таишь свое чувство, а Господь его уловилъ и врачуетъ. Съ этою цѣлью Онъ разсказалъ о двухъ должникахъ, одному изъ которыхъ заимодавецъ простилъ пятьсотъ, а другому пятьдесятъ (динаріевъ), и спросилъ: *какого изъ нихъ возлюбилъ?* Когда фарисей отвѣтилъ: *ему же вѣнчае отъда* (Лук. VII, 42, 43), Господь воспользовался тогда его отвѣтомъ для сравненія его, фарисея, и той женщины, получившей прощеніе многихъ грѣховъ. Ее я не хвалю за

¹⁾ Здѣсь пропускъ.

прежнюю жизнь, но ради такого конца считаю счастливой. Конечно, она была блудница и распутница, однако пусть никто не порицает ее вмѣстѣ съ фарисеемъ. Пусть объяснитъ это Павелъ, пусть выступитъ онъ защитникомъ женщины: *Богъ оправдай. Кто осуждаетъ* (Римл. viii, 33, 34)? Такъ вотъ, изслѣдуемъ разсказъ подробнѣе, чтобы не только ублажить эту женщину, но и самимъ научиться. Приходить къ Иисусу съ приготовленіемъ, неся муро въ сосудѣ и слезы въ глазахъ: неодушевленный сосудъ мурѣ и живой источникъ покаянія; за плотское тѣло она приноситъ муро, чтобы заглушить зловоніе распутства,—мерзость вѣдь грѣхъ, какъ и Давидъ свидѣлствуетъ: *возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего* (Псал. cxxxvii, 6). Всякій согрѣшающій производитъ зловоніе, всякій кающійся приготовляетъ муро. И какъ много благовонныхъ травъ въ мурѣ, такъ много различныхъ родовъ покаянія. Такъ и должно быть, чтобы изъ многихъ родовъ жизни собирались многіе плоды, чтобы приготовить муро покаянія. Хочешь знать смиреніе женщины? Другая женщина, принесшая однажды муро ко Христу, вылила Ему его на голову, и вообще поведеніе ея было смѣле. А эта въ сознаніи глубины своего паденія не осмѣливается совершить возмнѣніе на голову, но касается только Его ногъ. Однако, и ноги Его не были лишены силы. И понятно, если не только одежда Спасителя, но даже край ея сообщаетъ увѣровавшей полное выздоровленіе и дѣлаетъ похвальнымъ ея воровство, то насколько болѣе ноги Христа могли уничтожить страданія отъ грѣховъ! Далѣе, не муро только она возливала, но пролила и потоки слезъ. Блаженны тѣ источники, откуда выливаются у этой женщины рѣки, омывающія грѣхи! А тебя пусть научитъ она, зачѣмъ Богъ даровалъ намъ глаза. Развѣ для того только, чтобы служить зрѣнію? Но это есть и у каждого безсловеснаго животнаго, причемъ, если вникнуть въ дѣло, то нѣкоторые изъ безсловесныхъ имѣютъ зрѣніе болѣе острое, чѣмъ у насъ. Поэтому для тебя глаза—не только слуги зрѣнія, но и соучастники покаянія. Счастливъ ты, если соблюлъ купель крещенія; если же ты, какъ человѣкъ, уже успѣлъ растратить ея дары, приведи въ движеніе источники слезъ. У тебя есть цѣлый колодезь: изъ глубины сердца почерпай скорбь, тронь оба близнеца—глаза, пролей потоки слезъ, затопи слезами свои прегрѣшенія. Незначительные ручейки отъ дождя уносятъ легкіе стебельки; значительной же глубины рѣки и рѣчки, бурные горные потоки бываютъ въ состояніи увлечь съ собой глубокосядущіе въ водѣ пни и тяжелые камни. Вавѣсь свои грѣхи. Если прегрѣшеніе твое незначительно, достаточно и немногихъ слезъ; если грѣхъ великъ, то больше долженъ быть и потокъ слезъ. Если же у тебя есть и увѣренность въ жизни, и готовность плакать, и сердце сокрушенное, и еще не всѣ слезы ты выплакалъ о себѣ самомъ, то удѣли и мнѣ часть слезъ: плачь о грѣхахъ брата. *И вы разпорѣстѣ,*

и не паче плакасте (1 Кор. v, 2). Не согрѣшилъ Самуилъ, но онъ плачетъ за согрѣшившаго Саула. Павелъ—сосудъ избранный, но скорбитъ о насъ. *Кто соблазняется*, говорить, *и азъ не разжизаюся* (2 Кор. v, 2)? Видишь, что мои соблазны сокрушаютъ сердце Павла? Однако нужно, чтобы у каждого изъ насъ доставало слезъ для своихъ согрѣшеній. Будемъ подражать женщинѣ: слезами орошаетъ ноги Иисуса, мажетъ муромъ. Слезами ноги: откуда грѣхи, оттуда и врачеваніе. Ты слышалъ, что Иисусъ говоритъ сегодня: *всякъ, иже воззритъ на жену ко еже возжелати, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ* (Матѣ. v, 28). Отъ взгляда начинается грѣхъ. Гдѣ корень распутства, тамъ источникъ врачеванія. *И власи отираше*. Развѣ купившая муро, доставшая алавастръ, не имѣла приготовленнаго полотенца? Развѣ не могла она оросить слезами, а вытереть полотенцемъ? Нѣтъ, не осмѣлилась она сдѣлать это: вытирать полотенцемъ—это было сохранено для Христа. Можетъ быть она и изъ боязни обезопасила себя: не хотѣла, чтобы врачеваніе воспринято было на себя бездушнымъ предметомъ, тогда какъ грѣшило ея собственное тѣло. Въ самомъ дѣлѣ, какая бы ей была польза, если бы она бездушное полотенце осватила прикосновеніемъ къ тѣлу Христа? И вотъ, она обновляетъ природу, вмѣсто полотенца отираетъ волосами. Откуда грѣхъ, тамъ и врачеваніе. Всѣми членами согрѣшила, всѣ ихъ и врачуетъ. Смотрѣла сладострастно на юношу,—проливаетъ источники слезъ; согрѣшила поцѣлуями, какъ блудница, и прикосновеніемъ рукъ осквернила душу,—теперь лобызаетъ ноги Христа, чтобы вытереть уста и очистить отъ скверны; вытираетъ даже волосами, научая, можетъ быть, и этимъ кое-чему не знающихъ приличія женщинъ. Такъ какъ и изысканная прическа волосъ часто служитъ сѣтью для молодыхъ людей (почему и Павелъ прекрасно увѣщеваетъ украшать себя не прической волосъ), такъ какъ теперь она сознала въ душѣ, что она уловляла плетеніемъ волосъ многихъ молодыхъ людей, какъ дикихъ козъ петлями, то волосами же и желаетъ выразить покаяніе; и какъ часто заплетала нечестиво, такъ разъ навсегда расплела благочестиво. Итакъ, какую же она получаетъ награду за дѣла, которыми выразила она свое покаяніе? Послушай, что сказано Владыкою: за то, что она возлюбила много, прощаются многіе ея грѣхи.

5. Владыка разорвалъ рукописаніе, а Новать составляетъ то, что разорвано. Видѣлъ ли ты когда трудолюбиваго челоуѣка, собирающаго разорванную рукопись и старательно склеивающаго ее опять, чтобы опять пустить въ ходъ клевету? Владыка разорвалъ рукопись, простилъ долгъ, а повѣренный клевететь. Но коротка у насъ рѣчь о Новатѣ. Подражай той женщинѣ, и ты получишь награду врачеванія. Я не боюсь сужденія Новата: не придетъ онъ судить живыхъ и мертвыхъ, и не поставится Новату для суда тринадцатаго трона вмѣстѣ съ двѣнадцатыю апостолами. Кто покажетъ мнѣ усердное раскаяніе, я

поручусь тому за милость Іисуса Владыки. Покаяніе на словахъ, конечно, недостаточно, должны быть и дѣла покаянія. Если ты скажешь: каюсь, и снова, какъ песь, возвращаешься на свою блевотину, или какъ свинья—въ навозную грязь (2 Петр. II, 22), то, конечно, твое слово не приноситъ пользы, а грязь затопляетъ. Если же ты желаешь, какъ слѣдуетъ, покаяться, то бодрствуй надъ грѣхомъ и постарайся сохранить въ безопасности остальное. Лучше не имѣть совсѣмъ раны; если же однако нельзя обойтись безъ нея, то скорѣ лѣчи, скорѣ перевязывай, чтобы не смотрѣть на нее съ отвращеніемъ, когда она закишитъ червями. А когда затянется рана, берегись поранить себя вновь. Рану причинить не долго, а заживить ее стоитъ большого труда. Что же касается милосердія Судіи, то его легко доказать не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Вы слышали, конечно, о милосердіи Владыки, который вмѣстѣ съ другими похвалами блаженному Петру изрекъ такіа слова: *дамъ ти ключи царства небснаго* (Мф. XVI, 19)? Кому простишь грѣхи, простятся, а у кого удержишь, удержатся. Не указываетъ ли это на милосердіе Владыки? *Дамъ ти ключи*. Почему же не далъ Онъ Іоанну, который припадалъ къ груди Владыки, имѣя несомнѣнный знакъ любви? Почему не далъ Іакову, которому первому отрубили голову? *Уби Иродъ Іакова брата Іоанннова мечемъ* (Дѣян. XII, 2). Хочешь знать, какъ любилъ Іоанна? Съ самаго креста говорить Матери своей: *се, сынъ твой* (Іоан. XIX, 26)! Будешь ли искать любви больше этой? *Се, сынъ твой!* Тутъ оправдалась народная пословица. Что значить другъ? Другой я. *Се, сынъ твой!* Какъ мать представилъ Ее ему. Но почему же въ такомъ случаѣ не ему вручилъ Господь ключей царства, хотя и болѣе всѣхъ любилъ его? И въ этомъ опять нужно усматривать милосердіе Владыки. Не даетъ ключей Іакову, не даетъ ключей Іоанну, не даетъ иному кому-нибудь изъ апостоловъ, свободныхъ отъ грѣха, но избираетъ Петра—по Своему человеколюбію. Такъ какъ именно Петръ, прежде чѣмъ запалъ пѣтухъ (о прочемъ умолчу изъ уваженія къ добродѣтели этого мужа), впалъ въ грѣхъ прежде другихъ, то именно поэтому никому другому изъ безгрѣшныхъ учениковъ Господь не довѣрилъ ключей отъ царства небснаго, но вручилъ ихъ Петру, чтобы онъ, когда увидитъ кого-нибудь покающимся въ согрѣшенія и освободившимся отъ нихъ покаяніемъ и желающимъ войти въ царство небсное, вспомнивъ о своемъ паденіи, сдѣлался помощникомъ ему во спасеніи. Какъ мы не ублажить ловца Церкви, который вскормилъ такихъ щенятъ! Мы еще не успѣли показать имъ тѣла (оболочки) мысли, а они уже поймали звѣря. Однако по обычаю охотниковъ, послѣ того какъ вы уловили мысли, раздѣлимъ уловленное на части. Итакъ, мы говорили, что Петру вручилъ Господь ключи царства, а никому иному изъ безгрѣшныхъ апостоловъ не довѣрилъ ихъ, и сдѣлалъ это для того, чтобы Петръ, когда увидитъ нѣкоторыхъ изъ обра-

тившихся отъ грѣховъ и усиливающихся черезъ покаяніе войти въ царство (потому что употребляющіе усиліе получаютъ царство небесное), вспомнивъ о своемъ примѣрѣ, и намъ приходящимъ съ покаяніемъ открылъ дверь. Видишь ли человѣколюбіе довѣрившаго? Помни о ключахъ. Покайся, пока еще не заперто, потому что *власть имать Сынъ человеческій на земли отпущати грѣхи* (Лук. v, 24). Гдѣ грѣхъ, тамъ и разрѣшеніе отъ грѣха. Не думай, что на землѣ удовольствіе, а тамъ покаяніе. Здѣсь разрѣши, и тогда тебя приметъ Петръ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

•

ОГЛАВЛЕНИЕ VIII-го ТОМА ПОЛНАГО СОВРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

БЕСѢДЫ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ СВ. ІОАННА.

Книга первая,

БЕСѢДА I (вступительная).

СТРАН.

1. Похвала евангелію отъ Іоанна. Его превосходство и польза.—Кто могутъ понимать его.—2. Возвышенность Іоанна.—Какъ нужно слушать евангеліе.—Необходимость извѣстнаго расположенія къ слову Божію.—3. Не нужно бросать святыни псамъ.—4. Описаніе настроеній, которыя требуются для слушанія евангелія.—Нужно избѣгать театральныхъ зрѣлищъ и твердо стоять въ единеніи съ Богомъ и церковію.—Должно имѣть внимательный слухъ

5—11

БЕСѢДА II на св. Іоан. глава I, ст. 1.

1. Внѣшніе философы въ сравненіи съ ев. Іоанномъ.—Бѣдность и неученость его и въ тоже время несравненное превосходство его надъ первыми.—2. Варварскіе народы, воспріявъ христіанство, научились любомудрствовать.—3. Противъ ученій философовъ и особенно противъ ученія о переселеніи душъ.—4. Почему Іоаннъ говоритъ о Богѣ-Сынѣ, не касаясь Бога-Отца.—Въ чемъ истинное любомудріе?—5. Умъ не можетъ одновременно размышлять о нѣсколькихъ предметахъ.—Съ какимъ вниманіемъ слѣдуетъ читать евангеліе св. Іоанна.

11—21

БЕСѢДА III на Іоан. I, 1.

СТРАН.

1. О посвященіи Господу одного изъ семи дней недѣли.
 Какое воспитаніе должно давать юношеству.—2. Мнѣніе еретиковъ аномевъ о Богѣ-Словѣ.—3 и 4. Доказательства вѣчности Слова.—5 и 6. Противъ тщеславія.—Производимое имъ зло.—Ему приносятъ въ жертву свои богатства.—Ради него дѣлаютъ все въ угоду народу.—Слава народа есть истинная слава.—Какъ нужно поступать съ толпою.—Пусть одинъ Богъ будетъ зрителемъ и хвалителемъ добрыхъ дѣлъ.

21—33

БЕСѢДА IV на Іоан. I, 1.

1. Почему св. Іоаннъ ограничивается единымъ словомъ о воплощеніи Сына Божія въ то время, какъ другіе евангелисты подробно излагаютъ его.—Павелъ Самосатскій и его заблужденіе.—2. Что такое Слово.—3. Опроверженіе возраженія еретиковъ противъ Божества Сына, основывающагося на томъ, что Сынъ называется Богомъ—*θεός*—безъ члена.—4 и 5. Иисусъ Хр. пострадалъ и умеръ для избавленія насъ отъ идолослуженія.—Воздавать твари богопочтеніе, должствующее Творцу, крайне несправедливо.—Вѣра и ученіе бесполезны для спасенія, если жизнь и нравы испорчены.—Немедленно должно угашать гнѣвъ.—Люди хвалятъ и порицаютъ по мѣрѣ того, любятъ они, или ненавидятъ.—Изображеніе человѣка въ гнѣвѣ.—Противъ тѣхъ, которые тщательно соблюдаютъ часы и времена.

33—43

БЕСѢДА V на Іоан. I, 3.

1. Какъ нѣкоторые еретики измѣнили смыслъ третьяго стиха первой главы Евангелія отъ Іоанна черезъ измѣненіе пунктуаціи.—2. Нелѣпные выводы, къ которымъ приводитъ мнѣніе, допускаемое еретиками о томъ, что Духъ Святой сотворенъ.—3. Сынъ Божій равенъ своему Отцу.—Неистощимая плодотворность Творца.—Богъ не есть существо сложное.—4. О томъ, что грѣшники похожи на пьяныхъ и яростныхъ людей.—Лучше ходить и показываться нагимъ на улицахъ, чѣмъ покрытымъ и обремененнымъ грѣхами.

48—51

БЕСѢДА VI на Іоан. I, 6.

1. Посланиничество Іоанна Крестителя.—Объясненіе изрѣченія: *бысть человекъ посланъ отъ Бога*.—Зачѣмъ и какимъ образомъ Христосъ принимаетъ свидѣтельство Іоанна. Ученіе безъ добрыхъ дѣлъ не приноситъ пользы.

51—54

БЕСѢДА VII на Іоан. I, 9.

СТРАН.

1. Не слѣдуетъ стараться постигнуть то, что непостижимо въ Богѣ.—Истинное ученіе объ Отцѣ и Сынѣ.—Неразуміе савеліанъ и маркелліанъ.—Какъ омываются грѣхи 54—57

БЕСѢДА VIII на Іоан. I, 9.

1. Почему Іисусъ Христосъ, будучи свѣтомъ истины, не освѣщаетъ всѣхъ людей. —2. Неразуміе Павла Самосатскаго. Отвѣты на вопросы язычниковъ: что дѣлалъ Іисусъ Христосъ до своего пришествія и проч.?—Нельзя надлежащимъ образомъ стремиться къ небесному, привязываясь къ земному. Большое различіе между служителями Іисуса Христа и служителями магоны 58—62

БЕСѢДА IX на Іоан. I, 11.

1. Кто такіе *свои*, которые не приняли Христа: первыхъ іудей, бывшіе его избран. народомъ.—Затѣмъ другіе люди, которые не вѣровали въ него, будучи Его тварями.—2. Невѣріе какъ причина ослѣпленія іудеевъ; гордость, какъ причина ихъ невѣрія.—Благодать милосердія, распространенная Богомъ на язычниковъ, не причинила никакой несправедливости іудеямъ.—Апостолъ Павелъ справедливо укоряетъ ихъ и обуздываетъ ихъ гордость и заносчивость.—Они завидуютъ спасенію язычниковъ.—Гордость дѣлаетъ бесполезными всѣ добродѣтели 62—67

БЕСѢДА X на Іоан. I, 11.

1. Богъ не насилуетъ и не стѣсняетъ нашей свободной воли.—2. Что значить: *во своя прииде*?—О томъ, что тѣ, кто не восхотѣли принять Іисуса Христа, достаточно наказаны самымъ этимъ поступкомъ и послѣдствіями этого отказа.—Благодатное дѣйствіе крещенія.—3. О томъ, что сохранитъ чистоту нашего крещенія въплоть зависить отъ насъ.—Наказаніе тѣмъ, кто оскверняетъ одежду, полученную при крещеніи.—Вѣра и чистота жизни необходимы для спасенія.—Въ какую одежду должны облачаться тѣ, кто призваны на царскій брачный пиръ 67—72

БЕСѢДА XI на Іоан. I, 14.

1. Прежде чѣмъ идти на бесѣду, слѣдуетъ прочесть тѣ мѣста изъ Священнаго Писанія, которыя подлежатъ объясненію.—Положеніе служителя не умаляетъ достоинства Сына Божія.—2. О еретикахъ, утверждающихъ, что Слово воплотилось лишь повидимости.—Состояніе природы человѣческой

до пришествія Ісуса Христа.—Она была подобна разрушенному дому, который могъ возстановить лишь одинъ Всемогущій.—Воплощеніе какъ непостижимая тайна.—Богъ—Слово принялъ нашу плоть, чтобы никогда не оставлять ея.—Вотъ почему она возсѣдаетъ на царственномъ престолѣ и боготворится всѣмъ небеснымъ воинствомъ

СТРАН.

72—76

БЕСѢДА XII на Іоан. I, 14.

1. Что означаетъ изреченіе: *славу, яко Единороднаго отъ Отца*.—2 и 3. Предзнаменованія и чудеса передъ пришествіемъ Ісуса Христа.—Предвѣстники и проповѣдники.—Свободная воля человѣка.—Добродѣтель, какъ произведеніе свободной воли.—Чудеса возвышали объ Ісусѣ Христѣ и показывали, что онъ есть Единородный Сынъ Божій.—Чудеса, совершенныя невидимо и видимо во время Его смерти.—Какова слава Христа на небесахъ

77—82

БЕСѢДА XIII на Іоан. I, 15.

1. Невнимательность слушателей не лишаетъ проповѣдника награды.—Почему ев. Іоаннъ часто ссылается на свидѣтельство св. Іоанна Крестителя?—2 и 3. Значеніе свидѣтельства св. Іоанна Крестителя.—4. Нѣтъ ничего прекраснѣе правильной жизни.—Отверженіе даровъ, приносимыхъ отъ злопріобрѣтенныхъ имѣній

83—89

БЕСѢДА XIV на Іоан. I, 16.

1. О томъ, что мы получили отъ полноты Ісуса Христа.—2. Различіе между ветхимъ и новымъ закономъ.—Значеніе словъ: *благодать возблагодать*.—Богъ всегда предваряетъ насъ своими благодѣяніями.—3 и 4. Прообразы ветхаго завіта получили свое исполненіе въ новомъ.—Объясненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ прообразовъ.—Въ публичныхъ состязаніяхъ поощряютъ къ состязанію не тѣхъ, которые потерпѣли пораженіе, а только мужественныхъ бойцовъ.—Напротивъ, въ подвигахъ духовныхъ поощряютъ и одушевляютъ одинаково и тѣхъ и другихъ, потому что тѣ, кто потерпѣли пораженіе, могутъ оправдаться и еще одержать побѣду.—Горечь лекарствъ никого не должна приводить въ уныніе: польза ихъ обнаружится впослѣдствіи.—Какъ грѣшники, такъ и праведники—всѣ нуждаются въ лекарствахъ, исправленіяхъ и добрыхъ назиданіяхъ. . . .

90—96

БЕСѢДА XV на Іоан. I, 18.

1. Бога никто никогда не видѣлъ въ Его сущности.—2 и 3. Ісусъ Христосъ вполнѣ знаетъ Отца, потому что пребываетъ въ Его лонѣ.—Опроверженіе аріанъ и другихъ

еретиковъ, отвергавшихъ Божество Иисуса Христа. — Иисусъ Христосъ открылъ намъ больше, чѣмъ пророки и Моисей. — Всѣ христіане составляютъ одно тѣло. — Что служитъ величайшею связью ихъ взаимной любви.	СТРАН. 96—102
--	------------------

БЕСѢДА XVI на Іоан. I, 19.

1. Какъ злоба іудеевъ проявляется въ вопросахъ, съ которыми они обращались къ св. Іоанну Крестителю. — 2. Какъ этотъ вѣрный Предтеча отдаетъ Иисусу Христу славу, которую даже іудеи хотѣли воздавать ему самому. — Высокое мнѣніе, которое іудеи имѣли о св. Іоаннѣ Крестителѣ. — Ихъ невѣріе въ Иисуса Христа неизвинительно и не заслуживало прощенія. — Смиреніе св. Іоанна Крестителя. — Противъ аномеевъ. — Гордость низпровергаетъ всякую добродѣтель души и извращаетъ всѣ добрые дѣла. — Она есть мать діавола, начало, источникъ и причина всѣхъ грѣховъ. — О милостыняхъ. — Бѣдныя переносятъ на небо блага міра сего. — Непрочность земныхъ владѣній и потому нужно заблаговременно переносить ихъ въ высшій градъ.	102—109
---	---------

БЕСѢДА XVII на Іоан. I, 28, 29.

1. Слова св. Іоанна Крестителя какъ свидѣтельство его величайшаго благоговѣнія къ Иисусу Христу. — 2. Иисусъ Христосъ не имѣлъ нужды въ крещеніи. — 3 и 4. Ложность предположенія, что Иисусъ Христосъ творилъ въ дѣтствѣ чудеса. — Почему Іудеи не вѣровали въ Иисуса Христа, хотя слышали проповѣдь св. Іоанна Крестителя и видѣли столько знаменій и чудесъ. — Достоверность евангелистовъ. — Противъ язычниковъ. — Встрѣчаются защитники зрѣлищъ, но не обрѣтается истины и вѣры. — Сочиненія философовъ того времени противъ христіанъ	109—117
---	---------

БЕСѢДА XVIII на Іоан. I, 35—37.

1. Почему св. Іоаннъ Креститель часто повторялъ одно и то же? — Нѣкоторые оглашенные отлагали принятіе крещенія до послѣдняго момента. — 2. Пророки и апостолы проповѣдывали Иисуса Христа отсутствующаго, а св. Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ Христа присутствующаго. — 3 и 4. Слѣдуетъ предпочитать ученіе Иисуса Христа всякому другому. — Чѣмъ больше даютъ пищи тѣлу, тѣмъ болѣе его расслабляютъ; чѣмъ болѣе даютъ пищи душѣ, тѣмъ болѣе ее укрѣпляютъ. — Отверщеніе къ мясу есть признакъ болѣзни тѣла; отверщеніе къ слову Божію есть признакъ болѣзни души. — Какова сѣ пища? — Противъ театра и зрѣлищъ	117—125
---	---------

БЕСѢДА XIX на Іоан. I, 41, 42.

1. Блага единенія людей. — Андрей, найди Мессію, немедленно приглашаетъ своего брата принять участіе въ об-

рѣтенномъ счастіи.—2. Пророчество доказываетъ божественное всемогущество не менѣе, чѣмъ и чудо.—3. Древніе имѣли много названій, христіане—одно только имя—христіанинъ.—Почетность и слава этого имени.—Мы носимъ имя Іисуса Христа и столь же близки къ нему, какъ тѣло къ головѣ.—Какъ дѣлать надлежащее употребленіе изъ богатства?—Раздавать свое имѣніе бѣднымъ значитъ обогащать себя. . . . 125—130

БЕСѢДА XX на Іоан. I. 43, 44.

1. Призваніе Филиппа.—Іисусъ Христосъ однимъ словомъ увлекаетъ его за собою.—Филиппъ съ своей стороны приводитъ Наанаила ко Христу.—2. Характеръ Наанаила, его мудрость.—Какъ онъ приведенъ къ вѣрѣ.—3. Вѣрные обязаны дѣлать все, что желаетъ и требуетъ отъ нихъ Іисусъ Христосъ.—Должно во всемъ повиноваться Христу, питать Его, когда Онъ голоденъ, поить, когда Онъ жаждетъ.—Онъ не отвергнетъ нашихъ даровъ, каковы бы они ни были.—Другъ съ удовольствіемъ принимаетъ все, что даетъ ему его другъ.—Любовь обнаруживается не въ словахъ, а въ дѣлахъ. 130—135

БЕСѢДА XXI на Іоан. I, 49, 50.

1. Исповѣданіе Наанаила было менѣе совершеннымъ, чѣмъ исповѣданіе, сдѣланное въ послѣдствіи ап. Петромъ.—2. Іисусъ Христосъ совершилъ свое первое чудо по просьбѣ своей Матери.—3. Іисусъ Христосъ желаетъ, чтобы всѣ обращались къ Нему съ своими нуждами.—Примѣръ знаменитыхъ врачей.—Почему Онъ далъ жесткій отвѣтъ своей Матери.—Родственники Спасителя, извѣстные подъ именемъ Деспосинъ.—Наши предки и отцы были добрые христіане, что должно устыжать насъ и подвергать тѣмъ большому общенію. . . . 135—142

БЕСѢДА XXII на Іоан. II, 4.

1. Іисусъ Христосъ все совершаетъ благовременно не потому, чтобы Онъ подчинялся времени, такъ какъ Онъ Творецъ лѣтъ и Господь вѣковъ, но по любви къ порядку.—2.—Іисусъ Христосъ своимъ чудомъ въ Канѣ Галилейской доказать, что Онъ Творецъ воды и вина.—3. Чудеса Іисуса Христа превосходятъ всѣ силы природы.—Онъ усовершенствуетъ наши мятежныя души.—Непрочность благъ міра сего: они мгновенно исчезаютъ и утекаютъ съ быстротою потока.—Скудость есть мать злоречія.—Сладости трапезы очень вредны для тѣла и души и производятъ множество болѣзней. . . . 142—148

БЕСѢДА XXIII на Іоан. II, 11.

1. Претвореніе воды въ вино есть первое чудо Іисуса Христа.—На какихъ свидѣтельствахъ покоится достоверность этого чуда, приведшаго учениковъ къ вѣрѣ.—2. Іисусъ Христосъ изгоняетъ продавцовъ изъ храма.—Тоже было и

еще разъ въ концѣ Его проповѣди.—8. Почему Иисусъ Христосъ дѣлалъ неясныя предсказанія.—Апостолы не знали о воскресеніи.—Почему Иисусъ Христосъ не открылъ имъ этого?—Люди больше вѣрятъ самымъ фактамъ, чѣмъ словамъ.—Св. Духъ напомнилъ апостоламъ обо всемъ, что говорилъ имъ Иисусъ Христосъ.—Величіе добродѣтели апостоловъ.—Похвала имъ.—Увѣщаніе къ милостынѣ, безъ которой нельзя войти во врата небесныя. 148—154

БЕСѢДА XXIV на Іоан. II, 23.

1. Тѣ, которыхъ привлекало къ Иисусу Христу Его ученіе, были болѣе тверды и устойчивы въ вѣрѣ, чѣмъ привлеченные знаменіями.—Почему Онъ не совершалъ болѣе чудесъ.—2. Никодимъ, слабость и несовершенство его вѣры.—Снисходительность Иисуса Христа.—3. Не должно съ чрезвычайною любознательностью проникать въ священные тайны.—Не подчиняя свой разумъ вѣрѣ, люди впадаютъ во множество нелѣпостей.—Разумъ человѣческій, не озаренный свыше, производитъ лишь тьму.—Богатства суть шипы, которые царапаютъ и ранятъ насъ. 155—161

БЕСѢДА XXV на Іоан. III, 5.

1. Никодимъ не понималъ словъ Спасителя потому, что хотѣлъ разсуждать о духовныхъ предметахъ почеловѣчески.—Если человѣкъ не рождается отъ воды и Духа, онъ не можетъ войти въ царство небесное.—2 и 8. Вѣра въ невидимое.—Различіе между первымъ и вторымъ твореніемъ.—Въ первомъ твореніи Творецъ воспользовался землею для созданія человѣка; во второмъ Св. Духъ пользуется водою.—Первый человѣкъ былъ созданъ съ душею живою, второй исполненъ Духа животворящаго.—Первый человѣкъ нуждался въ помощи, второй, получая благодать Духа святаго, не нуждается ни въ какой иной помощи.—Почему вода нужна для крещенія?—Обрядъ крещенія.—Великія тайны, совершенныя для насъ Иисусомъ Христомъ, какъ побужденіи для насъ вести добрую жизнь.—Оглашенные и ихъ положеніе въ отношеніи къ вѣрнымъ.—Польза милостины и даровъ, приносимыхъ Иисусу Христу и малымъ симъ 161—167

БЕСѢДА XXVI на Іоан. III, 6.

1. Духовное возрожденіе и его сущность.—2. Прообразъ духовнаго возрожденія.—8. Характеръ христіанскаго увѣщанія.—Нужно дѣйствовать съ кротостью, безъ гнѣва и крика.—Человѣкъ, приносящій другимъ обиды, совершаетъ позорное дѣло; терпящій обиды есть истинный философъ.—Рабы имѣютъ ту же природу, какъ и господа, и потому послѣдніе не должны оскорблять первыхъ. То, что рабы дѣлаютъ изъ страха господъ, послѣдніе должны дѣлать изъ страха Божія. 176—172

БЕСѢДА XXVII на Іоан. III, 12, 13.

1. Не должно стараться постигнуть разумомъ происхожденіе Сына Единороднаго. — 2. Мѣдный змѣй какъ прообразъ Иисуса Христа. — Какъ Богъ возлюбилъ міръ. — 3. Любовь Божія: чрезмѣрность Его благодати къ грѣшникамъ и неблагодарнымъ. — Богъ, чтобы спасти насъ, не пощадилъ даже Сына своего Единороднаго, а мы щадимъ свои деньги. — Дурное употребленіе, дѣлаемое изъ богатства. — Наша неблагодарность Іисусу Христу въ лицѣ бѣдныхъ за всѣ Его благодѣянія намъ. — Противъ тѣхъ, которые расточая все на роскошь, презирають бѣдныхъ и не заботятся о ихъ нуждахъ.

СТРАН.

172—178

БЕСѢДА XXVIII на Іоан. III, 17.

1. Чѣмъ больше милосердіе Господа, тѣмъ строже будутъ Его наказанія жестоковѣрнымъ. — Богъ открылъ двери щедротъ всѣмъ людямъ. — Два пришествія Иисуса Христа. — 2. Невѣрующіе подлежатъ осужденію. — Кто удаляются отъ Иисуса Христа. — Великіе грѣшники — люди, законныя въ своемъ упорствѣ, преданные обаявшимъ ихъ порокамъ. — Чтобы быть христіаниномъ, нужно вести добрую жизнь съ соблюденіемъ чистоты ученія. — Причина уклоненія язычниковъ отъ принятія вѣры Христовой. — Языческіе философы дѣлали добродѣтель изъ пустого тщеславія. — Любовь къ тщеславію губить людей. — Тщеславіе пагубило всѣхъ другихъ пороковъ. — Чтобы приобрѣсть славу предъ людьми и славу, исходящую отъ Бога, нужно стремиться къ достиженію только послѣдней

178—184

БЕСѢДА XXIX на Іоан. III, 22.

1. Возвышенность истины и низость лжи. — Почему Іисусъ Христосъ самъ не совершалъ крещенія, а только Его ученики. — 2. Ученики Іоанна Крестителя завидывали учениками Иисуса Христа. — 3. Какъ церковь становится невѣстой Иисуса Христа. — Бѣдствія и потери, причиненныя тщеславіемъ. — Какъ освободиться отъ этого порока.

184—190

БЕСѢДА XXX на Іоан. III, 31.

1. Старанія св. Іоанна Крестителя привести своихъ учениковъ къ Іисусу Христу. — 2. Отверженіе Иисуса Христа равносильно обличенію во лжи пославшаго Его Бога. — 3. Не должно читать слово Божіе легкомысленно: нужно вникать во всякое слово. — Слово Божіе есть оружіе, которымъ нужно уметь владѣть. — Въ дѣлахъ міра сего всѣ ловки и бойки, а въ дѣлѣ спасенія мы лѣнны и трусливы. — Свящ. книги написаны не для древнихъ только, но и для насъ.

190—195

БЕСѢДА XXXI на Іоан. III, 35, 36.

1. Вѣра безъ доброй жизни бесполезна для спасенія. — 2. Почему Іисусъ Христосъ удаляется. — Происхожденіе самарянъ. — 3. Трудовая жизнь Іисуса Христа. — Исторія самарянки. — 4. Продолженіе о томъ же. — Отмѣна обрядностей іудейскихъ. — 5. Добрый примѣръ, преподанный самарянкѣ въ отношеніи любви и ревности, съ которыми должно относиться къ слову Іисуса Христа. — Она призываетъ другихъ къ Іисусу Христу, между тѣмъ какъ іудеи отвращали отъ него. — Дѣлать неблагоугодное Богу значить жить бесполезно и къ собственной гибели. — Душа безсмертна. — Тѣло также будетъ безсмертно, чтобы мы могли наслаждаться небесными благами. — Богъ предлагаетъ намъ небо, а мы привязываемся къ землѣ, нанося оскорбленіе Господу 195—205

СТРАН.

БЕСѢДА XXXII на Іоан. IV, 13, 14.

1. Св. Писаніе называетъ Св. Духа то водой, то огнемъ, обозначая этимъ не сущность, а дѣятельность. — Продолженіе исторіи самарянки. — 2. Послушность самарянки. — 3. Мудрость Іисуса Христа въ дѣлѣ обращенія людей ко спасенію. — Увѣщаніе къ чтенію св. Писанія. — Діаволъ не смѣетъ войти въ домъ, гдѣ есть Евангеліе. — Чтеніе духовныхъ книгъ освящаетъ человѣка 205—212

БЕСѢДА XXXIII на Іоан. IV, 21, 22.

1. Человѣкъ всегда нуждается въ вѣрѣ. — Вѣра подобно кораблю перевозитъ насъ чрезъ житейское море. — 2. Объ истинномъ богочщеніи. — Почтеніе учениковъ къ своему Учителю. — Нѣтъ ничего выше любви Христовой. — Смирненіе и нѣжность привлекла особенную любовь Іисуса Христа къ Іоанну. — Ап. Петръ. — Смирненіе какъ основа добродѣтели. — Суетность богатствъ. — Увѣщаніе къ милостынѣ 212—218

БЕСѢДА XXXIV на Іоан. IV, 22, 29.

1. Продолженіе исторіи самарянки: смиреніе этой женщины. — 2. Почему Іисусъ Христосъ, какъ и пророки, часто выражалъ свою мысль посредствомъ сравненій, иносказаній и аллегорій. — Пророки сѣяли, апостолы пожинали. — 3. Должно слѣдовать примѣру самарянки въ исповѣданіи своихъ грѣховъ. — Люди обычно боятся людей, и не боятся Бога. — Скрывая свои грѣхи предъ людьми, чтобы не быть опозоренными, они не боятся позора предъ Богомъ. — Возвращаться къ грѣху, это значить уподобляться псу, возвращающемуся на свою блевотину. Лучшее средство къ исправленію своихъ пороковъ, это — изслѣдовать каждый изъ нихъ отдѣльно не пропуская ни одного. Необходимость постоянно быть готовымъ къ пришествію Господа. 218—224

БЕСѢДА XXXV на Іоан. III, 5.

1. Самаряне, будучи болѣе воспримчивы къ благодати, чѣмъ іудеи, увидѣвъ и услышавъ Іисуса Христа, признають, что Онъ есть Спаситель міра.—2. Испытаніе сына царедворца Иродова.—3. Не должно требовать отъ Бога чудесъ, или доказательствъ Его всемогущества.—Должно славить и любить Бога при всякихъ обстоятельствахъ: въ радости и скорбяхъ, въ здоровьѣ и болѣзни и терпѣть все изъ любви къ Нему. 224—230

БЕСѢДА XXXVI на Іоан. IV, 54; V, 1.

1. Овчая купель, какъ прообразъ крещенія.—2. Разслабленный, страдавшій 38 лѣтъ, прекрасный образецъ терпѣнія. Настойчивость въ молитвѣ.—Качество молитвы.—Почему жизнь человѣка трудна и тяжела.—Необходимость труда.—Въ чемъ состоитъ цѣломудріе.—Нѣтъ труда, нѣтъ и умѣренности.—Удовольствіе, доставляемое порокомъ, кратковременно; радость, даваемая добродѣтью, вѣчна.—Нѣтъ истинной радости въ этомъ мірѣ; истинная радость на небѣ 230—235

БЕСѢДА XXXVII на Іоан. V, 6 и 7.

1. Великая польза, почерпаемая изъ священнаго Писанія.—Отличіе самоотверженія разслабленнаго отъ самоотверженія св. Маттея.—2. Вѣра разслабленнаго.—3. Величіе зла, производимаго порокомъ.—Изображеніе зависти: завистливые не имѣють извиненія; ихъ грѣхъ не заслуживаетъ прощенія. 235—241

БЕСѢДА XXXVIII на Іоан. V, 14.

1. Богъ наказываетъ тѣло за грѣхи души.—Большая часть болѣзней происходитъ отъ грѣха.—2 и 3. Приваніе разслабленнаго.—Іисусъ Христосъ сравниваетъ себя съ Богомъ Отцемъ и объявляетъ Себя равнымъ Ему.—4. Совершенное равенство и совершенное единство Отца и Сына.—Противъ честолюбія и страсти превозноситься надъ другими.—Нужно избѣгать тщеславія и производимыхъ имъ золъ и искать славы, исходящей отъ Бога.—Различіе славы человѣческой отъ славы Божіей. 241—251

БЕСѢДА XXXIX на Іоан. V, 22, 23.

1. Должно бояться страшнаго суда.—2. Почему Іисусъ Христосъ употребляетъ простые слова.—3. Іисусъ Христосъ часто говоритъ о судѣ и воскресеніи.—4. Двѣ воли во Іисусѣ Христѣ.—5. Въ изслѣдованіи священнаго писанія нужно тщательно изслѣдовать всѣ подробности.—Должно прощать другимъ, какъ Іисусъ Христосъ простилъ намъ.—Что нужно дѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную.—Увѣщаніе къ милостынѣ. 251—263

БЕСѢДА XL на Іоан. V, 31, 32.

1. Простое и удовлетворительное объясненіе текста ка-
завшагося сначала труднымъ.—2. Свидѣтельство Іоанна въ
пользу Іисуса Христа и свидѣтельство дѣла Іисуса Христа.—
3. Свидѣтельство Бога Отца.—Нужно бороться съ еретиками
съ помощью священнаго Писанія.—Любостязаніе есть корень
всѣхъ золъ.—Нельзя служить двумъ господамъ—Богу и ма-
монѣ.—Какъ нужно творить милостыню. — Суровость буду-
щаго суда надъ тѣми, кто были безчеловѣчны и жестоки къ
бѣднымъ. 268—270

БЕСѢДА XLI на Іоанн. V, 39, 40.

1. Не должно читать священнаго Писанія урывками и
легкомысленно.—2. Іудеи будутъ имѣть своимъ обвините-
лемъ самого Моисея. — 3. Опроверженіе предлоговъ и пу-
стыхъ извиненій іудеевъ.—Ихъ злоба и жестоковѣдность.—
Добродѣтель мать благоразумія.—Грѣхъ рождается отъ глу-
пости.—Мудрость того кто боится Бога, и неразумность того,
кто не боится Его. 271—276

БЕСѢДА XLII на Іоан.. VI, 1—4.

1. Полезно иногда удаляться отъ гонительства.—2. Чудо
умноженія хлѣбовъ.—Заблужденіе маркіонитовъ.—3. Съ ка-
кимъ тщаніемъ Іисусъ Христосъ назидаетъ своихъ учени-
ковъ совершеніемъ чудесъ.—4. Должно презирать славу че-
ловѣческую и богатства земли.—Почести и богатства міра
сего несравнимы съ почестями и благами, обѣщанными намъ
Богомъ.—Нужно любить не эту преходящую славу, а славу
бессмертную.—Различіе между служеніемъ міру и служе-
ніемъ Іисусу Христу.—Противъ зрѣлищъ.—Преступность
тратить деньги на женщинъ худой жизни, вмѣсто того, чтобы
раздавать ихъ бѣднымъ. 276—284

БЕСѢДА XLIII на Іоан. VI, 16 18.

1. Іисусъ Христосъ утишаетъ бурю.—Нѣкоторые чу-
деса Онъ совершаетъ при однихъ только ученикахъ.—2. Не-
постоянство и легкомысліе народа.— Чудо перехода чрезъ
Чермное море и отличіе его отъ чуда хожденія Іисуса Хри-
ста по морю.—Отъ Бога нужно просить только духовныхъ
благъ.—Почему злодѣи и грѣшники часто бываютъ бога-
тыми?—Должно любить истинное богатство 284—288

БЕСѢДА XLIV на Іоан. VI, 26, 27.

1. Должно заботиться не о пищѣ тѣла, а о пищѣ души.—
2. Нужно просить у Бога того, что пристойно просить у

Него. — Удовольствія и скорби, блага и бѣдствія міра сего не имѣють въ себѣ ничего дѣйствительнаго. — Не нужно поэтому желать однихъ и бояться другихъ. — Въ другомъ мірѣ все вѣчно, — наказанія и награды. — Изображеніе благъ жизни настоящей и жизни будущей 288—292

БЕСѢДА XLV на Іоан. VI, 29, 30.

1. Слостолюбіе есть погибель для души. — 2. Что такое хлѣбъ жизни? — 3. Необходимость вѣры и благодати для спасенія. — Іисусъ Христосъ часто говорилъ о воскресеніи, и причина этого. — 4. Частое напоминаніе о воскресеніи побуждаетъ избѣгать ала и дѣлать добро. — Воскресеніе и судъ разрушаютъ рокъ. — Ничто не совершается по необходимости или случайно. — Несомнѣнность воскресенія и суда: людей безъ вѣры постигнетъ то же, что и невѣрующихъ во времена потопа и Лота. — Кончина міра внезапно постигнетъ людей. — Доказательства несомнѣнности воскресенія и страшнаго суда. 292—300

БЕСѢДА XLVI на Іоан. VI, 41, 42.

1. Богъ привлекаетъ къ себѣ людей, не подавляя имъ свободы воли. — Опроверженіе манихеевъ по этому предмету. — 2. Различіе между манной и истиннымъ хлѣбомъ жизни. — 3 и 4. Величіе и прензбыточность любви Іисуса Христа въ божественной евхаристіи. — Сущность и значеніе евхаристіи для нашего спасенія. — Кто недостойно причащаются тѣла и крови Господней, будутъ наказаны какъ распинавшіе Его . 300—306

БЕСѢДА XLVI на Іоан. VI, 35, 54.

1. Продолженіе разсужденія о значеніи св. евхаристіи. — 2. Ученики находятъ жестокимъ слово Учителя. — 3. Укоры и порицанія нужно дѣлать съ простотою. — 4. Предсказаніе о предательствѣ Іуды. — Наше спасеніе, какъ и наша погибель зависятъ отъ нашей свободы воли. — 5. Примѣръ Іуды долженъ служить предостереженіемъ для тѣхъ, кто занимаютъ высшее положеніе. — Алчность, бывшая причиной предательства Іуды, можетъ служить причиной погибели и для каждаго изъ насъ. — Презирать бѣдныхъ, значитъ предавать Іисуса Христа. — Безполезнаго богатствъ и злоупотребленіе ими. — Нужно презирать всѣмъ временнымъ и искать только вѣчнаго. 307—316

БЕСѢДА XLVIII на Іоан. VII, 1, 2.

1. Ревнивость іудеевъ и невѣріе родственниковъ Іисуса Христа. — 2. Іаковъ, братъ Господень, первый епископъ іерусалимскій. — 3. Нужно подражать кротости и благодати Іисуса Христа. — Нужно терпѣливо сносить насмѣшки, неправды и оскорбленія. — Гнѣвъ и его послѣдствія. — Средства противъ него 316—321

БЕСѢДА XLIX на Іоан. VII, 9, 10.

1. Іисусъ Христосъ поступалъ иногда почеловѣчески, чтобы дать намъ наглядный примѣръ. — 2. Объявленіе Имъ о своемъ равенствѣ Богу-Отцу и ярость іудеевъ. — 3. Обвиненіе Его въ нарушеніи субботы. — Значеніе добродѣтели въ этой и будущей жизни 821—827

БЕСѢДА I на Іоан. VII, 25, 26.

1. Споры іудеевъ касательно Іисуса Христа. — 2. Іисусъ Христосъ изобличаетъ ихъ и доказываетъ, что они намѣренно отвергаютъ Его, зная, что Онъ есть Мессія. — 3. — Онъ предсказываетъ о своей смерти. — Благотворительность къ бѣднымъ и наказаніе тѣмъ, кто не совершаютъ ея . . . 828—834

БЕСѢДА LI на Іоан. VII, 37, 38.

1. Слушатели слова Божія должны имѣть горячую жажду къ нему. — 2. Духъ Святой былъ уже данъ людямъ Ветхаго Завѣта, но апостолы получили его съ наибольшею полностію. — 3. Послѣдствія злобы. — Желая дѣлать зло другимъ, люди причиняютъ погибель самимъ себѣ. — Зло испѣляется не зломъ, а добромъ 834—839

БЕСѢДА LII на Іоан. VII, 45, 46.

1. Истина открывается искреннимъ и добрымъ душамъ, и скрывается отъ душъ злыхъ. — 2. Никодимъ защищаетъ Іисуса Христа противъ навітовъ фарисеевъ. — 3. Возраженіе еретиковъ и отвѣтъ на него. — Іисусъ Христосъ объявляетъ о своемъ единосущіи съ Отцомъ. — 4. Злословить на Сына значитъ богохульствовать на Отца. — Должно славословить Сына словами и дѣлами. — Чего Богъ требуетъ отъ христіанина. — Нужно избѣгать алчности и хищничества, какъ постыдныхъ для христіанина 839—846

БЕСѢДА LIII на Іоан. VII, 20.

1. Глупость и ожесточеніе іудеевъ. — 2. Бесѣдуя съ іудеями, Іисусъ Христосъ показываетъ имъ свое единство съ Богомъ Отцемъ. — 3. Чтобы получить спасеніе, нужно усердно читать св. Писаніе. — Должно посѣщать церковь, чтобы слушать Слово Божіе. — Надлежитъ тщательно изучать св. Писаніе; польза его и получаемые отъ него плоды . . 846—852

БЕСѢДА LIV на Іоан. VIII, 31, 32.

1. Іисусъ Христосъ общается іудеямъ, что если они будутъ соблюдать Его ученіе, то оно избавитъ ихъ отъ раб-

ства грѣху.—2. Если бы они были истинными сынами стран. Авраама, то не искали бы Его смерти.—3. Не будучи сынами Авраама, они еще меньше сыны Божіи: діаволъ ихъ отецъ.—4. Чтобы постигнуть и познать истину, нужно вести добрую и праведную жизнь.—Нужно всѣми силами стремиться къ достиженію царства Божіа.—Какъ его достигнуть . . . 352—359

БЕСѢДА LV на Іоан. VIII, 48, 49.

1. Сильно побороть нужно то, что говорятъ противъ Бога, и терпѣть то, что говорятъ противъ насъ.—2. Опроверженіе аномеевъ и аріанъ.—3. Должно пользоваться временемъ, не отлагая своего обращенія.—Изображеніе завистливыхъ и зависти . . . 359—364

БЕСѢДА LVI на Іоан. IX, 1, 2.

1. Испыленіе слѣпорожденного.—2. Давая зрѣніе слѣпорожденному, Іисусъ Христосъ доказалъ іудеямъ, что Онъ Творецъ.—3. Опроверженіе мнимаго противорѣчія между ап. Павломъ и Іисусомъ Христомъ.—Блаженство вѣчнаго отечества и что необходимо для его достиженіе.—Бѣдныя создаютъ намъ жилища на небѣ.—Увѣщаніе къ милостынѣ. 365—371

БЕСѢДА LVII на Іоан. IX, 6—7.

1. Вѣра слѣпорожденного.—Благость Божія ко всѣмъ безъ различія людямъ.—2. Необходимость вѣры.—Есть худой миръ и есть добрая война. — Должно избѣгать злыхъ людей и держаться добрыхъ.—Общество злыхъ людей пагубнѣе язвы . . . , . . . 371—377

БЕСѢДА LVIII на Іоан. IX, 17—18.

1. Іудеи, желая опровергнуть чудо испыленія слѣпорожденного, еще блистательнѣе подтверждаютъ его.—2. Распрашиваемый фарисеями, слѣпорожденный отвѣчаетъ имъ смѣло и славословить Бога.—3. Ярость и разочарованіе фарисеевъ.—4 и 5. Что написано въ св. Писаніи, должно служить поучительнымъ для насъ примѣромъ.—Испыленный слѣпорожденный какъ образецъ христіанскихъ добродѣтелей. — Нерадѣніе и безпечность въ дѣлахъ религіи. — Не должно терять времени и съ жаждою нужно стремиться къ познанію истины. . . . 377—385

БЕСѢДА LIX на Іоан. IX, 34 и слѣд.

1. Похвала Іисуса Христа слѣпорожденному за его смѣлость и твердость въ вѣрѣ.—2. По какимъ признакамъ можно различать хищника и пастыря.—3. Іисусъ истинный

пастырь и истинный Христосъ.—4. Мы должны послушно слѣдовать за Иисусомъ Христомъ какъ нашимъ истиннымъ пастыремъ и слушаться Его голоса.—Нельзя служить Богу и мамонѣ.—Объ истинномъ употребленіи богатствъ.—Утѣшаніе къ мироотынѣ 385—393

БЕСѢДА LXI на Іоан. X, 22—24.

1. Худые пастыри.—Новое подтвержденіе равенства Сына съ Отцемъ.—2. Намекъ на призваніе язычниковъ.—Какъ Иисусъ Христосъ имѣетъ власть оставить свою жизнь и опять принять ее.—3. Споръ среди іудеевъ касательно Иисуса Христа.—4 и 5. Нужно подражать Иисусу Христу какъ нашему образцу.—Обязанности Его учениковъ и послѣдователей.—Великая награда тѣмъ, которые утѣшаютъ узниковъ 393—404

БЕСѢДА LX на Іоан. X, 14—15.

1. Двучинность и упорное невѣріе іудеевъ.—2. Всомогущество Отца есть въ то же время и всомогущество Сына.—Подтвержденіе божества Иисуса Христа.—3 и 4. Удаленіе Иисуса Христа, отвергнутаго іудеями, въ то мѣсто, гдѣ свидѣлствовалъ о немъ Іоаннъ Креститель.—Полезь удаленія отъ міра и его тревоженій.—Изображеніе христіанской женщины.—Противъ роскоши женщинъ 404—412

БЕСѢДА LXVII на Іоан. XI, 1 и 2.

1. Трудность вопроса о Маріи, сестрѣ Лазаря.—Иисусъ Христосъ еще разъ заявляетъ о равенствѣ Своемъ съ Богомъ Отцомъ.—2. Смыслъ изреченія ап. Ѳомы.—Иисусъ Христосъ отправляется въ Внеанію для воскрешенія Лазаря.—3. Я есмь воскресеніе и жизнь.—Почему Иисусъ Христосъ отлагалъ воскрешеніе Лазаря, пока онъ не сталъ смердеть?—4 и 5. Противъ обычая женщинъ чрезмѣрно оплакивать умершихъ.—Соблазнъ для язычниковъ.—Скорбь объ умершихъ должна быть умѣренна.—Милостыня и молитвы за умершихъ.—Оплакивать умершихъ позволительно, но не чрезмѣрно 412—421

БЕСѢДА LXIII на Іоан. XI, 30, 31.

1. Прибытіе Иисуса Христа въ Внеанію.—Иисусъ Христосъ прослезился о Лазарѣ.—2. Иисусъ Христосъ предъ открытымъ гробомъ, въ которомъ тѣло начало разлагаться.—3 и 4. Вѣра есть великое благо и источникъ многихъ благъ.—Неоспоримое доказательство воскресенія Иисуса Христа.—Противъ прелюбодѣвъ 421—428

БЕСѢДА LXIV на Іоан. XI, 41, 42.

1. Изъ снисхожденія къ слабости слушателей Іисусъ Христосъ не всегда говорилъ какъ Богъ.—2. О равенствѣ Сына съ Отцомъ.—3. Смущеніе фариисеевъ по случаю воскресенія Лазаря. — Они замышляютъ убить Виновника жизна.—4. Противъ зависти.—Кого собственно нужно оплакивать 428—436

БЕСѢДА LXV на Іоан. XI, 48, 50.

1. Невольное пророчество первосвященника Каиафы.—2. Удаленіе Іисуса Христа и пребываніе Его у Лазаря.—3. Грѣхъ любостыжанія.—Изображеніе тѣхъ, кто заражены этимъ зломъ.—Алчность есть своего рода идолопоклонство.—Сила ея власти. 436—442

БЕСѢДА LXVI на Іоан. XII, 9.

1. Замыселъ фариисеевъ убить Лазаря.—Вступая въ Іерусалимъ на ослати, Іисусъ Христосъ исполнилъ пророчество и предобразилъ обращеніе язычниковъ.—Невѣдѣніе учениковъ до смерти Іисуса Христа.—2. Язычники, пришедшіе на праздникъ, желаютъ видѣть Іисуса Христа.—3. Неизвиняемость тѣхъ, кто не вѣрятъ въ воскресеніе тѣла.—Смыслъ и значеніе воскресенія.—Нравы и обычаи языческихъ философовъ.—Книга, написанная языческимъ философомъ противъ христіанъ. 442—448

БЕСѢДА LXVII на Іоан. XII, 24—26.

1. О томъ, кто любя свою жизнь, губить ее.—2. Крестъ какъ путь къ славію. — Изгнаніе діавола изъ міра смертію Іисуса Христа. — 3. Предсказаніе Іисуса Христа о своемъ воскресеніи и побѣдѣ.—Противъ алчности, стремящейся къ разворованію другихъ. 448—453

БЕСѢДА LXVIII на Іоан. XII, 34.

1. Смерть не препятствуетъ Іисусу Христу пребывать вѣчно.—2. Пророчества не принуждаютъ буквально понимать различные способы выраженія Св. Писанія.—3. Нужно всячески стараться о томъ, чтобы не отчуждаться отъ Бога.—О человеколюбіи къ ближнимъ. 454—458

БЕСѢДА LXIX на Іоан. XII, 42, 43.

1. Любостыжаніе очень опасная болѣзнь.—2. О единосущіи Отца и Сына.—3. Должно избѣгать тщеславія, ядъ

котораго распространяется повсюду.—Противъ роскоши женщинъ.—Увѣщаніе къ милостынѣ.—Женщины должны оставить роскошь, чтобы можно было располагать своихъ мужей къ подаванію милостыни. 459—463

Книга вторая.

БЕСѢДА LXX на Іоан. XIII, 1.

1. Благость Іисуса Христа къ своимъ врагамъ и ко всѣмъ людямъ.—2. Мнѣніе, что Іисусъ Христосъ прежде всего омылъ ноги Іудѣ.—Омовеніе ногъ было превосходнымъ урокомъ смиренія, преподаннымъ Господомъ своимъ ученикамъ.—3. Должно пешихъ о вдовахъ и сиротахъ. 467—472

БЕСѢДА LXXI на Іоан. XIII, 12.

1. Ожесточеніе Іуды.—Отношеніе Іисуса Христа къ своимъ ученикамъ какъ назидательный примѣръ для господъ, жестокихъ къ своимъ слугамъ.—2. Къ объясненію урока смиренія, преподавшаго Господомъ.—3. Не тотъ несчастенъ, кто терпитъ обиды, а тотъ, кто причиняетъ ихъ.—Примѣры древнихъ.—Іосифъ и Моисей какъ образцы кротости и терпѣнія.—Исторія Іосифа.—Нужно прощать, чтобы получить прощеніе отъ Бога. 472—477

БЕСѢДА LXXII на Іоан. XIII, 20.

1. Почему св. Іоаннъ возлежалъ на груди Іисуса Христа, когда всѣ другіе ученики находились въ страхѣ.—2. Безчувствіе Іуды.—Зачѣмъ въ сонѣ учениковъ былъ кошелекъ.—3. Бесѣда послѣ тайной вечери.—Не чудеса, а чело-вѣколюбіе составляютъ признакъ учениковъ Іисуса Христа.—Упреки, которые язычники дѣлали христіанамъ.—Въ чемъ ученики проявляли свое чело-вѣколюбіе.—Язычники замѣчали пороки и недостатки христіанъ и дѣлали ихъ предлогомъ уклоненія отъ принятія христіанской вѣры. 478—485

БЕСѢДА LXXIII на Іоан. XIII, 36.

1. Жизнь и ревность ап. Петра.—Любовь ничто безъ благодати.—Предсказаніе паденія ап. Петра.—2. Іисусъ Христосъ, чтобы не опечаливать своихъ учениковъ, скрывалъ отъ нихъ нѣкоторыя вещи.—Еще свидѣтельство о равенствѣ Сына съ Отцомъ.—3. Необходимо заботиться о смѣтлѣи всѣхъ нечистотъ души.—Прежде всего ихъ омываетъ крещеніе, затѣмъ милостыня.—Порокъ хищничества.—Дѣлать мило-

стыню изъ похищеннаго преступно.—Лучше совсѣмъ не дѣ- СТРАН.
 лать дѣлъ милосердія, чѣмъ дѣлать ихъ изъ плодовъ хищ-
 ничества. 486—492

БЕСѢДА LXXIV на Іоан. XIV, 8, 9.

1. Единосушіе Іисуса Христа съ Богомъ Отцомъ.—
 2. Власть и всемогущество Іисуса Христа.—3. Должно слѣ-
 довать за Іисусомъ Христомъ и нести крестъ Его.—Жертво-
 приношеніе новозавѣтное неизмѣримо выше ветховозвѣтнаго.—
 Въ чемъ состоитъ жертва христіанина.—Подавленіе страстей.—
 Любовь къ богатству и ея тиранія.—Люди долго не знали
 золота и серебра, откуда рождается любостязаніе.—О мило-
 стынѣ 492—497

БЕСѢДА LXXV на Іоан. XIV, 15—17.

1. Богу благоугодно, чтобы Его любили творенія.—Про-
 тивъ савеліанъ и тѣхъ, кто отрицаетъ Духа Святаго.—2. О
 величій силы Духа Святаго въ апостолахъ.—3. Утвержденіе
 учениковъ Іисусомъ Христомъ.—4. Въ чемъ Отецъ выше
 Сына.—5. Сила, могущество и дѣйственность Св. Духа.—Не-
 естественность пороковъ.—Подчиненіе плоти духу есть
 наилучшее средство для пріобрѣтенія вѣчныхъ благъ. . . 497—505

БЕСѢДА LXXVI на Іоан. XII, 31; XV, 1.

1. Страхъ учениковъ предъ смертію Іисуса Христа.—
 Притча о виноградной лозѣ и виноградарѣ и ея значеніе.—
 2. Спаситель многое говорилъ примѣнительно къ своимъ
 слушателямъ.—Величіе любви, ея непобѣдимость и польза.—
 Превосходныя свидѣтельства о Его любви.—Противъ хищ-
 ничества и алчности.—Зло, причиняемое богатствомъ и алч-
 ностью.—Іисусъ Христосъ искупилъ насъ, а мы служимъ
 мамонѣ.—Какъ достигнуть совершенства добродѣтели.—По-
 хвала бѣдности. 505—511

БЕСѢДА LXXVII на Іоан. II, 12.

1. Можно ли отдѣлить любовь къ Богу отъ любви къ ближ-
 нему.—2. Іисусъ Христосъ утѣшаетъ своихъ учениковъ.—
 3. Последнее утѣшеніе—обѣтованіе Св. Духа.—4 и 5. Раз-
 личные способы утѣшенія въ скорбяхъ.—Хотя добродѣтель
 трудна, но славны производимые ею плоды.—Утѣшаніе къ
 милостынѣ.—Нужно довольствоваться необходимымъ.—Откуда
 происходитъ безчеловѣчіе къ бѣднымъ?—Изъ алчности . . 511—519

БЕСѢДА LXXVIII на Іоан. XVI, 4—6.

1. Печаль имѣетъ свою пользу.—Противъ духовор-
 цевъ.—2. Что значить: обличить *о грѣхъ, о правдѣ, о судѣ*.—

3. Различіе ипостасей или лицъ, равенство лицъ.—Валенти- отран.
ніане, маркіониты, аномен.—4. Сила единенія и согласія.—
Превосходство человеколюбія.—Человеколюбіе укрѣпляется
молитвой, совершеніемъ св. таинъ, назиданіями церковными. 519—527

БЕСѢДА LXXIX на Іоан XVI, 16—18.

1. Утѣшеніе ученикамъ.—2. Они получаютъ отъ Отца
все, чего будутъ просить во имя Сына.—3—5. Какъ можно
побѣдить міръ.—Смерть не дѣлаетъ человека смертнымъ, а
побѣда дѣлаетъ его безсмертнымъ.—Сравненіе воскресенія съ
рожденіемъ.—Тѣлѣ тѣла не препятствуетъ воскресенію.—
Противъ мстительности.—Увѣщаніе къ милостынѣ. . . . 527—535

БЕСѢДА LXXX на Іоан. XVII, I

1. Опроверженіе аріанъ и аномианъ, порицавшихъ бо-
жество Іисуса Христа.—2. Сынъ Божій есть едино съ От-
цомъ.—3. Мы можемъ приобщаться къ славѣ Іисуса Христа
по нашей способности, по нашей вѣрѣ и дѣламъ. Блага,
которыми мы владѣемъ, не наши.—Мы все дѣлаемъ для тѣла,
и ничего для души.—Съ умноженіемъ потребностей умно-
жается число слугъ.—Господинъ становится рабомъ своихъ
слугъ.—Истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобы не нуж-
даться ни въ комъ 536—542

БЕСѢДА LXXX на Іоан. XVII, 6.

1. Еще о равенствѣ и единосущіи Сына съ Отцомъ.—
2. Іисусъ Христосъ, приспособляясь къ разумнію своихъ
учениковъ, поручаетъ ихъ попеченію Отца, какъ будто самъ
не имѣлъ возможности защитить ихъ.—3. Не нужно быть
младенцемъ въ мудрости.—Нужно слѣдовать совѣту апостола
не только для того, чтобы приобрѣсть разумніе, но для того,
чтобы праведно вести свою жизнь.—Не слушая небеснаго,
большинство людей, подобно дѣтямъ, увлекаются земнымъ.—
Грѣхъ любостыжанія.—Въ чемъ состоитъ истинное богат-
ство.—Увѣщаніе къ милостынѣ.—Слава и дѣятвенность ми-
лостыни. 542—547

БЕСѢДА LXXXII на Іоан. XVII, 14.

1. Ученики Христовы не отъ міра сего.—О равенствѣ
Сына съ Отцомъ.—2 Іисусъ Христосъ призываетъ своихъ
учениковъ къ міру и единенію, которые скорѣ привлекутъ
къ нимъ людей, чѣмъ чудеса.—3. Никто не знаетъ Бога,
кромѣ тѣхъ, кто знаетъ Сына.—4. Должно вѣровать въ Бога
и любить Его.—Богъ даетъ намъ случай для дѣланія добра.—
Пороки христіанъ.—Они въ церковь часто приходятъ только
для того, чтобы поглазѣть и показать себя другимъ.—Же-

стокость къ бѣднымъ.—Видя зло, никто не старается устрани- стран.
 нить его; напротивъ, многіе завидуютъ тѣмъ, кто дѣлають
 его, и сердятся, что не могутъ сами дѣлать того же . . . 548—555

БЕСѢДА LXXXIII на Іоан. XVIII, 2.

1. Начало страданій Спасителя.—2. Малъ, раненый ап. Петромъ и изцѣленный Иисусомъ Христомъ, есть тотъ самый слуга, который ударилъ Господа по ланитѣ.—Первое отреченіе ап. Петра.—3. Какъ немощна наша природа, когда оставляетъ насъ Богъ.—Второе и третье отреченіе ап. Петра.—4. Иисусъ Христосъ на судѣ у Пилата.—5. Должно слѣдовать примѣру Иисуса Христа.—Перечень оскорбленій и мукъ, понесенныхъ Спасителемъ ради насъ.—Разсужденіе о причинаемыхъ намъ оскорбленіяхъ.—Слава человѣческая не болѣе какъ тѣнь.—Нужно мало по малу исправлять свои недостатки, сегодня одинъ, завтра другой.—Какъ бы по ступенямъ нужно подниматься къ добродѣтели и совершенству . . . 555—566

БЕСѢДА LXXXIV на Іоан. XVIII, 37.

1. Иисусъ Христосъ учить насъ терпѣнію.—Пилать сначала старается освободить Его.—2. Страхъ овладѣлъ Пилатомъ и побудилъ его произнести неправедный приговоръ.—3. Нужно всегда памятовать о страданіяхъ Иисуса Христа и непрестанно размышлять о нихъ.—Они будутъ служить наилучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ нашихъ скорбей и золь.—Нужно подражать Его кротости и кротости Его апостоловъ, чтобы склонить къ расположенію тѣхъ, кто оскорблялъ насъ.—Гнѣвъ и ложь отъ діавола.—Безъ совершенія добродѣтели жизнь въ мірѣ семъ будетъ безполезной и пагубной для насъ.—Одна вѣра, лишенная добрыхъ дѣлъ, не открываетъ дверей на небо, а навлекаетъ осужденіе.—Можно умереть ежечасно и потому нужно быть постоянно готовымъ къ этому . . . 566—672

БЕСѢДА LXXXV на Іоан. XIX, 16—18.

1. Иисусъ Христосъ распятъ былъ между двухъ разбойниковъ.—Для чего предназначалась надпись на крестѣ Иисуса Христа?—2. Одежда нешвенная.—Почему Иисусъ Христосъ препоручилъ свою мать своему ученику.—Смерть Иисуса Христа была не позоромъ, а славой.—4. Пламенная любовь Маріи Магдалины.—5. Осужденіе пышности погребальныхъ церемоній.—Послѣдній долгъ слѣдуетъ отдавать мертвымъ, но безъ напѣщества.—Смерть распятаго Иисуса показываетъ, что смерть не есть смерть.—Погребать мертвыхъ нужно такъ, чтобы это служило къ славѣ Божіей: должно раздавать щедрыя милостыни . . . 572—584

БЕСѢДА LXXXVI на Іоан. XX, 10, 11.

1. Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа.—2. Марія възвѣщаетъ о немъ апостоламъ.—Почему Іисусъ Христосъ явился вечеромъ своимъ ученикамъ.—3. Благодать Св. Духа непсыкаема.—4. Нужно всячески стараться о томъ, чтобы имѣть въ себѣ Св. Духа и сохранять Его благодать.—Величіе достоинства и должности священниковъ: должно почитать и уважать ихъ, и помогать имъ.—Оскорблять ихъ значитъ вредить самому себѣ 584—591

СТРАН.

БЕСѢДА LXXXVII на Іоан. XX, 24, 25.

1. Почему Іисусъ Христосъ явился ап. Ѳомѣ только чрезъ восемь дней послѣ явленія другимъ ученикамъ.—Почему Іисусъ Христосъ сохранилъ на своемъ тѣлѣ рубцы ранъ.—2. Разность характеровъ апп. Петра и Іоанна: первый былъ живъ и горячъ, второй болѣе возвышенъ и пропипателенъ.—3 и 4. Какое счастье видѣть Іисуса Христа во славі!—Не нужно ничего щадить, чтобы только достигнуть вѣчнаго блаженства.—Созерцаніе будущихъ благъ дѣлаетъ настоящую жизнь простою, пріятною и легкою.—Сила любви.—Сравненіе любви ап. Павла къ Іисусу Христу съ нашею любовію.—Порокъ любостыжанія и способы борьбы съ нимъ.—Неправильное употребленіе земныхъ благъ 591—598

БЕСѢДА LXXXVIII на Іоан. XXI, 15.

1. Переиѣна въ настроеніи ап. Петра послѣ паденія.—Петръ какъ учитель міра.—2. Смиреніе и кротость ап. Іоанна.—3. Добрые плоды изученія и размышленія о словѣ Божіемъ.—Заботы вѣка сего и блага міра сего суть шипы, колющіе насъ со всѣхъ сторонъ.—Духовныя блага услаждаютъ взоръ.—Еще до награды небесной люди получаютъ здѣсь плоды добрыхъ дѣлъ.—Тоже самое и съ дурными дѣлами: еще до ада, они здѣсь производятъ терзанія совѣсти.—Слѣдствія грѣха.—Раскаяніе Ахава, которому нужно подражать чтобы получить прощеніе грѣховъ.—Любостыжаніе разрушаетъ благо, производимое милостыней.—Плоды добрыхъ дѣлъ 599—604

ТВОРЕНІЯ,

приписываемыя св. Іоанну Златоусту и отнесенныя въ изданіи Миня къ разряду Spuria.

На усѣкновеніе главы Предтечи и Крестителя Іоанна и объ Иродіадѣ 607—612

	СТРАН.
О Предтечѣ.	613—615
О первоверховныхъ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, и ихъ славнѣйшемъ мученическомъ подвигѣ.	615—618
О Святыхъ двѣнадцати апостолахъ	619—621
О святомъ апостолѣ Ѳомѣ, и противъ аrianъ, и о томъ, кто во Ѳракинъ захватилъ власть и былъ схваченъ, и что онъ былъ аrianинъ	621—624
О святомъ первомученикѣ Стефанѣ	624—633
На слова: Довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается (2 Кор. xii, 9).	633—645
На притчу о блудномъ сынѣ.	646—653
О плясцѣ Иродіады и объ отсѣченіи главы Предтечи и Крестителя Іоанна	653—657
На слова: собираша іудеи сонмъ и глаголаху: что сотворимъ (Іоан. xi, 47)? Во святой и великій вторникъ	658—660
На притчу о десяти дѣвахъ, и о милостынѣ (Мѣ. xxv, 1). Во святую и великую среду.	661—665
О блудницѣ и фарисеѣ (Лк. vii, 37). Во святой и ве- ликій четвергъ	665—670
О самарянкѣ и на слова: прииде Іисусъ во градъ Самарійскій, глаголемый Сихарь (Іоан. iv, 5).	670—680
О ревности и благочестіи, и о слѣпорожденномъ.	680—695
Слово о лжепророкахъ, и лжеучителяхъ, и объ ерети- кахъ, и о знаменіяхъ кончины вѣка сего. Было сказано въ ожиданіи близкой смерти.	695—715
Слово о циркѣ	715—719
На слова: вземлите милостыни вашей не творити предъ челоуѣки (Мѣ. iv, 1)	719—723
На начало новаго года и о мученикахъ, а также о крово- точивой женѣ.	723—727
Огласительное слово на слова Евангелія: Подобно есть царствіе небесное челоуѣку домовиту, иже изыде купно утро нати дѣлатели въ ви- ноградъ свой, и далъ. (Мѣ. xx, 1—16)	727—737
Бесѣда на притчу о смоковницѣ	737—743
Бесѣда о фарисеѣ	743—745
О Лазарѣ и богачѣ, бесѣда шестая	745—749
Слово о мытарѣ и фарисеѣ	749—754
Бесѣда о слѣпомъ, исцѣленномъ Христомъ, и о Закхѣѣ, и о судѣ, и о милостынѣ.	754—768
Слово о святомъ Іоаннѣ Богословѣ	768—774
Бесѣда объ отреченіи Петра, и о крестѣ, и о томъ, какъ Іосифъ послужилъ прообразомъ Христа.	774—780
О второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа,	

и на слова: вси бо предстанемъ судищу Христову, и кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу (Римл. xiv, 10, 12).	стран. 780—789
Объясненіе молитвы Отче нашъ (Мѣ. vi, 9—13).	790—791
О блудномъ сынѣ, о покаяніи, о древѣ познанія добра и зла, и о разбойникѣхъ.	791—802
О женахъ мѣроносицахъ, и о томъ, что нѣтъ никакого несогласія или противорѣчія между евангелистами въ разсказѣ о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа.	802—812
На сказанное въ Евангеліи, что іудеи говорили о Спасителѣ: како Сей книги вѣсть не учився (Іоан. vii, 15)? и на слова Спасителя: о дни же томъ никтоже вѣсть (Мѣ. xxiv, 86).	812—826
О хананеянкѣ (Мѣ. xv) ио фараонѣ, и на слова: ни хотѣщаго, ни текущаго, но милующаго Бога (Римл. ix, 16).	826—842
На слова апостола: не еже хочу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣлываю (Римл. vii, 15); и о томъ, какъ Іаковъ былъ прообразомъ Христа; а въ началѣ слово—противъ любителей театральныхъ зрѣлищъ.	842—856
На начало индикта.	857—858
О честномъ Крестѣ.	858—863
На Воздвиженіе честнаго Креста.	864—868
О святомъ апостолѣ Ѳомѣ.	868—875
На вочеловѣченіе Господа нашего Іисуса Христа, и что у каждой страны есть ангелы.	876—895
На святого первомученика Стефана.	895—897
На среднюю седмицу поста.	897—899
На Ваин.	899—905
О святой Дѣвѣ и Богородицѣ Маріи.	905—908
Противъ еретиковъ, и о святой Богородицѣ.	908—913
О предательствѣ (Іудой) Спасителя и проч.	914—920
О разбойникѣхъ, и о предательствѣ (Іудой) Спасителя нашего Іисуса Христа.	920—923
Слово огласительное во святую Пасху.	923—924
На Пасху 1-ое.	924—929
На святую Пасху 2-ое.	929—934
О томъ же предметѣ (о Пасхѣ) 3-е.	934—937
О томъ же предметѣ 4-ое.	937—938
О томъ же предметѣ 5-ое.	938—943
О томъ же 6-ое.	944—957
На ту же Пасху слово 7-ое и послѣднее.	957—971
На соборъ архангеловъ.	971—973
О покаяніи, и объ Иродѣ и Іоаннѣ Крестителѣ.	973—987